

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

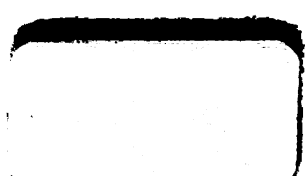
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QC

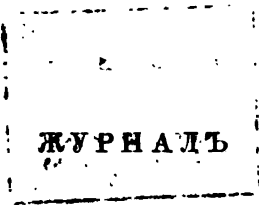
23

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

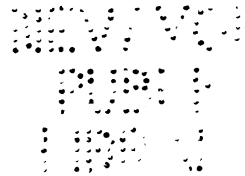
М. КАТКОВЫМЪ.

48

48

ТОМЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

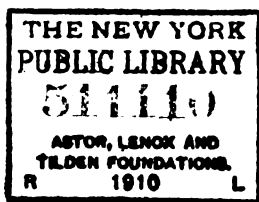
48

МОСКВА.

**Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).**

1863.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 3-го декабря 1863 г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВО ФРАНЦІИ

I.

Многіе называютъ февральскую революцію несчастнымъ случаемъ, и не хотятъ видѣть въ ней исторической необходимости. Намъ кажется, что какъ этотъ, такъ и всѣ другіе перевороты во Франціи, суть необходимое послѣдствіе ея внутренней организаціи, или, лучше сказать, послѣдствіе совершеннаго отсутствія живой организаціи и замѣны ея мертвымъ механизмомъ администраціи. Ришелье, Лудовикъ XIV, конвентъ и Наполеонъ I употребляли всѣ свои усилія, всѣ свои средства, весь свой геній на то, чтобы съ одной стороны заглушить всякое самостоятельное проявленіе общественной жизни въ странѣ, подавить всѣ ея живыя силы и все стянуть къ административному центру.

Стремленія столькихъ историческихъ дѣятелей, столь упорно поддерживаемыя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не могли не привести къ желаемой цѣли. Вся Франція обратилась въ огромную, безжизненную, безразличную массу, по которой протягивались, будто телеграфическія проводаки, вѣти строго дисциплинированной администраціи. Всѣ эти вѣти чужды той мѣстной жизни, съ которою онѣ приходятъ въ соприкосновеніе; онѣ не связываются съ нею, не выходятъ изъ нея, а получаютъ свое механическое движеніе

изъ правительственнаго центра и къ нему же притягиваютъ все что ему нужно,—людей, деньги, продукты. Такимъ образомъ, вся національная жизнь сосредоточилась въ одномъ Парижѣ; въѣ его остались одни префекты и мэры, послушнѣйшіе исполнители приказаній получаемыхъ изъ Парижа. Что этимъ господамъ за дѣло, удобны ли эти приказанія для мѣстныхъ жителей, согласны ли они съ ихъ потребностями и желаніями? Впрочемъ, и сами мѣстные жители успѣли привыкнуть къ тому чтобы на ихъ потребности не обращалось вниманія; они слишкомъ давно убѣдились въ совершенной бесполезности имѣть какія-либо желанія, не вполнѣ согласныя съ тѣми, которыя высказываются къмъ-то въ Парижѣ.

Этотъ *кто-то* называется то королемъ, то регентомъ, то первымъ министромъ, то конвентомъ, то директоріей, то первымъ консуломъ, то императоромъ, то опять королемъ-помазанникомъ или королемъ-гражданиномъ, то временнымъ республиканскимъ правительствомъ, то президентомъ республики, то опять императоромъ и т. д. Для всей Франціи, кромѣ Парижа, это совершенно одно и то же. Всѣ адреса, всѣ рѣчи, обращаемыя изъ провинцій къ этимъ перемѣннымъ властителемъ, несмотря на разнообразіе формъ и слога, выражаютъ только слѣдующее: мы васъ любимъ, враговъ вашихъ ненавидимъ, не требуйте отъ насъ слишкомъ много денегъ и оставьте насъ въ покоѣ. Хорошо, еслибы вы убавили налоги, да провели кое-гдѣ желѣзныя дороги и каналы; но вѣдь вы этого не сдѣлаете! Впрочемъ, вы умѣе насъ, знаете все лучше, а потому дѣлайте что хотите, и не мѣшайте намъ спать.

Повидимому, какъ бы легко было управлять такимъ покорнымъ народомъ, который слушается каждаго правительства, хотя сердечно и не привязанъ ни къ которому изъ нихъ. Стоить только быть сильнѣе своихъ соперниковъ въ Парижѣ, и дѣло кончено. Кончено, но только не надолго: одна ошибка въ Парижѣ,—и правительство самое сильное не найдетъ себѣ нигдѣ опоры. При каждой смутѣ въ Парижѣ французское правительство похоже на игрока, который ставитъ все свое состояніе на одну карту: если эта карта выиграла, его состояніе удвоилось; если она убита, ему остается только спастись бѣгствомъ, чтобы не потребовали отъ него болѣе чѣмъ состоянія. Конечно, искусный игрокъ можетъ до

нѣкоторой степени опредѣлять заранѣе выгодные и невыгодные шансы: теорія вѣроятностей укажетъ ему нѣкоторые законы. Старая бурбонская династія, старая республиканская партія, первый императоръ, поочередно играли въ эту игру, и послѣ первыхъ неудачъ поочередно выигрывали. Лудовикъ Филиппъ былъ слишкомъ счастливъ въ началѣ, не остерегся потомъ, и вслѣдствіе того долженъ былъ проиграть подъ конецъ.

Еслибы Лудовикъ Филиппъ не былъ, подобно своимъ предшественникамъ и преемникамъ, Французомъ съ головы до ногъ; еслибы онъ не игралъ въ формы и политику, а заглядывалъ глубже въ потребности народа; еслибы онъ, подобно всѣмъ, не сосредоточивалъ всей власти въ одной администратіи, а подѣлился ею [время съ тѣми] жизненными органами, которые успѣли сохраниться отъ старыхъ временъ, или возникли вновь послѣ долговременнаго броженія; еслибы онъ ослабилъ доведенную до неаѣности административную централизацию; еслибы онъ [вѣрилъ въ представительное правленіе и не почиталъ его пустою фôrмой, одною „конституціонною хартіей“; еслибы онъ не думалъ, что мелкими условіями и удовлетвореніемъ эгоизму отдѣльныхъ лицъ можно заглушить дѣйствительныя народныя потребности;—то враги его были бы побѣждены имъ въ 1848 году, какъ были побѣждаемы неоднократно и прежде. Общественное мнѣніе поддержало бы его и тогда, какъ поддерживало прежде. Чтò между тѣмъ сдѣлалъ Лудовикъ Филиппъ въ продолженіи восемнадцати лѣтъ своего царствованія, для того чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе? Давать неисполнимыя обѣщанія, говорить искусныя рѣчи, расточать льстивыя фразы и дружескія рукожатія, ходить съ зонтикомъ подъ мышкой, пропѣть марсельезу передъ воспитанниками Сель-Сирской школы,—все это можетъ доставить временную популярность, но не положить прочнаго основанія монархіи въ любви народной. Послѣ революціи 1830 года формы нѣсколько измѣнились, устранено было ненавистное мнѣніе іезуитовъ, печать получила до нѣкоторой степени свободу; но подати остались тѣ же, или даже увеличились; гнетъ покровительственной системы на всѣхъ потребителей, развитіе фабричнаго индустриализма на счетъ промышленности и земледѣія оставались попрежнему; блескъ и роскошь Паржа продолжали поглощать всѣ жизненныя силы Франціи;

мѣстные интересы были попрежнему пренебрегаемы; правительство попрежнему искало опоры только въ войскѣ и въ усердныхъ чиновникахъ, какъ будто эти орудія могутъ имѣть собственную силу, не заимствованную отъ всей націи.

Въ продолженіи всего своего царствованія Лудовику-Филиппу приходилось бороться съ тремя различными врагами, которые всѣ одинаково добивались верховной власти и потому, непріязненные ему, были столь же враждебны и между собою. Онъ торжествовалъ надъ ними, пока они дѣйствовали порознь; но когда они соединились, онъ долженъ былъ пасть, и въ одну ночь, неожиданно, лишился плодовъ всѣхъ своихъ восемнадцатилѣтнихъ усилій и удовокъ.

Враги эти были: легитимисты, бонапартисты и республиканцы.

Легитимисты были личные противники Лудовика-Филиппа: въ нихъ сосредоточивался весь остатокъ прежнихъ роялистовъ, и, главное, къ нимъ примыкало все духовенство и крестьяне, бывшіе отчасти подъ вліяніемъ старыхъ фамилій, отчасти подъ вліяніемъ духовенства. Послѣ неудачной попытки герцогини Беррійской, роялисты не въ силахъ были отважиться на какое-нибудь энергическое предпріятіе, но въ сферѣ интригъ, клеветы, въ той неудовимой мелкой войнѣ противъ правительства, къ которой способна всякая побѣжденная партія, они были сильны, и если сами не могли нанести рѣшительнаго удара, то въ соединеніи съ другою какою-нибудь партіей могли одержать побѣду.

Бонапартисты были немногочисленны и не имѣли глубокихъ корней въ народѣ. Хотя воспоминанія о Наполеонѣ I, о побѣдахъ великой арміи, о пирамидахъ, Маренго, Аустерлицѣ, и наконецъ, скорбь о пораженіи при Ватерлоо, объ орлѣ прикованномъ къ скалѣ среди океана и пр. и пр. часто встрѣчались въ литературѣ, однако всѣ эти возгласы все еще были слѣдствіемъ привязанности къ Наполеоновской династіи, а были только косвеннымъ выраженіемъ вражды къ правительству и косвеннымъ обѣщаніемъ доставить націи, при другомъ правительствѣ, славу, войску побѣды и, главное, доставить случай отмстить за Ватерлоо. Преждевременныя попытки Лудовика-Наполеона въ Стразбургѣ и Булони окончательно ослабили эту партію, и она была почти забыта, разумѣется, до того времени, когда наступила очередь ея игорныхъ шансовъ.

Теперь очередь эта была за республикой, хотя привер-

желды республики были весьма немногочисленны (наканунъ февральской революціи самъ Ледрю-Ролленъ насчитывалъ ихъ только три тысячи человекъ); но они были увѣрены въ своея успѣхъ. Эта увѣренность придавала энергію небольшому кружку теоретическихъ республиканцевъ. Хотя на практикѣ Французы, по своему историческому развитію, по своимъ правамъ, по своему общественному устройству и, наконецъ, по своему славоблюбивому характеру, менѣе всѣхъ народовъ способны къ республиканской формѣ правленія, но мода, предельная смѣлость, желаніе казаться передовыми людьми всего свѣта—привлекали молодежь на сторону республиканцевъ. Прошло цѣлое полу столѣтіе послѣ первой революціи, и во Французяхъ изгладилось воспоминаніе о террорѣ и всѣхъ его послѣдствіяхъ; преданія о республиканскомъ времени окрасились даже розовымъ цвѣтомъ.

Первая революція уничтожила аристократію; Наполеонъ и реставрація старались создать ее снова. Вторая, то-есть июльская революція, уничтожила эти попытки; но мѣсто прежней аристократіи заняло мало-по-малу мѣщанство. Третья революція имѣла успѣхъ потому, что льстила народу уничтоженіемъ мѣщанства.

Возстановить народъ противъ мѣщанства и ея правительства, олицетвореннаго въ Лудовикѣ Филиппѣ, было цѣлю всѣхъ успѣшнѣй республиканской партіи съ самаго 1830 года. Въ этомъ смыслѣ много было сдѣлано ею попытокъ, но всѣ онѣ до 1848 года оставались безъ успѣха и только усиливали власть Лудовика Филиппа.

Первымъ дѣйствіемъ республиканской партіи во Франціи, послѣ июльской революціи, было учрежденіе нѣсколькихъ тайныхъ обществъ, изъ которыхъ важнѣйшее было Общество правъ человека (Société des droits de l'homme) основанное въ 1831 году, и усвоившее себѣ, вмѣсто программы, известную декларацию правъ человека, обнародованную въ 1791 году. Попытка республиканскаго возстанія въ 1832 году оказалась неудачною, но Общество правъ человека не потеряло надежды. Оно стало искать себѣ поддержки между фабричными рабочими; слѣдствіемъ этого было возстаніе рабочихъ въ Лионѣ въ апрѣлѣ 1834 г., окончившееся, впрочемъ, также неудачно какъ и предшествовавшее.

Съ этого времени, характеръ республиканизма измѣняется. Большая часть молодежи высшихъ сословій оставила респуб-

ликанскіе замыслы, и вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на низшіе слои народа. Ученіе Сень-Симона, Фурье и въ особенности Бабефа гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечныя толки о страданіяхъ пролетаріата, существенный смыслъ которыхъ, заключааясь въ слѣдующемъ: „учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми.“

Книга Буонарота, о которой мы говорили въ другомъ мѣстѣ *, заключающая въ себѣ ученіе Бабефа, была распространяема между рабочими, и читалась съ жадностію въ тайныхъ собраніяхъ республиканцевъ. Всѣ средства къ достиженію цѣли считались по этой системѣ позволительными, и потому, при неудачѣ открытыхъ возстаній, приверженцамъ ея казалось естественнымъ прибѣгнуть къ системѣ убійствъ. Отсюда начинается рядъ покушеній на жизнь короля и его семейства. Адибо и Менье принадлежали къ тайному обществу Société des familles. Канисе къ обществу Travailleurs égaux. Дармесь находился также въ связи съ коммунистами бабефовской школы (Société des communistes ou des travailleurs égaux). Вотъ организація этого послѣдняго общества, сходнаго по цѣли и устройству со всѣми другими того же направленія. Каждые семь членовъ составляютъ отдѣлъ, называемый *ремесломъ* (metier), подъ начальствомъ старшины называемаго *работникомъ* (ouvrier); четыре ремесла составляютъ *фабрику*; четыре фабрики *отдѣленіе*. Высшее распоряженіе зависитъ отъ верховнаго комитета, члены котораго, неизвѣстные для прочихъ участниковъ, открываютъ себя только во время сраженія, то-есть при возмущеніи. Манифестъ общества списанный рукою самого Дармеса заключалъ въ себѣ слѣдующія слова: „цѣль, къ которой стремятся члены (les travailleurs), есть дѣйствительное равенство при общности имущества (communauté des biens). Новое направленіе стремится открыть въ прошедшемъ, и особенно въ исторіи революціи, факты благоприятныя

* См. Русскій Вѣстникъ 1860 года кн. V, VI, статьи 1 и 2 „О пролетаріатѣ“, стр. 249.

дѣлу народа, воздать почести людямъ добродѣтельными и застеймить подлецовъ тогдашняго времени. Что касается до настоящаго, то мы внушаемъ рабочимъ (*aux travailleurs*) ненависть ко всему существующему, и совѣтуемъ имъ удалиться отъ мнимыхъ демократовъ, которые, не касаясь сущности общественнаго устройства, стремятся только къ преобразованію политическому.“ Система Бабефа, лежавшая въ основаніи подобныхъ проявленій грубаго коммунизма, очевидно не могла встрѣтить сочувствія между людьми образованными, сколь бы крайнимъ республиканизмомъ они ни увлекались. Нужно было придумать новую болѣе пристойную форму коммунистическому ученію, скрыть наготу всеобщаго грабежа и разрушенія цивилизаціи подъ какими-нибудь философскими и филантропическими сентенціями и придумать какой-нибудь хитросплетенный механизмъ для организаціи общественныхъ отношеній, въ которомъ однакожь заключалось бы то же самое что у Бабефа.

Попытки Сель-Симона были забыты; система Фурье, хотя имѣла небольшое число послѣдователей и свой собственный журналъ, *Le Phalanstère*, была заглушена всеобщими насмѣшками. Соціалистическое ученіе стало прибрѣтать успѣхъ только когда оно обобщило свою фразеологию, идеализировало свои требованія и популяризировало свои упреки существующему порядку. Соціальная реформа, организація труда, защита работы отъ угнетенія капитала и подобныя фразы, — вотъ что сообщило ученію нѣкоторый вѣсъ, придавая произносившимъ эти фразы характеръ передовыхъ людей, видъ какого-то таинственнаго превосходства и высокой мудрости. Слѣдующій романистъ, Евгеній Сю, съ своей стороны, умѣлъ воспользоваться новизною направленія въ своихъ романахъ *Парижскія Тайны* и особенно въ такъ-называемыхъ *Запискахъ камердинера*. При маломъ знакомствѣ Французовъ съ истинами политической экономіи, при всеобщемъ недостаткѣ основательнаго научнаго образованія, при пошломъ господствѣ моды, которая для невѣждъ распространяется и на умозрительныя истины, при желаніи каждаго Француза идти наравнѣ съ вѣкомъ и опасеніи прослыть отсталымъ, при совершенномъ отсутствіи самостоятельности убѣжденій въ огромномъ большинствѣ такъ-называемой образованной публики, соціалистическія задорныя фразы, изложенныя притомъ

подъ завлекательною формою романа, должны были имѣть, и дѣйствительно имѣли успѣхъ.

Главными представителями социалистическихъ ученій были въ сороковыхъ годахъ Кабе, Прудонъ и Луи Бланъ. Первые двое вовсе не признавали личной собственности; послѣдній допускалъ ее временно, пока придуманная имъ организація труда не восторжествуетъ надъ началомъ личности или индивидуализма, и полное братство не сольетъ всѣхъ людей или по крайней мѣрѣ всѣхъ Французовъ въ одно семейство, въ которомъ всѣ будутъ работать по мѣрѣ своихъ способностей и получать по мѣрѣ своихъ потребностей, въ которомъ чувство чести и общественное мнѣнiе будетъ служить контролемъ и надъ работою, и надъ платою. Началомъ осуществленiя этой теорiи должно было служить учрежденiе ассоциатiи между рабочими по различнымъ отраслямъ производства. Эти ассоциатiи должны были состояться безъ содѣйствiя хозяевъ, на капиталъ, собранный посредствомъ равномѣрныхъ взносовъ, или же взятый въ ссуду у правительства.

Въ системѣ Луи Блана не было ничего фантастическаго какъ въ Фаланстерахъ Фурье, ничего идиллическаго какъ въ Икарiи Кабе, и не высказывалось тѣхъ задорныхъ нападенiй на право собственности какъ въ писанiяхъ Прудона. Луи Бланъ какъ будто приковывалъ свою систему къ существующему порядку, и хотя называетъ его безобразнымъ и отжившимъ, но не предлагаетъ уничтожить его внезапно, а напротивъ, посредствомъ придуманныхъ имъ ассоциатiи, думаетъ упразднить этотъ порядокъ постепенно, привести его къ тихой кончинѣ, среди цвѣтущаго благосостоянiя народа, благодѣтельствованнаго социальнымъ преобразованiемъ. Въ предвѣщанiяхъ Луи Блана о возможности совершить радикальный общественный переворотъ безъ насилiя и заключалась, главнымъ образомъ, причина, почему ученiе его, дѣтъ двадцать тому назадъ, имѣло значительный успѣхъ.

Всѣ социалисты-теоретики, въ томъ числѣ и Луи Бланъ, принадлежали къ республиканской партiи. Но почему они полагали, что эта форма правленiя болѣе всякой другой способна прекратить бѣдствiя пролетарiата, это объяснить трудно. Неужели они отказали бы въ сочувствiи и содѣйствiи деспоту, который вздумалъ бы дѣйствовать по ихъ плану? Луи Бланъ, какъ и другiе, основываетъ свое „главное правительство“ на выборѣ, по способу всеобщей подачи

голосовъ; возобновляетъ этотъ выборъ въ известные періоды, и т. д. Но это не сущность его теоріи, и не вытекаетъ непосредственно изъ тѣхъ экономическихъ отношеній, которыя онъ желаетъ установить въ государствѣ, или даже на всемъ земномъ шарѣ. Для него главный вопросъ въ томъ, чтобы не было конкуренціи между частными капиталистами, или лучше сказать, чтобы капиталистовъ вовсе не было, чтобы они сдѣлались излишними, а капиталы какъ орудіе производства, были собственностію государства, то-есть центральной власти, которая будетъ давать ихъ работающимъ, по мѣрѣ надобности. Почему же не можетъ этого дѣлать диктаторъ, первый консулъ, шахъ, султанъ, или какой-угодно распорядитель, строго слѣдующій теоріи? Къ чему тутъ республиканская форма? Она, очевидно, есть какая-то приставка съ боку, которая можетъ быть и не быть, не измѣняя сущности самого вопроса о прекращеніи различія между богатыми и бѣдными.

Если республиканизмъ не составлялъ необходимаго условія для социализма, то социалисты, напротивъ того, были опытными помощниками для республиканцевъ, и послѣдніе очень хорошо понимали это. Черезъ социалистовъ, и притомъ исключительно! черезъ нихъ, республиканцы могли дѣйствовать на массы фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „Друзья мои, вы будете не только могущественны, вы будете богаты; вы будете не только богаты, но вы будете царями, потому что всѣ люди равны, и всѣ люди цари... Да здравствуетъ республика, которая сдѣлаетъ, что не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ!“ и т. д. Фразы эти принадлежатъ именно Луи Блану. Понятно поэтому, что поклонники чистой политической республики не могли такъ сильно дѣйствовать на массы, какъ социалисты. Вотъ почему республиканцы ласкали социалистовъ, такъ сказать кокетничали съ ними, разчитывая, что когда удастся установить республику, они сумѣютъ отдѣлаться отъ безпокойныхъ союзниковъ.

Другимъ, еще болѣе полезнымъ союзникомъ республиканцевъ былъ самъ Лудовикъ Филиппъ! Какъ ни странно повидному это мнѣніе, но оно совершенно справедливо. Лудовикъ Филиппъ, какъ мы уже сказали, не вѣрилъ въ силу народного представительства какъ опоры монархіи. Воспитанный на старыхъ понятіяхъ XVIII вѣка, и соблазненный примѣромъ Наполеона и австрійской системы, онъ смѣшивалъ понятіе о верховной власти съ понятіемъ объ управленіи.

Монархъ есть олицетвореніе верховной власти, и въ этомъ значеніи онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ органовъ управленія. Онъ есть единственный неизмѣнный ключъ того свода, которымъ держится общественное зданіе. Положеніе его въ этомъ значеніи такъ высоко, что личность его умъ, способности, дарованія, или недостатки, не могутъ ни возвысить, ни унижить его, если только онъ понимаетъ свое высокое положеніе, и самъ не захочетъ вмѣшаться въ борьбу партій. Если онъ оставляетъ это высокое положеніе безпристрастнаго судьи, если онъ начинаетъ принимать личное участіе въ выгодахъ которой-нибудь изъ партій, онъ теряетъ свою нравственную силу; ему приходится опираться только на силу матеріальную, силу ненадежную, ибо она можетъ, вмѣсто того чтобъ его поддерживать, обращаться противъ него. Это самое и случилось съ Лудовикомъ Филиппомъ. Достигнувъ престола, съ содѣйствіемъ мѣщанскихъ классовъ и національной гвардіи, онъ погибъ какъ скоро національная гвардія временно перешла на сторону его противниковъ. Лудовикъ Филиппъ забывалъ, что правительство держится нравственною силой общественнаго мнѣнія, и что парламентская форма правленія имѣетъ значеніе лишь только какъ правильная форма выраженія этого мнѣнія. Составивъ, посредствомъ различныхъ хитростей, искусственное большинство въ палатѣ представителей, онъ думалъ опираться на это большинство, и не замѣтилъ, что оно не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ общественномъ мнѣніи. Первоначально, общественное мнѣніе еще склонялось на его сторону вслѣдствіе страха, который наводили на мирныхъ гражданъ республиканскія вспышки: послѣ каждой изъ этихъ вспышекъ, власть короля усиливалась, и хотя его не любили и не уважали, но держались въ виду угрожающаго республиканизма. Когда же, наконецъ, послѣ послѣдняго и легко подавленнаго возмущенія республиканцевъ подъ предводительствомъ Барбеса въ 1839 году, страхъ этотъ миновался и опасность была забыта, общественное мнѣніе отвернулось отъ Лудовика Филиппа и его системы.

Самъ Лудовикъ Филиппъ не боялся республиканцевъ. Зная о ихъ заговорахъ чрезъ шпионовъ, въ числѣ которыхъ были даже знаменитые ихъ предводители, Бланки и Губеръ, онъ не считалъ ихъ опасными, и даже нѣсколько дорожилъ ими, какъ пугаломъ, полезнымъ противъ легитимистовъ и въ особенности противъ династической оппозиціи, которая ратовала не

противъ системы управленія, но была противъ самой династіи орлеанской. Этой оппозиціи Лудовикъ Филиппъ не терпѣлъ всего болѣе. Префектамъ было предписано, въ тѣхъ случаяхъ когда они не надѣялись при выборахъ въ палату доставить торжество кандидату министерства, содѣйствовать кандидату республиканцевъ, и даже кандидату легитимистовъ (которыхъ Лудовикъ Филиппъ почиталъ для себя болѣе опасными чѣмъ республиканцевъ), лишь бы только не доставить торжества династической оппозиціи. Когда Барбесъ былъ приговоренъ къ смерти за коварное убійство поручика Друино, Лудовикъ Филиппъ даровалъ ему жизнь, вопреки мнѣнію совѣта министровъ, и вообще онъ охотно миловалъ республиканцевъ, почитая ихъ безопасными врагами для себя, но полезнымъ страшилищемъ для другихъ, по его мнѣнію, болѣе опасныхъ противниковъ.

Должно сказать однакожь, что республиканцы сами не почитали себя на столько сильными, чтобы пророчить себѣ какой-нибудь серіозный успѣхъ. Эта партія раздѣлялась на два лагеря: къ одному принадлежали приверженцы республики трехцвѣтной или умѣренной, другой состоялъ изъ поклонниковъ республики красной. Къ этому послѣднему лагерю принадлежалъ и Луи Бланъ, чѣмъ, конечно, не совсѣмъ ладить съ его увѣреніями о своей умѣренности и справедливости. Органомъ умѣренныхъ республиканцевъ служила газета *National*, не имѣвшая большого числа подписчиковъ; а органомъ красной республики была газета *La Réforme*, дѣла которой шли такъ плохо, что наканунѣ февральской революціи издатели сами хотѣли прекратить ее и отсрочили закрытіе ея только въ ожиданіи чѣмъ кончатся волненія, возбужденныя реформитскими банкетами. Газета *National* была основана Тьеромъ; потомъ перешла въ руки знаменитаго Арманъ-Кареля, а въ послѣднее время принадлежала Марасту. Газета *La Réforme* основанная Ледрю-Ролленомъ, служила, подъ редакціей Флокова, органомъ ученія Луи Блана. Два эти кружка враждовали между собою; но при наступленіи волненій возбужденныхъ банкетами, они соединились. На совѣщаніи, происшедшемъ подъ открытымъ небомъ во избѣжаніе опасности быть захваченными полиціей, положили: удерживаться отъ всякихъ республиканскихъ криковъ, чтобы не вооружить противъ себя національную гвардію; ограничиться однимъ требованіемъ реформъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дать знать своимъ приверженцамъ

во всей Франціи, чтобъ они, въ случаѣ извѣстія о безпорядкахъ въ Парижѣ, немедленно прибыли туда для принятія участія въ дѣйствиі. Партія, выраженіемъ которой служила газета *National*, состояла изъ людей съ нѣкоторымъ общественнымъ вѣсомъ; въ числѣ ихъ были медики, купцы, адвокаты, вообще классъ людей образованныхъ. Партія же, на которую опиралась газета *La Réforme*, состояла собственно изъ остатковъ прежнихъ тайныхъ обществъ и въ особенности *Общества правъ человека*. Къ ней примыкали и всѣ общества вновь учрежденныя; они находились съ нею въ сношеніяхъ при посредствѣ Ледрю-Роллена, Флокона и въ особенности Коссидьера, который занималъ при газетѣ должность собирателя подписки. Правительство Лудовика-Филиппа, какъ уже замѣчено выше, сдѣлало за всѣми этими продѣлками, но не почитая ихъ серьезно опасными, предполагало при случаѣ воспользоваться ими, чтобы пугнуть династическую оппозицію и придать большее усердіе консерваторамъ.

Что касается до послѣднихъ, то они походили на лошадей съ воровомъ, которыя при каждомъ движеніи вздока, передъ каждою встрѣчающеюся на дорогѣ лужей, останавливаются и пятятся назадъ, несмотря на то что этимъ ретрограднымъ движеніемъ опрокидываютъ повозку, ломаютъ шею вздоку, и сами падаютъ въ пропасть. Въ какой степени этимъ господамъ были страшны всѣ реформы, всего яснѣе показываетъ ихъ сопротивленіе даже обыкновеннымъ административнымъ улучшеніямъ, какъ напримѣръ, введенію одинаковой платы за почтовую корреспонденцію вмѣсто старинной разнообразной таксы. Мудрено ли, что при такихъ попятіяхъ о необходимости сохранить во всемъ старый порядокъ, во что бы то ни стало, явились, съ одной стороны, крайнія злоупотребленія со стороны лицъ, располагавшихъ общественною властью: продажа мѣстъ, взяточничество при подрядахъ, почти открытое воровство, а съ другой, какъ противодѣйствіе этому, мечты о совершенно новыхъ, невиданныхъ началахъ всего общественнаго устройства.

II.

Требованія парламентской и избирательной реформы были въ началѣ весьма скромны. Составъ палаты депутатовъ и способъ ихъ избранія былъ самый неудовлетворительный.

Въ аристократической Англіи приходился одинъ избира-
тель на каждыя 28 человекъ, а въ демократической Франціи
одинъ на 178 человекъ; въ аристократической Англіи
каждый депутатъ, получающій должность съ жалованья-
ми, хотя бы то была должность министра, подвергается
вторичному избранію, а въ демократической Франціи изъ
450 депутатовъ 200 были чиновники, вполнѣ зависѣвшіе отъ
произвола министровъ. Сверхъ того, сюда должно присоеди-
нить еще тѣхъ, которые находились подъ вліяніемъ мини-
стровъ, то-есть ожидали отъ нихъ выгодъ по подрядамъ и
востанкамъ, искали ихъ покровительства для своихъ спе-
куляцій или содѣйствія къ помѣщенію близкихъ людей на
почетныя и выгодныя должности и т. д. Министерство, въ
силу этого, естественно всегда имѣло на своей сторонѣ огро-
мное большинство, которое готово было утвердить какія-
нибудь его предложенія, вопреки всему краснорѣчію против-
никовъ и, главное, вопреки общественному мнѣнію стра-
ны. Представительнаго правленія во Франціи на дѣлѣ не
было, ибо палата депутатовъ перестала быть представитель-
ницею желаній страны и не служила выраженіемъ обществен-
наго мнѣнія. Она обратилась въ какую-то академію красно-
рѣчія.

Двигатели реформы предлагали понизить избирательный
цѣвъ съ 200 франковъ на 100 и увеличить число депутатовъ
79 членами. Требованіе это, весьма умѣренное, отвергнуто
было въ палатѣ 26 марта 1847 г. большинствомъ 252 противъ
154 голосовъ. Двигатели реформъ рѣшились тогда прибѣгнуть
къ другому средству, именно къ мирной агитаціи, по при-
мѣру Англіи, чтобы подѣйствовать на общественное мнѣніе,
и этимъ заставить палату перемѣнить свое рѣшеніе. Устроенъ
былъ обѣдъ на 1200 человекъ въ Шаторужѣ, увеселитель-
номъ мѣстѣ близъ Парижа. Сюда приглашены были всѣ
члены оппозиціи. Чтобы не обидѣть легитимистовъ и скла-
нять на свою сторону республиканцевъ, положено было
не пить за здоровье короля. Кромѣ того, нѣкоторыя рѣчи
произнесенныя ораторами отзывались социалистическимъ
направленіемъ; это было допущено, чтобы понравиться низ-
шимъ классамъ парижскаго населенія. Такимъ обра-
зомъ, имѣлось въ виду не только подѣйствовать на образъ
мысли средняго класса, но привести въ движеніе и народ-
ную массу. Еслибъ оппозиція не смѣшала своего дѣла съ

надеждами легитимистовъ и затѣями республиканцевъ, еслибы она не заискивала въ народныхъ страстяхъ, очень можетъ быть, что ей удалось бы склонить на свою сторону самыхъ упорныхъ консерваторовъ. Но вождямъ оппозиціи хотѣлось достигнуть торжества какими бы то ни было средствами, и притомъ, на первомъ планѣ у нихъ было торжество личное, то есть полученіе министерскихъ мѣстъ. Во Франціи никто не желаетъ искренно и на дѣлѣ подчиниться народной волѣ, хотя всѣ непрерывно и громко о ней толкуютъ. Партія доктринеровъ вооружилась противъ министровъ Карла X за стѣсненіе народнаго представительства; теперь противъ нея вооружилась за то же самое злоупотребленіе династическая оппозиція. Республиканцы возглашали всеобщую подачу голосовъ, но сами же они потомъ, какъ увидимъ, стѣсняли эту свободу самымъ явнымъ образомъ, говоря что *l'éducation politique du peuple est encore à faire*.

Примѣру Парижа, разумѣется, послѣдовали провинціальныя города. Каждому изъ нихъ казалось стыдно остаться безъ банкета, а присутствіе на этихъ банкетахъ ораторовъ оппозиціи привлекало участниковъ и слушателей изъ всѣхъ партій, и сообщало оппозиціи характеръ единодушія, котораго въ сущности не было между элементами столь противоположными. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Дюшатель, не считалъ этого шума опаснымъ, и предоставилъ мѣстнымъ властямъ давать позволеніе на банкеты или запрещать ихъ, по своему усмотрѣнію; а это еще болѣе подстрекало учредителей и содѣйствовало къ возбужденію провинціального населенія.

Рѣчи, произносимыя на провинціальныхъ банкетахъ, имѣли характеръ революціонный и даже социалистическій, и вышли далеко изъ тѣхъ предѣловъ, которые предполагались агитаторами. Въ особенности, банкетъ въ Дижонѣ долженъ былъ открыть оппозиціи ту опасность, которой она подвергала Францію своимъ союзомъ съ крайними партіями. Но члены оппозиціи не обратили на это должнаго вниманія. Они столь же мало, какъ и правительство, придавали значенія республиканской партіи и почитали ее способною развѣ только произвести шумъ и временный безпорядокъ на улицѣ.

Впечатлѣніе, произведенное на жителей Парижа банкетомъ въ Шаторужѣ, начинало уже забываться; а потому положено было учредить вновь еще двѣнадцать банкетовъ, поочередно, въ

каждомъ изъ двѣнадцати парижскихъ округовъ. На эту затѣю оппозиціи министерство отвѣчало запрещеніемъ банкетовъ. Король, съ своей стороны, въ рѣчи произнесенной при открытіи палаты, 28-го декабря 1847, употребилъ, намекая на это, фразу о *слѣпыхъ и враждебныхъ страстяхъ*, которыя волнуютъ страну. „Меня одушевляетъ, прибавилъ онъ, и поддерживаетъ убѣжденіе, что въ свойствахъ конституціонной монархіи и единодушій государственныхъ мастей я найду средство преодолѣть всѣ препятствія, * и т. д.“ Мы уже сказали, что Лудовикъ Филиппъ не вѣрилъ въ силу представительнаго правленія, и разчитывалъ только на опасенія буржуазіи, на силу войска и на своихъ чиновниковъ-депутатовъ. Онъ забывалъ объ общественномъ мнѣніи, которое совершенно отвернулось отъ него самого и отъ всей системы его управленія, и тѣмъ самымъ парализировало всѣ его средства къ защитѣ. Пренія объ адресѣ въ отвѣтъ на тронаую рѣчь продолжались очень долго, и окончились тѣмъ, что всѣ независимые депутаты отказались подавать голосъ, а депутаты-чиновники почти единогласно приняли адресъ предложенный министерствомъ.

Оппозиція, желая доказать что отказъ въ реформахъ, сдѣланный большинствомъ палаты, не соответствуетъ желанію націи, и что общественное мнѣніе благоприятствуетъ реформѣ, принялась снова и съ большею энергіей за устройство банкетовъ. Днемъ перваго банкета назначено было 22 февраля, а мѣстомъ Елисейскія поля. Начались переговоры между министерствомъ, которое хотѣло настоять на своемъ запрещеніи но опасалось употребить военную силу, и оппозиціей, желавшею сдѣлать демонстрацію, но опасавшеюся столкновения съ военною силою, которое могло окончиться революціей. Переговоры не привели ни къ чему; по мѣрѣ уступокъ одной стороны увеличивались требованія другой, и наоборотъ. Вечеромъ 21 февраля, наканунѣ дня назначеннаго для банкета, члены оппозиціи имѣли совѣщаніе; долго спорили о томъ, отказаться ли отъ принятаго намѣренія, или привести его въ исполненіе, несмотря на мѣры правительства. На послѣднемъ настаивали легитимистъ Беррье, Ламартиль, старикъ Дюпонъ (de l'Euve), и адвокатъ Мари. Одилонъ Барро, глава оппозиціи,

* Au milieu de l'agitation que fomentent des passions ennemies on aveugle, une conviction m'anime et me soutient etc.

предложилъ отказаться отъ банкета, и вмѣсто него подать въ палатѣ формальный обвинительный актъ противъ министерства. Мыслие его, послѣ долгихъ споровъ, было принято, несмотря на упорное сопротивленіе Ламартина, который, чтобъ одушевить своихъ партизановъ, сказалъ: „Еслибы даже площадь Согласія * была совершенно пуста, еслибы всѣ депутаты измѣнили своей обязанности, я пойду туда одинъ въ сопровожденіи моей тѣни.“ Впрочемъ, судьба избавила его отъ этой комической прогулки, потому что тутъ же было получено извѣстіе, что комитетъ учредителей банкета положилъ не дѣлать его.

Въ тотъ же самый вечеръ, кромѣ совѣщанія оппозиціонныхъ депутатовъ, происходили два другія совѣщанія: одно въ редакціи газеты *Siècle*, другое въ редакціи газеты *La Réforme*. На первомъ изъ этихъ совѣщаній, куда позже прибылъ самъ Одилонъ-Барро, и многіе изъ его товарищей, находились журналисты, офицеры, и простые національные гвардейцы. Положено было, чтобы въ случаѣ созванія національной гвардіи, она собиралась при крикахъ „да здравствуетъ реформа! долой Гизо!“ Совершенно другой характеръ имѣло совѣщаніе въ редакціи *La Réforme*. Редакторъ этой газеты, Флоконъ, приговоренный недавно къ денежному штрафу и тюремному заключенію, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы созвать своихъ приверженцевъ, не возбуждая подозрѣнія полиціи. Къ нему собрались всѣ начальники тайныхъ революціонныхъ, демократическихъ и социалистическихъ обществъ: Коссидьеръ, Грандмениль, Лонженъ, Делагодъ, предводитель лионскаго возстанія 1834 года, Лагранжъ и многіе другіе; въ томъ числѣ Луи Бланъ и отставленный профессоръ, Едгаръ Киве. Совѣщаніе, какъ и должно было ожидать на подобной сходкѣ, было весьма шумно, и не могло привести ни къ какому результату, пока не было извѣстно, на что рѣшится либеральная оппозиція. Наконецъ прибылъ Ледрю-Ролленъ, и сообщилъ извѣстіе, что банкета не будетъ. Оно было встрѣчено самымъ шумнымъ изъявленіемъ негодованія. Наиболѣе

* Площадь Согласія находится на правомъ берегу Сены между Тюльерійскимъ дворцомъ и Елисейскими полями. На ней положено было собраться участникамъ банкета, чтобъ отправиться, въ торжественной процессіи, на мѣсто избранное для банкета въ Елисейскихъ поляхъ.

мыкіе, въ числѣ которыхъ были Коосильеръ, Едгаръ Кине и доведенный до банкротства издатель *Реформы*, Гуашъ, требовавшіи немедленнаго возстанія, чтобы воспользоваться происходившимъ въ народѣ волненіемъ. По мнѣнію болѣе хладнокровныхъ, слѣдовало дѣйствовать не по рѣшенію приватному заранѣе, но примѣляясь къ обстоятельствамъ, для чего необходимо обратиться на мѣстѣ назначенномъ для несостоящейся демонстраціи, и тамъ уже, сообразно настроенію, которое обнаружится въ народныхъ массахъ, рѣшить, можно ли отвѣщаться на какое-нибудь предпріятіе. Большинство согласилось съ этимъ мнѣніемъ, и сверхъ того единогласно условились не употреблять никакихъ криковъ, кромѣ требованія реформы, такъ какъ одно это требованіе пользовалось несомнѣннымъ сочувствіемъ народонаселенія. Какъ мало крайніе республиканцы вѣрили въ возможность провозглашенія республики, всего лучше видно изъ письма Лагранжа къ одному пріятелю въ провинцію. Въ этомъ письмѣ, онъ между прочимъ говоритъ: „Если будетъ пролита кровь народа, я брошусь на его защиту, и не положу оружія, пока или я погибну, или будетъ провозглашена республика. Но такъ какъ можно утвердительно сказать, что возстаніе будетъ подавлено, и такъ какъ знаю чего можно ожидать отъ благодарности партій, то поручаю вамъ сестру свою. Если въ продолженіи двухъ сутокъ вы не будете имѣть обо мнѣ извѣстія, пріѣзжайте за ней, чтобы она не умерла съ голоду.“

Утромъ 22-го февраля, видъ Парижа не представлялъ ничего особеннаго. Лавки и ремесленныя заведенія были открыты, и рабочіе находились на своихъ мѣстахъ. Еще съ вечера узнали изъ газетъ, что не будетъ ни банкета, ни предполагаемаго шествія депутатовъ. Извѣстіе это было принято въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ съ насмѣшками и остроуміемъ; но ничто не показывало, чтобы оно произвело сильное впечатлѣніе. Правительство приняло мѣры предосторожности въ обширномъ размѣрѣ, но слѣды ихъ были незамѣтны на улицахъ. Войскамъ было велѣно оставаться въ казармахъ, хотя и розданы были патроны и съѣстные припасы, а офицеры получили печатныя наставленія, какъ дѣйствовать, сообразно плану, нѣкогда составленному маршаломъ Жераромъ, на случай могущаго быть возстанія. Караулы не были удвоены. Изъ всѣхъ приготовленій было замѣтно только одно:

штукатурка, которою были задѣланы въ караульныхъ домахъ отверстія для стрѣльбы, была отбита.

Около 11 часовъ, густыя толпы народа начали собираться на площади Магдалины, * на Королевской улицѣ и на пло-

* Для читателей незнакомыхъ съ мѣстностію Парижа, мы изложимъ планъ этого города или по крайней мѣрѣ тѣхъ частей его, которыя были театромъ описываемыхъ происшествій. Парижъ представляетъ обширный кругъ, по диаметру котораго, отъ востока къ западу, протекаетъ рѣка Сена, нѣсколько выгнутою линіей. Около центра, невѣсимою теченіемъ, лежитъ островъ de la Cité, на которомъ первоначально основанъ былъ городъ. Здѣсь находится извѣстный соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Островъ этотъ, въ западной части, соединяется съ обоими берегами знаменитымъ Новымъ Мостомъ (Pont Neuf). Если перейдти черезъ мостъ на правый берегъ рѣки, то вдоль набережной, внизъ по теченію, представится огромный квадратъ Лувра, потомъ еще болѣе огромный прямоугольникъ зданій Тюльерійскаго дворца, потомъ обширный садъ этого дворца, далѣе площадь Согласія, и за нею Елисейскія поля. Посреди площади Согласія находится знаменитый Луксорскій обелискъ. Если стать у обелиска спиною въ рѣкѣ, то направо будетъ рѣшетка Тюльерійскаго сада, далѣе Елисейскія поля, и прямо передъ глазами широкая Королевская улица, выходящая на площадь передъ церковью Св. Магдалины. Отъ этой площади, по направленію къ востоку, идетъ длинная дуга бульваровъ прилегающая, къ Сенѣ, въ верхней части ея теченія, противъ Ботаническаго сада (Jardin des Plantes), находящагося на лѣвомъ берегу рѣки. Линія бульваровъ, равно какъ и вся часть города, лежащая въ ея полукругѣ, есть самая оживленная и самая примѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь совершались всѣ событія, рѣшавшія судьбу парижскаго правительства, а следовательно и судьбу всей Франціи. Если на извѣстной уже намъ площади Согласія мы стоимъ у обелиска лицомъ къ рѣкѣ, то передъ нами будетъ мостъ Согласія (Pont de la Concorde), а за нимъ на лѣвомъ берегу рѣки Palais Bourbon, гдѣ имѣла свои засѣданія палата депутатовъ. Вмѣсто того чтобы переходить этотъ мостъ, отправимся слеза по правому берегу вверхъ мимо Тюльерійскаго сада и мимо зданій Тюльерійскаго дворца; мы пройдемъ вдоль набережныхъ, косящихъ различныя названія, оставимъ на лѣвой рукѣ Лувръ, на правой нѣсколько мостовъ и, наконецъ, достигнемъ площади передъ Городскою Думой (Hôtel de ville), зданіемъ, которое играло столь важную роль какъ во всѣхъ прежнихъ революціяхъ, такъ и въ той, которую мы описываемъ. Сзади этого зданія находится цѣлый лабиринтъ маленькихъ улицъ, чрезъ которыя можно выйдти на большую улицу Св. Антонія. Она пересѣкаетъ дугу бульваровъ на площади бывшей Бастиліи, гдѣ теперь находится извѣстная Имъльская колонна.

цаи Согаасія. Хотя извѣстіе о томъ, что банкета не будетъ и распространилось уже въ публикѣ, но Французы такіе эгоисты до всякаго рода зрѣлищъ, что не могли вытерпѣть, чтобы не отправиться на сборное мѣсто послезавтра, какъ они говорятъ, *нѣтъ ли чего посмотреть* (pour voir, s'il y avait quelque chose à voir). Съ своей стороны, крайніе республиканцы направили сюда своихъ приверженцевъ. Въ толпѣ народа большинство мужчинъ было въ синихъ блузахъ; полицейскихъ въ ихъ мундирахъ замѣтно не было. Городовые сержанты, sergents de ville, стояли въ толпѣ переодѣтые въ гражданское платье, что имъ предписывалось дѣлать въ случаяхъ возмущеній. Ихъ можно было узнавать только по желтымъ палкамъ, которыя они имѣли при себѣ вмѣсто оружія, и по наблюдательнымъ, косымъ взглядамъ, обнаруживавшимъ полицейскія привычки. Среди всеобщаго ожиданія, пришла сильная команда армейскаго полка; она стѣснила толпу, и выстроилась противъ рѣшетки церкви Св. Магдалины, которая на всякій случай была заперта. Народъ съ любопытствомъ окружалъ солдатъ, сыпались шутки и насмѣшки, терпѣливо выслушиваемыя солдатами. Вдругъ раздался сильный шумъ въ одной изъ улицъ, выходившихъ на площадь Магдалины. Онъ былъ произведенъ толпою, шедшею подъ предводительствомъ студента Гильмена съ пѣніемъ марсельезы и хора жирондистовъ. Обойдя два раза вокругъ церкви, толпа эта отправилась къ квартирѣ Одилона Барро дѣлать ему упреки за то что онъ отказался отъ банкета, а потомъ черезъ Королевскую улицу и площадь Согаасія пошла по направленію къ палатѣ депутатовъ. Здѣсь, на мосту Согаасія, ее задержалъ было отрядъ муниципальной стражи, но преодолевъ это препятствіе, она достигла рѣшетки Бурбонскаго дворца, и соединилась съ толпами, которыя составились на лѣвомъ берегу рѣки. Для защиты палаты не было сдѣлано предварительныхъ приготовленій; толпа, сломавъ рѣшетку, наполнила все наружныя части зданія, и готова уже была съ крикомъ „да здравствуетъ реформа, долой министровъ“ проникнуть во внутренность, когда сильный отрядъ кавалеріи съ обнаженными саблями прискакалъ изъ сосѣдней казармы. Солдаты, видя что имѣютъ дѣло съ невооруженною толпою вложили сабли въ ножны, а несмотря на привѣтствіе „да здравствуютъ драгуны“, разогнали толпу, проѣхавъ посреди ея шагомъ. Съ другою

стороны прибылъ батальонъ пѣхоты, шедъ впереди полицейскаго комиссара въ шарфѣ для прочтенія акта о возмущеніи, что, по закону, должно предшествовать употребленію военной силы. Эта мѣра оказалась однако же лишнею, потому что толпа разсѣялась сама собою.

Между тѣмъ, на площадь Согласія прибылъ эскадронъ муниципальной стражи и сталъ возаъ обелиска. Онъ былъ встреченъ шиканьемъ, свистомъ и криками: „*долой муниципалыныхъ* (à bas les municipaux)“. Совершенно другой приемъ оказавъ былъ отряду армейскихъ драгунъ, прискакавшему изъ Елисейскихъ полей. На привѣтствія народа „*да здравствуютъ драгуны* (vivent les dragons)“ командиръ отвѣчалъ поклономъ, и солдаты сдѣлали то же. Отрядъ проѣхалъ по площади и воѣстился рядомъ съ муниципальной стражей; къ нему присоединился еще отрядъ конныхъ егерей, такъ что вся средняя площадь, окруженной съ краевъ сплошною массою народа, была занята войсками. Тѣснота была страшная; слышались насмѣшки, шиканье, свистки, и нѣсколько камней было брошено въ муниципальную стражу. Попробовали опрокинуть проѣзжавшій кабріолетъ, но нѣсколько кавалеристовъ спѣшили, прогнали зачинщиковъ и подняли кабріолетъ. Время отъ времени драгуны проѣзжали, какъ въ маневрѣ, разнымъ аллюромъ, смотря потому какъ позволяло мѣсто, не вынимая сабель. Толпа встрѣчала ихъ привѣтствіями и бросалась то къ обелisku, то къ краямъ площади. Войска держали себя спокойно и умѣренно и двигались какъ заведенная машина. Въ тодѣ то вдругъ наступала мертвая тишина, то, столь же неожиданно раздавались крики и угрозы. Здѣсь видны были оживленные кружки, въ которыхъ слышались отдѣльные, непонятныя восклицанія негодованія, велись оживленные разговоры; тамъ стояли спокойныя массы народа, и среди ихъ шныряли торговки съ закусками, которыя раскупались какъ обыкновенно. Вообще въ народѣ не было замѣтно никакого ожесточенія, и ординарцы съ приказаніями и донесеніями проѣзжали спокойно и безпрепятственно. Дѣло пока ограничивалось насмѣшками надъ муниципальной стражей и нѣсколькими брошенными камнями.

Подобная же сцена была на площади Магдалины. Здѣсь народъ преслѣдовалъ какого-то человѣка, котораго онъ, справедливо или нѣтъ, принялъ за шпіона, и съ криками сталъ бросать въ него камнями. Муниципальная стража, чтобы

спаста его отъ смерти, пошла въ атаку, безъ соблюденія формальностей и не жалѣла сабельныхъ ударовъ. Переодѣтые полицейскіе, при этомъ, вытаскивали изъ толпы тѣхъ, которыхъ почитали зачинщиками шума. Въ одной изъ близлежащихъ улицъ шайка опрокинула омнибусъ и начала было устраивать баррикаду; но бѣжала, какъ скоро увидѣла приближеніе муниципальной стражи. Передъ домомъ министерства иностранныхъ дѣлъ сматаніе было нѣсколько сильнѣе. Толпа народа, съ криками: „долой Гизо“, перебила окна и старалась выломать ворота, но также была разогнана прибывшимъ отрядомъ пѣхоты. На площади, передъ биржей, собралась большая толпа, которая, съ криками: „да здравствуетъ реформа и долой Гизо“, пошла вдоль бульваровъ на площадь Бастиліи; но здѣсь была разогнана отправленною ей на встрѣчу муниципальной стражей. Небольшія группы появлялись на набережныхъ и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ не было слышно другаго крика, кромѣ требованія реформы. Были попытки разграбить лавки съ оружіемъ, но безъ успѣха, такъ какъ вездѣ являлась вооруженная сила и разогнала зачинщиковъ безпорядка. Около трехъ часовъ, начали въ улицѣ Сентъ-Оноре строить баррикады, которыя однако тотчасъ были разрушены первыми подоспѣвшими отрядами муниципальной стражи и линейныхъ войскъ. Около пяти часовъ велѣно бить оборъ для національной гвардіи, но она собралась по обыкновенію медленно и въ весьма небольшомъ числѣ. Къ вечеру, въ большей части города, спокойствіе было восстановлено. Только въ узкихъ улицахъ предмѣстій Сентъ-Дени и Сентъ-Мартенъ шумъ продолжался до полуночи, и войска должны были оружіемъ брать баррикады и вкрещать безпорядокъ. Съ обѣихъ сторонъ были раненые и убитые. Войска были расположены бивакомъ на главныхъ площадяхъ и по бульварамъ, и только уже утромъ на другой день, во случаю проливнаго дождя, отпущены въ казармы.

Такъ прошелъ вторникъ, 22-го февраля. Чтѣ дѣлалось въ это время въ палатѣ депутатовъ? Тамъ разсуждали сначала о привилегіяхъ городского банка въ Бордо, хотя, конечно, подобный предметъ весьма мало могъ занять вниманіе членовъ. Самымъ важнымъ событіемъ засѣданія было представленіе формальнаго обвинительнаго акта противъ министерства, за подписью 52 депутатовъ оппозиціи. Всѣ обвиненія заключались въ общихъ выраженіяхъ и не указывали ни на одинъ

ясный и опредѣленный фактъ. Нѣсколько разъ упоминалось о отъсѣеніи народнаго представительства посредствомъ подкупа и вліянія на выборы. Послѣ того какъ Дювержье де-Горанъ и Одионъ Барро представили обвинительный актъ, къ президенту подошелъ легитимистъ, аббатъ Женудъ, и представилъ отдѣльное обвиненіе противъ министерства. Содержаніе его было почти одинаково съ первымъ, только въ выраженіяхъ былъ замѣтенъ нѣкоторый республиканскій характеръ, и тамъ, гдѣ въ первомъ изъ этихъ актовъ говорилось о нарушеніи хартіи, въ послѣднемъ упоминалось о отъсѣеніи верховнаго права народа выражать свою волю. Очевидно, что послѣдній актъ изготовленъ былъ съ цѣлюю найдти поддержку въ республиканской партіи, за которою тогда указывали какъ орлеанисты принадлежавшіе къ оппозиціи, такъ и легитимисты, и бонапартисты, почитая ее полезнымъ союзникомъ, но ни чуть не опаснымъ соперникомъ.

Начались споры о томъ, читать ли обвинительные акты, или передать ихъ въ комиссію, для предварительнаго обобщенія, и послѣ довольно шумной оцѣны, рѣшено было заняться ихъ разсмотрѣніемъ въ четвергъ, 24 февраля.

Можно сказать, что первый день революціи окончился ничѣмъ. Войска шли противъ баррикадъ и исполняли свою обязанность ни мало не колеблясь; а защитники баррикадъ уступали ихъ почти безъ боя. Даже газета *Реформа*, издатель которой болѣе всѣхъ старался раздуть пламя, принуждена была, отдавая отчетъ о происшествіяхъ этого дня, сознаться, что „это болѣе нежели простой шумъ, но еще не возстаніе“.

Причина нерѣшительности заключалась въ двухъ обстоятельствахъ: національная гвардія еще не пристала ни къ какой сторонѣ, и союзники республиканцевъ не успѣли еще подоспѣть въ Парижъ, согласно сдѣланному условію.

Въ среду, 23-го февраля, утромъ, можно было подумать, что день пройдетъ спокойно: дождь, который начался еще наканунѣ съ вечера, лилъ потоками. Къ 7 часамъ, однако, погода измѣнилась, и тотчасъ начались движенія въ кварталахъ Сень-Мартенъ и Сень-Дени. Одновременность ихъ показывала, что существуетъ заранее условленный планъ дѣйствія. Начальники секцій тайныхъ обществъ находились на лицо и распорядились работами на баррикадахъ, которыя строились, съ большимъ искусствомъ, на всѣхъ стратегическихъ

пунктахъ. Толпа, человекъ въ шестьдесятъ съ барабанщикомъ и тридцатью знаменами впередъ, ходила по улицамъ, въ направленіи отъ Лувра къ бульварамъ и начала строить баррикаду при пересѣченіи улицъ Пуассоньеръ и новой улицы Св. Евстафія, очевидно, съ цѣлю воспрепятствовать проходу войскъ со стороны бульвара Сенъ-Дени. Въ то же время собрались толпы на бульварахъ Темпль, Бомъ-Нувеаъ и Сенъ-Дени. Вооруженныя шайки появились на всемъ лабиринтѣ узкихъ и кривыхъ улицъ, между этими бульварами и Сеною, и начали строить на перекресткахъ баррикады. Масса народа нигдѣ не принимала участія и баррикады съ приближеніемъ войскъ большею частию были оставлены безъ защиты. Въ половинѣ одиннадцатаго отрядъ муниципальной гвардіи, человекъ въ 30, взялъ баррикаду въ улицѣ Пуассоньеръ; при этомъ изъ числа защитниковъ убито три человека. Когда отрядъ удалился, товарищи убитыхъ положили одинъ изъ труповъ на доску, и съ криками: „мищеніе! мищеніе! къ оружію!“ стали носить его по улицамъ, пока не встрѣтили отряда муниципальной стражи, который избавилъ ихъ отъ этого изнурительнаго безпокойства. Мы упоминаемъ объ этомъ не въ важномъ обстоятельстве, потому что оно обнаруживаетъ одинъ изъ тѣхъ театральныхъ приемовъ, которые были употреблены къ возбужденію народнаго негодованія. Мы увидимъ далѣе повтореніе, и при томъ болѣе успѣшное, этой же самой сцены и ея вліяніе на исходъ февральскаго восстанія. До сихъ поръ серьезное сопротивленіе обнаруживалось только въ тѣсныхъ улицахъ около Думы, гдѣ перестрѣлка продолжалась до сумерекъ. Въ улицѣ Кенкампуа венсенскіе егеря взяли баррикаду только послѣ атаки, повторявшейся три раза; а въ Старой улицѣ Темпль огромной высоты баррикада, съ краснымъ знаменемъ наверху, была взята только при пособіи артиллеріи.

Исходъ событій зависѣлъ не отъ этихъ уличныхъ сраженій между войсками и частию народонаселенія, находившеюся подъ вліяніемъ тайныхъ обществъ, но отъ того положенія, которое могла принять національная гвардія.

Въ 9 часовъ утра велѣно было бить сборъ для двухъ батальоновъ cadaго легіона національной гвардіи. Батальоны перваго легіона, состоявшаго изъ жителей перваго городского округа, населеннаго по преимуществу людьми богатыми и достаточными, собрались почти въ полномъ составѣ на пло-

щадя Семаasia. Здѣсь собралось небольшое число любовыт-ныхъ, чтобы посмотреть мѣсто, гдѣ наканунѣ сожжено былъ цѣлый костеръ стульевъ, взятыхъ изъ Елисейскихъ полей; зарево, въ продолженіе ночи, было такъ велико, какъ отъ пороchoваго пожара. Это сожженіе произведено было съ тѣмъ чтобы встревожить жителей, собрать на улицахъ какъ можно болѣе народу и чрезъ это придать большее одушевленіе возстанію. Въ другихъ легіонахъ на сборъ явилось хотя и много національныхъ гвардейцевъ, но всѣ они обнаруживали нерасположеніе къ министерству. Разосланные патрули кричали вмѣстѣ съ народомъ; „да здравствуетъ реформа, долой Гизо!“

Батальиономъ втораго легіона, собравшійся на площади противъ Большой Оперы, просилъ своего полковника объявить начальству, что національные гвардейцы явились вовсе не для того чтобы поддерживать министерство, но чтобы, вмѣстѣ съ порядкомъ, защищать и свободу. Несмотря на сопротивленіе своего командира, батальионъ этотъ подъ предводительствомъ подполковника де-Лаборда, пошелъ къ Тюльери съ криками: „да здравствуетъ реформа, долой Гизо!“, криками, которые Лудовикъ Филиппъ могъ слышать изъ комнатъ. Въ улицѣ Риволи собралась огромная толпа и провожала батальионъ на его возвратномъ шествіи. Когда отрядъ кирасиръ, выѣхавшій изъ одной боковой улицы, хотѣлъ пересѣчь этой толпѣ дорогу, то подполковникъ де-Лабордъ подошелъ къ начальнику отряда, и объявилъ ему, что его не пропустятъ, такъ какъ эта часть города спокойна, и въ помощи войска нѣтъ надобности. Кирасиры послѣ этого повернули назадъ, провожаемые криками народа и національныхъ гвардейцевъ, „да здравствуетъ войско, да здравствуетъ реформа!“ Уступчивость кавалерійскаго офицера объясняется тѣмъ, что войска привыкли, при усмирении прежнихъ возмущеній, дѣйствовать заодно съ національною гвардіей.

Въ третьемъ легіонѣ случилось еще хуже. Въ немъ однимъ изъ ротныхъ командировъ былъ трактирщикъ Жуанъ, известный демократъ, который, несмотря на двукратное удаленіе отъ должности, былъ каждый разъ снова избираемъ. Онъ, прежде всѣхъ явился съ своею ротой на сборное мѣсто, и объявилъ что не намѣренъ повиноваться правительству, которое не соответствуетъ своему призванію и изменило отечеству. Противъ него былъ посланъ эскадронъ кирасиръ и отрядъ муниципальной стражи. Когда командиръ эскадрона хотѣлъ

движеніемъ впередъ разогнать толпу, Жуанъ штыками загоро-
дилъ ему дорогу; трубачи повернули назадъ, а за ними
ушелъ и весь эскадронъ. Отрядъ муниципальной стражи не
рѣшился сдѣлать нападеніе на національныхъ гвардейцевъ,
и шлѣ на то опредѣленнаго приказанія.

Подобнаго рода сцены происходили и въ другихъ мѣстахъ;
ездѣ войска уступали національной гвардіи; вездѣ были
встрѣчаемы одобреніемъ со стороны зрителей, и криками:
„да здравствуетъ реформа, долой Гизо!“

Въ мѣри четвертаго округа національные гвардейцы под-
писывали прошеніе въ палату депутатовъ, въ которомъ объ-
ясняли, что готовы взяться за оружіе на защиту порядка и
свободы, но что не хотятъ быть въ числѣ тѣлохраните-
лей министерства, политика котораго противна ихъ убѣжде-
нію, а напротивъ просятъ о его удаленіи и преданіи суду.
Человѣкъ пятьсотъ гвардейцевъ, и въ томъ числѣ двадцать
пять офицеровъ, всѣ въ мундирахъ, но безъ оружія, отпра-
вились съ этимъ прошеніемъ въ палату: безпрепятственно
прошли они весь городъ, и были задержаны только близъ
самой палаты на мосту Сомасія карауломъ отъ десятаго
легіона. Депутатъ Кремье и нѣсколько его друзей вышли
къ нимъ, и приняли отъ нихъ прошеніе.

Лудовикъ Филиппъ, несмотря на свою хитрость и прои-
цательность, находился въ самомъ странномъ заблужде-
ніи насчетъ расположенія умовъ національной гвардіи.
Главный начальникъ ея, генераль Жакмино, лихой уланскій
полковникъ времямъ имперіи, но потерявшій всякую энергію
во время продолжительнаго мира, и обзаванный своимъ мѣ-
стомъ богатству и связямъ, приобрѣтеннымъ женитьбой, со-
вершенно не зналъ духа милиціи, состоявшей подъ его коман-
дой, и воображалъ до послѣдней минуты, что она съ покор-
ностію пойдетъ противъ возмущившихся. Самъ король, имѣв-
шій въ продолженіе своего царствованія много доказа-
тельствъ ея привязанности, и бывшій послѣ июльской рево-
люціи въ личныхъ сношеніяхъ со многими изъ ея членовъ,
былъ столь же твердо убѣжденъ въ ея вѣрности. Онъ
былъ сильно пораженъ общимъ раздраженіемъ, какое обнару-
жилось въ національной гвардіи противъ министерства, но
думалъ исправить дѣло переимной лицъ, и съ этою цѣлію
предложилъ графу Моле составить министерство.

Гизо самъ объявилъ объ этой переимкѣ въ палатѣ депута-

товъ. Шумъ и споры, происшедшіе по этому случаю, не имѣютъ для насъ особаго интереса. Укажемъ только на два обстоятельства. Вопервыхъ, по вопросу о преданіи министерства суду роли совершенно измѣнились: суда стали требовать защитники министерства, и отказывались отъ него тѣ самые, которые первоначально требовали его. Причина такого страннаго явленія заключалась въ томъ, что обвиненіе не подтверждалось никакими фактами; оно состояло изъ общихъ, неопредѣленныхъ фразъ, которыя можно выставить противъ любого министерства. Другое, болѣе важное обстоятельство состояло въ томъ, что ни противники, ни защитники министерства не понимали дѣйствительной опасности, которой они подвергали себя и всю Францію. Всѣ члены палаты депутатовъ принадлежали къ отдѣльнымъ, тѣснымъ кружкамъ, которые не имѣли глубокихъ корней въ народномъ сочувствіи. Если прибавимъ, что эти кружки, какъ и всѣ кружки вообще, страдали и исключительностію взгляда, и полнымъ неуваженіемъ къ противникамъ и ихъ мнѣніямъ, то мы получимъ достаточное объясненіе той ничтожной роли, которую разыграла французская палата депутатовъ въ революціи 1848 года.

Извѣстіе объ отставкѣ Гизо и о назначеніи новаго министерства распространилось по городу съ быстротою молніи. Парижъ вдругъ какъ бы преобразился. Всѣ сообщали другъ другу пріятную новость; раздраженіе замѣнилось шумною радостію; изъ оконъ балконовъ махали платками, и если кой-гдѣ раздавались слова: „долой Гизо, да здравствуетъ реформа!“—то уже не въ смыслѣ угрозы или требованія, но какъ крикъ торжества и побѣды. Борьба прекратилась повсемѣстно, и войска встрѣчаемы были дружескими привѣтствіями; народъ выражалъ озлобленіе только противъ муниципальной стражи, ревностно подавлявшей возмущеніе. Съ наступленіемъ вечера бѣольшая часть домовъ была освѣщена, и по улицамъ разставлены были плошки. Толпы мальчишекъ бѣгали съ криками „des lampions! des lampions!“ и заставляли зажигать иллюминацію. Только въ улицѣ севъ-Мери, недалеко отъ Думы, въ улицѣ, получившей печальную славу еще въ революцію 1830 года, все оставалось мрачно. Построенныя здѣсь огромныя баррикады еще не были взяты, такъ какъ находились внѣ главныхъ линій сообщенія. Защитники ихъ не оставляли оружія, несмотря на то что знали о происшедшей перемѣнѣ.

Особенно интересное зрѣлище представляли бульвары, по которымъ прогуливались взадъ и впередъ неисчислимыя массы народа. Вдругъ, часу въ десятомъ вечера, послышалось со стороны Монмартрскаго бульвара громкое пѣніе марсельезы, и показалась толпа, состоявшая изъ національныхъ гвардейцевъ въ мундирахъ, и изъ работниковъ въ блузахъ, съ факелами и знаменами. Толпа эта повернула въ улицу Лепельтье и остановилась передъ домомъ, гдѣ находилась контора редакціи газеты *National*. Арманъ Марастъ отворилъ окно, и послѣ поздравленія народа съ побѣдою, спросилъ пришедшихъ чего они желаютъ.

— Упраздненія муниципальной стражи, отвѣчали нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Муниципальная стража будетъ упразднена; но чего вы еще желаете?

— Новыхъ министровъ, и болѣе либеральныхъ нежели Моле.

— Вы получите новыхъ министровъ, и мы вамъ обѣщаемъ министерство изъ лицъ, по крайней мѣрѣ столь либеральныхъ, какъ Одилонъ-Барро и Дювержье-де-Горанъ. Все ли это чего вы желаете?

— Да, да! Да здравствуетъ реформа! Да здравствуетъ редакторъ *National*! Долой Гизо!

Нѣсколько голосовъ изъ толпы спросили адресъ Одилона Барро, и Дювержье де-Горана; адреса брошены были въ окошко, и толпа пошла по направленію къ бульвару Св. Магдалины. На Итальянскомъ бульварѣ къ нимъ присоединилась другая толпа, вышедшая изъ улицы Мира, гдѣ она шумѣла передъ домомъ министра юстиціи, и выбила стекла. Эта вторая толпа, также съ факелами, несла передъ собою красное знамя, состояла изъ блузниковъ, вооруженныхъ саблями, пиками и ружьями, съ лицами и руками зачерненными порохомъ. Ею предводительствовалъ республиканецъ Лагранжъ, и она заняла мѣсто впереди той толпы, которая ходила къ конторѣ *National*. Толпа, предводительствуемая Лагранжемъ, представляла собой республику красную, подобно тому какъ первая была представительницей республики умѣренной. Только при крайней наивности можно повѣрить, чтобы эти толпы собрались случайно, а не по заранѣе обдуманному плану, и чтобы сцена передъ окномъ Армана Мараста и весь разговоръ съ нимъ не были заранѣе условлены между тайными

руководителями возмущенія. Что касается до Лагранжа и красныхъ республиканцевъ, то они искали только случая употребить въ дѣло оружіе, и скоро нашли его. На бульварѣ Капуциновъ, они наткнулись на отрядъ пѣхоты, стоявшей противъ дома министерства иностранныхъ дѣлъ. При этомъ неожиданномъ препятствіи, знаменосецъ и факельщики бросились впередъ, и испугали лошадь штабъ-офицера стоявшаго передъ отрядомъ. Лошадь бросилась въ сторону, и была ранена пулей въ ногу. Въ отвѣтъ на этотъ неожиданной выстрѣлъ, передая ширинга отвѣчала залпомъ изъ пятидесяти ружей, и толпа съ страшными криками бросилась назадъ. Бульвары въ одно мгновеніе опустѣли; повсюду слышались крики: „измѣна, измѣна, стрѣляютъ въ народъ; къ оружію!“ Иллюминація была погашена; всѣ двери домовъ заперлись, и слышались только воззванія къ мищенію. Черезъ четверть часа, Лагранжъ и его товарищи возвратились на мѣсто побоища съ огромною тѣлѣгой, нагруженною нѣсколькими мертвыми тѣлами; тѣлѣгу повезли вдоль бульваровъ, при освѣщеніи факелами и съ криками о мищеніи. Одинъ изъ сопровождавшихъ стоялъ на тѣлѣгѣ, и время отъ времени приподнималъ трупъ убитой женщины, показывалъ при свѣтѣ факеловъ ея прострѣленную грудь, и снова бросалъ тѣло въ тѣлѣгу. Въ улицѣ Круассая, выходящей въ Монмартрскую, шествіе остановилось противъ конторы редакціи *Реформы*, и послѣ совѣщанія предводителей, вошедшихъ на нѣсколько минутъ въ контору, отправилось далѣе въ узкія улицы Сень-Мартенскаго квартала, который былъ средоточіемъ возстанія. По дорогѣ стучались во всѣ дома, и зывали къ оружію. Отъ главной толпы отдѣлились небольшіе отряды, и повторяли то же самое въ другихъ улицахъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ забрался на колокольню церкви Сень-Жерменъ-де-Пре, и началъ бить въ набатъ. Въ конторѣ *Реформы*, въ это время, отливали пули. Около двѣнадцати часовъ, когда за этимъ занятіемъ оставались только Флоковъ и Гуашъ, набатъ замолкъ, и Флоковъ сказалъ своему товарищу: „все кончено! Они попали въ руки муниципальной стражи.“

Лудовикъ Филиппъ не очень торопился привести въ исполненіе обѣщанную перемѣну въ министерствѣ, на которую онъ не слишкомъ охотно и соглашался. Только около полуночи, когда сдѣлались извѣстны послѣдствія событій передъ домомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ послалъ къ графу

Моле за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Моле потерялъ охоту принять на себя отвѣтственность за положеніе дѣлъ, ставшее опаснымъ, отвѣчалъ, что событія его опередили (*ma couleur est dépassée*), и говорилъ что надобно призвать тѣ самыя лица, которыя устроили эти событія. Лудовикъ Филиппъ не нуждался въ толкованіи, чтобы понять намеки, и послалъ за Тьеромъ. Между тѣмъ Гизо подписалъ два приказа: однимъ изъ нихъ маршалъ Бюжо назначался начальникомъ парижской національной гвардіи на мѣсто неспособнаго генерала Жакино, а другимъ ему же предоставлялось начальство надъ всѣми войсками собранными въ Парижъ, находившимися въ то время подъ командою еще болѣе неспособнаго генерала Т. Себастьяни, занимавшаго этотъ постъ только потому, что онъ приходился роднымъ братомъ любимаго при дворѣ маршала Себастьяни. Бюжо, который легъ было уже спать, поспѣшилъ явиться во дворецъ. Онъ не скрывалъ, что считаетъ себя позваннымъ на помощь къ больному неизлѣчиму, но не отказался принять начальство, и тотчасъ же пошелъ въ главный штабъ войскъ, переведенный съ самаго начала волненій, въ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей. Здѣсь нашелъ онъ все въ страшномъ безпорядкѣ. Генералъ Т. Себастьяни не умѣлъ ничего выдумать лучше, какъ приводить въ исполненіе старый планъ маршала Жерара, по которому требовалось совокупное дѣйствіе войскъ и національной гвардіи. Теперь, когда національная гвардія почти перешла на сторону противниковъ, этотъ планъ потерялъ всякое значеніе. Вслѣдствіе такихъ распоряженій, войска были чрезвычайно разбросаны, и возмущшіеся, число которыхъ въ продолженіи ночи значительно увеличилось, успѣли, 'помощію множества новыхъ баррикадъ, прекратить между ними сообщеніе. Въ распоряженіи Бюжо оставалось, кромѣ кавалеріи, стоявшей на площади Согласія и которую нельзя было употреблять противъ баррикадъ, всего только десять тысячъ человекъ расположенныхъ на Карусельской площади близъ дворца. Маршалъ поддержалъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ воинскую славу, пріобрѣтенную имъ въ Африкѣ. Прежде всего онъ спѣшилъ исправить ошибку сдѣланную его неспособнымъ предвѣстителемъ. Чтобы очистить главныя линіи сообщенія, и дать возможность стянуть разбросанныя отряды, онъ отдѣлилъ двѣ колонны, по четыре батальона, съ однимъ эскадрономъ и двумя орудіями въ каждомъ. Для

защиты дворца оставилъ три тысячи пятьсотъ человѣкъ пѣхоты: ихъ было весьма достаточно при двухъ батальйонахъ національной гвардіи, и значительномъ числѣ кавалеріи, находившейся на площади Согласія. Первая изъ отдѣленныхъ колоннъ должна была идти вдоль улицы Сентъ-Оноре къ Думѣ, на выручку генерала Таландіе, находившагося тамъ съ четырьмя батальйонами. Другая колонна, отправясь по улицѣ Риншелье, должна была выйти на линію бульваровъ, и по этой линіи дойти до площади Бастиліи, гдѣ стоялъ генералъ Дюго также съ четырьмя батальйонами. Соединясь съ ними, она должна была взять возмущившихся въ тылъ, пробиться потомъ силою вдоль улицы святаго Антонія, выйти къ Ратушѣ, и вмѣстѣ съ генераломъ Таландье перейти на лѣвый берегъ Сены и соединиться, на площади Пантеона, съ генераломъ Рено, стоявшимъ тамъ съ нѣсколькими батальйонами. Роль этой колонны была самая трудная, и потому маршалъ поручилъ ее генералу Бедо, на котораго надѣялся болѣе всѣхъ. Маршалъ объяснилъ свой планъ собраннымъ вокругъ него генераламъ, и прибавилъ: „нападайте на мятежниковъ рѣшительно, при содѣйствіи національной гвардіи; если же національная гвардія пойдетъ противъ насъ, будемъ драться и съ нею, но ни въ какомъ случаѣ не вступайте въ переговоры; мы погибали какъ только откроемъ переговоры.“

Пока маршалъ Бюжо держалъ свой военный совѣтъ, Тьеръ явился къ королю. Онъ одобрилъ назначеніе Бюжо, и принялъ на себя составленіе министерства, съ условіемъ, пригласить Одилона Барро, на что король также согласился. Тьеръ оставилъ короля въ три часа утра, и отправился, послѣ свиданія съ Бюжо, отыскивать своихъ товарищей.

Съ разсвѣтомъ дня 24-го февраля обѣ колонны выступили съ площади Каруселя. Войска были утомлены и не довольны бесполезною трехдневною стоянкой; но когда увидѣли любимаго ими маршала, котораго знали еще въ Алжирѣ, видимо одушевились, и пошли по назначенію весьма охотно. Обѣ колонны встрѣтили на своемъ пути нѣсколько баррикадъ, но перешли ихъ почти безъ сопротивленія, такъ что первая колонна достигла Ратуши, а вторая линіи бульваровъ безъ большихъ остамовокъ. Вторая колонна имѣла перестрѣлку съ баррикадой, заграждавшею выходъ съ линіи бульваровъ въ Монмартрское предмѣстье; но такъ какъ эта баррикада находи-

лась съ боку и собственно не преграждала назначеннаго пути, то колонна прошла мимо, на бульваръ Бонъ-Нувеель. Здѣсь встрѣтила она толпу людей, не принадлежавшихъ по своей наружности къ простому народу; толпа о чемъ-то сильно хлопотала. Генералъ Бедо, вмѣсто того чтобы продолжать свой путь, какъ ему было предписано, остановился, и началъ съ ними разговаривать. Одинъ господинъ изъ этой толпы, незначительный лавочникъ, но дерзкій болтунъ, сумѣлъ придать себѣ видъ человека пользующагося большимъ вліяніемъ, и до того заговорилъ генерала, что послѣдній согласился заключить перемиріе. Бедо далъ этому лавочнику записку къ маршалу Бюжо, въ которой сообщалъ ему о дурномъ расположеніи національной гвардіи, объяснялъ это дурное расположеніе недоразумѣніемъ относительно вчерашняго случая передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, просилъ объяснить народу истинное положеніе дѣлъ, и, если можно, прислать нѣсколько оппозиционныхъ депутатовъ въ качествѣ парламентаровъ. Онъ далъ въ сопровожденіе этому лавочнику, объявившему себя представителемъ всего народа, адъютанта и обѣщалъ не предпринимать дальнѣйшаго движенія, впредь до его возвращенія. За эту колоссальную ошибку, которая точнѣе должна быть названа преступленіемъ, Бедо заслуживалъ быть разстрѣленнымъ. Но за то, при республикѣ, онъ получилъ мѣсто военнаго министра.

Тьеръ, послѣ аудіенціи у короля и свиданія съ маршаломъ Бюжо, отправился къ другу своему Ремюза, и этотъ послѣдній убѣдилъ его, что назначеніе маршала Бюжо будетъ принято парижскимъ народонаселеніемъ за воинственный вызовъ и что, при такихъ условіяхъ, невозможно будетъ либеральному министерству успокоить умы современными уступками. Тьеръ повелъ Ремюза къ королю, который готовился было ужъ лечь спать, однако принялъ ихъ, но не согласился на удаленіе Бюжо. Испытавъ неудачу, Тьеръ и Ремюза отправились къ Одилону Барро и Дювержье де-Горану, разбудили ихъ, и потаковавъ на квартирѣ у Барро, перебрались, вередъ утромъ, въ отель Тьера и здѣсь открыли совѣщаніе. Они обсуждали условія новаго кабинета. Само собою разумѣется, парламентская реформа и реформа избирательная были приняты въ основаніе; палату положили распустить, изъ опасенія, что консервативное большинство не одобритъ ихъ предположенія; согласились также въ томъ, что

необходимо замѣнить маршала Бюжо. Съ этими предложеніями отправились они въ Тюльери. Король еще спалъ, и никто не рѣшился разбудить его. Послѣ свиданія съ Тьеромъ, онъ еще долго разговаривалъ съ Гизо, и потомъ заснулъ не раздѣваясь въ своемъ кабинетѣ. Проснувшись, онъ принялъ новыхъ министровъ, согласился на всѣ ихъ предложенія, но отказался отозвать Бюжо. Ему представили, что нужно прекратить наступательныя дѣйствія и послать Одилона Барро лично сообщить объ этомъ народу и уговорить возмущившихся положить оружіе: къ сожалѣнію, это предложеніе королемъ было принято. Тьеръ, Одилонъ-Барро и герцогъ Немурскій отправились съ этимъ приказаніемъ къ маршалу Бюжо. Между тѣмъ уже съ самаго ранняго утра разные господа увѣряли маршала, что видъ войска только раздражаетъ народъ. Но маршалъ оставался непреклоненъ; онъ принималъ на себя отвѣтственность за всѣ свои мѣры, прибавляя, что почитаетъ ихъ необходимо нужными для возстановленія порядка. Всѣ просьбы и убѣжденія были напрасны. Въ эту-то роковую минуту прибыли посланные отъ генерала Бедо. Видя планъ свой разрушеннымъ, старый маршалъ, въ досадѣ, написалъ на клочкѣ бумаги: „приказываю вездѣ прекратить огонь; національная гвардія займется полиціей.“ * Это былъ смертный приговоръ іюльской монархіи. Въ половинѣ десятаго, генералъ Бедо получилъ отъ маршала приказаніе возвратиться съ своею колонной по бульварамъ, черезъ улицу Мира, на Карусельскую площадь. Извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій было принято съ восторгомъ, и весь бульваръ покрылся радостными и шумными толпами. Тутъ только генералъ Бедо замѣтилъ, что, не имѣя права употреблять оружіе, онъ не можетъ двинуться съ мѣста, и что его предложеніе о перемиріи равнялось капитуляціи. Съ трудомъ могъ онъ упросить начальника близъ стоявшаго отряда національной гвардіи дать ему взводъ, чтобъ очистить дорогу. Такимъ образомъ, въ слѣдъ за національными гвардейцами, прошелъ онъ нѣсколько баррикадъ по бульварамъ, и достигъ большой баррикады на Италіянскомъ бульварѣ. Черезъ эту баррикаду пѣхоту и кавалерію пропустили не иначе какъ по одному человѣку. Бедо никакъ не полагалъ, что народъ, съ которымъ онъ только

* Je donne ordre de cesser le feu partout, et la garde nationale va faire a police.

что заключилъ миръ, будетъ такъ невѣжливъ, что отниметъ у него пушки. Между тѣмъ лошади были выпряжены; порохъ и снаряды разграблены, а пушки употреблены на вооруженіе баррикады. Генераль продолжалъ ѣхать впередъ, и хотѣлъ повернуть, по назначенному маршруту, въ улицу Мира; но національные гвардейцы уговорили его проѣхать еще даѣе по бульварамъ до Королевской улицы, чтобъ еще болѣе убѣдить народъ въ заключеніи мира. Генераль ни въ чемъ не могъ отказать новымъ друзьямъ своимъ, и согласился на ихъ предложеніе, хотя, такимъ образомъ, долженъ былъ выйдти по Королевской улицѣ на площадь Согласія, а не на Карусельскую, куда ему было приказано. Въ Королевской улицѣ встрѣтилъ его одинъ знакомый: „Генераль, сказалъ онъ ему, не везите, по крайней мѣрѣ, вашимъ солдатамъ держать ружья наизворотъ.“ Тогда только Бедо оглянулся, и увидѣлъ, что вся его колонна держитъ ружья прикладами къ верху! Въ такомъ видѣ привелъ онъ свой отрядъ на площадь Согласія, къ удивленію и негодованію стоявшихъ тамъ кавалеристовъ.

Между тѣмъ, въ Тюльери происходили не менѣе страшныя явленія. Адвокатъ Кремье, одинъ изъ депутатовъ крайней оппозиціи, явился туда подавать королю совѣты. Безпорядокъ во дворцѣ былъ таковъ, что онъ безъ доклада могъ провѣкнуть во внутренніе покои короля. Приемная комната была наполнена всякаго рода военными и гражданскими лицами, и самонадѣянный адвокатъ готовъ уже былъ проникнуть во вторую комнату къ самому королю, когда былъ остановленъ герцогомъ Монпансье, который просилъ его сообщить ему, прежде нежели онъ увидитъ его отца, что онъ думаетъ о настоящемъ ходѣ дѣлъ.

— Приицъ, отвѣчалъ Кремье,—въ четвертомъ округѣ, изъ котораго я сейчасъ пришелъ, положеніе далеко не отчаянное; если назначать президентомъ министровъ Одилона Барро, популярнаго людей министрами, если удалятъ маршала Бюжо и сдѣлаютъ большія уступки, то движеніе еще можетъ быть оставлено.

Герцогъ ввелъ незастѣнчиваго адвоката въ слѣдующую небольшую комнату съ однимъ окномъ, гдѣ сидѣлъ король въ генеральскомъ мундирѣ національной гвардіи. Возлѣ короля находились Тьеръ, Ремюза и Дювержье де-Горанъ. Послѣ представленія, король спросилъ:

— Что вы скажете, г. Кремье? Каково ваше мнѣніе?

— Государь, отвѣчалъ Кремье,—положеніе трудное, но я не думаю, чтобы все было потеряно. По моему мнѣнію, г. Тьеръ не можетъ оставаться президентомъ министровъ; имя его далеко не пользуется народнымъ расположеніемъ.

— Королю извѣстно, замѣтилъ Тьеръ, что я готовъ сложить мою должность, если мое присутствіе составляетъ препятствіе.

— Г. Тьеръ знаетъ, продолжалъ Кремье,— что я это говорю не по враждебному чувству, и не потому чтобы я не довѣрялъ его намѣреніямъ. Но это мнѣніе открыто выражаетъ народъ, и ему нужно дать удовлетвореніе. Назначеніе Одилона Барро президентомъ кабинета, съ предоставленіемъ ему права составить министерство, которое бы представляло достаточныя ручательства,—вотъ первая мѣра, которую я беру на себя смѣлость предложить королю.

Король такъ упалъ духомъ, что велѣлъ позвать перваго секретаря, барона Фена, и приказалъ ему изготовить приказъ (ordonance), которымъ Одилонъ Барро назначался (безъ вѣдома его самого) президентомъ министровъ.

Кремье продолжалъ:

— Я долгомъ почитаю сказать вашему величеству, что тѣ, которые подали вамъ совѣтъ назначить маршала Бюжо начальникомъ національной гвардіи, сдѣлали непростительную ошибку; это назначеніе заключаетъ въ себѣ самое горестное противорѣчіе всему что ни предпринимается. Іюльскія происшествія 1832 года находятъ еще въ свѣжей памяти у бунтующаго народа.*

— Кого же вы предложите? спросилъ король, очевидно все болѣе и болѣе упадавшій духомъ.

* Кремье ошибся числомъ; ему слѣдовало сказать *апрѣльскія* происшествія 1834 года, ибо, очевидно, онъ намекалъ на усмиреніе республиканскаго возстанія, и на жестокости, которыя позволили себѣ при этомъ войска въ Трамонесской улицѣ. Бюжо не имѣлъ тамъ никакой команды, что было вполнѣ доказано, но народъ сохранилъ противное убѣжденіе. Эту клевету звали на маршала легитимисты, желая отомстить Бюжо за его вѣрность и непокорность, которыя онъ обнаружилъ когда былъ командантомъ замка Бла, гдѣ содержалась беременная герцогиня Беррійская. Республиканцы, и въ особенности социалисты, старались поддерживать и распространять эту выдумку въ народѣ, чтобы повредить какими бы то ни было средствами іюльскому правительству. Луи Бланъ, хорошо знавшій истину, не смѣлъ лужимъ опровергнуть ложный слухъ.

— Маршала Жерара, котораго имя пользуется въ некоторую популярностію или, что было бы еще лучше, генерала Ламорисьера; но ваше величество вѣроятно назначите послѣдняго военнымъ министромъ.

— Хорошо, сказалъ король,—итакъ, маршала Жерара!

Кремье, истощившій запасъ своихъ совѣтовъ, удалился, и встрѣтилъ въ приемной генерала Ламорисьера, который явился предложить свои услуги. Адвокатъ объявилъ ему, что король назначаетъ его военнымъ министромъ. „Это невозможно, возразилъ генералъ: я провелъ восемь лѣтъ въ Алжирѣ, и не знаю положенія ни одного полка!“—„Въ такомъ случаѣ возьмите начальство надъ національною гвардіей.“—„Это другое дѣло, на это я готовъ.“ — Кремье возвратился къ королю, вмѣстѣ съ Ламорисьеромъ, и старикъ былъ такъ слабъ, что безъ всякаго противорѣчія утвердилъ распоряженіе г. Кремье, забывъ, что сейчасъ на то же мѣсто назначилъ маршала Жерара.

Написана была наскоро прокламація объ этихъ новыхъ назначеніяхъ, и король, повѣрившій словамъ Кремье, что движеніе будетъ остановлено этими уступками, былъ вполне убѣжденъ, что опасность миновала. Онъ отправился завтракать съ своимъ семействомъ въ галерею Діаны. Было около половины одиннадцатаго. Король старался быть веселымъ, чтобъ успокоить королеву, которая, хотя и не знала подробностей, но видѣла, что готовятся событія необыкновенныя. Едва сѣла за столъ, какъ вошли безъ доклада новые министры, Ремюза и Дювержье де-Горакъ. Они желали переговорить съ герцогомъ Монпансье. Принцъ старался принять спокойную наружность, но смущенный видъ министровъ встревожилъ всѣхъ, и королевское семейство собралось вокругъ нихъ.

— Вашему величеству неизвѣстно что происходитъ? сказалъ Ремюза.—На площади Согласія, въ трехъ стахъ шагахъ отсюда, драгуны отдають народу свои сабли, а пѣхота свои ружья.

— Быть не можетъ! воскликнулъ король.

— Извините, ваше величество, я это видѣлъ собственными глазами, подтвердилъ дежурный офицеръ, вошедшій вмѣстѣ съ министрами.

Дѣйствительно, эта выдача оружія происходила, вслѣдствіе

ошибокъ, сдѣланныхъ генераломъ Бедо и деморализировавшихъ войско.

Никто, конечно, не думалъ садиться за завтракъ. Болѣе всѣхъ сохранила присутствія духа старая королева. Она сказала своему мужу: „Государь, сядьте на лошадь, и умрите, если это нужно; жена ваша и дѣти будутъ свидѣтелями вашей смерти съ балкона Тюльерійскаго дворца.“ Король дѣйствительно выѣхалъ верхомъ, и сдѣлалъ смотръ войскамъ, стоявшимъ на Карусельской площади. Регулярная войска встрѣтила его привѣтствіемъ: „да здравствуетъ король!“ и ихъ восклицанія повторены были обоими батальонами стоявшей тутъ національной гвардіи, хотя между послѣднею и слышенъ былъ крикъ: „да здравствуетъ реформа!“ Эта грубость городской милиціи снова лишила короля бодрости. Онъ возвратился во дворецъ, и пошелъ въ свою рабочую комнату въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь ждалъ его Тьеръ.

Мы видѣли, что Одилонъ Барро обѣщалъ лично объявить народу о сдѣланныхъ уступкахъ, и тѣмъ прекратить возстаніе. Попытка его оказалась совершенно неудачною и окончилась довольно комически. Онъ собралъ многихъ изъ своихъ пріятелей, въ томъ числѣ знаменитаго Ораса Верне, Оскара Лафайета, и другихъ депутатовъ лѣвой стороны; но когда ему пришлось сѣсть на лошадь, онъ долженъ былъ признаться, что отъ роду не ѣздилъ верхомъ. Кое-какъ его подняли на сѣдло, и товарищи повели лошадь подъ узду. Процессія двинулась вдоль бульваровъ, и около церкви Св. Магдалины, гдѣ всѣ знали знаменитаго предводителя лѣвой стороны, была принята довольно хорошо. Но пріемъ этотъ по мѣрѣ шествія вдоль бульваровъ становился все холоднѣе, пока, наконецъ, у баррикады близъ воротъ Сень-Дени, занятой республиканцами, процессія была остановлена не только насмѣшками, но и жестами, столь выразительными, что о продолженіи шествія невозможно было и думать.

Возмущеніе, бывшее столь незначительнымъ въ началѣ, разумѣется, быстро распространилось, когда войскамъ запрещено было оказывать народу сопротивление. Въ теченіи двухъ предшествовавшихъ дней, республиканцы успѣли подѣлать изъ департаментовъ, по сдѣланному условію. Кроме того, въ рядахъ національной гвардіи оставались только или крайніе либералы, или люди съ республиканскимъ образомъ мыслей. Около Тюльери начали показываться толпы

вооруженныхъ людей; ими предводительствовали начальники секцій тайныхъ обществъ, умѣвшіе держать своихъ приверженцевъ въ лучшей дисциплинѣ нежели какую обнаружилъ генералъ Бедо. Подходя ко дворцу, съ очевидною цѣлію прогнать короля и положить конецъ монархіи, они продолжали кричать, согласно данному приказанію: „да здравствуетъ реформа! долой министровъ!“ и не произносили имени республики. Одна изъ такихъ шайкъ подъ предводительствомъ Лонженъ, того самаго господина, котораго мы видѣли вмѣстѣ съ Флокомомъ, Луи Бланомъ и прочими на совѣщаніи, бывшемъ въ редакціи газеты *Реформа*, вечеромъ 21, ворвалась было на Карусельскую площадь, будто бы за тѣмъ чтобы подать королю прошеніе о реформѣ. Но маршалъ Бюжо загородилъ ей путь двумя батальонами національной гвардіи и объявилъ спутникамъ Лонженъ, что такъ какъ желанія о реформѣ и безъ того уже исполнены, то хлопотать болѣе уже не о чемъ. Это убѣжденіе такъ подѣйствовало, что толпа разошлась, оставивъ Лонженъ съ небольшимъ числомъ посвященныхъ въ тайну заговора. Въ это время послышалась стрѣльба въ другомъ концѣ площади, со стороны Лувра. Бюжо бросился къ стоявшимъ тамъ войскамъ, и объявилъ имъ, что хотя и велѣно прекратить огонь, но нельзя не отражать нападеній. Спросивъ у солдатъ: заряжены ли у нихъ ружья, есть ли патроны, и готовы ли они сѣдовать за нимъ, маршалъ получилъ единодушный утвердительный отвѣтъ. Онъ уже собирался скомандовать впередъ, какъ подскакали къ нему два адъютанта съ извѣстіемъ, что начальство надъ войсками передано другому, и что король отказался отъ престола. Бюжо велѣлъ идти войскамъ безъ себя, а самъ бросился къ корю.

Мы оставили короля въ его рабочей комнатѣ въ бѣсѣдѣ съ Тьеромъ. Тутъ же находились: королева, герцоги Немурскій и Монпансье, Ламорисьеръ и Ремюза. Время отъ времени вызывали Тьера для какихъ-то переговоровъ. Герцогъ Немурскій сталъ у него разспрашивать о полученныхъ извѣстіяхъ; но въ это время дверь отворилась, вошелъ Эмиль Жирарденъ, обратился прямо къ королю, и сказалъ, что прокламація о назначеніи президентомъ министровъ Одилона Барро вездѣ уничтожена народомъ, что вооруженныя толпы, перемѣшанныя со студентами и національными гвардейцами, приближаются къ дворцу. Разговаривавшій съ Тьеромъ издатель *Constitutionnel*, Мерюо подтвердилъ оба эти извѣстія.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ смущенный король.

— Отказаться отъ престола, отвѣчалъ Жирарденъ.

— Отказаться отъ престола! повторилъ король, и уронилъ перо, которое держалъ въ рукѣ.

— Государь, продолжалъ Жирарденъ, поднимая перо и подавая его королю,—еще минута замедленія, и все потеряно. Вотъ прокламація, которую я велѣлъ впередъ напечатать.

Съ этими словами положилъ онъ печатную прокламацію на столъ. Въ ней было сказано:

„Король отказывается отъ престола. Герцогиня Орлеанская принимаетъ регентство. Палата депутатовъ распускается. Объявляется всеобщая амнистія.“ Король остановился въ нерѣшимости. Тогда подошелъ герцогъ Монпансье и сказалъ:

— Прошу васъ во имя Франціи, государь, откажитесь.

— Хорошо, сказалъ король,—пусть будетъ такъ, если вы всѣ этого хотите, я отказываюсь.

— Ваше королевское слово, государь? настаивалъ Жирарденъ.

— Оно дано, отвѣчалъ король.

Тогда Жирарденъ побѣждалъ распространять въ Парижѣ извѣстіе, что король отказался отъ престола. Но его словамъ не вѣрили, такъ какъ онъ не имѣлъ письменнаго доказательства. Объ этомъ дали знать въ Тюльери, и король взялся за перо, когда вбѣжалъ маршалъ Бюжо.

— Какъ, государь! воскликнулъ онъ:—вы отказываетесь отъ престола? Но этимъ вы все погубите. Слышите эти выстрѣлы (это была перестрѣлка передъ такъ-называемымъ *Chateau d'eau*, о которой мы расскажемъ въ послѣдствіи)? Сперва надо сражаться, а потомъ мы увидимъ; но ради Бога, государь, не отказывайтесь отъ престола!

Королева, стоявшая у окна, бросилась къ нему съ словами,

— Маршалъ говоритъ правду, васъ стращаютъ, не пишете, государь.

Король дѣйствительно положилъ перо и подошелъ къ своей супругѣ; но оба принца, министры и многія другія лица стали ему напоминать, что онъ далъ честное слово. Тогда король, несмотря на просьбу маршала Бюжо, сѣлъ опять за столъ и взялъ перо.

— Скорѣе, скорѣе! кричали ему изъ дверей.

— Я не умѣю писать провозраше, отвѣчалъ онъ, и написалъ слѣдующія слова:

„Я отказываюсь отъ короны въ пользу моего внука, графа Парижскаго, и желаю чтобъ онъ [былъ счастливѣе меня. Людовикъ Филиппъ.“

Написавъ эти слова, король всталъ и отдалъ бумагу одному изъ оппозиціонныхъ депутатовъ, чтобъ отнести ее въ палату; но королева взяла ее изъ рукъ послѣдняго, прочла, положила на столъ и сказала:

— Король сдѣлалъ чего вы желали; онъ лучше васъ всѣхъ.

Тогда генераль Ламорисьеръ взялъ бумагу, сложилъ ее, вышелъ изъ комнаты чтобы поспѣшить на мѣсто сраженія, которое, судя по выстрѣламъ, должно было происходить не далеко, и надѣялся прекратить возмущеніе представленіемъ подлиннаго акта. Онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ по направлению въ Пале-Рояль. Въ улицѣ Сентъ-Оноре наткнулся онъ на баррикаду. Начальникъ ея схватилъ его лошадь за поводья. Ламорисьеръ показалъ бумагу, въ надеждѣ что она произведетъ желаемое дѣйствіе, но тотъ прочелъ ее и сказалъ:

— Возвратитесь назадъ, генераль, намъ мало отказа отъ престола, мы хотимъ низверженія династіи.

Ламорисьеръ прорвался далѣе, но едва выѣхалъ на Пале-Рояльскую площадь, какъ лошадь подъ нимъ была убита и самъ онъ раненъ въ руку. Начальникъ баррикады былъ знакомый намъ Лагранжъ, тотъ самый, который наканунѣ устроилъ процессію съ краснымъ знаменемъ, и первымъ выстрѣломъ подалъ поводъ къ невольному убійству передъ домою министерства иностранныхъ дѣлъ.

Предводители немногочисленной республиканской партіи очень хорошо умѣли воспользоваться разрозненнымъ положеніемъ войскъ и приказаніемъ прекратить огонь и всѣ наступательныя дѣйствія. Они, во первыхъ, старались достать оружіе и порохъ, что имъ и удалось сдѣлать, гдѣ силою, гдѣ обманомъ, а во вторыхъ—направить всѣ свои силы къ Тюльери. Чтобъ увлечь къ этой послѣдней цѣли національныхъ гвардейцевъ, они придумали требовать какихъ-то обезпеченій въ исполненіи обѣщанныхъ преобразованій. Они разчитывали, что войска, стоявшія близъ дворца, окажутъ имъ сопротивленіе, что можетъ завязаться бой, и что тогда найдется предлогъ требовать болѣе нежели простой реформы и увлечь массы къ выполненію своихъ задушевныхъ замысловъ. Нѣкоторые изъ увлеченныхъ ими шаекъ полагали, что такъ или иначе обезпеченій лучше требовать у палаты депу-

татовъ, и не соглашались идти на Тюльери; но ихъ убѣдили, что этамъ путемъ гораздо ближе и легче достигнуть палаты.

Мы видѣли, какъ легко было маршалу Бюжо уговорить толпу, сопровождавшю Лонженье, возвратиться назадъ по направленію къ Пале-Роялю. Въ это время на Пале-Рояльскую площадь прибылъ, съ противоположной стороны, другой отрядъ возмущившихся, подъ предводительствомъ Етьена Араго (старого республиканскаго заговорщика). Ему удалось захватить и обезоружить караулъ при почтамтѣ, находившемся въ одной улицѣ съ редакціей газеты *Реформа*, этою главною квартирою красныхъ республиканцевъ *. Свершивъ свой подвигъ, онъ направился къ Пале-Роялю, чтобы захватить также караулъ, находившійся въ зданіи Шато-д'О. Это было старинное двухъэтажное строеніе, назначенное для снабженія дворцовъ водою. При Лудовикѣ Филиппѣ правительство воспользовалось его толстыми стѣнами и важнымъ стратегическимъ положеніемъ, чтобъ обратить его въ нѣкотораго рода цитадель. Окна въ обоихъ этажахъ были снабжены крѣпкими желѣзными рѣшетками и толстыми дубовыми ставнями, въ которыхъ были прорѣзаны отверстія для стрѣльбы; дверь нижняго этажа была также обита желѣзомъ и снабжена бойницами. Еще рано утромъ, стоявшій тутъ караулъ муниципальной стражи былъ смѣненъ двумя ротами четырнадцатаго пѣхотнаго полка, того самаго, который сдѣлалъ наканунѣ несчастный залпъ передъ домою министерства иностранныхъ дѣлъ. Этимъ обстоятельствомъ умѣли воспользоваться, чтобъ еще болѣе возмутить народъ. Толпы, собравшіяся на площади Пале-Рояля, раздѣлились на двѣ части: одна заняла Пале-Рояль и обезоружила находившійся тамъ караулъ, а другая, болѣе значительная, обступила Шато-д'О. Командовавшій здѣсь офицеръ получилъ уже приказаніе возвратиться съ своею командой; но народъ не хотѣлъ пропустить ее иначе, какъ отобравъ оружіе. Всѣ переговоры были бесполезны; солдаты не хотѣли подвергнуться этому безчестію и заперлись внутри зданія. Тогда началась формальная осада. Между

* Это выраженіе не придумано нами, но замѣчено изъ третьей главы книги Луи Влана *Révolutions historiques*, вотъ его слова: „une foule immense était accourue des barricades au bureau de la *Réforme*, quartier général de l'insurrection“, etc.

осаждающими было сначала много убитых, что, разумеется, произвело еще болѣе ожесточенія. Бой продолжался болѣе часа, и запасъ пороха у осажденных начиналъ истощаться. Тогда нѣсколько человекъ изъ нихъ попробовали проложить себѣ дорогу штыками, но были тотчасъ же убиты на мѣстѣ; той же участи подверглись и тѣ изъ нихъ, которые попытались выйдти изъ боковой двери, выходившей на соседнюю улицу: въ числѣ ихъ былъ храбрый поручикъ Перець, который велъ переговоры; на тѣлѣ его оказалось четырнадцать ранъ штыкомъ. Когда стрѣльба изъ зданія прекратилась, народъ бросился ломать двери; но увидя бесполезность своихъ усилій, рѣшился сжечь зданіе: натащили множество мебели и экипажей изъ Пале-Рояля и королевскихъ конюшенъ и зажали ихъ. Огонь сталъ лизать стѣны зданія и проникать во внутренность; тогда нижняя дверь отворилась, и часть осажденных бросилась черезъ огонь на площадь, но была тотчасъ же истреблена. Между тѣмъ потолокъ и крыша загорѣлись, рухнули внутрь, и изъ зданія поднялась огромная колонна пламени, въ которомъ погибли всѣ остальные. Такимъ образомъ, сто восемьдесятъ четыре человекъ честныхъ воиновъ были принесены въ жертву, для возбужденія республиканскихъ чувствъ въ ослабленномъ народѣ.

Послѣ того какъ король подписалъ свое отреченіе, маршалъ Бюжо справедливо замѣтилъ, что этотъ послѣдній шагъ не остановитъ хода событій. Лудовикъ Филиппъ, къ которому теперь возвратилось все его прежнее присутствіе духа, отвѣчалъ:

— Я это знаю, но не хочу, чтобъ изъ-за меня еще болѣе проливалось крови.

Маршалу послѣ этого оставалось только удалиться. На мѣсто его явился новый совѣтникъ, знакомый намъ адвокат Кремье. Онъ узналъ, что король отказался отъ престола и пришелъ торопить его къ скорѣйшему отъѣзду, представляя, что возмущившіяся массы народа готовы ворваться въ Тюльери. Король велѣлъ подавать дорожные экипажи; въ отвѣтъ на это ему сказали, что экипажи задержаны на Карусельской площади, и что при этомъ убиты форрейторъ и двѣ лошади. Это извѣстіе скоро распространилось по дворцу и привело въ крайнее смущеніе всю королевскую фамилію, собравшуюся въ рабочей комнатѣ короля. Лудовикъ Филиппъ снялъ съ себя мундиръ, шпагу, ленту, надѣлъ гражданское платье,

взялъ круглую шапку; эти приготовленія подѣйствовали на королеву, какъ вообще дѣйствуютъ на женщинъ мелочи и наружность; она стала дѣлать упреки Тьеру. Послѣдній имѣлъ благоразуміе не отвѣчать на нихъ.

— Неужели мы не найдемъ экипажа? спросилъ король.

Ему отвѣчали, что двѣ кареты безъ гербовъ приготовлены у подъезда со стороны сада. Онъ взялъ королеву подъ руку и сказалъ:

— Идемте.—Но увидя, что герцогиня Орлеанская также собирается за ними сѣдывать, обратился къ ней съ словами:— Елена! Вы должны остаться.

Услышавъ это, Кремье успѣлъ подвернуться и спросить:

— Ваше величество, само собою разумѣется, герцогиня Орлеанская принимаетъ регентство?

— Нѣтъ, отвѣчалъ король,—по законамъ герцогъ Немурскій долженъ быть регентомъ, и я не имѣю власти перемѣнять законы.

Съ этими словами онъ поклонился присутствующимъ и пошелъ въ садъ внутреннимъ ходомъ, который былъ сдѣланъ при Наполеонѣ, для прогулокъ римскаго короля. Кавалерія на площади Согласія находилась подъ командою генерала, который былъ предупрежденъ объ отъѣздѣ короля. Онъ поручилъ полковнику Рейбеллю приготовить конвой и держать выходъ изъ сада свободнымъ. Такимъ образомъ король могъ пройти безпрепятственно до обелиска; по дорогѣ онъ кланялся народу и говорилъ:

— Я отказался отъ престола въ пользу моего внука.— Увидавъ національныхъ гвардейцевъ, онъ сказалъ имъ:— Восемнадцать лѣтъ тому назадъ вы меня призвали—я пришелъ; теперь вы меня прогоняете—я уйду, но не могу ни въ чемъ упрекнуть себя.

У обелиска оказалась только одна карета; въ нее сѣлъ король съ королевою и часть королевской фамиліи, вскорѣ явился другой экипажъ, и оба они отправились, въ сопровожденіи отряда кирасиръ, въ Севъ-Клу. Странствованіе ихъ до Гавра составляетъ рядъ прикаюченій весьма интересныхъ; но мы не можемъ позволить себѣ увлечься повѣствованіемъ объ нихъ, чтобы не отклониться отъ главнаго предмета. Скажемъ только, что король вышелъ на гостепріимный берегъ Англіи не прежде 3-го марта.

Герцогиня Орлеанская, по отъѣздѣ Лудовика Филиппа

возвратилась въ свои покои, гдѣ собрались немногочисленные приверженцы малолюбимаго короля *; сюда же явился и Дюпенъ, и подавъ герцогицѣ совѣтъ отправиться въ палату депутатовъ вмѣстѣ съ обоими дѣтьми: графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ. Вошедшій вскорѣ герцогъ Немурскій одобрилъ это намѣреніе и отправился вмѣстѣ съ ними.

Между тѣмъ мятежныя толпы подступали къ Тюльерійскому дворцу. Поручикъ пятаго легіона національной гвардіи, докторъ Оберъ-Рошъ, подошелъ къ дворцовой рѣшеткѣ и просилъ вызвать коменданта для переговоровъ; коменданта позвали.

— Вы погибли, сказалъ ему докторъ:—дворецъ окруженъ, и сейчасъ начнется осада, если вы не отведете войска и не передадите охраненіе дворца національной гвардіи.

Комендантъ ничего не отвѣчалъ ему, но только сдвинулъ войска ближе къ дворцу. Докторъ замѣтилъ его нерѣшительность, но не оставилъ своего намѣренія; онъ отыскалъ какого-то штабъ-офицера національной гвардіи, и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ другому подъѣзду, со стороны улицы Риволи. Здѣсь принялъ ихъ тотъ же комендантъ, и на вторичное требованіе отвѣчалъ, что онъ уже отвелъ войска. „Я это не такъ разумѣю, возразилъ докторъ: нужно очистить дворецъ; иначе могутъ послѣдовать большія бѣдствія.“ Комендантъ повелъ этихъ парламентаревъ къ герцогу Немурскому, и доложилъ ему, какое предлагается средство къ избѣжанію кровопролитія.

— Что же нужно дѣлать? спросилъ герцогъ.

— Немедленно очистить Тюльери и передать національной гвардіи; борьба можетъ сдѣлаться кровавою, дворецъ окруженъ, и пятый легіонъ, къ которому я принадлежу, сражается теперь подъ начальствомъ мера и офицеровъ передъ Пале-Роялемъ; будьте осторожныѣ. Если бой кончится тамъ прежде нежели отсюда успѣютъ уйти войска, онъ можетъ начаться здѣсь, несмотря на ваше присутствіе.

— Неужели! воскликнулъ герцогъ:—въ такомъ случаѣ я вѣлю ихъ вывести.

* Ланартинъ и Дюма вставляютъ здѣсь разказъ о томъ, какъ герцогица, услышавъ громъ артиллерійскихъ орудій, приказала будто бы прекратить огонь. Это чистая выдумка, потому что извѣстно, что 24 февраля не было слышно ни одного пушечнаго выстрѣла.

Едва удалились войска, какъ во дворецъ ворвались со стороны Карусельской площади и улицы Риволи, толпы всякаго сброда. Оберъ-Ротъ не зналъ что ему дѣлать съ своимъ завоеваніемъ потому что настоящія силы республиканцевъ были еще заняты осадой Шато-д'О. Онъ рѣшилъ передать дворецъ караулу національныхъ гвардейцевъ, находившемуся во флигелѣ, гдѣ помѣщался главный штабъ. Когда эти непосвященные были созваны чтобы занять дворецъ, и имъ объявлено было, что дворецъ находится теперь въ полной ихъ власти, то нѣкоторые простяки закричали: „да здравствуетъ реформа!“

— Нѣтъ, не реформа, сказалъ докторъ,—кричите: „да здравствуетъ республика!“

— Какъ такъ? какая республика?

— Нечему удивляться, да здравствуетъ республика!

Впрочемъ, вскорѣ прибыли уже настоящіе республиканцы подъ предводительствомъ капитана Дюнои, который игралъ въ десятомъ легіонѣ такую же роль, какую тракторщикъ капитанъ Жуанъ—въ третьемъ, и докторъ поручикъ Оберъ-Ротъ—въ пятомъ легіонѣ.

Капитанъ Дюнои ходилъ, съ небольшою значаею шайкой, по улицамъ лѣваго берега Сены, съ цѣлю добывать оружіе и обезоруживать военные посты, что, впрочемъ, ему не вездѣ удавалось. Присоединивъ къ себѣ еще нѣсколько подобныхъ шакъ, онъ почувствовалъ себя въ силахъ пуститься на болѣе отважный подвигъ, и согласно сдѣланному условію, направился къ Тюльери. Когда онъ вступалъ во дворецъ съ одной стороны, Лагранжъ съ своею командой (осада Шато-д'О уже окончилась) вошелъ въ него съ другой. Толпы народа разсыпались по всему зданію, разрушая все что имъ попадалось; столы, стулья, зеркала, люстры, ковры, занавѣси были разбиты, изломаны, изорваны, и выбрасываемы за окна. Въ комнатахъ принцессъ ихъ работы, рисунки, альбомы, оставшіеся совершенно въ томъ видѣ, какъ будто хозяева не покидали своего жилища, были разорваны, разбросаны и растоптаны ногами. Впрочемъ, при этомъ опустошеніи соблюдалась какая-то система. Такъ, изображенія королевы, герцогини Орлеанской и принца Жуанвильскаго остались нетронутыми, тогда какъ портреты прочихъ членовъ фамиліи были изорваны и выброшены за окна. Въ тронной залѣ Лагранжъ прочелъ отреченіе Лудовикъ Филиппа отъ престола, и при крикахъ: „да здравствуетъ республика!“ раздался

залъ изъ ружей, причемъ мраморный бюстъ короля разлетѣлся въ дребезги. Шелковая драпировка, украшавшая тронъ, была раздѣлена между присутствовавшими; они дѣлали себѣ изъ нея кокарды на шапки и ленточки въ петлицы. Самый тронъ былъ отнесенъ на площадь Бастиліи и сожженъ у подножія іюльской колонны. Въ залѣ маршаловъ произносили формальный судъ надъ ихъ портретами; иные привѣтствовали рукоплесканіями, другіе рвали въ куски. Больше всего досталось портретамъ маршаловъ Сульта и Бюжо, какъ главныхъ приверженцевъ іюльской монархіи. Въ придворной церкви вся мебель была изломана, но алтарь и его украшенія не были тронуты. Работники, подъ предводительствомъ одного воспитанника Политехнической Школы, собрали драгоценные сосуды и прочія церковныя украшенія, и отнесли ихъ въ приходскую церковь святаго Роха. Воспитанникъ Политехнической Школы взялъ въ руки рѣзное распятіе, и поднимая его, сказалъ: „Друзья мои! вотъ общій нашъ Владыка!“ (*Mes amis! Voilà notre maitre à tous!*), и пошелъ во главѣ процессіи, при крикахъ народа: „Шапки долой! кланяйтесь Спасителю! Да здравствуетъ нація, да здравствуетъ Христосъ!“ (*chapeaux bas! Saluez le Christ, vive la nation, vive, Jesus-Christ!*) Сдавъ эти предметы приходскому священнику, онъ взялъ у него расписку, и велѣлъ звонить во всѣ колокола. Между тѣмъ, въ комнатахъ королевской фамиліи происходили самыя комическія сцены. Люди изъ простаго народа лежали растянувшись на кроватяхъ принцевъ и принцессъ; другіе плясали, кричали, и разыгрывали разные комическія представленія. Одинъ въ шелковомъ халатѣ, и въ трехъугольной шляпѣ съ плюмажемъ, принадлежавшей маленькому графу Парижскому, игралъ на скрипкѣ и пѣлъ марсельезу; другой надѣлъ сверхъ синей баузы бѣлый жилетъ Лудовика Филиппа, и его красную ленту, сѣлъ верхомъ на окно и трубилъ въ рогъ. На дворѣ и въ саду были зажжены костры изъ мебели; а на наружныхъ стѣнахъ было написано мѣломъ: „отдается вънаймы большая лавка по случаю прекращенія торговли.“ На дворцѣ выставлено красное знамя и сломанъ маятникъ на часахъ главнаго корпуса (*ravillon de l'horloge*). Стрѣлка стояла на половинѣ втораго, и показывала конецъ іюльской монархіи.

IV.

Послѣ того какъ мы были во дворцѣ свидѣтелями кончины июльской монархіи, намъ остается присутствовать при ея официальныхъ похоромахъ въ палатѣ депутатовъ. Засѣданіе палаты было назначено въ часъ; но уже въ двѣнадцать часовъ собралось много членовъ, которые бродили въ залѣ Де-ла-пердю, въ тревожномъ ожиданіи. Одилоу Барро триумфально проѣхалъ мимо палаты въ коляскѣ; а въ часъ онъ проходилъ въ нее уже пѣшкомъ, со шляпой въ рукѣ, сопровождаемый толпою народа, съ криками: „да здравствуетъ Одилоу Барро!“ Вскорѣ явился и Тьеръ, смущенный и разстроенный. Когда со всѣхъ сторонъ обратились къ нему съ разспросами, онъ наклонился и потомъ, поднявъ руки къверху, сказалъ: „Волна растетъ, волна растетъ!“ и съ этими словами ушелъ. Наконецъ, въ половинѣ втораго, прибылъ президентъ Сосе, и открылъ засѣданіе. Ни старыхъ, ни новыхъ министровъ не было; галереи для публики, въ которыхъ обыкновенно бывала такая тѣснота, оставались совершенно пустыми; число присутствовавшихъ депутатовъ простиралось до трехсотъ. Прочли протоколъ послѣдняго засѣданія, и положили признать палату постоянно присутствующею. Въ это время подошелъ къ президенту офицеръ, и сказалъ ему что-то на ухо. Президентъ позвонилъ въ колокольчикъ, всталъ, и объявилъ, что герцогиня Орлеанская желаетъ присутствовать въ палатѣ. Принесли три стула и поставили ихъ внизу трибуны, въ центрѣ полукружія образуемаго скамьями депутатовъ; потомъ на мѣсто средняго стула поставили кресло, какъ бы въ замѣкъ того трона, который въ это время горѣлъ на площади Бастиліи. Дверь въ полукружіи противъ президентскаго мѣста отворилась, и герцогиня Орлеанская въ черномъ платьѣ и съ опущеннымъ вуалемъ, стала спускаться по лѣстницѣ, ведя за руки обоихъ сыновей. Герцогъ Немурскій, въ мундирѣ и орденахъ, шелъ за нею, и ихъ сопровождали генералы, офицеры и національные гвардейцы. Герцогиня сѣла на кресло; дѣти помѣстились возлѣ нея. Послѣ продолжительнаго шума, заставили Дюпена взойти на трибуну, и онъ объявилъ объ отреченіи короля въ пользу своего внука, и о назначеніи

герцогини Орлеанской правительницею. Крайняя лѣвая и крайняя правая стороны молчали; но другія партіи встрѣтили это объявленіе знаками одобренія, и въ центрѣ кричали: „да здравствуетъ король, да здравствуетъ графъ Парижскій, да здравствуетъ правительница!“ Дюпенъ требовалъ, чтобъ эти восклицанія, которыя герцогиня слышала и между народомъ, на пути изъ Тюльери въ палату, были занесены въ протоколъ. При этихъ словахъ нѣкоторые кричали: „да, да, браво!“ другіе: „нѣтъ, нѣтъ.“ Все пришло въ волненіе. Президентъ началъ было: „Господа, мнѣ кажется, что палата своимъ единодушнымъ одобреніемъ...“; но крики лѣвой и правой стороны не дали ему кончить. Толпа постороннихъ лицъ и національныхъ гвардейцевъ съ ружьями ворвалась въ залу, и подняла страшный шумъ. Мари попробовалъ говорить, но не могъ добиться, чтобъ его слушали. Тогда Ламартинъ обратился къ президенту и просилъ его объявить о прекращеніи на-время засѣданія, что тотъ и исполнилъ. Всѣ депутаты встали съ своихъ мѣстъ и бросились въ пространство между стѣною и нижними скамьями полукруга, гдѣ сидѣла герцогиня Орлеанская съ дѣтьми. Тѣснота вокругъ нея сдѣлалась страшная; герцогъ Немурскій, и другія преданныя ей лица уговаривали ее оставить залу. Она колебалась, наконецъ рѣшилась, повидимому, исполнить ихъ желаніе, но тѣснота была такая, что невозможно было достигъ ни одной изъ двухъ дверей въ нижней части залы, и герцогиня принуждена была воротиться на свое мѣсто. Генералъ Удино тщетно убѣждалъ присутствовавшихъ, чтобъ они дали бѣдной женщинѣ, пришедшей пѣшкомъ изъ Тюльери съ двумя малолѣтними дѣтьми, по крайней мѣрѣ возможность выйти изъ залы собранія, и просилъ очистить путь къ задней двери. Президентъ предлагалъ лицамъ, не принадлежащимъ къ палатѣ, выйти изъ полукружія; но все это было напрасно: никто не трогался съ мѣста. Тогда герцогиня, съ своею свитой, пошла по лѣстницѣ амфитеатра къ средней двери, черезъ которую она вошла; но не могла достигнуть и ея, и принуждена была сѣсть на одной изъ верхнихъ скамеекъ. Число постороннихъ лицъ и національныхъ гвардейцевъ постоянно увеличивалось; наконецъ явился Одилонъ Барро, и множество депутатовъ просили его занять трибуну. Въ это время Мари, все еще оставшійся на каеедрѣ воспользовался минутнымъ прекращеніемъ шума, и началъ: „я предлагаю, чтобы немедленно было назна-

чело временное правительство. "Кремье сталъ говорить въ томъ же смыслѣ, и предложилъ составить правительство изъ пяти членовъ. Одинъ изъ легитимистовъ требовалъ обратиться къ націи, безъ согласія которой, говорилъ онъ, ничего рѣшено быть не можетъ. Наконецъ Одилонъ Барро достигъ трибуны; наружность его была торжественна, а лицо совершенно блѣдное. При видѣ его водворилась тишина.

„Никогда, началъ онъ, никогда не нуждались мы въ большемъ хладнокровіи, въ большемъ благоразуміи. Соединимся всѣ въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи: спасти отечество отъ ужаснѣйшаго изъ бѣдствій, отъ междоусобной войны. Націи не умираютъ, но онѣ могутъ ослабѣвать отъ внутреннихъ раздоровъ, и никогда Франція не нуждалась болѣе во всемъ своемъ величіи, во всемъ своемъ могуществѣ. Обязанность наша предначертана намъ во всемъ ея объемѣ. По счастью, простота ея доступна для всего народа; она взываетъ къ самымъ благороднымъ, къ самымъ дорогимъ его свойствамъ, къ его мужеству и къ его чести. Люльская корона лежитъ на главѣ ребенка и женщины.“ Сильное одобреніе въ центрѣ сопровождало эти слова. Герцогиня Орлеанская поклонилась, и графъ Парижскій сдѣлалъ то же. Она выразила президенту желаніе говорить, и держала въ рукахъ какую-то бумажку; но президентъ не обратилъ на это вниманія, или потому что не слышалъ ея словъ, или потому что ожидалъ большаго эффекта отъ пустословія Одилона Барро. На бумажкѣ, которую успѣлъ подать герцогинѣ проворный Кремье, было написано: „Мой сызъ и я желаемъ получить власть отъ воли націи. Мы оба, я, вдова герцога Орлеанскаго, и сирота, сызъ мой, будемъ ожидать того рѣшенія, которое приметъ народъ. Во всякомъ случаѣ я внушу моему сыну живѣйшія чувства любви къ отечеству и къ свободѣ.“ Слова эти не были произнесены; но нѣтъ сомнѣнія, что они произвели бы болѣе благоприятное впечатлѣніе нежели безконечное ораторство, которому преданъ Одилонъ Барро. Ободренный успѣхомъ, онъ началъ развивать длинныя фразы, запутался въ нихъ, не могъ придти ни къ какому заключенію, и совершенно изгладилъ хорошее впечатлѣніе, произведенное первыми его словами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался легитимистъ Ларошъ-Жюкевель, занялъ трибуну, и вмѣсто ожидаемой защиты правъ Геяриха V,

сталъ говорить о правахъ народа, потомъ вытянувшись во всю длину своего огромнаго роста, и встряхнувъ своею львиною гривой, воскликнулъ обращаясь къ депутатамъ: „Я вамъ объявляю, что вы сегодня ничто! понимаете ли? всѣ вы ничто!“ Возникшій при этомъ ропотъ онъ прервалъ словами: „Я самъ депутатъ, и не думаю унижать этого званія, но я говорю, что мы болѣе не депутаты; я говорю, что палата не существуетъ болѣе..“ Окончанія этой рѣчи нельзя было разслышать; огромная толпа ворвалась въ обѣ двери находившіяся въ нижней части залы. Толпа эта состояла изъ національныхъ гвардейцевъ и воспитанниковъ Политехнической Школы въ мундирахъ, изъ студентовъ, работниковъ, и людей въ разныхъ костюмахъ: въ сюртукахъ, въ блузахъ, въ курткахъ, съ кирасирскими касками и пѣхотными киверами на головахъ, съ пиками, ружьями, саблями въ рукахъ, и со множествомъ знаменъ. При ея появленіи, депутаты удалились на верхнія скамьи амфитеатра. Шумъ былъ страшный. Тѣ, которые, повидимому, предводительствовали толпою, кричали: „Мы требуемъ сверженія короля съ престола; прочь Бурбоновъ! долой измѣнниковъ! не нужно регентства! назначить сейчасъ временное правительство!“ Эманюэль Араго, сынъ астронома, и другіе, пришедшіе съ нимъ изъ редакціи *National*, принесли съ собою составленный тамъ списокъ членовъ этого правительства. Президентъ попробовалъ было накрыться, чтобы прекратить засѣданіе, но ему кричали: „долой шляпу! долой шляпу!“ Множество ораторовъ толкались у трибуны. Наконецъ занялъ ее Ледрю-Ролленъ, и во имя народа, просилъ вниманія. „Отечество, сказалъ онъ, возстало сегодня, и не спросить его, нельзя ничего сдѣлать. Я требую, поэтому, назначенія временнаго правительства не палатою, но самимъ народомъ,—временнаго правительства, и потомъ немедленнаго созванія національнаго конвента, который опредѣлитъ бы права народа.“ За нимъ началъ говорить Ламартинъ въ томъ же смыслѣ, но рѣчь его была прервана выстрѣлами въ коридорахъ, и новая толпа, выломавъ двери, ворвалась въ галерею; толпа эта состояла большею частію изъ черни въ блузахъ и рубашкахъ, выпачканныхъ кровью и порохомъ; у всѣхъ было оружіе, а у многихъ на штыкахъ были надѣты окровавленные кивера и обувь, снятые съ убитыхъ солдатъ муниципальной стражи. Толпа эта была направлена на палату

Коссидьеромъ и приверженцами газеты *Реформа*, къ главному штабу которой принадлежалъ врагъ всякаго наси-
 лия, Луи-Бланъ. Вломившись въ двери съ криками: „долой па-
 лату, не нужно депутатов!“ они думали вступить въ залу, но
 попали въ галлерею. Нѣкоторые стали прицѣлываться изъ
 ружей въ говорившаго на каедрѣ: „Не стрѣляйте, не
 стрѣляйте, закричали имъ, это — Ламартианъ.“ Другіе ста-
 ли цѣлиться въ группу, которая окружала герцогиню Ор-
 леанскую, маленькихъ принцевъ и герцога Немурскаго,
 но имъ успѣли подтолкнуть ружья, и выстрѣлы попали въ
 потолокъ. Раздавались крики, брань, насмѣшки, и казалось,
 что сейчасъ начнется побоище. Звонокъ президента не слу-
 жилъ ни къ чему; онъ долженъ былъ закрыть засѣданіе, и
 оставилъ свое мѣсто. По этому звуку, всѣ депутаты бросились
 къ лѣстницѣ, и этимъ общимъ движеніемъ герцогиня Орле-
 анская была, такъ сказать, увесена до маленькой двери,
 сзади верхнихъ мѣстъ крайней лѣвой стороны; но новый по-
 токъ входившаго вооруженнаго народа отбросилъ ее снова
 къ большой стеклянной двери залы Des Pas-Perdus. Она при-
 нуждена была повиноваться общему движенію, пока, нако-
 нецъ, не упала почти безъ чувствъ передъ дверью, выходившею
 въ садъ президентскаго дома. Ей отворили эту дверь, пе-
 редали ей графа Парижскаго и снова заперли. Маленькій
 герцогъ Шартрскій лежалъ нѣсколько времени подъ но-
 гами проходившихъ, пока одинъ изъ служителей пала-
 ты не отнесъ его къ себѣ на квартиру. Въ послѣдствіи
 онъ доставилъ его къ герцогинѣ Орлеанской, нашедшей
 себѣ убѣжище въ Домѣ Инвалидовъ. На герцога Немурскомъ
 были оборваны эпюлеты, мундиръ изорванъ въ клочки, и
 самъ онъ обязанъ былъ спасеніемъ одному національному
 гвардейцу, который увелъ его въ контору палаты и отдалъ
 ему свое платье.

Засѣданіе палаты депутатовъ было закрыто; но воору-
 женный народъ и нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны остава-
 лись въ залѣ. Дюпонъ (de l'Eupe) занялъ мѣсто президента.
 Ламартианъ оставался еще на каедрѣ и употреблялъ всѣ
 усилія, чтобы водворить сколько-нибудь порядокъ, но совер-
 шенно напрасно. Шумъ увеличивался все болѣе и болѣе.
 Одинъ изъ стенографовъ *Монитера* всталъ на секретарскій
 столъ, и просилъ нѣсколько минутъ вниманія, чтобы прези-
 дентъ могъ прочесть имена членовъ временнаго правительства.

Но такъ какъ и это не помогло, то рѣшились написать имена на листъ бумаги, и прицѣпивъ къ штыку носили по залѣ. Между тѣмъ Дюпонъ читалъ списокъ; стенографы громко повторяли за нимъ. Имена Араго, Дюпона, Ламартина и Ледрю-Роллена были приняты съ громкими одобреніями, при именахъ Гарнье-Пажеса и Мари—одни кричали „да“, другіе „нѣтъ“. Когда были произнесены имена Тьера и Одилона Барро, находившіяся въ списокѣ составленномъ въ редакціи *National*, то раздались шиканье и крики: „прочъ Тьера! прочъ Барро! да здравствуетъ республика!“ По прочтеніи всего списка, раздался голосъ: „надо проводить временное правительство въ Ратушу; мы хотимъ разумнаго, умѣреннаго правительства; ни крови, ни реакціи! но да здравствуетъ республика!“—„Въ Ратушу! въ Ратушу! подхватили другіе: и Ламартинъ пусть идетъ впередъ!“ Дѣйствительно, Ламартинъ пошелъ изъ залы, въ сопровожденіи многочисленной свиты. По его уходѣ, шумъ еще продолжался. Ледрю-Ролленъ взошелъ на трибуну и просилъ позволенія снова прочесть списокъ, чтобы повергнуть его на одобреніе народа. Имена членовъ были встрѣчаемы тѣми же криками какъ и прежде; но въ это время, къ списку было прибавлено имя Кремье. По прочтеніи списка, Ледрю-Ролленъ объявилъ, что онъ закрываетъ засѣданіе, и отправился въ Ратушу. Народъ еще оставался въ залѣ, шумѣлъ, стрѣлялъ въ портретъ Луи Филиппа, и только въ четыре часа зала была окончательно заперта.

Имя Кремье заставляетъ насъ сдѣлать ототупленіе Лордъ Норменби, бывшій въ то время въ Парижѣ, въ качествѣ англійскаго посланника, велъ ежедневный журналъ всему что видѣлъ и слышалъ, и журналъ этотъ напечатанъ имъ подъ заглавіемъ *Годъ Революціи*. Само собою разумѣется, что записывая всѣ слухи, онъ долженъ былъ впасть въ нѣкоторыя ошибки, но это нисколько не уменьшаетъ достоинства книги. Она остается любопытнымъ разказомъ современнаго и безпристрастнаго свидѣтеля, насколько можетъ быть безпристрастенъ Англичанинъ къ Французу. Лордъ Норменби не любитъ республиканцевъ; смѣется надъ социалистами и презрительно отзывается о Луи Бланѣ. Последний воспользовался небольшимъ числомъ ошибокъ лорда Норменби чтобы написать въ ихъ опроверженіе два дивные тома своихъ *Révélations historiques*. Подъ видомъ

опроверженія того чего и не стоило опровергать (напри-
мѣръ говорилъ ли, или не говорилъ такія-то слова Лудовикъ
Филиппъ садясь на пароходъ), онъ написалъ многословный
панегирикъ своей системѣ, своимъ дѣйствіямъ, и главное,
своей драгоцѣнной особѣ. Между прочимъ, онъ опровергаетъ
разказъ лорда Норменби о томъ способѣ, которымъ Кремье
попалъ въ члены временнаго правительства. Лордъ Норменби
говоритъ, что хотя нельзя собрать достовѣрныхъ свѣдѣній
о происходившемъ въ палатѣ, но что назначеніе Кремье
всѣхъ удивило, и что, по общему слуху, онъ самъ прибавилъ
свое имя, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда особа,
стоявшая возлѣ Дюпона и имѣвшая слабый голосъ, пере-
дала ему, какъ человѣку съ сильнымъ голосомъ, списокъ
для прочтенія. Лордъ Норменби прибавляетъ, что когда онъ
въ послѣдствіи разказывалъ этотъ анекдотъ одному изъ сво-
ихъ знакомыхъ, принадлежавшему къ лицамъ власти имѣю-
щимъ, то сей послѣдній оказалъ ему: „Я самъ эта особа съ
слабымъ голосомъ“. Луи Бланъ, желая спасти честь времен-
наго правительства, хлопочетъ доказать, что все это неправ-
да, и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на то, что у
Кремье голосъ не очень сильный (n'a pas une voix de Stentor).
Мы съ своей стороны можемъ прибавить, что у насъ въ
Россіи, вскорѣ послѣ февральскихъ происшествій, слѣдова-
тельно, болѣе нежели за годъ до появленія книги лорда
Норменби, анекдотъ этотъ былъ извѣстенъ. У насъ прибав-
ляли, кромѣ того, что въ списокѣ на мѣстѣ имени Кремье
стояло имя Корменева, писателя, прославившагося своими
памфлетами противъ правительства Лудовика Филиппа. Эти
памфлеты въ свое время расходились въ сотняхъ тысячъ эк-
земпляровъ, имѣли вліяніе на отказъ въ дотаціи герцога
Немурскаго и на непринятіе многихъ другихъ предложеній
министерства и консервативной партіи. Что касается до
голоса Кремье, то мы можемъ привести слова известной
книги о французскихъ ораторахъ (*Le livre des orateurs*), книги,
вышедшей гораздо ранѣе появленія спора, о которомъ мы
говоримъ. Въ этой книгѣ сказано: „Monsieur Crémieux a la
parole franche, un organe mordant“ и т. д. *.

* Считаемо не лишнимъ представить очеркъ общественной дѣятель-
ности маркиза Норменби. Маркизь Норменби воспитывался въ Кем-
бриджскомъ университетѣ, и по выходѣ изъ него тотчасъ присталъ
къ сторонѣ вигговъ, вопреки семейнымъ преданіямъ своей фамиліи.

Мы видѣли, что въ палатѣ депутатовъ, но не палатю депутатовъ, были назначены семь членовъ временнаго правительства. Выраженію „въ палатѣ, но не палатю“, красные республиканцы придаютъ особенную важность. Они видятъ въ этомъ обстоятельстве доказательство того, будто выборъ сдѣланъ самимъ народомъ. Забывая, что 35 милліонамъ французскаго народа было бы нѣсколько трудно помѣститься въ залѣ палаты, они, повидимому считаютъ за истинныхъ представителей народа ту толпу, которая ворвалась во внутренность палаты благодаря оружію и силѣ локтей, и не хотятъ допустить, чтобы тѣ триста депутатовъ, которые все-таки были выбраны народомъ и представляли собою не одинъ Парижъ, но и всю Францію, могли имѣть какой-нибудь голосъ, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ сторожами, истопниками и лакеями той же самой палаты, принадлежавшими собственно къ народу. Если подъ савомъ *народъ* они разумѣли только вооруженную чернь и предводившихъ ея агитаторовъ, то такъ бы и слѣдовало говорить, не употребляя во зло имени народа. Дѣло въ томъ, что назначеніе членовъ временнаго правительства дѣйствительно было дѣломъ нѣсколькихъ лицъ, предводившихъ возмущеніемъ, какъ о томъ наивно разказываетъ самъ

Въ 1818 году, онъ первый заговорилъ объ эманципаціи католиковъ, и настоятельно самого лорда Росселя развивалъ его проектъ реформы парламента. Въ двадцатыхъ годахъ, лордъ Норменби требовалъ отмены сивекуръ и успѣлъ достигнуть упраздненія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ сильно содѣйствовалъ лорду Грею въ дѣлѣ парламентской реформы и постоянно поддерживалъ его въ парламентахъ. Назначенный генералъ-губернаторомъ Ямайки, во время освобожденія негровъ, онъ совершилъ это трудное преобразование самымъ мирнымъ и непристрастнымъ образомъ. Былъ потомъ министромъ и наконецъ министромъ Ирландіи. Время его управленія этимъ островомъ осталось самымъ счастливымъ въ воспоминаніяхъ народа. Онъ былъ наиболее популярнымъ изъ лордовъ-лейтенантовъ. О'Коннелль сказалъ о немъ, что это лучший Англичанинъ, какого когда-либо видѣла Ирландія. Потомъ онъ снова былъ членомъ министерства въ управленіе Роберта Пиля при знаменитой отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, и послѣ паденія этого министерства назначенъ былъ посланникомъ въ Парижъ. Кажется, такой человекъ заслуживаетъ нѣкотораго уваженія, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ въ пользу улучшенія положенія рабочихъ классовъ гораздо больше нежели сколько наговорилъ, ничего не сдѣлавъ, какой-нибудь Луи-Бланъ.

Луи-Бланъ въ третьей главѣ упомянутой нами книги. Желая выставить значеніе своей особы, онъ говоритъ, что списокъ былъ составленъ имъ, представителемъ партіи *Реформы*, по соглашенію съ Мартемомъ, страсбургскимъ представителемъ партіи газеты *National*, и далѣе присовокупляетъ, что къ этому списку, состоявшему изъ десяти именъ было, какъ онъ выражается, по единодушному желанію народа (подъ этимъ народомъ должно разумѣть толпу, собравшуюся на улицѣ, передъ конторою *Реформы*), прибавлено имя Альбера, будто бы вовсе неизвѣстнаго Луи-Блану. Но который же, наконецъ, народъ настоящій народъ? Почему народъ въ палатѣ не произнесъ именъ Мараста, Флокона, Луи-Блана и въ особенности Альбера, котораго будто бы такъ единодушно желалъ онъ видѣть членомъ временнаго правительства? Если называть французскимъ народомъ всякую вооруженную толпу, которая беретъ провозглашать новое правительство, то мы должны допустить, что въ одномъ Парижѣ было не только два, но даже пять народовъ: первый народъ провозгласилъ свое правительство въ палатѣ депутатовъ; второй—передъ окнами редакціи *National*; третій—у редакціи *Реформы*; четвертый—въ Ратушѣ, подъ предѣдательствомъ Лагранжа; и пятый—въ префектурѣ полиціи, подъ руководствомъ Коссидьера и друга его Собріе. Всѣ эти пять правительствъ сдѣлались потому, вслѣдствіе сдѣлки и взаимныхъ уступокъ, въ одно временное правительство изъ одиннадцати членовъ, въ которомъ господствовали двѣ партіи: партія газеты *National*, или трехцвѣтныхъ республиканцевъ, и партія *Реформы*, или красныхъ республиканцевъ. Вся исторія революціонныхъ событій, до самаго избранія въ президенты Лудовика Наполеона, есть исторія борьбы между этими двумя партіями. Первая, то-есть партія республики трехцвѣтной, умѣренной, одержала потому рѣшительный верхъ надъ республикою красною, какъ въ составѣ самого временнаго правительства, такъ и въ національномъ собраніи.

Послѣдуемъ однако за семью членами временнаго правительства на пути ихъ изъ залы палаты въ Ратушу. Путь былъ чрезвычайно труденъ. Старика Дюпона повезли было въ кабриолетъ, но вскорѣ должны были тащить на рукахъ черезъ баррикады; добравшись кое-какъ до площади передъ Ратушей, нашли ее наполненною вооруженнымъ народомъ, который овладѣлъ, между прочимъ, четырьмя пушками. Членамъ

временнаго правительства удалось здѣсь обратить на себя вниманіе, благодаря именамъ Дюпона, Араго и Ламартина, пользовавшимся всеобщемоу извѣстностью; но и это вниманіе было не безъ опасности, такъ какъ всѣ желали видѣть эти лица, и конечно раздавили бы ихъ отъ излишней ревности, еслибы не нашлось сильныхъ рукъ и плечъ, которыя, раздавая толчки направо и направо, очистили, наконецъ, имъ кое-какъ дорогу до главной лѣстницы. Идти по этой лѣстницѣ невозможно было и думать: всѣ ея ступени, площадки, и повороты были наполнены сплошною массою вооруженнаго народа, такъ что надъ каменною лѣстницей образовалась другая лѣстница изъ головъ, пикъ, штыковъ и всякаго оружія, весьма неудобная для шествія новыхъ правителей. Толпа народа отбросила ихъ въ право, на боковой дворъ со стороны набережной. Но тамъ представилась новая опасность: дворъ этотъ былъ наполненъ пущенными на волю кавалерійскими лошадьми; лошади отъ шума и безпрерывныхъ выстрѣловъ, которые дѣлались тогда безъ всякой цѣли, совершенно одичали. Кое-какъ добрались наконецъ измученные члены временнаго правительства до задней лѣстницы, и очутились въ длинныхъ корридорахъ перваго этажа. Долго бродили они тамъ, не находя пристанища, такъ какъ всѣ комнаты были наполнены вооруженнымъ народомъ, или заняты подъ временный лазаретъ. Наконецъ, одинъ изъ сторожей, узнавъ Ламартина, отвелъ новое правительство въ маленькую комнату, гдѣ оно и открыло свое засѣданіе. Вскорѣ однако временное правительство узнало, къ своему удивленію, что здѣсь же, въ Ратушѣ, засѣдаетъ другое временное правительство. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Еще гораздо прежде, Лагранжъ вошелъ въ залу назначенную для засѣданій генеральнаго совѣта Сенскаго департамента, также наполненную уже народомъ, вскопчилъ на стулъ, и громко объявилъ, что онъ Шарль Лагранжъ, гражданинъ изъ Ліона, пришелъ приготовить мѣсто для временнаго правительства, избраннаго народомъ въ редакціи *Реформы*, и проситъ очистить для него залу. Имена Лагранжа и газеты *Реформа* имѣли для толпы авторитетъ, и просьба была исполнена; потомъ прибыли Флоконъ, Луи Бланъ и Альберъ, и наша залу уже свободною, и сверхъ того, передъ дверями, двухъ часовыхъ изъ національныхъ гвардейцевъ. Маленькому Луи Блану зала эта показалась недовольно обширною, и потому

новые правители перебрались въ большую парадную залу, носившую названіе Сень-Жанъ. Вскорѣ прибылъ въ Ратушу Ледрю-Родленъ, оставшійся по уходѣ изъ палаты Ламартина и прочіихъ членовъ временнаго правительства, на нѣкоторое время, въ палатѣ, и при крикахъ: „вотъ Ледрю-Родленъ!“ вошелъ въ залу только что оставленную Луи-Бланомъ. Чтобы удовлетворить любопытству народа, онъ вскарабкался на столъ, и началъ слѣдующую рѣчь: „Народъ! слушай, что ты сдѣлалъ! слушай, я скажу тебѣ! ты съ ружьемъ проникъ въ палату депутатовъ; ты прогналъ депутатовъ, которые хотѣли учредить регентство; ты сказалъ: здѣсь нѣтъ владыки, кромѣ меня, и назначилъ временное правительство! Вотъ имена его членовъ.“

Онъ началъ читать извѣстный намъ списокъ, и къ удивленію своему услышалъ, что существуетъ еще другое временное правительство. При этомъ извѣстіи, онъ слѣзъ со стола, и отправился вести переговоры между этими двумя правительствами, *столъ единодушно избранными*. Переговоры кончились благополучною сдѣлкой, и къ семи именамъ были присоединены четыре новыхъ: Мараста, Флокона, Луи-Блана и Альбера, съ званіемъ секретарей. Когда произнесено было имя Альбера, то Ламартинъ спросилъ у Луи-Блана: „кто это такой?“ Луи-Бланъ отвѣчалъ что это сотрудникъ журналовъ *L'Esprit public* и *L'Atelier*, столь любимый народомъ, что чрезъ него можно надѣяться привлечь къ себѣ массы. Какъ же согласить этотъ отвѣтъ съ словами его книги, гдѣ онъ говоритъ что вовсе не звалъ Альбера? Что касается до названія секретарей съ совѣщательнымъ голосомъ, которое дано было Луи-Блану и тремъ его товарищамъ, то оно крайне обижаетъ маленькаго человѣка, и онъ всѣми силами старается смыть съ себя этотъ позоръ. Еще болѣе оскорбляетъ его выраженіе лорда Норменби: *четыре прочіе* (the four others), которое ему кажется крайне унижительнымъ. Очевидно, что большинство семи членовъ думало воспользоваться словомъ *секретари*, чтобы лишить со временемъ своихъ неожиданныхъ сочленовъ прямого участія въ управленіи, еслибъ оказалось, что они не имѣютъ большаго числа приверженцевъ, и что эти четыре господина согласились на всякое названіе, лишь бы только попасть въ число людей власть имѣющихъ. Любопытно, какъ самъ Луи-Бланъ объясняетъ это согласіе тѣмъ, что они думали будто бы слово *секретарь* указывало на ихъ болѣе спеціальныя

занятія и на ихъ принадлежность къ классу писателей. Подумешь, что Араго, Ламартинъ и другіе были вѣчто въ родѣ нашихъ безграмотныхъ городскихъ головъ, которые не умѣютъ шага ступить безъ помощи секретаря, и что работникъ Альберъ былъ грамотнѣе астронома Араго и поэта Ламартина!

Устроивъ такимъ образомъ правительство, приступили къ распредѣленію занятій. Президентомъ временнаго правительства и совѣта министровъ назначенъ былъ Дюпонтъ, слабый и неспособный старикъ (ему было болѣе 80 лѣтъ), который пользовался, почему-то, славою человека неподкупной честности, и *человѣка преисполненнаго республиканскими добродѣтелями*. Ледрю-Роллонъ взялъ министерство внутреннихъ, а Ламартинъ министерство иностранныхъ дѣлъ; астрономъ Араго назначенъ морскимъ министромъ, а проворный Кремье министромъ юстиціи; министерство публичныхъ работъ поручено адвокату Мари, министерство торговли—Бетману, а просвѣщенія—Карно, вовсе не знаменитому сыну знаменитаго Карно. Военнымъ министромъ назначили, не спросивъ его согласія, генерала Бедо, который потомъ и отказался отъ этой чести; мѣсто министра финансовъ Кремье доставилъ своему единовѣрцу Гудшо. Гарнье-Пажесъ учредилъ для себя мѣсто парижскаго мера по восстановленію о той роли, которую парижскіе меры играли въ первую революцію; ему дали помощниками знаменитыхъ заговорщиковъ Гинара и Рекюра; распоряженіе полиціей оставили въ рукахъ бывшихъ предсѣдателей тайныхъ обществъ, Коссидьера и Собріе. Начальство надъ національною гвардіей поручено отставному офицеру Курте, за его содѣйствіе (впрочемъ посредствомъ обмана) вооруженнымъ толпамъ ворваться въ залу палаты депутатовъ. Книгопродавецъ Паньеръ былъ назначенъ секретаремъ временнаго правительства за его хлопоты по устройству банкетовъ. Нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ членовъ этого правительства только *четыре прочіихъ*, то-есть Маррасть, Флоконъ, Луи-Бланъ и Альберъ, не получили въ свои руки никакой ни распорядительной, ни исполнительной власти.

Первымъ дѣломъ, которое представилось временному правительству, была необходимость заявить Парижу и всей Франціи о своемъ существованіи и объяснить значеніе столь быстрой и столь внезапной перемѣны. Это не такъ легко было исповѣть, потому что сами члены понимали это

значение совершенно различно: одни почитали себя полновластными владыками, и требовали немедленнаго и окончательнаго провозглашенія республики; другіе полагали, что имъ слѣдуетъ только заботиться о сохраненіи порядка, и ожидать чтобы вся нація правильнымъ образомъ выразила свою волю. Результатомъ этихъ споровъ была прокламація къ французскому народу, составленная въ духѣ примиренія противоположныхъ мнѣній. Мы не приводимъ ея буквально, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ однѣ пустыя фразы. Самое существенное заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Временное правительство желаетъ республики, съ тѣмъ чтобъ она утверждена была народомъ, мнѣніе котораго будетъ немедленно спрошено.“ Другая прокламація, въ такомъ же духѣ, но еще болѣе пустословная, была обращена къ войску.

Войско составляло важный камень преткновенія для временнаго правительства. Только весьма немногіе военные посты были обезоружены; но ни одинъ полкъ, ни одинъ батальонъ, даже ни одинъ солдатъ не присоединился къ возмущавшимся. Войска отступили въ совершенномъ порядкѣ; они имѣли твердые пункты опоры, съ одной стороны въ Венсенскомъ замкѣ, съ его огромнымъ арсеналомъ; а съ другой, по дорогѣ въ Сенъ-Клу, въ сильномъ укрѣпленіи Монъ-Сенъ-Валерьянъ. Кромѣ Парижа, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ; и въ самомъ Парижѣ, кромѣ тайныхъ республиканскихъ обществъ и небольшого числа увлеченныхъ молодыхъ людей, революція имѣла на своей сторонѣ лишь низшіе слои народонаселенія. Стоило только не дать Парижу овладѣть Франціей, для чего было слишкомъ достаточно средствъ не только во Франціи, но и въ самомъ Парижѣ. Но для этого нужно было приверженцамъ прежняго правительства имѣть рѣшительность и одну голову, а этого именно и не доставало. Вотъ какъ смотрѣли на свое положеніе сами члены временнаго правительства. „Разочли ли вы, сказалъ Ламартина, обращаясь къ Араго: насколько головы наши въ настоящую минуту менѣе крѣпко сидятъ на нашихъ плечахъ нежели сегодня утромъ?“—„Да, отвѣчалъ математикъ, всѣ вѣроятности противъ насъ, но представляется лишь одинъ случай, дающій возможность спасти націю отъ совершенной погибели, и этотъ одинъ случай долженъ заставить насъ рисковать всѣми прочими.“ Ламартина напомнилъ Дюпону сходство ихъ положенія съ тѣмъ моментомъ девятаго термидора, когда

Робеспьеръ удался съ своею шайкой въ Ратушу, и противъ него былъ высланъ Барра, и положилъ конецъ террору. „Если королевская власть и палата депутатовъ найдутъ себѣ Барра, прибавилъ онъ, мы погибли. Мы въ положеніи тѣхъ же заговорщиковъ, съ тою только разницею, что мы заговорщики порядка и мира.“

Но плохой былъ порядокъ и миръ въ это время. Одинъ изъ заговорщиковъ, Лагранжъ, объявилъ себя комендантомъ Ратуши, и былъ утвержденъ въ этомъ званіи начальникомъ секцій республиканскихъ обществъ. Онъ не довѣрялъ временному правительству, члены котораго не всѣ были достаточно проникнуты республиканскими чувствами, и эта недовѣрчивость еще болѣе въ немъ усилилась, когда онъ видѣлъ, что временное правительство медлитъ провозглашеніемъ республики. Онъ полагалъ, что не худо дать вооруженному народу самому посоветоваться о своихъ дѣлахъ, и потому занялъ съ толпою народа залу Сель-Жанъ, тотчасъ по выходѣ оттуда Луи-Блана и его товарищей. Шумъ на этомъ совѣщаніи достигъ высшей степени, когда узнали, что Ледрю-Ролленъ, Дюпонъ и Араго, самые популярныя изъ членовъ временнаго правительства, ушли изъ Ратуши: первый, чтобы вступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ; а остальные двое, чтобы воспользоваться отдыхомъ, необходимымъ въ ихъ преклонныя лѣта. Рѣшено было призвать членовъ временнаго правительства, и потребовать отъ нихъ отчета въ ихъ намѣреніяхъ и въ ихъ образѣ мыслей. Толпа бросилась тотчасъ на верхъ, къ комнатѣ занимаемой временнымъ правительствомъ. Небольшой отрядъ изъ журналистовъ, воспитанниковъ Политехнической Школы и національныхъ гвардейцевъ, принявшій на себя добровольную обязанность охранять своихъ правителей, былъ разогнанъ и въ запертую дверь посыпались удары кулаками и ружейными прикладами. По счастью дверь была двойная и крѣпкая. Она доставила возможность заключить родъ капитуляціи: Ламартинъ долженъ былъ пойдти внизъ, въ залу Сель-Жанъ, и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ толпѣ, называвшей себя французскимъ народомъ. Онъ сталъ на возвышеніе, и передъ нимъ, или точнѣе, почти у ногъ его, среди слабо освѣщенной залы, открылось цѣлое море головъ и сверкашаго оружія. Первые слова его были встрѣчены криками неодобренія и угрозъ; но ему удалось льстивыми выраженіями и извѣстными звучными фразами,

мало-помалу, не только привлечь вниманіе опасныхъ слушателей, но и приобрести ихъ сочувствіе. Когда онъ упомянулъ между прочимъ о необходимости узнать волю всей Франціи, то ему кричали: „Мы сами Франція! между нами находятся представители [и уполномоченные всѣхъ провинцій!“ Подъ этими словами, очевидно, разумѣлись начальники и члены тайныхъ республиканскихъ обществъ, прибывшіе въ Парижъ, согласно сдѣланному условію, при первыхъ слухахъ о происходившихъ беспорядкахъ. Несмотря на эти возраженія, Ламартинъ благополучно окончилъ свою рѣчь, и при крикахъ — „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство! да здравствуетъ Ламартинъ“ — былъ въ триумфѣ отнесенъ въ комнату совѣщаній. Результатомъ этой рѣчи было измѣненіе въ заглавіи изготовленныхъ прокламацій: вмѣсто словъ: *во имя французскаго народа*, было напечатано: *временное правительство Французской республики—свобода, равенство, братство.* Дѣятельность временнаго правительства въ эту ночь была по истинѣ изумительна: имъ было изготовлено до 72 декретовъ, самаго разнообразнаго содержанія. Между тѣмъ приходили самыя тревожныя извѣстія: увеселительный дворецъ въ Пельи, украшенія котораго стоили милліоновъ, былъ сожженъ народомъ; говорили что народъ собирается зажечь Лувръ, Тюльери и Палеройаль; что будто войска готовятся сдѣлать нападеніе на Парижъ, при содѣйствіи тяжелой артиллеріи. Въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ, правительство принимало услуги всѣхъ и каждому, кто предлагалъ ихъ; первые встрѣчные назначены были комендантами въ Лувръ и Тюльери. Воспитанники Политехнической Школы были разосланы въ Версаль, Медонъ и другіе загородные дворцы, чтобы спасти ихъ отъ пожаровъ и расхищенія. Вѣрно было сохранять баррикады, и сберегать ихъ отъ возможности ночнаго нападенія. Несмотря на наступавшую ночь, въ городѣ было свѣтло какъ днемъ; въ домахъ и на улицахъ горѣли свѣчи и лампы; по бульварамъ пылали костры, около которыхъ грѣлись защитники баррикадъ, расположившіеся на всю ночь бивуаками. Площадь передъ Ратушею опустѣла, но нѣсколько сотъ человекъ содержали караулъ, при четырехъ орудіяхъ, съ зажженными фитилями. Въ самой Ратушѣ оставалось до семи тысячъ чело-

гнѣ; рѣшетки однако были заперты, и никто не могъ про-
никать во внутрь безъ особаго разрѣшенія.

День двадцать пятаго февраля едва началъ разсвѣтать, какъ
толпы вооруженнаго народа стали со всѣхъ сторонъ собирать-
ся подъ предводительствомъ людей несшихъ красныя знамена
и имѣвшихъ красныя кокарды на шапкахъ, или красныя
перевязи на рукахъ. Масса народа достигла тысячъ до
тридцати; иные несли тѣла убитыхъ; пробравшись въ Ра-
тушу, несмотря на сопротивленіе караула, они клали
трупы въ залахъ; другіе дѣлали еще хуже: они зацѣпляли
веревками и тащили туда же мертвыхъ лошадей. Не-
смотря на всё усилія, число труповъ увеличивалось, и
докторъ Самсонъ, въ отчаяніи, сказалъ Ламартину: „если
еще такъ будетъ продолжаться, то мы задохнемся среди
мертвыхъ тѣлъ; видъ ихъ раздражаетъ нервы народа, и Богъ
знаетъ что можетъ случиться.“ На площади раздавались
страшные крики, и непрерывные выстрѣлы, сопровождае-
мые пѣніемъ марсельезы. Толпа ворвалась наконецъ въ ком-
нату, гдѣ засѣдало временное правительство, не обращая вни-
манія на всё убѣжденія Лагранжа, Бастида и другихъ рес-
публиканцевъ стараго закала. Одинъ изъ работниковъ, сту-
ча объ полъ ружьемъ, началъ предъявлять ея требованія.
Слова его состояли изъ отрывочныхъ фразъ, заимствован-
ныхъ у социалистовъ, какъ-то: отмена частной собствен-
ности, немедленное введеніе общенія въ имуществахъ, изгна-
ніе на вѣчныя времена всѣхъ банкировъ, капиталистовъ,
фабрикантовъ, купцовъ, словомъ, всѣхъ гражданъ, которые не
принадлежатъ къ числу работниковъ и поденщиковъ; уста-
новленіе правительства состоящаго изъ пролетаріевъ и воору-
женнаго мечомъ, для уничтоженія всякаго рода неравенствъ по
рожденію, по богатству и даже по заслугамъ; наконецъ, приня-
тіе краснаго знамени, какъ символа пораженія стараго общества
и побѣды народа, символа, который устрашалъ бы враговъ
внутреннихъ и служилъ объявленіемъ войны врагамъ внѣш-
нимъ. Послѣ долгихъ убѣжденій и увѣщаній, въ которыхъ да-
же Луи Бланъ принималъ сторону временнаго правительства,
согласились ограничиться признаніемъ знаменитаго права на
трудъ. Луи Бланъ отвелъ предводителя толпы въ сторо-
ву къ окну, и написалъ подъ его наблюденіемъ слѣдующій
декретъ:

„Временное правительство Французской республики обязы-

вается обезпечить рабочимъ существованіе посредствомъ работы.

„Оно обязывается обезпечить работу всѣмъ гражданамъ. Оно признаетъ, что работники должны составлять между собою товарищества, чтобы пользоваться выгодами своей работы.

„Временное правительство возвращаетъ работникамъ принадлежащій имъ милліонъ, который отпущался на содержаніе двора....“

Послѣдній пунктъ былъ прибавленъ Ледрю-Ролаевомъ. Когда этотъ декретъ былъ прочтенъ, то глава ворвавшейся шайки сказала:—„Ну хорошо, теперь подпишите, мы уйдемъ; но пусть одинъ изъ васъ проводитъ насъ; его шарфъ будетъ служить народу доказательствомъ что мы говоримъ правду.“

Вотъ какимъ унижительнымъ для временнаго правительства образомъ состоялось знаменитое признаніе права на трудъ! Луи Бланъ, для котораго вся нація заключается въ вооруженной толпѣ, созванной его сообщниками на одной изъ парижскихъ площадей, и главное въ толпѣ, выражающей желанія согласныя съ его системой, рассказываетъ съ восторгомъ объ этой позорной сценѣ. Говоря о работникѣ, одержавшемъ побѣду надъ временнымъ правительствомъ, онъ описываетъ его такъ: „Вдругъ дверь отворилась съ шумомъ, и вошелъ человекъ, который явился какъ привидѣніе. Лицо его съ выраженіемъ свирѣпымъ, но благороднымъ, выразительное и красивое, было покрыто блѣдностію. Въ рукахъ у него было ружье, и его голубые глаза, устремленные на насъ, сверкали. Кто прислалъ его? Чего желалъ онъ!“ * и такъ далѣе. На два эти вопроса отвѣчать не трудно: Кто его послалъ?— редакция *Реформы*; чего онъ желалъ?— доставить партіи *Реформы* торжество надъ партіей *National*.

Толпы работниковъ удалились, но на мѣсто ихъ явились другія толпы изъ болѣе отдаленныхъ и болѣе бѣдныхъ частей города. Ламартинъ нѣсколько разъ долженъ былъ выходить чтобъ ихъ уговаривать; но все было напрасно. Самая значительная изъ нихъ собралась на большой народной мѣстности

* Bientôt, la porte de la chambre du conseil s'ouvrit avec fracas, et un homme entra qui apparaissait à la manière des spectres. Sa figure d'une expression farouche alors, mais noble, expressive et belle était couverte de pâleur. Il avait un fusil à la main, et son oeil bleu, fixé sur nous, étincelait. Qui l'envoyait? Que voulait-il?... (*Révolutions historiques*. Chapitre VII.)

съ криками: „Ламартина легитимистъ! повѣсить Ламартина!“ (à la lanterne!) Ламартинъ не потерялъ присутствія духа, и выйдя къ толпѣ, спросилъ: „Чего вы хотите?“ — „Твоей головы!“ закричали голоса изъ толпы.“ — „Друзья мои! дай Богъ чтобы голова моя была у всѣхъ васъ на плечахъ! Вы были бы спокойнѣе и умнѣе, и великое дѣло нашей революціи было бы совершенно лучше.“ Эта острога была встрѣчена общимъ смѣхомъ и восклицаніями: „да здравствуетъ Ламартинъ!“ Въ другой разъ, когда въ толпѣ были слышны крики: „измѣнникъ,“ Ламартинъ раскрылъ свою грудь, и воскликнулъ: „Мы измѣнники? Убейте насъ, если вы такъ думаете! Но вы этого не думаете, хотя и кричите, ибо знаете, что прежде чѣмъ измѣнить вамъ, мы должны измѣнить самимъ себѣ. Кто подвергается большей опасности—мы, или вы? Мы рискуемъ нашими именами, нашею славой, нашими головами, а вы подвергаетесь опасности только выпачкать въ грязи вашу обувь. Не вашими именами подписана прокламація, и если республика погибнетъ, не на васъ обратится мщеніе враговъ ея.“ Справедливость такихъ словъ была доступна пониманію самой грубой толпы; но впечатлѣніе, ими производимое, было только временное, и когда шумъ прекращался въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ начинался снова.

Самое сильное волненіе произведено было въ два часа по полудни толпою въ три или четыре тысячи человекъ, явившеюся на площадь послѣ разграбленія оружія въ Военной Школѣ, и шедшею съ барабанщиками и красными знаменами подъ предводительствомъ нѣсколькихъ прилично-одѣтыхъ людей. Что касается до самой толпы, то она состояла большею частію изъ людей, принадлежавшихъ къ самому низшему слою черни, одѣтыхъ въ лохмотья, вовсе безъ обуви, или въ башмакахъ на босую ногу; нѣкоторые были ранены, и шлѣи на головахъ или на рукахъ окровавленные перевязки; другіе на штыкахъ и пикахъ несли куски разрубленныхъ лошадей. Казалось, что начнется настоящій штурмъ Ратуши, уже раздавались ружейные выстрѣлы, и четыре орудія, стоявшія на площади, были повернуты противъ зданія; Тщетно старался Лагранжъ успокоить неистовую толпу. Его сильный голосъ, его страшные жесты, съ которыми онъ обращался то въ ту, то въ другую сторону, казалось, только раздражали противниковъ. Наконецъ привесли стулъ, и поставили на него Ламартина. Онъ началъ свою рѣчь вѣстивыми

словами объ умѣренности и человеколюбіи, съ какими великій народъ одержалъ столь внезапную, столь блистательную и столь совершенную побѣду. Эта дѣль очевидно смягчила слушателей, но они продолжали настаивать на томъ чтобы принято было красное знамя. Тогда Ламартинъ произнесъ свои знаменитыя слова: „Граждане! вы можете употребить силу, чтобы заставить правительство переимѣнить не только знамя, но и самое имя Франціи. Если вы, внимая коварнымъ совѣтамъ, будете настаивать на вашемъ заблужденіи, и захотите заставить правительство сдѣлаться правительствомъ партіи и принять знамя террора, то я знаю, что правительство рѣшилось скорѣе умереть нежели обезпечить себя покорностію. Что до меня касается, моя рука никогда не подпишетъ этого декрета; пока во мнѣ останется капля жизни, я оттокну отъ себя это кровавое знамя, и вы, рѣшительнѣе чѣмъ я самъ, отвергнете его, когда вспомните, что красное знамя вами намъ возвращаемое, не знало другаго пути какъ вокругъ Марсова поля, гдѣ его въ 91 и 93 году влчили въ крови народа, между тѣмъ какъ трехцвѣтное знамя, вмѣстѣ съ именемъ, славою и свободою Франціи, обошло вокругъ свѣта (а fait le tour du monde)!“

Почти единогласное bravo раздалось между слушателями, и ораторъ бросился съ своего стула въ объятія близъстоявшихъ. Умѣренная республика, какою рисовала ее фантазія Ламартина, одержала верхъ надъ призракомъ ужаса, который былъ вызванъ людьми злонамѣренными, или по крайней мѣрѣ ослѣпленными. Дикая толпа съ криками: „да здравствуетъ трехцвѣтное знамя! да здравствуетъ Ламартинъ!“ удалилась чтобы сообщить свое обращеніе прочимъ товарищамъ остававшимся на площади; но въ то время, когда она спускалась по большой лѣстницѣ, ей навстрѣчу шла другая толпа, еще болѣе неистовая. Между ними завязался споръ, который легко могъ обратиться въ кровопролитіе. Одни кричали: „слушайте Ламартина!“ другіе: „долой Ламартина! декретъ о красномъ знамени!“ или: „на висѣлицу измѣнниковъ-правителей!“ Ламартинъ вышелъ было къ нимъ, и уже сталъ на стулъ, прислоненный къ большой двери тронной залы, но всѣ усилія его найдти минуту, чтобы начать рѣчь, были напрасны. Снизу лѣстницы направлены были противъ него ружья, и нѣсколько отчаянныхъ, со штыками и саблями, готовы были прорваться черезъ небольшой

кружокъ людей его защищавшихъ, чтобъ если не убить, то по крайней мѣрѣ опрокинуть стулъ и затоптать его ногами. Въ этомъ отчаянномъ положеніи Ламартина былъ спасенъ какимъ-то простолюдиномъ высокаго роста въ лохмотьяхъ, безъ шапки и обуви, съ открытою шеей и грудью, и съ царапиной на лицѣ, изъ которой текла кровь. Онъ бросился обнимать Ламартина съ восклицаніями: „дайте мнѣ его видѣть! дайте мнѣ къ нему прикоснуться, пусть лучше убьютъ меня, нежели до него дотронутся! я готовъ умереть тысячу разъ, чтобы спасти этого добраго гражданина, друга, отца, совѣтника народа!“ Эта сцена подѣйствовала на бурную толпу, и Ламартина, при помощи своего новаго друга, сталъ снова на стулъ, и пользуясь минутою молчанія, началъ такъ: „Граждане! еслибы за три дня кто-нибудь вамъ сказалъ, что вы сегодня низвергнете тронъ, уничтожите олигархію, достигнете всеобщей подачи голосовъ, какъ свидѣвія естественныхъ правъ человѣка, что вы приобретете всѣ права гражданъ, что вы, словомъ сказать, положите основаніе республикѣ, республикѣ, которая казалась отдаленнымъ своимъ даже для тѣхъ, которые тайно хранили ея имя, какъ преступленіе, во глубинѣ своей совѣсти,—и какую республику! не республику Грековъ или Римлянъ, съ аристократами и плебеями; не республику, какъ новѣйшія аристократическія республики, гдѣ законъ признаетъ гражданъ и пролетаріевъ, большихъ и малыхъ, народъ и патриціевъ; нѣтъ! республику равенства, въ которой нѣтъ ни аристократіи, ни олигархіи, въ которой всѣ равны предъ закономъ, въ которой есть только одинъ народъ состоящій изъ совокупности всѣхъ гражданъ, въ которой общественное право и общественная власть опираются на право и на голосъ каждаго и составляютъ то что называется республиканскимъ правительствомъ, котораго дѣйствія въ видѣ законовъ и благодѣтельныхъ учрежденій снова возвращаются къ народу отъ котораго онѣ происходятъ; — еслибы все это вамъ сказали за три дня, то вы бы этому не повѣрили. Въ три дня? возразили бы вы. Да нужно три столѣтія, чтобы совершить такой подвигъ на благо человѣчества! И что же? То что вы почитали невозможнымъ—исполнено. Это было нашимъ дѣломъ среди волненія, среди оружія, среди труповъ вашихъ мучениковъ—и вы ропщете на Бога и на насъ!“— „Нѣтъ, нѣтъ!“ раздалось множество голосовъ.— „По истинѣ, продолжалъ Ламартина, вы бы не стоили этихъ усилій, еслибы не умѣли

оцѣнить и поддержать ихъ. Чего просимъ мы у васъ для довершенія нашего дѣла? Развѣ мы требуемъ нѣсколькихъ лѣтъ? Нѣтъ! Нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Нѣтъ! Нѣсколькихъ недѣль? Нѣтъ! Мы требуемъ лишь нѣсколькихъ дней! Два, три дня—и побѣда ваша будетъ заявлена, принята, обезпечена и упрочена такимъ образомъ, что никакая тираниа, кромѣ вашего собственнаго нетерпѣнія, не лишитъ васъ ея. И вы хотите отказать намъ въ этихъ дняхъ, часахъ, минутахъ спокойствія? Вы хотите задушить въ колыбели ту республику, которая возникла изъ вашей крови?“

„Нѣтъ, нѣтъ! кричали тысячи голосовъ: довѣріе, довѣріе! Мы успокоимъ нашихъ братьевъ. Да здравствуетъ временное правительство, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Ламартинъ!“

„Граждане, продолжалъ Ламартинъ, я говорилъ съ вами какъ гражданинъ; теперь послушайте что я вамъ скажу какъ вашъ министръ иностранныхъ дѣлъ! Если вы лишите меня трехцвѣтнаго знамени, то вы отнимете у меня половину вѣншнаго могущества Франціи, ибо Европа помнитъ это знамя, какъ знакъ нашихъ побѣдъ и ея пораженій. Это—знамя республики и имперіи. Если она увидитъ красное знамя, то приметъ его за знамя одной партіи. То знамя, которое мы выставимъ предъ Европой, должно быть знаменемъ всей Франціи, знаменемъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, знаменемъ триумфовъ. Франція и трехцвѣтное знамя составляютъ одну великую нераздѣльную мысль и въ случаѣ нужды вносить ужасъ врагамъ нашимъ!“

Эффектъ этой рѣчи былъ нѣсколько ослабленъ надежіемъ стула, на которомъ стоялъ Ламартинъ, и онъ самъ раздѣлилъ бы ту же участь, еслибы столышіе около него не подхватили его въ свои объятія. Впечатлѣніе, произведенное его словами, достигло своей цѣли; ружья и сабли были опущены, и всѣ начали толпиться вокругъ оратора чтобы пожать ему руку. Любовь къ славѣ и къ завоеваніямъ такъ сильно развита во всѣхъ Французахъ, что всякій кто ловко касается этой струны можетъ быть увѣренъ въ сочувствіи и одобреніи массы. Между тѣмъ, временное правительство получило помощь съ другой стороны. Разнесся преувеличенный слухъ о происходившемъ въ Ратушѣ; говорили, что Ламартинъ радень, что красное знамя принято, что временное правительство низвергнуто, и что мѣсто его заняли приверженцы

террора. Эти слухи привлекали на площадь людей, не находившихся подъ вліяніемъ красныхъ республиканцевъ, и они какъ своими словами, такъ еще болѣе своимъ численнымъ превосходствомъ, успѣли нѣсколько укротить неистовую толпу. Появленіе трехцвѣтнаго знамени въ окнахъ Ратуши, и клики, которыми оно было привѣтствуемо лицами выходившими отсюда послѣ рѣчи Ламартина, заставили шайку съ краснымъ знаменемъ удалиться съ площади. Остались одни трехцвѣтныя знамена, и вокругъ нихъ громко раздавалось пѣніе марсельезы.

Около четырехъ часовъ, на площади возстановилось спокойствіе, и нѣсколько сотъ національныхъ гвардейцевъ расположились у рѣшетки, для защиты Ратуши отъ новаго нападенія. Красное знамя имѣло своихъ защитниковъ между членами временнаго правительства. Декретъ о трехцвѣтномъ знамени носить характеръ сдѣлки между противными мнѣніями. Положено было оставить три цвѣта, но расположить такъ, какъ было при первой республикѣ, то-есть вертикально, сперва синій (у древка), потомъ бѣлый, и наконецъ красный, и сверхъ того прицѣпить къ вершинѣ древка красный бантъ, и такіе же банты (rosettes) носить членамъ временнаго правительства, и всѣмъ лицамъ занимающимъ общественныя должности. Само собою разумѣется, что партія *National* была за трехцвѣтное знамя, а партія *Реформы* за красное. Ледрю-Ролленъ, имѣвшій связи въ обоихъ лагеряхъ, имѣлъ осторожность не явиться въ засѣданіе. Подъ предлогомъ занятій въ своемъ министерствѣ, онъ выжидалъ чѣмъ кончится споръ, чтобы потомъ присоединиться къ побѣдителямъ. Луи Бланъ, этотъ мнимый врагъ насилія, отстаивалъ, разумѣется, красное знамя. Смѣшно читать, какъ забавно старается онъ увѣрить, что красное знамя не есть красное знамя. Онъ доказываетъ, что древніе Галлы сражались подъ краснымъ знаменемъ, что орифламма Іоанны д'Аркъ была красная, что само правительство выставляетъ въ опасныхъ мѣстахъ красное знамя: какъ будто парижская чернь, возбужденная приверженцами террора, хлопотала объ археологіи, или отстаивала на баррикадахъ королевскую орифламму. Можно надѣяться посредствомъ логомахи сдѣлать бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, но красный цвѣтъ крови всегда останется краснымъ.

Вечеръ 25 числа и ночь на 26 прошли спокойно. Утромъ

снова явились на площади передъ Ратушей шайки красныхъ, но они уже встрѣтили такія приготовленія къ ихъ приему, какихъ совѣтъ не ожидали и которыя заставили ихъ разойтись по домамъ. Угрозы, произнесенныя ими наканунѣ, заставили временное правительство употребить въ дѣло все усилія и все свое вліяніе, чтобы лишить ихъ возможности успѣха. Въ теченіи ночи были разосланы гонцы къ воспитанникамъ школъ Политехнической, Нормальной и Севъ-Сирской, къ студентамъ школъ Правовѣдѣнія, Медицинской и Ветеринарной, ко всей образованной молодежи, о которой можно было предполагать, что она пойметъ послѣдствія, mogućія произойти для Франціи, если правленіе будетъ захвачено людьми, способными безъ зазрѣнія совѣсти водновать осадокъ столичной черни и пользоваться ея содѣйствіемъ для своего возвышенія. Еще до разсвѣта, на площади явилось отъ пяти до шести тысячъ вооруженныхъ молодыхъ людей, готовыхъ защищать правительство. Всѣ входы и рѣшетки были надежно охраняемы; собравшійся народъ тоже весьма мало выражалъ сочувствія намѣреніямъ красныхъ шаекъ; поэтому послѣднія принуждены были удалиться. Легкость съ какою онѣ теперь были побѣждены однимъ видомъ приготовленія къ защитѣ, а еще болѣе успѣхъ одержанный наканунѣ краснорѣчіемъ Ламартина, показываютъ, что эти красные республиканцы сами не слишкомъ сильно были проникнуты тѣми убѣжденіями и требованіями, которыя были ими провозглашены съ такимъ шумомъ, и что все дѣло было подогрѣто нѣсколькими личностями, а вовсе не коренилось въ народѣ.

Вечеръ 25 числа и весь день 26, временное правительство употребило на изданіе множества прокламацій, декретовъ и распоряженій, имѣвшихъ цѣлю съ одной стороны успокоить волненіе, а съ другой, по возможности, обезпечить правительство отъ неожиданныхъ случайностей.

Временному правительству грозила опасность съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, со стороны приверженцевъ павшаго правительства и со стороны войска, которое хотя и было удалено со сцены дѣйствія, изъ Парижа, но не перешло еще на сторону республиканскаго правительства; во вторыхъ, со стороны тѣхъ людей, которые, называя себя то красными республиканцами, то социалистами, то коммунистами, готовы

были воспользоваться всякимъ поводомъ къ возбужденію волненій въ низшихъ слояхъ парижскаго народонаселенія, и сдѣлать попытку къ низверженію новаго правительства, или, по крайней мѣрѣ, къ удаленію изъ него умѣренныхъ республиканцевъ.

Еще утромъ 25 числа, былъ посланъ Флоковъ во главѣ толпы народа, къ Венсенскому замку, чтобы требовать его сдачи. Комендантъ выдалъ имъ двѣ тысячи старыхъ ружей и объявилъ, что признаетъ республику. Флоковъ имѣлъ осторожность ограничиться этимъ наружнымъ успѣхомъ, и не требовалъ бѣльшаго. Примѣру венсенскаго коменданта послѣдовали начальники всѣхъ прочихъ фортовъ, окружающихъ Парижъ. Генералъ Бедо не рѣшился принять мѣсто военнаго министра и ограничился командою надъ первою дивизіей, то есть надъ войсками, расположенными въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Мы видѣли, что утромъ 24 числа солдаты въ его присутствіи отдавали оружіе народу. Бедо имѣлъ слабость на другой день выдать формальный приказъ, чтобы то же самое сдѣлали остальные полки. Лишенные оружія, солдаты не разсудили за благо оставаться въ Парижѣ, и большею частію разошлись по домамъ, такъ что Бедо оказался командиромъ не только обезоруженной, но даже, собственно говоря несуществовавшей дивизіи. Неизвѣстно было, захотятъ ли послѣдовать столь блистательному примѣру другіе генералы, въ особенности Негріе, одинъ изъ лучшихъ генераловъ Людовика Филиппа, стоявшій въ Лиллѣ съ значительнымъ отрядомъ. Хотя и трудно было ожидать, чтобы кто-либо изъ этихъ генераловъ рѣшился самостоятельно, и на свой собственный страхъ поднять знамя павшей династіи, но военная дисциплина, и въ особенности униженіе, которому подверглись войска въ Парижѣ, служили ручательствомъ, что сопротивление республиканскому правительству можетъ имѣть успѣхъ.

Особенно сильное опасеніе внушали герцоги Омальскій и Жуанвильскій, изъ которыхъ первый былъ генералъ-губернаторомъ въ Алжирѣ, и командовалъ стотысячною арміей, войскомъ боевымъ, хорошо дисциплинированнымъ и находившимся въ вліяніи тайныхъ республиканскихъ обществъ. Есть всѣ поводы думать, что появленіе во Франціи герцоговъ Омальскаго и Жуанвильскаго во главѣ значительной арміи

было бы благоприятно принято не только войскомъ находившимся внутри Франціи, но и самимъ населеніемъ, и даже значительною частью Парижанъ. По счастью для временнаго правительства, опасеніе это не оправдалось: герцогъ Омальскій самъ объявилъ войскамъ о назначеніи новаго Алжирскаго генераль-губернатора (Кавеньяка), и хотя войска, вмѣсто того чтобы привѣтствовать республику, кричали „да здравствуетъ герцогъ Омальскій!“ однако ни онъ, ни братъ его, не захотѣли воспользоваться ни этимъ расположеніемъ, ни тѣмъ обстоятельствомъ, что начальство надъ Алжирскою арміею, мимо старшихъ генераловъ, отдано было Кавеньяку только потому, что онъ былъ братъ извѣстнаго республиканскаго заговорщика (уже умершаго), и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ редакціи *National*. Нельзя не сознаться, что все поведеніе принцевъ Орлеанской династіи, во время революціи 1848 года, требуетъ нѣкотораго объясненія. Мы видѣли бездѣйствіе герцога Немурскаго и герцога Монпансье, во время парижскаго возмущенія. Это бездѣйствіе, вѣроятно, происходило отъ того, что оба принца знали свою непопулярность, и опасались еще болѣе раздражить народъ своимъ вмѣшательствомъ. непопулярность эта произошла не отъ ихъ вины, и объясняется случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Враги Орлеанской династіи,—легитимисты и республиканцы,—и враги Гизо умѣли искусно воспользоваться вопросомъ о дотации герцога Немурскаго и женитьбою герцога Монпансье на испанской принцессѣ, и столько на шумѣли въ обоихъ случаяхъ, что успѣли повредить принцамъ во мнѣніи народа и набросить тѣнь на ихъ дѣйствія (вполнѣ несправедливо). Но главнымъ образомъ, дѣятельность всѣхъ четырехъ принцевъ, какъ кажется, была парализована разногласіемъ въ образѣ мыслей ихъ съ ихъ отцомъ: имъ трудно и, по смутному времени, даже совершенно невозможно было избрать такой образъ дѣйствій, при которомъ бы они не подвергались опасности, съ одной стороны прослыть врагами своего отца, и съ другой—врагами народа *.

Такимъ образомъ опасность для временнаго правительства

* Въ доказательство нашего сужденія, приведемъ письмо принца Жуанъильскаго, писанное имъ 7-го ноября 1847 года, следовательно не

со стороны войска и приверженцев павшей династіи разсылаясь сама собою. Но опасность со стороны народных масс, или, точнѣе сказать, со стороны парижской черни, возбужденной людьми, честолюбіе которыхъ не нашло себѣ удовлетворенія, далеко не миновалась, и ежеминутно угрожала временному правительству новымъ насилиемъ. Къ отраженію этого насилія оно не имѣло никакихъ матеріальныхъ средствъ. Сцены въ Ратушѣ, сожженіе королевскаго дворца въ Нельи, разграбленіе великолѣпной дачи барона Ротшильда въ Сюрень, близъ самаго Парижа, уничтоженіе мостовъ въ Анверѣ, Релье, Шату, Безонѣ, и опустошеніе станцій желѣзныхъ дорогъ, не говоря уже объ угрозахъ

задолго до февральской революціи, къ герцогу Немурскому, по случаю самоубійства Бресона, французскаго посла въ Неаполѣ. „Милый другъ! Я пишу тебѣ словечко, потому что меня омуцаютъ событія, которыя отовсюду скопляются передо мною. Я начинаю серьезно тревожиться, а въ такіа минуты пріятно бесѣдовать съ тѣмъ, къ кому имѣешь довѣріе. Смерть Бресона меня срѣзала; я думаю, что и на тебя она произвела то же дѣйствіе. Я не говорю уже о грустномъ впечатлѣніи, какое произвела она въ Неаполѣ, гдѣ законы о самоубійствѣ такъ строги. Меня собственно занимаетъ изслѣдованіе причинъ, посланныхъ поводъ къ этому несчастію. Бресонъ не былъ боленъ; онъ исполнилъ свой плакъ съ хладнокровіемъ рѣшительнаго человѣка.

„Я получилъ изъ Неаполя отъ Монтессю и отъ другихъ письма, которыя не оставляютъ мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Бресонъ былъ раздраженъ противъ короля; онъ говорилъ о немъ во Флоренціи странныя вещи. Король непреклоненъ, онъ не слушаетъ болѣе никакихъ совѣтовъ; воля его хочеть одержать верхъ во всемъ. Противники наши не упустятъ случая говорить объ этомъ, и раскроютъ (что, по моему мнѣнію опасно) всесильное дѣйствіе, которое имѣеть отецъ. Это дѣйствіе непреклонно, и если государственнаго человѣка, пожертвовавшій самъ собою, не можетъ его преодолѣть, ему остается тольке самоубійство. Мнѣ кажется, пренія въ этомъ году необходимо коснутся этого противоестественнаго положенія, которое уничтожило конституціонную фикцію и поставило короля отвѣтчикомъ по всемъ вопросамъ. Нѣтъ болѣе министровъ; отвѣтственность ихъ не существуетъ болѣе; все восходитъ до короля. Король достигъ того возраста, въ которомъ не принимаютъ болѣе замѣчаний. Онъ привыкъ управлять и любить показывать, что управляетъ самъ, а не другой кто. Его обширная опытность, его мужество, его высокія качества увлекають его иди смѣло, наперекоръ опасностямъ; но эти опасности тѣмъ не менше существуютъ. Въ нынѣшнемъ году, я полагаю, обнаружится это ложное воззрѣніе; скажутъ, что за тѣмъ и учреждено конституціонное правленіе,

всѣмъ капиталистамъ и собственникамъ, достаточно показывали, какое направленіе должна будетъ принять революція, если краснымъ республиканцамъ удастся одержать верхъ. Мы видѣли, что лучшая часть парижской молодежи добровольно явилась охранять Ратушу, въ ночи съ 25 на 26 число. Подобнымъ же образомъ, два рѣшительные человека, Феликсъ Аврелий и Дисаръ, составили отряды для преслѣдованія зажигателей и грабителей, и для противодѣйствія тѣмъ замысламъ, къ осуществленію которыхъ эти грабежи служили только предварительными попытками. Хотя большинство парижскаго народонаселенія и не сочувствовало краснымъ республиканцамъ, но невозможно было постоянно опираться на великодушное содѣйствіе добровольныхъ защитниковъ. Национальная гвардія

чтобы избѣгнуть необходимости выбирать между двумя крайностями—видѣть на престолѣ человѣка или слишкомъ молодого, или слишкомъ стараго,—чтобы умѣрять излишній жаръ, и вспомнить могущій оказаться недостатокъ.

Въ настоящемъ случаѣ намъ нужны были бы двѣ вещи, и ни той ни другой мы не имѣемъ. Внутреннія дѣла наши не хороши. Положеніе нашихъ финансовъ послѣ семидесятилѣтняго мира не блестяще. По внѣшнимъ сношеніямъ, гдѣ намъ представлялся случай оказать національному самолюбію нѣсколько тѣхъ удовольствій, которыми такъ дорожитъ наша страна и которыми отвлекается ее вниманіе отъ недостатковъ болѣе серьезныхъ, мы находимся въ положеніи тоже не блестящемъ. Вступленіе Пальмерстона въ министерство, возбуждъ сильную недоувѣренность короля, вовлекло насъ въ испанское дѣло, и набросило на насъ грустное подозрѣніе въ недобросовѣстности. Отдѣленные отъ Англіи въ минуту, когда начались италяскія происшествія, мы могли бы принять въ нихъ дѣятельное участіе; оно увлекло бы нашу народъ, и было согласено съ тѣми началами, которыхъ не слѣдовало бы намъ никогда и оставлять, потому что мы имъ обязаны нашимъ существованіемъ. Мы не рѣшились обратиться противъ Австріи, изъ опасенія что Англія возобновитъ священный союзъ.

Мы являемся передъ палатой съ печальнымъ положеніемъ внѣшнихъ сношеній и съ положеніемъ внутреннимъ нѣсколько не лучшимъ. Все это дѣло одного короля, слѣдствіе старости короля, который хочетъ управлять, но у котораго не достаетъ силъ чтобы принять мужественное рѣшеніе. Хуже всего то, что я не вижу никакого исхода. У себя дома, что мы сдѣлаемъ и что скажемъ, когда намъ укажутъ на дурное состояніе финансовъ? Въ Франціи, что мы сдѣлаемъ, чтобы возвысить наше положеніе и принять образъ дѣйствій, который бы нравился нашему народу? Мы, конечно, не достигнемъ этого нашимъ австро-французскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Швейцаріи, которое для насъ будетъ тѣмъ же,

существовала только по имени, ибо въ нее допущены были именно тѣ, кому она обязана была бы противодѣйствовать.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи, старый генералъ Сюберви придумалъ средство поразить враговъ ихъ же оружіемъ. При всѣхъ возмущеніяхъ въ Парижѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ такъ-называемые *gamins*, мальчишки лѣтъ отъ 15 до 20, изъ низшихъ классовъ, отличающіеся необыкновенною живостію, удаальствомъ, любовью ко всякаго рода лихимъ продѣлкамъ, и готовностію отчаянно драться за кого и противъ кого бы то ни было. Изъ нихъ-то придумалъ генералъ составить правильное войско, подъ названіемъ подвижной гвардіи, и мысль его увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Этимъ импровизованнымъ защитникамъ порядка данъ былъ мундиръ, назначено хорошее жалованье (1 ф. 50 с. въ день), и они отлично дрались противу возмутителей, въ числѣ которыхъ прежде сами занимали первую роль.

чѣмъ была испанскій походъ 1823 года для реставраціи. Я надѣялся, что Италия будетъ служить намъ этимъ отводящимъ и оттягивающимъ средствомъ, въ которомъ мы такъ нуждаемся; но уже слишкомъ поздно: мы проиграли. Здѣсь мы ничего не можемъ сдѣлать безъ помощи Англичанъ, а каждый день, доставая имъ перевѣсъ, отбрасываетъ насъ въ противоположный лагерь. Намъ остается только уйти отсюда, потому что, оставаясь здѣсь, мы поневолѣ принуждены будемъ принять сторону ретроградной партіи, а это произведетъ во Франціи самое губительное впечатлѣніе. Несчастные испанскіе браки! Мы еще не исчерпали до дна чашу горечи, которую они намъ изготовили. Скажу въ короткихъ словахъ: внутри Франціи — разстроенные финансы; внѣ ея — выборъ между извѣстіями вѣредъ Пальмерстономъ, по случаю Испаніи, и между рѣшеніемъ дѣйствовать заодно съ Австріей, чтобъ играть роль жандарма въ Швейцаріи и бороться въ Италиі противъ нашихъ началъ и нашихъ естественныхъ союзниковъ. И все это приписывается королю, одному королю, который изказилъ наши конституціонныя учрежденія!

„Я нахожу все это чрезвычайно важнымъ, ибо боюсь что вопросы о министрахъ и портфеляхъ будутъ забыты и представится большая опасность, когда, въ виду дурнаго положенія, возникнутъ вопросы о принципахъ. Еслибы можно было найти какое-нибудь событіе, какое-нибудь дѣло, которое бы можно было повести живо, и которое бы своимъ успѣхомъ соединило нашихъ приверженцевъ, тогда была бы возможность выиграть сраженіе; но я ничего не вижу. Ты мнѣ простишь это посланіе. Намъ необходимо стать ближе другъ къ другу; ты простишь мнѣ то что я говорю объ отцѣ; я говорю это тебѣ одному; но мнѣ невозможно не заглядывать въ будущее, а оно меня нѣсколько пугаетъ.“

Благодаря этимъ распоряженіямъ, день 26 февраля прошелъ для временнаго правительства спокойно, и оно могло заняться обсужденіемъ нѣкоторыхъ мѣръ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: признаніе принципа всеобщей подачи голосовъ, назначеніе комиссаровъ въ департаменты, объявленіе всѣхъ королевскихъ имѣній національною собственностію, облегченіе членамъ королевской фамиліи средствъ удалиться изъ Франціи, минимое преданіе суду бывшихъ министровъ, освобожденіе всѣхъ политическихъ преступниковъ, отмена смертной казни за политическія преступленія.

Первое воскресенье послѣ революціи, т.-е. 27-го февраля, назначено было для торжественнаго провозглашенія республики, и для смотра національной гвардіи на площади бывшей Бастиліи. Цѣлю этого зрѣлища было не только удовлетворить любви парижскаго населенія ко всякимъ публичнымъ празднествамъ и процессіямъ, но и показать наглядно матеріальную силу правительства и тѣмъ заставить повиноваться республикѣ тѣхъ, которые въ душѣ ея не желали бы.

Приготовленія къ этой процессіи, которая должна была начаться въ 2 часа по полудни, заняли все вниманіе правительства, даже въ ущербъ заботамъ о собственной безопасности. Партія Луи Блана или, точнѣе сказать, та безпечная партія, которая, чтобы не напугать людей простодушныхъ и довѣрчивыхъ, выставяла вездѣ это имя, какъ символъ мирнаго социализма,—эта партія не пропустила случая воспользоваться опасностію временнаго правительства. Декретъ о признаніи права на трудъ показался для многихъ рабочихъ неудовлетворительнымъ, и особенно для тѣхъ, которые занимались ремеслами, предполагающими нѣкоторую степень образованности. Сюда принадлежали механики, типографчики, наборщики, граверы, литографы, рѣзчики и тому подобныя. Утромъ 27 числа, явились они на площадь передъ Ратушей, раздѣленные на отряды, съ различными фантастическими знаменами, и требовали, чтобы къ нимъ вышелъ Луи Бланъ. Нѣтъ положительныхъ доказательствъ на то, что демонстрація была подготовлена самимъ Луи Бланомъ, но во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы онъ не зналъ о ней, и не принималъ въ исполненіи ея дѣятельнаго участія. По крайней мѣрѣ его друзья по редакціи *Реформы*, которую

онъ самъ называетъ *главною квартирою возмущенія*, должны были заранѣе знать объ этомъ нашествіи на временное правительство. Можно ли повѣрить, чтобы редакция *Реформы* отказалась отъ вліянія на рабочіе классы въ самую минуту побѣды, и внезапно прервала всѣ свои съ ними связи именно въ то время, когда онѣ могли привести ее къ осуществленію всѣхъ ея честолюбивыхъ или, по крайней мѣрѣ, мечтательныхъ замысловъ? Такое предположеніе нелѣпо, и мы имѣемъ полное право не довѣрять Луи Блану, сколько бы онъ ни увѣрялъ насъ, что эти двѣ тысячи чело-вѣкъ сошлись на площади съ оружіемъ и знаменами случайно, и что также случайно, безъ предварительнаго заговора, возбудилось въ нихъ, и притомъ одновременно во всѣхъ, непреодолимое желаніе переговорить съ нимъ у крыльца Ратуши. Какъ бы то ни было, Луи Бланъ вышелъ къ толпѣ, и потомъ, возвратясь къ членамъ временнаго правительства, сказалъ:— „Господа! народъ внизу; онъ требуетъ, чтобы учреждено было министерство прогресса (*ministère du progrès*), и я не могу отъ васъ скрыть, что тотъ, кого онъ желаетъ видѣть на этомъ мѣстѣ...“— „Вы сами“ прервалъ его Ледрю-Ролленъ.— „Конечно“ отвѣчалъ Луи Бланъ, нисколько не смущаясь. Начались бурные споры. Всѣ усилія убѣдить Луи Блана въ нецѣлости и вредныхъ послѣдствіяхъ его требованія были напрасны; на всѣ возраженія у него былъ одинъ отвѣтъ, что онъ выйдетъ въ отставку, если не удовлетворятъ его желанію. Всѣ повидали, какія отсюда должны были выйдти послѣдствія, и на чтò могла рѣшиться вооруженная толпа, успѣвшая къ тому же овладѣть находившимися на площади орудіями. Послѣ убѣжденій, прибѣгли къ просьбамъ. Луи Бланъ оставался непреклоненъ. Его сопротивленіе поддерживали введенные имъ въ залу депутаты отъ работниковъ; они при этомъ немилосердно стучали кулаками и саблями по большому круглому столу, за которымъ засѣдали правители Франціи. Хитрый Марастъ нашелъ уловку, посредствомъ которой вывелъ изъ затрудненія своихъ товарищей, и обманулъ Луи Блана. Онъ предложилъ, чтобы вмѣсто требуемаго министерства, котораго нельзя же учредить сразу, безъ всякихъ приготовленій, назначить изъ среды рабочихъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, и отдать имъ въ распоряженіе, для засѣданій, великолѣпное помѣщеніе бывшей палаты перовъ въ Люксембургѣ. Послѣ нѣсколькихъ

минуть колебанія, Луи Бланъ согласился. По его совѣту, или приказанію, толпы рабочихъ разошлись. Есаубы Луи Бланъ хотя на волосъ обладалъ практическимъ смысломъ, онъ тотчасъ поплылъ бы ловушку; есаубъ онъ такъ твердо былъ убѣжденъ въ непреложности своей системы, и въ возможности легкаго и мирнаго ея выполненія, онъ видѣлъ бы, что совѣщаться не о чемъ, когда остается только дѣйствовать; есаубъ имѣлъ онъ отъ природы тотъ сильный характеръ, въ которомъ судьба не отказываетъ людямъ избраннымъ ею въ историческіе дѣятели, какого бы то ни было свойства, то, прибѣгнувъ однажды къ насилію, онъ не остановился бы на половинѣ дороги и докончилъ бы, по крайней мѣрѣ, то дѣло, къ совершенію котораго, по его мнѣнію, онъ былъ призванъ Провидѣніемъ. Но какія бы пышныя, задорныя фразы онъ ни говорилъ и ни писалъ, онъ все таки остается не болѣе какъ пустымъ фразеромъ, съ ограниченнымъ умомъ и слабымъ характеромъ, фразеромъ, которому желалось играть роль, и котораго желаніе было вполнѣ удовлетворено, когда ему предложили засѣдать въ президентскихъ креслахъ бывшей палаты перовъ, и объяснять превосходство своей системы во всеуслышаніе Франціи. Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ онъ всячески старается извинить и смягчить сдѣланный имъ промахъ: онъ объясняетъ свою уступку то своимъ миролюбіемъ, вслѣдствіе котораго онъ не хотѣлъ подвергать республику опасности, то впечатлѣніемъ, которое произвели на него просьбы старика Араго, которому онъ не въ силахъ былъ противиться, но промахъ остается промахомъ. Марастъ совершенно понималъ Луи Блана, и не ошибся, разчитывая на его самолюбіе и тщеславіе. Мы бы не рѣшились употребить столь непочтительныхъ выраженій въ отношеніи къ этому миниатюрному пророку социалистовъ, есаубъ онъ самъ не проговорился, какъ лестно ему было занимать первое мѣсто, и быть полнымъ хозяиномъ въ томъ самомъ великолѣпномъ дворцѣ, въ который онъ когда-то приходилъ скромнымъ мальчикомъ-просителемъ, искать покровительства у герцога Деказа *. Мы съ своей стороны крайне

* *Révolutions historiques*, Chap. VIII. „Lui (le duc de Decazes) se tourne lentement vers moi et, d'un geste protecteur, me frappant sur la joue: „Eh bien, dit-il, nous verrons ce qu'on peut faire pour ce petit garçon“. Je sortis, et ne le revis plus. Etrange moquerie du destin! Le Mars 1848, il était donné

сожалѣемъ, что не было учреждено министерство прогресса. Впервыхъ потому, что послѣ учрежденія этого министерства, можно было ожидать и другихъ ему подобныхъ, какъ напримѣръ: министерства любви къ отечеству, министерства добродѣтели, министерства братства, самопожертвованія, уединенія, размышленія, и всѣхъ другихъ душевныхъ качествъ; а вовторыхъ, потому что неспособность выдумки Луи Блана была бы доказана практически, и онъ не имѣлъ бы больше права приписывать другимъ свою неудачу. Члены временнаго правительства, къ сожалѣнію, боялись Луи Блана. Еще накануне, узнавъ о приготовлявшемся движеніи, они поспѣшили издать декретъ, предвосхищавшій у Луи Блана честь инициативы. Декретомъ этимъ учреждались пресловутыя національныя мастерскія, съ подчиненіемъ ихъ министру общественныхъ работъ Мари, не зараженному социализмомъ; члены временнаго правительства надѣялись этимъ не только предупредить волненіе между рабочими, но и возвысить собственную популярность.

Оставимъ однако Луи Блана съ его депутатами отъ рабочихъ и съ представителями различныхъ школъ социализма или, какъ онъ называетъ членовъ своей комиссіи, съ этими *перлами труда*, и обратимся къ временному правительству. Кромѣ хлопотъ съ социалистами, ему предлежали еще слѣдующіе вопросы: нужно было добиться, чтобы республика поскорѣе была признана всею Франціей и иностранными державами; нужно было привести въ порядокъ финансы и устроить выборы депутатовъ въ національное собраніе.

V. 3

Признаніе республики въ департаментахъ, то-есть въ самой Франціи, не встрѣтило никакихъ затрудненій. Благодаря вѣковымъ усиліямъ централизаторовъ, и въ особенности конвента и Наполеона I, вся умственная жизнь была стянута въ Парижъ, и кто былъ хозяиномъ въ Парижѣ, тотъ былъ господиномъ всей Франціи. Въ департаментахъ ожидали

à ce petit garçon de coucher dans le lit où il avait vu le duc assis, plusieurs années auparavant, et que le duc venait de quitter. Выраженіе venait de quitter не вѣрно и употребляемо для эффекта: герцога Декаса оставилъ Люксембургъ еще въ 1890 году.

только что скажетъ телеграфъ, и приказанія его исполнялись въ точности. Не было никакихъ учрежденій, которыя имѣли бы хотя малѣйшую самостоятельность; не было ни лицъ, ни сословій, съ желаніями и мнѣніями которыхъ необходимо было бы сообразоваться тому, кто имѣлъ право или возможность отдавать приказанія по телеграфу изъ Парижа. Приказанія эти получались чиновниками, и чиновники спѣшили исполнять ихъ,—не изъ преданности тому, кто приказывалъ, а единственно изъ опасенія лишиться мѣста. Учредить республику было также легко, какъ прежде возвести на престолъ іюльскую династію, или какъ потомъ было легко учредить вторую имперію. Впрочемъ, кромѣ обычной покорности провинціальнымъ чиновниковъ, учрежденіе республики встрѣтило благопріятное для себя расположеніе людей всѣхъ партій. Нельзя сказать, чтобы всѣ желали республики, но несомнѣнно то, что никто не вѣрилъ въ ея прочность, и потому всѣ на нее соглашались. Легитимисты надѣялись, что всеобщая подача голосовъ возстановитъ Георга V; орлеанисты, или точнѣе, буржуазія, полагали, что какъ скоро пройдетъ первый пылъ революціи, и самолюбіе главныхъ ея двигателей найдетъ себѣ удовлетвореніе въ мѣстахъ и почестяхъ, то необходимость порядка и спокойствія заставитъ возвратиться къ конституціонной монархіи, и вмѣстѣ съ нею къ іюльской династіи; бонапартисты надѣялись на обаяніе имени Наполеона, на славныя воспоминанія съ нимъ соединенныя, на страсть Французовъ къ войнѣ и завоеваніямъ, и были увѣрены, что республика приведетъ къ имперіи. Духовенство раздѣляло чувства легитимистовъ, но было однако не прочь помогать и бонапартистамъ, лишь бы не дать перевѣса ненавистному для него іюльскому правительству, лишившему духовенство и іезуитовъ того значенія, которое они успѣли пріобрѣсти при Карлѣ X. Еще въ первый день послѣ революціи, парижскій архіепископъ приказалъ при богослуженіи, вмѣсто имени короля, употреблять имя народа; потомъ это слово было замѣнено словомъ республика. Такимъ образомъ, фраза „*domine salvum fac regem*“, прошла чрезъ фразу „*domine salvum fac populum*“, чтобы обратиться въ фразу „*domine salvum fac rempublicam*“. Признаніе республики со стороны различныхъ мѣстъ и лицъ пошло съ неизвѣрною быстротою; отовсюду получались адреса, являлись депутаціи,

чтобы выразить временному правительству свое присоединеніе къ республикѣ (*adhésion á la république*). Желаніе ли спокойствія, опасеніе ли своимъ сопротивленіемъ вызвать явленія подобныя тѣмъ, которыя происходили во время первой республики, страхъ ли передъ угрозами красныхъ республиканцевъ, или просто увлеченіе примѣромъ и отсутствіе самостоятельности въ характерахъ: но всѣ тѣ лица, которыя ни прежде, ни послѣ не желали республики, и всегда готовы были ей противоудѣствовать, не только спѣшили признать ее, но и предлагали ей свои личныя услуги. Мы не станемъ приводить данный списокъ именъ, которыя подписаны были подъ адресами, но скажемъ, что это были имена всѣхъ значительныхъ лицъ въ войскѣ и магистратурѣ, имена большей части членовъ обѣихъ палатъ, даже адъютантовъ королевской фамиліи и самого маршала Бюжо. Что касается до депутацій, то отъ нихъ члены временнаго правительства, можно сказать, истинно бѣдствовали: съ такимъ усердіемъ являлись онѣ изъ разныхъ мѣстъ. Правительство безпрестанно должно было ради этого прерывать свои занятія, должно было принимать эти депутаціи, выслушивать ихъ пошлыя рѣчи, и отвѣчать имъ столь же пошлыми, стереотипными фразами.

Признаніе республики иностранными державами представило болѣе трудности. Хотя нельзя было ожидать, чтобы которая-либо изъ нихъ рѣшилась на вооруженное вмѣшательство, но тѣмъ не менѣе, ради собственныхъ своихъ интересовъ, Франціи необходимо было выйдти изъ своего одинокаго положенія и возобновить дипломатическія сношенія. Въ этомъ случаѣ, все зависѣло отъ того направленія, которому послѣдуютъ внутреннія событія, и отъ того характера, который приметъ новая республика. Ламартинакъ написалъ длинный циркуляръ къ посланникамъ при всѣхъ дворахъ, и этимъ циркуляромъ отлично достигъ своей цѣли. Задача была весьма не легкая: нужно было сдѣлать такъ, чтобы въ однихъ и тѣхъ же фразахъ иностранцы читали признаніе трактатовъ 1815 года, а Французы ихъ отрицаніе, чтобы тамъ, гдѣ иностранцы видѣли скромность и умѣренность, Французы находили гордую самостоятельность и воинственный вызовъ. Само собою разумѣется, что такой циркуляръ, или точнѣе сказать, манифестъ долженъ былъ состоять изъ ловкихъ фразъ, которыми бы прикрывалось противорѣчіе содержанія. Но какъ бы то ни было, а циркуляръ этотъ дѣлаетъ

большую честь дипломатическимъ способностямъ Ламартина, и умѣнью его сказать вовремя приличное слово. Этотъ циркуляръ, болѣе всѣхъ мѣръ временнаго правительства, и даже вопреки нѣкоторымъ изъ нихъ, рѣшилъ участь революціи 1848 года, и далъ умамъ то умѣренное и благоразумное направленіе, котораго держалось большинство Французовъ до самаго паденія республики.

Состояніе финансовъ уже при июльской монархіи было весьма не блестящее; революціонный переворотъ, конечно, не могъ содѣйствовать къ его улучшенію. Новый министръ финансовъ Гудшо, при вступленіи своемъ въ должность, поставилъ первымъ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ существовавшихъ прежде налоговъ не былъ отмѣненъ. Принятіе этого условія составляетъ лучшую критику всей революціи: оно показываетъ, на сколько было смысла въ жалобахъ, будто привилегированные классы съ помощію монархіи эксплуатировали народъ въ свою пользу. Легко было давать обѣщанія, что социальная и демократическая республика облегчитъ тяжесть дежавшю на низшихъ классахъ, но не такъ легко было выполнить эти обѣщанія. Журналисты, которымъ члены временнаго правительства обязаны были своимъ назначеніемъ, потребовали облегченій первые, и имъ нельзя было отказать. Поэтому отмѣнена была штемпельная поштина, составлявшая значительную статью государственнаго дохода. Такъ какъ однако странно было бы оказать милость однимъ газетчикамъ, то были принуждены отмѣнить еще поштину на соль, составлявшую постоянный предметъ нападковъ на монархическія министерства со стороны друзей народа, и такъ какъ члены временнаго правительства не сомнѣвались, что министръ финансовъ всѣми силами противостанетъ этой мѣрѣ, то рѣшились исполнить ее тайкомъ отъ него.

Дѣйствительно, какъ скоро узналъ Гудшо объ этомъ неожиданномъ для него распоряженіи, онъ тотчасъ же попросилъ чрезвычайнаго засѣданія всѣхъ членовъ временнаго правительства. Онъ объяснилъ имъ, что финансовое положеніе и безъ того угрожаетъ банкротствомъ, что вскорѣ всѣ источники дохода истощатся, и что денежные средства республики недостаточны для покрытія ближайшихъ и самыхъ необходимыхъ расходовъ. Слова министра финансовъ нисколько

не были преувеличены, и подтверждались цифрами. Система управления Людовика Филиппа была разчитана на прочный и продолжительный миръ. Большія постройки желѣзныхъ дорогъ и множество другихъ предпріятій сообщали торговлѣ и промышленности чрезвычайную дѣятельность; эта дѣятельность потребовала огромныхъ капиталовъ, которые не существовали въ дѣйствительности и должны были возникнуть изъ этой самой дѣятельности. Очевидно, что остановка въ промышленныхъ предпріятіяхъ, отъ какихъ бы причинъ она ни происходила, должна была сопровождаться уничтоженіемъ капитала, затраченнаго на эти предпріятія, и съ тѣмъ вмѣстѣ остановить дальнѣйшее образованіе капиталовъ. Не говоря уже объ огромномъ отверженномъ догѣ въ 4 милліарда франковъ, и о догѣ въ одинъ милліардъ по билетамъ государственнаго казначейства, съ близкими сроками уплаты, главное затрудненіе государственныхъ финансовъ заключалось въ томъ, что въ наличности находилось только 192 милліона. При обыкновенномъ порядкѣ, этихъ денегъ достало бы на полтора мѣсяца; но при чрезвычайныхъ расходахъ, вызванныхъ революціей, ихъ едва могло хватить на некоторые недѣли. Гудшо требовалъ своего увольненія, и остался только вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ временнаго правительства. Чтобы поправить сколько-нибудь дѣла, рѣшились испытать послѣднее средство, которое, впрочемъ, могло придти въ голову только биржевому спекулянту. Оно состояло въ томъ, чтобы, скрывъ дѣйствительное положеніе дѣлъ отъ публики, пустить ей пылъ въ глаза обѣщаніемъ выплачивать ренту за двѣ недѣли до срока. Цѣль этого фокуса заключалась въ поддержаніи кредита. Должно сказать правду, что въ это тяжелое для финансовъ время всѣ партіи единодушно старались содѣйствовать временному правительству и предотвратить угрожавшее банкротство. Со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія: „*confiance! confiance.*“ Одни произносили эти слова изъ желанія поддержать оозданную ими республику; другіе—изъ опасенія, что въ случаѣ неудачи, эта республика окончательно раззоритъ Францію. Правительство обратилось, между прочимъ къ великодушію платящихъ подати, и, по его вызову, весьма многіе уплатили прямые налоги за мѣсяць и болѣе впередъ.

Само собою разумѣется однако, что эти палліативныя мѣры

не могли имѣть значительныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе что временное правительство своими дѣйствіями само сдѣлало разрушить то довѣріе, которое готово было идти къ нему на встрѣчу. Довѣріе всего менѣе пріобрѣтается насиліемъ; а ничего другаго нельзя было ожидать отъ революціоннаго правительства, въ средѣ котораго находились проповѣдники вражды къ капиталу и свободѣ экономическихъ отношеній. Попытки насилій уже были сдѣланы. Ледрю Роаленъ запретилъ отпирать биржу; Коссидьеру поручено было наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія, и толпа монтаньяровъ расположилась при ней карауломъ. Надъ Ротшильдомъ Коссидьеръ учредилъ тайный надзоръ, съ цѣлю не выпускать его изъ Парижа. * Съ другой стороны, газеты издававшіяся въ социалистическомъ направленіи, нисколько не разсчитывали опасеній, которыя вслѣдствіе подобныхъ мѣръ возникали въ публикѣ. Газета *Organisation du Travail* особенно обращала, въ этотъ отношеніи, на себя вниманіе. Въ началѣ каждаго своего номера она постоянно печатала списокъ 60 богатѣйшихъ обывателей Парижа. Указаніе это было косвеннымъ приглашеніемъ на грабежъ и проскрипцію, и возбудило противъ себя всеобщее негодованіе. *Organisation du Travail*, вмѣсто того чтобъ успокоить это законное раздраженіе публики, стала, напротивъ, въ дальнѣйшихъ номерахъ своихъ, къ своему прежнему указанію присоединять еще списокъ восьмидесяти значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Вотъ къ какимъ миролюбивымъ средствамъ прибѣгала партія Луи Блана. Мудреко ли, что довѣріе исчезло, и правительство осталось безъ денегъ и безъ кредита?

Гудшо отказался отъ должности министра финансовъ, и мѣсто его занялъ Гарнье-Пажесъ. Господилъ этотъ былъ прежде маклеромъ, и вѣроятно остался бы навсегда въ мирной неизвѣстности, еслибы не наследовалъ имени и связей своего умершаго брата, знаменитаго радикала, даровитаго человека, умѣвшаго прекрасно говорить обо всемъ, въ томъ

* Ротшильдъ узналъ объ этомъ распоряженіи. Она явился къ Коссидьеру и объяснилъ ему, что напрасно полагають, будто у него груды золота; что золота у него вовсе нѣтъ, и капиталы его заключаются единственно въ бумагахъ, которыя вслѣдствіе переворота потеряли почти всякую цѣнность. Вмѣстѣ съ этимъ, для умалоставленія Коссидьера Ротшильдъ предложилъ ему двѣ тысячи франковъ въ пользу февральскихъ рабѣвшихъ.

челѣ и о финансахъ. Самъ по себѣ Гарнье-Пажесъ былъ добрый человекъ, принадлежалъ къ отряду чистой идеалической республики, представителемъ которой былъ Дюпюкъ (de Puget), и отличался тою самонадѣянностью, которая свойственна богатливой и хвастливой посредственности. Первою его мѣрой было предложеніе національнаго займа во 100 милліоновъ франковъ. Но заемъ не состоялся, хотя биржа и была наконецъ отперта. Только въ первый день подписались три капиталиста, на сумму около трехъ милліоновъ, и то потому что имѣли въ своихъ рукахъ на соответствующую сумму билетовъ казначейства; не надѣясь получить по нимъ своевременную уплату, они предполагали ихъ такимъ образомъ консолидировать. Столь же мало успѣха имѣли и другіе декреты новаго министра. Для поправленія финансовъ онъ вздумалъ, напримѣръ, продать, вопервыхъ, драгоценныя камни королевскихъ регалій, и обратить въ монеты все золото и серебро, находившееся въ королевскихъ дворцахъ, за исключеніемъ предметовъ искусства, а во вторыхъ, продать, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, часть королевскихъ помѣстій и лѣсовъ. Ни та, ни другая мѣра, разумѣется, не удалась: первая—потому что сама по себѣ была бессмысленна и обнаруживала совершенно ребяческій взглядъ на дѣла финансовыя; а вторая—по самому свойству недвижимыхъ цѣнностей. Въ мирное время, недвижимая собственность обыкновенно дорожаетъ. Она дорожаетъ именно вслѣдствіе того, что мирное время даетъ надежду на прочность гражданскихъ отношеній; довѣряя этой прочности, всѣ движимыя капиталы, созданныя работою и промышленностію, спѣшатъ обмѣнить себя на недвижимую собственность; вся цѣнность послѣдней составляетъ именно изъ этой прочности владѣнія. Но при всякомъ шутренемъ переворотѣ бываетъ всегда наоборотъ: недвижимая собственность, вслѣдствіе той же самой причины, вслѣдствіе какой прежде возвышалась, начинаетъ непремѣнно падать въ цѣнѣ, и спѣшитъ теперь сама обмѣнить себя на капиталъ движимый. Какой же цѣны на недвижимую собственность могъ ожидать новый министръ финансовъ, и какихъ могъ найти на нее покупателей, когда право собственности вообще отрицалось Прудономъ, Кабе и ихъ послѣдователями, а право собственности поземельной и подавно?

Гарнье-Пажесъ вынужденъ былъ наконецъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ, именно дать обязательный курсъ

билетамъ французскаго банка, то-есть, другими словами, обратить ихъ въ ассигнаціи. Эта мѣра была неизбежна; металлическій запасъ банка началъ истощаться еще до революціи, и былъ въ все время поддержанъ лишь ссудою въ 50 милліоновъ франковъ, которую ему великодушно сдѣлало русское правительство. Другою рѣшительною мѣрой было возвышеніе прямыхъ налоговъ на 45 сантимовъ (centimes additionnels), то-есть говоря по нашему, накладка цѣлыхъ 45 процентовъ. Очевидно, цифра 45 назначена была единственно для того, чтобы не сказать прямо 50 сантимовъ или полфранка. Эта мѣра всего болѣе повредила республиканскому правительству, ибо падала по преимуществу на классъ самый многочисленный во Франціи, и притомъ, весьма небогатый. Тяжесть новаго налога была для него очень чувствительна, тѣмъ болѣе что онъ не имѣлъ возможности вознаградить себя ни славою баррикады, ни зрѣлищемъ процессій и народныхъ праздниковъ, ни даже слушаніемъ сладкихъ рѣчей Ламартина, или лекцій Луи Блана. Временное правительство замѣтило свой промахъ и старалось поправить его, но неудачно. Оно распорядилось, именно, чтобы прибавочные 45 сантимовъ вовсе не взыскивались въ тѣхъ случаяхъ, когда уплата, по мнѣнію мѣстныхъ властей, окажется затруднительною. Но этимъ только увеличенъ былъ произволъ чиновниковъ, а невыгодное впечатлѣніе, произведенное возвышеніемъ налога на большинство народонаселенія, нисколько не уменьшилось. Въ финансовомъ отношеніи, мѣра эта также не принесла большой пользы, потому что цифра собранной суммы осталась далеко ниже той, которую первоначально предполагали. *

* Въ куріозной статьѣ *Казеньскъ*, напечатанной въ мартовской книжкѣ *Современника* за 1856 годъ, сказано: „Налоги на соль и вино доставляли государству около 200 милліоновъ франковъ и, при огромности французскаго бюджета, было бы легко произвести эту экономію; если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то *офеланія* массы указывали источники, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти 200 милліоновъ. Какъ обременительны казались налоги на вино и соль, такъ, напротивъ, чрезвычайно популярно было бы учрежденіе подати съ капитала или съ дохода.“ Какъ повидимому просто было временному правительству выйти изъ затрудненій!

Не говоря уже о томъ, что подъ словомъ „желанія массы“ авторъ разумѣетъ Луи-Блановскую массу, а не большинство француз-

Одно изъ важныхъ финансовыхъ затрудненій для временнаго правительства представляли сберегательныя кассы. Число вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ простиралось слишкомъ до 355 милліоновъ франковъ; изъ нихъ 65 милліоновъ находились въ распоряженіи казначейства, которое платило за нихъ четыре процента; на остальные взносы куплена была рента и акціи нѣкоторыхъ обществъ. Естественно было ожидать, что при всеобщей остановкѣ промышленной дѣятельности, вслѣдствіе переворота, вкладчики, которые всѣ принадлежали къ бѣднѣйшему классу народонаселенія, потребуютъ обратно свои вклады, и что администрація кассъ не въ состояніи будетъ удовлетворить этому требованію, ибо въ государственномъ казначействѣ денегъ не было, а продавать ренту и акціи (еслибъ и нашлись на нихъ покупатели) значило бы лишиться большей части капитала. Какъ же поступило въ виду этого затрудненія временное

какой націи, и что къ словамъ „чрезвычайно популярно было бы“ подразумительно присоединяется: „между социалистами,“—очевидно, что говоря объ учрежденіи подати съ капитала или съ дохода, авторъ вовсе ничего не разумѣетъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ онъ судитъ съ такою рѣшительностію. Всѣ четыре вида французскихъ прямыхъ налоговъ суть именно не что иное, какъ различные способы обложенія податью капитала во всѣхъ его формахъ,—податью, соответствующею пятой части чистаго дохода, получаемаго съ капитала. Вотъ почему введеніе особой подати съ доходовъ (income tax), по примѣру Англіи, осуществилось бы во Франціи непременно или въ формѣ простаго возвышенія прямыхъ налоговъ, или же въ изобрѣтеніи какого-нибудь новаго, болѣе удовлетворительнаго способа въ опредѣленіи чистаго дохода. Временное правительство избрало первую изъ этихъ мѣръ, потому вѣроятно, что востановило, какъ трудно было изобрѣсти новый способъ къ опредѣленію чистаго дохода, получаемаго каждымъ изъ платящихъ подати. Въ Англіи, къ опредѣленію этого дохода не существуетъ, при income tax, никакого способа, кромѣ показанія самихъ плательщиковъ. Можетъ-быть, этотъ „никакой“ способъ опредѣленія чистаго дохода и лучше того сложнаго, который употребителенъ во Франціи.

Просямъ извиненія у читателей, что мы стали возражать на статью *Касеньякъ*, которая сама по себѣ не стоила бы этого. Но мы сочли себя не въ правѣ совершенно обойти молчаніемъ статью, которая въ русской литературѣ тоже трактовала нѣкогда о февральской революціи; мы сочли необходимымъ хотя разъ обратиться къ ней, хотя бы для того только, чтобы показать, что не стоить къ ней обращаться.

правительство? Гарнье-Пажесъ сначала, декретомъ своимъ отъ 7 марта, торжественно объявилъ, что изъ всѣхъ родовъ собственности, самая святая и самая неприкосновенная есть сбереженіе сдѣланное бѣднымъ челоѣкомъ (*l'épargne du pauvre*); что сберегательныя кассы, вслѣдствіе того, поставаются подъ охрану національной чести, и что государственное казначейство обязуется непремѣнно исполнить всѣ принятыя имъ на себя обязательства. вмѣстѣ съ этимъ, онъ возвысилъ платимый кассами процентъ съ четырехъ на пять. Не болѣе однако, какъ черезъ два дня послѣ этихъ торжественныхъ обѣщаній, тотъ же Гарнье-Пажесъ новымъ декретомъ, отъ 9 марта, объявилъ, что вклады въ сберегательныхъ кассахъ не составляютъ *сбереженій сдѣланныхъ бѣдными людьми* (онъ одумался!), а принадлежать спекулянтамъ, и что потому тѣ, которые требуютъ обратно вкладовъ, явно обнаруживаютъ этимъ своимъ умыслами противъ республики. Вслѣдствіе такого разсужденія, повелѣвалось уплачивать деньги *à pari* по тѣмъ только вкладамъ, которые не превышали 100 франковъ; а по всѣмъ прочимъ выдавать биржевую ихъ цѣну. Чтобы оцѣнить все значеніе этого декрета, нужно прибавить, что биржевая цѣна кассовыхъ вкладовъ была почти на половину ниже номинальной. Однимъ словомъ, это распоряженіе было не иное что, какъ банкротство сберегательныхъ кассъ на одну половину капитала, банкротство, отнявшее собственность не у богатыхъ людей, какъ бываетъ большею частію въ такихъ случаяхъ, но напротивъ, грабившее именно тѣхъ самыхъ бѣдныхъ, во имя которыхъ и для блага которыхъ начата революція и устроена демократическая, социальная республика.

Эти неискусныя мѣры правительства, въ соединеніи притомъ съ раздававшюся отовсюду проповѣдью коммунизма, произвели, наконецъ, совершенную панику въ народонаселеніи. Иностранцы стали быстро покидать Парижъ (число ежедневно свидѣтельствуемыхъ паспортовъ простиралось до 500); богатые люди начали сокращать издержки и отпустили большую часть прислуги; даже Ротшильдъ продалъ своихъ скаковыхъ лошадей; четыре первыхъ банкира обанкротились; фабрики, однѣ вовсе закрылись, другія распустили цѣлую половину рабочихъ; вся торговля, особенно торговля предметами моды и роскоши или такъ называемыми *articles de Paris*, доставлявшая пропитаніе

значительной части жителей Парижа, почти совсѣмъ прекратилась, всѣ условныя цѣнности неизмовѣрно упали, и даже драгоценныя камни были предлагаемы за безцѣнокъ и едва находили покупателей; мѣста биржевыхъ маклеровъ, продававшихся прежде за 500 тысячъ франковъ, охотно уступаемы были за 200 тысячъ франковъ. Цѣнилась только звонкая монета, а ея нигдѣ не было видно; англійскій соверень, стоившій прежде 25 франковъ, съ трудомъ можно было достать за 34 франка; при размѣнѣ тысячнаго банковаго билета на звонкую монету, брали 200 и даже 250 франковъ промѣна. Всѣ эти явленія экономического разстройства, раззорительныя для высшихъ и богатыхъ классовъ, естественно должны были съ особенною силою обрушиваться на низшихъ, бѣднѣйшихъ классахъ народонаселенія. Съ приостановкою торговли и фабрикаціи, дававшихъ имъ средства къ существованію, и съ банкротствомъ сберегательныхъ кассъ, эти классы пришли въ такое положеніе, что можно было ожидать всеобщаго грабежа, особенно при тѣхъ взглядахъ на собственность, которые проводились теперь и въ газетахъ, и въ клубахъ, и въ Люксембургѣ. Учрежденныя правительствомъ *національныя мастерскія* еще служили въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ отвояющимъ и предохраняющимъ средствомъ. О значеніи этой мѣры стбитъ, впрочемъ, поговорить нѣсколько подробнѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что при учрежденіи національныхъ мастерскихъ временное правительство имѣло единственную цѣль, о которой мы сейчасъ упоминали, то-есть оказать денежное пособіе наиболѣе нуждающимся людямъ, а вовсе не *организовать трудъ* по теоріи Луи Блана. Оно вовсе не намѣрено было производить надъ народомъ социалистическіе эксперименты. Оно видѣло, что денежныхъ пособій нельзя не выдавать,—иначе нельзя было ручаться ни за сохраненіе остатковъ порядка, ни за собственную личную безопасность,—и довольно ловко воспользовалось теоріей Луи Блана, чтобы замаскировать истинную цѣль своихъ дѣйствій. Полтора франка, которые были выдаваемы каждому работнику національныхъ мастерскихъ *за день проведенный на работѣ*, совершенно соответствовали тѣмъ 40 су, которые, въ тяжелое время осени 1793 года, были выдаваемы отъ національнаго конвента патриотамъ, посѣщавшимъ народныя собранія. Временное правительство столь же мало нуждалось въ

работѣ учрежденныхъ имъ мастерскихъ, какъ и националь-
ный конвентъ въ премудрыхъ совѣтахъ патриотовъ со-
дѣвшихся въ народныхъ собраніяхъ по секціямъ. Вынуж-
денное издать декретъ о правѣ на трудъ, временное пра-
вительство очень хорошо понимало, что это выраженіе
имѣетъ смыслъ совершенно обратный тому, который даютъ
ему социалисты. Право на трудъ имѣетъ не тотъ, кто тру-
дится, а кто платитъ за трудъ; тотъ кто трудится, имѣетъ
право на плату за свой трудъ, отдаваемый другому, а не на
самый трудъ, и весь вопросъ, который ставили социалисты,
заключался именно въ этой платѣ за трудъ, а не въ трудѣ,
который получается за эту плату. Временное правительство
такъ и повело требованіе защитниковъ рабочаго класса, и
поспѣшило дать ему удовлетвореніе: оно назначило плату за
трудъ. Какъ оно распорядилось трудомъ это уже вопросъ
другой, и притомъ вопросъ всего менѣе касавшійся рабо-
чихъ. Рабочіе получили желаемую плату, а за что, это каса-
лось уже лицъ платящихъ подати; если труду дано было не-
надлежащее употребленіе, отъ этого страдали интересы пла-
тельщиковъ, а не рабочихъ, другими словами, страдали инте-
ресы собственниковъ, то-есть именно тѣхъ лицъ, противъ кото-
рыхъ преимущественно и вооружались социалисты. Впрочемъ,
иначе и не могло быть. Когда плата обязательна, и при-
томъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, обязательна безъ всякаго
отношенія къ качеству покупаемаго труда, трудъ и не можетъ
быть употребляемъ съ пользою. Очевидно, что никто не станетъ
напрягать своего труда, когда знаетъ, что ему не можетъ быть
отказано въ платѣ ни въ какомъ случаѣ; никто не станетъ при
этомъ даже совсѣмъ трудиться, ибо трудъ, при обязательной
платѣ, становится бессмыслицей, точно также какъ бессмысли-
цей становится при этомъ и плата, ибо она перестаетъ быть
платой и обращается въ даровое содержаніе. Трудъ, при обя-
зательной платѣ, будетъ со стороны рабочаго капризомъ, пожер-
твованіемъ, забавой, моціономъ для содѣйствія пищеваренію
словомъ, всѣмъ чѣмъ угодно, только не трудомъ въ истин-
номъ смыслѣ слова, то-есть не такимъ трудомъ, которымъ
можно было бы произвести что-либо полезное для общества.
Временное правительство лишено было главнаго средства, ко-
торымъ побуждается рабочій работать какъ слѣдуетъ: оно
не могло отказать въ платѣ худому работнику. Что же ему
оставалось дѣлать? Оставалось или прибѣгнуть къ мате-

рѣшительнымъ побужденіямъ, которыя, при обязательной платѣ, одѣ только и могутъ быть дѣйствительны, или же вовсе отказаться отъ навязываемаго ему труда. Временное правительство рѣшилось на послѣднее, и только замаскировало свое рѣшеніе мнимыми земляными работами. Этотъ родъ работъ былъ выбранъ потому, что для него не требовалось большой затраты капитала; стоило купить тачки и лопаты, и всѣ приготовления сдѣланы. Никакіе дорогіе матеріалы не подвергались опасности быть уничтоженными безъ пользы. Не было ни дерева, которое могло сгнить, ни камня, который могъ размокнуть, ни извести, которая могла испортиться отъ несвоевременнаго употребленія въ дѣло. Кроме того, трудно было придумать другую работу, при которой бы всѣмъ рабочимъ можно было давать равную плату; а малѣйшее неравенство навѣрное повело бы къ возмущенію; формула провозглашенная Луи Бланомъ: *„отъ каждаго по его способности и каждому по его потребности“*, конечно, тутъ не побуждала бы нисколько.

Итакъ, временное правительство рѣшилось употребить національныя мастерскія на земляныя работы. Работники были раздѣлены на отряды, по образцу войска; самое меньшее дѣленіе называлось бригадой, и состояло изъ 50 рядовыхъ съ семью должностными лицами; каждое подраздѣленіе имѣло своего начальника, свое знамя, а общее заведываніе всеми работниками поручено было Эмилю Тома, съ титуломъ директора національныхъ мастерскихъ. Ежедневно утромъ можно было встрѣтить на бульварахъ, въ Елисейскихъ поляхъ и предмѣстіяхъ, кучки людей, шедшихъ на работы, подъ предводительствомъ своихъ бригадировъ, со знаменами впереди. Работы состояли въ томъ, чтобы копать рвы и дѣлать изъ выгнтой земли насыпи, а потомъ срыгать насыпи и засыпать рвы. Разумѣется, и эти работы не производились усердно; бѣольшая часть времени проходила въ игрѣ въ карты, и въ пробку (au bouchon). Одинъ очевидецъ разказывалъ намъ, въ какое комическое изумленіе приходили провинціалы, пріѣзжавшіе нарочно посмотреть устройство пресловутыхъ національныхъ мастерскихъ, и какъ поразилъ ихъ отвѣтъ рабочихъ на вопросъ: чѣмъ они занимаются? *„Мы переворачиваемъ землю правительства,“* отвѣчали они. (Nous retournons la terre du gouvernement.) Число рабочихъ національ-

мастерскихъ въ одномъ Парижѣ, состоявшее сначала изъ 20 тысячъ, возрасло подъ-конецъ до 150.000.

Учрежденіемъ національныхъ мастерскихъ временное правительство постаралось успокоить низшій классъ, оставшійся, по милости республики, безъ насущнаго хлѣба, хотя и болѣе всѣхъ содѣйствовавшій ея провозглашенію. Но оставалось еще успокоить другихъ помощниковъ, болѣе взыскательныхъ и разборчивыхъ, и едва ли менѣе многочисленныхъ. Это были разнаго сорта искатели мѣстъ и должностей. Число ихъ, и въ обыкновенное время, весьма велико въ Парижѣ; сюда изъ всей Франціи стекаются обыкновенно искатели счастья, въ особенности молодые люди, съ пылкими надеждами, высоко мечтающіе о своихъ дарованіяхъ. Все множество мѣстъ, открывающихся въ администраціи, магистратурѣ, въ конторахъ банкировъ, нотариусовъ, адвокатовъ, въ редакціяхъ газетъ и журналовъ, не въ состояніи бываетъ поглотить этотъ многочисленный классъ людей, и онъ, на большую половину, остается или вовсе безъ средствъ существованія или пробивается весьма скудными средствами, что, разумѣется, не очень пріятно, при царствующей въ Парижѣ дороговизнѣ и при тѣхъ соблазнахъ, которыми онъ мавитъ всякаго къ роскоши, на каждомъ шагу. Вслѣдствіе этой простой причины, весь этотъ огромный классъ искателей счастья образуетъ обыкновенно изъ себя постоянный лагерь недовольныхъ, и такъ какъ Французы привыкли требовать и ожидать всего отъ правительства, то недовольство это питаетъ себя обыкновенно жалобами на правительство. До революціи, республиканцы и социаллисты находили себѣ въ этихъ людяхъ самыхъ охотныхъ и самыхъ горячихъ приверженцевъ, тѣмъ болѣе что не скупились на обѣщанія сдѣлать всѣхъ равно богатыми, равно могущественными и равно счастливыми. Всѣ эти обѣщанія, разумѣется, ничего не стоили, пока дѣятельность ограничивалась провозглашеніемъ принциповъ, ораторствомъ въ тайныхъ собраніяхъ по чердакамъ, импровизированіемъ гиллеозъ различными утопіямъ. Но теперь, когда раздаватели обѣщаній стали правительствомъ, положеніе ихъ сдѣлалось крайне затруднительно. Сами они заняли мѣста министровъ; ближайшимъ пріятелямъ роздали мѣста директоровъ, вице-директоровъ; не церемонились потомъ, для доставленія мѣстъ своимъ приверженцамъ, въ увольненіи должностныхъ лицъ и менѣе

высоко поставленныхъ. Но все-таки удометворить всѣхъ искателей счастья не было возможности. Чтобы судить о томъ, какъ велико было число кандидатовъ на мѣста, достаточно привести одинъ примѣръ. Редакторъ газеты *Presses*, не состоявшій въ связяхъ съ членами временнаго правительства, и даже бывшій во враждебномъ отношеніи къ кружкамъ *Націонала* и *Реформы*, откуда вышли новые правители, ежедневно получалъ до ста писемъ, съ просьбами о рекомендаціи, и принужденъ былъ публиковать что онъ не привиньетъ на себя никакихъ ходатайствъ. Каково же было положеніе самихъ правителей и лицъ къ нимъ приближенныхъ?

Но правители и не церемонились. Ледрю Ролленъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, еще съ 25 февраля, началъ разсылать по департаментамъ комиссаровъ и подкомиссаровъ, съ полною властію удалять отъ государственной службы всѣхъ подозрительныхъ приверженцевъ прежняго правительства, и опредѣлять на ихъ мѣста истинныхъ республиканцевъ. Какимъ уваженіемъ къ свободѣ отличалась дѣятельность этихъ комиссаровъ, достаточно свидѣтельствуешь уже самое это порученіе. Но наиболее краснорѣчивымъ памятникомъ ихъ дѣятельности, и вмѣстѣ памятникомъ временнаго правительства, служатъ два знаменитые циркуляра, адресованные къ нимъ Ледрю Ролленомъ, отъ 8 и 12 марта. Нѣтъ нужды подробно разбирать эти документы; достаточно сказать, что въ нихъ, особенно въ послѣднемъ, каждое слово было оскорбленіемъ свободы, каждое слово дышало насиліемъ, и торжественно попирало тѣ верховныя права народа, во имя которыхъ провозглашена была республика. „Во многихъ департаментахъ, меня спрашивали, пишетъ министръ *демократической* республики къ своимъ агентамъ, — въ чемъ заключаются ваши права. Гражданинъ военный министръ безпокоился о отношеніяхъ вашихъ съ военными начальниками. Многіе изъ васъ требуютъ указанія, какъ вести себя въ отношеніи къ магистратурѣ; наконецъ, національная гвардія и выборы, выборы въ особенности, должны быть предметомъ вашей постоянной заботливости. Въ чемъ заключаются ваши права? Они *неограниченны*. Агенты власти революціонной, вы точно также революціонны. Побѣда народа призвала васъ для провозглашенія и для утвержденія его подвига. Ради исполненія этой обязанности, вы облечены его верховною властію, вы независите ли отъ кого, кромѣ вашей совѣсти, вы должны дѣлать

что потребуютъ обстоятельства для блага общественнаго.“ И продолжая въ такомъ тонѣ давать наставленія относительно того, какъ должны вести себя комиссары по отношенію къ администраціи, къ войску, къ національной гвардіи, къ магистратурѣ, къ избирателямъ, Ледрю Роленъ заключаетъ: „Просвѣщайте избирателей и повторяйте имъ непрерывно, что царство людей монархіи кончено. Вы понимаете, какъ велика въ этомъ случаѣ ваша обязанность. Воспитаніе страны еще не совершено. Ваше дѣло направлять его..... Никакихъ отъаокъ, никакихъ уступокъ! Да будетъ день выборовъ днемъ торжества революціи!“

Такимъ-то образомъ, всѣ благодѣтели французскаго народа, начиная съ Робеспьера и оканчивая Луи Бланомъ съ компаніей, воспѣвали гаммы великодушію, умѣренности, провинцальности, практическому смыслу и неисчерпаемой мудрости народа, лишь дотолѣ, доколѣ не получали власть въ свои руки. Когда же приходилось имъ дѣйствовать на правительственномъ поприщѣ, они начинали обыкновенно говорить, что этотъ же самый народъ и глупъ, и нигуда не годенъ, и что его нужна, если не перерѣзать, какъ хотѣлъ Робеспьеръ, то по крайней мѣрѣ *довоспитать*.

VI.

Циркуляры Ледрю Ролена были собственно попыткою склонить выборы на сторону красной республики въ старомъ смыслѣ этого слова. Нельзя сказать однако, чтобы всѣ члены временнаго правительства раздѣляли это желаніе. Напротивъ, тѣ изъ членовъ, которые принадлежали къ социалистическому оттѣнку, не прочь были оттянуть выборы на сколь возможно долгій срокъ. Вообще, между членами того и другаго оттѣвка не существовало ни малѣйшаго согласія и взаимнаго довѣрія, такъ что столь важная мѣра какъ инструкція полномочнымъ комиссарамъ, не была даже предварительно обсуждена въ полномъ составѣ правительства, и сдѣлалась ему известна только по напечатанію въ *Мониторъ*. Были при мѣры, что въ *Мониторъ* появлялись даже подложные декреты, то-есть декреты, будто бы подписанные членами правительства, а между тѣмъ вовсе не бывшіе у нихъ на глазахъ. Подобные подлоги, повидимому, должны были бы повести за собою удаленіе членовъ, злоупотреблявшихъ чужими именами,

но именно этого-то болѣе всего и боялось временное правительство. Ламартинъ оказалъ о Луи Бланѣ, что онъ менѣе опасенъ среди правительства нежели внѣ его; такъ точно и всѣ они думали другъ о другѣ. Да притомъ же обнародованіе документовъ съ фальшивыми подписями,—дѣла во Франціи бывае, и, слѣдовательно, не могло привести временное правительство въ такое негодованіе, какого можно было бы ожидать во всякой другой странѣ. Знаменитая декларация 90 депутатовъ въ іюль 1830 года, доставившая престолъ Луи-Филиппу, тоже не была подписана большею частию тѣхъ лицъ, имена которыхъ красовались ввизу этого акта * Какъ бы то ни было, такіа недостойныя средства и такіа отношенія правительственныхъ лицъ между собою не могли доставить временному правительству не только прочности, но даже и личной безопасности. По этому неудивительно, что правители, въ особенности уже проученные опасностію, которой они подвергались въ ночь на 26 февраля, стали содержать для своей защиты постоянные вооруженные отряды. У Гарье Пажеса такой отрядъ состоялъ изъ 800 человекъ, и пребывалъ въ министерствѣ финансовъ; Ледрю Ролленъ держалъ съ тою же цѣлю 500 человекъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; у Ламартина было 300 человекъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; и у Мараста 600 — въ Ратушѣ. Кромѣ того, у каждого изъ этихъ членовъ была своя

* Не мѣшаетъ замѣтить, что кромѣ фальшивыхъ декретовъ, Ледрю-Ролленъ позволялъ себѣ, будучи правителемъ, кевныя подлоги и другаго рода. Такъ, напримѣръ, онъ велѣлъ дать себѣ знать по телеграфу изъ Булони, что въ Лондонѣ будто бы произошло возстаніе и провозглашена республика, и для того чтобы воспользоваться всѣмъ эффектомъ этой шлои шутки задержалъ даже на цѣлыя сутки всю корреспонденцію изъ Англіи. Въ другой разъ, для поддержанія кредита, было объявлено въ газетахъ, разумеется, не отъ имени правительства, а такъ, будто нечаянно, что Ротшильдъ не отказывается отъ выполненія условій займа, заключаемаго съ нимъ при Луи-Филиппѣ. Заемъ этотъ былъ заключенъ по 84 за 100, а такъ какъ въ то время (5—6 апрѣля) рента продавалась по 50 за 100, то очевидно, Ротшильдъ не имѣлъ возможности исполнять этихъ условій, которыя притомъ и заключены имъ были съ другимъ правительствомъ, а не съ этимъ, доведшимъ дѣла до такого отчаяннаго порядка. Фальшивое извѣстіе, разумеется, ничему не помогло, и республиканское правительство не иначе могло возобновить заемъ какъ на условіи по 75 фр. за 100; но главное, нуженъ былъ эффектъ, а для хорошаго эффекта Французъ радъ пожертвовать всѣмъ на свѣтъ.

полиція. Явная полиція была собственно одна и находилась въ рукахъ Коссидьера, но за тѣмъ было нѣсколько тайныхъ полицій: у Ледрю Роллена, у Гарнье Пажеса, у Ламартина и у Мараста, и, наконецъ, двѣ или три, такъ сказать, официально-тайныя полиціи у Коссидьера.

Но всѣ эти полиціи не могли придать твердости временному правительству. Элементовъ безпорядка было слишкомъ много. Многочисленные политическіе клубы (число которыхъ въ одномъ Парижѣ простиралось до 50), устроенныя въ началѣ подъ покровительствомъ и даже съ помощію самаго временнаго правительства, не упускали случая съ своей стороны возбуждать и раздувать волемя. Въ этихъ клубахъ, собственно говоря, вовсе не происходило никакихъ преній и никакихъ разсужденій, а раздавались только напыщенныя восхваленія революціи и республики, которую они не могли себѣ представить иначе, какъ постоянною революціей. Чтеніе старыхъ рѣчей изъ республиканскаго *Монитера*, статей изъ старыхъ республиканскихъ журналовъ; пѣніе національныхъ гимновъ; импровизаціи противъ реакціонеровъ, противъ умѣренныхъ, противъ богатыхъ; изобличеніе коварныхъ замысловъ временнаго правительства, и призывъ къ оружію: вотъ въ чемъ заключались эти мнимыя мирныя собранія объ общественныхъ вопросахъ. * Но еще хуже клубовъ былъ другой родъ собраній.

* Главнѣйшими клубами въ Парижѣ были клубъ Кабе, носившій названіе Икарійскаго, и служившій къ распространенію того ученія, которое подробно было изложено въ вышедшей еще въ 1840 году книгѣ Кабе, подъ названіемъ *Путешествіе въ Икарію*; клубъ Распайя, называвшійся братскимъ центральнымъ обществомъ, и клубъ Моктаярровъ. Названіе послѣдняго уже достаточно объясняетъ его характеръ. Не можемъ умолчать о происшествіи, которое случилось съ президентомъ этого клуба. Президентъ этотъ, называвшій себя Мисело, отличался особеннымъ даромъ слова, жаркимъ патріотизмомъ и разнашистыми идеями, и былъ бы безъ сомнѣнія выбранъ въ члены національнаго собранія, есабы не увлекся легкостью, съ какою раздавались мѣста ярымъ республиканцамъ, и не сталъ просить себѣ должности у временнаго правительства. Коссидьеръ, при этомъ случаѣ, посредствомъ своей тайной полиціи открылъ, что мнимый Мисело былъ нѣкто Жюльенъ, приговоренный нѣкогда къ десятилѣтней каторжной работѣ, бѣжавшій отъ этого наказанія въ Англію, и возвратившійся оттуда въ Парижъ, при началѣ революціи. Доказательства были столь ясны, что мнимый Мисело во всемъ сознался, и былъ посаженъ въ тюрьму.

Ежедневно по вечерамъ, появлялись въ разныхъ мѣстахъ толпы, принадлежавшія къ подонкамъ парижской черни, и съ криками: „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ свобода!“ то проходили по улицамъ и требовали иллюминаціи, то останавливались, и начинали плясать въ честь республики кармольюлу, и пѣть или кричать изо всѣхъ силъ марсельезу и другіе республиканскіе напѣвы, для устрашенія мирныхъ гражданъ. Въ этихъ ночныхъ собраніяхъ, при свѣтѣ факеловъ, особенно отличались женщины известнаго ремесла, въ самыхъ легкихъ костюмахъ, а иногда и вовсе безъ всякихъ лишнихъ украшеній. Неустовство дошло до того, что самъ Коссидьеръ не вытерпѣлъ и издалъ объявленіе, въ которомъ усовѣщивалъ своихъ слишкомъ расходившихся согражданъ. „Мы далеки отъ того, говорить онъ въ этомъ объявленіи, чтобы подозрѣвать намѣренія гражданъ, принимающихъ участіе въ этихъ ночныхъ манифестаціяхъ; но чѣмъ чище и честнѣе ихъ намѣренія, тѣмъ повятивѣ для нихъ искреннія патриотическія выраженія. Сбережемъ наши манифестаціи до той поры, когда—чего не дай Боже—республика будетъ въ опасности! Тогда придетъ время дѣйствовать при свѣтѣ факеловъ и при свѣтѣ солнца; но до той поры останемся дружны и спокойны въ нашей силѣ!“ *

17 марта послѣдовала наконецъ серіозная демонстрація противъ временнаго правительства, или точнѣе сказать, противъ тѣхъ его членовъ, которые не принадлежали къ соціа-

* Къ этому времени въ Парижъ стекалось между прочимъ до 15 тысячъ иностранныхъ выходцевъ всѣхъ возможныхъ націй, которые употребили всѣ усилія, чтобы вовлечь Францію по примѣру старой республики въ войну со всею Европой, для освобожденія народовъ. Въшнія попытки ихъ, поддерживаемыя, какъ говорятъ, подъ рукою Ледрю Роллекомъ, ограничались двумя экспедиціями: одною въ Савойю, другою въ Бельгію, но обѣ кончились неудачно. Савойскимъ выходцамъ удалось прокнунуть въ Шамбери, и произвести тамъ беспорядки, которые впрочемъ вскорѣ были прекращены мѣстными властями. Что же касается до бельгійской экспедиціи, конецъ ея былъ весьма комическій. Бельгійское правительство, зная заранѣе о прибытіи незваныхъ гостей, поставило отрядъ жандармовъ на станціи желѣзной дороги; жандармы, по мѣрѣ выхода освободителей изъ вагоновъ, разбирали ихъ на двѣ партіи: бельгійскихъ подданныхъ разослали по крѣпостямъ, а услужливыхъ Французовъ тотчасъ же выпроводили за границу, но уже пѣшкомъ, потому что Ледрю Роллекомъ забылъ заплатить изъ секретныхъ суммъ министерства за ихъ обратный поѣздъ по желѣзной дорогѣ.

листамъ. Поводомъ къ этому послужило довольно забавное происшествіе съ національною гвардіей.

По прежнему устройству національной гвардіи, въ каждомъ батальонѣ были двѣ отборныя роты, гренадерская и стрѣльцовая, наружное отащіе которыхъ заключалось въ медвѣжьихъ шапкахъ, и въ составъ которыхъ входили болѣе достаточные буржуа. По новому регламенту, роты эти были упразднены, и лица ихъ составлявшія были распределены въ прочія роты, по мѣсту жительства. Много потерь и существенныхъ лишеній перенесли парижскіе мѣщане во время февральской революціи молча и терпѣливо; но лишиться права носить дорогія медвѣжьихъ шапки, и подвергнуться униженію носить, наравнѣ съ прочими смертными, гладкій *кепи*,—это было свыше ихъ силы. Они рѣшились сдѣлать манифестацію, и 16 марта въ полномъ составѣ, въ мундирахъ, но безъ оружія, явились къ временному правительству просить о возвращеніи имъ столь важной и столь драгоценной привилегіи. Араго, отъ имени временнаго правительства, объяснилъ имъ всю невозможность исполнить ихъ просьбу, ловко намекнувъ имъ, что порядокъ и спокойствіе подвергнутся опасности, если примѣру, столь неблагоразумно поданному достаточными гражданами, послѣдуютъ низшіе классы, и вздумаютъ съ своей стороны сдѣлать противную манифестацію. Это убѣжденіе, и особенно крики собравшейся со всѣхъ сторонъ черни, заставили отборныхъ національныхъ гвардейцевъ разойтись по домамъ, не достигнувъ возвращенія себѣ драгоценныхъ медвѣжьихъ шапокъ.

Эта глупая демонстрація національныхъ гвардейцевъ подала поводъ распустить слухъ будто они просили объ удаленіи изъ временнаго правительства представителей крайней республиканской партіи, то-есть Ледрю Роллена, Луи Блана, Альбера и Флокана. Слухъ этотъ былъ распространяемъ предсѣдателями клубовъ и поддерживаемъ шпіонами Коссидьера, депутатами Луи-Блановской комиссіи и всѣми приверженцами редакціи *Реформы*. Положено было, на слѣдующее утро, то-есть 17 марта, собраться работникамъ въ Елисейскихъ поляхъ, а клубамъ на дворѣ Лувра, для большой манифестаціи, цѣлю которой полагалось обнаружить могущество народа передъ глазами его враговъ и побудить временное правительство къ сохраненію демократическихъ принциповъ. Представители клубовъ собрались еще ночью, и

положили, чтобы Бланки съ своими приверженцами шель впереди, говорилъ съ правительствомъ отъ имени народа и, если можно, старался изгнать умѣренныхъ республиканцевъ. Нѣкоторые изъ начальниковъ клубовъ, болѣе приверженные къ Ледрю Роллену нежели къ Бланки, какъ Барбесь, Собріе и другіе, или заботившіеся болѣе о себѣ и своей сектѣ, какъ Распайль и Кабе, не согласились съ этимъ планомъ, и хотя изъявили готовность участвовать въ демонстраціи, но предоставили себѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Коссидаверъ, ладившій съ Ламартиномъ столько же какъ и съ Ледрю Ролленомъ, тоже не хотѣлъ связать себя никакими обѣщаніями. Съ наступленіемъ утра, рабочіе, изъ всѣхъ частей города, стали собираться толпами въ Елисейскихъ поляхъ, а прочіе жители Парижа въ испугѣ смотрѣли на это стеченіе народа изъ дверей, оконъ, даже съ крышъ домовъ. Въ полдень началось шествіе. Впереди шло человѣкъ шесть сотъ клубистовъ, по тридцати человѣкъ въ шеренгу, взявшись подъ руку, и обвитые красными лентами; передъ каждымъ отдѣленіемъ несли знамена, и видѣлись кое-гдѣ красныя якобинскія шапки; за ними, по десяти въ рядъ, слѣдовала необозримая колонна работниковъ. Вся процессія, заключающая въ себѣ около 150 тысячъ человѣкъ, двигалась изъ Елисейскихъ полей, вдоль набережныхъ къ Ратушѣ, и была такъ велика, что когда передніе ряды ея достигли площади передъ этимъ зданіемъ, то задніе еще не начинали шествія. Главная рѣшетка Ратуши была заперта, и около часа прошло въ бездѣйствіи: правительство выжидало, на что рѣшится толпа, а предводители толпы выжидали какого-нибудь дѣйствія со стороны правительства. Наконецъ, человѣкъ сорокъ демагоговъ объявили себя депутатами народа, и объявили, что они хотятъ переговорить съ правительствомъ. Ихъ, разумѣется, тотчасъ приняли. Бланки, Лакомбръ, Флотъ, Барбесь, Собріе, Кабе, Распайль, Лонжелье, Лебретанъ, Дансъ и другія знаменитости клубовъ, и уличныхъ сходокъ были приглашены въ большой залъ, гдѣ ихъ принялъ президентъ временнаго правительства Дюпонъ, окруженный прочими членами. Одинъ работникъ изъ подручниковъ Луи Баана, Жераръ, прочелъ прошеніе, написанное въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ объ отсрочкѣ выборовъ и объ удаленіи изъ города войска. Бланки повторилъ тоже требованіе, но уже не въ тонѣ просьбы, а въ видѣ угрозы. Появленіе

этого демагога, въ которомъ Луи Бланъ видѣлъ опаснаго соперника, измѣнило всѣ намѣренія послѣдняго. * Въ немъ возникло опасеніе, что движеніе, подготовленное имъ съ такими усиліями, уйдетъ изъ его рукъ и послужитъ къ возвышенію другаго лица. Поэтому, вмѣсто того чтобы поддерживать прошеніе, Луи-Бланъ вдругъ принялъ сторону временнаго правительства, и объявилъ, что согласіе на предъявляемыя требованія имѣло бы видъ уступки предъ угрозой. Разумѣется, онъ не преминулъ прибавить при этомъ нѣсколько стереотипныхъ фразъ о томъ, что спокойствіе есть величіе силы, хвалилъ народъ за выраженіе мыслей порядка, освещающаго свободу Франціи, и т. д. Послѣ него говорилъ Ледрю Ролленъ въ томъ же смыслѣ, и наконецъ, Ламартинъ не упустилъ случая сказать нѣсколько звучныхъ фразъ, въ числѣ которыхъ впрочемъ была одна дѣльная, и именно, что нельзя удалить изъ Парижа войскъ, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ. Послѣ этихъ переговоровъ, члены временнаго правительства вышли на парадное крыльцо, показаться народу, и были встрѣчены криками: „Vive le gouvernement provisoire, vive Ledru-Rollin, vive Louis Blanc!“ Луи Бланъ сказалъ при этомъ еще нѣсколько комплиментовъ народу, и вся демонстрація кончилась ничѣмъ. Большинство временныхъ правителей приняло видъ, какъ будто оно почитало эту манифестацію выраженіемъ одобренія своимъ мудрымъ распоряженіямъ, хотя очень хорошо понимало цѣль этой продѣлки, и видѣло опасность, которой избѣгнуть помогъ ему только случай.

Повидимому и одержавъ верхъ надъ манифестаціей, временное правительство, рѣшилось, однако, сдѣлать уступку требованію отсрочить выборы, и подъ предлогомъ необходимости окончить приготовленія, отсрочило ихъ до 23 апрѣля. Крайняя республиканская партія между тѣмъ не дремала, и спѣшила воспользоваться этимъ временемъ чтобы склонить выборы на свою сторону. Мы уже говорили о полномочныхъ комиссарахъ, которыхъ еще ранѣе разослалъ Ледрю Ролленъ съ этою цѣлію по департаментамъ, и о возмутительныхъ

* Луи Бланъ, въ своихъ *Considérations*, не называетъ Бланку, но говоритъ только: j'appreçus parmi des assistants des figures inconnues dont l'expression avait quelque chose de menaçant. Je compris aussitôt, que des personnes étrangères aux corporations s'étaient mêlés au mouvement etc.

инструкціяхъ которыми они были снабжены. Теперь къ этимъ инструкціямъ присоединена была новая (отъ 6 апрѣля), въ которой помянутое надъ свободой выражено было еще откровеннѣе.* Но, кромѣ этихъ комиссаровъ, были посланы теперь, на счетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, еще въ каждый департаментъ по два парижскихъ работника отъ люксембургской комиссіи, для внушенія избирателямъ социалистическаго образа мыслей. Само собою разумѣется, что и парижскіе клубы также не остались безъ дѣйствія: они рассылали по городамъ своихъ эмиссаровъ, и вступали въ сношенія съ мѣстными клубами, чтобы подогрѣть ихъ республиканское рвеніе. Всѣ эти искусственныя средства, впрочемъ, сея могли похвалиться успѣхомъ: они произвели во многихъ городахъ беспорядки и только отвращали общественное мнѣніе отъ крайнихъ республиканцевъ. Полномочные комиссары доносили, что несмотря на всѣ ихъ старанія, кандидаты крайней республиканской партіи имѣютъ весьма мало вѣроятности получить успѣхъ при выборахъ въ національное собраніе.

Получая постоянно такія донесенія, Ледрю Ролленъ, рѣшившійся наконецъ на крайнюю мѣру: онъ издалъ 15 апрѣля бюллетень, въ которомъ угрожалъ баррикадами, въ случаѣ

* Вотъ нѣсколько словъ изъ этой инструкціи: „Ваше постоянное усиліе было и должно быть направлено къ тому, чтобы присавать въ національное собраніе людей честныхъ, смѣлыхъ, и преданныхъ, даже до смерти, дѣлу народа.“

„Но вотъ представляется вопросъ, о которомъ слѣдуетъ объясниться безъ слабости и безъ умолчанія. Время хитрости и фикцій прошло: мы дозволяемъ силамъ, чтобы быть откровенными.“

„Правительство должно ли дѣйствовать на выборы, или ограничиваться надзоромъ за ихъ правильностію?“

„Я не затрудняюсь отвѣчать, что подъ страхомъ отреченія отъ своей мести или даже измѣны самому себѣ, правительство не можетъ ограничить своихъ дѣйствій веденіемъ протоколовъ и исчисленіемъ голосовъ; оно должно просвѣщать Францію (опять педагогическія упражненія!), и открыто противодѣйствовать интригамъ контръ-революціи, еслибы она вздумала поднять голову.“

„Можетъ ли кто оказать, что мы повторяемъ ошибки тѣхъ, съ кѣмъ мы боролась и кого назвергли? Нисколько. Они господствовали подкупомъ и ложью, мы хотимъ доставить торжество истинѣ; они льстили жеману, мы обращаемся къ великодушнымъ чувствамъ; они заглушали независимость, мы возвращаемъ ей полный просторъ; они покупали ея вѣрность, мы ее освобождаемъ; что общаго между ними и нами?“

если выборы не будутъ согласны съ его желаніемъ. „Если выборы, говорилъ онъ здѣсь, не доставятъ торжества соціальной истинѣ, если они будутъ выраженіемъ интересовъ только одной касты, они обратятся въ погибель республики, вмѣсто того чтобы служить ей спасеніемъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ такомъ случаѣ, для народа, строившаго баррикады, останется единственнымъ средствомъ спасенія вторично выразить свою волю и отсрочить рѣшеніе ложнаго народнаго представительства... Парижъ справедливо смотритъ на себя, какъ на повѣреннаго всей страны; Парижъ, есть передовой постъ той арміи, которая борется за республиканскую идею; въ Парижѣ совокупляются великодушныя стремленія всѣхъ нравственныхъ силъ Франціи; Парижъ не отдѣлитъ своего дѣла отъ дѣла народа, народа страждущаго, ожидающаго и вопіющаго съ одного конца государства до другаго“ и пр. и пр.

Написавъ, или скорѣе дозволивъ себѣ написать эту угрозу баррикадами, и это поруганіе и униженіе всей Франціи передъ парижскимъ народонаселеніемъ, Ледрю Ролленъ струсилъ; и хотя бюлетень былъ прибитъ на всѣхъ улицахъ Парижа, онъ не велѣлъ его перепечатывать въ министерскихъ журналахъ, и даже объявилъ черезъ газету *Siècle*, что будто ни онъ ни его подчиненные не виноваты въ редакціи этого несчастнаго бюлетеня; что старшій чиновникъ не могъ, по обстоятельствамъ, провѣрить его съ надлежащимъ вниманіемъ; и что онъ самъ, министръ, хотѣлъ, остановить разсылку его въ департаменты, но не успѣлъ предупредить отправленіе почты.

Между тѣмъ въ Парижѣ приготавлилась новая манифестація, и опять съ тою же цѣлью, съ какою и первая, то-есть, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ крайней республиканской партіи. Поводомъ собрать народныя массы служило, на этотъ разъ, совѣщаніе о выборѣ высшихъ начальниковъ въ парижскую національную гвардію. Подъ этимъ предлогомъ, согласно предварительному условію между Луи Бланомъ и Гиваромъ, начальникомъ штаба національной гвардіи, ремесленники должны были собраться 16 апрѣля на Марсовомъ полѣ, будто бы для совѣщаній, а въ сущности для виспроверженія временнаго правительства, и для учрежденія комитета общественной безопасности, членами котораго предполагались Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ, Альберъ, Распайль, Бланки, Кабе, и еще одинъ старый заговорщикъ, недавно возвратившійся изъ изгнанія,

капиталъ Керсози. Вечеромъ 15 апрѣля, всё приготовленіе къ насильственному перевороту были окончены, и исполненіе его назначено было къ 12 часамъ слѣдующаго дня. Ламартинъ, извѣщенный обо всемъ этомъ своими агентами, почиталъ себя погибшимъ, сжегъ свои бумаги, и поручилъ друзьямъ попеченіе о своей жемѣ, на случай есaubъ его постигло какое-либо несчастіе. Не зная на что рѣшиться, онъ случайно встрѣтился съ Ледрю Ролленомъ, (который между тѣмъ нарочно избѣгалъ его въ предшествовавшіе дни) и къ своему удивленію услышалъ отъ него слѣдующее. „Мы погибли, сказалъ Ледрю Ролленъ, сто тысячъ человѣкъ идутъ на Ратушу; ремесленники изъ Люксембурга овладѣли движеніемъ. Бланки на Марсовомъ полѣ возбуждаетъ ихъ и ими предводительствуютъ. Бунтовщики употребляютъ во зло мое имя, но я не хочу имѣть съ ними ничего общаго. Вы видите меня здѣсь, готового вѣстѣ съ вами сражаться, и если нужно, скорѣе умереть нежели снести отвратительную тираннію этихъ людей. Я никогда не былъ измѣнникомъ въ отношеніи моихъ товарищей, и никогда имъ не буду.“ Дѣло было въ томъ, что Ледрю Ролленъ, который сначала былъ не прочь воспользоваться диктатурой, перемѣнилъ свое намѣреніе, узнавъ что движеніе получило социалистическій характеръ, и что имъ управляетъ Бланки. Кроме того, ему хотѣлось, на всякій случай, обезопасить себя отступленіемъ. „Что же намъ дѣлать?“ спросилъ его Ламартинъ. „Собрать національную гвардію,“ отвѣчалъ Ледрю Ролленъ,—и обѣщавъ распорядиться этимъ собраніемъ національной гвардіи, а между тѣмъ Ламартинъ успѣвшимъ къ начальнику подвижной гвардіи генералу Дювивье, и пригласилъ его принять мѣры къ защитѣ Ратуши. Придя, послѣ свиданія съ Дювивье, въ Ратушу, онъ не нашелъ здѣсь ни одного изъ своихъ товарищей. Марастъ, понимавшій, что все движеніе было направлено преимущественно противъ него, занимался въ это время приготовленіями къ оборонѣ, съ помощью генерала Шангарнье. И тотъ и другой полагали, что если имъ удастся удержать за собой позицію, пока приблизится хотя часть національной гвардіи, дѣло ихъ будетъ выиграно. Но приближался полдень, а барабаннаго боа къ сбору національной гвардіи не было слышно на улицахъ. Неужели Ледрю Ролленъ сдѣлался измѣнникомъ, и перешелъ на сторону заговорщиковъ? Нѣтъ, онъ не рѣшился на такую крайность, но и не отдалъ приказанія собрать наці-

ональную гвардію. Наконецъ, явилось нѣсколько слабыхъ отрядовъ подвижной гвардіи, и тогда Марастъ рѣшился, на свой собственный страхъ, велѣть по всему городу бить сборъ для національной гвардіи. Еще не было извѣстно, кто придетъ прежде, ожидаемые ли агитаторы, или національная гвардія. Наконецъ, часу въ третьемъ, показались передніе ряды огромной массы народа, тысячъ въ 30 человекъ, шедшей съ распущенными знаменами отъ Марсова поля къ Ратушѣ. Но въ то же самое время прибылъ 12-й легионъ національной гвардіи, съ своимъ вновь-выбраннымъ полковникомъ Барбесомъ, который былъ непримиримый врагъ Блаанки; а потомъ явились и другіе легионы изъ города и его окрестностей, и вскорѣ оба берега Сены покрылись штыками. Въ рядахъ національной гвардіи раздавались крики: „долой Блаанки! долой Луи Блаана! долой коммунистовъ!“

Депутатамъ отъ пришедшей толпы позволено было войти въ Ратушу, подать прошеніе, но приемъ имъ сдѣланный былъ далеко не ласковъ. Ламартинъ не хотѣлъ самъ ихъ выслушать, и велѣлъ обратиться къ помощникамъ мера. Эти послѣдніе взяли у нихъ просьбу, но осыпали упреками за ихъ поступокъ. Наконецъ, по настоянію Альбера и Луи Блаана, которые только что прибыли, блѣдые и испуганные, позволено было пришедшей толпѣ, какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, дефилировать мимо членовъ временнаго правительства. Эта церемонія выказала всю слабость крайней республиканской партіи, и приверженцы ея въ видѣ пѣнныхъ, безъ оружія, проходили въ молчаніи между рядовъ національной гвардіи.

Луи Блаанъ, въ своихъ *Révélations*, посвящаетъ этому происшествію особую главу подъ названіемъ *Ложная тревога*, и употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы доказать, будто манифестація 16 апрѣля была сдѣлана съ цѣлю поддержать нравственную силу временнаго правительства противъ тайныхъ враговъ его роялистовъ, и крайне огорчается ея неудачнымъ результатомъ. Впрочемъ, онъ не запирается, что все дѣло было устроено имъ самимъ. Въ сущности, онъ все добивался осуществленія своей задушевной мысли, то-есть учрежденія министерства прогресса, и денегъ на приведеніе въ исполненіе изобрѣтенной имъ организаціи труда. Цѣль эта слишкомъ ясно была видна, какъ изъ поданнаго работниками прошенія, такъ и изъ протестаціи членовъ люксембургской

комиссіи, которая была обнародована на другой день. Содержаніе прошенія не даетъ ни на минуту усомниться даже въ томъ, кѣмъ оно написано. Вотъ оно: „Граждане! реакція возвышаетъ голову; клевета, это любимое оружіе людей безъ правилъ и чести, изливаетъ отсюду свой заразительный ядъ на истинныхъ друзей народа. Намъ, людямъ революціи, людямъ дѣйствія и самопожертвованія, слѣдуетъ объяснить временному правительству, что народъ желаетъ республики демократической, что народъ желаетъ прекращенія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, что народъ желаетъ организаціи труда посредствомъ ассоціаціи. Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ временное правительство!“ Что же касается до протестаціи, то она заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, увѣреніе въ чистотѣ намѣреній демонстраціи, и выражаетъ эти намѣренія въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ. „Наша цѣль, говоритъ она, была: 1, Избрать изъ среды себя четырнадцать человѣкъ въ составъ штаба національной гвардіи; 2, доказать, что идеи организаціи труда и ассоціаціи, столь мужественно поддерживаемыя людьми посвятившими себя нашему дѣлу, суть единственныя идеи народа, и что по мнѣнію народа, февральская революція будетъ не докончена, если не послѣдуетъ за нею прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. 3, наконецъ, по изложеніи нашихъ желаній, предложить съ своей стороны временному правительству патриотическую поддержку противъ реакціонеровъ.“

Наконецъ, большинству временнаго правительства надобно эти вѣчныя тревоги, и оно, послѣ своей побѣды надъ демонстраціей, рѣшилось приступить къ исполненію давно задуманнаго плана ввести въ Парижъ войска: съ самаго февральскаго возмущенія, ихъ въ столицѣ не было, и отсутствіе ихъ поставяло мирныхъ жителей въ полную зависимость отъ всѣхъ крикуновъ-демагоговъ. Изобрѣтательная фантазія Ламартина придумала для мѣры, въ сущности рѣзко противорѣчившей провозглашеннымъ принципамъ, такую форму, которая сообщала ей чисто республиканскій колоритъ. Онъ устроилъ „праздникъ братства“ (fête de la fraternité), и яко бы ради этого временное правительство назначило общій смотръ всѣмъ національнымъ гвардейцамъ Сенскаго департамента, всей подвижной стражи, и всѣмъ полкамъ находившимся въ окрестностяхъ Парижа. Луи Бланъ

съ восторгомъ и наслажденіемъ описываетъ эту мѣру, не догадываясь, что она была направлена именно противъ него и его партіи.

„Двадцатаго апрѣля, говоритъ онъ, Парижъ былъ свидѣтелемъ праздника, которое назвали празднествомъ братства, и которое торжественно и ясно показало всю нравственную силу, какою обладала республика въ Парижѣ. На этомъ празднествѣ раздавались новыя знамена арміи и національной гвардіи, почему вѣсколько отрядовъ кавалеріи и пѣхотные полки были снова призваны въ Парижъ.

„Въ семь часовъ утра, было собрано болѣе 200 тысячъ гражданъ, работниковъ и буржуа въ мундирахъ національной гвардіи; линейныя войска вмѣстѣ съ подвижною стражей, составляли не менѣе 100 тысячъ. Улицы были переполнены народомъ. Въ концѣ Елисейскихъ полей были выстроены огромныя подмостки, въ видѣ амфитеатра, прислоненныя къ триумфальной аркѣ Звѣзды. Около 9 часовъ, двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ съ гипподрома привѣтствовалъ прибытіе временнаго правительства. Оно помѣстилось въ первомъ ряду, и Дюпонъ сѣлъ въ серединѣ. Сзади стояли: блестящій штабъ, магистратура въ полной формѣ, и высшіе государственные сановники. По обѣ стороны, два оркестра играли патриотическія аріи. На верху подмостокъ сидѣли щегольски одѣтыя дамы, съ букетами, которые перевязаны были трехцвѣтными лентами. У подножія эстрады стояли полукругомъ полковники разныхъ отрядовъ.

„Въ 10 часовъ, г. Араго всталъ, поднявъ знамя республики, и обращаясь къ офицерамъ, сказалъ голосомъ взволнованнымъ и гордымъ: „Полковники, именемъ республики, мы призываемъ и Бога и людей въ свидѣтели, что вы клянетесь въ вѣрности этому знамени!“ Полковники, поднявъ шпаги отвѣчали: „Мы клянемся. Да здравствуетъ республика!“ Тогда раздался громъ орудій, воздухъ огласился революціонными пѣснями, и войска начали проходить.

„Погода была теплая, небо было вкрыто облаками. Время отъ времени лучъ солнца, прорываясь сквозь легкія тучи, озарялъ блестящій лѣсъ штыковъ, волновавшійся вдоль большой аллеи Елисейскихъ полей. Эта огромная масса вооруженныхъ людей, шедшая въ совершенномъ порядкѣ, *хотя* и съ *энтузіазмомъ*, гирлянды цвѣтовъ, которыми закрывались жерла орудій, вѣтки сирени и шиповника, качавшіяся

наверху ружей, гимны радостнаго патриотизма, почти заглушавшіе барабанный бой, отсутствіе всякаго принужденія, избранные народа, съ довѣренностію явившіеся сюда, и образъ войны преклонявшійся передъ символомъ братства,—составляли такое зрѣлище, о величіи котораго никакое описаніе не можетъ дать понятія. По мѣрѣ того какъ каждый легіонъ, каждый отрядъ, каждое отдѣленіе достигали арки Звѣзды, командовавшіе офицеры всходили на эстраду, и здѣсь одинъ изъ членовъ временнаго правительства, каждый по очереди, передавалъ имъ знамя, съ такими словами: „Именемъ Бога и народа, вы клянетесь защищать это знамя, вѣряемое вамъ республикою!“ Офицеры отвѣчали: „Я клянусь, да здравствуетъ республика!“ Каждый бралъ знамя, возвращался на свое мѣсто, и командовалъ войску идти дальше.

„Какъ достойно описать это страстное шествіе цѣлаго народа въ оружіи, передъ образомъ республики, наконецъ торжествовавшей! Я въ этотъ день видѣлъ взрывы восторга близкіе къ сумашествію.

„Между всѣмъ этимъ множествомъ офицеровъ проходившихъ передъ нашими глазами въ продолженіе двѣнадцати часовъ, одинъ только хранилъ молчаніе. Было поздно, но тысячи факеловъ освѣщали эстраду и все что ее окружало. Изъ одиннадцати членовъ правительства оставались только Араго и я. Я обратилъ его вниманіе на офицера, о которомъ идетъ рѣчь, и справился объ его имени. На другой день, генералъ Бедо посѣтилъ меня и увѣрилъ, что офицеръ, который такъ неблагосклонно обратилъ на себя мое вниманіе, тѣмъ не мѣнѣе былъ воинъ, на вѣрность котораго можно было положиться, что онъ отвѣчаетъ за него, и что республика не будетъ имѣть слуги болѣе преданнаго.“

Разказъ этотъ весьма поучителенъ. Не говоря уже о томъ, что некое тщеславіе Луи Блана проглядываетъ здѣсь изъ каждой буквы, нельзя не указать на инквизиторское требованіе наружныхъ знаковъ преданности, и на эту подозрительность, которая такъ свойственна всѣмъ лицамъ, захватывающимъ власть обманомъ или силою. Что касается до генерала Бедо, то униженное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ необходимостію выручить изъ бѣды неосторожнаго полковника, вѣроятно, заставило его не разъ раскаться въ той поддержкѣ, которую онъ оказалъ воумощенію утромъ 24 февраля.

Отъ введенія войскъ въ Парижъ и до самаго открытiя національнаго собранiя, время прошло довольно спокойно, сколько позволяли революцiонныя клубы и уличныя сходки подъ различными предлогами. Лишь въ департаментахъ не переставали вспыхивать возмущенiя, вызванныя, большею частью, или насильственными дѣйствiями полномочныхъ комиссаровъ, или происками эмиссаровъ, посланныхъ отъ парижскихъ клубовъ для противодѣйствiя мнимой реакцiи. Наконецъ приблизилось открытiе національнаго собранiя. Сколько ни старались крайнiе республиканцы наполнить національное собранiе своими приверженцами, результатъ выборовъ былъ для нихъ рѣшительно не выгоденъ; повсюду были избраны лица, слышiя за умѣренныхъ республиканцевъ, избрана была почти вся династическая оппозицiя обѣихъ палатъ, избрано много легитимистовъ, много приверженцевъ Орлеанской династiи, но всего менѣе—крайнихъ республиканцевъ, социалистовъ и такъ-называемыхъ красныхъ, поклонниковъ террора. Въ департаментъ Сены, то-есть въ Парижъ, изъ 34 представителей народа, Ламартинъ занялъ первое мѣсто; за нимъ слѣдовали: Дюпонъ, Араго, Гарнье-Пажесъ, Марастъ, Мари и Кремье; Алберъ сталъ 21; Ледрю Роллеъ 24; Флоконъ 26, и Луи Блазъ 27, то-есть послѣднимъ изъ числа членовъ временнаго правительства, несмотря на то что вся его сила и все влiянiе были основаны на парижскомъ пролетариатѣ.

Для 900 человекъ представителей прежняя зала палаты депутатовъ была мала; поэтому, возлѣ нея была выстроена на скорую руку новая, въ которой и открыты были засѣданiя національнаго собранiя. Само собою разумѣется, что были произнесены приличныя торжеству рѣчи: о славѣ февральской революцiи, о величii, мудрости и умѣренности французскаго народа, о томъ что республика должна быть вѣчною и т. д. Дюпонъ и Ламартинъ не поскупились на фразы, и истощили всѣ свои риторическiе запасы. Послѣднiй дошелъ даже до того, что сравнилъ Бога съ народомъ, и отдалъ преимущество послѣднему. Крайнiе республиканцы, помѣстившiеся на верхнихъ скамейкахъ лѣвой стороны, по примѣру монтаньяровъ старой республики, и гордившiеся этимъ именемъ, предложили, чтобы каждый представитель народа поочередно присягнулъ республикѣ. Но этому предложенiю воспротивился Кремье, напомнивъ частыя клятво-

преступленія, по случаю политических переворотовъ послѣдшаго времени, и собраніе ограничилось общимъ восклицаніемъ: да здравствуетъ республика! Командиръ національной гвардіи Курте вошелъ съ докладомъ, что народъ собравшійся на площади требуетъ провозглашенія республики. По этому случаю все національное собраніе вышло на крыльцо, и торжественно провозгласило республику.

Мы не можемъ удержаться, чтобы, сказавъ объ этомъ торжественномъ фарсѣ, не упомянуть о современной ему другой маленькой комической сценѣ. Тьеръ, бывшій нѣсколько разъ президентомъ совѣта министровъ, и своими дѣйствіями и происками наиболѣе всего содѣйствовавшій подготовленію февральской революціи, не былъ избранъ въ представители. Поэтому, во время открытія національнаго собранія, онъ не участвовалъ въ торжествѣ, а стоялъ смиренно на часахъ у меріи втораго округа, въ мундирѣ простаго рядоваго національной гвардіи. Въ этотъ часъ, вѣнчавшій подготовленную революцію, ему, бывшему первому министру и властолюбивому интригану, пришлось не только признать, но и на себя самомъ попрактиковать равенство.

В. РЖЕВСКИЙ.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

ВЪ АНГЛІИ

Gneist. *Das heutige Englische Verfassungs und Verwaltungsrecht. Band I. Geschichte und heutige Gestalt der Aemter in England. Band II. Die heutige Englische Communalverfassung und Communalverwaltung. Ergänzungsband zum zweiten Theile.*

Въ Англіи существуетъ цѣлый рядъ учрежденій весьма мало знакомыхъ на континентѣ. Мы говоримъ о мѣстномъ самоуправленіи. Не многіе знаютъ подробности его устройства, даже изъ ученыхъ. Верховныя политическія учрежденія Англіи, громадное развитіе ея торговли и промышленности, вотъ на что болѣе всего обращали и обращаютъ вниманіе, и вотъ что служило всегда предметомъ особеннаго изученія и удивленія. Но какъ устроена внутренняя, мѣстная администрація, и изъ чего она сложилась, это проходятъ почти не замѣченными, какъ бы затмѣваемое блестящемъ политической жизни и матеріальнаго благосостоянія. Виною тому отчасти и сами Англичане. Въ ихъ литературѣ явѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ было бы сведено все относящееся до внутренняго управленія страны. Существующія по этой части сочиненія имѣютъ цѣль практическую; они служатъ руководствомъ для должностныхъ лицъ, и вслѣд-

ствіе этого спеціального своего назначенія, почти недоступны для посторонняго читателя.

Сочиненіе берлинскаго профессора Гнейста, названіе котораго приведено нами въ заглавіи этой статьи, въ первый разъ представляетъ полную картину внутренняго управленія Великобританіи, или самоуправления въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Постараемся здѣсь изобразить въ краткихъ чертахъ его устройство, пользуясь этимъ источникомъ. Мы не будемъ касаться Шотландіи и Ирландіи, и ограничимся собственно Англіей.

Главное условіе мѣстнаго самоуправления—отсутствіе особыхъ правъ состоянія. При существованіи юридическихъ состояній, общество неспособно къ тому единству усилій, которое составляетъ гарантію самоуправления. Начала самоуправления, существовавшія почти вездѣ въ Европѣ въ средніе вѣка, пали именно вслѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми раздѣленъ былъ народъ между собою; и напротивъ, однимъ изъ самыхъ счастливыхъ обстоятельствъ для самоуправления Англіи было именно то, что въ ней не могло образоваться твердо разграниченныхъ сословій.

Чтобы повяты происхожденіе сословныхъ отношеній въ Англіи и ихъ особенный характеръ, нужно возвратиться къ тому отдаленному прошедшему, когда слагались первые элементы народной жизни, именно ко времени завоеванія Англійскаго королевства Норманами. Къ этому событію вообще можно отнести начало почти всѣхъ явленій теперешняго внутренняго быта.

Норманы перенесли на почву Великобританіи феодальное устройство. Начала его были тѣ же что и на континентѣ; но вслѣдствіе мѣстныхъ условій, они получили особенный отбѣнокъ. Феодальные участки въ Англіи никогда не были такъ обширны, какъ въ остальной Европѣ; это было въ политикѣ норманскихъ королей. Вслѣдствіе той же политики, и самыя права бароновъ были сравнительно ничтожны: право суда надъ народонаселеніемъ принадлежало немногочисленному высшему классу, но верхнею инстанціей оставались королевскіе суды. Вслѣдствіе разсѣянности поземельныхъ участковъ, между бароніальными судилищами не могло образоваться іерархіи. Мѣстный судъ феодальныхъ владѣльцевъ пришелъ, наконецъ, въ совершенный упадокъ, не выдержавъ соперничества съ образовавшимися, въ теченіи времени,

новыми государственными органами. Однимъ словомъ, высшій классъ не успѣлъ составить изъ себя плотной корпораціи, которая господствовала бы надъ остальными частями народа. Могущество бароновъ держалось, въ свое время, единственно недостаткомъ прочной, правильной организаціи внутри страны, и исчезло само собою, какъ скоро кончилось господство грубой матеріальной силы. Города также не имѣли никогда обширныхъ привилегій. Ихъ было не много во время норманскаго завоеванія; римская цивилизація, и съ нею городская жизнь, не проникли такъ глубоко въ Англію, какъ въ другія части Римской имперіи, лежавшія ближе къ центру. Въ Англіи не явилось ни того множества мелкихъ республикъ, какое представилъ феодальный міръ въ остальной Европѣ, ни тѣхъ рѣзкихъ отличій, какими городское населеніе отличалось тамъ отъ сельскихъ обывателей; почти всѣ города вошли сначала въ составъ королевскихъ имуществъ. Такимъ образомъ, города не образовали самостоятельнаго сословія. Что же касается низшихъ классовъ, то прекращеніе крѣпостнаго права истребило, съ давнихъ временъ, главную разницу, которая долго еще существовала на континентѣ между положеніемъ сельскихъ обывателей и положеніемъ прочаго народонаселенія. Итакъ, сословныя различія искони были слабѣе въ Англіи чѣмъ на континентѣ, и сила центральной власти была отличительною чертой всей норманской эпохи. Господство королей, въ полномъ смыслѣ слова, было неограниченно. Всѣ отрасли управленія сосредоточивались въ королевскомъ совѣтѣ, Exchequer. Графства (комитаты) были управляемы посредствомъ шерифовъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ короны и обязанныхъ отдавать ей отчетъ. Это могущество королей dokonчило потомъ слияніе всѣхъ классовъ въ одно національное тѣло. Оно произвело это слияніе именно тѣмъ самымъ, что давало всѣмъ чувствовать одинаково свою тяжесть; всѣ живыя силы народа, бароны и горожане, Норманы и Саксонцы, невольно оближались между собою подъ его давленіемъ. Для охраненія своихъ интересовъ, феодальный владѣлецъ и торговецъ, поземельный собственникъ и городской житель, подали другъ другу руку. Этотъ-то союзъ и находится въ основаніи всего политическаго быта Англіи.

Одна изъ самыхъ главныхъ особенностей мѣстнаго самоуправ-

ленія въ Англіи та, что оно вовсе не зиждется на началѣ народнаго господства. По англійскимъ понятіямъ, власть истекаетъ отъ королевской прерогативы, а не отъ народной воли. Служба въ мѣстныхъ учрежденіяхъ признается долгомъ, лежащимъ на обывателяхъ; она составляетъ ихъ обязанность передъ государствомъ. Въ средніе вѣка не было и не могло быть чиновническаго класса, который существуетъ теперь во всѣхъ государствахъ. Общественныя должности, по необходимости, замѣщаются были мѣстными обывателями. Отсюда-то и возникли первые зачатки самоуправленія, и они приняла потомъ широкіе размѣры не потому, чтобы обыватели считали своимъ неотъемлемымъ правомъ держать контроль надъ мѣстными органами, а напротивъ, потому что центральная власть сама щедрою рукою расточала административныя обязанности. Сфера дѣйствія мѣстныхъ учреждений расширялась вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ потребностей, но расширялась законодательнымъ путемъ, а не самовольнымъ присвоеніемъ себѣ различныхъ привилегій со стороны народа. Этотъ порядокъ глубокими чертами вѣзался въ характеръ англійскаго быта, и составляетъ его отличительную черту.

Англія раздѣляется на 52 графства, изъ которыхъ 12 входятъ въ Валлисѣ. Происхожденіе ихъ принадлежитъ глубокой древности, и вписывается временамъ Альфреда Великаго. Многія носятъ титулъ независимыхъ саксонскихъ королевствъ; но съ самаго времени норманскаго завоеванія, ни одно изъ нихъ не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ политической самостоятельности; ни одно не имѣетъ своей отдѣльной исторіи, подобно тому какъ многія провинція на континентѣ. Въ тотъ день, какъ саксонское знамя пало при Гастингсѣ передъ мечомъ норманскихъ завоевателей, политическое саяніе Англіи въ одно цѣлое совершилось, и уже не терпѣвало никакого разложенія.

Графство (комитатъ) собственно не можетъ быть названо провинціей, хотя имѣетъ свои налоги, свои независимыя отъ центральной власти учрежденія, даже самостоятельную вооруженную силу—милицію. Собственно говоря, оно не болѣе какъ большой судебный округъ; власти его почти вовсе не приходятъ въ соприкосновеніе съ другими отраслями управленія. Административныя обязанности лежатъ главнымъ образомъ

на приходѣ; это другая единица, и единица самостоятельная, не подчиненная высшему областному единству. Поэтому, ни въ одномъ графствѣ нѣтъ даже опредѣленнаго chef-lieu; періодическія собранія главныхъ должностныхъ лицъ графства, мировыхъ судей, бываетъ то въ той, то въ другой мѣстности, смотря по удобству. Въ графствѣ, наконецъ, нѣтъ представительнаго собранія, которое служило бы органомъ для всѣхъ его обывателей; словомъ, оно есть нѣчто цѣлое, но цѣлое нисколько и ничѣмъ не централизованное.

Учрежденія, прі. роченныя въ Англіи къ графствамъ, суть остатки самой древней организаціи, какая только была въ ней со времени норманскаго завоеванія. До сихъ поръ остались шерифы. Въ первую эпоху норманскаго владычества, это были почти неограниченные правители области, а теперь они болѣе важны по блеску, который ихъ окружаетъ, нежели по своему вліянію. Шерифъ каждаго графства назначается ежегодно короной, по представленію судей, которые во время ассизовъ составляютъ списокъ кандидатовъ. Обязанности его ограничиваются судебною частью, и при томъ самую ничтожною ея стороною: на немъ лежитъ вызовъ присяжныхъ, подсудимаго, свидѣтелей, исполненіе судебныхъ приговоровъ, и проч. И это все, впрочемъ, лежитъ собственно на помощникѣ, котораго назначаетъ себѣ шерифъ изъ числа мѣстныхъ атторнеевъ (стряпчихъ). Лично сами шерифы являютъ только въ торжественныхъ случаяхъ, для предсѣдательства на выборахъ парламентскихъ членовъ за графство, и для встрѣчи судей во время ихъ объѣзда. Тутъ они сопровождаются многочисленною свитой, и бываютъ окружены великолѣбіемъ, напоминающимъ ихъ прежнюю неограниченную власть. Жалованья шерифъ не получаетъ; издержки на вѣншній блескъ, которымъ сопровождается его, въ сущности скромная, роль, производятся изъ его собственнаго кармана. Въ нѣкоторыхъ графствахъ эти издержки простираются до десятка тысячъ рублей сер. Понятно, что при такихъ условіяхъ должность шерифа можетъ падать только на богатыхъ лицъ, и дѣйствительно, исправляется по очереди самыми значительными землевладѣльцами графства, хотя для нея и не существуетъ никакого ценза.

По практическому значенію, главное лицо въ графствѣ есть мировой судья. Въ первый разъ эта должность встрѣчается въ 1360 году, при Эдуардѣ III. Сначала это были не что иное

какъ помощники шерифовъ по судебной части, назначаемые правительствомъ изъ числа мѣстныхъ обывателей, заслуживающихъ довѣрія. Но шерифъ, какъ судья, рано пересталъ удовлетворять потребностямъ общества. Онъ былъ слишкомъ обремененъ дѣлами; съ другой стороны, имѣя въ своихъ рукахъ собраніе налоговъ, шерифы въ средніе вѣка, болѣе заботились о своихъ доходахъ чѣмъ о правосудіи. Такимъ образомъ, мало-по-малу, судебная власть ихъ прекратилась совершенно, хотя существовала еще долго послѣ учрежденія мировыхъ судей. вмѣстѣ съ этимъ, и должность мирового судьи стала все болѣе и болѣе отдѣляться отъ шерифской, такъ что, въ настоящее время, эти два званія признаются по закону даже несомѣстными.

Первоначально, право на должность мирового судьи не принадлежало никакому особому классу. Государственный канцлеръ, назначавшій мировыхъ судей, могъ включать въ списокъ кого хотѣлъ, и обыкновенно, вмѣстѣ съ поземельными владѣльцами, находилось въ этомъ званіи нѣсколько адвокатовъ и юристовъ. Но въ послѣдствіи, англійскому *джентри* (землевладѣльческому классамъ) удалось исключительно овладѣть должностію мирового судьи. Для этого землевладѣльцы отказались добровольно отъ доходовъ, соединявшихся съ этимъ званіемъ, и устранили такимъ образомъ отъ него людей недостаточныхъ. Въ XVIII вѣкѣ, наконецъ, установленъ былъ прямо цензъ для занятія должности мирового судьи. Теперь въ Англіи можетъ быть мировымъ судьей только лицо обладающее доходомъ въ 600 р. с. съ недвижной собственности; фермеры, снимающіе форму на 21 годъ, пользуются въ этомъ отношеніи одинаковымъ правомъ съ землевладѣльцами; то же право предоставлено старшимъ сыновьямъ членовъ верхней камеры, и всѣмъ имѣющимъ наследовать поземельную ренту въ 1800 р. сер. Такимъ образомъ, должность мирового судьи сдѣлалась отличительною принадлежностію землевладѣльческаго класса, и это обстоятельство, связывая ее съ самымъ вліятельнымъ классомъ въ Англіи, еще болѣе возвысило ея значеніе въ глазахъ народонаселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало ее и особенно привлекательною. Званія мирового судьи теперь не только не чуждаются, но напротивъ ищутъ наследники самыхъ блестящихъ фамилій, этою должностію начинается обыкновенно политическая карьера. Мѣстная дѣятельность даетъ

возможность вліянія на народонаселеніе, а чрезъ это, въ послѣдствіи, открываетъ дорогу и въ палату общинъ. Съ другой стороны, ни въ какой иной должности нельзя такъ близко ознакомиться съ потребностями общества, какъ въ должности мирового судьи. Практическій смыслъ, которому удивляются въ государственнѣхъ людяхъ Англіи, отчасти ведетъ свое происхожденіе именно отъ той школы, которую они проходятъ въ званіи мировыхъ судей.

Утвержденіе мировыхъ судей остается въ рукахъ центральной власти. Государственный канцлеръ можетъ удалять мировыхъ судей, но почти никогда не дѣлаетъ этого на практикѣ. Мировые судьи теряютъ свое званіе только вслѣдствіе проступковъ, предусмотрѣнныхъ законодательствомъ. Это есть опять послѣдствіе той тѣсной связи, въ которой поставлены мировыя учрежденія съ высшими слоями общества. Съ землевладѣльцами нельзя обращаться, какъ съ простыми чиновниками. Такимъ образомъ, возникла сама собою самостоятельность мировыхъ судей. Препрадой прихоти и произволу послужило общественное положеніе лицъ, исправлявшихъ обязанности мирового судьи.

Число мировыхъ судей въ Англіи очень значительно: ихъ боѣе 18.000. Каждый землевладѣлецъ можетъ просить о внесеніи своего имени въ списокъ мировой комиссіи своего графства, и отказы бывають очень рѣдки, и притомъ никогда не зависятъ отъ того, къ какой политической партіи принадлежитъ проситель. Бѣольшая половина мировыхъ судей, именно до десяти тысячъ, пользуются только почетнымъ званіемъ судьи, не отправляя дѣйствительной обязанности. Для того чтобы перейти изъ почетныхъ судей въ дѣйствительные, необходимо специальное разрѣшеніе центральной власти, въ которомъ, впрочемъ, также никогда не отказываютъ. Въ почетныхъ мировыхъ судьяхъ остаются преимущественно бывшіе городскіе жители, приобрѣтшіе себѣ поземельную собственность. Почетнымъ поземельнымъ званіемъ они, обыкновенно, ищутъ, такъ сказать, освятить свое вступленіе въ ряды землевладѣльческаго класса.

Мировой судья есть судья одиоличный для всѣхъ мелкихъ полицейскихъ проступковъ, которые не требуютъ по закону приговора присяжныхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ практикуетъ, обыкновенно, только вокругъ собственнаго мѣста жительства, хотя можетъ пользоваться своею властью во всѣхъ

иствостяхъ графства. Тамъ какъ слѣдственный процессъ и суммарный судъ въ Англіи совпадаютъ между собою, то мировой судья, при заключеніи своего засѣданія, или прямо произноситъ рѣшеніе, или препровождаетъ процессъ въ ассизы или четвертные собранія. Такой порядокъ представляетъ огромную выгоду: лица, на которыхъ лежитъ производство уголовныхъ слѣдствій и охраненіе полицейскаго порядка, являются чрезъ это разбѣянными по всей странѣ; они всегда на мѣстѣ, всегда наготовѣ, и дѣйствуютъ съ чрезвычайною скоростью и простотой.

Для болѣе значительныхъ дѣлъ, періодически возвращающихся, графство раздѣлено на участки, divisions. Отъ времени до времени, мировые судьи каждаго участка собираются и составляютъ такъ называемыя спеціальныя засѣданія, special sessions. Главныя дѣла здѣсь: рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о незаконнорожденныхъ, надзоръ за содержаніемъ дорогъ, возможнымъ на приходы, и выдача патентовъ на открытіе трактировъ и питейныхъ домовъ.

Сверхъ сѣздовъ на спеціальныя засѣданія, существуютъ еще такъ называемыя общія или четвертыя собранія мировыхъ судей, quarter or general sessions. Сюда собираются все судьи графства, но крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ, но обыкновенно гораздо чаще, смотря по потребностямъ. Quarter sessions служатъ уголовнымъ судомъ первой инстанціи; ихъ приговору подлежатъ важныя проступки, за исключеніемъ подлежащихъ смертной казни или ссылкѣ. Порядокъ судоговоренія въ нихъ общій англійскій: открытый судъ, съ участіемъ присяжныхъ. Тѣ же четвертыя собранія образуютъ собою вторую инстанцію, для апелляціи на рѣшенія одноличныхъ мировыхъ судей и на рѣшенія собраній участковыхъ. Для законной силы приговоровъ требуется присутствіе всего двухъ членовъ, но на практикѣ всегда является гораздо болѣе значительное число судей. Кроме того, quarter sessions занимаютъ и различными административными дѣлами края. Имъ назначаются должностныя лица, какъ-то: казначей (treasurer) и начальникъ полиціи (chef constable); имъ принадлежитъ надзоръ за мостами, тюрьмами и домами умалишенныхъ; они устанавливаютъ цифру мѣстнаго налога, для удовлетворенія нуждамъ графства, какъ судебного округа, county rate. Чрезъ это четвертыя собранія становятся чѣмъ-то въ родѣ провинціальныхъ представительныхъ

сеймовъ. Хотя основанныя вовсе не на избирательномъ началѣ, они совершенное олицетвореніе общества. Принадлежа къ самымъ богатымъ собственникамъ графства, мировые судьи собственными интересами вынуждаются охранять матеріальныя выгоды народонаселенія, и потому столь щекотливое дѣло, какъ установленіе мѣстнаго бюджета, въ ихъ рукахъ совершенно безопасно. Въ этомъ отношеніи, они представляютъ гораздо болѣе прочное обезпеченіе чѣмъ даже выборы представители. Пользуясь своею должностію пожизненно, не отдавая отчета никому кромѣ закона, они столь же независимы отъ центральной администраціи какъ и лица, непосредственно избранныя обществомъ; но они независимѣе этихъ послѣднихъ тѣмъ, что не подвергаются контролю періодическихъ выборовъ. За ними вполнѣ сохраняется свобода дѣйствовать по своему убѣжденію, съ подчиненіемъ единственной власти—контролю общественнаго мнѣнія.

Полиція внутри графства подчиняется исключительно мировымъ судьямъ. Она, съ самыхъ древнихъ временъ, состояла изъ констаблей, которыхъ назначали мировые судьи изъ числа мѣстныхъ жителей въ каждомъ приходѣ; должность констабля переходила, при этомъ ежегодно изъ рукъ въ руки, отъ одного обывателя къ другому. Въ настоящее время однако старый порядокъ вездѣ упраздненъ. Съ 1856 года повсюду введены постоянные полицмены на жаловань, по примѣру образцоваго устройства, введеннаго сэромъ Робертомъ Пилемъ въ столицѣ. Основныя начала самоуправленія, тѣмъ не менѣе, остались въ полной силѣ и послѣ реформы. Полицмены поставлены въ зависимость отъ мѣстныхъ мировыхъ учрежденій, а не отъ центральной власти. Они содержатся на счетъ общества; посредствомъ дополнительнаго налога, police rate. Государственное казначейство беретъ на себя только одну четверть расходовъ, и то въ извѣстныхъ случаяхъ, когда находятъ это нужнымъ. Такимъ образомъ, обязанность полицейской службы прекратилась для низшихъ классовъ, но кругъ дѣятельности центральной власти отъ этого не расширился, и влияние ея на мѣстный бытъ нисколько не увеличилось.

Каждое графство въ Англіи имѣетъ свою милицію. Милиція играла важную роль въ англійской исторіи. Помощію ея велись междоусобныя войны въ XVII вѣкѣ. Вопросъ о начальствѣ надъ нею былъ причиною разрыва Карла I съ Долгимъ Парламентомъ. Но въ настоящее время существо-

заніе ея совершенно номинальное. Последнее ея службой было участіе въ военных дѣйствіяхъ противъ претекдента. Въ началѣ XIX вѣка, было одѣлано нѣсколько неудачныхъ попытокъ воспользоваться ею для борьбы съ Наполеономъ, и приурочить ея устройство къ новымъ потребностямъ, но всѣ эти попытки остались безъ успѣха, и вопросъ стоитъ до сихъ поръ на очереди законодательства. Тѣмъ не менѣе, лордъ-лейтенантъ, какъ начальникъ милиціи, сохранилъ и до сихъ поръ известное значеніе. Лордъ-лейтенантъ почти всегда принадлежитъ къ числу перовъ королевства. Назначаемый короною, онъ пользуется своею должностію обыкновенно пожизненно; крайней мѣрѣ было весьма немногочисленно случаевъ, когда лорда-лейтенанта удаляли. Лордъ-лейтенантъ считается, такъ сказать, почетнымъ правителемъ графства. Ему принадлежитъ право председательствана общихъ сѣздахъ (когда онъ на нихъ присутствуетъ); черезъ его руки идетъ самое представленіе въ должность мирового судьи. Самъ онъ стоитъ всегда во главѣ списка мировыхъ судей, считается ихъ почетною главою, и въ этомъ качествѣ носить древній титулъ „Custos rotulorum“. Кроме того, имъ назначается такъ называемый *clerc of the peace*, то-есть секретарь четвертныхъ собраній, завѣдующій всею ихъ бумажною частію, и въ томъ числѣ архивомъ. Въ милиціи, лордъ-лейтенантъ назначаетъ офицеровъ и такъ-называемыхъ *deputy lieutenants*, на которыхъ лежитъ административная часть. Последніе бываютъ обыкновенно и мировыми судьями графства. Для *deputy lieutenants* и офицеровъ существуютъ высокіе цензы. Самые же милиціонеры назначаются по жребію, изъ народонаселенія, но почти никогда не совыаются; все ограничивается существованіемъ довольно ничтожныхъ депо, подъ надзоромъ офицеровъ, специально прикомандировываемыхъ къ нимъ отъ постоянного войска.

Графству въ многихъ отношеніяхъ противоположенъ городъ. Мѣстный бытъ, главнымъ образомъ, проявляется въ графствѣ, города же играли всегда второстепенную роль. Муниципальное устройство въ Англіи не получило развитія. Многіе центры вовсе не имѣли независимыхъ муниципальных учрежденій, до самыхъ послѣднихъ временъ. Они оставались простымъ скопленіемъ приходовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, и входили въ общій составъ графства. Вообще городскія привилегіи, въ феодальную эпоху, были незначительны. Городскіе совѣты ограничивались тѣмъ, что

взимали государственные налоги, управляли городскимъ имуществомъ, и заботились объ охраненіи порядка въ городѣ. Въ судебномъ отношеніи, города обыкновенно подчинялись четвертымъ собраніямъ мировыхъ судей; по отношенію къ милиціи, они составляли тоже часть графствъ. Лишь весьма немногіе между англійскими городами сами приобрѣли права графства, и получили вслѣдствіе того названіе *counties corporate*. *

Внутренняя исторія городовъ представляетъ въ Англіи одну изъ самыхъ темныхъ страницъ національнаго развитія. Въ средніе вѣка всѣ горожане пользовались одинаковыми правами; всѣ лица, платившія мѣстные налоги, одинаково участвовали въ выборахъ городскихъ властей. Но это продолжалось недолго. Англія, страна равенства по закону, является страной политическихъ привилегій по обычаю. Въ графствахъ главная мѣстная должность, какъ мы видѣли, стала принадлежностью землевладѣльческихъ классовъ. Но тамъ это сдѣлалось само собою: кто изъ жителей, кромѣ землевладѣльца, обладаетъ достаточнымъ свободнымъ временемъ и достаточнымъ образованіемъ, для исправленія обязанностей мирового судьи? А въ городѣ права, сначала принадлежавшія всему народонаселенію, перешли къ мѣстной аристократіи вслѣдствіе прямой узурпаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что первою причиною такого явленія было равнодушіе самихъ обывателей къ самоуправленію; весьма немногіе горожане посѣщали городскія собранія постоянно; такимъ образомъ кругъ лицъ, которому принадлежала дѣйствительная власть, мало-по-малу стѣснился. А за тѣмъ муниципальные совѣты, мало-по-малу, усвоили себѣ право и попомнать себя по собственному выбору Государство, съ своей стороны, не только не противодействовало этому, напротивъ всеми силами содѣйствовало. Еще при Елизаветѣ, суды королевства объявили этотъ порядокъ вещей „хорошимъ, удобнымъ, согласнымъ съ законодательствомъ, и полезнымъ къ устраненію безпорядковъ и смутъ при народныхъ выборахъ“. Цѣль правительства была очевидна. Представители городовъ составляли въ палатѣ общинъ большинство, и избирались сначала *de facto*, потомъ въ силу обычая или мѣстныхъ постановленій — муниципальнымъ совѣтомъ. Каждая партія, овладѣвавшая кормиломъ государства, естественно желала получить вліяніе

* Такихъ городовъ насчитывается въ Англіи 18.

на городскіе выборы; а чѣмъ малочисленнѣе были избиратели, тѣмъ легче было привлечь ихъ на свою сторону. Правую городскихъ совѣтовъ пополнять себя по собственному усмотрѣнію, являлось для той или другой политической партіи лучшимъ средствомъ упрочить за собой полное господство, на вѣчныя времена. Вслѣдствіе этого, всѣ правительства, стоявшія, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, во главѣ Англiи, старались то посредствомъ специальныхъ законовъ, local acts, то посредствомъ новыхъ хартій, или подъ видомъ возобновленія мнимыхъ древнихъ привилегій, преобразовывать въ духѣ своего направленія внутренній составъ городскихъ учрежденій. Короли и палаты, Стюарты и Вильгельмъ III, виги и тори, въ этомъ отношеніи не отставали другъ отъ друга. Городской бытъ мало-по-малу превратился въ настоящій хаосъ, создаваемый противоположными направленіями различныхъ эпохъ и временъ. Когда, въ 1833 году, назначена была парламентская коммиссія для изслѣдованія городского устройства, она нашла повсюду одинаковый беспорядокъ. 240 городовъ основывали свое устройство на 1497 хартіяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ хартій восходили до временъ Эдуарда Исповѣдника; да сверхъ того еще дѣйствовали 709 специальныхъ актовъ, local acts. Въ частностяхъ, городской бытъ представлялъ самую пеструю картину. Для высшихъ должностныхъ лицъ въ городѣ существовало 76 различныхъ наименованій (Mayors, Deputy Mayors, Recorders, High Stewards etc. etc), и 263 для низшихъ чиновъ (Aldermen, Bailiffs, Bellmen, Burgholders, Headboroughs etc). Администрація городская находилась въ совершенномъ упадкѣ: муниципальные совѣты не давали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; общественныя суммы тратились на безполезные предметы; города были обременены долгами. Нѣкоторые города находились подъ открытымъ покровительствомъ того или другаго члена аристократіи. Проводникомъ такого вліянія служила обыкновенно номинальная должность recorder'a или high steward'a, принадлежавшая наследственно тому или другому лорду. Покровитель назначалъ депутата въ палату общинъ, и покрывалъ часть городскихъ издержекъ изъ собственныхъ доходовъ. Парламентская коммиссія имѣла полное право заключить свой отчетъ этими знаменательными словами: „доносимъ вашему величеству, что между жителями корпоративныхъ городовъ преобладаетъ общее и, по мнѣнію

нашему, справедливое недовольство муниципальными учрежденіями; въ нихъ господствуетъ недовѣріе къ совѣтамъ, по-полняющимъ себя по собственному усмотрѣнію, властвующимъ безъ всякаго контроля со стороны горожанъ, дѣйствующимъ безгласно и безъ всякаго уваженія къ общественному мнѣнію; въ нихъ господствуетъ недовѣріе къ магистратурѣ, бросающее тѣнь на мѣстный судъ и расправу, недовѣріе часто сопровождаемое презрѣніемъ къ лицу, примѣняющему законъ; въ нихъ господствуетъ глубокое недовольство на то, что мѣстные доходы отъ налоговъ, предназначенные для удовлетворенія общихъ нуждъ, отчуждаются отъ законнаго назначенія, и расточаются на частныя цѣли, на предметы, увеличивающіе нравственное растлѣніе общества!“

Новый городской уставъ, наконецъ, былъ изданъ и введенъ въ 1835 году. Парламентская реформа, совершившаяся двумя годами ранѣе, очистила ему дорогу. Этою реформою политическія права были возвращены горожанамъ; слѣдовательно, устраненіе горожанъ отъ мѣстнаго самоуправленія уже не могло имѣть смысла.

По новому уставу, избирательное начало въ городскихъ совѣтахъ было восстановлено: всѣ плательщики мѣстныхъ налоговъ вновь получили право голоса при выборѣ членовъ совѣта, какъ было въ средніе вѣка. Число членовъ определено соотвѣтственно величинѣ народонаселенія, и для нихъ установленъ цензъ. Избираются они каждыя три года, но такъ что одна треть ихъ ежегодно выходитъ. Сами они въ свою очередь избираютъ альдерменовъ и мера. Альдермены остаются въ должности шесть лѣтъ, и половина ихъ, черезъ каждыя три года, подвергается новому выбору. Изъ альдерменовъ составляется постоянный административный комитетъ, безъ особенныхъ впрочемъ преимуществъ передъ остальными совѣтомъ. Мэръ избирается на одинъ годъ; онъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, и считается почетнымъ главою городской администраціи. Кругъ самой дѣятельности городскихъ властей вообще не расширился; онъ остался въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ и прежде. Совѣты устанавливають цифру городского мѣстнаго налога (borough rate); управляютъ городскимъ имуществомъ; имъ подчинена полиція, состоящая, по образцу лондонскому, изъ полицменовъ на жалованьи. (Собственно для полицейской части, изъ числа членовъ

совѣта образуется особенный комитетъ.) Совѣтъ издаетъ такіе мѣстные полицейскіе регламенты.

Одновременно съ изданіемъ новаго городского устава, 128 городовъ получили особыхъ мировыхъ судей, отдѣльныхъ отъ судей графства. Городскіе мировые судьи назначаются, также какъ и комитетскіе мировые судьи, отъ правительства. Но между правами тѣхъ и другихъ есть разница. Вѣдѣнію городскихъ мировыхъ судей подлежатъ только мелкіе полицейскіе проступки, суммарный судъ, безъ присяжныхъ. По уголовнымъ дѣламъ рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ, всѣ города продолжаютъ быть подчиненными четвертнымъ сѣздамъ графства. Но за то для городскихъ мировыхъ судей нѣтъ ценза; вмѣсто ценза, установлено другое условіе для поступленія въ эту должность: судьей можетъ быть только лицо принадлежащее къ юридической корпораціи, и притомъ не прежде шестилѣтней практики въ этомъ званіи; сверхъ того, онъ долженъ имѣть жительство въ самомъ городѣ, или на протяженіи семи миль въ его окрестности. Другое отличіе городскихъ мировыхъ судей отъ комитетскихъ—то, что имъ обыкновенно назначается отъ муниципальнаго совѣта умѣренное жалованье.

Такого рода судебное устройство, по ходатайству обывателей, получили 50 городовъ. Уставъ 1835 года предоставлялъ горожанамъ, сверхъ того, право просить себѣ самостоятельнаго уголовного суда, независимаго отъ судовъ графства, и нѣкоторые города этимъ воспользовались. Вмѣсто четвертныхъ собраній, имъ назначается отъ правительства особый судья (Recorder) со всѣми правами четвертныхъ собраній по судебной части. Recorder, также какъ и городской мировой судья, получаетъ отъ городского совѣта жалованье.

Въ 86 мелкихъ мѣстечкахъ, пришедшихъ въ совершенный упадокъ, введеніе новаго порядка, по его сложности, оказалось неудобнымъ; поэтому, за ними оставлена была, впрочемъ болѣе номинально, старая муниципальная организація. Болѣе значительнымъ исключеніемъ изъ устава былъ Сити, всему свѣту известная часть Лондона. Древнее устройство Сити осталось не тронутымъ; оно было слишкомъ тѣсно связано съ историческими воспоминаніями народа, съ его привычками и нравами, и потому не рѣшились подчинить его общей реформѣ *. Съ другой стороны, уставъ 1835 года

* Внутренній бытъ Сити имѣетъ свою самостоятельную исторію, безъ

былъ распространень, въ теченіи послѣднихъ годовъ, на вѣ-
которые изъ самыхъ важныхъ центровъ промышленности и
народонаселенія, не имѣвшіе дотоѣ муниципальнаго устрой-
ства; таковы Манчестеръ, Бирмингамъ, Шеффилдъ, Брад-
фордъ, Брайтонъ и другіе города.

Графство и городъ являются въ Англіи самыми первоначальными центрами самоуправленія; въ теченіи среднихъ вѣ-
ковъ и въ началѣ новѣйшихъ, по административному своему
значенію, они оставаяаи далеко за собой приходъ. Но въ XIX
столѣтіи отношеніе это замѣтно измѣнилось. Приходъ искони
былъ средоточіемъ собственно хозяйственныхъ отраслей
управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ какъ эти части стали пріобрѣтать
особую важность, стало возвышаться и значеніе прихода.

Сельской общины въ Англіи почти не существовало, по
крайней мѣрѣ послѣ норманскаго завоеванія. О ея существо-
ваніи можно догадываться только по учрежденію мѣстныхъ
констаблей, которые сначала, вѣроятно, избираемы были жи-
телями, и уже послѣ стали получать назначеніе отъ мировыхъ
судей. Сельское самоуправленіе грозило совершенно изчез-
нуть среди хаоса средневѣковыхъ отношеній. Убѣжищемъ
его сдѣлалась церковь, и съ этимъ вмѣстѣ, приходъ мало-
по-малу обратился въ центръ мѣстной жизни. Духовныя
узы сближали прихожанъ между собой, поддерживали меж-
ду ними сознаніе общихъ интересовъ. Къ этому присоеди-
нилась связь другаго рода. Духовенство обязано было, въ
первыя времена, посвящать треть своихъ доходовъ на содер-
жаніе церковныхъ зданій и на издержки богослуженія. Сдѣ-
лавшись мало-по-малу богатымъ и вліятельнымъ сословіемъ,
почти равнымъ съ баронами, высшее духовенство перестало
потомъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ приходовъ. Это
обстоятельство заставило священниковъ прибѣгать къ помо-
щи прихода. Добровольныя приношенія прихожанъ обрати-
лись, съ теченіемъ времени, въ правильный налогъ. На-
логъ этотъ, опредѣляемый съ согласія самихъ жителей, по-
велъ за собою право обывателей избирать нѣкоторыхъ
церковно-служителей, именно церковныхъ старостъ (Church-
Warden); долгое время, этими скромными формами и ограни-
чивалась вся самостоятельность сельскаго устройства.

которой онъ совершенно непомятень. Столица всегда рѣзко отличалась
въ Англіи отъ остальныхъ городовъ. Ея устройство могло бы послужить
предметомъ спеціальной статьи.

Собственно въ церковномъ отношеніи, организація приходо-
въ до сихъ поръ осталась въ прежнемъ видѣ, съ тою толь-
ко разницей, что церковный налогъ, въ большей части
мѣстностей, снова начинаетъ уступать добровольнымъ прино-
шеніямъ по подпискѣ. Причиною тому было *диссентерство*,
расколъ; помянуто, что лица, не принадлежація къ англи-
канскому исповѣданію, не могли платитъ охотно налогъ въ
пользу чужаго духовенства, и потому во многихъ мѣстно-
стяхъ они успѣли отмѣнить эту повинность, по крайней мѣрѣ
въ смыслѣ повинности. Такимъ-то образомъ, церковный налогъ
достигавшій въ началѣ текущаго вѣка во всей Англіи до
3 милліоновъ р. сер., теперь едва доходитъ до 900.000. Въ
парламентѣ ежегодно вносятся проекты преобразованія цер-
ковнаго быта, съ цѣлю упрочить его экономическое основа-
ніе, но до сихъ поръ эти проекты не имѣли успѣха. Англичане
препочитаютъ оставаться при старомъ устройствѣ, и не рѣ-
шаются разрушить вѣковыя формы церковнаго быта, за-
вѣщавыя исторіей, несмотря на всѣ ихъ неудобства.

Церковныя обязанности однако далеко не составляютъ
всего что лежитъ на приходѣ. Въ приходѣ сосредоточены
еще двѣ важныя части управленія: призрѣніе бѣдныхъ и
содержаніе дорогъ. До реформации, пріютомъ для бѣдныхъ
служили главнымъ образомъ монастыри. Съ упраздненіемъ
монастырей, вспомошествованіе лицамъ, лишеннымъ средствъ
существованія, стало предметомъ заботы государства. Сна-
чала правительство старалось подавить нищенство стро-
гими, иногда даже безчеловѣчными, наказаніями; потомъ
стало предписывать епископамъ, священникамъ и миро-
вымъ судьямъ, чтобъ они уговаривали обывателей помо-
гать неимущимъ: наконецъ, установило законодательнымъ
путемъ обязательный для жителей налогъ въ пользу бѣд-
ныхъ, *poor rate*. На каждый приходъ, вслѣдствіе этого, воз-
ложена была обязанность заботиться о своихъ членахъ. Для
сбора повинности и для раздачи суммъ, законодательство
обязало прихожанъ избирать специальныхъ чиновниковъ,
(*Overseers of the Poor*). Эти чиновники должны были достав-
лять работу лицамъ способнымъ къ труду, и заботиться о
больныхъ, старикахъ, дѣтяхъ, словомъ обо всѣхъ, кто не въ
состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Какъ мы сказали, на приходѣ, сверхъ того, лежитъ со-
держаніе дорогъ. Для этой послѣдней цѣли избираемы были

надсмотрщики (Highwaysurveyors), обязанность которыхъ заключалась въ общемъ надзорѣ за путями сообщенія и въ распредѣленіи между прихожанами натуральныхъ и денежныхъ повинностей, необходимыхъ для устройства этой части.

Внутренняя исторія прихода имѣетъ нѣкоторую аналогію съ исторіей города. Во многихъ мѣстностяхъ Англійскаго королевства собранія прихожанъ постепенно прекратились, и участіе въ приходскомъ самоуправленіи ограничилось небольшимъ кругомъ привилегированныхъ лицъ. Такіе узкіе приходскіе совѣты, точно также какъ въ городахъ, стали пополняться посредствомъ произвольныхъ выборовъ. Суды одобрили это нововведеніе, и своими приговорами поддержали его; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правительство отдѣльными актами ввело его непосредственно; то же самое устройство, въ видѣ обыкновеннаго порядка вещей, водворялось во вновь образуемыхъ приходахъ. Приходскія собранія раздѣлились, такимъ образомъ, на двѣ категоріи: въ однихъ сохранилось участіе всѣхъ прихожанъ, въ другихъ образовались тѣсныя корпораціи. Первыя носятъ въ Англійскомъ языкѣ названіе open vestries, вторыя—special vestries.

Съ теченіемъ времени, прежнія простыя формы приходскаго быта перестали соответствовать насущнымъ потребностямъ. Въ особенности призрѣніе бѣдныхъ требовало преобразованія. Пролетаріатъ быстро возрасталъ вмѣстѣ съ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ страны; въ XVIII и XIX вѣкѣ, онъ принялъ, наконецъ, колоссальныя размѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ, колоссальныхъ размѣровъ началъ достигать и налогъ въ пользу бѣдныхъ: зтотъ налогъ, въ 1776 году, достигалъ цифры 10.000.000 руб. сер.; въ 1785 онъ возвысился до 13 милліоновъ; въ 1803—до 32 милліоновъ слишкомъ, въ 1813—до 50 милліоновъ, а въ 1817—до 55 милліоновъ. Единственные чиновники, на которыхъ лежала забота о призрѣніи бѣдныхъ, Overseers of the Poor, рѣдко были способны исправлять, какъ слѣдуетъ, свои сложныя обязанности. Они принадлежали къ низшимъ классамъ, и часто не имѣли никакого образованія. Должность поочередно исправлялась всѣми жителями, и, естественно, падала иногда на лица совершенно недостойныя или неопытныя. Надзоръ за добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей былъ недостаточенъ; онъ заключался единственно въ ревизіи счетовъ мѣровыми судьями, и былъ пустою формою. Крайне неудовле-

творительны были и способы вспоможенія; они часто служили только воощреніемъ дурныхъ наклонностей въ работѣ классѣ. Въ виду всего этого, правительство, послѣ нѣсколькихъ частныхъ преобразованій, въ 1884 году приступило, наконецъ, къ реформѣ, которая совершенно измѣнила организацію приходовъ.

Закономъ 1884 года (Poor Law Amendment Act) учредилъ для надзора за призрѣніемъ бѣдныхъ во всей Англіи центральную комиссію въ Лондонѣ (Poor Law Board). Предсѣдатель этой комиссіи есть въ то же время членъ кабинета. Онъ издаетъ общія правила для вспоможенія, слѣдитъ за ихъ исполненіемъ, состоитъ въ перепискѣ съ мѣстными властями, и имѣетъ общій контроль надъ ихъ дѣйствіями. Приходъ потерялъ значеніе мѣстной административной единицы для призрѣнія бѣдныхъ: центральная комиссія получила право соединять приходы въ округа, unions, и воспользовалась этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ настоящую минуту существуетъ болѣе 600 такихъ округовъ. Они весьма различны по величинѣ, но среднимъ числомъ каждый содержитъ въ себѣ 25 тысячъ жителей. Старое приходское устройство сохранилось только въ немногихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе ихъ незначительности или какихъ-нибудь особенныхъ условій.

Призрѣніе бѣдныхъ въ округахъ получило совершенно новую организацію. Оно возложено на окружную специальную комиссію, составляемую изъ мѣстныхъ жителей, по выбору. Избиратели раздѣляются на шесть классовъ: лица получающія менѣе 300 р. сер. дохода имѣютъ одинъ голосъ, отъ 300 до 600 р. сер.—два, отъ 600 до 900—три, отъ 900 до 1.200—четыре, отъ 1.200 до 1.500—пять, болѣе 1.500 р. сер.—шесть голосовъ. Поземельные собственники и фермеры раздѣляются на одинъ и тѣ же категоріи; но собственникъ, самъ обрабатывающій свой участокъ, имѣетъ двойное число голосовъ (однако не болѣе шести), какъ мадѣецъ и какъ фермеръ. Окружная комиссія устанавливаетъ цифру налога въ пользу бѣдныхъ, придерживаясь правила, чтобы каждый изъ приходовъ округа участвовалъ въ издержкахъ во возможности пропорціонально съ числомъ своихъ бѣдныхъ. Она назначаетъ необходимыхъ исполнительныхъ чиновниковъ, и имѣетъ за ними надзоръ. Ею ведутся всѣ счета, совершаются всѣ контракты на постройки рабочихъ домовъ, содержаніе бѣдныхъ и т. д. Расходы ревизуются центральнымъ

учрежденіемъ, посредствомъ такъ-называемыхъ Auditors, то-есть развѣзжихъ ревизоровъ, и каждое новое предпріятіе мѣстной комиссіи, какъ-то: починка рабочихъ домовъ, договоръ о поставкѣ платья, вещи для бѣдныхъ и проч.,—предварительно подвергается разсмотрѣнію Poor Law Board. Только примѣненіе правилъ, установленныхъ для призрѣнія бѣдныхъ, и установленіе цифры мѣстнаго налога находится исключительно въ рукахъ мѣстныхъ попечителей (guardians), и не требуетъ утвержденія.

Самый способъ призрѣнія бѣдныхъ имѣетъ два вида: призрѣніе внутри и вѣнъ рабочаго дома. Каждый округъ обязанъ имѣть свой рабочій домъ для тѣхъ изъ бѣдныхъ, которые способны къ труду. Строгая дисциплина составляетъ одну изъ отличительныхъ принадлежностей рабочаго дома. Лица, содержащія въ немъ раздѣляются на классы, по возрастамъ и поламъ, и сообщеніе между различными классами воспрещается безъ особеннаго разрѣшенія. Вообще, весь порядокъ основанъ на томъ, чтобы положеніе работника въ рабочемъ домѣ было хуже чѣмъ положеніе работника, имѣющаго обыкновенное занятіе вѣнъ рабочаго дома; право это считается необходимымъ, чтобы не поощрять лѣности и безвѣности въ народомаселеніи. Для самаго приѣма въ рабочій домъ, требуются строгія доказательства совершенной нищеты. Рабочіе дома устроены въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: въ видѣ богадѣленъ для стариковъ, въ видѣ больницъ, въ видѣ приютовъ, и даже въ видѣ школъ. Назначеніе смотрителя, каплана, доктора и необходимой прислуги зависитъ отъ мѣстной комиссіи. Спеціальнѣйшій надзоръ за содержаніемъ рабочихъ домовъ принадлежитъ отдѣльному комитету, составленному изъ членовъ этой комиссіи.

Вспомоществованіе вѣнъ рабочаго дома составляетъ, по закону, исключеніе. Оно получило болѣе обширное развитіе, только спустя нѣсколько лѣтъ послѣ реформы, когда злоупотребленія, существовавшія при старомъ порядкѣ вещей, успѣли изгладиться. Вспомоществованіе вѣнъ рабочаго дома бываетъ исключительно временное. Для этого назначаютъ спеціальныя чиновники (relieving officers) и спеціальнѣйшій докторъ (medical assistant).

Нигдѣ общественная благотворительность не получила болѣе твердой организаціи, не началась ранѣе, и не достигла болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ въ Англіи. Это объясняется

торговымъ и промышленнымъ развитіемъ страны, густотою и числомъ народонаселенія. Бѣдственное положеніе низшихъ классовъ должно было вызвать учрежденія, облегчающія зло. Признаніе бѣдныхъ, какъ мы видѣли, лежало съ самаго начала на мѣской единицѣ мѣстнаго быта, на приходѣ. Теперь эта единица перешла на округъ, и вышла изъ тѣсныхъ приходскихъ границъ; сверхъ того явилось центральное, контролирующее учрежденіе, Poor Law Board. Впрочемъ законодательство, при этомъ, не дало центральной дѣятельности слишкомъ широкаго значенія: непосредственное управленіе и самое опредѣленіе цифры налога оставлено все-таки въ рукахъ мѣстныхъ жителей. Центральной власти даво на столько входить въ мѣстный бытъ, на сколько это было нужно, чтобы подвинуть впередъ важную отрасль управленія, слишкомъ долго находившуюся въ упадкѣ, по неудовлетворительности учреждений. Послѣдствія реформы оказались несомнѣнно выгодными. Тяжесть налога для признанія бѣдныхъ значительно уменьшилась, хотя церковный налогъ все-таки остался самою значительною мѣстною повинностію. Онъ рѣдко бываетъ выше 30.000.000 р. с.; но содержаніе бѣдныхъ улучшилось, и способы вспоможенія усовершенствовались.

Содержаніе дорогъ, вторая важная обязанность, лежащая на приходѣ, не подвергалась до сихъ поръ такой полной реформѣ, какъ признаніе бѣдныхъ. Этой части администраціи предстоитъ однако подобная же реорганизация. Въ 1835 году *An act to consolidate and amend the laws relating to highways in England* далъ право отдѣльнымъ приходамъ соединяться въ округи, для содержанія путей сообщенія по добровольному соглашенію. Для большихъ приходоузъ онъ допустилъ учрежденіе мѣстныхъ комиссій, по образцу попечительской по закону о бѣдныхъ. Старый порядокъ однако сохранился почти вездѣ, съ тою лишь разницей, что для избранія надсмотрщика (Highway Surveyors) введена классификація избирателей на шесть категорій, подобно тому какъ введена она для выборовъ въ комиссію признанія бѣдныхъ. Надсмотрщикъ назначаетъ цифру мѣстнаго налога для содержанія дорогъ, достигающій во всей Англіи ежегодно до 11.000.000 руб. сер. *.

* Въ прошедшемъ 1863 году, въ палату общинъ былъ внесенъ билль о преобразованіи содержанія путей сообщенія. Онъ имѣлъ цѣлью ввести

Обзоръ внутреннихъ учрежденій Англіи былъ бы не полонъ, безъ взгляда на санитарныя мѣры, принятыя правительствомъ въ послѣднее время. Содержаніе чистоты улицъ и зданій, въ особенности въ мѣстностяхъ населенныхъ низшими классами, отводные каналы, освѣщеніе городовъ, мостовыя и проч., все это представляло въ Англіи всегда самую неудовлетворительную часть общественнаго быта. Вина падала главнымъ образомъ на высшія сословія, которыя, стоя въ главѣ общества и государства, мало заботились объ этой части. Относительно мостовыхъ, освѣщенія улицъ и прочихъ матеріальныхъ удобствъ въ городахъ и приходсахъ, издавались отъ времени до времени спеціальныя, мѣстные постановленія, local acts, но не существовало общаго законодательства. Въ 1848 и 1856 годахъ были издамы, наконецъ, двѣ общія мѣры, имѣвшія цѣлю мѣстное благоустройство, и въ особенности — охраненіе народнаго здравія (General Health and Local Management Acts). На основаніи ихъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ могутъ быть, по выбору жителей — учреждены комиссіи (boards) для надзора за отводными каналами, за чистотою улицъ, за кладбищами, за опасными для общественнаго здравія фабриками, за мостовыми, водопроводами и проч. Одна изъ этихъ комиссій General Health Act получила центральному правительственному комитету, заседающему въ Лондонѣ (General Board of Health); другія, учрежденныя на основаніи Local Management Act, получаютъ министру внутреннихъ дѣлъ непосредственно. Въ этомъ различіи верхней инстанціи заключается вся разница между обѣими категоріями учреждений. Local Management Act былъ вызванъ желаніемъ поставить въ болѣе близкую зависимость отъ парламента лицо, облеченное высшею властію по одной изъ самыхъ сложныхъ частей внутренняго управленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ казался лицомъ болѣе подлежащимъ отвѣтственности, нежели комиссія зависима отъ министерства. Мѣстныя комиссіи учреждаются, или по ходатайству обывателей, или, въ извѣстныхъ случаяхъ предусмотрѣнныхъ закономъ, и безъ ихъ ходатайства,

повсюду союзы приходствъ, unions, и, если не ошибаемся, поставить всю административную часть подъ надзоръ министра внутреннихъ дѣлъ. Рѣдкость Англійскихъ газетъ въ Россіи рѣшительно не позволяетъ постоянно слѣдить за движеніемъ Англійскаго законодательства, и потому мы не знаемъ, чѣмъ кончился этотъ проектъ.

напримѣръ, когда смертность превышаетъ извѣстный процентъ. Эти boards снабжены необходимою властію для достиженія указанныхъ закономъ цѣлей, и опредѣляютъ цифру спеціальнаго мѣстнаго налога (district rate), предназначеннаго на покрытие матеріальныхъ издержекъ. Центральная власть имѣетъ право вводить ихъ, по словамъ законодательства, „во всякой мѣстности, имѣющей опредѣленныя границы“. Въ городахъ всѣ обязанности спеціальныхъ комиссій для народнаго здравія можетъ брать на себя муниципальный совѣтъ.

Мѣстное управленіе въ Англіи, по вѣдшему виду своему и общему плану, лежащему въ его основаніи, рѣзко отличается отъ порядка, существующаго въ другихъ странахъ. Англіи недостаетъ двухъ, самыхъ обыкновенныхъ центровъ внутренняго быта: провинціи и общины. Въ ней нѣтъ ни областного административнаго организма, посредствующаго между государствомъ и мелкими общественными единицами, ни первоначальной сельской единицы. Въ глубокую древность, въ средніе вѣка, когда все управленіе внутри страны сосредоточивалось въ рукахъ шерифовъ, тѣмъ что называется областію было графство. Но въ настоящее время, графство перестало быть центромъ, и осталось не болѣе какъ спеціальнымъ округомъ для суда, полицейской части и милиціи. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, приходъ замѣнялъ въ Англіи общину. Но реформа общественнаго призрѣнія поколебала это значеніе прихода, и перенесла главную часть приходской администраціи на болѣе широкіе центры, — округа. Тоже будетъ съ приходами, и отчасти уже совершилось, относительно содержанія дорогъ; неприкосновеннымъ осталось одно церковное значеніе приходовъ. Для всѣхъ же прочихъ частей управленія существенною единицей становятся мало-по-малу округа. Они пользуются, всѣ безъ различія, извѣстною самостоятельностью, и не связаны между собою никакою іерархіей. Они безпрестанно переплетаются между собой, перерываютъ другъ друга, и этимъ вовсе не похожи на то стройное единство административной централизаціи, къ которому привыкли вездѣ на континентѣ.

Каждый изъ округовъ въ Англіи обязанъ покрывать издержки внутренняго устройства собственными средствами. Но это не значитъ однако, чтобы денежными суммами, которыя взимаются въ видѣ мѣстныхъ налоговъ, народонаселеніе могло располагать совершенно произвольно. Напротивъ,

назначеніе ихъ опредѣляется строгими правилами. Законодательство заранѣе указываетъ на что должна идти каждая мѣстная повинность. Комитатская подать (County Rate) должна покрывать издержки преимущественно судебныя; налогъ въ пользу бѣдныхъ и на содержаніе дорогъ идутъ каждый по своему назначенію. Эти повинности существуютъ на основаніи закона, и не могутъ быть ни отменены, по произволу жителей, ни обращены на другое употребленіе. Законодательство идетъ еще далѣе. Оно вмѣшивается во всѣ подробности мѣстнаго устройства, и опредѣляетъ точнымъ образомъ мѣстныя издержки до самыхъ мелочей. Каждый изъ четырехъ мѣстныхъ налоговъ состоитъ изъ множества составныхъ частей, имѣющихъ свое назначеніе. Съ County Rate соединяется Police Rate для содержанія полиціи, Lunatic Asylum Rate на устройство домовъ для сумашедшихъ, District Prison Rate для тюремъ; кромѣ того, извѣстныя частицы той же повинности назначены закономъ на починку мостовъ, на исправительныя учрежденія, на жалованье различнымъ должностнымъ лицамъ, какъ напиримѣръ: мировой дьякъ и проч. Poor Rate распадается еще на большее число составныхъ частей. Словомъ, каждая изъ главныхъ мѣстныхъ повинностей развѣтвляется на множество спеціальныхъ отростковъ. Мѣстная власть устанавливаетъ цифру налоговъ, но не можетъ касаться ихъ принципа; она не можетъ ни наложить новыхъ податей, кромѣ установленныхъ законодательствомъ, ни отменить старыхъ. Единственная повинность, налагаемая по взаимному соглашенію жителей, есть Church Rate (церковная). Вещественныя основанія для мѣстныхъ налоговъ также заранѣе опредѣлены положительнымъ законодательствомъ. Всѣ мѣстныя повинности взимаются въ видѣ извѣстнаго процента съ видимой собственности, лежащей внутри прихода; обыватели не могутъ произвольно облагать податью новые предметы. Въ этомъ отношеніи, основанія податной системы опредѣлены въ Англіи, до самыхъ мелкихъ подробностей, судебною практикой. Судебные приговоры, рѣшая сомнительные случаи, подробно опредѣляютъ, какіе предметы подлежатъ мѣстнымъ повинностямъ. Такимъ образомъ воля жителей, въ мѣстномъ экономическомъ устройствѣ, вообще связана и ограничена общими законодательными правилами.

Внутри Англіи не встрѣчается почти вовсе правительственныхъ чиновниковъ, въ континентальномъ смыслѣ слова.

Единственными непосредственными представителями центральной власти являются только судьи королевства, периодически объезжающіе графства, для рѣшенія гражданскихъ споровъ и важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ (ассизы). Можно объехать всю Англію, и не замѣтить прямой дѣятельности правительства; всѣ должностныя лица принадлежатъ къ числу обывателей. Нельзя сказать, однако, чтобы учрежденія были основаны на началѣ народнаго господства;—совсѣмъ напротивъ. Мировые судьи, какъ мы уже видѣли, утверждаются короной, и вообще судебная власть, по понятію Англичанъ, не должна опираться на избирательное начало. Выборы даютъ слишкомъ большой просторъ произволу и прихоти партій; выборные чины слишкомъ зависимы отъ избирателей; отъ нихъ нельзя ожидать безпристрастія, необходимаго для судебного званія. Выборное начало принято Англіей только въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. Комmissіи для призванія бѣдныхъ, надсмотрщики дорогъ (Highway Surveyors), мѣстные власти для различныхъ отраслей внутренняго благоустройства (Local Boards of Health, и прочіе Local Boards), городскіе совѣты, завѣдывающіе хозяйствомъ города,—все это выборное. Но и здѣсь нѣтъ слѣдовъ господства народной воли. Жителямъ не принадлежитъ контроль надъ исполнительною властію, надзоръ за ея дѣйствіями; напротивъ, они суть органы управленія, на которые возлагаются извѣстныя обязанности. Въ Англіи даже вовсе не существуетъ значительныхъ мѣстныхъ собраній, которыя составляли бы какое-нибудь политическое тѣло. Все ограничивается, напротивъ, мелкими коллегіальными учрежденіями, у каждаго изъ которыхъ своя часть. Мѣстное самоуправленіе какъ будто нарочно раздроблено, чтобы не нанести вреда общему государственному единству.

Мы старались изобразить въ самыхъ краткихъ чертахъ картину внутреннихъ учрежденій Англіи, избѣгая упоминать о томъ, какими практическими результатами они сопровождаются. Чтобы оцѣнить дѣйствія учрежденій на практикѣ, для этого требуется изученіе статистическихъ данныхъ, а оны могутъ быть собраны только на мѣстѣ. Приведемъ, однако, въ заключеніе несколько краснорѣчивыхъ цифръ, говорящихъ сами за себя.

Мѣстные налоги, въ общемъ составѣ, колеблются въ Англіи ежегодно между 80 и 50 милліонами руб. сер. Число лицъ,

принимающихъ постоянное участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, простирается, по приблизительному исчисленію Глейста, до 180.000. Больше число изъ нихъ, какъ-то мировые судьи, совѣтники городовъ, попечители о бѣдныхъ, дорожные и административники, и проч. отправляютъ свою службу безвозмездно. Когда общество несетъ такіа пожертвованія, и опирается на такіа силы, страна можетъ безопасно полагаться на прочность существующихъ учрежденій. Самое значительное участіе въ дѣлѣ мѣстнаго управленія принадлежитъ въ Англіи высшимъ и среднимъ классамъ. Самоуправленіе, такимъ образомъ, есть проявленіе дѣятельности независимыхъ, просвѣщенныхъ слоевъ народа. Аристократія посвятила себя мѣстной дѣятельности съ самой глубокой древности, и мало по малу сдѣлалась, такъ сказать, прирожденнымъ учрежденіемъ, назначеннымъ для внутренняго управленія. Мировыя учрежденія живутъ ея жизнью. Она стоитъ въ Англіи во главѣ каждаго полезнаго предпріятія, каждаго благаго начинанія. Потому и трудомъ она зарабатываетъ себя, такимъ образомъ, свое мѣсто въ области государственнаго управленія; ея вліяніе основано на исторической роли, на положительныхъ ежедневныхъ заслугахъ. Въ новѣйшее время достойными ея соперниками являются средніе классы. Не чуждаясь никакой сферы общественной дѣятельности, они становятся вездѣ въ ряды поборниковъ порядка и общей пользы, принося учрежденіямъ помощь своею непреклонною энергіей и приобрѣтенымъ въ частной жизни практическимъ тактомъ. Все это приноситъ свои плоды. Какъ, послѣ того, правительство въ Англіи могло бы оскорбить мнѣніе націи, отказать въ повиновеніи голосу народа? гдѣ нашло бы оно для себя послушныхъ органовъ? чѣмъ могло бы оно замѣнить колоссальныя усилія общества, еслибъ общество отказалось отъ своей административной роли?

Самоуправленіе, безъ сомнѣнія, связано съ жертвами для частныхъ лицъ, въ особенности для высшихъ классовъ. Но и награда за нихъ велика. Мы твердо убѣждены, что каждому правительству стѣбитъ только широко раскрыть ворота, для участія народонаселенія въ мѣстномъ управленіи: живыя силы націи тотчасъ нахлынутъ въ нихъ и, подъ знаменами просвѣщенной, власти, станутъ плодотворно работать для блага общества.

Д. КАПНИСТЬ.

85.1 ✓

МОЯ СУДЬБА

VII.

„Chère amie!

„Я хочу васъ видѣть, видѣть непременно, слышите! Вы пойдете ко всемогущей сегодня? Я вижу отсюда ваши зеленые глаза. Они говорятъ: „О да, Александръ Сергѣичъ этого хочетъ.“ Бѣдненькая, зачѣмъ вы слушаетесь его? Однако я болаю? Вы шуритесь и пробѣгаете не терпѣливыми глазами листокъ, отыскивая дѣла; вотъ оно: чтобъ искупить—не правда ли какъ я обязательна?—чѣмъ-нибудь неприятность моего приглашенія (не сжалью же я думать, что вамъ пріятно идти ко мнѣ), я помѣстилась въ вашей любимой бесѣдкѣ, около пруда. Тихоструйныя воды плещутъ и льются, льются и плещутъ у моихъ ногъ; надъ моею головою раскинулась величественная лазурь; на правой сторонѣ шумитъ и шепчетъ сосновый лѣсъ, а на лѣвой—мостъ, и около моста—угадайте кто?... Наконецъ, посреди всѣхъ этихъ обитованныхъ прелестей, сидитъ и ждетъ васъ
„ваша во вѣки вѣковъ

„Маша Бѣлоградская.“

— Когда привезли эту записку? спросила я Лизы?

— А вотъ какъ вы пошли, значить, ко всемогущей, отвѣтила она, подходя къ окну, около котораго я стояла:—вдругъ слышу—стучатся. Я бросилась, смотрю—расфранченная

горничная изъ большого дома: „Дома, говорить, барышня?“ (И Лиза передразнила горничную, вздернувъ носъ.) Я говорю: Нѣтъ дома. „Вы, говорить, отдайте вотъ эту записочку ей, безпрѣмѣнно отдайте же?“ Я говорю: „Хорошо, отдамъ!“ Ну, вотъ она и ушла этакъ. Поди, барышня-то опять зоветъ васъ къ себѣ, прибавила Лиза скороговоркой, и яркое неудовольствіе разлилось по ея лицу.

— Да. А что?

— Да такъ, и я не останусь дома, какъ хотите.

И красная, какъ кумачъ, съ яркимъ неудовольствіемъ на лицѣ, она стала стирать передникомъ пыль со столикоевъ.

— На что ты сердиться? спросила я въ недоумѣніи.

— На что? повторила она:—ни одного денька не посидите дома. Вчера и позавчера все у барышни, а не то она у васъ. А баринъ-то вашъ приходитъ и сидитъ все одинъ! Не останусь я дома, рѣшила она, мотнувъ головой.

— Когда онъ приходилъ? спросила я съ удивленіемъ.

— Да вѣчеръ приходилъ: „Дома, говорить, твоя хозяйка?“ (эти слова Лиза, конечно, выговорила басомъ); я говорю: „Какже, дома! усидитъ она дома, на таковскую напала!“ Онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и свѣз вонъ на тотъ стулъ къ окну, да и сидѣлъ цѣлый часъ.

— И ты мнѣ ничего не сказала?

— Да когда я ночью вижусь съ вами?

И поджавъ руки, она отвернулась къ окну. Это былъ знакъ сильнѣйшаго негодованія. Я задумалась: конечно, въ словахъ Лизы была маленькая доля правды. Мои посѣщенія къ Машѣ, дѣйствительно, дель ото дня становились чаще. Чуть заря, она ужъ у меня, пьетъ со мной чай, потомъ вѣчеромъ зоветъ къ себѣ; а тамъ Бѣлоградскій поетъ, играетъ на фортепіано, не отходитъ отъ меня цѣлый вѣчеръ, и потомъ провожаетъ домой. Сообразивъ все это, я дала себѣ слово измѣнить нѣсколько свой образъ жизни.

— Я не надолго схожу къ Машѣ, сказала я, накидывая мантилью,—ты въ послѣдній разъ остаешься дома одна.

Но Лизанькѣ вовсе не хотѣлось остаться и на этотъ разъ дома; поэтому мой успокоивающій отвѣтъ только разсердилъ ее. Мотнувъ головой, она убѣжала изъ комнаты, не проставшись даже со мною.

Выходя изъ дома, я была не спокойна: мысли объ Александрѣ Сергѣевичѣ, Бѣлоградскомъ и Машѣ путались въ моей

любовь. Отношенія ихъ ко мнѣ и другъ къ другу казались мнѣ чрезвычайно странными, между тѣмъ какъ въ этихъ отношеніяхъ не было ничего особеннаго: Бѣлоградскій оставался также вѣжливъ какъ и всегда; Мама также болтлива и весела; Александръ Сергѣевичъ также самоуверенъ и невозмутимъ.

Войдя на мостъ, я легко могла разглядѣть каменную бесѣдку съ зеленымъ куполомъ, и Машу, сидѣвшую на верхнихъ ступенькахъ бесѣдки. Увидѣвъ меня, она сняла свою круглую шляпу и съ живостью замахала ею, приглашая меня, какъ мнѣ показалось, не переходить мостъ, а спуститься прямо съ крутизны берега, и по желтому песку идти къ бесѣдкѣ. Я такъ и намѣревалась сдѣлать, но желтая тропинка была замита водою, набѣжавшею изъ открытыхъ вешниковъ, и мнѣ, волею или неволею, приходилось идти мимо домика Александра Сергѣевича. Окна на мостъ были отворены, и синеватые струйки дыма неслись изъ окна. Облокотившись на окно, съ сигарою въ рукахъ, онъ, какъ видно, наслаждался тихою мирнаго вечера и, по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ замѣтить меня еще на мосту; поэтому я шла равно, не торопясь, не избѣгая его взглядовъ и не считая за нужное смотрѣть ему въ глаза. Поровнявшись съ его окнами, я поклонилась ему. Онъ слегка согнулъ голову, и немедленно вынулъ сигару изъ рта.

— Мнѣ надобно, Наталья Алексѣевна, потолковать съ вами, сказалъ онъ.

Я остановилась.

— Гдѣ я могу найти васъ сегодня?

— Вамъ нужно меня сейчасъ?

— Мнѣ нужно только увидѣться съ вами передъ отъѣздомъ. Я ѣду сегодня въ ночь по водости, заѣду и въ городъ. Гдѣ я могу застать васъ?

— Я буду сидѣть съ Машей вонъ въ той бесѣдкѣ, около рѣчки.

Онъ снова согнулъ голову, и синій дымъ отъ сигары опять полетѣлъ въ окно.

„Зачѣмъ я нужна ему? Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ городъ. Развѣ что мой процессъ?... Неужели скоро будетъ наша свадьба?... Но что же такое“ опять успокоивала я себя: „судьбы не избѣжишь; рано или поздно, но надо же мнѣ поми-

ряться съ этою мыслію и чѣмъ меньше думать о ней теперь, тѣмъ лучше.

Маша сказала правду; вокругъ нея раскидывались обѣтованныя прелести; вода обмывала послѣднія ступеньки бесѣдки, и небо съ бѣлыми облаками качалось въ ней; какія-то маленькія птички чирикали въ листьѣ ихъ; лѣтнимъ вѣтеръ едва колыхалъ воздухъ. Не знаю, видѣла ли меня Маша, когда я подходила къ желтому пригорку, но она не могла не слышать моихъ шаговъ, когда я стала спускаться съ него: песокъ посыпался изъ подъ моихъ ногъ и голыши полетѣли въ воду. Однакожь, опершись обѣими руками къ себѣ на колѣни, она сидѣла, не оглядываясь. Спустившись къ самой бесѣдкѣ, я принуждена уже была положить ей руку на плечо, чтобъ обратить на себя ея вниманіе.

Она обернулась ко мнѣ; лицо ея сіяло меланхолическою торжественностію, и глаза были устремлены на небо.

..Земли колебатель могучій гонить меня,

начала она, не отводя глазъ съ неба,—

Дни же свои провожу я, сидя на прибрежномъ утесѣ,
И горемъ, и плачемъ, и вздохами, душу питаю и очи,
Полая слезъ, устремивъ на пучину безбрежнаго моря.

— Ахъ, продолжала она, не измѣняя своего горестнаго тона и сложивъ на груди руки:—какъ я любила тебя во дни моей юности, Лаертидъ!.. Ты выкололъ единственный глазъ Циклопу, спасая себя и своихъ несчастныхъ спутниковъ. Твоего мужества, царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаерта сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ никогда не забыть! Ты былъ немножко вѣтренъ, но за то сколько мужественной скромности при встрѣчѣ съ Навсикаей! И—Зевсъ громоверецъ—зачѣмъ я не Пенелопа? я прождала бы такого мужа тридцать лѣтъ. Было время, Наташа, я враждовала съ каждымъ племя, покрытымъ осокой, я ненавидѣла Посейдона, и вездѣ мнѣ видѣлась его лазурно-косматая голова. Но потомъ я влюбилась, угадай: въ кого?.. Въ Тацита—этотъ чистый образъ настоящаго Римлянина, со всею доблестью древняго республиканца. Пусть сердце его разрывается на части, онъ остается величественно спокоенъ; рука, казнящая цесарей на вѣчныя времена, не дрогнетъ, передавая потомству ужасы римской жизни; онъ считаетъ ниже себя горячиться. О, Юпитеръ Либераторъ, сказала

она съ глубокимъ вздохомъ,—скажи мнѣ, есть ли между смертными другой человекъ, подобный Тацитѣ? За Тацитомъ, меня замали воѣ эти колоссальные образы древняго Рима, эти аристократы, граждане міра, передъ которыми опустились руки. Въ это время я начала заниматься латинскимъ языкомъ, выучила даже латинскую грамматику до третьяго склоненія. Хотите я проскоблю вамъ: ius—право, или iudex, лучше, iudex—судья. Вотъ: iudex, iudicis, iudice, iudici... Теперь я забыла все это, Ла-ортеадъ исчезъ, герои перестали занимать меня, и я? Я превратилась „въ бѣдную пастушку, которой милъ лишь этотъ лугъ; собачка мнѣ подружка; барашекъ милый другъ“. Не правда ли какіе миленькіе стихи? Вы задремали подъ мой разговоръ?... Хорошо, перебивайте его: поздравьте меня съ радостью, и съ печалю. Сначала съ радостью: брата развели съ женою.—И черные глаза моей собесѣдницы бойко устремились на мое лицо.

Я правда, покрасѣла: извѣстіе было слишкомъ неожиданно. Но встрѣтивъ взглядъ Маши, я выдержала его и намуралась; въ умѣ у меня мелькала вчерашняя ночь со своею чуткою тишиной, съ своимъ синимъ душистымъ воздухомъ. Маша съ братомъ провожаютъ меня. Дойдя до сада, мы останавливаемся; деревья лепечуть другъ другу сладкія сказки, подъ серебряный громъ и трескъ соловья. — Нравится вамъ эта ночь? говоритъ Бѣаградскій.—О да!

И мы идемъ, но уже безмолвно. Онъ, проникнутый холоднымъ достоинствомъ, я съ смущеніемъ.

— А печаль моя, продолжала Маша съ грустнымъ вздохомъ,—что братъ ѣдетъ отсюда.

Облегчающій душу вздохъ вырвался у меня изъ груди, и какъ-будто бремя скатилось у меня съ сердца.

— Когда? спросила я послѣ минутнаго молчанія.

— Черезъ двѣ недѣли послѣ дня моего рожденія.—А вотъ чешъ!. воскричала она радостно:—да, это его бѣлый конь, онъ ичтисъ на мостъ. О! онъ увидѣлъ насъ, снялъ свою шляпу. Дашка, сюда! сюда!

И она обѣими руками замахала къ себѣ.

Стройный всадникъ поворотилъ свою бѣлую лошадь съ моста, и поѣхалъ шагомъ по берегу пруда: какъ послушенъ и красивъ былъ бѣлый конь съ пригнутою къ груди головой, съ раздутыми ноздрами и чутко поднятыми ушами, кака

ловкая рука управляла имъ, какъ коромыс былъ этотъ воядникъ въ желтыхъ перчаткахъ и въ своемъ изящномъ верхомомъ костюмѣ песочнаго цвѣта! Наружность Бѣлоградскаго не столько была мужественна, сколько благородна; не столько сильна, сколько горда. Этотъ стройный станъ, смуглый цвѣтъ лица, томный взглядъ темносѣрыхъ глазъ... да, онъ былъ очень изященъ. Бросивъ поводья на шею лошади, онъ ловко соскочилъ съ нея и привязалъ ее къ дереву.

— Въ какую даль вы забрались, говорилъ онъ, остановившись передъ нами и опустивъ свой мягкій взглядъ на меня.

— А мы судили о твоёмъ разводѣ, сказала Маша, повернувшись къ брату свое смѣющееся личико.

— О моёмъ разводѣ? И черныя брови его поднялись съ приличнымъ изумленіемъ.

— И я говорю, продолжала Маша, сложивъ свои руки одна на другую:—что ты такой же идеалистъ, какъ вотъ эта госпожа. Я никогда не разошлась бы съ мужемъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ измѣна.

Холодное достоинство разлилось по прекрасному лицу Бѣлоградскаго, и задумчивый взоръ его спокойно устремился вдаль.

— А женщина чѣмъ же грѣшнѣе? продолжала она, не смотря на брата и съ личикомъ уже ярко горѣвшимъ.—Что вы извиняете самими себѣ, того смѣшно не извинить и женщинѣ. Это не либерально.

— Не поражаютъ васъ ея понятія? обратился Бѣлоградскій тихо и съ достоинствомъ ко мнѣ.

Не зная его мнѣній на счетъ этого предмета, не зная, что онъ хочетъ сказать, я отвѣтила ему прилично вопросительнымъ взглядомъ.

— То легкомысліе, продолжалъ Бѣлоградскій, обращаясь съ серьезнымъ тономъ къ сестрѣ,—съ которымъ ты относишься къ семейнымъ связямъ, меня всегда возмущало. Ты унижаешь въ этомъ случаѣ достоинство женщины, унижаешь самое себя... Мнѣ, говорю тебѣ прямо, весьма тяжело видѣть въ сестрѣ эту умственную, не скажу развращенность, а скорѣй путаницу.

Бѣлоградскій, кончивъ рѣчь, взглянулъ на меня, я сидѣла молча и потупившись.

Маша, между тѣмъ, при потокѣ словъ брата, присмирѣла.

— Я ненавижу всѣхъ мужчинъ, рѣшила она наконецъ, опи-

раась локтями къ себѣ на кофѣнн, и никогда не выйду замужъ.

При видѣ этого безсилія, заявленнаго такъ открыто, спиноходительность блеснула въ глазахъ Бѣлоградскаго и, наклонившись къ сестрѣ, онъ протянулъ ей руку.

— Дѣвушка, и не хочешь выходить замужъ! Есть ли на свѣтѣ образованный мужчина, который могъ бы, не оскорбляясь, слышать это? сказалъ онъ преувеличенно обиженнымъ тономъ.—Я предаю все это забвенію, но съ условіемъ немедленнаго примиренія.

И во взглядѣ, обращенномъ на сестру, было столько симпатіи, въ его улыбкѣ столько мягкости, что Маша, хмурясь и улыбаясь, приняла наконецъ протянутую руку, и тихо выговорила:

— Садись, Josephe, съ нами.

Онъ поднималъ голову и выразительно взглянулъ на меня, какъ будто спрашивая моего разрѣшенія. Я принуждена была подвинуться и уступить ему мѣсто подлѣ себя.

— Этотъ годъ, началъ онъ тихо, усаживаясь подлѣ меня,—навсегда останется для меня свѣтымъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Это было очень пріятно слышать, но отвѣчать на это очень трудно, и я сочла за лучшее молчать.

— Я никогда не любилъ лихорадочной жизни Петербурга, продолжалъ онъ, ударяя хлыстикомъ повода. Но въ то же время, вѣтъ столицъ мнѣ трудно найдти себѣ дѣятельность. Черезъ двѣ недѣли я ѣду отсюда, вѣроятно навсегда; можетъ-быть намъ никогда не придется съ вами встрѣтиться. Будете ли вы иногда вспоминать меня?

Съ послѣдними словами онъ быстро поднималъ голову и погружалъ своей глубокой взглядъ въ мои глаза.

— Я буду помнить васъ, отвѣтила я, подумавъ и отвертываясь отъ него.

Маша вдругъ соскочила, и сдѣлавъ прыжокъ, очутилась въ два мгновенія на пригоркѣ. Это меня нѣсколько удивило, и я опять взглянула на Бѣлоградскаго, который сидѣлъ, задумавшись и не поднимая головы.

— Я не благодарю васъ, началъ онъ снова, не отводя глазъ отъ воды, и голосъ его былъ уже взволнованъ:—слова ничего не скажутъ; я видѣлъ у Маши вашъ портретъ....

— Да?

— Другой женщиной я не сказал бы этого, но вы умны и не сочтете мою просьбу за дерзость. Почему портретъ, саросилъ онъ уже шепотомъ, наклонивъ голову къ водѣ: — который находится у Машы, не можетъ перейти въ руки того, для кого онъ сдѣлается святыней?

Отъ слова „святыня“ меня покорило; но я промолчала; я смотрѣла на дремучій садъ, который, отдаваясь отъ насъ, убѣгалъ въ темноту ночи.

— Для одного лица эта вещь, продолжалъ онъ тѣмъ же звучнымъ шепотомъ, бѣгло взглянувъ на меня, — игрушка, для другого она счастье, драгоценность. Кто имѣетъ больше правъ на нее?

— Но я ужь отдала Машѣ свой портретъ и не могу взять его обратно.

— Она отдастъ его мнѣ...

Я посмотрѣла съ боку на благородный профиль Бѣлоградскаго и задумалась. „Что такое мой портретъ? Кажется ничего... По крайней мѣрѣ для меня, но для Бѣлоградскаго?— Да, онъ придаетъ ему громадную цѣну: какое право я имѣю сомнѣваться въ его словахъ? Онъ хорошій человекъ. Богъ съ нимъ, пусть владѣетъ моимъ портретомъ, если онъ такъ дорогъ для него...“

— Я не стану ничего говорить противъ желанія Машы, проговорила я.

Онъ быстро поднялъ изумленный взглядъ на меня и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ протянуть руку ко мнѣ, но въ это мгновеніе Маша снова, Богъ знаетъ какими судьбами, очутилась подлѣ насъ; она ударила меня легонько по плечу, и звонкій голосокъ ея прозвучалъ надъ моимъ ухомъ:

— Александръ Сергѣичъ на горѣ.

Въ звукѣхъ этого голоса было столько тревоги, что я невольно улыбнулась. Машинально отодвинувшись отъ Бѣлоградскаго, я подняла голову. Сумерки давно уже сгустились; молоденькій мѣсяцъ стоялъ надъ горами; желтый холмъ осеребрился, и въ прозрачной синевѣ ярко обрисовалась мужественная фигура Александра Сергѣевича.

— Soyez le bien venu, сказала Маша, кивая головкой.

Александръ Сергѣевичъ постоялъ еще, какъ будто дожидаясь чего-то, и наконецъ молча сталъ спускаться. Онъ привыкъ ходить по горамъ, и я не боялась, что онъ упадетъ. Вступивъ на каменный полъ, онъ поклонился, съ своимъ невозму-

тишим равнодушіемъ, Машѣ и обратилась, не взглянувъ на меня, къ Бѣлоградскому.

— Я къ вамъ, Осипъ Александрычъ: пришелъ узнать, прислали ли вы управляющаго?

Бѣлоградскій поднялся съ холоднымъ достоинствомъ.

— Такъ вы окончательно рѣшились? спросилъ онъ тономъ челоуѣка, который не знаетъ что отвѣчать на вопросъ и начинаетъ таяуть разговоръ.

Длиныя брови Александра Сергѣевича слегка сдвинулись, и глаза безцѣльно устремились на мостъ. Онъ молчалъ.

— Отчего вамъ не остаться у насъ, сказала Маша, смѣясь:— мы погибнемъ безъ васъ!

— Я ужъ говорилъ вашему брату, почему я не могу остаться здѣсь, отвѣтилъ онъ, опутивъ глаза на Машу.

— Но я не знаю....

Онъ прислонился спиной къ бесѣдкѣ и долго молчалъ.

— Нѣтъ у меня никакой охоты служить здѣсь, началъ онъ, наконецъ.—Интересы разрознились; всякій таветь въ свою сторону. Вамъ лучше самой, Марья Александровна, остаться здѣсь, да и брату вашему также. Безъ жертвъ, разумѣется, не обойдется; но что жъ дѣлать? Вы русскій дворянинъ, отвѣсся онъ къ Бѣлоградскому, — и понимаете это дѣло лучше чѣмъ кто другой.

Бѣлоградскій при словахъ „вы русскій дворянинъ“ выпрямился.

— Да, мы надѣемся, отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ и въ голосъ его зазвучало волненіе:—что все это дѣло кончится мирно. Мы, русскіе дворяне, оставляемъ одну привилегію за собой: память о себѣ въ потомствѣ.

Брови Александра Сергѣевича сдвинулись. Фраза Бѣлоградскаго не должна была придтись ему по сердцу. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ видѣлъ вовсе не великодушіе со стороны дворянства, а простую историческую необходимость.

— Такъ какъ же, Осипъ Александрычъ, началъ онъ опять съ невозмутимымъ равнодушіемъ: — управляющаго-то вѣдь все-таки надо.

— Я завтра дамъ вамъ окончательный отвѣтъ, сказалъ Бѣлоградскій.

При этомъ обѣщаніи Александръ Сергѣевичъ чуть замѣтно улыбнулся и, безцѣльно посмотрѣвъ на мостъ, повернулся къ Машѣ.

— Вы посылали за мной?

— Да, отвѣчала она съ увлеченіемъ,—я хотѣла благодарить васъ за Иванова. Вы сдѣлали доброе дѣло. Онъ съ этими деньгами найдетъ себѣ занятіе, вы очень добры!

Александръ Сергѣевичъ пробормотавъ, что все это не стоить благодарности, снова обратился къ Бѣлоградскому.

— Сегодняшнюю ночь я ѣду въ городъ. Вы свой отвѣтъ передайте члену конторы Косаченку. А я приду домой и дамъ знать ему...—И помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ:

— Готовы вы, Наталья Алексѣевна?

Зная, что Александръ Сергѣевичъ ведетъ мои дѣла; Маша и Бѣлоградскій нисколько не удивились этому приглашенію. Маша даже вызвалась проводить меня до опушки сада. Братъ посѣдовалъ за ней. Но Александръ Сергѣевичъ замѣтно остался не совсѣмъ доволенъ этими проводами; по крайней мѣрѣ, въ продолженіи всей дороги, пока они шли съ нами, онъ не поднималъ головы и не расправлялъ сдвинутыхъ бровей. Онъ любилъ быть со мной наединѣ; но мнѣ было пріятнѣе когда съ нами былъ кто-нибудь третій. Въ присутствіи постороннихъ самое чувство мое къ Александру Сергѣевичу дѣлалось какъ-то теплѣе. Теперь также: идя подлѣ Маши, я думала, что хотя онъ дѣлаетъ все только для себя, для своего удовольствія, но натура у него хорошая, и ея требованія большею частію добрыя. Изрѣдка взглядывая на его суровое лицо, я начинала надѣяться, что, авось, мы заживемъ съ нимъ мирно.

— Процессъ вашъ съ братомъ конченъ, сказалъ онъ, проводивъ глазами Бѣлоградскихъ и подавая мнѣ руку.—На вашу долю пришлось пятнадцать тысячъ,—это весьма не много. Но совѣсть моя спокойна; я сдѣлалъ все что было въ моей власти. Въ началѣ процессъ велся не мной, запрещеніе на продажу имущества вашего брата никто не позаботился наложить, и онъ распродалъ все что могъ.

Я хотѣла что-то сказать, но опустила голову и промолчала. Еще за минуту предъ этимъ я восхищалась его добрымъ дѣломъ; но теперь всѣ прежнія мысли выскочили у меня изъ головы при словахъ: процессъ конченъ! Неужели я сдѣлаюсь его женой, неужели это неизбѣжно, и я чувствовала какъ руки и ноги у меня холодѣютъ. Весь мостъ я прошла, не поднимая глазъ; у меня изъ ума не выходила безвозвратность

того шага, который мнѣ предстоялъ. И что-то въ родѣ презрѣнія къ себѣ, ненависти къ тому человѣку, который съ спокойнымъ духомъ пріобрѣтаетъ меня въ свою собственность, шевельнулись въ моей душѣ.. Замѣтивъ, что мысли мои начинаютъ путаться, я быстро подняла голову и взглянула въ лицо своему спутнику. Онъ не смотрѣлъ на меня, лицо его было сурово, спокойно и даже нѣсколько печально.

— Брата вашего оставили въ подозрѣніи, началъ онъ опять не смотря на меня:—это весьма малое возмездіе за его поступка. Но явныхъ уликъ не было. Онъ мерзавецъ съ ногъ до головы. Послѣдній его поступокъ завершилъ всѣ остальные: жену и дочь онъ бросилъ безъ куска хлѣба, а самъ подхватилъ какую-то Француженку и ускакалъ съ ней въ Петербургъ.

— Вы говорите она безъ куска хлѣба? спросила я съ живостью, въ одно мгновеніе почувствовавъ всю цѣну своихъ денегъ.

Онъ медленнымъ повернулъ ко мнѣ свое лицо и молча посмотрѣлъ на меня.

— Она хорошая женщина, сказала я:—матушка очень любила ее; братъ не стоилъ ея мизинца.

Онъ нагнулъ голову въ знакъ согласія.

— Даяменя одной будетъ десяти тысячъ; это вполнѣ обезпечить мою личность, а треть своихъ денегъ я желаю отдать имъ.

— Это ваше дѣло. Но отъ кого вы думаете обезпечивать вашу личность? прибавилъ онъ, пристально взглянувъ на меня.

Я сжала ротъ.

— Вѣрно отъ мужа! продолжалъ онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:—это вопросъ модный.

— Не модный, а очень естественный: братъ мой можетъ служить доказательствомъ тому.

— И вы меня въ этомъ случаѣ смѣшиваете съ вашимъ братомъ? спросилъ онъ, смотря на меня безъ всякаго выраженія.

Увидѣвъ свою опрометчивость, я покрасѣла и нахмурилась.

— Это хорошо, пробормоталъ онъ отрывисто.

— Я отказываюсь отъ своихъ словъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы поняли ихъ.

— Наврася! Лишній трудъ! сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія:—слова эти до того не походятъ на васъ, что я имъ не придаю никакого значенія.

И въ самомъ дѣлѣ, остановившись у моихъ воротъ, онъ уже съ своею обыкновенною простотой подаль мнѣ руку.

— Вы подпишете бумагу, которую я пришлю къ вамъ съ Васиіемъ, оказалъ онъ.

Я молча поклонилась ему, но онъ не выпускалъ моей руки и не сводилъ своихъ синихъ глазъ съ моего лица. „Долго ли это будетъ продолжаться“ подумала я, не зная куда дѣвать свои глаза и лицо.

— Вы не скажете мнѣ ничего на прощанье! спросилъ онъ наконецъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути, отвѣтила я.

— И только?

„Чего же больше,“ подумала я въ недоумѣніи.

— Вижу, что нечего, сказалъ онъ холодно:—полноте ломать голову; прощайте!

И медленно повернувшись, онъ пошелъ къ мосту. Я провожала его глазами вплоть до его дома, но онъ ни разу не оглянулся. Это было его обыкновеніе: возвращаться къ старому и оглядываться назадъ онъ не любилъ.

VIII.

Съ самаго утра Лиза была не въ духѣ. Во время чая она смотрѣла въ разные стороны, упорно избѣгая всякой встрѣчи съ моимъ взглядомъ. Это недовольство заняло меня тѣмъ болѣе что видимыхъ причинъ къ нему не было никакихъ. Напротивъ, въ послѣднее время мы поладили съ нею какъ нельзя больше: цѣлая полтора недѣли я сидѣла дома, и каждый часъ, каждую минуту она могла видѣть меня и разговаривать со мной.

— Если ты, Лиза, здѣсь останешься, начала я наконецъ мягко,—то я отдамъ тебѣ овою черную корову и все обзаведеніе; съ этимъ приданымъ тебя возьметъ славный женихъ.

Однакожь мои слова попали не туда куда мѣтили. Лиза вспыхнула и, поджавъ руки, принялась глядѣть въ окно; но я не хотѣла отступать.

— И куръ отдамъ, и пѣтуха тоже, добавила я.

— Пересмѣшницы вы, Наталья Алексѣевна, извѣстная пересмѣшницы.

— Извини меня, Лиза, но я не понимаю тебя! По моимъ помятіямъ, тебѣ лучше пристроиться (глаза ея искосились)

— выйдти замужъ за какого-нибудь мастерового или зажиточнаго крестьянина.

Лица повела плечомъ.

— Не пойду я за крестьянина, посмотрѣлась житья-то крестьянскаго.

— За кого же ты пойдешь? Вѣдь сколько ни живи въ дѣвухахъ, а сердце потребуеть ласки, проговорила я съ невольнымъ вздохомъ.

Лица начинала смягчаться, и раза три взглянула на меня съ охотой.

— Да вонъ хоть Василій Петровичъ!.. сказала она, разглядывая что-то на дворѣ съ большимъ вниманіемъ:—онъ, пожалуй, не прочь жениться на мнѣ... Да не пойду я за такую образину.

— Про какого это Василя ты говоришь? спросила я съ замираніемъ сердца.

— Чтò вы оставились на меня. Служитель барина вашего. Чѣмъ онъ не женихъ. Все ужъ не мастеровому чета.

Я не смѣла всплеснуть руками и скромно опустила глаза.

— Помилуй, Лизанька, на какое ты тутъ счастье надѣешься? Вѣдь онъ старше тебя вдвое. Ну а чтò до наружности, добавила я, въ смущеніи:—ты сама знаешь....

Но едва успѣла я выговорить эти слова, какъ Лица выпрямилась въ страшномъ негодованіи.

— И вашъ-то баринъ не ровесникъ вамъ, какъ же вы съ нимъ сговорились? почти вскричала она и потомъ, помолчавъ, какимъ-то ожесточеннымъ голосомъ прибавила:—Барышня-то изъ большаго дома опять заходила, значить, къ вамъ. Пришла сегодня ни свѣтъ, ни заря, да такъ и дѣветъ въ комнату. Я говорю: спать, спать. Ну такъ, говоритъ, скажи ей, пусть она безпремѣнно зайдетъ ко мнѣ; мнѣ, говорить, очень нужно.

„А, такъ вотъ чтò было твоею дѣвою ногой сегодня,“ подумала я. „Но зачѣмъ однако Маша зоветъ меня. Я кажется, говорила ей, что съ гостями ея мнѣ нечего дѣлать; ходить мнѣ къ ней каждый день также невозможно, потому что у меня дома есть дѣло, и она согласилась со мною. Развѣ что Бѣлоградскій.... Да, онъ измѣнилъ неожиданно свое аристократическое обращеніе со мной и заходилъ на этой недѣлѣ, къ великому моему удивленію, два раза ко мнѣ. Но звать меня?... Нѣтъ, онъ не станетъ звать меня къ Машѣ или черезъ

Машу, онъ слишкомъ для этого деликатенъ.“ Взглянувъ на часы, я увидѣла, что стрѣлка стоитъ на десяти, между тѣмъ Александръ Сергѣевичъ обѣщался придти ко мнѣ въ двѣнадцать; стало-быть, времени у меня оставалось довольно, и я молча вышла изъ комнаты.

Еще издали, далеко не доходя до цѣли своего страствованія, я была поражена шумомъ, который несся изъ воротъ и оконъ большого дома. Весь дворъ былъ наполненъ людьми, экипажами, лошадьми; въ открытыхъ окнахъ мелькали нарядныя женщины, черные и сѣрые сюртуки мужчинъ; далѣе по длиннымъ корридорамъ бѣгали, изогнувъ локти, лакеи съ большими подносами въ рукахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Еще далѣе я встрѣтила саужанокъ Машу,—молоденькихъ дѣвушекъ, въ барежевыхъ платьяхъ, разноцвѣтныхъ сѣткахъ на головахъ и пышныхъ криolinaхъ. Въ залахъ,—разряженныя барыни, барышни, пестрые жилеты, блестящіе мундиры, эксельбанты, эпидеты и цѣлый потокъ шутокъ, смѣху, говору, фразъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ. Если я шла сюда съ желаніемъ пройти незамѣченною, то теперь, заглядѣвши на праздничный шумъ, я остолбенѣла, какъ деревенская босоногая дѣвочка пріѣхавшая въ первый разъ въ многолюдный городъ на ярмарку. Къ счастью моему, никто не замѣтилъ ни меня, ни моего неприличнаго удивленія. Что если-бы Бѣлоградскій увидѣлъ меня одну у дверей залы въ сѣренькомъ холстинковомъ платьѣ съ открытымъ ртомъ? О! одна эта мысль при видѣ его изящной фигуры (онъ въ это время разговаривалъ у окна съ молоденькою женщиной, брюнеткой, очень красивою, которую я нерѣдко видала у Машу), одна эта мысль привела меня въ себя и заставила поспѣшно обратиться въ Машину комнату. Здѣсь я начала разсуждать сама съ собою о томъ какъ мало гожусь я для этого свѣтскаго кружка; что путь мой совершенно отдѣленъ отъ всѣхъ этихъ блистательныхъ дамъ и кавалеровъ. Я не умѣла отозваться безпечнымъ смѣхомъ на звонкій смѣхъ; вызвать улыбкой шутку, острое слово; не умѣла я весело болтать, увлекать за собой, и наконецъ, мнѣ казалось, я не умѣла даже любить какъ женщина любить мужчину. Смотря на дѣвушекъ однихъ лѣтъ со мной и оглядываясь на себя, я начинала казаться чужою самой себѣ; все во мнѣ было не такъ какъ въ другихъ. Свое положеніе на мѣсто Машу я не промѣняла бы ни за какія

блага, я не сумѣла бы ничѣмъ распорядиться, а еслибъ и привыкла къ этой обстановкѣ, то все-таки не внесла бы въ нее ни оживленія, ни увлеченія. А Маша? На балахъ, подѣ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ, ей было ловко какъ уткѣ въ водѣ.

Въ настоящее утро Маша была, кажется, лучше чѣмъ когда-либо. Глаза ея сверкали заодно съ брилліантами, въ улыбкѣ ея было только самоупоенія, въ движеніяхъ столько лѣвы и бархатистой мягкости кошки, что я заглядѣлась на нее. Она замѣтила мое удивленіе и перетолковала его по своему.

— Скажите мнѣ, Наташа, обратилась она ко мнѣ: — вы счастливы?

— Да.

— Жизнь ваша полна?

— Поживѣ этой я не испытала.

— И ни къ чему вы не стремитесь?

— Нѣтъ человѣка, который бы ни къ чему не стремился.

— А вы чего желаете?

Смотря въ ея любопытные черные глаза, я улыбнулась.

— Что значить эта улыбка? спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я вспомнила о своей черной коровѣ.

— Ну?

— Было бы не дурно, еслибъ она намъ съ Лизой давала побольше молока.

Она откинулась на спинку кресель, и смотря на меня съ значавымъ укоромъ, закачала головой.

— И вы можете такъ отвѣчать мнѣ? Мнѣ, владѣтельница всего этого необозримаго пространства, царицѣ горъ и полей?— Глубокій вздохъ вырвался у нея изъ груди и, опрокинувъ головку, она устремила глаза на потолокъ:— а мы ѣдемъ кататься сейчасъ, и мнѣ скучно. Что за глупыя тамъ дѣвочки, что за бессмысленныя фаты! Ни одной свѣжей мысли, ни одного живаго слова. Съ вами хотѣлось бы мнѣ отдохнуть. Знаете, Наташа! Возьмите назадъ слово и приходите ко мнѣ чаще. Слышите, я требую отъ васъ этой услуги, а не то.... не то я стану кокетничать съ Зарятымъ, заключила она до того неожиданно, что остановилась сама, какъ будто въ удивленіи отъ этой мысли, и вдругъ залилась своимъ увлекательнымъ смѣхомъ.

Она хохотала долго, хохотала до слезъ.

— Одно только, продолжала она какъ бы раздумавъ:— Заря-

тинъ не ходитъ ко мнѣ; какъ бы это устроить?... О чемъ вы задумались? обратилась она вдругъ ко мнѣ.

— О томъ, что если Александръ Сергѣичъ влюбится въ васъ, такъ вамъ не разыграть съ нимъ комедию, отвѣчала я, чувствуя какъ блѣдность разливается у меня по лицу.

— *Enfant que vous êtes!*

Я встала.

— Куда? Не домой ли? Не бывать этому! Вы должны остаться у меня.

— Это невозможно.

— Какъ?

Я помолчала, подумала и начала прощаться съ ней.

— Вамъ не хочется?—Она задумалась.—Ну такъ за Зарятина примусь!

Мама засмѣялась, потомъ дружески-вкрадчиво сжавъ мнѣ руки и съ умилениемъ взглянувъ на меня, прибавила съ лукавою улыбкой:

— Устройте это какъ-нибудь!

— Какъ могу я это устроить, Мама? Онъ человѣкъ не свѣтскій.

— Чудовище идеализма, вскричала она, вся покраснѣвъ и открывъ свои жемчужные зубы.—Вы тутъ ничего не смыслите, шепнула она, наклонившись къ моему уху:—конфеты надѣла мнѣ, а Зарятинъ? тутъ-то вся и прелесть... Я скажу ему: *Was ist ohne Liebe die Erde, was der Himmel ohne Lust*, и онъ согласится со мной. Но, Наташа, прибавила она утомленно-скорбнымъ тономъ:—я не шучу; пришлите Зарятина.

— Какъ прислать? спросила я быстро.

— Скажите, что я приглашаю его, и только. Неужели вамъ это трудно?

— А дальше?

— Дальше—ничего!

Разумѣется, передать Александру Сергѣевичу приглашеніе Маши для меня ничего не стоило, но пойдетъ ли онъ, — это другой вопросъ. Я была увѣрена, что онъ не пойдетъ, но Мама, кажется, думала напротивъ.

Покинувъ большой домъ, я все думала, отчего это Машѣ пожелалось видѣть у себя Зарятина. Правда, она всегда жаловалась на пустоту свѣтскаго общества, скучала въ немъ; но почему же Зарятинъ, къ которому она не чувствовала до

силъ поръ ни малѣйшей симпатіи, оказался вдругъ способнымъ замѣнить его.

Въ этихъ размышленіяхъ я вышла за ворота. Солнце жгло кровли, улицы, разсыпалось на площади, отражалось отъ гладкой поверхности пруда. Остановившись за воротами, я поглядела на площадь, на флигель Бѣлоградскаго, на садъ, опущившійся къ рѣчкѣ, и пройдя мимо флигеля, свернула въ первую калитку сада. Здѣсь знойное царство солнца исчезало. Густыя деревья бросали отъ себя длинныя тѣни, свѣжесть отъ рѣчки пошла воздухъ, въ густотѣ листвы щебетали птицы, въ травѣ звенѣли кузнечики. Я обогнула шпалерникъ розовыхъ кустовъ, прошла двѣ длинныя аллеи и наконецъ, рассчитавъ, что выйду прямо противъ моста, спустилась къ послѣдней калиткѣ, которая выходила на рѣчку.

— Нѣтъ, тетушка, раздался вдругъ около меня голосъ Бѣлоградскаго,—вы судите неосновательно.

Я стремительно бросилась къ густому вязу, и вѣтви его закрыли меня со всѣхъ сторонъ. Притаивъ дыханіе, я ждала.... шаги идутъ.... замедлились.... вотъ они остановились на перекресткѣ аллей.

— Нѣтъ, тетушка, продолжалъ Бѣлоградскій сухо, послѣ некотораго молчанія:—вы несправедливы: увидѣвъ ея дневникъ, вы обязаны были не читать его, а передать его ей. Я не хочу знать, что тамъ написано и изъ какого источника вы почерпнули убѣжденіе о ея любви къ Зарягину; но еслибы вы потребовали моего мнѣнія насчетъ этого предмета, я сказалъ бы вамъ то же, что сказалъ ей: мнѣ было бы очень жестко предложеніе Зарягина. Я скажу даже больше: когда вы были моложе, и вы думали иначе: по крайней мѣрѣ, я ничѣмъ новымъ не могу объяснить себѣ вашъ бракъ съ Горскимъ. Зарягинъ—человѣкъ богатый; онъ покупаетъ пять тысячъ десятинъ на границахъ здѣшней губерніи, онъ будетъ такой же землевладѣлецъ какъ мы всѣ,—чего же больше?

Послѣднія слова довелись до моего слуха уже изъ другой аллеи. Племянникъ и тетушка прошли мимо, и шаги ихъ мало-по-малу, удаляясь, замерли вдали. Я еще долго стояла, не будучи въ состояніи опомниться отъ всего слышаннаго мной. Мама любитъ Александра Сергѣевича, пробѣгало у меня въ головѣ, ей хочется за него замужъ?—вотъ какую игру затѣваетъ она! Хочетъ замужъ! Теперь я отчетливо понимала только одно: Александръ Сергѣевичъ женихъ мой,

но не мужъ еще и я не имѣю никакого нравственнаго права отстранять его отъ Машы. Пусть онъ идетъ куда хочетъ, при первомъ холодномъ словѣ его, я возвращу ему слово. Если Маша думаетъ за него выйти замужъ, и онъ вздумалъ бы на ней жениться, я не шевельнула бы пальцемъ чтобъ удержать его за собой. Хотя, можетъ-быть, мнѣ было бы и жалъ его: вѣдь все-таки онъ цѣлый годъ былъ моимъ женихомъ; шесть лѣтъ я жила около него...

Лиза выбѣжала ко мнѣ далеко, за ворота, на встрѣчу.

— Ужь вы вѣчно такъ, Наталья Алексѣевна, уйдете да и утонете; васъ баринъ дожидается.

— Давно онъ ждетъ меня?

— Чуть не цѣлый часъ! вскричала она, мотнувъ головой, и безъ оглядки убѣжала назадъ.

Въ другой разъ, мнѣ, можетъ-быть, сдѣлалось бы неприятно оттого что я заставила Александра Сергѣевича ждать себя; но теперь, думая о Машѣ, я равнодушно отворила дверь и вступила въ комнату.

Онъ сидѣлъ, по своему обыкновенію, облокотившись на окно, и смотрѣлъ въ огородъ; но при первыхъ моихъ шагахъ въ комнату, онъ повернулъ голову.

— Я заставила васъ ждать себя, проговорила я.

— Вы были у Бѣлоградской?

— Да.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на мой лобъ, потомъ взгляды его прошелся по моему носу, рту и наконецъ, по всей фигурѣ. Послѣ этого изслѣдованія, онъ еще разъ взглянулъ мнѣ въ глаза, и медленно отвернувшись отъ меня, снова облокотился на окно.

Ясно, что онъ былъ не въ духѣ. Я не знала зачѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ. Увидѣвъ наканунѣ за оградой Лизу, онъ велѣлъ ей передать мнѣ, что зайдетъ ко мнѣ завтра, утромъ, въ двѣнадцать часовъ. Еслибъ онъ думалъ провести со мной досугъ, то выбралъ бы, конечно, вечеръ, а не утро.

— Маша звала меня къ себѣ, сказала я.

Онъ повернулъ ко мнѣ голову, и взгляды его вѣззася въ мое лицо.

— Она скучаетъ, продолжала я,—скучаетъ оттого что никого изъ ея друзей нѣтъ на ея балахъ; она звала меня къ себѣ.

Иронія блеснула въ его глазахъ, пристально глядѣвшихъ на меня.

— Ну дальше-то что же, сестра милосердія?... Вѣдь сердце у васъ пресострадательное, проговорилъ онъ.

— А дальше то, что я пойду къ Мамѣ, если вы не заѣдете меня.

Александръ Сергѣевичъ долго молчалъ, какъ будто соображая что-то, наконецъ медленно отстегнулъ сюртукъ, и вынулъ изъ кармана, знакомый мнѣ, исписанный листокъ, обратился ко мнѣ.

— Вы въ послѣднее время, началъ онъ ровно и медленно: — похудѣли, подурнѣли и поблѣднѣли. Я помню васъ четыре года назадъ здоровою, румяною дѣвочкой. Я хочу васъ видѣть сытою, довольною, нарядною, а главное—здоровою. Какъ только мы обвѣнчаемся, я повезу васъ лѣчиться; а вотомъ уже выберемъ мѣсто, гдѣ бы навсегда поселиться. На дняхъ я посылаю къ вамъ швею; вы заказывали ей платье и бѣлье, но, какъ замѣтно изъ этого списка, вы и не помышляете, гдѣ мы поселимся. Мы станемъ жить далеко отъ городовъ; вамъ слѣдуетъ заготовить всѣмъ необходимымъ.

— Въ этомъ списокѣ все необходимое.

— Стало-быть, изъ четырехъ платьевъ будетъ состоять весь вашъ гардеробъ, и на триста рублей вы думаете соорудить себѣ все приданое?

— У меня вѣтъ состоянія дѣлать лучше.

— Состояніе есть у меня.

— Ваше и мое состояніе двѣ вещи разные, сказала я.

Онъ при этомъ постарался улыбнуться.

— По обыкновенію прежде упорство и отчужденіе, началъ онъ. Я очень хорошо знаю, что вы не удостоите меня ни одною просьбой, ни одною жалобой. Живите, какъ находите лучшимъ для себя: стѣснять васъ я не стану. Но дѣло въ томъ, что у насъ могутъ быть дѣти; для нихъ потребуется воспитаніе и бодрствующая, здоровая мать.

— Я не лѣнива отъ природы. Но покажѣте еще этихъ дѣтей вѣтъ, да, можетъ-быть, ихъ и совсѣмъ не будетъ, отвѣтила я и покраснѣла.

— Будутъ! сказалъ онъ твердо, послѣ минутнаго созерцанія моей физиономіи.—Я не романтикъ по природѣ, но отъ одной мысли о вашихъ дѣтяхъ, сердце мое замираетъ; эти дѣти свяжутъ насъ. Нынѣшнею весной я поѣду убитковъ

тысячъ на пятьдесятъ. Въ бывшее время это только подстрекнуло бы меня; дѣла будили у меня нервы; но нынче я думала объ васъ, о томъ что я дѣлаюсь семьяниномъ, и я рѣшился бросить дѣла.

— Къ убыткамъ вамъ не привыкать, проговорила я, вспоминая, что онъ разъ до десяти былъ на краю гибели.

Морщины набѣжали на его лобъ.

— Разумѣется, пробормоталъ онъ:— мои интересы не касаются васъ.

Я промолчала.

— И если мы даже разворимся совсѣмъ, вы не поморщитесь? „Мы,“ что за „мы!“ подумала я, какъ будто тутъ есть что-нибудь мое.

— Я ко всему приготовилась, отвѣтила я равнодушно, отвертываясь отъ него.

— Ну, да, рѣшилъ онъ, вставая, — вздумайся вамъ еще на годъ отложить нашу свадьбу, и я совсѣмъ раззорился бы. Но этого не можетъ быть. Черезъ двѣ недѣли мы обвѣчаемся.

Я поблѣднѣла, и быстро обернувшись, взглянула ему въ глаза.

— Я человекъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мой взглядъ, и въ жилахъ у меня течетъ тоже кровь.

Я не спускала съ его неподвижнаго лица глазъ и видѣла какъ румянецъ мало-по-малу разливался у него по щекамъ.

— Я ломалъ себя, какъ оселъ, безъ всякой разумной цѣли, цѣлый годъ, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и ждаль дольше у меня не хватаетъ силъ. Въ это время у меня только и заботы было какъ бы поддакивать вашимъ прихотямъ. Задумалось вамъ дожидаться конца вашего процесса съ братомъ—я покорился. Показались вамъ предосудительными мои ласки, я воздерживался отъ нихъ; нѣжныя слова—и они вычеркнуты мной изъ нашего словаря. Я чувствую, что вы деспотически схватили меня за голову, за сердце и безъ всякой пощады тиранствуете надо мною.

Я покраснѣла и съ досадою посмотрѣла на него.

— Это такъ должно быть, сказалъ онъ, и взявъ со стола фуражку, вышелъ изъ комнаты.

Проводивъ его глазами, я заглянула въ свое будущее, вздохнула и принялась за работу, которая состояла въ шитьѣ и кроеннѣ разныхъ мелочей ко дню нашей свадьбы.

IX.

Весь мой гардеробъ состоялъ изъ четырехъ платьевъ, двухъ будничныхъ и двухъ праздничныхъ, изъ которыхъ одно я носила по воскресеньямъ, а другое свѣтло-голубое кисейное приберегалась мной для торжественныхъ случаевъ. Стало-быть, затрудняться въ выборѣ наряда мнѣ было нечего. Лица еще наканунѣ готовила мнѣ пышныя юбки и теперь, смотря какъ я одѣваюсь, любовалась мной. Только головнымъ уборомъ своимъ я не могла удовлетворить ее. Собирая волосы постоянно въ одну косу, я до того привыкла къ этой прическѣ, что всякой другой она рѣшительно сопротивлялась. Я могла только переменить старый гребень на новый. Золотыхъ украшеній у меня также не было никакихъ, кромѣ одного опаловаго колечка, которое Александръ Сергѣевичъ подарилъ мнѣ, сдѣлавшись моимъ женихомъ. Это колечко не столько было дорого для меня по своей цѣнности, сколько потому что оно принадлежало нѣкогда его матери. Подумавъ, я надѣла его въ этотъ разъ. Въ день рожденія Мамы мнѣ рѣшительно невозможно было не быть у нея; къ тому же наканунѣ она сама приходила за мной; я могла отказаться только отъ ея бала, но должна была, обѣцаясь ей придти послѣ обѣда и просидѣть у нея вплоть до вечера. На этомъ мы порѣшили, и теперь, разодрвшись, я отправилась къ ней.

Въ жизнь свою я не испытала такого недовольства и затрудненія какъ въ этотъ разъ, пробираясь въ садъ между деревьями. Сначала до моего слуха донесся говоръ. Я отошла въ сторону. Потомъ предо мной между деревьями замелькали голубыя и розовыя платья: я опять въ сторону, и неожиданно для себя самой очутилась у самыхъ крайнихъ деревъ предъ террасой. Отсюда въ одно мгновеніе предо мной открылось все чего я такъ опасалась. Здѣсь находился весь окрестный beau-monde. Впереди всѣхъ, облокотившись на чугунныя перила, стоялъ Бѣлоградскій и разговаривалъ съ тою же брюнеткой, съ которою я видѣла его въ первый разъ. Во взглядѣ его теперь замѣчалось больше лѣни чѣмъ спокойной задумчивости, въ позѣ болѣе распуше-

ности чѣмъ сдержаннаго достоинства. Онъ курилъ сигару и не трудно было угадать, что онъ находился въ послѣбѣденномъ настроеніи духа. У самыхъ дверей Маша, въ свѣтлозеленомъ платьѣ, болтала съ Александромъ Сергѣевичемъ. Для того чтобъ осмотрѣть все это, требовалось не больше двухъ, трехъ мгновеній, и я могла бы конечно отретироваться съ большимъ удобствомъ, еслибы розовыя и голубыя платья не появились вдругъ подлѣ меня. Нѣсколько паръ бойкихъ глазъ устремились на меня, и потому все это, продолжая смѣяться и разговаривать, направилось къ террасѣ. Теперь мнѣ ничего уже не оставалось дѣлать какъ вмѣшаться въ эту веселую толпу и послѣдовать за ней.

Омущеніе мое впрочемъ значительно уменьшилось, когда я очутилась около Маши.

— Наконецъ-то! вскричала она, сжимая мнѣ обѣ руки.— А гдѣ братъ? Жозеphe, вотъ и она! Сколько труда стоило мнѣ привести ее сюда.

Эими словами она привлекла на меня общее вниманіе; мнѣ сдѣлалось очень непріятно; но, къ счастью, Жозеphe не заставилъ себя ждать, подошелъ ко мнѣ съ своею привѣтливою улыбкой и дружески подавъ мнѣ руку. Въ его поклонѣ было столько симпатическаго, въ его покровительственномъ привѣтствіи было столько дружественнаго и ободряющаго, что я въ одно мгновеніе забыла толпу и сосредоточила вниманіе на немъ. Къ Машѣ подошла въ эту минуту какая-то молоденькая дѣвица, блондинка съ карими глазами и, шепнувъ ей что-то на ухо, увела ее за собой. Вѣлоградскій одинъ остался подлѣ меня. Предложивъ мнѣ нѣсколько обыкновенныхъ вопросовъ и выслушавъ съ улыбкой мои отвѣты, онъ выразилъ желаніе, чтобъ я не скупилась у нихъ и, оглядѣвшись, занялъ мѣсто около меня.

Я хорошо поняла для чего Вѣлоградскій сѣлъ подлѣ меня. Въ душѣ я очень оцѣнила его тонкую вѣжливость, но пользоваться ею мнѣ было не совсѣмъ ловко. Цѣлый цвѣтникъ дамъ, кромѣ меня, наполнялъ террасу, и каждая изъ нихъ, казалось мнѣ, имѣла гораздо больше правъ на его вниманіе чѣмъ я. Всѣ онѣ смотрѣли на меня, а брюнетка съ острымъ носикомъ, съ которою онъ говорилъ до моего появленія, даже злобно улыбнулась. Я стала отвѣчать односложно на слова

Бѣлоградскаго, и наконецъ при первой паузѣ встала и тихонько убралась отъ него въ уголь террасы.

Если мнѣ прежде казалась удобною роль забытаго лица, то въ первый разъ какъ мнѣ случилось разыграть ее, я почувствовала и невыгодныя ея стороны. Бѣлоградскій не перебивалъ своего мѣста и вскорѣ маленькая брюнетка замѣнила меня около него. Александръ Сергѣевичъ не имѣлъ обыкновенія узнавать меня при постороннихъ, а тѣмъ болѣе вступать со мною въ какіе бы то ни было разговоры. Даже при Машѣ и Бѣлоградскомъ онъ не любилъ ни смотрѣть на меня, ни разговаривать со мною. Эта перемена въ его обращеніи со мною при людяхъ произошла въ немъ, я замѣтила, съ той поры какъ онъ воспылалъ ко мнѣ нѣжною страстью. Сначала это конечно огорчало меня; но потомъ я привыкла къ его обращенію и ни малѣйшимъ знакомъ не предъавляла на него своихъ притязаній. Теперь также онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заикнуть меня, и я, стоя въ углу, равнодушно слѣдила за нимъ. Онъ былъ, какъ мнѣ показалось, знакомъ со всѣмъ этимъ міромъ. Правда, женщины не обращали на него вниманія; за то мужчины всѣ до одного знали его и относились къ нему съ уваженіемъ. Въ особенноти одинъ господинъ, лѣтъ пятидесяти, съ полнымъ лицомъ, наружности не только пріятной, но и благородной, съ прекрасными каштановыми волосами и такою же бородой, ухаживалъ за моимъ женихомъ. Это былъ, какъ я узнала потомъ, раззорившійся владѣлецъ Т—скихъ заводовъ.

— А вы, я слышалъ, торгуете земли, въ—скомъ уѣздѣ, сказалъ онъ между прочимъ Александру Сергѣевичу.—Что это вамъ вздумалось уходить въ такую трущобу? Тамъ вѣдь на тысячу верстѣ нѣтъ никакого жилья,—все лѣса?

— Я не покупаю никакихъ земель, отозвался равнодушно Александръ Сергѣевичъ.

Неописанное изумленіе изобразилось на лицѣ бородатаго господина.

— Правда, я стороговалъ пять тысячъ десятинъ тамъ, по десяти рублей десятина, но это по довѣренности отъ одного лица, а для себя покупать я не намѣренъ прибавить Александръ Сергѣевичъ.

Слова эти не пропали для меня даромъ: ясно, онъ купилъ землю, но для кого? По довѣренности?.. неужели?.. Да вѣтъ, этого не можетъ быть. Вѣдь долженъ же онъ

хоть сколько-нибудь принимать во вниманіе желаніе другаго лица. Но какъ бы то ни было, я знаю одно, что мы ѣдемъ послѣ свадьбы куда-то далеко въ глушь, но куда именно?.. Это не мое дѣло. Онъ беретъ меня съ собою, какъ вещь, куда ему вздумается. Да и что такое жена? не принадлежность ли она мужа? куда она пойдетъ отъ него? какъ она разоидется съ нимъ? не должна ли она слѣдовать за нимъ повсюду? Вездѣ гдѣ ему хорошо, тамъ и ей должно быть хорошо; на что роптать?.. Конечно, стой я въ другихъ отношеніяхъ къ своему жениху, будущему мужу, а не позволила бы ему распорядиться собою, но теперь... да я не хочу разспрашивать его, заявлять предъ нимъ свои желанія. Если ему когда-нибудь вздумается бросить родину, а также безъ малѣйшаго ропота должна буду слѣдовать за нимъ: ни родины, ни дома, ни имени своего, ни малѣйшаго признака самостоятельности... Такъ вотъ оно замужество!

— Я давно смотрю на васъ, прервалъ мои размышленія Бѣлоградскій,—и убѣжденъ, что вы скучаете. Я не видался съ вами около двухъ недѣль, и еслибы вы отказались отъ приглашенія Машы, я непременно явился бы самъ къ вамъ. Могу ли я предложить вамъ руку и проводить васъ до сестры?

Подумавъ, я молча подала ему руку и послѣдовала за нимъ. Онъ повелъ меня черезъ залу и гостиную. Въ послѣдней мы встрѣтили Горскую, она возсѣдала съ пожилыми дамами на диванчикѣ. Когда мы, поравнялись съ ней, она обратилась къ племяннику и сказала ему что-то. Тотъ отвѣчалъ ей легкимъ поклономъ, но не остановился и, съ улыбкой продолжая разговаривать со мной, довелъ меня вплоть до Машиной комнаты.

Здѣсь на первыхъ порахъ меня огушили смѣхъ, говоръ, и крикъ; пахитосовый дымъ бросился мнѣ въ ротъ и въ глаза. Комната была наполнена дѣвцами, и всѣ хохотали и жгли пахитосы. Еслибъ онѣ курили какъ курать вообще, то мнѣ кажется дыму было бы меньше, а то онѣ жгли табакъ и доставали своей цѣли: дымъ стоялъ столбомъ. Впрочемъ, мракъ мало-по-малу разсѣялся, и я увидѣла Машу съ пылающимъ лицомъ по срединѣ комнаты на маленькомъ столикѣ. Она ораторствовала съ величайшимъ одушевленіемъ, а дѣвцы, окруживъ ее, слушали съ крикомъ и хохотомъ. При видѣ меня, Маша раскрыла глаза, и соскочивъ съ своей импровизированной каедры протянула мнѣ руки.

— Mesdames! Это мой другъ Наташа; прошу любить ее, сказала она, взявъ меня за руки и представляя молодой публикѣ.

Дѣвцы въ одно мгновеніе окружили насъ. Всѣ онѣ показались мнѣ очень миленькими, привѣтливыми и веселыми, а блондинка, съ карими глазами, которая увела Машу съ террасы, протянула мнѣ руку и, смѣясь, разказала, что Мама предлагаетъ позвать цыганку изъ табора, который остановился около завода.

— И мы всѣ согласны. А вы? хотите вы гадать?

Мнѣ конечно не о чемъ было гадать; но отдѣлаться отъ веселой толпы я не сочла удобнымъ и съ удовольствіемъ согласилась.

Въ это время вдругъ въ корридорѣ послышались шаги, и вслѣдъ за этимъ мѣрно раздалось въ дверь: стукъ, стукъ.

Всѣ переглянулись и замерли какъ столби; только Мама вспыхнула и, подобравъ платье, скакнула къ двери. Замокъ въ одно мгновеніе перевернулся подъ ея рукой, и обратившись ко мнѣ, она кивнула головкой.

Я приблизилась на носкахъ башмаковъ.

— Окна открыты! шепнула она мнѣ.

Только одно среднее окно было отворено, а потому дымъ медленно выходилъ изъ комнаты, но распоряженіе Маши мгновенно разнеслось по всемъ угламъ и всѣ четыре окна, открывшись за одинъ разъ, пустили сквозной воздухъ. Платки были вынуты изъ кармановъ, кто схватилъ вѣреть, кто букетъ, и всѣ дѣвцы до одной привялись выпроваживать дыма. А Мама, между тѣмъ, стоя у дверей, вела переговоры.

— Кто тамъ? саранивала она, смотря заботливо на дымъ.

— Я, вашъ братъ.

— Здѣсь царство стихійныхъ духовъ, гдѣ нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ.

— Іосифъ Александровичъ Бѣлоградскій.

— Что нужно здѣсь Іосифу Александровичу Бѣлоградскому?

— Онъ хочетъ взглянуть, что вы тутъ дѣлаете, прелестная фея.

— Мы пускаемъ, прекрасный царевичъ, въ свой замокъ, простыхъ смертныхъ съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Съ тѣмъ, чтобы вы позволили завязать себѣ глаза и поймали бы которую-нибудь изъ насъ.

— Какой вздоръ! былъ отвѣтъ, и шаги немедленно удалились.

Смѣхъ, говоръ, шумъ опять возобновились, но теперь уже съ удвоенною силой: одинъ изъ двѣдцѣ совѣтовали Машѣ пустить брата, если онъ возвратится; другія, напротивъ, уговаривали ее выдержать характеръ. Въ минуту этихъ совѣщаній за дверьми послышался томельскій голосокъ, и молоденькая брюнетка, съ острымъ носикомъ, вполыла въ отворенную Машей дверь. Оглянувъ комнату и попеременно каждую изъ насъ, она какъ будто разочаровалась въ чемъ-то, но звонкіе мужскіе шаги раздались въ корридоръ, и улыбка появилась на ея лицѣ.

Стукъ, стукъ, стукъ снова слышится за дверью;

— Кто тамъ? спрашиваетъ Маша, смотря на насъ съ улыбкой.

— Я, Бѣлоградскій.

— Что вамъ угодно?

— Отворите.

— Вы знаете условіе?

— Но...

— Sans phrases!

— Это смѣшно!

Молодецкая женщина наша Машу жестокою и невыносимою.

Маша, въ званіи хозяйки, съ безмолвною улыбкой, не отходя отъ дверей, выслашала гостю, но бойкая блондинка, съ карими глазами, не выдержала и рѣзко возразила:

— Если вамъ не нравится, уйдите; мы не оставляемъ васъ силой.

Маша граціозно склонила головку и томельскимъ и тихимъ голоскомъ, прибавила:

— Одинъ нѣмецкій историкъ сказалъ, что то правительство самое лучшее, подъ которымъ большинству лучше.

Молодая женщина умокала и пожелала уйти, но въ эту минуту за дверьми опять раздался стукъ, и Маша, вѣжливо поклонившись оскорбленной гостьѣ, положила руку на медный замокъ дверей.

— Въ послѣдній разъ, пустите ли вы меня? послышался голосъ, смягченный уже улыбкою.

— Съ условіемъ?

— Съ какимъ хотите!

— Два вы знаете; третье: вы намъ споете вечеромъ предъ баламъ одну изъ тѣхъ арій, которыя вы такъ чудно поете.

— Отворяйте, Сивилла Кумейская. Тарквиній побѣжденъ! замокъ щелкнулъ, и Бѣлоградскій появился въ дверяхъ при звонкомъ смѣхѣ, раздавшемся со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, это не смутило его, онъ вошелъ съ видомъ исполненнымъ достоинства; ротъ его былъ сомкнутъ, но въ глазахъ скользила улыбка. Маша стояла предъ дверьми съ платкомъ, и не давъ брату времени оглядѣться, завязала ему глаза. Въ положеніи всей этой церемоніи, онъ стоялъ не шелохнувшись и только позволялъ себѣ дѣлать гримасы, какъ будто усиляясь выгримасничать себѣ побольше свѣта.

— Готово?

— Поймайте, мой благородный рыцарь, вскричала Маша съ звонкимъ смѣхомъ и отскочила въ сторону.

Дѣвицы разсыпались по угламъ, но я осталась подъ померанцовымъ деревомъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы Бѣлоградскій прилично выпутался изъ этого положенія: какъ онъ размахнетъ руками и какъ пойдетъ ощупью ловить дѣвицъ?

„Надо развязать его“, посыпалось изъ разныхъ угловъ. „Нѣтъ не надо“, вскричали другія. Я присоединила свой голосъ къ послѣднимъ. Наши переговоры оскорбили джентльмена съ завязанными глазами, и онъ прямо направился вдоль по комнатѣ. Дѣвицъ было очень много, всѣ въ пышныхъ кринолинахъ, и поймать которую-нибудь изъ нихъ не представляло затрудненій; однакожь, Бѣлоградскій, къ великому удивленію всей публики, не хотѣлъ протянуть даже руки, а все шелъ, шелъ и свернулъ прямо къ померанцовому дереву, подъ которымъ я сидѣла. Мнѣ показалось это очень страннымъ, тѣмъ болѣе что играть мнѣ не хотѣлось; но онъ приближался и мнѣ оставалось или объявить себя въ числѣ не играющихъ, что произвело бы всеобщее неудовольствіе, или оставить свое убѣжище. Я выбрала послѣднее и, выскочивъ изъ-подъ дерева, бросилась на диванъ, съ дивана на столъ, со стола въ кресло и отсюда уже на середину комнаты. Онъ преслѣдовалъ меня, какъ будто былъ съ открытыми глазами. Я одѣта была противъ другихъ вовсе не пышно и сначала надѣялась спрятаться за чей-нибудь кринолинъ. Однакожь, надежда оказалась тщетною. Онъ сторовился отъ пышныхъ дѣвицъ и гнался за мной; шаги его были само-

увѣренны и тверды. Я не сомнѣвалась, что онъ видитъ, но высказать этого не успѣвала, онъ не давалъ мнѣ отдыха: я брошусь въ уголъ — онъ за мной а въ другой — онъ опять тутъ какъ тутъ. Наконецъ всѣ ужь остановились и съ хохотомъ смотрѣли на насъ. Минутъ десять я бѣгала отъ него, но силы начали покидать меня, я задыхалась и, съ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ прыгнувъ въ уголъ, закричала.

— Онъ видитъ: я не играю.

Онъ обросилъ платокъ съ глазъ и весело вскричалъ:

— Прочь повязка сѣпаго бога! Никогда я не вѣрилъ въ твою сѣпноту!

— Онъ видѣлъ, видѣлъ, закричали со всѣхъ сторонъ. — Завяжемъ его опять.

— Этого не было оговорено въ условіи, прелестныя феи, отозвался онъ, быстро оглянувшись.

— Вѣрно у васъ были свои резоны поймать извѣстную особу, а не другую, проговорила злобно молоденькая женщина.

Я только теперь вспомнила объ ней и взглянула на нее. Въ жизнь свою я не встрѣчала такого презрительно-злбнаго взгляда, съ какимъ смотрѣла на меня эта молодая, незнакомая мнѣ женщина. Бѣлоградскій, при звукахъ ея голоса, какъ будто обжегся, и весь красный какъ огонь, обернулся къ ней. Въ продолженіе всего нашего знакомства, я не видала его въ такомъ крайнемъ замѣшательствѣ; на него какъ будто вылили ведро горячей воды, и обваренный, обожженный, онъ не зналъ куда дѣваться. Онъ, видимо, не ожидалъ встрѣтить здѣсь эту женщину, и гнѣвъ и стыдъ избороздили черты его прекраснаго лица. Мнѣ сдѣлалось неловко за него.

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать, отозвался онъ наконецъ, и съ невозвѣрною сухостью отвернулся отъ нея.

— Кто это такая? спросила я тихонько у блондинки.

— Вдова генерала N. Она очень богатая. Бѣлоградскій у нея бываетъ очень часто, добавила она съ лукавою улыбкой: — это всѣ знаютъ.

Я опустила глаза и перестала спрашивать.

„Вотъ онъ свѣтъ, промелькнуло у меня въ головѣ, — а какой причудный человекъ этотъ Бѣлоградскій. Зачѣмъ я отдала ему свой портретъ?..“

Между тѣмъ онъ уже совершенно оправился, и тихій, свободный, съ своимъ спокойно-задумчивымъ взглядомъ, съ

легкою улыбкой на устахъ, предлагая дѣвицамъ вѣхать кататься. Получивъ отъ нихъ согласіе, онъ повернулся ко мнѣ и, немного возвысивъ голосъ, сказалъ съ легкимъ поклономъ:

— Могу ли я просить васъ вѣхать со мною?

Не отвѣтивъ ему ни да, ни нѣтъ, я молча поклонилаь.

— О чемъ вы задумались? спросилъ онъ, подойдя ко мнѣ и понизивъ голосъ.

— Я много услышала и увидѣла новаго, отвѣтила я, взглянувъ ему въ глаза.

Онъ не возразилъ ни словомъ, и предложивъ одну руку мнѣ, а другую блондинкѣ, стоявшей подлѣ меня, повелъ насъ въ залу.

X.

Отвѣздъ былъ очень шумный. Густые и тоненькіе эпалеты, мундиры съ эксельбантами и безъ эксельбантовъ; желтые и пестрые жилеты; сюртуки различныхъ покроевъ; старыя и молодыя женщины въ бедуинахъ и амазонкахъ, мантильяхъ и шаахъ, всё высыпали въ корридоры, и все это суетилось, толкалось, говорило, шумѣло. Бѣлоградскій, на время оставивъ меня, сбѣжился въ сторонѣ съ брюнеткой-вдовой. Разговоръ ихъ, повидимому, былъ очень серіозенъ. Молодая женщина возражала съ горячностью, а Бѣлоградскій отвѣчалъ ей сухо; въ глазахъ его блестѣло презрѣніе; на губахъ скользила проницательная улыбка. Судя по выраженію лица его, я не сомнѣвалась, что онъ, по своему обыкновенію, рѣжетъ безопадно собесѣдницу, а та отвѣчаетъ ему не въ попадѣ. Мнѣ было жаль молодую женщину: противнымъ былъ очевидно, слыше ея. Дѣвицы, узнавъ о приглашеніи, сдѣланномъ мнѣ Бѣлоградскимъ, крайне удивились, а блондинка, съ карими глазами, даже спросила меня простодушно: „А madame N съ кѣмъ поѣдетъ?“ Я просила ее объяснить мнѣ этотъ вопросъ, и узнала, что madame N постоянно каталась съ Бѣлоградскимъ. Еслибъ я знала это прежде, то отказалась бы наотрѣвъ отъ приглашенія Бѣлоградскаго. Конечно, я и теперь могла это сдѣлать, но отказываться при всѣхъ какъ-то неловко.... Впрочемъ, сообразивъ все, я стала къ стѣнѣ корридора, такъ чтобы Бѣлоградскому непременно пришлось проходить мимо меня, и стала дожидаться конца его разговора.

Маленькая Аня, воспитанница Горской, привлекала на себя мое вниманіе. Въ розовомъ платьицѣ и широкихъ вышитыхъ панталончикахъ, она перебѣгала отъ одной барыни къ другой и о чемъ-то слезно умоляла ихъ. Изъ безпокойства ея я поняла, что ей смертельно хотѣлось вѣхать, но всѣ ея просьбы и барынь, внявшихъ ея мольбамъ, оставались предъ Горскою тщетными. Старуха оставалась непреклонною. Большіе глаза Ани, вращавшіеся съ отчаяніемъ во всѣ стороны, подернулись наконецъ слезой. Я сдѣлала было шагъ къ ней; но, взглянувъ на Бѣлоградскаго, остановилась: пропускать его мнѣ не хотѣлось.

Кто подсказалъ ребенку, что въ этой толпѣ женщинъ есть одна, которая сочувствуетъ ей? Аня взглянула на меня и начала пробираться въ мою сторону. Я выдвинулась и окликнула ее:

— Чтѣ съ вами, Аня.

— О, mademoiselle, былъ отвѣтъ полный горя:—ils vont se promener tous, и рыданія заглушили ея маленькій голосокъ.

Я оглядѣлась. Мама стояла подлѣ Горской, въ дверяхъ, противъ Александра Сергѣевича и что-то болтала съ нимъ съ большимъ увлеченіемъ. Развѣ подойти къ Мамамъ, мелькнуло у меня въ головѣ, и попросить ее походатайствовать за Аню предъ теткой? Но Горская врядъ ли уважить просьбу Мама. Вотъ Бѣлоградскій другое дѣло и, не выпуская изъ рукъ крошечной ручонки Ани, я взглянула на Бѣлоградскаго. Онъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, но молодая дама ушла уже отъ него. Поразмысливъ, я сочла за лучшее попросить его за Аню и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ его приглашенія. Задумано, сдѣлано: я взяла Аню и подошла къ нему вмѣстѣ съ ней.

Я замѣтила ясно, что онъ еще не успокоился отъ недавней бесѣды: въ глазахъ его блестѣлъ холодъ, въ улыбкѣ, съ которою онъ обратился ко мнѣ, было больше учтивости чѣмъ дружественности: однакожь отступать было поздно и, выдвинувъ Аню, я проговорила.

— Извините меня. Но вы всегда были очень добры ко мнѣ. Я желала бы, чтобы вы попросили вашу тетку взять Аню кататься.

Онъ обратилъ на Аню разсѣянный взглядъ и еще разъ поклонился мнѣ.

— Я всегда радъ служить вамъ.

И не дожидаясь моей благодарности, онъ безмолвно взялъ Алю за руку и подошелъ съ ней къ теткѣ. Протяжая ихъ глазами, я встрѣтила взглядъ Маши. Она засмѣялась и кивнула мнѣ головой какъ будто подзывая меня къ себѣ. Я приблизилась.

— Скажите намъ, Наташа, вскричала она съ блистающими глазами, не помните ли вы число того дня, какъ тета застала васъ вечеромъ у брата?

Этотъ вопросъ крайне удивилъ меня; почему Мама знаетъ, что я была у ея брата, и зачѣмъ она спросила меня объ этомъ при Александрѣ Сергѣевичѣ? Однакожь, поразмысливъ, я отвѣтила спокойно.

— Ваша тетушка никогда не заставляла меня у вашего брата.

Мама вспыхнула и устремила вопросительный взглядъ на тетку; но та разговаривала съ племянникомъ и не слышала моего отвѣта.

— Такъ вы не были у брата? спросила Мама уже робко.

— Я была у брата вашего, но ваша тетушка не заставляла меня у него, отвѣчала я, отвертываясь.

Мама быстро схватила меня за руку и, съ ласкающею притязательностью заглянувъ мнѣ въ глаза, объявила, что я должна жить съ ними. Бѣлоградскій, услышавъ ея слова, повернулся къ намъ и сказалъ гордымъ, рѣшительнымъ тономъ:— Она ѣдетъ со мной!.. и вслѣдъ за этимъ, обращаясь ко мнѣ, онъ мягко прибавилъ:—Ваша protégée ѣдетъ кататься.

Я молча поклонилась и отступила, давая дорогу Машѣ и Горской, которыя, вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, направились къ выходу. Пестрые наряды женщинъ начинали рѣдѣть, молоденькой вдовы я не могла уже отыскать въ корридорѣ, а между тѣмъ отказаться отъ предложенія Бѣлоградскаго я все еще не успѣла. Онъ опять отвернулся отъ меня и разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ. „Положимъ, думала я, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его отношеній къ молодой женщинѣ, до того, что онъ постоянно говорилъ съ ней, катался (я еще прежде мелькомъ слышала объ интригѣ Бѣлоградскаго въ городѣ), положимъ, мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла, но мнѣ непріятно накликать на себя злобу незнакомой женщины, накликать ни за что ни про что.“ Отблагодарить Бѣлоградскаго за его любезность и отправиться домой, я рѣшилась непременно, и мнѣ жаль было немного только моего портрета. И къ чему онъ просилъ его у меня?..

— И намъ пора, сказалъ онъ наконецъ обращаясь ко мнѣ. Мое неумѣнье отказываться оказалось и здѣсь образцовымъ. Я тупо смотрѣла въ глаза Бѣлоградскому и молчала. Онъ вынулъ изъ кармана часы и, взглянувъ на нихъ, прибавилъ съ улыбкой.

— Ужь семь часовъ.

Я видѣла, что изъ женщинъ никого не оставалось на террасѣ. Мой отказъ выходилъ теперь грубымъ и глупымъ; однакожь я не захотѣла отступать и, собравшись съ духомъ, рѣшительно сказала:

— Мнѣ не хочется ѣхать.

Я приготовилась стерпеть сухую учтивость и, въ ожиданіи ея, смотрѣла на брови Бѣлоградскаго; но къ великому моему удивленію, въ глазахъ его блеснула тонкая улыбка.

— И вы меня рѣшились оставить одного безъ дамы? спросилъ онъ съ преувеличеннымъ удивленіемъ.

Я смотрѣла на носки своихъ башмаковъ и молчала.

— Я требую вознагражденія, продолжалъ онъ, протягивая мнѣ руку. Вы должны идти на террасу и скучать со мной до ихъ возвращенія.

Отказать ему и въ этомъ мнѣ показалось уже рѣшительно не деликатнымъ. Посидѣть съ нимъ полчаса, даже часъ; куда ни шло; а потомъ уберусь преспокойно домой, подумала я, и подъяла ему руку.

Проходя черезъ залу мимо цвѣтущихъ олеандровъ и камелій, онъ спросилъ меня: люблю ли я цвѣты. Я отвѣтила утвердительно, и онъ, наломавъ очень огромный букетъ, подалъ его мнѣ съ словами.

— Я сожалею, что не зналъ этого раньше; иначе у васъ не переводились бы цвѣты.

— Но вы оборвали всѣ цвѣты... Маша будетъ сожалѣть...

— Если только она узнаетъ, что для васъ, она будетъ рада.

Я промолчала, и мы вошли на террасу.

Разсматривая букетъ цвѣтовъ, я не могла выкинуть изъ головы мысли о молодой вдовѣ, объ ея отношеніяхъ къ Бѣлоградскому. Странное чувство, похожее на оскорбленіе, закипѣло у меня въ сердцѣ, между тѣмъ рассудокъ мнѣ говорилъ, что Бѣлоградскій всегда былъ только вѣжливъ со мной и потому оскорбляться мнѣ было рѣшительно вѣщымъ. Еще другая странность: прежде предупредитель-

ность и любезность Бѣлоградскаго, если и не всегда, были приятны мнѣ и частенько приводили меня въ смущеніе, но оскорбленія отъ нихъ я не чувствовала никакого; а теперь каждое его слово, сказанное потой же противъ обыкновеннаго голоса, раздражало меня. Стоя подлѣ меня, облокотившись на чугунную рѣшетку террасы, онъ указывалъ мнѣ на облака, качавшіяся въ рѣкѣ, на темную зелень сада, на сіявшія вдали горы, — все это я еще слушала равнодушно; но лишь только онъ наклонился ко мнѣ слишкомъ близко, негодованіе захватывало мнѣ духъ. Я чувствовала желаніе бросить букетъ цвѣтовъ ему въ лицо и уйти домой.

— А какъ красиво переиздаются оттѣнки горъ, говорилъ онъ полушепотомъ:—годъ тому назадъ, отправляясь изъ Петербурга въ эту даль, я никакъ не могъ вообразить себѣ, что въ этомъ глухомъ краю найду кладъ, что въ этихъ глухихъ горахъ скрывается безцѣннѣйшій алмазъ.

Онъ умолкъ. Не зная что подумать объ его словахъ, я взглянула ему въ глаза и встрѣтила неожиданно такъ и взглядъ, отъ котораго сердце мое сильно забилося и исподнилось невыразимаго негодованія.

— Я получилъ хорошее мѣсто въ Петербургѣ, продолжалъ онъ, смотря на темную зелень сада:—и на дняхъ уѣду отсюда. Сестра и тетка проживутъ здѣсь до зимняго пути. Я, можетъ-быть, прїѣду къ осени въ эти края, можетъ-быть и вѣтъ.... Я никогда не говаялся за роскошью, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія сдержанно-гордымъ тономъ:—никогда не чувствовалъ къ ней влеченія; я желалъ въ жизни только одного: встрѣтить женщину, которую бы я искренно полюбилъ, а которая также полюбила бы меня. Но гдѣ найдешь такую?..

Я смотрѣла на его встревоженное лицо, и въ сердцѣ у меня возставалъ отвѣтъ: „Объ этомъ надо посоветоваться съ опытными женщинами, въ родѣ той вдовы брюнетки, съ которою вы вели такую жаркую бесѣду.“

— Ваше дѣло искать! отвѣчала я вслухъ, не спуская глазъ съ своихъ ногтеѣ.

— Я нашла! сказалъ онъ тихо, и рука его коснулась моей руки, лежавшей на перилахъ.

Я шевельнула легонько пальцами, подумавъ: „Приметь ли онъ свою руку?“ Онъ пригль.

— Я радуюсь за васъ, проговорила я, поднявъ голову и смотря ему прямо въ глаза.

— Я выбралъ эту женщину, сказалъ онъ, напрасно усиливаясь скрыть волненіе голоса:—мое счастье въ вашихъ рукахъ, прибавилъ онъ едва слышно и склонивъ голову.

Я очень хорошо понимаю, что для всякаго честнаго и не глупаго мушны выговорить слова: „я хочу жениться на васъ“—не легко. Произнести въ этомъ случаѣ рѣзкій отказъ тяжело. Но что сказать, если это предложеніе обращается въ оскорбленіе? Я видѣла только одно: этотъ человекъ ведетъ интригу съ одною женщиной и дѣлаетъ предложеніе другой. Еслибъ я любила его и отъ соединенія съ нимъ зависѣла моя жизнь, я и тогда отвергла бы съ негодованіемъ его предложеніе.

— У васъ такъ много родныхъ, сказала я послѣ минутнаго молчанія и едва владѣя собой: — что они вѣроятно не допустятъ подобнаго неравнаго брака.

Онъ съ гордостью подвѣлъ голову:

— Я не ребенокъ и могу самъ знать что мнѣ слѣдуетъ дѣлать и что вѣтъ.

— Это слишкомъ большая честь для бѣдной дѣвушки, продолжала я, опуская глаза: — я не считаю себя достойною принять ваше предложеніе.

Наступило долгое и тяжелое молчаніе.

— Я не понимаю васъ! выговорилъ онъ наконецъ.

— Поймете, когда я вамъ скажу, что мнѣ непріятно слушать васъ, отвѣтила я, не выдержавъ своей смиренной роли, и отвернулась отъ него.

Я не знаю, что онъ думалъ въ эту минуту, но я уже презирала его. Облокотившись на перила, я стала смотрѣть на рѣку, на горы и старалась успокоиться. Одно мгновеніе мнѣ страстно хотѣлось высказаться передъ нимъ прямо, и потомъ уйти домой; но мысль, что онъ сочтетъ меня за сумашедшую, удержала меня въ границахъ приличія. Отвернувшись отъ него, я осталась на террасѣ. Если за полчаса предъ этимъ, я шла сюда съ твердымъ намѣреніемъ уйти отъ Бѣлоградскаго при первой возможности, то теперь я уже не помышляла объ томъ. Еслибъ я ушла отъ него, онъ могъ бы подумать, что я вѣрю его чувству, что мнѣ больно и тяжело сказать ему: „нѣтъ!“ Но я не хотѣла оставлять его въ заблужденіи насчетъ себя и черезъ нѣсколько минутъ

прерывающею взглянула ему въ лицо. Къ моему горю онъ не смотрѣлъ на меня и, устремивъ глаза въ глубину сада, стоялъ будто окаменѣлый. Я опять отвернулась и начала разсматривать даль. Желтый песокъ спускался уступами отъ террасы къ рѣкѣ, облака, отражавшіяся въ ней, темнѣли; изъ-за горъ поднималась туча, однимъ крыломъ опершись на горы, она вытягивала другое на заводъ; лучи солнца обливали ее кровавымъ блескомъ. Но надъ нашими головами небо было ясно и, отдѣляясь отъ тучи, уходило въ бездонную глубину. Деревья стояли не шелухнувшись.... Не помню, долго ли мы оставались на террасѣ: только ропотъ стемнѣвшей воды все явственнѣе доносился до моего слуха; цвѣты испускали душистыя испаренія; наконецъ и густой садъ подвинулся темнымъ сумракомъ къ террасѣ. Изъ-за тучи выглянулъ мѣсяцъ и, осеребривъ крайнія облака, рассыпался таинственнымъ сіяніемъ по саду, по водѣ, по горамъ, протянулся фантастическими тѣнями по тропинкамъ и лужайкѣ. Какая-то птичка чиркнула въ густь деревьевъ; и опять все смолкло. Мѣсяцъ, поколебавшись между тучей и небесною синевой, снова юркнулъ въ темную бездну, Надъ нами замерцали родимыя созвѣздія Медвѣдця.... Въ прозрачномъ воздухѣ раздался грохотъ экипажей; ночная тишина оживилась; веселое общество возвращалось съ прогулки. Въ залѣ давно уже горѣли огни; на террасѣ, въ густотѣ зелени, также засвѣтилась лампа, и ночь, откликнувшись на этотъ свѣтъ еще мрачнѣе и таинственнѣе, вползла сквозь зелень со всѣхъ сторонъ на террасу.

Я не забыла, что Бѣлоградскій стоитъ подлѣ меня, но уже не думала о немъ. Александръ Сергѣевичъ и Маша стояли у меня въ головѣ на первомъ планѣ, Гдѣ они теперь, о чемъ они говорили дорогой? Александръ Сергѣевичъ не походитъ на Бѣлоградскаго; онъ человекъ нравственный и не способенъ оскорбить женщину такъ, какъ оскорбилъ этотъ. Прислушиваясь къ отдаленному гулу шаговъ и говору, я ждала, что вотъ онъ и Маша появятся въ залѣ; однакожь мужчины вошли, а Александра Сергѣевича не было между ними. При звукѣ шаговъ, ходившихъ въ залу, Бѣлоградскій направился было къ дверямъ, но вдругъ обернулся и усѣлся на диванъ подлѣ лампы. Двери изъ залы на террасу были отворены. Аня, вбѣжавъ въ залу, оглядѣлась кругомъ и бросилась въ отворенныя на террасу двери. Заглянувъ въ уголъ, гдѣ свѣтилась лампа, она увидѣла Бѣлоградскаго, засмѣялась и прыгнула къ нему.

— Merci beaucoup, mon cousin!... И неожиданно понизивъ голосокъ, она начала что-то шептать ему.

— Que dis tu là, mon enfant? спросилъ онъ, саяга сморщивъ брови и видимо недовольный болтовнею ребенка.

Дѣвочка наклонилась къ его лицу и начала ужъ шептать ему въ ротъ; но онъ опять не усыхалъ и, отетранивъ ее отъ себя, спросилъ съ едва замѣтнымъ нетерпѣнствомъ:

— Ну monsieur у меня, потому кто?

— Кузина Мерц... отвѣтилъ ребенокъ робко.

— И! она ушла ко мнѣ? Зачѣмъ?

Аня замолчала.

Маша и Александръ Сергѣичъ ушли во флигель къ Бѣлоградскому. „Зачѣмъ это?“ подумала я.

Онъ подождаетъ отвѣта отъ дѣвочки и потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ равнодушно:

— Иди, поблагодари mademoiselle. Она хлопотала о твоей прогулкѣ.

Аня только теперь разглядѣла меня. Не спуская съ меня своихъ большихъ черныхъ глазъ, она притихла на мгновение, какъ будто не зная, какимъ образомъ исполнить приказаніе дяди; потомъ вдругъ бросилась и обвила своими ручонками мою шею; поцѣлуамъ и благодарностямъ не было конца. Я также поцѣловала густоволосую дѣвочку и попросила ее сказать мнѣ, вмѣсто благодарностей, что я могу еще сдѣлать для нея. Аня не была изъ отъявленныхъ скромницъ. Она задумалась на мгновение и, быстро сообразивъ, отвѣтила мнѣ, что ей очень хочется поѣсть сосулекъ. Изъ дальнѣйшаго объясненія я уразумѣла, что подъ этимъ названіемъ она разумѣла бѣлые пряники, которые продавались въ лавчонкахъ у насъ въ заводѣ, но рѣдко попадали въ большой домъ. Я еще разъ поцѣловала дѣвочку и дала ей слово приехать на другой день, въ десять часовъ, сосулекъ. Мѣстомъ нашего свиданія мы назначили бесѣдку въ саду.

— А вотъ и Зарятинъ! сказалъ Бѣлоградскій, спокойно смотря въ залу:—Маша вѣрно тоже возвратилась!... И повернувшись ко мнѣ, онъ уже приличный, вѣжливый, какъ всегда, отнесся съ вопросомъ: Можетъ ли онъ проводить меня до комнаты сестры?

Есаубъ я задавала себѣ вопросъ: въ какія отношенія ставеть ко мнѣ Бѣлоградскій послѣ моего отказа, то навѣрное никогда не придумала бы въ какія. Смотря на его

спокойное лицо, задумчивый взглядъ, я видѣла, что и мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ подражать его примѣру, показать видъ, что я также ничего не помню. Я молча подаю ему руку. Проходя черезъ залу, мы встрѣтили Александра Сергѣевича, но онъ стоялъ повернувшись къ окну, неизвестно что-то разсматривая въ темнотѣ, и не замѣтилъ даже, какъ мнѣ показалось, ни меня, ни Бѣлоградскаго.

XI.

Доискаться настоящаго смысла въ поведеніи Маши было чрезвычайно трудно. Что у нея было на сердцѣ, какой взглядъ она имѣла на того или другаго человѣка никто почти не угадывалъ. Она постоянно болтала, но почти никогда не раскрывалась. Въ случаѣ нужды она говорила въ аристократическомъ духѣ; въ другой разъ она выглядывала отъявленною демократкой; она была религіозна, но иногда у ней срывались съ языка такія вещи, что я съ ужасомъ отвертывалась отъ нея. Въ этотъ день также, сколько ни слѣдила за ней, я рѣшительно не могла понять, довольна ли она моимъ суженымъ или нѣтъ. Войдя съ Бѣлоградскимъ въ ея комнату, я застала ее въ довольно странномъ положеніи: она сидѣла, опрѣкнувъ голову на спинку кушетки, и смотрѣла въ потолокъ. Она была блѣда какъ смерть, и на лицѣ у нея выражалась тоска и отчаяніе, но лишь только она услышала голосъ брата, какъ вскочила, вспыхнула и, встряхнувъ локонами, показала намъ двѣ ряда маленькихъ жемчужныхъ зубовъ.

— Угадайте, кто будетъ сюда? спросила она лукаво, смотря на меня.—Я послала за вами. Гдѣ вы были? Вы останетесь у меня, такъ? Теперь только десять часовъ или половина десятаго. Черезъ часъ я буду одѣваться къ балу, но прежде я хочу, чтобы вы и Александръ Сергѣичъ поправили меня—согласны? Братъ также не откажется, да?

И сжавъ мнѣ руки, она кивнула головкой. Потомъ опять улыбнулась и позволила въ колокольчикъ.

— Позови Александра Сергѣича и принеси шампанскаго! сказала она вшедшему человѣку.

— Къ чему это? спросилъ братъ, сухо и холодно, посавъ того какъ человѣкъ вышелъ:—къ чему эта странная комедія?

— О, Joseph! сказала она съ умоляющимъ видомъ, подойдя къ брату и положивъ обѣ руки къ нему на плечи, — Александръ Сергѣичъ черезъ полторы недѣли ѣдетъ отсюда. Я хочу благодарить его, онъ для меня много сдѣлалъ, и ты, Joseph, поблагодари его.

Бѣлоградскій тихонько отстранилъ ее отъ себя и перейдя на другой конецъ комнаты, усѣлся въ кресла къ окну выходящему на балконъ.

— Значить, я могу проститься съ вами? обратилась я къ Машѣ.

— Нѣтъ, не значить, возразила она съ комическимъ ужасомъ, въ которомъ проглядывало однакожь неподдѣльное волненіе: — а я съ кѣмъ останусь? Или пригласить которую-нибудь изъ этихъ овечекъ? Но онѣ все разболтаютъ, и матушки ихъ заговорятъ, что я развращаю ихъ невинность — какъ можно!

— Но...

— Опять это несносное: „но.“ Я не отпущу васъ и все тутъ!... Однако стойте (она насторожила слухъ и покраснѣла): Joseph, обернулась она съ живостью къ брату: — идетъ Александръ Сергѣевичъ!... Я прошу тебя, прими его и устрой все это хорошенько, по-мужски—я не умѣю.

Я съ любопытствомъ смотрѣла на Машу. Она казалась оживленнѣе обыкновеннаго; глаза сверкали ярче, движенія были порывистѣе. Она смѣялась, болтала, но въ ея смѣхѣ и болтовнѣ замѣчалась лихорадочная живость и веселость. Не зная что подумать объ этомъ, я посмотрѣла на Бѣлоградскаго, но онъ, холодный и исполненный достоинства, стоялъ устремивъ глаза на дверь и поджидая Александра Сергѣевича....

Я видала Александра Сергѣевича въ продолженіи шестилѣтъ, чуть не каждый день; я видала его въ тоскѣ, въ грусти, въ раздраженіи, но никогда я не видала его до такой степени блѣднымъ, гнѣвнымъ и злобнымъ, какъ въ этотъ разъ. У людей слабыхъ, всякій сильный порывъ души является смѣшнымъ, но у людей съ волей и характеромъ подобный порывъ рѣдко не бываетъ страшенъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, почти зеленый, глаза его открылись неимовернымъ образомъ и, черные какъ уголь, блестящіе, какъ огонь, смотрѣли въ комнату, не оставиваясь ни на комъ. Но суровыя черты лица были, какъ всегда, неподвижны. Онъ умѣлъ владѣть собой, и все что

находилось въ его власти, онъ подчинилъ своей волѣ. Я не спрашивала себя: что съ нимъ; но голова моя инстинктивно повернулась къ Машѣ. Она смотрѣла на меня и улыбалась. Этотъ смѣхъ такъ дурно гармонировалъ съ тѣмъ отъ чего глаза мои отвернулись, что Маша показалась мнѣ самымъ лукавымъ чертекомъ: надъ чѣмъ она смѣется?... Не знаю, замѣтилъ ли Бѣлоградскій зеленое лицо Александра Сергѣевича, только онъ, съ свойственною ему вѣжливостію, вышелъ на встрѣчу къ моему жениху и предложилъ ему тостъ за новорожденную. Въ отвѣтъ на это Александръ Сергѣевичъ медленно нагнулъ голову, и переступивъ порогъ, устремилъ тяжелый взглядъ на Машу. Между тѣмъ, Бѣлоградскій позвонилъ въ колокольчикъ, и когда сауга принесъ на подносѣ четыре стакана, онъ приказалъ ему подвинуть четыре кресла къ столу. Послѣ этого распоряженія, онъ отнесся сначала къ намъ, потомъ къ Александру Сергѣевичу, съ приглашеніемъ занять мѣста. Все это дѣлалось мѣрно, чинно, съ соблюденіемъ всевозможнаго достоинства и приличія. Маша, краснѣя и улыбаясь, усѣлась первая за столъ, за ней Александръ Сергѣевичъ. Зеленоватый цвѣтъ не сходилъ съ его лица, но шаги были тверды, голосъ, которымъ онъ отвѣчалъ на вопросы Маши, ровенъ. Взявъ въ руки маленькій стаканъ, Маша обратилась къ брату съ выраженіемъ благодарности; но онъ, отклонивъ все отъ себя, сказалъ, что въ шесть лѣтъ своего опекуства надъ ея имѣніемъ, ничего не могъ бы сдѣлать для нея безъ Александра Сергѣевича, и что поэтому вся ея признательность должна быть обращена къ тому, кто управлялъ ея имѣніемъ. За этимъ, вычисливъ всѣ заслуги Александра Сергѣевича, намекавъ, что онъ не останется безъ вознагражденія, онъ подвѣлъ стаканъ и поздравилъ Машу съ совершеннѣйшимъ. Въ продолженіи всей этой рѣчи, Александръ Сергѣевичъ сидѣлъ съ стиснутыми зубами, не спуская глазъ съ лица Бѣлоградскаго, и какъ только умолкъ, онъ взялъ спокойно стаканъ и, слегка поклонившись хозяевамъ, осушилъ его въ одно мигновеніе. Я вздрогнула. Больше подустакава онъ не пилъ никакого вина. Ему нельзя было, по его словамъ, пить вино, потому что умѣренности не было въ его натурѣ: стоить ему пуститься въ развратъ, онъ удивилъ бы міръ своимъ развратомъ, точно также, стоить ему только начать пить, онъ станетъ запиваться; послѣднее было испробовано имъ одинъ разъ. Пьяный мужъ! страшите

этого мнѣ ничего не могло представиться. Бѣлоградскій, между тѣмъ, преспокойно наполнилъ снова стаканъ своему гостю. Я возненавидѣла его въ эту минуту всѣми силами своей души, и готова была выцарапать ему глаза за этотъ наполненный стаканъ. Маша, глядя на меня, смѣялась и, коснувшись губами краевъ своего стакана, заставила меня чокнуться съ собой.

— Скажи мнѣ, Joseph, сказала она, отчего у Англичанъ женщина выходитъ изъ-за стола раньше мужчины? Что это за глупость?

При этой легкомысленной выходкѣ сестры Бѣлоградскій слегка наморщилъ лобъ, и объяснилъ, что обычай этотъ истекаетъ изъ того уваженія къ женщинамъ, которымъ отличается Англосаксонское племя.

— И вы того же мнѣнія? обратилась она къ Александру Сергѣевичу, видимо желая вовлечь его въ разговоръ.

— Нѣтъ, не того! отвѣтилъ онъ посавъ долгаго молчанія.

Она изклонилась, какъ будто желая выслушать его объясненіе.

— Я не понимаю нравственнаго лакейства, самоотреченія, проговорилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ, не спуская съ нея глазъ:—и не умѣю всякую грубость возводить въ идеалъ. Женщина мѣшала чувственнымъ варварамъ напиваться и валяться подъ столами, вотъ они и выталкивали ее когда это было нужно!

Говоря это, Александръ Сергѣевичъ не смотрѣлъ на Бѣлоградскаго; но тотъ поблѣднѣлъ и началъ было вставать. Маша быстро схватила его за руку.

— Хорошо, сказалъ онъ, взглянувъ на сестру и снова усаживаясь въ кресла:—смыслъ вашихъ словъ, Александръ Сергѣичъ, мы найдемъ время разобрать, а теперь, прибавилъ онъ, наливя себѣ стаканъ:—мы выпьемъ за ваше здорье.

— Да, да, вскричала Маша,—мы выпьемъ за здорье Александра Сергѣевича. Наташа, я хочу чокнуться съ вами.

Мы чокнулись. Потомъ она повернулась къ Зарятину и предложила ему чокнуться съ ней. Онъ мелькомъ но съ неумоверною злобой и презрѣніемъ взглянулъ на Бѣлоградскаго и, медленно протянувъ руку съ своимъ стаканомъ къ Машѣ для чоканья, снова осушилъ его. Онъ пилъ, хотѣлъ пить — это было вино. Каждый выпитый имъ стаканъ проходилъ по

мнѣ раскаленнымъ желѣзомъ; но когда онъ наконецъ выдвинулъ свой опорожненный стаканъ чуть не въ седьмой разъ на середину, и Бѣлоградскій снова наполнилъ его, я не выдержала и встала изъ-за стола.

— Теперь мы станемъ пить за ваше здоровье, сказалъ Бѣлоградскій, обращаясь ко мнѣ съ своимъ возмутительно-хладнокровнымъ достоинствомъ.

— Если для этого нужно мое желаніе, то я не желаю! отвѣтала я холодно.

Глаза Александра Сергѣевича, большіе и блестящіе, слѣдили за мной, онъ хорошо зналъ, что значитъ въ моемъ мнѣніи пьяный человѣкъ, и между тѣмъ онъ не затруднился оказать мнѣ:

— Я стану пить за ваше здоровье, Наталья Алексѣвна.

Я побѣднѣла отъ негодованія.

— Пейте, сказала я, овладѣвъ своимъ голосомъ, — пейте, только за свое здоровье.

— Какъ, вы отказываете брату? вскричала Маша съ лихорадочнымъ блескомъ во взглядѣ и съ пылающимъ лицомъ.

Я нахмурилась; но Бѣлоградскій предупредилъ меня.

— Я не настаиваю, сказалъ онъ сухо.

Я отошла къ окну. Тяжесть воздуха начала раздражаться раскатами грома и крупными каплями дождя; но у меня на сердцѣ съ минуты на минуту становилось тяжелѣе; какое-то предчувствіе томилло меня. Александръ Сергѣевичъ слѣдилъ за мной; Бѣлоградскій хмурился, Маша судорожно веселилась. Мнѣ казалось, у меня надъ головой собираются тучи...

— Куда же вы ушли, начала опять Маша, повернувъ голову ко мнѣ: — садитесь сюда. — Хорошо, если вы не хотите пить за ваше здоровье, выпейте за счастье брата — согласны? Мы пьемъ, Joseph, сказала она весело, — за счастливый исходъ твоего развода съ женой. Александръ Сергѣичъ, вашъ стаканъ полонъ!

Онъ сидѣлъ, опутивъ глаза на стаканъ, и молчалъ. Она повторила свои слова.

— Я не такъ коротокъ съ вашимъ братомъ, чтобы сочувствовать ему въ такомъ дѣлѣ, котораго я совершенно не знаю, былъ равнодушный отвѣтъ.

— За его счастье?

Онъ отодвинулъ отъ себя стаканъ.

— За его здоровье?

— Я не могу пить больше. Вашъ братъ будетъ здоровъ безъ моего желанія. Послѣ завтра я сдаю управленіе заводу одному своему знакомому и скоро ѣду отсюда. Вѣрно я у васъ въ послѣдній разъ—прощайте!

Слова эти онъ говорилъ уже стоя.

— Готовы вы, Наталья Алексѣевна, идти за мной? спросилъ онъ меня, съ особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ.

Мама побѣждала и, схвативъ меня за руку, прошептала: „Оставайтесь!“ Я, разумеется, не послушалась бы ея и пошла за Александромъ Сергѣевичемъ, еслибъ онъ не былъ взбѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, еслибъ я понимала причину его гнѣва; но я видѣла только его бѣшенство, и сочла болѣе благоразумнымъ пропустить его предложеніе мимо ушей.

— Я васъ спрашиваю, Наталья Алексѣевна: рѣшились вы остаться здѣсь, или слѣдуете за мной?

Теперь голосъ его звенѣлъ уже металлическими нотами. Я взглянула на Машу; она сидѣла вся побѣднѣвъ, только глаза ея сверкали, да руки судорожно сжимали мою руку.

— Дождь, громъ, вѣтеръ, сказалъ Бѣлоградскій, учтиво относясь ко мнѣ.—Позвольте мнѣ предложить вамъ экипажъ?

— На два слова! проговорилъ Александръ Сергѣевичъ уже явно бѣшенымъ голосомъ, обращаясь къ Бѣлоградскому.

На этотъ разъ я однако рѣшилась предупредить гонимую бурю.

— Я иду съ вами! сказала я, обращаясь къ своему жениху.

Въ отвѣтъ на это онъ сначала взглянулъ на меня, а потомъ безъ всякой церемоніи взялъ меня за руку.

— Если я еще разъ увижу васъ около этой дѣвицы, прибавилъ онъ Бѣлоградскому,—то сочту для себя долгомъ переломать вамъ ребра.

Бѣлоградскій слегка побѣждалъ, однакожь отвѣтилъ очень спокойно:

— Вы завтра получите отвѣтъ на всѣ ваши слова.

Тотъ и другой обмѣнялись этими словами по-англійски, и смыслъ ихъ я узнала послѣ, но въ эту минуту, слышая ихъ, поняла только то, что причина бѣшенства Александра Сергѣевича—Бѣлоградскій.

Рука Александра Сергѣевича, твердая какъ желѣзо, прижала мою руку съ силой желѣзнаго обруча. Я попробовала было освободиться отъ нея, но мой спутникъ утратилъ, кажется, способность чувствовать и, шагая огромными шагами, тащилъ

шла за собой. Я оказала ему, что моя мантилья на террасѣ, но онъ оказался глухъ и нѣмъ. На дворѣ была страшная темь; только одна молнія, бороздя время отъ времени небо, указывала путь. Въ воздухѣ кружился рѣзкій и даже холодный вѣтеръ; дождь съ минуты на минуту грозился превратиться въ ливень, а я была въ одномъ кисейномъ платьѣ, безъ кашошъ, безъ мантильи—но чтѣ за дѣло до этого моему жениху? Онъ деспотически тащитъ меня за собой — я вещь въ его глазахъ... Впрочемъ, выйдя на крыльцо и почувствовавъ перемѣну воздуха, онъ какъ будто машинально оглянулся на меня, потомъ мгновенно сбросилъ съ себя верхнее пальто и накинулъ его мнѣ на плечи. Но за этимъ я должна была уже безпрекословно подчиниться всѣмъ его велѣніямъ. Возмущенная до глубины души его поведеніемъ, я хотѣла отвергнуть его услугу, сбросить съ себя его пальто; но онъ молча снова накинулъ мнѣ его на плечи, и захвативъ въ одну руку оба его рукава, лишилъ меня такимъ образомъ всякихъ средствъ къ сопротивленію. Еслибы въ эту минуту ноги мои отказались слѣдовать за нимъ, онъ вѣроятно взялъ бы меня на руки и донесъ вплоть до воротъ моего жилища.

Всю дорогу мы шли молча, подъ проливнымъ дождемъ. Я задыхалась отъ боли и негодованія. Я знала, видѣла, что онъ разгнѣванъ, но вымещать этотъ гнѣвъ на мнѣ я находила съ его стороны дѣломъ безбожнымъ. Нѣсколько разъ онъ останавливался, открывалъ ротъ, какъ будто намѣреваясь что-то сказать, но вмѣсто словъ выпускалъ какіе-то звуки, какое-то мычаніе, похожее на стонъ, и умолкалъ. Черезъ минуту опять возобновлялись эти глухіе стоны, и опять все умолкало. Проходя черезъ мостъ, я подумала, что еслибъ ему вздумалось бросить меня въ прудъ, это не стоило бы ему никакого труда; да нѣтъ, такъ легко онъ не разстанется со мной; онъ не столько цѣнитъ свою жизнь, сколько свои страсти, и такъ какъ мнѣ пришлось попасть въ этотъ жерновъ, то онъ прежде вытянетъ изъ меня всю жизнь, высосетъ всю мою кровь, а потомъ броситъ. Я начинала ненавидѣть его. Мы молча прошли мостъ и молча остановились у воротъ моего дома. Онъ не выпускалъ изъ своей руки рукавовъ пальто.

— Съ завтрашняго дня не смѣй ходить къ Бялоградскимъ, чтобы нога твоя не переступала порогъ ихъ дома! сказалъ онъ наконецъ хриплымъ голосомъ.

Въ это мгновеніе молнія разрѣзала темноту, и черты лица моего жениха подъ ея синимъ блескомъ такъ исказились, что онъ показался мнѣ безобразнымъ до отталкивающаго ужаса. Онъ хочетъ—страшное самообольщеніе! Неужели ему представляется, что онъ въ состоянн сдѣлать то что хочетъ? Когда его приказанія имѣли силу? Безумецъ, онъ можетъ подчинить только тѣло человека, но не волю; трупъ, но не душу. Я молчала. Онъ отыскалъ мою руку въ рукавъ пальто, и сжавъ ее, повторилъ свое приказаніе. Молнія опять блеснула. Я взглянула ему въ лицо и засмѣялась.

— Сегодня ты была въ послѣдній разъ у Бѣлоградскихъ!.. прошипѣлъ онъ, и пальцы мои, неловко лежавшіе одинъ на другомъ, захрустѣли въ его желѣзныхъ тискахъ.

— Мнѣ жаль васъ!.. сказала я, не скрывая своего презрѣнія и не трогаясь съ мѣста.

Онъ испустилъ какой-то звукъ, ни на что не похожій, и рука моя омертвѣла отъ боли въ его рукахъ; въ ушахъ затрепало; изъ глазъ посыпались искры.

Я долго стояла молча: сначала усиливалась оправиться отъ боли; потомъ прислушивалась къ этой боли; наконецъ, промокнувъ до костей, я начала дрожать отъ холода.

— Ноги мои промокли, сказала я.

Рука его мгновенно ослабла, и у меня снова посыпались искры изъ глазъ отъ боли.

— Я не знаю что вы говорили съ Бѣлоградскимъ, но теперь я вижу что у васъ ссора съ нимъ. Вы замѣшали меня въ какой-то скандалъ—стыдитесь! Если у васъ только выйдетъ съ нимъ что-нибудь изъ-за меня, то клянусь вамъ, что я никогда не буду вашею женой.

Съ послѣдними словами, я вывернулась изъ пальто и, не оглянувшись ни разу, взбѣжала къ себѣ по лѣстницѣ. Прошло болѣе получаса съ той минуты, какъ я вошла въ свою комнату: я успѣла уже пережѣвнуть мокрое платье на сухое, разбудить Лизу, послать за стаканомъ воды, выпить эту воду, и тогда уже подошла къ окну, освѣщаемому непрерывною молніей. Но лишь только взгляды мои упали на улицу, какъ я задрожала и съ ужасомъ отступила отъ окна. Подъ проливнымъ дождемъ, подъ ударами грома, Александръ Сергѣевичъ стоялъ у моего крыльца въ той самой позѣ, въ какой я оставила его: надвинутая на глаза фуражка, голова наклоненная впередъ, и пальто на протянутыхъ рукахъ!

XII.

Въ былое время, прочитывая исторію всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, я постоянно видѣла господство сильнаго; грубая матеріальная сила всегда держала въ рабствѣ все что было слабѣе ея. Я никогда не любила мушницъ, даже въ дѣтствѣ всегда принимала сторону слабѣйшаго, а когда стала приходить въ сознаніе, симпатіи мои рѣзко обозначились: мать свою я любила больше чѣмъ отца, брата я вовсе не любила; но будь у меня сестры, я съ ними навѣрное жила бы въ дружбѣ; невестку свою, несчастную жену брата, я горячо любила. Я не испытала материнскаго чувства, но когда думала, что у меня могутъ быть дѣти, то желала имѣть дочерей, а не сыновей. Наконецъ, сердце мое откликлось на всѣ страданія женщины; къ страданіямъ же мушницъ я была гораздо равнодушнѣе. Отъ мушницъ вообще я никогда не видала ничего добраго; въ отцовскомъ наслѣдствѣ я была обдѣлена, братъ захватилъ и материнское имѣніе... еслибы не мать, меня оставили бы безъ всякаго образованія... Одинъ только человѣкъ не походилъ на всѣхъ, этого человѣка, было время, я любила больше чѣмъ всѣхъ женщинъ взятымъ вмѣстѣ. Но и этотъ человѣкъ кончилъ тѣмъ что изломалъ мнѣ руку!...

Эти мысли забѣгали у меня въ головѣ, лишь только я открывала глаза. Левая рука моя опухла, средній палецъ ея былъ вывихнутъ. Осмотрѣвъ руку, я послала Лизу за старушкой-сосѣдкой, которая выправляла различные вывихи и изломы, Припоминая вчерашнюю сцену, я нисколько не сомнѣвалась, что бѣшенствомъ моего жениха я была обязана старухѣ Горской. Боль въ рукѣ у меня была сильна, но оскорбленіе въ сердцѣ еще сильнѣе. Пусть Александръ Сергѣевичъ зналъ меня ребенкомъ, пусть въ продолженіи четырехъ лѣтъ онъ смотрѣлъ на меня какъ на сестру, пусть наконецъ онъ далъ слово матери не оставлять меня, и пусть я обѣщалась помнить все что онъ сдѣлалъ для моей матери, но все же поступать со мной такимъ образомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Правда, цѣлые года прошедшаго говорили за него, но я покаместъ была свободна и могла разойтись съ нимъ.

За этими мыслями у меня въ головѣ вставала его ссора съ Бѣлоградскимъ. Если онъ вчера сходилъ съ ума, отчего ему не сойдти сегодня, когда я откажусь отъ него? На Бѣлоградскомъ обрушится вся его ярость; но и теперь Богъ знаетъ еще чѣмъ кончится ихъ ссора. Бѣлоградскій не изъ тѣхъ людей, которые легко забываютъ обиды. Чтò изъ всего этого выйдетъ? Пріѣхала старушка-костоправка и мучила меня недолго: въ нѣскольکو минутъ палець былъ выправленъ и рука перевязана. Перевязывая мнѣ руку, старушка все допытывалась, гдѣ это угораздило меня вывихнуть такъ мудрено палець. Я горѣла со стыда и молчала. Лиза, смотря на меня, также ахала и урезонивала меня, приговаривая:

— Вотъ не слушались меня, все ходили, да ходили въ большой домъ, вотъ и доходились, вывихнули вамъ тамъ руку!

— Ради Бога, замолчи, Лизавета Ивановна.

— Вы ужь вѣчно такая, Наталья Алексѣевна! Кабы послушались меня, ничего бы этого не было.

Я не въ силахъ была спорить съ ней въ эти минуты и молча отвернулась отъ нея къ окну.

— Лизанька, сказала я ласково, вспомнивъ объ Анѣ и обрадовавшись случаю развязаться съ своею неугомонною наставницей:—сходи, пожалуйста, за бѣлыми пряниками, въ лавочку; возьми тамъ въ шкатулкѣ возьми и деньги.

Въ этотъ день мнѣ слѣдовало бы сидѣть дома; но слово, данное накануне Анѣ, я не желала нарушить. Одно меня смущало нѣскольکو: проходить въ садъ мнѣ доводилось мимо дома Александра Сергѣевича. Онъ въ двѣнадцать часовъ возвращался домой съ фабрикъ, и занимался у себя въ кабинетѣ; мысль что онъ стаметь слѣдить за мною возмущала меня. Однакожь я подавила въ себѣ это чувство, и взявъ отъ Лизы пряники, отправилась на мѣсто свиданія. Я не ошиблась; окно его кабинета было открыто; изъ окна неслись сивелатыя струйки дыма; онъ былъ дома и долженъ былъ видѣть меня. Поровнявшись съ его окнами, я опустила глаза и прошла, не подывая ихъ. Сердце у меня сильно билось; голова кружилась и трещала; въ глазахъ летали черныя мухи; никогда я не чувствовала себя столь разбитою и разстроенною какъ въ этотъ разъ. Подходя къ саду, я рѣшилась, если не застаю Аю, оставить пряники въ бесѣдкѣ и уйдти поскорѣе домой.

Дливыя кедровыя и лиственныя аллеи вели къ неболь-

мой площадкѣ, на которой была построена, въ видѣ башенки, бесѣдки. Узкая лѣстница вилась отъ нижней комнаты до самой верхней. Верхняя комнатка была отдѣлана на подобіе корзины съ цвѣтами, другая средняя тоже была устлана ремешными рогожками, уставлена диванчиками и зеркалами. Обѣ эти комнаты обыкновенно запирались на ключъ; въ нихъ рѣдко кто входилъ; но самая нижняя комната, большая, круглая, была по вечерамъ мѣстомъ отдохновенія Благородскаго. Здѣсь во всякое время можно было найдти какую-нибудь забытую имъ книгу, графикъ съ водой и сигарный пепель. Подъ круглыми окнами, едва-едва возвышавшимися надъ землею, росла пушистая трава, далѣе разрастались свѣтлою зеленью кустарники: переходъ отъ мрака къ свѣтлой зелени былъ очаровательнъ. Но теперь я была не въ такомъ настроеніи духа, чтобы наслаждаться красотой мѣстоположенія. Я поспѣшно вошла въ бесѣдку—никого нѣтъ, обошла кругомъ около кустарниковъ; также никого. Разсудивъ, что Аня или не пришла, или ей наскучило ждать меня, я возвратилась въ бесѣдку, и положивъ завернутый фургъ на столъ, обернувшись было чтобы выйдти, какъ въ кустарникахъ раздался тоненькій голосокъ.

— Mademoiselle?

Я выглянула изъ окна. Граціозная фигурка, съ мохнатою какъ у медвѣженка головой, подходила осторожно, на цыпочкахъ къ бесѣдкѣ; но, увидѣвъ меня, она въ одно мгновеніе очутилась подлѣ окна, а потомъ уже и у меня на кобѣняхъ:

— C'est cela, c'est cela! кричала она смотря влажными глазами на прѣяники и глотая слюнки,—oh! que vous êtes charmant! oh que je vous aime!

— И не зная что дѣлать, прѣяники ли ѣсть, или цѣловать меня, она съ прѣяникомъ во рту бросилась мнѣ на шею. Наконецъ, послѣ многихъ поцѣлуевъ, она кое-какъ ужомонилась, но это было мгновеніе, послѣ котораго взглянувъ на меня она вдругъ спросила.

— Connaissez vous, Mlle, ce Monsieur, qui est si grand et beau aux cheveux chatins?.. Tenez, notre intendant! c'est comme ça, que ma tante l'appelle?..

— Ну? сказала я видя, что ребенокъ опять занялся прѣяниками.

Но мысли маленькой дѣвочки перебивали уже съ одного предмета на другой; она вдругъ пожелала оказать мнѣ что-то

по секрету; для этого [потребовалось непривычное участіе моего рта. Она наклонилась къ нему и между тѣмъ какъ глаза ея смотрѣли въ разныя стороны, начала чуть слышно:
— Si mon cousin vous éprouse...?

И въ одно мгновеніе, нырнувъ мнѣ подъ плечо, она спрятала за меня свою густоволосую головку въ полной увѣренности, что находится тамъ въ совершенной безопасности.

Я оглянувшись: шагахъ въ десяти отъ насъ, прислонившись къ дереву, стоялъ Александръ Сергѣевичъ. Онъ былъ нѣсколько блѣднѣе, какъ будто отъ бессонной ночи, но совершенно спокоенъ: лицо его выражало желѣзную рѣшимость.

— Мамочка, тетка цѣлый часъ ищетъ васъ въ саду, проговорилъ онъ тихо, безъ всякой интонаціи.

Аня выглянула у меня изъ-подъ плеча, забрала пряжки и въ одно мгновеніе юркнула въ кусты.

Вчерашняя сцена живо провлеклась въ моемъ воображеніи; голова у меня сильно болѣла; думать, соображать я ничего не могла; но внутренній голосъ шепталъ мнѣ: онъ, который ненавидитъ безправность, явился нарушителемъ всѣхъ правъ, и негодованіе захватывало мнѣ духъ. Какъ только Аня скрылась, я встала на окно и приготовилась прыгнуть на землю. Въ два шага онъ былъ подлѣ меня и протягивалъ мнѣ руку. Но я съ негодованіемъ отвергла эту помощь, соскочила на землю, и пошла куда глядѣли глаза. Впрочемъ скоро я опомнилась и увидѣла, что иду по тропинкѣ, которая ведетъ на прудъ. Густая зелень кленовъ и вязовъ смѣнила хвойныя деревья и закрывала отъ меня сводъ небесный; въ густотѣ листьевъ чирикалъ цѣлый хоръ птичекъ, въ травѣ звенѣли кузнечики, солнечный лучъ, пронизывая зелень, рисовалъ тѣни на желтомъ пескѣ. Распутывая кусты и зелень, я шла впередъ; за мной двигались ровные, неизмѣнные, какъ бой маятника, шаги. Тропинка нѣсколько разъ перекрещивалась аллеями, раскидывалась въ разныя стороны; но, зная дорогу, я навѣрное вышла бы прямо къ пруду. Къ моему несчастію, предо мной мелькнуло зеленое шелковое платье и большіе глаза Горюхой. Не имѣя ни малѣйшаго желанія встрѣчаться съ этою госпожой, я быстро обернулась, свернула съ тропинки, и черезъ нѣсколько мгновеній очутилась предъ живой изгородью курстарниковъ. Идти не куда: я снова обернулась, и на этотъ разъ встрѣтилась уже лицомъ къ лицу съ Александромъ Сергѣевичемъ. Онъ молча далъ мнѣ дорогу, но пошелъ подлѣ

меня. Я чувствовала, какъ кровь приливала мнѣ въ голову и была въ виски; я хорошо помнила его оскорбленіе, но сосредоточить свою мысль ни на чемъ не могла. Разсудокъ оставалъ меня. Дойдя до скамейки, я остановилась и ставъ лицомъ къ нему, взглянула ему въ глаза.

— Вы оскорбили меня вчера, были первыя слова мои.

Онъ стоялъ неподвижно, прислонившись головой къ дереву.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашей чистотѣ, Наташа, сказалъ онъ спокойно послѣ долгаго молчанія.

Я вспыхнула.

— Вы могли сомнѣваться или не сомнѣваться, мнѣ до этого кѣтъ дѣла, я говорю: ломать мнѣ пальцы, тащить меня за собой вы не имѣли никакого права.

Я видѣла какъ глаза его опустились на мою перевязанную руку, какъ румянецъ выступилъ на его щекахъ и по дбу пробѣжали морщины, но въ то же мгновеніе лицо его приняло свою обычную неподвижную простоту, и твердые, прямые глаза опять поднялись на мое лицо.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашей чистотѣ, повторилъ онъ тихо, но съ силой страсти, которая требуетъ себѣ слова; — не умѣю сказать вамъ за что я люблю васъ, потому что въ васъ мнѣ все дорого и мило; но помню, что полюбилъ васъ за чистоту вашихъ понятій, за вашу честность и прямоту. Прежде я считалъ васъ за дѣвushку вполне развившуюся; въ этомъ моя ошибка, это свело меня съ ума вчера. Вы ребенокъ; на мiръ Божій вы смотрите ребяческими глазами; хорошеяко разглядывать людей вы не умѣете; легко примете мишуру за золото и какъ разъ броситесь въ петлю головой. Вы лждаетесь въ твердой рукѣ, которая могла бы поддержать васъ. Мать ваша, умирая, отдала мнѣ васъ, и пока я живъ, я не допущу васъ ни до одного легкомысленнаго поступка, который рѣшилъ бы вашу судьбу. Вы не способны ни на что низкое, безчестное, безнравственное, я вѣрилъ и вѣрю вамъ, Наташа. Черезъ четыре дня мы съ вами уѣдемъ отсюда.

— И вы станете ломать мнѣ пальцы, оскорблять меня? вскричала я въ негодованіи.— Кто поручится мнѣ, что вы не станете бить меня?

Онъ покраснѣлъ и долго молчалъ.

— Вѣрите ли вы моему честному слову? сказалъ онъ наконецъ просто: — Я отрублю ту изъ своихъ рукъ, которая коснется васъ. Вѣрите ли вы мнѣ, Наташа?

На это я не наплась ничего отвѣтить и молчала, но чувство оскорбленія стихало во мнѣ.

— Я сходилъ вчера съ ума, Наташа, продолжалъ онъ тѣмъ же простымъ убѣдительнымъ голосомъ, садясь подлѣ меня на скамейку.—Когда вы сдѣлаетесь моею женою, наши отношенія измѣнятся. Страсть моя по естественному закону должна угнѣриться; сумашествіе пройдетъ, останется одна любовь. Мы уйдемъ далѣе на сѣверъ... подальше отъ этого бессмысленнаго общества, подальше отъ этой прокислой цивилизаціи. Тамъ мы найдемъ себѣ жизнь, и сумѣемъ жить съ пользой... Я жилъ до сихъ поръ однимъ настоящимъ, но съ вами стану жить будущимъ. Вы все это понимаете, Наташа. Мои симпатіи—ваши симпатіи. Ваши радости будутъ моими радостями, мои вашими. Мы станемъ жить однимъ духомъ. Это непременно должно быть. Вы во мнѣ станете находить, также какъ я въ васъ, и радость, и блаженство, и тревогу. Съ другою женщиной я не уживусь, характеръ у меня тяжелъ... другую женщину я сдѣлаю рабой, сдѣлаю несчастною... Я не хотѣлъ вовсе жениться, но судьба распорядилась по своему, и черезъ четыре дня я сдѣлаю васъ своею женою, и вы будете счастливы со мною.

„Сдѣлаешь своею женою! Какое деспотическое выраженіе!“ подумала я.

— А ваше приказаніе не смѣть мнѣ ходить туда, куда вамъ не угодно—тоже должно быть отнесено къ особому счастью моему, проговорила я съ пренебреженіемъ.

— Я не такъ выразился, отвѣчалъ онъ, подумавъ,—я долженъ былъ сказать: „Прекратите, моя дорогая невѣста, всѣ свои сношенія съ Бѣлоградскими, этого я требую во имя нашего взаимнаго счастья.“

Смотря ему въ глаза, я долгое время не знала что говорить.

— Въ вашемъ требованіи я ничего не вижу разумнаго, проговорила наконецъ я.

— Разумнаго? повторилъ онъ, пристально взглянувъ на меня и какъ будто взвѣсивая мои слова:—Развѣ непременно нужно разумное въ этомъ?

— Непременно.

Морщина улеглась между его бровями.

— Я не люблю Бѣлоградскихъ, сказалъ онъ.

— Это вашъ личный вкусъ.

— И вамъ нѣтъ дѣла до него?

— Я готова многое сдѣлать для вашего удовольствія, но не раскочидься съ людьми, которыхъ я уважаю.

Онъ долго думалъ, потомъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ меня, наконецъ повернулся ко мнѣ и сѣлъ.

— Я имѣю основанія думать, сказалъ онъ послѣ замѣтной борьбы съ собой:— что эта Марья Бѣлоградская рѣшительно бросается на шею къ мужчинамъ.

— Это до меня не касается, сказала я, вспыхнувъ.

— Не касается? Брося она даже на шею къ вашему мужу?

— Въ мужѣ своемъ я предполагаю на столько нравственной твердости, чтобъ отстранить ее отъ себя.

— Съ вами не сговорись, рѣшилъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ — вы смотрите на все своими глазами. Наконецъ я не люблю Бѣлоградскаго: ему только говорить эти карикатурныя спичи. Онъ ѣздитъ въ городъ къ любовницѣ, а здѣсь отбираетъ портреты отъ молоденькихъ дѣвушекъ. Въ одно время ставить свѣчки и сатаки, и Богу. Я изломаю ему ребра.

— Я сама отдала ему портретъ, сказала я.

Александръ Сергѣевичъ немедленно повернулъ ко мнѣ свое лицо.

— Я въ то время не видѣла въ этомъ ничего дурнаго, но еслибъ я только знала!..

— Оставимъ это, прервалъ онъ спокойно, но поблѣднѣвъ:— я не спрашиваю.

— А я разкажу. Портретъ я дѣлала для Машу; онъ лежалъ у нея больше недѣли. Потомъ Бѣлоградскій пожелалъ имѣть его. Я подумала почему не сдѣлать невиннаго удовольствія человѣку и человѣку хорошему. Но еслибъ я знала..

— Что бы ты знала?

— Что онъ ведетъ интригу въ городѣ..

— А тебѣ какое дѣло до этого?

— Я никогда не отдала бы своего портрета въ такія грязныя руки.

— Наташа! проговорилъ онъ и вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, хотѣлъ, кажется, обнять меня.

Я отскочила отъ него.

— Не прикасайтесь ко мнѣ! проговорила я.

— Моя Наташа! моя радость! говорилъ между тѣмъ онъ. Я еще сдѣлала шагъ отъ него. Онъ былъ взволнованъ, блѣднѣлъ; потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу.

Подобное волненіе было мнѣ знакомо. Въ эти минуты онъ сидѣлъ, не шелохнувшись, дѣлался кротокъ и тихъ какъ ягненокъ, а главное, все готовъ былъ сдѣлать для меня. Я знала, что на его честное слово можно было положиться какъ на каменную гору и воспользоваться его настроеніемъ.

— Впервыхъ, дайте мнѣ слово, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, вы не станете пить вино.

— Честное слово, мое сокровище!

— Потомъ, вы должны извиниться предъ Бѣлоградскимъ: я не хочу, чтобъ у васъ вышла съ нимъ какаля-вибудь ссора изъ-за меня.

— Ничего не выйдетъ. За все одинъ поцѣлуй, моя Наташа, моя невѣста, мое счастье!

„Неужели я опять сошлась съ нимъ? мелькнуло у меня въ головѣ. Какже это такъ?.. Но, опять думалось мнѣ, когда же я расходилась съ нимъ? Не имѣлъ ли онъ права въ продолженіи года обнимать и цѣловать меня? Могутъ ли стереться его поцѣлуй? не горять ли они до сихъ поръ у меня и на лбу, и на щекахъ, и на губахъ?“ При этомъ воспоминаніи я вспыхнула и опустила голову.

— Не мучь же меня, Наташа, и поцѣлуй меня поскорѣе! прошепталъ онъ едва слышнымъ, замирающимъ шепотомъ.

Я опять взглянула на него. Конечно, мнѣ не стоило большаго труда поцѣловать его. Еслибъ онъ умѣлъ сидѣть смирно во время моихъ ласкъ, я поцѣловала бы его даже не одинъ разъ. Но онъ владѣлъ собой до тѣхъ только поръ пока мы находились на приличномъ разстояніи; а тамъ за одинъ поцѣлуй награждалъ меня цѣлою сотней. Онъ вовсе не умѣлъ быть кѣженъ. Стоило попасть только въ его медвѣжьи лапы, чтобы почувствовать себя изломанною на цѣлый день: цѣлуя и обнимая, онъ готовъ былъ задушить меня. Я боялась его въ эти минуты и давно перестала отвѣчать на подобныя желанія. Теперь также, стоя предъ нимъ, я соблюдала всевозможную осторожность. При малѣйшемъ его движеніи я дѣлала шагъ назадъ; еслибъ ему вздумалось встать, я убѣжала бы отъ него безъ оглядки. Но онъ, не спуская съ меня глазъ, сидѣлъ не шелохнувшись, и я съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то страшнымъ волненіемъ, разсматривала черты его лица и блескъ большихъ синихъ глазъ... Но за мной вдругъ послышался шорохъ. Я обернулась. Горская съ Аней проходила мимо бесѣдки.

Черные глаза старухи, при видѣ насъ, съ ужасомъ отвратились какъ отъ преступниковъ. Негодование вспыхнуло во мнѣ, одно мгновеніе, и я, обвинивши руками около шеи Александра Сергѣевича, поцѣловала его въ лобъ и въ щеки. Въ этомъ моемъ увлеченіи я не приняла въ расчетъ личности своего жениха, поступила съ нимъ какъ съ машиной, съ неодушевленнымъ предметомъ, оскорбила его и какъ мужчину, и какъ любящаго человека. А онъ, между тѣмъ, какъ нарочно, сидѣлъ не шелохнувшись и добровольно позволялъ разыгрывать съ собой комедію. Не выпуская его шею изъ своихъ рукъ, я взглянула ему въ лицо.

— Еще, еще, Наташа! вырвался страстнымъ, едва слышимымъ шепотомъ изъ его груди.

У меня руки опустились сами собой, и я тихонько отошла отъ него. Онъ быстро всталъ и съ страстнымъ движеніемъ подошелъ ко мнѣ; но я отстранилась, и нахмурившись прошептала, что мнѣ не хочется больше. Онъ переломилъ себя. Да, я сдѣлала дурно, и не только потому что оскорбила его, но ввела его въ заблужденіе насчетъ своихъ чувствъ... Я открыла уже ротъ, чтобы во всемъ покаяться предъ нимъ, но при взглядѣ на его счастливое лицо, блиставшее чуть не блаженствомъ, на порывистое дыханіе, на полуоткрытый ротъ, который какъ будто говорилъ: „Безцѣнная дѣвушка!“ на его лобъ, открытый и чистый, безъ всякаго слѣда помысла о будущемъ или прошедшемъ, я невольно опустила глаза и замолчала. Онъ жилъ настоящимъ, это очевидно; слѣпая случайность сдѣлала его совершенно счастливымъ, зачѣмъ же я стану отравлять его счастье? Нѣтъ, еслибъ онъ былъ моимъ смертельнымъ врагомъ, и тогда не поднялась бы моя рука на него, не открылась бы мой ротъ. Пусть онъ думаетъ что хочетъ; можетъ-быть, когда нибудь и я полюблю его. Я для него, по его словамъ, единственный интересъ въ жизни, мнѣ онъ хочетъ посвятить всего самого себя; въ его года хорошему человеку жить для одного себя дѣйствительно скучно: онъ и задумалъ пережвѣнить свой образъ жизни, но для этого потребовалось мое содѣйствіе; нѣтъ, не содѣйствіе, а просто моя личность, и онъ не затруднился обратить меня въ тулгусскаго божка... Онъ меня непременно сдѣлаетъ своей женой, стало-быть объ этомъ и говорить больше нечего, я должна привыкать къ нему. Конечно, сначала это будетъ трудненько, но потомъ у насъ, какъ онъ говоритъ, будутъ

дѣти, которыхъ я естественно стану любить, а любя дѣтей, я не могу не любить и отца ихъ.

Дорогой онъ не помню что-то говорилъ мнѣ, но занятая своими мыслями, я не отвѣчала ему и не смотрѣла на него. Вся задача, по моему мнѣнію, состояла только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему, какъ къ мужу, а тамъ все устроится само собой. Итакъ я возвращалась домой, связанная съ нимъ больше чѣмъ когда бы то ни было. Онъ былъ сильнѣе меня характеромъ, или, можетъ-быть, страсть дѣлала его сильнѣе, только онъ болѣе или менѣе умѣлъ заставить меня соглашаться съ нимъ. Спорить не о чемъ. Онъ скоро ѣдетъ отсюда, я также уѣду съ нимъ; Лизу мы увеземъ съ собой... и я видѣла какъ въ глазахъ у меня летаютъ черныя мухи, какъ все идетъ около меня кругомъ, и руки, несмотря на жаркій день, не могутъ согрѣться.

Лишь только мы вышли изъ сада, какъ онъ, по своему обычаю, пересталъ смотрѣть на меня и, въ послѣдній разъ прижавъ мою руку къ своей груди, выпустилъ ее совсѣмъ изъ своихъ рукъ. Далѣе, мы шли молча другъ подлѣ друга какъ люди совершенно посторонніе; на мосту мы также молча разстались: онъ вошелъ къ себѣ, а я отправилась домой. Еще издали я разглядѣла у воротъ своего дома респектабельную наружность служителя Бѣлоградскаго. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, сложивъ ноги одна на другую, и съ важнымъ хладнокровіемъ слушалъ школьнаго сторожа, который съ большимъ жаромъ что-то объяснялъ ему. Ходить запросто къ моему сторожу въ гости служитель, читающій газеты, жившій съ бариномъ долгое время за границей, никогда не ходилъ. Онъ былъ для этого слишкомъ аристократиченъ; стало-быть онъ пришелъ ко мнѣ за чѣмъ-нибудь отъ Бѣлоградскаго, и сердце мое сильно забилось предъ неизвѣстностью. Я замедлила шагъ и опустила голову, раздумывая, зачѣмъ онъ могъ послать его ко мнѣ? При моемъ приближеніи респектабельный лакей подаялася и вручилъ мнѣ маленькій изящный конвертикъ съ гербомъ Бѣлоградскихъ. Распечатать этотъ конвертикъ я не рѣшилась тутъ же при служителѣ и, войдя уже къ себѣ въ комнату, прочла нѣсколько словъ изящнаго почерка:

„Позвольте мнѣ выразить вамъ мое искреннее сожалѣніе о томъ, что я, по своей недогадливости, осмѣлился принять отъ васъ вашъ портретъ, и могъ такимъ образомъ ввести

васъ въ отвѣтственность предъ людьми близкими вамъ. Конечно, мнѣ нечего увѣрять васъ въ неизмѣнности моего глубокаго уваженія къ вамъ. Оно-то еще разъ побуждаетъ меня попросить у васъ позволенія оставить у меня вашъ портретъ.

„Прошу принять увѣреніе въ искренности уваженія отъ всегда готоваго къ услугамъ вашимъ

„І. Бѣлоградскаго.“

Читая эту маленькую записочку, я нѣсколько разъ краснѣла. Она показалась мнѣ слишкомъ сухой, слишкомъ официальной, а главное слишкомъ колючей: онъ указывалъ мнѣ, со всевозможною учтивостью, на легкомысленность моего подарка. Я схватила перо и на оборотѣ его записки написалъ:

„Я никогда не придавала никакой цѣны своему портрету. Если вамъ угодно оставить его у себя—оставьте; если не угодно, разорвите и бросьте. Это зависитъ совершенно отъ васъ.“

Наложивъ облатку, я завернула опять конвертикъ и послѣ минутнаго раздумья вручила его Лизѣ для передачи слугѣ.

„Все устроено, все кончено“, подумала я, слѣдя глазами за сухимъ и тощимъ слугою. Вотъ его сѣрое пальто и желтые панталоны мелькаютъ на мосту, даже онъ свернулъ къ большому дому, не о чемъ, значитъ, и думать! Дай Богъ счастья человѣку, такъ неудачно остановившему свой взглядъ на мнѣ; между нами никогда ничего не было общаго. Пусть онъ идетъ своею дорогой и вспоминаетъ обо мнѣ... если захочетъ; а не то пусть вовсе забудетъ, это еще лучше!

XIII.

Рука моя болѣла, но вчерашнее оскорбленіе Александра Сергѣевича, послѣ его раскаянія, сгладилося. Я понимала его гнѣвъ, понимала его раскаяніе, и совѣсть моя не могла выставить это оскорбленіе основательною причиною къ разрыву. Что такое любовь? Не вытекаетъ ли она изъ самого человѣка, изъ его натуры, не подвержена ли она тѣмъ же психологическимъ законамъ, какъ и всякое человеческое чувство. Александръ Сергѣевичъ у меня предъ глазами: не внесъ ли онъ и въ эту страсть своей личности? страсть не очистила его, а разорвала только узкія пути утилитарности. Я чувствовала хорошо, что годъ

тому назадъ, давая ему слово сдѣлаться его женой, я легче вступала на тотъ путь, по которому шла теперь тяжелыми, медленными шагами; онъ тащилъ меня за собой; ослабѣи его сила на мгновение, и мнѣ казалось, что я оторвусь отъ него. Но онъ страстно любитъ меня, силы въ это время не слабѣютъ, и я вѣрила, что онъ дотащитъ меня до церкви, и поставитъ подъ венецъ. Не правъ ли онъ, говоря, что сдѣлаетъ меня своею женой, и чѣмъ я тутъ возмущалась? Отказываться отъ него? Но развѣ это легко сдѣлать. Можетъ-быть, Маша и сумѣла бы это сдѣлать; но я знала съ кѣмъ имѣю дѣло: знала, что за личность мой женихъ, и отступаться отъ него безъ всякой причины я не могла; я не умѣла этого сдѣлать; совѣсть моя возмущалась противъ всякаго нечестнаго поступка. Въ этотъ день онъ былъ счастливъ и счастливъ выше всякой мѣры: не прошло полчаса съ минуты моего возвращенія домой, какъ я получила отъ него громадный букетъ цвѣтовъ. Лиза внесла его въ комнату обѣими руками. По ея торжествующему виду, я узнала съ перваго раза отъ кого эти цвѣты, и только спросила:

— Кто привезъ?

— Да Василий Петровичъ, отвѣтила она, разрознивъ глаза:— Чайкомъ бы его напоить.

— Это совершенно въ вашей волѣ. Онъ ничего не говоритъ?

— А вотъ уже разспрошу. Этакая громада! дивилась она, устанавливая цвѣты.

Я дивилась не меньше Лизы, только другому,—Александръ Сергѣевичъ, посылающій букеты цвѣтовъ! Кто бы могъ это подумать? Въ жизни каждаго челоѣка есть мгновения, когда онъ дѣлается ребенкомъ. Образъ моего жениха, посылающаго букеты цвѣтовъ, представлялся мнѣ въ какомъ-то неестественномъ видѣ. Ясно, онъ теперь былъ не тѣмъ чѣмъ три дня тому назадъ; вчера эта гнѣвная вспышка, сегодня странное явленіе букета: приближеніе нашей свадьбы видимо сводило его съ ума, а мой поцѣлуй свернулъ ему голову окончательно. Разумѣется, онъ, какъ и всякая сильная натура, чувствовалъ сильно, и въ минуты сильнаго чувства, могъ, что называется, выходить изъ береговъ. Но чѣмъ все это кончится?..

Голова у меня сильно болѣла. Я чувствовала боль во всѣхъ членахъ. Мысль объ Александрѣ Сергѣевичѣ сильно занимала меня; мнѣ хотѣлось узнать отъ Василя гдѣ онъ

теперь находится; но спуститься вниз для этого стоило бы мнѣ большихъ усилий, и я предпочла на этотъ разъ улесть-ся въ постель. Часа два я лежала въ забытьи, спать не спала, но не слышала ничего что происходило вокругъ меня, и только присутствіе Лизы въ комнатѣ заставило меня понять, что я лежала довольно долго.

— Наталья Алексѣевна, а, Наталья Алексѣевна, начала она, скорчивъ прежалостную гримасу:—вы словно того...

— Что того? спросила я, быстро поднявъ голову, и почувствовала сильный ударъ въ виски.

— А я ужъ было думала, начала она веселѣе послѣ осмотра моею физиономіи:—какъ бы вы не заболѣли. Вотъ что, Наталья Алексѣевна: вамъ бы покушать маленько, да и уснуть, такъ бы все и прошло—а?

— Нѣтъ, благодарю васъ, Лизавета Ивановна.

Она исподлобья взглянула на меня и, встрѣтивъ мою улыбку, засмѣялась.

— А баринъ-то изъ большаго дома, вѣдь самъ ходитъ вездѣ съ вашимъ баринкомъ, сказала она, подойдя ближе:—значитъ, какъ вы обвиняетесь съ Александромъ Сергѣевичемъ, да увидите отсюда, здѣшній баринъ самъ, сказывають, будетъ управляющимъ.

— Кто это наговорилъ тебѣ такихъ диковинокъ? спросила я неохотно, но увидѣвъ, что мой вопросъ вызвалъ недовольную гримасу на лицо Лизы, поспѣшно прибавила: — видишь ли, Лизавета Ивановна, Александръ Сергѣевичъ вчера говорилъ, что управленіе заводомъ онъ передаетъ одному своему знакомому, поэтому я и не могла повѣрить тебѣ.

— А коли тотъ захворалъ, спросила она, искосивъ глаза и склонивъ шею на одинъ бокъ:—тогда какъ?

— Тогда будетъ значить, что ты знаешь больше меня.

— А коли баринъ изъ большаго дома, продолжала она съ вразумительностью, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:—пойдетъ въ Петербургъ по осени, тогда какъ?

Я признала себя побѣжденною, и молча уложила голову на подушку.

Въ вечеру Лиза, замѣтивъ что я ничего не ѣмъ, еще болѣе встревожилась о моемъ здоровьи. При видѣ ея заботъ, я заставила себя пройти нѣсколько разъ по комнатѣ, поговорить съ ней, посмѣяться и такимъ образомъ успокоила ее. Но сама я не спала цѣлую ночь: бредила; нѣсколько разъ

вставала пить воду и только уже передъ утромъ забылась тяжкими сномъ, который не освѣжилъ меня, а утомилъ. Пробудившись, я начала сознавать, что со мной дѣлается что-то не совсемъ обыкновенное; однакожь, не будучи еще совершенно увѣрена въ своей болѣзни, я встала, умылась, и не подавая Лизѣ никакого вида, начала пить съ ней чай. Впрочемъ, я надѣялась еще пересилить свое расстройство. Въ то время какъ Лиза ушла стирать вѣзъ, я спуталась въ свой маленькій садикъ и начала пересаживать измятые наканунѣ дождемъ цвѣты. Голова у меня кружилась, силы ослабѣли, я нѣсколько разъ бросаю работу и ложилась на траву. Изъ горъ, прилегавшихъ къ моему огороду, бѣжали ключи; вода, пробѣгая по глышамъ, звенѣла; надо мной сияло бездонное небо; надъ горами летѣла по безконечному пространству цѣпь бѣлыхъ облаковъ; въ травѣ раздавался трескъ насѣкомыхъ; но все это не вызывало никакого отраднаго представленія въ моей душѣ. Въ одну изъ этихъ минутъ отдохновенія, Лиза взглянула изъ окна и закричала мнѣ во весь духъ: „Наталья Алексѣвна!“ Голосъ ея былъ встревоженъ болѣе радостью чѣмъ испугомъ. Мнѣ показалось, что она поражена и удивлена донельзя чѣмъ-то приятнымъ. Я вскочила съ травы и ждала.

Она скоро показалась въ комнаткѣ, съ пунцовымъ лицомъ и торжествующимъ видомъ. Въ рукахъ у нее находилась шкатулка чернаго дерева, отдѣланная серебромъ, съ перламутровыми инкрустаціями. Эту шкатулку она несла со всевозможною осторожностію, и чѣмъ ближе подходила ко мнѣ, тѣмъ торжественнѣе и легче дѣлалась ея шагъ.

— Это вамъ, Наталья Алексѣвна, гостинецъ отъ жениха, сказала она, поставивъ шкатулку на скамейку и подобравъ губы съ подобающимъ приличіемъ.

Я стояла молча, плохо понимая что все это значитъ; но нетерпѣніе Лизаньки скоро привело меня въ себя. Не дожидаясь позволенія, она отомкнула шкатулку маленькимъ ключикомъ, который тутъ же висѣлъ на серебряной цѣпочкѣ и, открывъ глаза, остановилась въ ребяческомъ удивленіи.

— Лиза!

— Что? спросила она съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

— Мнѣ очень жаль...

— Чего жалѣть-то?... продолжала она тѣмъ же тономъ.

— Что я не попросила Александра Сергѣича прислать мнѣ мышь.

Лиза разсердилась и отошла прочь.

Я подошла къ скамейкѣ. Въ эту минуту на башнѣ начали бить часы, и двѣнадцать ударовъ, раздавшихся мѣрно одинъ за другимъ, напомнили мнѣ вчерашнее извѣстіе Лизы. Я покраснѣла и заглянула въ шкатулку. Тутъ были ожерелье, діадема, браслеты, брошки, серьги, цѣпочки, наконецъ, маленькіе часы; все это горѣло разноцвѣтными огнями на солнечныхъ лучахъ. Смотря на эти драгоценности, я невольно стала припоминать свое блѣдное лицо съ большими глазами, свою фигуру худенькую, грустную, какъ будто что-то потерявшую. Золото и брилліанты, возвышающіе красоту женщины, я видѣла ясно, не годились для меня. Всякая вещь имѣетъ цѣну только тогда, когда соответствуетъ потребностямъ своего обладателя; эту старую истину завѣщали намъ еще баснописцы: и я не носила даже серегъ, а тутъ была діадема и ожерелье! Еслибъ я была въ другомъ настроеніи духа, то можетъ-быть, улыбнулась бы, но теперь я попросила только унести всѣ эти вещи въ комнату и, усѣвшись на скамейку, стала размышлять о подаркѣ Александра Сергѣевича.

Я получала въ былое время, постоянно, гостинцы отъ Александра Сергѣевича, и получала ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ; но съ тѣхъ поръ прошло много времени; подарокъ утратилъ въ моихъ глазахъ свой естественный, первоначальный характеръ. Александръ Сергѣевичъ давно пересталъ тѣшить меня, какъ ребенка, разными игрушками, и съ тѣхъ поръ, никогда ничѣмъ не дарилъ меня. Мнѣ даже казалось до сихъ поръ, что цѣнные подарки не въ его характерѣ. На наряды онъ не обращалъ никакого вниманія: я могла нарядиться во что мнѣ угодно, съ полною увѣренностью, что онъ не захѣтитъ моей одежды. А теперь, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ посылаетъ мнѣ цѣлую груду дорогихъ вещей,—и къ чему мнѣ все это? По его собственнымъ словамъ, мы станемъ жить въ глуши; для чего же, для какой цѣли, я стану наряжаться въ эти брилліанты? Онъ видимо объ этомъ не думалъ, и посылалъ блестящія украшенія, какъ плату мнѣ за вчерашнія ласки. Чѣмъ имаче можетъ мужчина выразить свое чувство къ женщинѣ?... И размышляя такимъ образомъ, я краснѣла; голова и щеки мои горѣли; мысли начали путаться, и одна бессмысленнѣе другой втирались мнѣ въ голову: то представлялось мнѣ, что онъ заплатилъ мнѣ за мой

вчерашии поцѣлуй, то опять думалось, что онъ догадался о моемъ невольномъ обманѣ и захотѣлъ уколоть меня этимъ подаркомъ. Я начинала бредить съ открытыми глазами, и какъ ни отгоняла отъ себя эти мысли, занявшись пересаживаніемъ цвѣтовъ, но онъ неотступно лѣзалъ мнѣ въ голову.

Въ этихъ болѣзненныхъ размышленіяхъ работа подвигалась у меня очень медленно: надъ одною, небольшою грядкой цвѣтовъ, я старалась часовъ около трехъ, и не успѣла посадить даже половины цвѣтовъ; силы начинали измѣнять мнѣ, но вдругъ мускулистая рука протянулась надъ моимъ плечомъ къ цвѣтнику и захватила луковицу съ горстью земли. Всѣгда за этимъ знакомый голосъ ласково проговорилъ:

— О, какая же ты невѣжда въ этомъ дѣлѣ! развѣ годится для дѣлѣи такой груutzъ земли? Вотъ уже на досугѣ я покажу тебѣ это мастерство.

Я быстро взглянула на рукава и манжетку своей рубашки; она была вся въ грязи, и я осталась на мѣстѣ, размышляя, встать ли мнѣ, или сидѣть такъ какъ онъ засталъ меня, спиной къ нему. Однакожь онъ на этотъ разъ не позволилъ мнѣ долго думать. Взявъ меня обѣими руками за голову и наклонивъ къ себѣ мое лицо, онъ поцѣловалъ меня въ лобъ. Невыносимая боль ударила мнѣ въ виски. Я вскочила, и въ одно мгновеніе стояла передъ нимъ, смотря ему въ глаза. Онъ улыбался.

— Уши, лобъ и носъ, все у тебя въ грязи, мой несравнимый громъ, сказалъ онъ, заключая меня въ свои объятія;— пожалуста, не рвись; въ этомъ видѣ ты во сто разъ милѣе.

И склонившись къ моему лицу, онъ опять прижалъ къ нему свои губы.

Увертываться отъ него въ эту минуту я не думала, но я уперлась лбомъ въ его животъ и закрыла такимъ образомъ лицо отъ его поцѣлуевъ. Пока Александръ Сергѣевичъ не высказывалъ предо мной своей страсти, и позволялъ мнѣ держаться въ приличномъ отъ него разстояніи, я еще мирилась съ мыслию о своемъ замужествѣ. Бракъ казался мнѣ святыней, которая можетъ переродить человѣка; но теперь я дрожала, задыхалась и ясно понимала, какой безтолковый поступокъ я сдѣлала, введя его въ заблужденіе насчетъ моихъ чувствъ.

— Отпустите меня! вскричала я, не выдержавъ:—я хочу спросить васъ, прибавила я немедленно:—были вы у Бѣлоградскаго?

— Да, вѣдь ты просила меня объ этомъ!—И рука его ослабла, но глаза глядѣли со страстью.

— Я не понимаю, что хотите вы этимъ сказать?

— То, что мнѣ стоить всегда неизмовѣрныхъ усилій отказать тебѣ въ чемъ-нибудь. Я былъ вчера у Бѣлоградскаго и далъ ему волю вылить на меня всю жолчь, которая накопилъа у него съ того проклятаго вечера. Я былъ не правъ не столько передъ нимъ, сколько передъ тобой. Отъ дуэли я наотрѣвъ отказался, это не христіанскій обычай и не мой, да и не въ нашихъ нравахъ... Но здорова ли ты? спросилъ онъ быстро, увидѣвъ что я, освободившись изъ его рукъ, пошатнулась и схватила себя за голову.

— Ничего, отвѣтила я поспѣшно:—у меня закружилась голова, но это пройдетъ.

Онъ хотѣлъ было взять меня за руки, какъ будто намѣревался провѣрить мои слова, но я закинула руки назадъ, и не взглянувъ на него, направилась къ калиткѣ. Онъ послѣдовалъ за мною.

Возвратясь въ комнату, я открыла шкатуку, посмотрѣла на вещи, потомъ опять закрыла ее. Когда я подняла глаза, онъ сидѣлъ уже у окна подлѣ букета и слѣдилъ за мною влажными глазами. Никогда я не видала его въ такомъ упоепіи какъ въ этотъ разъ и, можетъ-быть, еслибъ я была совершенно здорова, то перенесла бы терпѣливо его ласки, и его подарокъ, и его заблужденіе, стала бы стараться помириться со всѣмъ и, кто знаетъ, авось достигла бы своей цѣли; но теперь я не была въ состояніи владѣть собой: счастье его раздражило меня, ласки его причиняли мнѣ боль, а подарокъ сводилъ съ ума. Повертѣвъ шкатулку, я взяла ее, и рѣшительными шагами подошла къ нему.

— Зачѣмъ вы это прислали мнѣ? спросила я съ негодованіемъ, поставивъ шкатуку подлѣ него на столъ.

Я видѣла, какъ лицо его вдругъ окаменѣло; но глаза не переставали съ вѣжностью смотрѣть на меня, и я настойчиво продолжала:

— Мнѣ не нужны эти вещи!.. Что я за ворона въ паваньихъ перьяхъ!.. Куда я стану надѣвать ихъ!

Онъ смотрѣлъ на меня; глаза его холодѣли.

— Развѣ я стану надѣвать ихъ на крестьянскія посидѣлки!.. Возьмите ихъ назадъ.

Онъ еще долго молчалъ, пристально разсматривая мое лицо и наконецъ выговорилъ съ видимымъ спокойствіемъ:

— На что же мнѣ-то все это?

— А мнѣ на что?

— Стало-быть я ошибся, сказалъ онъ опять спокойно и безстрастно, но слегка поблѣднѣвъ: — и подарокъ мой ничего не значитъ въ вашихъ глазахъ?

— Ничего.

— Мое счастье выразить вамъ свою любовь не имѣетъ въ вашихъ глазахъ никакой цѣны?

— Никакой.

Длиная, предлинная пауза. У меня кровь колотила въ виски, вѣки тяжѣли, какъ будто наливаясь свинцомъ. Онъ, блѣдный какъ мертвецъ и не поднимая глазъ съ полу, сидѣлъ неподвижно.

— Что же дѣлать, сказалъ онъ наконецъ, уже съ своимъ обычнымъ безстрастіемъ.—Я былъ глупъ, поддавшись недѣльной надеждѣ; я долженъ былъ знать, что мои чувства и желанія не имѣли и не имѣютъ въ вашихъ глазахъ никакой цѣны. Я долженъ былъ знать это, хоть потому, что мнѣ уже за тридцать лѣтъ, и я доживаю до сѣдыхъ волосъ.

И медленно, опустивъ руки въ ящикъ, онъ вынулъ оттуда золотую цѣпочку, чрезвычайно тонкой и изящной работы. Сложивъ ее въ три раза онъ въ мгновеніе ока разорвалъ ее на шесть частей. За цѣпочками онъ вынулъ часы и брякъ! маленькіе часы разлетѣлись въ дребезги. За часами послѣдовали брошка, ожерелье, діадема и другіе вещи, все это коверкалось и мялось, съ ужасающимъ безстрастіемъ.

„А, такъ вотъ онъ какой!“ бродило у меня въ головѣ: „ясно, онъ привыкъ удовлетворять только своимъ чувствамъ, исполнять только свои желанія. Въ немъ нѣтъ ни капли нѣжности; никогда не бывать ему ни преданнымъ мужемъ, ни любящимъ отцомъ.“

Отвернувшись отъ меня и облокотившись на окно, онъ сидѣлъ довольно долго; наконецъ, взявъ со стола фуражку, всталъ и, не посмотрѣвъ на меня, вышелъ изъ комнаты.

Увидѣвъ уходящаго Александра Сергѣевича, Лиза вбѣжала ко мнѣ въ комнату. При видѣ переломанныхъ вещей она ахнула и всплеснула руками.

— Убери весь этотъ соръ! сказала я довольно равнодушно; но лишь только она вышла изъ комнаты, я закрыла лицо руками и зарыдала.

XIV.

Проводить Александра Сергѣевича, я лежала часовъ до шести, не поднимая головы. Наконецъ Лиза явилась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что какая-то госпожа спрашиваетъ меня. Я поспѣшно встала и вышла въ угловую комнату. Здѣсь, дѣйствительно, дожидаясь меня модистка, которую Александръ Сергѣевичъ полторы недѣли тому назадъ привозилъ съ собою изъ города. Она привезла мнѣ вѣнчалное платье. Остальныя платья, по ея словамъ, будутъ готовы не раньше, какъ черезъ недѣлю, а зимніе сапоги пошлются мнѣ по адресу, куда я прикажу. Я никогда не воображала тратить большія деньги на вѣнчалное платье. Я желала только, чтобы оно было ново и чисто, но ни чуть не роскошно; между тѣмъ привезенный мнѣ нарядъ превышалъ, по моему взгляду, цѣнность всего приданого, которое я заказывала для себя. Я хорошо понимала, кому я обязана этимъ великолѣпіемъ. Платить за это платье, думалось мнѣ, я не стану, а то мнѣ придется совсѣмъ разориться и жить на его счетъ; онъ вѣрно такъ и хочетъ; но этого не будетъ, за платье я не заплачу и не надѣну его. Завтра же схожу въ лавку, куплю себѣ бѣлой кисеи, и сама сошью себѣ платье, а изъ этой бѣлой матеріи пусть онъ надѣваетъ себѣ рубашекъ, если хочетъ.

Однакожь, размышляя такимъ образомъ, я не подала никакого вида модисткѣ и отказалась только примѣривать платье по причинѣ головной боли. Она оставила меня съ низкими поклонами, обѣщая не замедлить доставкой и другихъ вещей. Эта невольная участница затѣи моего жениха показала мнѣ ненавистною.

Послѣ ея ухода, я не ложила уже въ постель и просидѣла надъ вѣнчалнымъ платьемъ безъ всякой мысли, прислушиваясь къ шуму въ головѣ вплоть до всеобщей. Но лишь только раздался ударъ въ колоколъ, я встала и, по привычкѣ, начала одѣваться ко всеобщей. Мнѣ помнитса, что Лиза нѣсколько разъ заходила ко мнѣ въ комнату, ахала надъ моимъ вѣнчалнымъ платьемъ; но какъ я вышла изъ воротъ школы, какимъ образомъ ноги мои довели меня до церкви, это выскочило у меня изъ головы. Не знаю также, какъ я вошла въ церковь, и что я дѣлала

въ продолженіи всемогущей; но помню, что при выходѣ, на паперти, я встрѣтилась съ Машей. Несмотря на то что я была далеко не въ наблюдательномъ настроеніи духа, блѣдность Маши бросилась мнѣ въ глаза. Меня также поразили надменный взглядъ, которымъ она оглядѣла меня, какъ свою подчиненную, съ ногъ до головы, и потомъ съ равнодушнымъ презрѣніемъ отвернувшись отъ меня, какъ отъ жаской твари, обратилась къ теткѣ. У Маши съ братомъ было фамиліальное умѣнье карать людей, которые не приходились имъ по нраву. Я увидѣла, что впала въ немилость; но дѣлать было нечего; я не считала себя виноватою передъ нею, и только пожалѣла объ ея заблужденіи. Она шла скорыми шагами, опередила тетку и, оставившись на крыльцѣ, снова повернула лицомъ ко мнѣ. Большіе черные глаза ея горѣли огнемъ, а надменное выраженіе ея личика придавало ей необыкновенную красоту. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ церкви, и намѣреваясь уже завернуть за уголъ, я услышала звонкій, но отрывистый голосокъ Маши: она называла меня по имени. Я остановилась и обернулась къ разгнѣванной владычицѣ. Она, опустивъ глаза, быстро подошла ко мнѣ, но презрительное выраженіе не покидало ея лица.

— Я васъ не стала бы затруднять своимъ разговоромъ, начала она надменно:—еслибъ это только касалось меня; но тутъ замѣшанъ братъ и этотъ... управляющій, кажется, вашъ женихъ. Онъ сегодня былъ у брата и требовалъ вашего портрета. Когда вы отдавали его брату, вы должны были предупредить его, что у васъ есть господинъ, который можетъ выскать съ васъ за вашу легкомысленность и отнять у брата портретъ. Это вы обязаны были сдѣлать.

„А, значить онъ ходилъ къ Бѣлоградскому!“ мелькнуло у меня въ головѣ, и негодованіе, глубокое негодованіе съ примѣсомъ ненависти, противъ этого эгоиста, который видитъ только всегда самого себя, охватило меня. Последнему его поступку я въ эту минуту не могла найти извиненія.

— Я не понимаю съ чего вы взяли, что онъ мой женихъ, сказала я:—я его никогда не любила и не люблю.

— Вы ждете!

Я вспыхнула.

— Подобными фразами порядочные люди не говорятъ, сказала я.

— Вы обманывали меня цѣлый годъ, и я имѣю право сказать вамъ это, возразила Маша.

— Бслабъ я не считала васъ помѣшанною, то назвала бы ваши слова низкою клеветой.

— И вы смѣете мнѣ такъ говорить?

— Не принимайте, пожалуйста, той роли, которая вамъ мѣшаетъ. Вы не утрашите меня; вы хорошо знаете, что я всегда смѣла и смѣю называть вещи по ихъ имени. Мнѣ стыдно за себя, стыдно за васъ: мы, женщины, дѣвушки, и споримся изъ-за кого? изъ-за чего? Загляните въ себя и краснѣйте! Въ заключеніе, если вамъ угодно, я успокою васъ: я не выхожу замужъ за Зарятину и не выйду никогда. Вы можете приглашать его снова къ себѣ, но только я никогда уже не буду между вами посредницей. Прощайте!

Съ послѣдними словами я отвернулась отъ нея; но она быстро схватила меня за руку, и положивъ руку на плечо, заглянула мнѣ въ глаза.

— Я не ссорюсь съ вами, Наташа, поцѣлуйте меня, помиритесь. Я виновата передъ вами.

И не дожидаясь моего отвѣта, она начала цѣловать меня.

Я была утомлена, нездорова; къ тому же она была выше и сильнѣе меня; овладѣть мной ей ничего не стоило. Однакъъ я сдѣлала усиліе отстранить ее отъ себя.

— Пожалуйста, Маша, безъ вѣжностей; вы знаете: онѣ мнѣ никогда не нравились.

— Вы сердитесь на меня? проговорила она, отстраняясь отъ меня.—Но все равно, я мирюсь съ вами. Вамъ тоже надо забыть вашъ гнѣвъ. Я не все вамъ оказала. Зарятинъ былъ сегодня у брата, не всталъ его дома и оставилъ у него записку, въ которой требовалъ вашего портрета. Братъ въ негоднованіи отъ этого требованія и никогда не отдастъ портрета. Зарятинъ не спуститъ ему, и они подерутся.

— Пусть дерутся, пусть сломаютъ другъ другу головы, я очень желаю этого.

— Наташа, вы ли это?

— Это я. Чтѣ мнѣ за дѣло до нихъ обоихъ. Я не считаю себя причастною ихъ безумію; ни тому, ни другому нѣтъ дѣла до меня. Какое же мнѣ-то дѣло до нихъ.

Съ послѣдними словами я взглянула ей въ глаза; но она блѣдная, какъ смерть, дрожала.

— Вы не одѣваете этого, Наташа. Ради Спасителя, пойдите къ брату. Возьмите у него портретъ,— для меня! Какой ужасный характеръ у Заряткина! Какой онъ деспотъ! Еслибъ я только знала это!

И не выпуская моей руки, она довела меня до террасы. Здѣсь, оставивъ меня съ молебной ждателью возвращенія, она убѣжала въ залу. Я осталась одна. Всѣ чувства у меня были напряжены, мозгъ страшно работалъ, и я не чувствовала почти никакой боли.

Маша, впрочемъ, скоро обдѣлала все дѣло; Бѣлаградскій, холодный какъ ледь, учтивый какъ Китаецъ, явился на террасу.

— Вы требовали меня? спросилъ онъ сухо и спокойно склонивъ голову.— Чѣмъ я могу служить вамъ?

— Я пришла просить у васъ портретъ, сказала я твердо, съ тою отчаянною храбростью, которая идетъ впередъ зажимая глаза!

— Портретъ? какой портретъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Мой портретъ— тотъ что я вамъ отдала.

— Вы приводите меня, я долженъ признаться вамъ, въ крайнее удивленіе!... выговорилъ онъ съ прегадкою улыбкой притворнаго соблазнаванія.

— Я это знала и знаю. Но все же мнѣ нуженъ портретъ. Если вамъ угодно услужить мнѣ, а вы всегда предлагали мнѣ свои услуги,— то отдайте мнѣ портретъ мой и займите только я просила вашу сестру пригласить васъ увидѣться со мной.

— Я хотѣлъ бы знать, по крайней мѣрѣ, началъ онъ съ сарказмомъ въ глазахъ:— какія причины заставляютъ васъ дѣйствовать съ такимъ самоотверженіемъ.

Увидѣвъ, что онъ начинаетъ говорить со мной тѣмъ же тономъ, которымъ говорилъ съ молодою вдовой, я не нашла ничего другаго сдѣлать, какъ только отвернуться отъ него и проговорить:

— У меня голова болитъ.

— Очень сожалею!

Я быстро оглянулась и взглянула на гадко-проницательское выраженіе его лица, но еще разъ переломила себя съ отчаяннымъ усиліемъ и спросила:

— Вамъ не угодно отдать мнѣ мой портретъ?

— Съ полною готовностью, если вамъ угодно объяснить тѣ причины, которыя заставляютъ васъ дѣйствовать такимъ образомъ.

— Я не могу вамъ объяснить ихъ.

Онъ весьма вочтительно, низко и безмолвно поклонился мнѣ.

Я посмотрѣла ему въ глаза.

— Простите, что обезпокоила васъ, пробормотала я и пустилась бѣгомъ съ террасы.

На опушкѣ сада Маша догнала меня. Порывавшись со мной, она обвила мою шею и прошептала:

— Наташа! я во всемъ одна виновата. Онъ сердится на Заратана, я уговаривала его до вашего прихода отдать вамъ портретъ. Но онъ чуть не поссорился со мной. Вы правы: онъ тщеславенъ, самолюбіе у него на первомъ планѣ. Теперь онъ не хочетъ спустить Заратану. Я ошиблась въ немъ; я думала, онъ любитъ васъ. Простите меня.

— Богъ васъ проститъ!

— Не нужно, чтобъ они поссорились. Черезъ часъ я приду къ вамъ, можно?

— Зачѣмъ?

— Наташа!

— Приходите!

Она еще разъ поцѣловала меня, и скрылась въ тѣнистыхъ деревьяхъ.

Подходя къ своему дому, я находилась въ страшномъ волненіи; мнѣ казалось, что я горѣла въ огнѣ: такого ужаснаго состоянія я никогда не испытывала. Порывавшись съ домомъ, въ которомъ жилъ Александръ Сергѣевичъ, я заглянула въ одно изъ оконъ его кабинета, съ намѣреніемъ сказать ему два слова. Къ моему горю, въ кабинетѣ не оказалось никого, и повѣсивъ голову, я пошла домой.

Придя домой, я узнала отъ Лизы, которая по обыкновенію дожидалась меня у воротъ, что онъ сидитъ у меня. Я поспѣшила въ комнату. Когда я отворила дверь, мнѣ показалось, будто кто ударилъ меня по головѣ и съ такою силой, что въ глазахъ потемнѣло и память выскочила на нѣсколько мгновеній. Опомившись, я увидѣла, что стою въ дверяхъ угловой комнаты, около меня никого нѣтъ, на столѣ стоитъ зажженная свѣча, а дагѣ сидитъ Александръ

Сергѣевичъ и смотритъ въ стемнѣвшее окно. И подошла прямо къ нему. Онъ всталъ.

— Я хочу спросить васъ, начала я, и голосъ мой дрожалъ отъ гнѣва: — вы были у Бѣлоградскаго?

— Я сейчасъ отъ него, отвѣчалъ онъ мнѣ равнодушно.

— И видѣлись съ нимъ?

— Видѣлся.

— И требовали у него моего портрета?

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и спокойно сказалъ:

— Требовалъ.

Я вся задрожала.

— Гдѣ же ваше слово?

— Мое слово? повторилъ онъ съ гордостью, и брови его сдвинулись.—Развѣ я давалъ вамъ слово не ходить къ Бѣлоградскому?

— Вы давали мнѣ слово не заводить съ нимъ исторій на счетъ меня.

— Ну, такъ я развѣ завелъ? Онъ при первомъ моемъ словѣ наговорилъ мнѣ бездну дерзостей, такъ что я принужденъ былъ объяснить ему, зачѣмъ пришелъ. Онъ успокоился, увидѣвъ, что я пришелъ не переломать ему ребра, а говорить дѣло. Однакожь, портрета онъ мнѣ не отдалъ, и я ушелъ.

— И вы не постыдились требовать моего портрета? О! какой стыдъ!

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза совершенно спокойно и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти.

— Пять тысячъ изъ вашихъ денегъ, началъ онъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова:—я отдаю вашей невѣсткѣ, а на остальные купилъ для васъ земли—пять тысячъ десятинъ въ —скомъ уездѣ. Вотъ и крѣпостной актъ.

Съ послѣдними словами, онъ прерывающе отстегнулъ сюртукъ и, вынувъ изъ кармана бумагу, положилъ ее на столъ.

Эта послѣдняя, какъ казалось мнѣ, дерзость приняла въ моихъ глазахъ громаднѣшяе размѣры. На мгновеніе у меня блеснула мысль выбросить ему свои деньги въ плату за то время, которое мы съ матерью прожили у него; но, слава Богу, я не привела въ исполненіе этой скверной мысли и только, отбросивъ отъ себя бумагу, сказала, смотря ему въ синіе глаза:

— Какое право имѣли вы распорядиться моими деньгами! Не нужно мнѣ вашихъ земель; отдайте мнѣ мои деньги.

— У меня тамъ есть выкопанный заводъ, я поправлю его, отстрою, и мы поселимся тамъ жить, проговорилъ онъ равнодушно, не отвоя отъ моего лица своихъ скверныхъ, упорныхъ, синихъ глазъ.

— Отдайте мнѣ мои деньги, я вамъ говорю!

— Васъ опять затормозило! проговорилъ онъ съ невозможнымъ равнодушіемъ.

Это окончательно меня взбѣсило.

— Я не отдамъ вамъ изъ моихъ денегъ ни гроша, ни полунки, а этимъ,—я схватила бумагу и не владя собой, бросила ее подъ ноги ему:—владѣйте сами!

Онъ слегка попятился.

— Давайте мнѣ мои деньги, кричала я въ самозабвеніи:—мои деньги, гдѣ они?

— Успокойся, Наташа, что съ тобой? Ты съ ума склонишь, и онъ протянулъ мнѣ руку.

Я ударила его по рукѣ.

— Мои деньги? давайте мои деньги! Я ничего не хочу слышать Мои деньги! деньги! деньги! кричала я, приложивъ руки къ ушамъ.

Но вдругъ я опять почувствовала ударъ, который вышибъ у меня память изъ головы и свѣтъ изъ глазъ на нѣсколько мгновеній. Я схватилась за столъ. За этимъ мнѣ показалось, что рука Александра Сергѣевича, протанутая ко мнѣ, удлиняется страшно, а комната дѣлается шире и больше, потолки поднимаются, открывается черное-пречерное небо....

— Откуда я возьму тебѣ сію минуту деньги, заговорилъ онъ, и голосъ его, заколотивъ барабаномъ въ моихъ ушахъ, разбивалъ мою голову. — Завтра наша свадьба. Ты не понимаешь сама что говоришь.

— Я ненавижу васъ, ненавижу! закричала я, усиливалась перекричать этотъ страшный голосъ, и снова покачнувшись, схватилась за его же руку, все еще протанутую ко мнѣ; эту руку, стараясь удержаться на ногахъ, я крѣпко сжала. Потомъ все заскакало и закружилось вокругъ меня, я перестала видѣть его руки, ноги, одна голова его носилась вокругъ меня въ туманѣ, но и та скоро скрылась. Свѣтъ отъ огня погасъ, наступила темнота, большіе зеленые круги пошли вертѣться, блестящія звѣзды полетѣли въ нихъ изъ мрака.... Я опять открыла глаза: въ комнатѣ огонь, голова моя

жить на плечѣ ненавистнаго человѣка, а онъ, весь синій, наклонившись надъ моимъ лицомъ, обливаетъ его холодною водою и кричитъ съ отчаяніемъ:

— Доктора! доктора!

Я еще имѣла въ себѣ на столько силы, чтобы оттолкнуть его отъ себя и вскричать:

— Никогда вамъ не купить меня!—Но за этимъ я ничего уже не помню: темнота, мракъ, зеленые круги, блестящія звѣзды, и наконецъ сознаніе отлетѣло отъ меня....

XV.

Со мной сдѣлалась тифозная горячка. Девять дней я лежала безъ памяти. Между прочимъ, мнѣ снилось, будто кто-то изъ окружавшихъ меня въ то время, предложилъ позвать священника съ дарами. Я согласилась, и священникъ выросъ, какъ будто изъ земли. Впрочемъ, это нисколько не удивило меня, и я стала исповѣдываться. Все шло какъ слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заговорилъ о забвеніи обидъ и прощеніи враговъ. Тутъ я быстро возразила, что человѣкъ можетъ дѣлать только то что не превышаетъ его силъ, а я, прощая всѣхъ, не могу простить Зарятина, котораго я ненавижу воими силами души. Священникъ сталъ уговаривать меня. Я отвернулась и, отказавшись отъ даровъ, перестала отвѣчать ему. Этотъ сонъ казался мнѣ всѣхъ ужаснѣе, я готовилась предстать предъ Всевышняго нераскаившеюся грѣшницей. Но это былъ сонъ, по крайней мѣрѣ, такъ увѣряли меня, когда я пришла въ сознаніе. Въ первый разъ послѣ девяти дней, я пробудилась ночью. На столѣ горѣла свѣча. Я лежала въ своей угловой комнатѣ. У дверей стояла рыдающая Лиза. Передъ столомъ сидѣли двое незнакомыхъ мужчинъ въ черныхъ сюртукахъ; одинъ изъ нихъ, пожилой, съ сѣдыми волосами, другой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; за ними видѣлось мнѣ лицо нашего заводскаго доктора. Они все молчали, сомнительно качая головами. Наконецъ, изъ-за моего изголовья послышался отчаянный шепотъ: „Докторъ, докторъ, спасите ее!“ — Голосъ былъ Александра Сергѣевича. Я попробовала было встать, чтобы успокоить его, но сдѣлать этого мнѣ не удалось; я снова упала на подушки и могла только

выговорить: „Священника!“ Слова мои произвели суматоху: всё засуетились; незнакомые мужчины подошли ко мнѣ. Одинъ старикъ самовластно взялъ меня за руку, потрогалъ голову и потомъ, обратившись къ другому, молодому человѣку, попросилъ его послушать. Тотъ, къ ужасу моему, подоѣла ко мнѣ, взялъ меня за плечи, поднялъ и приложилъ голову къ моей груди. Я едва въ отвѣтъ, не смѣядохнуть, не имѣя силъ выговорить слова. Наконецъ, онъ перемѣнилъ положеніе и приложилъ голову къ моей спицѣ. Я опять закричала: „Священника!“ Старикъ взялъ меня за руку и ласково сказалъ, что священникъ сейчасъ будетъ. Послѣ этого онъ спросилъ меня, хочу ли я жить, и далъ мнѣ чего-то съ ложки, но чего — я не могла разобрать. Скоро пришелъ священникъ съ святыми дарами. Припомнивъ ужасный сонъ, я прежде всего пожелала видѣть Александра Сергѣевича. При первомъ моемъ словѣ, онъ приблизился ко мнѣ. Какъ я ни была больна, но меня поразило его лицо. Красиваго мужчины какъ будто не бывало; онъ казался худымъ, морщинистымъ, съ посѣдѣвшими волосами: я едва узнала его. Онъ наклонился ко мнѣ, глаза его горѣли, но были сухи: онъ не могъ и не умѣлъ плакать. Я подѣловала его и просила простить меня, молиться объ отпущеніи моихъ грѣховъ: кромѣ его, у меня не было родственниковъ, которые стали бы молиться обо мнѣ. Онъ, ни слова не отвѣчая, быстро поднялъ голову. Мнѣ сдѣвалось жаль его. Рука его лежала на моей подушкѣ. Я повернула голову, и подѣловала эту руку. Потомъ всё ушла изъ комнаты. Я осталась одна съ священникомъ. Онъ исповѣдалъ меня, причастилъ, и глубокая живая вѣра въ лучшую жизнь закипѣла во мнѣ. Я спокойно закрыла глаза и спокойно ждала страшнаго перелома: смерти и возрожденія. Это, казалось мнѣ, не должно было замедлиться: съ минуты на минуту мнѣ дѣлалось тяжелѣе, дыханіе прерывалось, во рту смягчалось. Я творила молитву. Какіе-то страшные образы проносились предо мной. Наконецъ все закружилось. Я куда-то понеслась, понеслась въ какую-то черную бездну и утѣлилась сознанія.

Не помню, долго ли я лежала въ бреду; только глаза открыла уже днемъ. Мама въ бѣломъ кисейномъ платьѣ стояла около моей кровати. Дверь въ другую комнату была полуотворена. Оттуда несся говоръ; но понять въ немъ я

ничего не могла. То были, какъ я узнала потомъ, доктора, которые прѣзжали къ намъ два раза въ недѣлю, а молодой человекъ и нашъ заводскій докторъ лѣчили меня постоянно. Кромѣ Маши, въ моей комнатѣ находилась еще Лиза, и я попросила у нихъ выпиться. Лиза подала мнѣ чего-то на ложкѣ. Мама также осталась въ комнатѣ. Увидя себя посреди двухъ своихъ пріятельницъ, я почувствовала невыразимую отраду и успокоеніе. Я тихонько подозвала Лизу и велѣла ей поставить передо мной образъ Спасителя, такъ чтобы во всякое мгновеніе я могла останавливать глаза на Немъ. Когда Лиза это исполнила, я совершенно успокоилась и стала надѣяться, что Онъ, Милосердый, проститъ меня во всѣхъ грѣхахъ и приметъ мою душу. То мнѣ казалось, что я безъ сожалѣнія оставаю этотъ міръ, то опять дѣлалось неизвѣрно грустно: вѣдь въ этомъ мірѣ, думалось мнѣ, блещитъ снѣгъ, въ немъ роскошныя зимнія ночи и зажигающій въ снѣжныхъ поляхъ звонъ колокольчика; а тамъ опять придетъ весна, снѣгъ будетъ распускаться, съ горъ побѣгутъ ручьи, наступитъ Пасха: загудитъ полурочный торжественный и радостный звонъ колокола; все въ эту дивную полночь оживетъ, церкви освѣтятся, народъ пойдетъ, пойдетъ; запоютъ пасхальные армосы канона. „Христосъ воскресе“, скажетъ священникъ, и громкій шепотъ разнесется по церкви ему въ отвѣтъ: „Во истину воскресе!“ Всѣ станутъ христосоваться. А эти пасхальные куличи со свѣчами, занимающіе половину церкви, а торжественный гулъ праздничныхъ колоколовъ, благоуханіе въ воздухѣ, хоръ ласточекъ, сияющее весеннее небо, солнечные лучи, все говоритъ: „Христосъ воскресе!“ Нѣтъ, мнѣ жаль было разставаться съ этимъ міромъ, въ которомъ столько радости и чудесъ.

Черезъ недѣлю наконецъ я выразила желаніе умыться и переменить постельное бѣлье. Лиза сбѣгала къ докторамъ справиться насчетъ удобоисполнимости моего желанія и, получивъ разрѣшеніе, перевела меня въ кресла. Голова моя кружилась, ноги мои были слабы, но я заботилась о себѣ, сознавала, что я—я. Скоро пришла Мама, меня умыли и опять уложили на свѣжую постель. Я какъ теперь помню: Мама подвинула кресла къ моей постели и, усѣвшись въ нихъ, долго смотрѣла мнѣ въ глаза.

— Вы какъ будто хотите что-то сказать мнѣ, Мама? спросила я.

— Да! Можете ли вы выслушать меня?

— Могу.

Она опять помолчала съ минуту, какъ будто колебаясь и, наконецъ, наклонившись ко мнѣ, прошептала.

— Все забыто между нами—такъ?

— О да, я ничего не помню, простите меня, если я васъ обидѣла.

— Это не все, начала она тихо,—у меня есть просьба ко васъ. Я отдѣлала на верху комнату для васъ. Позвольте перевести васъ ко мнѣ. Не отказывайтесь. Я говорила съ докторомъ, онъ сказалъ, что для черезъ три это можно будетъ сдѣлать. Вамъ у меня будетъ спокойно и удобно; а сюда на ваше мѣсто перемѣстится скоро новая учительница.

— Но...

— Можетъ-быть, вы думаете о тетущкѣ, прервала она меня съ улыбкой,—тетушка и подала мнѣ эту мысль. Она только кажется недотрогой, а такъ—предобрая. Она жальна о васъ. Я сказала ей, прибавила моя собесѣдница, уже покраснѣвъ,—что вы были невѣстой Зарятина. Она хорошо думаетъ о васъ. Согласны?

— Но...

— Вѣрно братъ васъ заботить, продолжала она,—онъ смѣлъ очень огорченъ вашею болѣзвью. Портретъ вашъ у васъ, вы этого еще не знаете? Я тогда, какъ только пришла и сказала ему, что нарочные поскакали въ городъ за докторами, онъ, по первому моему слову, отдалъ мнѣ вашъ портретъ. Я принесла его къ вамъ. Онъ добрый человекъ и будетъ радъ видѣться съ вами. Такъ что же, Наташа?

Я задумалась и покраснѣла. Конечно, мои маленькія комнатки опротивѣли мнѣ, я рвалась куда-нибудь изъ нихъ, и предложеніе Маши съ этой стороны мнѣ очень нравилось; но что скажетъ Александръ Сергѣевичъ о моемъ перемѣщеніи?

— Я дамъ вамъ отвѣтъ, Мама, не раньше, какъ черезъ неделю; къ тому времени учительница еще не пріѣдетъ, а я поправляюсь. Я очень благодарна вамъ за ваше участіе. Богъ васъ наградитъ за это.

Лиза, стоявшая у дверей и слушающая внимательно весь нашъ разговоръ, сказала мнѣ по уходѣ Маши:

— Значить, Наталья Алексѣевна, это она васъ зоветъ къ себѣ? Гм... Вѣдь вы, поди, отъ нихъ и захворали? Опять станете съ ними связываться, опять захвораете. Ишь, какая подлизена, я-бы плюнула на нее!

Говоря это, Лизавета Ивановна, пуцовая какъ кумачъ, поправляла мои подушки.

— Ты опять за свое Лизанька, сказала я съ грустью, — стыдно тебѣ учить меня на неблагодарность и на зло. Она приходила ко мнѣ, какъ я была больна, ходила за мной.

— Ходила, какже! придетъ, да и уйдетъ. Вотъ, поди, вашъ баринъ, Александръ Сергѣевичъ, значить, ходилъ за вами, можно сказать, что ходилъ. Цѣлые девять дней живая жилъ здѣсь. Почитай что не спалъ, не пилъ, не ѣлъ. Пусть, говорятъ, готовятъ все къ смерти и не встать ей; либо сегодня въ ночь, либо завтра, всенепременно умретъ. Ляжетъ этакъ, значить, лицомъ-то на вашу подушку, да и лежитъ отъ зари до зари. Я такъ и полагала, что умретъ вмѣстѣ съ вами...

— Замолчи, пожалуста.

— Чего мнѣ молчать?

— Я тебѣ говорю, что не хочу слушать твоихъ глупыхъ словъ о Машѣ.

— Я говорю о баринѣ, а не объ ней. Плевать мнѣ на нее!

Дрянная дѣвчонка! непременно за ней останется всегда послѣднее слово.

XVI.

Я ждала Александра Сергѣевича съ тревогой и томасніемъ одинъ день, другой, третій; онъ не шелъ. Я думала было послать за нимъ Лизу; но опять раздумала: какъ? съ чего? И я снова рѣшилась терпѣливо ждать его, считая секунды, минуты, часы. Два проходили за днями, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ отъ предложенія Маши, обсудивъ его хорошенько, я почти рѣшилась отказать; но накануне дня, назначеннаго къ моему перемѣщенію, между мной и Машей произошелъ длинный разговоръ, который

перевернулъ всѣ мои мысли. Она призналась мнѣ откровенно, что любила Заратина, но теперь не любитъ его больше; что у ней въ то время были закрыты глаза на него... Я не стала больше отказываться отъ ея предложенія, и поручивъ Лизѣ продавать хозяйство, такъ какъ я не считывала ни въ какомъ случаѣ оставаться здѣсь, перешла въ большой домъ.

Маша очистила для меня одну изъ верхнихъ комнатъ, и комната эта, чистая, высокая, съ большими свѣтлыми окнами, выходящими на площадь, уставленная коврами, обитая свѣтло-голубыми обоями, произвела на меня впечатлѣніе чрезвычайно отрадное. А главное что было хорошо здѣсь—это то, что кровать моя, загороженная ширмами, стояла такъ, что я, не поднимая головы, могла любоваться сияющими на горизонтѣ мѣсами, которые длиною, причудливо вытканною лентой протягивались по багрянцу заходящаго солнца, могла видѣть рѣку, блестящую какъ серебро въ плавлѣ, и наковецъ слышать свистъ пароходовъ. По утрамъ Маша привозила мнѣ цвѣты, новые журналы, верѣдько садилась у моей постели и читала вслухъ. Вообще въ это время я всѣхъ, кажется, любила, и въ особенности мнѣ пришла въ сердце старуха Горская. Она два раза заходила ко мнѣ. Въ первый разъ она съ своею безцвѣтною фizioноміей подошла къ моей кровати и, оправая одѣяло, спросила о моемъ здоровьѣ. Я не знала какъ выразить ей свою признательность и только проговорила: „Я никогда не забуду вашей доброты.“ Мои слова произвели дѣйствіе. Она поцѣловала меня въ лобъ и послѣ минутной задумчивости сказала: „Мы сами, мое дитя, не изъ богатыхъ дворянъ. Богъ велѣлъ помогать ближнимъ.“ На это я не могла уже ничего отвѣтить и благоразумно промолчала. Въ другой разъ, придя ко мнѣ, она говорила со мной больше, разспрашивала о моей матери, о моихъ родныхъ, и такъ понравилась мнѣ, что я тысячу разъ упрекала себя въ томъ что не понимала ея. Наконецъ, я стала вставать съ постели и одѣваться въ свои обыкновенныя платья. Маша впитала отъ тетки преданнѣйшую, теплую, но тонкую шаль, съ приказаніемъ не подходить къ окну безъ этой шали до тѣхъ поръ, пока я не поправлюсь. Въ это время попросилъ однажды позволенія навѣстить меня и Бѣлоградскій.

Не безъ трепета я ожидала встрѣчи съ нимъ. Однакожь, при первомъ взглядѣ на его лицо, я успокоилась; въ немъ не было прежней холодной вѣжливости, формальной учтивости, которая всегда задѣвала меня. На этотъ разъ онъ былъ ни холодець, ни говораивъ, ни слишкомъ дружественъ, ни слишкомъ внимателенъ, безъ особеннаго участія ко мнѣ, но безъ всякой тѣни неприязни. Напротивъ, когда я подходила слишкомъ близко къ окну, онъ напоминалъ мнѣ, чтобъ я берегла себя, свое здоровье. Въ продолженіи его визита, продолжавшагося, впрочемъ, не болѣе получаса, я ни разу не смутилась предъ нимъ и ни разу не вызвала холодной учтивости на его лицо. Проводивъ его, я невольно перебрала свои старые счеты съ нимъ. Я во многомъ обвинила себя; мнѣ нечѣмъ было оскорбляться, вѣдь не обманъ же онъ знаетъ мои убѣжденія и взгляды на міръ Божій, и своимъ рѣзкимъ отказомъ, я, конечно, оскорбила его, больше чѣмъ онъ меня, потому что въ его умѣ не было намѣренія оскорбить меня. Но какъ бы то ни было, я все же дала себѣ слово никогда не дарить своихъ портретовъ мущинамъ, никогда не уважаться участіемъ къ ихъ вѣжнмъ чувствамъ. Бѣлоградскій былъ моимъ первымъ и, я надѣялась, послѣднимъ урокомъ.

А время шло и шло. Я стала уже выходить на балконъ, стоять здѣсь по цѣлымъ часамъ, любясь не только снопами красноватыхъ лучей, которые брвало заходящее солнце на лѣса, но и синимъ небомъ съ его безчисленными хоромъ свѣтилъ. Правда, по ночамъ оставаться долго на балконѣ мнѣ еще не позволяли; я сидѣла еще на дивѣ; но все-таки я была совершенно здорова, и Лиза, приходя ко мнѣ по вечерамъ, звала меня переѣхать куда-нибудь на квартиру, по той причинѣ, что пріѣхала новая учительница, и ей, Лизаветѣ Ивановнѣ, дѣваться некуда. Отъ распродажи хозяйства у насъ, по моимъ соображеніямъ, должны были остаться кой-какіе гроши, и я посоветовала ей нанять маленькую квартиру вблизи большаго дома.

— А между тѣмъ, прибавила я, понизивъ голосъ, — снеси вотъ эту записочку къ Александру Сергѣевичу.

— А онъ ходитъ, значить, сюда? спросила она съ любопытствомъ.

— Это не твое дѣло, мой другъ! отвѣтила я, покраснѣвъ,

во въ то же мгновеніе прибавила:—спеси записку и, можетъ-быть, скоро все узнаешь.

Какъ только Лиза ушла, я опять закуталась въ длинную шаль и усѣлась на балконѣ. Сердце мое билось отъ тревоги и ожиданія. Я не видалась съ кѣмъ около полутора мѣсяцевъ. Сколько горя и усилий стоила мнѣ эта записка, одивъ Богъ знаетъ. А между тѣмъ вся она состояла изъ четырехъ словъ.

„Милостивый государь,

Александръ Сергѣевичъ!

„Мнѣ нужно видѣться съ вами.“

Но вотъ Лиза бѣжитъ, открывъ ротъ, и сердце мое хочетъ выскочить изъ груди на встрѣчу ей. Но, подавивъ волненіе, я съ наружнымъ спокойствіемъ сижу на балконѣ, и заслышавъ ея шаги за собой, также спокойно оборачиваю къ ней голову:

— Ну, что, Лиза?

— Сію минуточку придуть, говоритъ она, запыхавшись и едва переводя духъ.

— Ты сама видѣла его?

— Нѣтъ, значитъ, Василій Петровичъ отослал.

— Хорошо, сказала я послѣ минутнаго раздумья:—ты теперь ступай, нанймай квартиру. А тамъ Богъ знаетъ какъ я еще устроюсь: и со мной ли ты поѣдешь, или останешься здѣсь.

— Съ кѣмъ же бы я, значитъ, осталась здѣсь? возразила она.

Я тоже думала, что не съ кѣмъ. Но бесѣду съ ней насчетъ этого предмета я отложила до другаго раза, успокоивъ ее только тѣмъ, что разставаться съ ней я ни въ какомъ случаѣ не разчитываю, если только она сама не захочетъ оставить меня.

Лиза ушла, а я, опершись на чугунныя перила балкона, не спускала глазъ съ площади. Синій сюртукъ моего бывшаго жениха не замедлилъ показаться въ воротахъ маленькаго домика. Я начинала зябнуть и плотнѣе закутывалась въ шаль. Я не видала уже какъ онъ вышелъ на площадь, какъ приблизился къ большому дому, и только горничная Маша, доложившая мнѣ о приходѣ его, заставила меня встать и сдѣлать нѣсколько шаговъ на встрѣчу

Александрѣ Сергѣевичу. Да, наружность его очень измѣнилась въ это время; каштановые волосы превратились въ пепельные, щеки осушились, и около вѣкъ проходили глубокия морщины. Но за всѣмъ этимъ въ выраженіи его лица сохранилась прежняя спокойная самоувѣренность, и сніе глаза смотрѣли прямо и твердо.

— Я поджидалъ вашего выздоровленія, началъ онъ тихо и просто, послѣ нѣкотораго молчанія, смотря на пальцы моихъ рукъ, лежавшихъ на перилахъ балкона: — чтобы повидаться съ вами и переговорить о вашихъ дѣлахъ. Остаются-ли вы при прежнемъ намѣреніи, взять отъ меня ваши деньги или нѣтъ?

— Мнѣ кажется, отвѣтила я, краснѣя;—будетъ лучше, если вы освободите меня отъ земель.

Онъ опустилъ глаза и долго смотрѣлъ неподвижно на полъ.

— Это можно будетъ сдѣлать! проговорилъ онъ наконецъ, Желаете вы получить свои деньги пятипроцентными облигаціями, или векселями на Бѣлоградскаго.... Чѣмъ лучше?

Онъ бѣгло взглянулъ на меня и, облокотившись на чугунныя перила, устремилъ глаза на закатъ солнца. Красноватые лучи пали прямо на его лицо и придали ему прежнюю сурово-спокойную красоту.

— Я могу, начала я, увидаться съ вами въ городѣ, и тамъ вы продадите ваши земли.

Я замѣтила какъ онъ вздрогнулъ; однакожь овладѣвъ собой и съ невозмутимымъ равнодушіемъ отвѣтилъ.

— Этого нельзя будетъ сдѣлать. Я не поѣду больше въ городъ. Мой повѣренный купить у васъ земли.

— Стало-быть, вы остаетесь здѣсь? спросила я послѣ нѣкотораго молчанія, замѣтивъ, что безпокойное безмолвіе опять овладѣваетъ нашею бесѣдой.

Онъ быстро взглянулъ на меня, во взглядѣ его блестяла прежняя страстная нѣжность, но въ то же мгновеніе, онъ взялъ со стула фуражку и всталъ.

— Прощайте, Наталья Алексѣевна. Деньги вы получите завтра утромъ, часовъ около одиннадцати.

„Неужели это все!“ мелькнуло у меня въ головѣ; однакожь онъ поклонился и направился съ балкона. Я вышла провожать его. Въ корридорѣ онъ еще разъ оглянулся и, приподнявъ фуражку, бросилъ на меня такой взглядъ, котораго мнѣ

никогда не забыть. Шаги его, мало-помалу удаляясь, замерли совсѣмъ, а я все еще стояла, размышляя о томъ, что это очень мало для перваго свиданія. Но вѣдь будетъ же второе, третье и когда-нибудь да онъ выскажется. Я видѣла ясно, что онъ не переставалъ любить меня, и съ успокоеннымъ сердцемъ возвратилась на балконъ.

Въ этотъ вечеръ я уснула спокойно и встала на другой день очень рано. Думая объ немъ я съ внутреннею улыбкой распивала чай, разстанивала цвѣты и съ нетерпѣніемъ поджидала одиннадцати часовъ. Около этого времени я вышла на балконъ, но кромѣ Василія, который, возвратившись откуда-то, опять вышелъ изъ воротъ куда-то, я никого не видала. Наконецъ, горничная Маши появилась у меня въ спальнѣ. Въ ожиданіи радостнаго извѣстія, я покраснѣла, но она сказала мнѣ только, что меня ждетъ въ корридоръ какой-то человекъ. Я поспѣшно, съ замираніемъ сердца, вышла въ корридоръ. Оказалось, что это былъ Василій, и какой у него мрачный видъ! Съ низкимъ, но молчаливымъ поклономъ, онъ подаль мнѣ запечатанный пакетъ. Развертывая его, я видѣла, что руки мои дрожать. Въ пакетѣ были три векселя на Бѣлоградскихъ, по пяти тысячъ каждый, и маленькая записка слѣдующаго содержанія.

„Деньги за Бѣлоградскими вѣрны. Вы станете получать съ нихъ по восьми процентовъ. Невѣстка ваша обезпечена и не нуждается въ настоящее время въ вашихъ деньгахъ.“

Я перевернула записку, но больше ровно ничего: ни здравствуй, ни прощай. Я не могла повѣрить, чтобъ этимъ ограничили всѣ наши отношенія. Онъ вѣрно самъ придетъ, подумала я, и обратившись, къ Василію спокойно сказала.

— Казнайся Александръ Сергѣичу.

Онъ исподлобья, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, взглянулъ на меня, но сказать ничего не сказалъ, и непорочно повернувшись, удалился.

Я опять пересмотрѣла векселя, и пошла отыскивать Бѣлоградскаго, чтобъ уговориться съ нимъ насчетъ полученія процентовъ.

Спускаясь съ лѣстницы, я услышала голоса Маши и Бѣлоградскаго, ускорила шаги, но на предпоследней ступенькѣ, пораженная словами Маши, машинально остановилась.

— О, Joseph, говорила она умоляющимъ тономъ,—вѣдь ты мушкетеръ, попробуй еще разъ. Я убѣждена, она пойдетъ за тебя.

Наступило долгое-предолгое молчаніе, я хотѣла было уже соскочить въ галерею, какъ Бѣлоградскій возразилъ:

— Ты судишь какъ женщина. Оставимъ пожалуйста этотъ разговоръ. Я одинъ разъ навсегда сказалъ тебѣ, что неспособенъ ухаживать за бульдогомъ.

„Кого это онъ подъ бульдогомъ разумеетъ,“ подумала я и спустилась къ Машѣ. Она была уже одна и етома, при словившись къ колоннѣ и задумчиво смотрѣла на площадь. Увидѣвъ меня, она тряхнула своими пышными локонами и улыбнулась.

— Мнѣ нужно, Маша, поговорить съ вашимъ братомъ, сказала я.

— Съ братомъ? протянула она съ гримаской. Теперь онъ ушелъ къ Зарятину, а отъ него пойдетъ домой. Вамъ очень нужно его?

— Я могу отложить...

— Вотъ какъ это мы устроимъ, вскричала она.—Пойдемте сидѣть на крыльцо. Какъ онъ пойдетъ отъ Зарятина, мы увидимъ его и окликнемъ. Кстати: вѣдь братъ и Зарятинъ опять ходятъ другъ къ другу. Вы краснѣете за непостоянство человѣческой природы—такъ? Я тоже покраснѣла бы... Но они очень холодны другъ съ другомъ и видятся только по дѣламъ. Особенно братъ. Онъ очень самолюбивъ и никогда не забудетъ дерзостей Зарятина. Пойдемте же!

Мы вышли на большое крыльцо.

— Я желала бы, сказала Маша, садясь на балюстраду,—чтобы пристань была здѣсь: а то за полторы версты никого не видишь, ничего не слышишь кромѣ свистковъ. Какъ вы думаете, пришелъ пароходъ, или ушелъ?.. А вотъ и братъ! Видите онъ направляется домой. Joseph! Joseph!

Joseph обернулся; лицо его было слегка озабочено. Впрочемъ, при первомъ словѣ сестры, онъ подошелъ къ намъ.

— Наташѣ нужно говорить съ тобой.

Онъ учтиво поклонился мнѣ.

— Я получила сегодня векселя, сказала я немедленно показывая бумаги:—и желаю отъ васъ знать, когда и какъ я могу получать проценты?

— Это будет зависеть отъ васъ. Мы уже говорили объ этомъ съ Заратынымъ. Я предлагалъ ему взять проценты даже за годъ впередъ; но онъ отклонилъ отъ себя мое предложеніе и предоставилъ это вашему усмотрѣнію.

— Въ первый годъ мнѣ хотѣлось бы получать ежемѣсячно. Онъ чуть замѣтно улыбуясь и, опустивъ глаза, долго думалъ.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ:—вы оставите мнѣ вашъ адресъ, и я поручу управляющему высылать вамъ проценты каждый мѣсяцъ.

Я поблагодарила его. Онъ еще разъ поклонился мнѣ и, взглянувъ на часы, сказалъ равнодушно:

— Кстати. Заратынъ уѣзжаетъ сію минуту на пароходъ.

— Какъ? прошептала Маша, и губы ея побѣлѣли.

— Что жь тебя такъ это удивило? спросилъ Бѣлоградскій.

— Такъ, отвѣчала та поспѣшно:—я хотѣла только спросить тебя, пойдешь ты провожать его?

О, этотъ леденящій душу взглядъ, брошенный Бѣлоградскимъ на сестру, очень знакомъ мнѣ!

— У меня нынче очень много работы! отвѣчалъ онъ и отвесилъ ко мнѣ:—могу ли я еще чѣмъ-нибудь служить вамъ?

Я поблагодарила его и молча поклонилась. Онъ приподнял фуражку и, не взглянувъ ни разу на сестру, удалился отъ насъ.

Неожиданную новость объ отъѣздѣ Александра Сергѣевича, я, къ своему удивленію, выслушала спокойнѣе чѣмъ можно было ожидать. Правда, я почувствовала страшную боль въ сердцѣ, но это было одно мгновеніе, а потомъ я уже спокойно смотрѣла на Машу и Бѣлоградскаго. Все кончено; отъѣзжаго не воротить; надо покориться Царю царей и надо благословить Его святую волю!

Маша быстро ушла съ крыльца, но я осталась. Пройти ему на пароходъ доводилось мимо меня. Увидѣть его и сказать ему: „Счастливыи путь!“ я чувствовала настоятельную, нравственную необходимость! Скоро сияя фуражка мелькнула на мосту. Онъ шелъ большими шагами, опустивъ голову. Василій несъ за нимъ маленькій чемоданъ. Эти два человѣка, соединившись десять лѣтъ назадъ тому, странствуютъ съ тѣхъ поръ неразумно по бѣлому свѣту—съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ

куда они теперь направляются, Богъ вѣдаетъ.... Я увѣрена, что, подходя къ большому дому, Александръ Свѣргевичъ видѣлъ меня. Это я замѣтила по легкому румянцу, который выступилъ у него на щекахъ. Я наклонилась на балюстраду, поджидая, вотъ онъ остановится и скажетъ: „Прощайте, Наталья Алексѣевна!“ Но нѣтъ, онъ не поднималъ глазъ и—шагъ, два, былъ уже на другой сторонѣ крыльца. Я надѣялась, что онъ по крайней мѣрѣ оглянется; но нѣтъ, онъ тѣмъ же твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ, которымъ проходилъ мимо меня, завернулъ и за уголъ. Все кончено, я ошиблась. Встрѣтимся ли мы когда-нибудь съ нимъ въ жизни? И какъ встрѣтимся, узнаемъ ли другъ друга или пройдемъ равнодушно, какъ незнакомые!... Но какъ бы то ни было, воспоминаніе объ немъ останется вѣчно во мнѣ. Это не тревога, не горячка, которая я испытывала нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тѣ чувства, блестящія и мимолетныя, какъ метеоръ, пролетѣли безвозвратно. Нѣтъ, это другое чувство, ясное и спокойное какъ синее небо надъ моей головой; но такое же глубокое и безконечное.... Пусть онъ встрѣтитъ меня какъ незнакомую, пусть я заговорю съ нимъ съ видимымъ равнодушіемъ и не узнаю даже его, если онъ этого захочетъ; но сердце мое отыщетъ его черезъ десятки лѣтъ между милліонами людей и остановится на немъ съ горячею молитвою объ немъ къ Всевышнему и желаніемъ моему бывшему другу всевозможныхъ благъ и счастья.

Возвратившись къ себѣ на верхъ, я застала Лизу въ слезахъ.

Я вздохнула и отвернулась отъ нея. Бѣдная Лиза! она прельстилась ласковыми словами и подарками Василя Петровича и также осталась съ обманутыми ожиданіями, какъ и я.

— Уѣхали? спросила я ее.

— Уѣхали, дѣруги экіе! отвѣчала она со свойственною ей откровенностью.

Прошла недѣля. Я написала невѣсткѣ моей письмо и изъявила ей желаніе жить съ ней. Она сейчасъ же отвѣчала мнѣ, что ждетъ меня. Я, немедля, стала собираться. Въ день отъѣзда мы послѣдній разъ стояли съ Машей на балконѣ и въ послѣдній разъ глядѣли съ ней на закатъ солнца. Она сжимала мнѣ руку.

— Вы дурно дѣлаете, Наташа Я всегда васъ любила. Мы поѣхали бы съ вами сначала въ Петербургъ, потомъ за границу. А что вы станете жить въ глуши, губить свою молодость, лучшія лѣта, лучшія силы? И для чего, для какой дѣла эта страшная трата?

— У всякаго своя дѣла въ жизни, Маша. И всякій по своему понимаетъ эту трату. Прощайте.

Она взглянула мнѣ въ глаза и улыбнулась сквозь слезы.

— *Ecrivez, moi, ne m'oubliez pas!*

И мы кратко обаялись.... Въ залѣ я встрѣтила старуху Горекую. Она протянула мнѣ свою восковую руку и перекрестила меня. Далѣе, въ корридорѣ я встрѣтилась съ Бѣлоградскимъ. При видѣ меня, онъ, приподнявъ брови, очень почтительно поклонился мнѣ и тихо съ улыбкой спросилъ:

— Уже вы ѣдете?

— Да.

Онъ склонилъ голову и безмолвно вышелъ проводить меня на крыльцо. Маша выскочила вслѣдъ за нами.

— Я буду писать вамъ, кричала она: отвѣчайте же!

Я улыбнулась:

— Непременно!

Колокольчикъ звякнулъ, и тройка подѣхала къ крыльцу. Лиза, недовольная и пунцовая, какъ макъ, выглядывала изъ экипажа. Бѣлоградскій спустился съ ступеней крыльца вслѣдъ за мной и протянулъ мнѣ руку. Я оперлась на эту руку въ послѣдній разъ и, встрѣтивъ его задумчивый взглядъ, покраснѣла и улыбнулась.

— *Ne m'oubliez.... ne m'oubliez pas!* кричала Маша, но скоро голосъ ея замеръ подъ грохотомъ колесъ и звономъ колокольчика....

Ровно черезъ шесть лѣтъ я снова возвращалась въ свой родной городокъ. За мной тянулись вереницей воспоминанія, оставалось позади меня прошедшее съ прожитыми чувствами, мыслями.

Обмакиваю въ послѣдній разъ перо въ чернила, и спрашиваю себя: неужели прошло два мѣсяца съ той минуты, какъ я рассталась съ дорогими мнѣ людьми? Нѣтъ, я еще не рассталась съ ними, а только расстаюсь. Въ эти два мѣсяца, за письменнымъ столикомъ, между тѣмъ какъ Варя, моя маленькая племянница, моя ученица, играла

въ куклы на коврѣ, я переживала свое прошедшее. Все что мучило меня не разрѣшимою загадкой, разрѣшилось, объяснилось, и кануло въ вѣчность. Передо мной развертывается новая жизнь съ новыми требованіями, съ новыми загадками; но я уже спокойно ожидаю ихъ. Ничто меня не тревожитъ, не мучитъ: все волашебство жизни миновало для меня, и впереди стоитъ одинъ только долгъ, долгъ, долгъ. Я хочу жить, хочу быть полезна!...

День былъ сумрачный, сентябрскій. Я шла домой отъ городского головы, съ которымъ уговаривалась насчетъ устройства ремесленного заведенія для бѣдныхъ дѣвочекъ. Участь сиротъ-дѣвочекъ всегда глубоко тревожила меня, и мысль стараться всеми силами о спасеніи хоть нѣкоторыхъ отъ страшнаго пути давно овладѣла мной. Отъ себя я пожертвовала тысячу рублей. Общество отозвалось сочувствіемъ на мою мысль, и голова обѣщавъ послать приглашеніе къ пожертвованіямъ въ уѣздномъ городѣ. Я возвращалась домой довольная успѣшнымъ начинаніемъ дѣла. Лиза выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу, вся пуцовая съ ярко блиставшими глазами. Запыхавшись, радостнымъ голосомъ, она объяснила мнѣ, что какой-то мужчина проходилъ мимо нашей квартиры и спрашивалъ обо мнѣ у дворника.

По ея радостному виду, не трудно было догадаться, кого она разумѣетъ подъ этимъ мужчиной. Въ первые мѣсяцы я еще поддавалась этой безумной надеждѣ; но теперь, слушая Лизу, я только нахмурилась: слова ея мучили, тревожили меня, и опять ставили почти въ неприятное положеніе.

— Я озябла, Лизанька: поди лучше поставь самоваръ. А гдѣ Авдотья Ивановна?

— Ушла въ лавку, отвѣтила она, исподлобья смотря на меня:—я говорю же вамъ—это вашъ баринъ!...

— Пожалуста, замолчи, Лизавета Ивановна!

Почувствовавъ, что начинаю блѣднѣть, я отвернулась отъ нея и прошла въ угловую комнату. Здѣсь печка ярко топилась, и дрова щелкали въ ней. Варя сидѣла, поджавъ подъ себя ноги на окнѣ. Дождь, вѣтеръ и сѣрое небо имѣютъ свое очарованіе для впечатлительныхъ натуръ. Моя племянница любила сумрачные осенніе дни. Увидѣвъ меня, она не встала, не бросилась ко мнѣ съ ласками на шею, а молча слѣдила за моими движеніями своими задумчивыми

глазами, и не спускала съ меня ихъ, пока я не взяла съ стола шитья и не усѣлась за работу. Тогда она опять также тихо и молча повернулась къ окну.

— Тета, начала она послѣ долгаго молчанія:—вчера было тепло, а сегодня холодно; отчего это?

— Оттого, что вчера не было вѣтра, а сегодня подулъ холодный вѣтеръ.

— Тета, вонъ какой-то мужчина идетъ, продолжала мать.

— Мало ли сколько мужчинъ ходитъ!

— Тета, говоритъ она послѣ минутнаго молчанія,—онъ не хорошій; я покажу ему языкъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ въ третій разъ идетъ, и все смотритъ на меня.

— Уйди оттуда, если онъ тебѣ не нравится.

— Онъ самъ не будетъ ходить, какъ я покажу ему языкъ?

— Онъ подумаетъ: какой скверный, гадкій языкъ у этой дѣвочки, и тебѣ же будетъ стыдно! Поди оттуда!

Ребевокъ не хота спустился съ окна. А у меня сердце опять забилось. И отчего? Не все ли кончено между нами? Мать, отправляясь въ Грецію помечтала на тѣхъ мѣстахъ „гдѣ ратовалъ Ахиллъ“, писала мнѣ изъ Одессы, что она встрѣтилась тамъ съ Александромъ Сергѣевичемъ (это было написано мелькомъ и съ полнымъ равнодушіемъ къ моему бывшему жениху). Бѣлоградскій, прощаясь изъ завода въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ отправится въ какое-то германское государство секретаремъ посольства, заходилъ ко мнѣ и подтвердилъ слова сестры. Александръ Сергѣевичъ, дѣйствительно, въ Одессѣ, чего же больше? На что же я еще надѣюсь? На другой день я одумалась и успокоилась. Занятія пошли обычнымъ чередомъ. До обѣда нѣсколько часовъ чтенія съ Варей, потомъ работа, и наконецъ послѣ обѣда я съ Варей пошла гулять въ городской садъ, который былъ на углу нашего квартала.

День былъ ясный, холодный. Выйдя на крыльцо въ бурнусѣхъ, мы принуждены были воротиться домой и переодѣться въ шубки и мѣховыя шапочки. Земля замерзла. Березы, всѣ золотыя и словно вырѣзанныя на синевѣ небесъ, стояли не шелохнувшись; кое-гдѣ проглядывали лые пучки рабины, рдѣя на солныцѣ; желтыя листья

хрустѣли подъ ногами; морозный воздухъ румянилъ щеки; галки черною тучей поднимались съ берегъ, съ крикомъ разсыпались, собирались и опять опускались на деревья. Направляясь около рѣшетки сада, мы подходили къ скамейкѣ, которая была любимымъ нашимъ мѣстомъ. Отсюда съ одной стороны видѣлась церковь на горѣ. предъ нами разстилалась рѣка, за ней пожелтѣвшія нивы, сивіе лѣса.

— Ты, тета, говоришь: листья красить свѣтъ солнца въ зеленую краску, а кто красить ихъ въ желтую краску? А вонъ тета, прибавила она, смотря на рѣшетку,—опять тотъ не хорошій мущина идетъ и смотритъ сюда.

Я вспыхнула.

Большіе глаза дѣвочки слѣдили пристально за „нехорошимъ“ мущиной и ноздри ея носика, все больше и больше раздувались.

— Тета, вскричала она, вдругъ обидѣвшись: овъ сюда идетъ, вонъ входитъ въ калитку!

И прижимаясь ко мнѣ бокомъ, дѣвочка не опускала своихъ большихъ смѣлыхъ глазъ съ нехорошаго мущины, но я не смѣла поглядѣть въ ту сторону, только слухъ мой напрягался, и когда листья захрустѣли подъ твердыми шагами, я уже знала, кто этотъ мущина.

Я взглянула на него: овъ стоялъ, прислонившись головой къ дереву, и какъ будто спокойно смотрѣлъ на меня. Я хотѣла что-то сказать; но ротъ мой не открывался. Я въ первый разъ въ жизни лишилась власти надъ своимъ языкомъ.

Прошли секунды, минуты, часы. Ребенокъ давно ходилъ по тропинкамъ, рассматривая пурпуровые лучи солнца, а мы все еще сидѣли молча на скамейкѣ, не сказавъ другъ другу ни слова. Моя рука была въ его рукѣ, и мнѣ случилось только его порывистое дыханіе, да видѣлся мужественный профиль его блѣднаго лица. Солнце бросало багряные лучи на бѣлую церковь съ одной стороны, а съ другой скользилъ уже мѣсяцъ серебрянымъ сіяніемъ по темнымъ стекламъ ея верхнихъ оконъ. На багрянцѣ небесъ засивѣлъ длиннымъ поясомъ зарѣчный лѣсъ; туманъ начиналъ подниматься съ рѣки; тучи галокъ удвоили свой крикъ и шумъ, какъ будто прощаясь съ посаждаемыми лучами солнца.

Темнѣло. Голова его склонялась все ниже и ниже къ моей рукѣ, лежавшей у меня на колѣняхъ; наконецъ горячее дыханіе его пробѣжало по моимъ жиламъ.

— Моя Наташа, моя Наташа, слышались отрывистыя слова. Я тронула пальцами его лицо: оно было мокро.

— Ты плачешь?

Онъ молчалъ, прильнувъ губами къ моей рукѣ, смоченной слезами. Въ этотъ годъ онъ каждую минуту, каждое мгновенье былъ со мной. У меня не было ни матери, ни отца, ни брата, ни роду, ни племени, онъ всемъ былъ для меня, и я молча смотрѣла на его голову, склонившуюся ко мнѣ на колѣни, прильнувшую къ моимъ рукамъ, и молилась.

Варя подошла къ намъ, и я подняла его голову.

— Тетя, говорила она, смотря все еще пугливо на моего друга:—это тотъ самый хорошій дядя, который намъ съ мамой далъ денегъ.

— Тотъ самый.

— Это тотъ самый, ты говоришь, хорошій мущина, который увезъ тебя и твою маму, и вы жили у него?

— Онъ самый.

— Онъ будетъ меня любить, спросила она, послѣ минутнаго молчанія уже шепотомъ:—отчего онъ молчитъ?

— А вотъ мы все пойдемъ домой, бѣги впередъ и скажи мамѣ, что я веду гостя.

Черезъ два дня послѣ этого мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ обѣднѣ. Я надѣла бѣлое платье, а онъ свѣтлый галстукъ и бѣлый жилетъ. О моемъ приданомъ, о подаркахъ мнѣ, о великолѣпнѣйшемъ вѣнчальномъ нарядѣ не было и помину между нами. Онъ самъ назначалъ день для нашего вѣнчанья и спросилъ только: „Есть ли у меня бѣлое платье?“ На мой утвердительный отвѣтъ, онъ пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: „Стало-быть, нечего ждать.“ Онъ очень торопился свадьбой: во въ продолженіи всей церемоніи бракосочетанія былъ блѣднѣе, встревоженъ и судорожно сжималъ мою руку. По выходѣ изъ церкви, когда мы шли рука объ руку домой, онъ не открывалъ рта, и войдя уже въ ворота нашей квартиры прошепталъ:

— Мостъ за нами уничтоженъ, помни это, Наташа. Будь счастлива, въ твоемъ счастьи и мое счастье и спокойствіе.

Я была самою дѣлою счастлива и спокойна. Безпре-

дѣвно вѣрила, что какая бы буря ни пронеслась надъ нашими головами, съ нимъ, подлѣ него я встрѣчу съ благословіемъ все!... Какія бы обязанности ни пали на мою голову, но мысль, что все его мое и мое его, заставитъ меня безъ всякаго ромота взять крестъ свой и идти безропотно!

18-го сентября 1862 г.

М. КАМСКАЯ.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО

ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРІИ

I.

Лѣтомъ 1862 года, я долго прожилъ въ Рѣкѣ. Наступила уже вторая половина августа, и мнѣ надо было приготовляться къ отъѣзду въ Далмацію. Признаюсь, душа моя волновалась при одной мысли о томъ, что я наконецъ увижу Зару, Сплитъ, Далматскія острова, увижу Дубровникъ и, можетъ-быть, Черногорію. Когда-то это были мои задушевные мечты, мои несмѣлая, робкія предположенія, и вотъ, эти мечты готовы были теперь осуществиться, эти предположенія готовы были перейти въ дѣйствительность!

25 августа, въ четыре часа утра, долженъ былъ отправиться пароходъ въ Зару; это былъ небольшой, старый *Arciduco Francesco Carlo*, прослужившій уже около тридцати лѣтъ австрійской компаніи Ллойда. Въ два часа ночи, я перебрался на пароходъ. Погода была не хороша. Порывистый вѣтеръ, громъ и молнія дѣлали море слѣшкомъ непригвѣтливымъ, и мнѣ невольно становилось страшно пу-
скается на плохомъ пароходѣ въ столь отдаленный путь,

несмотря на всю заманчивость этого пути, несмотря на все мое пламенное желаніе поскорѣ увидѣть Далмацію. Но вѣхать такъ вѣхать, малодушіе въ сторону.... Раздался свистокъ, сходни убраны, и нашъ *Arciduco* медленно сталъ удаляться отъ берега, перекачиваясь съ боку на бокъ. Чѣмъ даѣе въ море, тѣмъ сильнѣе дѣлалась качка, тѣмъ неспособнѣе становились скрипъ и стонъ парохода.

Качка однако продолжалась не долго. Вскорѣ мы вошли въ узкій проливъ, которымъ отдѣляется островъ *Kъркъ* (*Veglia*) отъ хорватскаго приморья; здѣсь море было гораздо покойнѣе, вѣтеръ лишь скользилъ по поверхности воды, не производя большого волненія. За темнотою, ничего нельзя было видѣть, но мѣста, которыми мы проѣзжали, были уже знакомы мнѣ изъ моего прежняго путешествія по приморью и по острову. Все это было еще такъ недавно, и все это такъ живо представлялось мнѣ теперь. Подъ шумъ вѣтра, я сталъ припоминать, какъ мы вдвоемъ, съ профессоромъ П. отправились разъ изъ Рѣки въ Сень, какъ пришли въ Бакаръ, старый приморскій городъ, и затѣмъ въ Кралевицу (*Porto-Ке*), какъ неожиданно попали здѣсь въ общество пылкихъ хорватскихъ патриотовъ, какъ послѣдніе, пропѣвъ нѣсколько патриотическихъ пѣсень, запѣли общимъ хоромъ извѣстную въ Кроація пѣсню „*Богъ пожиси сѣвернаго стрица*“*, какъ мы, сѣверныя стрицы, умилившись этимъ явленіемъ, увѣрили ихъ въ симпатіи русскаго народа къ Хорватамъ и ко всемъ вообще южнымъ Славянамъ, и какъ, убоявшись дальнѣйшаго пути до Сени, на слѣдующій день возвратились изъ Кралевицы въ Рѣку... Съ хорватскаго приморья мысли мои переносились на противоположную сторону пролива, на островъ Къркъ, извѣстный въ учебномъ мѣрѣ своими глагольскими памятниками. Передо мною то блуждали какъ привидѣнія, какъ безжизненные скелеты, уродливыя глагольскія буквы и полуиставѣвшія глагольскія рукописи, то проносились одинъ за другимъ образы добродушныхъ Славянъ-островитянъ въ ихъ черномъ одѣваніи, съ ихъ длинными колпаками**. Я припоминалъ теперь и тѣхъ малень-

* Богъ живи, или укрѣпай сѣвернаго дядюшку (дѣдушку).

** Островъ Къркъ былъ долгое время независимъ, и имѣлъ свое національное правительство. Онъ находился подъ управленіемъ графовъ Фран-

кихъ лошадокъ, на которыхъ мы развѣзжали по острову, осматривая его достопримѣчательности, и того священника, у котораго мы были въ Върбникѣ и который постоянно угощалъ насъ то своимъ домашнимъ шампанскимъ, то галгольскими книгами и рукописями...

Между тѣмъ уже разсвѣтало. Небо прояснилось. Около десяти часовъ утра пароходъ остановился близъ Сени (Zeng, Segna). Видъ на Сень со стороны моря великолѣпный: городъ расположенъ на самомъ берегу, а непосредственно за городомъ тянется гряда большихъ каменистыхъ горъ. Сень основана за четыреста с лишкомъ лѣтъ до Рождества Христова, и въ свое время была однимъ изъ лучшихъ городовъ на берегахъ Адриатическаго моря. Въ средніе вѣка Сень непрерывно переходила изъ рукъ въ руки, доставаясь то венгерскимъ королямъ, то дожамъ венеціанскимъ, то графамъ Франкованамъ, владѣтелямъ острова Кърка. Въ 1537 году въ Сени поселились „Ускоки“ *, на что имъ далъ свое согласіе эрцгерцогъ Фердинандъ. Къ сожалѣнію, Ускоки не всегда слѣдовали своему призванію. Воюя съ Турками, они дѣлали нападенія и на купеческія суда, и наводили страхъ и трепетъ на всѣхъ, кто только пускался въ море вслѣдствіе чего Венеціанцы оттѣснили ихъ отъ моря, и заставили удалиться внутрь страны **. Спустя нѣсколько времени Сень окончательно отошла къ Австріи, и остается за нею доселѣ. Она не имѣетъ теперь и тѣни своего прежняго величія ***. Нѣтъ сомнѣнія, однако,

козловъ. Въ концѣ XVI столѣтія, Іоаннъ Франкованъ долженъ былъ уступить островъ Венеціи, и съ этого времени исчезла самостоятельность небольшой республики. „На островѣ, присвокупляетъ одно преданіе, стало большое горе и сѣтованіе, и всѣ жители облачились въ черное платье, означавшая свою прежнюю свободу.“ Всѣ мужчины носятъ колпаки.

* Слово „Ускокъ“ происходитъ отъ глагола „скочити, ускоčiti“ и означаетъ вообще перебѣжчика, или просто бѣжавшаго. Въ болше тѣломъ смыслѣ, слово „Ускокъ“ на сербскомъ языкѣ означаетъ тѣхъ людей, которые, ненавидя турецкое господство и убѣгая изъ покоренныхъ Турками славянскихъ земель, собравшись, въ 16 и 17 столѣтіяхъ на берегахъ Адриатическаго моря, и отсюда дѣлали постоянныя нападенія на турецкія войска.

** Особенно много поселилось Ускоковъ въ Хорваціи близъ Карловца (Karlstadt) въ горахъ; эти горы доселѣ еще называются Ускокскими горами.

*** Въ Сени насчитывается около трехъ тысячъ жителей, болшииство которыхъ — Хорваты. Здѣсь чакаское нарѣчіе, распространенное

что Сень вскорѣ опять будетъ играть важную роль на хорватскомъ приморьѣ, и едва ли не одѣлается опасною соперницей Рѣки, особенно если къ ней, какъ это предположено, проведена будетъ желѣзная дорога отъ Сиска, ближайшаго пункта къ сѣверозападной Турціи. Въ такомъ случаѣ Сень сдѣлалась бы главнымъ складочнымъ пунктомъ для турецкихъ произведеній, и ея матеріальныя средства значительно бы улучшились. Сеньская гавань, правда, не такъ безопасна, какъ фіумская; но этому горю можетъ пособить хорошо устроенная плотина.

Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе, и я, прощаясь съ Сенью, отъ души желаю ей болѣе счастливой будущасти.

Въ одиннадцать часовъ *Arciduco* оставилъ сеньскую гавань. При тихой погодѣ онъ пошелъ теперь смѣло впередъ, останавливаясь у встрѣчавшихся на пути острововъ, для сдачи и приѣма пассажировъ. Интересно было смотрѣть на суматоху и бѣготню, начинавшіяся на берегу и на палубѣ парохода, когда онъ останавливался; къ пароходу подъѣзжало множество барокъ (лодокъ большаго и малаго калибра), происходило маханіе платками съ берега и съ парохода, начинались цѣлованія, объятія и проч. По всему было замѣтно, что пріѣздъ парохода былъ для островитянъ большимъ праздникомъ: кто, вѣроятно, ожидалъ родныхъ, кто знакомыхъ, кто писемъ, а кто шелъ на набережную просто отъ скуки.

На пути отъ Сени до Зары, болѣе другихъ острововъ замѣчательны Рабъ (*Arbe*) и Паго *. Къ послѣднему мы подъѣхали около вечера. Отсюда оставалось сдѣлать одинъ, довольно большой переѣздъ до Зары. Но какъ очаровательно былъ этотъ переѣздъ! Море тихо. Солнце закатилось. Небосклонъ озарился пурпуровымъ цвѣтомъ, который все болѣе и болѣе блѣднѣлъ; заблестѣли звѣзды, и мѣсяцъ величественно поднялся по лазурному небу, осеребряя

на всемъ хорватскомъ приморьѣ, смѣшивается уже съ штокавскимъ нарѣчіемъ, на которомъ говорятъ въ Далмаціи, Герцоговинѣ, Босніи и т. д. Въ Сени и во всей Сеньской епархіи богослуженіе въ католическихъ церквахъ совершается на славянскомъ языкѣ.

* Сеньское народонаселеніе на всѣхъ этихъ островахъ—исключительно Славяне. Въ городахъ живутъ тоже болѣею частію Славяне, но въ нихъ много и Итальянцевъ. Итальянскій языкъ въ городахъ беретъ перевѣсъ надъ сербскимъ языкомъ.

своимъ блескомъ поверхность воды. Настала ночь полная роскоши, величія и таинственности. Кругомъ тишина, нарушаемая лишь ходомъ парохода, и на душѣ стало такъ легко, такъ отрадно... Сколько красоты, сколько чарующей силы въ природѣ! Съ нею забываешь, кажется, все горе, всё заботы,—надо лишь вполне отдаться ей, надо броситься въ ея объятія также безотчетно, какъ безотчетно бросается дитя въ объятія своей матери....

Но вотъ Зарскій каналъ, вотъ обозначилась вдали, въ таинственномъ полумракѣ, Зара, столица Далмаціи, вотъ мы и у самыхъ стѣнъ ея. Пароходъ остановился, на палубу толпой нагрянули такъ-называемые *факимы*, предлагая пассажирамъ свои услуги для переноски вещей и безцеремонно хватаясь то за то, то за другое что только попадалось имъ подъ руку. Можно себя представить, по этому, каковъ былъ беспорядокъ, какова была суматоха. Кое-какъ, однако, все уладилось, и съ парохода пассажиры отправились въ *догану* (таможню), гдѣ долженъ былъ производиться осмотръ вещей. Таможенные чиновники, къ моему удивленію, были здѣсь весьма снисходительны, и не дѣлали слишкомъ много хлопотъ пассажирамъ.

Изъ *доганы* я пошелъ въ гостиницу *al Capello* (у Шляпы), рекомендованную мнѣ еще на пароходѣ однимъ изъ жителей Зары: Прихожу. Спрашиваю для себя комнату. Оказывается, что всё комнаты заняты.

— Надо, стало-быть, идти въ другую гостиницу, спрашиваю я хозяйку.

— Да здѣсь нѣтъ никакой другой *локанды* (гостиницы), отвѣтила мнѣ хозяйка. Но вотъ что. Завтра будетъ у насъ кто, а сегодня вочуйте у моихъ знакомыхъ. Я дамъ имъ знать объ этомъ. Между тѣмъ, вы здѣсь поужинаете, и потомъ слуга отведетъ васъ туда. Согласны?

— Благодарю васъ, я согласенъ; надо же гдѣ-нибудь ночевать.

Послѣ ужина я отправился съ проводникомъ въ назначенную мнѣ квартиру. Шли мы по узкимъ, темнымъ улицамъ.

— А скоро ли мы придемъ? спросилъ я проводника.

— *Subito, signore, subito, tempo domi na Piazza dell' Erbe, malo teme spavanti.* (Сейчасъ, господинъ, сейчасъ выйдеть

на овощную площадь, тамъ вы будете ночевать), отвѣчалъ проводникъ, сильно переищивая сербскія слова съ италяянскими. Я попросилъ его сказать мнѣ, какъ называется по-сербски Piazza dell Erbe.

— И по-сербски такъ, signore, все равно, другаго названія нѣтъ.

— А вы Сербъ, или Италяецъ? продолжалъ я спрашивать его.

— Для меня это все равно, signore; я и Сербъ и Италяецъ, потому что знаю и по-сербски, и по-италяянски... А вотъ и площадь, вотъ пожалуйста сюда, присовокупилъ онъ, указывая рукою на небольшой домъ, когда мы вышли на площадь.

При входѣ въ ворота, меня вдругъ неприятно обдало запахомъ сыраго мяса. Ну, подумалъ я себѣ, завели меня куда-то къ мясникамъ. Хозяйка дома ввела насъ въ небольшую комнату съ кирпичнымъ поломъ и съ довольно приличною кроватью. На стѣнахъ комнаты были развѣшаны картины. Въ одномъ углу стоялъ шкафъ съ посудой и разными бездѣлушками. На столѣ, у кровати, стояла умывальница, и лежало чистое полотенце.

— Принесите, пожалуйста, воды для питья, сказалъ я хозяйкѣ по-сербски.

— Ахъ, извините! Я и забыла объ этомъ, сейчасъ принесу, проговорила хозяйка по-италяянски, и поспѣшно вышла.

Черезъ минуту она вернулась съ графиномъ воды. Поставивъ графинъ на столъ, и сказавъ мнѣ „bona notte signore“, хозяйка скрылась изъ комнаты. Въ слѣдъ за ней ушелъ и провожатый.

На другой день, крики подъ окнами моей квартиры разбудили меня довольно рано. Я встаю, отворяю окна, чтобъ узнать, чтò дѣлается на улицѣ. Меня снова обдаетъ запахъ свѣжаго мяса; крики на площади растутъ все произвѣтнѣе, Подстрѣкаемый любопытствомъ, я тотчасъ же собрался и вышелъ. Былъ базарный день. Стеченіе народа было огромное, и площадь была уставлена разными произведеніями природы и рукъ человеческихъ, разными съѣстными и не съѣстными предметами. Въ одной сторонѣ, напримѣръ, на стѣнахъ многихъ домовъ, и на стѣнѣ того самаго дома, въ которомъ я ночевалъ, висѣли заколоченные бараны, телята,

поросята и т. п., и мясники въ красныхъ небольшихъ шапочкахъ на головахъ, съ засученными по локоть рукавами, безъ устали кричали на разные голоса: „manzo, signori, manzo sedici, soldi sedici“, * повторяя то же самое и сербоки. Нѣкоторые звуки какъ-то особенно растягивались мясниками, такъ что казалось какъ-то, будто они не кричатъ, а поютъ, дико, странно. Далѣе, на другой сторонѣ площади, продавались картофель, яблоки, виноградъ, морковь, винныя ягоды, персики, орѣхи, разная зелень, рыба, и всякія морскія животныя, и никто изъ продавцевъ и продавщицъ не сидѣлъ молча; всѣ въ разные ноты постоянно напѣвали проходящимъ о прелесть продаваемыхъ ими плодовъ земныхъ и о ихъ дешевизнѣ. Въ этомъ беззаберномъ концертѣ только и слышались слова: *due soldi, cinque* или: *dua soldi, tri, stoquy, stoquy, persici, persici* и пр. ** У нѣкоторыхъ и товара было не болѣе какъ на 30 или 50 коп., много что на рубль, а они кричали, кричали изо всѣхъ силъ, то непомѣрно повышая свой голосъ, то непомѣрно понижая.... Представьте себѣ еще, что покупатели, какъ это бываетъ и на нашихъ базарахъ, безпрестанно перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое, немилосердо торгуясь съ продавцами; что въ толпѣ много людей ничѣмъ не занятыхъ, что тутъ вертится множество разныхъ фокусниковъ; представьте, что на площади всѣ кофейни и питейные дома наполнены народомъ, — представьте себѣ все это и тогда вы составите вѣрное понятіе о Зарскомъ базарѣ, и легко поймете, въ какой степени была оживлена Piazza delle Erbe (Овощная Площадь). Большой контрастъ съ подобнымъ шумомъ, съ подобною жизнью составляли окружавшія площадь зданія и полуразрушившіеся памятники старины, которые были когда-то свидѣтелями минувшей, можетъ-быть еще болѣе шумной жизни, но которые смотрѣли теперь такъ мрачно, такъ угрюмо....

Въ гостиницѣ al Capello хозяйка сдержала свое слово. Мнѣ отведена была комната, и теперь я могъ располагать своимъ временемъ совершенно свободно, какъ только мнѣ хотѣлось. Прежде всего, разумѣется, я постарался

* Говядина, господа, говядина, шестнадцать сольдовъ (крейцеровъ), шестнадцать.

** Два сольды, пять! смоквы (винныя ягоды), персики, персики!

осмотрѣть городъ со всѣми его достопримѣчательностями

Заръ небольшой *, но красивый городъ, имѣетъ прекрасныя мостовыя, правильныя и въ высшей степени узкія, мрачныя улицы. Города расположено на небольшомъ, совершенно кругломъ островѣ, который съ юго-восточной стороны отдѣляется отъ материка лишь узкимъ искусственнымъ каналомъ. Весь городъ обведенъ высокою крѣпостною стѣной. Въ него ведутъ четверо воротъ, изъ которыхъ замѣчательны Porta di San Chrysogono и Porta di Terra Ferma. Первыя ворота остались отъ времени римскихъ, и хорошо сохранились. На каждой сторонѣ ихъ находится по одной колоннѣ коринтскаго стила. На верху сѣвдующая надпись:

MELIA. ANNIANA. IN. MEMOR. Q. LAEPICI. Q. F.
SERC. BASSI. MARITI. SVI.
EMPORIVM. STERNI. ET. ARCVM. FIERI. ET. STATVAS
SVPERPONI. TEST. IVSS. EX. IIS. DCCXXI.

На основаніи этой надписи думаютъ, что ворота находились вблизи какой-то площади. Porta di Terra Ferma украшена колоннами дорическаго стила и многими барельефами превосходной работы; они построены въ шестнадцатомъ столѣтіи, знаменитымъ италіанскимъ архитекторомъ Санъ-Микели. Во многихъ мѣстахъ, на воротахъ и на городскихъ стѣнахъ, видны изображенія венеціанскаго крылатога льва. Интересны коринтскія колонны: одна находится близъ церкви Св. Симеона, другая на Овощной Площади. Посрединѣ послѣдней колонны прикрѣплена большая желѣзная цѣпь, которою, во времена Венеціанской республики, приковывались къ колоннѣ государственные преступники. На этой же колоннѣ еще уцѣлѣли остатки венеціанскаго льва. Вблизи Овощной Площади

* Въ Зарѣ насчитывается до 8.000 жителей, изъ числа которыхъ на долю Италіанцевъ приходится слѣшкомъ 3.000, на долю Славянъ около трехъ тысячъ, и затѣмъ до двухъ тысячъ приходится на долю военныхъ и Нѣмцевъ. Православныхъ въ Зарѣ находится 503 человека. Здѣсь живетъ православный епископъ, подъ управленіемъ котораго находятся всѣ православныя общины въ Далмаціи и который предсѣдательствуетъ въ духовной консисторіи, существующей съ іюля мѣсяца 1860 года. Православный епископъ есть попечитель православной духовной семинаріи, въ которой воспитываются будущіе священнослужители.

находится полуразвалившійся языческій храмъ, который, по однимъ сказаніямъ, былъ посвященъ Діанѣ, а по другимъ—Юнонѣ. Много рѣдкихъ вещей, важныхъ для исторіи, хранится въ городскомъ музеумѣ.

Между Зарскими церквами замѣчательны: соборъ, построенный въ тринадцатомъ столѣтіи Венеціанцами, бенедиктинскій монастырь, основанный въ одиннадцатомъ столѣтіи; и церковь Св. Симеона съ большимъ саркофагомъ, въ которомъ, говорятъ, хранятся мощи Симеона, перенесенныя сюда по повелѣнію венгерской королевы Елизаветы. Въ упомянутыхъ церквахъ находится много картинъ, работы знаменитыхъ италянскихъ художниковъ. Заслуживаютъ кромѣ того, большаго вниманія городская бібліотека, ратуша и часовая башня въ готическомъ стилѣ. Православная церковь во имя Св. Іаіи, единственная въ Зарѣ, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. *

Зара—столица Далмаціи, она служитъ центромъ для цѣлой страны; здѣсь сосредоточено все управленіе, какъ военное, такъ и гражданское; здѣсь находятся высшія судебныя инстанціи и разныя учебныя заведенія. Въ Зарѣ многое множество всякаго рода чиновныхъ людей. Здѣсь живетъ и губернаторъ Далмаціи. Соотвѣтственно такому важному значенію Зары, въ ней находятся разнаго рода общественыя заведенія. Есть здѣсь театръ, въ которомъ даются италянскія представленія; есть италянское „касиво“, есть общественный садъ, гдѣ иногда играетъ полковая музыка. Зимомъ, говорятъ, устраиваются концерты, балы, и вообще бываетъ чрезвычайно весело. На улицахъ, особенно на площадяхъ, постоянное движеніе, шумъ и говоръ. Жители, безъ всякой особенной цѣли, бродятъ взадъ и впередъ по улицамъ, и любятъ просиживать по цѣлымъ часамъ передъ кофейнями. Что касается этихъ послѣднихъ, то онѣ въ Зарѣ, какъ и вообще въ Далмаціи, устро-

* Говорятъ, православные Сербы въ Зарѣ лишь Французамъ обязаны тѣмъ, что у нихъ есть теперь своя церковь. До конца прошедшаго столѣтія они довольствовались небольшою часовней. Когда Французы заняли Далмацію, Сербы обратились къ французскому главнокомандующему, съ просьбой уступить имъ для церкви родственное съ капеллой зданіе, и главнокомандующій далъ на это согласіе. Вообще, кажется, Французы старались расположить въ свою пользу славянское населеніе Далмаціи, разчитывая на его поддержку.

ены хорошо и съ комфортомъ. Кофейни помѣщаются обыкновенно въ первомъ этажѣ, и передъ каждою разставляются столы и стулья для желающихъ пить кофе и читать газеты на открытомъ воздухѣ. Въ газетахъ нѣтъ недостатка; въ кофейняхъ держатъ италіянскія, нѣмецкія, иногда даже французскія и англійскія газеты и иллюстраціи. Посѣтителю кофейнь потребляютъ преимущественно черныѣ кофе, который подается въ небольшихъ чашечкахъ, и стоить очень дешево, такъ что любители могутъ наслаждаться имъ по нѣсколько разъ въ день, не входя въ большіе расходы. Я видѣлъ многихъ, которые выпивали чашку чернаго кофе утромъ, чашку передъ обѣдомъ, потомъ послѣ обѣда, и въ заключеніе еще одну чашку поздно вечеромъ, на сонъ грядущій. Въ кофейняхъ и передъ кофейнями происходятъ разныя совѣщанія, толкуется о дѣлахъ коммерческихъ, литературныхъ и политическихъ. Кофейни—открытыя, такъ сказать, клубы. Но какъ-то само собой установилось различіе между кофейнями: однѣ посѣщаются, напримѣръ, исключительно моряками, другія торговцами, третьи офицерами и чиновниками, четвертыя литераторами. * Самая лучшая кофейня въ Зарѣ находится на Corso, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ къ Corso примыкаетъ piazza dei Signori и слѣдовательно на одномъ изъ болѣе оживленныхъ мѣстъ въ городѣ. Въ *caffe dei Signori* (кофейня синьйоровъ),—сходятся литераторы, ученые, политическіе дѣятели, аристократы. О газетахъ нечего и говорить, ихъ выписывается здѣсь очень много. Въ *caffe dei Signori* я, къ моему удивленію, нашелъ даже хорватскую газету *Pogon*, чего нѣтъ въ Зарѣ ни въ какой другой кофейнѣ.

Я, въ бытность мою въ Зарѣ, часто сиживалъ передъ *caffe dei Signori*, любуясь окружающими площадъ зданіями и пестротою толпы. Вотъ, бывало, проходятъ мимо кофейни синьйоры, съ жаромъ и громко разговаривая на италіянскомъ языкѣ, проходятъ еще какіе-то господа, скромно и

* Зарскія кофейни представляютъ лишь одно неудобство: всѣ онѣ находятся внутри города, и потому не даютъ возможности наслаждаться видомъ на море, какъ это бываетъ въ другихъ приморскихъ городахъ, гдѣ кофейни устраиваются большею частію на набережныхъ.

какъ бы украдкой говоря „нашки“ *, проходятъ молчаливо и степенно православные духовные, въ длинныхъ полукафтаньяхъ, въ низкихъ шляпахъ съ широкими полями, проходятъ католическіе священники, перебрасываясь между собою латинскими фразами, и при встрѣчѣ съ знакомыми, ловко приподнимая свои полновѣсные шляпы, снабженныя такими громадными полями, что, право, эти поля висѣли бы у нихъ непремѣнно на плечахъ, есабы же были прикрѣплены черными лентами къ верхушкамъ шляпъ, вслѣдствіе чего шляпы принимаютъ весьма куріозную форму. Но вотъ, являются и дамы,—дамы большею частію пріятной наружности, одѣты хорошо, со вкусомъ, хотя и безъ роскоши. Картина разнообразится появленіемъ поселянъ съ небольшими лошадками, на которыхъ лежатъ мѣхи съ виномъ. Тутъ же на площади видишь и тѣхъ Черногорцевъ, которые, нѣсколько времени тому назадъ, были изгнаны изъ Черногоріи, и которыхъ пріютило австрійское правительство, желая воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ для нѣкоторыхъ своихъ цѣлей. Въ Зарѣ находится около тридцати Черногорцевъ: не имѣя никакого занятія, они живутъ на счетъ австрійскаго правительства.

Зарскія гостиницы далеко уступаютъ кофейнямъ, и житель Зары не находитъ въ нихъ такого комфортаго, такого теплаго пріюта, какой доставляютъ своимъ почитателямъ гостиницы другихъ европейскихъ городовъ. Тѣмъ не менѣе, и въ Зарѣ гостиницы посѣщаются тѣми, которые ищутъ разнообразія, развлеченія, хорошаго общества; онѣ служатъ мѣстомъ собраній, болѣе для людей средняго и низшаго классовъ. Единственная безукоризненная гостиница въ Зарѣ—это гостиница *al Capello*, которукъ легко можно узнать по огромной шляпѣ, красующейся надъ самымъ входомъ въ гостиницу. Она устроена хорошо, содержится довольно чисто и, сверхъ того, имѣетъ комнаты для пріѣзжихъ, чего нѣтъ въ другихъ Зарскихъ гостиницахъ. Отъ того гостиница *al Capello* носитъ громкое названіе „локанды“, для отличія отъ всѣхъ остальныхъ гостиницъ въ городѣ, которыя

* Такъ большею частію выражаются въ Далмаціи, когда говорятъ о сербскомъ языкѣ. „Говорите ли вы нашки“ (по кашански)? спрашиваютъ, капритръ, васъ. „Онъ знаетъ нашки“, слышится часто отзывъ о комъ-нибудь.

зываются „остеріями“. „Остеріи“ устроены весьма плохо, содержатся грязно и, въ добавокъ, имѣютъ какой-то свой собственный запахъ, такъ что, не только бывать въ нихъ, но и проходить мимо ихъ не совсѣмъ пріятно. „Остеріи“ состоятъ обыкновенно изъ одной комнаты и много, много изъ двухъ. Дневной свѣтъ проникаетъ въ нихъ всего чаще черезъ дверь, а иногда и черезъ окна, если только имѣются таковыя. Въ каждой „остеріи“ на полу разставлены бочки съ виномъ, а гдѣ-нибудь въ углу, на столѣ, продаются разныя закуски къ вину: вареное и жареное мясо, печеная и вареная рыба, хлѣбъ и многія другія съѣдобныя вещи, употребляемыя лишь приморскими жителями. Посрединѣ „остеріи“, или по сторонамъ, стоятъ столы и скамьи для гостей. Вино подается гостямъ обыкновенно въ расписанныхъ глиняныхъ кувшинахъ, которые бываютъ разной величины. Надъ дверями „остерій“ съ наружной стороны вѣшается или клочокъ сѣна, или клочокъ стружекъ, или вѣтвь какого-либо дерева, такъ что, гдѣ только видишь подобные клочки и вѣтви, сейчасъ же догадываешься, что тутъ продается вино, что это „остерія“, хотя надъ „остеріей“ нѣтъ никакой надписи. На многихъ „остеріяхъ“ находятъ, впрочемъ, и надписи. Въ Зарѣ есть, напримѣръ, „остеріи“ У Бѣлаго Вола, У Трехъ, или У Двухъ Розъ, У Пѣтуха, У Прекрасной Италианки, У Золотаго Яблока, У Двухъ Пріятелей и пр. Болѣе аристократическія „остеріи“ имѣютъ надъ дверями наклеиваемыхъ бѣлыхъ воловъ, прекрасныхъ Италианокъ или Далматинокъ, двоихъ пріятелей со стаканами въ рукахъ и съ подозрительными физиономіями и пр. Словомъ, тутъ столько предметовъ достойныхъ наблюденія, что невольно удивляешься генію италянкой изобрѣтательности. Надо замѣтить, что всѣ надписи на „остеріяхъ“, равно какъ на кофейняхъ и на лавкахъ, дѣлаются на италянскомъ языкѣ, несмотря на то что Сербы составляютъ третью часть народонаселенія Зары.

Зара служитъ для Далмаціи центромъ литературной и политической дѣятельности, такъ что въ этомъ отношеніи другіе далматинскіе города далеко отстаютъ отъ нея. Зарская литература, соотвѣтственно двумъ главнымъ народностямъ, населяющимъ Зару, распадается на двѣ совершенно

отдѣльными литературы—сербокою и италянкою. Я мало присматривался къ послѣднимъ явленіямъ италянской литературы въ Зарѣ и потому не беру съ говорить здѣсь о нихъ. Скажу лишь нѣсколько словъ о новѣйшихъ сербскихъ писателяхъ.

Между послѣдними первое мѣсто занимаютъ поэты Казаи и Сундечичъ. П. А. Казаи, профессоръ гимназіи, родомъ изъ Дубровника, но онъ провелъ большую часть своей жизни въ Зарѣ, такъ что этотъ городъ для него вторая родина, и ему принадлежитъ вся литературная дѣятельность поэта. Стихотворенія Казаи читаются легко и съ удовольствіемъ, но въ нихъ мало оригинальности. Онъ пишетъ большею частію подъ вліяніемъ италянскихъ и французскихъ писателей. Вообще, его можно упрекнуть въ равнодушіи и холодности къ славянству. Казаи мало интересуется положеніемъ Славянъ въ Далмаціи и остается равнодушенъ въ тому движенію, которое въ послѣднее время охватило страну, остается равнодушенъ ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые касаются самыхъ существенныхъ интересовъ его соплеменниковъ. Въ послѣднее время онъ занимался приготовленіемъ къ печати большой, по его словамъ, поэмы о Гробничкомъ поле. Гробничкое поле находится близъ Рѣки и извѣстно въ южно-славянской исторіи какъ мѣсто самой ожесточенной борьбы между Хорватами и Монголами, гдѣ послѣдніе были поражены наголову. Очень можетъ быть, что въ своей новой поэмѣ Казаи отнесется съ большею теплотою къ славянству, обнаружитъ болѣе національнаго чувства, нежели сколько замѣтно въ его прежнихъ стихотвореніяхъ.

Совершенно другой характеръ имѣетъ поэзія Сундечича. Сундечичъ пламенно любитъ свою родину, свою, какъ онъ выражается, милую Далмацію, пламенно любитъ все славянское племя. Онъ Славянинъ душой и тѣломъ, и его поэзія полна того искренняго племеннаго чувства, которое невольно заставляетъ, вмѣстѣ съ поэтомъ и оплакивать судьбу Сербовъ и удивляться храбрости *соколовъ-Черногорцевъ*, и восхищаться красотами Далмаціи—*этого земнаго рая, этого прелестнаго гнѣздышка, омываемаго голубыми водами Адриатики*. Въ поэзіи Сундечича нѣтъ такого изящества, такой чистоты стиха, какъ у Казаи, но за то въ

ней много огня, много души, чего нѣтъ у Казахи. Въ своихъ стихотвореніяхъ Сундечичъ большею частію то воспѣваетъ старую славу Сербовъ, то оплакиваетъ несчастное положеніе Славянъ, то старается пробудить въ своихъ соплеменникахъ любовь къ родимъ, любовь ко всему славянству, то увѣщаетъ южно-славянскіе народы быть единодушными и согласными во всемъ. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, въ своихъ *Косовскихъ Элегіяхъ*:

О Косово поле! не воспламенится ли кровь Сербца мщеніемъ, когда онъ вспомнитъ о тебѣ?...

На Косовомъ полѣ пала его жизнь и свобода; здѣсь проклятое яро наложено на сербское племя.

Прошли четыре столѣтія... и нѣтъ мученія, которому бы не подвергался Сербъ отъ вражьей руки.

О Косово поле! Сербъ хорошо помнитъ все это, и встанетъ же для него поря мщенія.... (*Сербско-далматинскій Магазинъ* за 1862 годъ.)

Въ стихотвореніи *Moje Djeve* * Сундечичъ разыгрываетъ роль влюбленнаго. Поэтъ страстно любитъ одну дѣвицу, такъ страстно, что другую уже не можетъ полюбить, и никто не въ силахъ потушить въ немъ пламень этой любви. Кто же предметъ его любви? Что это за дѣвица, очаровавшая пастыря церкви?... ** „Имя той, къ которой я горю любовью, отвѣчаетъ поэтъ,—Народность.“

Въ стихотвореніи *Domovina* поэтъ указываетъ своимъ соотечественникамъ на птицъ и звѣрей, которые такъ любятъ свои гнѣзда и норы, и спрашиваетъ ихъ какъ же намъ не любить свою отчизну, гдѣ мы впервые увидели свѣтъ Божій, гдѣ мы вскормлены и воспитаны? Какъ намъ не любить отчизну, гдѣ находятся могилы нашихъ предковъ, гдѣ все напоминаетъ намъ о родномъ, гдѣ каждый камень говоритъ намъ о нашемъ славномъ прошедшемъ, гдѣ раздаются звуки нашего языка и нашихъ пѣсень?!.. „Domovino! (отечество) восклицаетъ поэтъ, „для тебя долж-

* Сундечичъ печатаетъ свои стихотворенія и латинскими буквами и кирилловскими:

** Сундечичъ—православный священникъ и профессоръ семинаріи въ Зарѣ.

мы мы всемы жертвовать. Za te nam je sve jedino, mir, tizina, borba, got...

Прекрасное стихотвореніе *Dalmaciji*, гдѣ поэтъ, указавъ на красоты природы, которыми такъ богата Далмація, и сравнивъ съ этими красотоми, съ этимъ величіемъ природы, жалкое положеніе народа, приходитъ въ ужасъ и негодованіе, что народъ забылъ себя, забылъ все для него священное, забылъ славу своихъ отцовъ, забылъ свой языкъ.... „Далмація!“ взываетъ затѣмъ поэтъ: „вспомни твою прежнюю славу, вспомни, что тебѣ предназначена не такая участь и что ты достойно можешь занять мѣсто въ ряду славянскихъ народовъ, къ которымъ ты такъ близка, съ которыми ты такъ родственна.... Не вызываю тебя на имѣнну, на подаянн дѣйствія, это недостойно тебя. Но я прошу, я закаинаю тебя созданіемъ неба и земли познай себя, вздохни вольнѣе, свободнѣе, полюби свое славянское имя, будь тѣмъ, чѣмъ ты должна быть....“

Въ то же время, Сундечича трогаетъ до глубины души тотъ несчастный раздоръ, то разъединеніе, которые такъ замѣтны между южно-славянскими народами, и которые такъ для нихъ губельны. Поэту хочется водворить согласіе и любовь между всѣми южно-славянскими племенами, и онъ обращается къ нимъ съ слѣдующими словами:

Куда мы тащима, братцы, какъ сѣпые?... Такъ мы легко забредемъ въ пропасть!

Пусть Сербъ подаетъ Хорвату братскую руку, и пусть Хорватъ искренно примирится съ Сербомъ;

Пусть присоединится къ намъ и Словенецъ, пусть и Болгаринъ избережъ между нами брата.

Только лишь такъ прудемъ мы къ цѣли, и только лишь такое согласіе сдѣлаетъ насъ счастливыми.

Разъединенные же, увы! мы будемъ вѣчно страдать, будемъ вѣчно изъ одной ямы падать въ другую...

А наши враги адски станутъ смѣяться надъ нашею губелью, надъ нашимъ ничтожествомъ.....

Я позволилъ себѣ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ стихотвореній Сундечича, чтобы читатели могли составить себѣ нѣкоторое помятіе, какъ о самомъ этомъ поэтѣ, одномъ изъ лучшихъ далматинскихъ писателей, такъ и о положеніи южнославянскихъ земель. Идеи, проводимыя Сун-

дечичемъ въ его стихотвореніяхъ, не могли, конечно, остаться не замѣченными со стороны австрійскаго правительства, и, по сѣднее, считая поэта приверженцемъ панславизма, человѣкомъ непокойнымъ и недовольнымъ властями, старается по возможности умѣрять его пыкія чувства.

Ученая славянская литература въ Зарѣ еще саишкомъ молода и не можетъ равняться съ литературой изящною, но и она заслуживаетъ вниманія. По части славянской филологіи много работаетъ профессоръ Бърчичъ. Г. Бърчичъ особенно хорошо знакомъ съ памятниками глагольскои письменности. Недавно изданы имъ глагольская христоматія, глагольская грамматика и букварь. Исторія и богословская литература тоже имѣютъ въ Зарѣ своихъ корифеевъ. Архимандритъ Петраловичъ разрабатываетъ исторію даматинской церкви; онъ уже издалъ нѣсколько историческихъ брошюръ, и приготовляетъ къ печати большое сочиненіе. Съ прошлаго года Петраловичъ принялъ на себя изданіе журнала *Сербско-Далматинскій Магазинъ*. *Магазинъ* выходитъ одинъ разъ въ годъ, большими книжками, и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: *Исторія, Обычаи народни, Предмети поучни и забавни, Краснорѣчіе, Пѣноищество, Живопись, Лѣтопись прав. церкви у Далмаціи, Стари письма*. Въ книжкѣ за 1862-й годъ, вышедшей подъ редакціей Петраловича, находится много весьма интересныхъ вещей, относящихся къ исторіи даматинской церкви. До 1862 года *Магазинъ* издавался въ Дубровникѣ православнымъ священникомъ Николаевичемъ. Г. Николаевичъ имѣлъ однако несчастіе быть заподозрѣннымъ отъ австрійскаго правительства въ какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ Черногорцами и съ герцеговинскими Сербами, долженъ былъ оставить изданіе и переселиться въ Зару. Николаевичъ весьма образованный человѣкъ, и занимается главнымъ образомъ южно-славянскою церковною исторіей. Передавъ редакцію *Магазина* Петраловичу, онъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ работать для журнала. Въ книжкѣ за 1862 годъ помещено имъ продолженіе *Старыхъ сербскихъ писемъ*, печатавшихся въ прежнихъ нумерахъ *Магазина*. Въ *Сербско-Далматинскомъ Магазинѣ* дается мѣсто богословскимъ статьямъ и статьямъ ученаго и нравственнаго содержанія; для этихъ статей на-

значены отдѣлы: *Предметы поученія и забавы и Краснорѣчіе*. Въ отдѣлѣ *Краснорѣчіе* помѣщаются и проповѣди *. Последніа часто издаются отдѣльными книжками; изданы, напримеръ, поученія Петраловича, Николаевича и другихъ. Далматинскіе православные богословы въ своихъ сочиненіяхъ опираются главнымъ образомъ на русскія богословскія изслѣдованія **.

Не могу не вспомнить здѣсь еще объ одномъ зарскомъ литераторѣ, который, собственно говоря, не принадлежитъ ни къ поэтамъ, ни къ историкамъ, ни къ филологамъ, ни къ публицистамъ, но занимается и тѣмъ и другимъ и третьимъ вмѣстѣ; это графъ Яковичъ. Графъ Яковичъ страстно преданъ всему славянству. Не знаю только, удастся ли ему образовать партію и стать во главѣ ея. Съ особеннымъ уваженіемъ смотритъ Яковичъ на русскій народъ, находя въ немъ великіе задатки будущаго величія и только отъ него ожидаетъ спасенія для своей „домовины“, и для другихъ славянскихъ странъ, находящихся подъ чуждымъ правительствомъ. Яковичъ убѣжденъ, что въ Россіи все далеко не такъ дурно, какъ о ней пишутъ Англичане, Французы и Нѣмцы. Отъ того онъ врагъ всѣхъ враговъ Россіи, оттого его славянская душа сильно возмущается всеми язвительными упреками, дѣлаемыми Россіи, и оттого, напротивъ, онъ такъ цѣнитъ каждое доброе слово, сказанное о Россіи, каждый справедливый отзывъ, сдѣланный о ней лицами посторонними. Графъ Яковичъ отъ души желаетъ, чтобъ и его соотечественники были одинаковаго съ нимъ образа мыслей относительно Россіи, и съ этой цѣлю недавно издалъ брошюрку. Я познакомился съ графомъ уже на обратномъ пути изъ Далмаціи, и притомъ совершенно неожиданно. Пароходъ, на которомъ я ѣхалъ въ Триестъ, остановился въ Зарѣ на ночь. На пароходѣ были, кромѣ меня, еще двое Русскихъ. Вечеромъ мы отправились въ городъ, и навѣстили здѣсь нашихъ прежнихъ знакомыхъ, кого только могли. На другой день,

* *Сербско-Далматинскій Магазинъ* не можетъ, однако, считаться журналомъ духовнымъ. Въ немъ помѣщаются статьи разнообразнаго содержанія. Это литературный сборникъ.

** О сербской политическои литературѣ въ Зарѣ я здѣсь не говорю. О ней будетъ сказано ниже.

передъ самымъ отъѣздомъ, нѣкоторые изъ нихъ явились на пароходъ, и привели съ собой одного господина весьма почтенной наружности. Это былъ графъ Яковичъ. Узнавъ о пріѣздѣ Русскихъ, онъ пришелъ на пароходъ съ единственною цѣлю видѣться съ братьями Славянами изъ далекихъ странъ, и въ знакъ своей симпатіи къ братьямъ, подарилъ каждому изъ насъ по два экземпляра своей брошюры о Россіи....

Сербская литература въ Зарѣ, какъ видите, не слишкомъ богата. Но многого нельзя и требовать отъ здѣшнихъ Сербовъ. Надо взять во вниманіе то положеніе, которое они занимаютъ въ городѣ, тѣ притѣсненія, которымъ доселѣ подвергалась ихъ народность и языкъ. Литература можетъ развиваться лишь тогда, когда народъ свободенъ, когда у него развязаны руки, когда ему позволяютъ говорить и писать. Нѣтъ сомнѣнія, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при болѣе выгодномъ политическомъ положеніи Сербовъ въ Зарѣ, и ихъ литература стала бы гораздо выше. Угнетеніе со стороны вѣнецкаго правительства и со стороны Италянцевъ вызывало, разумеется, отпоръ въ Сербяхъ, но въ началѣ этотъ отпоръ былъ слишкомъ слабъ. Лишь въ послѣднее время Сербъ успѣли образовать въ Зарѣ довольно большую политическую партію, которая имѣетъ своихъ приверженцевъ въ цѣлой Далмаціи, и около которой концентрируется теперь все народное движеніе страны.

Но здѣсь, для поясненія дѣла, я долженъ указать предварительно на нѣкоторыя историческія данныя.

Зара (Jadera, Diodora, Zadar) была римскою колоніей, и считалась главнымъ городомъ провинціи Либурніи. Въ послѣдствіи Зара, вмѣстѣ съ другими приморскими городами, вошла въ составъ Далмаціи и признавала надъ собою господство то римскихъ, то константинопольскихъ императоровъ, то королей хорватскихъ и венгерскихъ, то дожей венеціанскихъ. Какъ колонія, какъ островъ среди чуждаго элемента, Зара, безъ сомнѣнія, съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія, представляла значительную нестроту въ народонаселеніи. Историческія сказанія того времени слишкомъ сбивчивы, темны, и съ положительной точностію нельзя опредѣлить, какая народность сталкивалась въ Зарѣ съ народностью латинской. Можетъ быть, это

была народность славянская. Но съ седьмага столѣтія становится уже положительно извѣстнымъ, что всю Далмацію заселяютъ Славяне и заселяютъ въ такой степени, что славянскій элементъ продирается въ города и на дамативскіе острова. Мало того, на берегахъ Адриатическаго моря образуется славянское государство, и въ составъ этого новаго государства входитъ, между прочимъ, Зара съ нѣкоторыми другими приморскими городами. Резиденціей хорватскихъ королей становится Біоградъ,—нынѣ *Zaga Veschia*, *Stari Zadar*,—находящійся всего верстахъ въ двадцати отъ Зары. Такой оборотъ дѣла, конечно, не могъ не сопровождаться послѣдствіями выгодными для славянскаго элемента, благодаря которымъ Славяне стали твердою ногой какъ въ Зарѣ, такъ и въ другихъ приморскихъ городахъ. Хорватское государство было недолговѣчно, Біоградъ палъ, но тѣмъ не менѣе Зара стала полуиталіянскимъ, полуславянскимъ городомъ. Не даромъ же Венеціанцы, когда въ послѣдствіи Зара присоединилась къ республикѣ, употребляли всѣ свои усилія къ поддержанію италіянскаго элемента въ городѣ и къ ослабленію элемента славянскаго; на этотъ послѣдній, стало-быть, они смотрѣли какъ на фактора довольно сильнаго и опаснаго для италіанизма, такъ что иногда прибѣгали и къ мѣрамъ стѣсненія противъ Славянъ. Въ 1797 году пала Венеціанская республика, и казалось, для зарскихъ Славянъ настала болѣе счастливая пора. Во времена какого-то междоусобія, какого-то общаго хаоса, послѣдовавшаго за паденіемъ республики, они, дѣйствительно, вздохнули немного свободнѣе. Но дамативскіе Италіянцы вскорѣ нашли себѣ новаго покровителя: то была Австрія, давнишній другъ и пріятель Славянъ. Собственно говоря, для австрійскаго правительства было дѣломъ совершенно безразличнымъ, Славяне ли существуютъ въ Далмаціи, или Италіянцы. Но желая разъединить двѣ народности, населяющія Далмацію, желая ослабить Сербовъ и привлечь на свою сторону Италіянцевъ, австрійское правительство стало держаться системы италіанизированія. и вся тяжесть этой системы пала попрежнему на города, въ особенности же на Зару. Сербы должны были воспитываться въ италіянскихъ школахъ, и могли поступать на службу не иначе, какъ отрекшись отъ своего роднаго языка,

отъ своего домашняго очага: италянскій языкъ сталъ языкомъ школьнымъ и канцелярскимъ.

Правительство, занятое италянизированіемъ края, сильно недовольно тѣмъ отпоромъ, который оно встрѣчаетъ со стороны сербской народной партіи, образовавшейся въ Зарѣ; сильно недовольно требованіями и притязаніями Сербовъ, несмотря на всю ѣдкость, на всю умѣренность этихъ требованій и притязаній. Народная партія не стремится къ испроверженію власти, не стремится даже и къ господству надъ италянскимъ элементомъ, потому что, при бѣдности сербской литературы сравнительно съ литературой италянской, господство сербскаго элемента надъ италянскимъ невозможно. Она требуетъ отъ правительства того только, чтобы были признаны народныя права Сербовъ, чтобы сербскій языкъ, наравнѣ съ языкомъ италянскимъ, былъ признанъ въ цѣлой странѣ языкомъ канцелярскимъ и школьнымъ. „Административное устройство Далмаціи можетъ остаться прежнее, говорили мнѣ многіе Сербы, но пусть въ присутственныхъ мѣстахъ дѣла ведутся вмѣстѣ и на сербскомъ и на италянскомъ языкѣ, пусть въ нашихъ школахъ преподаются науки на нашемъ родномъ языкѣ. Не думайте, однако, чтобы намъ хотѣлось вовсе изгнать изъ Далмаціи италянскій языкъ. Нѣтъ, мы станемъ изучать его, но въ то же время мы хотимъ изучать и обрабатывать нашъ собственный языкъ, который для насъ также дорогъ, какъ для Италянца дорогъ италянскій языкъ.“

Народная партія основываетъ свои требованія на историческихъ правахъ Сербовъ и на численномъ превосходствѣ сербскаго народонаселенія въ Далмаціи надъ италянскимъ. Далмація, по мнѣнію зарскихъ патриотовъ, уже цѣлыя столѣтія, занята сербскимъ племенемъ и слѣдовательно, права Сербовъ на эту страну неоспоримы, и Италянцы не могутъ утверждать, чтобы старожилами Далмаціи были они одни, а не вмѣстѣ и Сербы. По статистическимъ даннымъ, въ дамматинскихъ городахъ славянское племя составляетъ гдѣ большинство, гдѣ половину, гдѣ, по крайней мѣрѣ, третью часть всего городского народонаселенія. Откуда же тамъ взялись Славяне въ такомъ громадномъ количествѣ? Не ясное ли дѣло, что они уже издавна поселились въ этихъ городахъ, что нѣкоторые изъ нихъ

основаны ими же самими, и что принявъ отчасти италянскую цивилизацію, Славяне лишь окрывались тамъ подъ корою италянизма, пока въ нихъ мало-по-малу не стало пробуждаться народное самосознаніе?

Но, продолжаютъ разсуждать зарскіе публицисты, Славяне составляютъ значительное большинство, если взять въ разчетъ сельское народонаселеніе Далмаціи. * Во всей странѣ нѣтъ ни одного италянскаго селенія, а всѣ почти славянскія ** Италянцы живутъ только въ городахъ, да и то среди Славянъ. Есть ли, поэтому, какое-нибудь основаніе требовать отъ большинства народонаселенія, чтобъ оно приняло чуждый языкъ и отказалось отъ своего собственнаго? Есть ли какой-либо смыслъ въ томъ, чтобы въ странѣ, совершенно славянской, судъ и расправу производить на непонятномъ народу языкѣ, на языкѣ италянскомъ, и изгонять славянскій языкъ даже изъ храмовъ?!... ***

Такъ мыслить народная въ Зарѣ партія. Народная партія имѣетъ свою собственную газету, которая, впрочемъ издается на италянскомъ языкѣ. *Il Nazionale*—такъ называется эта газета—хорошо исполняетъ свою задачу, и много читается въ Далмаціи. Для незнающихъ италянскаго выходитъ еще *Narodni List* въ видѣ прибавленія къ *Націоналу*.

Существуютъ между зарскими Славянами приверженцы и

* Кромѣ славянскихъ, находятся въ Далмаціи нѣсколько албанскихъ селеній. Число Албанцевъ простирается до 900 человекъ.

** Все народонаселеніе Далмаціи простирается до 410.000 человекъ, въ числѣ которыхъ находится около 380.000 Славянъ, болѣе 20.000 Итальянцевъ, около 500 Евреевъ (большую частію испанскихъ) и нѣсколько сотъ Албанцевъ. Нѣмцевъ въ Далмаціи очень мало.

*** Въ то же время народная партія, для усиленія своихъ требованій указываетъ правительству и италянской партіи на то, что далматинскіе Славяне, какъ племя южно-славянское, принадлежатъ къ большой семьѣ славянскихъ народовъ, и что, слѣдовательно, они, какъ и далматинскіе Итальянцы, не стоятъ особнякомъ, но имѣютъ за собой большую массу соплеменнаго народа. Въ *Національ* часто помѣщаются статьи то о Россіи, то о Болгаріи, то о Чехіи и пр., и въ подобныхъ статьяхъ всегда указывается на родство славянскихъ народовъ съ далматинскими Сербинами. Вообще *Національ* относится съ особенною симпатіей къ славянскимъ народамъ.

такъ-называемой велико-хорватской партіи, которая образовалась въ Хорваціи, и которая мечтаетъ о созданіи одного королевства изъ трехъ небольшихъ земель: Хорваціи, Славоніи и Далмаціи,—мечта обольстительная, но едва ли осуществимая. Хорваты, имѣя собственную конституцію и жупанское управленіе, дали бы, конечно далматинскимъ Славянамъ ту же свободу и тѣ же права, которыми теперь сами пользуются, и тогда славянская народность въ Далмаціи была бы болѣе ограждена отъ чуждаго элемента. Но что скажетъ правительство?

Въ Хорваціи правительство дѣлаетъ то, а въ Далмаціи другое. Хорватамъ оно говоритъ, что пусть Далмація присоединяется къ „Трїединому Королевству,“ что для него это совершенно все равно, что для него было бы даже лучше, еслибы такое соединеніе состоялось и въ то же время правительственные агенты разрушаютъ въ сердцахъ Далматинцевъ всякую надежду на присоединеніе Далмаціи къ Хорваціи, усиливаетъ между Италианцами и Сербами раздоръ, обѣщая однимъ то, другимъ другое, и доводятъ наконецъ дѣло до того, что далматинскій сеймъ высказывается и противъ всѣхъ „неумѣстныхъ“ притязаній народной партіи, и противъ присоединенія Далмаціи къ Хорваціи. Правительственными органами въ Зарѣ считаются *Osservatore dalmatino* (Далматинскій наблюдатель), *Glasnik dalmatinski* (Вѣстникъ далматинскій). Народной партіи приходится бороться не только съ правительствомъ, но и съ партіей италянскою, хорошо организованною и довольно многочисленною. Зарская италянская партія имѣетъ своихъ послѣдователей во всѣхъ далматинскихъ городахъ, особенно же въ Шебеникѣ и Сплитѣ. Къ ней принадлежатъ, кромѣ того, и поиталианчившіеся Славяне. Блескъ италянскою цивилизаціи прельщаетъ многихъ, и ряды италянскою партіи, не смотря на пропаганду партіи народной, все еще покуда пополняются новыми, свѣжими силами. Къ тому же Италианцы имѣютъ въ своихъ рукахъ огромныя матеріальныя средства и, надо сознаться, отлично пользуются этими средствами для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Италянская партія дѣйствуетъ тоже во имя народности, и всѣми силами старается удержать перевѣсъ италянизма надъ славянскимъ элементомъ. Господство ей нравится, и она не

хочетъ разстаться съ ними, какихъ бы пожертвованій это ни стоило ей. Итальянская партія находитъ для себя большую поддержку въ правительствѣ; въ дѣлѣ итальянизированія Славянъ онѣ идутъ рука объ руку, дѣлая другъ другу взаимныя уступки. Но едва ли не на этомъ и оканчивается вся ихъ дружба. Гордые потомки Римлянъ хороши съ правительствомъ, пока оно льститъ ихъ самолюбію, пока дѣйствуетъ въ пользу итальянизма, но есть и у нихъ затаенныя мысли; имя *Tedesco* звучитъ для нихъ также непріятно, какъ и для всѣхъ Италианцевъ, и они бы отнюдь не были противъ того, чтобы, мапримѣръ, Далмація отошла отъ Австріи къ Италиіи....

Сельское народонаселеніе не принимаетъ особенно горячаго участія въ политической борьбѣ партій. Мнѣ не привелось познакомиться съ народомъ внутри страны, но я говорю такъ на основаніи того что слышалъ отъ моихъ знакомыхъ въ Зарѣ, и что могъ подмѣтить самъ, сходясь съ крестьянами или въ городѣ, гдѣ ихъ бываетъ много каждый день, или въ окрестныхъ селеніяхъ. * Сербъ близъ Зары (Морлак) одаренъ отъ природы быстрымъ умомъ; но онъ мало хлопочетъ о будущемъ и еще менѣе задумывается надъ прошедшимъ. Онъ не охотно вдается въ политическіе толки, остается большею частію равнодушенъ ко всему тому что не затрагиваетъ его матеріальныхъ интересовъ, что живетъ лишь настоящимъ днемъ. Черты его лица рѣзки и ясно говорятъ, что въ немъ есть много нравственной силы, что въ немъ еще не потухъ огонь той жизни, которою жила его предки, но спитъ въ немъ эта сила, глубоко въ душѣ кроется этотъ огонь.... ** Столь же мало заботится зарскій поселянинъ объ улучшеніи своего хозяйства, своего домашняго быта; что Богъ дастъ, то и ладно, разсуждаетъ онъ, что уродится въ полѣ, тѣмъ онъ и доволенъ.

* Верстахъ въ четырехъ отъ Зары, на берегу моря, находится одна албанская колонія (*Borgoerizzo*). Албанцы поселились здѣсь по приглашенію зарскаго архіепископа Змаевича который сначала былъ архіепископомъ въ Антивари.

** Въ Далмаціи замѣчается большой недостатокъ въ простонародныхъ книгахъ. Новое общество, образовавшееся въ Зарѣ, *Matica Dalmatinska* имѣетъ, между прочимъ, дѣлаю заботиться о распространеніи грамотности въ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, оно позаботится и объ изданіи необходимыхъ для народа книгъ.

И хорошо еще, что природа здѣсь щедра: она надѣляетъ крестьянина, не требуя отъ него особенно большаго труда, отличными виноградомъ, оливками, смоквами, кукурузой, персиками, сливами и пр. Костюмъ здѣшнихъ поселянъ отличается большою пестротой и оригинальностью. Женщины одѣваются вообще лучше мужчинъ. Эти послѣдніе носятъ узкіе суконные штаны, запуская ихъ въ длинныя сивіе чулки, которые подвязываются около коленъ, ботинокъ, или плетевые изъ кожи башмаки, разнаго рода курточки и большею частію красныя шапочки, нѣсколько похожія на турецкіе фесы. Всѣ мужчины обыкновенно заплетаютъ волосы въ косы, которыя иногда чрезвычайно красиво падаютъ на плеча.

Но все ли такъ и даже въ Дамаціи, какъ въ Зарѣ и близъ Зары? Походятъ ли другіе дамацінскіе города на Зару? Какова тамъ жизнь, каковы обычаи? Вотъ вопросы, занимавшіе меня, когда я, 3-го сентября, на пароходѣ *Bosforo*, отправился изъ Зары въ Спайтъ.

Пароходъ шелъ сначала Зарскимъ каналомъ, отдѣляющимъ отъ материка островъ Ugliano. Зарскій каналъ чрезвычайно живописенъ. По всему его протяженію, берега покрыты густымъ лѣсомъ масличныхъ деревьевъ; мѣстами видѣются то селенія, то какія-либо развалины. На одной изъ вершинъ острова находятся развалины крѣпости, построенной Венеціанцами для наблюденія за неспокойною Зарой. Далѣе, на лѣвомъ берегу канала, бѣлится старый Задаръ (*Zara vecchia*). Старый Задаръ былъ въ прежнія времена столицей Хорватскаго королевства, но въ 1115 году онъ былъ разрушенъ Венеціанцами, и съ тѣхъ поръ потерялъ свое значеніе. Теперь это небольшое селеніе съ четырьмястами жителей. Вскорѣ мы вышли изъ канала на болѣе открытое мѣсто, и скорѣ опять потянулся длинный рядъ небольшихъ острововъ. Вблизи Шебеника находится на крутой скалѣ, выдавшейся изъ моря, знаменитая крѣпость *San-Nicolo*; крѣпость построена архитекторомъ Саяъ-Мителли въ 1546 году, по распоряженію сената Венеціанской республики, и защищаетъ входъ въ Шебеницкій каналъ. Крѣпостная стража, конечно, нисколько не возмутилась появленіемъ *Bosфора*, и онъ спокойно вошелъ въ узкій, извилистый каналъ, берега котораго состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ, поражающихъ своею ди-

кою красотой. Вотъ показался Шебеникъ, и надъ нимъ все тѣ же скалы да скалы. Было около пяти часовъ вечера, когда пароходъ бросилъ якорь вблизи самаго города. На набережной, по обыкновенію, собралась большая толпа народа. При этомъ, мнѣ съ перваго же раза бросилось въ глаза, что въ Шебеникъ не только мужчины, но и женщины большею частію носятъ на головахъ красныя шапочки. Пароходъ остался здѣсь до сѣдующаго утра, и я воспользовался вечеромъ чтобъ осмотрѣть городъ.

Шебеникъ не богатъ достопримѣчательностями. Кромѣ соборной церкви, представляющей смѣсь разнообразныхъ стилей, и богато украшенной внутри, кромѣ ратуши и двухъ укрѣпленій, изъ которыхъ одно (il Barone) почти совершенно разрушено, городъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Можно, пожалуй, назвать замѣчательнымъ то, что онъ построенъ чрезвычайно неправильно, и что въ немъ страшное множество нищей братіи. Здѣсь васъ на каждомъ шагу окружаютъ оборванные, грязныя дѣти, и даже люди пожилыхъ лѣтъ, просящія подавнія и не отходящія отъ васъ дотода, пока вы не разстанетесь съ нѣсколькими австрійскими крейцерами. Далмація вообще богата нищими; во Шебеникъ въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣ остальные дамацкіе города. Въ Шебеникъ, съ его двумя предмѣстьями, насчитывается до 6.000 жителей, въ числѣ которыхъ находится много православныхъ. * Въ 1298 году

* Я имѣю подъ руками *Шематизмъ православнаго восточнаго епархіе уѣде Далмаціи и Истріе за 1 годину 1862*, составленный на основаніи самыхъ точныхъ статистическихъ данныхъ. Въ немъ показано подробно, сколько въ Далмаціи приходоу и сколько православнаго населенія. Надѣюсь, здѣсь будетъ у мѣста привести нѣкоторыя цифры. Вся Далмація составляетъ одну епархію, и находится подъ управленіемъ Зарскаго православнаго епископа. Епархія раздѣляется на „протопресвитераты“ и на „парохіи“ (приходы). Всѣхъ протопресвитератовъ въ Далмаціи восемь: 1) Зарскій, въ немъ 15 приходоу и 12.449 человекъ всего православнаго населенія. 2) Скрадинскій, онъ имѣетъ 10 приходоу и 11.927 человекъ. 3) Книскій, въ немъ 15 приходоу и 19.772 православныхъ. 4) Шибеничскій, въ немъ 7 приходоу и 5.765 прав. 5) Имоскій, онъ имѣетъ 9 приходоу и 8.155 человекъ. Сюда причисляется и Дубровникъ, въ которомъ насчитывается 353 православныхъ 6) Кастельновскій—19 приходоу и 12.897 православныхъ 7) Которскій, въ немъ 14 приходскихъ церквей и 7.861 человекъ правосл. населенія. 8) Будванскій,

въ Шебеникѣ открыта католическая епископская кафедрa. Въ 1810 году, когда Далмацію занимали Французы, въ Шебеникѣ была учреждена и православная епископская кафедрa. Но въ послѣдствіи кафедрa эта переведена была въ Зару.

Къ сожалѣнію, я не успѣлъ посѣтить ни развалины Скрадина, которыя находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шебеника, ни водопадъ рѣки Кърки. Было уже поздно, и я возвратился на пароходъ. На другой день рано утромъ пароходъ снялся съ якоря, и отправился далѣе къ югу, вдоль берега, покрытаго по мѣстамъ богатою растительностію. Обойдя Лаплавку, пароходъ пошелъ по направлению къ юго-востоку. Вскорѣ показались Троиръ (Трау), островъ Буа, а затѣмъ и Сплитъ. Послѣдній еще издали приковываетъ къ себѣ ваши взоры, и чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ нему, тѣмъ очаровательнѣе, тѣмъ величественнѣе становится картина. Сплитъ живописною дугою разстилается на берегу моря, а за нимъ сивются горы, одна другой выше, одна другой лучше. Но съ особеннымъ вниманіемъ вы всматриваетесь въ это громаднѣйшее зданіе, которое уже полуразрушилось и которое занимаетъ цѣлую половину Сплитской набережной: это зданіе—знаменитый дворецъ Діоклетіана, и, тотчасъ же по прибытіи въ городъ, вы спѣшите осмотрѣть его.

Дворецъ Діоклетіана составляетъ правильный четверугольникъ, и состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій. Во дворецъ ведутъ четверо воротъ, изъ которыхъ хорошо видны лишь сѣверныя или золотыя ворота (porta aurea), служившія главнымъ входомъ. Во внутренности передней части дворца находится небольшая площадь, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся ряды большихъ гранитныхъ колоннъ коринтскаго стила. Съ площади широкая лѣстница ведетъ къ портику, поддерживаемому колоннами, а отсюда во внутренность той части дворца, которая обращена къ морю. На восточной сторонѣ площади находится соборная церковь; прежде это былъ храмъ Юпи-

въ немъ 11 прих. и 5.207 челов. правосл. исповѣданія. Всего 101 приходъ и 84.464 человекъ православнаго населенія. Въ 1844 году всѣхъ православныхъ въ Далмацію было 77.690 человекъ. Есть, кромѣ того, въ Далмацію нѣсколько сотъ уніатовъ.

тера. Зданіе имѣетъ круглую форму, окружено колонами, и украшено многими барельефами. Внутри его чрезвычайно мрачно. На противоположной сторонѣ площади въ древности находился языческій храмъ въ честь Эскулапа. Зданіе еще удѣляло и обращено теперь въ христіанскую церковь. Вблизи порта, на возвышеніи, лежитъ большой сфинксъ, который, какъ думаютъ знатоки древностей, былъ сдѣланъ въ Египтѣ во времена первыхъ Фароновъ. Дворецъ уже полуразрушенъ и со всѣхъ сторонъ обставленъ разными пристройками, въ которыхъ живутъ сотни семействъ, и въ которыхъ помѣщаются лавки, кофейни, остеріи.

Дворецъ былъ построенъ Діоклетіаномъ спустя около 300 лѣтъ послѣ Рождества Христова. Отказавшись отъ престола, Діоклетіанъ поселился въ Солинѣ, и отсюда лично наблюдалъ за постройкой дворца. По смерти императора, дворецъ перешелъ въ собственность города Солина. По разрушеніи Аварами въ 639 году Солина, Діоклетіановъ дворецъ начинаетъ играть важную роль въ исторіи Далмаціи. Многіе жители Солина, скрывшись отъ пресѣдованія Аваровъ во дворецъ, остались здѣсь на постоянное жительство. Вокорѣ къ нимъ присоединились еще другіе граждане Солина, разбѣжавшіеся отъ страха по разнымъ островамъ, и изъ дворца вырастаетъ городокъ, который получаетъ имя Сплита (Spalatum, Spalatro).

Спустя нѣкоторое время, въ Сплитѣ учреждается даже архіепископія, а въ XI и XII столѣтіяхъ, здѣсь составляются даже соборы, на которыхъ, между прочимъ, запрещается отправленіе въ Далмаціи богослуженія на славянскомъ языкѣ. Такъ постепенно росло могущество новаго города, и въ настоящее время онъ, по количеству народонаселенія, занимаетъ первое мѣсто въ Далмаціи; въ Сплитѣ насчитывается около 11.000 жителей, въ числѣ которыхъ находится до 5.500 Сербовъ и около 400 Евреевъ, переселившихся сюда, въ концѣ XV столѣтія, изъ Испаніи. Сплитъ ведетъ значительную торговлю; отсюда вывозятся въ большомъ количествѣ вино и деревянное масло. Изъ новыхъ зданій въ Сплитѣ замѣчательны театръ и ратуша. Гостиный дворъ для прѣзжихъ, или „локальдъ“, здѣсь нѣтъ совсемъ, и я все время, проведенное мною въ Сплитѣ, жилъ надъ театромъ, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ устроено

нѣсколько комматъ для прѣзжихъ, но гдѣ, кромѣ ночлега, ничего нельзя получить. Для обѣдовъ и ужиновъ надо непременно отыскать какую-либо „остерію“, и довольствоваться котлетами, бифстексомъ и рыбами кушавьями, приготовляемыми на деревянномъ маслѣ. Всего лучше обѣдать и ужинать въ остеріи у „Корабля“, которая помещается въ Диоклетіановомъ дворцѣ.

Въ Сплитѣ вѣтъ той шумной, разнообразной жизни, какая замѣчается въ Зарѣ. Здѣсь все такъ тихо, такъ покойно, и по вечерамъ оживаетъ лишь набережная, гдѣ собираются всѣ любители кофе и природы.

На другой день по прибытіи въ Сплитъ, я познакомился съ г. Кузманичемъ, который былъ когда-то профессоромъ, и теперь, на старости лѣтъ, живетъ здѣсь въ совершенномъ уединеніи. Г. Кузманичъ извѣстенъ въ южно-славянскихъ земляхъ какъ литераторъ и въ особенности какъ политическій дѣятель, какъ человекъ весьма много содѣйствовавшій пробужденію славянской народности въ Далмаціи. Г. Кузманичъ любитъ еще и теперь потолковать о политикѣ, особенно о политикѣ славянской, и о томъ спорѣ, который въ послѣднее время завязался между Хорватами и Сербамъ. Въ этомъ спорѣ Кузманичъ принималъ сторону Хорватовъ, и одобрялъ даже самую крайнія мнѣнія велико-хорватской партіи. Онъ, напримѣръ, утверждалъ, что хорватское племя всегда стояло выше сербскаго и по образованію и по политическому могуществу, что хорватское племя гораздо многочисленнѣе сербскаго и что, поэтому, первое должно быть во главѣ всѣхъ южно-славянскихъ племенъ. Не могу забыть, какъ Кузманичъ въ подобныхъ случаяхъ, опираясь на авторитетъ Любуши, произносилъ торжественнымъ, возвышеннымъ тономъ: „О, великій хорватскій народъ! сказала Любуша, чешская княжна, хорватскимъ посламъ“. При этомъ Кузманичъ всегда приподнималъ кверху правую руку съ табакеркой и носовымъ платкомъ, чтобы придать еще болѣе силы и значенія цитатѣ. Но съ какими хорватскими послами такъ разсуждала Любуша, и что собственно было предметомъ ихъ переговоровъ, объ этомъ Кузманичъ умалчивалъ. Вообще знакомство съ такимъ корифеемъ въ южно-славянской политикѣ было для меня весьма пріятно, и я любилъ слушать разказы Кузманича

о томъ, какъ началось въ Далмаціи броженіе умовъ славянскихъ, какъ это броженіе принимало все большіе и большіе размѣры и какъ оно, наконецъ, дошло до той степени, на которой находится въ настоящее время.

Относительно литературы и филологіи славянской, Сплицъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, и онъ не могъ удовлетворить даже моимъ скромнымъ требованіямъ. Но я имѣлъ удовольствіе познакомиться здѣсь съ однимъ историкомъ, который занимается общею славянской исторіей, но спеціально знакомъ собственно съ исторіей далматинскою. Моимъ знакомствомъ съ господиномъ Свиловичемъ — такъ фамилія этому историку — я обязанъ Кузманичу. Разъ, вечеромъ, я сижу въ кофейнѣ за газетой. Входитъ Кузманичъ, и съ нимъ еще одинъ господинъ весьма представительной наружности и среднихъ лѣтъ.

— А, господинъ Троянскій, обратился тотчасъ же ко мнѣ Кузманичъ, — здравствуйте. Прекрасно, что вы здѣсь. Я хочу познакомить васъ съ нашимъ профессоромъ и историкомъ, господиномъ Свиловичемъ.

— Очень радъ, отвѣтилъ я Кузманичу, — прошу васъ представить меня господину профессору.

Представленіе кончено. Мы всѣ садимся за одинъ столъ, и начинаемъ говорить о Россіи, о Чехіи, о Сербіи, о пользѣ и вриятности путешествія и пр. Вскорѣ Кузманичъ ушелъ, и мы остались вдвоемъ. Незамѣтно нашъ разговоръ перешелъ къ исторіи Далмаціи. Свиловичъ очутился въ своей сферѣ.

— Нѣтъ, замѣтилъ онъ мнѣ на высказанное мною мнѣніе относительно заселенія Далмаціи Славянами, — нѣтъ, вы не такъ смотрите на этотъ вопросъ. Я долго изучалъ вашу исторію, познакомился съ нею основательно, и, если хотите, могу вамъ разказать, какъ было дѣло.

И вотъ начался разказъ.

Профессоръ говорилъ, что исторія Далмаціи распадается на семь періодовъ, что Славяне являются въ Далмаціи еще въ первый періодъ, въ періодъ заселенія ея разными народами, и что Славяне занимали тогда гористую часть страны, тогда какъ близъ самаго моря находились племена греческія. Затѣмъ онъ разказалъ вкратцѣ, но весьма обстоятельно, какъ образовалось кельтское царство въ

Далмацию, какъ оно потомъ пало и какъ на его развалинахъ было основано Славянами собственно Далматинское королевство, имѣвшее своихъ народныхъ правителей; разказалъ далѣе, какъ было недолговѣчно и Далматинское королевство, какъ заняли Далмацию Римляне, какъ она, по паденіи Римской имперіи, переходила во владѣніе то къ константинопольскимъ императорамъ, то къ королямъ хорватскихъ и венгерскимъ, какъ присоединена была къ Венеціанской республикѣ, и какъ, наконецъ, стала признавать надъ собою *vladu njihova apostolskoga veličanstva*—власть его апостольскаго величества, то-есть императора австрійскаго. Такими торжественными словами закончилъ Свиловичъ свой разказъ, отерѣвъ при этомъ катившійся съ его лица потъ. Было уже около двѣнадцати часовъ, и мы оба крайне утомились: профессоръ усталъ разказывать, а я усталъ слушать.

— Пожалуста, зайдите завтра ко мнѣ потолковать еще о чемъ-нибудь, сказалъ мнѣ Свиловичъ, когда мы выходили изъ кофейни.

Я поблагодарилъ его за приглашеніе, и мы разстались.

Свиловичъ принялъ меня чрезвычайно радушно, когда, на другой день, я явился къ нему. Въ залѣ, убранной просто и безъ затѣй, кромѣ меня и хозяина, былъ еще сынъ послѣдняго, юноша лѣтъ шестнадцати или семнадцати. * Не перекинулись мы и десятью словами, какъ Свиловичъ спросилъ меня, не желаю ли я прослушать нѣкоторыя изъ его собственныхъ стихотвореній. Я никакъ не подозрѣвалъ, что бы нашъ историкъ былъ въ отъѣздъ и поэтъ. Разумѣется, я высказалъ Свиловичу мое сильное желаніе познакомиться съ его поэтическими произведеніями, и вотъ онъ приподнялся съ кресла, принялъ величественную позу, бросилъ кругомъ себя взглядъ и громко, раздѣльно началъ декламировать оду, посвященную императору. Поэтъ воодушевился и, кончивъ оду императору, началъ другую, посвященную императрицѣ, затѣмъ третью какому-то эрцгерцогу австрійскому....

— Ну, что, спросилъ меня Свиловичъ, когда перечиталъ всѣ свои оды,—какъ вамъ нравится?

— Да, хорошо, отвѣчалъ я,—въ вашихъ одахъ много патриотизма....

* Г. Свиловичъ вдовецъ, и имѣетъ только одного сына.

— Нѣтъ, не то, прервалъ меня Свиловичъ,—тутъ дѣло не въ патриотизмъ. Патриотизмъ другая статья, но каковъ языкъ, какова поэзія....

— А вотъ еще ваши стихотворенія, говорилъ сынъ Свиловича, вынося изъ сосѣдней комнаты дѣлую кипу бумагъ.

Свиловичъ сталъ разсматривать поданныя ему бумаги.

— Вотъ здѣсь, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ съ небольшою тетрадью въ рукѣ,—это одна драма, написанная мною еще въ прошломъ году. Предметъ ея взятъ изъ далматинской исторіи. Мнѣ давно хочется издать ее, но все не могу собраться. Прислушайте хоть одинъ отрывокъ.

Во время чтенія интересно было смотрѣть на сына Свиловича, который ловилъ каждое слово отца, поправлялъ посылкаго, если тотъ ошибался, покачивалъ головою, и то притопывалъ потихоньку ногою, то дѣлалъ тактъ рукою. По всему было замѣтно, что юноша высоко цѣнилъ талантъ своего отца, и что онъ зналъ наизусть почти всѣ его поэтическія произведенія.

Послѣ драмы слѣдовали опять какіе-то стихи. Отецъ снова читалъ, и сынъ снова покачивалъ головою.

Подали виноградъ, и мы немного освѣжились.

Затѣмъ Свиловичъ познакомилъ меня съ нѣсколькими отрывками своей краткой всеобщей исторіи, которую онъ приготавливалъ для гимназій, замѣтивъ мнѣ при этомъ, что отдалъ о Россіи едва ли будетъ такъ хорошъ, какъ другіе отдалы, потому что въ Далмаціи чрезвычайно мало пособій для изученія русокой исторіи, и историкъ долженъ ограничиваться лишь поверхностнымъ изложеніемъ событій.

Я расстался съ г. Свиловичемъ, получивъ отъ него въ подарокъ его сочиненіе *Kratka poviestnica Dalmacije* (краткая исторія Далмаціи), вышедшее въ 1861 году; это было то самое сочиненіе, съ содержаніемъ котораго авторъ познакомилъ меня еще наканунѣ въ кофейнѣ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня Свиловичемъ, было какое-то странное. Я никакъ не могъ объяснить себѣ, что означало все видѣнное и слышанное мною. Свиловичъ былъ все-таки человекъ образованный, человекъ начитанный, много видѣвшій на своемъ вѣку,—къ чему же онъ вдавался въ эти странности? Къ чему онъ заставлялъ выслушивать меня его разказы, его декламацию? къ чему

онъ старался разыгрывать роль такого ученаго, который уже все изслѣдовалъ и которому ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только поучать другихъ смертныхъ? Въ славянскихъ земляхъ много найдется ученыхъ и литераторовъ, которые иногда стараются пустить пыль въ глаза намъ Русскимъ, но признаюсь, людей подобныхъ Свиловичу я встрѣчалъ все-таки мало.

Вскорѣ я встрѣтился съ Свиловичемъ снова, но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ всякихъ чтеній и декламаций; мы лишь осмотрѣли музей, который находится подъ его надзоромъ. Сплитскій музей помѣщается въ Диоклетіановомъ дворцѣ и имѣетъ много рѣдкихъ вещей. Къ сожалѣнію, въ музей нѣтъ хорошаго порядка. Здѣсь находятся разные саркофаги, урны, статуи, лампы изъ жженой земли, пепельницы, старинная посуда и пр. Въ музей хранятся болѣею частію достопримѣчательности, находимыя въ окрестностяхъ Сплита и особенно въ развалинахъ древняго Солана.

Развалины Солана представляютъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ для наблюденія. Онѣ находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сплита по направленію къ северу. Солонъ (Solona) былъ въ древности однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Далмаціи. Объ основаніи его нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій. По разрушеніи въ 133 году передъ Рождествомъ Христовымъ Дельминія, Солонъ сдѣлался столицею Далмаціи. Когда Далмацію заняли Римляне, Солонъ былъ украшенъ многими общественными зданіями. Городъ значительно пострадалъ отъ нападенія на него Готовъ, но скоро опять поправился. Появились, однако, Авары. Занявъ въ 639 году крѣпость Клауссу*, Авары напали на Солонъ и разрушили его до основанія. Солонъ представляетъ теперь лишь груды камней, подъ которыми еще видѣются мѣстами остатки городскихъ стѣнъ,

* Крѣпость Клаусса, извѣстная своимъ отличнымъ стратегическимъ положеніемъ, находится верстахъ въ семи отъ развалинъ Солана, на вершинѣ горы. Клаусса выдержала множество осадъ, потому что на нее главнымъ образомъ обращалъ свое вниманіе каждый, кто только хотѣлъ завладѣть страной. Въ разные времена, Клауссу занимали Римляне, Монголы, Венгры, Турки, Венеціанцы и т. д. Въ 1596 году Ускоки отняли Клауссу у Турокъ, но владѣли ею всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ настоящее время, крѣпость занята австрійскимъ гарнизономъ.

амфитеатра, воротъ и много зданій. Вблизи развалины находится небольшое селеніе Солина (Solona), гдѣ, обходя развалины, можно немного отдохнуть въ *Caffe del Diocletiano* за чашкою кофе, или за стаканомъ хорошаго сплитскаго вина, и при этомъ потолковать съ хозяиномъ кофейни, или съ гостями-крестьянами, о старой славі Солина и объ императорѣ Діоклетіанѣ. Между Солиномъ и Сплитомъ находятся развалины римскихъ водопроводовъ, которые шли отъ Солина къ Діоклетіанову дворцу. Отъ водопроводовъ уцѣлѣла всего лишь десятая часть; но и по этимъ остаткамъ можно судить о громадности и отличной постройкѣ бывшихъ водопроводовъ. Весьма любопытно пройти еще далѣе отъ Солина въ Трогиру, который находится на противоположной сторонѣ залива. За одинъ разъ трудно, конечно, осмотрѣть развалины Солина и совершить путешествіе пешкомъ въ Трогиръ; всего лучше, осмотрѣвъ Солина, отправиться затѣмъ въ Трогиръ на слѣдующій день рано утромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ я. Сначала дорога идетъ одна и та же, къ развалинамъ и въ Трогиръ. Близъ самаго селенія Солина, она дѣлаетъ крутой поворотъ къ западу, и тянется вдоль берега верстъ на двадцать с лишкомъ. Все это пространство между Солиномъ и Трогиромъ называется однимъ общимъ именемъ *Castelli* (замки) и покрыто длиннымъ рядомъ селеній и замковъ, расположенныхъ другъ за другомъ на берегу залива. Упомянутые замки, по распоряженію венеціанскаго сената, были построены въ XV и XVI столѣтіяхъ, сплитскими и трогирскими дворянами съ тою цѣлю, чтобы въ нихъ могли укрываться крестьяне, преслѣдуемые Турками. За постройку замковъ дворяне получали отъ правительства большіе участки земель, и крестьяне должны были или отбывать имъ работу, или ежегодно представлять одиннадцатую часть всѣхъ собираемыхъ ими плодовъ. Вилькинсонъ говоритъ, что крестьяне, кромѣ того, должны были представлять дворянамъ-землевладѣльцамъ языкъ отъ каждой коровы или каждаго быка, которыхъ они закалывали для своего собственнаго употребленія и на продажу, и что въ замкѣ этого землевладѣльца раздавали крестьянамъ калачи и разныя печенья *. Такихъ отношеній между кастельскими

* *Dalmatia and Montenegro; with a journey to Mostar in Herzegovina,*

крестьянами и землевладельцами, разумѣется, теперь уже не существуетъ. Нѣкоторые изъ замковъ находятся въ совершенномъ запустѣнн и брошены бывшими ихъ владѣльцами. Мѣстность Castelli, по справедливости, считается раемъ Дамаціи. Защищенная съ трехъ сторонъ горами, она доступна лишь теплымъ южнымъ вѣтрамъ, и потому растительность здѣсь самая роскошная; прекрасныя оливковыя деревья, виноградники, обрабатываемые едва ли не лучше нежели гдѣ-либо въ Дамаціи, покрываютъ цѣлую мѣстность, начиная отъ морскаго залива до самаго подножія горъ. Съ одной стороны разстилается голубое море, съ другой возвышаются большія каменистыя горы; вдали виднѣются на двухъ оконечностяхъ залива, Спалтъ и Трогиръ, вблизи вась густая зелень садовъ—вотъ чѣмъ хороша эта мѣстность—и вы проходите ее, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Что касается жителей Castelli, они привѣтливы, обходительны, стройны, красивы собой и живутъ вообще безбѣдно. Но въ ихъ домахъ я не замѣтилъ большой чистоты. Гостилицы содержатся тоже неопрятно; если спросить чего-нибудь закусить, приготовить кое-какъ, подадутъ на нечистой тарелкѣ, а столъ и не подумаютъ накрыть.

До Кастель-Ново, послѣдняго селенія и вмѣстѣ съ тѣмъ замка, дорога идетъ все по одному направлевію, и лишь здѣсь склоняется немного къ юго-западу. Отсюда недалеко и Трогиръ*. Трогиръ расположенъ на небольшомъ полуостровѣ. Одна часть города находится на островѣ Буа, куда ведетъ длинный каменный мостъ. Въ Трогирѣ обра-

and remarks on the Slavonic nations, the history of Dalmatia and Ragusa, the Uskoks etc.

* Трогиръ, Трау, по своей древности не уступитъ многимъ изъ дамацкихъ городовъ. По свидѣтельству Страбона, онъ былъ основанъ жителями острова Иосы, или Десины, какъ онъ называется теперь. Островъ же Иосу колонизировали сиракузскіе Греки. Трогиръ долго раздѣлялъ судьбу цѣлой страны. Въ 1241 году, его тщетно осаждали Монголы, думая вѣдати здѣсь пресѣдуемаго ими венгерскаго короля Бела IV. Въ продолженіе всего тринадцатаго столѣтія, Спалтъ, Трогиръ и Шебекикъ были независимыми и самостоятельными городами. Между ними часто бывали войны, и они соединялись лишь тогда, когда имъ угрожала общая опасность.

щаетъ на себя особенное вниманіе соборная церковь, построенная въ XIII столѣтіи. Церковь эта украшена богато рѣзбой и картинами знаменитыхъ художниковъ. Она, по справедливости, можетъ считаться одною изъ лучшихъ церквей во всей Далмаціи. Трогиръ имѣетъ узкія, неправильныя улицы. На городскихъ стѣнахъ, уже полуразрушенныхъ, видны слѣды разныхъ надписей и барельефовъ. Въ Трогирѣ до 4.000 жителей.

Я пробылъ въ Трогирѣ всего нѣсколько часовъ, и въ тотъ же самый день, поздно вечеромъ, возвратился на лодкѣ въ Сплитъ.

10 числа я былъ на пути въ Дубровникъ (Рагузу).

А. ТРОЯНСКІЙ.

Москва, 1863 года
Октября 8.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Солнце выжеть лучами въ отвѣсъ
И дрожать испареній струи
У окраины яркихъ небесъ.
Распахни мнѣ объятія свои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ!

Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
Хлынулъ вздохъ твой студеной волной.
Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть,
Дай устами и взоромъ прильнуть
У корней мнѣ къ водѣ ключевой.

Чтобы я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Что раскинулъ твой влажный навѣсъ.
Распахни мнѣ объятія свои
Густолистый, развѣсистый лѣсъ.

А. ФЕТЬ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

III.

(Продолженіе.)

Дневникъ Алексѣя Петровича Ермолова въ продолженіе командованія въ Грузіи до кончины императора Александра (въ извлеченіи г-на С.).

1818. Апрѣля 5. Казбекъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ обрушился съ горъ Кавказскихъ снѣговой обвалъ, какого не помнятъ старики. Сначала высота его была въ 50 саж. Почти на сутки остановлено было теченіе рѣки Терека.

Мая 8. Темнолѣсская крѣпость. Осматривалъ единственный каменный лѣсъ, истребленный попеченіемъ оберъ-форстмейстеровъ.

18. Червленая станица. Сдѣланы приуготовленія къ движенію. Составленъ отрядъ изъ 2 батальоновъ 8-го егерскаго полка (по большей части изъ рекрутъ), 2 батальоновъ 16-го егерскаго полка, 1 батальона Троицкаго и 1 батальона Кабардинскаго пѣхотнаго полковъ, изъ 6 батареѣ 8 легкихъ

и 6 конныхъ орудій и 400 линейныхъ и донскихъ казаковъ. Число войскъ, по-здѣшнему, непреодолимое!

Лагерь на Суажѣ. Заложена крѣпость, которая названа Грозною. Безпрестанныя стычки съ Чеченцами.

Октябрь. Полученъ рапортъ генераль-майора Пестеля о занятіи города Башлы въ Каракайтакской области. Глупое соображеніе! Слабый отрядъ среди многолюднаго города, жителей неблагонамѣренныхъ, въ мѣстоположеніи самомъ невыгодномъ.

6. Прохладная, селеніе. Собраны владѣльцы и уздени кабардинскіе, которымъ сдѣлаалъ я строгое замѣчаніе за грубые и подлые ихъ поступки и разбои. Они дали мнѣ обѣщаніе быть лучшими, и я зналъ, сколько вѣрить должно подобнымъ обѣщаніямъ. Доселѣ всѣ данныя ими присяги нарушены.

Генераль-лейтенантъ шамхалъ Тарковский былъ все время до нельзя вѣренъ данной присягѣ. Отъ 13 октября онъ извѣщалъ, что владѣнія его возмущались и соединились съ горцами, что самъ онъ въ опасности и долженъ былъ удалиться, и что большія силы обратились противъ генераль-майора Пестеля.

(Ермоловъ поспѣшно выступилъ въ Дагестанъ; съ нимъ было всего войска подъ ружьемъ до трехъ тысячъ человекъ.)

(Въ Андреевѣ Ермоловъ слышалъ, что будто въ Дагестанъ было сильное сраженіе и войска наши разбиты.)

31. Переправлялись черезъ Койсу. Для пѣхоты сдѣлаалъ мостъ изъ арбъ.

Ноября 3. Тарки, городъ. Здѣсь подтвердились слухи о сраженіи въ Дагестанѣ. Въ окрестныя селенія привезены раненыя во множествѣ. Непритель, по извѣстіямъ, былъ въ числѣ не менѣе 20 тысячъ. Имъ предводительствовалъ измѣнникъ генераль-майоръ Султанъ-Ахмедъ-ханъ Аварскій и братъ его Гассанъ-ханъ-бекъ Джангутайскій. (Были проливные дожди.)

11. Я выступилъ. Въ Таркахъ оставлены больные и вагенбургъ. Возвратился Татаринъ, посланный къ генераль-майору Пестелю. Онъ доноситъ, что сраженіе было сильное и продолжалось два дня; жители Башлы измѣнили, впустили непрителя въ городъ и съ нимъ соединились. Со стороны нашей былъ большой уронъ, но пушки не потеряны, какъ о томъ были слухи. Войска выступили изъ Башлы.

(Въ этомъ днѣ лагерь былъ у подошвы горы Таасино (?), вершина которой занята была укрѣпившимся непрителемъ.) Ночью большой Кабардинскій полкъ обошелъ укрѣпленіе, занялъ часть вершины хребта, разбилъ непрительскій отрядъ,

который расположенъ былъ на оной. Въ бѣгствѣ непріятель оставилъ много добычи.

12. Весь отрядъ взшелъ по сей дорогѣ, артиллерія подыма съ величайшимъ трудомъ. Непріятель, боясь быть отрясанъ, бѣжалъ.

14. Непріятель, пользуясь выгодными высотами, сдѣлалъ нападеніе на наши окопы и завалы. Лишь только началась перестрѣлка, чрезвычайно густой туманъ покрылъ землю, и невозможно было осмотрѣть мѣстоположеніе. Сіе способствовало непріятелю и противиться упорно, и отойти безопасно. Одиавъ изъ окоповъ взять былъ штыками, ротою Кабардинскаго полка.

15. Выпалъ глубокій снѣгъ и сдѣлался сильный морозъ. Селеніе Джангутай раззорено. Небольшой отрядъ посланъ сжечь селеніе Малый Джангутай. Аварскій ханъ и Акушанды*, не подавъ помощи жителямъ, бѣжали поспѣшно въ горы. Пришли въ покорность многія изъ окрестныхъ селеній; владѣнія Шамхала приведены въ повиновеніе.

19. Главные зачинщики мятежа наказаны смертію.

(Этимъ окончилась экспедиція, и Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ.)

1819. (Январь, февраль, мартъ. Между тѣмъ Дагестанъ продолжалъ непріязненные намѣренія. Сурхай-ханъ возмущалъ горскіе народы и старался соединить ихъ вмѣстѣ.) Акушанскій народъ, сильнѣйшій всѣхъ прочихъ, воинственный, удерживалъ у себя неблагонамѣренныхъ людей, вредныхъ правительству, и способствовалъ имъ составлять партіи. Возмущеніе разлилось до самыхъ земель Кумыкскихъ, гдѣ даже Андреевцы обязались между собою присагою противиться Русскимъ и не исполнять ихъ требованій. Чеченцы продолжали быть непокорными. Надобно было до прибытія войскъ изъ имперіи, сколько возможно, воспрепятствовать всеобщему соединенію. Сдѣланы всѣ нужныя распоряженія. Генералъ-майоръ Вельяминовъ долженъ былъ по прибытіи къ Андрею сдѣлать предварительныя распоряженія, требовать отъ жителей нужные, для построенія крѣпости, матеріалы и ожидать моего пріѣзда. (Ермоловъ отправился на линію.)

Іюнь. (Ермоловъ торопилъ прибытіе войскъ изъ имперіи.)

Іюль 2. Андрей. (Ермоловъ соединился съ отрядомъ генералъ-майора Вельяминова. Войска было 6 тысячъ и 22 орудія. Всѣ окрестные народы въ возмущеніи. Лѣсистое

* Возвратившіеся въ числѣ пяти тысячъ изъ Башлы.

мѣсто, занимаемое лагеремъ, даетъ возможность безпокоить его ночными перестрѣлками. Для Андрея учрежденъ сильный постъ.)

Августъ. (Началось построение крѣпости Везанной. Жители Андрея разбѣжались и городъ остался пустой. Дагестанцы собрались въ большихъ силахъ и приближались.) Усилены были работы крѣпости и производились непрерывно, даже въ ночное время, при разложенныхъ огняхъ. Шамхалъ Тарковский привнесъ жалобы, что Акушинцы возмущили его владѣнія и грозятъ изгнать его изъ Тарки.

(Между тѣмъ Дагестанцы пришли до 16 верстъ отъ Андрея. Съ ними соединились Солотавцы. Ермоловъ выступилъ къ нимъ навстрѣчу. Не доходя 2 версты, непріятель ударилъ на авангардъ и привелъ его въ разстройство, но приспѣвшій батальонъ Кабардинскаго полка опрокинулъ непріятеля штыками и преслѣдовалъ его до его укрѣпленій въ ущельѣ. Деревня Боуртугай была занята. Непріятель стѣновъ въ ущельѣ, отрѣзано сообщеніе съ плоскостію, откуда онъ получалъ продовольствіе. Ожидая раздора между собравшихся горцевъ, Ермоловъ не хотѣлъ атаки, избѣгая потери людей. И дѣйствительно, черезъ 4 дня, непріятель бѣжалъ съ величайшею поспѣшностію.)

Сентябрь. Слѣдовалъ маршъ чрезвычайно трудный и опасный. Находящіяся при войскахъ 2 орудія, надлежало разбирать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

(Непріятельскія селенія раззорены и сожжены.)

15. Отрядъ войскъ подъ командою Войска Донскаго генералъ-майора Сысоева, взялъ штурмомъ Качалыковское селеніе Дадавъ-юртъ. Жители защищались отчаянно до послѣдняго. Въ плѣнъ взяты одна женщина и ребята и многіе изъ нихъ ранены. Женщины бросались съ кинжалами въ толпы солдатъ. Потеря наша, судя по здѣшнимъ дѣламъ, была весьма значащая. Надобно было почти каждый домъ брать штыками; многіе изъ нихъ окружены были каменными стѣнами. Нельзя было употребить всѣхъ войскъ, ибо могла придти помощь изъ другихъ селеній.

(Въ Андрей Чеченцы отогнали 400 нашихъ лошадей. Аксаевскіе князья, мирные съ нами, знали объ этомъ намѣреніи, а потому Ермоловъ велѣлъ взять у нихъ 400 лошадей на выборъ, а самъ выступилъ для наказанія Качалыковъ, споспобствовавшихъ набѣгу.)

Октябрь. Батальонъ Аншеронскаго полка взялъ одно селеніе на штыкахъ. Другія два селенія атакованы вѣрвугъ. Непріятель защищался слабо. Въ домахъ не было ни женъ

щикъ, ни имущества, а безъ нихъ Чеченцы дерутся слабо. Даданъ-юртъ былъ ужаснымъ примѣромъ.

(Между тѣмъ одинъ Удмей съ частию войскъ бѣжалъ въ горы. Акушинцы опять поднялись. Шамхалъ Тарковскій просилъ противъ нихъ помощи. Ермоловъ выступилъ изъ Андрея.)

Декабря 1. Тарки. Выпалъ снѣгъ, необычайно глубокій. Каждый день артиллерія и обозы были откапываемы. (Отъ Акушинцевъ Ермоловъ требовалъ покорности, они дали совершенный отказъ. Прибылъ отрядъ генералъ-майора князя Мадатова. 2000 жителей расчищали дорогу.)

2. Вся артиллерія, паркъ и провіантскіе транспорты поднимались на гору Калактау въ продолженіи трехъ сутокъ. Непріятель усмотрѣвъ въ большихъ силахъ.

16. (Соединилась весь отрядъ.)

17. Я самъ осматривалъ расположеніе непріятеля и своихъ укрѣпленій. Непріятель старался препятствовать перестрѣлкою. Къ нему присоединились многіе народы.

Шамхалъ Тарковскій находился при мнѣ. Акушинцы были съ нимъ въ сношеніи и требовали, чтобы войска русскія вышли изъ горъ, и что тогда войдутъ они со мною въ переговоры. Представлены мнѣ 5 старшинъ акушинскихъ; на требованія мои они отвѣтствовали дерзко и неуважительно.

Я отпустилъ ихъ въ полночь, и приказалъ войскамъ быть въ готовности.

19. Войска пришли ночью на ближайшее разстояніе отъ непріятеля, и до разсвѣта устроились въ боевой порядокъ. Отрядъ князя Мадатова, мѣстами открытыми, спустился къ рѣкѣ и быстро обошелъ правое крыло непріятеля. Немедленно поставлена была батарея на продолженіи линіи непріятельскихъ окоповъ. Не болѣе двухъ часовъ продолжалось сраженіе, и непріятель, не взирая на чрезвычайно твердое мѣстоположеніе и обширные окопы, не дождавшись къ симъ послѣднимъ приближенія, обратился въ стремительнѣйшее бѣгство. Едва вѣрится возможно, съ какихъ ужасныхъ крутизнь спускались бѣгущіе, дабы укрыться отъ дѣйствія артиллеріи. Съ праваго нашего фланга, подъ дѣйствіемъ артиллеріи. Вельяминовъ послалъ казаковъ и татарскую конницу преслѣдовать непріятеля. Она нанесла ему уронъ, но въ мѣстахъ неприступныхъ, въ землѣ незнакомой, не могла она идти далеко. Потеря съ нашей стороны была несомнѣнно ничтожная. Изъ собственнаго признанія непріятеля, силы его простирались до 21 тысячи. Мы имѣли подъ ружьемъ до 6 тысячъ человекъ и сильную артиллерію.

20. (Конница догнала неприятельскіе обозы. Вѣсть съ ними взяла еще нѣсколько пленныхъ.)

(По весьма труднымъ проходамъ Ермоловъ приблизился къ городу Акушѣ и готовился взять его. Но скоро наша конница заняла городъ, который не защищался.)

21. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасающимися семействами и вывезеннымъ имуществомъ. Я запретилъ преслѣдовать ихъ, и не приказалъ брать добычи. Нельзя представить себѣ распространеннаго повсюду ужаса, ибо Акушинцы легко могли имѣть подъ рукою 15 тысячъ человекъ и сверхъ того вспомошествоваемые сосѣдями, въ состояніи были защищать тѣсныя проходы, ведущіе къ городу, и самый городъ, лежащій среди стѣсненныхъ, почти неприступныхъ горъ. Я могъ потерять много времени, могла перемѣниться благоприятствовавшая погода, судя по позднему времени, въ которое бывають нерѣдко глубокіе снѣга, и войска начинали имѣть недостатокъ въ продовольствіи.

Городъ оставленъ съ такою поспѣшностію, что найдено мало жизненныхъ припасовъ. Вскорѣ собрались всѣ главные старшины и прибылъ кади, управляющій народомъ. За ними стали возвращаться жители города. Неизяясима благодарность ихъ за сохраненіе домовъ. Главная мечеть, здѣсь чрезвычайно обширная, и всѣ прочія мечети были оберегаемы карауломъ. Дана жителями присяга въ подданствѣ императору, взяты аманаты лучшихъ фамилій, наложена дань въ знакъ покорности, и взята контрибуція провіантомъ и скотомъ на продовольствіе войскъ. Я перемѣнилъ прежняго кади и назначилъ ему жалованье отъ казны.

1820. Января 1. Въ первый разъ въ сей странѣ войска наши расположены были на продолжительное пребываніе. Жителямъ истолковано, что симъ наказываются они за непрерывные мятежи. Продовольствіе войскъ назначено изъ дербентскихъ и кизлярскихъ магазиновъ. Жители везуть его безъ платы отъ казны за наказаніе.

17. Назначена коммиссія судить мятежниковъ, получавшихъ деньги изъ Персіи отъ Аббаса-Мирзы. Возвратило Муравьевъ изъ посольства въ Хиву. Въ Дербентѣ предложено расширить улицы и открыть площади, дабы уменьшить болѣзни. Составляется проектъ.

Взглянулъ я мимоходомъ на остатки батареи, которою командовалъ я въ 1796 г., будучи капитаномъ артиллеріи.

Февраль 12. Кизляръ. Собралъ нужныя свѣдѣнія о необходимости пособія городу, знаменитому промышленностію.

29. Моздокъ. (Получены извѣстія о признакахъ возстанія

въ Имеретіи. Это заставило Ермолова отложить отъѣздъ въ Петербургъ. Духовенство возбуждало неудовольствіе въ народѣ, дабы, затруднивъ правительство, отклонить приведеніе въ извѣстность церковныхъ имуществъ, коими управляло оно безотчетно.)

Марта 18. Продолжая путь въ Тифлисъ, я встрѣтился съ царевною и двумя митрополитами, вывезенными изъ Имеретіи за возбужденіе народа къ бунту.

19. Дорога въ земли Чеченцевъ окончена, и съ этихъ поръ входъ туда не затруднителенъ.

23. Я возвратился въ Тифлисъ.

Апрѣль. Въ Имеретіи распространился мятежъ и охватилъ уже почти всю область. Экзархъ Грузіи Теофилактъ возвратился, или, справедливѣе сказать, бѣжалъ оттуда, не успѣвъ сдѣлать описанія церковныхъ имуществъ. Онъ при семъ случаяхъ показалъ большую робость. Въ мятежѣ участвовали многія изъ лучшихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій.

Получено извѣстіе о злодѣйскомъ убійствѣ полковника Пузыревскаго, отличнаго офицера, начальствовавшаго войсками въ Имеретіи. Одинъ князь, дядя родной владѣтельнаго князя Гурійскаго, пригласивъ его на свиданіе, подослалъ одного изъ своихъ прислужниковъ убить его, когда безвѣчно проѣзжалъ онъ чрезъ дѣсь.

Вотъ мои слова при первомъ о семъ извѣстіи: „Не при нятъ умирать достойному офицеру безъ отмщенія!“

20. Въ то же время посланъ отрядъ для изгнанія Сурхай-хана, который, извѣстень будучи многими измѣнами и неблагонамѣренностію, не переставалъ возбуждать противъ насъ горскіе народы. Одинъ изъ довѣренныхъ ему людей будучи схваченъ, открылъ всѣ гнусныя его дѣйствія.

Августъ. (Имеретинскій мятежъ Вельяминовымъ подавленъ совершенно, мятежники схвачены или разбѣяны.) Законъ Шамекмети, принадлежащій убійцѣ полковника Пузыревскаго, князю Кайхосро Гуріелу, взять штыками и разрушить на основаніи. Убійца, не смѣя нигдѣ показаться, бѣжалъ въ турецкія границы. Прислужникъ, сдѣлавшій изъ ружья выстрѣлъ, коимъ убитъ Пузыревскій, наказанъ смертію на самомъ мѣстѣ преступленія. Сдѣлано описаніе церковныхъ имуществъ и введенъ новый порядокъ управленія оными.

Сентябрь. Самымъ счастливымъ образомъ кончивъ экспедицію, войска, посланныя противъ Сурхай-хана, возвратились. Самъ онъ бѣжалъ. Ханство его отдамъ было въ распоряженію Асланъ-хану.

26. Тифлисъ. Генералъ-лейтенантъ Мустафа-ханъ Ширванскій, тѣсными узами родства соединенный съ измѣнникомъ Сурхай-ханомъ и подобный ему въ неблагонамѣренности, узнавши, что сего послѣдняго приверженецъ будучи схваченъ, и боясь, чтобы не открылъ его самого мошенничества, бѣжалъ съ семействомъ и людьми, ему преданными, въ Персію. Ханство Ширванское, большое и прекрасное, взято въ казенное управленіе. Бѣгство было столь поспѣшно, что онъ оставилъ одну изъ малолѣтвыхъ дочерей своихъ, которую я, снабдивши нужною прислугой и воѣми на дорогу необходимыми вещами, приказалъ отправить къ отцу въ Персію. Самъ ханъ едва не былъ схваченъ при переправѣ черезъ Куру, подвластными ему беками, преданными правительству.

По водвореніи повсюду порядка и спокойствія, я отправился въ Петербургъ, получа извѣстіе, что государь къ новому году ожидаемъ изъ Тропавскаго конгресса. Въ послѣдствіи конгрессъ перенесенъ въ Лайбахъ.

1821. Февраля 11. С.-Петербургъ. Я представляемъ императорской фамиліи и принять милостиво. Ожидаютъ пріѣзда государя.

Получено извѣстіе о возстаніи Грековъ и о дѣйствіяхъ князя Ипсиланти въ Молдавіи.

Мартъ. Въ Пиемонтѣ возникла революція. Предполагалось, что она будетъ сигналомъ всеобщаго возстанія въ Италіи.

Государь отложилъ отъѣздъ свой изъ Лайбаха на неопредѣленное время. Я былъ въ затруднительномъ положеніи. Столько же неловко было и его дожидаться долго, и долго быть въ отсутствіи изъ Грузіи.

19. Получаю высочайшій рескриптъ, дабы я прибылъ въ Лайбахъ. Начальникъ главнаго штаба князь Волконскій сообщаетъ мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ поспѣшнѣе. Дежурнаго генерала Закревскаго уведомляетъ онъ, чтобы на нѣкоторое время окрылъ я назначеніе мое главнокомандующимъ арміей, идущею въ Италію въ помощь Австріяцамъ. Сколько удивленныхъ, и, кажется, не менѣе завидующихъ!

Невозможно было мнѣ утаить моего назначенія, ибо о томъ получено извѣстіе отъ цесаревича изъ Варшавы, и уже напечатано о томъ въ гамбургскихъ газетахъ. Приключившаяся болѣзнь удержала меня до 2-го апрѣля.

Апрѣля 3. Встрѣтилъ генералъ-адъютанта гр. Ожаровскаго, который былъ свидѣтелемъ, когда государь объявилъ императору австріюскому о моемъ назначеніи. Онъ везъ распоряженія

о составѣ арміи и повелѣніе войскамъ о выступленіи. Корпусъ Литовскій уже собирался на границѣ.

Я былъ еще слабъ послѣ болѣзни.

24. (Въ Вѣнѣ Ермоловъ удостовѣрился объ отгнѣвѣ движенія арміи нашей въ Италію и о скоромъ отъѣздѣ государя изъ Лайбаха.)

26. Лайбахъ. Немедленно представился государю. Неаполь уже былъ взятъ Австріяцами. Начальствовавшій ими генераль Фризонъ робкимъ дѣйствіемъ своимъ сдѣлалъ честь Неаполитанцамъ. Но они не долго его обманывали, перепугались, бросили сооруженныя ими укрѣпленія въ мѣстахъ самыхъ крѣпкихъ, и бѣжали подлѣйшимъ образомъ, едва появился неприятель. Они не измѣнили прежней своей военной славы!!!

Въ Пиемонтѣ едва вспыхнуло возмущеніе и угасло! Слишкомъ малое число войскъ приняло въ немъ участіе, и Австріяцы въ первыя минуты и безъ затрудненія преодолѣли.

Государь удивленъ былъ, когда сказалъ я ему, что безъ сожалѣнія услышалъ я объ отгнѣвѣ движенія арміи, которой назначенъ я былъ главнокомандующимъ. „Суворовъ, говорилъ я ему, начальствовалъ Австріяцами и не избѣжалъ зависти ихъ. Трудно было ему преодолѣвать препятствія, которыя ему дѣлали. Я бы желалъ видѣть, продолжалъ я, того, кто безъ робости явится на сценѣ, которую сей необыкновенный человекъ, и не задолго предъ нимъ Наполеонъ, ознаменовали великими военными дѣлами.“ Разсужденія мои, вѣроятно, казались основательными. Я представленъ императору и императрицѣ, и приглашенъ былъ къ нимъ на обѣдъ. Обращеніе обоихъ было самое благосклонное.

У государя, бывалъ я по два и по три часа и не въ состояніи выразить его милостей. Приближался день его отъѣзда, и я выпросилъ позволеніе пребыть нѣсколько времени въ Вѣнѣ и проѣхать черезъ Варшаву.

Мая 20. Варшава. Великій князь принималъ меня благосклонно. Почти ежедневно бывалъ я у развода; видѣлъ парады, ученья всякаго рода войскъ, смотры и маневры.

Я отказался отъ квартиры во дворцѣ государя и осталася въ гостиницѣ.

По приказанію цесаревича, всѣ польскіе генералы и прочіе чиновники на другой день по пріѣздѣ моемъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе. Я просилъ объ отгнѣвѣ его приказанія, но не успѣлъ. Я не принялъ ихъ, не желая дѣлать имъ безпокойства, зная притомъ, что изъ нихъ знакомые охотно увидятся со мною и безъ объявленнаго приказа. Цесаревичъ былъ въ большомъ негодованіи на меня, и начальнику

штаба генералу Курутъ поручилъ объясниться со мною самымъ неприятнымъ образомъ.

Я хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но цесаревичъ объявилъ мнѣ, что государю угодно, чтобъ я дожидался вступленія въ лагерь польской арміи. Я долженъ былъ повиноваться! Приказано показать мнѣ: главный штабъ, принадлежащую оному литографію, арсеналъ, конгревовы ракеты; наводили мостъ изъ цилиндрическихъ повтоновъ. Я видѣлъ военный госпиталь, казармы и конюшни. Словомъ, все въ удивительномъ устройствѣ, и возможная похвала есть только должная справедливость.

Юня 13. Вильно. Приѣхалъ съ братомъ (Каховскимъ) взглянуть на городъ, въ коемъ проведенныя нѣсколько лѣтъ лучшей молодости оставили пріятнѣйшія воспоминанія.

20. Царское Село. Мнѣ уже назначены были во дворцѣ комнаты, и приказаніе жить въ немъ объявлено начальникомъ главнаго штаба Е. И. В. Какъ все дико для челоѣка, никогда не бывшаго близкимъ ко двору, и конечно всѣхъ забавляла у моею неаовкостью. Но никто не говорилъ о ней, ибо у двора кромѣ похвалъ вичего не говорятъ о томъ кого весьма ласкаетъ государь!

Юль. Инсуррекция Грековъ была въ самой силѣ. Порта принимала мѣры къ наказанію, т.-е. къ истребленію возмущившихся. Война съ Турціей казалась неизбѣжною. Переписка съ иностранными кабинетами была непрерывная. Приказано показывать мнѣ оную, и я видѣлъ усилія не допустить Россіи до войны. Государь часто говаривалъ со мною о Грекахъ, я утверждалъ о необходимости войны въ защиту ихъ, въ спасеніе! Безуспѣшно! государь старался доказать мнѣ противное.

Августъ. Изъ примѣчательныхъ происшествій, случившихся со мною, было то, что императоръ въ 30 день августа пожаловалъ мнѣ аренду. Не допустивъ подписать о томъ указа, я имѣлъ случай объясниться по сему предмету, и государь не только выслушалъ меня благосклонно, но съ похвалою отозвался насчетъ моей деликатности, и когда отпустилъ меня, еще вторично говорилъ мнѣ объ оной. Рѣдко, думаю, скучаютъ государямъ подобными объясненіями!

Сентябрь. Продолженіе пребыванія моего въ Петербургѣ заставляло многихъ думать, что я не возвращусь въ Грузію, но получу другое назначеніе, и я имѣлъ причинъ то же предполагать.

(Въ Москвѣ, возвращаясь въ Грузію, Ермоловъ провелъ очень весело время у генералъ-адъютанта Закревскаго.)

Октября 28. (Въ Екатеринодарѣ на Кавказѣ Ермоловъ осматривалъ войсковую канцелярію, всѣ заведенія войска.)
Какое во всѣхъ частяхъ расхищеніе!

(Во Владикавказѣ Ермоловъ былъ остановленъ непрерывными маталами. Сообщение съ Грузіей прервано уже двѣ недѣли и остановлены почты.)

1822. Январь. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось цѣлый годъ. Въ продолженіе оного я сдѣлалъ болѣе 10.000 верстъ.

(Въ Грузіи и Имеретіи совершенное было спокойствіе. Но Абхазія была въ мятежѣ.)

(Окончена крѣпость Бурнаа.)

(Подавленъ мятежъ Мехтулинцевъ, возбужденный измѣнникомъ султанъ-Ахмедомъ, бывшимъ ханомъ аварскимъ.)

Кабардинцы, пересславившись съ позволенія ближе къ горамъ, умножили разбой и хищничества. Съ военныхъ постовъ нашихъ нельзя было сдѣлать нападенія, о коемъ бы не были они предупреждены, и всегда имѣли время скрыться въ мѣстахъ неприступныхъ съ семействами и имуществомъ. удаить стада и табуны, составляющіе главное ихъ богатство. Подполковникъ Коцаревъ, посланный съ небольшимъ отрядомъ, въ продолженіе зимы нанесъ Кабардинцамъ чувствительное наказаніе разореніемъ многихъ ауловъ и не допуская въ долины стада ихъ. Повсюду появлялся онъ внезапно и съ необычайною скоростію, но не могъ пронаквуть въ сокровенныя ихъ убѣжища, въ которыхъ пребывали они безбоязненно.

Со стороны Закубанцевъ продолжались разбой, и въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедши горы въ числѣ болѣе 1000 человекъ отборной конницы, сдѣлали они нападеніе на земли Войска Черноморскаго. Войска Донскаго генералъ-майоръ Власовъ 3-й, офицеръ столько же храбрый (какъ) и бдительный, прислѣлъ съ казаками, но въ меньшихъ силахъ. Ночное время скрыло ихъ недостатокъ, повсюду на постахъ произведенная тревога, зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрѣлы привели Закубанцевъ въ замѣшательство, которые до того гнали небольшую партію казаковъ, производившихъ съ ними безвредную перестрѣлку. Видя себя открытыми, они пустились въ обратный путь, но встрѣчены были генералъ-майоромъ Власовымъ, который скрывался въ камышахъ. Картечные выстрѣлы довершили ихъ замѣшательство, и они, видя себя отрѣзанными отъ переправы чрезъ Кубань, бросились на обширный заливъ,

поросшіи камышомъ, гдѣ быстро преслѣдуемые казаками, тѣснимые страхомъ, погибли до 1000 человекъ, и въ числѣ ихъ многіе изъ знаменитѣйшихъ наездниковъ. Изъ собственного признанія павшихъ извѣстно, что они никогда подобаго пораженія не испытали. Сими предпріятіемъ Закубанцы дали поводъ къ дѣйствіямъ съ нашей стороны.

Мартъ. Пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ въ Грузіи и провинціяхъ закавказскихъ, я предположилъ заняться перенесеніемъ части линіи въ земли Кабардинцевъ и тѣмъ положить конецъ ихъ непрерывнымъ возмущеніямъ и столько же разъ нарушеннымъ клятвамъ на вѣрноподданничество. Надобно было въ понятіи ихъ уничтожить ложную мысль о нашемъ безсиліи и чрезвычайномъ уваженіи ихъ храбрости, что наиболее поощряло ихъ къ возобновенію безпокойствъ.

Дабы отвратить Закубанцевъ, которые могли подать имъ помощь, я приказалъ генералъ-майору Власову, командующему Войскомъ Черноморскимъ, производить наступательныя дѣйствія противъ нихъ. До сего воспрещено было переходить за Кубань по боязни заразной болѣзни, и сіе Закубанцамъ придавало большую дерзость, ибо они знали, что возвращаясь въ свои земли, они уже не подвергались опасности преслѣдованія.

Апрѣля 9. (Выѣхалъ изъ Тифлиса.)

Май, июль. (Трудные переходы и переправы, разтѣзды, разсматриваніе мѣстностей, частыя, но незначительныя стычки и перестрѣлки. Такъ, напримѣръ, полковникъ Коцаревъ ходилъ съ отрядомъ въ горы за рѣку Баксанъ, гдѣ захватилъ до 4 т. барановъ.) Въ мѣстахъ сихъ въ первый разъ появились русскія войска. Переиденныя крутизны столько были ужасны, что срывавшіяся съ оныхъ казачьи лошади разбивались совершенно.

Въ этой экспедиціи изъ отряда генералъ-майора Сталя 400 человекъ пѣхоты, скрывъ за хребтомъ движеніе свое, спустились къ Баксану въ нѣкоторомъ разстояніи выше Мшустова аула, дабы зайдти въ тылъ сидѣвшему въ завалахъ неприятелю, но онъ до того уже бѣжалъ отъ дѣйствія артиллеріи и оставилъ всѣ мѣста, гдѣ безъ всякихъ усилій могъ онъ остановить насъ долгое время и гдѣ мы не могли имѣть съ собою пушекъ. Посланные 400 человекъ должны были спускаться по одимочкѣ въ тѣсную щель, наклонно проходящую. Первые люди спустились по веревкѣ, прикрѣпленной у отверстія, наконецъ всѣ прочіе скатывались какъ по жолобу, обхвативъ ружье обѣими руками. Начальствовавшій командою Кабардинскаго пѣхот-

лаго полка майоръ Якубовичъ, человекъ довольно толстый, наделъ шель тѣсною, и его протаскивая за ноги, изодрали на немъ сюртукъ и почти не осталось пуговиць. Мѣсто сіе осталось подъ названіемъ дыры Якубовича.

Выгнавъ непріятеля изъ заваловъ, войска двинулись впередъ, проходя по одному человекъ, ибо во многихъ мѣстахъ тропилка не шире аршина извивалась по скаламъ, нависшимъ надъ Баксаномъ на большомъ возвышеніи. Я нѣкоторое разстояніе переправился не иначе, какъ ползкомъ, ибо кружилась голова отъ вида волвъ Баксана, кипящихъ подъ ногами. Такъ шли на протяженіи трехъ верстъ.

(Одважды горныя орудія протаскивались на жолобахъ, окованныхъ желѣзомъ; заряды были на людяхъ.)

(Выгнанный изъ заваловъ непріятель бѣжалъ.) По высотамъ въ отдаленіи видны были спасающіяся семейства Кабардинцевъ, уголемыя стада. Майоръ Якубовичъ предсказывалъ одну часть бѣгущихъ и долженъ былъ проходить близко высоты, съ вершины которой спускали на него ужасные камни, но оные, ударяясь о нависшую скалу, безвредно пролетали поверхъ головы и не потеряно ни одного человекъ.

Далѣе нѣтъ уже пути и стоятъ громады горъ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ,—(и войска воротились.)

На первомъ возвратномъ вояжѣ, отрядъ генералъ-майора Стала расположенъ на противномъ берегу на одной высотѣ. Разстояніе между нами часто бывало не болѣе 30 и даже 20 сажень. Ужасный шумъ волвъ не допускалъ однако же звука голоса, и потому сношенія производились письменно, и бумаги съ привязаннымъ камнемъ перебрасываемы были чрезъ рѣку.

28. Великій ужасъ распространила между Кабардинцами сія экспедиція, ибо они не вѣрили, чтобы таковая могла быть предпринята.

Іюля 9. (Прогнаны Абазинцы за Кубань за то, что они были сообщниками Закубанцевъ, и за то, что внесли къ намъ моровую язву.)

Гора Эльбрусъ представляетъ величественный и вмѣстѣ ужасный видъ. Высотою своею онъ далеко превосходитъ прилегающій хребетъ Кавказа, вѣчно покрытый льдомъ, на который опираясь горделиво, кажется презирающимъ его ничтожность. Ниспадающіе съ него источники наполняютъ окрестныя поля, которыя славятся тучною и роскошною травою.

24. Въ Константиногорскѣ осматривалъ въ подробности

всѣ источники минеральныхъ водъ. Назначилъ мѣсто для казенныхъ зданій, которыхъ чертежи, высочайше утвержденныя, испрошены мною въ бытность мою въ Петербургъ.

Августъ. Войска неожиданно счастливо перешли оба Терека (въ землю Кабардинцевъ). Нѣсколько человекъ увлечены ужасною быстротою рѣки, но всѣ спасены. Пѣхота проходила по нѣскольку человекъ рядомъ, держась между собою. Въ глубокихъ мѣстахъ поставленные казаки верхомъ составляли улицу. Протянуты канаты отъ одного орудія къ другому, и тамъ, гдѣ было наиболѣе быстроты, люди переходили, держась за оныя. Кабардинцы не вѣрили, чтобы могла перейти пѣхота и даже съ обозами, но при переправѣ столько опасности, утрачено только 5 ружей и до 20 овецъ изъ порціоннаго скота. Я ускорилъ переправу, ибо войска не имѣли провіанта.

22. Екатериноградъ. Сдѣланы дальнѣйшія о Кабардѣ распоряженія. Даны правила на учрежденіе временнаго суда; назначены членами онаго благонадежнѣйшіе изъ князей и узденей. Росписаны войска, которыя должны занимать козую по Кабардѣ дивію. Определено число тѣхъ, которыя въ случаѣ безпокойствъ должны быть въ дѣйстви въ продолженіи зимы. Укрѣпленія снабжены крѣпостною артилеріей. Приказано учредить особыя рабочія команды для приготовленія въ большомъ количествѣ строеваго дѣса, какъ для жилищъ солдатъ, равно и для мостовъ черезъ рѣки Терекъ и Урухъ. Поручено произвести съемку прамѣйшей дороги на Урухъ, которая со временемъ обратится въ военную дорогу въ Грузію. Она будетъ несравненно выгоднѣе прежней и менѣе подвержена опасности отъ набѣговъ. Останется въ сторонѣ Моздокъ, чрезвычайно не здоровый своимъ мѣстоположеніемъ. Я назначилъ мѣсто для каравана, который перевесется изъ Моздока.

Изъ Екатеринограда отправленъ въ С.-Петербургъ проектъ о преобразованіи управленія Кавказской губерніи, поименный нѣкоторыми статьями, заимствованными изъ постановленія о Сибири, съ которымъ приказано было сколько возможно сообразоваться.

Сентября 6. Опрокинуты дрожки, и я ушибся довольно больно.

7. Тифлисъ. Повсюду было совершенное спокойствіе. Въ одной Абхазіи продолжался мятежъ и народъ не повиновался своему владѣтельному князю.

Октябрь. Въ Карабагѣ между семействомъ хана не прекращались ужасныя раздоры и непрерывныя ко мнѣ жалобы.

16. Въ первый разъ я постигъ богатую и роскошную Кахетію.

Ноябрь. Тифлисъ. Послѣ побѣга въ Персію Карабахскаго хана, предположилъ я взглянуть на Карабахскую провинцію и послѣ осмотрѣть Ширванскую и Шекинскую, чего доселѣ не имѣлъ я времени сдѣлать по множеству зачатій.

Декабря 21. Встрѣтили меня знатнѣйшіе беки всѣхъ трехъ ханствъ.

23. Во время пребыванія моего въ г. Шушѣ, жители города приведены къ присягѣ на вѣрнопопдаданство императору и то же приказано сдѣлать во всей провинціи. Открытъ провинціальный судъ, членами коего назначены отличнѣйшіе изъ бековъ и люди другихъ состояній подѣ председательствомъ коменданта, начальствующаго въ провинціи. Жители въ память присоединенія области и прекратившагося безпорядка ханскаго управленія, поднесли мнѣ саблю съ надписью.

1823 г. Января 9. Старая Шемаха. Жители по причинѣ раззоренія города живутъ еще въ шалашахъ и развалинахъ. По невѣрности въ съемкѣ, я сдѣлалъ перемѣну въ направленіи улицъ и частію въ самомъ планѣ города, который со временемъ извѣстемъ будетъ своею торговлею.... Для привлеченія торгующихъ, я далъ наставленіе, дабы во многихъ отношеніяхъ допущена была свобода, которую изгоняютъ правительства, омраченныя исламомъ. Я имѣлъ въ предметѣ и то, чтобы въ самомъ городѣ поклонникъ Магомета находилъ всѣ роскоши прославляемаго Шираза!

Въ Ширванской провинціи сдѣлалъ я нѣкоторыя перемѣны въ хозяйственномъ управленіи, и уничтоживъ часть обширныхъ казенныхъ посѣвовъ, отягощающихъ жителей, приказалъ замѣнить оныя разведеніемъ шелковичныхъ деревьевъ въ весьма значительномъ количествѣ.

24. Нуха. Я нашелъ жителей блаженствующихъ послѣ злодѣйскаго правленія послѣдняго хана, котораго жестокость и амчость равно были безпредѣльны.

Февр. 1. (Была ночь.) Пѣхотный конвой мой остался въ 2 часахъ позади. Со мною было 50 нухинскихъ бековъ.

Три или четыре года назадъ, хотѣлъ бы я видѣть, чтобы главный въ семъ краю вычальникъ, извѣстный строгостію, могъ въ ночное время пробхать съ тѣми самыми людьми, которыхъ, смиряя своеволие и грабежи, противъ себя вооружаетъ,—пробхать въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Лезгилъ непокорныхъ. На него могло быть обра-

цено, со вѣснмъ правдоподобіемъ, всякое преступное предпріятіе! Я хорошо познакомился съ народами!

(Тутъ сѣдовали различныя поселенія—солдатъ, Нѣмцевъ и казенныхъ крестьянъ.)

Юля 9. Я видѣлъ солдатскихъ женъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, которыя хорошо стрѣляли въ цѣль.

Августа 19. Тифлисъ. Получено донесеніе, что послая съ частью войскъ полковникъ Верховскій, привести въ повиновеніе нѣкоторыя изъ деревень шамхальскихъ, которыя, возмутясь, отказались давать рабочихъ и подводы для крѣпости Бурной. На возвратномъ пути, полковникъ былъ убитъ родственникомъ шамхала, который, служа при немъ три года, пользовался благодѣяніями его, какъ ближній. Убійца бѣжалъ въ горы.

Послѣ сего происшествія, обнаружился мятежъ во владѣніяхъ шамхала; къ мятежникамъ присоединились Мехтулинцы, которые убили находившагося при нихъ приставомъ хорунжаго Батырева.

Генералъ-майоръ Краббе послѣшилъ съ войсками въ Дагестанъ, и уже съ мятежниками были два сраженія.—Предписавъ ему расположиться въ мехтулинскихъ владѣніяхъ до моего прибытія, я долженъ былъ отправиться, дабы присутвіемъ моимъ удержать въ повиновеніи Акушинцевъ, которые, еслибы приняли участіе въ возмущеніи, могли бы вооружить весь Дагестанъ.

Сентября 22. (Въ Табасаранѣ обнаруживаются безпокойства.)

Со мною было до четырехъ тысячъ человекъ.

1824 г. Январь. Въ первый день года ѣздилъ я въ Эрпели видѣться съ шамхаломъ, которому поручено требовать аманатовъ отъ нѣкоторыхъ горскихъ народовъ.

Пріѣзжали ко мнѣ измѣнники кабардинскіе, укрывающіеся за Кубанью, изъявляя желаніе возвратиться въ свою землю. Отказано въ безмѣрныхъ ихъ требованіяхъ, позволено заслужить равныя выгоды, предоставленныя соотечественникамъ ихъ, которые не переставали быть вѣрными подданными. Они вразумились, что несправедливо было бы дать имъ преимущество надъ сими.

Въ то же время пріѣхалъ извѣстный разбойникъ Чеченецъ Бейбулатъ просить прощенія въ прежнихъ злодѣяніяхъ. За довѣренность къ начальству принять благосклонно.

Прощень молодой джангутайскій владѣлецъ Ахмадъ-ханъ, сынъ мехтулинскаго Гассанъ-хана, который бунтовалъ противъ насъ. Онъ бѣжалъ отъ родственниковъ своихъ изъ Авара, съ довѣренностію явился ко мнѣ, и я, возвратя

ему большую часть владѣній отца его, взялъ присягу на вѣрноподданство императору.

Явились многіе прислужники бывшаго дербентскаго Шихъ-Али-хана, умершаго въ бѣгахъ; они просили позволенія возвратиться въ отечество. Оно отказано только тѣмъ, коихъ извѣстны были непростительныя преступленія, но они отпущены даже безъ упрека, какъ люди предавшіе себя моей власти. Одному изъ чиновниковъ позволено отправиться въ Персію къ насаѣдану Аббасъ-мирзѣ, просить о уплатѣ долговъ за жену Шихъ-Али-хана, которую не выпускали заимодавцы. Я даже не отказалъ ему въ письмѣ, въ которомъ просилъ о томъ Аббаса-мирзу. Онъ никогда не отказывалъ ему въ деньгахъ, чтобы возбуждать противъ насъ народы Дагестана.

Наказаны смертію главнѣйшіе изъ виновниковъ мятежа и убійцы пристава Батырева, въ страхъ прочимъ измѣнникамъ. Народъ принялъ съ признательностію наказаніе только трехъ человекъ, когда самъ указывалъ гораздо большее число.

Взаты отъ народа Койсубойлинскаго первые аманаты, въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ прекратятся безпокойства, которыхъ они по большей части бывали причиною.

Главный кади и старшины акушинскіе верѣдко бывали у меня. Они также склонили нѣкоторыя общества представить аманатовъ. Ихъ польза была въ томъ, что войска, для наказанія непокорныхъ, не проходили чрезъ ихъ владѣнія.

Февраль. Во все сіе время не подвергались они ни малѣйшему упреку въ поведеніи, напротивъ, достойны были по справедливости особеннаго уваженія. Я угощалъ ихъ праздникомъ, далъ многимъ подарки. Утвердилъ ихъ въ вѣрности императору, обѣщаніемъ сложить со временемъ платимую ими дань. Это составляло единственное ихъ желаніе!

Я отправился въ Дербентъ.

19. Я былъ у преданнаго намъ Асланъ-хана. По случаю пріѣзда моего собралъ онъ много родственниковъ и знатнѣйшихъ старшинъ, которымъ казалось непонятнымъ, что между ними находилась я безъ русскаго караула и безъ всякаго конвоя. Со мною были три казака, присматривающіе за лошадьми.

22. Куба. Собравъ главнѣйшихъ изъ священныхъ особъ, сдѣлалъ я постановленіе, дабы воспрепятствовать чрезмѣрному размноженію муллъ или священниковъ. Нашлись многіе не умѣющіе читать и писать, каковыхъ не позволялъ я

допускать въ сіе званіе. Назначилъ число мечетей по числу дворовъ или семействъ, дабы муаллы могли имѣть приличное содержаніе и не подвергались презрѣнію по ихъ бѣдности. Оказалось, что надобно было уменьшить и муаллы, и мечети. Приказалъ сдѣлать разборъ бекскихъ фамилій, дабы отличить древніе роды, которые называютъ они коренными, отъ новѣйшихъ, ибо между послѣдними многіе пользовались несправедливо преимуществами своего состоянія. Нѣкоторые возвышены въ сіе достоинство мятежниками и даже бѣглыми ханами.

Преобразована кубинская конница. И столько желающихъ поступить въ оную, что я долженъ былъ ограничить количество. Бывшая со мною сотня служила усердно, и притѣнно старалась подражать нашему порядку.

Въ 12 верстахъ отъ города есть мѣсто, во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Со временемъ и самый городъ Куба долженъ быть туда перенесенъ.

Марта 14. Шемаха. Отъ Кубы до Шемахи проѣхалъ я съ конвоемъ кубинской конницы изъ 25 человекъ и не могу желать лучшей стражи. Безъ сомнѣнія ни одинъ изъ начальниковъ здѣшняго края не былъ подобнымъ образомъ охраняемъ.—Въ Шемахѣ занялся я экономическою частію и въ особенности обращено вниманіе на шелководство. Городъ, строящійся по новому плану, дѣлается прекраснымъ.

29. Тифлисъ. Не предвижу возможности кончить дѣло желаемымъ образомъ! (Распредѣленіе границъ съ Персіей.) Персіяне дѣлаютъ самыя подлѣйшія затрудненія! Я имѣю сношенія съ Аббасъ-Мирзою.

1825. Юля 25. Отправилъ я фельдъ-егеря съ письмомъ къ императору, въ которомъ объяснилъ подозрѣнія мои насчетъ войны съ Персіянами. Просилъ подкрѣпленія корпуса одною дивизіей пѣхоты.

Повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, г. Мазаровичъ, отправленъ къ шаху съ предложеніями, дабы отдалить войну.

Юля 2. Получилъ извѣстіе, что въ ночи съ 7 на 8 юня, возмущившіеся Чеченцы, возбужденные джепророкомъ, напали на укрѣпленный постъ Амаръ-Аджи-Юртъ, сожгли оный. Неосторожный начальникъ почти былъ атакованъ внезапно, хотя неоднократно предупреждаемъ былъ о нашествіи.—Гарнизонъ (1 рота), потерпѣвъ чувствительный уронъ, переплылъ черезъ Терекъ. Генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ и генералъ-майоръ Грековъ нанесли имъ пораженіе и разсѣяли ихъ совершенно. За симъ должно было послѣ-

довать совершенное укрощеніе мятежа, но въ то же время одинъ изъ аксаевскихъ жителей, котораго генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ приказалъ взять подъ стражу, какъ измѣнника, бросился на него съ кинжаломъ, нанесъ ему тяжелую рану и закололъ генералъ-майора Грекова.... Я хотѣлъ тотчасъ ѣхать на линію, но сильная болѣзнь меня удерживала.

24. Болѣзнь моя въ дорогѣ очень усилилась отъ чрезвычайнаго жару.

Генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ умеръ.

28. Возобновилась болѣзнь съ жестокостію, и лѣкаря отчаялись въ жизни.

Слышалъ было, что Чеченцы собираются въ силахъ и безпророкъ имѣть большое въ народѣ вліяніе. Партию ихъ переходить на правый берегъ рѣки Сунжи. Уничтожилъ 4 нашихъ редута по невыгодности мѣстоположенія.

Августа 10. Къ удивленію, Чеченцы оставили меня въ совершенномъ покоѣ.

22. По прибытіи войскъ, смятеніе въ городѣ (Андрѣ) прекратилось. Еще нѣсколько дней, и жители впустили бы Чеченцевъ въ городъ. Была сильная партія, которая того требовала. Главнѣйшіе возмутители бѣжали соединиться съ нами.

Сентября 4. Жители Аксаа участвовали съ Чеченцами въ нападеніи на укрѣпленіе и большая часть оныхъ съ нами соединилась. Я предположилъ перенести городъ Аксай, дабы отдалить его отъ горъ и прекратить связи съ Чеченцами. Я приказалъ истребить часть города, прилежащую къ лѣсистому ущелью, въ которомъ появлялись измѣнники.... Князьямъ непріятна сія перемѣна, ибо въ новомъ положеніи города лишались они продолжать дружественныя связи съ мошенниками и уклоняться отъ повиновенія начальству. Простой народъ весьма былъ доволенъ, ибо вблизи отъ назначеннаго мѣста находится ихъ хлѣбопашество и обширная пастбища для скотоводства.

(Чеченцы въ силахъ появились въ виду Андрея, думая взбунтовать городъ, но удалились безъ дѣйствій.)

18. Получено извѣстіе о возгорѣвшемся въ Кабардѣ мятежѣ. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ укрылись въ горы, дабы пройти за Кубань. Измѣнники, вспомошествоваемые пришедшею на помощь партией Закубанцевъ, напавъ на селеніе Соадатское, большую часть онаго раззорили. Предупрежденный штабъ-офицеръ не взялъ надлежащихъ мѣръ отразить нападеніе. И наконецъ догнавъ хищниковъ, увле-

кающихъ пльвинныхъ, не смѣлъ ударить на нихъ. Я попустилъ сего труса оставить службу.

Октября 27. Крѣпость Везапная. Пріѣхалъ для того чтобы разсѣять слухи объ отъѣздѣ моемъ отъ войскъ и успокоить вѣтренныхъ и наклонныхъ къ беспорядкамъ жителей города, между которыми Чеченцы имѣли соумышленниковъ.

(Построено новое укрѣпленіе. Была драка съ Чеченцами, для нихъ съ урономъ.)

Ноября 7. Получилъ отказъ въ награду полковника ка. Бековича-Черкаскаго, который, подъ командою начальника корпуснаго штаба, за Кубанью съ одними казаками безъ артиллеріи прошелъ въ горы, и внезапно напавъ на укрывающихся кабардинскихъ измѣнниковъ, истребилъ большое число оныхъ, гдѣ погибли многіе изъ князей и уздемей. Предпріятіе отаично смѣлое и самымъ удачнымъ образомъ исполненное.

Черезъ семь дней дана та же награда, но за другое сраженіе: за дѣла противъ Абадзеховъ.

20. Выѣхавъ изъ Червленной станицы въ чрезвычайно туманную погоду, не былъ я замѣченъ чеченскою партіей до 600 чел., нарочно выѣхавшею, чтобы схватить меня. Она скрывалась у самаго Терека и ударила на большую дорогу полчасу послѣ того, какъ я проѣхалъ. Конвой, провожавшій меня, состоялъ изъ 120 линейныхъ казаковъ, слѣдовательно трудно было бы противостать числу столько превосходному. Въ ясную погоду я былъ бы усмотрѣнъ въ далекомъ разстояніи и надлежало бы драться за свободу!

22. Первый слухъ о кончинѣ государя съ подробностями, которыя не оставляли мѣста сомнѣнію.

Декабрь. Офіціальное извѣстіе о смерти императора и указъ сената о присягѣ императору Константину Павловичу.

24. Прибылъ фельдъ-егерь съ извѣстіемъ объ отреченіи отъ престола Константина Павловича, привезъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича.

Перечень вѣкоторыхъ происшествій на Кавказѣ и въ Грузіи въ дополненіе къ дневнику Алексѣя Петровича Ермолова.

1817. Мая 14. Архіепископъ Теофилактъ назначенъ эвзархомъ Грузіи.

Октября 1. Открытіе Тифлисской духовной семинаріи.

1818. Заложеніе крѣпости Грозной.

Декабря 28. Учрежденіе епархій въ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.

1819. Заложение крѣпости Влезанной.

Пораженіе многочисленнаго скопища Лезгинъ при селеніи Боатухай.

Поселеніе 500 виртембергскихъ семействъ въ Грузіи.

1820. Апрѣля 17. Черноморское Войско причислено къ составу войскъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса.

Апр. Переселеніе 25.000 малороссійскихъ казаковъ на земли Черноморскаго Войска.

Окт. 11. Переименованіе отдѣльнаго Грузинскаго корпуса въ отдѣльный Кавказскій.

Усмиреніе генералъ-майоромъ Вельяминовымъ 3-мъ бунта въ Имеретіи и Гуріи.

1821. Заложение крѣпости Бурной.

Походъ Вельяминова противъ измѣнника Аларъ-хана.

Установленіе 5% таможенной пошлины съ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ въ Грузію.

Генералъ-майоръ Горчаковъ усмиряетъ мятежъ въ Абхазіи.

Атаманъ генералъ-майоръ Власовъ наноситъ неоднократно сильныя пораженія Закубанцамъ, вторгнувшимся въ Черноморію.

Юля 14 (19?) Кончина митрополита Теофилакта въ монастырѣ Св. Нины.

Окт. 1. Митрополитъ Іона назначенъ экзархомъ Грузіи.

1822. Авг. 10. Кавказская губернія переименована въ область. Ставрополь назначенъ областнымъ городомъ.

1823. Юля 26. Открыты въ Грузіи дворянскія опеки.

Съ октября 1823 по февраль 1824 походъ Ермолова для усмиренія Дагестана.

1824. Окт. 2. Переведены областныя присутственныя мѣста изъ Георгіевска въ Ставрополь.

Два приказа Алексѣя Петровича Ермолова по Грузинскому отдѣльному корпусу.

I.

Господину генералъ-майору, командиру войсками на Кавказской линіи и кавалеру, Депоццо.

Изъ поступающихъ ко мнѣ о происшествіяхъ на Кавказской линіи доведеній вижу я, сколь слаба и неисправна

кордонная наша стража, сколь нерачительны и худо исправляютъ должность свою командующіе постами офицеры. Я предлагаю вашему превосходительству употребить свою строгость и внушить имъ точныя ихъ обязанности. Я препровождаю у сего копію съ рапорта о происшествіи, случившемся съ 9 на 10 число, въ ночи, у Прохладной, изъ коего усмотрите, какъ строгаго наказанія достойны оплошныя посты, въ такомъ близкомъ разстояніи находившіеся и ни малой не подавшіе помощи. Извольте, ваше превосходительство, истребовать гражданскаго чиновника за депутата, приказать произвести подробнѣйшее изслѣдованіе надъ начальниками поста и козвойной при портѣ команды, и виновныхъ предать суду, который непременно кончить въ восемь дней и ко мнѣ представить на заключеніе. Я требую отъ вашего превосходительства возможной въ семъ случаѣ строгости, ибо оскорбительно для меня слышать справедливыя насчетъ неисправности воинской стражи укоризны, и въ правилахъ моихъ вѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ. Я полагаю, что въ описанномъ мною происшествіи легко можно открыть, гдѣ прошли хищники на возвратномъ ихъ пути, ибо стража скоро о томъ извѣщена была; то, удостовѣрясь точно отъ мирныхъ ауловъ, чрезъ коихъ землю они проходили, потребовать непременно удовлетворенія, ибо извѣстно уже, что они дадутъ свободный пропускъ разбойникамъ, а иногда и у себя ихъ укрываютъ.

Извольте, ваше превосходительство, отъ всѣхъ, мирными называющихся, мошенниковъ, взявъ аманатовъ, и соблюдая отъ заразы предосторожности, выдержавъ въ карантинѣ, содержать ихъ подъ присмотромъ въ Георгіевскѣ, требуя отъ нихъ лучшихъ и богатѣйшихъ семействъ въ случаѣ разбоя; и когда точно доказано будетъ, что чрезъ землю мирныхъ приходили хищники, а паче если доказано будетъ, что они укрываемы были, извольте объявить мирнымъ мошенникамъ, что есть мое повелѣніе наказывать смертію аманатовъ.

Извольте до полученія сего объявить всѣмъ ауламъ, вблизи отъ кордона нашего живущимъ, что если они не будутъ воспрепятствовать прохода хищникамъ, или не дадутъ извѣстія, то я накажу ихъ оружіемъ, изгоню въ горы, гдѣ истребятъ ихъ или непріатели, или моровая язва. Внушите имъ, что если они способствовать будутъ хищникамъ, то намъ не нужны мирные мошенники, и что я столько же мало уважаю ихъ пріязнь, сколько боюсь имѣть ихъ непріателями.

Не знаю, что поводомъ было къ размноженію между кордонной стражи казаками мѣтвія, что хищниковъ вооруженныхъ воспрещено бить, а непременно приказано брать живыми, когда они защищаются оружіемъ. Я прошу повѣннѣмъ вашимъ удалить сію, здравому разсудку противущуюся, мысль и внушить, что сколько строго накажу я всякаго изъ нашихъ, кто учинитъ нападеніе, столько же не упущу взыскать и съ того, кто не будетъ употреблять всѣхъ средствъ къ наказанію за сдѣланное нападеніе. Противъ оружія средство—оружіе, внушите строго нападающимъ на насъ. Съ истинными пріятелями нашими употребляйте великодушіе и кротость, вамъ свойственныя, и которыя въ особѣ вашего превосходительства я столько почитать и уважать умѣю.

Генераль-лейтенантъ Ермоловъ.

28-го октября 1816 года. № 388.

II.

Посланный отъ меня капитанъ гвардіи Жемчужниковъ, для осмотра оставленныхъ въ большомъ количествѣ людей отъ ротъ Бѣлевскаго пѣхотнаго и 15-го егерскаго полковъ, выступившихъ въ Карталинію, представилъ мнѣ объ нихъ списки, за подписаніемъ гг. полковыхъ командировъ. Большое число больныхъ меня не удивило, ибо если причиною тому нездоровый край, то не менѣ мною замѣченъ и недостатокъ повечерія гг. командировъ. Лазаретъ 15-го егерскаго полка содержится лучше Бѣлевскаго, но весьма далекъ отъ того устройства, въ которомъ могъ быть при должной о немъ заботливости. Лазаретъ Бѣлевскаго полка являе свидѣльствуетъ нерадѣніе о немъ бывшаго командира, г. генераль-майора Мерлина. Долгое время командуя полкомъ довольно уже давно на одномъ мѣстѣ, можно бы имѣть его въ лучшемъ порядкѣ. Нѣтъ удобнаго для помѣщенія больныхъ строенія, тогда какъ въ близости есть много лѣса. Больные лежатъ тѣсно, мало лазаретныхъ вещей, и то худыя. Я предупреждаю гг. начальниковъ, что не только не буду, подобно имъ, равнодушнымъ къ состоянію больныхъ солдатъ, напротивъ того, обращу ихъ строгими мѣрами къ ихъ обязанностямъ. Г-ну генераль-майору Мерлину, уважая въ немъ чинъ его, даю способъ загладить вину нерадѣнія его предложеніемъ на лазаретъ собственнаго его дома, въ построеніи коего участвовали солдаты, которые въ то время съ большою пользою могли обращены быть,

по крайней мѣрѣ, на построеніе прежде лазарета, о чемъ ожидаю отъ него донесенія. Въ спискахъ означены оставленные по приказанію бригаднаго командира, для употребленія на службу, 55 человекъ Бѣлевскаго и 65 человекъ 15-го егерскаго полковъ. Если люди тѣ мастеровые, то, по числу выступившихъ ротъ, ихъ слишкомъ много; если же оставлены по прихотямъ полковыхъ командировъ, то не выполнена цѣль, для которой роты выведены. Въ опискахъ показано, что Бѣлевскаго пѣхотнаго полка 1 унтеръ-офицеръ и 26 рядовыхъ находятся при генераль-майорѣ Мерлицѣ. Если то для охраненія его особы, то она въ Кутаисѣ безопасна; если же для почести, для того есть постановленный узаконеніями караулъ. Въ крѣпости Св. Николая лазаретъ Гурійскаго гарнизоннаго полка въ жалкомъ положеніи. Я не взыскиваю за недостаточное больныя содержаніе; ибо, по всегдашнему числу больныя, полкъ собственныя на то средствъ не можетъ имѣть достаточныхъ, но, по крайней мѣрѣ, присмотръ за больными никакихъ не требовалъ отъ полка издержекъ. Лазаретъ въ верхнемъ укрѣпленіи довольно хорошъ и занятъ малымъ числомъ больныя; другой, несравненно худшій, такъ напомень, что одного стѣсненія довольно, чтобы между людьми размножить и усилить болѣзни. Лѣкаръ часто пьянъ и рѣдко бываетъ въ лазаретѣ; его, держа подъ карауломъ, вытрезвить и расположить жить въ лазаретѣ, всегдашнимъ занятіемъ отнять праздность—причину пьянства. Больные размножаются отъ беспорядочнаго употребленія людей на службу, отъ несоблюденія очереди между ними; чрезъ одну сѣтву ходятъ они въ караулъ. Прекращеніе многихъ беспорядковъ зависитъ отъ лучшаго надзора начальствующаго войсками, г. генераль-майора Хатунова, которому о семъ дается на замѣчаніе.

Генераль-лейтенантъ Ермоловъ.

Отношеніе Ермолова къ дежурному генералу Закревскому.

При отношеніи, отъ 2-го ноября, за № 9603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили копію съ отзыва господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, что полевою оберъ-священникъ, во ожиданіи достовѣрныхъ свѣдѣній о исправности тифлискаго военнаго госпиталя протоіерея Джавахова, отказываетъ просимую ему награду.

Господишь оберъ-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствванія моего объ усердіи протоіерея, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что, въ званіи командира корпуса, и удостоиваемый важной довѣренности чиновникъ, могъ бы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемыя имъ достовѣрныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свыше, и, подобно мнѣ, долженъ онъ разсматривать предметы, даетъ онъ, оберъ-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный, къ заключенію, что, въ разстояніи трехъ тысячъ верстъ, не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ и я самъ, когда оныя у меня подъ глазами. Не чуждо было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, еслибы господишь оберъ-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего къ награжденію протоіерея.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезный и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ!

Зная то особенное искреннее участіе, которое вы принимаете въ любезнѣйшемъ другѣ и товарицѣ, генералъ-лейтенантѣ князѣ Яшвилѣ, и хотя мы теперь съ вами далеко другъ отъ друга находимся, но я, помня ваше душевное дружеское къ нему расположеніе, хотя и знаю, что вамъ будетъ весьма непріятно слышать неудачу съ его стороны, но что же дѣлать, не могу вамъ объ оной не рассказать. Посланы были офицеры выбирать изъ артиллеріи, въ его командѣ состоящей, въ гвардейскую артиллерію людей; онъ не допустилъ, отославъ назадъ офицеровъ, отозвавшись, что люди прежде уже были взяты. Но нынѣ, по моему представленію, государь императоръ приказать изволилъ сдѣлать выборъ, котораго князю Яшвилю не хотѣлось; это, кажется, значить не болѣе сдѣлалъ; а какъ все это дѣло происходило, вы можете увидѣть подробно изъ прилагаемыхъ при семъ копій съ моего представленія и съ отвѣта князя Волховскаго.

Мнѣ весьма прискорбно, что я вамъ дѣлаю большую непріятность, писавши о неудачѣ любезнѣйшаго вашего единственнаго друга и товарища, но, по искренности моей къ вамъ, я не могъ предъ вами объ этомъ умолчать. И затѣмъ примите, ваше превосходительство, увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

15 ноября, 1816 года, Варшава.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералъ-лейтенанту Ермолову.

Прежде прибытія вашего къ мѣсту назначенія, составлена свѣта о потребной на 1817 годъ суммѣ на продовольствіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса, по коей цѣны изчислены превосходятъ прошлагоднихъ: на четверти муки 2 руб. 91 $\frac{1}{2}$ коп., на четверти овса 3 руб. 52 $\frac{1}{4}$ коп., и на пудъ сѣна 3 $\frac{2}{3}$ коп. Разсмотрѣвъ предварительно изчисленія всего военнаго департамента, замѣтилъ я, что по первой арміи, напротивъ, исчислены цѣны съ пониженіемъ противъ 1816 года: на четверти муки 62 коп., крупъ 2 руб. 64 $\frac{2}{3}$ коп., овса 1 руб. 96 $\frac{1}{3}$ коп., и на пудъ сѣна 5 коп. Собоображая состояніе государственнаго казначейства и принимая въ уваженіе, что когда въ первой арміи сдѣлано пониженіе въ цѣнахъ, то безъ сомнѣнія должно оно быть и въ другихъ мѣстахъ, приказалъ я военному министру, въ соразмѣрность цѣнъ первой арміи, требовать и для вѣреннаго вамъ корпуса сумму на будущій годъ, рѣшительно считая четверть муки 12 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп., четверть крупъ 15 руб. 2 $\frac{2}{3}$ коп., четверть овса 4 руб. 85 $\frac{1}{10}$ коп., и пудъ сѣна 10 коп. Извѣщая васъ о семъ, я увѣренъ, что при усердіи вашемъ и дознанной попечительности о пользѣ казенной, вы не упустите ничего къ выгодному отдѣльнаго грузинскаго корпуса продовольствію и къ дешевой транспортной онаго какъ моремъ, такъ и въ линейные магазейны, дабы въ теченіи будущаго года изворотиться тою суммою, какая по назначеннымъ мною цѣнамъ исчислена будетъ.

Александръ.

С.-Петербургъ.

28 ноября 1816 года.

Письмо королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны.

Стутгартъ, 4 января (23 декабря) 1817 г.

Алексѣй Петровичъ! Съ отивнымъ удовольствіемъ я получила вчера письмо ваше и прекраснѣйшую шаль,

вами мнѣ присланную. Не только сей драгоценный даръ, но болѣе еще воспоминавіе ваше очень меня обрадовали. Вы давно знаете, околь высоко я почитаю ваши воинскія качества и услуги, которыя вы столь часто любезному нашему отечеству оказывали. Я крайне тронута, что и въ отсутствіи вы обо мнѣ вспомнили, и буду всегда сію отъиваную шааъ съ удовольствіемъ носить. О вашихъ дипломатическихъ успѣхахъ для меня было любопытно въ вѣдомостяхъ читать, и я не сомнѣваюсь, что вы и на семъ новомъ поприщѣ будете Россіи полезнымъ. Желая вамъ во всѣхъ случаяхъ жизни счастья, съ отъивнымъ уваженіемъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 9 января, и читалъ то, что вы пишете любезнѣйшему нашему Дмитрію Дмитріевичу. Отъ всего сердца благодарю васъ за тѣ же ваши чувства ко мнѣ, которыми я имѣлъ удовольствіе прежде пользоваться; съ моей же стороны, ежели бы вы были на краю свѣта, а не только въ Грузіи, то я всегда былъ и буду одинаковъ съ моею къ вамъ искренностію, и оттого между нами та разница, что я всегда къ вамъ былъ, какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда съ обманцемъ бывали. Впрочемъ, скажу вамъ, что у насъ здѣсь, хотя мы и не въ Персіи и не на носу у насъ Индія, но, однако, все, благодаря Бога, хорошо и своимъ порядкомъ, какъ водится, идетъ.

Въ заключеніе сего повторяю вамъ истинное увѣреніе, что никакая отдаленность не перемѣнитъ особеннаго и всегдашняго къ вамъ искреннаго уваженія.

11 февраля 1817 года.

Два письма графа Аракчеева.

I.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего превосходительства изъ Тифлиса, отъ 9 января сего года, и цѣнью довѣренности,

которая побудила васъ обратиться ко мнѣ; но, вмѣсто съ тѣмъ, я предоставляю безпристрастію вашему разрѣшить, могу ли я участвовать въ отклоненіи неудобствъ, встречающихся въ продовольствіи вѣрныхъ вамъ войскъ, когда дѣло сіе остается для меня совершенно стороннимъ? Напротивъ того, важность предмета требовала бы, по мнѣнію моему, чтобы вы, милостивый государь мой, настоятельное сдѣлали объ ономъ представленіе военному министру, который, имѣя въ завѣдываніи своемъ все то, что относится до продовольствія войскъ, въ обязанности находится дать полное на требованіе ваше разрѣшеніе. Считаю за нужное упомянуть о семъ вашему превосходительству и зная, впрочемъ, благоразуміе, которое отличало всегда дѣйствія ваши, я спѣшу повторить вамъ здѣсь увѣреніе отличнаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть.

вашего превосходительства покорный слуга,
графъ Аракчеевъ.

11 февраля 1817 года.

II.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Я радуюсь, что вашею помощію окончилось дѣло князя Эристова, и я спѣшу доставить къ вашему превосходительству копію съ указа, на имя ваше послѣдовавшаго, прося принять истинное мое увѣреніе въ почтеніи, которое я всегда сохраняю къ вашему превосходительству, и пребуду навсегда покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Приказъ Ермолова по Грузинскому отдѣльному корпусу.

При обозрѣніи мною границъ, высочайше порученныхъ управленію моему, областей, владѣтели ханствъ: Шарванскаго, Шекинскаго и Карабахскаго, по обычаю здѣшнихъ странъ, предложили мнѣ въ даръ верховыхъ лошадей, золотые уборы, оружіе, шали и прочія вещи.

Не хотѣвъ я обидѣть ихъ, отказавъ принять подарки. Неприличнымъ почитавъ и воспользовавшись ими, и потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ

разныхъ ханствъ 7.000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли, сколько приятно мнѣ стараться о пользѣ ихъ. Обѣщаю имъ и всегда о томъ заботиться (здѣсь сдѣлаетъ порядокъ, сколько на какой полкъ и откуда получить). Овцы сіи принадлежатъ артелямъ, какъ собственность, въ распоряженіи коей никто не имѣетъ права мѣшаться. Стада должны пастись вмѣстѣ всего полка, не допуская мельчайшихъ раздѣленій, дабы караулами не отяготить людей и солдаты не сдѣлались бы пастухами. Команды при табунахъ должны быть при офицерахъ и въ строгомъ военномъ порядкѣ. За сохраненіе табуна не менѣ отвѣтствуетъ офицеръ, какъ за военный постъ. Полку вообще не сдѣлаетъ чести, если офицеръ его не будетъ умѣть сберечь собственности солдатской. Овецъ въ первый годъ въ пищу не употреблять; но сколько можно стараться разводить ихъ. Для выбора способныхъ къ заводу будутъ отъ меня отправлены знающіе люди; для перегнанія стада ханы дадутъ опытныхъ отправщиковъ. Въ послѣдствіи времени будетъ и мясо, и полушубки, которые сэберегутъ дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверхъ того, сохранять и аммуницію. Для выдѣлки шкуръ я помогу полкамъ деньгами; каждые полгода полки должны представлять мнѣ вѣдомости объ успѣхѣ разведенія овецъ, по которому буду заключать о заботливости гг. командировъ. Солдатамъ позволено, если найдутъ выгоднѣе имѣть рогатый скотъ, продать, или промѣнять овецъ. Къ отправленію приемщиковъ и командъ должно полкамъ приступить немедленно. Приказъ сей прочесть въ ротяхъ.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Февраля дня 1817 г. Тифлисъ.

Рапортъ Алексѣя Петровича Ермолова государю императору.

Видная въ способы введенія въ здѣшнемъ краю устройства, хотя вижу я большія затрудненія, надѣюсь, однакожь, со временемъ и терпѣніемъ, въ свойствахъ Грузинъ ослабить закоренѣлую наклонность къ безпорядкамъ; но области, ханами управляемая, долго противостанутъ всякому устройству, ибо данныя имъ трактаты предоставляютъ имъ прежнюю власть безъ малѣйшаго оной ограниченія казны,

на которую они права не имѣютъ. Управление ханствами даровано имъ наследственно. Благодѣтельные русскіе законы не иначе могутъ распространяться на богатые и изобильныя области сіи, какъ въ случаѣ прекращенія наследственной линіи, или измѣны хановъ. Покойный генералъ князь Цициановъ, при недостаткѣ средствъ со стороны нашей, и сихъ внѣшнихъ и внутри земли сильныхъ непріятелей присоединилъ ханства къ Россіи. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительныя. Въ послѣдствіи ощутительно было, сколько они противны пользамъ нашимъ, отяготительны для народовъ и сколько потому съ намѣреніями вашего императорскаго величества не согласуются. Никто, однакожь, не воспользовался возможностью переимѣнить ихъ. Измѣна хана Шекинскаго вручила намъ богатые его владѣнія, главный городъ взятъ былъ нашими войсками, ханъ бѣжалъ въ Персію и введено было русскіе управление. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ безъ всякой нужды вызвалъ на ханство одного изъ бѣжавшихъ хановъ изъ Персіи, и нынѣ сынъ его, генералъ-майоръ Измаиль-ханъ, имъ управляетъ. Такимъ же образомъ измѣнилъ и ханъ Карабахскій, но былъ убитъ.

Послѣ него остались дѣти вѣрные и приверженные, и фельдмаршалъ графъ Гудовичъ долженъ былъ ввести сына на ханство, которымъ доселѣ владѣлъ, но онъ бездѣтенъ и здоровъя весьма слабого; по немъ наследникъ, племянникъ его, полковникъ Джафаръ-Кули-Ага, который въ 1812 году измѣнилъ намъ, бѣжалъ въ Персію, вводилъ персидскія войска въ свое отечество неоднократно, съ ними вмѣстѣ на одинъ батальонъ нашъ, слабый числомъ, напалъ и истребилъ его. Предмѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ, призвалъ его изъ Персіи высочайшимъ манифестомъ 1814 года, простилъ его преступленія, призналъ его вѣрнымъ полковникомъ и ввелъ въ прежнія права наследника ханства. Оба сіи ханства, положеніемъ своимъ важныя, произведеніями богатѣйшія, должны непремѣнно быть управляемы русскіими законами на томъ основаніи, какъ Елисаветопольскій округъ, вѣкогда бывший ханство Ганжинское.

Довода о семъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше прошу полковника Джафаръ-Кули-Агу не утверждать наследникомъ ханства Карабахскаго; и хотя генералъ Ртищевъ, именемъ вашего величества, призналъ его въ семъ достоинствѣ, а найду благовидныя причины не допустить его управлять ханствомъ.

Хана Шекинскаго, озлобившаго управленіемъ народъ, его

незавидящій, жестокаго свойствами и преступающаго дарованныя ему трактатомъ права, я началъ уже усмирять весьма строгими мѣрами. И даю направленіе общему мнѣнію, что онъ ханомъ быть не достоинъ.

Я не испрашиваю вашего императорскаго величества на сей предметъ повелѣнія; обязанности мои истолкуютъ мнѣ попеченіе вашего величества о благѣ народовъ, покорствующихъ высокой державѣ вашей; правила мои не призывать власти государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ; необходимость же наказанія предоставляю я закономъ. По возвращеніи изъ Персіи, соглаюсь съ обстоятельствами, приступаю я къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ.

Февраля дня 1817 года. Тифлисъ.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, господину генералу отъ инфантеріи, Ермолову.

Предположенія ваши о надѣленіи землями казаковъ, по Кавказской линіи поселенныхъ, были рассмотрѣны въ комитетѣ министровъ, и потомъ представлены мнѣ.

Обративъ вниманіе на сіи предположенія, нахожу оныя совершенно основательными, и пропорцію земли, казакамъ предназначаемую, достаточною. А потому повелѣваю вамъ учредить особую, подъ руководствомъ вашимъ, комиссію изъ членовъ одной военной стороны, министерства финансовъ и одного землемѣра, вѣннвъ ей въ обязанность заяться надѣленіемъ собственно казаковъ землями, коихъ пропорцію отмежевать по вашему предположенію, а именно: для полковъ, расположенныхъ по правому флангу линіи, въ уѣздахъ Александровскомъ, Ставропольскомъ и Георгіевскомъ, гдѣ земля удобная къ хлѣбопашеству, на каждую наличную душу служащихъ и не служащихъ казаковъ по 30 десятинъ, чиновникамъ же ихъ штабъ-офицерамъ по 300, а прочимъ старшинамъ по 60 десятинъ. Что же касается до тѣхъ, которые жительствуютъ на лѣвомъ флангѣ по рѣкѣ Тереку, какъ-то: полковъ Моздокскаго, Гребенскаго, Терскаго, Семейнаго и прочихъ, то, по уваженію, что земля у нихъ большею частію песчаная и для хлѣбопашества весьма не выгодная, назначить каждому казаку, служащему и неслужащему, по 50 десятинъ, штабъ-офицерамъ ихъ по 400, а прочимъ старшинамъ по 100 десятинъ. Сверхъ сего количества, для каждаго селенія тѣхъ и другихъ полковъ,

отвести особъ по 30 десятинъ для разведенія лѣсу, и особо для церквей, гдѣ оныя имѣются, узаконенную пропорцію.

При такомъ раздѣленіи земель коммиссія должна:

1) Имѣть въ виду всевозможное сохраненіе выгодъ казенныхъ поселянъ и азіатскихъ народовъ, ведущихъ осѣдлую и кочевую жизнь, и чтобы тѣ и другіе не почувствовали при томъ никакого стѣсненія.

2) Изыскать способы, куда по мѣстнымъ удобствамъ лучше обратить отдаваемые отъ казны Волжскому голуку пять оброчныхъ статей, и какихъ полковъ казакамъ ближе и справедливѣе предоставить право пользоваться рыбными ловлями, въ оныхъ статьяхъ находящимися.

3) Определить, нужно ли будетъ вынѣ Моздокскаго полка казакамъ отвести изъ пустопорожныхъ земель, къ дачамъ ихъ прилегающихъ, 5709 десятинъ, въ замѣнъ таковаго же количества земли, на коей произрастаетъ трава желтиникъ, и которую предположено взять изъ владѣнія того полка въ казенное вѣдомство.

Вы не оставите, по ближайшей вамъ извѣстности всѣхъ обстоятельствъ, до сего относящихся, снабдить коммиссію нужнымъ наставленіемъ, и набаюсти за точнымъ исполненіемъ возлагаемаго на нее порученія; по исполненіи жь донести мнѣ что подъ руководствомъ вашимъ учинено будетъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 6 марта, 1817 года.

Рапортъ Ермолова государю.

Въ представленіяхъ моихъ о вознагражденіи чиновниковъ никогда не обращалъ я вниманія начальства на недостойныхъ, и не особеннымъ усердіемъ и трудами, или похвальнымъ безкорыстіемъ оного не заслужившихъ. Здѣсь, по недавнему моему пребыванію, наиболее строгъ я въ выборѣ. Но, государь, бесполезно одобряю трудящихся; не внимаетъ начальство моимъ представленіямъ, не достигаютъ они правосуднаго вашего императорскаго величества воззрѣнія, и я, по волѣ вашего величества, занимая мѣсто, съ которымъ неразлучно должно быть довѣріе правительства, въ первый разъ, въ продолженіе службы моей, не смѣю ручаться подчиненнымъ за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ, а потому и довѣріе къ правительству внушить имъ не могу.

Управляющему министерствомъ полиціи представлялъ я о

исходатайствованіи награжденія чиновникамъ за труды въ прекращеніи заразы. Я былъ свидѣтелемъ, каковыхъ стоить трудовъ и самой опасности тщательное исполненіе сихъ должностей; но мнѣ отвѣтствуютъ, что высочайше повелѣнно остановиться представленіями до назначенія времени и формъ докладовъ по сему предмету. Въ то же время по министерству полиціи и по другимъ частямъ безпреставно награждаемые чиновники утверждаютъ меня въ мнѣніи, что нѣтъ формъ правосудію и милосердію.

Государы! здѣсь надежда на справедливое воздаяніе за зрѣмость и усердіе должны вознаграждать лишеніе всѣхъ прочихъ выгодъ. Родъ жизни служащихъ здѣсь—отреченіе всѣхъ удовольствій и отдавленность достойны особеннаго вниманія. Никто не служитъ здѣсь, кому сильныя связи и могущественныя покровительства представляютъ выгоднѣйшее служеніе въ другомъ мѣстѣ. Я требую трудовъ, и здѣсь все надобно доставать трудами.

Къ милостямъ, вашимъ императорскимъ величествомъ изъваемымъ, присовокупите, государы, и то, чтобы могъ я достойнымъ общать достойное воздаяніе.

12 марта, 1817 года.

Рескриптъ Ермолову.

Алексѣй Петровичъ! Я весьма доволенъ трудами и усердіемъ, подъемлемыми вами на пользу края и войскъ, вамъ вѣранныхъ. Каждое донесеніе ваше принимаю я доказательствомъ неусыпнаго вашего рвенія къ водворенію устройства въ Грузіи и къ исполненію моихъ ожиданій. Желая доказать вамъ, сколь мнѣ пріятно содѣйствовать вашему попеченію, я, при соблюденіи всѣхъ правилъ строжайшей умѣренности въ государственныхъ расходахъ, далъ мое повелѣніе министру финансовъ отпускать ежегодно въ распоряженіе ваше по 159.744 руб. асигнац. для довольствія войскъ Грузинскаго корпуса мясною и винною порціею, по вашему назначенію, будучи увѣренъ, что коль скоро устройство земли и войска, сходно предположеніямъ, дозволитъ прекратить издержку сію изъ суммъ государственнаго казначейства, вы ускорите сообразнымъ сему распоряженіемъ. Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 24 мая, 1817 года.

Два письма великаго князя Константина
Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ!

При почтенномъ письмѣ ко мнѣ вашего превосходительства, имѣвъ честь получить описаніе, сдѣланное полковникомъ Ермоловымъ персидскихъ регулярныхъ войскъ, и азіятскую саблю работы художника Геурка, я пріятнымъ долгомъ обязываюсь обратиться къ вамъ за оное и за память старинной дружбы съ истинною моею благодарностію, и скажу вамъ, храбрѣйшій и любезнѣйшій товарищъ, что я на первый разъ, прочитавъ помянутое описаніе, нахожу, что оное кто сдѣлалъ, видно былъ съ глазами: написало прекраснѣйше, и я только что взглянулъ, увидѣлъ, что устройство и порядокъ англійскихъ войскъ, но чтобы лучше о семъ знать, я буду оное чаще читать. Прошу васъ за сіе поблагодарить отъ меня полковника Ермолова, равно и за саблю Геурка, которая, какъ оружіе, никогда такъ не принимается, а посылается за сіе 10 коп. серебромъ. Вамъ не знаю, что послать отсюда новаго; если наши уставы, то вамъ оныя извѣстны; развѣ надобно бы было отыскать и послать по дружбѣ къ любезнѣйшему патеру Груберу старинныя езутокія установленія.

Впрочемъ, прошу, любезнѣйшій и почтеннѣйшій товарищъ, содержать меня попрежнему въ вашей памяти, и принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго съ дружбой почтенія и уваженія.

27 іюня, 1817 г.

II.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Для меня весьма пріятно было получить письмо вашего превосходительства отъ 9-го іюня; полковникъ Джонсонъ и капитанъ Солтеръ проѣхали чрезъ Варшаву въ отсутствіе мое; крайнѣ сожалѣю, что сей случай лишилъ меня удовольствія исполнить ваше желаніе касательно ихъ приѣма, ибо хотя мы находимся другъ отъ друга въ весьма большой отдаленности, но прошу васъ быть увѣрену, что я

какъ прежде былъ, такъ и всегда останусь, съ искреннимъ и особеннымъ къ вамъ уваженіемъ и дружбой.

8-го сентября, 1817 года.

Выписки изъ біографіи князя Мадатова.

Вновь вышедшая біографія князя Мадатова, * одного изъ главныхъ помощниковъ Ермолова на Кавказѣ, даетъ возможность поамѣе обозрѣть дѣятельность Алексѣя Петровича, въ первые годы его управленія.

Въ 1818 г. генералъ Ермоловъ предпринималъ рѣшительныя мѣры для усмиренія Чеченцевъ, самаго воинственнаго народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набѣгами и непрерывными разбоями вводилъ повсюду ужасъ до того, что по военно-грузинской дорогѣ невозможно было слѣдовать иначе, какъ съ сильнымъ прикрытіемъ, при коемъ всегда долженствовали находиться и орудія. Мѣры сіи состояли въ томъ, что все низменное пространство земли, лежащее между рѣками Тереконъ и Сунжею, и служившее Чеченцамъ для посѣва хлѣба, а огромные и прибыльные луга для вкормленія лошадей, рогатаго и прочаго скота, было отнято у нихъ посредствомъ перевесенія линіи съ Терека на Сунжу и построенія на сей послѣдней рѣкѣ достаточнаго числа редутовъ и крѣпостей, которые совершенно лишили бы Чеченцевъ возможности пользоваться этимъ пространствомъ земли. Навѣдничество ихъ дѣлалось съ тѣхъ поръ весьма затруднительнымъ, и часто влекло за собою совершенное уничтоженіе дѣлныхъ партій. Вскорѣ обнаружались между ними пагубныя послѣдствія общаго недостатка въ хлѣбѣ и скотѣ. Вынужденные снискивать себѣ скудную пищу въ гористыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, и потерявъ уже значительную часть своего скотоводства, они подверглись болѣзнямъ, опустошавшимъ дѣлныя селенія. Благомыслящая часть народа явилась съ покорностію и получила прощеніе, съ условіемъ покинуть горы и со всѣмъ своимъ имуществомъ перейти на жительство въ низменныя мѣста между Тереконъ и Сунжею, подъ охраненіемъ нашихъ крѣпостей. Вотъ первоначальное основаніе такъ называемыхъ мирныхъ Чеченцевъ.... Нельзя было и сомнѣваться, чтобы

* Князь Мадатовъ, находившійся во время Вѣнскаго конгресса въ аваргартѣ, расположенномъ въ Краковѣ подъ командою Ермолова. Высочайше назначенъ въ Кавказскій отдѣльный корпусъ въ 1816 г., вслѣдствіе представленія Ермолова. 1817 года возложена на него должность военнаго окружнаго начальника въ ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ.

выборъ сего единственнаго способа къ скорому и прочному покоренію горскихъ народовъ вообще могъ ускользнуть отъ прозорливаго генія Ермолова.

При первомъ появленіи войскъ нашихъ на рѣкѣ Суажѣ, Чеченцы, видя свое безсиліе и невозможность воспрепятствовать новой линіи, которая должна была лишить ихъ главнѣйшихъ способовъ къ пропитанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности дѣлать набѣги на ставицы, находящіяся на старой линіи по берегу рѣки Терека, всѣми мѣрами старались выставить оскорбленіе, имъ нанесенное, какъ обиду общую для всѣхъ вольныхъ кавказскихъ народовъ: они предсказывали въ будущности такую же участь и всѣмъ другимъ племенамъ, если они заблаговременно и соединенными силами не отвратятъ угрожающей гибели. Нѣкоторые народы, жившіе въ сосѣдствѣ Чеченцевъ, какъ-то: Койсубуланцы и другіе, дѣйствительно прислали къ нимъ толпы вооруженныхъ, съ коими Чеченцы отчаянно нападали на наши лагеря и транспорты, стараясь наносить намъ какъ можно болѣе вреда и препятствовать учрежденію новой линіи. Всѣ усилія ихъ въ этой странѣ оставались тщетными; но имъ удалось склонить на свою сторону сильнѣйшіе народы сѣвернаго Дагестана, какъ-то: Акушинцевъ, Казыкумыковъ, Каракайдаговъ и другихъ, которые, пользуясь малочисленностію въ то время русскихъ войскъ за Кавказомъ, производили по большимъ дорогамъ грабежи, и возмущали народы, съ давняго времени подвластные Россіи.

Для наказанія одного изъ главнѣйшихъ между ними, находящагося по близости г. Дербента, именно Башлинцевъ, посланъ былъ въ 1818 году отрядъ войскъ. Башлинцы пригласили на помощь къ себѣ всѣ сосѣдственные народы; болѣе же другихъ помогали имъ Акушинцы, сильнѣйшіе въ цѣломъ Дагестанѣ и до сихъ поръ еще славящіеся пораженіемъ самого Надиръ-Шаха при Иранѣ-Харабѣ въ 20 верстахъ отъ Дербента.

Отрядъ нашъ взомель въ городъ Башлы, окруженный лѣсами и крутыми возвышеніями, господствующими надъ нимъ, расположился въ его тѣсныхъ улицахъ. Внезапное нападеніе горцевъ, не дерзающихъ въ полѣ сражаться съ нами, было слѣдствіемъ неосторожнаго расположенія отряда, а отчаяніе нападающихъ и выгоды, которая доставлялъ свойственный имъ бой въ разсыпную, принудили Русскихъ отступить въ безпорядкѣ съ значительною потерей. Эта неудача послужила поводомъ къ общему торжеству для всѣхъ народовъ сѣвернаго Дагестана, въ числѣ коихъ

находились и владѣнія Уцмелъ, селенія терекменскія и другія, давно уже покорствовавшія российскому правительству, но съ того времени явно оказавшія непослушаніе. Тотъ же духъ непокорности распространился наконецъ и во владѣніяхъ шамхала Тарковскаго, человѣка лично преданнаго российскому престолу, но слабо управлявшаго народами, ему подвластными.

Старшины обществъ дѣлали воззванія къ народамъ, приглашая ихъ къ всеобщему вооруженію для истребленія враговъ, не вѣрующихъ въ Магомета, и положили всѣми силами помогать Чеченцамъ, а для главнаго управленія злоумышленными намѣреній своихъ избрали хана Казыкумыкского и Акушинцевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Дагестанѣ въ 1819 году, когда генералъ Ермоловъ вознамѣрился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Андреевской деревнѣ. Эта мѣра должна была положить предѣлъ всѣмъ набѣгамъ и грабежамъ Чеченцевъ. Окончательнаго построенія сей крѣпости нельзя было предположить прежде глубокой осени; но до того времени невозможно было оставить безъ наблюденія возмущившіеся народы въ Дагестанѣ, которые уже собрали значительныя силы для подкрѣпленія Чеченцевъ. При томъ затруднительное положеніе шамхала Тарковскаго, съ большимъ трудомъ удерживавшаго народъ свой отъ явнаго участія во всеобщемъ возмущеніи, требовало скорыхъ мѣръ къ отвращенію самыхъ пагубныхъ послѣдствій. Посему генералъ Ермоловъ положилъ немедленно собрать войска въ Дагестанѣ и нанести рѣшительный ударъ Акушинцамъ, какъ самому главному и храбрѣйшему въ томъ краѣ народу, вмѣшивавшемуся во всѣ чужія распри. Послѣдствіемъ пораженія Акушинцевъ неминуемо должно было быть усмиреніе и всѣхъ другихъ племенъ, хотя не столь сильныхъ, но также непокорныхъ.

Между тѣмъ экспедиція эта не могла быть предпринята прежде глубокой осени, а до того времени Дагестанцы, имѣя способы посылать значительныя подкрѣпленія къ Чеченцамъ, могли бы препятствовать окончанію крѣпости. Для отвращенія сего надлежало имѣть въ Дагестанѣ отрядъ войскъ, который непрерывно угрожалъ бы тамошнимъ народамъ и не позволялъ вооруженнымъ жителямъ собираться въ значительномъ числѣ. Крайняя малочисленность войскъ, которыми можно было располагать на этотъ предметъ въ Дагестанѣ, совершенная неизвѣстность мѣстоположеній гористаго и покрытаго лѣсами края, чрезвычайная трудность дорогъ для слѣдованія войскъ и перевоза орудій, были не

единственными затрудненіями къ исполненію сего предпріятія: надлежало еще отыскать, для командованія отрядомъ, генерала опытнаго, предпріимчиваго, рѣшительнаго и особенно быстрого въ движеніяхъ. Командиромъ отряда назначенъ былъ генераль-майоръ князь Мадатовъ.

Въ началѣ августа въ селеніи Исталярѣ соединился небольшой отрядъ войскъ, изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, роты артиллеріи, 500 казаковъ и 650 человекъ конницы, составленной изъ Карабахцевъ, Ширванцевъ и Шекинцевъ, которыхъ генераль-майоръ князь Мадатовъ, какъ областной начальникъ, склонилъ къ предпріятію похода противъ ихъ единовѣрцевъ. Первый и неслыханный дотоѣ примѣръ... Къ сему отряду присоединился съ 500 всадниковъ Асланъ-ханъ Куриискій, совершенно преданный російскому правительству.

Съ разсвѣтомъ, отрядъ находился на вершинѣ высокой горы, покрытой облаками; крутой и лѣсистый спускъ велъ къ полостьѣ ея, гдѣ видно было множество утхавшихъ огней. Это былъ непріятельскій бивуакъ, окружавшій селеніе Хошви....

Пальба и дикіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ. Изумленные неожиданнымъ нападеніемъ горцы не могли долго обороняться и бросились искать спасенія по единственному оставшемуся направленію въ ущелья... Въ этомъ дѣлѣ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было весьма немного... Въ числѣ раненыхъ находился и самъ возмутитель Абдуль-бекъ Герсинскій, зять бѣлаго Шихъ-Али-хана Дербентскаго, бывшаго долгое время въ Персіи и дружественно принятаго Аббасъ-Мирзою.... На другой день явились съ покорностію въ лагерь всѣ старшины шести табасаранскихъ магаловъ... Князь Мадатовъ именемъ государя объявилъ прощеніе всѣмъ имъ, исключая Абдульбека... поручилъ народъ въ управленіе зятю шамхала Тарковского, Абдуль-Равахъ-беку.... Такъ... покорена вся Табасарань.

Генералъ Ермоловъ, получивъ объ этомъ донесеніе отъ 22-го августа 1819 года, писалъ князю Мадатову между прочимъ: „Вы все то сдѣлали, чего только могъ я ожидать, и что, какъ знаю, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдульбека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ наши дѣла, ибо увидать непріятеля, что, не употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствиіе, подъ благоразумнымъ начальствомъ вашимъ, и самые жители сражаются

храбро. Зная хорошо отличную всегда службу вашу, возлагая на васъ порученія, я зналъ уже и самыя слѣдствія.“

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи о семъ государю императору, генералъ Ермоловъ, между прочимъ, говоритъ: „Излишними считаю похвалы храбрости офицера, имѣющаго счастье быть извѣстнымъ вашему величеству, но долженъ отдать справедливость, что разбитіе непріятеля, паче когда горскіе народы дали присягу соединиться противъ насъ, имѣеть большое вліяніе на наши дѣла, и что пріобрѣтенный генералъ-майоромъ княземъ Мадатовымъ успѣхъ принадлежитъ вѣрному его соображенію и быстрому исполненію предпріятія. Смѣю надѣяться, что ваше императорское величество, съ благоволеніемъ принять изволите, что генералъ-майоръ князь Мадатовъ разбилъ непріятеля одними татарскими войсками, и нѣтъ ни одного русскаго ни убитаго, ни раненаго.“

Отрядъ... расположился лагеремъ при редутѣ Дарбахъ, по большой дорогѣ къ Тарки... Многіе мятежные беки терекеменскихъ селеній, ближайшихъ къ лагерю, собравшись съ войсками въ подвластныхъ Эмиръ-Гамзѣ селеніяхъ: Улу-Тарекема, Джими-кентъ и въ мѣстечкѣ Берекей, принадлежащемъ Ибахъ-беку, старались возмущать Каракайдагъ. Владѣтель сей многолюдной и воинственной провинціи — Уцмей... Вскорѣ... въ терекеменскихъ селеніяхъ собрались всѣ беки съ войскомъ... Князь Мадатовъ... мгновенно напалъ на деревню Улу-Тарекема... вступилъ въ дѣло съ Лезгинами, разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ....

Между тѣмъ Уцмей не только самъ измѣнилъ, но склонилъ къ побѣгу и сына своего, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ Дербентъ, присягнулъ на вѣроподданство.

Жители терекеменскіе... не потерпѣли ни малѣйшей обиды... они просили назначить имъ изъ среды ихъ управляющаго всѣми табасаранскими (каракайдагскими?) селеніями; князь Мадатовъ возложилъ сію обязанность на Эмиръ-Гамзу-бека, ближайшаго родственника Уцмея.

...Узнавъ, что въ Башлахъ собрались непріятели, въ томъ числѣ 3.000 человекъ со стороны Уцмея, подъ командою Абдуль-бека Герсикокаго, и что Башлынды намѣревы сопротивляться Русскимъ, князь Мадатовъ отправился туда 4-го октября...

На другой день Башлынды, храбро оборонявшіеся, обратились въ бѣгство. Горцы скрылись въ лѣса и ущелья горъ. Побѣда стоила Русскимъ часть времени, трехъ

убитыхъ и 20 раненыхъ... Черезъ часъ явились старшины, присягнули на вѣроподданство императору...

20-го октября, первые лучи солнца озарили отрядъ уже въ быстромъ движеніи по дорогѣ къ городу Энгикенту, послѣднему убѣжищу Уцмея...

Князь Мадатовъ атаковалъ его 22 числа.. Войска наши заняли и Энгикентъ. Непрiятель, оставивъ, послѣ упорнаго сраженія, около 100 убитыхъ, разсѣялся, спасаясь стремительнымъ бѣгствомъ. Въ семь дѣлъ потеря наша состояла въ 4 убитыхъ и 7 раненыхъ. Народъ выгнавъ Уцмея изъ послѣдняго его убѣжища... Послѣ сего отрядъ предпринялъ обратный путь къ лагерю при редутѣ Дарбахѣ.

Итакъ въ три мѣсяца, съ горстью отважныхъ, въ мѣстахъ вовсе неизвѣстныхъ и большею частію неприступныхъ, князь Мадатовъ покорилъ всю Табасарань и весь Каракайдагъ, навсегда уничтожилъ владычество Уцмея, и тѣмъ заставилъ трепетать самыя отдаленныя племена дагестанскихъ народовъ.

Генераль Ермоловъ, свидѣтельствуя предъ лицомъ государя императора объ успѣхахъ князя Мадатова, писалъ: „Не могу, государь, довольно похвалить отличное служеніе генераль-майора князя Мадатова, коего каждое дѣйствіе служить доказательствомъ вѣрности, дѣятельности и храбрости неограниченныхъ; долженъ и то вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что, хорошо зная здѣшніе народы *, онъ употребляемъ здѣсь съ особенною пользою, имѣя способность внушить мусульманамъ усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества.“

По достиженіи первой и главнѣйшей цѣли, для которой составленъ былъ отрядъ князя Мадатова, онъ остался въ лагерь близъ Дербента ждать дальнѣйшихъ повелѣній генерала Ермолова, который, окончивъ въ сіе время построеніе въ Андреевской станицѣ крѣпости Везанной, намѣревался уже безъ отлагательства приступить къ покоренію Акушинцевъ, чему отрядъ князя Мадатова долженъ былъ содѣйствовать.

Вслѣдствіе предписанія генерала Ермолова, князь Мадатовъ 18 ноября выступилъ съ своимъ отрядомъ... Генераль Ермоловъ прибылъ съ значительными силами въ городъ Тарки, куда, для совѣщанія о дальнѣйшихъ пред-

* Князь Мадатовъ родился въ Карабагѣ.

пріятыя военныхъ дѣйствій, приглашенъ былъ и князь Мадатовъ.... Въ селеніи Шора отрядъ князя Мадатова соединился съ частию войскъ генерала Ермолова. Князю Мадатову вѣрнее было командованіе авангардомъ.... По мѣрѣ приближенія авангарда къ селенію Урума (первому акушинскому, у подошвы высотъ Калантау)... по ту сторону села, въ разстояніи почти 10-ти верстъ, виденъ былъ высокій хребетъ горъ, представляющій амфитеатромъ три высоты, постепенно понижающіяся къ сторонѣ селенія. Горы сіи были усыяны толпами народа, скопившагося въ безчисленномъ множествѣ около небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ развѣвались сотнями разноцвѣтными знаменами. Это была первая укрѣпленная позиція двадцати-тысячнаго акушинскаго ополченія. 12-го декабря авангардъ занялъ селеніе Урума безъ выстрѣла.

16 числа прибылъ генералъ Ермоловъ съ главными силами. Вскорѣ явились уполномоченные старшины Акушинскаго народа. Генералъ Ермоловъ пріялъ ихъ ласково. Неожиданный пріемъ произвелъ на нихъ дѣйствіе совершенно противное тому, которое произвелъ бы онъ на представителей народовъ образованныхъ: вѣжливость генерала была приписана страху и желанію кончить всѣ распри миролюбиво. Надобно сознаться, что трудности мѣстоположенія, по которому войска должны были проходить въ сіе позднее время года, и несравненно важнѣйшія затрудненія, которыя еще предстояли, какъ при самомъ овладѣніи крѣпчайшею позиціей, защищаемою многочисленнымъ войскомъ, такъ и дальнѣйшее послѣ того слѣдованіе, къ самому городу Акушѣ, лежащему въ 80 верстахъ отъ оной, и при томъ по мѣстамъ чрезвычайно гористымъ, весьма населеннымъ и вовсе намъ неизвѣстнымъ, подали старшинамъ поводъ усомниться въ успѣхѣхъ предпріятія. Ежели присовокупить къ сему славу непобѣдимости, которая искони приписывалась этому народу въ Дагестанѣ, особенно же со времени разбитія войскъ страшнѣйшаго во всей Азіи завоевателя Надиръ-шаха, то самонадѣянность уполномоченныхъ старшинъ народа Акушинскаго объяснится весьма естественнымъ образомъ.

Самыя умѣренныя предложенія генерала Ермолова къ возобновленію согласія и предупрежденію пролитія крови были отвергнуты съ высококомѣриемъ.

Упорство старшинъ акушинскихъ, обнаружившее мнѣніе всего народа, огорчило генерала Ермолова... Какъ вовсе неудобно было дѣйствовать съ успѣхомъ артиллеріей, въ коей состоитъ главное преимущество оружія нашего

противъ горцевъ, то генералъ Ермоловъ весьма основательно страшился потерять, можетъ-быть, нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ... и приступилъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ... съ особенною осторожностію и осмотрительностію. Въ продолженіе двухъ дней предпринимаемы были форсированныя рекогносцировки по всему фронту непріятельской позиціи, пролегавшей по тремъ хребтамъ горъ, параллельно одинъ надъ другимъ возвышающимся; все протяженіе оной составляло около 10 верстъ, примыкая обоими флангами къ неприступнымъ утесамъ. У подошвы хребта праваго фланга позиціи пѣнилась рѣчка Манась и пролежала дорога въ Акушу; продолженіе же сего высокаго и скалистаго хребта, отвѣсно какъ бы разсѣченнаго рѣчкою, не было занято непріятелемъ, вѣроятно потому что онъ чрезвычайно гористыя мѣста, лежащія по ту сторону рѣчки, почиталъ совершенно неприступными. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе генерала Ермолова, поему онъ лично предпринялъ усиленную рекогносцировку. Непріятель почелъ ее за намѣреніе начать рѣшительный приступъ, и нисколько не препятствуя движенію генерала, съ большимъ крикомъ ожидалъ его въ своихъ укрѣпленіяхъ.

Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что непріятельскою позиціею можно овладѣть безъ большой потери, если только откроется хотя малая тропинка, ведущая къ возвышеніямъ по ту сторону рѣчки, тропинка, по которой бы возможно было втащить артиллерію. Но ближайшее подробное разысканіе мѣстности не могло быть предпринято днемъ; ибо всѣ эти мѣста были открыты взорамъ непріятели, для коего намѣреніе сіе должно было оставаться тайною, дабы онъ не занялъ крутыхъ возвышеній, лежащихъ по ту сторону рѣчки, и тѣмъ не уничтожилъ послѣдней надежды къ отысканію средствъ обойти позицію. Для отвращенія подозрѣній и чтобы не дать повода непріятелю думать, что обозрѣвающіе обращаютъ какое-либо вниманіе на означенныя высоты, войска возвращались въ лагерь вдоль подошвы хребта, занятаго непріятелемъ, и останавливались при каждомъ выходящемъ изъ онаго ущеліи, какъ бы отыскивая удобныхъ мѣстъ для приступа. Едва только смерклось, какъ нѣсколько Татаръ и линейныхъ казаковъ были посланы для отысканія дорожки къ упомянутымъ высотамъ. Около полуночи они возвратились и привезли радостное извѣстіе, что есть тропинка, хотя весьма трудная, по которой съ помощію людей можно будетъ артиллерію втащить на высоты. Въ два часа приказано было всѣмъ войскамъ выступить (19-го декабря).

Огни непріятельскіе уже угасали, когда весь отрядъ находился не даѣе, какъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленій; передовые посты повидимому заснули, ибо они ничѣмъ не возвѣстили о приближеніи Русскихъ. Это благоприятное обстоятельство не только дало генералу Ермолову время расположить главныя силы отряда въ надлежащій боевой порядокъ, но и доставило возможность князю Мадатову, долженствовавшему ночью обойти правое крыло непріятельской позиціи, преодолѣть неимоверныя препятствія, которыя природа представляла слѣдованію войскъ съ артиллеріей по тропинкѣ, едва проходимой для однихъ пѣшихъ. Когда совершенно разсвѣло, непріятель съ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою главныя силы генерала Ермолова, а съ праваго фланга позицію обходенную отрядомъ князя Мадатова.

Генералъ Ермоловъ первый открылъ огонь изъ орудій. Невозможно было дѣйствовать пѣхотою, по причинѣ неприступности непріятельской позиціи, которая, сверхъ всего, еще была укрѣплена тремя линіями редутовъ. Къ счастью, отрядъ князя Мадатова успѣлъ уже занять главныя высоты безъ выстрѣла. Безчисленныя толпы непріятельскія, видя опасность съ праваго фланга, въ большихъ силахъ спѣшили перейти за рѣчку, и съ ужаснымъ крикомъ и ругательствами бросились на его отрядъ, который встрѣтилъ ихъ картечью, а вся пѣхота, раздѣленная на три колонны, бросилась въ штыки. Непріятель нигдѣ не выдерживалъ атаки и бѣжалъ съ одной позиціи на другую на пространствѣ 5 верстъ; тогда отрядъ князя Мадатова по мѣстоположенію не только уже находился во флангѣ непріятельской позиціи, но даже, къ счастью, и высоты, имъ занимаемыя, господствовали надъ оною въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя отдѣлялись отъ оной непроходимымъ оврагомъ, орошаемымъ рѣчкою Манасъ. Не взирая на уронъ, наносимый горцамъ дѣйствіемъ артиллеріи генерала Ермолова, они не поколебались въ своей позиціи, а старались только укрываться за укрѣпленіями, пока артиллерія князя Мадатова съ праваго фланга открыла жестокою пальбу вдоль всей ихъ линіи; тогда, не выдержавъ перекрестнаго огня, они обратились въ бѣгство такъ стремительно, что многіе убились, падая съ отвѣсныхъ скалъ, и спасшіеся въ короткое время скрылись въ безчисленныхъ ущельяхъ горъ. По собственному признанію непріятелей, силы ихъ простирались за 15 тысячъ человекъ; между ними были измѣнники: Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, Удмей Каракайдагскій, Сурхай, сынъ хана Казыкумыкского, и другіе не стоавъ

значашіе владѣльцы. Кромѣ акушинскихъ войскъ, были тутъ и собственныя имъ народы Дагестана. Послѣ сего славнаго дѣла весь отрядъ имѣлъ ночлегу у селенія Лаваша, по коему наименовало и сраженіе сіе, стоившее намъ только 28 человекъ убитыми и ранеными.

Отъ селенія Лаваша до города Акуши отрядъ совершилъ три перехода въ два дня, несмотря на трудности и встрѣчаемыя на каждомъ шагѣ препятствія, представляемая природою, въ особенности въ столь позднее время года. По приказанію генерала Ермолова, князь Мадатовъ, по прибытію въ Акушу, въ большой мечети сего города привелъ кадіевъ онаго и старшинъ всѣхъ акушинскихъ селеній къ присягѣ, которую они соблюдали столь свято, что, шесть лѣтъ спустя, когда Персіане вторглись въ Грузію, Акушинцы не только не участвовали въ мятежахъ, но прислали къ главнокомандующему генералу Ермолову всѣ письма Персіанъ, коими ихъ уговаривали къ возстанію противъ Русскихъ, общая имъ богатые подарки и большія суммы денегъ.

Побѣда, одержанная подъ Лавашею, имѣла еще то важное послѣдствіе, что Сурхай-ханъ Казыкумыкскій, съ сильнымъ ополченіемъ въ этотъ самый день ворвавшійся уже у Чираха въ Курахскую провинцію, въ коей у насъ, какъ и въ Кубинской, оставалось весьма немного войскъ, услышавъ о пораженіи Акушинцевъ, поспѣшно возвратился въ Казыкумыкъ, и край сваясь отъ неисчислимыхъ бѣдствій, всегда сопровождающихъ удачный набѣгъ полудикихъ Кавказцевъ.

Въ 1820-мъ году возобновленъ былъ походъ въ сѣверный Дагестанъ, и начальство надъ войскомъ, назначеннымъ въ эту экспедицію, вѣрено было князю Мадатову. Поводомъ къ походу было возмущеніе Сурхай-хана Казыкумыкского, который, нарушивъ присягу, принялъ сторону Чеченцевъ.

Ваяъ-Галевъ (находившійся въ чинѣ майора въ отрядѣ князя Мадатова) въ своихъ запискахъ... сказываетъ, съ какимъ благоразуміемъ и осторожностію обходился князь Мадатовъ съ ханами, отъ коихъ, по предписанію генерала Ермолова, долженъ былъ требовать вспомогательныхъ войскъ для усиленія татарскою конницею русскаго отряда...

Аславъ-ханъ Кюрийскій назначенъ командующимъ всею татарскою конницею.

(Въ селеніи Хозрекъ) готовилось отчаянное сопротивленіе... Непріятель бѣжалъ... Русскіе преслѣдовали....

(Хорошее обращеніе Русскихъ съ жителями Хозрека) убѣдило жителей Казыкумыка, что война была ведена не съ ними, а съ вѣроломнымъ притѣснителемъ ихъ (Сурхай-ханомъ, котораго они и не впустили болѣе въ городъ). А... Асланъ-ханъ былъ объявленъ владѣтелемъ ханства Казыкумыкского и вступилъ въ управленіе... Старшины присягали на вѣрноподданство императору....

Дорогою (отъ Казыкумыка) князь принималъ отъ старшинъ разныхъ мѣстъ присягу на вѣрность императору Всероссийскому. Въ числѣ ихъ былъ и акушинскій кадіб, чрезъ котораго сурхайскіе жители, утраченные покореніемъ Казыкумыка, просили помилованія....

Такимъ образомъ окончена въ двѣ недѣли война въ Казыкумыкѣ, тогда какъ предполагали, что она продолжится нѣсколько мѣсяцевъ....

Главнокомандующій, генералъ Ермоловъ, отдалъ слѣдующій приказъ: „Еще наказуя противныхъ, надлежало, храбрые воины, возвести знамена наши на вершины Кавказа и войдти съ побѣдою въ ханство Казыкумыковъ. Сильнымъ мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ это приказаніе, и вы, не пріятеля въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжить коварный Сурхай-ханъ и владѣнія его вступили въ подданство великому нашему Государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ.

„О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу императору: знаетъ онъ и труды воиновъ и опасности раздѣлять съ вами.“

Князь Мадатовъ, возвратясь изъ этихъ походовъ, которыхъ послѣдствіемъ было совершенное покореніе сѣвернаго Дагестана, занялся благоустройствомъ ханствъ, порученныхъ его управленію. Они, въ особенности въ это время, требовали необходимаго наблюденія, по причинѣ побѣга хановъ въ Персію, Ширванскаго въ 1820-мъ году и Карабахскаго въ 1822-мъ году. Оставленные ими ханства, многояднѣвшія и богатѣвшія изъ всѣхъ закавказскихъ областей, поступили въ завѣдываніе російскаго правительства. Надлежало приучить къ повиновенію людей, чуждыхъ гражданскому благоустройству....

Во все время (управленія русскаго) ханства эти процвѣтали и наслаждались полнымъ спокойствіемъ и внутреннею безопасностію, отчего вошла въ употребленіе по-словица, что „женщина въ Карабагъ можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ.“

....Въ 1825 г.... одними жителями, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства.... была совершенно устроена дорога отъ Аскерана въ кр. Шушу и оттуда почти до Ахъ-Оглана. Съ того времени.... купечество избавилось отъ затрудненія, стѣснявшаго торговлю.

....Размножены и улучшены шелковичные сады, которые въ Ширванской и Шекинской провинціяхъ приносятъ правительству значительный доходъ.... Князь Мадатовъ старался поощрять жителей къ распространенію и улучшенію разныхъ отраслей земледѣльческой промышленности. Съ этою цѣлю онъ производилъ въ собственномъ своемъ имѣніи, въ Карабагъ, первые удачныя опыты посѣвовъ сѣмянъ хлопчатой бумага, выписанныхъ съ острова Бурбона, заботился объ улучшеніи конскихъ заводовъ, изъ которыхъ карабахскіе славились въ особенности во всемъ Закавказскомъ краю и даже въ Персіи. Въ 1823-мъ году приступлено было къ точному опредѣленію границъ между Россіей и Персіей, на основаніи трактата гюлистанскаго. Между назначенными на этотъ конецъ съ обѣихъ сторонъ уполномоченными комиссарами произошли несогласія, для прекращенія которыхъ генералъ Ермоловъ позволилъ князю Мадатову имѣть личное свиданіе съ Аббасъ-Мирзою.

Письмо Ермолова къ барону Петру Ивановичу Меллеру-Закомельскому *.

„Моздокъ 15 декабря 1818 года.

Достойный и всѣми почитаемый начальникъ!

Мнѣ кажется, все вниманіе ваше обращено было на Ахенъ, и вы страну Кавказа не удостоиваете минутою воспоминанія. Теперь отдохнули вы, ибо судить по видимому возможно, что судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ; даже самые вѣмецкіе редакторы, все обыкновенно предуглаживающіе, не грозятъ намъ бурей несогласія и вражды.

* Бывшій инспекторъ артиллеріи.

Спокойно стаканъ пива наливается мирнымъ гражданомъ, къ роскошному дымку настера не прижвшивается дымъ пороха, и картофель растеть не для реквизицій. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звукомъ оружія. Съ Чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, пѣвляя ихъ простотой и невинностью лагерной жизни, но никакъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилъ превращать ихъ въ бивуакъ, столь удобно уравнивающій всѣ состоянія. Только успѣлъ приучить ихъ къ нѣкоторой умеренности, отнявъ лучшую половину хлѣбородной земли, которую они уже не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права—права сильнаго! Они противятся. Съ ними опредѣлялъ я систему медленія, и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: „Я медленно спѣшу“. Здѣсь мало истребилъ я пороку, почтеннѣйшій начальникъ; но одинъ изъ вѣроподданнѣйшихъ слугъ нашего государя вырвалъ меня изъ этого бездѣйствія; онъ мучился совѣстью, что безъ всякихъ заслугъ возведенъ былъ въ достоинство хана, получилъ чинъ генералъ-майора и 5.000 руб. въ годъ жалованья. Собралъ войска, онъ напалъ на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, успѣха не имѣлъ, былъ отраженъ, но отрядъ нашъ не былъ довольно силенъ, чтобъ его наказать. Я выступилъ, и когда нельзя было ожидать, чтобъ я въ глубокую осень появился въ горы, я прошелъ довольно далеко, * прямо къ владѣніямъ измѣнника, разбилъ, разсѣялъ Лезгинъ и землю *важъно обработалъ*. Вотъ что значитъ *отложиться*. Сдѣлалъ често и роптать на меня нельзя; вѣдь я не шелъ *на задоръ*, и даже князь П. М. Волконскій придаться не можетъ: неужели потерять дерзость Лезгинъ? Однако, поговорите съ нимъ, почему я слышу не совсѣмъ покойнымъ человекомъ; по справедливости, надлежало бы спросить предѣстниковъ моихъ, почему они, со всею ихъ патриаршею кротостію, не умѣли внушить горцамъ благочестія и миролюбія? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, упрекнуть нельзя, чтобъ я металъ бисеръ предъ свиньями; я уже не берусь дѣйствовать на нихъ силою Евангелія, да и самой Библіи жаль для скихъ омраченныхъ невѣжествомъ. Итакъ 30 ноября я возвратился на дикію и собираюсь теперь въ Грузію, можетъ-быть пѣшкомъ, какъ въ апрѣлѣ переходилъ горы. Проклятая

* Въ письмѣ къ Д. В. Давыдову (см. ниже), между другими подробностями, Ермоловъ говоритъ: „я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа и даже уже не было пути“.

гора Казбекъ не уважаетъ проконсула Кавказа. Вотъ, батюшка Петръ Ивановичъ, какую здѣсь должно жить вѣсти; тому, кто хочетъ служить усердно, не много случится сидѣть на мѣстѣ; за то въ Тифлисъ возвращусь, какъ въ роскошаю столицу; а чтобы таковою показалаь она, стоить прожить семь мѣсяцевъ, не выдавши крышки. Но должно ли спросить, чего добиваюсь я такими мученіями? Станешь въ пень съ отвѣтомъ. Я думаю, что лучшая причина тому та, что я терпѣть не могу безпорядковъ, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здѣшніе горекіе народы, смѣютъ противиться власти государя. Здѣсь нѣтъ такого общества разбойниковъ, которое не думало бы быть союзниками Россіи. Я того и смотрю, что отправять депутаціи въ Петербургъ съ мирными трактатами! Никто не повѣритъ, что многіе подобные тому депутаты бывали принимаемы.

Напишите, почтеннѣйшій начальникъ, какъ вы живете? Занимаетъ ли васъ пріятнѣйшее увеселеніе—театръ, и столица, воспріявшая блескъ отъ возвращенія государя, представляетъ ли вамъ развлеченіе, или каминъ принимаетъ вѣрныя ваши размысленія?

Продолжите милостивое расположеніе ваше покорнѣйшему слугѣ

Ермолову.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Рапортъ вашего сіятельства о выступленіи съ отрядомъ за рѣку Самуръ получиль. Когда сберется пѣхота и артиллерія, долженствующія въ отрядъ вашъ поступить въ скоромъ времени, вы, остановясь въ Кюрагскомъ округѣ и наблюдая дорогу въ Табасаранъ, соберите свѣдѣнія о движеніи Шихъ-Али-хана, который, какъ извѣстно мнѣ досто-вѣрнѣйшимъ образомъ, настоятельно требовалъ отъ Акушинцевъ идти на Кубинскую провинцію, обѣщая имъ, что приверженные ему люди облегчатъ успѣхъ предпріятія. Происшедшая тогда между Акушинцами ссора и убійство оставовиди исполненіе намѣренія, но какъ многіе весьма были согласны съ онымъ, то легко ожидать возможно, что, узнавъ о прибытіи вашемъ съ войскомъ, а паче не подалеку отъ

Табасарана, гдѣ живетъ мотенникъ Абдуль-бекъ Герсинскій, зять Шихъ-Али-хана, сей послѣдній собереть шайку разбойниковъ. Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство стараться будете выманить ихъ на чистыя мѣста и истребить превосходствомъ вашей конницы. Если же Акушинцы возьмутъ участіе въ предпріятіяхъ Шихъ-Али-хана, то могутъ они имѣть большія силы, и тогда, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, каковыя можно имѣть чрезъ Асланъ-хана Кюринскаго, вамъ надобно съ большею осмотрительностію расположить ваши дѣйствія, всегда согласуя оныя съ главнѣйшею цѣлью, которая въ томъ состоитъ, чтобы до общаго движенія, осенью, охранить спокойствіе Кубинской провинціи и не допустить непріятели ворваться въ оную. Еслибы случилось, что Акушинцы пришлютъ къ вамъ письмо или людей для переговоровъ, принимая ласково, вы скажите имъ, что отъ начальства воспрещено вамъ входить въ ихъ земли и дѣлать имъ зло; но если они, сопровождая Шихъ-Али-хана или другихъ, желающихъ дѣлать вредъ Русскимъ, вступятъ на земли наши, вы должны разумѣть ихъ непріятелими. Письменно не давайте имъ никакихъ обѣщаній, отзываясь, что испросите моего на то разрѣшенія. Отъ генераль-майора барона Вреде узнаете людей, вамъ вѣрныхъ въ Табасаранѣ, которымъ, въ случаѣ дѣйствій, давать защиту, и войска ваши воздерживать отъ угнетенія ихъ. Вообще прошу ваше сіятельство имѣть въ виду, что единодушное дѣйствіе съ начальствующимъ въ провинціи дастъ вамъ лишнія средства къ исполненію порученія. Въ разсужденіи Эмиръ-Гамзы и брата его, вы снеситесь съ генераль-майоромъ барономъ Вреде, который имѣетъ на сей предметъ наставленіе.

Уцмѣй Карадакайдагскій не упуститъ вступить съ вами въ сношеніе, ибо онъ всѣми пользуется случаями оказать вамъ преданность, когда то не стоить ему ни труда, ни малѣйшихъ пожертвованій, и когда надѣется онъ, ничего болѣе въ пользу нашу не дѣлая, сохранить къ себѣ довѣренность непріятели нашихъ. Ему вы, какъ человекъ посторонній, откровенно будете говорить, что не такимъ, какъ его, поведеніемъ, доказывается вѣрность государю, и что того не довольно, чтобъ явно не участвовать въ намѣреніяхъ непріятели, но должно вѣроподобно быть явно противъ оныхъ.

О важныхъ происшествіяхъ давайте мнѣ знать, отъ меня будете получать нужныя, по обстоятельствамъ, предписанія.

Генераль Ермоловъ.

1 августа 1819 г. Андрей.

II.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Не находя нужнымъ дѣлать повторенія прежнихъ моихъ предписаній, зная, сколько ваше сіятельство вѣрно исполните оныя, скажу только вамъ о дѣланныхъ происшествіяхъ.

Мошенникъ, аварскій ханъ, возмущаетъ окрестныя горскіе народы, обѣщая симъ легковѣрнымъ, едва, по глупости своей, уподобляющимся людямъ, что онъ истребитъ насъ можетъ. Чеченцы пришли уже, въ небольшихъ силахъ, и, въ ожиданіи прибытія другихъ, укрываются въ лѣсахъ, не подалеку; Лезгины не всѣ еще въ собраніи. Мошенникъ разсвѣдаетъ слухи, что многіе народы идутъ съ нимъ для освобожденія вѣры, но, вмѣсто того, и то не весьма большое число, которое успѣлъ онъ обмануть, идетъ не съ большою охотой.

Не думаю, однакоже, чтобы мошенникъ снискалъ столько довѣренности, чтобы подъ начальствомъ его стали они драться съ нами, или, если нѣкоторые и могутъ столько быть глупы, то, по обыкновенному порядку, бѣжитъ онъ прежде всѣхъ. Большая часть людей, коихъ онъ ведетъ, не видывали еще Русскихъ и не знаютъ силы ихъ оружія. Одну можемъ мы испытать неприятность, что мошенники сіи, струся, лишатъ насъ возможности наказать ихъ, и лѣса повсюду въ окрестности скроютъ подлое ихъ бѣгство.

Большая часть селеній, принадлежащихъ андреевскимъ владѣльцамъ, въ заговорѣ съ Лезгинцами и дали мошеннику Султаны-Ахметъ-хану присягу, что будутъ исполнять его волю.

Послѣ завтра одинъ изъ полковъ, идущихъ изъ Россіи, будетъ сюда въ лагерь.

Генералъ Ермоловъ.

15 августа 1819 г. Андрей.

III.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову

Получивъ рапортъ вашего сіятельства, поздравляю васъ съ успѣхомъ. Вы все то сдѣлали, чего только могъ я желать, и что, знаю я, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдулъ-бека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ ваши дѣла, ибо увидать непріятеля, что, и употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ

начальствомъ вашимъ и самыя жители сей страны сражаются храбро. Зная отличную хорошо всегда службу вашу, возлагая на васъ порученіе, я зналъ уже и самыя сѣдствія, и мнѣ остается только предложить вамъ въ совѣтъ, чтобы вы имѣли въ виду, сколько коварны окружающіе васъ непріатели.

По окончаніи столь счастливой экспедиціи и покореніи столько быстромъ всего Табасарана, вамъ нужно будетъ приблизиться къ Дербенту, ибо по трудности пути неудобно вамъ имѣть продовольствіе въ отдаленіи отъ оного.

Поручивъ вѣрнымъ людямъ управленіе Табасараномъ, нельзя не надѣяться, чтобы, для собственной пользы, не употребляли они всѣхъ средствъ для защиты оного. Впрочемъ, еще въ некоторое время, и ваше сіятельство должны находиться по близости, и одна боязнь присутствія вашего положить границы дерзости Абдуль-бека: развѣ Шихъ-Али-ханъ сыщеть помощь Акушинцевъ, но въ такомъ случаѣ вы въ правѣ послать имъ сказать, чтобъ они не въ принадлежація имъ дѣла не мѣшались, ибо войска россійскія не идутъ на ихъ владѣнія, и потому не должны они брать участія въ дѣлахъ ихъ непріателей.

Государю императору донесу я обстоятельно о дѣйствіяхъ вашихъ.

22 августа 1819 г. Андрей.

Письмо Ермолова къ князю Мадагову.

Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ славно!

Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу. Теперь не время помышлять имъ о истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ.

Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, гдѣ службѣ царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе.

Еслибы могъ я столько положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столько было бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности, и не мало еще сдѣлаешь по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ.

Ты не воображаешь, сколько я восхищенъ, что подѣ тво-

имъ начальствомъ служатъ Татары храбро. Я все то опишу въ рапортѣ государю и увѣрю, что онъ будетъ весьма доволенъ.

По причинѣ невѣрности въ сообщеніяхъ буду я впредь писать тебѣ такъ, чтобы бумага, доставшись въ руки неприятеля, ничего не могла открыть ему.

Ne provoquez point les Akouschi, je voudrais qu'ils fussent tranquilles jusqu'à mon arrivée en Daguestan. S'ils veulent prendre la défense d'Abdulla Beck, vous prendrez alors une position pour défendre Kouba d'une invasion. Quoique votre détachement n'ait pas des forces considérables, ils ne descendront pas dans la plaine pour vous attaquer, et vous pourrez, en cas qu'ils hasardent quelques parties, tomber sur eux avec votre cavalerie, car ils ne peuvent en avoir ni d'aussi bonne que la vôtre, ni même de plus forte. Je ne prétends pas que vous restiez toujours dans la position, je veux seulement, que s'ils allaient passer le Samour, vous soyez à portée de le leur défendre, ou les battre au passage; car si vous passiez d'abord—vous ne pourriez le faire à tems. Vous savez que la province de Kouba reste sans troupes et Schih-Ali-Khan y a beaucoup de partisans.

Je crois que la défaite d'Abdulla-Beck, produit une terreur dans les montagnes et n'influera pas peu sur la conduite du scélérat Sourhai-Khan, dont vous devez strictement observer toutes les démarches; aussi bien que du traître Mustapha, sans toutefois les aigrir tous les deux, jusqu'à un certain tems.

Je désirerais que les sujets d'Outzmei lui fussent obéissants, mais soupçonneux et fourbe comme il est, il ne les emploie pas contre nous. Tâchez de lui insinuer que sans la protection du gouvernement il ne peut que perdre, et que jamais il n'y aura de repos dans ses possessions.

Adieu cher Madatow; je n'ai qu'une chose à vous recommander, c'est de prendre garde aux Akouschis, et qu'ils ne vous arrivent avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement retrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort à nos affaires. Tâchez de tenir la plaine où vous serez invincible, mais quittez au plutôt le pays montagneux de Tabassaran, d'où il ne vous sera pas facile de sortir en leur présence.

У меня нѣсколько дней жилъ нашъ Франкъ, бывшій при Воронцовѣ. Онъ былъ у водъ и вчера только поѣхалъ отсюда. Не можно представить, какія забавныя разказываетъ онъ вещи.

Вѣрный Ермоловъ.

22 августа 1819 г. Андрей.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Государю императору донесъ я о дѣйствии вашемъ въ Табасарани, отдавая должное уваженіе благоразумнымъ распоряженіямъ вашего сіятельства и быстрому исполненію оныхъ.

Я не упустилъ поставить на видъ довѣренность, снискавную вами у подчиненныхъ вамъ мусульманъ, которые столько храбро сражаются подъ вашей командой.

Мнѣ не менѣе пріятно будетъ донести и о послѣднихъ успѣхахъ, приобретенныхъ вами надъ Эмиръ-Гамзою и прочими собравшимися съ нами нашими непріятелями. Изъ послѣднихъ дѣйствии вашихъ сузу я, что долженъ быть большой страхъ между врагами нашими, ибо и добыча досталась войскамъ богатая, и что всего болѣе, что захвачены были жены и дѣти. Здѣсь рѣдки весьма подобные случаи, и потому должны производить полезное впечатлѣніе и послужать къ убѣжденію ихъ уклоняться безпокойствъ и искать покровительства нашего. Потеря имущества не легко и не скоро вознаграждается. Одобряю весьма, что возвратили захваченныхъ женщинъ; не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что Русскіе великодушно даруютъ и самую жизнь, когда не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты. Весьма хорошо дозволили сдѣлать, что нукеровъ отправили въ крѣпостную работу въ Дербентъ. Они не прежде должны получить свободу, какъ господа ихъ окажутъ намъ опыты несомнѣнной вѣрности. Въ разсужденіи плѣнныхъ, предлагаю вашему сіятельству, къ соблюденію впредь, слѣдующія замѣчанія: ввзуть войскамъ, чтобы не защищающагося, или паче бросающаго оружіе, щадить непремѣнно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо, и тѣмъ пользуясь, не обременять себя излишнимъ и тягостнымъ числомъ плѣнныхъ; отдавшихся, по усмотрѣнію, освобождать, но всегда удерживать бековъ и всякихъ приближенныхъ людей и служителей, принадлежащихъ измѣнникамъ, противъ насъ дѣйствующимъ; и тѣхъ и другихъ отправлять въ крѣпостныя работы, какъ то весьма основательно сдѣлали ваше сіятельство съ нукерами Ибахъ-бека.

11 сентября 1819 г. Андрей.

II.

(Писано на французскомъ.)

Господинъ генералъ-майоръ князь Мадатовъ!

Гнусная измѣна Удмея въ то время, когда вы заботились единственно о благѣ его семейства и о средствахъ возвратитъ ему милости правительства, поставила васъ въ необходимость прибѣгнуть къ оружію, и я вполне доволенъ какъ мѣрами, благоразумно вами принятыми, такъ и исполненіемъ оныхъ, доказывающимъ дѣятельность и мужество, васъ отличающія. Многочисленные народы, противъ коихъ вы должны дѣйствовать, не могутъ быть имаче предупреждаемы въ своихъ предпріятіяхъ, какъ быстротою, вами такъ успѣшно приводимомъ въ дѣйствіе; возвращаясь всегда въ вашъ укрѣпленный лагерь, вы лишаете ихъ способозъ нападать на васъ и оставляете ихъ въ неизвѣстности о вашихъ намѣреніяхъ.

Они не будутъ въ возможности долго переносить сего тягостнаго для нихъ положенія; дѣйствуя такимъ образомъ съ малочисленнымъ вашимъ отрядомъ, вы избрали самый лучший путь къ достиженію желаемого успѣха. Я васъ прошу, генералъ, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Удмеемъ, развѣ только если сей послѣдній согласится послать старшаго своего сына въ видѣ аманата въ Дербентъ, и побудить своихъ подданныхъ присягнуть въ вѣрности государю императору. Вы не должны съ нимъ имѣть свиданій, ни переписываться, и я долженъ еще вамъ замѣтить, господинъ генералъ, что вы поступили не совсѣмъ благоразумно, принявъ приглашеніе Удмея видѣться съ нимъ въ Иранъ-Харабъ, ибо сей злодѣй готовъ рѣшиться на всякое преступленіе. *

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Демисъ!

Какъ житель Азіи, неловкій и одичавшій, изъ мрачнаго Дагестана нашель время писать къ тебѣ, парующему между друзьями, среди шумныхъ веселостей контрактовъ; но, любя

* Переговоры съ непріятелемъ князь Мадатовъ всегда велъ лично, не страшась коварства горцевъ, являясь на мѣста, назначенныя для свиданія, безъ оружія, чтобы показать, что онъ не подозреваетъ никакой измѣны, и твердо былъ утѣренъ, что, перемѣнивъ въ этомъ свой образъ дѣйствій, онъ потерялъ бы то вліяніе на эти народы, которое успѣлъ приобрести.

тебя, забылъ непріятіе времени. Благодарю за письма, хотя, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдкія; скажу коротко и о себѣ, ибо Александръ Раевскій, сопутствующій мнѣ изъ любопытства видѣть здѣшній край, или, лучше сказать, бѣжавшій отъ лѣкаря, истреблявшаго горькіе плоды сладостивѣйшихъ воспоминаній, и долгое время шатавшійся со мною въ горахъ, подробно тебѣ обо всемъ перескажетъ. Мнѣ остается прибавить, что я пріятное лицо мое омрачилъ густыми усами; ибо, не павляя именовъ, не бесполезно страшить наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста.... Я многихъ, по необходимости, придерживаюся азіатскихъ обычаевъ, и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ нравовъ не можетъ укротить мягкосердіемъ. И я вѣшу кивчалъ, безъ котораго ни шагу. Тебѣ истолкуетъ Раевскій слово *канлы*, значащее взаимную вѣжливость. Онѣ здѣсь освящены закономъ, утверждены временемъ и приняты частвѣншею нравственностію. Мы въ подобныхъ случаяхъ не столько великодушны, и взаимная вѣжливость покрываемъ тайною. Я думаю вѣхать нынѣшнюю зиму въ Петербургъ и приготовляюсь на оныя. Не обвиняйте меня, если я появлюсь въ панцырѣ. Тутъ плохо будетъ со мною раздѣлываться. Скажи, братъ любезный, проса меня достать тебѣ бурку, не подозрѣвалъ ли ты чего о щеголеватомъ одѣяніи? Я бы жалѣлъ о тебѣ, ибо ты многимъ уже пріятностями въ жизни долженъ быть привязанъ къ спокойствію.

Еще скажу тебѣ, что я половину каждаго года, иногда и болѣе, проживаю въ лагерѣ, шатаюсь по горамъ, непріятелю повсюду, измѣны рождаются новыя на каждомъ шагу, спокойствія нѣтъ, трудовъ много и славы никакой! Недавно кончилъ я въ здѣшнемъ родѣ знаменитую экспедицію: Раевскій тебѣ о ней скажетъ. Счастіе, лаская меня, кажется, себя вѣжить, мнѣ все достается дешевымъ образомъ, хотя друзья мои въ столицахъ ежегодно меня и моихъ товарищей по нѣскольку разъ убиваютъ. Боюсь, чтобы не явилось много Язюмовъ, смотря на мое счастіе. Здѣсь золота уже ни золотника дажно не находятъ.

Прощай, поклонись сестрѣ и поцѣлуй ручку. Досадно мнѣ, что письмо, посланное чрезъ канцелярію Арсенія Андреевича, могло не дойти до тебя. Я поздравляю тебя съ женитьбой, писалъ вмѣстѣ и къ сестрѣ любезной, новой родной моей.

Вѣрный Ермоловъ.

6-го января, 1820 г. С. Парауль, въ Дегеставѣ.

П. П. Посылаю тебѣ приказъ мой въ войска. По сему

предмету хвастать мечѣмъ, въ старину все выболтано, но хочу, чтобы видѣлъ ты, что не многіе смѣли называть солдаты товарищами, и еще менѣе печатать то, когда прочитываемо оно бываетъ. Приказъ возьми у Раевского, свидѣтеля жизни нашей и дѣйствиі легионовъ римскихъ.

Приказъ въ войска, находящіяся при покореніи Акушинской области.

Января 1-го дня, 1820 г., № 1. Въ Дагестанѣ.

Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, положили намъ путь въ средину владѣній акушинскихъ, народа воинственнаго, сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы предъ лицомъ непріателя, и многія тысячи не противостали вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ снискали спасеніе. Область покорена, и новые подданные великаго нашего государя благодарны за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ подлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю императора — и препятствія исчезаютъ предъ вами, заслуги ваши смѣло свидѣтельствуютъ предъ государемъ императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ его милостью?

Командиръ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса
генералъ Ермоловъ.

Касательно послѣдняго приказа, очевидецъ, Д. Н. Бѣгичевъ (*Москвит.* 1851 г. № „Воспоминанія о службѣ на Кавказѣ“) говорить:

„Главнoкомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ, подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и неустрашимостію при покореніи Акушинской области, расположилъ ихъ на вѣкоторое время по селеніямъ шахмала Тарковского, и отдалъ по корпусу приказъ, который привезъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и въ скорѣ знали его наизусть.“

Тотъ же очевидецъ рассказываетъ слѣдующее по этому случаю:

„Послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макасъ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинокъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу

Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ высланы всѣ старшины въ числѣ 150 человекъ; между ними былъ и кадій (изъ селенія Мокагу). Я былъ личнымъ свидѣтелемъ тому, что этотъ кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недалекомъ разстояніи отъ корпуснаго командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для цѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значитъ, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — „Взгляни,“ продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ, — „вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разбѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе русскаго государя многочисленная армія Надиръ-шаха, который самъ избавился отъ смерти послѣднимъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ того горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?“ — Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ иступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукѣ пистолеть съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умокнулъ, то, обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу, что и было ими тотчасъ непрекословно исполнено; потомъ генералъ объяснилъ имъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя императора обширнаго, могущественнаго государства, при вѣрноподанныхъ его и въ присутствіи главнаго начальника надъ здѣшнею странюю; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ. — Судъ старшимъ не долго продолжался; они сами объявили генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣваемыхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ

нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подвляли, кое-какъ усадили на лошадь и отправили домой.... Очень вѣроятно, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія...

„Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера генеральнаго штаба, для съемки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многолюднаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго шахмалу Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ Ермолова, на возвратномъ пути отряда изъ Акуши на кавказскую линію.

„Конвой мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ казака, переводчика и проводника.... Проѣхать.... не совсѣмъ было безопасно съ конвоемъ изъ трехъ человекъ; но нечего было долго разсуждать. *Алексѣй Петровичъ приказалъ, Алексѣй Петровичъ послалъ,* и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній....

„...Фамилія Ермолова между горскими народами была очень извѣстна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ.“

Рескрипты.

I.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Согласно съ представленіемъ вашимъ, я утверждаю полковника Асланъ-хана Кюриянскаго ханомъ Казыкумыкскимъ. О дальнѣйшихъ же распоряженіяхъ по сему предмету, какія могутъ быть нужны, повелѣваю вамъ свестись съ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. С.-Петербургъ. 1820 года, іюня 22 дня.

Александръ.

II.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Признавая основательными представленныя вами причины, по коимъ находите вы справедливымъ и полезнымъ,

дабы генералъ-майоръ князь Мадатовъ воспользовался имѣніемъ *, предлагаемымъ ему отъ хана Карабахскаго въ замѣнъ другого, принадлежавшаго предкамъ его въ семь ханствъ, я предоставляю вамъ допустить князя Мадатова принять оное имѣніе въ вѣчное потомственное владѣніе. Ни мало не сомнѣваюсь, что владѣлецъ, благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ образомъ обхожденія съ поселянами, покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своекравнымъ господствованіемъ азіатскимъ, и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ.

Александръ.

Царское село. 23 августа, 1821 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ Ермолову.

Милостивый государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе вручить женѣ моей шаль, которую вы поручили мнѣ ей доставить; симъ изъявляю вамъ чувствительную благодарность мою за знакъ вашего воспоминанія обо мнѣ, и прошу васъ быть увѣрену, что съ удовольствіемъ помышляю о времени, которое съ вами нѣкогда проводилъ. Мнѣ весьма пріятно было слышать объ успѣхахъ вашего посольства, столь же затруднительнаго, столь любопытнаго и важнаго для нашего отечества; тѣмъ болѣе вамъ чести и удовольствія, что исполнили оное, какъ надлежитъ государеву избранному.

Прилагаю при семъ письмо жены моей; вы простите, если не собственноручно къ вамъ пишетъ; она душой уже Русская, но не довольно знаетъ языкъ нашъ, чтобы могла сама на немъ писать.

Прошу васъ быть увѣрену въ искреннемъ моемъ благорасположеніи и дружбѣ, съ коими пребываю вамъ доброжелательнымъ

Николай.

Москва. 27 января, 1818 г.

* Это имѣніе состояло изъ 102.462 десятинъ земли, населенныхъ 1245 семействами.

Письмо Аракчеева.

(Собственноручное.)

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Если я немного замедлил благодарить ваше превосходительство за подарокъ вашего прекраснаго персидскаго ковра, то причину оному мое объ немъ размышленіе, что съ нимъ приличнѣе мнѣ дѣлать должно было; сперва я хотѣлъ препроводить его почтенному вашему родителю, которому приличнѣе онъ принадлежитъ, нежели мнѣ, какъ память о вашихъ отечественныхъ заслугахъ; но совѣстился опять оное дѣлать, дабы вы, милостивый государь, не сочли оное моею грубостію и пренебреженіемъ къ дружбѣ вашей, послѣ чего и рѣшился я оный препроводить въ соборную церковь села моего Грузина, отъ имени вашего яко присланный, и прося духовное начальство внести оный въ опись церковную подъ именемъ вклада военнаго губернатора и бывшаго посланника въ Персію Алексѣя Петровича Ермолова, что и остается на грядущія времена памятникомъ вашей ко мнѣ дружбы.

Примите мое повтореніе благодарности, которою я обязанъ вашему превосходительству за незабытіе меня въ вашей памяти, и тому истинному почтенію, съ коимъ я пребуду на всегда

Вашего превосходительства покорный слуга.

Графъ Аракчеевъ.

Москва. 14 февраля 1818 г.

Письмо великаго князя Константина Павловича. *

Почтеннѣйшій, любезнѣйшій, храбрѣйшій, старинный другъ и товарищъ, Алексѣй Петровичъ!

Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца и весьма обрадованъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу ваше высокопревосходительство поздравить съ онымъ. Всякъ, кто не пристрастенъ и не терзаемъ завистью, зная ваши дарованія, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ, и, кажется, теперь истинный вашъ другъ князь Левъ Михайловичъ ** остался казади.

* При производствѣ Ермолова въ генералы отъ инфантеріи.

** Князь Яшвицъ.

Остается мнѣ желать, любя и уважая васъ, успѣховъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, и прошу быть удостовѣрену въ чувствахъ особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія и дружбы.

5 марта, 1818 года.

Письмо графа Аракчеева.

(Собственноручно.)

Милостивый Государь,
Алексѣй Петровичъ!

Вопервыхъ поздравляю ваше высокопревосходительство съ полученіемъ монаршей милости; вотъ всегда исполняется пословица старинная: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.“ Желаю весьма вамъ, милостивый государь, дай вамъ Богъ теперь здоровья, а тамъ дастъ Богъ, будете и фельдмаршаломъ, и тогда не откажитесь меня принять въ начальники главнаго штаба вашего.

Теперь адресуюсь къ вашему высокопревосходительству съ моею покорнѣйшею просьбой; у васъ находится артилерійскій подпоручикъ Ильинъ, сынъ моего пріятели, котораго я рекомендую вамъ, не откажите ему въ вашемъ покровительствѣ. Я приму съ большою благодарностію сдѣланное мнѣ вами одолженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга
Графъ Аракчеевъ.

Москва, 1818 г. 2 августа.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій и храбрѣйшій патеръ,
Алексѣй Петровичъ!

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ письмо ваше къ любезнѣйшему нашему товарищу, Дмитрію Дмитріевичу, и для меня особенно было пріятно знать, что вы здоровы. На желаніе ваше имѣть у себя Оренбургскаго уланскаго полка полковника Столыпина, скажу вамъ, что онъ произведенъ уже 17 по Петербургу въ генералъ-майоры, но по какому случаю, какъ и куда его употребить, я ничего не знаю, и въ это дѣло не мѣшаюсь. Вы, вспоминая древнія

римскія времена, теперь прокомсуломъ Грузію, а я здѣсь префектомъ или начальствующимъ легионами на границѣ Европы, или лучше сказать въ срединѣ оной; вы это лучше разберете, и я нахожусь въ отдаленности отъ всѣхъ петербургскихъ дѣлъ.

Душевно желаю вамъ блестящихъ успѣховъ въ вашихъ предпріятіяхъ. Я искреннее принимаю участіе во всемъ томъ, что касается до любезнѣйшаго и храбрѣйшаго сослуживца; прошу васъ при теперешнемъ случаѣ принять увѣреніе въ моей къ вамъ всегдашней дружбѣ и особенномъ уваженіи.

3 августа, 1818 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Письмо твое отъ 3 ноября, изъ Херсона, получилъ, и благодарю тебя за него душевно. Не лѣнись писать, возьми нѣсколько минутъ у твоихъ упражненій, если должность не дастъ тебѣ времени свободнаго. Письма твои всегда одинаково пріятны, и если даже ты не хочешь говорить о дѣлѣ, никогда, однакоже, не скажешь пустаго. Я прочитываю ихъ съ пріятелями, которые понимать ихъ могутъ, и сохраняю. Теперь отвѣчаю тебѣ для вѣрности чрезъ За-кревскаго; ибо обтекающіе вселенную приказы возвѣстили мнѣ, что ты, боясь развѣжиться на полудни, не разрываешь знакомства твоего со снѣгами сѣвера.

Вижу ропотъ твой противъ конгресса и боязнь, чтобъ отдохновеніе Европы не навело ржавчины на острую саблю гусара-партизана. Примирись со спокойствіемъ: оно въ нынѣшнія времена не бываетъ слишкомъ продолжительнымъ, но всеконечно весьма нужнымъ. Цари сѣзжались два раза, и разстались дружелобно, въ третій, кажется, изъ предусмотрительности предположено спускать министровъ. Посмотримъ, что будетъ? Мы, люди обыкновенные, нерѣдко изъ театра не умѣемъ развѣхаться безъ шума.

Я одинъ живу въ такой сторонѣ, гдѣ хотя не дѣлаю ничего порядочнаго, по крайней мѣрѣ пушки прочищаю порохомъ. Недавно я ходилъ въ Дагестанъ—землю гористую, и, по мнѣнію здѣшнему, населенную воинственными народами, которые въ большихъ силахъ дерзнули напасть на одинъ изъ отрядовъ нашихъ. Я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа, и далѣе уже не было пути. Появленіе войскъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ никогда еще они не бывали, преодоленными препятствіями самаго положенія земли, разсѣли величайшій ужасъ. Возмутившіеся наказаны, и вознаграждены сохранившіе намъ вѣрность. Одному изъ сихъ послѣднихъ далъ я въ управленіе 16 т. душъ съ обширною и прекраснѣшею странюю. Такъ награждаетъ проконсулъ Кавказа. Ты не удивишься, когда скажу тебѣ объ употребленныхъ средствахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ я былъ, въ первый разъ слышанъ былъ звукъ пушекъ. Такое убѣдительное доказательство правъ нашихъ не могло не оставить выгодъ на моей сторонѣ. Весьма любопытно видѣть первое дѣйствіе сего невиннаго средства надъ сердцемъ человѣка, и я уразумѣлъ, сколько полезно владѣть первымъ, если не вдругъ можно приобрести послѣднее.

Присылай прочесть обѣщанный опытъ о партизанахъ: въ семь родѣ не случилось мнѣ ничего прочесть порядочнаго. Можно было думать, что Нѣмцы нѣкогда отличались въ томъ преимущественно передъ прочими, но облизавшись съ ними по обстоятельствамъ прошедшей войны, я пересталъ тому вѣрить, и мнѣ кажется, ни сами они на то не созданы, и даже всякая благоустроенная земля наименѣе къ тому способна. Перваго видали мы изъ Нѣмцевъ партизана Дибича, служившаго съ нами въ Пруссіи въ 1806 году. Я ничего не замѣтилъ въ немъ чрезвычайнаго, а ты и лучше меня гораздо судить о томъ можешь.

Любопытенъ я очень видѣть записки твои о войнѣ въ Пруссіи въ 1806 и 1807 годахъ. Нельзя лучшаго имѣть источника, какъ самъ Беннигсенъ, изъ записокъ коего, какъ самъ ты говоришь, взялъ ты многія свѣдѣнія. Мнѣ остается ко всему тому одинъ присоединить вопросъ: говорилъ ли ты съ нимъ подробно о сей войнѣ? ибо есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя онъ, конечно, не описалъ, и нѣкогда говорилъ мнѣ о нихъ.

Хорошо, любезный братъ, что и Музы, столько всегда тебѣ благосклонныя, не престають улыбаться тебѣ. Заставь и насъ, жителей края отдаленнаго, усмѣхнуться на твои, острою и замысловатостью оригинальныя произведенія; а мена, хотя на минуту, спаси отъ убійственной судебной прозы, которая въ переводѣ съ грузинскаго языка, говорить, будто еще мучительнѣе, нежели языкъ самый. Здѣсь мечего читать между врагами книгопечатанія, и у мена, вмѣсто книгъ, въ шкафѣ развѣшено оружіе.

Прощай, помни и люби вѣрнаго брата

А. Ермолова.

Февраля 10, 1819 г. Тифлисъ.

Рескрипты.

I.

Господину генералу отъ пѣхотеріи Ермолову.

Обратя должное вниманіе на донесенія ваши, въ разныя времена мною полученныя, усматриваю изъ оныхъ, что вы находите необходимымъ усиленіе корпуса, вамъ ввѣреннаго, тремя полками пѣхоты, двумя ротами артиллеріи, и причисленіе къ оному же 8 егерскаго полка, находящагося временно подъ начальствомъ вашимъ.

Не ограничиваясь симъ, вы полагаете для обороны крѣпостей нужнымъ прибавленія въ три года еще 14.000 человекъ, а именно:

Для Куле	3.000.
Гумри	3.000.
Карабага	2.400.
Баку	1.000.
Дербекта	1.600.
Старой Шемахи	2.000.
Гардискала	1.000.

Итого 14.000.

Все же требуемое вами прибавленіе въ Грузинскому корпусу, полагая пѣхотный полкъ въ 3000, составитъ болѣе 26.000 человекъ.

Правда, что при составленіи сей непремѣнной обороны для крѣпостей, вы предполагаете убавить по одному батальону въ каждомъ полку, оставя единственно оныхъ основанія. Но въ то же время вы желаете, чтобы сіи крѣпостныя войска не назывались гарнизонными, чтобы заплачены они были, и производство въ оныхъ основано было наравнѣ съ армейскими полками, и даже, чтобы часть оныхъ была подвижна.

Вслѣдъ за донесеніями вашими, въ коихъ сіи предположенія начертаны, хотя и получилъ я отъ васъ письмо 12 февраля, въ коемъ между прочимъ употребляете вы слѣдующія выраженія; „я просилъ дополненія Грузинскаго отдѣльнаго корпуса тремя пѣхотными полками. и смѣю утвердить, что сколько безъ оныхъ обойтись невозможно, столько большее число было бы излишнимъ.“

Но не умѣя согласить сего увѣренія съ прежними вашими требованіями, единственно заключаю изъ онаго, что дошли до васъ побочнымъ и неудовлетворительнымъ образомъ

нѣкоторыя извѣстія о назначенныхъ войскахъ въ Грузію, и какъ вѣроятно, тотъ, кто писалъ, не зналъ самъ настоящихъ предположеній, по сему не могъ и васъ надлежащимъ образомъ извѣстить.

Сообразивъ внимательно всѣ ваши донесенія и требованія, сообщаю по онымъ вамъ слѣдующую мою рѣшимость.

Перемѣнить составъ корпуса вашего я не имѣю возможности, ибо, прибавя къ оному число полковъ, разстрою я устройство прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣлымъ размысленіямъ. Но надѣюсь, однакоже, достигнуть до желаемой вами цѣли слѣдующимъ образомъ:

Я могу временно выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единожды надежнымъ образомъ грузинскій корпусъ, чего присылкою рекрутъ никогда ни достигалось, ибо отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была всякій разъ весьма чувствительна.

Укомплектованіе сіе я нахожу нужнымъ произвести на слѣдующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ грузинскій корпусъ, останется прежнее, т.-е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, итого 15 полковъ. Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3900 человекъ, разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; каждый же батальонъ будетъ изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Если по сему числу людей вы найдете нужнымъ прибавить и число офицеровъ, то дозволяется вамъ на каждую роту прибавить по одному, что составитъ на полкъ прибавки 12 офицеровъ: положенное число по 7 на полкъ нахожу я достаточнымъ.

Такимъ образомъ, корпусъ, вамъ вѣранный, конечно можетъ имѣть всегда подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50.000 человекъ.

Симъ же средствомъ равномерно можетъ быть выполнено предположеніе ваше о назначеніи непремѣнной обороны для крѣпостей. Я назначаю для сего вторые батальоны всѣхъ пѣхотныхъ полковъ грузинскаго корпуса, кромѣ гренадерской бригады. По новому образованію полковъ, ихъ число составитъ въ сложности 15.600 человекъ, превышающее даже вами требуемое.

За симъ отчисленіемъ крѣпостной обороны, вы будете имѣть въ готовности для движеній, въ дѣйствующихъ батальонахъ двухъ дивизій и въ 9 батальонахъ гренадерской бригады, болѣе 40,000 подъ ружьемъ, число, конечно, совершенно достаточное. Въ 10 полкахъ, къ вамъ назначен-

ныхъ, и въ 8 егерскомъ наличное число людей составляетъ до 26.000 человекъ, то-есть, почти то же, которое вы требуете.

Я предпочитаю сіе знатное число войскъ отправить въ вашъ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, нежели составными временно командами, единственно для прохода до новаго мѣста ихъ назначенія.

Прибывшіе полки къ вамъ въ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномѣрно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ въ Грузіи. На перевозку же оныхъ обыкновеннымъ образомъ требовалось 115.000 руб.

Назначенные мною полки въ Грузію собираются, пять изъ оныхъ у границъ земли войска Донскаго, а именно: Апшеронскій, Тенгивскій, Навагинскій, 41, 42 егерскіе; пять же въ Крыму, а именно: Ширванскій, Куринскій, Мингрельскій, 43, 45 егерскіе.

Вамъ предоставляю опредѣлить дальнѣйшее ихъ движеніе и время, въ которое каждый изъ сихъ полковъ долженъ выступить, что все вы сообразите съ удобностію продовольствія въ краѣ, вамъ вѣренномъ. Съ симъ фельдъегеремъ получите вы отъ начальника главнаго штаба моего, на имя командировъ 10 вышеупомянутыхъ полковъ, повелѣнія, дабы, по мѣрѣ доставленій отъ васъ оныхъ, сіи полки уже состояли въ вашей командѣ.

Постепенному укомплектованію полковъ, долженствующихъ оставаться въ Грузіи и на линіи, дабы избѣгнуть второй путь тѣмъ же войскамъ, предписываю вамъ прислать назадъ кадры слѣдующихъ полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Казанскаго, Бѣлевскаго, 8-го, 9, 15, 16 и 17-го егерскихъ. Изъ оныхъ предоставляю вамъ перевести въ корпусъ, вамъ вѣренный, всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ вами полезна въ Грузіи и на линіи. Вы пришлете имъ списки, съ означеніемъ, въ которые полки они будутъ вами переведены. Сямъ же самымъ образомъ вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту.

Мингрельскій полкъ назначается быть слить съ Бѣлевскимъ. Если дорога черезъ Кутаисъ удобна, то полезнѣе оный сямъ путемъ направить, нежели перевозить водою по Черному морю. Въ противномъ случаѣ, извѣстите меня, дабы суда приготовить отъ Черноморскаго флота. Кадры Бѣлевскаго полку вернется тѣмъ же путемъ, коимъ прибудетъ Мингрельскій полкъ.

Поли: Аншеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41 и 42 егерскіе, должны составлять 20-ю дивизію.

Поли же Кабардинскій, Темгинскій, Навагинскій, Мингральскій, 43 и 45 егерскіе 19-ю.

Два легкія артиллерійскія роты равномерно, по требованію вашему, назначены въ Грузинскій корпусъ, а именно № 15-го и № 52-го.

Сими распоряженіями вы будете имѣть средство единоразы на всегда устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ въ надлежащую силу. Но въ то же время составъ прочихъ армій не потерпитъ разстройства. Кадры возвратившихся полковъ расписаны будутъ по разнымъ дивизіямъ и всѣ мѣры къ приведенію ихъ въ надлежащее опять устройство уже приспособлены.

Александръ.

С.-Петербургъ. 19 апрѣля, 1819 года.

II.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Предположенія ваши о прочной оборонѣ Грузіи, я признаю весьма основательными и желаю, чтобы въ постепенномъ исполненіи оныхъ могъ я видѣть плоды того благоразумія, съ коимъ вы начертали планъ сей, дѣлающій честь вашему соревнованію на пользу отечества.

Сообразно симъ начертаніямъ, составленъ уже особый инженерный округъ Грузинскій вмѣсто Астраханскаго, и въ числѣ штатныхъ крѣпостей по Грузіи остались только три: Тифлисъ, Баку и Дербентъ, о чемъ извѣстно вамъ изъ положенія, мною апробованнаго 1 января сего года; затѣмъ всѣ прочія крѣпости въ Грузіи, причисляясь къ укрѣпленнымъ постами перваго и втораго разряда, остаются въ вѣдѣніи и распоряженіи.

Касательно устройства новыхъ крѣпостей: въ Старой Шамахѣ, у Александровскаго брода, въ Елизаветполѣ, въ Гумри, Редуть-Кале, Гардискаль, Кутаисѣ, я нахожу необходимымъ, чтобъ и самые проекты на возведеніе сихъ крѣпостей были составлены на мѣстѣ, по вашему соображенію и подъ вашимъ наблюденіемъ; для чего предлагаю командира грузинскаго инженернаго округа назначить и начальникомъ инженеровъ вѣреннаго вамъ корпуса съ исправленіемъ обихъ должностей.

Округъ сей, согласно вашему предположенію, подчиняется

вамъ, какъ начальнику отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, во всемъ, кромѣ части искусственной, управляемой департаментомъ инженернымъ, для чего и самые проекты, по мѣрѣ ихъ составленія, должны поступать на разсмотрѣнїе сего департамента.

Что же касается до усиленія войскъ вѣреннаго вамъ корпуса, то и насчетъ сего предположенія вы удовлетворительно разрѣшены указомъ моимъ отъ 19-го минувшаго апрѣля.

Александръ.

С.-Петербургъ. 2 мая, 1819 года.

III.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ письмо ваше отъ 8-го апрѣля, о генераль-майорѣ Вельяминовѣ, я долженъ вамъ сказать со всею откровенностію, что изъ уваженія моего къ вашимъ представленіямъ, я никого изъ рекомендованныхъ не оставилъ безъ награды, но мѣру оной всегда оставлялъ и нынѣ оставляю по порядку въ собственномъ моемъ усмотрѣнїи; что же касается до генераль-майора Вельяминова, то, не ослабляя къ нему признательности, какъ къ чиновнику достойному и способному, я почитаю награду, ему сдѣланную, достаточною, потому что онъ въ недавнемъ времени получилъ настоящій чинъ. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Царское Село. 24 мая, 1819 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ рапортъ вашъ къ начальнику главнаго штаба моего отъ 28-го апрѣля, № 1-й, считаю не излишнимъ содержаніе указа моего, 19-го минувшаго апрѣля вамъ даннаго, противопоставить мнѣнію вашему о маломъ попеченїи правительства насчетъ обстоятельствъ вѣреннаго вамъ края, тогда какъ Грузинскій корпусъ свыше, чѣмъ когда-либо, усиливается. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 20-го іюня, 1819 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ изъясняете мнѣ положеніе отставленнаго отъ службы, по высочайшему приказу, за дурное поведеніе, инженеръ-подполковника Герасимова. Такъ какъ вы полагаете, что офицеръ этотъ страждетъ несправедливо, то и считаю нужнымъ изъяснить вашему высокопревосходительству, что, принявъ начальство надъ инженернымъ корпусомъ, старался я, сколько возможно, избавить хорошихъ офицеровъ оного отъ недостойныхъ товарищей, дабы тѣмъ возбудить ревнованіе въ первыхъ; въ семь не могъ я руководствоваться иначе, какъ аттестаціей частныхъ начальниковъ, коимъ хорошія и дурныя качества подчиненныхъ должны быть извѣстны. Подполковникъ Герасимовъ аттестованъ былъ начальникомъ инженеровъ 2-й арміи, генералъ-майоромъ Ферстеромъ, весьма непохвальнымъ образомъ и, вслѣдствіе предпринятаго намѣренія, представленъ къ исключенію изъ службы. Ваше высокопревосходительство согласитесь со мною, что теперь, хотя генералъ-майоръ баронъ Вреде и хорошо относится о подполковникѣ Герасимовѣ, но какъ онъ не былъ его начальникомъ, то и неизвѣстному прежде его поведеніе и служба, а потому и засвидѣтельствованіе его не можетъ перевѣситъ аттестацію генералъ-майора Ферстера.

Невозможность, въ коей нахожусь, по симъ причинамъ, помочь подполковнику Герасимову, принятіемъ его опять на службу, заставляетъ меня тѣмъ болѣе чувствовать несчастное положеніе семейства его, которому, желая помочь, сколько отъ меня зависитъ, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство доставить мнѣ къ тому случай.

Прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи, съ коимъ остаюсь,

Вамъ доброжелательнымъ

Николай.

Юля 26-го дня, 1819 года.

Лагерь близъ Краснаго Села.

Письма Ермолова къ N. N.

(Собственноручно.)

I.

Милостивый государь мой,

С. С.

Письмо ваше, отъ 27-го марта, изъ Сальянъ, получилъ; при немъ была записка о злоупотребленіяхъ по Астрахани, какъ въ не подписанная.

Свиданіемъ съ вами въ Кизлярѣ въ первый разъ въ жизни и по свойствамъ нашимъ, смѣю думать, весьма различнымъ, не могъ я приобрѣсть довѣренности вашей, и потому не рѣшился вѣрить, чтобы подобная записка могла быть вами ко мнѣ доставлена; напротивъ, по неслучайному сплетенію оной, паче по гнусной клеветѣ на астраханскаго губернатора, извѣстнаго правительству примѣрнымъ усердіемъ и строгими правилами чести, долженъ я былъ думать, что она составлена какимъ-либо злобнымъ донощикомъ и, въ поруганіе вамъ, подослана при письмѣ отъ имени вашего; но знающіе почеркъ вашъ утверждаютъ, что записка вся вашей руки.

Еще изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ и носимому званію благороднаго человека колебался я дать вѣроятіе. Прочелъ я въ концѣ пасквиля, описаніе грабителей астраханской таможни, описаніе равнодушія неблагодарнаго правительства къ подвигамъ вашимъ, неподражаемому безкорыстію и добродѣтели вашей, и не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что составленный пасквиль принадлежитъ вамъ. Боюсь быть нескромнымъ, описывая чувство, которое произвелъ во мнѣ благородный и великодушный вашъ поступокъ. Представляю вамъ опредѣлить мѣру почтенія, коимъ я вамъ обязанъ.

Милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

А. Ермоловъ.

№ 1446. 19-го мая 1820 года. Тифлисъ.

II.

Милостивый государь мой,

С. С.

Письмомъ изъ Сальянъ, отъ 27 іюля, вы уведомляете меня, что, по истеченіи срока прежняго контракта, заклю-

чили вы съ г. генералъ-лейтенантомъ Мустафою ханомъ Ширванскимъ, новое условіе на отдѣльное содержаніе сальянскихъ и другихъ рыбныхъ промысловъ еще на десятилѣтнее время.

Ширванскій ханъ увѣдомляетъ меня, умалявая о условіяхъ, имъ сдѣланныхъ, и позволилъ себѣ не представить ихъ на мое разсмотрѣніе и утвержденіе. У обоихъ васъ въ предметъ: незаконное пріобрѣтеніе денегъ! И мусульманскій невѣжда, и откупщикъ корыстолюбивый возмечтали безъ наказанія уклониться отъ установленнаго порядка, который, впрочемъ, извѣстенъ обоимъ: ибо, при заключеніи въ 1814 году контракта, утвержденіе предмѣстника моего найдено было необходимымъ. По сей причинѣ и другимъ, не менѣе важнымъ, уничтожилъ я сей новый тайный контрактъ, въ отвращеніе нестерпимаго зла, каковое влекутъ подобныя своевольства, повсюду давъ знать, чтобъ оный признаваемъ былъ не имѣющимъ законной силы.

Вы, милостивый государь мой, лишены той выгоды, чтобы завести ябеду о томъ, что вы потерпѣли разореніе отъ сдѣланныхъ вами пріуготовленій и издержекъ, ибо не было времени сдѣлать оныхъ по недѣльно заключенному контракту и по тому, что дѣйствіе онаго за четыре года впереди.

Имѣю честь быть и проч.

Ермоловъ.

№ 1837. 3-го іюля, 1820 года. Тифлисъ.

III.

Милостивый государь мой

С. С.

На прошеніе ваше прошедшаго 1819 года, октября 8 дня, заключающее въ себѣ жалобу на содержателя кизлярскихъ водокъ, г. Углева, по собраніи нужныхъ свидѣній, отвѣтствую. Содержатель, Гаврило Углевъ, ловъ рыбы производить собственно въ водахъ Талышинскаго ханства, отнюдь не захватывая водъ генералъ-лейтенанта Мустафы, хану Ширванскому принадлежащихъ. Напротивъ, симъ послѣднимъ отданы вамъ въ откупное содержаніе острова: Штри-ты, Гордорелъ, Улазъ, Камобукамъ, которые, по всѣмъ правдоподобнымъ показаніямъ, прежде и весьма недавно составляли собственность Талышинскаго ханства. Есть даже на нѣкоторыхъ островахъ остатки жилищъ Талышин-

цевъ, и отдомъ нынѣшняго хана Таалыша отдаваемы были сіи острова въ откупъ. Самые контракты и условія, заключаемые съ вами генералъ-лейтенантомъ Мустафою ханомъ, всего наиболѣе доказываютъ, что вышеозначенные острова ему не принадлежали; свидѣнія сіи собраны при предмѣстникѣ моемъ, генералѣ графѣ Торماسовѣ.

Не имѣя права нарушать контракта, паче же охраняя важность утвержденія оного бывшимъ здѣсь главнокомандующимъ, г. Ртищевымъ, уклонился я всякаго разбирательства о присвоеніи, ширванскимъ ханомъ сдѣланномъ. Жалоба, вами, милостивый государь мой, принесенная, заставила меня сдѣлать таковое. И я побуждаюсь предварить васъ, чтобы впредь воздержались беспокоить начальство затѣливыми вашими просьбами, отвлекая чрезъ то его вниманіе отъ дѣлъ гораздо нужнѣйшихъ, и сдѣлали бы вашимъ прикащикамъ наставленіе не размножать ябедъ.

Думая утвердить основательность вашего иска, вы упоминаете о предписаніи г. Ртищева, данномъ генералъ-лейтенанту Родгофу; но вы, конечно, забыли, милостивый государь мой, что содержаніе предписанія сего взято изъ записки, поданной вами г. Ртищеву, которую, не хочу обманывать себя, не вы сочинили, но списали у какого-то ябедника, худо знающаго обстоятельства здѣшняго края, списали рукою вашего писаря, и, по неосмотрительности вашей, оставленная здѣсь, хранится при дѣлахъ. Итакъ, ссылаясь на защиту предмѣстника моего, вы только обнаруживаете чрезмѣрную его къ вамъ свисходительность, которой я не имѣю, и не желаю оказывать вамъ, вопреки моихъ обязанностей.

Отвѣтствуя собственною рукою, хочу доказать вамъ, милостивый государь мой, что каждое дѣло, относящееся до васъ, разсматриваю я самъ. Впрочемъ же, при мнѣ и нѣтъ правителя канцеляріи, мошенника Чуксина, который во зло, но въ пользу вашу, употребилъ довѣренность моего предмѣстника, наклонивъ къ признанію контракта, заключеннаго въ противность установленій, запрещающихъ дѣлать заботы въ рѣкахъ судоходныхъ.

Предупреждая васъ, милостивый государь мой, что отъ меня даны будутъ приказанія разрушить заботы по фарватеру рѣки Куры и сдѣлать ихъ на такое разстояніе, чтобы суда беспрепятственно проходить могли, и что впредь отъ повѣренныхъ вашихъ, ясно дѣлающихъ по наставленію вашему ябеды, не будутъ принимаемы жалобы, которыя

не должны имѣть мѣста послѣ точныхъ предписаній, полагающихъ и границы водамъ ханствъ Ширванскаго и Талышинскаго.

Имѣю честь быть и проч.

А. Ермоловъ.

№ 2125. 27 июля, 1820 года. Тифлисъ.

IV.

Милостивый государь мой

С. С.

На письмо ваше, отъ 27 августа, отвѣтствую. Напрасно вы изыскиваете причины, по коимъ не хотѣлъ я васъ принять у себя: вы безъ ошибки найдете ихъ въ собственныхъ вашихъ поступкахъ, которые даютъ всѣ права не имѣть къ вамъ, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго уваженія.

Первый контрактъ, заключенный вами съ Мустафой Ширванскимъ на десятилѣтнее содержаніе сальванскихъ рыбныхъ ловлей, не могъ имѣть силы безъ моего утвержденія, и потому приказалъ я признавать его недействительнымъ. Въ немъ, сверхъ того, внесены были урочища, Мустафѣ не принадлежащія, которыя потому только предоставлены вамъ были въ откупное содержаніе, что вы нагло обманули моего предѣстника, утвердившаго контрактъ съ чрезмѣрною для васъ свисходительностью. Итакъ за контрактъ, не имѣвшій законнаго утвержденія, весьма сомнительно, чтобы въ родѣ задатка могли вы дать болѣе нежели на 100 тысячъ рублей вещами и деньгами, а если и дали что-нибудь, то, безъ сомнѣнія, по прежнимъ расчетамъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ ни малѣйшей нужды. Я разсматриваю однѣ квитанціи, которыя должны вы имѣть отъ бывшаго хана, въ полученіи имъ отъ васъ откупной суммы.

Второго контракта вы не должны были заключать съ бывшимъ ханомъ, ибо когда, 2 августа, прибыли къ нему въ Солутъ, то явна уже была его измѣна. Безпрестанно производились совѣщанія, отправлялось имущество за Куру, и намѣреніе бѣжать не прикрывалось никакою тайной.

Приставу, капитану князю Макаеву, подробно были извѣстны злодѣяства измѣнника Мустафы и его замыслы: имъ донесено было о томъ начальству. Въ сіе самое время вы заключили вторительный контрактъ, и утвердили меня

въ прежнихъ о васъ мнѣніяхъ, что *корыстолюбивому откупщику нѣтъ приличій, и для него деньги свѣше всего прочаго.*

Вы готовы утверждать, что о поведеніи Мустафы ничего не знали, ибо *бесовѣство* объясняете въ письмѣ вашемъ, что не могли отказаться отъ принятія контракта, по силѣ вновь послѣдовавшаго отъ меня Мустафѣ предписанія; но что вы скажете противъ показанія князя Макаева, что вы *обнадеживали* измѣнника Мустафу поправить дѣла его, и чему, сверхъ того, имѣю я доказательство:

*Подлинное къ вамъ письмо измѣнника, въ коемъ видно условіе употреблать пять тысячъ червонныхъ, которые вы на счетъ его обязались дать изъ вашихъ денегъ? Привезшія письмо сіе измѣнника Мустафы чиновникъ показываетъ, что сіи деньги должны были обращены быть на подарки. Мустафа злодѣяніями своими, а наконецъ бѣгствомъ своимъ, доказалъ, что *ходатайствовать* за него, по крайней мѣрѣ, безчестно, а ходатайство сіе вы приняли на себя, стараясь дѣяніямъ его придать другой видъ, единственно изъ побужденія корыстолюбія, которому честь ваша и въ должностяхъ прежде вами занимаемыхъ не была обузданіемъ.*

Ограждены будучи чиновъ, дающимъ право на дворянство, вы отъемлете у меня право *дать вамъ приличнѣйшее наименованіе и, конечно, не благороднаго человека.*

Въ заключеніе скажу вамъ объ откупахъ, что если желаете имѣть въ содержаніи сальянскія рыбныя ловли, отъ васъ зависѣть будетъ явиться къ торгамъ и удержать ихъ за собою, предложивъ казнь выгоднѣйшія цѣны.

За симъ, надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь прекращеніемъ вашей со мною переписки.

Вашего благородія покорный слуга

А. Ермоловъ.

№ 2988. 6 сентября, 1820 года. Тифлисъ.

Коменданту астраханскому Делпоцу.

Любезный старикъ Иванъ Петровичъ!

Имѣя весьма справедливыя причины думать, что г. N. N., по возвращеніи своемъ въ Астрахань, или вовсе окроетъ отъ публики безвыгодную его изъ Сальянъ со мною переписку, или же, по обыкновеннымъ его правиламъ, постарается указать оную и выказать не въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно она есть, счелъ нужнымъ, во избѣ-

жание, чтобы вы, любезный старикъ, не подверглись ложнымъ слухамъ, препроводить къ вамъ при семъ со всей переписки точную копію, повторяя, съ тѣмъ вмѣстѣ, увѣреніе въ томъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ къ вамъ покорнѣйшій слуга

Ермоловъ.

6 сентября 1820 года, Тифлисъ.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Принятая вами мѣры къ усмирению народовъ буйныхъ, уничтожили возмущенія въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи. Дагестанъ покоренъ Россіи твердостью и благоразумными во всѣхъ случаяхъ распоряженіями вашими. Я считаю справедливымъ долгомъ изъявить вамъ полную Мою признательность за успешныя дѣйствія ваши, будучи притомъ увѣренъ, что вы усугубите стараніе къ водворенію тишины и благоустройства въ областяхъ, управленію вашему ввѣренныхъ. Пребываю навсегда вамъ доброжелательный

Александръ.

Въ Варшавѣ. 18 августа, 1820 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Обстоятельства, содѣлавшія необходимыми присутствіе мое за границею, продолжалась нынѣ въ послѣдствіяхъ своихъ, не дозволяя мнѣ съ достовѣрностію опредѣлить времени къ возвращенію моему въ С.-Петербургъ, а потому, не желая чтобы ожиданіемъ вашимъ въ сей столицѣ служба лишилась той пользы, которую вы трудами своими всегда ей приносили, признаю за лучшее, чтобы вы для свиданія со мною отправились немедленно въ мѣсто настоящаго моего пребыванія.

Ожидая скорого приѣзда вашего, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ г. Лайбахѣ, 3 марта, 1821 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Демисъ!

Слухи о движеніи войскъ, молва, и, можетъ-быть, неословательная, о войнѣ, возмутили спокойствіе твое, и ты порываешься на поле ратное. Но за что пылаешь ты гнѣвомъ на Турокъ? Чье сосѣдство можетъ быть менѣе опасное?

Доселѣ съ бѣльшимъ правдоподобіемъ можно вѣрить, что остритъ мечи не о пески молдавскіе! Слышно о движеніи войскъ въ предѣлахъ Австріи; не даромъ въ прокламаціи Австрійцевъ сказано, что государь даетъ имъ помощь войсками, и хотя взять уже Неаполь, позволительно думать, что дурное состояніе сѣверной Италіи не заставитъ преобресть помощь.

Итакъ, желаніямъ твоимъ могутъ представиться другіе виды.

Если Австрійцы должны будутъ укрощать оружіемъ порывы къ свободѣ своихъ владѣній въ Италіи, ихъ ожидаютъ въ будущемъ война народная; если вѣрно, что Пьемонтцы обратились на занятіе Милана, будетъ война единокрушная, и не Австрійцамъ удобно преодолѣть живніе. Если будемъ содѣйствовать имъ, по количеству движущихся войскъ, надобно ожидать отдѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно, и авангарда, числомъ значительнаго. Партизаномъ въ войнѣ народной быть неудобно, въ твоемъ чинѣ надобно имѣть большую команду; войско вспомогательное не можетъ имѣть такой конницы, отъ которой можно бы было отдѣлять большую часть. Если рѣшаешься просить государя о назначеніи тебя на службу, мое мнѣніе не стѣсняетъ выборомъ его непосредственной воли. Представятся въ послѣдствіи удобные, а теперь непредвидимые, случаи: и кто же начальникъ, могущій замѣнить тебя въ толпѣ генераловъ? По крайней мѣрѣ, между главными изъ нашихъ полководцевъ нельзя найти, столько мало прозорливыхъ.

Дни черезъ два ѣду я въ Лайбахъ; желаніе сократить бесполезное мое здѣсь пребываніе и удаленіе отъ моихъ легионовъ понудило меня искать позволенія туда отправиться. Прощай!

Вѣрный братъ

А. Ермоловъ.

30 марта, 1821. С.-Петербургъ.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! При утвержденіи мною, въ прошломъ 1820 году, извѣстнаго вамъ положенія о переселеніи на земли Черноморскаго войска 25.000 малороссійскихъ казаковъ, обращено было вниманіе на открывшееся изъ донесеній генералъ-майора Киселева, обстоятельство, что некоторые изъ чиновниковъ войска Черноморскаго учредили изъ земель оного частныя владѣнія и поселили на оныхъ крестьянъ.

Предусматривая, что изъ сего произойти могутъ стѣсненія казаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе несообразное съ существованіемъ войска Черноморскаго и по единому послабленію допущенное, установленіе уничтожить; крестьянъ же, на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники, ими владѣющіе, не пожелаютъ перевести на земли, или въ имѣнія, въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе.

Но дабы мѣру сію привести можно было въ исполненіе съ лучшею удобностію, то я призналъ нужнымъ поручить вамъ, выикувъ со всею подробностію во всё обстоятельство, до положенія Войска относящіяся, представить мнѣ заключеніе ваше:

Во 1-хъ, какія распоряженія къ приведенію упомянутой мѣры въ дѣйствіе учинены быть могутъ такъ, чтобы при соблюденіи главнѣйше пользы Войска, чиновники, крестьянъ на земляхъ войсковыхъ водворившіе, наименѣ понесли убытковъ, и

Во 2-хъ, какое денежное вознагражденіе за крестьянъ, коихъ они не переселятъ, сдѣлано имъ быть можетъ?

По полученіи отъ васъ подробныхъ по сему предмету соображеній, когда обстоятельства позволятъ вамъ ихъ представить, сдѣлано будетъ окончательное постановленіе.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 7 іюля, 1821 года.

II.

Господину главнокомандующему Грузіей, генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Усмотрѣвъ изъ представленныхъ отъ васъ свѣдѣній, что состояніе промышленности и торговли въ Грузіи, по недостатку капиталовъ и торговыхъ заведеній, не имѣетъ еще надлежащаго пространства и движенія, и находя, что части сіи, къ благосостоянію края толико нужныя, не могутъ съ успѣхомъ быть устроены на общихъ правилахъ и требуютъ особенныхъ поощреній, настоящему состоянію сего края свойственныхъ, признали мы нужнымъ постановить слѣдующія въ пользу ихъ распоряженія:

1. Права гильдейскія. Всѣмъ торгующимъ русскійскимъ подданнымъ и иностраннымъ, кои въ теченіи десяти лѣтъ, считая съ 1 іюля, 1822 года, учредятъ въ семь крайъ торговые дома и будутъ производить оптовую торговлю, присвоятся права первой гильдіи, безъ всякаго платежа въ теченіи означеннаго времени податей, по сей гильдіи положенныхъ; но по истеченіи сего срока, какъ тѣ, кои пожелаютъ продолжать торговлю, такъ и тѣ, кои вновь въ оную вступятъ, обязаны будутъ производить оную на общемъ положеніи, неся всѣ повинности, съ гильдейскими правами сопряженныя. Само собою разумѣется, что тѣ, кои прежде истеченія означеннаго срока прекратятъ торговля дѣла, лишатся тѣмъ самымъ и гильдейскаго права, имъ по сей торговлѣ принадлежащаго.

2. Льгота отъ личныхъ податей и службы. Въ теченіи того же срока торгующіе, какъ русскіе подданные, такъ и иностранные, освобождаются въ тѣхъ мѣстахъ отъ личной службы и личныхъ податей, а дома ихъ и магазины отъ военнаго постоя и налоговъ, исключая, однакожь, мѣстныхъ городскихъ расходовъ, въ коихъ они, какъ владѣльцы домовъ, обязаны участвовать.

3. Приобрѣтеніе недвижимаго собственности. Всѣмъ торгующимъ, какъ русскійскимъ подданнымъ, такъ и иностраннымъ, дозволяется въ томъ крайъ приобрѣтать недвижимую собственность и продавать ее съ платежомъ узаконенныхъ пошлинъ, хотя бы торгующіе иностранцы и не вступили въ подданство. Но съ прекращеніемъ торговли и съ остав-

леніемъ сего края, они обязаны внести подати, въ городомъ положеніи на сей случай опредѣленныя.

4. Приобрѣтенія земель. Торгующимъ російскимъ подданнымъ и иностраннымъ, будутъ уступлены отъ правительства участки земель для заведеній ихъ, въ томъ краѣ нужныхъ, за обыкновенную цѣну, по коей земли тамъ продаются. Какъ цѣна сія, такъ и условія сей продажи имѣютъ быть опредѣлены съ точностію по свѣдѣніямъ, кои отъ васъ представлены будутъ.

5. Льгота въ таможенныхъ пошлинахъ. Всѣ товары, привезенные въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не будутъ подлежать другому платежу, какъ по пяти со ста по цѣнѣ объявленной, сообразно тому, какъ по силѣ гулистанскаго трактата взимается пошлина съ товаровъ изъ Грузіи въ Россію, платятъ они установленную пошлину по тарифамъ азіатскому и европейскому, сообразно происхожденію товаровъ. Для сего, по сношенію вашему съ министромъ финансовъ, учреждены будутъ въ приличныхъ мѣстахъ заставы и таможи, съ одной стороны на путяхъ, ведущихъ въ Грузію изъ иностранныхъ земель, а съ другой на путяхъ изъ Грузіи въ Россію.

6. Правила карантиннаго очищенія. Распоряженія, въ указѣ 1819 года означенныя, по коимъ товары, изъ портовъ Средиземнаго моря приходящіе въ тюкахъ и ящикахъ съ двойною оболочкою и запломбированные въ російскіе черноморскіе порты, не подвергаясь карантинному очищенію, распространяются и на порты мингрельскіе, если всѣ условія, въ томъ указѣ означенныя, будутъ съ точностію исполнены.

7. Охраненіе транспортовъ на торговыхъ путяхъ. Для безопасности торговыхъ транспортовъ, какъ по рѣкѣ Фазу, такъ и на сухомъ пути, съ одной стороны отъ Баку, а съ другой отъ Редутъ-Кале и Мараня до Тифлиса, и обратно, снабжать оныя транспорты надлежащимъ военнымъ прикрытіемъ.

8. Устройство караванъ-сараявъ. На пути, лежащемъ между Баку и Чернымъ моремъ, каждый изъ торгующихъ можетъ устроить караванъ-сарай по азіатскому обычаю, по усмотрѣнію собственныхъ его выгодъ. Мѣстное начальство будетъ содѣйствовать къ заведенію ихъ назначеніемъ и отводомъ нужнаго къ сему дѣла и другихъ матеріаловъ.

9. Устройство пристаней на Черномъ морѣ. На первый разъ назначается къ сему пристань на берегу Чернаго моря, при Редутъ-Кале состоящая: въ послѣдствіи же мѣст-

ное начальство сего края не оставитъ употребить все способы къ открытiю и устройству другихъ пристаней безопасныхъ и удобныхъ.

10. Пространство и предѣлы сихъ правилъ. Сила всехъ вышеозначенныхъ правилъ распространяется на всехъ вообще торгующихъ, какъ русскіихъ подданныхъ, такъ и иностранныхъ, кои пожелаютъ въ томъ краѣ учредить заведенія промышленности и торговли, но она ограничивается единственно и исключительно Грузіей и Имеретіей и областями, къ нимъ принадлежащими, и никакъ не относится къ русскіимъ губерніямъ, по сию сторону Кавказа лежащимъ.

11. Впрочемъ, при допущеніи иностранцевъ, на особенное попеченіе ваше возлагается наблюдать, дабы, подъ предлогомъ торговли, не вкрались туда люди подозрительныхъ правилъ и худаго поведенія.

Посему все иностранцы, въ Грузію пріѣзжающіе, должны имѣть паспорта отъ русскіихъ миссій, кои на сей конецъ снабжены будутъ особенными отъ министерства иностранныхъ дѣлъ предписаніями.

Александръ.

Царское Село, 8 октября, 1821 года.

III.

Господину главнокомандующему Грузіей генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Вслѣдствіе общихъ распоряженій, для поощренія промышленности и торговли въ Грузіи принятыхъ, и подробно означенныхъ въ указѣ, на имя ваше вмѣстѣ съ симъ данномъ: 1) Иностранцу Гамбѣ, предъявившему желаніе устроить торговля въ томъ краѣ заведенія, дозволить учредить оныя на основанія правилъ, въ вышеозначенномъ указѣ изображенныхъ, и съ присвоеніемъ симъ торговымъ заведеніямъ тѣхъ правъ и выгодъ, какія въ томъ указѣ означены. 2) Въ уваженіе того, что иностранецъ Гамба первый изъявилъ желаніе и приступилъ къ мѣрамъ устройства въ томъ краѣ торговыхъ заведеній, отвѣсть ему въ собственности до шестнадцати тысячъ десятины земли въ мѣстахъ, кои, по избранію его и по усмотрѣнію вашему, найдены будутъ свободными и къ заведеніямъ сего рода

способными, со взысканіемъ съ него по одному рублю за десятину, разсрочивъ платежъ денегъ на пять лѣтъ по равнымъ частямъ.

Александръ.

Царское Село. 8-го октября 1821 года.

О способахъ Ермолова упрочить за Россіей Кабарду.

Генералъ Ермоловъ, желая навсегда упрочить за Россіей Кабарду и чтобъ прекратить постоянныя сношенія кабардинцевъ съ другими враждебными намъ народами, привулъ Кабардинцевъ выселиться изъ горъ и поселиться на плоскости, а чтобъ заградить обратный имъ путь, построилъ крѣпости передъ ущельями Терекскимъ, Чегемскимъ, Урванскимъ, Наальчикскимъ и Баксанскимъ, которыя названы по именамъ тѣхъ ущелій. Кромѣ того онъ перенесъ военнотурецкую дорогу съ праваго берега Терека на лѣвый и прикрылъ ее укрѣпленіями Пришибскимъ, Урухскимъ, Минаретскимъ и Ардонскимъ. Въ эти укрѣпленія, начатыя въ 1820 году, окончены въ 1822 году. Это такъ взволновало Кабардинцевъ, что болѣе виновные тайно уходили за Кубань. По этому посылаемы были войска въ Кабарду, чтобъ воспрепятствовать переселенію Кабардинцевъ за Кубань и для наказанія болѣе виновныхъ это поручено было артиллеріи-подполковнику Коцареву.

Кабардинскому народу.

Безпрестанныя набѣги внутри нашихъ границъ, разореніе жителей и самыя убійства, явно производимыя Кабардинскимъ народомъ, вынудили меня употребить силу оружія войскъ и наказать ихъ.

Сколько времени безъ пользы терпѣлъ и жалѣлъ я ихъ и сколько я отвратилъ отъ нихъ бѣдствій—это знаетъ Кабардинскій народъ. Въ 1818 году эфендіи и владѣльцы лично дали мнѣ обѣщаніе; но это обѣщаніе, какъ и прежде, много разъданныя мнѣ клятвы, не исполнены и, вмѣсто исполненія обязанности подданныхъ, разбой и убійства умножились. Я приказалъ войскамъ вступать въ Кабарду и объявляю народу:

Владѣльцы, чувствующіе себя невинными, могутъ съ добросовѣстностію обратиться ко мнѣ; они сохраняютъ свои права, сохраняютъ власть надъ подвластными ихъ и они

признаны будутъ владѣльцами. Владѣльцы же, которые не явятся къ начальникамъ русскихъ войскъ, бывъ прежде замѣчены въ злодѣяніяхъ, изгонятся изъ Кабарды. Подвластнымъ ихъ объявляется свобода и независимость отъ нихъ, послѣ чего нѣтъ надъ ними власти, кромѣ власти милостиваго государя императора, и награжу ихъ въ самой Кабардѣ землями и выгодами. Убѣждаю васъ, народъ Кабардинскій, не вѣрять обольщеніямъ владѣльцевъ вашихъ; они обманываютъ васъ и въ крайности первые же васъ оставляютъ. Не спасутъ ихъ твердыни, гдѣ они думаютъ укрѣпиться, и нѣтъ мѣста, куда не проникли бы войска наша. Не зачитатъ васъ мошенники, не знающіе ничего, кромѣ подлаго воровства и разбоевъ. Я не мщю простому народу, и наконецъ еще таки обещаю вамъ покой, счастье и свободу; послѣ поздно будетъ просить о пощадѣ. Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ. 1822 года, января мѣсяца. Г. Тифлисъ.

Письмо Ермолова къ Графу Гурьеву.

Милостивый государь,
Графъ Дмитрій Александровичъ!

Желая избѣгать случаевъ, въ которыхъ объявленія официальные не могутъ быть приятными, я имѣю согласіе вашего сіятельства на переписку партикулярную, и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3-го марта. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы, конечно, не сдѣлали бы такого, еслибы хотя минуту оставили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію вашему, принявъ на себя исполненіе въ пользу нашу дарованнаго хану трактата, ясно предоставляющаго наследственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приноситъ болѣе полумилліона дохода, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли оного. Сверхъ того, онѣ употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законныя, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

Я не имѣлъ на сіе высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать оного, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, которой

рый, впрочемъ, на провинцію, вновь ко управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространиться не можетъ. Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ ни въ какое распоряженіе оными; но за прежнее до того время и по законамъ, и по собственнымъ правиламъ чести, я ничѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности, и таковая отдана правительству. Можетъ-быть, не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной, службы, хорошо будучи замѣченнымъ оскорбительныя подобныя вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства покорный слуга

А. Ермоловъ.

17-го іюля, 1822 г. Лагерь въ Кабардѣ.

Рескриптъ.

Господину главноуправляющему въ Грузіи.

Указами моими, въ разное время данными, даровано прощеніе и возвращены имѣнія князьямъ и дворянамъ грузинскимъ, участвовавшимъ въ бунтѣ кахетинскомъ.

Но какъ донынѣ не воспользовались еще такимъ свисхожденіемъ дворяне Телавскаго уѣзда: Заворъ Таріевъ и Эліозъ Гулбатовъ, то, согласно представленію о томъ вашему, я повелѣваю: распространяя и на нихъ все-милостивѣйшее прощеніе, возвратитъ ихъ имѣнія.

Александръ.

Петергофъ. 22 іюля, 1822 года.

Предписаніе Ермолова.

Предсѣдателю кавказской уголовной палаты Чекалову.

Давно доходить до меня ропотъ несчастныхъ, коихъ дѣла поступаютъ на сужденіе уголовной палаты, и слухъ насчетъ

васъ не дѣлаетъ вамъ чести. Готовъ я вѣрить, что, безопасны будучи отъ явныхъ изобличеній, вы слуховъ сихъ не устраситесь; но гласъ общій, извѣстный многимъ въ-которыя дѣла, поступки ваши окажутся правдоподобными, и могутъ быть сѣдотвія для васъ невыгодны.

По обязанности званія моего и собственно для огражденія себя отъ справедливаго упрека, что виновнымъ свисхожденіемъ даю поводъ распространяться злоупотребленіямъ, я убѣждаю васъ, милостивый государь, оставить занимаемое вами мѣсто, и оставить его безъ замедленія; бесполезны въ семь случаевъ объясненія, и я письмо сіе провождая къ вамъ чрезъ г. областного начальника, поручилъ ему дать мнѣ знать, если по полученіи оваго къ первой почтѣ не изволите представить просьбы объ увольненіи васъ отъ должности; не скрою отъ васъ, милостивый государь, что буду я просить государя императора объ удаленіи васъ, и долженъ буду, съ обыкновеннымъ упованіемъ моимъ на правосудіе его, объявить побуждающія меня къ тому причины.

23 апрѣля, 1823 г.

Рескрипты.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

I.

Видя изъ донесенія вашего отъ 30 минувшаго іюля, что вы благоразумными своими распоряженіями и береженіемъ остатковъ отъ прошлыхъ годовъ, сокращаете весьма значительную сумму изъ смѣты на будущій 1824 годъ, по продовольствію войскъ вѣреннаго вамъ корпуса, я принимаю сіе новымъ доказательствомъ отличнаго вашего усердія къ службѣ и попеченія о пользѣ государственной, за что изъявляю вамъ мою признательность, поручая объявить равномерно мое удовольствіе и подчиненнымъ вашимъ, кои трудятся и усердствуютъ по береженіямъ въ продовольствіи.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ Черновцахъ. 26 сентября, 1823 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше изъ Дагестана отъ 25 января. Мнѣ весьма пріятно было видѣть изъ оного счастливое во всѣхъ отношеніяхъ окончаніе предпріятія вашего къ возстановленію спокойствія, нарушеннаго въ томъ краю мятежа ствующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживаютъ благоразумныя мѣры кротости, принятыя вами для достиженія сей цѣли. Онѣ совершенно соответствуютъ намѣреніямъ моимъ; почитаая жителей Дагестана вмѣстѣ и обитателями части Россійской Имперіи, я всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ принималъ извѣстія объ употребленіи силы оружія къ обузданію ихъ своеволія; тѣмъ болѣе остаюсь довольнымъ настоящимъ укрощеніемъ ихъ, безъ всякаго кровопролитія въ дѣйствіе приведеннымъ, за что, повторяя вамъ благодарность мою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

С.-Петербургъ. Февраля 15, 1824 года.

III.

Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше отъ 22 прошедшаго іюля. Сохраненіе по внутреннему вамъ корпусу отъ нынѣшняго года къ будущему продовольственной суммы до двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями, относя единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ къ пользѣ государственной, и оставаясь въ полной увѣренности, что вы всегда будете соединять оное съ отличною вашею службою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. Октября 2 дня, 1824 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! По причинамъ весьма уважительнымъ, о коихъ вы доложите мнѣ въ рапортѣ своемъ отъ 6 нынѣшняго сентября, я разрешаю вамъ, согласно съ пред-

оставленіемъ вашимъ, перевезть нѣтъ же изъ Георгіевска воѣ областныя присутственныя мѣста въ Ставрополь, и помѣщая оныя тамъ въ наемныхъ домахъ, пока будутъ построены для нихъ новыя зданія, употреблять на себѣ предметъ изчисленную вами сумму, до десяти тысячъ рублей въ годъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. 2 октября, 1824 года.

Письмо Ермолова къ Полковнику Б.....ву *.

Милостивый государь!

Мнѣ надобно было пройти чрезъ всю Кабарду, чтобъ удостовѣриться, до какой степени простиралось неблагодарное поведеніе ваше. Здѣсь же я узналъ, до какой степени простиралась и подлая трусость ваша, когда, догнавъ шайку разбойниковъ, уже утомленную разбоемъ и обремененную добычей, вы не смѣли напасть на нее. Слышавъ были голоса нашихъ, просящихъ о помощи, но васъ заглушила подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своихъ соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мыслей ихъ нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ, или измѣнникъ. И съ тѣмъ, и съ другимъ титуломъ нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнѣшаться вами и съ трудомъ удерживающимися отъ изъясненія достойнаго къ вамъ презрѣнія, а потому я прошу васъ успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину.

Примите увѣреніе въ томъ почтеніи, которое только вы заслуживать можете.

Ермоловъ.

Два рапорта императору Александру Павловичу**.

I.

По высочайшей конфирмаціи вашего императорскаго величества, служившіе въ бывшемъ составѣ лейбъ-гвардіи

* Это письмо относится къ происшествію, упомянутому въ *Дневникѣ* Ермолова подъ 18 сентября 1824 г.

** Подъ первымъ изъ этихъ рапортовъ не выставлено числа въ *Чиселѣхъ*, подъ вторымъ выставлено ошибочное.

Семемовскаго полка и лишенные чиновъ и орденовъ, изъ полковниковъ Ермолаевъ, изъ майоровъ князь Цербатовъ, тотчасъ по доставленіи ко мнѣ, опредѣлены на службу 41 егерскаго полка въ батальонъ, дѣйствовавшій противъ возмущившихся Чеченцевъ.

Менѣ нежели черезъ два часа по доставленіи ихъ съ малою частію войскъ дѣлать долженъ я былъ обзоръ, и уже видѣлъ я ихъ подъ ружьемъ. Послѣ сего, во все продолженіе экспедиціи противъ Чеченцевъ, въ каждомъ дѣйствиіи они были впереди, не уступая ни одному изъ солдатъ ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ.

Не вырывается у нихъ ни одна жалоба на ихъ состояніе, и я всякій разъ вижу съ уваженіемъ похвальное повиновеніе ихъ къ власти, надежду твердую на великодушіе милосердаго государя.

Ничего не дерзаю я испрашивать для нихъ, но столько же, какъ и я, знаютъ они, что не безконеченъ гнѣвъ великаго государя.

II.

Объ отличной службѣ и усердіи рядоваго Литинскаго свидѣтельствуютъ всѣ начальники, и я самъ, въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, престарѣлаго сего человека видѣлъ въ трудахъ наравнѣ съ солдатами, въ сраженіи во всѣхъ случаяхъ впереди съ храбрѣйшими. Для заглаженія вины я позволялъ ему быть съ другими войсками, когда рота, коей онъ принадлежитъ, оставалась безъ дѣйствія.

Дерзаю думать, что государь въ великодушіи своемъ проститъ прежнее преступленіе его. Служить даже по зрѣлости не способенъ. Не смѣю испрашивать ему при увольненіи прежняго 8 класса, но столь же не смѣю полагать предѣла милосердію императора.

С. Червлянское. 1826 г. (?) мая 30.

Рѣскрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Съ прискорбіемъ получилъ я довѣщеніе ваше отъ 30-го прошлаго іюля о случившихся въ Чечнѣ при Амаръ-Аджи-Юртъ и въ Аксаѣ неприятымъ происшествіямъ.

Раздѣляя мнѣніе ваше, что причиною несчастія въ первомъ мѣстѣ была оплошность командовавшаго капитана Осипова, и что смерть генералъ-лейтенанта Лисаневича послѣдовала отъ собственной его неосмотрительности, допустивъ на подобный переговоры людей несовершенно обезоруженныхъ, не могу, однакожъ, согласиться, чтобы сей генералъ былъ совершенно неспособенъ къ командованію, ибо, доказавъ въ продолженіи долговременной службы многократные опыты своего усердія, онъ и въ настоящемъ случаѣ первоначально успѣлъ удачными дѣйствіями арсѣвать превосходныя силы непріятели, и тѣмъ освободилъ укрѣпленіе Гарзели-ауль.

Какъ по послѣднему строевому рапорту считается войскъ въ краю, вамъ ввѣренномъ, болѣе 60 тысячъ,—число, каковаго тамъ въ прежнія времена никогда не бывало, то я полагаю и надѣюсь, что сихъ способствъ, при вашемъ благоразуміи, искусствѣ и испытанной дѣятельности, весьма достаточно будетъ, чтобы потушить возникающій мятежъ и возстановить прежнее спокойствіе и порядокъ.

На мѣсто покойнаго генералъ-лейтенанта Лисаневича, сходно представленію вашему, я соглашаюсь назначить командира 3 бригады 22 пѣхотной дивизіи, генералъ-майора князя Горчакова, командующимъ оною 22 пѣхотною дивизіей и исправляющимъ должность кавказскаго областного начальника, бывши увѣренъ сколько по извѣстнымъ его достоинствамъ, а ваипаче по отличному вашему объ немъ свидѣтельству, что, подъ распоряженіемъ вашимъ, онъ оправдаетъ сей выборъ принятіемъ благоразумныхъ мѣръ противу мятежниковъ и кроткимъ обращеніемъ съ мирными народами, устрояя строгимъ образомъ всякіе случаи, могущіе оскорбить тѣхъ, кои не изобличены во враждѣ.

На мѣсто же убитаго генералъ-майора Грекова, предлагаю вамъ избрать командующимъ бригадою одного изъ отличнѣйшихъ полковыхъ командировъ ввѣреннаго вамъ корпуса, по собственному усмотрѣнію вашему способности и благонадежности.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ. 18 августа 1825 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Содержаніе письма вашего ко мнѣ отъ 12 іюля и отношеній вашихъ того же числа къ графу

Нессельроду, который съ докладывалъ мнѣ, поставили меня въ необходимость войти въ некоторыя разсужденія по предмету, въ нихъ заключающемуся.

Препорученіе, данное вами г. Мазаровичу, я совершенно одобряю. Оно согласно съ миролюбивыми моими видами и общимъ ходомъ нашей политики. Личныя объясненія съ шахомъ о предполагаемомъ разграниченіи, вслѣдствіе данныхъ вамъ наставленій, будутъ персидскому правительству новымъ доказательствомъ, сколь искренно мы желаемъ утвердить дружескія съ нимъ связи и отклонить всѣ возможныя поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ.

Отдавая полную справедливость усердію вашему къ пользамъ отечества, и уважая мнѣнія ваши о дѣлахъ службы, я не могу, однакожь, раздѣлить опасеній вашихъ насчетъ военныхъ замысловъ Персіянъ противъ Россіи. Быть-можетъ, что еще встрѣтится много затрудненій въ переговорахъ съ министрами шаха и Аббасъ-мирзы, быть-можетъ что они пребудутъ неуклончивы и долго еще не согласятся уступить то, чего мы, по увѣреніямъ ихъ, не имѣемъ права требовать, на основаніи точныхъ словъ гюлистанскаго трактата. Но изъ сего трудно заключить, чтобъ они рѣшительно заготовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. До сихъ поръ мы не видали въ персидскомъ правительствѣ признаковъ подобнаго ослабленія, ни въ шахѣ воинственнаго духа, напротивъ того, всѣ дошедшія до насъ извѣстія и самыя донесенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ свидѣтельствуютъ о его наклоности къ миру. Въ такихъ мысляхъ утверждаетъ меня и послѣднее письмо Мирзы-Абуиля (?) Гассанъ-Хана, съ коего писецъ доставить вамъ графъ Нессельродъ, равно какъ и съ его отвѣта, мною одобреннаго.

По симъ причинамъ я не могу предполагать въ шахѣ намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи, и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то, по крайней мѣрѣ, соблюденія мира.

Съ другой стороны, происшествія на Кубани, и въ особенности случившіяся въ Чечнѣ, непріятныя послѣдствія общаго въ той странѣ возмущенія, о коихъ вы донесли мнѣ отъ 30 іюля, дѣлаютъ всякое наступательное движеніе противъ Персіи весьма неумѣстнымъ. Намъ нужно прежде возстановить въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ спокойствіе и порядокъ; нужно стараться истребить возмущеніе рѣшительнымъ дѣйствіемъ, для наказанія тѣхъ изъ возмутителей, кои покажутъ себя упорѣвшими, а увлеченныхъ,

но готовыхъ къ покорности, привести къ повиновенію мѣрами кротости. На каковой колець войска будутъ съ пользою употреблены въ своихъ границахъ.

Итакъ, съ вашей стороны нужно принять непремѣннымъ правиломъ охраненіе существующаго съ Персіей мира. Все дѣйствія ваши должны быть устремлены къ сей главной и полезной цѣли, и я желаю, чтобы вѣрныя надзору вашему смѣненія съ Персіей были соответственно тому учреждены.

Пробываю, впрочемъ, вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Августа 31-го дня, 1825 года.

Письмо Ермолова къ правящему должность
астраханскаго губернатора.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,
Владимиръ Савичъ!

По уведомленію вашему и подтверждающагося отовсюду слухамъ, вѣтъ сомнѣнія, что императоръ изволитъ посѣтить Астрахань.

Официально писалъ я къ вамъ о всемъ что касается до службы; теперь скажу мнѣніе мое о томъ, что не мѣшало бы сдѣлать, дабы могъ государь найдти нѣкоторое удовольствіе во время отдохновенія отъ трудовъ.

Не удивимъ баломъ государя, мы, живущіе въ сторонѣ азіатской, и по малочисленности общества и по невозможности достать того, что можетъ сдѣлать праздникъ бластательнымъ, а потому прилично было бы изобрѣсти такой праздникъ или собраніе, чтобы въ немъ участвовали всѣ лучшія или извѣстныя лица разныхъ народовъ, во множествѣ обитающихъ въ Астрахани.

Весьма жаль, что у многихъ изъ нихъ не въ обыкновеніи показывать жемъ своихъ, и въ такомъ случаѣ надобно, чтобы были жемщины наши и тѣ, которыя бывають въ обществѣ изъ иностранныхъ. Думаю, что въ числѣ сихъ посѣднихъ будутъ однѣ Армяки.

Государю пріятно будетъ видѣть купечество всѣхъ націй, а съ ними можно соединить и главныя лица священнослужителей иноземныхъ народовъ.

Конечно, не пробудетъ государь тамъ долго, чтобы

нельзя занять было всего времени, и потому пишу я къ господину Сапожникову, чтобы одѣланъ былъ завтракъ, гдѣ бы было все наше купечество и иноземное.

Разумѣется, что при томъ должны быть знатнѣйшіе изъ чиновниковъ.

Впрочемъ я увѣренъ, что вы, милостивый государь, сдѣлать изволите все то, что можетъ быть пріятнымъ императору, и лучше то знаете, нежели я, простой солдатъ, чуждый всѣхъ праздниковъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
милостиваго государя покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

21 сентября 1825 г., въ лагерѣ на Терекѣ.

Рескриптъ.

Алексѣй Петровичъ! Получивъ донесенія ваши отъ 20-го мая, отъ 9-го и 23-го іюня, о одѣланныхъ поискахъ во владѣніяхъ Закубанцевъ и объ истребленіи генералъ-майоромъ Власовымъ нѣсколькихъ ауловъ, а полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ одного селенія, въ коемъ было до 300 домовъ, я не могу перемѣнить объявленное вамъ прежде убѣжденіе мое, что подобныя поиски и истребленіе селеній, коихъ жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ ихъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами ко мщенію за обиду, ведутъ только къ большому его противу насъ ожесточенію. Почему, повторяю вамъ желаніе мое, чтобы поиски въ земляхъ сосѣдственныхъ намъ народовъ были дѣланы только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ-то: для избавленія плѣнныхъ подданныхъ нашихъ, или союзниковъ, еслибы таковыя увлечены были по какой-либо оплошности, или недостаточной осмотрительности по военной нашей линіи, или же въ такомъ разѣ, когда вѣрныя извѣстія о сборѣ и намѣреніи разбойничьихъ шаекъ напасть на границы наши представляютъ полезнымъ дѣломъ предупредить и разогнать ихъ сборища. Но и въ сихъ случаяхъ, кои могутъ быть рѣдки, я желаю, чтобы вы внушали войскамъ и въ особенности начальникамъ, подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію, чтобы всѣ дѣйствія были соображаемы болѣе съ видами существенной пользы и мочи на то поведѣніями, и что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена

противу вооруженнаго непріятеля, и соединена съ тою необходимою воинскою дисциплиной, которая въ минуту побѣды въ состояніи пощадить побѣжденнаго, и оставить всякое мщеніе надъ безоружными, надъ женами и дѣтьми, столь нетерпимое въ побѣдоносныхъ російскихъ войскахъ и помрачающее всякую славу побѣдителей. Сіе самое оставливаетъ меня и въ испрашиваемомъ вами награжденіи полковника князя Бековича-Черкаскаго орденомъ Св. Георгія; ибо если распоряженіе его къ первоначальному нападенію на непріятельское селеніе и овладѣнію онымъ безъ потери заслуживаетъ одобренія, то съ другой стороны, онъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое было окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе 300 семействъ, изъ коихъ, конечно, бѣольшая часть была женщии и дѣтей, невидимыхъ и вѣрно не участвовавшихъ въ защитѣ, еслибы даже нѣкоторые жители, при должномъ общаіи пощадѣ, и могли быть увлечены упорнѣйшими къ оборонѣ. Умѣніе удержать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военнаго начальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній.

Пребываю къ вамъ благопожеланіемъ

Александръ.

Въ Таганрогѣ. Сентября 29 дня, 1825 года.

Предписаніе Ермолова.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Въ разрѣшеніе рапорта вашего высокородія, отъ 29-го сентября № 4577, симъ поспѣшаю васъ увѣдомить, что въ разсужденіи встрѣчи государя императора, при посѣщеніи его величествомъ города Астрахани, всеконечно должны вы соображаться съ высочайшею волею, которая о семъ вамъ объявлена будетъ.

Если же вы по сему предмету не получите никакого предварительнаго повелѣнія, то встрѣтить его величество должны вы будете на границѣ губерніи.

Генералъ Ермоловъ.

1 октября 1825 г. № 25. Амиръ-Аджи-Юртъ.

Письмо Ермолова къ правящему должность астраханскаго губернатора.

Милостивый государь,
Владимиръ Савичъ!

Изъ письма вашего, отъ 27 сентября, крайне пріятно для меня было видѣть върноподданническое усердіе, съ коимъ всѣ сословія жителей города Астрахани готовятся встрѣтить достойнымъ образомъ государя императора, въ случаѣ если его величеству благоугодно будетъ удостоить городъ сей своимъ посѣщеніемъ.

Жаль будетъ, если по краткости времени пребываніе императора, какъ то и предполагать должно, невозможно будетъ привести къ исполненію всѣхъ празднествъ, которыя предвѣщаются. Впрочемъ, конечно, вы не оставите распорядиться такимъ образомъ, дабы и въ сіе короткое время всѣ состоянія городскихъ жителей были участниками въ изъявленіи общей радости, ощущаемой ими при лицезрѣніи всѣми обожаемаго монарха.

Благодаря васъ, съ своей стороны, за попеченія ваши по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые, въ случаѣ прибытія его величества въ Астрахань, должны обратить его вниманіе, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Октября 1825 г. Амиръ-Аджи-Юртъ.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину правящему должность астраханскаго губернатора

Изъ донесеній вашего высочородія, отъ 24 и 30 ноября, №№ 5589 и 5652, пріятно мнѣ было видѣть дѣятельныя мѣры, вами принятыя къ прекращенію безпокойствъ, возникшихъ было въ Яндыковскомъ уаусѣ, и благоразумныя распоряженія, учиненныя вами къ предупрежденію оныхъ на будущее время.

Въ обязанность себѣ поставая изъяснить вамъ за сіе почтенную мою благодарность, я остаюсь въ полной увѣренности, что попечительностію вашею, при содѣйствіи

выявѣ прибывшаго г. главнаго пристава Калмыцкаго народа, будутъ водворены, какъ въ семь улусѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ, прочный порядокъ и устройство.

Генералъ Ермоловъ.

№ 184. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

II.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Признавая весьма основательными всѣ распоряженія вашего высочородія, извѣщаемыя въ рапортѣ отъ 7 сентября № 4111, относительно приведенія въ порядокъ Яндыковскаго улуса, въ разсужденіи тѣхъ предметовъ, по коимъ вы требуете моего разрѣшенія, симъ васъ увѣдомляю: 1) полвѣстный владѣлецъ Надमितъ-Зайсангъ-Батырь-Амуръ долженъ быть непремѣнно обращенъ въ совладѣніе, ибо иначе данъ бы былъ поводъ къ своевольнымъ откочевкамъ и другимъ зайсангамъ, и 2) зайсанга сего, равно Габжу-Гелева, по моему мнѣнію, весьма бы полезно было, пока Яндыковский улусъ успокоится совершенно, въ предупрежденіе могущихъ произойти отъ внушенія ихъ новыхъ раздоровъ, удержать въ Астрахани.

Генералъ Ермоловъ.

№ 185. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

Замѣчанія Д. В. Давыдова, относящіяся къ періоду управленія Грузіей Алексѣя Петровича Ермолова.

Не взирая на то, что Ермоловъ прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго государемъ персидскимъ посломъ, возвратитъ нѣкоторыя присоединенныя къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искусства и энергіи, что шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукою, что было не безызвѣстно Персіанамъ, нашедся бы вынужденнымъ уступить. Не взирая на то что всемогущій въ то время Аббасъ-Мирза нисколько не скрывалъ своихъ къ намъ непріязненныхъ чувствъ, Ермоловъ успѣлъ склонить шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда выказывавшій большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ Персіанамъ высокое къ Русскимъ уваженіе, какимъ они даже не

пользовались въ послѣдствіи, послѣ нашихъ усѣховъ надъ нами. Мы говорили одинъ значительный персидскій саванникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ Персіянами, коихъ самонадѣянность постоянно возрастала въ слѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы, и что мы можемъ противопоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы.

Извѣстно, что къ Мазаровичу явился однажды Армянинъ, некогда захваченный Персіянами въ плѣнъ; хотя этотъ евнухъ былъ помощникомъ Манучаръ-хана, хранителя сокровищъ и любимца шаха, но онъ обратился къ Мазаровичу съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что, въ случаѣ пропажи чего-либо наше посольство и Армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, то Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить Армянина отказаться отъ своего намѣренія; такимъ образомъ удалось предупредить большія непріятности.

Возвратившись изъ Персіи, Ермоловъ занялся устройствомъ края; его попеченіями была улучшена, при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса, военно-грузинская дорога, созданы Имеретинская и Кахетинская линіи, и положено основаніе Сунженской. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскимъ и Черноморьемъ. До 1820 г. въ Черноморіи, зависѣвшей отъ герцога Ршелье и премьера его графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которыхъ покупались богатые англійскія заводскія лошади, существовалъ огромный штатъ конюховъ и возведены были племянникомъ Ршелье флигель-адъютантомъ Roche-Chouage нѣсколько малыхъ крѣпостей въ болотахъ. Ермоловъ, уничтоживъ безполезныя и крайне дорогіе конные заводы и упразднивъ все ненужное, распустилъ конюховъ; имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два караванъ-сарая. Шелководство и винодѣліе были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Каstellа, требовавшего большую сумму для выписыванія изъ Франціи женщинъ, привыкшихъ разматывать шелкъ, онъ приказалъ заняться этимъ солдатскимъ женамъ, подъ наблюденіемъ корпуснаго дежурнаго штабъ-офицера; онъ былъ обянанъ,

приложивъ печать къ моткамъ, пересылать ихъ въ мѣсто нахождения Ермолова. Когда въ послѣдствіи выданы были Кастелль, по приказанію графа Паскевича, 8.000 рублей бумажками, онъ бѣжалъ за границу. Желая также приучить туземцевъ къ подражанію нѣмецкому хозяйству, онъ водворилъ нѣмецкія колоніи.

Ермоловъ былъ человѣкъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смирная желѣзною рукою дикихъ хищниковъ, онъ мудрою справедливостію привлекалъ различныя народы къ признанію надъ собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностію; не смотря на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и коммисариатскія зданія были имъ построены на счетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію, и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя. (Все мною оказанное основано на официальныхъ документахъ; я могу даже присокупить, что бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ, была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ.) Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма привѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, позволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамиллярность этого энергическаго человѣка не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ этимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полковникъ или капитанъ намеревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостію, письменно просить его отказаться отъ того. Мы большею частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ приобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ; онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь свѣдѣніемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. (Хотя плодами его грозной и энергической военной системы было обузданіе горцевъ, но ему не удалось, однако, вполне возбавить одинокимъ наѣзникамъ вторгаться въ наши

предѣлы. При всемъ томъ, хищническіе набѣги, кои имѣли всегда мѣсто даже при знаменитомъ князѣ Циціановѣ, сумасбродномъ графѣ Гудовичѣ, благородномъ и изящно одѣтомъ Тормасовѣ и слабомъ Ртищевѣ, значительно уменьшились. Никто, даже пастырокія увѣщанія К. Г., не были въ силахъ обратитъ къ мирной жизни отважныхъ всадниковъ, алчущихъ лишь добычи, и у коихъ разбой возведенъ на степень добродѣтели.) Приведа однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ въ послѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости. (Весьма замѣчательно то, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, вопреки увѣреніямъ многочисленныхъ его недоброжелателей, весьма рѣдко наказывалъ виновныхъ въ послѣдніе годы своего командованія; эта система прямо противоположна образу дѣйствій многихъ филантроповъ, кои, начиная ба-ловствомъ, находятъ вскорѣ вынужденными слѣшкомъ часто обращаться къ мѣрамъ строгости, которыя уже не могутъ оказывать желаемого дѣйствія.) Онъ зналъ, что одна строгость безсилна, если ея не сопровождаютъ—неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука объ руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ;—вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, питаемыхъ къ нему жителями края. Народы Азіи, еще не знакомые съ филантропическимъ воззрѣніемъ Европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостію; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова *, чтобъ онъ о нихъ ходатайствовалъ; уступая повиди-

* А. А. Вельяминовъ, имя котораго займетъ, безъ сомнѣнія, блестящую страницу въ кавказскихъ военныхъ лѣтописяхъ, и слѣшкомъ рано похитившій смертію для пользы и благодѣянія Кавказа и славы нашего оружія, обращалъ на себя справедливое вниманіе своими замѣчательными способностями, рѣдкою самостоятельностью въ характерѣ, необыкновенно-гнѣзнымъ военнымъ взглядомъ, обширными свѣдѣніями и умѣнемъ превосходно излагать на бумагѣ свои мысли. Вельяминовъ, будучи еще штабъ-капитаномъ 1-й гвардейской артиллерійской бригады, обратилъ на себя съ 1811 года вниманіе Ермолова, при которомъ онъ состоялъ въ послѣдствіи въ званіи начальника штаба въ теченіи почти 13-ти лѣтъ. Хотя характеръ его былъ совершенно противоположенъ характеру Ермолова, но эти двѣ личности, превосходно понимавшія другъ друга, находились постоянно въ самыхъ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Вельяминовъ, любившій и почитавшій Ермолова какъ отца, приравливался, во время продолжительнаго своего при немъ служенія, къ его умѣренному образу жизни ставшійся самостоятельнымъ начальникомъ, Вельяминовъ, любившій

тому его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббасъ-Мирзы, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій некогда для Персіи оружіе въ Англіи и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, вознамѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностію передалъ ему на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля англійскаго и Лудовика XVIII. Вслѣдствіе требованія Аббаса-Мирзы выдать бѣжавшаго сановника, Ермоловъ совѣтовалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Въ послѣдствіи, онъ, возвратившись въ свое отечество, сопровождалъ Хозрева-Мирзу въ Петербургъ. Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ-нибудь свое вступленіе въ командованіе грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у государя прощеніе 40 грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе несправедливыхъ навітовъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса, открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близъ Кизляра въ пѣть храбраго въ послѣдствіи командира Куринскаго полка,

давать всему тому что онъ ни предпринималъ огромные разѣры, сдѣлался крайне расточителемъ въ отношеніи къ собственному своему состоянію; такъ, напримѣръ, во всемъ, что онъ ни покупалъ или заказывалъ, онъ бралъ за единицу дюжину. Ермоловъ имѣлъ въ немъ и нѣкоторые другихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ превосходныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ генераловъ находилась и доблестный наказной атаманъ войска Донскаго Власовъ, прославившійся на Кавказѣ знаменитою побѣдой надъ Закубанцами; Ермоловъ, отдававшій всегда полную справедливость его рѣдкимъ военнымъ и гражданскимъ достоинствамъ, но знавшій любовь его къ крайне личнымъ доносеніямъ, былъ однажды вынужденъ просить его „воздержаться отъ страсти къ многописанію“. Отправивъ къ нему листъ бумаги, обрѣзанный форменнымъ образомъ, онъ просилъ его не выходить изъ этого предѣла; хотя доносенія Власова умѣщались послѣ того лишь на одномъ форменномъ листѣ бумаги, но къ этимъ листамъ привязывались снизу довольно полныя тетради съ подробнѣйшимъ изложеніемъ всего хода дѣлъ. Между гражданскими чиновниками канцеляріи Ермолова, число коихъ никогда не превосходило девятнадцати, находились также отаично способныя и благонамѣренныя лица.

полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ сѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ до толѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15.000 руб. Шведовъ былъ вскорѣ освобожденъ, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей. До 1820 года назначалась изъ военнаго министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи. гдѣ до времени Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ Чеченцевъ, Ермоловъ выдавалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за Имеретякъ, а прочихъ продавалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на Чеченцевъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то не иначе какъ по одиночкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Въ 1820 годахъ было прислано изъ Ахена на имя Ермолова Высочайшее повелѣніе объ уступленіи Турціи областей, лежащихъ близъ Чернаго моря: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенъ, что послу нашему въ Константинополѣ, барону Строганову, было приказано обѣщать султану скорое возвращеніе этихъ земель, жители которыхъ уже обратились въ христіанскую вѣру. Ермоловъ, написавъ государю всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ были изложены гибельныя послѣдствія столь несвоевременной уступки, окончилъ его слѣдующими словами: „Если воля В. В. неотвратима, то прошу прислать маѣ преемника, для приведенія ея въ исполненіе.“ Государь, милостиво оцѣнивъ представленіе Ермолова, тотчасъ повелѣлъ барону Строганову не давать вышесказаннаго обѣщанія; если оно было уже сдѣлано, то присовокупить, что это будетъ приведено въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда дружественныя сношенія между Россіей и Турціей не измѣнятся въ теченіи 15 лѣтъ. Ермоловъ, находившійся въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италію, отказался отъ высочайше пожалованной ему аренды въ 40.000 рублей бумажками на 12 лѣтъ, въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь,

узнавъ о томъ, сказалъ ему: „Хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ: но я благодарю тебя за твой вполне деликатный и безкорыстный поступокъ.“ Посѣтивъ однажды Шушу, и увидавъ близъ великолѣпнаго дворца безнравственнаго Мехти-Кули хана Карабахскаго маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно оказалъ ему: „Я требую, чтобы къ моему будущему прѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соответствовала великолѣпнѣю вашего дворца.“ Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на туземное населеніе, которое еще боѣе усилилось, вслѣдствіе построенія самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ. Во время пребыванія барона Дибича въ Тифлисъ, Лезгины взяли въ плѣнъ молодого офицера, барона Фаркса; узнавъ о томъ, Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить не только плѣннаго, но и всѣ принадлежавшія ему вещи, какъ-то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать беззаконнымъ дѣйствіямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержаній, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскія управленія народными судами. Извѣстившись, въ 1818 году, о набѣгѣ въ наши предѣлы генераль-майора Ахметъ-хана Аварскаго, получавшаго 5000 руб. содержанія, онъ издалъ прокламацію, въ силу которой этотъ ханъ былъ объявленъ измѣнникомъ, съ лишеніемъ чина и содержанія; онъ возбудилъ противъ него, хотя не способнаго, но принадлежавшаго къ ханскому дому Сурхая. Жена Ахметъ-хана жестокосердая Гейлиге-Бике, злодѣйски умертвившая жену своего, прислала къ Ермолову муллу, съ предложеніемъ отравить мужа за извѣстную сумму; но онъ отвѣчалъ, что жизнь такого презрѣннаго негодяя не стоить ничего. Теща преданнаго намъ шахмала Тарковскаго, значительно содѣйствовавшая къ возстанію Акушинцевъ, коихъ она просила доставить возможность выпить стаканъ крови своего зятя, была въ ослана сперва въ Черный Яръ, а потомъ въ Красный Яръ, гдѣ и умерла; владѣтельный князь аула Брагуны, умертвившій самымъ измѣнническимъ образомъ своего отца и брата, былъ сосланъ въ Сибирь. Такъ какъ Удмей Кайтахскій былъ духовная особа, которая могла быть намъ опасна, то званіе его было уничтожено. Ермоловымъ были также изгнаны подъ разными

предлогами: ханъ Талышинскій, умный, но коварный генералъ-лейтенантъ Мустафа ханъ Ширванскій, котораго нашъ знаменитый атаманъ Платовъ тщетно старался захватить еще въ 1796 году, и безнравственный Мехти-Кули ханъ Карабахскій. Учреждены были народные суды, на коихъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, причемъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту майора Якубъ Шардарова, уставъ для Кабардинцевъ, коимъ они руководствуются доселѣ; у нихъ въ судахъ предсѣдательствуетъ эфенди; Ермоловъ, вполне убѣжденный, что миръ между Россіей и сосѣдними восточными государствами не могъ быть продолжителенъ, въ особенности съ Персіей, гдѣ старшій сынъ шаха, умный и расположенный къ намъ Мамадъ-Али-Мирза, родившійся отъ христіанки, былъ лишень престола въ пользу постоянно враждебнаго намъ Аббасъ-Мирзы, коего мать принадлежала къ фамиліи Каджаръ, старался приобрести себѣ тамъ союзниковъ на случай войны. Онъ потому сблизился съ Мамадъ-Али-Мирзой, который не хотѣлъ добровольно уступить престола брату своему, непризнанному еще Россіей наследникомъ его. Ермоловъ, не взирая на увѣренія многочисленныхъ его враговъ, утверждавшихъ, что онъ давно искалъ повода къ войнѣ и возбудилъ ее лишь изъ честолюбивыхъ видовъ, избѣгалъ ея однако, сколько было возможно; онъ, напротивъ, совѣтовалъ нетерпѣливому Мамадъ-Али Мирзѣ выждать благоприятнаго времени для явнаго возстанія противъ брата, тѣмъ болѣе что въ силу статьи гудистанскаго договора, мы были обязаны помогать шаху въ случаѣ междоусобной войны въ Персіи; этотъ принцъ, приносившій даже жалобу въ Петербургъ на Ермолова, который, по его мнѣнію, слишкомъ медлилъ объявленіемъ Персіи войны, былъ, къ сожалѣнію, скоро отравленъ. Ермоловъ, узнавъ, что турецкій султанъ, подъ предлогомъ смѣны гарнизона въ Трапезунтѣ, посылаетъ войско для наказанія умнаго и самостоятельнаго паши Тутчи-Оглу, рѣшился предупредить его о томъ и тѣмъ приобрести вѣрнаго союзника, на случай войны Россіи съ Турціей. Онъ отправилъ къ нему письмо, наполненное лишь привѣтствіями въ восточномъ вкусѣ, съ довѣреннымъ Армяниномъ, бывшимъ нѣкогда дядькой знаменитаго князя Багратіона; ему было приказано изустно извѣстить объ угрожавшей опасности пашу, который принялъ всѣ необ-

ходимыя штры; двѣ турецкія арміи, потерявъ всѣ свои орудія, были имъ на голову разбиты. Тутчи-Оглу прислалъ, въ свою очередь, послѣ то о въ Тифлисъ довѣренное лицо, которое, передавъ Ермолову письмо съ привѣтствіями, сказала ему: „паша обязанъ жизнью своему отцу, но тебѣ гораздо болѣе, а потому разумѣй его какъ самаго преданнаго къ тебѣ челоѣка.“ Онъ былъ, къ несчастію, вскорѣ измѣннически задушенъ. Ермоловъ приобрѣлъ также большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Лаурсаба, сдѣлавшись багдадскимъ и бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Лаурсаба отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатыя парчевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба пашы просили въ послѣдствіи позволенія перейти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ. Отправленный Ермоловымъ въ Хиву Муравьевъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ) былъ сперва посаженъ подъ арестъ ханомъ, намѣревавшимся предать его жестокой казни, но вслѣдствіе распространеннаго астраханскимъ Армянами слуха, будто бы Ермоловъ хочетъ мстить Хивинцамъ за истребленіе отряда Бековича еще во время Петра Великаго, его отпустили съ подарками въ Тифлисъ; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи двухъ знатныхъ Хивинцевъ, которые оставались тамъ довольно долгое время. Ермоловъ приобрѣлъ также вліяніе въ землѣ Туркменцевъ; владѣтель острова Черекеме, Кіатъ-ханъ Туркменскій, прислалъ даже сына своего, который поступилъ къ намъ на службу въ Эриванскій полкъ. Всѣ эти случаи, которыми я здѣсь ограничиваюсь, вполне обрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣтельствуютъ о степени нравственнаго вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣньи возвышать духъ своихъ подчиненныхъ. Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были примѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ измурить ихъ фронтовыми ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ папахи, а вмѣсто ранцевъ холщевыя мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ мыслей Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска въ коихъ чрезъ то будто бы обнару-

жилъ упадокъ дисциплины, и осмѣливавшася постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служить слова барона Дибича генералу Сабанѣеву, по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: „Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатери-
нинскимъ и суворовскимъ,“ и наши успѣхи въ войнахъ съ Персіянами и Турками. Прослуживъ въ теченіи 25 лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положя руку на сердце, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: *ребята! по-
ходи!* возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда ваша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ея предводительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбежности близкой войны съ Персіянами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда въ 1823 году. Онъ провелъ въ аулѣ Казанищи всю зиму съ 1823 на 1824 годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполне преданнаго намъ шахмала Тарковского вочныя свиданія съ Саидомъ эфенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ вліяніемъ. Во время этихъ свиданій, о коихъ не знали многіе изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-эфенди употреблять въ нашу пользу свое вліяніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами: этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года. Извѣстившись въ 1824 году о явномъ ослушаніи одного изъ дагестанскихъ муллъ, Ермоловъ приказалъ Асланъ-хану Кюринскому захватить виновнаго и переслать его въ Тифлисъ. Не зирая на то, что этотъ ханъ привыкъ, подобно прочимъ туземнымъ властителямъ, къ безпрекословному повиновенію волѣ Ермолова, но онъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, пытался на сей разъ его обмануть и медлил приведеніемъ въ исполненіе его приказанія. Вскорѣ Ермоловъ, не знавшій объ этомъ обстоятельстве, подтвердилъ свое повелѣніе хану, который, опасаясь раздражить его, захватилъ виновнаго и принялъ уже всѣ мѣры къ немедленному отправленію его въ Тифлисъ.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Куби до Тифлиса, есть истинный пунктъ перевала чрезъ Кавказъ. Вокругъ нея находятся горы гораздо выше ея. Она получила сіе названіе отъ креста, который былъ водруженъ на ней первыми Русскими, перешедшими за Кавказъ въ Грузію во времена Екатерины, но такъ какъ крестъ деревянный сгнилъ, то Ермоловъ замѣнилъ его огромнымъ крестомъ, высѣченнымъ изъ гранита, съ такимъ же подножіемъ.

Въ бумагахъ Д. В. Давыдова найдена еще слѣдующая замѣтка: „Не принадлежа къ числу тѣхъ, кои безусловно восторгаются всѣмъ что дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не взирая на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коею онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину этого надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ человѣкомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни спеціальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не взирая на замѣчательную заботливость о благоденствіи внутренняго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполне сознававшій въ себѣ недостатки свѣдѣній и опытности, и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, скромно относилъ все сдѣланное въ гражданскомъ отношеніи во время своего правленія краемъ лишь совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству, и никогда не перестававшій свидѣтельствовать о нихъ, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность. Получивъ однажды повелѣніе изложить свое мнѣніе насчетъ управленія Калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отъ зыва астраханскаго губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ

того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично-умнаго Н. Я. Бухарина, коему онъ исходатайствовалъ въ послѣдствіи аренду, и отправивъ ихъ также въ С.-Петербургъ, онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагестанѣ, Чечнѣ и другія областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ замятій, но нельзя, безъ явнаго нарушенія справедливости, не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность, при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы.“

М. ПОГОДИНЪ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО

I. Статистическія свѣдѣнія. *

Въ 1802 г. московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

Графъ Иванъ Петрович!

Санктпетербургское Вольное Экономическое Общество представило мнѣ предположеніе его о сочиненіи общаго Россіи описанія по части земледѣлія и сельскаго хозяйства. Къ составленію сего полезнаго сочиненія, ему нужно будетъ собрать съ самыхъ мѣстъ разныя свѣдѣнія, почему и расположилось общество, сообщивъ всѣмъ начальникамъ губерній начертаніе тѣхъ предметовъ, кои въ планъ сего творенія входятъ, просить содѣйствія ихъ въ скоромъ и подробнѣйшемъ доставленіи сихъ свѣдѣній, назначивъ при томъ и пристойныя награды лицамъ, кои будутъ въ составленіи ихъ трудиться. Принявъ съ удовольствіемъ столь полезное Общества Экономическаго предположеніе, я нахожу нужнымъ поручить вашему попечительному благоразумію содѣйствовать всѣми возможными мѣрами наилучшему и совершеннѣйшему успѣху сего предпріятія по вѣрнопой замъ губерніи. Все участіе, какое въ дѣлѣ семъ руководствомъ, ободреніемъ и побужденіями вашими принять вы можете, будетъ для меня весьма примѣтнымъ доказательствомъ истиннаго просвѣщенія и любви къ отечественнымъ пользамъ. Пребываю замъ благосклонный

Александръ.

Санктпетербургъ, апрѣля 10, 1802 г.

* Арх. Губ. № 181 385.

Копію съ этого рескрипта и до тридцати экземпляровъ, присланной Экономическимъ Обществомъ, программы требуемыхъ свѣдѣній, генераль-губернаторъ препроводилъ къ гражданскому губернатору Аршеневскому, съ порученіемъ разослать программу въ подвѣдомственные ему присутственныя мѣста и требовать отъ нихъ удовлетворенія ея „со всевозможною подробностію и поспѣшностію“. Одинъ экземпляръ съ такимъ же требованіемъ отправленъ былъ въ управу благочинія.

Въ Петербургъ Салтыковъ немедленно отписалъ, что онъ „усугубить все свое стараніе исполнить сію высочайшую волю во всей точности“.

Въ сентябрѣ, гражданскій губернаторъ получилъ предписаніе графа Салтыкова увѣдомить съ какимъ успѣхомъ подвигается впередъ собраніе требуемыхъ свѣдѣній. „Буде же оный въ сравненіи времени малозначащъ, то побудите въ томъ, кого слѣдуетъ. Употребите особливое ваше наблюденіе, дабы медленность въ семь дѣлъ отнюдь мѣста не имѣла.“ Такое же предписаніе послано было и управѣ благочинія.

Въ октябрѣ гражданскій губернаторъ доноситъ, что безпрестанно заботится „скорѣйшимъ окончаніемъ сего дѣла; и сколь оно ни обширно, но теперь приводится уже къ окончанію“. Управа благочинія въ то же время „почтёвнѣе рапортуетъ“, что она и прежде приказала частнымъ приставамъ доставить ей требуемыя свѣдѣнія, а теперь вновь подтвердила о немедленномъ ихъ доставленіи.

Въ декабрѣ гражданскій губернаторъ вновь получилъ напоминаніе о скорѣйшемъ доставленіи свѣдѣній, которыя предписывалось передать предварительно директору училищъ для систематическаго расположенія.

Въ іюнь слѣдующаго 1803 года, гражданскій губернаторъ довелъ, что онъ поручилъ расположеніе собранныхъ матеріаловъ директору училищъ Пельскому; но тотъ умеръ, не успѣвъ ихъ рассмотреть, и теперь они поручены учителю главнаго народнаго училища Назарову. А въ іюль управа благочинія представила результаты полицейскихъ изысканій, донося при этомъ, что „съ 1760 по 1790 годъ о торговыхъ дѣлахъ хлѣба и състныхъ припасовъ свѣдѣній по дѣламъ бывшей полиціи не оказалось“.

Доставленные управоу благочинія свѣдѣнія состояли въ вѣдомостяхъ церковныхъ и казенныхъ зданій и разнаго рода

заведеній, въ показаніяхъ о числѣ жителей и цѣнахъ на жизненные припасы съ 1790 по 1803 годъ. Всѣхъ жителей въ Москвѣ по этимъ таблицамъ насчитывалось 84.233 мужчинъ и 56.520 женщинъ. Управа благочинія не ограничилась одними голыми цифрами. Къ вѣдомости о населеніи она присоединила и характеристику торговаго сословія въ видѣ „краткаго замѣчанія о городскихъ жителяхъ.“

Вотъ это „краткое замѣчаніе“. *

„Купцы какъ московскіе, такъ и инопородные есть многіе въ обхожденіи, одеждѣ, пищѣ, въ жилищахъ и скарбѣ на вывѣшній вкусъ, а иные по обычаю предковъ носятъ платье русское и не брѣютъ бородъ, кои по большой части старообрядцы.

„Изъ оныхъ купцовъ многіе товары выписываютъ изъ другихъ государствъ, сами и продаютъ оный оптомъ для распродажи въ лавкахъ. Сверхъ того, имѣютъ нѣкоторыя фабрики и мануфактуры, равно и заводы.

„Покупающіе у выписывающихъ товары купцы отъ прилежанія и досужества къ торговлѣ пропитываютъ себя, и отъ времени составляютъ капиталъ до немалой суммы; нерадивые же въ промыслѣ и отъ роскошной жизни претерпѣваютъ бѣдность.

„Мѣщане жь занимаютъ у купцовъ при лавкахъ въ услугѣ и продажу разныхъ мелочныхъ товаровъ.“

Вообще вѣдомости управы благочинія составлены были, по видимому, со всеми признаками добросовѣстности. Тамъ, гдѣ недоставало точныхъ свѣдѣній, она прямо сознавалась, что ихъ нѣтъ, и не прибѣгала къ произвольнымъ цифрамъ. Напримѣръ о бараньемъ масѣ говорится, что оно не всегда продавалось на вѣсъ, а потому и нельзя сказать, сколько оно стоило за фунтъ; битый же баранъ „не продавался болѣе какъ отъ 1 руб. 50 коп. и до 3 рублей.“ Точность простиралась до того, что тетерева были раздѣлены на двѣ графы: глухіе и полевые. Цѣна послѣднихъ, сказано, неизвѣстна, такъ какъ „оныхъ привозятъ въ Москву изъ деревень временно;“ а примѣрно можно положить ихъ въ продажѣ по 35 коп. за пару; въ графѣ же глухихъ тетеревей замѣчено: „оныхъ въ продажѣ не было.“

* Правописаніе, отъ чающагося особенно употребленіемъ буквы е въ это мѣсто, нѣкою не сохраняется.

Но, увы! Отъ генералъ-губернатора послѣдовало замѣчаніе управѣ благочинія о томъ, что вѣдомости ея оныя нашенъ „крайне неисправными и потому на малѣйшаго вѣроятія вѣдостойными.“ Впервыхъ, въ роспись жителей Москвы не вошли воспитанники Воспитательнаго Дома и другихъ училищъ, а также ремесленники, иностранцы, отставные солдаты и прочіе разночинцы, вслѣдствіе чего количество всѣхъ жителей вышло слишкомъ малое въ сравненіи съ обширностію столицы. Число домовъ показано также невѣрно: по вѣдомости, подаваемой конторою городского строенія въ 1801 г. ихъ значится 8,472, а управа насчитала только 8.101; не могли же остальные уничтожиться въ такое короткое время. Число воинскихъ чиновъ выставлено 7.859, тогда какъ ихъ наберется, можетъ-быть, еще столько же; а это число относится только къ полевымъ полкамъ, находящимся въ гарнизонѣ. Виявыхъ и соляныхъ магазиновъ показано только по одному, несправедливость чего можетъ замѣтить и „одинъ поверхностный взоръ“. Свѣдѣній о цѣнахъ съ 1760 по 1790 годъ управа тщетно у себя искала, потому что справки о нихъ надобно было навести въ государственномъ архивѣ, гдѣ хранятся дѣла прежней полиціи и т. д. Вообще начальникъ сильно журить Управу за небреженіе и предписываетъ ей употребить „крайнее стараніе сочинить свѣдѣнія со всевозможною исправностію, не доводя его до излишней переписки.“ Въ то же время, чтобъ улучшить еще болѣе управу, генералъ-губернаторъ потребовалъ свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ и учрежденій. Между прочимъ казенная палата довела ему, что вияныхъ магазиновъ въ Москвѣ 18, а соляныхъ 10. Доставленные прочими мѣстами свѣдѣнія также болѣе или менѣе противорѣчили показаніямъ управы.

Въ августѣ Управа представила новыя, исправленныя вѣдомости о городѣ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сообщилъ ихъ гражданскому губернатору для присоединенія къ общему описанію Московской губерніи. Въ декабрѣ оныя подтверждаетъ о немедленномъ доставленіи этого описанія или объ указаніи причинъ замедленія. „Дабы, прибавляетъ начальникъ, имѣлъ а что-либо донести его императорскому величеству и очистить себя въ толикой медленности и неисполненіи высочайшей воли.“

На это гражданскій губернаторъ донесъ, что описаніе Московской губерніи уже сочинено и переписывается набѣло.

Причиною же медленности были: вопервыхъ, самая трудность собиранія свидѣній; во вторыхъ, директоръ училищъ Пельскій, который продержалъ ихъ слишкомъ полгода, ничего не сдѣлавъ, какъ оказалось послѣ его смерти.

Наконецъ, въ январѣ 1804 года Аршеневскій представилъ описаніе Московской губерніи. Онъ доводитъ при этомъ, что, за неполученіемъ нужныхъ свидѣній, не достаесть въ описаніи трехъ таблицъ (о числѣ народа и состояніи уѣздовъ, о состояніи городовъ, о городскихъ и сельскихъ жителяхъ, выходящихъ ежегодно для работъ и промысловъ), но надѣется, что въ скоромъ времени и они будутъ окончены. Въ заключеніе губернатора поручаетъ покровительству графа наиболее трудившихся при этомъ описаніи двухъ землеѣровъ, губернскаго и уѣзднаго.

Въ апрѣлѣ, преемникъ Аршеневского, Барановъ, представилъ генералъ-губернатору и остальные три таблицы (впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ напоминаній о немедленной и „неукоснительной“ ихъ доставкѣ). Тогда же описаніе Московской губерніи было отправлено въ Вольное Экономическое Общество.

Но хлопоты канцеляріи московскаго генералъ-губернатора по дѣлу о статистическихъ свидѣніяхъ тѣмъ еще не кончились. Въ маѣ преемникъ Салтыкова, Беклешовъ, получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (Кочубея) бумагу, въ которой тотъ проситъ доставить ему копію съ описанія Московской губерніи. Министръ, сказано въ бумагѣ: „считаетъ, что оно можетъ быть полезно для разныхъ соображеній и по хозяйственной части ввѣреннаго ему министерства“. Въ августѣ того же 1804 года отправлена и требуемая копія.

II. Лугъ Воронежъ. *

Двѣ деревни Бронницкаго уѣзда (Москов. губ.) Вертячево, принадлежавшее удѣльному вѣдомству, и Софьино, помѣщичья Пещеевой, вели тяжбу о спорномъ лугѣ Воронежѣ. Дѣло ихъ производилось въ Бронницкомъ уѣздномъ судѣ, и производилось съ обычною медленностью. А между тѣмъ, враждебное настроеніе двухъ сосѣднихъ деревень грозило перейти въ открытую войну. Наконецъ, въ томъ 1803 года, когда пришло

* Ibid. № 181, 508.

время сѣнокоса, Бронницкій земскій судъ по указу уѣзднаго суда, отпразднвалъ дворянскаго засѣдателя, съ предписаніемъ отобрать отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ подписку оставаться спокойными до рѣшенія дѣла (въ высшей инстанціи). Вместе съ тѣмъ засѣдателю поручено было удерживать вертячевскихъ крестьянъ отъ всякихъ ссоръ и дракъ съ софьинскими, когда послѣдніе будутъ производить сѣнокосъ. Но крестьяне не дали требуемой подписки; причемъ та и другая сторона представляли доказательства своихъ правъ на владѣніе лугомъ. Когда же софьинскіе крестьяне начали косить, вертячевскіе собрались съ кольями, косами и ружьями; произвели драку съ своими противниками, стрѣляли изъ ружей и били въ набатъ. Засѣдателю однако удалось съ понятыми разныхъ селеній удерживать вертячевскихъ отъ дальнѣйшаго буйства и взять четырехъ главныхъ зачинщиковъ для предаванія ихъ суду.

О происшествіи этомъ бронницкій земскій исправникъ рапортовалъ гражданскому губернатору Аршеневскому, а послѣдній генералъ-губернатору графу Салтыкову. Въ рапортѣ своемъ Аршеневскій прибавляетъ, что главною причиною драки былъ Бронницкій уѣздный судъ, которому онъ уже троекратно предписывалъ рѣшить тяжбу „въ самоскорѣйшемъ времени“; теперь же онъ предложилъ губернскому правленію за такое нерадѣніе оштрафовать уѣздный судъ „тягчайшею пеней“ и „строжайше подтвердить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, какъ о помянутомъ лугѣ Воронца, такъ и о главныхъ зачинщикахъ драки.“

Между тѣмъ какъ вышія власти собирались тягчайше оштрафовать низшую судебную инстанцію и началось дѣло о зачинщикахъ драки, вертячевскіе крестьяне нисколько не думали уступить лугъ своимъ противникамъ безъ боя.

Земскій судъ вновь командировалъ засѣдателя Вальцева, для присутствія при скошеніи травы софьинскими крестьянами съ луга Воронца. 21 августа, засѣдатель выѣхалъ изъ города, на этотъ разъ вместе съ уѣзднымъ стряпчимъ. При нихъ были два писца изъ приказныхъ, одинъ солдатъ бронницкой воинской команды, да 10 понятыхъ изъ разныхъ сосѣднихъ деревень. Крестьяне села Софьина съ принадлежащими къ нему деревнями вышли на лугъ Воронца, и начали размѣривать его по душамъ для сѣнокоса. Между тѣмъ, засѣдатель послалъ одного изъ понятыхъ, именно мячковскаго голову

Алексѣя Иванова, узнать о намѣреніяхъ вертячевскихъ крестьянъ. Голова скоро воротилась, и донесъ, что они просятъ засѣдателя къ себѣ въ деревню объявить имъ указъ или предписаніе, на основаніи котораго Софьинцы допускаются къ сѣнокосу; въ противномъ случаѣ, грозятъ опять имъ воспрепятствовать. Засѣдатель, вмѣстѣ съ страпчимъ и со всею свитой отправился въ Вертячево. По требованію крестьянъ, онъ прочелъ имъ копію съ резолюціи земскаго суда. Но крестьяне объявили, что они не допустятъ косить „ихъ природный, подворный лугъ“. Напрасно засѣдатель и страпчій старались ихъ уговорить.

„Разбой!“ закричали вдругъ Вертячевцы.—„Принимайся ребята за колья. Пожаръ!“ Въ эту минуту вспыхнула какая-то баня, и ударили въ набать.—„Не пускай помятыхъ. Лови засѣдателя и вляжи ему руки.“—Какой-то Родіонъ Дмитріевъ схватилъ уже бѣднаго засѣдателя за мундиръ. Однако тотъ вырвался, и „началъ спасаться бѣгствомъ обще съ господномъ страпчимъ“ на лугъ Воронежъ, подъ защиту софьинскихъ крестьянъ. Имъ удалось уйти съ большею частію своей свиты, но оба приказные и двое изъ помятыхъ остались въ рукахъ бунтовщиковъ.

Затѣмъ вертячевскіе крестьяне вышли изъ своей деревни съ кольями и „претостыми рычагами.“ Софьинскіе, во избѣжаніе смертоубійства, хотѣли уйти съ луга; но Вертячевцы бросились перенимать имъ дорогу. Софьинцы опять воротились на лугъ. Противники ихъ остановились и, поставъ немного, пошли тушить свои бани, махая и крича крестьянамъ Новаго Села, чтобы тѣ шли къ нимъ на помощь. Новосельцы, дѣйствительно, собрались толпою на другой сторонѣ Москвы рѣки; но видя, что Софьинцы спокойно сидятъ на лугу, разошлись.

Въ это время изъ Вертячева пришелъ приказный Кроповъ, и донесъ засѣдателя, что крестьяне его отпустили безъ побоевъ; а другаго приказнаго, Лещинскаго, прибили. Связавъ руки назадъ, таскали его по улицѣ, и хотятъ везти въ Москву, говоря, что онъ зажегъ ихъ бани. Слышалъ Кроповъ и такія похвалы отъ бунтовщиковъ: „Счастливъ-де засѣдатель, что мы его не вагнали, а то бы употчивали и вмѣстѣ съ волостнымъ головою.“ Отпуская Кропова, они велѣли сказать засѣдателя, чтобы не позволялъ софьинскимъ косить

лугъ, а то всѣхъ перебьютъ. „Умремъ всѣ на мѣстѣ, кричали Вертячевцы, а софьинскимъ не уступимъ!“

Засѣдатель приказалъ Софьинцамъ идти домой, а для обереганія лугу, оставилъ двухъ сотскихъ, поручивъ имъ также узнать о судьбѣ Лецинскаго. Двое задержанныхъ помятыхъ искорѣ воротились невредимыми. А Лецинскій, какъ донесъ потомъ засѣдателю одинъ изъ сотскихъ, отъ побоевъ едва живъ.

Рапортуя въ Москву о такихъ „буйственныхъ поступкахъ“ вертячевскихъ крестьянъ, земскій судъ доносилъ, что безъ воинской команды невозможно забрать подъ стражу бунтовчиковъ.

Генераль-губернаторъ тотчасъ послалъ ордеръ шефу Московскаго гарнизоннаго полка, генераль-лейтенанту Бронну, объ отправленіи роты солдатъ въ деревню Вертячево. Броння командировалъ роту капитана Пущина. Въ то же время, по распоряженію генераль-губернатора, отъ губернскаго правленія поѣхалъ на мѣсто дѣйствія, совѣтникъ Яковлевъ. Онъ долженъ былъ, подъ прикрытіемъ военной команды, привести крестьянъ въ повиновеніе и открыть судебное сѣдствіе, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ и депутатомъ отъ уѣздной экспедиціи. Военную силу приказано было употребить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, а предварительно отобрать у крестьянъ всякое оружіе, т.-е. колья, рогатины и особенно ружья.

28 августа, совѣтникъ Яковлевъ прислалъ графу рапортъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Онъ съ товарищами своими прибылъ въ деревню въ сопровожденіи роты, собралъ всѣхъ наличныхъ крестьянъ Вертячева. Въ присутствіи священника, объявилъ имъ повелѣніе генераль-губернатора безпрекословно повиноваться рѣшенію уѣзднаго суда о спорномъ лугѣ Ворондѣ, и присоединилъ приличное увѣщаніе. Крестьяне выслушали его съ покорностію, и дали требуемую съ нихъ подписку. Софьинцы въ тотъ же день безпрепятственно приступили къ сѣнокосу. Между тѣмъ изъ лицъ, упомянутыхъ прежде въ рапортѣ засѣдателя, какъ главныхъ зачинщиковъ буйства, семеро взяты подъ стражу, и подвергнуты допросу. Кромѣ того, до пяти подсудимыхъ успѣли отлучиться изъ деревни. Земскому исправнику поручено употребить мѣры къ ихъ отысканію. Оружія въ крестьянскихъ домахъ никакого найдено не было.

Избитый приказный Лецинскій, какъ оказалось, былъ

дѣйствительно отвезенъ крестьянами въ Москву, и представленъ въ удѣльную экспедицію.

Дальнѣйшій ходъ дѣла показываетъ, что вертячевскіе крестьяне нашли защиту въ томъ вѣдомствѣ, къ которому они принадлежали. Министръ удѣловъ Троицкій поставилъ на видъ, что съ крестьянами Вертячева поступлено не совсемъ законно. Тяжба производилась въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и рѣшеніе уѣзднаго суда не есть безапелляціонное. Слѣдовательно, земскій судъ не могъ приводить его въ исполненіе, не сообщивъ притомъ предварительно удѣльной экспедиціи. Сопротивленіе крестьянъ очевидно произошло отъ незнакомія судебныхъ порядковъ; при объявленіи же имъ повелѣнія военнаго губернатора они оказали полное повиновеніе. Троицкій „за долгъ поставилъ обстоятельство сіе представить всемилостивѣйшему воззрѣнію Государя Императора, предупреждая, дабы дѣло сіе не навлекло бѣднымъ крестьянамъ раззоренія“. Государь разрѣшилъ ему отнестись о томъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею. А послѣдній предложилъ графу Салтыкову, постановить крестьянамъ мѣру взысканія „безъ той строгости, какую бы они заслуживали въ случаѣ совершеннаго неповиновенія власти и безъ навлеченія имъ утѣшенія или раззоренія“.

Это предложеніе сдѣлано въ октябрѣ мѣсяцѣ. Но уже въ сентябрѣ спокойствіе было водворено въ деревнѣ Вертячевъ; девять подсудимыхъ послѣ предварительнаго слѣдствія препровождены въ Бронницкій земскій судъ, который долженъ былъ передать ихъ въ уѣздный судъ „къ законному сужденію“. Пятеро бѣжавшихъ еще разыскивались. За тѣмъ, капитанъ Пуцинъ, по рапорту его отъ 18 сентября, со вѣрною ему ротою „благополучно“ выступилъ изъ деревни Вертячева въ Москву.

Итакъ, дѣло о зачинщикахъ буйства поступило въ уѣздный судъ, и предоставляемо законному теченію. А рѣшеніе того же суда о спорномъ лугѣ Воронцѣ по апелляціи недовольной стороны перешло на разсмотрѣніе гражданской палаты. Исходъ того и другаго дѣла намъ не извѣстенъ.

Что разказанный случай не былъ рѣдкимъ явленіемъ нашей прошлой жизни, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ томъ же Бронницкомъ уѣздѣ и тѣмъ же мѣстомъ, возникло точно такое же судебное дѣло. Деревня Дворниково, принадлежавшая

помѣщикъ Хрущовой, имѣла тяжбу о лугахъ съ крестьянами помѣщика Бека. По указу губернскаго правленія засѣдатель земскаго суда (тотъ же Вальцевъ) былъ командированъ для допущенія крестьянъ Хрущовой къ снятію травы съ спорныхъ луговъ. Но едва засѣдатель уѣхалъ, какъ крестьяне Бека, собравшись изъ разныхъ селеній, напали на Хрущовскихъ, согнали ихъ съ луга; а упряжь и прочее имущество взяли себѣ или переломали. Унтеръ-офицера, оставленнаго засѣдателемъ для наблюденія за спокойствіемъ, вогнали въ воду.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

О НЕКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ
ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ
ВЪ РОССИИ

III. *

СПОСОБЪ ВЫПУСКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ВЪ ОБРАЩЕНІЕ И РАЗЛИЧІЕ АССИГНАЦІОННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ОТЪ БАНКОВОЙ.

Въ первой главѣ настоящаго труда мы исключительно рассматривали послѣдствія *принудительнаго* (или, какъ обыкновенно говорятъ, насильственнаго, *coings forcés*) курса кредитныхъ билетовъ, то-есть безусловнаго прекращенія размѣна ихъ на звонкую монету съ конца 1856 по 1 мая 1862 г. Во второй главѣ мы говорили о возрастаніи массы кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи и потрясеніяхъ, произведенныхъ въ народномъ хозяйствѣ избыткомъ денежныхъ знаковъ, послѣ чрезвычайныхъ выпусковъ ихъ съ 1855 по 1859 г. Какъ въ первой главѣ мы преимущественно имѣли въ виду цѣн-

* См. I главу въ № 1 *Русск. Вѣстн.* 1863 г., II—въ №№ 5 и 6.

ность кредитныхъ билетовъ относительно всемірной или металлической денежной единицы и вредныя послѣдствія колебаній этой цѣнности, такъ во второй главѣ мы преимущественно заняты были *количествомъ* билетовъ въ обращеніи и старались показать дѣйствіе избытка денежныхъ знаковъ въ разныхъ промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ обстоятельствахъ послѣдняго времени. Вѣрныя первоначально избранному нами способу изученія, мы до сихъ поръ почти не касались третьей стороны бумажнаго денежнаго обращенія, — вопроса о *способѣ выпуска* денежныхъ знаковъ въ обращеніе; мы говоримъ почти не касались, ибо въ предыдущей главѣ, описывая наши промышленныя и коммерческія затрудненія, мы уже отчасти видѣли дѣйствіе въ нихъ того особаго обстоятельства, что вновь выпущенные въ военное время кредитные билеты служили она покрытіе государственныхъ расходовъ и проникали въ народное обращеніе каналами государственнаго казначейства и администраціи, а не коммерческими. Изображая обстоятельства нашего народнаго хозяйства вслѣдъ за восточною войной, во всей ихъ фактической цѣлости и исторической послѣдовательности, мы не могли вовсе умолчать о дѣйствиіи самой *системы выпуска* кредитныхъ билетовъ, и уже нѣсколько разъ упоминали о ней *; тѣмъ легче будетъ намъ теперь, имѣя въ виду факты, заняться исключительно этою именно стороной бумажнаго денежнаго обращенія. Выбѣсть съ тѣмъ обсужденіе системы выпуска денежныхъ знаковъ позволить намъ всего лучше соединить всѣ до сихъ поръ разъединенныя наши разсужденія относительно разныхъ сторонъ денежнаго обращенія, и придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ.

Государственные кредитные билеты введены были въ 1843 году для замѣны въ народномъ обращеніи государственныхъ ассигнацій, которыя сперва (1769 г.) были учреждены единственно для облегченія внутреннихъ оборотовъ, въ замѣнъ мѣдной монеты, а потомъ, съ 1786 г., стали уже выпускаться *въ видахъ доставленія пособій государственному казначейству, а также обремененія подданныхъ новыми налогами*. Эта послѣдняя мысль прямо высказана императрицею Екатериною II

* См. *Русск. Вѣстн.* № 5, стр. 366, 368; и № 6, стр. 641, 645, 657, 668, 671, 676.

въ указѣ 28 юля 1786 г. *; вмѣстѣ съ тѣмъ изображена въ этомъ указѣ и другая цѣль ассигнацій: „явить вѣрноподаннымъ нашимъ знакъ нашей милости“.

Упомянутой мысли указа 1786 г. суждено было сдѣлаться на долго господствующею въ нашей бумажной денежной системѣ и источникомъ великихъ государственныхъ затрудненій для всѣхъ преемниковъ этого финансоваго наслѣдія великой монархии. Какъ ни различны были отъ екатерининскихъ ассигнацій новые бумажные денежные знаки, введенные графомъ Канкринымъ, однако и они сохранили въ себѣ всю силу тяготѣнія къ ассигнаціямъ, доставлявшимъ пособія государственному казначейству.

Различіе кредитныхъ билетовъ отъ старыхъ ассигнацій было, безъ сомнѣнія, весьма важное, и могло даже сдѣлаться первымъ шагомъ къ окончательному преобразованію денежной системы, какъ, можетъ-быть, и предполагалось сперва графомъ Канкринымъ. Кредитнымъ билетамъ былъ, на подобіе банковыхъ безпроцентныхъ или оборотныхъ знаковъ, присвоенъ постоянный размѣръ на звонкую монету, по представленію, въ замѣвъ искусственной, ассигнаціонной денежной единицы (существовавшей подлѣ другой — металлической), и узаконялась единственная металлическая денежная единица — *серебряный рубль*. Вотъ главное и существенное различіе кредитныхъ билетовъ отъ ассигнацій и сходство ихъ съ банковыми билетами. Въ то время какъ старыя ассигнаціи (не только на дѣлѣ, но и по закону) пользовались, подобно всякимъ государственнымъ ассигнаціямъ, принудительнымъ курсомъ, то-есть неразмѣнностію на звонкую монету совокупно съ законоаннымъ ходженіемъ ихъ наравнѣ съ нею, — кредитные билеты, сохраняя законный или обязательный курсъ, сдѣлались размѣнными на звонкую монету. Но кромѣ законнаго курса, для банковыхъ билетовъ вовсе не необходимаго, кредитные билеты сохранили еще другое коренное сходство съ ассигнаціями — *въ способъ своего выпуска*. Сущность ассигнацій, или *бумажныхъ денегъ*, выпускаемыхъ для покрытія государственныхъ расходовъ, отличающая ихъ отъ банковыхъ билетовъ, или кредитныхъ оборотныхъ бумагъ, выпускаемыхъ не иначе, какъ либо подлѣ звонкую монету, либо по кредитнымъ операціямъ банковъ, осталась и въ кредитныхъ билетахъ, хотя это ассигнаціонное свойство кредитныхъ

* Полное Собраніе Законовъ № 16,410.

билетовъ и должно было вполне заявить себя лишь въ послѣдствіи. *

Нѣкоторая связь, чисто, впрочемъ, наружная и механическая, въ которую поставлены были выпуски кредитныхъ билетовъ съ банками или государственными кредитными установленіями, а также и самое названіе *кредитныхъ* билетовъ на мѣсто ассигнацій, могли причинить нѣкоторое заблужденіе относительно характера кредитныхъ билетовъ,—характера какъ будто банковаго; но посмотримъ, какова была эта связь ихъ съ банками, не говоря уже о томъ, что наши банки были *казенные*, и потому самому были скорѣе государственными установленіями, какъ они весьма правильно и назывались, и вообще правительственными мѣстами, нежели *настоящими банками*.

При самомъ учрежденіи кредитныхъ билетовъ они выпущены были въ обмѣнъ на ассигнаціи и частію на депозитные билеты (обезпеченные рубль за рубль драгоценными металлами, полученными отъ частныхъ лицъ, желавшихъ имѣть болѣе удобные въ обращеніи бумажные денежные знаки). Стало-быть, кредитные билеты, такъ сказать, исторически заключали въ себѣ два элемента: ассигнаціи и депозитные билеты. ** Этотъ первоначальный способъ выпуска кредитныхъ

* Этимъ и объясняется различіе въ бумажномъ денежномъ обращеніи Англійи и Россіи, несмотря на сходство нѣкоторыхъ началъ, принятыхъ у насъ съ 1843 г., и въ Англійи, по закону Роберта Пила, съ 1844 года. Билеты англійскаго банка, имѣя, подобно нашимъ кредитнымъ билетамъ и ассигнаціямъ, узаконенный курсъ, то-есть составляя узаконенный способъ платежа во всѣхъ сдѣлкахъ (*legal tender*), не перестали быть, по способу своего вступленія въ обращеніе и изыятія изъ него, банковыми билетами. Ограниченіе предписанное Пилевскимъ закономъ 1844 г. относительно предѣловъ выпуска билетовъ, не покрытыхъ звонкою монетою, само по себѣ было бы еще недостаточно, чтобъ оградить билеты англійскаго банка отъ превращенія въ ассигнаціи, тѣмъ болѣе что ограниченіе это было два раза (въ 1847 и въ 1857 г.) отиѣняемо безъ всякаго, однако, разстройства денежнаго обращенія такими экстремальными выпусками. Сказанное нами здѣсь служить достаточнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему та же самая (судя по наружности) система денежнаго обращенія привела въ Россіи и Англійи къ совершенно различнымъ результатамъ? (См. *Русскій Вѣстн.* 1862 г. „Замѣтки о хозяйственномъ бытѣ Россіи“ Т. X.).

** Депозитные билеты, представляющіе собою свидѣтельство на сберегаемые металлы и монету, не совсѣмъ одно и то же что банковые (оборотные) билеты, которые представляютъ собою (какъ увидимъ) нѣчто иное.

билетовъ въ обмѣнъ на ассигнаціи (170 милліон.) отождествляя по своему происхожденію новые денежные знаки съ ассигнаціями, но въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ этотъ способъ первоначальнаго выпуска не заключалъ въ себѣ никакихъ затрудненій и не могъ причинить никакого вреда; находившаяся въ обращеніи масса ассигнацій представляла собою наименьшую потребность народа въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, въ прибавокъ къ звонкой монетѣ, что и было блистательно доказано приливомъ драгоценныхъ металловъ къ обмѣну на депозитные билеты (до 50 милліон.), послужившіе доказательствомъ этой наименьшей потребности. Но, какъ извѣстно, правительство не остановилось и, пожалуй, даже не могло остановиться на выпускѣ кредитныхъ билетовъ *лишь для обмѣна* на старыя ассигнаціи и на депозитные билеты; выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ (сверхъ 170 милліон., выпущенныхъ въ замѣнъ ассигнацій) только въ обмѣнъ на драгоценные металлы, приносимые частными лицами и предназначенные къ неприкосновенному храненію въ казенныхъ кассахъ, то-есть выпускъ кредитныхъ билетовъ съ *исключительнымъ характеромъ депозитныхъ билетовъ*, составляла бы единственную безусловно благонадежную для правительства выпускную операцію, ибо это единственная система выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, которая не требуетъ для себя никакихъ соответствующихъ банковыхъ операцій. Такая система была бы въ самомъ дѣлѣ, по словамъ императрицы Екатерины, „знакомъ милости къ вѣрно-подданнымъ“.

Въ одно время съ депозитными билетами, другой опытъ (выпускъ 50-ти-рублевыхъ кредитныхъ билетовъ) доказалъ, что потребность въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, для народнаго обращенія, и довѣріе къ нимъ публики такъ велики, что для выпуска ихъ и безпрепятственнаго обращенія въ рукахъ публики не требуется удостовѣренія, что драгоценные металлы, ими представляемые, будутъ оставаться *неприкосновенными* въ фондѣ для обезпеченія билетовъ, а достаточно обѣщанія выдавать звонкую монету по востребованію. И этотъ опытъ такъ удался, что поступленіе отъ публики драгоценныхъ металловъ въ обмѣнъ на кредитные билеты постоянно (по 1846 годъ) превышало обратное предъявленіе билетовъ къ обмѣну на звонкую монету. Потому признано было возможнымъ выпускать отъ времени до времени

небольшими количествами кредитные билеты вносятся въ разнѣнный фондъ не полную сумму драгоценныхъ металловъ, а лишь известную часть, и именно не менѣе $\frac{1}{6}$ части суммы выпущенныхъ такимъ образомъ билетовъ. Эта пропорція фонда $\frac{1}{6}$ къ массѣ выпускаемыхъ билетовъ сдѣлалась мало-по-малу какою-то кабалистическою цифрой, которая переходила, по предавію, между нашими финансовыми дѣятелями, представляя собою будто бы высшій предѣлъ благоразумія въ выпускахъ бумажныхъ денегъ. Удивительный примѣръ того, какую силу можетъ иногда имѣть надъ людьми потерявшая всякій смыслъ буква.

Кажется можно столькоже мало сомнѣваться въ томъ, что для оборотовъ каждой страны необходимо во всякое время известное наименьшее количество денегъ, безъ котораго они не могутъ обойтись, какъ и въ томъ, что никакая страна не можетъ обойтись безъ денегъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ изобрѣтены; далѣе, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что известное количество денегъ, посредниковъ или орудій мѣны, можетъ быть замѣнено бумажными представителями звонкой монеты, билетами, по которымъ выдавалась бы предъавителямъ звонкая монета по востребованію. Наконецъ, нельзя сомнѣваться, какъ доказалъ опытъ, и въ томъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ удобствъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ сравнительно съ металлическою монетою, известное количество этихъ знаковъ водворяется во внутреннемъ обращеніи и не предъавляется вовсе къ разнѣнью. Это известное количество можетъ повтому не требовать металлическаго обезпеченія полною суммой въ разнѣнномъ фондѣ.* Употребленіе бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какъ орудій мѣны, заключаетъ въ себѣ даже такія важныя удобства, что достаточно было чисто условной утѣнности бумагъ, подобныхъ нашимъ ассигнаціямъ, то-есть согласія правительства принимать ихъ за чистыя деньги по всемъ

* Такимъ наименьшимъ количествомъ билетовъ англійскаго банка, необходимыми для внутренняго обращенія, признано съ 1844 г. 14 милл. фунт. стерл., которые обезпечиваются не драгоценными металлами, а только долгомъ правительства банку, въ томъ числѣ 11 милл. фунт. стерл. долга, записаннаго лишь по книгамъ, безъ выдачи банку соответствующихъ этому долгу кредитныхъ цѣнностей или бумагъ, подлежащихъ отчужденію.

звѣдѣнныя платежамъ, и объявленія ихъ законнымъ способомъ расплаты въ частныхъ сдѣлкахъ, чтобы въ некоторое количество такихъ бумагъ прочнымъ образомъ водворилось въ обращеніи. Такое *наименьшее, неизлѣнно необходимое* для внутренняго народнаго обращенія количество орудій мѣны, какъ всюду замѣчено, довольно постоянно, и если измѣняется, то весьма не быстро; если даже оно съ возрастаніемъ промышленности, торговли и народонаселенія, обуславливающихъ собою количество денежныхъ сдѣлокъ, а потому и количество нужныхъ для нихъ орудій, должно возрастать, то съ другой стороны, при нѣкоторыхъ условіяхъ, при развитіи разныхъ коммерческихъ и кредитныхъ учрежденій и обычаевъ, упрощающихъ денежные расчеты (каковы, напримѣръ, банкирскіе дома, занимающіеся переводами денегъ и взаимными счетами торгующихъ, текущіе счета въ банкахъ, чеки и проч.), это *наименьшее постоянное количество* необходимыхъ для народа орудій мѣны, должно скорѣе даже уменьшаться нежели возрастать. Это явленіе было уже замѣчено въ Англіи и Шотландіи. Во всякомъ случаѣ, очевидно, не можетъ быть никакого основанія полагать, что для народнаго обращенія потребуется вдругъ на 60 милл. болѣе денегъ, потому лишь, что въ это время 10 милл. золота и серебра отложено въ мѣсто, называемое размѣннымъ фондомъ (можетъ-быть даже принесено публично за извѣстествомъ ихъ для обращенія). Выводить подобное предположеніе изъ того только, что наименьшее постоянное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, при безусловномъ довѣріи публики къ ихъ размѣнности, могло быть обезпечено въ размѣнномъ фондѣ не полною суммой, а одною шестю (какъ было сдѣлано граф. Канкриннымъ при учрежденіи кредитныхъ билетовъ)—было бы весьма странно. Между тѣмъ, на основаніи этого расчета $\frac{1}{6}$ доли металлическаго обезпеченія, откладываемаго въ размѣнный фондъ, производилась у насъ всѣ послѣдующіе выпуски кредитныхъ билетовъ. Но осуждая съ точки зрѣнія теоріи такую ни на чемъ не основанную систему выпусковъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе, мы не должны, однако, упускать изъ виду обстоятельствъ, которыя ее обуславливали, и не позволяли водвориться у насъ иной, болѣе рациональной системѣ выпуска оборотныхъ знаковъ, и которыя отчасти оправдываютъ опасныя для правительства выпуски новыхъ кредитныхъ

билетовъ, не покрытыхъ (въ полной суммѣ) звонкою монетою въ размѣнномъ фондѣ. *

Дѣло въ томъ, что кромѣ движеній размѣннаго фонда,— движеній оказывающихся уже послѣ выпусковъ, правительство не имѣло никакихъ указаній на размѣры потребности въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ.

Правда, что всѣ кредитные билеты, выдававшіеся не въ обмѣнъ на звонкую монету, выпускались въ народное обращеніе и у насъ (исключая чрезвычайныхъ выпусковъ 1855—1857 г., прямо предназначенныхъ на покрытіе государственныхъ расходовъ) путемъ банковыхъ учрежденій; но эта связь выпускной операціи съ банковыми операціями была, можно сказать, мнимая. Кредитные билеты выпускались для такъ-называемаго подкрѣпленія банковыхъ кассъ (начавшагося еще при графѣ Канкринѣ); но государственное казначейство постоянно заимствовало изъ вкладовъ кредитныхъ установленій и возвращало эти займы новыми кредитными билетами, что и называлось подкрѣпленіемъ кассъ. Такимъ образомъ собственно не банки, а казна выпускала въ обращеніе кредитные билеты; ибо настоящая выпускная операція заключалась не въ банковыхъ ссудахъ, выдававшихся изъ вкладовъ, а въ покрытіи государственныхъ расходовъ заимствованиями изъ банковыхъ кассъ. Такимъ образомъ, если даже и смотрѣть на наши кредитныя установленія, какъ на настоящіе банки и самостоятельныя, отдѣльныя отъ государственнаго казначейства, учрежденія, то выпускная операція все же была не въ ихъ рукахъ и распоряженіи, и служила не кредитнымъ операціямъ банковъ, а была въ полномъ распоряженіи государственнаго казначейства и служила его цѣлямъ. Впрочемъ, съ другой стороны, самое устройство нашихъ банковыхъ установленій вызывало заимствования изъ нихъ государственнаго казначейства; вся система ихъ операцій и, между прочимъ, правила безостановочнаго пріема процентныхъ вкладовъ, не всегда находившихъ достаточное для себя употребленіе

* Само собою разумѣется, что мы говоримъ это единственно о выпускахъ нормальнаго періода денежнаго обращенія до восточной войны, на которую были истрачены чрезвычайные выпуски 1855—1857 г., не имѣющіе для себя ничего подобнаго въ предыдущемъ нормальномъ періодѣ и произведенные даже безъ соблюденія традиціоннаго правила объ $\frac{1}{8}$ долѣ металлическаго обезпеченія.

въ судахъ частнымъ лицамъ, вынуждали обращать въ государственные займы вклады, накоплавшіеся и обременявшіе собою банки. Въмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что собственно выпускная операція (то-есть выпускъ безпроцентныхъ или оборотныхъ денежныхъ знаковъ) и не могла быть принадлежностію нашихъ банковыхъ установленій, ибо эта операція во имѣть органической связи съ сущностію кредитныхъ операцій, которыми занимались наши банки: ихъ главный и почти исключительный предметъ былъ поземельный и долгосрочный кредитъ, съ которымъ никакъ не можетъ быть правильнымъ образомъ соединенъ выпускъ безпроцентныхъ билетовъ. Вслѣдствіе всего этого, преобразованію нашей денежной системы необходимо должно было предшествовать преобразованіе нашихъ банковыхъ учрежденій. *

Устройство нашихъ банковыхъ учрежденій было, дѣйствительно, тѣсно связано съ системой нашего бумажнаго денежнаго обращенія, но не въ томъ смыслѣ, чтобы выпуски бумажныхъ денежныхъ знаковъ служили для банковыхъ операцій, какъ это бываетъ при выпускѣ настоящихъ банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ. Связь нашей бумажной денежной системы съ банками была совершенно въ обратномъ смыслѣ, то-есть организація банковыхъ операцій сама обуславливалась выпусками бумажныхъ денежныхъ знаковъ для цѣлей государственнаго казначейства, — выпусками денежныхъ знаковъ, какъ государственныхъ ассигнацій; безостановочный приѣмъ банковыхъ вкладовъ и долгосрочнаго

* Мы весьма были удивлены, встрѣтивъ восхваленіе дѣйствовавшей у насъ банковской и денежной системы въ статьѣ одного автора, котораго практическія коммерческія свидѣнія заставляли насъ ожидать отъ него совершенно иного образа мыслей. Мы говоримъ о статьѣ г. Туло: „Russlands Finanzlage“ (см. *Baltische Monatschrift* 1862. Mai). Мы упоминаемъ объ этой статьѣ лишь потому, что она произвела въ свое время впечатлѣніе въ коммерческихъ кругахъ, и дѣйствительно имѣть свои достоинства. Мы всего менѣе можемъ помять, какъ можетъ авторъ, практическій знатокъ коммерческихъ и кредитныхъ операцій, находить нормальнымъ выпускъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ въ совокупности съ операціями по долгосрочному кредиту, хотя бы даже эти знаки и не предназначались для покрытія государственныхъ расходовъ, и какъ она можетъ оправдывать процентные вклады, съ востребованіемъ, въ нашихъ прежнихъ банкахъ (р. 453—454) въ соединеніи съ долгосрочными судами?

ссуды служили, съ одной стороны, весьма важнымъ *отвлекающимъ* средствомъ противъ потрясеній, производимыхъ выпусками кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій, и съ другой стороны они же содѣйствовали самымъ выпускамъ, прикрывая ихъ благовидностью наружныхъ формъ банковской системы и въ то же время завлекая казначейство въ постоянное увеличеніе государственнаго долга. Въ сущности это, дѣйствительно, была одна цѣльная и весьма послѣдовательная система бумажнаго денежнаго обращенія, основанная на выпускѣ денежныхъ знаковъ, какъ государственныхъ ассигнацій.

Съ кореннымъ преобразованиемъ въ нашей банковской системѣ, съ ликвидаціей всѣхъ нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, исключая коммерческаго банка, съ прекращеніемъ всѣхъ долгосрочныхъ банковыхъ ссудъ подѣ залогъ недвижимыхъ имуществъ и приѣма вкладовъ на прежнихъ основаніяхъ, съ учрежденіемъ государственнаго банка, на мѣсто прежняго коммерческаго, съ присоединеніемъ къ нему экспедиціи кредитныхъ билетовъ и со включеніемъ всѣхъ счетовъ по нимъ въ счета государственнаго банка, кредитные билеты получили нѣкоторое тяготѣніе къ характеру банковыхъ билетовъ, подобно тому какъ вслѣдъ за водвореніемъ ихъ они тяготѣли къ характеру ассигнацій. Какъ извѣстно, теперь прекращены всякіе другіе ихъ выпуски, исключая обмѣна на драгоцѣнные металлы (по смыслу указа 14 апрѣля 1862 г.).

Но прежде нежели мы будемъ говорить объ этихъ видахъ на лучшее будущее, мы должны въ точности обозначить тѣ неправильности, которыя были приданы нашему денежному обращенію способомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій.

Безпроцентные денежные знаки, выпускаемые правительствами,—*ассигнаціи*, или *бумажные деньги*,—и тѣ же самые безпроцентные денежные знаки, выпускаемые банками—*банковые билеты*, или *банкноты*—могутъ имѣть и имѣютъ весьма много *общихъ и въ наружныхъ* свойствъ, служащихъ поводомъ къ смѣшенію этихъ двухъ кореннымъ образомъ различныхъ категорій оборотныхъ знаковъ. *

* Для различенія ассигнацій отъ банковыхъ билетовъ Французы называютъ первыя *papier monnaie*, а вторыя—*monnaie de papier*, причислая

Свойство общее и банковымъ безпроцентнымъ билетамъ и ассигнаціямъ есть прежде всего то, что какъ тѣ, такъ и другіе одинаково служатъ въ народномъ хозяйствѣ *орудіями* или *посредниками* мѣны товаровъ или цѣнностей и, въ этомъ смыслѣ, какъ тѣ, такъ и другіе могутъ быть называемы *денегами*, въ различіе отъ товаровъ, для взаимнаго обмѣна которыхъ тѣ и другіе одинаково служатъ. Въ денежномъ и товарномъ обращеніи обѣ категоріи оборотныхъ денежныхъ знаковъ могутъ быть, въ одной совокупной массѣ, противопоставляемы массѣ товаровъ: на денежномъ рынкѣ, какъ оборотные билеты, выпускаемые банкомъ, такъ и ассигнаціи, выпускаемыя правительствами, составляютъ покупную силу относительно товаровъ, или *спросъ на товаръ*, подобно тому какъ всякій товаръ, являющийся на рынокъ, представляетъ собою *спросъ на деньги*. Но дѣйствіе покупной силы въ банковыхъ билетахъ и ассигнаціяхъ и отношеніе этой силы въ тѣхъ и другихъ къ промышленности, торговлѣ и кредиту, весьма различны и могутъ быть тождественны лишь при нѣкоторыхъ особыхъ и весьма исключительныхъ условіяхъ, какъ мы увидимъ ниже. Кромѣ того, какъ банковымъ билетамъ, такъ и ассигнаціямъ могутъ быть искусственно присвоиваемы нѣкоторыя общія свойства, составляющія характеристическія особенности одной изъ двухъ категорій. Для примѣра можно указать на обязательный или узаконенный курсъ билетовъ Англійскаго банка, удобообляющій ихъ ассигнаціямъ, также на временную неразмѣнность или привудительный курсъ билетовъ Англійскаго банка съ 1796 по 1819 г., съ другой стороны на размѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, уподоблявшій ихъ банковымъ билетамъ и т. д. Каждое изъ этихъ свойствъ и условій обращенія, встречающихся какъ въ ассигнаціяхъ, такъ и въ банковыхъ билетахъ, болѣе или менѣе родственное или чуждое натурѣ той и другой категоріи бумагъ, можетъ быть выведено изъ сущности лишь одной изъ нихъ и лишь искусственнымъ образомъ названо другой; но во всякомъ случаѣ, въ дѣйствительности, всѣ эти свойства и условія весьма часто являются во взаимномъ смѣшеніи и вмѣкаютъ въ смѣшеніе самыя понятія, присущія натурѣ той

сюда всякаго рода оборотныя кредитныя бумаги: векселя, переводы, чеки и проч., составляющія вмѣстѣ съ безпроцентными банковыми билетами категорію *кредитныхъ бумагъ* (*papier de crédit*) въ отлччіе отъ *бумажныхъ денегъ* (названія, принадлежащаго только ассигнаціямъ).

и другой категоріи. Самое существенное характеристическое различіе ассигнацій и банковыхъ билетовъ, сопровождающееся и внѣшними, для всѣхъ обязательными признаками, заключается въ различіи способа выпуска тѣхъ и другихъ въ народное обращеніе.

Государственныя *бумажныя деньги*, или ассигнаціи выпускаются въ народное обращеніе посредствомъ *платежей*, а банковые билеты посредствомъ *ссуды*. * Въ этомъ многіе новѣйшіе экономисты видятъ первоначально основное различіе оборотныхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ правительствами подъ разными наименованіями, имѣющими для себя одно общепринятое названіе ассигнацій, отъ такихъ же знаковъ (банкнотъ, банкцестелей), выпускаемыхъ банками; различіе это можетъ служить основаніемъ для объясненія всѣхъ прочихъ отличительныхъ принадлежностей тѣхъ и другихъ.

Ассигнація, выдаваемая правительствомъ, непременно служитъ для какого-нибудь платежа, представляетъ собою окончательную расплату, какъ бы чистыми деньгами, за какую-нибудь потребленную казною цѣнность или товаръ (за вещь-ли товаръ, нужный для правительства, или услуга, жалованье должностнымъ лицамъ, или въ уплату стараго долга) и не представляетъ собою *никакой кредитной сдѣлки*, влекущей за собою дальнѣйшую и окончательную расплату. Банковый безпроцентный, или оборотный, билетъ, выдаваемый банкомъ взамѣнъ какого-нибудь долговаго обязательства со стороны частнаго лица банку, непременно представляетъ собою какую-нибудь кредитную сдѣлку; благонадѣжна или рискованна эта сдѣлка—другое дѣло, не измѣняющее сущности созданной банкомъ бумаги, и имѣющее прямое значеніе только для состоятельности банка, а для обращенія этой бумаги лишь косвенное, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Бан-

* Это чрезвычайно ясное и вѣрное опредѣленіе фундаментальнаго различія ассигнацій отъ банковыхъ билетовъ принадлежитъ одному изъ первостепенныхъ английскихъ знатоковъ по кредитной части, Фуллартону (*On the regulation of currencies Lond. 1844*). Прекрасное развитіе этого опредѣленія сдѣлано г. Вагнеромъ (*Beiträge zur Lehre von den Banken, Lpz. 1857, p. 120 — 123*). Ср. также о различіи банковыхъ билетовъ отъ ассигнацій. Hübner, *Die Banken*, Lpz. 1854 г. (p. 41); Courcelle-Seneuil, *Traité théorique et pratique d'économie politique*, P. 1859. T. II (p. 336 — 354) Michel Chevalier, *La monnaie*, P. 1850 (p. 385).

ковый билетъ дурно или хорошо, но непременно полною суммою обезпеченъ, независимо отъ собственнаго капитала банка (также и независимо отъ размѣннаго металлическаго фонда, обезпечивающаго размѣвъ билета на звонкую монету, по предъявленію) и его кредитной отвѣтственности; его обезпечиваетъ полною суммою срочное долговое обязательство, выданное банку отъ его заемщика. Выпущенный такимъ образомъ банковый билетъ есть послѣдствіе, или выраженіе двухъ кредитовъ или двухъ долговыхъ обязательствъ, одно другое покрывающихъ или погашающихъ: обязательства заемщика, получателя билета передъ банкомъ и обязательства банка передъ получателемъ билета и лицами въ чьихъ рукахъ онъ будетъ находиться, т.-е. публикой. Ассигнація, если она заключаетъ въ себѣ кредитъ, то только односторонній и безсрочный: правительства, государства передъ публикой. Она обезпечивается такъ-называемымъ достояніемъ государства, т.-е. государственными имуществами и правомъ на налогъ, но не покрыта никакимъ срочнымъ долговымъ обязательствомъ, съ погашеніемъ котораго ассигнація могла бы сама собою возвратиться отъ публики къ учрежденію его выпустившему. Ассигнація можетъ возвратиться изъ народнаго обращенія въ руки правительства только путемъ взноса податей или какихъ-нибудь платежей въ казну; но такое возвращеніе ассигнацій, возможное и безпрестанно случающееся, противно какъ самой цѣли выпуска ассигнацій, такъ и цѣли всякаго платежа, поступающаго въ казну. Взиманіе всякаго новаго платежа въ казну должно снабдить ее новыми наличными деньгами, уже получившими свое назначеніе въ бюджетѣ. Потому поступившія обратно въ казну бумажныя деньги должны непременно снова вступить въ обращеніе, а изытіе ихъ изъ обращенія можетъ составить предметъ лишь особой финансовой операціи, не заключающейся въ самой операціи выпуска. Правительство, въ послѣднемъ случаѣ, должно обратиться къ источникамъ обезпеченія своихъ денежныхъ знаковъ, къ государственнымъ имуществамъ и къ праву налога такъ или иначе реализовать эти источники, т.-е. создать изъ нихъ новые наличные способы для выкупа своихъ денежныхъ знаковъ изъ обращенія, или же выдать взамѣвъ ихъ долгосрочныя и процентныя обязательства, т.-е. заключить новый заемъ.

Совершенно противоположный характеръ имѣтъ всякая банковая операція, давшая поводъ къ выпуску банковыхъ билетовъ; въ ней самой, въ ея завершеніи необходимо заключается обратное шествіе билетовъ въ банкъ изъ рукъ лицъ, получившихъ отъ него ссуды, т.-е. изъ публичнаго обращенія, ибо всякій выпускъ банковыхъ билетовъ, составляющихъ долговья обязательства банка передъ публикою, обезпеченъ соотвѣтствующимъ долгомъ публики передъ банкомъ; этотъ долгъ и будетъ въ извѣстный срокъ уплаченъ билетами банка. Банкъ, выдавъ свои билеты посредствомъ дисконта векселей, долженъ съ наступленіемъ сроковъ векселей получить уплату по этимъ векселямъ, остающимся у него до сроковъ въ портфель. По всякому выпуску билетовъ банкъ имѣтъ непременно получить какой-нибудь наличный платежъ, который можетъ возвратитъ къ нему его билеты, даже если банкъ не размѣниваетъ своихъ билетовъ на звонкую монету. Это обратное теченіе билетовъ въ банкъ по всемъ должнымъ ему платежамъ, идущее параллельно выпускамъ билетовъ въ обращеніе, имѣтъ первостепенную важность; оно само собою и безъ размѣна изъемятъ ихъ изъ обращенія, и само собою погашаетъ долговья обязательства банка передъ публикою, заключающіяся въ его билетахъ; При томъ, вслѣдствіе того что банкъ взѣмаетъ по всемъ открываемымъ имъ кредитамъ проценты, суммы, возвращающіяся въ банкъ, даже превосходятъ суммы, выданныя имъ въ ссуду. Съ приостановкой новыхъ кредитовъ, даваемыхъ банкомъ, всѣ его билеты могутъ безъ размѣна, сами собою и весьма скоро, возвратиться къ нему путемъ должныхъ ему платежей по прежнимъ кредитамъ. Это обратное теченіе уменьшаетъ количество обращающихся билетовъ независимо отъ размѣна ихъ на звонкую монету въ кассѣ банка по востребованію *. Размѣнъ, хотя и необходимое нормальное условіе для всякихъ банковыхъ билетовъ, самъ по себѣ еще не отличаетъ банковыхъ билетовъ отъ государственныхъ ассигнацій, которыя иногда также могутъ быть размѣнены (какъ было у насъ). Непрерывный размѣнъ на звонкую монету въ кассахъ банка его билетовъ, которые, вступивъ въ публичное обращеніе, замѣняютъ собою ме-

* Поэтому-то всякое возвышеніе банковаго дисконта способно такъ быстро и такъ энергически сокращать обращеніе банковыхъ билетовъ.

талическія деньги и обращаются совокупно съ ними, имѣть спеціальнымъ своимъ назначеніемъ сохранить единство денежной единицы, или всеобщаго мѣрила цѣнности * въ звонкой монетѣ и въ бумажныхъ ея представителяхъ, обезпечить публику на случай надобности собственно въ звонкой монетѣ (т. е. именно, въ этомъ родѣ наличности), служить непрерывно термометромъ потребности публики какъ въ звонкой монетѣ, такъ и въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, а также и термометромъ довѣрія публики къ учрежденію, выпускающему билеты, и наконецъ предохранительнымъ средствомъ противъ злоупотребленій и увлеченій въ выпускахъ. Чѣмъ болѣе банкъ приобретаетъ довѣрія въ публикѣ добросовѣстностью и точностью своихъ кредитныхъ операций, чѣмъ благонадежныѣ открываемые имъ кредиты и чѣмъ обширнѣе кругъ лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, тѣмъ менѣе предъявляется билетовъ къ размѣну, который дѣлается для внутренняго обращенія почти только номинальною, нравственною, хотя и совершенно необходимою принадлежностью билетовъ, а вещественно служитъ преимущественно для международныхъ движеній драгоцѣнныхъ металловъ, для заграничныхъ платежей, невозможныхъ посредствомъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Для цѣнности выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ разнѣнный металлическій фондъ, какъ и собственный капиталъ банка, составляютъ лишь весьма второстепенное обезпеченіе; главное существенное ихъ обезпеченіе заключается въ кредитныхъ сдѣлкахъ, по которымъ были выданы билеты, въ тѣхъ долговыхъ обязательствахъ частныхъ лицъ передъ банкомъ, которыя покрываютъ его ссуды, выданныя имъ билетами, и находятся въ портфель банка. Чтобы судить, какова цѣнность банковыхъ билетовъ, необходимо знать прежде всего, какова цѣнность кредитныхъ бумагъ или обя-

* Не должно терять изъ виду этого всеобщаго мѣрила цѣнности, заключающагося въ звонкой монетѣ, которая единственная изъ всѣхъ родовъ денегъ (какъ орудій мѣны)—имѣетъ внутреннюю цѣнность. Эта внутренняя цѣнность и есть та постоянная и всеобщая цѣна денегъ (чистыхъ денегъ), около которой безпрестанно колеблется ходячая, рыночная, временная цѣна денегъ (наличныхъ денегъ) въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Эта послѣдняя цѣна денегъ зависитъ отъ всѣхъ измѣняющихся условій предложенія и спроса денегъ, какъ орудій мѣны (ср. *J. S. Mill Principles etc. B. III Ch. VIII и IX*; предлагаемое здѣсь различіе чистыхъ и наличныхъ денегъ принадлежитъ впрочемъ собственно ланц).

зательствъ, находящихся въ его портфель. Собственный капиталъ банка есть только *придаточное* обезпеченіе благонадежности всѣхъ его долговыхъ обязательствъ, въ томъ числѣ и его безпроцентныхъ, оборотныхъ знаковъ, — *придатокъ*, необходимый къ этому существенному обезпеченію, заключающемся въ долговыхъ обязательствахъ въ пользу банка, *придатокъ* на случай непредвидѣнной неисправности по долговымъ обязательствамъ и безвозвратныхъ уцербовъ банка. Также точно размѣнный фондъ есть только *придатокъ* къ обезпеченію нормального обращенія билетовъ въ публичкѣ и къ нормальному ихъ возвращенію въ кассы банка посредствомъ (всѣхъ полученій банка, т.-е., къ нормальному ихъ погашенію, — *придатокъ*, необходимый на случай непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ потрясеній въ публичномъ кредитѣ и исключительныхъ надобностей въ звонкой монетѣ. Величина размѣннаго фонда зависитъ отъ разныхъ соображеній банка: относительно движенія драгоцѣнныхъ металловъ на денежныхъ рынкахъ, въ связи съ которыми находятся его операціи; относительно существующей на этихъ (въ особенности иностранныхъ) рынкахъ въ разное время потребности въ звонкой монетѣ; относительно прочности водворенія его билетовъ въ публичномъ обращеніи, и наконецъ относительно тѣхъ періодическихъ и внезапныхъ коммерческихъ и кредитныхъ потрясеній, которымъ бывають подвержены денежные рынки. Масса размѣннаго металлическаго фонда, находящагося въ банкѣ, сама по себѣ не можетъ, не должна служить и никогда не служить въ банкахъ къ опредѣленію количества выпускаемыхъ имъ билетовъ; также точно и поспѣднее не можетъ само по себѣ опредѣлить величину необходимаго для банка размѣннаго фонда. Эта величина узнается только по опыту, и можетъ быть весьма различна для каждаго банка, для каждой мѣстности, и для каждаго періода времени; какъ и можно въ этомъ удостовѣриться изъ банковыхъ отчетовъ *. Масса находящихся въ обращеніи бумажныхъ денежныхъ знаковъ есть только *одно изъ многихъ* условій для опредѣленія величины необходимаго раз-

* Чтобы дать понятіе, какъ разнообразна бываетъ пропорція металлическаго размѣннаго фонда къ массѣ находящихся въ обращеніи банковыхъ билетовъ, мы можемъ представить слѣдующія данныя этой пропорціи (въ процентномъ содержаніи фонда къ массѣ билетовъ) въ разныхъ

мѣннаго фонда, но не болѣе; однимъ изъ такихъ элементовъ исчисления она, конечно, можетъ быть, ибо отъ размѣровъ всей массы обращающихся билетовъ болѣе или менѣе зависитъ сила внезапнаго напора билетовъ къ предъявленію при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ. Но всякія постоянныя правила для опредѣленія пропорціи размѣннаго металлическаго фонда къ массѣ находящихся въ народномъ обращеніи билетовъ мечтательны *, лишены всякаго какъ практическаго, такъ и теоретическаго основанія въ сущности дѣла, въ механизмѣ денежнаго обращенія, какъ этотъ механизмъ понимается нынѣ наукою, и какъ онъ оказывался на опытѣ. Всего же менѣе масса размѣннаго металлическаго фонда (если билеты выпускаются не исключительно въ обмѣнъ на металлы) можетъ указывать на массу бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какая требуется для народнаго обращенія и какая потому можетъ благонадежно въ немъ удержаться: эта послѣдняя опредѣляется потребностями самаго обращенія, т. е. существующими въ данномъ мѣстѣ и въ данное время мѣнны-

банкахъ, равно состоятельныхъ и въ разныя эпохи, одинаково полнаго довѣрія къ билетамъ:

Французскій банкъ	106 ⁰ / ₁₀₀
Бельгійскій	74
Геландскій.	44
Савойскій.	78
Прусскій.	110
Англійскій	91
Шотландскіе вообще до	34
въ 1845 г.	13
Ирландскіе	38
Массачусетса.	17
Коннектикута	11
Вермоя.	4

И такъ разнообразіе простирается отъ 110⁰/₁₀₀ до 4⁰/₁₀₀. Пропорція собственнаго капитала каждаго банка въ разное время не менѣе разнообразна.

* Нельзя положительно сказать, откуда произошли эти странныя понятія о необходимости $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ части и проч. металлическаго фонда, часто высказываемыя публикою; всего вѣроятнѣе, они коренятся въ историческомъ происхожденіи банкковыхъ безпроцентныхъ билетовъ изъ металлическихъ депозитныхъ билетовъ. (О несостоятельности теоріи пропорціональнаго металлическаго покрытія см. Wagner, *Die Geld und Credit Theorie*, etc. Wien, 1862 года).

ми сдѣлками, *спросомъ на орудія мѣны*, заключающимся въ условіяхъ промышленности, торговли и кредита каждой страны, или въ количествѣ товаровъ (лучше предложеній товара), количествѣ сдѣлокъ на нихъ и быстротѣ денежнаго обращенія. Замѣнить, въ качествѣ этихъ орудій мѣны (представителей денегъ), звонкую монету или драгоценные металлы, сохраняя ихъ лишь какъ всеобщее мѣрило цѣнности, какъ *вселірную мѣновую цѣнность* или *денежную единицу*, таково и есть назначеніе всякихъ бумажныхъ представителей монеты. Этимъ способомъ оберегается для каждой страны извѣстная масса драгоценныхъ металловъ, необходимая для ея денежнаго обращенія, и потому то же самое количество народнаго капитала дѣлается болѣе производительнымъ.

Возможно большее равновѣсіе между потребностями страны въ орудіяхъ мѣны или деньгахъ и количествомъ ихъ, находящимся дѣйствительно въ народномъ обращеніи, очевидно и есть главная задача всякой денежной системы. Съ другой стороны, нарушение этого равновѣсія есть одно изъ важнѣйшихъ экономическихъ неудобствъ. Послѣдствіемъ его бываютъ потрясенія въ цѣнахъ товаровъ и кредитѣ, и за тѣмъ смущеніе въ естественномъ порядкѣ производства, торговли и потребленія; факты такого разстройства народнаго хозяйства или денежныхъ кризисовъ хорошо извѣстны какъ изъ собственнаго нашего опыта, такъ изъ опыта другихъ странъ. Внутренняя экономическая причина этихъ явленій — разстройство въ главномъ элементѣ народнаго хозяйства, въ деньгахъ и въ представителяхъ ихъ — бумажныхъ денежныхъ знакахъ — намъ также извѣстна. Теперь намъ нужно вникнуть, почему эти явленія органически коренятся въ самыхъ основаніяхъ ассигнаціонной денежной системы.

Ассигнаціи, или государственныя бумажныя деньги, водворяясь въ народномъ обращеніи, также оберегаютъ драгоценные металлы, замѣняя, подобно банковымъ билетамъ, металлическую монету. Въ этомъ отношеніи выгоды, представляемыя тѣми и другими, одинаковы. Но, вслѣдствіе различія въ способѣ выпуска и изытія, изъ обращенія, эти два рода бумагъ стоятъ совершенно въ различномъ отношеніи къ *потребностямъ обращенія*.

Между тѣмъ какъ ассигнація, служа для правительства чистыми деньгами по его платежамъ, является въ народномъ обращеніи вѣкъ не прошенная и заключаетъ въ себѣ всякій

разъ новое предложеніе дается безъ соответствующаго спроса на деньги,—банковій билетъ является въ обращеніе не иначе, какъ вслѣдствіе заявленнаго на него требованія со стороны публики, заявленнаго тѣмъ долговымъ обязательствомъ, которое вручается банку взаменъ получаемого отъ него билета. Необходимость расплаты въ банкѣ по этому долговому обязательству производить во второй разъ спросъ на билетъ на денежномъ рынкѣ, со стороны лицъ, обязанныхъ расплатою со стороны публики. Вслѣдствіе этого обстоятельства, обращеніе банковаго билета въ публикѣ уже обезпечено самымъ способомъ его выпуска и не нуждается въ искусственной поддержкѣ подобной привилегіи обязательнаго курса и приѣма въ казенные платежи, присваиваемой ассигнаціямъ. Добровольный приѣмъ банковыхъ билетовъ во всѣ платежи есть условіе ихъ обращенія, необходимо истекающее изъ всѣхъ внутреннихъ ихъ свойствъ. Дальше мы увидимъ правила ихъ выпуска, еще больше обезпечивающія ихъ прочное и естественное водвореніе на рынкѣ. Съ полученіемъ расплаты по долговому обязательству, банковій билетъ непременно возвращается въ банкъ; когда полученіе дѣлается въ звонкой монетѣ, а билетъ остается въ обращеніи, то этимъ только усиленно доказывается, что билетъ нуженъ для обращенія,—нуженъ болѣе нежели звонкая монета. Съ полученіемъ по каждому долговому обязательству, банковая операція закончена; если уплата сдѣлана звонкою монетою, а не билетомъ, то банкъ можетъ хранить у себя монету въ наличности, а если онъ и ее выпустить въ обращеніе, то также не иначе, какъ вслѣдствіе новой кредитной сдѣлки или новаго требованія. Такимъ образомъ уже изъ этого можно видѣть, что банковое денежное обращеніе расширяется и сокращается соответственно потребностямъ обращенія, соответственно спросу на деньги. Долговое обязательство, поступившее въ банкъ взаменъ выпущеннаго имъ билета,—не даровое; лицо, давшее банку обязательство и получившее билетъ, платитъ за него проценты, чѣмъ доказывается потребность для этого лица въ томъ орудіи мѣны, каковыи будетъ для него банковій билетъ, и каковыи не могло сдѣлаться долговое обязательство, переданное имъ банку. Каждое долговое обязательство, черезъ передачу права на него отъ одного лица другому, можетъ сдѣлаться орудіемъ мѣны и оборотовъ или способомъ уплаты; таковы векселя, обращающіеся въ коммерческомъ мірѣ

посредствомъ передаточныхъ надписей, таковы тратты или переводы, обращающіеся и не въ коммерческомъ мірѣ. Лицо, получающее билетъ изъ банка, обмѣниваетъ его на долговое обязательство, оставляемое имъ въ банкѣ лишь потому, что къ билету публика имѣетъ болѣе довѣрія чѣмъ къ обязательству, въ силу большаго довѣрія къ состоятельности банка, нежели къ состоятельности лицъ, ручающихся по частнымъ долговымъ обязательствамъ. Такимъ образомъ каждый банковый билетъ есть одно долговое обязательство, превращаемое въ другое, пользующееся болѣе довѣріемъ и болѣею силою обращенія обязательства; это тотъ же самый частный кредитъ, одаренный болѣею могуществомъ обращенія * и всякій банковый билетъ есть *та же коммерческая кредитная бумага*, по которой существующее долговое обязательство презедено съ одного лица на другое, напримѣръ съ послѣдняго надписателя векселя, учтеннаго въ банкѣ, на банкъ, который вмѣсто того чтобы снабдить этотъ вексель своею собственною передаточною надписью, своимъ собственнымъ ручательствомъ, болѣе уважительнымъ (то-есть болѣе состоятельнымъ), чѣмъ всѣ сдѣланныя на вексель передаточныя надписи, и такимъ образомъ пустить этотъ вексель въ обращеніе, выпускаетъ свой собственный вексель, за одною своею подписью,—банковский билетъ, который, какъ всякое долговое обязательство, долженъ быть и, дѣйствительно, будетъ погашенъ. Банковский билетъ представляетъ собою, пока находится въ обращеніи, капиталъ, занятый изъ массы существующихъ капиталовъ, съ помощью усиленнаго ручательства банка,—капиталъ не вымышленный, какъ не вымышленно долговое обязательство, данное банку получателемъ билета и заставляющее его производителемъ употребить капиталъ, и имѣть послѣдній въ наличности къ сроку уплаты. Покупная сила, создаваемая банкомъ на рынкѣ, чрезъ выпускъ билета, ея вооруженнаго, вызвана самимъ рынкомъ, самими заемщиками банка, или лучше тѣми капиталами (товарами), на обмѣнъ которыхъ не достаетъ покупной силы у заемщиковъ банка. Эта покупная сила также не вымышленная, ибо она достается заемщикамъ не даромъ, она въ ихъ собственныхъ капиталахъ, только еще не готовыхъ, не налич-

* См. J. S. Mill. *Principles of Pol. Econ.* Econ. VII B. III Ch. XI, of credit as a substitute for money.

ныхъ, а обязанныхъ быть въ наличности къ сроку уплаты и замѣнить собою наличность капиталовъ, занятыхъ ими подъ билеты. Такимъ образомъ билеты представляютъ собою дѣйствительную покупную силу, т.-е. покупную силу однихъ капиталовъ, однихъ товаровъ на другіе, и во все время обращенія должны имѣть за собою дѣйствительныя наличныя капиталы. Ассигнація, при своемъ выпускѣ, представляетъ собою, напротивъ, капиталъ безвозвратно израсходованный государствомъ и на счетъ этого капитала создаетъ на рынкѣ искусственную покупную силу, которой появленіе не оправдывается никакими ни существующими, ни готовыми капиталами, никакими товарами, ищущими кредитнаго обмѣна на другіе товары.

Оборотный банковый билетъ есть только высшая ступень частнаго, коммерческаго кредита, и собственно говоря (если только ему не присвоено какихъ-либо правительственныхъ привилегій въ обращеніи) не можетъ быть названъ *деньгами*. Размѣнъ на звонкую монету, обѣщанный банкомъ, по первому предъявленію каждаго его билета, или возвратъ капитала по востребованію, дѣйствительно, придаетъ ему особенную силу обращаемости, превосходящую обращаемость срочной кредитной бумаги, напримѣръ векселя, способнаго превратиться въ наличныя деньги лишь по наступленіи извѣстнаго срока; эта непрерывная размѣнность банковаго билета уподобляетъ его въ публичномъ обращеніи наличнымъ деньгамъ (а при безусловномъ довѣрїи къ билетамъ отождествляетъ съ ними), и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обращенію возможность во всякое время освободиться отъ излишне выпущеннаго билета, т.-е. даетъ возможность билету, *въ крайнемъ случаѣ*, во минованіи въ немъ надобности, какъ въ орудіи оборотовъ, возвратиться въ банкъ и до истеченія сроковъ по договорнымъ обязательствамъ, находящимся въ банкѣ взаимнѣ выпущенныхъ билетовъ. Размѣнъ представляетъ собою именно способъ освободиться отъ избытковъ банковыхъ билетовъ, накопившихся въ обращеніи сверхъ потребности, которая дѣйствительно можетъ измѣниться, можетъ напримѣръ сократиться, въ промежутки времени между выпусками билетовъ, между спросомъ на нихъ и полученіями по кредитнымъ обязательствамъ, оставленнымъ въ банкѣ взаимнѣ билетовъ. Но это только крайній способъ, какъ для погашенія билетовъ, такъ и для установленія равновѣсія между выпусками и потребностями

обращенія. Никакой банкъ не можетъ иначе, какъ для самыхъ крайнихъ случаевъ внезапныхъ измѣненій въ потребностяхъ обращенія, положиться на этотъ способъ погашенія билетовъ или изытія ихъ изъ обращенія,—способъ, который постоянно подвергалъ бы банкъ опасности банкротства; превращеніе билетовъ въ звонкую монету вслѣдствіе нендобности ихъ для обращенія есть только самый крайній предѣлъ для излишнихъ выпусковъ и самый крайній, можно сказать, *неправильный*, не нормальный, путь для сокращенія обращенія банковыхъ билетовъ. Билетъ долженъ возвратиться въ банкъ въ срокъ платежа; до этого срока онъ занятъ публикою, какъ необходимое орудіе обращенія, какъ необходимыя на это время наличныя деньги. Въ самой банковской системѣ выпуска билетовъ и ихъ возвращенія, въ самомъ ходѣ кредитныхъ сдѣлокъ, дающихъ поводъ къ выпуску и къ погашенію билетовъ, находитъ банкъ правильный и нормальный способъ соразмѣрить выпуски съ потребностями обращенія; посредствомъ же *быстраго сокращенія и разширенія открываемыхъ имъ кредитовъ*, идущихъ параллельно съ срочнымъ поступленіемъ платежей по всѣмъ сдѣланнымъ ссудамъ, банкъ, въ случаѣ измѣнившихся обстоятельствъ рынка, получаетъ возможность во всякое время соразмѣрить количество своихъ билетовъ въ обращеніи съ потребностями рынка.

Прежде нежели мы перейдемъ къ описанію послѣдствій ассигнаціоннаго способа выпуска денежныхъ знаковъ, намъ остается сказать еще нѣсколько дополнительныхъ словъ о дѣйствиіи банковаго способа выпуска, преимущественно въ отношеніи къ движенію цѣвъ товаровъ и денегъ и къ промышленнымъ и коммерческимъ потрясеніямъ. Многие экономисты безусловно отвергаютъ *самую возможность* такъ-называемыхъ *излишнихъ* выпусковъ банковыхъ билетовъ,—т. е. не соразмѣрныхъ съ потребностями публики (если билеты не пользуются въ обращеніи никакими искусственными привилегіями, то-есть если пріемъ ихъ въ платежи совершенно добровольный), и потому самому отвергаютъ возможность вліянія банковыхъ билетовъ на цѣвы и на коммерческія кризисы: экономисты этой школы приписываютъ всякія промышленныя и коммерческія потрясенія обстоятельствамъ самаго рынка, въ зависимости отъ которыхъ находятся банки по своей выпускной операціи. Мы оставляемъ въ сторонѣ этотъ сложный вопросъ, породившій въ

среди европейскихъ экономистовъ самая ожесточенная пре-
внѣ и цѣлую обширную и спеціальную литературу, преимуще-
ственно богатую въ Англїи,—и сосредоточимъ наше вни-
маніе лишь на различїи вліянія банковской и ассигнаціонной
системы на промышленныя и коммерческія дѣла и на цѣны.

Непрерывное обратное теченіе билетовъ въ банкъ по пла-
тежамъ есть самая существенная сторона банковаго денеж-
наго обращенія. Это обратное теченіе важно не только какъ
особенность механизма банковской выпускной операціи, чрезвы-
чайно облегчающей погашеніе билетовъ и изыятіе ихъ изъ
обращенія, оно важно еще и по тому особому значенію, ко-
торое оно имѣетъ для разрѣшенія задачи, какъ достигнуть
равновѣсія между выпусками и потребностями обращенія.
Черезъ это обратное теченіе, ни на минуту не останавливаю-
щееся, масса билетовъ, находящаяся въ обращеніи, непре-
рывно измѣняется, и можно сказать, что количество обра-
щающихся билетовъ бываетъ въ каждую данную минуту
иное, нежели въ предшествующую и послѣдующую. Цифра
обращающихся билетовъ каждый разъ обусловлена по-
требностями обращенія и измѣняется въ точности со-
образно съ измѣненіями въ потребностяхъ. Уже изъ этого
можно заключить, что когда цифра денежнаго обращенія —
масса денежныхъ знаковъ находящихся въ рукахъ публики—
такъ подвижна и упруга, когда количество предложенія де-
негъ такъ быстро слѣдуетъ во всѣхъ своихъ движені-
яхъ за движеніями спроса на деньги, то не можетъ быть
и рѣчи о *ульнѣ денегъ*, искусственно созданной тѣмъ или
другимъ количествомъ ихъ, выпущеннымъ въ обращеніе
по тѣмъ или другимъ соображеніямъ и побужденіямъ,
чуждымъ рынку и искусственно обуславливающимъ собою
цѣны всѣхъ товаровъ. Цѣна наличныхъ денегъ въ банковомъ
денежномъ обращеніи есть собственно *цѣна кредита*,
а не цѣна денегъ, — цѣна кредита, отъ условій котораго
зависитъ всякая выдача билетовъ изъ банка въ руки пу-
блики или въ руки лица кредитующагося въ банкѣ. Такимъ
образомъ въ дѣйствительности цѣна банковыхъ билетовъ
для публики опредѣляется высотой процентовъ, по ко-
торымъ выдаются ссуды банка, преимущественно высотой
дисконта, которымъ прежде всего и обуславливается коли-
чество билетовъ, находящихся въ обращеніи и который со-
ставляетъ главное основаніе, или базисъ всѣхъ операцій вы-
пускныхъ или оборотныхъ банковъ.

Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ объ этой операциі, то-есть *объ учетъ коммерческихъ бумагъ или векселей, какъ* объ операциі служащей для выпуска банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ.

Мы говоримъ, что въ системѣ банковаго денежнаго обращенія количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи или предложеніе наличныхъ денегъ зависитъ единственно отъ *спроса на нихъ*, и вполне ему повинуются. Съ перваго взгляда такое условіе бумажной денежной системы можетъ казаться весьма страннымъ, ибо спросъ какъ каждаго отдѣльнаго лица, такъ и всей публики на наличныя деньги неограниченъ, и если цифра денегъ въ обращеніи должна зависѣть только отъ спроса на нихъ, то нѣтъ причины, чтобъ она не возрастала до безконечности. Такъ и было бы въ дѣйствительности, еслибы банковые выпуски производились подобно ассигнаціоннымъ, то-есть, въ видѣ платежей, а не ссудъ, или еслибы спросъ на деньги заключался единственно въ желаніи имѣть то или другое количество наличныхъ денегъ. Такое желаніе, дѣйствительно, не имѣетъ никакихъ для себя границъ. Но спросъ на наличныя деньги въ банковской системѣ денежнаго обращенія уже во всякомъ случаѣ *ограниченъ* условіями кредитности каждаго лица, получающаго банковую ссуду, и условіями кредитности той едѣлки или того обязательства, которыя служатъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обезпеченіемъ для ссуды. Эти условія далеко не безграницны и такъ какъ банкъ, при каждомъ выпускѣ билета, принимаетъ на себя весьма строгое и точное обязательство передъ публикою и, между прочимъ, обязательство выдачи по билету звонкой монеты во всякое время по востребованію, и точность выполненія банковыхъ обязательствъ ограждена строгою коммерческою отвѣтственностію банка, то банкъ вынужденъ къ весьма строгому опредѣленію и разбору условій кредитности каждой своей выпускной ссуды. Мы оставимъ, однако, въ сторонѣ эти границы, полагаемые условіями собственно кредита и отвѣтственности банка, границы, которыя могутъ при всей своей строгости не совпадать съ потребностями рынка въ денежныхъ знакахъ. Мы займемся спеціально тѣми границами выпускной операциі, которыя возникаютъ изъ самой потребности рынка въ денежныхъ знакахъ и которыя весьма правильно отражаются въ учетѣ векселей, служащемъ основаніемъ выпусковъ.

Здѣсь нужно вникнуть въ тотъ особенный способъ, посредствомъ котораго выражается спросъ на наличныя деньги, или оборотные денежныя знаки, въ учетной операціи. Что, собственно, такое спросъ на деньги, заключающійся въ каждомъ товарномъ коммерческомъ векселѣ, предъявляемомъ къ учету въ банкѣ? Откуда произошелъ этотъ вексель и что онъ собою доказываетъ?

Каждый коммерческій и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный *товарный* вексель, снабженный нѣсколькими передаточными надписями, представляетъ собою рядъ товаровъ, въ уплату за которые онъ былъ выданъ и потомъ передается изъ рукъ въ руки по надписямъ. Такимъ образомъ, учету подобнаго векселя въ банкѣ и выпуску банкомъ подъ этотъ учетъ билетовъ предшествуетъ обращеніе векселя, который въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ замѣняется билетомъ, а самъ, оставаясь въ портфель банка, изымается изъ обращенія. Учету векселя и вступленію на рынокъ новыхъ оборотныхъ денежныхъ знаковъ предшествуетъ рядъ товарныхъ сдѣлокъ, которыя въ коммерческихъ рукахъ не имѣютъ иной цѣли, какъ продажу тѣхъ же самыхъ, закупленныхъ по векселямъ товаровъ, или сбытъ товара. По этому параллельно и соразмѣрно съ появленіемъ на рынкѣ новыхъ денежныхъ знаковъ, вслѣдствіе произведеннаго банкомъ учета, то-есть параллельно и соразмѣрно съ *предложеніемъ денежныхъ знаковъ*, происходитъ на рынкѣ цѣлый рядъ сдѣлокъ, требующихъ для себя орудій мѣны, и представляющихъ собою готовую почву для обращенія билетовъ до нормальнаго возвращенія ихъ въ банкъ путемъ платежей, рядъ *предложеній товара*, заключающихъ въ себѣ спросъ на деньги и соответствующихъ новому предложенію денегъ. При этомъ надо замѣтить, что всѣ товарныя сдѣлки, предшествовавшія учету, влекутъ за собою быстрое предложеніе товара (изъ рукъ лицъ, закупившихъ товаръ) не только вслѣдствіе *коммерческаго* характера этихъ сдѣлокъ, вынуждающаго покупать товаръ не иначе, какъ для его продажи, но и въ особенности влекутъ за собою быстрыя предложенія товара вслѣдствіе *кредитнаго* характера этихъ сдѣлокъ. Каждый передавшій вексель въ другія руки (въ томъ числѣ и предъявившій его къ учету) потерялъ (то-есть уплатилъ) известную сумму процентовъ за время до срока платежа по векселю, и вмѣстѣ съ тѣмъ остается отвѣтственнымъ по этому векселю до платежа по немъ банку, и потому

каждое изъ этихъ лицъ должно стараться возможно скорѣе воротить свои убытки и для этого дать своему капиталу возможно большее количество оборотовъ, то-есть, возможно скорѣе сбыть полученный на вексель товаръ. Итакъ посредствомъ учета товарныхъ векселей, предложеніе денегъ, возникающее изъ выпуска билетовъ, возрастаетъ не иначе, какъ соразмѣрно предложенію товара или спросу на деньги; выпускъ билетовъ подъ учетъ въ сущности только облегчаетъ хѣну товаровъ между собою; новые оборотные знаки и новые цѣнности, ими представляемыя, суть не что иное какъ новые товары, одаренные способностію мѣнамъ. Вслѣдствіе такого соотношенія между предложеніемъ и спросомъ, количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи можетъ, при этой системѣ, держаться въ равновѣсіи съ потребностями обращенія, порождаемыми самою промышленностію и торговлей, и за тѣмъ измѣненія въ количествѣ обращающихся билетовъ, какъ измѣненія нисколько не нарушающія основнаго экономического закона обмѣна товаровъ на товары, не могутъ производить опасныхъ потрясеній въ цѣнахъ, потрясеній искусственныхъ или не зависящихъ отъ взаимныхъ отношеній цѣнности самихъ товаровъ, ихъ производства, распредѣленія, обращенія и потребленія.

Такова теорія выпуска банковыхъ билетовъ подъ учетъ векселей. Тѣ изъ экономистовъ, которые защищаютъ неограниченную свободу банковыхъ выпусковъ, безусловно отрицаютъ самую возможность банковыхъ выпусковъ, превосходящихъ потребности рынка. Хотя въ практическомъ отношеніи и нельзя безусловно присоединиться къ подобному взгляду (о чемъ мы скажемъ ниже), опирающемуся, впрочемъ, вымъ не на одну только отвлеченную теорію, но и на точныя статистическія данныя,* во всякомъ случаѣ невозможно отрицать этихъ очевидныхъ свойствъ банковаго денежнаго обращенія, не имѣющихъ ничего общаго съ ассигнаціоннымъ. Но прежде чѣмъ перейти къ послѣднему, мы должны еще дополнить нѣсколькими чертами характеристику банковыхъ выпусковъ подъ учетъ векселей.

Выпускъ безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ и учетъ коммерческихъ бумагъ, сочетаніе этихъ двухъ операций для банковаго

* Здѣсь должно указать преимущественно на статистическія изслѣдованія Тука и Ньюмарча.

механизма заключаетъ въ себѣ важное экономическое начало. Коммерческія кредитныя бумаги представляютъ собою капиталы по преимуществу *оборотные* въ каждой странѣ; только эти капиталы, непрерывно обращающіеся и дѣлающіеся производительными лишь вслѣдствіе непрерывной мѣны однихъ на другіе (вслѣдствіе непрерывнаго потребленія и возобновленія ихъ), могутъ быть занимаемы на рынкѣ подъ безпроцентныя бумаги, предназначенныя по натурѣ своей также единственно для обращенія, и именно представляющія собою упомянутые оборотные капиталы. Поэтому правильное и нормальное соединеніе выпуска безпроцентныхъ бумагъ съ не коммерческимъ, а инымъ кредитомъ (напримѣръ поземельнымъ) не мыслимо; долгосрочные кредиты и займы основныхъ капиталовъ, возобновляющихся весьма медленно, а часто затрачиваемыхъ и навсегда, никоимъ образомъ не могутъ быть производимы посредствомъ оборотныхъ безпроцентныхъ бумагъ.

Далѣе, должно замѣтить, что учетъ векселей даетъ поводъ къ самымъ краткосрочнымъ кредитамъ, какіе [только существуютъ]. Обстоятельства денежнаго обращенія могутъ только исключительнымъ образомъ измѣниться въ краткіе сроки между выдачами осудъ (то-есть, выпусками билетовъ) и полученіями по векселямъ (то-есть, нормальнымъ извлеченіемъ билетовъ изъ обращенія). Поэтому здѣсь банкъ всего менѣе рискуетъ, что денежное обращеніе станетъ сокращаться не нормальнымъ, не благонадежнымъ и крайне невыгоднымъ для банка путемъ предъявленія билетовъ къ разѣну. Въвѣсть съ тѣмъ посредствомъ быстрого измѣненія условій учета, банкъ можетъ самымъ могущественнымъ образомъ дѣйствовать на расширеніе и сокращеніе обращенія своихъ билетовъ. Наконецъ, билеты выпускаемые единственно подъ учетъ векселей, или по крайней мѣрѣ, тѣ выпуски билетовъ, которые превосходятъ наименьшую неизмѣнную цифру бумажнаго денежнаго обращенія страны, остаются почти исключительно въ кругу коммерческихъ людей, не нисходя въ слои мелкихъ промышленниковъ и потребителей, гдѣ бумажные денежные знаки способны производить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, наиболѣе опасныя потрясенія въ дѣлахъ.

Очертивъ главныя свойства банковаго денежнаго обращенія, мы снова возвращаемся къ ассигнаціонному, отличающемуся совершенно противоположными свойствами.

Способъ выпуска государственныхъ ассигнацій сопровождается для народнаго хозяйства совершенно иными результатами, нежели способъ выпуска банковыхъ билетовъ. Каждая ассигнація представляетъ собою капиталъ, не производительно истраченный или потребленный,* тогда какъ банковый билетъ, вслѣдствіе кредитной сдѣлки, обусловившей его выпускъ, означаетъ собою капиталъ занятый для коммерческаго оборота, и за тѣмъ при переходѣ своемъ изъ однихъ рукъ въ другія передаетъ лишь право на производительно употребленіе этого же капитала. Ассигнація, потребивъ подписанный на ней капиталъ, не ограничивается этимъ потребленіемъ, а является на рынокъ, какъ новое предложеніе денегъ, какъ новый спросъ на товаръ, не вызванный и не уравновѣшиваемый подобно банковому билету никакимъ новымъ предложеніемъ товара и новымъ спросомъ на деньги, никакими новыми товарными сдѣлками. Банковский билетъ имѣетъ передъ собою въ коммерческихъ операціяхъ, сопровождающихъ учетъ векселя, открытый путь для своего дальнѣйшаго обращенія, онъ увеличилъ собою количество орудій мѣны, но въ то же время увеличилось и количество мѣновыхъ сдѣлокъ, которыя потребуютъ для себя этихъ орудій; обращеніе же ассигнаціи не имѣетъ для себя никакой будущности въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народнаго хозяйства, съ которыми потребность побудившая къ выпуску ассигнацій не имѣетъ ничего общаго. Обычный выпускъ банковаго билета необходимо означаетъ собою усиленіе производства; обычный выпускъ ассигнаціи—усиленіе потребленія; дальнѣйшее движеніе той и другой бумаги обусловлено тѣмъ же первоначальнымъ различіемъ въ характерѣ ихъ выпуска. Послѣдствія всего этого очевидны.

Вопервыхъ и прежде всего, какъ обращеніе банковаго билета возникаетъ само собою и естественнымъ образомъ погло-

* Не производительно въ промышленномъ и коммерческомъ отношеніи, хотя бы государственные расходы, покрытые ассигнаціями, и были необходимы и полезны для государства и народа. Если же такіе, въ государственномъ отношеніи необходимые расходы могутъ дѣлаться *косвенно производительно* и въ промышленномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ въ отдаленномъ будущемъ, иногда чрезъ цѣлыя столѣтія, а въ эпоху покрытія такихъ расходовъ, они составляютъ лишь непродуцительное потребленіе.

щается (по крайней мѣрѣ при нормальныхъ условіяхъ выпуска и нормальныхъ обстоятельствахъ рынка) потребностями самихъ коммерческихъ оборотовъ, породившихъ выпускъ билета, такъ для ассигнаціи должно быть создано искусственное обращеніе. Оно и создается сперва приѣмомъ ассигнаціи въ уплату податей и всякихъ денежныхъ взносовъ въ казну, а потомъ, когда такого обращенія при размноженіи ассигнацій не достаточно,—законеннымъ или обязательнымъ приѣмомъ ассигнаціи наравнѣ съ звонкою монетою, во всѣхъ платежахъ между частными лицами. Такимъ образомъ обязательный курсъ государственныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, составляющій столь важное вообще различіе ихъ отъ банковыхъ, пользующихся вольнымъ курсомъ (или добровольнымъ приѣмомъ въ платежахъ между частными лицами), и признаваемый за одну изъ отличительныхъ принадлежностей ассигнацій въ сравненіи съ банковыми билетами, есть необходимое послѣдствіе самаго способа выпуска ассигнацій въ обращеніе. Обязательный или законенный курсъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ придаетъ обращенію ихъ такія свойства и послѣдствія, какія чужды обращенію денежныхъ знаковъ съ вольнымъ курсомъ. Обязательный курсъ справедливо признается однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ ассигнацій.

Но здѣсь намъ нѣтъ надобности разсматривать вопросъ объ обязательномъ курсѣ; этому вопросу специально посвящена первая глава нашего труда, и при томъ, обязательный курсъ можетъ быть, какъ мы сказали, присвоиваемъ (хотя и исключительно образомъ) также и банковымъ билетамъ, подобно билетамъ англійскаго банка.* Потому здѣсь мы разсматриваемъ способъ выпуска ассигнацій, какъ бы независимо отъ обязательнаго курса, и касаемся послѣдняго лишь настолько, на сколько онъ находится въ связи съ системою выпуска. Дѣло въ томъ, что весьма важно убѣдиться, что обязательный курсъ, съ одной стороны, необходимъ для ассигнацій и вовсе не необходимъ для банковыхъ билетовъ, но что, съ другой стороны, обязательный курсъ не можетъ сопро-

* Билеты англійскаго (привилегированнаго частнаго) банка с. ставляютъ во всѣхъ платежахъ legal tender, то-есть законную монету, наравнѣ съ золотомъ, кромѣ платежей самого банка, который обязанъ выдавать звонкую монету по предъявленіи ему билетовъ (то-есть обязанъ разбивать ихъ). Билеты прусскаго (также частнаго) банка принимаются обязательно во всѣ казенные платежи.

вождаться при банковомъ способѣ выпуска тѣми вредными послѣдствіями, какъ при ассигнаціонномъ. Не говоримъ уже о томъ, что банковый способъ выпуска все-таки самъ собою *количественно* ограничиваетъ предѣлы выпусковъ обязательныхъ денежныхъ знаковъ, но сверхъ того банковые билеты даже и при обязательномъ курсѣ не теряютъ своего значенія *кредитныхъ бумагъ* и не превращаются въ ассигнаціи, потому что продолжаютъ являться въ обращеніе не иначе, какъ въ видѣ соуды, и стало-быть вслѣдствіе спроса на деньги и предложенія товара, и не перестаютъ возвращаться въ банкъ съ погашеніемъ кредитныхъ обязательствъ, оставшихся въ портфель банка. Однимъ словомъ, банковый механизмъ денежнаго обращенія не перестаетъ дѣйствовать и при узаконенномъ курсѣ банковыхъ билетовъ, хотя бы бумажное денежное обращеніе, основанное на банковыхъ билетахъ съ узаконеннымъ курсомъ, и нельзя было считать (въ особенности въ обстоятельствахъ исключительныхъ и ненормальныхъ и при отсутствіи соперничества другихъ частныхъ банковъ) тождественнымъ съ денежнымъ обращеніемъ, состоящимъ исключительно изъ банковыхъ билетовъ съ вольными курсами.*

Единственное вѣрное средство противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ обязательнаго курса бумажныхъ денежныхъ знаковъ и спасти денежную систему отъ двойственной монетной единицы заключается въ безусловной *размѣнноти* узаконенныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету, по предъявленію. Размѣнъ, самъ по себѣ необходимый для правильнаго денежнаго обращенія, даже при вольномъ курсѣ банковыхъ билетовъ, есть *conditio sine qua non* при обязательномъ курсѣ, который, какъ мы сказали, составляетъ необходимую принадлежность ассигнацій. Между тѣмъ, условіе *размѣна* денежныхъ знаковъ есть условіе особенно трудно-выполнимое при *ассигнаціонномъ* способѣ ихъ выпуска.

Размѣнъ на звонкую монету есть, какъ не разъ уже было нами сказано, одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей всякихъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ и второе главное основаніе для категорическаго ихъ различенія. Неразмѣнность признается одною изъ главныхъ принадлежностей *ассигнацій*, а она также является болѣе или менѣе послѣдствіемъ самаго способа ихъ выпуска. Ассигнаціямъ недостаетъ того *банковаго покрытія*

* Это и объясняетъ, между прочимъ, ограниченія поставленныя закономъ Реберта Пяля выпускамъ билетовъ англійскаго банка.

(всѣхъ кредитныхъ обязательствъ обезпечивающихъ выпуски банковыхъ билетовъ) и также недостаетъ всѣхъ кредитныхъ операций, находящихся въ распоряженіи банка, и того непрерывнаго обратнаго движенія билетовъ въ банкъ по всѣмъ долговымъ платежамъ, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, банкъ можетъ всегда временно усилить запасъ своего разнѣннаго металлическаго фонда (ускоренною реализаціей разныхъ видовъ бумагъ, покупкою звонкой монеты, временными займами) и посредствомъ которыхъ, съ другой стороны, парализуетъ опасный для банка напоръ билетовъ къ размѣну. Нами уже достаточно было объяснено, что размѣнъ есть только самый крайній, и даже неправильный, ненормальный, исключительный путь возвращенія банковыхъ билетовъ въ банкъ и реакціи денежнаго рынка противъ избытка билетовъ; нормальный путь этихъ движеній заключается въ непрерывномъ теченіи билетовъ въ банкъ по всѣмъ его полученіямъ. Напротивъ того, для ассигнацій размѣнъ есть единственный путь къ возвращенію и изъятію ихъ изъ обращенія; это единственный способъ, находящійся въ распоряженіи денежнаго рынка, освободиться или вообще отъ излишнихъ выпусковъ ассигнацій, или же только отъ ихъ временныхъ избытковъ при измѣнившихся обстоятельствахъ денежнаго обращенія. Потому размѣнъ можетъ сдѣлаться для ассигнацій нормальнымъ способомъ погашенія, и правительство, безъ банковыхъ операций и не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ выкупа ассигнацій изъ обращенія, не имѣетъ средствъ противодействовать этому приливу ассигнацій къ размѣну. Вместе съ тѣмъ должно замѣтить, что движеніе размѣна ассигнацій не можетъ служить одною изъ главныхъ цѣлей размѣна банковыхъ билетовъ: быть чувствительнымъ термометромъ потребностей публики въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ и въ звонкой монетѣ. Не говоря уже объ обязательномъ курсѣ, искусственно задерживающемъ ассигнаціи на рынкѣ, въ особенности на разобщенныхъ отъ разнѣнныхъ центровъ пунктахъ, способъ выпуска ассигнацій дѣлаетъ ощутительнымъ для рынка излишество ихъ гораздо повдѣе нежели способъ выпуска банковыхъ билетовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, присвоеніе размѣна ассигнаціямъ есть вообще дѣло очень трудное и возможное вполнѣ лишь въ томъ случаѣ когда масса ассигнацій вообще ниже (или по крайней мѣрѣ не выше) наименьшаго неизмѣннаго количества знаковъ, нужнаго для рынка. Наши

кредитные билеты суть единственныя ассигнаціи въ мірѣ, которыми былъ присвоенъ размѣнъ на звонкую монету по предъявленію. Это и придаетъ между прочимъ нашимъ бумажнымъ деньгамъ такой исключительный, своеобразный характеръ, не имѣющій ничего себѣ подобнаго въ другихъ государствахъ.

Въ заключеніе всего этого ясно, что ассигнаціи съ обязательнымъ курсомъ, ихъ неотъемлемою принадлежностію, и еще болѣе съ присвоеніемъ имъ неразмѣнности, къ которой онѣ по натурѣ своей тяготеютъ, создаютъ въ своихъ окончательныхъ результатахъ денежное обращеніе совершенно отличное отъ банковаго, и столь вредно дѣйствующее на народное хозяйство.

Но для насъ здѣсь особенно важно замѣтить, что способъ выпуска банковыхъ билетовъ такъ отличенъ въ своихъ экономическихъ послѣдствіяхъ отъ способа выпуска ассигнацій, и такъ самъ по себѣ важенъ, что даже приостановленіе размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету, или принудительный ихъ курсъ не можетъ имѣть того вліянія, какое производитъ принудительный курсъ ассигнацій. Доказательствомъ этому можетъ служить приостановленіе размѣна въ англійскомъ банкѣ, продолжавшееся съ 1797 по 1819 г., породившее даже на звонкую монету, во всемъ не сопровождавшееся тѣми коренными потрясеніями народнаго хозяйства и всеобщимъ разстройствомъ государственныхъ и частныхъ финансовъ операций, какія всюду сопровождали выпуски государственныхъ ассигнацій *. Также точно временное приостановленіе размѣна и обязательный курсъ билетовъ французскаго банка въ 1848 г. не произвели сколько-нибудь продолжительныхъ экономическихъ потрясеній во Франціи. Въ

* Фуллартономъ, на котораго нельзя не смотрѣть, какъ на одного изъ первостепенныхъ авторитетовъ по вопросамъ денежнаго обращенія, говорить: „Не столько размѣнъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету дѣлаетъ невозможными излишніе ихъ выпуски въ обращеніе, сколько правильное обратное теченіе (reflut) ихъ въ банкъ по платежамъ. Это теченіе есть великое регулирующее начало для внутренняго денежнаго обращенія; вслѣдствіе сохраненія этого начала, денежная система Великобританіи была спасена (съ 1797 по 1819 г.) отъ окончательнаго разстройства, какое сопровождало всѣ ассигнаціонныя выпуски на континентѣ и какое по всей вѣроятности было бы и въ Англии, елибы денежное обращеніе этой эпохи было въ распоряженіи правительственнаго, а не частнаго банка.“ (См. Wagner, Beiträge etc. p. 121 и 122).

Австрія денежное обращеніе и всѣ коммерческія дѣла значительно исправились преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ государственныя ассигнаціи превратились въ билеты національнаго банка, несмотря на продолженіе ихъ принудительнаго курса *. Все это весьма понятно. Приостановка размѣна банковыхъ билетовъ есть только временное закрытіе одного (и при томъ самаго маловажнаго и исключительнаго) канала для отлива излишковъ денежнаго обращенія; въ то время какъ другой и настоящій каналъ изытія билетовъ изъ обращенія (по платежамъ) продолжаетъ дѣйствовать во всей своей силѣ. Какъ ни вредно вообще закрытіе размѣнныхъ кассъ въ банкахъ, но если оно только временно, то оно не имѣетъ характера банкротства, и означаетъ собою лишь мгновенную приостановку одной изъ многихъ операций, погашающихъ билеты банка, нисколько не препятствующую дѣятельности всѣхъ другихъ оружіевъ банка, непрерывно погашающихъ билеты. Для ассигнацій, напротивъ того, размѣнъ есть единственный нормальный способъ ихъ погашенія, и приостановка размѣна бываетъ сопряжена съ гораздо большими неудобствами.

Изъ всего нами оказаннаго, кажется, съ достаточною ясностію обозначились теперь характеристическія черты денежнаго обращенія, зависяція преимущественно отъ способа выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе, способа ассигнаціоннаго и банковаго, и также обозначились общія экономическія послѣдствія того и другаго для народнаго хозяйства. Эти послѣдствія заключаются главнымъ образомъ въ дѣйствіи того и другаго способа выпуска *на уѣну денегъ* и *на кредитъ*, вавти важнѣйшіе элементы промышленной жизни, обуславливающіе собою всѣ ея проявленія. Чтобы выразиться какъ можно короче, можно сказать, что *ассигнаціи удешевляютъ уѣну денегъ, а банковые оборотные билеты удешевляютъ уѣну кредита*: въ этихъ словахъ заключается едва ли не самое общее выраженіе для всѣхъ народно-хозяйственныхъ послѣдствій той и другой системы денежныхъ знаковъ и возможныхъ при каждой изъ нихъ экономическихъ потрясеній. Банковая система бумажнаго денежнаго обращенія имѣетъ также, подобно

* Всѣ эти факты достаточно оправдываютъ, независимо отъ теоріи, необходимость различенія ассигнацій и банковыхъ билетовъ, по самому способу ихъ выпуска, и рассмотрѣнія этой стороны денежнаго обращенія, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ.

всему на свѣтѣ, свои болѣзненные явленія; но эти явленія зависятъ единственно или отъ злоупотребленій банковъ, или же отъ недуговъ, принадлежащихъ самому народному хозяйству, и только отражающихся на банкахъ. Банковыя денежныя потрясенія могутъ быть болѣе или менѣе парализуемы и даже вовсе устранимы, какъ осмотрительностію банковъ, такъ и правилами, которымъ подчинена ихъ дѣятельность; во всякомъ же случаѣ, если банки и участвуютъ въ этихъ потрясеніяхъ, то вредъ уравнивается здѣсь несомнѣнными благодѣяніями банковаго кредита. Сравнивъ нормальныя условія обихъ системъ, мы должны теперь нѣсколько ближе выикнуть въ болѣзненные экономическія явленія, связанныя съ тою и другою.

Единственное средство, при ассигнаціонной денежной системѣ, спасти народное хозяйство отъ кризисовъ и произвольнаго, искусственнаго вліянія на цѣны и на ходъ промышленности и торговли, и спасти самый механизмъ ассигнаціонной системы отъ опасности крушенія, — это остановиться въ выпускахъ ассигнацій на цифрѣ *наименьшаго неизмѣннаго количества* бумажныхъ денежныхъ знаковъ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ необходимаго для оборотовъ страны, въ прибавокъ къ обращающейся звонкой монетѣ. Почти такъ и было у насъ до восточной войны, въ періодъ времени съ 1848 по 1853 г., который мы назвали нормальнымъ періодомъ обращенія кредитныхъ билетовъ. По опыту извѣстно, что вездѣ есть такая неизмѣнная цифра орудій мѣны, необходимыхъ для каждой страны, если и измѣняющаяся, то весьма медленно. Количество выпущенныхъ ассигнацій можетъ быть при этомъ, для безусловной благонадежности денежной системы, поставлено даже ниже упомянутой цифры, ибо для народнаго хозяйства всегда безопаснѣе имѣть менѣе бумажныхъ денегъ въ обращеніи, нежели болѣе того сколько нужно. Недостающее количество, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть всегда замѣнено, если не звонкою монетою, то частными кредитными оборотными способами, каковы преимущественно коммерческіе векселя. Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока выпуски ассигнацій только вытѣсняють изъ обращенія звонкую монету, они могутъ производить лишь временныя потрясенія въ цѣнахъ, промышленности и торговлѣ, потрясенія, сглаживающіяся посредствомъ соотвѣтственнаго уменьшенія количества орудій мѣны, или

пропорціональнаго изчезновенія звонкой монеты. Настоящiе и самыя важныя ассигнаціонныя кризасы начинаются послѣ совершеннаго вытѣсненія ассигнаціями звонкой монеты изъ народнаго обращенія; они усиливаются соразмѣрно съ возрастаніемъ выпусковъ, къ чему ассигнаціонная система всегда имѣетъ нѣкоторое тяготѣніе. Это тяготѣніе ассигнаціонной системы къ увеличенію массы денежныхъ знаковъ происходитъ вовсе не отъ одной толькo наклонности государственной казны пользоваться ассигнаціями, какъ финансовымъ воспособленіемъ, и расширять свои расходы, но оно имѣетъ и другую, не менѣе естественную причину, тѣсно связанную съ самыми свойствами ассигнаціоннаго денежнаго обращенія.

И теорія народнаго хозяйства, и факты денежнаго обращенія всѣхъ странъ доказываютъ, что сверхъ общей неизмѣнной, наименьшей, цифры денегъ, необходимой для каждой страны, мѣстное и временное количество ихъ въ обращеніи, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ промышленности, торговли и кредита, чрезвычайно измѣнчиво. Эта измѣнчивость, эта колеблимость цифры денежнаго обращенія, около известной средней цифры, явствуетъ изъ отчетовъ всѣхъ оборотныхъ банковъ: количество билетовъ выпускаемыхъ ими въ обращеніе, *сверхъ известнаго минимума и около известной средней цифры, ежедневно измѣняется*. Когда обстоятельства денежныхъ рынковъ положительно указываютъ на временную или мѣстную потребность въ увеличеніи существующаго количества денежныхъ знаковъ, то правительство находитъ въ этихъ обстоятельствахъ все оправданіе для новыхъ выпусковъ, быстро поглощаемыхъ тогда потребностями рынка и не влекущихъ за собою на первое время никакихъ болѣзненныхъ послѣдствій. Но обстоятельства измѣняются, ассигнаціонная система не обладаетъ никакимъ нормальнымъ способомъ къ сокращенію денежнаго обращенія, кромѣ размѣна на звонкую монету, а вновь выпущенное количество ассигнацій остается въ обращеніи и производитъ искусственныя измѣненія въ отношеніяхъ цѣны денегъ и товаровъ. Такъ было у насъ въ 1848 г., когда, послѣ чрезвычайнаго требованія кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету въ предшествовавшемъ 1847 г., выпущено было вновь въ обращеніе 34 милліона кредитныхъ билетовъ, въ томъ числѣ 17 милліоновъ непокрытыхъ взносомъ звонкой монеты въ

размѣный фондъ. Въ этомъ 1848 году новый выпускъ, можетъ-быть, и соответствовалъ обстоятельствамъ времени, и, можетъ-быть, сверхъ того, соответствовалъ обстоятельствамъ мѣстнымъ; но, въ быстромъ возрастаніи востребованія звонкой монеты въ 1848 и 1849 г., обнаружилась реакція денежныхъ рынковъ противъ денежныхъ выпусковъ 1847 и 1848 г. Не прекращавшееся дѣйствіе размѣна кредитныхъ билетовъ возстановило равновѣсіе и низвело цифру кредитныхъ билетовъ въ обращеніи до прежняго уровня—300 милліоновъ руб.

Размѣлъ на звонкую монету, даже когда онъ и присоединяется ассигнаціоннымъ денежнымъ знакамъ, не разрѣшаетъ однако вполнѣ задачи равновѣсія между потребностями обращенія и количествомъ орудій обращенія и не уничтожаетъ искусственнаго вліянія ассигнацій на цѣны денегъ и товаровъ. Не говоря уже объ обязательномъ курсѣ ассигнаціонныхъ денежныхъ знаковъ, задерживающѣмъ ихъ искусственно въ обращеніи и нарушающѣмъ свободное дѣйствіе размѣна, самый способъ ассигнаціонныхъ выпусковъ не допускаетъ быстрого возстановленія равновѣсія въ денежномъ обращеніи путемъ размѣна. Какъ было уже сказано, всякій ассигнаціонный выпускъ заключаетъ въ себѣ предложеніе денегъ, спросъ на товаръ и усиленіе потребления безъ соответствующаго предложенія товаровъ, спроса на деньги и усиленія производства. Весьма естественно по этому, что всякій ассигнаціонный выпускъ, какова бы ни была масса бывшихъ до него въ обращеніи денежныхъ знаковъ, и каково бы ни было количество вновь выпускаемыхъ, имѣетъ наклонность къ возвышенію цѣлъ на товары и къ удешевленію денегъ. Это необходимое послѣдствіе всякаго ассигнаціоннаго выпуска, парализуемое лишь разными случайными и побочными обстоятельствами, въ свою очередь заставляетъ, какъ всякое вздорожаніе товаровъ, желать и оправдывать новое увеличеніе количества бумажныхъ денегъ. Эта дороговизна товаровъ и удешевленіе денегъ, искусственнымъ образомъ возстановляющія равновѣсіе въ ассигнаціонномъ денежномъ обращеніи (что мы видѣли на дѣлѣ въ предыдущей главѣ), съ одной стороны, создаютъ искусственную потребность въ денежныхъ знакахъ и, съ другой стороны, парализуютъ естественное движеніе размѣна и быстрый приливъ къ нему избытковъ денежныхъ знаковъ. Это особенное явленіе, свойственное преимущественно ассигнаціонной денежной си-

стемѣ, мы уже заглянули въ фактахъ нашего денежнаго обращенія (то-есть въ относительно-медленномъ приливѣ билетовъ къ разнѣну послѣ усиленныхъ выпусковъ и послѣ возобновленія разнѣна, временно прекращавшагося) до восточной войны, и послѣ. Такимъ образомъ ассигнаціонная денежная система, можно сказать, обречена послѣдовательно: увеличивать количество денежныхъ знаковъ новыми выпусками, производить ими искусственную потребность въ деньгахъ и ощущеніе безденежья, и продолжать прогрессивно свои выпуски, безъ всякихъ наружныхъ признаковъ ихъ избытковъ до тѣхъ поръ, пока промышленный и коммерческій кризисъ не обнаружитъ корня зла. Разнѣвъ, дѣйствительно, въ окончательныхъ своихъ результатахъ, во что бы то ни стало, возстановить равновѣсіе въ денежномъ обращеніи, но для этого при ассигнаціонной денежной системѣ необходимо, чтобы совершился довольно медленный процессъ перехода вновь вынужденныхъ денежныхъ знаковъ изъ однихъ слоевъ общества и народнаго хозяйства въ другіе, вообще изъ рукъ потребителей и публнкн въ руки производителей и людей коммерческихъ, чтобы образовались въ этихъ послѣднихъ рукахъ сбереженія капиталовъ; чтобы проявились обстоятельства неблагоприятныя для дороговизны, чтобы международныя коммерческія отношенія и курсы воздѣйствовали на ходъ внутреннихъ дѣлъ и т. д. Въ эти неблагоприятныя для народнаго хозяйства явленія происходятъ изъ того кореннаго вреднаго свойства ассигнаціонной денежной системы, что количество денегъ находящихся въ обращеніи народномъ опредѣляется при этой системѣ искусственно, и потому произвольно создаются, независимо отъ естественныхъ отношеній предложенія и спроса, искусственная цѣна денегъ и искусственная цѣна для всѣхъ товаровъ. Поэтому-то вопросъ о *количествѣ находящихся* въ народномъ обращеніи *ассигнацій* и получаетъ такое огромное преобладающее значеніе, какого никогда не имѣетъ этотъ вопросъ въ чисто-банковой системѣ денежнаго обращенія.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о потрясеніяхъ, сопровождающихъ систему банковаго и денежнаго обращенія. Хотя многіе экономисты отвергаютъ всякую возможность банковыхъ выпусковъ, сверхъ потребностей рынка, но ни въ теоріи, ни въ виду дѣйствительныхъ фактовъ, нельзя вовсе отрицать возможности этихъ, такъ-называемыхъ, *излишнихъ* выпусковъ банковыхъ билетовъ и также возможно-

сти вліянія выпускныхъ банковъ на промышленные и коммерческіе кризисы. *

Здѣсь должно въ особенности замѣтить, что при нормальныхъ обстоятельствахъ коммерческихъ дѣлъ, банковые выпуски не могутъ производить никакихъ потрясеній; послѣднія возможны лишь при извѣстномъ спекулятивномъ направленіи, овладѣвающимъ рынками и находящемъ въ выпускныхъ банкахъ дѣйствительно въ некоторую поддержку для продолженія напряженнаго состоянія цѣвъ и спекуляцій. ** Такъ какъ главное превосходство банковской системы выпусковъ предъ ассигнаціонною заключается въ усиливающеюся, въ одно время съ новымъ предложеніемъ денегъ, предложеніи товаровъ, то можно вообще сказать, что банковые выпуски способны тогда именно смущать естественное теченіе дѣлъ, когда упомянутое предложеніе товара и увеличеніе товарныхъ сдѣлокъ исключительнымъ образомъ ослабѣваютъ и останавливаются. Банки, продолжая безостановочно свои выпуски подъ учетъ векселей въ эпоху промышленнаго возбужденія и спекуляціи, даютъ возможность торговцамъ продолжать свои спекулятивныя закупки товаровъ, и удерживать цѣвы на высокомъ уровнѣ, и потому не только затягиваютъ, но и ожесточаютъ разрѣшеніе кризиса (чѣмъ больше куплено товаровъ, тѣмъ продажа излишка - закупленныхъ товаровъ должна быть убыточнѣе). Это и было не разъ уже замѣчено, въ особенности относительно американскихъ банковъ. Но здѣсь необходимо однако замѣтить, что вслѣдствіе кредитныхъ обязательствъ, обременяющихъ всѣ лица, получившія билеты изъ банка, необходимо, чтобы рынкомъ уже овладѣло извѣстное спекулятивное направленіе, для того чтобы кредиторы банка рѣшились во что бы то ни стало задерживать въ своихъ рукахъ товаръ, пріобрѣтенный на билеты банка. За тѣмъ даже и въ подобномъ случаѣ и даже при самыхъ сильныхъ злоупотребленіяхъ банковыми выпусками, реакція, необходимо связанная съ кредитными обязательствами, быстро восстанавливаетъ равновѣсіе, принуждаетъ

* Много, впрочемъ, ошибочныхъ воззрѣній распространилось вслѣдствіе страннаго понятія о банковыхъ безпроцентныхъ билетахъ, какъ о даровомъ кредитѣ, ничего будто бы не стоящемъ банкамъ. Не мало также ошибочныхъ понятій извлечено изъ дѣйствій привилегированныхъ банковъ, злоупотреблявшихъ своими преимуществами.

** Срав. J. S. Mill *Principles of Pol. Econ.*, т. II, р. 65.

торгующихъ къ ликвидаціи, дѣйствуетъ разрушительно преимущественно лишь въ коммерческихъ кругахъ, и отзывается на каждомъ отдѣльномъ лицѣ болѣе или менѣе соразмѣрно съ его увлеченіями. Каждый страдаетъ болѣе или менѣе по своей винѣ. Съ другой стороны, когда въ коммерческихъ кризисахъ наступаетъ реакція послѣ перваго періода спекулятивнаго возбужденія, то въ банкахъ же торговля находитъ необходимыя для себя кредитныя пособія, и они даютъ возможность людямъ заслуживающимъ кредита преодолѣть временныя затрудненія и не сдѣлаться жертвами кризиса. Такія пособія кредита, чрезъ расширеніе учета, по мнѣнію перваго періода кризиса, всюду оказывались чрезвычайно благотѣльными, парализуя продолжительность кризиса въ его вліяніи на производство и на все народное хозяйство. Этимъ и объясняется быстрое поправленіе дѣлъ послѣ коммерческихъ кризисовъ въ государствахъ Западной Европы и Сѣверной Америки, не имѣющихъ иныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, кромѣ банковыхъ.

Кризисы, въ которыхъ участвуютъ, какъ ухудшающее условіе, безразсудныя банковыя операціи по выпуску билетовъ, никогда не теряютъ характера исключительно промышленныхъ и коммерческихъ затрудненій, ибо денежныя потрясенія ихъ сопровождающія являются только какъ послѣдствія промышленныхъ и коммерческихъ потрясеній и, съ поправленіемъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, денежныя затрудненія сами собою устраняются. Промышленныя и коммерческія потрясенія, поражаемая ассигнаціонными кризисами, имѣютъ характеръ по преимуществу денежный; въ нихъ денежныя потрясенія дѣйствуютъ какъ причина, и потому такія затрудненія поражаютъ всеобщее народно-хозяйственное разстройство, которое, съ измѣненіемъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, можетъ быть устранено только временно; но совершенно уступаетъ лишь врачеванію кореннымъ образомъ дѣйствующему на самую причину, *то-есть на денежную систему государства.*

Смѣемъ думать, что изложенная нами теорія ассигнаціонной денежной системы сравнительно съ банковской можетъ послужить къ достаточному объясненію многихъ явленій нашего денежнаго обращенія и многихъ нашихъ промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ затрудненій, которыя были описаны нами въ предыдущей главѣ. Впрочемъ во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ мы постоянно имѣли въ виду дѣйстви-

тельные факты, и именно наши отечественные факты, которые только подкрѣпляютъ общую теорію, и могутъ, мы надѣмся, содѣйствовать дальнѣйшему развитію нѣкоторыхъ ея сторонъ.

На основаніи всего нами изложеннаго въ настоящей главѣ мы можемъ представить теперь слѣдующіе общіе выводы относительно главнѣйшихъ послѣдствій дѣйствовавшаго у насъ ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ:

1. До тѣхъ поръ пока масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи соответствовала неизмѣнной наименьшей потребности въ бумажныхъ знакахъ, какъ въ прибавкѣ къ звонкой монетѣ, до тѣхъ поръ вредное вліяніе ассигнаціонной денежной системы могло проявляться у насъ лишь *отрицательно*, то-есть при этомъ наша промышленность и торговля были *только лишены* кредитныхъ пособій оборотныхъ или выпускныхъ банковъ. Потому вредное вліяніе ассигнаціонной денежной системы сдѣлалось уже *положительнымъ* явленіемъ и росло пропорціонально вытѣсненію звонкой монеты изъ нашего денежнаго обращенія, а съ принудительнымъ курсомъ билетовъ (то-есть, закрытіемъ размѣна въ 1856 г.) это зло окончательно отвердѣло въ нашемъ народномъ хозяйствѣ и обусловило собою его недуги.

2. Вслѣдствіе способа выпуска кредитныхъ билетовъ, совокупно съ принудительнымъ курсомъ, *количество* денежныхъ знаковъ въ обращеніи сдѣлалось преобладающимъ условіемъ для цѣны денегъ и цѣны товаровъ, такимъ преобладающимъ условіемъ, какимъ это количество само по себѣ никогда не могло бы быть при банковомъ денежномъ обращеніи, при которомъ количество выпущенныхъ билетовъ можетъ имѣть значеніе лишь для оборотовъ и интересовъ самого банка.

3. Вслѣдствіе способа выпуска кредитныхъ билетовъ, излишніе ихъ выпуски не могли быстро отражаться въ движеніяхъ размѣна; этимъ и объясняются, замѣченные нами въ предыдущей главѣ, поздніе прицѣпы билетовъ къ размѣну послѣ усиленнаго выпуска 1847 г. и чрезвычайныхъ выпусковъ 1853 и 1855 гг., независимо отъ стѣсненій размѣна.

4. Также точно и съ возобновленіемъ размѣна въ 1862 году избытки кредитныхъ билетовъ не могли, послѣ продолжительнаго принудительнаго курса, тотчасъ заявить себя у размѣновой кассы.

5. Вслѣдствіе самаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ, размѣнъ дѣлается для рынка не только источникомъ приоб-

рѣшенія звонкой монеты, чѣмъ она почти исключительно служить въ банковской денежной системѣ, но и каналомъ къ освобожденію отъ избытковъ денежныхъ знаковъ.

6. Наши коммерческія и промышленныя затрудненія не могутъ имѣть характера западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ кризисовъ, и, между прочимъ, они не заключаютъ въ себѣ условій быстрой реакціи и поправленія дѣлъ, принадлежащихъ банковому денежному обращенію.

Разсмотрѣвъ послѣдствія ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ и показавъ относительныя выгоды банковской системы, мы должны перейти теперь къ тѣмъ тяготѣніямъ, которыя обнаружилась, въ послѣднее время, въ нашей бумажной денежной системѣ къ превращенію въ банковую. *

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

* Печатавъ эту статью, считаемъ нужнымъ оговориться. Теорія, изложенная въ ней, не подлежитъ спору только своею отрицательною стороною, то-есть по скольку она указываетъ на ненормальность ассигнаціоннаго выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Но далеко не всѣ экономисты, въ особенности далеко не всѣ практическіе экономисты, согласятся признать, что банковые билеты могутъ быть выпускаемы подъ учетъ векселей безъ всякаго ограниченія. Англійскій банкъ на дѣлѣ не имѣетъ права выпускать свои билеты иначе какъ подъ золото. Во Франціи банковые билеты выпускаются подъ учетъ, но за то право выпуска билетовъ составляетъ тамъ монополію французскаго банка, чѣмъ публика обезпечивается отъ наплыва банковыхъ билетовъ. Къ тому же Французы имѣютъ антипатію къ бумажнымъ деньгамъ, и эта антипатія ограждаетъ Францію еще болѣе чѣмъ монополія банка. Наконецъ, первѣйшій авторитетъ по этой части, лордъ Оверстонъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, какъ опасно соразмѣрять выпуски банковыхъ билетовъ со спросомъ на учетъ. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать эту оговорку въ особенности потому, что теорія о безвредности выпуска банковыхъ билетовъ подъ учетъ векселей совершенно непримѣнима къ Россіи. У насъ невозможно и думать о томъ, чтобы кредитные билеты или ихъ будущіе преемники—банковые билеты—не были признаваемы законнымъ средствомъ платежа. Мечтать объ этомъ значитъ мечтать о томъ, какъ бы лишить Россію удобства доставляемыхъ изобрѣтеніемъ денегъ. А потому ни государственному банку, теперь существующему, ни его возможному преемнику въ будущемъ, акціонерному банку, не можетъ быть предоставлено у насъ право выпускать безпроцентные билеты иначе какъ подъ звонкую монету или металлы въ слиткахъ. *Ред.*

ЖИЗНЬ

ВЪ

АМУРСКОЙ СТАНИЦЪ

Станица, изъ которой я пишу настоящія замѣтки, расположена на лѣвомъ берегу Амура. Берегъ этотъ кругъ, обривистъ, нѣсколькими саженями выше уровня рѣки и составляетъ подошву Хинганскаго хребта. Станица расположена въ той части амурскаго побережья, гдѣ Хинганъ, оставая покрывтъ вѣтвистыми дубами, липами и черною березой берегъ Амура, уходитъ въ глубь страны, сначала длинными, почти не прерывающимися грядами горъ, потомъ одинокими сопками и невысокими холмами.

Въ станицѣ нашей насчитывается до 130-ти домовъ; всѣ они деревянные, строенные изъ забайкальской сосны въ три и два окна на улицу. Только пять домовъ имѣютъ по четыре и по пяти оконъ въ каждой стѣнѣ. Дома эти вытянуты въ три правильныя линіи, параллельныя берегу Амура, длиною около двухъ верстѣ. Одну линію отъ другой отдѣляютъ улицы саженъ въ десять шириной. Всѣ три линіи смотрятъ домами на Амуръ: на амурскихъ станицахъ вообще улицы только съ одной стороны обстроены домами, на другую же сторону выходятъ огороды, принадлежащіе къ домамъ слѣдующей линіи.

Въ центрѣ станицы, противъ мѣста, у котораго пристають пароходы, посреди небольшой, заросшей бурьяномъ и дубовыми кустами, площади, на высокомъ холмикѣ, командующемъ остальною мѣстностію, стоитъ небольшая, недавно построенная церковь.

Жители нашей станицы, которыхъ считается около 770 душъ обоюго пола, казаки Амурскаго пѣшаго казачьяго батальона, поселеннаго по берегу рѣки Амура отъ начала Хивгана до селенія Хабаровки. Кромѣ казаковъ, въ станицѣ проживаетъ командиръ роты, офицеръ регулярныхъ войскъ, одинъ заурядъ-офицеръ, священникъ и человекъ четыре мѣщанъ, какъ торгующихъ кое-чѣмъ, такъ и ничѣмъ не торгующихъ. Подобныхъ лицъ у насъ называютъ общимъ именемъ „купецъ“, хотя бы такой купецъ и не имѣлъ никакихъ товаровъ.

Вотъ, все наше маленькое общество. У насъ есть школа, въ которую ходятъ учиться чтенію, счету и письму около 20-ти мальчиковъ, казачьихъ дѣтей. Школа помѣщается въ казачьей избѣ; учительствуетъ въ ней перечисленный въ казаки молодой гарнизонный солдатъ изъ кантонистовъ. Есть у насъ отдѣленіе лазарета съ двумя фельдшерами; въ немъ лѣчится постоянно не менѣе 12-ти человекъ. Докторъ живетъ при батальонномъ лазаретѣ и бываетъ у насъ только въздомъ. Въ верхнемъ концѣ станицы, между первую и второю линіей, стоитъ огромный цейхаузъ съ складомъ хлѣба, инструментовъ и т. п. Сзади помѣщается цореховой и солдатской погребъ. Немного въ сторонѣ, стоитъ землянка съ окнами поверхъ земли—это ротная гауптвахта.

Вотъ всѣ достопримѣчательности нашей станицы.

Я по временамъ проживаю здѣсь одну, другую недѣлю въ совершенной праздности. Это бываетъ такъ: мнѣ, по дѣламъ моего хозяйственнаго заведенія, расположеннаго въ 22 верстахъ отъ станицы, очень часто приходится бывать въ станицѣ во время прихода пароходовъ. Но какъ пароходы правильныхъ рейсовъ не дѣлаютъ, то и время ихъ прихода положительно никому неизвѣстно. Вотъ и приходится дожидаться парохода; ждешь недѣлю, иногда и двѣ, ни на шагъ не отлучаясь, чтобы не прозвать желаннаго гостя.

Это время для меня бываетъ самое непріятное: кромѣ

убійственной скуки, еще и нуждаешься во многомъ. Приѣзжая въ станицу на неопредѣленный срокъ, я не беру съ собою работника. По дороговизнѣ рабочихъ рукъ, держать въ станицѣ работника, стоящаго около 16-ти рублей въ мѣсяцъ, для того только чтобъ онъ прислуживалъ моей особѣ, нѣтъ никакого разчета. Нанять для услугъ мальчика въ нашей станицѣ невозможно: казаки или вовсе не отпускаютъ своихъ дѣтей въ услуженіе, или отпускаютъ за недоступно дорогою цѣну. Кондитерскихъ, трактировъ и т. п. у насъ, конечно, нѣтъ; имѣть столъ на сторонѣ тоже невозможно: вотъ и перебиваешься недѣлю, другую кое-какъ.

Съ перваго же дня приѣзда въ станицу начинаешь систематически убивать время. Встанешь по привычкѣ въ 5 часовъ утра, отворишь ставни. Вся станица, кромѣ вышлага разряда лицъ, уже на ногахъ. Изъ печныхъ трубъ дымъ валитъ столбомъ, коровы, выгоняемыя на пастбище, ревуть, собаки лаютъ, свиньи кричатъ, пѣтухи поютъ неумолкаемо.

Выкуривъ папиросу изъ простаго манджурскаго табаку, позѣвавъ, походивъ по комнатамъ, приступаешь къ приготовленію чая. Забота не маловажная. Ни огня въ печкѣ, ни воды въ кадкѣ нѣтъ. Положеніе не ловкое; не идти же самому съ ведрами по воду? Но нѣтъ положенія, изъ котораго человѣкъ, при твердомъ желаніи, не вышелъ бы съ честью. Пускаешься на хитрости. Взявъ палку въ руки и надѣвъ фуражку, выходишь торжественно на улицу, будто на прогулку. Между тѣмъ высматриваешь заботливымъ окомъ не покажется ли какой знакомый казакъ-благонріятель, на услуги котораго въ трудныя минуты можно разчитывать. Начиная ходить взадъ и впередъ около дома.

Вотъ ефрейторъ въ полной формѣ: папахѣ, шинели, со штыкомъ на боку, торжественно выступаетъ по улицѣ. Онъ идетъ къ ротному командиру доложить о благополучіи карауловъ. Идетъ онъ плавно, не спѣша, зная, что послѣдетъ еще къ тому времени, какъ встанетъ ротный; самодовольно посматриваетъ онъ по сторонамъ и замѣтно самъ любитъ себя собою. Вотъ идетъ огромнаго роста урядникъ, съ краснымъ загорѣлымъ лицомъ и глазами на выкатъ, въ фуражкѣ, форменной шинели и кумурскихъ сапогахъ. Онъ спѣшитъ къ ротному доложить о благоосостояніи станицы. Немного погодя, показывается изъ-за угла фигура нашего капитанармуса

въ плашевомъ картузѣ, тиковомъ бешметѣ и такихъ же бри-
кахъ. Это тоже урядникъ, на лицѣ его вѣчно плаксивое вы-
раженіе, какъ будто воры ежеминутно собираются его огра-
бить или мыши съѣли излишнее противъ законнаго положенія
количество муки. Онъ также стремится къ ротному двору
за приказаніями. За нимъ, въ припрыжку, несется сѣдой
урядникъ въ форменной фуражкѣ и казакинѣ — на лицѣ у
него выражается боязнь школьника, опоздавшего въ школу.
Это ротный писарь. Онъ внимательно посматриваетъ на во-
рота ротнаго дома, какъ будто въ первый разъ ихъ видитъ.

Все это власти и разчитывать на то, чтобы они снабдили
меня водой, я даже и не осмѣливаюсь.

Вотъ отворилась калитка одного изъ сосѣднихъ домовъ и
изъ нея вышла молоденькая дѣвочка, лѣтъ шестнадцати, съ
загорѣлымъ, покрытымъ веснушками, лицомъ, сѣрыми гла-
зами и темнорусыми волосами. Одѣта она въ ситцевый са-
рафанъ, на плеча накинута полушубокъ, на ногахъ ни чу-
ковъ, ни башмаковъ. За ней идетъ парень лѣтъ двадцати-
двухъ, въ красной ситцевой рубахѣ, плісовыхъ штанахъ, бо-
сикомъ. Они несутъ на длинномъ коромыслѣ трехведерный
ушатъ. Это—дочь заурядъ-офицера съ работникомъ идутъ по-
воду на рѣку. А вотъ старый казакъ въ тиковомъ халатѣ,
холщевыхъ брюкахъ, безъ шапки, босикомъ, идетъ поглядыва-
вая на ротный дворъ. Человѣкъ знакомый, но на услужливость
котораго трудно разчитывать.

— Здравствуй, старикъ; куда бредешь?

— Да хлѣбцы смотрѣлъ, Василій Никслайчъ.

— А развѣ случилось что?

— Да вишь, вчера вечеромъ шелъ дождь съ страшнымъ
вѣтромъ, такъ ходилъ смотрѣть, не повалило ли ихъ погодой.

— Ну что жь, какъ?

— Да принагнуло же порядкомъ, мѣстами и не встануть.

— Это скверно!

— Что жь дѣлать, Василій Николаичъ, густы больно ро-
дидись, оттого и повалило.

— А что, косить началъ?

— Да повѣхали ребята съ дѣвками, а я домовничаю со ста-
рухой.

— Да неужели у тебя и дочки косятъ?

— А какже, Василій Николаичъ, вѣдь скотинки-то у меня

печатай двадцать головъ съ барахчанами * наберется—сѣна много нужно, а работниковъ не нанимаешься. Прощайте, Василий Николаичъ.

— Прощай, старикъ.

Вотъ изъ-за угла показались два лазаретскіе служителя, казаки же, въ ситцевыхъ поношенныхъ рубашкахъ и холщевыхъ штанахъ, босикомъ, тащатъ огромный ушатъ. За ними тащится съ ведрами молодая бабенка, повязанная желтымъ платкомъ, въ синемъ сарафанѣ, босикомъ. За нею, въ одной грязной рубашонкѣ, бѣжитъ босоногий мальчуганъ, автъ трехъ.

Вотъ проѣхали верхами нѣсколько казаковъ и казачекъ съ вилами и граблями: явное доказательство, что они отправляются косить сѣно.

Наконецъ, терпѣніе мое вознаграждается по заслугамъ: изъ-за домовъ показывается знакомый казакъ, служившій когда-то у меня въ работникахъ.

— Здравствуй, Никита, куда идешь?

— Къ ротному, Василий Николаичъ.

— А зачѣмъ къ ротному?

— Да хлѣба попросить изъ казны заимобразно; совсемъ оголодали, вотъ нечего, пухнемъ съ голоду.

Я осмотрѣлъ его съ головы до ногъ: слѣдовъ опухоли не замѣтно.

— А свой хлѣбъ куда дѣлалъ, вѣдь ты сѣялъ въ прошломъ году?

— Да много ли я сѣялъ-то: всего съ десятину какую нибудь, а семья, знаешь, большущая.

— Такъ отчего жъ ты не посѣялъ болѣе?

— Да достатки-то наши плохи, всего двѣ лошади; одну изъ Байкальа привлазилъ, другую изъ казны дали.

Надуваешь, парель, думаю я; могъ бы и болѣе посѣять, да пѣльнилася.

— Даетъ ли ротный хлѣба?

— Да бають, что даетъ въ займы тѣмъ, у кого посѣяно хоть двѣ десятины; ну, а я въ этомъ году десятинки съ двѣ посѣялъ.

— Ну а какъ взянешъ хлѣбцы?

— Да взянешъ хорошо, нечего Бога гнѣвать, густой, хоро-

* Молодые бычки и коровы.

шій хлѣбъ, только развѣ вчерашнимъ дождемъ мало-мало прибило—ну да Богъ не безъ милости: бываетъ—встанеть.

— А много накосилъ сѣна?

— Да чего много: косилъ цѣлую недѣлю, помни дожди почитай кажесный день, вотъ и гниеть, убрать-то не успѣли. Теперь думаю опять покосить, пока ведро—бываетъ, успѣемъ убрать.

— А другіе казаки тоже косятъ?

— Да, почесть, полстаніцы косить; сегодня и за рѣку много уплыло: тамъ косятъ.

— Ну, а какъ Манджуры да сожгутъ ваше сѣно: вѣдь за рѣкой не наше мѣсто—ихнее.

— Вѣстимо дѣло что ихнее, ну да, бываетъ, Богъ пронесетъ: вишь на нашей сторонѣ сѣнокосы-то далеко, верстъ пятнадцать почесть будетъ.

— А почему жь остальные-то не косятъ?

— Да такъ не косятъ, баютъ, успѣемъ еще, а какъ дожди посядутъ, да сѣно затопить: вотъ тебѣ и успѣютъ. Ну да еще и рано — почитай всего недѣля прошла послѣ Петра и Павла.

— Ну а травы каковы? хороши?

— Большущая трава — до пояса хватаетъ, сочная, спорая трава по лугамъ, ну а на высокихъ мѣстахъ рѣдкая и вязкая: нельзя косить.

Наконецъ я рѣшился упомянуть на счетъ воды.

— Кстати, братъ Никита, привеси мнѣ ведро воды: работника я не взялъ съ собой, воды-то принести и некому: я ужъ тебѣ табачку мало-мало дамъ.

— Ладно, Василій Николаичъ, отчего и не принести.

Главное препятствіе устранено: вода есть. Кое-какъ вырубилъ огая; спичекъ нѣтъ въ лавкахъ, а купцовъ пропало немного да и тѣ спичекъ не провозили. Мигомъ разведенъ огонь, поставленъ самоваръ. Черезъ полчаса чай готовъ. Отворяю окно, смотрю на улицу и попиваю чай. Кругомъ тишина невозмутимая; кое-когда пройдетъ по улицѣ баба съ ведрами по воду, или лазаретская прачка съ чернымъ большичнымъ бѣльемъ на рѣку, или фельдшеръ въ мундирномъ казакиномъ съ серебряною нашивкой на лѣвомъ рукавѣ важно пройдетъ по улицѣ, направляясь къ большому лѣвѣющимъ домамъ.

Наконецъ, чай выпить, солнце окончателно обогрѣло, на улицѣ начинается жара нестерпимая, въ комнатахъ духота

невыносимая. Дѣлать нечего — весь книжный запас перечитавъ чуть ли не въ десятый разъ; писать дѣла, да и не о чемъ: кругомъ все такъ обыкновенно и не представляетъ ничего, что могло бы серьезно заинтересовать мысль и расшевелить чувство. Думаешь, думаешь, да и кончишь на томъ, что нужно отправиться къ кому-нибудь посидѣть и помолчать, въ пріятной компаніи. Но вопросъ, къ кому идти: къ ротному ли или къ заурядъ-офицеру. Конечно къ ротному бы лучше: человекъ онъ хорошій и не гауамый, да только я вчера вечеромъ былъ у него: не ловко такъ часто надоедать человеку, который можетъ-быть и дѣломъ занятъ. Рѣшено идти къ заурядъ-офицеру. Прихожу. Домъ у него довольно большой: на пяти сажеляхъ кругомъ, въ нѣсколько комнатъ. Окна въ каждой стѣнѣ чуть не по пяти; полы вымыты до возможной чистоты, стѣны выбѣлены известкой. Три дивана, на манеръ турецкихъ, обитые мебельнымъ ситцемъ, полинявшимъ уже и изорваннымъ во многихъ мѣстахъ, нѣсколько табуретокъ окрашенныхъ краскою вохрой, два стола и шкафъ, покрытые тою же краскою и два сундука изъ такъ-называемыхъ нижегородскихъ — вотъ вся мебель передней и двухъ парадныхъ комнатъ. Ситцевыя подиалыя занавѣски на окнахъ и два зеркала довершаютъ убранство.

Появляется самъ хозяинъ. Это мущина, лѣтъ сорока, среднего роста, жирный, но не тучный, съ короткою шеей, запявшимися, свинцоваго цвѣта, глазами, краснымъ полнымъ лицомъ, коротко-стриженными волосами. Одѣтъ онъ въ ситцевый халатъ, нанковые брюки и жеманны башмаки. Началъ онъ службу свою простымъ казакомъ, попалъ въ образцовый полкъ, вышелъ оттуда урядникомъ, былъ во время Восточной войны въ Де-Кастри, стоялъ въ числѣ прочихъ казаковъ въ лагусу въ то время, когда Англичане хотѣли одѣлать туда высадку. По возвращеніи въ Забайкалье, былъ произведенъ въ заурядъ-офицеры. Участвовалъ въ снаряженіи и сѣдованіи по рѣкѣ амурскихъ славовъ. Самъ не разъ спасалъ людей и хатбъ. За тѣмъ командовалъ ротой амурскихъ казаковъ и вмѣстѣ, по причинѣ достаточнаго количества офицеровъ, почиваетъ на лаврахъ, безъ всякаго дѣла, считаясь впрочемъ на службѣ. На Амуръ приплылъ онъ всего съ нѣсколькими штуками коровъ и лошадей, а теперь, благодаря разнымъ оборотамъ, соболиной торговлѣ и т. п., имѣетъ маленькій капиталецъ и живетъ въ свое удовольствіе.

- Здравствуйте, Степанъ Петровичъ, какъ поживаете?
- Ничего, живемъ по маленьку, слава Богу. Садитесь, пожалуйста, Василий Николаевичъ.
- Ну что у васъ новаго? спрашиваю я.
- Да ничего, все по старому.
- Ну, какъ у васъ скотинка? здоровы ли домашніе?
- Да что имъ дѣлается, живутъ по маленьку. А вы какъ поживаете?
- Да какъ видите, благодествую.
- Ждете все парохода?
- Жду и скучаю отчаяннымъ образомъ.
- Такъ-съ!
- Ну, а какъ у васъ хлѣбцы? давно вы были на пашнѣ?
- Давненько-таки. Да ничего, я думаю, хороши, развѣ вчерашнимъ дождемъ мѣстами повалило; да ничего, я думаю, встануть.
- Ну, а какъ не встануть?
- Не встануть, такъ не встануть, что жъ дѣлать!
- Ну, а сѣнца много накопили?
- Да накопили было копенъ съ двѣсти, да дождями-то все сгноило; бѣда да и только. Вотъ въ прежнее время, относительно сѣнокосу, лучше было.
- А чѣмъ лучше?
- Да тѣмъ, что повѣстись бывало казаковъ весной, когда нигдѣ водки нѣтъ, дашь по крымкѣ, по другой; вотъ вамъ воровъ съ сотню и есть на дворѣ.
- Неужели же за одну, или двѣ крымки водки вы подражали возъ сѣна?
- А какъ бы вы думали; водки весной у насъ всегда не хватало—къ веснѣ вся выпивалась.
- Ну, а теперь отчего же такъ не подражаете?
- Теперь не то, тогда я былъ ротнымъ командиромъ.
- Такъ что жъ за важность, что ротнымъ командиромъ, не все ли равно.
- Равно, да не равно: теперь водку выпьютъ, а сѣна не поставятъ, а тогда можно было вмаскать—средства были.
- Ну что же вы подѣмываете?
- Да что мнѣ дѣлать? Чай пилъ, кушался, на Амуръ смотрѣлъ, не павезетъ ли кто.
- Ну, и что жъ?
- Да никого не видать.

— Да вы разве ждете кого?

— Да можетъ не придуть ли Манджуришки—нужно купить кой-чего: муки пшеничной, буды, рису. Да соболами хочу тоже торговаться.

— Да на что вамъ торговать соболами?

— Какъ на что, помыслите, семья вѣдь тоже; одѣть, обуь надо, да и самому вѣсть хочется.

— Такъ отчего же вы хлѣба больше не съете, вѣдь земля у васъ много?

— Отвѣди двѣсти десятинаъ, да что въ нихъ; распахано-то у меня всего десятинаъ пять, шесть.

— Такъ вы бы больше распахали, да насадили бы хлѣба, да продали, вѣдь бы вамъ и деньги.

— Такъ-то такъ; да все какъ-то некогда, не успѣваешь.

— Полноте, батюшка, признайтесь, что лѣнь возиться съ хлѣбомъ; соболами торговать выгоднѣе.

Мой собесѣдникъ пріятно осклабился.

— Разумѣется, что соболь лучше: меньше возни съ нимъ, а тутъ съ пашней возись почитай цѣлое лѣто.

— Такъ вы такъ бы и говорили, а то „некогда“ вѣдь сидите сложа руки, палець объ палець не ударите.

— Да чего дѣлать-то, какъ не сидѣть сложа руки?

— Правда, правда.

Наконецъ разговоръ, за недостаткомъ приличной матеріи, прекращается. Не токовать же о литературѣ или политикѣ; почтенный хозяинъ, кромѣ предписаній начальства, которыя читаетъ чуть не по складамъ, въ жизнь свою не заглядывалъ ни въ одну книжку. Съ супругой его токовать тоже не о чемъ: она уже нѣсколько разъ успѣла сообщить мнѣ о своихъ огурцахъ всѣ свѣдѣнія, какія только можно сообщать о столь важномъ предметѣ. Съ дочками разве полюбозначать: да они по будаямъ ходятъ въ затрапезномъ костюмѣ, босикомъ и къ гостямъ не имѣютъ привычки выходить.

— Прощайте, Степанъ Петровичъ.

— Да куда же вы? Посидите, закусить неугодно ли?

— Благодарю: я только что пилъ чай. Прощайте!

Выхожу на берегъ. Смотрю, ребяташки забѣгали взадъ и впередъ, то въ дома, то снова на берегъ. „Ну вѣрно кто-нибудь пашветъ,“ подумалъ я. Подхожу къ берегу, вижу дѣйствительно пашветъ влѣтъ изъ двухъ, трехъ десятковъ бре-

везъ, съ двумя каморками. Надъ ними выкинутъ коммерческій флагъ. Казаки и казачки высипали изъ домовъ и устила берегъ. Казаки стоятъ пресажно, заложивъ руки за спину и только изрѣдка перекидываются между собой вѣжливыми фразами.

— Купецъ павезеть, говорить одинъ.

— Да, купецъ—вишь каморки понадѣланы на поромѣ.

— Да и боченки стоятъ.

— Ужь не вино ли везутъ, ребята? говорить, умышлено ослабляясь, высокій, узкоглазый казакъ, съ тощими, длинными, сухими ногами, одѣтыми въ узелькія брюки изъ мѣшечнаго холста.

— Ишь какъ его разобрало! смотрите, ребята, такъ саюжки и текутъ. Да врешь братъ, не вино, а масло; вишь боченки-то стоймя стоятъ.

— И впрямъ, паря, боченки съ масломъ, произносить жалобнымъ голосомъ узкоглазый,—эхъ кабы водка, то-то бы радость: другая недѣля идетъ, во рту не было.

Бабы, посмотрѣвъ на подплывавшій паромъ, проворно ушли въ избы поканчивать страпню, чтобы потомъ, оправивъ свой туалетъ, явиться на поромъ и провести время въ приятномъ созерцаніи товаровъ.

Не успѣли еще уйти бабы, какъ показались на улицѣ разряженныя въ пухъ и прахъ дѣвушки въ ситцевыхъ платьяхъ и сарафанахъ съ желтыми, синими и зелеными платочками на головахъ, которыя босикомъ, а которыя въ кожаныхъ башмакахъ. Онѣ успѣли уже перемѣнить свой будничныи костюмъ на праздничныи, чтобы приличнымъ образомъ явиться въ лавку купца поторговаться или просто такъ постоять и посмотрѣть.

Паромъ привалилъ къ берегу. Изъ одной каморки показался купецъ, въ суковномъ пальто дикаго цвѣта, пикейномъ жилетѣ и камотовыхъ брюкахъ, съ тиролькой на головѣ. Чуть только купецъ показался на порогѣ каморки, какъ народъ валомъ повалилъ на паромъ и въ лавку. Кто покупалъ, кто прицѣпывался, кто только такъ смотрѣлъ. Насмотрѣвшись досыта, толпа отвалила отъ лавки. Часа два по крайней мѣрѣ стояли зрители на берегу, хотя изрѣдиче, предлагавшееся ихъ глазамъ, было для нихъ вовсе не ново и въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ повторяется не разъ въ недѣлю.

Еще торжественнѣе бываетъ встрѣча пароходовъ. Чуть

только кто-нибудь издали заводитъ дымъ и кожухи парохода или засыпаетъ свистокъ, какъ тотчасъ ребятишки съ крикомъ бѣгутъ въ дома возвѣстать родителямъ о радостномъ событіи. Тотчасъ, почти все мужское населеніе ставицы, за какой бы кого работой ни застало извѣстіе о приближеніи парохода, и въ какомъ бы кто ни былъ костюмѣ, спѣшитъ къ мѣсту привала пароходовъ. Прекрасный полъ поступаетъ практичнѣе. Принарядившись прилично случаю, бабы и особенно дѣвушки начинаютъ собирать со всего дому все что есть продажнаго. И вотъ, съ молокомъ, масломъ, творогомъ, огурцами, картошкой, поросятами, курами, яйцами, женское населеніе мчится къ пароходу. Нѣкоторыя останавливаются съ своимъ товаромъ на приличной дистанціи; которыя же побойчѣй несутся прямо на пароходъ и торгуются, бойко перебрасываясь словами съ покупателями. Продавъ, возвращаются домой, снова несутъ что-нибудь, и снова дѣвуютъ на пароходъ. За бабами протапливаются смѣльчійшіе изъ ребятишекъ и на пароходѣ дѣлается такой шумъ и гамъ, какъ будто онъ подвергся нападенію непріятеля.

Во все время стоянія парохода, хотя бы это продолжалось и нѣсколько часовъ, толпа не оставляетъ берега. Даже когда пароходъ снимется и двинется въ путь, многіе все еще слѣдятъ за нимъ взоромъ участія и только когда онъ ужъ окончательно скроется изъ виду, ревностнѣйшіе изъ зрителей уходятъ наконецъ съ берега. Въ этомъ живомъ участіи къ мимолеющему гостю, можно сказать, инстинктивно выражается та мысль, что только пароходы соединяютъ нашу одинокую жизнь остальнымъ живущимъ людомъ.

Нельзя сказать, чтобы казаки наши рѣдко видѣли пароходы: рѣдкая недѣля, чтобы не прошло ихъ два, три мимо нашей ставицы; но у насъ такъ мало развлеченій, что приходъ купеческихъ баржъ, поромовъ и особенно парохода составляетъ для насъ въ нѣкоторомъ родѣ праздникъ, событіе. Наконецъ, не мало способствуетъ бездѣльному глазѣнью лѣнь и праздность, въ которыхъ мы, по правдѣ сказать, далеко не безгрѣшны.

У многихъ изъ нашихъ казаковъ лѣнь и любовь къ совершенно праздному препровожденію времени глубоко вкоренились. Кромѣ недѣли, другой сѣвбы весной, недѣли, другой косьбы лѣтомъ и недѣли другой, третьей молотьбы зимой, остальное время многіе изъ нашихъ казаковъ проводятъ почти въ совершеннейшей праздности. Или стоятъ на берегу со сложен-

ными за спиной руками; или, совершенно безъ всякой цѣли и нужды, ходять по улицѣ; или, если и это надобѣсть, заходятъ къ куму, пріятелю и здѣсь, распивая кирпичный чай, ведутъ нескончаемыя бесѣды. Рѣдко нападаетъ на такого казака охота сдѣлать хоть что-нибудь около своего дому: телѣжку ли исправить, борону ли починить, полозья ли загнуть, ведро ли набить и т. п.

Такой казакъ, развѣ только въ крайней необходимости и то, пожалуй, подъ вліяніемъ начальственныхъ побужденій, примется за какую-нибудь серіозную, капитальную работу. Береста, которою покрытъ его домъ, покособилась, полопалась отъ непогоды и солнца, изба течетъ во всѣхъ углахъ: онъ не рѣшится толкомъ покрыть ее; зашпнать кой-какъ дыру и ладно. Изба вовсе не покрыта, на потолка трава выросла по колѣно, протекаетъ страшно; какъ бы кажется, не покрыть ее. Ни чуть не бывало. „И такъ проживемъ“, думаетъ казакъ. Стойка для лошадей и скота разваливается, но еще не развалилась—ладно, пускай стоитъ, пока развалится. Рѣшетчатый заборъ, построенный въ первый годъ переселенія, на живую нитку, весь разсыпался и окончательно не удовлетворяетъ своему назначенію, но пока стоитъ еще—ну, и пускай стоитъ, пока окончательно не повалится. У много ни заборовъ, ни стоекъ, ни амбаровъ вовсе нѣтъ; на скотномъ дворѣ вѣтеръ ходитъ, какъ въ подѣ. „Ничего, проживемъ и такъ“, думаетъ нашъ казакъ-философъ.

Есть у насъ въ станицѣ и мастеровые и промышленники разнаго рода: дегтярники, колесники, кирпичники, горшечники, рыболовы, столяры и т. п. А попробуйте-ка спросить дегтя, колесъ, кирпичу, глиняной посуды или чего-нибудь подобнаго: ни за какія деньги не достанете. Да еслибы вы вздумали и заказать что-нибудь, то ничего не дождетесь. Казакамъ некогда, да и инструменты плохи, да и порадѣтвая и т. д. Да и для себя-то казаки также почти ничего не дѣлаютъ: у колесника, телѣга чуть не такая же плохая, какъ и у прочихъ смертныхъ; у дегтярника другой годъ телѣга не мазана и поетъ при ѣздѣ самымъ отчаяннымъ образомъ. Вообще телѣги у насъ отличаются особенною дѣвучестію: три, четыре не только могутъ замѣнить собой хоръ пѣвчихъ, но, пожалуй, цѣлый оркестръ музыки.

О приготовленіи домашнимъ образомъ холстовъ, сукновъ и т. п. у насъ и въ поминѣ нѣтъ. Несмотря на то что

конопля, при самомъ ничтожномъ удобреніи, родится великолѣпнѣйшимъ образомъ, ее сѣютъ всего развѣ нѣскольکو чело-вѣкъ, да и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Льна не сѣютъ вовсе. О приготовленіи пеньки и не думаютъ; не толь-ко ткацкихъ станковъ, но и прялокъ почти и въ заведеніи нѣтъ. Нашъ казакъ и казачка съ ногъ до головы одѣты во все покупное. Только обувь готовится иногда домашнимъ образомъ и то самую невзыскательная. Исключеніе составляютъ только нѣскольکو чело-вѣкъ звѣровщиковъ, ко-торые часть платья готовятъ изъ выдѣланныхъ шкуръ убиваемыхъ ими звѣрей.

Причины такой непонятной лѣни, при богатствѣ окружаю-щей насъ природы и обиліи источниковъ добывать хлѣбъ и деньги, весьма разнообразны.

Начать съ того, что здѣшніе казаки заразились лѣнью еще во время житія своего въ Забайкальи. Хлѣбъ тамъ былъ страшно дешевъ, почти ни почемъ, дичи много, охотиться свободно, податей никакихъ; много ли нужно было казаку чтобы быть сытымъ. Да и какъ казаку не заразиться лѣнью, когда онъ вполне убѣжденъ, что ему, чело-вѣку служащему, подначальному, не дадутъ умереть съ голоду, что въ случаѣ крайней бѣдности, недостачи хлѣба, падежа скота, пожара и т. п., онъ всегда можетъ разчитывать на пособіе казны и начальства. „Такъ ли, иначе ли, а все же казна дастъ“ думаетъ казакъ и сидитъ сложа руки. Переселеніе на Амуръ еще болѣе развило въ казакахъ упованіе и надежду на по-мощь казны въ затруднительныхъ случаяхъ: переселили вѣдь въ новое мѣсто, такъ не дадутъ же умереть съ голоду. А тутъ богатство природы, урожаи самъ-десять, самъ-пятнадцать, множество способовъ легко нажить деньги. Частыя лица, проживающія здѣсь платятъ за все сумашедшія деньги. Ну какъ тутъ облѣниться! Кромѣ того, самыя потребности каза-ка крайне ограниченны. Если казакъ не голоденъ и не нагъ, то чего ему еще надо? У него нѣтъ мяса, что быва-етъ почти постоянно — онъ довольствуется рыбой; нѣтъ рыбы, что также случается съ многими — съ него доста-точно молока, хлѣба и чаю; нѣтъ молока—онъ сытъ хлѣ-бомъ. Если же и хлѣба не хватаетъ, что также нерѣдко слу-чается съ нѣкоторыми, то казакъ можетъ просуществовать малую толику времени и однимъ кирпичнымъ чаемъ. Но, раз-увѣтся, такое положеніе продолжается не долго: какой-

либудь запасливый соседъ, или пріятель или наконецъ казна выручатъ его, наконецъ, изъ бѣды, а при хлѣбѣ и чаѣ казакъ не голодеетъ. Что касается до платья, то и въ этомъ случаѣ нашъ казакъ не прихотливъ: лѣтомъ сорочка и штаны изъ дабы или грубаго холста, зимою поверхъ этого бараній или козій эргакъ, шапка и сапоги: вотъ весь костюмъ казака. Въ праздники лѣтомъ, казакъ надѣваетъ сверхъ сорочки и штановъ тиковый, или ситцевый, или навковый халатъ, обуви и шапку; а если халата нѣтъ, то его замѣняетъ свитка изъ грубаго домашнего сукна, сдѣланная еще въ Забайкальи. Впрочемъ, достаточнѣйшіе изъ казаковъ шьютъ халаты изъ шерстяныхъ матерій, дѣлаютъ мундиры изъ толстаго сукна, имѣютъ форменныя шинели и носятъ бѣлье изъ тонкаго холста или ситцу. Казачки, какъ замужнія, такъ и дѣвушки, по буднямъ носятъ сарафаны изъ синей или желтой дабы и изъ ситцу, на плечи накидываютъ дешевенкій полушалокъ, а замужнія повязываютъ еще голову платкомъ. Тѣ и другія ходятъ босикомъ. По праздникамъ носятъ сарафаны или платья изъ ситцу, покрываютъ головы бумажными или полупешаковыми платками, на плеча накидываютъ шали рубля въ два, три цѣной и ходятъ въ башмакахъ. Зимой, казачки которыя побогаче, носятъ люстриновыя, на бараньемъ мѣху пальто или шубки отороченныя бѣлой съ бѣлцымъ жеворотникомъ; а которыя побѣдѣе, ходятъ въ полушубкахъ и даже свиткахъ изъ крестьянскаго сукна.

Сами казаки мало издерживаются на одежды своихъ женъ и дѣтей: многія казачки и дѣвушки большую часть своей одежды заводятъ на собственные деньги добытыя хозяйственнымъ и не хозяйственнымъ способомъ. Огородъ и молочное хозяйство составляютъ въ этомъ случаѣ, главную и почти единственную статью дохода казачекъ.

Главную промышленность нашихъ казаковъ составляетъ, разумѣется, хлѣбопашество. Всѣ наши казаки хлѣбопашцы, исключая развѣ нѣсколькихъ человекъ перечисленныхъ въ казаки гарнизонныхъ солдатъ поступившихъ въ военную службу изъ кавтонистовъ или изъ бывшихъ дворовыхъ людей, мѣщанъ и фабричныхъ рабочихъ. Эти не пашутъ, потому что не умѣютъ да и не привыкли къ тяжелому труду. Всякій казакъ имѣетъ одну, двѣ лошади, нѣкоторые имѣютъ по три и по пяти, а есть и такіе, у которыхъ

считываютъ по десятку лошадей. Коровъ держатъ также каждый: бóльшая часть имѣютъ по одной коровѣ, многіе по двѣ, есть и такіе, которые имѣютъ по нѣскольку. Въ нашей станицѣ насчитываютъ на 770 душъ населенія—450 лошадей, 100 быковъ и около 550 коровъ. Бараны въ нашемъ мѣстѣ, плохо разводятся, отчасти по причинѣ высокихъ травъ, въ которыхъ они теряются часто десятками, а главнымъ образомъ по причинѣ множества паутовъ и комаровъ, которые ихъ страшно тревожатъ. Кроме того, у насъ овцы часто слѣпаютъ: комары накусываютъ имъ глаза и они трутъ ихъ объ траву до воспаления.

Свиньи могли бы разводиться въ огромномъ количествѣ, еслибы только хлѣбопашество у насъ развилось надлежащимъ образомъ. Лѣтомъ они требуютъ самого незначительнаго корма, осенью множество жолудей въ дубнякахъ составляютъ для нихъ превосходный даровой кормъ. Если жолуди собирать и запасать на зиму, то свиньи и зимой не потребовали бы значительнаго корма. Хотя очень часто на свиней у насъ бываютъ падежи, но я полагаю, что хорошій ветеринарный врачъ, который вѣроятно будетъ же когда-нибудь и у насъ, легко устранить и это. Полагаютъ, что падежи эти происходятъ оттого, что свиньи объѣдаются какихъ-то вредныхъ грибовъ въ большомъ количествѣ растущихъ въ мокрые годы.

Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ развитію скотоводства служатъ пауты и комары, которыхъ у насъ въ теченіи всего лѣта бываетъ очень много. Въ мокрые годы они появляются въ такомъ количествѣ, что трудно даже представить себѣ, чтобъ ихъ могло быть еще больше. Насѣкомыя эти держатся преимущественно въ полѣ и вообще въ мѣстахъ лежачихъ; въ станицѣ, гдѣ мѣсто отоптано, они встрѣчаются только въ небольшомъ количествѣ. Пауты въ солнечные дни, когда нѣтъ большаго вѣтра, до того кусаютъ лошадей и рогатый скотъ, что онъ убѣгаетъ въ тѣнистыя мѣста и съ того времени какъ обогрѣетъ солнце и до вечера ничего не ѣстъ. Комары начинаютъ кусать скотъ вечеромъ и кусаютъ его до полуночи, такъ что поѣвъ вечеромъ не болѣе часу, онъ уходитъ на отоптанныя мѣста или къ раскладываемымъ хозяевами и пастухами дымокурамъ и тамъ стоитъ далеко за полночь, потомъ опять начиняетъ вѣстись и пасется до той поры, какъ солнце обогрѣетъ и появится пауть.

Зимой скотъ у насъ не можетъ ходить на подвожномъ

корму, какъ отъ того, что въ иные годы сѣвъ бываетъ очень глубока, такъ и отъ того, что зимою у насъ почти каждую недѣлю бываютъ страшныя пурги продолжающіяся иной разъ два по два и по три. Кормить большое количество скота зимою обномъ, въ настоящее время не возможно какъ потому, что луговъ у насъ не такъ много, чтобы хватило на большое количество скота, такъ и потому, что рукъ мало и накосить сѣна болѣе 5000 копекъ врядъ ли возможно. А 5000 копекъ хватить на прокормленіе не болѣе 125 головъ рогатаго скота, потому что травы у насъ болотныя, крупныя: скотъ сѣдаетъ только верхушка, а комли стаптываетъ подъ ногами. Можно надѣяться, что со временемъ, отъ ежегоднаго выкашиванія и стаптыванія скотомъ, дуга наши улучшатся и травы сѣдаются гораздо питательнѣе.

Земель отведено у насъ такъ много, что на душу мужскаго поля приходится болѣе 50 десятинъ. Распахано же изъ числа этого количества всего около 275-ти десятинъ на 770 душъ обоего пола, сѣдовательно немного болѣе одной трети десятины на душу. До этихъ результатовъ дошло наше хлѣбопашество въ теченіе пяти лѣтъ, такъ какъ половина казаковъ нашихъ переселена сюда въ 1858 году, затѣмъ остальная половина поселена въ 1860 и 1862 годахъ. Казаки пахутъ сохами и сабанами на двухъ и трехъ лошадахъ. Быками пахетъ только одно казачье семейство и двѣ артели перечисленныхъ въ казаки гарнизонныхъ солдатъ. На эти двѣ артели и вообще на занимающихся хозяйствомъ, перечисленныхъ въ казаки, гарнизонныхъ солдатъ, стоить обратить нѣкоторое вниманіе. Въ 1860 году въ Укурійскомъ казачьемъ батальонѣ нѣкоторые изъ такихъ солдатъ видя, что каждый изъ нихъ въ одиночку не можетъ съ успѣхомъ заняться хлѣбопашествомъ и завести хозяйство, соединились въ артели, чтобы завести общее хлѣбопашество и хозяйство. Бывшій командиромъ батальона, князь Дискаліани, помогъ имъ казенными средствами: далъ лошадей, коровъ, орудія, сѣмена. Такимъ образомъ составились двѣ, три артели. Въ теченіи 1860 года, они построили землянки и даже дома и распахали пашни. Примѣръ этотъ послужилъ для начальства руководствомъ и отвѣтительно другихъ частей Амурскаго казачьяго войска. Въ 1861 году, по распоряженію генералъ-губернатора, предложено было начальникамъ конной бригады и Амурскаго

пшаго батаальона, содѣйствовать въ командуемыхъ ими частяхъ къ устройству подобныхъ же артелей изъ перечисленныхъ. Вслѣдствіе этого и у насъ устроилось нѣсколько артелей, но, подобно другимъ русскимъ компаніямъ, бѣольшая часть ихъ разстроилась въ томъ же году. Остались только двѣ, каждая изъ трехъ человекъ. Они получили отъ казны даромъ по лошади и по коровѣ; на заработанныя общими средствами деньги, купили еще по лошади. Кроме того, начальство дало имъ въ безвозмездное пользованіе по парѣ быковъ. Въ настоящее время они имѣютъ столько пашни, что совершенно обезпечены въ своемъ прѣдовольствіи. У нихъ чистенькія, на манеръ малороссійскихъ, домики покрытыя берестой съ вымазанными глиной и выбѣленными известкой стѣнами; тѣлесные сараи, уютныя теплыя стойки для скота, маленькіе амбарчики и погреба; между тѣмъ какъ у многихъ казаковъ сараевъ, стоекъ и амбаровъ вовсе нѣтъ, а погребовъ почти ни у кого. Артели имѣютъ громадныя огороды засаженыя картофелемъ, огурцами, капустой, тыквой, морковью, лукомъ, петрушкой, горохомъ, фасолью, коноплей, рѣдкой, свеклой и т. п. Дворы ихъ и огороды обнесены незатѣливой, не аккуратной городьбой, между тѣмъ, какъ у нѣкоторыхъ казаковъ дворы и огороды вовсе не огорожены, а у многихъ обнесены только городьбой въ три, четыре жерди. Все это одѣлаво самими членами артелей безъ всякаго посторонняго пособія и найма. Къ этимъ двумъ артелямъ примыкаютъ три семейства женатыхъ Малороссовъ, то же изъ перечисленныхъ имѣющихъ такое же аккуратное хозяйство, только въ меньшемъ объемѣ. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ у насъ родъ маленькой малороссійской колоніи.

Урожай хлѣбовъ бываетъ у насъ всегда значительные: казенная десятина даетъ отъ 75 до 160 пудовъ хлѣба. Но климатическія условія часто весьма неблагопріятно дѣйствуютъ на успѣхъ хлѣбопашества. Въ 1860 году, урожай былъ превосходный, но во время самаго житва пошли страшные дожди, такъ что хлѣба просушить было невозможно и онъ проросъ въ снопахъ. Мѣстами хлѣбъ проросъ и на корню. А всякому извѣстно, что пророслый хлѣбъ не годится для сѣмянъ и теряетъ по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ своего содержанія. Овиновъ и сараевъ, въ которыхъ бы можно было сушить хлѣбъ у казаковъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что пашни ихъ разбросаны по клочкамъ на пространствѣ двадцати-верстнаго

четвероугольника и отстоять отъ станицы на десять, пятнадцать верстъ. Въ 1861 году, отъ постоянныхъ проливныхъ дождей и другихъ причинъ было страшное наводненіе, потопившее даже часть пашень нашей станицы, одной изъ самыхъ возвышенныхъ станицъ на Амурѣ. Въ 1863 году, было сряду два проливные съ сильнымъ вѣтромъ дожди; эти дожди повалили всѣ лучшіе густые хлѣба. Хотя потомъ хлѣба и встали, но все же остались по мѣстамъ пролежи и хлѣбъ потерялъ отъ 10 до 25%!. Главнымъ же образомъ причиною малоуспѣшнаго пока развитія хлѣбопашества служить трудность обработки почвы, покрытой кустарникомъ, коренистой; обиліе расткомыхъ вредно дѣйствующихъ на силы скота, позднее выростаніе травъ, первобытная грубость приемовъ, и, наконецъ, обусловленная вышеуказанными причинами лѣность казаковъ*.

Кромѣ хлѣбопашества человекъ десять казаковъ нашей станицы занимаются звѣропромышленностію. Это такъ-называемые звѣровщики. Все свободное отъ сельскохозяйственныхъ занятій время они употребляютъ на охоту. Охотятся большею частію безъ собакъ. Ни гончихъ, ни борзыхъ собакъ у насъ нѣтъ, лягавые есть только у офицеровъ. Стрѣляютъ звѣровщики наши кремневыми тульскими винтовками, которыя во время стрѣльбы ставятъ на деревянные сошки. Пули употребляются круглыя, величиной въ треть дюйма въ поперечникѣ. Летъ пули бываетъ отъ 50 до 100 шаговъ. Винтовка, безъ всякихъ раковинъ, трещинъ, задиринъ и тому подобныхъ недостатковъ стоить здѣсь отъ 10 до 20 рублей. Обыкновенно же винтовки продаются по 5 или 7 рублей. Приобрѣтя хорошую винтовку, казакъ-звѣровщикъ бережетъ ее также, какъ хлѣбопашецъ коня - пахаря. Сдѣлать значительное исправленіе въ винтовкѣ у насъ никто не умѣетъ. Звѣровщики стрѣляютъ дикихъ козъ, сохатыхъ, кабановъ, изрѣдка лисицъ, волковъ и еще рѣже медвѣдей.

* Сѣютъ у насъ почти исключительно яровую рожь, пшевицу губанку, гречиху, овесъ и въ маломъ количествѣ ячмень. Цѣны на хлѣбъ слѣдующія: ярица или яровая рожь 1 рубль за пудъ, пшевица 1 р. 50 коп., гречиха 50 коп., овесъ 45 к., ячмень 75 коп. Покупаетъ почти исключительно казенное вѣдомство для продовольствія командъ и для продажи проживающимъ на Амурѣ лицамъ гражданскаго вѣдомства. Въ казѣ ржаная мука 1 р. 20 к., пудъ, крупа 1 р. 25 к., ярица 1 р., овесъ 35 к. пудъ. Пшевицы, ячменя и гречихи казна не покупаетъ.

Коза даетъ около пуду мяса, сохатый до 25, кабанъ около 10 пудовъ. Мясо убитыхъ животныхъ ѣдятъ сами или продаютъ жителямъ станицы. Косулина продается по 1 руб. и 1 руб. 25 коп. за пудъ, кабанина по 3 рубля за пудъ. Шкуры выдѣлываютъ и шьютъ изъ нихъ эргакъ (верхнее платье), брюки и обувь. Козьи шкуры мѣняютъ также промышляющимъ по Амuru и проезжающимъ на лошадяхъ Китайцамъ и Манджурамъ на буду *, пшеничную муку, рисъ и т. п. Для промысла звѣровъ уходять или уѣзжаютъ верхами верстъ за 20—25 отъ берега, въ глубь страны, по рѣчкамъ впадающимъ въ Амуръ. Впрочемъ козы попадаются какъ на нашей, такъ и на китайской сторонѣ Амyра, почти у самаго берега по 3, 4, по 5, а иногда и болѣе штукъ вмѣстѣ. На китайскомъ берегу Амyра, наши звѣровъщики также охотятся, но не далѣе 10 верстъ, несмотря на то что весь китайскій берегъ отъ начала Хингана и до впаденія въ Амуръ Укури не населенъ. Десятка три казаковъ нашей станицы занимаются зимой бѣлкованьемъ, соболеваньемъ и вообще пушнымъ промысломъ. Обыкновенно въ началѣ ноября, когда всѣ рѣчки замерзнуть, эти промышленники соединяются въ небольшія артели по 3, 4 и 5 человекъ, и отправляются съ провизіей и винтовками верстъ за 30—50 и болѣе въ глубь страны. Здѣсь устраиваютъ множество ловушекъ, и оставляютъ ихъ, а сами, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, стрѣляютъ всякаго попадающагося звѣра: соболя, бѣлку, хорька, енота, барса, выдру, барсука, лисицу, летягу (летучая бѣлка), зайцевъ сѣрыхъ и черныхъ, и рысей. Отъ времени до времени осматриваютъ свои ловушки и вынимаютъ попавшуюся добычу. Въ началѣ декабря возвращаются въ станицу. Болѣе всего привозятъ, конечно, бѣлокъ: около 3000 штукъ, затѣмъ каждая почти артель привозитъ отъ 5 до 10 штукъ соболей, иногда и болѣе. Лисицы попадаютъ только красныя, ни бурныхъ, ни чернобурыхъ у насъ не встрѣчается. Изрѣдка попадаетъ красный волкъ. Бѣличій промыселъ бываетъ наиболѣе удаченъ въ тѣ годы, когда случается урожай кедровыхъ орѣховъ въ хинганскихъ кедровыхъ лѣсахъ. Выдры попадаютъ небольшія около полутора аршина длины. Медвѣдей и волковъ въ настоящее время не только вблизи станицы, но и верстъ за 30 отъ насъ встрѣ-

* Мякое манджурское пиво.

чаютъ мало: всего двухъ, трехъ въ годъ. Въ первые же годы переселенія, всѣ дубняки, окружающіе нашу станицу, были населены медвѣдами и въ самую станицу приходили одинъ, два тигра въ годъ. Теперь тигры удалились въ глубь страны и показываются рѣдко. Медвѣди здѣшніе смиренны и, пока не замѣтятъ враждебныхъ противъ себя намѣреній, на человека не бросаются.

Но чуть только медвѣдъ замѣтитъ, что охотникъ идетъ на него съ оружіемъ и въ особенности если выстрѣлъ уже сдѣланъ и снагка ранилъ разъяреннаго звѣря,—онъ съ яростію и страшнымъ ревомъ бросается на своего противника и, если успеетъ, сгребаетъ его и начинаетъ ломать и драть когтями. Въ этомъ случаѣ одному охотнику почти вѣтъ спасенія. Если же ихъ два, три, то остальные бросаются на медвѣда съ ножами и топорами. Медвѣдъ бросаетъ перваго и наваливается на того, кто его ударилъ топоромъ или ножомъ. Лежавшій снова поднимается и нападаетъ на медвѣда съ холоднымъ оружіемъ. Медвѣдъ бросается отъ одного къ другому и сраженіе продолжается до тѣхъ поръ, пока обезсиленный звѣрь упадетъ, истекая кровью. Но и охотникамъ такая побѣда стѣдить не дешево: большею частию они возвращаются или ихъ находятъ другіе промышленники страшно изувѣченными. Во избѣжаніе этого, хорошій охотникъ обыкновенно подходитъ къ медвѣду или подпускаетъ его къ себѣ на такое разстояніе, чтобы попасть въ него навѣрняка, стрѣляетъ и затѣмъ поджидаетъ, пока медвѣдъ упадетъ отъ потери крови. Тогда охотникъ подходитъ, добываетъ звѣря холоднымъ оружіемъ, снимаетъ съ него шкуру и отрѣзываетъ стегна и лопатки. Медвѣжье мясо продается дорого: по 4 рубля и дороже за пудъ. Казаки, впрочемъ, его почти не ѣдятъ.

Въ первое время переселенія случалось, что тигры уносили лошадей и коровъ изъ самой станицы. Въ 1858 году тигръ подошелъ къ станицѣ; собаки начали выть, визжать и прятаться къ избамъ. Въ верхнемъ концѣ, за станицей, у цейхауза, на часахъ стоялъ казакъ съ палкой вмѣсто ружья. Услышавъ вой собакъ, нѣкоторые казаки проснулись, вышли изъ домовъ, выстрѣлили на воздухъ изъ ружей и затѣмъ, не видя ничего, залегли снова спать. Тигръ, услышавъ выстрѣлы, отошелъ отъ скотныхъ дворовъ, гдѣ испуганный скотъ столпился на одномъ мѣстѣ, и направился къ цейхаузу. Часовой въ это время грѣлся у разложеннаго около цейхауза огня.

На другой день поутру, наши трупъ часового, съ разодранными брюхомъ, выпущенными внутренностями, ободранный и объеденный. На землѣ видны были слѣды тигра и на ближнихъ деревьяхъ царапины, какія могъ сдѣлать только тигръ. Вскорѣ послѣ того партія охотниковъ, человекъ шесть съ винтовками, на лошадяхъ и съ собаками, отправились верстъ за 15 отъ станицы. Выѣхавши на болота, они замѣтили въ травѣ что-то желтое величиною почти съ лошадь. Одинъ охотникъ выстрѣлилъ: изъ травы поднялся тигръ, спокойно опять ушелъ въ траву и скрылся отъ глазъ. Перепуганные охотники бросились было бѣжать, но опомнившись, рѣшились прослѣдить тигра, такъ какъ на мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ увидѣли кровь и догадались что онъ раненъ. Около часу ѣздили они, не находя ничего. Наконецъ наткнулись на тигра такъ близко что онъ былъ отъ нихъ въ нѣсколькихъ сажеляхъ. Онъ лежалъ въ чащѣ, въ лозникѣ. Охотники прицѣлились и одинъ выстрѣлилъ, но не попалъ. Звѣрь, услышавъ выстрѣлъ, бросился къ охотникамъ. Первая попалась ему собака: онъ схватилъ ее зубами, приподнял на воздухъ и бросилъ о землю: собака была безъ признака жизни. Тогда онъ бросился на одну изъ лошадей и вцѣпился зубами въ заднюю ногу. Охотники въ ужасѣ бросились въ сторону и отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, остановились. На мѣстѣ остался только одинъ охотникъ стрѣлявшій въ тигра. Зарядить снова было бы долго: онъ закричалъ товарищамъ, чтобы дали ему винтовку. Тутъ одинъ изъ бѣжавшихъ, раньше другихъ опомнившійся выхватилъ у одного изъ потерявшихся отъ страха товарищей винтовку и поспѣшилъ передать охотнику. Пока тигръ возился съ собакой и лошадью, они оба успѣли выстрѣлить: одинъ попалъ въ лошадь, другой въ тигра. Звѣрь выпустилъ добычу, застоялъ, заревѣлъ и грохнулся о землю. Охотники выждали пока онъ пересталъ хрипѣть; тогда подошли къ нему, добили топорами и принялись снимать шкуру. Со времени переселенія на Амуръ казаками нашего батальона были встрѣчены и убиты 5 тигровъ. Шкуры ихъ были длиной отъ 12 до 16 четвертей и проданы за цѣну отъ 30 до 50 руб. Шкуры куплены большею частью офицерами.

Соболя продавались первые годы отъ 7 до 10 рублей за штуку, вынѣ же средняя цѣна порядочнаго соболя 6 руб. Бѣлка продается по 10 коп., за штуку, хорекъ по 40 коп., волкъ по рублю, барсукъ по 60 копѣекъ, выдра отъ 7 до 10

рублей, сѣрый заяцъ по 30 копѣекъ. Енотовъ и лисицъ берутъ охотно Манджуры и Китайцы: они идутъ у нихъ на шапки и курты.

Съ нашими казаками соперничаютъ въ звѣриной и пушной промышленности Гольды и Орочань. Эти туземцы во время переселенія на Амуръ казаковъ, жили по обѣимъ сторонамъ Амура. Въ 1860 году, Манджурскіе чиновники и особенно Гаринскій правитель объѣхали всѣхъ Гольдовъ и Орачанъ жившихъ на нашей сторонѣ и разными угрозами, особенно угрозой не продавать буды, запретили имъ здѣсь оставаться. Съ тѣхъ поръ они живутъ въ одиноко разбросанныхъ по китайскому побережью Амура юртахъ и шалашахъ, лѣтомъ занимаясь рыбною ловлею на Амурѣ, а зимой звѣриной и пушною промышленностію. Въ ноябрѣ многочисленныя артели Гольдовъ отправляются по берегу рѣчекъ впадающихъ въ Амуръ, везя по снѣгу, на себѣ и на обахъ, нарты, нагруженныя будой, табакомъ, порохомъ, свинцомъ, луками и стрѣлами. Они идутъ въ Хивгань, заходятъ въ глубь гораздо дальше нашихъ промышленниковъ, до самыхъ высокихъ грядъ Хивганскаго хребта. Если очень долго не выпадаетъ снѣгъ, то одна часть артели отправляется верхомъ или пѣшкомъ, а другая съ нартами дожидается снѣгу и охотится на козъ и енотовъ. Платье и обувь ихъ и шапка лѣтомъ дѣлаются изъ рыбьихъ шкуръ, зимой, у нѣкоторыхъ же и лѣтомъ, изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ. Вооружены они винтовками, ножами въ деревянныхъ ножнахъ и копьями. Артели состоятъ изъ пяти, шести и болѣе человекъ. Въ концѣ зимы по послѣднему пути, пока еще рѣчки не промели, они возвращаются съ промысла и располагаются гдѣ-нибудь на рѣкѣ вблизи нашихъ станицъ. Послѣ этого начинается путешествіе Гольдовъ въ станицы и жителей станицы въ кочевье Гольдовъ. Купцы, заурядъ - офицеры и казаки покупаютъ у нихъ соборей по 5, по 4 и по 3 рубля на серебряную монету, смотря по достоинству собора. Кромѣ того покупаютъ у нихъ мясо, платя за него старымъ платьемъ, спиртомъ, а иногда и наличными деньгами. При этомъ плутоватые казаки надуваютъ ихъ иногда жесточайшимъ образомъ.

Изъ товаровъ Гольды берутъ только дабу и паисъ и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. По станицамъ они ходятъ снѣло, безъ малѣйшаго опасенія, и дѣйствительно ихъ принимаютъ у насъ всегда гостеприимно. Обыкновенно они,

приходя въ станицу, ищутъ дома которые побольше и въ которыхъ, по ихъ соображенію, живутъ купцы или богатые казаки. Вошедши въ домъ, они кричатъ: мѣнду, мѣнду онда (здравствуй, здравствуй, другъ!). Если хозяинъ отвѣчаетъ имъ подобнымъ же привѣтствіемъ, то они усаживаются и начинаютъ курить свои гамзы (трубки мѣдныя, малеякія, на товелькихъ чубучкахъ); при этомъ они плюютъ непрерывно и, если просидятъ въ комнатѣ хоть съ четверть часа, то, въ томъ мѣстѣ гдѣ сидѣли, полъ бываетъ страшно оплеванъ. Затѣмъ у нихъ обыкновенно спрашиваютъ о соболяхъ: они вытаскиваютъ ихъ по одному изъ-за пазухи, и начинается торгъ. Въ теченіи всего времени, пока сидятъ въ комнатѣ, они съ величайшимъ любопытствомъ осматриваютъ всякую вещицу, оглядятъ и самого хозяина, ощупаютъ его платье, посмотрятъ его трубку или коробку со спичками, пистолеть, зеркало, коверъ и т. п. Но не случалось, чтобъ они что-нибудь украли. Наши купцы угощаютъ ихъ впрочемъ весьма рѣдко; угощеніе заключается въ ломтяхъ хлѣба, въ водкѣ, или чаѣ.

Казаки угощаютъ ихъ хлѣбомъ и кирпичнымъ чаемъ. Изъ сѣстныхъ припасовъ, они, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко и въ самомъ ничтожномъ количествѣ, покупали гречневую муку. Они покупали бы у насъ и муку, и буда, еслибы мы могли продавать эти припасы по такой же дешевой цѣнѣ, по какой продаютъ Манджуры. Буда, какъ хлѣбъ чрезвычайно урожайный, дающій на десятинѣ 100, 150 и 200 пудовъ, продается Манджурами такъ дешево, что, по словамъ Гольдовъ, за собола они берутъ нѣсколько кулей буды. У насъ буда хотя также хорошо родится, но съюгъ ея мало и обдирать не умѣютъ. Въ нашей станицѣ всего двѣ конныя мельницы, которыя съ грѣхомъ по поламъ могутъ смолоть въ день около 10 пудовъ муки, а ободрать такой мелкій хлѣбъ какъ буда врядъ ли могутъ. Сѣять же буду въ большомъ количествѣ, завести мельницы, которыя могли бы обдирать ее, и потомъ продавать Гольдамъ по 25 коп. за пудъ для насъ нѣтъ разчета. Другіе хлѣба родятся у насъ столь же хорошо, а цѣна на нихъ вдвое, втрое и четверо дороже. Въ прежнее время, до изданія запрещенія продавать винтовки, порошъ и свинець, эти вещи представляли чрезвычайно выгодный предметъ мѣнновой торговли нашей съ Гольдами. За хорошую винтовку, стоившую у насъ 6 и 7 рублей Гольдамъ

давали 2, 3, 4 и даже 5 соболей. За фунтъ пороку или 2 фунта свинцу можно было вымѣнять у нихъ фунтовъ 30 мяса. Казаки въ то время получали большую пользу отъ этой торговли. Теперь, кромѣ серебряной монеты, дабы и пилсу, нѣтъ другихъ предметовъ промѣна въ нашей торговлѣ съ Гольдами. Правда, остается еще водка, но не всякій ее имѣетъ и не всякій захочетъ торговать водкой.

Есть въ нашей станицѣ нѣсколько рыболововъ, имѣющихъ свои снасти (то-есть крючья) и занимающихся ловлей рыбы въ Амурѣ все лѣто. Рыбы попадается множество; по преимуществу зубатка или кита (въ родѣ семги), маленькіе жирные сомы, щуки, лещи, налимы, конь и осетры отъ 1 до 3 пудъ вѣсомъ. Попадаются и калушки пудовъ въ 10 и болѣе вѣсомъ, но весьма рѣдко. Болѣе всего бываетъ зубатки, сомовъ и щуки. Но вообще казаки, несмотря на страшное изобиліе рыбы, почти не занимаются рыболовствомъ. Только изрѣдка артели двѣ изъ всей станицы (человѣка по четыре) отправляются дѣлать такъ-называемыя заѣздки на впадающихъ въ Амуръ рѣчкахъ. Они перегораживаютъ рѣчки, насыпая на дво камень и наваливая потомъ лѣсъ, такъ чтобы чрезъ него могла протечь вода, а рыба не прѣшла, и ставятъ плетенки съ той стороны откуда идетъ рыба. Такой способъ ловить рыбу неудобенъ, такъ какъ большая вода часто уничтожаетъ эти заѣздки, да и рыбы въ нихъ попадаетъ не много и по преимуществу мелкая. Кромѣ того, такой заѣздокъ можно устроить только на узкой и мелкой рѣчкѣ. У насъ было два такихъ заѣздки въ этомъ году, но вода уничтожила оба.

Неводами здѣсь почти никогда не ловятъ рыбы, хотя начальство прислало какъ въ нашу, такъ и въ другія станицы, превосходные невода для безвозмезднаго пользованія казаковъ. Но они спокойно лежатъ въ ротномъ цейхаузѣ, ожидая пока казаки пожелають воспользоваться ими для ловли рыбы.

Въ рыбной ловлѣ, также какъ и въ звѣриномъ и пушномъ промыслѣ соперничаютъ съ нашими казаками Гольды. Многіе изъ нихъ цѣлое лѣто почти живутъ на китайскомъ берегу Амура, занимаясь рыболовствомъ. Они плаваютъ по Амуру въ своихъ легкихъ лодочкахъ, одѣланныхъ изъ древесной коры. Чуть только замѣтятъ гдѣ-нибудь рыбу, какъ быстро подплываютъ къ ней и поражаютъ ее острогой (въ родѣ копья). Они налавливаютъ много осетровъ, калуговъ и мелкой рыбы. Осетровъ они продаютъ Русскимъ такъ де-

нево, что пудъ обходится около рубля; калушекъ они не продаютъ, а обдираютъ съ нихъ мясо, вытапливаютъ жиръ, кости высушиваютъ для сабакъ, а высушенные хрящи продаютъ Манджурамъ. Вообще въ нашей станицѣ, пудъ рыбы стоить обыкновенно около рубля, но доходить до 70 копѣекъ и до 1 р. 50 копѣекъ. О дѣланіи балыковъ, икры и соленіи рыбы въ прокъ у насъ никто и не помышляетъ.

Одинъ изъ источниковъ дохода нашей станицы (какъ и другихъ станицъ) составляетъ рубка дровъ на пароходы. Подражаются ставить дрова для частныхъ пароходовъ купцы и заурядъ-офицеры по 1 р. 50 коп. за сажень, а казакамъ отдаютъ мелкими частями уже по рублю за сажень, или рубятъ своими работниками. На казенные пароходы подражаются сами казаки. Въ теченіи года съ нашей станицы отпускается дровъ сажень триста. Дрова казаки рубятъ тотчасъ за станицей. Такимъ образомъ дубовыя деревья, которыми густо была окружена наша мѣстность, начинаютъ годъ отъ году рѣдѣть и можно ожидать, что, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ее будетъ окаймлять вмѣсто густаго дубоваго лѣсу — чистая поляна. Вообще о сохраненіи лѣсу казаки наши не думаютъ: валить деревья гдѣ попало, не только для какой-либо надобности, но часто и безъ нужды. А лѣсу у насъ не много. Только въ Хивганскомъ хребтѣ растетъ хорошій кедровый, пихтовый и лиственничный лѣсъ. На равнинахъ только рѣдкольсье изъ плохаго, большею частію гнилаго, дуба, черной березы и небольшого количества липы.

Верстахъ въ 20 отъ насъ и даже ближе, въ прибрежныхъ горахъ найдены значительныя залежи известки. Ломать ее, обжигать и сплавлять по Амуру чрезвычайно легко. Цѣна на нее хорошая: отъ 30 до 40 коп. за пудъ. Сбывать ее можно было бы по всему Амуру до самой Хыбаровки. Несмотря на это, казаки нашей станицы объ этомъ и не думаютъ. И если бы не два-три казака маленькой и бѣдной сосѣдней станицы, занявшіеся добываніемъ, обжиганіемъ и привозомъ къ намъ известки, то мы и сами сидѣли бы безъ этого необходимаго матеріала. Известка эта очень хороша: бѣлая, мягка, жирна и камней въ ней попадаетъ весьма мало. Даже Хабаровки эта известка врядъ ли бы пошла, такъ какъ по берегу Усури почти подъ водой встрѣчается отличная бѣлая глина.

Наконецъ, при нашемъ изобиліи кедровыхъ и простыхъ мелкихъ орѣховъ (продаваемыхъ въ Россіи подъ названіемъ

каленыхъ и казанскихъ) можно бы выдѣлывать массу кедроваго и орѣховаго масла. Кедръ, изъ которыхъ состоитъ значительная часть лѣсовъ Хинганъ покрыты кедровыми орѣхами; все амурское побережье верстъ на 20 въ глубь и даже дальше, покрыто простымъ орѣшникомъ, такъ что собрать орѣховъ можно было бы тысячи пудовъ. Но казаки пренебрегаютъ этимъ источникомъ дохода, несмотря на то что большую часть года проводятъ въ совершенной праздности, а дѣти ихъ и круглый годъ ничего не дѣлаютъ.

Въ Хинганѣ, довольно часто попадаются дикія пчелы; казаки находятъ ихъ, убиваютъ, и вынимаютъ медъ. Заниматься пчеловодствомъ они не рѣшаются, какъ потому что не имѣютъ о пчеловодствѣ никакого понятія, такъ и вообще по недостатку предприимчивости. Между тѣмъ богатая растительность и отличное произрастаніе черемухи могли бы сильно способствовать развитію пчеловодства. Медъ могъ бы имѣть сбытъ какъ между самими жителями, любящими сладкое, такъ и на продовольствіе морской команды въ Николаевскѣ.

Представителями торговли въ нашей станицѣ служатъ два купца, заурядъ-офицеръ, заѣзжіе торговцы проплывающіе мимо на баржахъ, поромахъ и лодкахъ, и нѣсколько казаковъ. Купцы наши имѣютъ въ станицѣ постоянныя лавки, въ которыхъ торгуютъ краснымъ, бакалейнымъ, желѣзнымъ товаромъ и напитками. Заурядъ-офицеръ беретъ у проплывающихъ купцовъ на комиссію на нѣсколько сотъ рублей краснаго товару и продаетъ его не изъ открытой лавки, а изъ сундуковъ и другихъ подобныхъ помѣщеній. Проплывающіе купцы торгуютъ мимоходомъ всякою всячиной. Казаки торгуютъ только спиртными напитками. Изъ красныхъ товаровъ у насъ идутъ: даба синяя, красная и желтая, серпянки, ситцы, миткали, холсты, коленкоры, платки, шали, легонькія гарусныя и шерстяныя матеріи низкихъ сортовъ и, въ незначительномъ количествѣ, сукно низкихъ сортовъ, бумажное трико, кунгурскіе сапоги, бродни, рукавицы. Въ настоящемъ году куплено около десятка криволиновъ. Изъ бакалейнаго товару идетъ по преимуществу кирпичный чай, въ маломъ количествѣ чай байховый, сахаръ, изюмъ, кашъ-машъ, чашки, стаканы, въ незначительномъ количествѣ ножи, вилки, тарелки. Изъ желѣзнаго товару идутъ: котлы, чайники, скоров-

роды, горшки, топоры, но все это, въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ какъ въ первые годы всѣмъ этимъ снабжала казаковъ довольно дешево, а отчасти и даромъ, казна. Изъ напитковъ по преимуществу идетъ водка, ромъ, коньякъ, джинъ и отчасти американская вишневая наливка—шерри-кордиаль. Водка идетъ изъ Забайкалья, а остальные напитки изъ Николаевска отъ Американцевъ. Наши купцы продаютъ товаровъ на деньги и на соболей приблизительно на сумму отъ 3 до 5.000 рублей въ годъ. Да проплывающіе купцы продаютъ товаровъ на сумму отъ 1.000 до 1.500 рублей въ годъ. Цѣны на товары слѣдующія: серпянки и ситцы отъ 25 до 30 коп. за аршинъ; миткали, холсты, коленкоры около 15 коп. за аршинъ; бумажные платки отъ 50 коп. до рубля; гарусныя шали отъ 1 р. 50 до 3 рублей; аюстриновыя и шерстяныя матеріи низкаго сорта по 40 коп. за аршинъ; сапоги отъ 3 р. 50 коп. до 4 рублей; бродни 2 рубля, рукавицы отъ 35 до 50 копѣекъ; чай кирпичный отъ рубля до 1 р. 25 коп. кирпичъ, байховый низкаго сорта отъ 1 рубля до 1 р. 50 копѣекъ; сахаръ отъ 12 рублей до 20 руб. пудъ; чашки, стаканы низкаго сорта по 40 коп. штука, и т. д. Байховый фамильный чай, покупаемый въ Кяхтѣ, покупается даже Китадцами, которые большею частію пили прежде желтый чай. Чай доставляется изъ Николаевска. Въ Николаевскъ же онъ привозится американскими купцами. Красный товаръ закупается на Верхнеудинской ярмаркѣ, въ Читѣ и въ Нерчинскѣ. Заграничный красный товаръ и сахаръ привозится въ Николаевскъ Американцами, Нѣмцами и Евреями; отъ нихъ уже покупаютъ эти товары наши станичные купцы. Такимъ образомъ пока этотъ товаръ дойдетъ до покупателя, онъ пройдетъ черезъ многія руки. Доставка отъ Николаевска до нашей станицы обходится около полутора рубля съ пуда.

Каждое лѣто мимо нашей станицы проплываетъ нѣсколько маньчжурскихъ лодокъ. Въ этихъ лодкахъ торгуютъ маньчжурскіе купцы, а еще чаще маньчжурскіе чиновники. Они продаютъ пшеничную и гречневую муку, первую около 1 р. 75 к. за пудъ, вторую около 1 р. 50 коп. за пудъ; будо около 1 р. за пудъ, рисъ около 2 рублей за пудъ, сахаръ леденецъ и патоку отъ 30 до 35 коп. за фунтъ; кирпичный чай, табакъ отъ 30 до 40 коп. за фунтъ. Въ прежнее же время они по преимуществу торговали ханшиномъ (китайскою водкой).

Самый главный расходъ у нашихъ купцовъ бываетъ на свѣчи и мыло—эти товары продаются по 25 коп. за фунтъ.

Весной во всѣхъ описанныхъ товарахъ чувствуется у насъ большой недостатокъ, и цѣны немного поднимаются. Это происходитъ отъ того, что съ прекращеніемъ навигаціи и до новаго ея открытія у насъ нѣтъ никакого привозу и вывозу товаровъ. Еслибы какой-нибудь купецъ вздумалъ доставить товары на Амуръ зимой, то ему пришлось бы везти его на своихъ лошадяхъ и платить страшныя цѣны за сѣно и овесъ, и онъ несомнѣнно потерпѣлъ бы убытокъ. А еслибы онъ вздумалъ везти товаръ наймомъ, то въ иныхъ мѣстахъ его провезли бы довольно сходно, а въ другихъ сорвали бы такія невѣроятныя цѣны, что онъ, конечно, отказался бы и отъ намѣренія дальше везти свой товаръ.

Причина такого положенія дѣла заключается въ томъ, что у казаковъ лошадей немного, кормятся онѣ плоховато и большой охоты зарабатывать лошадьми деньги у нихъ нѣтъ. Да и почтовая гоньба отнимаетъ у нихъ отчасти возможность возить частныхъ провѣжающихъ и ихъ товары. Наконецъ, казаки приобрѣли привычку брать, гдѣ только можно, неслыханныя цѣны, какъ говорятъ—сорвать. Соперничать же съ ними некому. Въ Амурской Области крестьяне, въ небольшомъ количествѣ, живутъ только въ двухъ пунктахъ, около Алабина и въ Благовѣщенскѣ по рѣкѣ Зеѣ.

Провезти большой транспортъ товаровъ по Амуру зимой можно не иначе, какъ заготовивъ заблаговременно въ разныхъ пунктахъ на разстояніи верстъ ста пунктъ отъ пункта сѣно и овесъ. Тогда купить собственныхъ лошадей и везти товаръ. Но и въ этомъ случаѣ дѣло можетъ быть не вполне вѣрно: почти каждую осень въ разныхъ мѣстностяхъ Амура осенью бываютъ пожары и заготовленное сѣно можетъ сгорѣть. Но во всякомъ случаѣ такой способъ болѣе или менѣе надеженъ.

Главный и самый надежный предметъ торговли у насъ спиртные напитки. Ихъ-то преимущественно и привозятъ въ Николаевскъ иностранцы. Большая часть денегъ нашихъ казаковъ идетъ на эти напитки, меньшая же употребляется на платье и увеличеніе скотоводства. Разумѣется, есть отрядныя исключенія, но вообще пьянство распространено у насъ въ значительной степени.

Въ прежнее время, продажей спирта завѣдывало начальство;

ротые командиры отпускали спиртъ раза два въ недѣлю. И въ эти дни полстаницы можно было найдти навеселѣ. Кромѣ того, довольно часто пропивали съ манджурскою водкой, какъ самые Манджуры, такъ и русскіе торговцы. Прибытіе ихъ составляло праздникъ для станицы, и къ вечеру такого счастливаго дня въ ней оказывалось множество пьяныхъ. По большимъ праздникамъ почти полстаницы бываетъ пьяно. О Рождественскихъ святкахъ и на Свѣтлое Христово Воскресеніе большая часть казаковъ по нѣсколькудней пьянствуетъ. Нынѣ объявлена вольная продажа спиртныхъ напитковъ. Но пока еще мало появляется торговцевъ съ спиртомъ. Поэтому, если не бываетъ въ станицѣ продажнаго спирту, казаки нисколько не стѣсняясь, берутъ ромъ по полтора рубля за бутылку и распиваютъ его также точно, какъ распивали бы самую дешевую водку. Недавно плыл мимо станицы изъ Николаевска иностраннѣй купецъ на небольшомъ пароходѣ; на буксирѣ онъ везъ баржу, на которой у него была лавка. Рому у него было много. Онъ останавливался во станицамъ и торговалъ по нѣсколькучасовъ, а въ иной станицѣ по цѣлымъ суткамъ. У этого купца нѣкоторые казаки брали ромъ ящиками, не говоря уже о тѣхъ, которые брали его бутылками.

Старанія начальства объ искорененіи между казаками пьянства и развитіи трудолюбія не имѣютъ успѣха. Да и вообще мнѣ кажется, что еслибы начальство поменѣе заботалось о казакахъ, то для послѣднихъ было бы лучше: они сами больше бы о себѣ заботились. Теперь же, видя постоянную о себѣ заботливость начальства, они всѣ почти свои надежды возлагаютъ на него и пришли къ тому убѣжденію, что казна все имъ дастъ. Разумѣется, есть между казаками личности, составляющія и въ этомъ отношеніи исключеніе, но такихъ немного. Чтобы вывести большинство нашихъ казаковъ изъ этого апатическаго, недѣятельнаго, не предприимчиваго состоянія и побудить ихъ воспользоваться всеми благами, которыми такъ богата амурская природа, необходимо: поменьше опеки надъ ними, больше образованія и поселеніе рядомъ съ казаками вольныхъ переселенцевъ. Во всей нашей станицѣ всего нѣсколькочеловѣкъ грамотныхъ и ни одного казака хоть мало-мальскі образованнаго. Самъ просвѣтитель юности нашей станицы—перечисленный въ казаки гарнизонный солдатъ изъ кантонистовъ. Въ нашей школѣ на 770 душъ населенія учится всего двадцать человѣкъ. Во всей Амурской

Области вѣтъ даже такого училища, которое равнялось бы уѣзднымъ училищамъ. Мы дальше приходскихъ школъ пойдти еще не успѣли. Поселеніе между казаками предприимчивыхъ крестьянъ-переселенцевъ было бы, по нашему мнѣнію, весьма полезно. У такихъ крестьянъ, сколько маѣ приходилось видѣть ихъ, кромѣ предприимчивости имъ свойственной, самые хозяйственные приемы гораздо совершеннѣе чѣмъ у нашихъ казаковъ. Довольно сравнить крестьянъ Амурской Области съ казаками. У первыхъ лошади великолѣпныя, у послѣднихъ чуть-чуть не клячи; у первыхъ развито рыболовство, извозъ, мелкіе торги, у послѣднихъ все это только въ зародышѣ. У первыхъ учатъ дѣтей грамотѣ чуть не въ каждой избѣ, у послѣднихъ въ даровую школу ходитъ всего 20 мальчиковъ на 770 душъ населенія. Хлѣбопашество у крестьянъ развито гораздо лучше чѣмъ у казаковъ. Многіе крестьяне пахутъ плугами, казаки всегда сохами и сабанами. Между тѣмъ амурская земля такого рода, что, для развитія хлѣбопашества въ большихъ размѣрахъ, необходимо пахать плугами, а не вырубать топорами и заступами кустарникъ и корни и потомъ распахивать сохой, какъ это дѣлаютъ казаки. Крестьянина нашей области безъ дѣла не увидишь, а казака очень часто застанешь совершенно праздымъ.

Съ развитіемъ между казаками образованія и удобствъ жизненныхъ нынѣшнее ихъ зависимое положеніе было бы неумѣстно. И нынѣ положеніе это стѣснительно для хозяевъ-казаковъ, несмотря даже на мягкость и благонамѣренность начальства. Если строго разобрать дѣло, то отношенія казака-хозяина къ его воинскому начальнику малымъ отличаются отъ отношеній крестьянина къ помѣщику при существовавшемъ прежде крѣпостномъ правѣ, особенно если начальникъ — человекъ не образованный, не благонамѣренный, не чуждый зависти, корысти и тому подобныхъ недостатковъ.

Къ тому же нужно имѣть въ виду, что обстановка жизни регулярныхъ войскъ, гдѣ военная дисциплина основаніе всего, и обстановка казачьей жизни совершенно различны. Служить — не имѣющій ни кола, ни двора, ни дома, ни хозяйства, большею частію человекъ стоящій неизмѣримо ниже начальника и въ умственномъ, и въ матеріальномъ, и въ общественномъ отношеніи. Казаки же составляютъ общество, опирающееся и на извѣстныя нравственныя и умствен-

ныя начала и матеріальный достатокъ. Тамъ начальникъ знаетъ своего подчиненнаго солдата только по фамилии и на службѣ; здѣсь онъ знаетъ казака и какъ хозяина, и какъ члена того самаго общества, въ жизни котораго участвуетъ если не самъ онъ, то его домашніе. Да по недостатку другаго общества и самъ онъ по неволѣ участвуетъ въ общественной жизни своихъ подчиненныхъ. Отсюда масса столкновеній между начальникомъ и подчиненнымъ совершенно неизвѣстныхъ и немогущихъ случиться въ быту регулярныхъ войскъ.

Новозвратимся къ нашему времяпрепровожденію. Кромѣ прихода разныхъ баржъ, пароходовъ, лодокъ и т. п., дѣвтяю жизнь вашу разнообразяютъ праздники. Въ большіе праздники дѣвухи и казачки разряженныя отправляются въ церковь помолиться, людей посмотреть и себя показать. Если священникъ въ станицѣ, то онъ служитъ обѣдню; если же его нѣтъ, что также часто случается, то дячокъ читаетъ одинъ часъ. Отстоявъ въ церкви, приходятъ домой и распиваютъ кирпичный чай, за тѣмъ обѣдаютъ. Обѣдъ начинается водкой, рыбнымъ пирогомъ изъ ржанаго или пшеничнаго тѣста; за пирогомъ смѣдуютъ щи съ мясомъ или рыбой, потомъ творогъ съ сметаной, и пожалуй жаркое или ливизца. Разумѣется, что далеко не всѣ казаки имѣютъ такой обильный обѣдъ даже и по большимъ праздникамъ.

Послѣ обѣда родственники, обыкновенно казачки, начинаютъ ходить другъ къ другу съ визитами. Придутъ къ одному родственнику, посидятъ, попьютъ байховаго, а чаще кирпичнаго чаю, смотря по достатку, разспросятъ о здоровьи, о скотѣ, о хозяйствѣ, о хлѣбцахъ и ужь вмѣстѣ съ хозяиномъ дома отправляются къ другой роднѣ.

Дѣвухи въ это время собираются небольшими партіями, ходятъ по станицѣ и поютъ. А казакъ, если есть вино, забирается въ гости къ одному какому-нибудь родственнику или пріятелю и распиваютъ водку какую Богъ послалъ. А къ вечеру нѣжако обнявшись, расказываютъ по улицамъ и распѣваютъ первую попавшуюся въ голову пѣсню. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія отличается тѣмъ, что къ помянутымъ развлечениямъ прибавляются качели для мужчинъ и женщинъ, хороводы, кегли и другія игры, въ которыхъ казаки очень ловки. Въ зимніе праздники къ удовольствіямъ расказаванія съ визитами, выпивокъ и т. п. прибавляются еще нѣкоторыя другія. Для молодыхъ казаковъ и дѣвухекъ и

даже казачекъ устраиваются на скатѣ берега родъ горъ, съ которыхъ они и скатываются на бычьихъ кожахъ къ рѣкѣ. При этомъ неловкое паденіе производитъ всеобщій веселый хохотъ. Казаки, которые посерьозѣе, устраиваютъ бѣги на лошадахъ по ставицѣ. Даме катаютъ въ саняхъ, на тройкахъ и парахъ, своихъ женъ и родственницъ. И всё между тѣмъ пьютъ пока есть возможность. Старики не только вечеромъ, но и днемъ прогуливаются обнявшись, распѣвая не послушнымъ языкомъ различныя пѣсни, пока не свалится гдѣ-нибудь, и сыновья, менѣе пьяные, а чаще дочери, не подберутъ ихъ и не уведутъ домой.

Святки, масленица празднуются по нѣскольку дней, и оторвать казака отъ этого празднованія могло бы развѣ неприятельское нашествіе или пожаръ. Если вамъ что-нибудь крайне нужно въ это время заказать сдѣлать, то и не трудитесь: никто и пальцемъ не шевельнетъ.

Но внѣдъ всѣхъ зимнихъ удовольствій составляютъ такъ называемыя вечеринки или амурскіе бады. Этотъ предметъ стоить того, чтобъ о немъ нѣскольکو распространиться.

Вечеринки дѣлаются по случаю большихъ праздниковъ именинъ, свадебъ, крестинъ и т. п. и даются разумѣется, зимой, такъ-какъ зимой посвободнѣе. Лѣтомъ считается какъ-то неумѣстнымъ веселиться публично, въ то время когда слѣдовало бы работать. Вечеринки даются казаками, купцами и офицерами, и потому ихъ можно раздѣлить на казачьи, купеческія и офицерскія. Опишемъ купеческую вечеринку.

Черезъ два часа послѣ того, какъ купецъ задумалъ дать вечеринку и выразилъ свое намѣреніе какимъ-нибудь вѣстнымъ признакомъ, какъ то: послалъ за водкой или за скрипачомъ, вся почти станица уже знаетъ, что будетъ вечеринка. Всѣ молодыя замужнія, а тѣмъ болѣе не замужнія казачки заранѣе предвкушаютъ удовольствіе поплясать вволю, а казаки выпить и поплясать, или просто, провести вечеръ въ приятномъ созерцаніи того, какъ люди веселятся. Приготовленія къ вечеринкѣ бывають не велики: болѣе или менѣе просторная комната въ домѣ очищается отъ всякой рудяди и вокругъ стѣнъ обставляется какою случится мебелью: диванами, табуретами, скамьями, ящиками и т. п. Покупается бутылка три, четыре и болѣе, смотря по тороватости купца, спирту или рому; готовится для знакомыхъ чай и легкая закусочка: вотъ и все. Главная же

забота заключается въ томъ, чтобы подрядить ставичнаго скрипача: это удовольствіе стоить около рубля сер. въ вечеръ. Затѣмъ посылается по знакомымъ казакамъ, верхомъ или пѣшкомъ, работникъ съ приглашеніемъ пожаловать на вечеръ. Чуть стемнѣетъ на дворѣ, окончателно зажигаются въ большой комнатѣ свѣчи и ставни уже не затворяются, чтобы гости не подумали, что вечеринка отложена или вовсе отменена, что тоже иной разъ случается. Музыкантъ приходитъ раньше другихъ, угощается рюмочкой водки и, расхаживая по комнатѣ въ ожиданіи гостей, настраиваетъ свой инструментъ. Наконецъ, часовъ въ семь слышится скрипъ свѣгу, говоръ, шумъ платьевъ. Это первая партія гостей. Первыми приходятъ казаки. Молодые, и особенно паясуны, наряжаются иногда въ мундиры, если таковые имѣются, а не то приходятъ въ новыхъ халатахъ. Не паясуны являютя въ сѣрыхъ форменныхъ шинеляхъ, халатахъ, полубубкахъ. Вошедши въ комнату, становятся у дверей или усаживаются на приготовленные для гостей мѣста поближе къ входной двери, или просто-на-просто на полу у стѣны. Затѣмъ слышится опять скрипъ свѣгу, шумъ, смѣхъ и говоръ: это партія молодыхъ казачекъ. Они оставляютъ верхнее платье въ сѣняхъ и входятъ въ комнату разряженные по-праздничному, въ платьяхъ, сарафанахъ, шляхъ, платкахъ и башмакахъ, съ открытыми головами. Они очень развязно подходятъ къ хозяину, если оный случится при ихъ входѣ въ бальной комнатѣ, и подаютъ ему руку, которую тотъ, разумѣется, вѣжливо пожимаетъ.. Мало-по-малу собирается значительное количество публики. Дѣвушекъ-казачекъ угощаютъ чаемъ съ сахаромъ и кремделями, а знакомыхъ казаковъ водкой. Когда выпьютъ по чашкѣ чаю и по рюмкѣ водки, угощеніе прекращается, и начинаются танцы. Гостей приглашенныхъ и не приглашенныхъ набирается такъ много, что приготовленныхъ мѣстъ не хватаетъ, и вновь приходящіе садятся на колѣни раньше пришедшихъ. Мужчины по большей части стоятъ. Для танцующихъ, впрочемъ, оставляется пустое мѣсто по срединѣ комнаты. Предъ началомъ танца обыкновенно двѣ, три дѣвушки, которыя побойчѣе, подходятъ къ музыканту и просятъ его сыграть имъ какой-нибудь танецъ. Пока музыкантъ настраиваетъ свой инструментъ, танцующіе собираются на средину. Кавалеры выбираютъ дамъ обыкновенно изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя имъ знакомѣе и которыя имъ больше нра-

вятся. Смычокъ проводится по струнамъ, и нѣсколько паръ пускаются въ плясъ. Танцуютъ быстро, ловко, съ одушевленіемъ, съ энергіей; лица разгораются, глаза блестятъ; пары кружатся, вертятся, сцѣпляются руками: только полъ стонетъ и гнется подъ ногами разгоряченныхъ танцоровъ. Въ небольшіе аттракты, дѣвушекъ и молодыхъ казачекъ угощаютъ папиросами, а иногда пряниками и конфетами; музыканту, плясунамъ и знакомымъ казакамъ предлагаютъ подойти къ импровизированному буфету выпить и закутить. Изъ танцевъ обыкновенно танцуютъ „парочку“. Это что-то въ родѣ „русской.“ Кавалеръ, или дама за кавалера, выходитъ на середину комнаты и кланяется сидящей съ краю дѣвушкѣ. Та выходитъ на средину и начинается танецъ. Потанцовавъ двѣ, три, четыре минуты, дама садится на мѣсто, а кавалеръ ангажируетъ слѣдующую по порядку дѣвицу или молодую казачку. И это перебиранье продолжается до тѣхъ поръ, пока кавалеръ или дама, служившая за кавалера, не перетанцуетъ со всѣми танцующими гостями, которыхъ бываетъ около 50-ти и болѣе. Потъ катится съ него градомъ, но онъ не теряетъ духу и танцуетъ со всею подобающею ловкостію и энергіей. Кромѣ того танцуютъ „восьмерку“ или однѣ дѣвушки, или дѣвушки съ кавалерами. Двѣ пары становятся противъ другъихъ двухъ паръ и выдѣлываютъ разныя па въ родѣ нѣкоторыхъ па нашей кадрили. Переходятъ съ мѣста на мѣсто, кружатся съ своими дамами, составляютъ кругъ и т. п. Танцуютъ „барыню“, „молодчика“, „закабланъ“, что-то въ родѣ гротесктера, и „костоломъ“, танецъ требующій большаго искусства, потому что въ немъ кавалеръ, не оставая приподнятой къ верху руки своей дамы, проходитъ подъ этою рукою и цѣлуетъ свою даму въ губы; то же повторяетъ каждый кавалеръ со всѣми танцующими дамами. Танецъ этотъ также какъ и „барыня“ чрезвычайно оживленъ и наши танцующіе исполняютъ ихъ съ ловкостію и даже нѣкоторою граціозностію. Танцуютъ также вальсъ подъ названіемъ „вальца“. Случается, что устраивается и кадрили, съ помощію купцовъ и офицеровъ, и съ грѣхомъ по-поламъ протанцовывается.

Натанцовавшись чуть не до окончательнаго изнеможенія, усаживаются и немного отдыхаютъ. Отдохнувъ, начинаютъ „ходить по пѣснямъ“. Это дѣлается такъ. Нѣсколько дѣвушекъ встаютъ, начинаютъ ходить вокругъ комнаты, ангажируя по пути какого-нибудь кавалера, которому на плечѣ

кладут платокъ. Прохаживаясь такимъ образомъ, они поютъ различныя пѣсни. Спѣвъ пѣсню дѣвушки садятся. Выходятъ точно также кавалеры, прохаживаются одинъ за другимъ вокругъ комнаты, поютъ и по пути ангажируютъ дамъ, подавая имъ руку; тѣ берутъ за руку кавалера и такимъ образомъ пара за парой ходятъ вокругъ комнаты и поютъ. Каждая пѣсня, непременно оканчивается поцѣлуями, а въкоторыя пѣсни требуютъ и нѣсколькихъ поцѣлуевъ. Кавалеры исполняютъ это требованіе съ удовольствіемъ, а дамы нимало не противятся. Есть и такія пѣсни, послѣ которыхъ каждый кавалеръ имѣетъ право перецѣловать всѣхъ участвовавшихъ въ пѣніи дамъ. Но обыкновенно цѣлуютъ только тѣхъ, которыя покрасивѣе или которыя больше нравятся; остальные за это не въ претензіи. Одна изъ любимыхъ пѣсенъ слѣдующая:

Со вьюкомъ я хожу, съ животомъ гуляю,
 Я не знаю куда вьюка положить,
 Я не знаю куда живота положить.
 Положу я вьюка, положу живота
 Ко боярину на правое плечо.
 Чѣмъ вьюка выкупать, чѣмъ живота выручать?
 Ужь я дамъ ли не дамъ за него
 Ужь я три гривны серебряныя
 Три, четыре позолоченыя;
 Я коня вываходова, сокола сызаперова
 Молодца кудреватаго, холостаго, не желатаго.
 Я за молодцомъ иду, иду, иду,
 За хорошеыкимъ иду, иду, иду.
 Перемяки жду, жду, жду;
 Поцѣлую, сама прочь пойду.

Послѣ этой пѣсни слѣдуетъ три поцѣлуя. Затѣмъ кавалеры поютъ:

Какъ по ельничку,
 По березничку,
 По частому по мяктому по осинничку
 Идутъ молодцы горой,
 Ведутъ дѣвушекъ съ собой.
 Пойдемъ, дѣвица,
 Пойдемъ, красавица;
 Какъ у насъ во саду,
 Во высокомъ терему,
 Много шитыхъ, много брачныхъ,

Много бѣлыхъ подотканъ;
 Много шекошницы, полушекошницы.
 Мальчикъ на ногу ступаетъ;
 Ума разума пытается,
 Мальчикъ ручку жметъ,
 Поцѣлуя ждетъ.
 „Поцѣлуй-ка, дѣвица,
 „Поцѣлуй, красавица,
 „Поцѣлуй, радость, кеня:
 „Взвесели молодца.
 — Я за это, сударь, ваяъ
 Поцѣлаю десять разъ.

Послѣ этой пѣсни цѣлуютъ дамъ въ губы десять разъ. Потомъ поютъ:

Какъ у голубя.
 Какъ у сизаго
 Золотая голова;
 Какъ у голубки,
 Какъ у сизой
 Позолоченный вѣнецъ.
 Позавидовалъ, позавидовалъ
 Разудалый молодецъ
 Душѣ красной дѣвицѣ.
 Еслибы эта, еслибы эта
 Моя сужена была,
 Я бы зимлею порою
 Во Китай городъ свозилъ;
 Еслибъ лѣто, еслибъ лѣто
 Во каретѣ прокатилъ;
 Еслибъ осень, еслибъ осень,
 Епамечку бы сошилъ
 Не простую, дорогую,
 Золотой парчей покрылъ,
 Соболями опушилъ.
 Ты красуйся,
 Моя суженая,
 Моя ряженая,
 За мою разудалой головой.
 Ты позволъ-ка поздороваться съ тобой.

За этою пѣсней цѣлуются всего одинъ разъ, кавалеръ съ своею дамой. Послѣ пѣсни: „Я качу, качу по блюдечку“ цѣлуются, какъ поется въ пѣснѣ, со всѣмъ поводомъ, то-есть всѣ

кто участвуетъ въ пѣвѣи должны взаимно перецѣловаться.
Поютъ еще:

Что ли ласточка тропу тропила,
 Ни касаточка дорожку салаа, да гей!
 Что ли бѣлъ горюстаѣ проскакала,
 Проскакали трое дубовы санки, да гей!
 Что самочки со вычурами,
 Со вычурами, со вырѣвами, да гей!
 Ужь какъ жѣтъ такова молодца
 Ни въ Кавани и ни въ Астрахани, да гей!
 Что ни въ той ли каменной Москвѣ
 Пролягся разудалый молодецъ, да гей!
 Дмитрій Моисеевичъ *) да гей!

Всѣ эти пѣсни поются хотя безъ особеннаго искусства, но зато съ большимъ чувствомъ и воодушевленіемъ. Насытившись вдоволь пѣснями, принимаются снова за танцы. Опять пошелъ въ ходъ смычокъ, завизжала скрипка; нѣсколько паръ снова понеслись по комнатамъ въ бѣшеной пляскѣ. Послѣ танцевъ снова пѣси, а тамъ опять танцы, и такимъ образомъ веселье самое неудержимое, самое безцеремонное продолжается иногда далеко за полночь. Когда наконецъ главные танцоры и танцорки окончательно выбьются изъ силъ, пѣвцы и пѣвицы лишатся голоса, а у хозяина глаза посоловьютъ отъ позывако ену, дѣвушки поднимаются съ своихъ мѣстъ и^с накрываютъ головы платками. Это значить, что онѣ собираются домой. Если хозяинъ не особенно заботливо удерживаетъ ихъ, то за ними подымается и все остальное общество. Накинувъ на головы платки (и проговоривъ: „благодаримъ за угощеніе“, или: „благодаримъ за компанію“, публика шумно оставляетъ балную комнату. И вотъ нашъ балъ кончился. Мнѣ приходилось бывать на вечерахъ и балахъ такъ-называемыхъ благородныхъ; и нигдѣ не удавалось мнѣ видѣть-такого искренняго, неподдѣльнаго, неудержимаго веселья, какое обнаруживали казаки и казачки на этихъ вечерахъ. И да простятъ мнѣ мои благородныя читательницы, если таковыя найдутся, если я скажу, что на этихъ простыхъ бевыскусственныхъ вечерахъ я часто проводилъ время веселѣ чѣмъ на свѣтскихъ, полныхъ блеска и богатства, балахъ. Офицерскія вечеряки отличаются отъ описанной нѣкото-

*) Имя и отчество хозяина.

рыми особенностями. На офицерскія вечеринки являются только приглашенные, большею частью купцы, писаря, урядники, мастера съ женами и дочерьми; кавалеры являются всегда въ мундирахъ. Танцуютъ по преимуществу кадрили, польки, вальсы, мазурки и т. п. По пѣснямъ тоже (впрочемъ „ходить“). Угощеніе бываетъ изысканнѣе: чай, какъ слѣдуетъ; всѣмъ гостямъ, шоколадъ, вина, наливки, конфеты, и въ заключеніе всего настоящій ужинъ въ нѣсколько блюдъ. Но за то на этихъ вечерахъ не такъ весело какъ на описанныхъ выше.

Казачьи вечеринки имѣютъ также свои особенности. На нихъ угощаютъ водкой и чаемъ, а иногда и закуской, исключительно только знакомыхъ; но принимаютъ весь околотовъ безъ исключенія. Гости мужскаго пола являются въ чемъ попало. Гостей набирается большею частію въ тѣсную комнату такъ много, что духота и тѣснота бываютъ страшны. Главное же отличіе казачьей вечеринки то, что музыканты играютъ бесплатно за одно только угощеніе.

АМУРСКІЙ ХЛѢБОПАШЕЦЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

III.

Мы не ошиблись, признавши изданіе *Окружнаго Посланія* раскольничьихъ архіереевъ къ ихъ духовной паствѣ событіемъ очень важнымъ въ современной истеріи раскола. Изъ предыдущей статьи читатели могли видѣть, какое дѣйствіе произведено было этимъ событіемъ въ обществѣ русскихъ, особенно ближайшихъ къ Москвѣ, старообрядцевъ; какія возникли здѣсь волненія, несогласія, горячіе толки по поводу *Посланія*, и въ какомъ затруднительномъ положеніи оказалось, въ виду этихъ прискорбныхъ для раскола явленій, само раскольничье духовенство, вынужденное прибѣгнуть, наконецъ, къ весьма неловкой мѣрѣ, явно противорѣчившей его прежнимъ дѣйствіямъ: изданію *Соборнаго Определенія* противъ имъ же самимъ изданнаго *Окружнаго Посланія*. Теперь намъ сдѣлался извѣстенъ новый, очень любопытный документъ, изъ котораго видно, что волненіе, возбужденное *Окружнымъ Посланіемъ*, не ограничилось обществомъ однихъ русскихъ старообрядцевъ, что заграничные ихъ собратія встрѣтили московское посланіе также весьма неравно-

* См. Рус. Вѣст. №№ 5 и 7.

душно и что особенно враждебно отнеслись къ нему пребывающіе за границей высшіе представители раскольниковъ іерархіи. Въ Бѣлой Кривицѣ 20 іюня, составленъ былъ соборъ, на которомъ сдѣлано строгое опредѣленіе противъ *Окружнаго Посланія* и противъ тѣхъ, кто сочинялъ его, содѣйствовалъ его изданію и будетъ принимать его для руководства. Копія съ этого опредѣленія отправлена въ Россію съ двумя „депутатами“, которымъ поручено сообщить ее во всѣ здѣшнія старообрядческія общества и собирать къ „опредѣленію“ подписи отъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Изъ того же документа видно, что и прибытіе въ Москву самого митрополита Кирилла, равно какъ его столкновенія съ русскими старообрядческими архіереями и старообрядческимъ обществомъ въ Москвѣ, имѣвшія для него такія непріятныя послѣдствія, — все это находилось въ ближайшей связи съ *Окружными Посланіемъ*, въ то время уже составленнымъ, ходившимъ по рукамъ, но только еще не изданнымъ окончательно для руководства и употребленія старообрядцевъ. Здѣсь же находимъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о томъ, кто составлялъ *Посланіе*, кто особенно содѣйствовалъ его изданію, какія сдѣланы были противодѣйствія ему и т. п. Любопытный документъ этотъ, съ которымъ мы намѣрены познакомить читателей, есть *Архипастырское Увѣщаніе* митрополита Кирилла, присланное имъ въ Москву и другіе русскіе города, вмѣстѣ съ копіею опредѣленія, составляющагося на Бѣлокривицкомъ соборѣ 20 іюня.

Увѣщаніе оваглавлено слѣдующимъ образомъ: „Отъ верховнаго святителя бѣлокривицкой митрополіи Софронію епископу Калужскому и ко всемъ православнымъ христіанамъ, вездѣ обрѣтающимся, священнослужителямъ и мирскимъ обою пола, юнымъ и старымъ архипастырское увѣщаніе.“ Здѣсь нельзя оставить безъ вниманія, что Кириллъ обращается съ своимъ архипастырскимъ увѣщаніемъ изъ всѣхъ живущихъ въ Россіи, довольно многочисленныхъ, раскольничьихъ архіереевъ къ одному епископу Калужскому Софронію. Что это значитъ? Софроній даже и не старшій изъ этихъ архіереевъ, чтобы къ нему одному можно было обратиться, какъ къ представителю всѣхъ другихъ и минуя всѣхъ другихъ? Старѣйшимъ и главнымъ между ними, и до возведенія своего въ званіе первосвятителя всея Руси, всег-

да считался Антоній Владимірскій, лишь временно, какъ мы видѣли, замѣняемый въ этомъ званіи Аѳанасіемъ Саратовскимъ, по распоряженію Кирилла и московскаго собора. Что бѣлокриницкій митрополитъ, помимо Антонія, Аѳанасія и всѣхъ другихъ архіереевъ, обращается теперь съ своимъ архипастырскимъ увѣщаніемъ къ одному Софронію—это обстоятельство служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ возникшаго и продолжающагося раздѣленія между русскими старообрядческими архіереями и бѣлокриницкою митрополіей. Выпроводивъ митрополита Кирилла изъ Москвы, послѣ нѣсколькихъ строгихъ соборныхъ постановленій противъ него, обрѣтающіяся въ Россіи раскольничьи духовныя власти, бывшія доселѣ въ подчиненіи ему, этимъ самымъ показали, что разрываютъ свою іерархическую зависимость отъ него. Съ своей стороны и Кириллъ, исключая теперь, изъ своего пастырскаго обращенія къ россійской паствѣ духовнаго и мірскаго чина, всѣхъ русскихъ раскольничьихъ архіереевъ, кромѣ одного Софронія, также показалъ, что и онъ, волей или неволей, признаетъ это отдѣленіе архіереевъ отъ его іерархической власти и только еще при посредствѣ Софронія надѣется сохранить свое вліяніе и свою власть въ обширномъ обществѣ русскихъ поповцевъ. Не трудно понять, почему сдѣлано такое исключеніе въ пользу Софронія. Это именно тотъ епископъ Софроній, который принималъ главное участіе въ вызовѣ Кирилла въ Москву и остался вѣрнѣе ему среди всѣхъ постигшихъ его въ Москвѣ невзгодъ, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Кириллъ въ своемъ *Архипастырскомъ Утѣщеніи*. Въ *Утѣщеніи* и въ самомъ *Дьяніи Соборномъ* встрѣчаются новыя доказательства этого продолжающагося раздора между русскими старообрядческими архіереями и бѣлокриницкимъ митрополитомъ.

Утѣщеніе начинается издадека—патріархомъ Никономъ, первыми временами раскола. „Верховный первосвятитель Бѣлокриницкой митрополіи“ очень умилительно повѣствуетъ, какъ въ эти тяжкія времена предки нынѣшнихъ старообрядцевъ, несмотря на всѣ гоненія, сохранили якобы православную вѣру въ неповрежденной чистотѣ ея, и какъ въ той же чистотѣ она будто бы соблюдалась у старообрядцевъ и до настоящаго времени. Мало того: настоящее время, по его мнѣнію, есть такая блаженная пора, какой доселѣ и не

бывало въ старообрядчествѣ. Доселѣ, чтобъ имѣть вполнѣ характеръ истиннаго православія, старообрядчеству не доставало одного существенно важнаго условія: не доставало первосвятительства, своей собственной іерархіи; со временъ Амвросія этого недостатка болѣе не существуетъ: первосвятительство, святительство и священничество насаждены и процвѣтаютъ у старообрядцевъ!

„Ибо, сказано въ *Успѣваніи*, всевышній Богъ, человеколюбецъ сынъ, ниспослалъ съ небесе благодать свою, яже озари прежде христолюбивыхъ людей сердца къ предпріятію мѣръ ко взысканію духовнаго архипастыря; послѣжде же оная благодать, яко искра, паде на сердце боголюбиваго, яко бы для насъ предъизбраннаго, цвѣтущаго въ сѣдинахъ, господина митрополита Амвросія, его же просвѣти свѣтомъ познанія православныя христіанскія вѣры и благочестія, уже чрезъ его благочестивыя исповѣданія и до днесь обрѣтается въ изгнаніи, претерпѣвая невинное лишеніе духовныхъ своихъ чадъ. Послѣ сего, преемникомъ престола его неизреченная мудрость Божія устрои наше смиреніе быти достойнымъ и пасты словесное Христово стадо. Мы пекущеся неуспѣшно о порученныхъ намъ овцахъ, разбѣянныхъ въ различныхъ государствахъ, тѣххомся вскорѣ снабдити всѣхъ духовными пастырями и Божиимъ благоволеніемъ совершихомъ наше желаніе. И тако нынѣ оставалось пребывати всѣмъ точію въ мирѣ, любви и единомысліи, воздавая хвалу создателю всѣхъ за его изліяныя на насъ щедроты.“

Такимъ образомъ казалось бы старообрядцамъ оставалось только радоваться и наслаждаться миромъ и единомысліемъ по наступленіи такого благодатнаго и давножеланнаго времени. Но въ такое-то время, по своему бѣсовскому обычаю, съ особеннымъ тѣпаніемъ и направилъ противъ нихъ свои злобныя козни исконный врагъ и завистникъ всего добраго: онъ избрѣлъ лукавое средство, которымъ успѣлъ возмутить вождѣнный миръ ихъ, поколебать у нихъ и самое древнее благочестіе... Средствомъ этимъ, къ крайнему удивленію читателя, оказывается изданное въ Москвѣ *Окружное Посланіе*.

„Но отъ бѣсовской зависти, исконный рода христіанскаго врагъ, присно стараясь своими коварствы вринуть насъ въ ровъ погибельный, уже позавидѣ тако сіяющему благочестію. Онъ избрѣте себѣ средство таковое, коимъ успѣлъ

въ краткое время возмутить всѣхъ православныхъ христіанъ до крайняго совѣстнаго поврежденія: сіе средство состоитъ въ *Окружномъ Посланіи*, составленномъ нѣкимъ мірскимъ человѣкомъ, има его Иларіюмъ Георгіевъ, житель изъскита Полосы.“

Нельзя не отдать справедливости искусству, съ какимъ отдано въ *Успѣваніи* изображеніе блаженныхъ временъ старообрядчества, окормяемаго своимъ собственнымъ независимымъ священствомъ,—изображеніе ловко разчитанное, чтобы подѣйствовать на чувство истаго старообрядца. Еще искусѣе умѣлъ Кириалъ выставить въ этомъ изображеніи свои собственные заслуги, свое собственное значеніе для современнаго старообрядчества. Его смиренію вѣкъ жребій быть достойнымъ преемникомъ того цвѣтущаго въ сѣдинахъ и якобы *предызбраннаго* для старообрядцевъ митрополита Амвросія, отъ котораго ведетъ начало вся ихъ вымѣшная іерархія, ему лично обязаны рукоположеніемъ почти всѣ существующіе теперь старообрядческіе архіереи; онъ главнымъ образомъ снабдилъ старообрядчество духовными пастырями: не должно ли все это внушить къ нему особенное уваженіе въ обществѣ тѣхъ старообрядцевъ, которые съ сѣпнымъ довѣріемъ приняли австрійское священство, и не должно ли это побудить ихъ къ защитѣ бѣлокрилицкаго первоосвятителя отъ тѣхъ, которые въ послѣднее время возстали противъ его духовной власти?.. Но едва ли такое впечатлѣніе произведетъ все это на старообрядцевъ, сколько-нибудь способныхъ къ безпристрастному сужденію о своемъ вымѣшномъ священствѣ, на тѣхъ, кому запало уже подозрѣніе и противъ Амвросія, и противъ Кириала и рукоположенныхъ имъ епископовъ. Для нихъ самое это мѣткое выраженіе объ Амвросіѣ, *яко предызбранномъ* для насажденія священства у старообрядцевъ, должно отозваться горькою насмѣшкой надъ старообрядчествомъ,—насмѣшкой, которую бессознательно, не подозрѣвая того, высказалъ самъ *достойный* преемникъ Амвросія. Хорошо въ самомъ дѣлѣ должно быть старообрядчество, когда предызбраннымъ для него первоосвятителемъ признается архіерей удаленный отъ священнодѣйствія, отказавшійся изъ корыстныхъ видовъ отъ православія, согласившійся служить у раскольниковъ за деньги, по контракту, заключаемому при посредствѣ фактора изъ Евреевъ! Не поставятъ они Кириалу въ особенную честь и заслугу и того, что онъ снабдилъ старообрядчество такими пастырями, каковы

наприѣвързъ Антоніа *, Гелладіа **, Софроніа.... *** И если Кириллъ, назвавъ *Окружное Посланіе* изобрѣтеніемъ дьявола, угодилъ закоренѣлымъ раскольникамъ, такъ неприязненно встрѣтившимъ посланіе, то опять и эта рѣзкая, неприличная брань едва ли можетъ успокоительно и выгодно для самого Кирилла подѣйствовать на тѣхъ, положимъ немногочисленныхъ сравнительно, но наиболѣе разсудительныхъ членовъ старообрядческаго общества, у которыхъ *Посланіе* встрѣтило себѣ сочувствіе, да и на всѣхъ вообще старообрядцевъ способныхъ разсуждать безпристрастно. Здѣсь они увидятъ только новое доказательство того слѣпаго и фанатическаго упорства въ старыхъ мнѣніяхъ и старыхъ предрасудкахъ, которыми искони отащались раскольники и представителемъ котораго на этотъ разъ является самъ глава новой раскольничьей іерархіи. Что въ самомъ дѣлѣ намелъ онъ въ *Посланіи* такого, что можно было бы назвать изобрѣтеніемъ дьявола? Ужели тѣ немногія уступки православію и тѣ благосклонныя отзывы о церкви грекороссійской, которые, притомъ съ такою осторожностію и съ такими почти до противорѣчія доходящими ограниченіями, высказаны составителемъ *Окружнаго Посланія*? По всей вѣроятности такъ, потому что все остальное въ *Посланіи* должно удовлетворить самаго истата раскольника.

Впрочемъ Кириллъ не входитъ ни въ какія подробности относительно содержанія *Окружнаго Посланія*, быть-можетъ оознавая, что трудно указать въ немъ что-либо такое, чѣмъ могъ бы оправдать свой неприличный о немъ отзывъ. Онъ ограничился общимъ, ничѣмъ недоказаннымъ замѣчаніемъ, что въ *Посланіи* „помѣщено множество статей, непостижимыхъ и не вмѣщаемыхъ нашими (т. е. раскольничьими) христіанами“ (?!), не считая нужнымъ объяснять, что это за статьи и почему онѣ непостижимы и не вмѣщаемы христіанами изъ раскольниковъ. Вмѣсто этого, онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на волненіяхъ, произведенныхъ *Посланіемъ* въ старообрядческомъ обществѣ, и особенно на прискорбныхъ послѣдствіяхъ, какія изданіе его имѣло для се-

* Объ Антоніа смотри замѣтку въ № 8 *Руск. Вѣстн.* стр. 824—825.

** Гелладіа—бѣглый солдатъ, укрызшійся въ одномъ изъ старообрядческихъ скитовъ. Кириллъ поставилъ его епископомъ въ Екатеринбургъ. Не очень давно онъ взятъ правительствомъ по указанію Лужковцевъ, которые выдали его именно какъ бѣглаго солдата.

*** О Софроніа будетъ рѣчь ниже.

мого Бѣлокриницкаго митрополита; здѣсь-то, въ этихъ прискорбныхъ для раскола явленіяхъ, надобно думать, и находить оныя несомнѣнное доказательство того, что *Посланіе* есть изобрѣтеніе дьявола. Но Кириалъ можетъ осмотрѣть какъ ему угодно на посаждствія, произведенныя изданіемъ *Окружнаго Посланія*; да въ насъ вовсе не важны его взгляды и сужденія, которыя, очевидно, не могутъ быть безпристрастны; важна для насъ историческая сторона дѣла, любопытны тѣ подробности объ изданіи и судьбѣ *Окружнаго Посланія*, которыя оныя излагаютъ въ своемъ *Устѣзаніи*, на сколько, разумѣется, можно признать ихъ достоверными. На нихъ мы и остановимся здѣсь главнымъ образомъ.

Изъ *Устѣзанія* митрополита Кириала мы, во первыхъ, узнаемъ определенно, кто были главными дѣятелями въ исторіи *Окружнаго Посланія*. И прежде извѣстно было по слухамъ, что *Посланіе* написано лицомъ не духовнаго званія; теперь Бѣлокриницкій митрополитъ объявляетъ къ свѣдѣнію всѣмъ духовнымъ чинамъ своимъ, старымъ и юнымъ, что *Посланіе* составлено дѣйствительно мірскимъ человекомъ и, вѣроятно, желая предать имя его вѣчному позору, прямо говорить, что сочинялъ *Посланіе* вѣкто Иларіонъ Егоровъ, житель скита *Полосы*. *

„Иже по составленіи сего *Окружнаго Посланія*, въ немъ же помѣсти множество статей непостижимыхъ и невѣщаемыхъ нашими христіанами, представилъ московскому духовному совѣту, состоявшему подъ предсѣдательствомъ епископа Онуфрія, иже безъ всякаго разсужденія и осторожности подкрѣпилъ и подтвердилъ его своимъ подписомъ и убѣдилъ подписаться къ тому прочимъ епископамъ, а именно архіепископа Автолія, епископа Пафнутія Казанскаго и Варлаама Балтовскаго епископа, и наконецъ вручилъ Иларіону довѣрительную грамоту, иже бы съ него принуждалъ всѣхъ священниковъ къ подпису.

Что посланіе писалъ мірской человекъ, это служить только новымъ доказательствомъ невѣжественности раскольниковъ и уже конечно не дѣлаетъ ему чести; но внутренняго достоинства и значенія *Окружнаго Посланія*, подписаннаго представителями высшей духовной власти у раскольниковъ, это обстоятельство никакъ не мо-

* Скитъ *Полосы* находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Клинцовскаго посада и извѣстенъ у старообрядцевъ строгостью жизни его обитателей.

желеть уменьшить; для имени же автора *Посланія* ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить позоромъ. Напротивъ оно, какъ мы говорили въ свое время, только показало въ немъ человека, основательно знакомаго съ церковною и такъ-называемою раскольничьею литературой и, что особенно важно въ такомъ человекѣ, довольно безпристрастно разсуждающаго о православной церкви, — качества, которыхъ не могутъ помрачить никакія хулы и проклятія Бѣлокриницкаго митрополита. Нужно желать только, чтобъ авторъ, такъ хорошо начавшій свою литературную дѣятельность, продолжалъ ее еще съ лучшимъ успѣхомъ, вышелъ изъ тѣхъ противорѣчій, которыя допустилъ въ *Посланіи* и о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ; чтобъ онъ не останавливался на полупутѣ, явился *только* безпристрастнымъ въ отношеніи къ церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ расколу, и сдѣлался въ этомъ отношеніи руководителемъ для своихъ блуждающихъ во тьмѣ единовѣрцевъ.

Итакъ, *Окружное Посланіе* сочинилъ нѣкто Иларіонъ Егоровъ, житель одного изъ старообрядческихъ скитовъ въ окрестности Клинцовскаго посада *. Неизвѣстно, ему ли именно принадлежитъ первоначальная мысль о составленіи *Посланія*, или онъ приступилъ къ составленію его по предварительному совѣщанію съ нѣкоторыми изъ лицъ, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ старообрядческомъ обществѣ; по крайней мѣрѣ изъ *Уельчанія* митрополита Кирилла мы теперь знаемъ, что немедленно по составленіи *Посланія*, онъ нашелъ полное сочувствіе и поддержку своему дѣлу у одного изъ раскольничьихъ архіереевъ, а именно у епископа Браиловскаго, Онуфрія. Онуфрій, очевидно, не принадлежитъ къ числу собственно русскихъ раскольничьихъ архіереевъ: его епархію составляютъ раскольники живущіе въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Въ Москвѣ же онъ находится въ качествѣ намѣстника Бѣлокриницкаго митрополита съ полномочіемъ предсѣдательствовать въ учрежденномъ здѣсь

* Въ предыдущей статьѣ мы высказали предположеніе, что авторъ *Окружнаго Посланія* есть вмѣстѣ и сочинитель верноподданническаго адреса клинцовскихъ старообрядцевъ, — высказали, имѣя въ виду единственно сходство въ характерѣ и способѣ изложенія того и другаго сочиненія. Предположеніе наше вполнѣ оправдалось: адресъ, какъ мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, принадлежитъ дѣйствительно перу Иларіона Егорова, который выразилъ въ немъ чувства своихъ согражданъ.

духовномъ совѣтѣ. Егоровъ, представляя сочиненное имъ *Посланіе* на разсмотрѣніе духовнаго совѣта, долженъ былъ такимъ образомъ, по самому порядку дѣла, обратиться именно къ Онуфрію, какъ предсѣдателю совѣта; но предсѣдательство вовсе не обязывало Онуфрія дѣйствовать непременно въ пользу *Посланія* и притомъ такъ торжачо, какъ онъ постоянно дѣйствовалъ. Напротивъ, самое это горячее участіе, съ какимъ Онуфрій въ послѣдствіи поддерживалъ *Окружное Посланіе*, можетъ служить ручательствомъ, что Егоровъ потому и рѣшился представить *Посланіе* московскому духовному совѣту, что вполнѣ надѣялся найти поддержку для него въ предсѣдателѣ совѣта, что онъ даже и къ сочиненію *Посланія* приступилъ въ увѣренности встрѣтить эту поддержку отъ Онуфрія и по предварительному совѣщанію съ нимъ. Немногія свѣдѣнія объ Онуфріи, какія удалось намъ собрать, утверждаютъ еще болѣе въ этомъ предположеніи. Онуфрій, великороссійскій выходецъ (родомъ изъ Ярославской губ.), довольно долго жилъ между австрійскими раскольниками и именно въ Бѣлокривницкомъ монастырѣ; здѣсь онъ былъ свѣдѣтелемъ учрежденія пресловутой австрійской іерархіи и самъ Амброзіемъ былъ посвященъ въ епископы. Въ 1847 году, одинъ изъ Москвичей, человекъ вполнѣ заслуживающій довѣріе, имѣлъ случай прожить нѣсколько времени въ Бѣлокривницкомъ монастырѣ и хорошо познакомиться съ его обитателями: отъ него-то слышали мы, что Онуфрій, послѣ извѣстнаго инока Павла, былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ лицомъ между бѣлокривницкими монахами, разумѣется, какъ и всѣ раскольничьи монахи, совершенно невѣжественными. Онъ не чуждался образованія, былъ довольно начитанъ и тогда еще, будучи простымъ инокомъ, въ откровенныхъ бесѣдахъ выражалъ неудовольствіе на крайнюю исключительность и нетерпимость раскола, на то, что придается великая важность такимъ незначительнымъ безразличнымъ дѣйствіямъ и обрядамъ, какъ напр., брадобритіе, куреніе табаку, то или другое начертаніе креста, даже то или другое перстосложеніе для крестнаго знаменія и т. п. Неудивительно поэтому, что, получивъ вліяніе въ своемъ обществѣ по званію намѣстника Бѣлокривницкаго митрополита и предсѣдателя въ московскомъ духовномъ совѣтѣ, онъ выразилъ полное сочувствіе и обещалъ свое содѣйствіе *Окружному Посланію*, если только не подастъ Егорову и самой мысли о составленіи *Посла-*

нiя. Покрайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ принялъ его подъ свою защиту, какъ скоро оно было представлено сочинителемъ московскому духовному совѣту: онъ, по увѣренiю Кирилла, убѣдилъ подписаться подъ *Посланиемъ* раскольниковыхъ архiereевъ—Антонiя Владимiрскаго, Пафнутиа Казанскаго и Варлаама Балтовскаго. Нельзя сказать, искренно ли и съ сознаниемъ ли того что дѣлають, подписались подъ *Посланиемъ* двое послѣднiе; что же касается Антонiя, то можно съ рѣшительностiю утверждать, что онъ и здѣсь остался вполнѣ вѣренъ своему характеру,—имѣлъ въ виду не содержанiе и внутреннiй смыслъ *Посланiя*, а руководствовался соображенiями о томъ, что выгоднѣе для него, подписать его, или не подписывать: на сей разъ онъ нашелъ выгоднѣйшимъ первое. Какъ бы то ни было, но благодаря содѣйствию Онуфрiя *Посланiе* при первомъ представленiи его въ духовный совѣтъ, подтверждено было четырьмя архiereйскими подписями. Кириллъ увѣряетъ также, что Онуфрiй вручилъ Илариону Егорову „вѣрительную грамоту“, при посредствѣ которой могъ бы онъ *принуждать* всѣхъ священниковъ подписывать *Посланiе*, но что Егоровъ мало успѣлъ въ этомъ дѣлѣ: изъ священниковъ подписался только одинъ, прочiе же, а равно мирской народъ возстали противъ *Посланiя* и обратились къ нему, Кириллу, съ просьбою защитить церковь отъ пагубы, какую готовило ей это ужасное *Посланiе*, что и побудило его предпринять извѣстное путешествiе въ Москву. Очень вѣроятно извѣстiе, что Онуфрiй поручилъ самому Егорову собирать отъ раскольниковыхъ священниковъ подписи къ *Посланiю*; но за тѣмъ остальное въ разказѣ Кирилла оказывается несогласнымъ съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣла. Къ чему онъ говорить, вопервыхъ, о принужденiи? какъ будто раскольниковыя попы въ состоянiи были разсуждать о содержанiи *Посланiя*, какъ и вообще дѣйствовать въ дѣлахъ религiозныхъ по самостоятельному убѣжденiю. Тѣ изъ нихъ, которые умѣють какъ-нибудь писать, подписывались конечно, непрекословно, какъ скоро видѣли подписи своихъ архiereевъ, и прибѣгать тутъ къ какому-нибудь насилiю, безъ сомнѣнiя, не было нужды. А такихъ священниковъ, которые въ состоянiи были подписать *Посланiе*, нашлось двадцать четыре, какъ достовѣрно извѣстно, а не одинъ, какъ увѣряетъ Кириллъ. * Извѣстно также, весь ли мирской народъ сообща

* Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подписи эти нахлался подъ окончательнао изданнымъ уже 24 февраля *Посланиемъ* и могли

съ священниками вызывалъ Кирилла, изъ Бѣной-Кримицы въ Москву, какъ увѣряетъ онъ, забывая исторію своего изгнанія изъ Москвы. Но что въ вызовѣ его участвовали лица, составлявшія оппозицію противъ *Окружнаго Посланія*, это весьма вѣроятно и заслуживаетъ вниманія.

Дѣйствительно, *Окружное Посланіе*, принятое подъ защиту и покровительство епископа Онуфрія, въ самомъ же началѣ встрѣтило и горячаго противника въ другомъ епископѣ—Софроніѣ, отъ котораго именно можно было ожидать проти-

не быть прежде. Но на окончательномъ изданномъ *Посланіи*, кромѣ подписей 26 священниковъ и трехъ упомянутыхъ архіереевъ, находятся еще подписи епископа Софронія и епископа Алимпія, которые оба и прибыли въ Москву изъ Австріи: обстоятельство не лишнее значенія. Вотъ почему такъ полюбили ихъ новый тульской епископъ Сергій въ своемъ письмѣ къ Кириллу, изъ котораго въ первой статьѣ мы приводимъ нѣкоторые мѣста (смотри *Русск. Вѣст.* кн. 3 стр. 394—395). Безграмотное письмо это вполнѣ напечатано въ недавно изданной книжкѣ: *Разборъ Спасо-преображенскаго Пустинскаго монастыря игумена Пареевля на Окружное Посланіе лубецкаго епископа Антонія съ сотрудниками*. Только игуменъ Пареевль несправедливо утверждаетъ, будто письмо писано изъ Австріи въ Москву, тогда какъ напротивъ Сергій писалъ изъ России въ Австрію, когда Кирилла уже выѣхалъ туда изъ Москвы. Сергій именно извѣщалъ его о томъ, что происходило здѣсь, въ Москвѣ, по его отъѣздѣ. Это очевидно изъ всего содержанія письма, и странно, какъ не появлъ этого авторъ упомянутой книжки. Кстати, сдѣлаемъ объ ней еще два, три замѣчанія. Премаховъ, подобнымъ указанному, находится въ ней не мало: въ одномъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ даже, будто Стоглавый соборъ не отвергъ троесперстнаго сложенія (стр. 62). Можно и должно доказывать раскольникамъ, что опредѣленія *Стоглава*, столь почитаемыя ими, лишены справедливости и не имѣютъ для насъ обязательной силы дѣйствующаго церковнаго закона; но какъ же можно утверждать, будто *Стоглавы*, такими рѣшительными клятвами оградившіе двуперстіе, не отвергъ троесперстнаго сложенія? Нельзя не пожалѣть еще, что авторъ весьма несправно напечаталъ текстъ *Окружнаго Посланія*, — съ ошибками и пропусками искажающими по мѣстамъ самый смыслъ его. Духъ полемики, господствующій во всемъ сочиненіи, порой увлекаетъ автора также въ не совсѣмъ справедливыя, или смѣшныя придирчивыя замѣчанія. Напримеръ по поводу высказаннаго въ *Посланіи* обѣщанія составить *устава или краткое изложеніе догматовъ* и пр., онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „леужели оми (издатель *Посланія*) возмечталъ создать какую-либо неслыханную цер-

водѣнствія предпріятіямъ такого рода, какъ *Посланіе*. Софроній вѣстѣ съ Автономіемъ, Геннадіемъ и др., принадлежить къ числу тѣхъ темныхъ личностей, которыя составляютъ позоръ для старообрядчества, которыя ни въ какомъ обществѣ не могли бы быть терпимы, между тѣмъ какъ у старообрядцевъ занимаютъ самыя почетныя мѣста и пользуются вліяніемъ. Известно, что этотъ епископъ Софроній былъ некогда—мѣщанинъ, Степанъ Жировъ, содержалъ постоялый дворъ въ Москвѣ и, какъ извѣстный проходимецъ, занимался доставкой бѣглыхъ поповъ на Рогожское кладбище, а также и доставкой ихъ съ кладбища въ другія мѣста. Общая молва винить его въ дѣлахъ самаго темнаго свой-

ковъ (?) или выдумать новую вѣру и ея исповѣданіе (?)? Истинная древлеправославная Христова церковь имѣетъ у себя уставъ, составленный въ Греціи въ восточной церкви св. апостолзми и утвержденный преемниками (sic) ихъ на вселенскихъ соборахъ, который уставъ и напечатанъ по переводѣ на славянскій языкъ, при патриархѣ московскомъ Іоасафѣ и донынѣ печатается въ православныхъ типографіяхъ; остается только безъ упущенія исполнить въ немъ изложенное. Что же касается до догматовъ православной, истинно Христовой церкви, то сколько напечатано пространныхъ и сокращенныхъ катихизисовъ и издаво въ свѣтъ, для руководства, которые разсмотрѣны и вполне одобрены всеми вселенскими патриархами (?). О какихъ же догматахъ хотятъ трактовать составители окружнаго *Посланія*? (Стр. 61.) Такимъ образомъ игуменъ Паревскій слово *уставъ* принялъ въ буквальный смыслъ, не обративъ вниманія на объяснительное выраженіе: или *краткое изложженіе догматовъ*, и обращаетъ къ составителямъ *Посланія* совершенно не заслуженный или упрекъ, будто они имѣютъ дерзкое намѣреніе—составить новый церковный уставъ, когда такой давно уже существуетъ въ Церкви. Неправедливо возстаетъ онъ и противъ обѣщанія ихъ составить изложженіе догматовъ вѣры. Почему онъ знаетъ, что это изложженіе не будетъ согласно съ православіемъ? Какъ же могло бы въ такомъ случаѣ отказать имъ въ этомъ изложеніи, которое могло бы повести къ полному соединенію старообрядцевъ съ церковію? Да еслибы, какъ и слѣдуетъ ожидать, оно было и не вполне согласно съ ученіемъ православнымъ, развѣ не важно, въ интересахъ самого православія, имѣть точное изложженіе ученія раскольниковъ, какъ они содержатъ его въ настоящее время, чтобъ имѣть возможность и большее удобство къ разъясненію имъ его несостоятельности и чрезъ это къ большому сближенію ихъ съ церковію? Слѣдовательно, и въ такомъ случаѣ справедливо ли отказывать имъ въ составленіи такого изложенія? И развѣ Церковь не имѣла обычая требовать отъ заблуждающихся въ вѣрѣ именно точнаго изложенія ихъ вѣрованій? Если же авторъ отрицаетъ у кого бы то ни было право составлять из-

отва... Добывъ, какъ говоритъ молва, преступнымъ способомъ деньги, онъ отправился въ Бѣлую-Кривицу и тамъ, благодаря корыстолюбію Кирилла, достигъ архіерейства *. Этотъ-то преступный архіерей, на совѣсти котораго лежитъ такая вина, сталъ, въ противодѣйствіе Онуфрію, во главѣ недовольныхъ *Окружными Посланіемъ*, и онъ-то, какъ имъ говорили уже, былъ главнымъ дѣятелемъ въ вызовѣ Кирилла. Изъ протеста Московскихъ гражданъ, требовавшихъ удаленія Кирилла изъ Москвы,—документа вполне достовернаго, мы знаемъ **, что соучастниками Софронія въ этомъ дѣлѣ были только одинъ священникъ, Григорій Добрянскій, да шестеро изъ свѣтскихъ лицъ, имѣющихъ состояніе и пользующихся нѣкоторымъ вліяніемъ въ своемъ обществѣ, но которыхъ сами сограждане ихъ называли „людьми безразсудными“. Итакъ вокругъ Софронія образовался въ началѣ весьма незначительный кружокъ лицъ недовольныхъ *Окружными Посланіемъ* и желавшихъ воспрепятствовать его издачію при личномъ содѣйствіи самого бѣлокривецкаго митрополита, какъ имѣющаго власть отмѣнить распоряженія своего наместника,—а вовсе не „мірскій народъ“ со всеми священниками, какъ увѣряетъ Кирилла въ своемъ *Успыаніи*. Что касается извѣстія, что его вызывали въ Москву именно вслѣдствіе возникшихъ въ расколѣ толковъ по поводу *Окружнаго Посланія*, то подвергать его сомнѣнію никакого

доженія вѣры, послѣ того какъ есть уже одобренныя *всѣми вселенскими патріархами*, то послѣ его строгое опредѣленіе должно будетъ подпасть, во всякомъ случаѣ, и нѣкоторые составители существующихъ пространныхъ и сокращенныхъ катихизисовъ. Вообще, надобно съ сожалѣніемъ замѣтить, какъ и игумена Пареевскія сильно страдаетъ безтактностью, неумѣньемъ отвѣстись правильно къ дѣлу и, безъ сомнѣнія, произведетъ весьма невыгодное впечатлѣніе на старообрядцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые сочувствовали *Посланію*, раздѣляли выраженныя въ немъ благожелательныя отзывы о Церкви, и напротивъ можетъ доставить торжество противной партіи — закоренѣлыхъ раскольниковъ, которые съ злорадствомъ могутъ указать своимъ противникамъ на сочиненіе о. Пареевскія въ доказательство, какъ ошибались они, ожидая отъ православнаго духовенства мирныхъ разглаговѣствій.

* Желающіе могутъ прочесть о немъ кое-что въ разказѣ: „*Поларковъ*“ (Русск. Вѣстн. 1857 г. т. I стр. 833—834).

** См. Русскій Вѣстникъ, кн. 5. стр. 391—393.

основанія мы не имѣемъ. Можно принять за достоверное, что предстоявшее окончательное изданіе *Окружнаго Посланія* было, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ главныхъ поводовъ къ прибытію Кирилла въ Россію и что свидѣтельствомъ во въ то время *Посланію* усвоилось уже весьма важное значеніе.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находилось дѣло объ *Окружномъ Посланіи*, когда митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ въ Москву. *Посланіе* было уже приготовлено къ изданію и, благодаря вліянію Онуфрія, подписано, кромѣ его, тремя епископами, въ томъ числѣ старшимъ изъ нихъ, заглавывающимъ тогда общимъ управленіемъ іерархическихъ дѣлъ у раскольниковъ, Антономъ архіепископомъ Владимірокумъ; во въ то же время оно встрѣтило противодѣйствіе себѣ въ епископѣ Софроніѣ съ нѣсколькими изъ членовъ московскаго раскольниковскаго общества, и вообще занимало раскольниковъ, и возбуждало между нами не мало толковъ. Правда, Кириллъ въ своемъ *Успычаніи* изобразилъ положеніе дѣлъ, найденное имъ въ Москвѣ и у всѣхъ вообще русскихъ раскольниковъ, въ нѣсколько иномъ видѣ; но разказъ его представляеть явныя преувеличенія. Онъ утверждаетъ, будто, пріѣхавъ въ Москву, былъ „очевидецъ происшедшему чрезъ посланіе несокрутимуу вреду, возмущенію и конечному раздраженію всѣхъ христіанъ. Все московское общество, исключая нѣкоихъ нѣскольکو человекъ, потомъ все петербургское общество, вся Гулица и почти всѣ черниговскія слободы никакъ не пріемають сего посланія, текущее время, дѣто почти все, оставались безъ пріятія тайны и покаанія, конечно, отчаявающиса спасенія надежды въ случаѣ признанія окружнаго посланія.“ Нельзя предположить, чтобы такое всеобщее возмущеніе и раздраженіе, по поводу *Посланія*, существовало у раскольниковъ въ то время, когда Кириллъ прибылъ въ Москву и когда *Посланіе* еще не было окончательно издано къ общему свидѣнію и руководству, хотя и давно уже ходило по рукамъ раскольниковъ и служило предметомъ разнаго рода толковъ между ними. Никакъ нельзя, особенно, допустить, чтобы это волненіе могло проникнуть тогда не только въ Гулицу, но и въ петербургское общество, даже въ Черниговскія слободы. Но если дѣло объ *Окружномъ Посланіи* находилось и не въ такомъ положеніи, какъ описалъ Кириллъ; если даже, кромѣ этого дѣла, были и другія не маловажныя причины, побудившія его предпринять опасное путешествіе въ Россію, все-

такъ оно занимало между ними первостепенное мѣсто и, по прибытіи въ Москву, Кирилль по преимуществу занялся имъ, употребилъ, какъ самъ выражается, всѣ мѣры къ опроверженію *Посланія*. Такимъ образомъ, Онуфрій приходилось теперь защищать его противъ самого блжкрянцкаго митрополита, и надобно думать, что онъ защищалъ его твердо и настойчиво. Кирилль называетъ это: „выходилъ изъ предѣловъ благопристойности и забывалъ свое званіе“, то-есть, званіе подчиненнаго ему архіерея, его намѣстника. Что касается прежнихъ союзниковъ Онуфрія, то Пафнутіи и Варлаамъ остались ему вѣрны и попрежнему поддерживали *Посланіе*. Антоній же, вѣрный своему характеру, чувствуя, что вѣтеръ мѣняется, что больше вѣроятности выиграть что-нибудь представши на сторону митрополита, нисколько не затруднился извѣстить Онуфрій и отступить отъ подписаннаго имъ *Посланія*. Однакоже измѣна Антонія нисколько не помогла Кириллю въ борьбѣ съ Онуфріемъ и другими защитниками *Посланія*: Онуфрій продолжалъ отстаивать его съ прежнею твердостью. Тогда Кирилль составилъ соборный актъ „на опроверженіе окружающаго посланія“, подъ которымъ, кромѣ его и Софронія, подписались—Антоній и какіе-то прочіе члены освященнаго собора, но, конечно, не Пафнутіи и не Варлаамъ* Однакоже и эта мѣра не помогла нисколько; Кирилль рѣшился прибѣгнуть къ новой, еще болѣе рѣшительной,—уничтоживъ данныя Онуфрью, какъ намѣстнику его, довѣрительныя грамоты и приказавъ ему отправиться изъ Россіи обратно въ блжкрянцкую митрополию. Но эта рѣшительная мѣра только вынудила самого Онуфрія къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ хорошо понималъ, что съ его отъѣздомъ изъ Россіи должно погибнуть дѣло объ *Окружномъ Посланіи*, въ защиту котораго онъ такъ ратовалъ и на успѣхъ котораго, по всей вѣроятности, надѣялся; понималъ, что и ему самому, послѣ происшедшихъ столкновеній съ Кириллемъ, предстоитъ въ митрополиі плачевная участь, онъ рѣ-

* Въ конці съ опредѣленія блжкрянцкаго собора сказано, что актъ составленъ былъ 24 февраля. Здѣсь, конечно, ошибка въ числѣ. Актъ составленъ былъ, по свидѣтельству самого Кирилла, прежде удаленія Антонія отъ управленія общими іерархическими дѣлами; а постановленіе объ удаленіи его послѣдовало 18 февраля (см. *Русск. Вѣст.* кн. 5, стр. 389).

шилса поэтому разорвать всѣ связи съ главою австрійской іерархіи,—отказалъ ему въ повиновеніи, осталася въ Москвѣ, и съ усиленнымъ стараніемъ началъ дѣйствовать въ пользу своего дѣла и лично противъ самого Кирилла. Къ большому несчастію послѣдняго, въ это время начались у него тѣ неприятели съ подчиненнымъ ему духовенствомъ и московскимъ раскольничьимъ обществомъ, о которыхъ говорили мы въ первой статьѣ, но о которыхъ самъ Кириллъ почему-то совершенно умалчалъ въ своемъ *Узещаніи*. Неприятности эти начались для него удаленіемъ Автомія отъ завѣдыванія общими церковными дѣлами у раскольниковъ. Почему именно нашелъ онъ нужнымъ удалить Автомія отъ этихъ зачатій, доселѣ остается не вполне объясненнымъ; но этимъ распоряженіемъ онъ потерялъ въ Автоміѣ своего союзника: опять переменялася вѣтеръ: у митрополита не удалось выиграть ничего, и Автомій нашелъ теперь болѣе выгоднымъ возвратиться на прежнюю позицію, снова примкнулъ къ Онуфрію и сталъ сообщать съ нимъ дѣйствовать противъ Кирилла. Тогда состоялись соборныя опредѣленія, которыми Кириллъ обвинялся въ произвольныхъ и противныхъ соборнымъ правиламъ распоряженіяхъ церковными дѣлами (доказательство, что Кириллъ вѣривалъ не ради одного *Окружнаго Посланія*); тогда послѣдовалъ и извѣстный протестъ московскихъ гражданъ противъ пребыванія Кирилла въ Россіи, вызвавшій со стороны собора строгое постановленіе о немедленномъ изѣздѣ его изъ русскихъ предѣловъ *, вслѣдствіе чего онъ и долженъ былъ возвратиться въ свою бѣнокриницкую митрополию. Прежде нежели выѣхалъ онъ изъ Москвы, послѣдовало также и окончательное изданіе *Окружнаго Посланія*, подъ которымъ вторично подписался и Автомій. Обо всѣхъ этихъ прискорбныхъ и не выгодныхъ для него обстоятельствахъ Кириллъ, какъ мы замѣтили уже, совершенно умалчалъ въ своемъ разказѣ; онъ замѣтилъ только, что поручивши управление церковными дѣлами вмѣсто Автомія „боголюбивому епископу Аванасію Саратовскому, уклоняющемуся всячески отъ принятія *Окружнаго Посланія* и прочихъ новшествъ, а для вспоможенія ему къ опроверженію и отклоненію защитниковъ *Окружнаго Посланія*, опредѣливъ боголюбивыхъ епископовъ Софронія калужскаго и Сергія

Опредѣленіе подписали именно Онуфрій, Автомій, Пафлутій и Варлаамъ.

тульскаго, оъ съ миромъ (?) отправился во свояси, „впрочемъ какъ самъ признается, „едва гокаувъ“ разотавленныхъ ему „еретическими руками“ свѣтъ.

Такимъ плачевнымъ образомъ кончалась поѣздка блжккри-
вицкаго митрополита въ древнюю столицу православной Руси.
Для Кирилла она имѣла самыя прискорбныя послѣдствія: вос-
препятствовать издавю *Окружнаго Посланія* ему не удалось,
несмотря на всѣ старанія; да кромѣ того оъ возбудилъ про-
тивъ себя такую вражду въ русокихъ раскольничьихъ архіе-
реяхъ, что они отказались отъ подчиненія ему и подвергли
его изгнанію изъ русокихъ предѣловъ. Поправить дѣло не
могли уже и уполномоченные имъ епископы, которымъ пору-
чили оъ позаботиться о томъ по своему отъѣздѣ. Аеанасій,
какъ слышно, человекъ уклончиваго характера, въ дѣла мѣ-
шаться не любитъ; и если не сочувствовалъ посланію, то съ дру-
гой стороны вовсе не былъ расположенъ вступать изъ-за него
и самого Кирилла во вражду съ своими русокими собра-
тіями: расчеты на Аеанасія были поэтому совершенно на-
прасны, что, какъ видно, помалъ въ послѣдствіи и самъ Ки-
рилла, когда съ своимъ пастырскимъ увѣщаніемъ обратился
къ одному Софронію, минуя Аеанасія. Что касается Софро-
нія и новопоставленнаго епископа тульскаго, Сергія, то они,
конечно, готовы были всеми средствами поддерживать дѣла
Кирилла, въ которомъ лично были заинтересованы; но ихъ
собственное положеніе было такъ шатко и по отъѣздѣ Ки-
рилла такъ опасно, что имъ было только до самихъ себя.
Правда, были у нихъ союзники изъ московскихъ гражданъ,
вѣроятно тѣ же самыя, которые принимали участіе въ выво-
дѣ Кирилла; но число ихъ было слышкомъ незначительно, да
и положеніе, послѣ известнаго протеста значительнѣйшихъ
гражданъ, не таково, чтобы могли они продолжать съ преж-
нею рѣшительностію дѣйствовать въ пользу Кирилла. По
всѣмъ этимъ причинамъ, положеніе дѣла, по отъѣздѣ Кири-
лла изъ Москвы, нисколько не улучшилось; напротивъ, стало
еще хуже, какъ ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ упомяну-
тое выше письмо Сергія, изъ котораго неизвѣстно будетъ
повторить здѣсь нѣкоторыя извѣстія. Отъ 18 марта Сергіи
извѣщалъ „дѣдушку Кирилла,“ что сторонникъ его, Софро-
ній, уѣхалъ изъ Москвы и скрывается въ Казани, а оъ самъ,
Сергіи, сидитъ безъ духу, боится, какъ бы его не застрѣли-
ли; что изъ гражданъ помощниковъ у нихъ нѣтъ, а враждеб-

име Кирилла архіереи дѣлають выписки изъ правилъ, которыми проклинають его и лишаютъ власти въ дѣлахъ, касающихся русскихъ раскольниковъ, повсюду разсылають письма объ этомъ и хлопчуть даже выдать его австрійскому правительству. Такія печальныя извѣстія сообщалъ Сергіи своему „дѣдушкѣ“, спустя нѣсколько дней по отъѣздѣ его изъ Москвы. Скорѣ и самъ онъ возвратился въ Бѣлую Крилицу (въ юнѣ онъ былъ уже тамъ), вѣроятно оскобачась сидѣть безъ духу въ Россіи, и конечно привезъ не болѣе отраднаго вѣста. Правда онъ могъ сообщить, что изданіе *Окружнаго Посланія* рѣшительно не удалось, что большинство раскольниковъ не приняло его, что изъ-за него повсюду возникли сильныя волненія; но эта неудача, которой такъ желалъ Кириллъ и сѣдовѣательно пріятная для него, нисколько не улучшила его собственнаго положенія. Разрывъ съ нимъ русскихъ архіереевъ продолжался по прежнему; они писали враждебныя для него письма въ самый Бѣлокрилицкій монастырь къ своему общиннику Алимпію; мало того: Олуфрій, по утѣренію самого Кирилла, писалъ въ свою епархію, къ раскольниковымъ, живущимъ въ турецкихъ предѣлахъ, чтобы они не признавали болѣе за митрополитовъ ни Амвросіа, ни Кирилла; и такъ дѣйствительно перестали почитать ихъ на церковныхъ службахъ. Что было дѣлать Кириллу въ такомъ прискорбномъ положеніи? Какъ удержать власть, готовую совершенно ускользнуть изъ его рукъ? Вопросъ объ удержаніи особенно русскихъ старообрядцевъ въ подчиненіи бѣлокрилицкой митрополіи, для него вопросъ самой первой важности: безъ Россіи Бѣлая-Крилица ничто. Сергіи еще изъ Россіи, въ томъ же вѣснѣ 18 марта, отъ себя и отъ своихъ московскихъ общинниковъ давалъ Кириллу такой совѣтъ, что ему сѣдуетъ провозвести соборное проклетіе на *Окружное Посланіе* и изложить тѣхъ непокорныхъ ему четырехъ архіереевъ, которые подписали посланіе, и киваложеніе это, для пущей важности, совѣтовалъ окрѣпить подписью самого Амвросіа и всѣхъ единомышленныхъ Кириллу архіереевъ. Возвратившись въ Бѣлую Крилицу онъ, вѣроятно, продолжалъ настаивать на этой мысли, Кириллъ поступилъ именно такъ, какъ совѣтовалъ ему Сергіи.

20 іюня въ Бѣлокрилицкомъ монастырѣ составила заманувъ Кирилломъ соборъ. Достояна замѣчанія особенная, но все-таки напрасная, заботливость Кирилла придать этому со-

бору какъ можно больше авторитета. Онъ пригласилъ къ участию на этомъ соборѣ выборныхъ изъ ближайшихъ къ Бѣлой-Кривицѣ раскольничьихъ слободъ; но выборы эти не могли вознаградить крайней скудости лицъ священнаго сана, присутствовавшихъ на соборѣ, особенно архіереевъ, голосъ которыхъ въ настоящемъ случаѣ долженъ былъ имѣть особенно важное значеніе. А его собственнаго голоса, да голоса одного Сергія было, очевидно, недостаточно. Чтобъ вознаградить этотъ недостатокъ и придать собору высшій авторитетъ, придумали привлечь къ участию на немъ самого Амвросія, пятнадцать лѣтъ уже проживавшаго въ мѣстечкѣ Цаллѣ, въ удаленіи отъ всѣхъ раскольничьихъ дѣлъ и дѣйствительно не участвовавшего въ нихъ нисколько, и по обязательству предъ австрійскимъ правительствомъ, и, вѣроятно, по собственному отвращенію отъ нихъ, и, еще, вѣроятно, потому, что сами раскольники не видѣли никакой нужды въ его участіи. Но вотъ теперь именно встрѣтилась такая нужда: его просить утвердить составленный на бѣлокривицкомъ соборѣ актъ, сочиняютъ для него и самую форму этого утвержденія, довольно искусно составленную въ пользу Кирилла, подѣ которой ему оставалось только сдѣлать свою подпись. И онъ дѣлаетъ эту подпись, не разумѣя, конечно, къ чему и для чего подписывается. *

„Азъ смиренный первопрестольный бѣлокривицкій митрополитъ якобы присутствовалъ, хотя не тѣломъ, но духомъ, при составленіи сего соборнаго акта, пребываю во единомъ духѣ и во единомысленіи по Духу Святому съ братомъ и преемникомъ моего престола и со всѣмъ здѣшнимъ священнымъ соборомъ и въ подтвержденіи сего свидѣтельствуемъ собственноручнымъ подписомъ. 19 іюня 1863 года.“ (Подписано по-гречески: Амвросій митрополитъ.)

* Что пространная подпись, въ которой Амвросій такъ усильно выражаетъ свое единомудріе и единомысліе съ преемникомъ его престола, сочинена подѣ руководствомъ самого этого преемника въ Бѣлой-Кривицѣ, видно изъ промаховъ, допущенныхъ въ этой подписи. Въ ней Амвросій говоритъ, между прочимъ: „пребывая въ единомъ духѣ.... и со всѣмъ здѣшнимъ священнымъ соборомъ“. Пшущій въ Цаллѣ никакъ не могъ назвать бѣлокривицкій соборъ здѣшнимъ; очевидно, тутъ проговорился сочинитель, составлявшій подпись въ самой же Бѣлой-Кривицѣ. Нельзя оставить безъ вниманія и другую несообразность: соборный актъ составленъ 20 іюня, а подпись Амвросія означена 19-мъ іюня.

Это была чуть ли не послѣдняя услуга Амвросія расколу: недавно получено извѣстiе, что онъ кончилъ свою жизнь, столь обильную превратностями и приключенiями всякаго рода. Удивительна, въ самомъ дѣлѣ, судьба этого несчастнаго человѣка, который, утративъ званiе православнаго архiereя, продалъ себя въ раскольничьи митрополиты и за эту продажку долженъ былъ повѣстаться продолжительнымъ заключенiемъ, среди котораго и не задолго до смерти, искренно или не искренно, даетъ свидѣтельство, что онъ не разорвалъ-таки связей съ своею бывшею раскольничьею паствою! Но оставимъ въ покоѣ Амвросiя, котораго судить Богъ за дѣла его; посмотримъ, что это за опредѣленiя, которыя онъ скрѣпилъ своею подписью.

Въ опредѣленiяхъ блжкннцкаго собора мы видимъ послѣднiя усилiя Кирилла удержать за собою власть надъ русскимъ раскольничьимъ обществомъ и раскольничьи архiereи. Онъ подтверждаетъ еще разъ, составленное имъ въ Москвѣ, но не получившее тамъ силы, опредѣленiе противъ *Окружнаго Посланiя*, опредѣленiе, которому онъ требуетъ теперь подчиненiя отъ всѣхъ христiанъ, вездѣ обрѣтающихся, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, отлученiя отъ церкви; онъ подтверждаетъ еще разъ и другiя церковныя распоряженiя, сдѣланныя имъ въ Москвѣ; въ особенности, настоятельно подтверждаетъ запрещенiе, въ Москвѣ же постановленное, на Онуфрiя.

„Наложенное господиномъ митрополитомъ епископу Онуфрiю запрещенiе за изданiе, безъ воли митрополита, *Окружнаго Посланiя* и за конечное противленiе, презрѣнiе и невокоренiе его господину митрополиту и законодѣ за отказанiе его возвратиться въ скорости въ митрополию за нашествiя, признаемъ правильное и подтверждаемъ его существованiе до тѣхъ поръ, пока онъ очувствовался придетъ въ раскаянiе и принесетъ господину митрополиту прощенiе, съ признанiемъ своего пригрѣшенiя, а за то, что онъ писалъ въ Турцiю, дабы обоимъ митрополитовъ не поминали въ церковнослуженiи, вслѣдствiе чего въ тѣхъ мѣстахъ отложено и доднесь поминовенiе вопреки священныхъ каноновъ, его самого отнынѣ выключаемъ во всѣхъ церквахъ отъ поминовенiя.“

Наконецъ, ту же угрозу обращаетъ онъ и ко всѣмъ прочимъ архiereямъ, если они станутъ продолжать поддерживать *Окружное Посланiе*, и посему требуется отъ нихъ, чтобы въ удо-

ствованіе своего согласія съ митрополитомъ, они подписали настоящій соборный актъ, въ противномъ же случаѣ народъ не долженъ считать ихъ своими пастырями и принимать отъ нихъ священнодѣйствія. Очевидно, такимъ образомъ, что опредѣленія бѣлокриницкаго собора имѣли въ виду собственно русскихъ раскольничьихъ архіереевъ и русское раскольничье общество; нужно было поэтому сообщить его именно въ Россію, что и поручено исполнить двумъ депутатамъ, избраннымъ изъ жителей Бѣлокриницкой и Калюцкой слободъ. Депутаты снабжены были, кромѣ того, увѣщательною грамотою Кирилла, въ которой изложено дѣло объ *Окружномъ Посланіи* (этихъ изложеніемъ мы и воспользовались здѣсь), и въ заключеніе снова повторяется требованіе, чтобы никто изъ христіанъ не принималъ посланія, а равно и дѣйствій Онуфрія противъ Кирилла, да и всѣхъ враждебныхъ ему архіереевъ считать волками, а не пастырями.

Итакъ, новые документы, содержаніе которыхъ мы изложили, во многомъ разъясняютъ исторію *Окружнаго Посланія*. Мы знаемъ теперь, кто писалъ его и кто принималъ самое дѣятельное участіе въ его изданіи; узнаемъ, что дѣло объ изданіи его тянулось не мало времени и въ самомъ началѣ встрѣтило уже препятствія; что въ тѣсной связи съ нимъ находился и пріѣздъ митрополита Кирилла въ Москву и всѣ послѣдовавшія потомъ и доселѣ продолжающіяся волненія у раскольниковъ, между которыми самое важное мѣсто принадлежитъ раздѣленію, возникшему между бѣлокриницкою митрополіей и русскими раскольничьими архіереями. Изъ разсмотрѣнныхъ документовъ видно также, какой сильной степени достигло это раздѣленіе, въ которомъ та и другая сторона дѣйствуютъ другъ противъ друга угрозами и проклятіями. Самые документы эти направлены именно къ тому, чтобы какъ-нибудь прекратить такое прискорбное положеніе дѣла, они представляютъ, какъ мы сказали выше, послѣднее усиліе, послѣдую попытку со стороны бѣлокриницкаго митрополита возстановить свою власть между русскими старообрядцами, власть, какъ кажется, окончательно поколебленную. Что же? Имѣла ли успѣхъ эта попытка? Какъ приняли актъ бѣлокриницкаго собора раскольничьи архіереи въ Россіи и раскольничье общество? Удачно ли идутъ требуемыя имъ подписи? Опредѣленныхъ извѣстій объ этомъ мы доселѣ не имѣ-

емъ. Тѣ статьи этого акта, которыя касаются собственно *Окружнаго Посланія*, которыя требуютъ, чтобы старообрядцы не принимали его, надобно ожидать, съ удовольствіемъ встрѣчелы всеми упорными раскольниками, возставшими противъ *Посланія* и безъ совѣта Кирилла, по одному невѣжественному фанатизму, въ которомъ, какъ оказывается, не уступаетъ имъ и самъ глава ихъ новой іерархіи; эти статьи представляются даже ивѣстными послѣ того, какъ и сами раскольничьи архіереи, уступая невѣжественному фанатизму своей паствы, издали въ Москвѣ *Соборное опредѣленіе на Окружное Посланіе*, ослабляющее всю силу послѣдняго,—опредѣленіе, подъ которымъ подписались не только Антоній (при этомъ во второй разъ отказавшійся отъ *Посланія*, которое дважды подтверждалъ своею подписью), но и самъ горячій защитникъ его—епископъ Онуфрій. Казалось бы, нужно ожидать послѣ этого, что и вражда между бласкрянцкимъ митрополитомъ и подчиняемыми ему епископами, поводомъ къ которой послужило главнымъ образомъ *Окружное Посланіе*, должна угаснуть, следовательно, и въ этомъ отношеніи опредѣленія бласкрянскаго собора должны, повидимому, имѣть успѣхъ. И, однакожь, здѣсь-то всего менѣе можно ожидать для нихъ успѣха. *Посланіе* могло служить не болѣе какъ поводомъ къ враждѣ; но основаніе ея лежитъ гораздо глубже, быть можетъ въ пробудившемся у старообрядцевъ сознаніи лжности самаго источника австрійской іерархіи или во крайней мѣрѣ въ сознаніи ненормальности подчиненныхъ отношеній обширнаго общества всѣхъ русскіхъ старообрядцевъ митрополиту, живущему въ чужой странѣ. И хотъ намъ, повторяемъ, опредѣленно неизвѣстно, какъ принять въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ соборный актъ, посредствомъ котораго Кириллъ усиливается возстановить свои прежнія, мирныя и столь выгодныя для него отношенія къ русскимъ епископамъ; но навѣрное можемъ сказать, что вражда къ нему раскольничьихъ архіереевъ продолжается и что само раскольничье общество находится доселѣ въ самомъ странномъ, двусмысленномъ отношеніи къ своему духовенству—и русскому, и заграничному: одни не признаютъ Кирилла, другіе Антонія съ братіей, третьи ни того ни другаго, да и на низшее духовенство, на поповъ своихъ, смотритъ крайне подозрительно,—и между принадлежащими къ каждой изъ этихъ сторонъ происходятъ самыя горячіе споры. Однимъ словомъ преж-

ная неурядица не утихла ни мало, если только не приняла еще болѣе широкихъ размѣровъ и Богъ знаетъ, къ чему приведетъ она раскольниковъ. Во всякомъ случаѣ мы должны повторить еще разъ, что въ расколѣ происходятъ замѣчательныя явленія и тѣмъ, которые поставлены на стражѣ Церкви, нужно очень внимательно присматриваться къ нимъ.

Н. С—НЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ *Католичество въ Россіи* въ десятой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* вкрались слѣдующія опечатки:

На стран. 759, строка 21 сл. напечатано: *Изяславу Изяславичу*; вмѣсто *Изяславу Ярославичу*; и на стран. 776, строка 9 сл. *Аксакиеть* вмѣсто *Аксакиеть*.

Вышелъ и продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцовъ
МОСКВЫ:

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ

В. ПУТЦА.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Переводъ Л. Чацкина.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ЭТОГО ВЫПУСКА СЛѢДУЮЩЕЕ:

КНИГА ПЕРВАЯ. ВОСТОКЪ. Общая характеристика Востока (по Шольцу).

I. ЕВРЕИ. (Одннадцать статей по Лебелю, Эвальду, Дункеру и друг.)

II. ФИНИКІЯНЕ. (Пять статей по Моверсу, Гфререру, Кизелю и друг.)

III. ВАВИЛОНЯНЕ и АССИРІЯНЕ. (Три статьи по Дункеру и Гфререру)

IV. ИНДЫ. (Три статьи по Лассему, Бенфею и Шнаазе).

V. БАКТРЫ и МИДЯНЕ. (Четыре статьи по Лассему, Деллагеру и друг.)

VI. ПЕРСЫ. (Девять статей по Лебелю, Дункеру, Гееру, Раумеру, Веберу и друг.)

VII. ЕГИПТЯНЕ. (Девять статей по Буазену, Риттеру, Улеману и Шнаазе.)

VIII. КАРФАГЕНЯНЕ. (Четыре статьи по Классу, Галтаусу, Веберу и Гееру.)

КНИГА ВТОРАЯ. ГРЕЦІЯ. Введеніе. (Три статьи по Якобсу, Гефтеру и Лебелю).

Второй выпускъ печатается. Въ него войдутъ и оригинальныя статьи русскихъ историческихъ писателей.

ЦѢНА ПЕРВАГО ВЫПУСКА 80 КОП. СЕР.

Съ требованіями не менѣе 10 экземпляровъ обращаться въ Москву, въ типографію Э. В. Миллера, у Харитонія, въ Машковскъ переулокъ, гдѣ, смотря по требуемому количеству экземпляровъ, уступается отъ 20 до 25⁰/₁₀₀.

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

ИЗЪ БІОГРАФІИ ГРАФА СИВЕРСА.

Однимъ изъ первыхъ проектовъ графа Сиверса, въ бытность его новгородскимъ губернаторомъ, было новое областное подраздѣленіе его губерніи, такъ какъ старое заключало въ себѣ нѣсколько явныхъ несообразностей *. Сиверса поражало ненормальное отношеніе губернскаго города къ своимъ „провинціямъ“ и уѣздамъ: этотъ административный и судебный центръ нерѣдко отстоялъ отъ нихъ гораздо дальше чѣмъ главные города другихъ губерній. Отсюда происходили попятныя неудобства для жителей отдаленныхъ краевъ: дѣла поневолю терпѣли застой, мѣстный

* Известно, что Петръ I вмѣсто московской областной системы раздѣлилъ Россію на 8 „губерній“, въ 1708 г. Потомъ это дѣленіе нѣсколько разъ измѣнялось. Въ 1719 г. Петръ передѣлилъ государство на 11 губерній, и подраздѣлилъ ихъ на „провинціи“, а провинціи на уѣзды. Преемники Петра не разъ производили новыя измѣненія въ ихъ составѣ, такъ что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, число губерній возрасло до 20. Новгородская губернія, одна изъ самыхъ огромныхъ, простиралась отъ польской границы или отъ Бѣлороссіи до береговъ Бѣлаго моря, и имѣла въ длину 1150 верстъ, а въ ширину 600. Населеніе ея однако не превы-

производъ не стѣснялся высшимъ надзоромъ, а судейскія злоупотребленія давали полную возможность обижать людей смирныхъ. Сиверсъ провелъ нѣсколько ночей надъ сочиненіемъ новаго областнаго дѣленія. Новгородскій уѣздъ онъ предполагалъ раздробить на нѣсколько уѣздовъ, и между прочимъ совѣтовалъ образовать новые уѣздные города изъ двухъ значительныхъ селъ, Валдая и Вышняго Волочка, обративъ крестьянъ и ямщиковъ въ горожанъ и прибавивъ къ нимъ нѣсколько иностранныхъ колонистовъ для развитія ремеселъ и фабрикъ. Представая этотъ проектъ императрицѣ, губернаторъ присоединилъ къ нему картушу будущаго благоденствія и сравнилъ Екатерину въ великихъ историческихъ дѣятеляхъ. „Ремесла, торговля и, можетъ-быть, искусства процвѣтутъ тамъ, гдѣ были извѣстны только плугъ и неводъ. Что дѣлали Траянъ, Титъ и Автонинъ, то же, и еще болѣе, сдѣлаетъ моя государыня; пусть всѣ ея подданные вѣрятъ этому такъ, какъ ея новгородскій слуга.“

Сиверсъ, и послѣ того, довольно долго и усердно работалъ надъ своимъ планомъ областнаго дѣленія, сообщая императрицѣ время отъ времени его измѣненія и дополненія. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что началъ отнимать всякое значеніе у своего губернскаго города. Онъ напалъ на Новгородъ, по поводу своихъ размышленій о сообщеніи между Москвою и Петербургомъ. Вотъ его мысли. Очень далекое разстояніе столицъ другъ отъ друга составляетъ большое неудобство для государства. Надобно провести между ними дорогу по прямой линіи. Выгоды отъ этого будутъ такъ велики, что передъ ними ничего не значитъ вредъ причиняемый одному городу, „который даже и имени города болѣе не заслуживаетъ“. (Вотъ до чего дожилъ въ XVIII вѣкѣ Великій Новгородъ!) Обращенный изъ губернскаго города въ провинціальный, вдали отъ большой дороги, Новгородъ останется при своемъ укусѣ и лукѣ и, конечно, потеряетъ

шло 850.000. Она дѣлилась на пять провинцій: Новгородскую, Тверскую, Псковскую, Бѣлозерскую и Великолуцкую, которыя заключали въ себѣ до 30 уѣздовъ. Распределеніе населенія по уѣздамъ было чрезвычайно несообразное. Напримѣръ, Новгородскій уѣздъ имѣлъ 253.000 жителей, а какой-нибудь Вревскій только 1731. Несообразность эта бросается въ глаза особенно въ томъ отношеніи, что провинціальный штатъ во всѣхъ уѣздахъ былъ приблизительно одинъ и тотъ же.

всякое значеніе, но о возстановленіи его не стоить думать. Легче построить два новыхъ города тамъ, гдѣ дорога пересѣчетъ Волховъ и Мсту, нежели поднять Новгородъ. Провинціи тогда будутъ ближе къ надзору верховной власти, и все пойдетъ лучше; жители будутъ больше заниматься дѣломъ и заводятъ мѣтѣ тяжбъ; сообщеніе съ столицами обитателями смягчитъ ихъ нравы; а теперь они изъ своихъ угловъ смотрятъ на Петербургъ какъ на конецъ свѣта, и т. п.

Проекты Сиверса императрица передавала на разсмотрѣніе сената; но сенатъ откладывалъ ихъ въ долгій ящикъ. Часть его плановъ впрочемъ осуществилась спустя десять лѣтъ, при новомъ дѣленіи Россіи на губерніи. А желаніе Сиверса оставить Новгородъ въ сторонѣ отъ прямаго сообщенія между столицами исполнилось въ наши времена, при постройкѣ желѣзной дороги.

Вообще въ проектахъ Сиверса нерѣдко высказывается государственнѣйшій человѣкъ, который вѣрить въ возможность создавать народное благосостояніе перестановкою административныхъ пунктовъ, прямолинейными дорогами и симметрическимъ распредѣленіемъ областей, и которому нѣтъ дѣла до историческихъ условій, до русскаго прошедшаго. Для передовыхъ государственныхъ людей того времени, особенно для людей не русскаго происхожденія, наше прошедшее не восходило далѣе Петра I; а новгородская старина представлялась имъ явленіемъ, не только утратившимъ всякое значеніе, но и чуть ли не вреднымъ для внутренняго спокойствія имперіи. Не забудемъ, что это была та эпоха въ исторіи, когда на европейскомъ континентѣ водворились идеи административной централизаціи и такъ-называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“. Въ связи съ планами областнаго передѣла мы встрѣчаемъ и первыя попытки новгородскаго губернатора къ болѣе близкому знакомству съ своими провинціями и особенно съ ихъ путями сообщенія.

Вообще дѣятельный, благонамѣренный Сиверсъ не былъ изъ числа тѣхъ администраторовъ, которые энергію свою главнымъ образомъ устремляютъ на очистку бумагъ. Уже съ первыхъ мѣсяцевъ своего губернаторства онъ жаловался императрицѣ, что еще не знаетъ вѣрнѣшаго ему края.

наконецъ въ томъ 1766 года ему удалось совершить большое путешествіе, для обозрѣнія сѣверовосточной полосы Новгородской губерніи. Путешествіе это Сиверсъ предпринималъ изъ столицы, гдѣ онъ получалъ отъ Екатерины личныя наставленія. 24 іюня онъ отъѣзжалъ ей въ Петергофъ; а на слѣдующій день выѣхалъ по петербургско-архангельской большой дорогѣ. Отчетъ о своей поѣздкѣ онъ послалъ императрицѣ въ видѣ дневника, о содержаніи котораго мы постараемся дать понятіе, на сколько это позволяютъ отрывочныя выдержки, приведенныя въ книгѣ Баума.

Страну около Ладожскаго канала Сиверсъ нашелъ очень малолюдною и почтовые станціи въ этой мѣстности въ плохомъ состояніи. Въ Новой-Ладогѣ онъ осматривалъ работы по каналу, который имѣлъ такое важное значеніе для государства. Иностранная торговля Россіи и самое существованіе Петербурга, по замѣчанію Сиверса, зависятъ отъ извѣстнаго уровня воды въ Ладогѣ, безъ котораго ни одна барка не можетъ до Петербурга. Тамъ же, въ Новой-Ладогѣ, онъ полюбился прекрасною полковою церковью и двумя школами, заведенными при Суздальскомъ полку его знаменитымъ командиромъ, Суворовымъ. Одна школа назначена была для дворянскихъ дѣтей, другая для солдатскихъ; ученики дворянской школы дали въ честь губернатора представленіе какой-то комедіи. Подобными упражненіями Суворовъ старался развить въ нихъ ловкость и хорошія манеры. Путешественникъ осматривалъ также полковую конюшню и садъ, который Суворовъ сумѣлъ развести на песчаной, бесплодной почвѣ.

„29-го, послѣ обѣда, пишетъ Сиверсъ, я переправился черезъ Волховъ и поѣхалъ вдоль новаго Сясскаго канала, который долженъ соединить Сясь съ Волховомъ, чтобъ облегчить доставку строительныхъ матеріаловъ въ Петербургъ“. Дневникъ нашего путешественника добросовѣстно исчисляетъ рѣчки, переправы и свойства почвы, но къ сожалѣнію скупъ на замѣтки о населеніи. „Отъ Сяси версты на двѣ почва представляетъ чистый песокъ, а на правой сторонѣ лежитъ большое болото. Берега Вороновки нѣсколько обработаны; далѣе до рѣки Паша страна большею частію пустынна. За десять верстъ отсюда переѣхали рѣку Оать, около погоста Сермакса. Потомъ дорога идетъ по песчаной глуши на село Заостровье, которое лежитъ на Свири.

За три версты далѣе, у погоста Горка, находится переправа черезъ Свирь, паденіе которой, по моему мнѣнію, сильнѣе волховскаго. Я проплылъ десять верстѣй вверхъ по рѣкѣ, а экипажъ свой послалъ въ объѣздъ. Въ жизнь свою я не видалъ столько дикихъ утокъ“. Губернаторъ заѣхалъ въ Александровскій монастырь и посѣтилъ здѣсь епископа Олонцакаго и Каргопольскаго. „Монастырь лежитъ на красивомъ озерѣ съ очень извилистыми берегами. Прекрасно насаженная березовая роца и сосновый боръ, гдѣ святой покоился въ маленькой обители, по моему мнѣнію составляютъ одно изъ чудесъ его наслѣдниковъ. Здѣсь живетъ на покаяніи графъ Бестужевъ, сынъ недавно умершаго канцлера; думаютъ, что на него уже начала дѣйствовать сила святыхъ, потому что онъ стыдится показываться людямъ.

„Проѣхавъ 38 верстѣй далѣе, достигъ я Олонца. Первые 28 верстѣй пролегаютъ по непрерывному еловому лѣсу; тѣмъ пріятнѣе кажутся послѣдніе десять вдоль рѣки Магерки, которая дѣлаетъ много изгибовъ и съ обѣихъ сторонъ окаймлена домами или полями. Почва кругомъ ровная, плодородная и хорошо обработана.

„2-е іюля я пробылъ въ Олонцѣ, а 3-го рано утромъ уѣхалъ, и къ полдню былъ у епископа (т.-е. опять въ Александро-Свирскомъ монастырѣ); онъ проводилъ меня къ священнику. У послѣдняго я встрѣтилъ флотскаго капитана Іохимсона, который начальствуетъ верфью въ Лодейномъ Полѣ. Съ нимъ и въ его лодкѣ я поднялся верстѣй десять вверхъ по Свири къ Лодейному Полю, и нашелъ тамъ въ бухтѣ два пакетбота, вновь спущенные со степеней. Это была первая верфь, заведенная Петромъ Великимъ, когда онъ задумалъ утвердиться въ Остѣ-зейскомъ морѣ. Онъ часто и подолгу бывалъ здѣсь, чтобъ ускорять постройки. Не малымъ удовольствіемъ для меня было увидѣть въ бухтѣ двѣнадцать судовъ, которыя пришли сверху и ожидали „свидѣтельства“.

На слѣдующій день Сиверсъ отправился далѣе. Дорога шла параллельно съ рѣкою Свирью, по песчаной, холмистой и лѣсистой мѣстности, оживляемой свѣтлыми озерами. Иногда открывались превосходные виды, и нашъ путешественникъ не разъ припоминалъ Швейцарію и Италію. Но сторона эта довольно пустынная, и лишь изрѣдка встрѣчались деревеньки и обработанные поля. Около южнаго прибрежья

Онежскаго озера деревеньки слѣдвали чаще и почва болѣе обработана. На рѣкѣ Ошгѣ губернаторъ останавливался у одного олонеккаго мѣщанина, который, „хотя былъ раскольникъ, выстроилъ себѣ однако красивый новомодный домикъ.“

6-го іюля Сиверсъ достигъ станціи Вытегры, лежавшей на рѣкѣ того же имени. „Тутъ живутъ многіе мѣщане; занимающіеся земледѣліемъ. Послѣ обѣда я сѣлъ въ лодку и проплылъ пять верстъ внизъ до Вянгимской пристани, гдѣ находится также верфь и строятся гальоты; здѣсь ведется довольно живая торговля, потому что грузятъ многіе товары для Петербурга, особенно хлѣбъ. Я даже нашелъ тамъ полотняную фабрику въ 32 ткацкихъ станка, которая заведена назадъ тому три года. Кромѣ того есть два свѣчные завода. Пристань находится въ 15 верстахъ отъ Онежскаго озера, котораго южные берега, также какъ и Ладожскаго, низменны, болотисты и часто подвергаются наводненіямъ.

„Такъ какъ въ Вытегрѣ по моему предложенію должна быть учреждена канцелярія, чтобъ облегчить судопроизводство для жителей этого отдаленнаго края, то я думаю, что лучшимъ мѣстопробываніемъ для судьи была бы пристань. Въ такомъ случаѣ надобно перевести сюда и станцію Архангельской дороги, и такъ какъ это мѣсто лежитъ почти на половинѣ пути между Ладогой и Каргополомъ, то здѣсь можно было бы учредить и почтамтъ.* Какъ жаль, что Вытегра имѣетъ такое быстрое теченіе. Петръ Великій думалъ провести чрезъ неѣ сообщеніе между государствомъ и столицей; но онъ нашелъ, что теченіе Вытегры слишкомъ сильно и мелководно.

„7-го іюля я былъ въ Вытегрѣ до обѣда задержанъ многими жалобами.“

Слова эти очень естественно затрогиваютъ любопытство читателя; онъ ожидаетъ узнать какія-либо подробности о жалобахъ, въ которыхъ, конечно, отражались интересы и нужды мѣстнаго населенія. Но подобное обстоятельство, очевидно, было для путешественника не на первомъ планѣ. Главное вниманіе его обращено было на водныя

* Спустя нѣсколько лѣтъ, имѣло Вянгимская пристань и была обращена въ городъ Вытегру.

сообщенія и особенно на тѣ сообщенія, которыя имѣлъ въ виду еще Петръ Великій. Тутъ образъ Петра постоянно носится передъ глазами нашего губернатора, и его слова проникнуты благоговѣніемъ къ памяти преобразователя. Онъ съ умиленіемъ говоритъ о томъ, что въ Вытегрѣ обѣдалъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ Петръ бывалъ до семи разъ, между прочимъ и тогда, когда ѣздилъ съ Екатериною на Олонецкія желѣзные воды. Достигнувъ Ладожской пристани, на р. Ковжѣ, Сиверсъ остановился здѣсь на некоторое время для осмотра мѣстности, интересной по отношенію къ водянымъ сообщеніямъ. Изъ разказовъ жителей, онъ узналъ, что прежде за четыре версты выше на рѣкѣ была другая пристань, но что она теперь оставлена, вслѣдствіе притѣсненій одного майора гвардіи, предъявившаго притязанія на сосѣдную землю. Такимъ образомъ вологодскіе и бѣлозерскіе купцы, посылавшіе этою дорогою въ Петербургъ много юфты и овса, принуждены были ее оставить. Далѣе, онъ узналъ, что страна, лежащая по сосѣдству, ровная, низменная и болотистая; что рѣчки имѣютъ здѣсь чрезвычайно тихое теченіе, и слѣдовательно мѣстность эта очень удобна для проведенія каналовъ, которые должны соединить Бѣлое озеро съ Онежскимъ.* Объ этомъ думалъ еще и Петръ Великій; самые пожилые изъ окрестныхъ обитателей признались Сиверсу, что сельскіе старшины въ тѣ времена отклонили офицеровъ, посланныхъ для изслѣдованій, частію ложными показаніями, а частію денежными приношеніями: крестьяне боялись, „что ихъ будутъ употреблять на работы бесплатно.“ Сиверсъ попытался было подняться водою вверхъ по одной рѣчкѣ, впадающей въ Ковжу, но не могъ проплыть далѣе трехъ верстъ по причинѣ запруды. Онъ съѣздилъ взглянуть на озеро Ковжу. Берега озера, изрѣзанные мысами и бухтами, очень оригинальны. „Петръ Великій посѣтилъ его, когда думалъ провести тутъ водяное сообщеніе. Но его повели не настоящею дорогою. Относительно соединенія рѣчки Маткама съ Альмозеро онъ положился на другихъ, которые и доставили ему ложныя извѣстія. Въ архивахъ стоило бы отыскать карты, составленныя по поводу этого сообщенія, особенно карты знаменитаго Англичанина Перри, который участвовалъ въ

* Тамъ проходитъ теперь Маріинская система каналовъ.

изсѣдованіяхъ, и вскорѣ потомъ, недовольный, покинулъ Россію.“

Посѣтивъ окрестности озера Ковжи, въ сопровожденіи одного помѣщика, майора Алексѣева, губернаторъ отправился далѣе. Такъ какъ предстояла самая дурная, каменистая часть дороги, то онъ послалъ свой экипажъ въ объѣздъ, а самъ пустился верхомъ на лошади, которою снабдилъ его Алексѣевъ. Сиверсъ проѣхалъ до слѣдующей станціи около 20 верстъ, одинъ, по непрерывному бору, служившему въ старыя времена весьма удобнымъ притономъ для разбойниковъ. „Около полуночи, пишетъ онъ, я былъ пріятно пробужденъ изъ своихъ размышленій, въ тишинѣ мрачнаго лѣса, журчаніемъ воды въ порогахъ рѣки Кемы. Почва здѣсь удивительно камениста, однако хорошо обработана; на поляхъ лежатъ цѣлыя холмы камней, кромѣ тѣхъ, которыми обложены полевые межи. Эта мѣстность заселена маленькими деревнями и извѣстна подъ именемъ Слободской.“

Вечеромъ 9-го іюля онъ достигъ Каргополя. Еще на послѣдней станціи губернаторъ былъ встрѣченъ воеводой и почетнѣйшими гражданами; а на подѣ передъ городомъ его ожидали всѣ жители. Но городъ представлялъ печальное зрѣлище: мусора и запустѣнія, вслѣдствіе недавняго пожара Сиверсъ остановился въ домѣ бургомистра. На слѣдующій день онъ созвалъ вмѣстѣ съ магистратомъ и погорѣвшихъ жителей, показалъ имъ высочайше утвержденный планъ новой постройки города съ нумерованными домами, и предоставилъ имъ выбирать нумера и записываться на постройку, пока онъ съѣздитъ въ Онежскую гавань. Граждане единодушно отвѣчали, что они не въ состояніи выводить каменные подвалы со сводами, а также платить деньги за наемъ каменныхъ лавокъ, потому что торговля ихъ для этого слишкомъ ничтожна. Губернаторъ нашелъ ихъ представленія основательными, и разрѣшилъ ограничиваться однимъ фундаментомъ изъ бѣлыхъ плитъ, на аршинъ отъ земли; отложилъ также и вопросъ о каменныхъ лавкахъ. Екатерина и Сиверсъ, старались, чтобы, при возобновленіи строеній послѣ пожаровъ, какъ можно болѣе распространять каменные постройки. Но исполненіе ихъ плана находило большія препятствія въ бѣдности

городовъ и, по всей вѣроятности, еще не меньшія въ самыхъ привычкахъ жителей.

Въ Каргополѣ, Сиверсъ оставилъ почтовую дорогу; и поплылъ по рѣкѣ Онегѣ къ ея устью. Онъ хотѣлъ взглянуть на вновь открытую тамъ гавань и на заведенія англійскаго купца Гома, получившаго привилегію на лѣсную торговлю.

Плаваніе по Онегѣ было безпокойно, по причинѣ дурнаго устройства мельничныхъ плотинъ и множества пороговъ. На одномъ изъ притоковъ ея путешественникъ осмотрѣлъ устроенную Гомомъ пильную мельницу въ четыре рамы; она дѣйствовала лѣтомъ и зимой, и отлично пилила доски. Здѣсь надобно было взять лодмана для Бирючевскихъ пороговъ, которые считаются самыми опасными. Теченіе рѣки между ними весьма извилистое и стремительное; дно ея усыяно камнями, а берега высокіе, обрывистые и заросшіе лѣсомъ. Въ два часа Сиверсъ проплылъ 28 верстъ. „Отъ Бирючева рѣка еще на 25 верстъ очень быстра; потомъ она идетъ безъ особенной быстрины до мѣста, называемаго Порожки. На половинѣ этой дороги я проѣхалъ мимо погоста Турчесова, гдѣ прежде былъ городокъ, отъ котораго осталась деревянная башня, если только разказы о ней жителей справедливы: почти невѣроятно, чтобъ она могла сохраниться со времени литовскаго раззоренія, т.-е. съ эпохи самозванцевъ. Я всходилъ на колокольню, и смѣло могу сказать, что окрестности очень красивы. Весною рѣка выходитъ изъ своихъ высокихъ береговъ и оплодотворяетъ дуга; а отъ ихъ качества зависитъ и плодородіе полей, потому что безъ скотоводства и большаго удобренія поля, начиная отъ Каргополя, ничего бы не производилъ. Между тѣмъ, я долженъ сознаться, что видѣлъ почти не видалъ такихъ хорошихъ хлѣбовъ, какъ вдоль Онеги; берега ея, за исключеніемъ части занятой Бирючевскими порогами и Порожками, почти все обработаны, и деревни по самой наружности своей показываютъ достаточное состояніе жителей. У многихъ крестьянъ я нашелъ бумажные обои. Порожки не такъ опасны, какъ Бирючевскіе пороги, однако суда много страдаютъ при неискусныхъ лодманахъ. Это я испыталъ на себѣ, когда лодманъ посадилъ насъ на камень, отчего сдѣлалась течь; лодка съ остальными моими людьми налетѣла на нашу, и опрокинулась, такъ что

люди были спасены съ трудомъ. Не доѣзжая верстъ десять до Устьянскаго, которое составляетъ послѣднее населеніе на Онегъ и отстоитъ отъ ея устья за пять верстъ, я почувствовалъ отливъ Бѣлаго моря. Такъ какъ было уже темно, а вода низка, то я принужденъ дожидаться дня и вмѣстѣ прилива, съ которымъ 15-го числа поплылъ далѣе, и такимъ образомъ счастливо достигъ Онежской гавани. Я съ большимъ удовольствіемъ увидалъ три большіе трехмачтовые корабли, только что оснащенные, которые выстроены здѣсь вмѣстѣ съ другими тремя, стоявшими уже на рейдѣ и нагружавшимися. На лѣвой рукѣ устроены ступени, а на правой лежитъ село Устьянское, обитатели котораго, конечно по собственной винѣ, живутъ бѣдно. * Подлѣ него находятся зданія Гомовой конторы; онѣ представляютъ рядъ хорошихъ деревянныхъ домовъ. Къ нимъ примыкаетъ устроенный Гомомъ заводъ для приготовленія снастей, состоящій подъ управленіемъ отличнаго англійскаго мастера. Этотъ заводъ доставляетъ снасти не только для шести выстроенныхъ здѣсь кораблей, но и для другихъ, приходящихъ сюда, и посылаетъ еще два корабельныхъ груза въ 8,000 пудовъ въ Испанію. Вообще, онъ можетъ изготовить до 30,000 пудовъ въ годъ. Половина матеріала получается изъ Вологды. Эта отрасль торговли могла бы со временемъ очень усилиться, особенно если пенька направится въ эту сторону. На другомъ берегу, позади ступеней, стоятъ двѣ Гомовы лѣсопильныя мельницы, каждая въ восемь рамъ. Еще мельница въ четыре рамы находится выше на томъ же притоцѣ, такъ что у него всего на Онегѣ 24 рамы. Доски выпиливаются не очень большія; сравнительно онѣ довольно дороги, и повидимому сдѣлаются еще дороже. Крестный островъ, гдѣ собственно находится гавань или рейдъ и гдѣ грузятся корабли, лежитъ въ 10 верстахъ отъ Онежскаго устья и сѣдовательно въ 15 отъ будущаго города Онега.“

Коммиссіонеръ Гома, Бокъ, проживавшій лѣтомъ на островѣ, при извѣстіи о прибытіи губернатора, немедленно къ нему явился. Они вмѣстѣ поплыли на рейдъ; версты за

* По какой именно винѣ, губернаторъ не говоритъ. По всей вѣроятности, онъ подразумеваетъ здѣсь пресловутую русскую безпечность. Изъ этого села Устьянскаго образовался потомъ городъ Онега.

двѣ до него Сиверсъ пріятно пораженъ былъ видомъ флота болѣе чѣмъ изъ 30 трехмачтовыхъ кораблей. Самый островъ оказался живописною скалою, на которой расположенъ небольшой монастырь, окруженный еловою рощей *, подлѣ него видѣлось нѣсколько домовъ и магазиновъ Гома. На одной сторонѣ острова находилась бухта, представлявшая хорошую якорную стоянку, защищенную съ моря цѣпью маленькихъ острововъ; она наполнялась водою только во время прилива, и была вообще дорогимъ подаркомъ для сосѣдняго края, потому что безъ нея невозможно было бы грузить корабли и сплавлять дѣся.

Губернаторъ ужиналъ въ обществѣ тридцати капитановъ стоявшихъ на рейдѣ судовъ; они были по большей части Англичане, и съ удовольствіемъ видѣли въ немъ своего полуземляка. (Въ молодости Сиверсъ долго жилъ въ Англіи, всегда сохранялъ къ ней большую привязанность и, повидимому, прекрасно говорилъ по-англійски.) На слѣдующее утро онъ всходилъ на бортъ трехъ кораблей, изъ которыхъ два были выстроены на Онегѣ, а третій, принадлежавшій также Гому, приплылъ изъ Индіи. Сиверсъ воротился опять на островъ, гдѣ его ожидало остальное общество, и отсюда предпринималъ обратное плаваніе въ устье Онеги. Прибытіе и отъѣздъ губернатора корабли салютовали дюжиной пушечныхъ залповъ.

На другой день (17-го іюля), Сиверсъ еще разъ объѣхалъ верхомъ окрестности, чтобъ изслѣдовать мѣсто, на которомъ долженъ воздвигнуться будущій городъ. Съ наступленіемъ прилива онъ поднялся на семь верстъ вверхъ по рѣкѣ до вновь строящейся дѣсопильной мельницы, въ сопровожденіи всей англійской колоніи. Тутъ онъ пообѣдалъ, простился съ Англичанами, и поѣхалъ верхомъ до лодки, которую отправилъ впередъ дожидаться его за Порожками. „Я долженъ былъ проскакать 18 верстъ по дорогѣ, по которой никогда не проходило колесо. Время отъ времени долетавшій до меня рокотъ быстрины производилъ пріятное впечатлѣніе“. Губернаторъ возвращался изъ своего далекаго путешествія по видимому въ хорошемъ

* Этотъ Крестный монастырь основанъ патріархомъ Никономъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда поставилъ крестъ послѣ своего спасенія отъ бури, застигшей его во время плаванія изъ Анзерскаго скита.

настроеніи, которое навѣяли на него дикія красоты нашихъ сѣверныхъ пустынь и цвѣтущій видъ англійской колоніи Гома.

„19-го вечеромъ. Бирючево. Между тѣмъ какъ работники (тянувшіе лодку) отдыхали, я наслаждался зрѣлищемъ богатой природы; тутъ росли черная и красная смородина, малина, дикія розы, отличная трава, красивыя березы и лиственница. Изъ посаднаго дерева я вырѣзалъ себѣ трость; его запрещено рубить, потому что оно сохраняется адмиралтействомъ для кораблестроенія. Стволъ его очень высокъ, прямъ и толстъ, какъ ель, и имѣетъ такія же шишки, которыя зимою опадаютъ; оно цѣнится почти какъ дубъ. За 110 верстъ отъ Каргополя эта порода пропадаетъ. Она растетъ на влажной, жирной почвѣ, пускаетъ глубокіе корни и посредствомъ сѣянія могла бы хорошо размножаться въ нашихъ странахъ.“ Остальную часть обратной дороги до Каргополя Сиверсъ проѣхалъ также отчасти въ лодкѣ, а отчасти верхомъ или на саняхъ; колеса въ томъ краю не употребляются, по причинѣ гористой почвы.

Въ Каргополѣ, какъ и въ первый пріѣздъ, онъ занялъ преимущественно планомъ города. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Сиверсъ замѣчаетъ, что знакомство съ мѣстностію, жителями и ихъ средствами подало ему поводъ произвести нѣкоторыя перемѣны въ одобренномъ ею планѣ, и онъ надѣется на подтвержденіе этихъ перемѣнъ, предпринятыхъ ради общественнаго блага. Онъ увѣренъ, что, благодаря щедрости императрицы, черезъ три года въ Каргополѣ не останется и слѣдовъ пожара, и сожалѣтъ только о томъ, что здѣсь, посреди лѣта, приходится потирать руки отъ холода и топить каминъ.

Изъ Каргополя, путешественникъ проѣхалъ по озерамъ Лаче и Воже, посѣтилъ Бѣлозерскъ, Устюжну и находился въ Боровичахъ въ то время, когда услышалъ, о большомъ пожарѣ въ Торжкѣ. Онъ тотчасъ посѣшилъ на мѣсто бѣдствія, и нашелъ обгорѣлою всю середину города, т. е. лучшія улицы, съ ратушею и гостинными рядами. „Усердіе жителей, пишетъ онъ императрицѣ, слѣдовать желаніямъ Вашего Величества въ планѣ новыхъ построекъ усугубило мою горестъ, возбужденную видомъ дымящихся развалинъ. Какъ скоро планъ будетъ готовъ, я представляю его на

утвержденіе въ сенатъ, и нисколько не сомнѣваюсь въ щедромъ вспоможеніи отъ моей монархини. Этотъ городъ тѣмъ болѣе достоинъ такой милости, что я нашелъ въ немъ предпочтительно передъ другими духъ порядка, согласія и промышленности. Въ хорошіе годы онъ посылаетъ до 200 барокъ въ Петербургъ.“

Замѣчательно здѣсь по нашему мнѣнію то обстоятельство, что послѣ большихъ пожаровъ одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени главнымъ образомъ хлопочетъ о планѣ новыхъ построекъ и о вспоможеніи для нихъ изъ казны. Мы не видимъ, чтобъ его занимали вопросы о причинахъ столь частыхъ пожаровъ, т. е. были ли они постоянно слѣдствіемъ неосторожности и несчастныхъ случайностей, или дѣло не обходилось безъ поджоговъ; а въ такомъ случаѣ, кто были поджигатели и какія побужденія ими руководили. Второе обстоятельство, бросающееся въ глаза — это преобладающая забота о столицѣ и опасеніе, чтобы, воздвигнутая въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, она не очутилась въ затруднительномъ положеніи. Провинціи оцѣниваются не сами по себѣ, а прежде всего по отношенію къ столицѣ, т. е. по скольку онѣ доставляютъ ей хлѣба и другихъ необходимыхъ матеріаловъ. Этой заботѣ, какъ извѣстно, мы обязаны нашею системою каналовъ.

Проѣзжая Валдай, Сиверсъ полюбовался красивымъ положеніемъ будущаго города; а Вышній Волочокъ конечно завялъ его какъ узелъ воднаго сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ.“

Въ концѣ августа того же года мы находимъ губернатора въ Твери. Онъ восхищается новыми зданіями, возникшими послѣ большаго пожара, бывшаго предъ тѣмъ годазатри. Сиверсъ пишетъ императрицѣ, что къ нимъ остается прибавить еще зданія школъ и академій, такъ какъ нѣжныя попеченія о воспитаніи составляютъ наибольшую славу ея царствованія. Подъ ея благословеннымъ правленіемъ будутъ образовываться и совершенствоваться въ Россіи ученые, и государственные мужи, полководцы и художники; только гражданскіе остаются еще безъ образованія и безъ надежды его достигнуть. Какъ было бы хорошо, еслибы Тверь, сдѣлавшаяся уже образцовымъ городомъ по своей постройкѣ, получила бы и зданіе гражданскаго училища, первое въ

этомъ необъятномъ государствѣ! Такой памятникъ говорилъ бы отдаленнѣйшему потомству громче нарядныхъ монументовъ! А въ Каргополѣ можно воздвигнуть каменную колонну, которая, подобно Траяновой колоннѣ, „спустя 2.000 лѣтъ будетъ возвѣщать потомкамъ, что Екатерина II царствовала человѣколюбиво и славно отъ Балтійскаго моря до предѣловъ Китая, и что городъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые она подняла изъ пепла. Скромность моей государыни да проститъ мнѣ это отступленіе.“ Северскъ нерѣдко увлекается подобными отступленіями; но къ чести его надобно прибавить, что онъ прибѣгаетъ къ диэирамбамъ особенно тогда, когда ищетъ покровительства императрицы для достиженія какой-либо общепользой цѣли.

Изъ Твери Северскъ отправляется опять въ Торжокъ и Вышній Волочокъ. „Оттуда, пишетъ онъ, я поплыву внизъ по Мстѣ, и, утомленный такимъ продолжительнымъ путешествіемъ по столь многимъ и разнообразнымъ краямъ, я постараюсь достигнуть вашихъ петербургскихъ галерей, чтобы представить вамъ отчетъ.“

Въ Петербургѣ онъ остался большую часть зимы, и, конечно, волею-неволею принималъ участіе въ удовольствіяхъ столицы, гдѣ въ то время праздники сѣдовали за праздниками. Роскошью и разнообразіемъ ихъ Екатерина старалась возвысить блескъ своего двора. Праздники впрочемъ не мѣшали обычному теченію дѣлъ и составленію преобразовательныхъ плановъ, которыми такъ богата первая половина екатерининскаго царствованія. Въ эту зиму императрица по преимуществу была занята задуманнымъ ею созваніемъ законодательной комиссіи. На аудіенціяхъ, данныхъ новгородскому губернатору, предметъ этотъ, по всей вѣроятности, служилъ главною темой для бесѣды. Баумъ усиливается доказать, что и самая мысль о законодательной комиссіи явилась не безъ участія Северса; она была въ связи съ его стремленіями облегчить участь земледѣльческаго класса и ослабить гнетъ крѣпостнаго права и бюрократіи, главнымъ представителемъ которыхъ онъ считалъ сенатъ и питалъ къ нему очевидное нерасположеніе, такъ какъ въ своихъ административныхъ начинаніяхъ по большей части встрѣчалъ непреодолимую преграду въ

медленности сенатскихъ рѣшеній *. На сколько Сиверсъ участвовалъ въ самомъ планѣ законодательной комиссіи, по недостатку данныхъ, рѣшить трудно. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что онъ относится къ этому предпріятію съ большимъ сочувствіемъ.

Въ февралѣ 1767 г., Екатерина предприняла путешествіе въ Москву. Новгородскій губернаторъ посѣтилъ въ Тверь, и встрѣтилъ здѣсь императрицу при ея проѣздѣ. Въ это время онъ руководилъ выборами депутатовъ въ комиссію. Новгородская губернія должна была выслать 45 представителей, и выборы, по донесенію Сиверса, были встрѣчены общимъ удовольствіемъ: „Нашлось только одно благородное или скорѣе неблагородное существо, которое дало отвѣтъ, что въ силу именнаго указа (Петра III) оно свободно отъ всякой службы. Надъ нимъ много смѣялись.“ Изъ Твери Сиверсъ переѣхалъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его дворяне, собравшіеся для той же цѣли. За тѣмъ послѣдовали выборы въ самомъ Новгородѣ. Здѣсь новая мѣра была встрѣчена дворянствомъ съ такимъ энтузіазмомъ, что рѣшено было построить триумфальную арку въ честь Екатерины-законодательницы. Сиверсъ передалъ императрицѣ просьбу дворянъ о позволеніи поставить этотъ монументъ, и уже сочинилъ въ общихъ чертахъ его планъ. Онъ долженъ былъ возвышаться въ Новгородскомъ Кремлѣ противъ большаго Волховскаго моста, чтобы быть на виду у всѣхъ, проѣзжающихъ сухимъ путемъ или водою. Сиверсъ болѣе всего заботится о прочности монумента и сохраненіи имени Екатерины; поэтому предлагаетъ поставить массивную каменную арку, не обременяя ее излишними украшеніями, а въ примѣръ не забываетъ привести римскіе памятники, изъ которыхъ наиболѣе украшенные наименѣе сохранились до нашего времени.

При проѣздѣ черезъ Тверь, императрица, конечно не безъ участія губернатора, оказала городу милость: позволила жителямъ строить каменные дома въ меньшихъ размѣрахъ противъ утвержденного плана, такъ какъ при тѣхъ размѣрахъ, которые были назначены въ этомъ планѣ, улицы обстраивались очень медленно. Весною, когда Екатерина опять посѣтила Тверь, предпринимая свое извѣстное

* *Ein russischer Staatsmann.* I. 238.

путешествіе въ Казань, она разрѣшила выдать заимообразно 50.000 рублей на вспоможеніе погорѣвшему Торжку. Тогда до сорока торжковскихъ гражданъ изъявили желаніе начать постройку каменныхъ домовъ, и 17-го мая Сиверсъ съ торжественнымъ молебствіемъ заложилъ здѣсь первый камень того дома, который долженъ былъ послужить образцомъ для другихъ. Губернаторъ наблюдалъ при этомъ, чтобы новыя улицы были шире прежнихъ и вытягивались „по шнурку“.

Лѣтомъ этого года Сиверсъ предпринялъ второе большое путешествіе—въ югозападную половину своей губерніи.

Предварительно онъ сдѣлалъ повѣзку въ Остзейскія губерніи. Тамъ провелъ нѣсколько времени подавъ своей невѣсты, въ эстляндскомъ помѣстьѣ дяди своего, стараго оберъ-гефмаршала Сиверса (съ дочерью котораго былъ тогда помоловенъ); потомъ отправился въ Ригу для заказа водки, въ которой открылся недостатокъ по этой губерніи; отсюда проѣхалъ въ родной Бауенхофъ, чтобы повидаться съ отцомъ, и за тѣмъ уже продолжалъ обзорніе своей губерніи.

Первый городокъ, встрѣтившійся при переездѣ изъ Лифляндіи въ Псковскую провинцію, былъ Печоры, извѣстный только по монастырю и тремъ ярмаркамъ. Сиверсъ называетъ его „жалкимъ“. „Монастырь разрушается; часть галлерей, ископанныхъ въ песчаныхъ холмахъ, уже обвалилась; но остается еще довольно мѣста, чтобы выманывать деньги у простодушія и суевѣрія для погребенія въ такъ-называемыхъ Святыхъ мѣстахъ. Чудотворный образъ не творитъ болѣе никакихъ замѣчательныхъ чудесъ.“ * Далѣе онъ миновалъ Изборскія развалины. Стѣны и башни древняго замка мѣстами обвалились. Во вѣшной стѣнѣ еще виденъ рядъ печей, въ которыхъ во времена непріятельскаго нашествія пекли хлѣбъ жители, собиравшіеся сюда изъ окрестныхъ селеній. Въ замкѣ жила еще пять священнослужителей, очень бѣдныхъ, потому что число ихъ прихожанъ состояло едва изъ 20 крестьянскихъ семей. Отъ Изборска дорога идетъ холмами до одного возвышеннаго пункта, съ котораго за 30 слишкомъ верстъ

* Не забудемъ, что эти замѣтки принадлежатъ лютеранину.

открывается все зданіе Псковскаго собора. Отсюда до Пскова путешественникъ ѣхалъ посреди плодоносныхъ полей.

Около этого времени Сиверсъ получилъ слѣдующее письмо императрицы:

„Господинъ Новгородскій губернаторъ!

„Я получила ваши оба письма. Въ одномъ вы увѣдомляете, что граждане Торжка хотя и не очень спѣшатъ постройками, однако уже взяли 40 номеровъ. Читая это извѣстіе, я сказала про себя: вотъ ужъ почти половина Нарвы (въ которой было до 100 каменныхъ домовъ); остальное придетъ со временемъ. Второе ваше письмо сообщаетъ, что жатва будетъ обильная; это меня очень радуетъ. Со времени моего отъезда изъ Ярославля въ Москву сухимъ путемъ, я нигдѣ не находила недостатка въ хлѣбѣ; есть деревни, въ которыхъ собраны запасы на два и на три года, и настоящій урожай вездѣ хорошъ. Желаю вамъ во время вашего долгаго путешествія найти много отрадныхъ вещей, изобиліе водки, за которою вы ѣдете въ Лифляндію; желаю также найти легко исполнимымъ извѣстный вамъ Кутузовскій проектъ (водяныхъ) сообщеній, но прежде всего здоровья и спокойствія. Смотрите, не забудьте жениться. Москва 1 июля 1767.

„Екатерина.“

Въ отвѣтъ своемъ Сиверсъ говоритъ, что „такія письма и лѣнивому даютъ крылья“, и продолжаетъ описывать свои путевыя впечатлѣнія. Онъ осмотрѣлъ Псковъ; полюбовался изъ кремля красивымъ видомъ на городъ и окрестности. Въ библіотекѣ (архіерейской) замѣтилъ Эразма и латинскихъ отцовъ церкви, въ Троицкомъ соборѣ взглянулъ на гробницу и мечъ князя Всеволода-Гавріила, посѣтилъ семинарію, имѣвшую до 120 воспитанниковъ. Онъ упоминаетъ еще о прекрасномъ зданіи въ восемь комнатъ, которое комендантъ, генералъ-майоръ Фонъ-Хиршгеймъ, построилъ для школы, гдѣ завелъ хорошие порядки. Къ сожалѣнію, ни какихъ подробностей объ этихъ порядкахъ мы не находимъ. Вообще Сиверсъ хвалитъ мѣстоположеніе Пскова посреди большой равнины, на берегу прекрасной рѣки въ 10 верстахъ отъ озера. Но внутреннее состояніе этого славнаго въ древности города, увы, подобно Новгороду, представляло только упадокъ и разрушеніе. Число гражданъ уменьшалось съ каждою новою ревизіей, и по послѣдней простиралось только до 450. А между тѣмъ край славился своимъ отличнымъ льномъ, который могъ бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ выгодной промышленности. „Очевидно, замѣчаетъ дневникъ, существуютъ физическія

политическія и моральныя причины такого упадка.⁶ Но въ изысканіе этихъ причинъ онъ не вдается.

1 августа, путешественникъ оставилъ Псковъ, и направился къ югу, параллельно съ рѣкой Великою. Дорогой онъ останавливался у майора Назимова, и осматривалъ его сельско-хозяйственныя заведенія, устроенныя отчасти на дилляндскій образецъ. Майоръ имѣлъ до десяти ткацкихъ станковъ, которые работали прекрасную холстину; лезъ его самыя за лучшій въ цѣломъ краѣ и отличался своею вышinou (аршинъ шесть вершковъ).

На слѣдующій день, путешественникъ прибылъ въ Островъ. Около этого города видѣлись остатки валовъ, которые тянулись на многія версты; они служили прежде защитою противъ литовскихъ набѣговъ. Слѣды литовскихъ разореній губернаторъ находитъ почти во всѣхъ городахъ Псковской провинціи, и простодушна считаетъ ихъ одною изъ главныхъ причинъ настоящей бѣдности; а между тѣмъ со времени послѣднихъ польско-литовскихъ вторженій, т.-е. со времени смутной эпохи, прошло уже болѣе полутора столѣтій! Островъ онъ изображаетъ очень несчастнымъ городомъ. Его старыя замки теперь только груды мусору; соборъ похожъ на часовню; а канцелярія и домъ воеводы представляютъ какія-то полуразвалившіяся хижинны. Въ городѣ 120 гражданъ и столько же разночинцевъ, всего 150 домовъ. Однако есть значительныя купцы, которые ведутъ торговлю льномъ и пенькой, доставляютъ ихъ въ Нарвскую гавань и пользуются тамъ кредитомъ. Въ канцеляріи онъ не нашелъ никакого гражданского процесса, никакихъ вѣдомствъ, и очень мало денегъ, потому что по полученіи онъ немедленно отправляются во Псковъ. Арестантовъ, ожидавшихъ рѣшенія при канцеляріи, оказалось трое. Уѣзныя воевода незадолго умеръ. Магистратъ помѣщался подъ соломенною кровлей. Въ городѣ не было ни рынка, ни лавокъ. Сиверсъ назначилъ для нихъ мѣсто, и велѣлъ открыть воскресныя базары. У жителей нѣтъ ни полей, ни луговъ. Многіе изъ нихъ занимаютъ сосѣднія помѣщичьи или экономическія земли.

Губернаторъ дорожилъ временемъ, и спѣшилъ все осмотрѣть въ Островѣ въ тотъ же вечеръ, чтобы на другой день ѣхать далѣе, но простудился, и долженъ былъ остаться здѣсь цѣлыя восемь дней. Часть этого времени

онъ прогостилъ у генерала Валуева, котораго помѣстье лежало въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города.

10 числа Сиверсъ распростился съ Валуевымъ и поѣхалъ далѣе на югъ, вдоль рѣки Великой. Въ семи верстахъ отъ Острова онъ заѣхалъ къ богатому помѣщику Тимашеву, известному ростовщику, который мажился, осушая островскихъ обитателей по 12 и 15 процентовъ; при этомъ онъ отличался большою набожностію и выстроилъ на свой счетъ прекрасную каменную церковь. Въ дальнѣйшемъ пути губернаторъ также останавливался у помѣщиковъ. Между прочимъ онъ посѣтилъ имѣніе графа Ягужинскаго, которое извѣстно отличнымъ льномъ.

Опочку Сиверсъ нашелъ лучше Острова; но замѣчаетъ, что напрасно старался сдѣлать изъ нея крѣпость: мѣстоположеніе совѣмъ не благопріятствуетъ, ибо надъ нею господствуютъ сосѣдніе холмы. Здѣсь кончались тогда русскія владѣнія. Изъ Опочки Сиверсъ направился къ юго-востоку, вдоль польской границы, и доѣхалъ до Великихъ Лукъ, которые, въ качествѣ пограничнаго города, также имѣли крѣпость. „Благодаря этой крѣпости и хорошо выбѣленнымъ церквамъ, Великія Луки выгладываютъ очень недурно.“ Отсюда онъ хотѣлъ продолжать путь на Торопецъ; но потомъ передумалъ и отправился внизъ по теченію Ловати. Важныя сообщенія и доставка по нимъ областныхъ продуктовъ въ Петербургъ, какъ мы знаемъ, болѣе всего занимали губернатора во время его путешествія. Вмѣстѣ съ дорожными впечатлѣніями онъ не упускаетъ случая время отъ времени оказать императрицѣ нѣсколько словъ и о московской законодательной комиссіи. „Извѣстіе о ея открытіи, пишетъ онъ, было праздникомъ для вашихъ вѣрныхъ подданныхъ здѣшней провинціи, которые не всѣ сутяги, однако большая часть. Долженъ ли я признаться моеи монархинѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ ожидаю новыхъ законовъ, болѣе мягкихъ, болѣе соответствующихъ гуманности и просвѣщенному вѣку Вашего Величества, рука моя дрожитъ теперь при подписаніи приговоровъ сильнѣе чѣмъ прежде.“

Сиверсъ проплылъ по Ловати до Холма и добросовѣстно изслѣдовалъ ея теченіе. По ней каждую весну отправлялось въ Петербургъ до 200 барокъ, полубарокъ и полуводовиковъ съ кожами, овсомъ и сѣномъ; а еслибъ

очистить русло, то навѣрно отправлялось бы болѣе. Ближе къ Холму берега рѣки становятся очень высоки и обрывисты. Сиверсъ всходилъ на возвышенность, на которой былъ построенъ старый замокъ; но отъ него оставался только валъ, образующій четырехугольникъ. Въ мѣстечкѣ Холмъ, лежащемъ при впаденіи Кувьи въ Ловать, считалось до 700 гражданъ, но на лицо оказалось гораздо меньше; изъ нихъ нашелся только одинъ, который умѣлъ писать. Они занимались земледѣіемъ, разсѣянные по пятнадцати окрестнымъ деревнямъ, или покидали свои дома, чтобы зарабатывать хлѣбъ на баркахъ и другихъ подобныхъ промыслахъ. Тутъ не было ни ремесленниковъ, ни чиновниковъ. А между тѣмъ положеніе превосходное и очень выгодное для торговли, такъ какъ отсюда шло прямое водяное сообщеніе съ Старою Русой, Новгородомъ и Петербургомъ. Причины упадка и печальнаго состоянія жителей Сиверсъ, по своему обыкновенію, не ищетъ въ болѣе близкой къ нему исторіи, а объясняетъ ихъ отчасти старинными литовскими опустошеніями и междуусобными войнами, то есть временами до-Петровскими и даже до-Московскими; а отчасти своею безпечностію жителей; „можетъ-быть присоединяется и недостатокъ поощренія“. Онъ предлагаетъ сосредоточить собственно гражданъ въ мѣстечкѣ, обративъ его въ городъ, и отдѣлить отъ нихъ коренныхъ земледѣльцевъ. Школа, прядильная фабрика и нѣсколько привилегій могли бы, по его мнѣнію, значительно оживить этотъ городъ. Любопытна замѣтка путешественника о томъ, что онъ нашелъ здѣсь цѣлые магазины наворованной соли (благодаря осѣдству Старой Русы).

Изъ Холма губернаторъ направился сухимъ путемъ на югъ, въ Торонецъ, и въ своемъ дневникѣ тщательно обозначаетъ рѣчки, которыя онъ переѣзжалъ, и количество ихъ воды. Почва этой дороги, образующая водораздѣлъ между Ловатью и Западною Двиной, мало обработана и очень холмиста, а дорога весьма плоха; помѣщики нисколько не заботятся о ея поддержкѣ, что „ясно указываетъ на ихъ малую общительность“. За четырнадцать верстъ отъ Торонца губернаторъ ночевалъ у помѣщика, майора Лопухина, гдѣ встрѣтили его воевода съ магистратомъ и значительными гражданами.

Торопецъ, по словамъ путешественника, „безъ сомнѣнія, богатѣйшій городъ Новгородской губерніи“. Онъ занимаетъ прекрасное положеніе на берегу озера, черезъ которое протекаетъ рѣка Торопа, впадающая въ Западную Двину. Городъ построенъ очень хорошо, имѣетъ много красивыхъ каменныхъ домовъ, и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Твери, благодаря попеченіямъ о ней императрицы. Отъ Торопца идетъ прямое водяное сообщеніе съ Рогой, и его значительная торговля довольно значительна, впрочемъ съ примѣсью контрабанды. Отсюда Сиверсъ повернулъ опять на сѣверъ и проѣхалъ на Старую Русу, въ которой соляное дѣло „подвигалось очень медленно впередъ, несмотря на его старанія“. Онъ завернулъ не надолго въ свою резиденцію, Новгородъ, и былъ пріятно пораженъ появленіемъ въ немъ двухъ новыхъ каменныхъ домовъ. Изъ Новгорода губернаторъ снова отправился на югъ, и на этотъ разъ специально для изсѣдованія предполагаемаго соединенія озера Ильменя съ верховьями Волги. Съ планомъ Кутузова въ рукахъ, онъ поднялся въ верхъ по рѣкѣ Полѣ, проѣхалъ озеро Селигеръ, и поплылъ внизъ по Волгѣ. Онъ нашелъ, что осуществленіе Кутузовскаго плана возможно, но требуетъ слишкомъ много денегъ на шлюзы. Въ эту поѣздку онъ побѣдилъ село Осташково, которое очень понравилось ему превосходнымъ мѣстоположеніемъ и промышленнымъ духомъ жителей. „Одинъ почеркъ высочайшаго пера сдѣлаетъ изъ него вскорѣ значительный городъ.“

28 сентября Сиверсъ достигъ Зубцова, у котораго Волга дѣлаетъ поворотъ съ востока на сѣверъ, принимая рѣку Вазузу; послѣдняя, съ своимъ притокомъ Гжатию, доставляетъ сюда произведенія Украйны. Городъ вообще расположенъ очень выгодно для торговли; но мало ею пользуется. Бѣдность его объясняется все тѣми же причинами, то-есть собственною апатіей и старыми литовскими опустошеніями, до которыхъ, по преданію, онъ имѣлъ 72 церкви. Если немного помочь жителямъ деньгами и дать имъ клочокъ земли, которую у нихъ отняли казенные крестьяне, то, по мнѣнію губернатора, нагрузка судовъ собственными припасами (для Петербурга) пойдетъ живѣе, и городъ легко достигаетъ прежняго своего благосостоянія.

29-го Сиверсъ поѣхалъ вдоль береговъ Вазузы, чтобъ осмотрѣть ея теченіе. Онъ нашелъ его довольно быстрымъ,

однако безъ значительныхъ пороговъ. Берега холмисты, но хорошо обработаны, и часто встрѣчались помѣщичьи домики; онъ обѣдалъ у майора Кудрявцева, а ночевалъ у помѣщика Чашникова. На слѣдующій день путешественникъ достигъ устья рѣки Гжати. Здѣсь была граница Зубовскаго уѣзда, слѣдовательно кончалась губернія Северса. Но интересъ къ водянымъ сообщеніямъ увлекъ его далѣе, именно въ Вяземскій уѣздъ (Смолен. губ.). Онъ оставилъ Вазузу, и пустился параллельно съ берегомъ Гжати; тутъ мѣстность была ровнѣе, открытѣе, лучше обработана и гуще населена чѣмъ предыдущая. Съ вершины нѣкоторыхъ холмовъ путешественникъ съ удовольствіемъ насчитывалъ на горизонтѣ до двадцати деревень.

1 октября Северсъ миновалъ село Пречистое, расположенное въ пятнадцати верстахъ отъ Гжатской пристани. Отсюда до самой пристани тянулись по берегу давные ряды амбаровъ и сараевъ; въ нихъ складывались разные туземныя произведенія, которыя купцы привозили сухимъ путемъ изъ сосѣднихъ краевъ для нагрузки на барки, а именно: пенька, тульское желѣзо, украинскій медъ и пр. Вообще путешественникъ съ похвалою отзывался о промышленномъ духѣ и смѣлости мѣстныхъ купцовъ. Гжатская пристань обязана своимъ происхожденіемъ Петру Великому. Северсъ думаетъ однако, что по мелководію рѣки въ этомъ мѣстѣ лучше было бы перенести пристань выше, въ Пречистое, и что не совсѣмъ удачный выборъ мѣста, вѣроятно, произошелъ тогда не безъ участія нѣкоторыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Пристань расположена по обоимъ берегамъ рѣки и имѣетъ до 300 домовъ; изъ нихъ нѣсколько каменныхъ; но селеніе лежитъ чуть не на болотѣ, „потому что никто не понуждаетъ жителей провести хотя маленькую канавку для стока воды“.

Любопытство Северса все еще не вполне было удовлетворено. Онъ проѣхалъ далѣе Гжатской пристани, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ источниковъ Гжати и холмовъ, которые служатъ для нея водораздѣломъ отъ рѣки Угры. Въ донесеніи императрицѣ онъ проситъ извиненія, что заѣхалъ въ чужой уѣздъ, и не упускаетъ случая немного помечтать о томъ, какъ со временемъ, когда устранятся нѣкоторыя препятствія, по этому

пути потянутся на сѣверъ съ юга, изъ Украйны и сосѣднихъ земель, шелькъ и вино на многіе милліоны!

Отсюда Сиверсъ воротился назадъ, и тѣмъ закончилъ обзоръ своей губерніи, сдѣлавъ 9,000 верстъ въ сѣверной ея части и около 7,000 въ южной.

Послѣдняя часть его путешествія совершалась подъ благопріятными впечатлѣніями, доходившими изъ Москвы. Тамъ происходили торжественныя засѣданія законодательной комиссіи, и Сиверсъ заранѣе восхищался ея результатами. Извѣстный *Наказъ* Екатерины, надѣлавшій такъ много шума, конечно вызвалъ восторженныя похвалы у новгородскаго губернатора. „Черезъ господина Кузьмина, пишетъ онъ, я получилъ эту книгу, которую будущіе вѣка назовутъ золотой буллою Россіи. Пусть тѣ счастливые смертные, которымъ ваше величество поручили это доброе дѣло, которымъ вы сообщили ваши воззрѣнія на благо чело-вѣчества, пусть они покажутъ себя достойными такого прекраснаго подвига.“ Не одна Россія, цѣлая Европа съ любопытствомъ сдѣлала тогда за намѣреніемъ Екатерины создать новое законодательство съ помощью всѣхъ сословій и всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію. Краснорѣчивый *Наказъ* былъ переведенъ на многіе языки. Сиверсъ въ послѣдствіи, такъ писалъ объ этомъ предпріятіи: „Собраніе работало съ жаромъ и очевиднымъ успѣхомъ; но въ плохомъ помѣщеніи и безъ надлежащаго поощренія. Императрица уступила разнымъ домогательствамъ и интригамъ старыхъ и знатныхъ чиновниковъ. Послѣдніе говорили о членахъ комиссіи: „пожалуй, эти господа пошлютъ насъ въ школу.“ Князю Вяземскому, и безъ того обремененному занятіями въ качествѣ генераль-прокурора и министра финансовъ, поручено было соглашеніе комиссіонныхъ работъ и составленіе новаго законодательнаго свода. Онъ, съ своей стороны, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ опытнымъ секретарямъ, которые отлично знали на память старые законы, но не имѣли никакого понятія ни о Римскомъ правѣ, ни о правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а во главѣ ихъ поставленъ былъ Нѣмецъ, искатель приключеній, который совсѣмъ не зналъ русскаго языка.“

Въ началѣ зимы мы застаемъ Сиверса (послѣ его свадьбы) въ Москвѣ, куда онъ отправился, конечно, по желанію императрицы, чтобы лично отдать ей отчетъ въ своемъ

путешествіи. Здѣсь онъ принялся хлопотать о совершенномъ уничтоженіи пытокъ, которыя въ первой инстанціи были уже отмѣнены Екатериной. Большое количество арестантовъ, ожидавшихъ пристрастныхъ допросовъ въ слѣдующихъ инстанціяхъ, лежало тяжелымъ бременемъ на сердцѣ благодушнаго губернатора. Сиверсъ зналъ какія препятствія представлялись на пути къ этой реформѣ со стороны закоренѣлаго чиновничества, и потому пользовался всякимъ случаемъ расположить императрицу къ окончательной отмѣнѣ пытки. Между процессами, подававшимися пристрастнымъ допросамъ, у него нашлася одинъ, похожій на старое дѣло, рѣшенное въ Новгородѣ при отцѣ Григорія Орлова, занимавшемъ мѣсто новгородскаго губернатора во времена Елизаветы. Въ протоколѣ записано было, что судьи и прокуроръ опредѣлили произвести пытку, но губернаторъ ее отвергнулъ. Сиверсъ разказалъ этотъ случай императрицѣ и Григорію Орлову. Оба они были тронуты; Орловъ даже обнялъ Сиверса со слезами на глазахъ, и съ тѣхъ поръ постоянно находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но все, чего послѣдній могъ добиться, была тайная инструкція губернаторамъ: въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ по законамъ пытки, сообразоваться съ IX главой *Наказа*, которая признавала пытку бесполезною. Екатерина написала эту инструкцію въ присутствіи Сиверса, и онъ на колѣнахъ принялъ бумагу еще съ незасохшими чернилами. Узнавъ о томъ, нѣкоторые сенаторы и придворные, какъ разказываетъ Сиверсъ, замѣтили, что теперь никто, дожась спать, не можетъ до утра ручаться за свою жизнь. Несмотря на свой секретный характеръ, инструкція скоро сдѣлалась почти всѣмъ извѣстною, и вызвала общую радость.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ОБЪ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ДУХОВЕНСТВА

Вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, поднятый въ послѣднее время, такъ важенъ въ народной жизни, что на него никакъ нельзя смотрѣть только какъ на вопросъ *сословный*. Вся прошлая историческая жизнь наша говоритъ о томъ высокомъ значеніи, какое имѣло въ нашемъ отечествѣ духовенство: оно было постояннымъ хранителемъ чистоты вѣры православной и передовымъ сословіемъ по образованію, по примѣрамъ благочестивой жизни и по самоотверженію въ тяжкія годы народныхъ испытаний. Сколько свѣтильниковъ духовныхъ, сколько высокихъ дѣятелей явилось изъ среды его на пользу отечеству! Забудетъ ли оно его прежнія неоцѣненныя заслуги?

Въ настоящее время, когда у насъ замѣчается сильное охлажденіе къ религіи, а вслѣдствіе того и большой упадокъ нравственности, особенно необходимо поставить духовенство на ту степень, какая прилична служителямъ, алтарей — естественнымъ наставникамъ и руководителямъ народа въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Смѣло можно сказать, что православіе душа нашего народного тѣла, а духовенство — тотъ жизненный нервъ, который предназначенъ быть проводникомъ православія въ народѣ. На духовенствѣ лежитъ святая обязанность разливать все шире и шире животворяща струя православія, заботиться о томъ чтобъ общество все глубже и глубже проникалось опасительнымъ

духомъ его, возвышать нравственность народа и вести его къ божественной цѣли, указанной Творцомъ. Но можетъ ли поддерживать и возвышать другихъ тотъ, кто самъ находится какъ бы подъ гнетомъ? Конечно нѣтъ. Вотъ почему въ настоящее время имѣется въ виду улучшение матеріальнаго быта духовенства. Для этого предлагаютъ слѣдующія средства: увеличеніе количества земли приписанной къ церквамъ, жалованье отъ правительства, налогъ на народъ въ пользу духовенства, обязательная обработка церковной земли прихожанами, опредѣленная плата за требы и безбрачіе духовенства.

Мы рассмотримъ сначала всѣ эти мѣры, а потомъ уже выскажемъ наше мнѣніе.

Начнемъ съ сельскаго духовенства, какъ наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе нуждающагося.

Извѣстно, что при каждой сельской церкви есть приписанная земля въ количествѣ 30 дес. пашни и 3 десятины луговъ, которою пользуется все духовенство той церкви*.

Въ прежнее время, когда жизнь была такъ дешева, особенно въ деревняхъ, эта земля могла прокормить духовенство, быть котораго почти ничѣмъ не отличался отъ крестьянскаго. Уровень образованія духовныхъ лицъ также очень мало возвышался надъ уровнемъ образованія ихъ пастырей. Назадъ тому лѣтъ сорокъ и даже тридцать очень рѣдко можно было встрѣтить сельскаго священника, окончившаго полный курсъ въ семинаріи; большею частію то были люди мало ученые, но хорошо знавшіе, по навыку, кругъ церковный. На нравственность же крестьянъ они могли дѣйствовать своимъ примѣромъ, и приносили несомнѣнную пользу, если сами оказывались людьми нравственными. Такъ какъ имъ жилось тогда довольно хорошо, то они не совсѣмъ охотно посылали дѣтей своихъ въ семинарію, и дѣлали это только по требованію начальства. Помѣстить сына, хотя бы и на причетническое мѣсто, казалось имъ полезнѣе чѣмъ дать ему окончить полный курсъ наукъ. Въ то время не только причетники, но и священники сами

* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сверхъ того, есть еще земля, такъ-называемая, *писовая*, но такихъ приходствъ не много, и они составляютъ исключенія, а потому на этомъ нельзя основывать никакихъ расчетовъ для будущаго поземельнаго устройства духовенства.

обрабатывали свою землю; въ настоящее время они большею частію отдають ее въ наймы или изъ-полу. Иные сожалѣють объ этомъ, полагая, что священники стыдятся честнаго труда, и желали бы, чтобъ они возвратились къ нему для того особенно, что одинаковыя занятія всего больше сближали бы ихъ съ паствой. Сближеніе съ паствой, конечно, желательно; но развѣ оно зависитъ отъ этого? Важно вѣдь не матеріальное, а духовное общеніе пастыря съ паствой. А если мы захотимъ, чтобы священникъ ничѣмъ не отличался отъ прихожанъ по образу жизни, то найдутся пожалуй и такіе судьи, которые скажутъ, что не нужно и образованія сельскому священнику, потому что онъ имѣеть дѣло съ паствой безграмотною. Не учась ничему, онъ, конечно, будетъ очень мало отличаться отъ крестьянъ, — но такого ли сближенія надо желать между пастыремъ и паствой?

Напротивъ того, нельзя не порадоваться, что священники не обрабатываютъ землю сами; настаивать на этомъ значило бы осудить ихъ [на самый неблагоприятный трудъ, который не вознаграждалъ бы ихъ даже матеріально за потерю духовную. Мы говоримъ это отнюдь не потому, чтобы считали земледѣліе для кого-либо униженнымъ, но потому что оно требуетъ, особенно въ рабочую пору, усиленныхъ трудовъ, послѣ которыхъ утомленный священникъ едва будетъ въ силахъ исполнять требы, а вѣдь онъ отъ нихъ не долженъ отказываться ни въ какую пору, ни днемъ, ни ночью. Если вспомнимъ при этомъ, что большая часть приходовъ состоятъ не изъ одного села, а изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень, отстоящихъ иногда на 5, на 10, даже на 15 верстъ, то мы поймемъ до какой степени несовмѣстимо земледѣліе съ обязанностію священника. Что если, утомленный усиленнымъ дневнымъ трудомъ, онъ не успѣшитъ ночью напутствовать умирающаго, который лишается такимъ образомъ спасительнаго таинства? и можно ли будетъ тогда слишкомъ строго осудить за это священника? — вѣдь онъ человекъ, и силы у него не двойныя. Да и какъ поручиться, что видя главное обезпеченіе своихъ нуждъ въ собственномъ трудѣ, иной священникъ, особенно при большомъ семействѣ, не порадуетъ болѣе о своемъ полѣ чѣмъ о душахъ паствы? Какъ поручиться, что онъ не привяжется со временемъ къ труду физическому до того, что полюбитъ

его болѣе труда духовнаго? А именно послѣдній-то и долженъ составлять его главное занятіе. Прежніе неученые священники мало читали и ничего не писали; вышшимъ же, получающимъ уже не такое образованіе, непростительно было бы, заботясь объ одной тѣлесной пищѣ, пренебрегать пищею духовною; а это неминуемо будетъ, если они станутъ сами обрабатывать землю.

Редакція *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, защищая занятіе земледѣліемъ, говоритъ: „не хозяйство, не земледѣліе тяготитъ духовенство, а недостатокъ средствъ къ тому. Напротивъ, земледѣліе имѣетъ даже въ духовенствѣ своихъ охотниковъ. Мы, говоритъ она, припоминаемъ два случая въ Киевской епархіи, что когда сельскихъ священниковъ призывали къ должности уѣздовыхъ протоіереевъ (а это въ свое время была высокая честь: быть протоіереемъ значило быть первымъ лицомъ въ уѣздѣ), ихъ съ трудомъ можно было вызвать изъ села, а одинъ возвратился съ своей протопоніи опять въ село, предпочитая быть священникомъ-хозяиномъ...“

Не подтверждаютъ ли нашихъ словъ эти примѣры? Пристрастясь къ труду вещественному, священникъ весь погружился въ заботу о матеріальной выгодѣ и — огрубѣлъ. Въ городѣ пришлось бы ему принуждать себя, страхнуть деревенскую апатію; понадобилось бы иной разъ припомнить и то чему его учили, а онъ все позабылъ за сохой, отвыкъ отъ умственного труда и облѣнился. Можетъ ли быть что-нибудь опаснѣе для пастыря душъ? Нельзя поднять духовенство однимъ матеріальнымъ улучшеніемъ быта; ему необходимо, сверхъ того, и развитіе духовное, начатое въ школѣ и продолжаемое въ жизни; нужно чтобы духъ первенствовалъ у него передъ плотію. Потому-то и необходимо ему довольство матеріальное, чтобъ избавить его отъ тяжелаго физическаго труда. Кто не знаетъ, что трудъ физическій очень полезенъ какъ отдыхъ отъ занятій умственныхъ, * во стѣсняетъ, напротивъ, духовныя силы, если становится дѣломъ усиленнымъ, трудомъ для насущнаго хлѣба?

* Для этого вполнѣ достаточно садоводства, которое дѣйствительно и служитъ для духовенства пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ отдыхомъ.

Обработка полей требуетъ и распродажи хлѣба, которая совершается обыкновенно по базарамъ; но прилично ли это сану священника? Не рождаетъ ли это его не только въ глазахъ людей образованныхъ, но и самихъ крестьянъ, которые какъ бы инстинктивно чувствуютъ, что священникъ съ возомъ хлѣба на базарѣ какъ-то не на своемъ мѣстѣ? Сколько моральнаго вреда для самой ничтожной вещественной выгоды! Еслибы священникъ, вмѣсто небольшого клочка земли, имѣлъ ея довольно количество, то отдавая ее въ наймы, или нанимая рабочихъ, онъ получалъ бы очень порядочный доходъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ земли хорошаго качества.

Но какъ достигъ увеличенія земли церковной? откуда взять ее? Даже удѣльныя и казенныя имѣнія далеко не всѣ владѣютъ излишнею землею, и не вездѣ могутъ удѣлить ее церкви; въ помѣщичьихъ же имѣніяхъ это просто невысказано. Во многихъ мѣстахъ вся земля пошла въ надѣлъ крестьянамъ, и хотя она и считается собственностію помѣщика, но онъ не имѣетъ права дать ей какое-либо иное назначеніе; крестьяне тоже не могутъ, да и не захотятъ отчуждать ее. Въ иныхъ мѣстахъ и есть отрѣзная земля, но она состоитъ изъ небольшихъ клочковъ, неудобныхъ и разбросанныхъ между крестьянскими полями. Часто также остатокъ отъ крестьянскаго надѣла составляетъ единственный кусокъ хлѣба помѣщика, особенно тамъ, гдѣ онъ выпродалъ землю съ лишеніемъ пятой части выкупной суммы, и гдѣ она вся поступила въ уплату долга опекунокому совѣту. Притомъ же помѣщикамъ трудно было бы сдѣлать пожертвованія церкви въ настоящее время, когда у нихъ явилось такъ много непредвидѣнныхъ и неизбежныхъ расходовъ по случаю поземельной реформы. Такимъ образомъ нашлось бы очень немного имѣній, гдѣ можно было бы прибавить земли духовенству. Итакъ, увеличеніе земли такимъ путемъ,—какъ общая, повсемѣстно примѣнимая мѣра,—оказывается невозможнымъ.

Многіе указываютъ на жалованье какъ на лучшее средство для обезпеченія духовенства. Такое мнѣніе ошибочно и всего лучше опровергается цифрами. Въ настоящее время 16,658 причтовъ получаютъ жалованье, на что употребляется правительствомъ 3½ милл. р.; но если распра-

отстранить эту мѣру на все духовенство, то потребуется ежегодно около 8,000,000 р. *, и несмотря на такой значительный расходъ, жалованье будетъ очень скудное: максимумъ его не болѣе 160 р., минимумъ — 70 р. на одно служащее лицо или семейство. А если только удвоить эту сумму, то потребуется около 16.000,000 р. Откуда же взять такую сумму? Многие указываютъ какъ на источникъ такого жалованья — на духовно-учебный капиталъ, конечно полагая его громаднымъ; пусть и такъ, но онъ даетъ ежегодно около 1 милл. р. дохода, а не 8 милл., и слѣдовательно скоро бы изсякъ, тѣмъ болѣе что и теперь расходъ по духовно-учебному вѣдомству далеко превышаетъ эту сумму. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что число членовъ духовнаго сословія постоянно прибываетъ путемъ естественнаго размноженія, и ассигнованная на жалованье сумма должна будетъ соразмѣрно увеличиваться. Если же обратимъ, сверхъ того, вниманіе на оклады профессоровъ академій и семинарій и вообще всѣхъ служащихъ по духовному вѣдомству, начиная съ высшихъ епархіальныхъ лицъ и кончая чиновниками консисторій, то увидимъ, что простая справедливость требуетъ и тутъ значительной прибавки. Довольно сказать, что профессоръ семинаріи получаетъ не болѣе учителя уѣзднаго училища по гражданскому вѣдомству. Такимъ образомъ жалованье, чтобы быть хотя сколько-нибудь удовлетворительнымъ, должно обременить государственный бюджетъ очень значительною цифрой расхода.

Иные предлагаютъ учредить для этого особый налогъ на крестьянъ; но такой налогъ, — подушный или поземельный, деньгами или натурой — былъ бы въ высшей степени непопуляренъ, произвелъ бы ропотъ въ народѣ и отчужденіе его отъ духовенства, которое, безъ сомнѣнія, и само первое будетъ противъ этой мѣры, тѣмъ болѣе, что живя постоянно съ народомъ, оно хорошо знаетъ, что налоги, напримѣръ даже въ пользу церкви и добровольно наложенные на себя крестьянами, никогда не вносятся ими безъ споръ и непріятностей; налогъ же, и притомъ *недобровольный*, въ пользу духовенства, могъ бы возбудить

* Киев. Епарх. Вѣд. № 7, 1863 г.

даже ненависть противъ него. Нельзя не сознаться, что хотя въ нашемъ народѣ и много добрыхъ началъ, но разумной распорядительности въ дѣлахъ и вообще порядка слишкомъ мало, а грубости и невѣжества еще слишкомъ много. Дастъ Богъ, все это исчезнетъ при новомъ устройствѣ быта и особенно при повсемѣстномъ учрежденіи школъ. Отъ улучшенія же быта нашего духовенства мы имѣемъ право ожидать самаго благодѣтельнаго вліянія на всю массу народа, а потому снова повторимъ, что улучшеніе это есть вопросъ въ высшей степени общенародный и никакъ не можетъ быть вопросомъ только сословнымъ.

Самое главное неудобство жалованья представляется съ моральной точки зрѣнія. Вообще находятъ, что жалованье поставить духовенство въ разрядъ чиновниковъ, число которыхъ и такъ уже всѣ находятъ огромнымъ; зачѣмъ же создавать новый подобный классъ, и притомъ гдѣ же? — въ вѣдрахъ самой церкви! Люди образованные будутъ смотрѣть на духовенство именно съ этой точки, а низшій классъ, всегда склонный къ подозрѣнію, сочтетъ его подкупленнымъ, и это тѣмъ опаснѣе, что раскольники воспользуются такимъ настроеніемъ, чтобъ еще болѣе возбудить недовѣріе прихожанъ къ ихъ православнымъ пастырямъ. Такимъ образомъ жалованье, болѣе чѣмъ что-либо другое, разъединитъ духовенство съ народомъ. Да и самое достоинство церкви много страдаетъ отъ той зависимости отъ гражданской власти, въ которую она поставлена будетъ благодаря финансовымъ отношеніямъ. Стоитъ ли же ронять достоинство церкви, ослаблять уваженіе пастыря къ пастырямъ, взаимно отчуждать ихъ другъ отъ друга, — и все это чтобы предоставить духовнымъ лицамъ такое личное жалованье, которое едва будетъ въ силахъ прокормить ихъ?

„Высказываемое духовенствомъ желаніе перейти совсѣмъ на жалованье,“ сказано въ № 52 *Дня* 1862 г., * „обнаруживаетъ, что испытавъ уже отчасти официальное положеніе, оно находитъ привлекательнымъ стать въ совершенно независимое и отчасти беззаботное положеніе; эта привлека-

* Въ статьѣ: „Мѣстное духовенство о церковн. землѣ.“

тельность, кажется, такъ сильна, что даже изглаживаетъ и память о надлежащихъ отношеніяхъ и близости къ народу.“

„Нужно, говоритъ г. Воропоновъ *, чтобы не было тѣхъ благоприятныхъ условій, которыя устраиваютъ для духовенства опору не въ мнѣніи живой народной среды, а въ ея, — и которыя дѣлаютъ для духовенства болѣе выгоднымъ заботиться не объ этой силѣ народнаго мнѣнія, уже не имѣющей для него значенія, — а о той, вышней. Отъ этого *духовная* сила, почерпаемая въ живой народной средѣ, естественно оскудѣваетъ.“

Все это совершенно справедливо и указываетъ на опасность разединенія духовенства съ народомъ. Легко можетъ быть также, что получая большое жалованье, священникъ сдѣлается не такъ ревностенъ къ исполненію требъ; но мы думаемъ однако, что если духовенство и предпочло бы получать жалованье, то это не всегда происходитъ только изъ желанія поставить себя въ независимое положеніе отъ прихожанъ, но скорѣе вызвано нуждой. Потребностей стало больше, жизнь вздорожала по крайней мѣрѣ вдесятеро въ какія-нибудь 50 лѣтъ, а доходы духовенства хотя и увеличились сравнительно съ старыми патриархальными временами прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, однакожь далеко не въ такомъ размѣрѣ; стало-быть прежній бытъ былъ обезпеченнѣе нынѣшняго. Если въ духовномъ отношеніи опасно священнику быть совершенно независимымъ отъ прихожанъ, то не лучше будетъ, если нужда поставитъ его въ слишкомъ большую отъ нихъ зависимость. Удивительно ли будетъ тогда, если онъ станетъ потакать дурнымъ страстямъ прихожанъ, смотрѣть сквозь пальцы на расколъ? Ожидать противнаго значило бы требовать отъ священника необыкновеннаго самоотверженія, которое особенно трудно для человѣка семейнаго, болѣе страдающаго за людей ему близкихъ чѣмъ за себя. Бѣдность, и даже убожество, произвольно избранныя монахами-отшельниками, людьми отрешившимися отъ міра, не озбоченными семьей, а помышляющими только о спасеніи души своей, безспорно возвышаютъ человѣка во мнѣніи христіанскаго общества, но когда дѣло идетъ о людяхъ семейныхъ, обязанныхъ по самому призванію своему жить

* *Дель* № 45, 1862 г.

и дѣйствовать среди общества мірянъ, тогда на вопросъ о бѣдности сдѣлаетъ смотрѣть со стороны практической. Странно слышать когда проповѣдываютъ противъ роскоши тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ даже и обыкновеннаго довольства, а вѣдь оно было бы не только желательнo, но даже необходимо тому сословію, которое должно быть въ постоянномъ общеніи и съ низшими и съ высшими классами. Послѣдніе, вслѣдствіе своего воспитанія и образа жизни, придаютъ слишкомъ много значенія внѣшности, и священникъ въ убогой рясѣ, пожалуй, настоится въ передѣлѣ, и будетъ сочтенъ недостойнымъ занять мѣсто въ изящной гостиной тотъ, кто предстоить престолу Божію и совершаетъ Св. Таинства! Много горькихъ чувствъ заронится тогда въ душу священника; вѣдь онъ человѣкъ, а кто не знаетъ какъ тяжело переносить несправедливость и незаслуженное презрѣніе?... А отъ такого презрѣнія къ священнику одинъ шагъ — къ религіозному равнодушію. Итакъ священнику необходима приличная одежда, а это — вещь условная. Въ прежнее время для этого годилось бы и крестьянское сукно, нынче уже не то. Осуждать за это нельзя: духовенство живая часть народа и существуетъ подъ тѣми же условіями общественнаго развитія, какъ и прочія сословія.

У духовнаго лица много нуждъ самыхъ настоятельныхъ; какъ прожить скуднымъ жалованьемъ при вынѣшней дороговизнѣ, и притомъ съ семействомъ, которое надо воспитать, воспитать и пристроить? Положимъ, что въ семинаріи ничего не платится за ученіе, но вѣдь не мало нужно на одежду и содержаніе сыновей въ городѣ. Нужно пристроить и дочерей замужъ, и желаніе родителей сдѣлать это еще при жизни тѣмъ естественнѣе, что въ случаѣ смерти духовнаго лица, семейство его остается въ самомъ жалкомъ положеніи, и если мѣсто его получаетъ посторонній, то семейство умершаго лишается послѣдняго пріюта. Хотя домъ и принадлежитъ ему, но оно должно немедленно продать его въ скорости, потому что домъ стоитъ на церковной землѣ. Кто не знаетъ какъ совершаются эти продажи? Цѣна полагается не высокая, и уплата съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ, потому что и вновь поступающій не имѣетъ никакихъ наличныхъ средствъ, и

можетъ выплачивать за домъ только по мѣрѣ полученія доходовъ съ прихода. Вотъ почему зачисляютъ иногда мѣста за дочерей умершихъ служителей церкви, а миряне не вникая въ то что мѣра эта бываетъ вызвана крайностию, указываютъ на нее какъ на незаконную. Еслибы средства духовныхъ попечительствъ были значительнѣе, тогда могли бы выдаваться пенсіоны, но въ настоящее время пособія эти слишкомъ скудны. Не говоримъ уже о бѣдственномъ положеніи духовенства въ случаѣ тяжкихъ болѣзней, пожаровъ и тому подобнаго. Если сообразимъ все сказанное, то жалобы этого сословія становятся вполнѣ понятны, и чтобы назвать его скромныя требованія прихотами, надо поставить духовенство внѣ человѣческаго общества.

Многіе полагаютъ, что вмѣсто жалованья отъ правительства и прямаго налога на народъ, гораздо полезнѣе будетъ установить опредѣленную плату за требы. Исполненіе требъ, говорятъ намъ, составляетъ необходимость для прихожанъ, слѣдовательно и плата за нихъ—самое законное вознагражденіе за трудъ священника, а съ тѣмъ вмѣстѣ, она поддерживаетъ взаимную связь пастырей и пасомыхъ, и неволью сближаетъ ихъ. Но вѣдь это существуетъ и теперь, только въ видѣ добровольнаго вознагражденія, чѣмъ гораздо болѣе достигается моральная цѣль сближенія. И можно ли видѣть одну финансовую операцію тамъ, гдѣ дѣло тѣсно связано съ религіей? Можно ли такъ святотатственно касаться предметовъ столь близкихъ, дорогихъ и священныхъ для души человѣка? Не увидится ли этимъ и самая религія? Можно назначать таксу на жизненныя потребности, но возможно ли, позволительно ли поступать такъ же въ отношеніи хлѣба небеснаго, питающаго души вѣрующихъ? И такъ, чтобы соединиться съ Господомъ, чтобы укрѣпить себя пищею духовною, нужно прежде сообразить свои денежные средства, и если они ниже положенной таксы, то и отказаться отъ божественнаго утѣшенія! Душа, горящая любовью къ Богу и жаждущая святаго причащенія, не будетъ ли неволью охлаждаться мыслию о положенной таксѣ? Теперь, давая то что можетъ, смотря по средствамъ своимъ и усердію, человѣкъ утѣшается тѣмъ, что принесъ посланную лепту Господу, а когда это будетъ назначено и приказано, тогда приношеніе его обратится въ государственную податьъ и потеряетъ свой религіозный характеръ. Замѣчая

что опредѣленная такса лишить прихожанъ возможности давать что-либо по усердію, цѣны находятъ, что можно положить ее только за требы, плату же за молебны и паннихиды оставить на волю дающаго. Вотъ удивительное сужденіе: положить таксу за таинства и оградить отъ нея простыя службы! Ужь если такса непременно нужна, то при назначеніи ея слѣдуетъ поступить совершенно на оборотъ.

Мѣра эта, однако, и въ финансовомъ отношеніи не выдерживаетъ критики. Если такса нужна для воспрепятствованія излишнимъ требованіямъ духовенства, отъсчитаннымъ для прихожанъ, какъ заявляли о томъ рязанскіе мировые посредники, то придется назначить таксу самую низкую, т. е. minimum того что дается теперь, потому что иначе бѣдному платить будетъ трудно; но тогда духовенство получить слишкомъ малое вознагражденіе за свой трудъ, иногда очень тяжкій. Такъ, напримѣръ; нерѣдко приходится священнику ѣхать за нѣскольکو верстъ съ требой, и въ водополь, и въ темную осеннюю ночь, и въ зимнюю мятель, — какъ же вы хотите, чтобъ онъ получалъ за это какую-нибудь копѣйку, на которую не купишь двоволь и хлѣба, чтобы быть сыту? Положимъ, что все это бываетъ и теперь, а между тѣмъ бѣдный не остается безъ утѣшенія религіи, но за то, при вынѣшнемъ добровольномъ вознагражденіи, богатый даетъ много болѣе, и это уравновѣшиваетъ ничтожную плату бѣднака, а тогда дѣло будетъ иначе. Если же положить такую таксу, которая вознаграждала бы трудъ священника, тогда она будетъ — налогомъ на бѣдныхъ, которые столько же нуждаются въ таинствахъ какъ и богатые, и слѣдовательно должны будутъ платить то же, что и послѣдніе, имѣющіе, однако, гораздо болѣе къ тому средствъ. При добровольной платѣ каждый даетъ не по усердію только, но и по средствамъ. Едва ли что можетъ быть справедливѣе этого, и такія отношенія желательны бы видѣть вездѣ, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ дѣло касается стороны нравственной и религіозной, и гдѣ надо всего болѣе стараться не возбудить въ прихожанахъ ропота на духовенство и на все относящееся къ церкви и къ предметамъ священнымъ, чтобы не охладить ихъ этимъ и къ самой религіи, проповѣдывающей миръ и любовь. Опредѣлить

же такую справедливую плату закономъ невозможно: если она будетъ наложена съ цѣлью замѣнить жалованье и доставить приличное вознагражденіе духовенству, то она должна быть довольно высока и сдѣлается обременительною для бѣдныхъ. Но положимъ, вы возьмете цифру среднюю, — для бѣдныхъ и она будетъ все-таки высока, за то богатые будутъ платить менѣе того, что могли бы дать. Развѣ это справедливо? Намъ скажутъ, быть-можетъ, что никто не запрещаетъ давать болѣе положеннаго и при опредѣленной таксѣ; но въ такомъ случаѣ, къ чему же она и нужна? — „Чтобы никто не давалъ менѣе“, скажутъ иные; но вѣдь напротивъ, это-то и нужно, чтобы бѣдакъ могъ давать менѣе, и это возможно только тогда, когда богатый даетъ болѣе, а пока онъ дѣлаетъ это *добровольно*, оно и не обидно ни для кого, а попробуйте установить различную такую закономъ, богатый будетъ роптать на нее какъ на несправедливый налогъ. Многіе не повѣрятъ какую ничтожную плату даетъ сельскому священнику иной бѣдакъ за исповѣдь, напримѣръ—1 коп. сер., даже $\frac{1}{2}$ коп., а вѣдь это все равно что ничего, но ему все-таки хочется дать, и онъ радъ, что могъ привести хотя эту лепту, и обидѣлся бы жестоко, еслибы священникъ не взялъ такой платы. Тотъ, кто умѣетъ смотрѣть на вещи не съ одной матеріальной стороны, увидитъ въ этомъ отношеніи дышащія духомъ евангельскимъ, и не захочетъ, чтобы добровольныя приношенія за самое священное въ жизни человѣка, могли замѣниться налогомъ. Такая такса была положена еще Петромъ Великимъ, но видно невозможна она на дѣлѣ, если никто не придерживался ея.

Впрочемъ, какую бы плату за требы ни установили, вы не искорените лихоимства, если духовенство не поднимется морально. Тутъ дѣло не въ количествѣ платы: въ какомъ бы то ни было сословіи, беретъ взятки и прижимаетъ не тотъ, кто менѣе имѣетъ доходу, а тотъ, у кого менѣе чести и благородства въ душѣ; это доказывается сотнями примѣровъ нажившихся чиновниковъ.

Точно также непопулярною оказалась бы и обязательная обработка церковной земли прихожанами: это была бы та же барщина, только что уничтоженная у помѣщиковъ; зачѣмъ же возстановлять ее въ новомъ видѣ?

Иные предлагаютъ еще употребить не одну которую-нибудь изъ исчисленныхъ нами мѣръ, а всѣ—по-немвогу; но мы показали уже несостоятельность каждой изъ нихъ, и дѣло не поправится отъ того, что ихъ смѣшаютъ всѣ вмѣстѣ.

Кромѣ этихъ мѣръ, предлагается еще одна, въ высшей степени вредная и въ нравственномъ и въ религіозномъ отношеніи. Это — безбрачіе духовенства. Хотя оно и не противорѣчитъ каноническимъ постановленіямъ нашей церкви, а потому и не запрещается тѣмъ, которые избрали бы его сами по благочестивому обѣту своего сердца, но какъ правила, обязательнаго для всѣхъ, да сохранить насъ отъ него Богъ,—и это по многимъ причинамъ.

Нельзя довольно благодарить Государя за то, что онъ приказалъ неуклонно держаться постановленій церкви и правилъ соборовъ и святыхъ отцовъ: ни въ чемъ не нужна такая осторожность, какъ въ реформахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ религіи. Брачное состояніе духовенства такъ давно уже вошло въ обычай, что народъ нашъ привыкъ считать его однимъ изъ коренныхъ постановленій нашей церкви и введеніе безбрачія называлъ бы просто ересью. Даже и образованный классъ счелъ бы введеніе безбрачія у духовенства—латинствомъ. Да сохранить насъ Богъ отъ какихъ бы то ни было подражаній католицизму! Нѣтъ ничего противоположнаго его духу нашей церкви, глава которой—Христосъ замѣненъ у католиковъ—папой, съ титуломъ—*непогрѣшительнаго!* По одному этому можно судить о неизмѣримой разницѣ между обѣими церквями: восточная основана на смиреніи и всегда внушала служителямъ своимъ чистоту цѣлей, западная же, по раздѣленіи церквей, основалась на гордости житейской и властолюбіи. Своею свѣтскою властью папа дорожить, кажется, еще болѣе чѣмъ духовною. Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ и безбрачное католическое духовенство. Безбрачіе, составляющее необходимую принадлежность инока, отказавшагося отъ міра, ведетъ его къ высокой цѣли спасенія, но безбрачіе въ міру рѣдко не ведетъ къ разврату, и почти всегда дѣлаетъ сердце чертовымъ, что особенно противно видѣть въ христіанскомъ пастырѣ. Провырство и страсть католическаго духовенства къ интригамъ извѣстны всакому. Только въ средѣ его и могъ явиться іезуитскій орденъ. Священникъ, не знающій семейныхъ радостей и скорбей, не можетъ принимать

и въ прихожанахъ своихъ близкаго участія. Оазъ будетъ чуждъ всему и холоденъ сердцемъ. А между тѣмъ нельзя довольно настаивать на томъ, что самое существенное условіе для поддержанія религіи составляетъ единеніе духовенства съ обществомъ. Католическіе священники стараются въ семейства своихъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ не съ тѣмъ, чтобъ ободрять и утѣшать ихъ въ скорби, укрѣплять въ вѣрѣ и направлять души ихъ къ спасенію, а съ тѣмъ, чтобъ управлять ими и пользоваться страстями ихъ для своихъ властолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей. Да сохранить Господь духовенство наше отъ подобнаго духа! Вотъ почему для реформъ нашихъ намъ всего менѣе могутъ годиться примѣры римской церкви. Но если мы ужь не можемъ удовлетворяться своимъ и непремѣнно хотимъ заимствовать что-нибудь у другихъ, то взглянемъ лучше въ свою Финляндію: нигдѣ духовенство не уважается столько народомъ; тамъ вѣтъ однакожь ни жалаванья отъ казны, ни налога на народъ, ни опредѣленной таксы за требы, — всякія вымогательства отъ прихожанъ строго запрещены. Церковные дома однако построены отъ прихода, и къ церкви, какъ и у насъ, приписана земля. Обязательнаго труда вѣтъ, но изъ уваженія къ пастору, крестьяне всегда обрабатываютъ ему землю сами, добровольно и исполняютъ многія хозяйственныя работы, — иногда даромъ, иногда за небольшую плату или, какъ и у насъ, — *помочью*. Послѣдній способъ, не совсѣмъ приличный священнику, не имѣетъ въ себѣ ничего дурнаго тамъ, гдѣ пастырь держитъ себя съ достоинствомъ, приличнымъ его сану, и гдѣ народъ смотритъ на него съ должнымъ уваженіемъ, и не позволяетъ себѣ забытья у него въ домѣ, какъ это иногда случается на нашихъ помочахъ. Такимъ образомъ хозяйство пастора всегда въ отличномъ видѣ, и оазъ съ большаго прихода, напр. тысячи въ 2 ревизскихъ душъ, получить доходу не одну тысячу рублей. И это въ такой бѣдной странѣ какъ Финляндія! Какъ же при такомъ положеніи не воспитать хорошо семейства? И все это достигается безъ тѣхъ мѣръ, какія предлагаютъ для улучшенія быта нашего духовенства. Главная причина такого отпаднаго явленія заключается въ уваженіи прихожанъ къ своимъ пастырямъ. Это лучше всего доказываетъ какъ намъ необходимо подмать наше духовенство изъ того нравственнаго

увиженія, въ которое поставили его мало-по-малу обстоятельства. Когда священники наши будутъ держать себя съ прихожанами такъ какъ слѣдуетъ, будутъ принимать живое участіе въ скорбяхъ и радостяхъ своей паствы но отнюдь не въ пирахъ ея, когда народъ будетъ видѣть въ священникѣ наставника и друга, всегда готоваго посѣтить болящаго, утѣшить, подать благой совѣтъ и оказать бѣднику посильную помощь, — но не будетъ смотрѣть на него, какъ на товарища разгульнаго веселья, однимъ словомъ, когда священникъ будетъ уважать себя самъ, тогда онъ будетъ уважаемъ и народомъ, и это тотчасъ же выразится не только въ нравственныхъ, но и въ матеріальныхъ отношеніяхъ къ нему его прихожанъ. Онъ пойметъ тогда, что пируя съ ними и потворствуя страстямъ ихъ, не заслужишь ничего подобнаго. *Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ*, сказалъ Спаситель (Матѣ. VI, 29). Все это мы надѣемся увидать въ духовенствѣ нашемъ, когда общество поможетъ ему подняться морально.

По нашему мнѣнію, улучшеніе быта духовенства прежде всего требуетъ, чтобъ оно не было замкнутою кастой и допускало бы въ свою среду людей изъ всѣхъ сословій, такъ чтобы въ священники поступали не иначе, какъ по призванію; это нисколько не противорѣчитъ каноническимъ правиламъ. Развѣ мы не привыкли видѣть іеромонаховъ изъ всѣхъ сословій, и притомъ людей не только въ семинаріи, но и нигдѣ не учившихся? А вѣдь самъ священникъ все одинъ и тотъ же, и въ бѣломъ и въ черномъ духовенствѣ. Допуская въ свою среду другія сословія, духовенство и само должно будетъ готовить дѣтей своихъ ко всѣмъ родамъ службы, смотря по способностямъ и призванію, такъ чтобы служенію церкви посвящало себя только известное число людей, соразмѣрное потребностямъ епархіи. Справедливо было замѣчено въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* * слѣдующее: „До тѣхъ поръ, пока умноженіе числа членовъ духовнаго сословія будетъ идти не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями церкви, а единственно будетъ зависѣть отъ естественнаго

* № 8, 1863 г. стр. 230.

закона народненія, до тѣхъ поръ, говоримъ, никакія матеріальныя средства, получаемыя извнѣ, не будутъ достаточны для надлежащаго обезпеченія.“

Надо, следовательно, прибѣгать не къ полумѣрамъ, но рѣшиться на существенное преобразование быта духовенства, а какъ такое обойдтись безъ пожертвованій не можетъ, то конечно многіе возстанутъ противъ насъ, но мы думаемъ, что польза цѣлаго сословія и народа должна стоять несравненно выше пользы отдѣльныхъ лицъ, хотя бы послѣднихъ было и очень много. Поколѣвія людей вымираютъ, но государство продолжаетъ жить и развиваться; следовательно всякая важная реформа должна имѣть въ виду не одно только настоящее время, но и отдаленное будущее.

По нашему мнѣнію, улучшеніе быта духовенства тѣсно связано съ радикальнымъ преобразованиемъ семинарій. Въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь, онѣ, конечно, отжили свой вѣкъ.

Недостаточность семинарскаго воспитанія вошла въ пословицу; для многихъ даже слово семинарія—синонимъ всего низкаго, отвратительнаго, и они кричатъ, что давно бы пора уничтожить ихъ какъ величайшее зло. Конечно тѣ, которые такъ бранятъ семинарію, никогда въ нихъ не заглядывали и не спросили себя: гдѣ же можно получить такое образованіе какъ тамъ *за такую дешевую цѣну*? Если мы подумаемъ чего стоятъ свѣтскія учебныя заведенія сравнительно съ духовными, особенно же если возьмемъ въ расчетъ число самыхъ заведеній и юности, въ нихъ учащагося, и въ то же время заглянемъ въ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, то разница выйдетъ поразительная. Сколько тысячъ людей получили, благодаря семинаріямъ, кусокъ хлѣба, и на такія дешевыя средства, при которыхъ нечего и думать получить образованіе въ свѣтскихъ заведеніяхъ! Кромѣ того, сколько достойныхъ людей вышло изъ духовныхъ училищъ: сколько краснорѣчивыхъ ораторовъ, государственныхъ людей, ученыхъ профессоровъ, съ честію занимавшихъ кафедры университетовъ, сколько людей святой жизни! Не грѣшно ли послѣ этого бросать грязью въ семинарію?... Но образованіе должно, конечно, идти съ вѣкомъ. Въ прежнія времена первыми разсадниками его были духовныя училища, но потомъ, когда государство употребило столько милліоновъ для свѣтскихъ

учебныхъ заведеній, не удивительно, что евѣтокія училища, выдвинулись на первый планъ. Мы сказали выше, что нѣсколько не находимъ семинаріи удовлетворительными въ ихъ настоящемъ видѣ, и согласны съ тѣмъ, что въ нихъ много злоупотребленій, и что не въ одной только Перми совершаются тѣ удивительныя вещи, о которыхъ разказано въ № 43 *Дня* 1862 г. Мы находимъ также въ очеркѣ Г. К.—на * много справедливаго, и не споримъ, что въ духовенствѣ нашемъ отношенія между младшими и старшими, между подчиненными и начальниками, какъ на службѣ, такъ и на школьной скамьѣ, не только лишены всякой покрепности и разумной свободы, давно допущенной въ другихъ сословіяхъ, но стѣснены даже до педантства. А кто же не знаетъ, что такія отношенія въ состояніи убить въ человѣкѣ всякое живое чувство и превратить его въ автомата? Извѣстно также, что тамъ гдѣ личность не уважается, должны неминуемо развиваться и процвѣтать обманъ и лицемеріе.

Надо полагать, что въ прежнее время такія отношенія строгой подчиненности установились въ духовенствѣ во имя иноческаго правила о смиреніи и посаушаніи, которое должно быть всегда основано на любви христіанской; но потомъ эти отношенія извратились мало-по-малу вслѣдствіе сословной замкнутости и происшедшаго отъ того моральнаго упадка духовенства, а частію конечно и потому, что у насъ во все вѣлаась формалистика. Но какъ бы то ни было, а семинаріи одѣлали свое дѣло и требуютъ преобразованій. Эти преобразованія могутъ быть полезны не только для дѣла учебной, но послужатъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и къ улучшенію быта всего духовенства, въ чемъ состоитъ такая неотразимая надобность.

Въ настоящее время дѣти духовныхъ лицъ поступаютъ всегда въ семинаріи; хотя главная причина этого заключается въ дешевизнѣ семинарскаго образованія, но причина эта не единственная, потому что и люди, имѣющіе хорошія средства къ воспитанію дѣтей, поступаютъ съ ними точно также. Въ дворянскомъ сословіи мы видимъ, что у вселыхъ отцовъ дѣти часто служатъ по статской или по

* „Очеркъ мѣстнаго городск. правосл. духов.“ *Дель* № 31, 1862 г.

ученой части, и наоборотъ, духовные же непременно хотѣть видѣть дѣтей своихъ священнослужителями и не считаютъ даже нужнымъ справляться объ ихъ призваніи. Только въ послѣдствіи уже нѣкоторые изъ семинаристовъ, по разнымъ обстоятельствамъ, переходятъ въ другія вѣдомства, бѣольшая же часть ихъ остается въ духовествѣ, въ надеждѣ получить священническое или дьяконское мѣсто; но какъ количество студентовъ значительно превышаетъ потребности церкви, то огромное число ихъ проводитъ по нѣскольку лѣтъ безъ всякой пользы для себя и для общества, обременяя собой свои семейства; а между тѣмъ сколько нравственныхъ силъ гибнетъ въ такой праздности!

Но какъ скоро духовенство перестанетъ быть замкнутою кастою, и всѣ ослловія допущены будутъ къ поступленію въ священники не иначе, какъ по призванію, и въ количествѣ соразмѣрномъ потребностямъ епархій, тогда, повѣрно, что дѣтямъ духовныхъ не будетъ уже предстоить надобности готовить себя непременно къ этому званію, иногда совершено противъ природныхъ наклонностей. Ребенокъ не можетъ опредѣлить свое будущее призваніе, а потому всего бы лучше дѣтямъ духовныхъ поступать, наравнѣ съ дѣтьми другихъ сословій, въ общія заведенія, гдѣ они получали бы и одинаковое съ ними образованіе, и только по окончаніи курса выбрали бы себѣ карьеру, смотря по собственной наклонности. Специальныя духовныя заведенія въ такомъ случаѣ состояли бы изъ однихъ высшихъ классовъ. Богословскій курсъ долженъ продолжаться три или четыре года; онъ будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и временемъ испытанія для молодыхъ людей, поступившихъ въ семинарію. Если кто-либо изъ нихъ окажется бы недостойнымъ высокаго званія, къ которому готовится, того сабауетъ непременно уволить. Такимъ образомъ священный санъ служителя Божія возвысится въ общественномъ мнѣніи*.

* Вообще соглашаемся съ авторомъ относительно необходимости уничтожить всякій характеръ касты въ нашемъ духовествѣ, но никакъ не можемъ согласиться съ планомъ его относительно преобразования семинарій и должны повторить неоднократно уже высказанное нами замѣчаніе объ опасности преобразованій уничтожающихъ существующее, вмѣсто того чтобы его улучшать. Боже сохрани, конечно, отъ того, чтобы семинаріи остались въ томъ видѣ, въ какой приведемъ они нынѣ благодаря различнымъ реформамъ, извѣдъ навязаннымъ духовнымъ заведеніямъ и уничтожившимъ въ нихъ всякій духъ серьезнаго ученія, въ

Противъ допущенія въ спеціально-духовныя заведенія лицъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и другихъ общеобразовательныхъ заведеній есть много возраженій. Нѣкоторые видятъ въ этомъ что-то антирелигіозное; но такое мнѣніе не стоить и опроверженій. Развѣ учрежденіе семинарій въ настоящей ихъ формѣ имѣетъ что-нибудь общее съ догматами самой религіи? Не все ли равно гдѣ бы ни учились дѣти предметамъ общимъ, равно необходимымъ для всѣхъ сословій, лишь бы духъ ученія былъ христіанскій и нравственный? Но главное возраженіе противъ гимназій въ томъ именно и состоитъ, что ученики вынесутъ оттуда равнодушіе къ религіи, губельное для всякаго христіанина, а тѣмъ болѣе для служителей алтара, и должны будутъ потомъ проповѣдывать религію, которой мало вѣрятъ. Хуже этого, конечно, ничего не можетъ быть; но такіе гимназисты и не захотятъ поступить въ духовное званіе: вѣдь молодость не способна лицемерить, — да и неужели нѣтъ средствъ помочь этому злу? Необходимо, чтобъ и общество наше вышло наконецъ изъ своей тысячелѣтней апатіи и оправдало довѣріе правительства, которое предоставляетъ ему теперь такъ много случаевъ выказать полезную дѣятельность, находя его, конечно, довольно уже зрѣлымъ для рѣшенія многихъ мѣстныхъ вопросовъ; пора бы нашему обществу доказать, что оно цивилизованное, — не на словахъ только или на бумагѣ, а и на дѣлѣ; пора бы перестать быть равнодушнымъ къ самымъ жизненнымъ вопросамъ роднаго намъ народнаго быта, и заняться этими вопросами поболѣе чѣмъ инотравными, о которыхъ мы такъ много и съ такимъ жаромъ разсуждаемъ и споримъ. Но тамъ роль политиковъ и государственныхъ людей достается намъ легко, потому что

которомъ нельзя было отказать прежнимъ семинаріямъ, при всей грубости ихъ быта и при всѣхъ ихъ недостаткахъ. Но мы никакъ не думаемъ, чтобы было полезно всѣ общеобразовательныя заведенія сосредоточить исключительно въ ведомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, оставивъ въ рукахъ духовенства только высшія духовныя училища безъ общеобразовательнаго характера. Въ высшей степени полезно, чтобы рядомъ съ общеобразовательными заведеніями въ ведомствѣ народнаго просвѣщенія существовали другія, которыя могли бы вступать съ нами въ конкуренцію. Въмѣсто того чтобъ уничтожать низшіе классы семинарій, необходимо только открыть эти заведенія для всѣхъ сословій, причемъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ могли бы быть допускаемы прямо въ высшіе классы семинарій, гдѣ образованіе имѣло бы уже спеціальнѣйшій характеръ.

Ред.

сужденія для каждаго вопроса и pro и contra, — получаемъ мы готовыя изъ-за границы, а въ своихъ мѣстныхъ вопросахъ надо во все звикать самимъ, сѣдѣть зорко и неутомимо, наблюдать съ живымъ участіемъ, и, смотря по ходу дѣлъ, принимать дѣятельныя мѣры къ поддержанію хорошаго, къ искорененію дурнаго. Все это сапшкомъ скучно и тяжело для насъ. Слыть Европейцами мы хотимъ непремѣнно, слова — прогрессъ, филантропія, современные вопросы, убѣжденія и т. под., такъ и сыпаются въ нашихъ разговорѣ; но когда мы достаточно наговорились въ этомъ духѣ, и убѣдились, что мы люди передовые, мы находимъ, что исполнили свой долгъ и можемъ отдохнуть на лаврахъ, т.-е. — сѣсть за карты. Слово и дѣло постоянно у насъ въ разладѣ. Для дѣла и, главное, — для успѣха въ дѣлѣ, нужно терпѣніе и неутомимое постоянство, — вотъ въ этомъ-то именно и хорошо бы намъ подражать иностранцамъ. Неужели общество наше не приметъ участія въ такомъ жизненномъ вопросѣ каково религиозное направленіе молодого поколѣнія, — этихъ будущихъ дѣятелей въ государствѣ, въ числѣ которыхъ общество видитъ и своихъ собственныя дѣтей? Неужели и для нихъ отцы не захотятъ себя побеспокоить? Такое равнодушіе было бы просто преступленіемъ. Между тѣмъ кто же не знаетъ, какъ много значитъ въ каждомъ дѣлѣ контроль цѣлаго общества? Мы думаемъ и надѣемся, что если въ гимназій будутъ поступать дѣти священниковъ, то послѣдніе станутъ зорко сѣдѣть за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ не лишились лучшаго блага этой жизни — религіи, а потому, при малѣйшемъ уклоненіи отъ нея, сейчасъ же обратятъ всеобщее вниманіе на грозящую опасность.

Неужели общество наше не подумаетъ о томъ, что упадокъ религіи губителенъ для государства? Что подкапывалось, во имя социалистическихъ идей, подъ эту основу, на которой одной можетъ зиждиться прочное благосостояніе страны, — мы становимся врагами не только собственной души своей, но и самой родины нашей, для которой немислимо прочное устройство — безъ православія. Кажется, пора намъ осмыслиться, пора понять, что пользы церкви тождественны съ пользой всего государства, что вопросъ, касающійся духовенства, важенъ не для одного только этого сословія, а для всѣхъ вообще, и что необходимо, чтобы первые

разсадники образованія юношества—гимназій, были учрежденіями достойными государства христіанскаго. За этимъ зорко должно слѣдить общество для блага собственныхъ дѣтей.

Когда духовное званіе будетъ такимъ образомъ открыто всѣмъ сословіямъ, тогда не только связь духовенства съ обществомъ сдѣлается тѣснѣе и крѣпче, но усилятся и вліяніе его, и голосъ его можетъ тогда смѣлѣе возвышаться во всѣхъ вопросахъ, гдѣ надо дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Есть и еще возраженіе противъ гимназій, а именно, что такъ какъ въ нихъ платится по 10 р. въ годъ за каждаго ученика, то будто бы дѣти духовныхъ могутъ остаться совсемъ безъ воспитанія, какъ по недостатку средствъ, такъ и потому, что привыкнувъ къ безплатному обученію дѣтей своихъ въ семинаріяхъ, даже и достаточные родители сочтутъ плату несправедливостию. Мы полагаемъ однако, что духовенство наше на столько благоразумно, что не захочетъ изъ пустаго каприза лишить дѣтей своихъ образованія; что же касается до средствъ, то при улучшенномъ бытѣ, такая небольшая плата не затруднитъ никого.

Кромѣ того, по новому проекту министерства народнаго просвѣщенія предположено завести въ уѣздныхъ городахъ прогимназій, гдѣ плата за ученіе будетъ конечно ниже, и содержаніе учениковъ обойдется дешевле, чѣмъ въ губернскомъ городѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ быта сельскаго духовенства.

По нашему мнѣнію всю землю, въ количествѣ 33 десятинъ, приписанную къ церкви, и находящуюся въ пользованіи всего причта, слѣдуетъ отдать одному священнику, который можетъ получать съ нея порядочный доходъ или отдавая ее изъ полу, или въ наѣмы за деньги, и не прибѣгая ни къ системѣ *помочей*, не совсемъ приличной священнику, ни къ обязательной обработкѣ ея крестьянами.

Въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* * выведенъ приблизительный разчетъ поземельнаго дохода съ церковной земли, которая составляетъ 1 милл. десятинъ во всемъ государствѣ. Полагая кругомъ съ каждой десятины по 20 р. чистаго

дохода, получится 20 милл.,— цифра очень утѣшительная на первый взглядъ, но которая принимаетъ совсѣмъ иной видъ, когда ее нужно будетъ раздѣлить на 600.000 лицъ духовнаго званія: тогда на долю каждаго придется менѣе 40 р.

Но еслибы, по нашему предположенію, причетники были надѣлены особыми свободными землями, а церковныя отдачи однимъ лишь священникамъ, тогда дѣло вышло бы совсѣмъ иначе. Священникъ, отдавая свои 33 дес. въ наймы, получилъ бы съ нихъ, на хорошей землѣ,— рублей 300; но еслибы онъ сталъ обрабатывать ихъ наймомъ, то доходъ оказался бы значительнѣе: такъ напр., въ хорошихъ черноземныхъ мѣстахъ десятина даетъ отъ 40 до 50 р. чистаго дохода, яровая отъ 30 до 40 р. Имѣя въ виду наше повсемѣстное трехпольное хозяйство, мы должны отчислить 10 дес. этой земли подъ паръ; десять ржаныхъ дадутъ, положимъ, по 40 р. каждая, и того 400; десять яровыхъ хоть по 30 р.—300; и три десятины луговъ, каждая по 25 р. — всего 775 р.; положимъ хоть ровно 700 р. Понятно, что при такой запашкѣ, священникъ будетъ держать и постоянныхъ работниковъ и можетъ имѣть хорошее скотоводство, что не мало прибавитъ ему дохода. Такимъ образомъ земледѣіе и хозяйство, поддерживая довольство въ его жизни, не будутъ однако препятствовать его духовнымъ обязанностямъ, потому что онъ не самъ будетъ трудиться въ полѣ. Если прибавить къ этому плату за требы, конечно добровольную, и жалованье, которое будетъ выдаваться ему отъ прихода, какъ законоучителю, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ главному начальнику и блюстителю школы,* то можно смѣло сказать, что такое положеніе будетъ очень удовлетворительно для сельской жизни, особенно если вспомнимъ, какъ мало духовенство наше избаловано не только роскошью, но даже и простымъ довольствомъ. Чтобы не сочли однако поземельный доходъ, выведенный нами, проувеличеннымъ, мы напомнимъ что говорили о земляхъ плодородныхъ; но есть приходы, гдѣ онъ будетъ даже и выше этого, за то найдется много и такихъ, гдѣ не получится и половины, и даже третьей доли вышеозначенной суммы. Тамъ, напримеръ, гдѣ земли неудобныя и дурнаго качества, обработка ихъ

* Объ этомъ будетъ сказано ниже.

наимомъ не окупится, следовательно доходъ священника не много увеличится, если и вся земля поступитъ на его долю. Какъ уравнивать такіе приходы съ тѣми, гдѣ хорошій грунтъ земли и гдѣ она ходитъ даже внаимы за высокую плату, — мы скажемъ послѣ; уравнивать же поземельный доходъ хотя приблизительно, по мнѣнію нашему, — необходимо, иначе одна часть духовенства почти не испытаетъ никакого улучшенія въ своемъ бытѣ. Есть также у церкви земли спорныя; надо чтобы правительство поторопило присутственнымъ мѣста рѣшеніемъ такихъ дѣлъ, и гдѣ нужно, внесло бы деньги, чтобъ окончателно укрѣпить эти земли за церковью.

Тамъ, гдѣ по большому количеству душъ прихода и по дальнимъ разстояніямъ, необходимо имѣть двухъ священниковъ, земли же церковной имѣется только 33 дес., приходъ долженъ нарѣзать такую же пропорцію ея и на долю другаго священника; а гдѣ по малоземельности сдѣлать этого нельзя, тамъ слѣдуетъ въ замѣнъ того выдавать пособіе изъ попечительства одному изъ священниковъ, или же обонимъ, съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобъ и всю наличную землю они раздѣлили пополамъ.

Сверхъ того, къ уравниванію доходовъ ихъ можетъ служить еще и училище, такъ какъ число учениковъ естественно должно быть значительнѣе въ большихъ приходахъ чѣмъ въ малыхъ, а следовательно и средства къ вознагражденію учащихся у такого училища должно быть больше.

Дьяковскія мѣста въ сельскихъ церквахъ слѣдуетъ совсемъ закрыть, такъ какъ служба можетъ совершаться и безъ дьякона; тамъ же, гдѣ для благолѣпія ея, прихожане сами пожелаютъ имѣть дьякона, они могутъ учредить для него ругу. Это будетъ жертва добровольная и на нее роптать никто не въ правѣ. Изъ причетниковъ же довольно оставить по одному при каждой церкви.

Улучшеніе быта духовенства должно быть тѣсно связано не только съ реформой семинаріи, но и съ предполагаемымъ учрежденіемъ повсемѣстныхъ приходскихъ училищъ. Нельзя не пожелать, чтобъ это общенародное дѣло предоставлено было самому обществу, а ученье, руководство и надзоръ надъ училищами православному духовенству. Тогда это могло бы устроиться дешево и сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Мы все хотимъ кроить по одной мѣркѣ,

все строить по одному плану, не возможно ли это при разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества? Когда, по уничтоженіи прежнихъ кредитныхъ учрежденій, заговорили о земскихъ банкахъ, то думали, что для этого недостаетъ только готовой формы, и, по составленіи ея, ожидали, что банки сейчасъ же расплодятся повсей Россіи. Вышло однако наоборотъ, и лишь тамъ, гдѣ оказалась не только потребность (она есть вездѣ), но и возможность завести банки, они и устроились, и ужь никакъ не вслѣдствіе изданной формы... Намъ кажется, что эта система педагогическаго однообразія, ничего не хотящая знать о жизни и всегда дѣйствующая помимо ея, едва ли не будетъ еще безплоднѣе въ приложеніи къ дѣлу народнаго образованія. Если министерскій проектъ устава осуществится вполнѣ, то можно оказать навѣрное, что школы не принесутъ надлежащей пользы и, главное, — будутъ ненавистны народу, который совершенно отстраненъ проектомъ отъ такого близкаго ему дѣла и долженъ будетъ только давать на него деньги. И какъ дорого обойдутся ему школы! О казенныхъ же расходахъ и говорить нечего: они будутъ огромны, и все это затѣмъ только, чтобы создать новую фалангу чиновниковъ! Но допустимъ, что школы и будутъ учреждены по предположенной министерствомъ народнаго просвѣщенія однообразной формѣ, все же, — если желаютъ имъ успѣха на дѣлѣ, а не на бумагѣ только, — необходимо должно поручить и ученіе, и ближайшій надзоръ за ними — духовенству. Этимъ достигаются многія несомнѣнныя выгоды: во-первыхъ, государство избавляется отъ расходовъ на устройство учительскаго института и на новыхъ бесполезныхъ чиновниковъ; во-вторыхъ, народъ приучается самъ думать и заботиться о своихъ мѣстныхъ потребностяхъ, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, что особенно полезно теперь, когда ему даны гражданскія права; в-третьихъ, въ немъ возбуждается охота посылать дѣтей своихъ въ школу; в-четвертыхъ, лица духовныя, т.-е. священники настоящіе и учителя — священники будущіе, тѣснѣе обличаются съ своими прихожанами. Впятыхъ, — и это самое главное, — учащіеся имѣютъ возможность получить религіозное воспитаніе, о чемъ, кажется, очень мало заботится проектъ, хотя онъ и выставляетъ это главною цѣлью училищъ. Когда дѣло идетъ о воспитаніи цѣлаго народа, какъ же не подумать

о томъ, чтобы въ основаніе его положить религіозное направленіе? Чего можно ожидать отъ народа, воспитаніе котораго лишено будетъ самой главной и прочной основы — религіи? Да и кому же можно лучше ввѣрить эту святую обязанность, какъ не тѣмъ лицамъ, которыя поставлены для проповѣди евангельской, для пастырскаго назиданія прихожанъ, для служенія Христу Спасителю? И можетъ ли пастырь душъ приготовиться къ своему священному призванію на какомъ бы то ни было мѣстѣ лучше чѣмъ въ должности сельскаго учителя? Онъ тутъ въ маломъ видѣ причаается быть наставникомъ будущей паствы своей. Съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ ли быть занятіе болѣе достойное будущаго христіанскаго пастыря, какъ обращеніе съ дѣтьми, которыхъ любилъ Спаситель и ставилъ всегда въ примѣръ взрослымъ? Проходя обязанности учителя, онъ ближе и ближе знакомится съ народомъ и видитъ какіе недостатки придется ему всего болѣе искоренять въ своихъ будущихъ прихожанахъ. И они, въ свою очередь, близко узнаютъ учителя, и еслибы въ послѣдствіи было признано полезнымъ возстановить древнее правило церкви, по которому прихожане сами избирали себѣ священниковъ, то они могли бы дѣлать это съ полнымъ сознаніемъ, кого выбираютъ. Можно сказать навѣрное, что учитель, который сдѣлался заранѣе извѣстенъ народу съ хорошей стороны и заслужилъ его уваженіе, поступа въ священники, будетъ лучше обезпеченъ приходомъ и матеріально, только сдѣлается это не по приказу, а будетъ естественнымъ слѣдствіемъ ихъ взаимныхъ отношеній. *Въ Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* мы встрѣчаемъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „До тѣхъ поръ, пока прихожане будутъ встрѣчать въ лицахъ духовнаго званія особъ для нихъ чуждыхъ, не имѣющихъ съ ними никакой предварительной нравственной связи, назначаемыхъ къ нимъ безъ ихъ согласія, — всякое самое необходимое приношеніе въ пользу духовенства, отъ правительства ли то или отъ народа, будетъ казаться тягостью, которая незаслуженно несетъ въ пользу лица иногда не любимаго, а иногда и неуважаемаго.“ *

* № 8, 1863 г., стр. 231.

Учитель, однако, долженъ поступать въ священники не прежде какъ пробывъ нѣсколько лѣтъ въ своей должности, гдѣ онъ будетъ постоянно на виду у начальства. Тогда удобно будетъ также возстановить и то каноническое правило, по которому положено поставлять во священники не моложе 30 лѣтъ. Тотъ же сельскій учитель, стоящій на ваканціи священника, можетъ исполнять и обязанность причетника. Должности эти вполне совмѣстимы, потому что въ селахъ богослуженіе отправляется только въ праздники, когда ученья не бываетъ. Какъ скоро студентъ семинаріи будетъ занимать должность причетника, то она неминуемо возвысится въ общемъ мнѣніи. Земли отъ священника отрѣзывать для учителя не нужно, потому что, по проекту училищъ, онъ долженъ будетъ получать поддесятины подъ огородъ, помѣщеніе и жалованье отъ прихода, но не какъ лицо принадлежащее къ духовенству, а въ качествѣ учителя. Одного причетника для церкви будетъ достаточно уже и потому, что въ школахъ всегда учать и церковному пѣнію, стало-быть и клиросы пусты не будутъ. Звонить же и мести церковь обязавъ церковный сторожъ, который и теперь есть при каждой церкви.

Должность законоучителя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и директора школы по всѣмъ правамъ принадлежитъ священнику, за что ему и слѣдуетъ получать вознагражденіе отъ прихода. Для завѣдыванія же хозяйственною частію школы могутъ быть выбраны нѣкоторые изъ лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ въ приходѣ; они будутъ составлять по временамъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ священника, для обсужденія дѣлъ, касающихся школы. Въ Финляндіи, гдѣ такъ уважается духовенство, школы въ полномъ распоряженіи пасторовъ, и онѣ тамъ идутъ превосходно. Намъ возразятъ, быть-можетъ, что наше духовенство не сумѣетъ вести это дѣло какъ должно, одно, безъ участія гражданскаго вѣдомства; но такое сужденіе уже слишкомъ пристрастно. Существуютъ же семинаріи подъ завѣдываніемъ одного духовенства, да еще при такихъ малыхъ средствахъ, которыя можно назвать баснословными; дѣло же сельской школы слишкомъ не сложно. Къ тому же не должно забывать, что учитель-семинаристъ, по предположенію нашему, долженъ сначала окончить курсъ въ гимназіи, и свѣдѣній приобретенныхъ имъ тамъ, конечно, будетъ вполне достаточно для

обязанностей приходскаго учителя, а три года богословскаго курса, прибавленнаго къ гимназическимъ знаніямъ, конечно не повредятъ ему въ этомъ отношеніи, а напротивъ еще будутъ полезны именно тѣмъ, что онъ въ лицѣ своемъ можетъ соединять и должность законоучителя въ случаѣ болѣзни или отлучки священника, а этого нельзя дозволить просто гимназисту. Такимъ образомъ учрежденіе особаго института будетъ совсѣмъ не нужно. Само собой разумѣется, что министерство народнаго просвѣщенія можетъ по временамъ посылать своихъ чиновниковъ для ревизованія школъ и для присутствованія при выпускныхъ экзаменахъ; но мы думаемъ, что, по огромному количеству школъ и большиму разстояніямъ, пользы отъ этого будетъ мало, а расходовъ много. Дѣло другое въ городахъ: учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ могутъ наблюдать и за успѣхами приходскихъ школъ.

Понятно, что въ католическихъ земляхъ боятся отдать народное воспитаніе въ руки духовенства: тамъ оно имѣетъ надъ собой двѣ власти — своего государя, да еще другаго свѣтскаго властителя въ государствѣ, — папу, которому оно всего болѣе предано, а это конечно слишкомъ опасно, особенно же, если брать въ соображеніе и самый духъ католицизма. у насъ, слава Богу, нѣтъ ничего подобнаго. Что же касается до народа, то онъ конечно смотритъ болѣе на обряды, но религиозное чувство тѣмъ не менѣе живетъ въ немъ, хотя и бессознательно: онъ крѣпко стоитъ за то что привыкъ считать своею святыней, хотя и не умѣетъ отдавать себѣ отчета въ томъ что чувствуетъ. Осмыслить, такъ сказать, это религиозное чувство въ народѣ и укрѣпить его въ немъ сознательно, — вотъ что должно быть главною задачею учрежденія приходскихъ училищъ. Теперь народъ вѣрять такъ какъ неразвитое дитя; но нельзя себѣ представить и исчислить всехъ губельныхъ послѣдствій, если развитіе народа совершится помимо религиознаго направленія и не будетъ проникнуто духомъ православія. Народъ самъ понимаетъ это и, несмотря на даровое ученіе въ школахъ, охотнѣе отдаетъ дѣтей своихъ учиться къ духовнымъ лицамъ, и платитъ за это деньги. Не слѣдуетъ ли воспользоваться такимъ расположеніемъ народа при новомъ учрежденіи школъ? Да и какимъ образомъ устранить

такого дѣятеля, который завелъ уже тысячи школъ, безъ всякихъ пособій и воощреній правительства и который, при небольшомъ его содѣйствіи, можетъ сдѣлать еще несравненно болѣе? И зачѣмъ же прибавлять новую огромную цифру расхода къ государственному бюджету, когда можно достигъ болѣе дешевыми и простыми средствами не говорю такого же, но несравненно лучшаго и болѣе прочнаго воспитанія чѣмъ то, которое обѣщаетъ намъ проектъ.

Что касается до городского духовенства, то извѣстно, что оно имѣетъ болѣе доходовъ отъ прихожанъ чѣмъ сельское, но за то и жизнь въ городѣ дороже; землей оно не надѣлено, а потому и слѣдовало бы, въ замѣнъ того, имѣть во всѣхъ приходяхъ церковные дома для духовенства, потому что въ городѣ какъ покупка готоваго дома, такъ и постройка новаго обошлась бы слишкомъ дорого, и была бы не по средствамъ духовенству. Еслибы народныя школы были поручены духовенству, то можно бы устраивать ихъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ было бы помѣщеніе священнику и учителю, исполняющему должность причетника. Каждый приходъ могъ бы сдѣлать такъ, какъ ему удобнѣе—имѣть ли при церкви особый домъ для училища, или же помѣстить его вмѣстѣ съ духовенствомъ въ церковномъ домѣ, который въ такомъ случаѣ, конечно, долженъ быть уже просторнѣе.

Желательно было бы, чтобы въ городахъ, особенно въ губернскихъ, были при церквяхъ и дьяконы, какъ для благолѣпія службы, такъ и для крестныхъ ходовъ и другихъ церковныхъ процессій и торжествъ. Вѣроятно, городскіе приходы и сами пожелаютъ оставить у себя дьяконовъ на ругѣ.

Свѣчная сумма, вмѣстѣ съ вѣнчиковой, даетъ, напр. въ лавей епархіи, ежегодно около 40.000 р.; но при нынѣшнемъ устройствѣ семинарій, ея слишкомъ недостаточно: профессора получаютъ по 280 р., а на каждаго ученика падаетъ немного болѣе 30 р. Пусть тѣ, которые такъ кричатъ противъ семинарій, устроятъ что либо подобное съ такими ничтожными средствами. При новомъ же устройствѣ, этой суммы было бы достаточно для приличнаго содержанія семинарій; ректору, профессорамъ и всѣмъ служащимъ въ консисторіи, вмѣсто тѣго ничтожнаго жалованья, которое они получаютъ теперь, можно бы тогда

положить хорошее, и не только имъ, но даже и благочиннымъ; кромѣ того, можно бы выдавать депутатамъ деньги на разъѣзды ихъ по духовнымъ дѣламъ. Если прибавить къ этому доходъ съ зданій семинарій и духовныхъ училищъ, то можно было бы увеличить и содержаніе архіерейскихъ домовъ, въ настоящее время самымъ недостаточное. Такимъ образомъ, если не каждая епархія, то большая часть ихъ, получили бы возможность обходиться своими средствами, и только болѣе бѣдныя изъ нихъ продолжали бы получать пособіе; следовательно, большая половина того что ассигнуется теперь изъ суммъ духовно-учебнаго вѣдомства, осталась бы въ экономіи. Известно, что съ капитала, назначеннаго на этотъ предметъ, получается 1 милл. процента; но сумма ежегодныхъ расходовъ по духовно-учебному вѣдомству превышаетъ болѣе чѣмъ вдвое процентный доходъ *. Эта сумма оставалась бы въ экономіи. Конечно, все согласается съ нами, что при такомъ устройствѣ, огромное число чиновниковъ, состоящихъ при Святѣйшемъ Синодѣ и по духовному вѣдомству вообще, должно значительно убавиться, и канцелярія оберъ-прокурора можетъ быть значительно уменьшена безъ всякаго вреда для правильнаго теченія дѣлъ.

Мы не можемъ опредѣлить, какая именно сумма приобретается такимъ образомъ въ пользу духовенства, но ясно, что она будетъ огромна и можетъ составить первоначальный фондъ капитала, который послужитъ источникомъ къ постепенному улучшенію быта духовенства и упроченію его благосостоянія.

Изъ процентовъ этого капитала следовало бы выдавать на каждую епархію значительныя суммы для усиленія средствъ попечительства. Тогда можно бы въ каждой епархіи учредить постепенно разныя благотворительныя заведенія: больницы, пріюты для престарѣлыхъ и убогихъ, для малолѣтнихъ сиротъ и т. д. Можно было бы выдавать единовременныя пособія священникамъ для первоначальнаго обзаведенія ихъ при поступленіи на мѣсто.

Сверхъ того, надо бы учредить пенсіи священникамъ, лишившимся мѣста не за какую-либо вину, а по старости или по болѣзни; прослужившій безпорочно въ самъ этотъ

* *Кіевск. Епарх. Вѣд.* № 7, 1863 г.

при одной и той же церкви 25 лѣтъ, имѣлъ бы право, не оставляя еще своей должности, получать уже позовину назначенной пенсiи, а по окончанiи своего пастырскаго служенiя, полную, которая, по смерти его, переходила бы къ его семейству, по примѣру подобныхъ учрежденiй въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствѣхъ. Семинаристу, окончившему курсъ, время прохожденiя должности сельскаго учителя, слѣдовало бы зачитать къ полученiю пенсiи караванъ съ службою священника. Кромѣ того, необходимо, какъ мы говорили выше, сдѣлать уравниенiе поземельныхъ доходовъ, которые слишкомъ различны между собою. За норму слѣдуетъ взять цѣну найма десятины, и на этомъ основанiи выдавать пособiе священникамъ тѣхъ приходоу, гдѣ земля не имѣетъ почти никакой цѣнности. Это не будетъ жалованье отъ казны, но пособiе отъ попечительства, противъ котораго трудно что-нибудь сказать, потому что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ поставить священниковъ въ зависимость отъ гражданской власти и сдѣлать изъ нихъ чиновниковъ. Безъ сомнѣнiя, и послѣ этого приходы будутъ еще далеко не равны, особенно если мы возьмемъ въ примѣръ тѣ изъ нихъ, гдѣ народъ болѣе или менѣе зараженъ расколомъ. Хотя пропорцiя земли и тамъ одна и та же, но требъ почти нѣтъ, а стало-быть и на доходъ этотъ разчитывать нельзя; но если вознаграждать его иль кассою попечительства, то пособiе это можетъ охладить рвенiе священниковъ къ возвращенiю прихожанъ въ лоно церкви. Дополнительное пособiе можно, какъ мы сказали, выдавать только для вознагражденiя за дурное качество земли, дающей слишкомъ мало дохода. Такимъ образомъ, по тому же естественному закону, который не допускаетъ совершеннаго равенства ни въ чемъ, приходы, зараженные расколомъ, останутся худшими, хотя нынче и не всегда такъ бываетъ; но мы говоримъ это въ томъ предположенiи, что священники наши, возвысившись морально, и притомъ обеспеченные болѣе теперешняго, не захотятъ торговать совѣстiю и наживаться — потворствуя расколу.

Кромѣ того, изъ экономическихъ суммъ можно будетъ выдавать пособiя недостаточнымъ священникамъ для воспитанiя дѣтей ихъ; а также пособiя на возобновленiе церквей, сторѣвшихъ или пришедшихъ въ ветхость.

Нужно также, какъ мы сказали выше, пособіе священникамъ тамъ, гдѣ необходимо имѣть двухъ по большому количеству душъ и по обширности прихода, и гдѣ между тѣмъ не имѣется излишней земли для надѣленія ею второго священника. Притомъ же, какъ реформа должна быть приведена въ исполненіе лишь постепенно, то дьяконы, находящіеся теперь на мѣстахъ, могутъ быть оставлены на нихъ до своей смерти, или же до выбытія съ мѣста по какому-либо особому случаю; а какъ земля должна будетъ тотчасъ же поступить вся къ священнику, то оставшимся на мѣстахъ дьяконамъ придется положить жалованье, — эта мѣра будетъ временная. Въ послѣдствіи же прихожане, какъ мы и говорили, могутъ, если пожелаютъ, по выбытіи старыхъ дьяконовъ, просить о замѣщеніи ихъ новыми, съ тѣмъ чтобы содержать ихъ на рубль.

Изъ всего оказаннаго нами можно видѣть, какъ много нужно имѣть средствъ, чтобъ устроить бытъ духовенства на прочныхъ началахъ. Во всемъ исчисленномъ нами конечно никто не найдетъ ничего излишняго или прихотливаго; напротивъ, тутъ недостаетъ еще многого; но мы обратили вниманіе лишь на самыя существенныя надобности. Спрашиваемъ: возможно ли будетъ достигъ какихъ-либо прочныхъ результатовъ, безъ уменьшенія огромнаго числа лицъ духовнаго званія? — Конечно нѣтъ.

Мы рѣшились смѣло высказать наше мнѣніе и думаемъ, что на насъ возстанутъ тѣ, которые во всемъ любятъ рутину и не терпятъ переменъ, хотя бы онѣ были и къ лучшему. И странное дѣло: такими противниками не всегда бываютъ люди, которымъ хорошо живется на свѣтѣ, напротивъ, въ силу отвращенія русскаго человѣка отъ всякой новизны, въ силу нашей лѣни и апатіи, встаютъ противъ переменъ даже и тѣ кому живется довольно плохо. Мы думаемъ также, что встрѣтимъ сильное неодобреніе со стороны въ которой части духовенства за желаніе наше, чтобы сословіе это перестало быть замкнутою кастой и допустило бы въ свою среду всѣхъ, кто при достаточныхъ познаніяхъ и доброй нравственности, пожелаетъ избрать священство — по призванію. По общему мнѣнію, ничто такъ не повредило духовенству, какъ его сословная замкнутость. Благодаря ей, духовное сословіе выработало себѣ въ теченіи времени какой-то свой особенный типъ, въ которомъ

найдется много чертъ далеко непривлекательныхъ. Типъ этотъ такъ самостоятеленъ, что, за немногими лишь исключениями, ни пребываніе въ университетѣ, ни свѣтское общество не въ силахъ совершенно изгладить его признаковъ; но эта удивительная устойчивость исчезнетъ сама собою, какъ только духовное сословіе перестанетъ быть замкнутою кастой.

Всего же болѣе возстанутъ на насъ за то, что мы предлагаемъ такъ сильно ограничить число воспитанниковъ семинарій и уничтожить мѣста дякомовъ и причетниковъ, оставивъ для каждой церкви только по одному изъ нихъ, который, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ бы учителемъ школы и, какъ студентъ окончившій курсъ, кандидатомъ на священника. Тысячи голосовъ поднимутся противъ насъ за то, что мы, для улучшенія быта немногихъ избранныхъ, хотимъ, будто бы, пустить по міру цѣлыя тысячи людей. Предупреждая подобное сужденіе, мы скажемъ, что правительство уже и въ настоящее время, когда вопросъ объ улучшеніи духовенства еще только разсматривается, озабочено присканіемъ средствъ хотя отчасти облегчить этотъ бытъ сейчасъ же, а потому мы имѣемъ полное право надѣяться, что оно не откажется дать свободныя земли, какихъ еще много, — для водворенія на нихъ причетниковъ и поможетъ имъ переселиться туда съ ихъ семействами. Безъ сомнѣнія, правительство освободитъ ихъ отъ платежа поземельныхъ податей, если не навсегда, то на многіе годы. Мы предвидимъ, что такое вознагражденіе покажется многимъ несправедливостью. Россія такъ богата землей, что мы не знаемъ ей цѣны, да и самая мысль о податяхъ сочтется оскорбленіемъ; но вѣдь поземельную подать вносятъ теперь и дворяне, почему же это будетъ унижительно для духовенства? Что же касается до измѣненія быта, то примѣръ, подобный этому, былъ въ сословіи дворянъ, когда Екатерина II записала огромное число семействъ бѣдныхъ помѣщиковъ въ однодворцы. Съ этою перемѣной они теряли многія изъ своихъ правъ, но, переселясь на казенныя земли, причетники наши ничего не теряютъ. Такъ какъ въ настоящее время учебныя заведенія открыты для всѣхъ сословій, то дѣти причетниковъ могутъ точно также, какъ и всѣ другія, поступать въ гимназіи и избирать себѣ родъ жизни и занятій, смотря по способ-

ностямъ и образованію, а сѣдовательно и званіе священника, если окажутся того достойными по познаніямъ и нравственности. Что же касается до ихъ матеріальнаго быта, то онъ будетъ тогда гораздо болѣе обезпеченъ чѣмъ теперь. Мы не споримъ, что перемѣна образа жизни и выселеніе изъ мѣста родины всегда тягостны, особенно для людей не молодыхъ, но потомъ время освоить ихъ съ новымъ бытомъ, и привычка возьметъ свое. Семейства же, которыя не могутъ переѣхать по какимъ-либо *уважительнымъ* причинамъ и не найдутъ себѣ средствъ къ жизни, получать пособія изъ попечительства.

Многіе, соглашаясь что необходимо уменьшить число лицъ духовнаго званія, предлагаютъ для этого другую мѣру, а именно: выключать изъ этого сословія тѣхъ, которые въ теченіи двухъ лѣтъ по окончаніи курса не нашли бы себѣ мѣста. Но такое постановленіе было бы въ высшей степени несправедливо, и удаленныя лица имѣли бы полное право смотрѣть на это насильственное исключеніе изъ сословія и званія, къ которому готовились, какъ на неzasлуженное наказаніе. И дѣйствительно: развѣ отъ нихъ зависитъ получить мѣсто? Положимъ, что епархіальное начальство и само постарается прежде всего размѣстить тѣхъ, которые лучше учились, но затѣмъ останется еще множество студентовъ, хорошо кончившихъ курсъ, и которыхъ рѣшительно опредѣлить некуда. Безъ сомнѣнія, такимъ способомъ большое количество духовныхъ лицъ выбудетъ изъ этого сословія, но съ другой стороны убыль эта должна постоянно пополняться путемъ естественнаго размноженія, а между тѣмъ семейства духовныхъ останутся при тѣхъ же средствахъ существованія, какъ и теперь. Кромѣ того, исключенныя такимъ образомъ лица не получаютъ никакого вознагражденія, тогда какъ, по предположенію нашему, вышедшія семейства причетниковъ должны бы получить земли. Дать же подобное вознагражденіе выключеннымъ изъ духовнаго сословія студентамъ было бы ни съ чѣмъ не сообразно: не для того же они кончили курсъ, чтобы сдѣлаться пахарями; да и годятся ли для этого молодые и холостые люди, далеко заброшенные отъ своихъ семействъ? Причетники же переѣхали бы туда съ семьями. Эта послѣдняя мѣра была бы особенно полезна тѣмъ, что очистила бы духовное сословіе отъ лицъ, которыя всего болѣе набрасы-

вають на него тѣнь. Извѣстно, что въ причетники идутъ обыкновенно люди, не кончившіе курса, иныя — по неспособности, другіе — по лѣности; есть впрочемъ и такіе, которые не кончили его — по бѣдности; но какъ бы то ни было, а всѣ они, съ немногими исключеніями, люди необразованные, неразвитые, съ наклоностями болѣе или менѣе грубыми, и съ удаленіемъ ихъ ни духовенство, ни общество ничего бы не потеряли. На другомъ же поприщѣ — земледѣльческомъ и промышленномъ, — они могли бы со временемъ сдѣлаться полезными дѣятелями въ государствѣ. По нашему же плану причетниками были бы только люди кончившіе курсъ — учителя и будущіе священники.

Къ несчастію, никакая реформа не обходится безъ жертвованій съ чьей-либо стороны, — тяжкій законъ необходимости, доказывающій, что въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ и быть не можетъ совершенства. Но тамъ, гдѣ нужно самоотверженіе, никакіе доводы разсудка не могутъ такъ укрѣпить челоука въ его высокомъ подвигѣ для блага ближняго, какъ Евангельское ученіе и примѣръ Христа Спасителя. И гдѣ же намъ искать истиннаго смиренія и любви христіанской, какъ не у служителей алтара и проповѣдниковъ божественной религіи нашей? Не должны ли они служить, въ этомъ случаѣ, примѣромъ и для прочихъ сословіій?

Н. ВОЛЖСКІЙ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

IV.

Дневникъ А. П. Ермолова, въ извлеченіи г-на С.

1826 января. Крѣпость Грозная. (Было нѣсколько горячихъ перестрѣлокъ съ Чеченцами.) Со мною случилось смѣшное происшествіе: квартара моя была въ самомъ концѣ селенія, и когда начали пули достигать оной, поваръ мой отъказался готовить обѣдъ, говоря, что онъ не созданъ быть на пуляхъ чеченскихъ. Кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ менѣе гнушается пуль народа просвѣщеннѣйшаго!

28-го. Въ Малой Атагѣ на правомъ берегу Аргуна замѣченъ большіе огни, слышны были выстрѣлы и крикъ въ ознаменованіе радости о прибытіи на помощь сосѣдей, и

тогда же узнано отъ лазутчиковъ, что пришли Чеченцы, по р. Мичику живущіе, и нѣсколько Лезгинъ.

(Пославъ отрядъ истребить селеніе Чахкери, гдѣ соби-
рается непріатель и имѣлъ покойное пристанище.)

Предъ разсвѣтомъ приблизились войска къ селенію, но были примѣчены караулами, и потому, не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ, одинъ батальонъ бросился въ селеніе, изъ коего испуганный непріатель спасся бѣгствомъ. Превративъ въ пепелъ селеніе, батальонъ выступилъ безпрепятственно, но когда на обратномъ пути войска были уже за версту отъ селенія, разостаясь по землѣ чрезвычайно густой туманъ, съ коимъ осединась дымъ горящаго селенія, до того затмили свѣтъ, что ничего не возможно было различить въ самомъ близкомъ разстояніи. Въ сіе время приспѣлъ стоявшій за Аргуномъ непріатель. Онъ не могъ видѣть числа войскъ нашихъ, равно какъ и его прибытіе познано было по одному ужасному его крику. Кавальда его, проскакавъ стрѣлковъ, столкнулась съ казаками, которые, ударивъ въ шашки, ее опрокинули. Вскорѣ большія толпы атаковали нашу пѣхоту. Артиллерія дѣйствовала картечью не даѣе какъ въ 50 шагахъ, такъ что были отрываемы оною члены, тѣла были раздираемы. Третье нападеніе было сильнѣйшее, ибо всѣми силами стремительно ударилъ непріатель. Встрѣченный картечью и ружейнымъ огнемъ пѣхоты и спѣшившихся казаковъ, онъ обратился въ бѣгство съ ужаснѣйшимъ урономъ, и съ сего времени не было уже ни одного выстрѣла, вѣроятно потому, что поднявшійся туманъ обнаружилъ число войскъ нашихъ. Непріателя было до 3 т. чел., и когда удалились наши войска, видно было, что онъ, обравъ тѣла отличнѣйшихъ изъ убитыхъ, разсѣялся въ разныя стороны. Отрядъ съ весьма малою потерею возвратился въ лагерь.

Февраль. (Жгли въ Чечнѣ селенія, нѣкоторыя сдавались, присылали аманатовъ. Въ февралѣ) настали жестокіе морозы, въ здѣшней странѣ необыкновенные, ибо сразу нѣсколько дней было не менѣе 20 градусовъ, и я долженъ былъ пережить ихъ, боясь потерять людей. (Драки въ Гихимскихъ лѣсахъ, въ завалахъ.) Я имѣлъ случай замѣтить, какъ линейные казаки могутъ стоять подъ пулями... Я приказалъ сжечь сіе гнѣздо (селеніе Гихи) величайшихъ мошенниковъ, которые отовсюду принимаютъ къ себѣ злодѣевъ.

18-го февраля Войска на разсвѣтъ пришли къ Гихинскому лѣсу. Непріятель не успѣлъ собраться, ожидая меня на другой дорогѣ. Я могъ потерпѣть не каакой уронъ, ибо дорога тѣсная извивается въ частомъ лѣсу и за большими деревьями удобно было и укрываться и остановить движеніе сдѣланными застѣками. Я почелъ не малою удачей переходъ сего лѣса безъ сопротивленія. (Брали селенія приступомъ.)

19-го. Селеніе Казахъ-Кечу выслало старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые, раскаяваясь въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, въ дѣятельномъ участіи въ мятежѣ, вѣрили себя великодушію войскъ. Не приличествовало наказывать таковыхъ и имъ прощено!

22. Крѣпость Грозная. По недостатку продовольствія оставлено при войскахъ сто казаковъ, прочіе отпущены по домамъ. При артиллерія оставлено по одному ящичку и обозы весьма уменьшены.

Погода продолжается ненастная; прочищать лѣса не возможно; войска распущены на линію.

Мартъ. Пріѣхалъ генералъ-майоръ князь Меньшиковъ, отправленный въ Персію съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ императора. Главною цѣлью были переговоры о границѣ, дабы положить конецъ давно продолжающимся спорамъ и неудовольствіямъ. Правительство, вѣроятно побуждаемое особенными причинами, готово было, не взирая на сдѣланныя мною весьма выгодныя предложенія персидскому шаху и даже значительныя уступки, сдѣлать еще вѣковъ нѣкоторыя для удержанія мира. Хорошо, если Персіане по нежѣеству своему не почтутъ сего за болѣзнь войны!

Я весьма буду доволенъ, что наконецъ увидать, сколько нечистосердечно поведеніе персидскаго правительства и наглъ его требованія.

Въ продолженіе всего почти марта мѣстная погода была самая гнусная, и дороги въ самомъ худомъ состояніи, по чему и невозможно было выступить въ походъ.

Апрѣль. (Началось прочищеніе лѣсовъ; во многихъ селеніяхъ вырубались сады въ наказаніе жителей. Брались селенія.)

Май. (Слѣдствіемъ этихъ порубокъ, движеній и сшибокъ было то, что) по всему пространству Чеччи сдѣланы

удобныя дороги и войска даже въ маломъ количествѣ могутъ обращаться безопасно. Расчищенные дальѣ выстрѣла отъ дороги лѣса лишаютъ неприятеля возможности дѣлать внезапныя нападенія, которыя одна доселѣ были опасными. Взяты отъ большого числа селеній аманаты.

Июль. Новая дорога отъ Екатеринограда, судя по недавнему ея учрежденію, по количеству произведенныхъ работъ, при малыхъ средствахъ, можетъ по справедливости называться удивительною. Она несравненно безопаснѣе и удобнѣе прежней, которая проходила гористыми и безводными мѣстами. Теперь проходя, я весьма улучшилъ ее, много расчистивши лѣса.

Июль. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось 11 мѣсяцевъ и 10 дней.

Я нашелъ тѣ же продолжавшіеся съ Персіей споры о границахъ, но ожидалъ, что оныя приведены будутъ къ концу княземъ Меньшиковымъ, который, для большаго успѣха въ переговорахъ и желая сдѣлать угожденіе Аббасъ-мирзѣ, потребовалъ отъ генераль-лейтенанта Вельяминова 1-го, командовавшаго въ отсутствіе мое, дабы прекращено было построеніе временнаго укрѣпленія при урочищѣ Миракъ на границѣ Эриванскаго ханства. Извѣстно уже было, что князь Меньшиковъ весьма хорошо принятъ въ Тавризѣ и отправляется къ шаху въ Султанію.

Я получилъ извѣстіе, что сардаръ эриванскій въ большихъ силахъ атакował постъ миракскій и войска наши, вышедшія изъ оного, преслѣдовалъ до укрѣпленія Гумры что сообщеніе между онымъ и Каракимшою совершенно прервано. Въ то же время на рѣкѣ Гамзачималъ отогнавъ казенный табунъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, и около Каракимша и селенія Амамлы появились персидскія войска.

Итакъ, при воцѣхъ постоянныхъ усиліяхъ отнять войну съ Персіей, при готовности для достиженія того на нѣкоторыя даже пожертвованія, возгорѣлась она совершенно неожиданнымъ образомъ, тогда особенно, какъ князь Меньшиковъ находился въ Персіи единственно по сему предмету.

Августъ. Прибылъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, назначенный командовать войсками подъ главнымъ командованиемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что государь представлялъ себѣ дѣла наши въ столь худомъ положеніи, что при отправ-

леніи его сказалъ, что, быть-можетъ, онъ встрѣтится со мною уже на Кавказской линіи. Не знаю, что могло дать поводъ къ такому заключенію?

Аббасъ-мирза со всѣми регулярными войсками и конницей, всего вообще до 25 т. человекъ, перешедши Араксъ, вступилъ въ Карабагскую провинцію.

Полковникъ Реутъ, оставивъ квартиры свои въ селеніи Чалахчи, укрылся въ крѣпости Шушъ. Три роты его полка съ двумя орудіями находились при селеніи Герюсы, и хотя г. Реутъ имѣлъ предписаніе присоединить къ полку отрядъ сей, но онъ командуящему онымъ подполковнику Назимкѣ позволялъ остаться нѣсколько дней, и онъ атакованъ былъ Персіянами, съ которыми соединившись, измѣнники карабагскіе его окружили. Нѣкоторые изъ приверженныхъ намъ бековъ предлагали ему отступить горами къ Шушъ, чему непріятель не могъ воспрепятствовать; но онъ не рѣшился бросить орудій, долженъ былъ драться въ невыгодномъ мѣстоположеніи, потерялъ много людей и съ остальными взялъ въ плѣнъ.

Аббасъ-мирза окружилъ крѣпость Шушу. Одинъ изъ его братьевъ съ частью войскъ вступилъ въ Ширванскую провинцію, съ нимъ вмѣстѣ прибылъ прежній Мустафа-ханъ, и провинція возмущилась. Также присланъ изъ Персіи бывший баквискій ханъ. Онъ, обложивъ крѣпость Баку, наклонилъ къ бунту жителей провинціи.

Въ Кубинской провинціи обнаружались признаки мятежа, и войска наши, занимавшіе Старую Шамаху, должны были ее оставить, дабы сохранять Кубу, гдѣ находились всѣ средства продовольствія, и куда изъ Ширвана послѣдовалъ братъ Аббасъ-мирзы. Надлежало воспрепятствовать ему въ успѣхахъ.

Дагестанъ оставался спокойнымъ, не взирая на всѣ старанія Аббасъ-мирзы возмутить оный, и сильнѣйшій въ ономъ Акушанскій народъ непоколебимою своею вѣрностію удержалъ многихъ другихъ.

Вѣрный генералъ-майоръ Асланъ-ханъ Кюринскій и Казыкумыкскій отразилъ прежняго владѣтеля Сурхай-хана, который, изгнавъ будучи прежде, жилъ въ Тавризѣ весьма уважаемый Аббасъ-мирзою и былъ главнѣйшимъ его советникомъ. Онъ прислалъ его для возбужденія Дагестана;

но онъ вкорѣ умеръ, всѣми презираемый и никого не склонивъ къ возмущенію.

Я приказалъ выступить двумъ ротамъ, находившимся въ Елисаветпольскомъ округѣ, которыхъ положеніе сдѣлалось опаснымъ послѣ того, какъ жители Шамшадильской дистанціи передались Персіянамъ. При выступленіи изъ Елисаветполя роты выдержали нападеніе жителей города.

Также должно было оставить Нухавскую провинцію, гдѣ находившаяся одна только рота выступила тогда уже, какъ прежній владѣтель, бывший въ бѣгахъ въ Персію, вступилъ въ предѣлы провинціи. Чарскіе Лезгины совокупно съ жителями взбунтовавшихся владѣній Елисаветпольскаго султана не успѣли отрывать отступленія роты.

Сомнительно было поведеніе жителей Барчалинской и Казахской дистанцій. Послѣдніе явно уклонились отъ солдатовъ роты Тифлискаго полка, которая послана была подкрѣпить Баамкчайскій постъ. Дабы удержать ихъ отъ возмущенія, я расположилъ отрядъ войскъ въ земляхъ ихъ, и они повиновались.

Нельзя было отвѣчать за спокойствіе Грузіи и особенно въ Кахетію. Чарцы ожидали прибытія Александра царевича, который имѣлъ приверженцевъ въ Кахетію и между ними довольно легкомысленныхъ, которые вѣрили его оболъщеніямъ. Въ самомъ Тифлисѣ многіе предавались отчаянію, что и понудило меня не оставлять города, который успокоивало мое присутствіе.

Я пригласилъ грузинское дворянство составить ополченіе по примѣру прежняго времени. Оно совершенно было бесполезно; но я имѣлъ въ виду занять молодыхъ людей, которые, будучи праздными, могли быть вредными не только кривыми толками, умножая страхъ по легкомысленности, но иногда и самую неблагонамѣренностію. Ополченіе составилось съ неимовѣрною скоростію и съ большимъ усердіемъ.

Сардаръ эриванскій не умѣлъ воспользоваться превосходствомъ своихъ средствъ и нашею малочисленностію, не успѣлъ воспрепятствовать соединенію разбросанныхъ частей войскъ. Отрядъ изъ укрѣпленія Гумры, рота съ Баамкчайскаго поста пришла безъ затрудненія въ Каракаиссу. Я приказалъ тогда оставить оную и войскамъ, перейдя за гору Безобдазъ, расположиться на Каменной

рѣвкѣ, гдѣ устроено укрѣпленіе для прикрытія продовольствія и запасовъ, которые должны заготовляться для наступательныхъ дѣйствій.

Сентябрь. Между тѣмъ Аббасъ-мирза одного изъ сыновей своихъ прислалъ въ Елисаветполь съ частію регулярной пѣхоты, 4 орудіями и конницею, всего до 8 тыс. человекъ. Въ наставники ему данъ былъ Амиръ-ханъ, сардаръ, родной дядя Аббасъ-мирзы. Войска сіи, заявъ небольшую частію оставленную по неудобству крѣпость Елисаветпольскую, подвинулись къ селенію Шамхору.

Генераль-майоръ князь Мадатовъ, находившійся съ отрядомъ въ Казахской дистанціи для удержанія въ повиновеніи неблагонадежныхъ жителей и для наблюденія Дилажанскаго ущелья, по которому сардаръ эриванскій могъ пройти весьма удобно, имѣя связи съ жителями дистанціи, пошелъ къ Шамхору, сбиль передовые посты Персіянъ и, стремительно преслѣдуя ихъ, атаковалъ самую ихъ позицію. Непріятель встрѣтилъ войска наши сильнымъ огнемъ, но вида, что не могъ остановить ихъ, пустился въ бѣгство. Конница ушла первая, но пѣхота регулярная, на разстояніи 30 верстъ до Елисаветполя, утомленная сильнымъ жаромъ, истреблена въ числѣ до 2 т. человекъ, взято 1 орудіе, 11 фальконетовъ (замбураки) и до 150 пѣхотныхъ. Сынъ Аббаса-мирзы, при первыхъ подвигахъ своихъ, уподобился уже родителю, ибо началъ ихъ бѣгствомъ. Сынъ отличаяся родителемъ въ прежнюю войну противъ Русскихъ и конечно не меньшею также расторопностію. Къ общему всѣхъ удивленію, извѣстный трусостію Амиръ-ханъ сардаръ остался въ числѣ мертвыхъ на полѣ сраженія. Елисаветполь занятъ нашими войсками. Персіяне оставили лагерь и всѣ тягости.

Прекрасная виртембергская колонія близъ Елисаветполя совершенно разорена Персіянами. Жители, однакоже, не увлечены.

Сентября 8-го. Дабы усилить генераль-майора князя Мадатова, я отправилъ войска и генераль-адъютанта Паскевича, подъ начальство котораго онъ долженъ былъ поступить. Какъ не знающему образа войны Персіянъ, ни связи обстоятельствъ, присоединилъ я начальника корпуснаго

штаба, генераль-майора Вельяминова 3-го, офицера отличныхъ дарованій, большой опытности.

Войска, соединясь въ Елисаветполѣ, состояли изъ 7 батальоновъ пѣхоты, каждый болѣе 1,000 человекъ; 600 человекъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 2-хъ казачьихъ полковъ войска Донскаго, 300 человекъ грузинскаго коннаго ополченія, 16 батарейныхъ и 8 легкихъ орудій артиллеріи. Сіе самое число войскъ, если бы не былъ присланъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, должно было состоять въ распоряженіи генераль-майора князя Мадатова, и также назначено быть съ нимъ начальнику корпуснаго штаба.

Генераль-адъютанту Паскевичу приказалъ я слѣдовать въ Карабагъ по направленію на Агуглакъ, т.-е. на сообщенія Аббасъ-мирзы, что должно было принудить его оставить блокаду крѣпости Шуши, гдѣ по свойству мѣстоположенія атаковать его было невыгодно. Далѣе долженъ онъ былъ дѣйствія свои согласовать съ обстоятельствами и искать случая дать ему сраженіе.

Со стороны Эривани сильныя толпы конницы появились по направленію отъ Гумри и старались пройти на дорогу, лежащую чрезъ Агзабеукъ, дабы прервать сообщенія наши. Пѣхота наша изъ укрѣпленія на Каменной рѣчкѣ, съ частію казаковъ, отразила оныя и преслѣдовала чрезъ урочище Карагачъ. Еслибъ оставилъ я войска по ту сторону горы Безобзда, не переведя ихъ въ сіе укрѣпленіе, непріятель безъ сомнѣнія занялъ бы дорогу, идущую изъ Тифлиса, и трудно было бы выгнать его изъ твердыхъ мѣстъ Агзабеука, откуда могъ онъ дѣлать набѣги внутрь Борчалинской дистанціи.

Одна сильная партія конницы, пройдя чрезъ дефиле Думанисъ и селеніе Квешу, напала на расположенную вдалеко отъ онаго виртембергскую колонію, разорила оную и увлекла въ пѣнъ не менѣе 100 человекъ жителей обоаго пола и всякаго возраста. Въ партіи сей находились многіе изъ турецкихъ подданныхъ, жителей Карскаго пашалыка; проводниками служили ей бѣглецы наши Татары.

Возвратился изъ Персіи генераль-майоръ князь Меншиковъ. Онъ испыталъ возможныя непріятности, долженъ былъ покупать нѣкоторое свисхожденіе подарками и деньгами. Въ Эривани содержали его въ лагерьъ подъ такимъ строгимъ присмотромъ, что не прежде какъ чрезъ три

ведѣли могъ онъ найдти случай дать мнѣ о себѣ извѣстіе. Одинъ Армянинъ, въ темную ночь, ползкомъ прокрадся сквозь цѣпь караула и доставилъ мнѣ записочку.

Прибывшаго по высочайшему повелѣнію генералъ-майора Давыдова (Дениса, извѣстнаго поэта и партизана) назначилъ я командовать войсками противъ сардара Эриванскаго. (Отрядъ его былъ незначителенъ).

Я получилъ извѣстіе, что сардаръ эриванскій частію войскъ занялъ хребтъ горъ Чардахы въ Шамшадильской дистанціи и что конница его появилась на плоскости. Она прерывала сообщеніе съ Елисаветполемъ и безпрепятственно могла дѣйствовать въ тылу войскъ генералъ-адъютанта Паскевича, къ которому на встрѣчу шелъ Аббасъ-мирза изъ Карабага. Поспѣшно выступилъ я въ Казахскую дистанцію, откуда могъ я дѣйствовать на войска сардара эриванскаго, еслибы покусились они идти на Елисаветполь; не допускалъ соединиться съ нимъ чарскихъ Лезгивъ, отъ коихъ для условій съ нимъ посланы были избранные старшины. Еслибы генералъ-майоръ Давыдовъ не въ состояніи былъ противиться превосходному непріятелю, я могъ удобно подкрѣпить его и въ два форсированные марша совершенно закрыть Тифлисъ.

Въ Тифлисъ оставался одинъ самый необходимый караулъ не болѣе батальона и до 100 линейныхъ казаковъ.

Тотчасъ по прибытіи моемъ на Гассанъ-су, войска эриванскаго сардара оставили Шамшадильскую дистанцію и вскорѣ за тѣмъ хребтъ Чардахы. Жители начали собираться въ свои жилища и возмущившіеся ихъ старшины пришли просить помилованія и получили оное. Ни одного изъ нихъ не подвергъ я наказанію. Жители Казахской дистанціи утвердились въ покорности и многіе изъ нихъ даже служили вѣрно.

13-го. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ одержалъ побѣду надъ Аббасъ-мирзою близъ Елисаветполя.

Аббасъ-мирза, узнавъ о пораженіи сына его при Шамхорѣ, оставилъ малую часть войскъ для наблюденія за крѣпостью Шуша, и со всеми силами въ числѣ болѣе 20 т. чловѣкъ и до 15 орудій, со множествомъ фальконетовъ, пошелъ на Елисаветполь въ намѣреніи атаковать наши войска, но встрѣтилъ ихъ идущія къ нему на встрѣчу.

Надѣясь на чрезвычайное превосходство своихъ силъ и видя весьма малое количество конницы съ нашей стороны, онъ приказалъ большимъ толпамъ своей конницы обойти правое наше крыло, подкрѣпивъ ихъ небольшимъ числомъ пѣхоты. Они исполнили сіе безпрепятственно, отбросивъ казаковъ нашихъ и грузинское ополченіе. Нѣкоторыя партіи понеслись по направлению на Елисаветполь. Въ то самое время поставленная въ центрѣ его артиллерія производила довольно сильный огонь и регулярная пѣхота, выславъ впередъ большое число стрѣлковъ, подъ огнемъ ихъ смѣло двинулась противъ лѣваго нашего фланга, стараясь обойти его.

Въ центрѣ наши 12 батарейныхъ орудій вскорѣ заставили молчать слабаго калибра персидскую артиллерію, и замѣчено, что при первыхъ выстрѣлахъ орудія ихъ начали отъѣзжать назадъ. Картечные выстрѣлы произвели тотчасъ ужасное замѣшательство въ пѣхотѣ. Часть оной, выдвинувшись впередъ, удачно атаковалъ одинъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, и достаточно было одному батальону Грузинскаго гренадерскаго и одному Ширванскаго пѣхотнаго полковъ ударить въ штыки, чтобы всѣ силы непріятеля обратить въ стремительнѣйшее бѣгство. Конница персидская, по обыкновенію, побѣжала первая, за нею вся пѣхота. Но не столько удобно было уходить той части пѣхоты, которая подкрѣпляла конницу, далеко уже обошедшую правое наше крыло. Ей отрѣзано уже было отступленіе 6-ю ротами карабинернаго полка и она бросилась въ прилежанія горы, гдѣ вскорѣ окруженная, отдалась въ плѣнь въ числѣ 1,100 человекъ съ тремя знаменами. Это были одни плѣнные, взятые въ семь сраженій, и одни знамена. Въ преслѣзованіи найдено одно орудіе, брошенное Персіанцами.

Люди, отягченные ношею, не могли быстро преслѣдовать, и авангардъ посланъ былъ спустя нѣкоторое время. Впрочемъ трудно было бы догнать Персіанъ, ибо они никакого движенія не производятъ съ такимъ искусствомъ, какъ бѣгство, и въ шестой день были уже они на той сторонѣ Аракса.

Въ оставленномъ лагерѣ найдена большая добыча, въ большомъ количествѣ брошены военные запасы. Одна извѣстная трусость Аббасъ-мирзы можетъ совершить столь

быстрое бѣгство! Крѣпость Шуша осталась свободною, и въ Карабагской провинціи не было ни одного непріателя!

Я не приказалъ генералъ-адъютанту Паскевичу переходить за Араксъ, ибо потеря Аббасъ-мирзы была незначительна, онъ всѣ силы имѣлъ вмѣстѣ, ибо для переправы чрезъ Араксъ должны онѣ были собраться непрѣменно; въ Карадагѣ находилась шахъ съ войсками, которыя, подкрѣпивъ его, имѣли бы противъ насъ большія выгоды, дѣйствуя въ землѣ гористой, куда не могли мы провезть артиллерію. Непріатель имѣлъ продовольствіе изъ Тавриза, мы не могли находить оное въ землѣ скудной, которой средства недостаточны были для пропитанія собственныхъ жителей и присутствіемъ войскъ еще болѣе истощены. Подвозить оное было бы затруднительно, или бы надлежало сопровождать транспорты большими конвоями, ослабляя тѣмъ войска. Непріатель, имѣя многочисленную конвюду, издѣльную по гористому мѣстоположенію Карабагскаго ханства, могъ употребить ее въ тылу нашихъ войскъ и обратить ее на истребленіе нашихъ запасовъ. По самыя причины войска остановлены въ Карабагской провинціи, наблюдая переправы чрезъ Араксъ. Аббасъ-мирза расположился неподалеку, на той сторонѣ онаго.

Генералъ-майоръ Давыдовъ далъ знать, что онъ атаковалъ стоявшія противъ него персидскія войска подъ командою Гассанъ-хана, брата сардаря эриванскаго. Непріатель хотя въ превосходящихъ былъ силахъ, но сопротивлялся непродолжительное время и былъ опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ въ персидскихъ предѣлахъ два перехода. Генералъ-майоръ Давыдовъ былъ уже недалеко отъ армянскаго Эчмиадзинскаго монастыря. Потеря непріателя, по быстротѣ бѣгства, не была чувствительною, но со стороны нашей большіе успѣхи не произвели бы большаго ужаса, ибо сардаръ эриванскій заперся въ Эривани и даже ворота крѣпости приказалъ засыпать землею. Непріатель избѣгалъ употреблять свою пѣхоту, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы она жертвою.

Октябрь. (Невозможность переправы чрезъ Куру заставила Ермолова воротиться въ Тифлисъ).

4. Я пошею въ мусульманскія провинціи, дабы, прекративъ возмущенія ихъ, возстановить прежній порядокъ, тѣмъ

болѣе необходимый, что въ оныхъ учреждались запасъ продовольствія для наступательныхъ противъ Персіянъ дѣйствій. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ водворилъ спокойствіе въ Грузіи, и я могъ безпрепятственно отлучиться изъ оной.

16. Переправа чрезъ Алазань. Пѣхота переходила въ бродъ; патронныя сумы на головахъ. Въ первый разъ испытала сіе гвардія, и удачно!

(Шекинскій ханъ бѣжалъ ночью; онъ успѣлъ сдѣлать множество мерзостей и развореній).

(Персіяне оставили Кубу).

(Поведеніе Чарцевъ было подозрительно).

24. Перехвачены нѣкоторые Шекинцы, посланные къ Аббасъ-мирзѣ. Отвѣты его хану наполнены пышнымъ обѣщаніемъ!

(Мустафа-ханъ бѣжалъ изъ Ширвану).

31. Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій отправленъ въ Карабагъ для объясненій по разнымъ предметамъ съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ, который думалъ, что я не позволялъ ему идти за Аракъ, дабы отнять у него славу.

Ноября 5. Старая Шамаха. Множество опустошеній произведено Персіянами, которыхъ до 1,000 человекъ находилось при Мустафѣ-ханѣ.

(Баку покинута осаждавшимъ ханомъ).

(Въ Кубинской провинціи возстановленъ порядокъ и всюду спокойно).

Въ сопровожденіи 200 довскихъ казаковъ отправился я въ Баку.

15. Тамъ отъ генералъ-майора Краббе узналъ я въ подробности обо всѣхъ обстоятельствахъ мятежа въ здѣшней странѣ и, къ удовольствію, удостовѣрился, что правительство имѣетъ людей, непоколебимыхъ въ приверженности къ нему, и таковыхъ не мало даже между беками.... Сдѣлалъ распоряженіе, дабы продовольствіе и военныя снаряды, доставляемые изъ Астрахани, были отправляемы поспѣшно.

Декабря 1. Я узналъ въ подробности объ экспедиціи генералъ-адъютанта Паскевича за Аракъ, гдѣ онъ никого не видалъ, ничего не сдѣлалъ и прошелъ весьма небольшое разстояніе.

(Прибыла изъ Россіи 20-я пѣхотная дивизія. Чарцы покорились; въ наказаніе за возмущенія у нихъ были посланы войска этой дивизіи).

26. Тифлисъ. Я намѣлъ возвратившагося изъ Карабага генерала Паскевича. При первомъ свиданіи съ нимъ не трудно мнѣ было замѣтить его неудовольствія на меня, которыя тѣмъ болѣе умножились, что онъ почиталъ себя въ правѣ требовать, чтобъ я сообщалъ ему о моихъ намѣреніяхъ, о моихъ предпріятіяхъ, на что отвѣчалъ я ему, что не имѣю нужды въ его совѣтахъ; что знаю одинъ случай, въ которомъ требуется разсужденіе подчиненныхъ, и тогда мнѣніе не только офицера въ его высокомъ чинѣ, но даже въ несравненно меньшемъ, принимается съ уваженіемъ; но таковыя случаи рѣдки, и я еще не нахожусь въ подобномъ. Всѣ получаемыя мною повелѣнія препровождались ему въ копіи изъ Петербурга, и онъ всегда желалъ знать мои отзывы на оныя. Я не имѣлъ нужды сообщать ему о томъ и полезно было нѣкоторые хрывать въ тайнѣ. Онъ въ одно время предложилъ мнѣ, чтобъ объяснилъ я ему планъ предполагаемой живои кампаніи, увѣряя, что государю императору пріятно будетъ знать мнѣніе о томъ каждаго изъ насъ. Я отвѣчалъ, что я представляю мое предположеніе и что онъ можетъ сдѣлать то же съ своей стороны, изъ чего государь не менѣе усмотритъ понятіе наше о дѣлѣ. Возраженія сіи умножали его злобу на меня, и я разумѣлъ, сколько она можетъ быть мнѣ вредною при особенной довѣренности, при отличномъ благоволеніи къ нему государя. Къ тому же зналъ я, сколь часты были доносенія его въ собственныя руки.

Я занимался приуготовленіями, дабы сколько возможно ранѣе всесою начать кампанію. Безпрерывныя дѣла и заботы не оставляли мнѣ достаточнаго времени на отдохновеніе, и вся дѣятельность моя вполнѣ была напряженная. Предположенія мои насчетъ военныхъ дѣйствій, хотя они опровергали планъ, начертанный въ Петербургѣ, были однакоже утверждены. Не оставлены безъ вниманія замѣчанія мои въ разсужденіи новыхъ границъ при заключеніи мира, не взирая, что онѣ не согласовались съ предположеніями, составленными въ Петербургѣ.

Прибылъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й, назначенный по высочайшему повелѣнiю командовать при войскахъ всею кавалерiей.

1827. Февраля 20. Прiѣхалъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ. Отъ меня требовались всѣ свѣдѣнiя о приуготовленiяхъ къ войнѣ. Нерѣдко въ видѣ разсужденiй оставалась мнѣ на видѣ такiя вещи, о которыхъ я по крайней мѣрѣ не менѣе имѣлъ понятiя самого наставника. Нерѣдко я долженъ былъ заключать, что во мнѣ не предполагалось даже посредственныхъ свѣдѣнiй о военномъ ремеслѣ.

Мартъ. Не разъ подтверждено мнѣ, что государь чрезвычайно недоволенъ моею медленностiю.

Во время пребыванiя барона Дибича, началось движенiе войскъ къ сборнымъ пунктамъ. Составился въ Карабагъ отрядъ лѣваго фланга подъ начальствомъ генераль-лейтенанта кн. Мадатова. Выступили уже войска, составляющiя авангардъ подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа 2-го, который долженъ былъ вступить въ иванское Эрханство.

Генераль баронъ Дибичъ осматривалъ войска авангарда на урочищѣ Джалааль-Оглу и нашелъ ихъ въ хорошемъ состоянiи. Онъ видѣлъ на горѣ Агзабеукъ брошенные ихъ обозы, ибо по причинѣ распутицы дороги были непроходимы, по мѣстамъ лежалъ еще снѣгъ, въ долинахъ не было еще подножнаго корма. Господинъ начальникъ главнаго штаба по крайней мѣрѣ въ семь случаевъ не могъ винить мою медленность. Онъ объявилъ мнѣ волю государя, если невозможно двинуть всѣ войска, то чтобы часть оныхъ была въ движенiи, и войска выступили. Еслибъ я имѣлъ волю, они не были бы въ семь состоянiи при самомъ началѣ компанiи.

28. Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, получилъ высочайшее повелѣнiе объявить мнѣ, чтобы командованiе войсками и управленiе краемъ сдалъ я генераль-адъютанту Паскевичу, а самъ отправился въ Россiю.

Такимъ образомъ заключилось служенiе мое въ Грузiи въ продолженiи болѣе 10 лѣтъ.

Я не отставленъ отъ службы, не уволенъ въ отпускъ, не сказано, чтобы состоялъ по армiи

Болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ и наконецъ оставилъ страну сію.

Со времени удаленія моего отъ должности, я не видался съ генераломъ Паскевичемъ, который, отъзвываясь болѣзнію, принималъ дѣла или чрезъ начальника корпуснаго штаба, или сношеніями со мною письменно.

Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали мнѣ его постовые начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ.

Мая 3. Проѣзжая Дигамское поле, видѣлъ я осадную артиллерию, идущую въ Тифлисѣ. Она по распоряженію моему, не взирая на затруднительную въ зимнее время дорогу, перевезена чрезъ горы.

12-го. Укрѣпленіе на Урухѣ. Однимъ часомъ прежде нашего (Ерм. и Давыдова) проѣзда, чеченская партія отогнала табунъ у Татарханова аула, гдѣ и самъ Татарханъ, храбрѣйшій изъ Осетинъ и намъ приверженный, къ сожалѣнію, убитъ.

Встрѣтился дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣсковъ, который, по дипломатической части, долженъ быть употребленъ при заключеніи съ Персіянами мира. Для безопасности въ пути, я отдалъ ему большую часть моего конвоя.

(Ермоловъ пробылъ нѣсколько дней въ селеніи г. Реброва.)
Какая тишина послѣ шумной жизни! какое удивленіе послѣ всегдашняго множества людей!

Юля 4-го. Московская станція. Проѣзжая Ставрополь, я остановился на одинъ часъ. Начальникъ Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Эммануэль посѣтилъ меня. Много говорилъ мнѣ о свойствахъ горскихъ народовъ, о готовности ихъ покорствоваться, о желаніи ихъ мирной жизни! Кажется, хотѣлъ онъ дать мнѣ разумѣть, что въ 10 лѣтъ моего командованія я не умѣлъ составить объ нихъ надлежащаго понятія и что онъ долженъ поправлять ошибки моихъ распоряженій. Надобно знать, что г. Эммануэль мнѣ полгода на линіи и еще не выѣзжалъ никуда изъ Ставрополя. Онъ говорилъ мнѣ, что находитъ въ одеждѣ горцевъ большое сходство съ венгерскою одеждою и даже въ языкѣ ихъ замѣтилъ многія похожія слова. Я ожидаю отъ него весьма ученыхъ открытій! Я просилъ покойнаго

императора (Александра Павловича) объ опредѣленіи генерала Эммануэля начальникомъ Кавказской линіи и не было на то его соизволенія. Не знаю, съ чьей стороны въ семъ случаѣ бѣольшая ошибка. Въ продолженіи получаса бесѣдамъ, а хорошо съ нимъ познакомилась.

8. Таганрогъ. Никогда не бывалъ я (здѣсь) прежде и поѣхалъ единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ похоронено и мое счастье.

15. Приѣхалъ въ деревню отца моего, с. Лукьянчиково, близъ Ора.

Съ кончиной императора Александра Ермоловъ дѣйствительно похоронилъ свое счастье, какъ выразился въ концѣ дневника. Сколько въ томъ было его вины, нельзя еще теперь рѣшить окончательно. Показанія современниковъ разнорѣчивы. Но вотъ въ чемъ они всѣ почти сходятся, хоть и безотчетно: Ермоловъ въ описанныхъ обстоятельствахъ перехитрилъ. И это кажется очень вѣроятнымъ. Сколько мнѣ случалось говорить съ знакомыми Алексѣя Петровича, сколько удалось наблести самому, эта черта преобладала въ его характерѣ, при всѣхъ его достоинствахъ и гениальныхъ способностяхъ. Ясный, рѣшительный, твердый на сценѣ, на поприщѣ дѣйствій, за кулисами онъ дѣлался, кажется, другимъ человекомъ, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой нужды, онъ не могъ дѣйствовать прямо, всегда были у него какъ-будто заднія мысли, и искренности, простоты, или, какъ нынѣ говорятъ, непосредственности, задушевности отъ него никогда ждать было нельзя. Вотъ почему, можетъ-быть, люди характеровъ противоположныхъ не могли съ нимъ сойтись.

Надо сознаться, что и положеніе его на Кавказѣ было необыкновенное, и все содѣйствовало къ увеличенію затрудненій. Внезапность кончины императора Александра, извѣщеніе о присягѣ великому князю Константину, первому покровителю и другу Ермолова, отреченіе великаго князя Константина и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествіе 14 декабря, сѣдовавшія одню за другимъ такъ быстро, не давали, такъ-сказать, образумиться Ермолову, — можетъ-быть, онъ промедлилъ присягой

нѣсколько дней въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій, по закону благоразумія, даже въ государственномъ смыслѣ (извѣстно; напримеръ, что онъ посылалъ нарочнаго къ Воронцову узнать вѣрнѣе о происшествіяхъ),— а это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону.* Персидское вторженіе представляло новыя соображенія и ему, и его врагамъ. Дѣла и мысли запутывались, хуже и хуже,— и Ермоловъ долженъ былъ сойти съ столь блестятельнаго поприща, гдѣ онъ принесъ отечеству столько пользы и смискалъ себѣ столько славы. Согласно съ своею дѣлю собрать матеріалы для его біографіи, представляю касящіеся описаннымъ происшествіемъ документы.

Рескрипты императора Николая Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ! Военный министръ докладывалъ мнѣ отношенія ваши къ начальнику главнаго штаба моего, отъ 26 и 29 ноября, коими уведомляете, что распространившійся между Чеченцами и прочими горскими народами матежъ проникъ въ Кабарду, и что подтверждается дошедшее къ вамъ извѣстіе о намѣреніи Закубанцевъ вторгнуться въ предѣлы наши большими силами. По такому

* Для будущихъ соображеній о числахъ и мѣстахъ, прилагаю два документа, полученные мною по благосклонности бывшаго въ то время астраханскаго губернатора Владимира Савича Смирнова.

I.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высокородія, отъ 10 декабря за № 5839, съ вѣрочнымъ чиновникомъ присланное, относительно приведенія къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу гражданскихъ чиновниковъ и жителей губерніи Астраханской, кои такую присягу выполнять должны, дозволяю, а особенно одобряю всѣ учиненныя вами по сему предмету распоряженія и отдаю полную справедливость дѣятельности, въ этомъ важномъ случаѣ вами оказанной.

„Генералъ Ермоловъ.

„№ 192. 14 декабря 1825 г. Екатериноградъ.“

II.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высокородія, отъ 27 декабря № 6114, объ учиненномъ вами распоряженіи касательно приведенія къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору

положенію дѣлъ на Кавказской линіи, я заключаю, что весьма легко можетъ встрѣтиться надобность въ усиленіи пѣхотнаго праваго фланга войскъ Кавказскаго корпуса.

Дабы заблаговременно предупредить сію необходимость и преподать вамъ надежные способы къ успѣшному дѣйствию противу мятежниковъ, я предназначилъ на сей конецъ 20-ю пѣхотную дивизию, въ Крыму расположенную. По сему предоставляю вамъ, единственно въ крайней только нуждѣ, непосредственно обратиться къ главнокомандующему 2-ю арміей, объ откомандированіи на время самоуживѣйшаго числа войскъ изъ оной дивизіи. Ожидаю впрочемъ, что, съ прибытіемъ къ вѣренному вамъ корпусу седьмыхъ взводовъ изъ 1-й арміи, измѣнится необходимость употребленія таковой мѣры, и что, по извѣстной мнѣ предусмотрительности и дѣятельности вашей, не должно опасаться неприятныхъ послѣдствій отъ предпріятій хищниковъ. Въ сихъ мысляхъ, ожидая отъ васъ лучшихъ извѣстій о положеніи дѣлъ нашихъ въ отношеніи къ горцамъ, за удовольствіе поставляю пребыть къ вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

С.-Петербургъ. Декабря 16, 1825 года.

Николаю Павловичу и наследнику Его Величества Его Императорскому Высочеству Великому князю Александру Николаевичу гражданскихъ чиновниковъ и тѣхъ изъ жителей Астраханской губерніи, кои таковую присягу выполнить должныствовали, я одобряю совершенно дѣятельность и поспѣшность въ семъ случаѣ, вами оказанная.

„Генералъ Ермоловъ.

„№ 264. 30 декабря 1825 г. Станица Червленая.“

В. С. Смирновъ оставилъ вскорѣ Астрахань и получилъ слѣдующій отзывъ отъ Ермолова, какъ главнаго начальника.

„Милостивый Государь,

„Владиміръ Савичъ!

„Я получилъ письмо ваше, въ которомъ уведомляете меня о сдачѣ вами должности.

„По обязанности, и особеннымъ почтая удовольствіемъ, скажу я, милостивый государь, что во все время управленія вами губерніей, дѣятельность ваша и успѣшный по всѣмъ частямъ ходъ дѣлъ, приобрѣли вамъ совершенное уваженіе. Лучше мнѣнія моего общій отзывъ, и оны совершенно въ пользу вашу!

„Свидѣтельствуя предъ начальствомъ о трудахъ вашихъ, я увѣрю васъ, что еслибы служба могла болѣе насъ сблизить, я не иначе почту васъ, какъ весьма полезнымъ сотрудникомъ, и слѣдуя всегдѣшнему правилу моему, отдамъ принадлежащее достойному.

„Имѣю честь быть съ отаичнымъ почтеніемъ и преданнос...

„Милостиваго государя покорнѣйшій и уга

„Алексій Ермоловъ.

„22 марта 1826. Ст. Червленая.“

II.

Алексѣй Петровичъ! По вступленіи моемъ на престоль, предпринявъ обзоръ отношеній нашихъ съ иноземными державами, я обратилъ особенное вниманіе на дѣла персидскія. Вслѣдствіе моего приказанія, управляющій иностраннымъ министерствомъ графъ Нессельродъ, представилъ мнѣ всѣ, принадлежащія къ онымъ, бумаги, между прочими послѣднее отношеніе къ нему ваше подъ лит. А. и высочайшій рескриптъ покойнаго государя императора, послѣдовавшій на ваше имя 31-го минувшаго августа. Вникая въ предлежащія обстоятельства, я не могъ не признать необходимости удерживать заключенный съ Персіей миръ, на основаніи Гюлистанскаго договора, доколѣ сія держава сама не нарушитъ оного. Вѣрность данному слову и существенныя выгоды Россіи того отъ меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи; когда дѣла въ Европѣ, а особливо дѣла съ Турціей, по важности своей, заслуживаютъ внимательнѣйшее наблюденіе, неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ Персіянами, или умножать взаимныя неудовольствія. Напротивъ того, мы должны всемірно стараться прекратить дружельбно возникшія распри, и увѣрить ихъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи. Таковое порученіе даю и генералъ-майору князю Меншикову, отправляемому къ шаху и къ Аббасъ - Мирзѣ съ извѣщеніемъ о горестной кончинѣ любезнѣйшаго моего брата и о вступленіи моемъ на престоль всероссійскій. Между тѣмъ, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ правилами, начертанными въ помянутомъ рескриптѣ, отъ вашей прозорливости и усердія къ пользамъ отечества ожидаю ревностнаго содѣйствія для достиженія желаемой цѣли.

Николай.

Января 31 дня, 1826 года, С.-Петербургъ.

III.

Алексѣй Петровичъ! Я съ удовольствіемъ получилъ донесеніе ваше отъ 10-го января. Неутомимая дѣятельность ваша, неразлучная съ свойственными вамъ твердостью и благоразуміемъ, послужить мнѣ надежнѣйшимъ ручательствомъ, что всѣ, предпріятыя вами, мѣры къ водворенію

тишины и порядка на Кавказской линіи увѣщаются желаемымъ успѣхомъ.

Но дабы удовлетворить настоятельному желанію вашему о усиленіи Кавказскаго корпуса, я поручилъ начальнику главнаго штаба моего привести оное безъ потери времени въ исполненіе. Отъ него вы получите подробнѣйшее по сему предмету увѣдомленіе.

Мнѣ пріятно увѣрить васъ при семъ во всегдашнемъ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи и быть взаимно увѣрену, что по многолѣтнему опыту могу ожидать отъ васъ въ полной мѣрѣ тѣ же чувства преданности ко мнѣ и усердія къ пользѣ отечества, кои постоянно отличали служеніе ваше покойному императору, общему нашему благодѣтелю. Пробываю навсегда вамъ благопожелывымъ.

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 16, 1826 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Изъ дозвѣсенія генералъ-адъютанта Стрекалова, окончившаго порученное ему изслѣдованіе о поступкахъ командовавшаго Черноморскимъ войскомъ генералъ-майора Власова *, съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣвъ я противозаконныя дѣйствія его противу Черкесъ Натухайскаго народа, превышающія еще степень первоначальныхъ обвиненій, дошедшихъ до меня. Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желаніе пріобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами, при раззореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ. Вслѣдствіе чего я повелѣлъ предать генералъ-майора Власова военному суду при войскѣ Донскомъ, а на мѣсто его въ званіи командующаго Черноморскимъ войскомъ, утвердилъ генералъ-майора Сисоева. Несоблюденіе мѣрѣ кротости въ дѣйствіяхъ противу горскихъ народовъ, Россіи пріязненныхъ, тѣмъ болѣе увеличиваетъ вину генералъ-майора Власова, что неоднократно подтверждено было, блаженныя памяти императоромъ Александромъ Павловичемъ, руководствоваться въ сношеніяхъ съ мирными Горцами

* Атаманъ Власовъ, послѣ счастія, произведеннаго г. Стрекаловымъ, отдавъ былъ подъ судъ, но это не помѣшало ему получить послѣ чина и много награды и принять назначеніе Наказнаго атамана войска Донскаго.

правилами умѣренности и снисхожденія, какъ средствомъ, могущимъ вселить въ нихъ бѣольшую къ намъ довѣренность и утвердить ихъ въ чувствахъ покорности. Правила сіи подтверждены мною въ полной мѣрѣ, и я желаю, чтобы вы взяли строжайшія мѣры, дабы оныя исполняемы были всеми частными начальниками непремѣнно, во всей точности, подъ личною ихъ отвѣтственностію за малѣйшее отступленіе. Мнѣ пріятно думать, что вы, по испытанной вашей дѣятельности, твердости и усердію на пользу государства, положите надлежащую преграду дѣйствіямъ, подобнымъ тѣмъ, кои позволялъ себѣ генералъ-майоръ Власовъ при нападеніи на Натухайскихъ Черкесъ, и что свѣдѣнія о таковыхъ случаяхъ впредь до меня доходить не будутъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Николай.

Въ Москвѣ. Юля 29 дня, 1826 года.

IV.

Москва, 1-го августа, 1826 года.

Съ прискорбіемъ читалъ я донесеніе ваше, Алексѣй Петровичъ! Стало, не всегда добрыя намѣренія вѣчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе наше платятъ намъ коварствомъ.

Сколько ни избѣгалъ я войны, сколько ни избѣгаю я оной до послѣдней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи терпѣть могло отъ наглости сосѣдей, безумныхъ и неблагодарныхъ. Хотя надѣюсь и полагаю, что происшедшія военныя дѣйствія суть собственное нахальство сардара эриванскаго, но въ государствахъ, столь благоустроенныхъ, каково Персидское, можно, требуя удовлетворенія, и самимъ оное себѣ доставлять; а потому и предписавъ вамъ немедленно выступить противъ эриванскаго сардара, ожидаю скорого извѣщенія вашего, что, съ помощію Божіею, нѣтъ сардара и Эривань съ его областію заняты вами; вы и 15 т. Русскихъ достаточный мѣръ залогъ успѣховъ. Прочее увидите въ предписаніи. Одно здѣсь прибавлю: вы христіанинъ, вождь русскій, докажете Персіанамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего. На вашу отвѣтственность возлагаю исполненіе сей моей непремѣнной воли.

За оимъ Богъ съ вами! Былъ бы Н. П. прежній человекъ, можетъ-быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ножезъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ, и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры. Еще разъ Богъ съ вами! Буду ожидать частныхъ донесеній вашихъ, о которыхъ прому доставленія по возможности.

Вамъ искренно доброжелательный

Николай.

VI.

Алексѣй Петровичъ! Изъ доставленной вами къ начальнику главнаго штаба моего смѣты расходамъ на продовольствіе отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ будущемъ 1827 году, съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что сумма для сего предмета уменьшена противу настоящаго года болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей. Относя такое сокращеніе расходовъ къ постоянному усердію и неуспной попечительности вашей къ пользѣ государственной, я не могу не изъявить вамъ за сіе совершенной моей признательности. Оставшіеся отъ прошлыхъ годовъ въ сбереженіи 1 м. 500 т. рублей ассигнаціями, согласно съ предположеніемъ вашимъ, предоставляю вамъ обратить въ расходъ на продовольствіе тѣхъ войскъ, кои прибавляются во вѣранный вамъ корпусъ на случай, если военныя дѣйствія противу Персіянъ должны продолжиться. Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что въ употребленіи сей суммы будете вы руководствоваться тѣми самыми правилами бережливости, коими многократно уже ознаменованы дѣйствія ваша по хозяйственному управленію вѣраннымъ вамъ корпусомъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 5 дня, 1826 года.

VII.

Москва, 10-го августа, 1826 г.

Съ душевнымъ прискорбіемъ и, не скрою, съ изумленіемъ получалъ я ваше донесеніе, отъ 28-го іюля.

Русскихъ превосходствомъ силъ одолевали, истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ повять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неимо-

тѣрпѣна; предвидѣвшись военныя обстоятельства, должно было къ нимъ и приготовиться.

Я надѣюсь, что вы вашимъ способомъ выручить полковника Реута, и тутъ замѣчу, что мнѣ непомнато, чтобы въ Шушѣ, въ оборонѣ пограничномъ мѣстѣ, не было достаточныхъ запасовъ, чтобы держаться столько, чтобы ближнія войска могли подоспѣть на помощь.

Первое письмо и посланныя приказанія вамъ достаточно объясняютъ намѣренія мои; я не вижу еще причинъ измѣнять ихъ, ибо все считаю васъ довольно сильными, чтобы хотя на время перейти въ наступательныя дѣйствія. — Они тѣмъ вышѣ необходимы, что, послѣ несчастнаго начала, надо ободрить войска блестящимъ успѣхомъ. Сколько отсюда судить мнѣ можно, предстоитъ вамъ возможность разбить Персіанъ по частямъ, началъ съ отряда, показавшагося противъ Шуши; если сіе движеніе вамъ удастся, въ чемъ съ помощію Божіею я и сомнѣваться не хочу, другою отрядъ, идущій вдоль морскаго берега, не можетъ далеко проникнуть, и еслибъ и осмѣлился на то, вы его безъ наказанія назадъ не пропустите.

Ваше опасеніе къ сторонѣ Турціи не имѣю я до сихъ поръ причинъ раздѣлять; переговоры съ Турками въ Аккерманѣ продолжаются мирно, и на Дунай вѣтъ приготовленій; впрочемъ, мы тамъ готовы ихъ принять; вамъ же рѣшительно я не имѣю на первый случай что прислать, кромѣ 20-й дивизіи, которой уже вѣрно переправляться; съ прибытіемъ ея на ливію, вся 22-я дивизія будетъ у васъ свободна, и вы ею себя подкрѣпите; къ тому же времени прибуетъ и одна уланская дивизія. Сухумъ-Кале безъ нужды не велите оставлять; но еслибъ и тутъ Турки принуждали къ отступленію, я надѣюсь, что вы возьмете мѣры, чтобы все собралось заблаговременно, и назначьте вышѣ же мѣсто, гдѣ и куда войскамъ собраться. Между тѣмъ вѣло я адмиралу Грейгу съ флотомъ обезпечить берега Мингреліи.

Я посылаю вамъ двухъ вамъ извѣстныхъ генераловъ, генералъ-адъютанта Паскенича и генералъ-майора Давыдова. Первый, бывшій мой начальникъ, пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все, что по краткости времени и по безызвѣстности, не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнить всегда всѣ, ему дѣлаемыя, порученія съ должнымъ усердіемъ и повнотаивостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ

мнѣ васъ, что отъ насъ поручаю ему будетъ мнѣ даже
знать, что я прошу дѣлать какъ вамъ надо.

За симъ прощайте, Богъ съ вами! Ожидая съ нетер-
пѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій и, съ помощію Божіею,
успѣховъ.

Николай.

VIII.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ полу-
чилъ я донесенія ваши о вторженіи Персіянъ въ наши
границы и о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распоря-
женіяхъ, по коимъ частицы русскіихъ войскъ подверга-
лись неудачамъ и потери отъ непріятеля, доселѣ ими всег-
да презрѣннаго. Вы увидѣли изъ прежнихъ моихъ прика-
заній, объявленныхъ вамъ начальникомъ главнаго штаба
моего, что твердое мое есть намѣреніе наказать Персіянъ
въ собственной ихъ землѣ, за наглое нарушеніе мира, и
что я, будучи увѣренъ, что находящееся подъ начальствомъ
вашимъ многочисленное и храброе войско достаточно къ
достиженію сего, не менѣе того приказалъ и 20-й пѣхот-
ной дивизіи идти на усиленіе оныхъ. Усматривая же изъ
послѣдняго донесенія вашего намѣреніе ограничиться обо-
рочительными дѣйствіями, до прибытія сихъ подкрѣпленій,
я на сіе согласиться не могу, и повелѣваю вамъ дѣйстви-
вать, по собраніи возможнаго числа войскъ, непремѣнно
наступательно, сообразно обстоятельствамъ, по усмотрѣ-
нію вашему, противъ раздѣльныхъ силъ непріятельскихъ. —
Увѣренъ, что вы истребите ихъ по частямъ, и заставите
ихъ почитать славу русскаго войска и святость гра-
ницъ нашихъ. Для подробнѣшаго изясненія вамъ на-
мѣреній моихъ посылаю къ вамъ генераль-адъютанта мо-
его, Паскевича, коему, сообщивъ оныя во всей подробно-
сти, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего
храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, для приведенія
оныхъ въ дѣйствіе; препоручая ему командованіе войскъ
подъ главнымъ начальствомъ вашимъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

Вѣрно: генераль-адъютантъ Паскевичъ.

IX.

Алексій Петровичъ! На основаніи учрежденія в большой дѣйствующей арміи, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія глѣвнокомандующаго, или командира отдѣльнаго корпуса, вѣняемъ ихъ управляютъ арміями, или корпусами, начальники ихъ штабовъ. Искренно желая, чтобы случай не могъ представиться въ отношеніи къ вамъ, я нужнымъ, однакоже, считаю, въ предосторожность, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, разрѣшить вамъ, въ случаѣ нездоровья вашего, или какого другаго непредвидимаго препятствія, ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу, какъ старшему послѣ васъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

X

Москва, 16-го сентября, 1826 г.

Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ войскъ нашихъ дошло до меня сего утра; въ свѣдѣ за тѣмъ получалъ я и донесеніе князя Меньшикова, служащее развязкой тому, что для благородныхъ душъ и для добрыхъ сосѣдей было доселѣ непонятно.

Вникнувъ во все, я наиболее убѣждаюсь, что прежнія мои къ вамъ предписанія совершенно согласны съ обстоятельствами, съ правотою нашего дѣла, съ честью нашего государства. Мнѣ остается, стало, вполнѣ одобрить послѣднія, принятая вами, мѣры и ожидать справедливыхъ послѣдствій, т.-е. успѣховъ. Обѣщанныя подкрѣпленія къ вамъ свѣдуютъ, резервные 6 бат. 20 дивизіи не могутъ скоро вослѣдовать прочимъ, ибо ихъ должно укомплектовать, что безъ рекрутскаго набора нельзя выполнить; а сію мѣру я скоро принять не могу по другимъ, гораздо важнѣйшимъ обстоятельствамъ. Предписано отъ меня высать къ вамъ въ которое число минеровъ на почтовыхъ; отъ васъ зависѣть будетъ ихъ взять въ Грузію, или оставить на линіи до сформированія остальныхъ двухъ ротъ 8 бата. Уланская дивизія съ конною артиллеріей сего дня пошла въ походъ.

Стало, что можно, свѣдуетъ на усиленіе вашего корпуса. Видѣвъ отчетъ расхода людей, присланный вами, я

замѣтилъ роты женатыхъ; охотъ ни благоразумна мѣра сія, но я не считаю полезнымъ сихъ людей оставлять въ военное время въ домахъ своихъ, равно и показанная роты въ штабахъ. Я желаю, елико возможно, чтобы вы всѣмъ великамъ выступить въ полномъ числѣ людей, оставая, для спокойствія земан, особый полкъ, или часть войска, чѣмъ дробить полки въ ихъ составѣ.

Прошу васъ также настоятельно, при первомъ случаѣ, вымѣнять нашихъ пѣхотныхъ, и вообще не упускать случая къ избавленію сихъ несчастныхъ. Вступая въ бунтованнія провинціи, я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что вы отвѣчаете; лучше прощать чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ.

Богъ съ вами! продолжайте какъ начали, и тогда будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Вамъ доброжелательный

Николай.

XI.

Алексѣй Петровичъ! Я получилъ донесеніе ваше отъ 30-го сентября. Оставаясь столь долгое время безъ всякаго отъ васъ извѣщенія, тогда какъ вы имѣли въ виду повелѣніе мое, объявленное вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, доносить мнѣ непременно черезъ каждыя четыре дня. Я началъ опасаться, нѣтъ ли на то какихъ-либо неблагопріятныхъ причинъ, или не затруднено ли сообщеніе съ вами черезъ горы обвалами и разлитіемъ Терека. Сіе послѣднее обстоятельство побудило меня приказать начальнику главнаго штаба моего, принять нѣкоторыя мѣры осторожности, насчетъ сообщенія 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій, о которыхъ вы должимъ уже быть извѣстны изъ его къ вамъ отношеній. Я очень радъ, что свѣденія мои оказались неосновательными, но тѣмъ болѣе долженъ изъяснить вамъ мое неудовольствіе за неточное исполненіе воли моей, и потому подтвердительно повелѣваю вамъ доносить мнѣ, если не черезъ каждыя четыре дня, то непременно черезъ всякіе семь дней съ нарочными, хотя бы въ сей промежутокъ времени и ничего не произошло достопримѣчательнаго.

Съ успешнымъ прогнаніемъ Аббасъ-мирзы за Араксъ, я васъ поздравляю и благодарю, и поручаю вамъ изъяснить

ное особенное за то благоволеніе генералъ-адъютанту Паскевичу. Я совершенно раздѣляю съ вами мнѣніе ваше касательно дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противу Персіи. Я весьма согласенъ, что прежде нежели перейдти Араксъ, лучше очистить наши провинціи совершенно отъ неприятеля, упрочить спокойствіе оныхъ и, обезпечивъ предводительствіе войскъ на дальнѣйшее дѣйствіе, вступить тогда уже войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно. Не должно, однакожь, упускать случая, еслибы таковой представился, къ овладѣнію Эриваномъ, силою ли оружія, посредствомъ денегъ, или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ. Я все сіе поручаю вашему усмотрѣнію. Начальникъ главнаго штаба моего сообщить вамъ подробности моихъ предположеній.

Разсматривая распорядженія ваши насчетъ образованія отрядовъ, я замѣтилъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не соединены полки цѣлыми ихъ составами, но что каждый отрядъ составленъ изъ частей разныхъ полковъ. Мнѣ сію я не одобряю, ибо ничто не можетъ такъ разстроитъ военный порядокъ въ полку, какъ раздробленіе оного на отдѣльныя команды, и потому я настоятельно требую, дабы вы, въ сіе время бездѣйствія, озаботились о соединеніи таковыхъ по всей возможности, и избѣгали всегда и впредь раздробленія оныхъ безъ крайней необходимости, стараясь, дабы каждый полкъ, сколько возможно, поступалъ въ отрядъ въ цѣломъ своемъ составѣ и подъ командою собственныхъ своихъ командировъ, и наблюдая сіе еще болѣе во вновь прибывающихъ 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизіяхъ.

Се взятыхъ въ плѣнъ Угурау-ханомъ предоставляю вамъ вступить по ближайшему вашему убѣжденію. Если предположенія его чистосердечны и свѣдѣнія, имъ сообщенныя, достовѣрны, то можно принять его съ благосклонностію. Онъ, конечно, по связямъ своимъ съ Персіей, можетъ быть намъ полезенъ.

При семъ случаѣ я повторяю вамъ то, о чемъ не однократно къ вамъ писалъ. Всегда лучше подобнымъ ему смирять великодушіемъ, чѣмъ наказывать за давнишніе проступки.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Октября 24 дня, 1826 года.

XII.

Алексѣй Петровичъ! По важности военнымъ обстоятельствамъ въ Грузію и Персію, и дабы имѣть, съ одной стороны, самыя подробныя и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и вооруженіи приуготовительныхъ мѣрахъ, а съ другой усилить и ускорить оныя кратчайшимъ личнымъ сношеніемъ съ вами, отправляю я въ Грузію начальника главнаго моего штаба, объяснивъ ему подробно о предположеніяхъ моихъ, и уполномочиваю его на всѣ мѣры, дабы привести въ точное и безотлагательное исполненіе данныя ему отъ меня личныя наставленія.

Николай.

С.-Петербургъ. 3-го февраля, 1827 года.

Предписаніе Ермолова князю Мадатову во время Персидской войны.

(На французскомъ языкѣ.)

Господину генералъ-майору князю Мадатову.

Я получилъ сегодня рапортъ вашего оіятельства, отправленный ко мнѣ съ переводчикомъ Макаровымъ.

Если и справедливо, что Амиръ-ханъ-сардаръ съ сыномъ Аббасъ-мирзы вступаетъ въ Шамшадальскую дистанцію, то у него, судя по полученнымъ нами извѣстіямъ, не можетъ быть большихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, войска его весьма дурны. Вы должны дѣйствовать по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ, имѣя достаточно войска и сильную артиллерію, можете заставить этихъ мошенниковъ раскаться въ дерзости. Я собралъ грузинскую милицію и посылаю къ вамъ ту, которая изъ Кизиха, и часть Телавской, — что составляетъ около 500 человекъ конницы. За ними послѣдуютъ Горцы, подъ начальствомъ подполковника Каналова, въ числѣ 200 человекъ конницы и столько же пѣшихъ, — хорошихъ стрѣлковъ, могущихъ быть вамъ полезными.

Хотѣлъ отправить къ вамъ и превосходную милицію изъ Гори, но предпочелъ оставить ее для наблюденія за Борчалинцами, въ вѣрности которыхъ имѣю полное основаніе сомнѣваться.

Третьяго дня Персіане напали на нѣмецкую колонію возлѣ Квешы, раззорили ее и безпощадно перерѣзали

несчастныхъ жителей. Борчалинскіе Татары дѣйствовали въ сѣ съ непріятелемъ и служили ему проводниками.

Со стороны князя Севарземидзева все спокойно. Онъ, по приказанію моему, оставилъ Карагаисъ и занимается постройкою укрѣпленія на Джегалъ-Оглу. Сардаръ въ совершенномъ бездѣйствіи, старается только взбунтовать казахскихъ и борчалинскихъ Татаръ.

Завтра придутъ гвардейскій полкъ и 2-й батальонъ Ширванскаго. Въ непродолжительномъ времени я оставлю Тифлисъ и расположусь лагеремъ по близости.

Постараюсь отправить къ вамъ еще одинъ батальонъ и два орудія; вы же, любезный князь, употребите всѣ силы, чтобы не допустить этой сволочи подаваться впередъ. Каджарамъ никогда еще не приходилось имѣть дѣло съ столь значительными соединенными силами. Ваше мужество и многолѣтнія заслуги ручательствомъ въ томъ, что вы усѣете внушить непріятелю тотъ ужасъ, какой должны вселять въ него храбрыя русскія войска подъ начальствомъ опытнаго генерала.

Генералъ Ермоловъ.

№ 278.

16 августа, 1826 г.

Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

(По-французски.)

I.

Любезный князь!

Провіанту отправлено къ вамъ сегодня не менѣе какъ на 16 дней. Прикажите испечь хлѣбъ поскорѣй, выступайте съ Богомъ. Полковнику Попову поручилъ я передать вамъ мои приказанія по этому предмету.

Сегодня я получилъ отъ князя Меньшикова письмо, которое ему удалось переслать ко мнѣ тайно. Съ 2-го августа онъ находится въ Эривани, гдѣ содержится по приказанію шаха, какъ бы въ ожиданіи отвѣта на отдѣльное имъ предложеніе насчетъ границы. До Эривани онъ доѣхалъ безъ всякаго сопровожденія, но тамъ учрежденъ за нимъ караулъ, никого не допускающій къ нему. Всѣ офицеры его свиты при немъ.

Князь уведомляетъ, что шахъ переходитъ изъ Ардебилъ и Агаръ въ Уджинъ; но человекъ, доставившій письмо, утверждаетъ, что шахъ все еще въ Ардебилѣ, и при немъ все войско, которое онъ могъ набрать. Эриванская крепость снабжена огромнымъ количествомъ провіанта.

У армянскаго сардара 4 батальона регулярныхъ, 2.000 человекъ мѣхоты изъ милиціи и 5.000 конницы.

Шахъ-Заде, въ Карабагѣ, располагаетъ 9-ю батальонами регулярныхъ войскъ, а всего 15.000 человекъ войскъ оружіемъ. Податель письма увѣряетъ, что у шаха много регулярныхъ войскъ, но это не совсѣмъ правдоподобно, потому что прежде у него не было болѣе пяти батальоновъ.

По словамъ того же человека, сардаръ ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока Аббасъ-мирза не перейдетъ за Елисаветполь атаковать насъ. Тогда нападетъ съ своей стороны и сардаръ.

Онъ же увѣряетъ, что царевичъ, съ 300 человекъ конницы, намѣренъ вступить въ Кахетію, чрезъ Дилижанское ущелье, гдѣ мнѣ находится. Нѣтъ сомнѣнія, что измѣнники Казахи пропустятъ его. Постарайтесь узнать, кто изъ Агааровъ окажетъ ему помощь, чтобы въ послѣдствіи наказать виновныхъ.

Преданный вамъ Ермоловъ.

22 августа, 1826 г.
Тифлисъ.

II.

Любезный князь!

Мегрели-Ага объяснилъ мнѣ сію минуту, что самъ сардаръ и братъ его Гассанъ-ханъ перешли съ войсками на Майданъ въ Шамшадильскую дистанцію, и что уже вѣроятно спустились съ горъ на Елисаветпольскую дорогу.

Если это правда, то должно полагать, что они намѣрены соединиться съ войсками, находящимися въ Таузѣ и Елисаветполѣ, и атаковать насъ. Не мѣшало бы вамъ имѣть объ этомъ обстоятельномъ свѣдѣніи, хотя я и не вѣрю по-лучшему извѣстію.

Во всякомъ случаѣ непріятель не могъ прибыть съ большими силами и, по трудности дороги, не могъ взять съ собой артиллеріи. Тѣмъ не менѣе осторожность необходима. Получивъ выслаемые мною провіантъ и подкрѣпленіе, атакуйте эту негодную сволочь. Вы разобьете ее въ пухъ, если она не разбѣжится. Слѣдуетъ однако полагать, что, состоя преимущественно изъ кавалеріи, непріятель не вступить въ серьезное дѣло, а стаметь, по удаленіи нашемъ къ Елисаветполю, тревожить тѣхъ, кои останутся на Акотфѣ, или же отравится вслѣдъ за вами.

Это обстоятельство требуетъ особеннаго вниманія. Можетъ также быть, что непріятель намѣренъ прикрыть движеніе даровича въ Каветію чрезъ Шамшадельскую дистанцію.

Преданный вамъ Ермоловъ.

23 августа.

Предписанія.

I.

(На франц.)

Господину генералъ-майору князю Мадатову.

Татаринъ, присланный ко мнѣ подполковникомъ Грековымъ, объяснилъ моему переводчику, что принцъ Аббас-нирва находится на Тертерѣ, что Мехти-ханъ занимаетъ крѣпость, которая взята или сдалась: онъ не знаетъ, что въ Елисаветполѣ непріятель имѣетъ 4.000 регулярнаго войска. Татаринъ, о которомъ я говорю, братъ Мегараи-Али; на него, какъ мнѣ кажется, положиться нельзя.

Старайтесь, князь, повѣрить свидѣнія, доставленныя этимъ человекомъ, ибо, если они подтвердятся, вамъ придется совершенно перемѣнить планъ дѣйствій, и, не отправляясь къ Елисаветполю, ожидать прибытія къ вамъ войскъ, оставшихся позади.

Я совершенно не вѣрю рассказамъ Татарина именно потому, что, по его словамъ, непріятельскіе аванпосты находятся въ Таузѣ, черезъ который вы перешли два дня уже тому назадъ.

Генералъ Ермоловъ.

4 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

II.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я рапортъ вашего сіятельства объ успѣхѣ, приобретенномъ войсками подъ начальствомъ вашимъ. Обстоятельство сіе, чрезвычайно полезное для общей связи дѣлъ, должно произвести ужасное впечатлѣніе на непріятеля, которое слѣдующимъ впредь войскамъ много облегчитъ успѣхи.

Я со вниманіемъ распросилъ присланнаго вами офицера, и пріятно было мнѣ усмотрѣть, что совершенное разслабленіе значительныхъ силъ, нанесенный непріятелю чрезвычайный уронъ, произведены не только не всѣми войсками вашими, но почти безъ дѣйствія пѣхоты, которая состав-

ваша важную вашу силу. Я долженъ отнестя сіе къ познанію вами непріятеля и что искусно воспользовались вы благоприятною минутою. Сіе даетъ мнѣ мѣру того, что можно произвести, употребивъ пѣхоту вашу, и какими непріятеля силанъ противостоять можно съ совершенною на успѣхъ надеждою.

Согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что едва ли разбитый непріятель остановится въ Елисаветполѣ, ибо когда въ сраженіи были и смиръ Аббасъ-мирзы и Амирханъ сардаръ, то вѣроятно, что ихъ сопровождали всѣ въ распоряженіи ихъ состоящія войска, и нынѣ нѣтъ резерва въ Елисаветполѣ.

Ожидать можно, что Аббасъ-мирза, принявъ къ сердцу нанесенное пораженіе, вышааетъ въ подкрѣпленіе коиацу, не имѣя нужды въ оной при блокадѣ Шуши; напротивъ того, ваше сіятельство примите нужныя предосторожности до прибытія прочихъ вашихъ войскъ.

Привести вашему сіятельству благодарность за начало, но истиннѣ столько бластательное, а съ равною признательностію вижу усердіе храбрыхъ товарищей моихъ, бывшихъ подъ вашимъ начальствомъ, которыхъ, увѣренъ я, не разъ еще будете вы проводить къ побѣдѣ.

7 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

I.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ!

Сейчасъ получилъ извѣстіе о занятіи Елисаветполя. Радъ чрезвычайно, что дѣла ваши идутъ бластательно, и не сомнѣваюсь, что Государь будетъ доволенъ, ибо неумоверно показалось положеніе наше опаснымъ. Вы узнаете отъ тетки Вельяминова, что отъ того послѣдовало.

Истинно почитающій Ермоловъ.

7 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

II.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ!

Видю изъ послѣдняго письма вашего причины, по которымъ полагаете вы нужнымъ ускорить движеніе въ Карабахъ. Я съ вами согласенъ, но въ одномъ сомнѣваюсь, чтобы могло быть персидскихъ войскъ 50.000 человекъ. Это ариметика

здѣшнихъ народовъ. Такое число людей, при персидскомъ порядкѣ, уморили бы съ голоду, и потому я не слыхкомъ сему вѣрю.

Вы, конечно, увидите, при появленіи въ Карабагъ, много изъ жителей отвлечь отъ хана и, можетъ быть, даже обратитъ на Персіанъ, — что симъ послѣднимъ было весьма невыгодно, ибо малые ихъ отряды, фуражиры, транспорты и тому подобное подверглись бы опасности, и поставило бы ихъ въ большое затрудненіе. Старайтесь, любезный князь, наносить всякій вредъ злодѣямъ. Вы знаете всѣхъ, и къ вамъ жители имѣютъ довѣренность. Лучше васъ никто успѣтъ не въ состояніи. Пошлите отъ себя бумаги въ Карабагъ, доставьте Реуту свидѣніе объ успѣхахъ вашихъ. Теперь найдутся желающіе оказать услуги.

Не оскорбитесь, ваше сіятельство, что вы являетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предложить ему назначеніе блистательное *. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать, сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаменіе непріятеля и здѣшнихъ народовъ можетъ привести пользы службѣ Государа. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всеми силами новому начальнику, который, по незнакомію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности.

Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно.

Давайте мнѣ свидѣнія о Карабагѣ, и кто усердствуетъ и кто измѣнилъ намъ.

Прошу васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, трудиться всѣми силами. Надобно выгнать изъ Карабага зѣвшаго изъ враговъ нашихъ, Аббасъ-мирзу. Способствуйте сему всѣми зависящими отъ васъ орудствами.

Прощайте.

Душевно почитающій Ермоловъ.

9 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

* Передъ прибытіемъ къ войску генерала Паскевича, Мадатовъ просилъ Ермолова о присмакѣ въ допущеніе къ его отряду 3 батальоновъ пѣхоты и 1 казачьяго полка, и намѣренъ былъ дать генеральное сраженіе.

Дѣйствія князя Мадатова, въ началѣ Персидской войны, по предписаніямъ Ермолова.

По Гюлистанскому договору, часть Чаудурскаго и Капанскаго магаловъ, со всѣми землями по лѣвую сторону Капанъ-Чая и Чаудуръ-Чая, отошли къ Россіи и поступили въ составъ Карабагской области; пространство между Мирри-Чаемъ, Капанъ-Чаемъ и Араксомъ оставалось еще спорнымъ и не размежеваннымъ. Сии-то земли послужили предлогомъ къ войнѣ.... Персія, захвативъ ихъ вопреки договору, вынудила закавказское начальство двинуть наблюдаемый отрядъ къ горамъ, окружающимъ озеро Тохча, въ сѣверной части Эриванской провинціи..... Лѣтомъ 1826 г., Аббасъ-Мирза принялъ главное начальство надъ войсками и внезапно вторгся въ наши предѣлы. Одинъ отрядъ подъ его личнымъ предводительствомъ, бросился въ Карабагъ, а другой, подъ командою эриванскаго сардара Гуссейнъ-хана, въ Бамбахскую дистанцію и провинцію Шурегель. Аббасъ-Мирза, разбивъ батальонъ 42-го егерскаго полка въ сел. Гарюсы... и тѣсно обложивъ крѣпость Шушу, послалъ передовой отрядъ для занятія Елисаветполя.

..... 10 августа, Мадатовъ получилъ въ Тифлисъ предписаніе принять въ свою команду 9 ротъ пѣхоты, съ 6-ю орудіями, которыя были уже на маршѣ, слѣдовать въ Казахскую дистанцію, на рѣку Акстафу, и тамъ принять въ свое начальство отрядъ подполковника графа Симовича, состоявшій изъ одного батальона Грузинскаго гренадерскаго и одного батальона Ширванскаго пѣхотнаго полковъ....

Главная цѣль назначенія этого отряда состояла въ томъ, чтобъ удержать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, къ которому склоняли ихъ Персіане разными низкими средствами, и прекратить разбои уже возмутившихся жителей Елисаветпольскаго округа и Шамшадильской дистанціи. Движеніе этого отряда генералъ Ермоловъ почиталъ нужнымъ и потому, чтобъ успокоить жителей Грузіи, испытанныхъ въ минувшія времена ужасными бѣдствіями отъ вторженія Персіанъ и, при настоящемъ нашествіи, приходившихъ въ чрезвычайное умнѣніе. Но до прибытія ожидаемыхъ войскъ съ Кавказской линіи главнокомандующій не желалъ начинать никакого дѣйствія, развѣ бы самъ неприятель подалъ къ тому поводъ и представился случай

вѣрнаго успѣха; по сему и приказалъ онъ князю Мадатову, если непріятель придетъ изъ Карабага въ мессорамшрамскъ саякъ и поставитъ отрядъ его въ затруднительное положеніе имѣть въ то же время дѣло со всѣми войсками сардара Эриванскаго, — отступить въ Борчалинскую дистанцію, оставя передъ собою Красную мостъ (на рѣкѣ Храмѣ). Если же непріятель не будетъ наступать на него съ большими силами, тогда вѣрно было ему остаться наблюдать Дилижанское ущелье, и не иначе дѣлать движеніе, какъ только частью войскъ, которая бы могла безпрепятственно соединяться, когда надобность того потребуетъ. „Призовите къ себѣ благонамѣреннѣйшихъ изъ Агааровъ,“ говоритъ генералъ Ермоловъ въ инструкціи, данной князю Мадатову, „внушите имъ ихъ обязанности быть вѣрными подданными своему Государю. Я имѣю извѣстіе, нѣсколько уже подтвержденное, что они ведутъ переговоры съ сардаромъ эриванскимъ и допустили непріятеля въ Дилижанское ущелье, чего, безъ измѣны, произойти не могло, ибо непріятель нашелъ бы тамъ свою гибель. Если вашему сіятельству представится случай имѣть сообщеніе съ Нухомъ, то объявите жителямъ ея въ прокламаціи, чтобъ они немедленно изгнали людей коварнаго Селимъ-хана, или кровью своею заплатятъ за гнусную измѣну, и что одними изгнаніемъ бродягъ сихъ они могутъ спискать себѣ прощеніе. Весьма правдоподобно, что они сего исполнить не пожелаютъ, но легко быть можетъ, что боязнь наказанія за неисполненіе произведетъ несогласіе, и пришлетъ будетъ опасаться оного.

„Старайтесь, ваше сіятельство, достать въ дистанціи провіантъ для войскъ, въ командѣ вашей состоящихъ; когда жители казахскіе спустятся съ горъ въ свои жилища, къ чему сколько возможно побудить ихъ необходимо, то учредить изъ нихъ почту для препровожденія бумагъ. При всей надеждѣ на бдительность вашего сіятельства, я не могу не подтвердить вамъ, что осторожность необходима, что сколько робкимъ ли замѣченъ непріятель, презирать его не должно, что гораздо полезнѣе противопоставить непріятелю соединенныя силы для большей вѣрности въ успѣхъ, нежели подвергнуться опасности дѣйствовать силами недостаточными, изъ одного тщеславія противоборствовать сильнѣйшему.“

11-го августа неприятельскій отрядъ (грузинскаго царя Александра, состоявшій изъ 2000 персидскихъ войскъ и приставшихъ къ нему Татаръ, на Шамшерокихъ горахъ, близъ рѣки Заганъ) былъ разбитъ, а войска его, преслѣдуемая Русскими, бѣжали въ беспорядкѣ къ Елисаветполю... „Благодарю васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ,“ — писалъ послѣ этого генералъ Ермоловъ, 27 августа, „за прогнаніе мерзавцевъ и ожидаю отъ того хорошихъ послѣдствій. Хорошо сардаръ, если точно сразелъ насъ, что онъ отошелъ отъ Соухбулака. Вамъ предлежитъ прогнать еще одного сардаря изъ Елисаветполя. Воображаю, что ханъ не располагаетъ своего царствованія на долгое время, и надобно изгнать мошенника. Прикажете, любезнѣйшій князь, артиллерійскимъ офицерамъ оберегать снаряды и не приучать неприятеля къ пустой пальбѣ. Пороху и свинцу трудно къ вамъ доставлять, для грузинской милиціи можете взять патроны изъ батальоновъ, но дарить по магому не выдавать. Остерегайтесь, чтобы Грузины не бросились на грабежъ въ Елисаветполь, особенно..... на корте, ибо голы совершенно и.... преужасны. Особенно храдите отъ нихъ Армяне, ибо они никого не разбираютъ. „Не умедлю отправить и остальныхъ войска, назначенна на дальнѣйшія предпріятія. Теперь спѣшу приуготовленіемъ парка, ибо артиллерія должна играть важную роль. Будетъ лавовые патроны; умлежу и артиллерию. Предупредите моихъ товарищей, что требую отъ нихъ подвиговъ; достойныхъ Кавказскаго храбраго корпуса. Прощай, любезный. Дай Богъ, князь, тебѣ счастья.“

Между тѣмъ положеніе Закавказскаго края становилось все отъ часу затруднительнѣе. Крѣпость Шума, въ которую поковникъ Реуць едва успѣлъ войти съ 6-ю ротами 42-го егерскаго полка, имѣвшаго штабъ-квартиру въ селеніи Чанахчи, была тѣсно обложена войсками Аббасъ-мирзы. Весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ Персіанами; всѣ сообщенія между Грузіей и мусульманскими провинціями прерваны, ближайшія нѣмецкія колоніи разорены неприятелемъ, жители увлечены въ плѣнъ. Съ другой стороны сардаръ эриванскій, съ 5-ю батальонами пѣхоты и 8,000 конницы, ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-мирзою, чтобы совместно открыть наступательныя дѣйствія; оба они всеми способами старались

вспомогать жителямъ вѣстия Россіи. Угрозы, награды, обещанія, фанатизмъ, ничто не было забыто, и самое: Грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795-го года и звѣрствѣ персидскаго шаха Ага Магмедъ-хана, который отъѣзъ Тафлаза и увелъ до 70 тысячъ семействъ въ павъзъ, вѣрили вѣрными слухамъ, распространяемымъ непріятельскими агентами, и нѣкоторые даже зарывали свои имущество въ землю.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями, въ странѣ, населенной единовѣрцами непріятелей, необходимы были рѣшительныя и скорыя мѣры. Генералъ Ермоловъ, извѣщенный о движеніи непріятеля, разрѣшилъ князю Мадатову, по заготовленіи десятидневнаго продовольствія, сѣдовать, съ частію своего отряда, къ Елисаветполю и открыть наступательныя дѣйствія.

„Не перемѣняя ничего въ моемъ распоряженіи, пишетъ генералъ Ермоловъ (28 августа), и ступай съ Богомъ! Будь остороженъ въ Елисаветполѣ, и если точно придетъ Аббасъ-Каджаръ, то ищи средства узвать заблаговременно, и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу силъ несоразмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло. Намъ надобно вѣрный успѣхъ, и таковыя приобрѣтешь ты со войми твоими войсками, безъ сомнѣнія; а я даю еще батальонъ и артиллерию, тогда не дожидаться Каджаровъ, но и самихъ ихъ отыскивать возможно! Суворовъ не употреблялъ слова *ретирада*, а называлъ свою *превѣткою*. И вы, любезнѣйшій князь, прогуляйтесь вовремя, когда будетъ не подъ силу; отида вы мало въ томъ нѣтъ. Если, любезный князь, разбѣגיע непріятельской конницы въ Таузѣ произвелъ впечатаніе, то я ожидаю, что изгнаніе Персіевъ и приплеча хана изъ Елисаветполя сдѣлаетъ большое и для насъ полезное дѣйствіе. Ожидаю извѣстій о Ревѣ, но ихъ нѣтъ, и я боюсь ужасно, чтобъ онъ не далъ себя обмануть. Неужели никто не пройдетъ изъ столькохъ людей посланныхъ и мы ничего не узнаемъ? Прощайте, любезный князь; дай Богъ вамъ счастья, и я надѣюсь!“

....Персіеве, переправившись черезъ рѣку Шамхоръ, построились въ боевой порядокъ на правомъ ея берегу.... подъ предводительствомъ Магмедъ-мирзы, старшаго сына

Аббасъ-мирза, и Амиръ-ханъ сардара, зятя шаха и главнокомандующаго его арміей.

Мадатовъ велѣлъ Каремъ быстро подаваться впередъ и самъ повелъ ихъ въ дѣло..... Магмедъ-мирза первый обратился въ бѣгство..... На мѣсто сраженія палъ самъ главнокомандующій.... Амиръ-ханъ-сардаръ.....

(Князь Мадатовъ вступилъ въ Елисаветполь, оставивъ нѣмъ непріятеля.)

Князь Мадатовъ, представилъ генералу Ермолову, отъ 10-го сентября, подробности шамхорскаго дѣла, заключающаго донесеніе свое: „такъ храбрыя вѣдны императора нашего исполнили приказаніе вашего высокопревосходительства: идти съ малыи силами и побѣдить непріятеля, съ пять разъ числомъ превосходившаго.“

О самое важное послѣдствіе (шамхорской побѣды) было снятіе осадъ Шуши, которую осаждалъ самъ Аббасъ-мирза съ главною арміей.

...11 сентября, генералъ-адъютантъ Паскевичъ прибылъ къ Елисаветполю и принялъ начальство надъ всѣми войсками.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ преслѣдовалъ непріятеля 12 верстъ по большой дорогѣ до рѣчки Куракчаа.... обманивъ Мадатова, благодарилъ....

...17-го сентября разбитая армія Аббасъ-мирзы переправилась за Араксъ; 18-го уже ни одного непріятеля не оставалось въ Карабагѣ. Аббасъ-мирза съ небольшоимъ числомъ враскакалъ въ Таврисъ....

Въ первыхъ числахъ декабря, князь Мадатовъ, по требованію генерала Ермолова, пріѣхавшаго въ то время въ Нухинскую провинцію, вызванъ былъ для личнаго совѣщанія, и получилъ секретное предписаніе одѣхать экспедицію за Араксъ.

9-го января (1827 года) князь предпринялъ обратный путь къ предѣламъ Россіи....

Эта экспедиція принесла намъ слѣдующую пользу: силь-

ый страхъ былъ наведенъ на персидское правительство и на вѣроломныя сосѣднія племена; огромные запасы провіанта и фуража, приготовленные Персіянами для предстоящей въ слѣдующемъ году кампаніи, были истреблены; русскіе подданные были освобождены и могли возвратиться въ предѣлы Россіи; отбитые 2000 верблюдовъ у Шахсезанцевъ, главныхъ пограничныхъ грабителей, были употреблены для перевозки провіанта въ кампанію 1827 года,* и наконецъ собраны были не только подробныя свѣдѣнія о семъ краѣ, но вообще о внутреннемъ состояніи Персіи, которыя и были сообщены княземъ Мадатовымъ графу Дибичу, находившемуся тогда въ Тифлисъ.

Въ 1827-мъ году, 17-го марта, генераль Ермоловъ (за 10 дней до своей отставки) поручилъ князю Мадатову командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, съ которымъ ему назначено было дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ въ предстоящемъ весеннемъ походѣ.... Князь Мадатовъ, первый, открылъ наступательныя дѣйствія... Въ первый же день очищенъ былъ отъ непріятели лѣвый берегъ Аракса, а на другой день и правый. Персидскій пятитысячный отрядъ удался... 22-го апрѣля получено отъ Паскевича повелѣніе о сдачѣ отряда князя Мадатова генераль-майору Панкратьеву... Потомъ Мадатовъ получилъ позволеніе отправиться въ Петербургъ....

Письмо Ермолова къ императору Николаю Павловичу, коимъ просилъ онъ о своемъ увольненіи.

Ваше Императорское Величество!

Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены челоуѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣрен-

* Когда русскій отрядъ пришелъ въ Нахичевань, то все продовольствіе доставлялось изъ Карабага, и доставка эта производилась на верблюдахъ.

ности Вашего Императорскаго Величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается мыслию, что не буду я имѣть исполнить волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь.

Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однакоже просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми. Но устраняя всѣ виды личныя выгоды, всеподданнѣе осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общою, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрнооуданный

Ермоловъ.

Письмо Ермолова къ г. Устрялову, по поводу выраженій употребленныхъ имъ въ его исторіи царствованія Императора Николая.

Милостивый Государь,

Николай Герасимовичъ!

Уважаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего Государя Императора, долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемого съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя въ правѣ говорить, что въ немъ упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу пройденному мною на службѣ, и что прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя или по крайней мѣрѣ правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я, не желая подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣтность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

По произволу вашему приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и изложеніе его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ имѣ избираемыхъ недостатки способностей могли легко укрываться отъ его провидательности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волей. Такъ, въ 1812 году, эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80 т. войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріей; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначенъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человекъ составленною, и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею наградою для каждаго.

Прежняя война съ Персіею была современною войнѣ отечественной и, не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска Кавказскаго корпуса значительно умножены, и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха Аббасъ-марза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое не извѣстно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну съ Персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для Персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрью, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія, и уваженіе къ памяти обо мнѣ

прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ милостивый государь, эту непоправимую ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть,
милостиваго государя, покорнѣйшій слуга,
Ермоловъ.

Представивъ подлинныя документы объ этомъ важнѣйшемъ и несчастнѣйшемъ для Ермолова событіи въ его жизни, прилагаемъ отзывы и сужденія князя Н. Б. Голицына и Д. В. Давыдова.

Къ біографіи Алексѣя Петровича Ермолова.

(Изъ записки князя Николая Борисовича Голицына, доставленной М. П. Погодину.)

Находясь при немъ, когда онъ уволенъ былъ отъ командованія Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, я могу передать нѣсколько изъ тѣхъ событій, которыя постепенно готовили и ускорили его паденіе.

Онъ первый вступилъ въ бой съ черкесскими племенами горныхъ обитателей, населяющихъ цѣпь горъ, простирающуюся отъ Чернаго до Каспійскаго моря; въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Закавказскихъ провинціяхъ предстояло вводить гражданское и военное управленіе. Задача огромная и трудная, требующая неограниченной власти. Армію онъ образовалъ по своему разумнѣю, создалъ непобѣдимыхъ воиновъ, для которыхъ онъ былъ родъ кумира, — такъ велика была любовь, которую онъ умѣлъ внушить всѣмъ своимъ подчиненнымъ
Ермоловъ дѣйствовалъ какъ начальникъ обширнаго края, соображаясь съ обстоятельствами, иногда самыми непредвидимыми. По дѣлу о неопредѣленіи точныхъ границъ между нашими и персидскими владѣніями, послѣ Гюлистанскаго мира въ 1813 году, Ермоловъ отправился еще въ 1817 году въ качествѣ посла въ Тегеранъ. Тамъ онъ убѣдился, что

Персія, по настроенію Англіи, ожидала только удобнаго случая, чтобы вторгнуться въ наши предѣлы и объявить намъ войну, заставъ насъ врасплохъ. Съ военными средствами, которыми располагалъ Ермоловъ, ему было невозможно привести въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры для обороны противу неожиданнаго вторженія. Надобно было усилить армию, укрѣпить Ленкоранъ и другіе пункты, изготовить запасы продовольствія и всего, что нужно для дѣйствующаго войска. Но какъ вопросъ этотъ, по существу своему, былъ чисто политическій, то Ермоловъ рѣсудилъ списать-ся предварительно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы сообщить ему свои убѣжденія относительно Персидскаго двора. Но тутъ онъ нашелъ совершенное сопротивленіе его понятію о положеніи дѣла. Переписка продолжалась довольно долго и безъ успѣха. Между тѣмъ узнали, что персидскій шахъ оскорбился неприличнымъ обхожденіемъ русскаго посла, который будто ни шубы, ни теплыхъ сапогъ ни скидалъ въ присутствіи азіатскаго монарха. Не знаю, насколько это справедливо, но знаю, что Алексѣй Петровичъ, при прощаніи съ шахомъ, сказалъ ему, что онъ желалъ бы имѣть *глаза на затылкѣ*, чтобы созерцать лицо его, когда поѣдетъ обратно. Помарилась ли этотъ азіатскій комплиментъ шаху, не знаю; но свиданіе не склонило къ миролюбивымъ чувствамъ никого съ обѣихъ сторонъ. Графъ Нессельродъ между тѣмъ не переставалъ твердить, что ему хорошо извѣстна политика Англіи, и что она во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна.

При такомъ положеніи дѣла, Ермолову не было повода относиться къ военному министру объ усиленіи армии и прочаго. Съ того времени * и начали распространяться разные неважные толки о Ермоловѣ.

Вдругъ получено было извѣстіе, что Аббазъ-мирза вторгнулся въ наши Закавказскія владѣнія съ огромнымъ числомъ войска. Такое событіе было приписано оплошности Ермолова. Къ счастью, что Аббазъ-мирза, ожидавшій сильнаго сопротивленія, оставался три мѣсяца въ бездѣйствіи при осадѣ ничтожной крѣпости Шуши: онъ могъ бы идти на Тифлисъ и овладѣть этимъ городомъ безъ боя. . . .

* Но гдѣ война Персидская началась черезъ десять лѣтъ послѣ посылки, въ продолженіи коихъ Ермоловъ управлялъ Грузіей съ полною властію, и пользовался неограниченною довѣренностью императора Александра. Слѣдовательно, едва ли есть такая связь между сими событіями.

Тогда былъ отправленъ въ Грузію генералъ-адъютантъ Паскевичъ, чтобы сообщая съ Ермоловымъ принять всѣ нужныя мѣры въ такихъ обстоятельствахъ. Война съ Персіей была объявлена.

Въ это время я проживалъ въ деревнѣ, бывъ подполковникомъ по арміи. Сейчасъ подавъ я прошеніе о назначеніи меня въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, и я назначенъ состоять при главнокомандующемъ, генералѣ Ермоловѣ. Проѣзжая черезъ Ставрополь, въ февралѣ 1827-г., я видѣлся съ бывшимъ начальникомъ моимъ генераломъ Еммануэлемъ, командовавшимъ тогда всѣми войсками, на Кавказской линіи расположенными. Отъ него узналъ я, что происходитъ въ Тифлисѣ.

Время проходило очень пріятнымъ образомъ, большею частью у Ермолова. Въ Тифлисѣ нашелъ я корнета лейбъ-гвардіи Коннаго полка, князя Суворова, нынѣ с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, флигель-адъютанта князя Николая Андреевича Долгорукова, и нѣсколько другихъ петербургскихъ знакомыхъ. Разъ какъ-то я пошелъ въ тифлисскую почтовую контору, и почтмейстеръ спрашиваетъ меня, ожидаютъ ли сюда начальника штаба барона Дибича, что на имя его получены конвертъ съ экстра-почтой. Эту вещь передалъ я за обѣдомъ генералу Ермолову, но онъ замѣтилъ, что это ошибка; прибыть долженъ въ Тифлисъ братъ его, полковникъ Дибичъ, который назначенъ недавно на службу въ Кавказскій корпусъ. Но едва успѣли встать изъ-за стола, какъ приносятъ конвертъ, по вѣстафетѣ посланный изъ Георгіевска: тутъ извѣщается, что баронъ Дибичъ будетъ къ двумъ часамъ по полудни на слѣдующій день, и чтобъ ему выслали на послѣднюю станцію дрожки. Былъ я свидѣтелемъ, какъ явился къ Ермолову во всей формѣ Дибичъ. Свиданіе было не продолжительное, и онъ отправился на площадь, гдѣ его ожидалъ Паскевичъ для представленія всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Чтò послѣ того происходило между этимъ триумвиратомъ высшихъ сановниковъ, никому не извѣстно, только въ концѣ марта того же 1827 года объявленъ въ Тифлисѣ высочайшій приказъ въ тотъ самый день, какъ онъ напечатанъ въ Петербургѣ: Ермоловъ увольняется отъ занимаемой должности, а на мѣсто его назначенъ Паскевичъ. Въ послѣдствіи оказалось, что пріѣздъ Дибича въ Тифлисъ имѣлъ главною цѣлью узнать мнѣніе каждаго изъ начальниковъ, какъ они полагаютъ покончить начатую войну противъ Персіи. Этотъ вопросъ имѣлъ свою важность, потому

что предвидѣлась война съ Турками; слѣдовательно нужно было какъ можно скорѣе кончить начатую войну. Здѣсь Ермоловъ въ отвѣтъ своему сдѣлалъ огромную ошибку, которая была единственною причиною его удаленія . . . Онъ изложилъ, что онъ, Ермоловъ, не предвидитъ, когда можно будетъ положить конецъ этой неожиданной войнѣ. Паскевичъ отвѣчалъ, что онъ кончитъ войну въ томъ же году, и что миръ будетъ немедленно заключенъ. По полученіи этихъ двухъ мѣній, состоялся вышеупомянутый приказъ, и Дибичъ остался на вѣсколько времени, чтобы все приготовить къ предстоящей кампаніи, которая и положила конецъ войнѣ

Отзывъ и извѣстія Д. В. Давыдова.

Два раза Алексѣй Петровичъ Ермоловъ представлялъ покойному императору о назначеніи меня областнымъ начальникомъ линіи и два раза получалъ отказъ; мнѣ предпочли Ласаневича и князя Горчакова.

Хотя генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ семь край, перенесеніемъ съ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунжу и построеніемъ крѣпости *Грозной* на ея берегу, обуздавъ Чеченцевъ, но, не взирая на то, одинокіе наѣзды изрѣдка пробираются сквозь войска наши и являютъ небольшими толпами на дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ.

(При представленіи государю во время коронаціи) Дибичъ спросилъ (генерала Петра) Ермолова: „Давно ли вы получали письма отъ Алексѣя Петровича?“ Ермоловъ отвѣчалъ ему: „Давно уже,“ — и Дибичъ отошелъ прочь. Услыжавъ это, я сказалъ Ермолову: „Видно, братъ, въ Кавказскомъ корпусѣ что-то нездорово!“ Я полагалъ, что Черкесы, сдѣлавъ какой-нибудь набѣгъ, разграбили какое-нибудь селеніе и увели въ плѣнъ жителей, какъ иногда случалось. Многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова, извѣстные своими посредственными способностями и весьма сомнительнымъ безкорыстіемъ, силились, вѣроятно, придать этому обстоятельству наибольшее значеніе.

Ермоловъ, доносившій покойному государю, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана, о враждебныхъ противу насъ намѣреніяхъ Персіянъ, извѣщалъ ежегодно по вѣскольку разъ его величество о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббасъ-мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружающихъ

его Англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполнѣ необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Петербурга въ срединѣ декабря 1825 года англійскій полковникъ Шилъ, встрѣтившій въ проѣздъ свой чрезъ Грузію лишь слабые отряды наши, убѣдилъ принца, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія; по мнѣнію Шила, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близъ самой границы наступавшія полчища Аббасъ-мирзы, вѣроятно нарушившаго миръ. Полковникъ Назимокъ, находившійся на границѣ и коему надлежало поспѣшно отступить для присоединенія къ главнымъ силамъ, не оправдалъ полученнаго имъ въ прежней войнѣ съ Персіянами Георгіевскаго креста; непріятель, воспользовавшись огромнымъ превосходствомъ своимъ въ силахъ, истребилъ двѣ роты и овладѣлъ двумя пушками. (Разказавъ объ этомъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ, государь отпустилъ Давыдова, передавъ нѣкоторыя приказанія Алексѣю Петровичу).

(Наканунѣ отъѣзда Давыдовъ узналъ отъ прибывшаго изъ Грузіи адъютанта Алексѣя Петровича Ермолова, Талызина), что Аббасъ-мирза... вступилъ со ста тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость Шушу, въ коей заперся полковникъ Реутъ съ частью своего полка, ибо нѣсколько ротъ, стоявшія на границѣ, погибли уже при ихъ вторженіи; Персіяне идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ 150 верстахъ. Со стороны Эриванской крѣпости сардаръ эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ, овладѣвъ Бамбакскою и Шургельскою провинціями, простерли наѣзды свои до Квеша за 50 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ повелѣнія нѣкоторымъ батальонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8000 человекъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ, обитающихъ на единственномъ сообщеніи его съ Россіей.

..... (Въ Ставрополѣ) сообщилъ маѣ Горчаковъ... что гвардейскій сводный полкъ, подъ командою полковника

Шипова, и батальонъ Ширванскаго полка находились на походѣ къ Тифлису, куда имъ вѣрно было идти усиленными переходами.

Въ Владикавказѣ... полковникъ путей сообщения Гозиусъ, недавно пріѣхавшій изъ Тифлиса для исправленія дороги и мостовъ, испорченныхъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, вслѣдствіе заваловъ Казбека ночью съ 15-го на 16 число августа.... сказалъ мнѣ, что Ермоловъ собираетъ войска въ Тифлисъ и еще лично тамъ; что Аббасъ-мирза съ 100,000-ою его арміею въ Елисаветполѣ, авангардъ его въ Шамхорѣ; что Шута блокирована (и пр.).... что противъ Аббасъ-мирзы князь Мадатовъ съ 3-мя тысячами, а противъ сардара полковникъ князь Сивардземидзевъ съ Тифлискимъ пѣхотнымъ полкомъ на Каменной рѣкѣ въ урочищѣ Джелалъ-Огау близъ Лори. Въ Тифлисъ все покойно и нимаю не опасаются непріятели, полагаясь во всемъ на Ермолова, обнаруживающаго невозмутимое хладнокровіе.

Паскевича.... Ермоловъ принялъ ласково

...Даровитый писатель (Грибоѣдовъ) долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженною имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человекѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при Персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онъ возбуждалъ въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человекѣмъ, одареннымъ блестящими способностями, вполне пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его однако совершенно бесполезнымъ для службы. Алексѣй Петровичъ, не охотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, позволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ однако очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору *Горе отъ ума*, онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, котораго могли бы быть для Грибоѣдова крайне неприя-

ны * Увлечись честолюбивыми побужденіями, Грибодовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда благодѣтельствованнымъ Ермоловымъ отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный въ С.-Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведение не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву: „Я вѣчный злодѣй Ермолова“ **. Онъ говорилъ около того же времени и одному слѣдующее: я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при Тегерамскомъ дворѣ.“ Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеракъ, гдѣ сдѣлался жертвою своей ошибки.

Ермоловъ не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббасъ-мурзы, съ которымъ онъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько 6-ти-фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ огонь не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ Персіянъ генерала Паскевича; онъ снабдилъ его всѣми нужными наставленіями: самъ начерталъ диспозицію войскъ на случай встрѣчи съ главными непріятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротныхъ каре, при чемъ самъ нарисовалъ такую на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ Кавказскомъ штабѣ. Избравъ въ Карабахѣ опорнымъ пунктомъ Шушу, куда были заблаговременно свезены довольно большіе запасы всякаго рода, Ермоловъ усилилъ гарнизонъ этой крѣпости, которая, будучи сильна своимъ положеніемъ, могла оказать персидскимъ толпамъ довольно продолжительное сопротивленіе. Не взирая на то что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы непріа-

* Все, здѣсь мною сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣйствительное участіе.

** Мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бѣгичевъ.

телемъ, безопасно спускались съ горы, на коей возвышалась крѣпостца, въ долину, гдѣ они спокойно молили себя муку, и вооружившіеся жители Армяне готовы были мужественно встрѣтить непріятеля, комендантъ послалъ къ Ермолову майора Ключки, съ доносеніемъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „мы люди добрые, за что вы насъ покинули? Мы не въ состояніи долго сопротивляться непріятелю.“ Майоръ Ключки, захваченный Персіянами, былъ привезенъ въ лагерь Аббасъ-мирзы, который, прочитавъ съ удовольствіемъ это доносеніе, отпустилъ посланнаго въ Тифлисъ. Такъ какъ въ Персидскомъ войскѣ были Англичане и Французы, Ермоловъ написалъ шушинскому коменданту сильный выговоръ, который былъ переведенъ на польскій языкъ; онъ послалъ его съ нарочнымъ Аджихановымъ, взятымъ въ плѣнъ Персіянами и убитымъ ими послѣ Елисаветпольскаго сраженія. Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго Шамхорскаго дѣла гдѣ былъ убитъ Аминъ-сардаръ, и въ которомъ князь Мадатовъ разсыпалъ сильный непріятельскій авангардъ, доносъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветполя было устлано непріятельскими трупами. .

.....
 Непріятельская пѣхота, будучи довольно хорошо обучена иностранцами, вылавъ своихъ стрѣлковъ, открыла по насъ сильный огонь; смѣлое наступленіе нашей пѣхоты, въ особенности неустрашимаго Ширванскаго батальона, заставило однако непріятеля обратиться въ поспѣшное бѣгство. Персидскій саркангъ, или полковникъ, съ своими сарбазами, или регулярною пѣхотой, вѣкогда стоявшій въ караулѣ у Ермолова во время пребыванія сего послѣдняго въ Султаніи, гдѣ онъ часто у него обѣдывалъ, и воображившій, что самъ Ермоловъ предводительствовалъ нашими войсками, сдался лишь потому въ плѣнъ Мадатову. Известно уже, что особенныя обстоятельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ, блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполне сознавалъ это, но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставались лишь 400 человекъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скорого появленія Аббасъ-мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища,—неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе, все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу случай

украситься свѣжими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всемъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполнѣ доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими цѣлями, — величайшею съ его стороны ошибкою

Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія Персіянъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслію, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій.

Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія Персіянъ въ наши Закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ обстоятельствахъ, которыя, болѣе чѣмъ когда-нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобъ удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ Персіянамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ Закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббасъ-мирзы, и сознавая чрезвычайную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовалъ своими личными выгодами; онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, ввѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходящихъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ: Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполнѣ обязанъ своею первою побѣдой надъ Персіянами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не допустить всеобщаго противу насъ взрыва. * Это безпримѣрное самоотверженіе, переносящее

* Магдоръ князь Григорій Челокаевъ, принимавшій нѣкогда участіе въ возстаніи противъ насъ, пріѣхалъ въ это время изъ Кахетіи въ Тифлисъ съ порученіемъ узнать о положеніи дѣлъ; найдя не только спокойнымъ, но даже въ весьма веселомъ расположеніи духа Ермолова, ежедневно развлекающаго по городу и производящаго пальбу по окрестнымъ горамъ изъ единственной батареи, оставшейся въ Тифлисѣ и вскорѣ также отосланной въ дѣйствующія войска, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ средствъ, коими мы могли въ то время располагать.

насъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставить этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, несмотря на многіе другіе, совершенныя имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазь въ его славномъ вѣдѣѣ.

М. ПОГОДИНЪ.

ФОТОГРАФІЯ ВЕНЕЦІИ

(Федору Ивановичу Тютчеву.)

Вотъ и крещенскіе морозы!
Точь-въ-точь на невскомъ берегу:
Мететь метелица на пльуць,
Какъ на Царицыномъ лугу.

Бушуетъ по лагунамъ вьюга,
Несется дикій вой и ревъ;
И на столбѣ продрогъ съ испуга
И холода крылатый левъ.

Взъерошилъ шерсть ему и гриву
Курчавый и мохнатый снѣгъ:
И южный царь глядитъ сердито
На этотъ сѣверный набѣгъ.

Чутьемъ онъ сѣвера не любитъ
И крѣпко знаетъ почему,
Какъ Пушкинъ нашъ, сказать онъ можетъ
Что *сѣверъ вреденъ* и ему.

Казалось, такъ еще не давно
Цвѣла царица красотой,
Извѣженной, и своеобразной,
И лучезарно-молодой!

Теперь подъ снѣжнымъ покрываломъ,
Свѣдой старикъ не узнаеть
Своей Венеціи прекрасной,
И ледяныя слезы льеть.

Внимая непогоды шуму
И глядя на метель кругомъ,
Онъ въ тяжкую впадаетъ дум
О настоящемъ и быломъ.

Измѣны счастья и моря
Пришлось извѣдать старику,
И много бѣдъ, вражды и горя
Онъ вынесъ на своемъ вѣку.

Какъ сонъ прошли вѣка побѣды,
Все поглотилъ потокъ времяя;
И гдѣ торжествовали дѣды,
Тамъ внуковъ ждалъ печальный плѣнь.

Предъ намъ вождемъ, архистратигомъ
Имъ возвеличенной страны,
Теперь скорбять подъ чуждымъ игомъ
Ея опальные сыны.

Все измѣнило: власть и слава,
Трезубецъ вырвался изъ рукъ,
Съ свободой рушилась держава,
И даже имя — тщетный звукъ.

Но солнце прежнее пылало,
И вѣрность къ падшему храня,
Его средь скорби утѣшало
Сіяньемъ праздничнаго дня.

Ему и небо улыбалось,
Дышалъ и воздухъ теплотой,
И море синее ласкалось
Къ нему приветливою волной.

Онъ могъ, любуясь красотой
Небесъ и зеркальныхъ зыбей,
Предаться вѣгъ и покою
На лонѣ матери своей.

Украдкой, въ сладостной дремотѣ,
Могъ скорбь и язвы забывать,
И въ безвозвратномъ ихъ полетѣ
Дней прежнихъ призракъ вызывать.

Теперь и солнце измѣнило,
Все небо обложила тьма,
И ворвалась наглою силой
Къ нему суровая зима.

И мнитъя язву, подъ непогодой,
Что къ довершенью бѣды и золь,
Самъ съверъ съ дикою природой
Враждебно Альпы перешель.

КН. ВЯЗЕМСКІЙ.

Январь 1864 года.

ЛИШНЯЯ

ПОВѢСТЬ.

Какъ сошлась мать моя съ Леонидомъ Петровичемъ, я не знаю; слышала только, что родилась я въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ; что меня окрестили и тотчасъ же отправили въ Воспитательный Домъ. Леонидъ Петровичъ любилъ мою мать, но не любилъ дѣтей, особливо дѣтей съ лѣвой стороны.

Онъ былъ человекъ всѣми уважаемый по своему уму, воспитанію и умѣнью держать себя въ обществѣ, шелъ прекрасно по службѣ и года черезъ три послѣ моего рожденія получилъ значительное мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, и, по роду своей службы, долженъ былъ дѣлать продолжительныя поѣздки, такъ что мать моя, оставаясь одна, умоляла его взять меня обратно изъ Воспитательнаго Дома. Долго онъ не соглашался; наконецъ, надоѣли ли ему ея просьбы и слезы, или пробудилось въ немъ желаніе взглянуть на меня; но только, въ одно прекрасное утро, являта была женщина, которую снабдили деньгами и мундиромъ, посадили на тройку почтовыхъ и отправили за мною.

Четырехъ лѣтъ оставила я, не знаю что; великолѣпная ли палата Воспитательнаго Дома, бѣдную ли хижину посе-

лянива? — мать не успѣла мнѣ этого сказать, но заставляла всегда плакать, разказывая свой восторгъ въ минуту моего возвращенія.

Довольство, роскошь окружили меня съ этого дня; мать — радилла, Леонидъ Петровичъ — лакомилъ и покупалъ груды игрушекъ, няня — кормила и лелѣла.

Хорошо помню я весь домъ, занимаемый нами въ О... Онъ былъ великъ, высокъ; стѣны съ разноцвѣтными обоями и картинами въ золотыхъ рамахъ; полы съ мягкими, пестрыми коврами; мебель въ гостиной — шелковая; а въ кабинетѣ дяди (такъ я звала Леонида Петровича) и спальнѣ матери зеленая, сафьянная; вездѣ лампы, кенкеты. А моя комната?... Всѣхъ ярче она рисуется въ моемъ воспоминаніи! Тепленькая, уютная... Въ глубинѣ ея стояла моя кровать съ тонкимъ, претонкимъ бѣлымъ, съ розовымъ атласнымъ одѣяльцемъ и съ зелеными занавѣсками. Какъ мнѣ было въ ней мягко, тепло и хорошо! Подлѣ моей кровати стояла кровать няни. У стѣны помѣщался большой комодъ, гдѣ лежали мои платица, рубашечки, платочки, шарфики, чулочки и башмачки. На комодѣ — куча игрушекъ. Для куколъ былъ особый уголокъ, съ ихъ собственною мебелью, гдѣ я проводила много беззаботныхъ, счастливыхъ часовъ. На столикѣ у окна было много книжекъ съ картинками, въ томъ числѣ и азбука. Съ пяти лѣтъ мать начала меня по-немногу учить читать, и годамъ къ шести я умѣла кое-какъ разбирать печатное.

Часто Леонидъ Петровичъ приходилъ въ мою комнатку, бралъ меня на колѣни, качалъ на ногахъ; въ эти минуты мать казалась такою счастливою!

Много было у насъ и знакомыхъ, но все большею частію мушеры, очень меня ласкавшіе. Женщины же если и бывали, то всегда сидѣли въ спальнѣ у матери; да и все такія не хорошія!... Я ихъ не любила.

Такъ прожила я года три. Когда мнѣ минуло семь лѣтъ, мать моя, прежде такая веселая, часто начала плакать. „О чемъ ты, мамаша, плачешь? бывало спрашиваю я ее.“ — „Есть, видно, о чемъ,“ отвѣтитъ она, и пуще начнетъ плакать. Стала она взыскивать съ меня и за разорванное платьице, и за запачканные панталончики. — „Береги все, говорила она, скоро, можетъ, ничего небудетъ.“ — И все такая печальная. Леонидъ Петровичъ, всегда сумрачный, пересталъ

заводить для меня органъ и вовсе ужъ не заглядывалъ въ мою комнатку. Няня тоже стала что-то не ласкова; за все начала бранить, а иной разъ и стукнетъ; я закричу, бывало, мать придетъ да еще прибавитъ.

Разъ я проснулась отъ необычнаго говора и возни въ моей комнаткѣ. Отдернувъ занавѣску кровати, я увидѣла мать всю въ слезахъ, выбирающую изъ комода мои вещи и укладывающую ихъ въ большой узелъ. „Мамаша, на что это ты у меня все берешь?“ — „Вставай, насъ выгоняютъ....“ Не понимала еще тогда я полнаго значенія этого слова, а все-таки какъ то больно отозвалось оно въ моемъ маленькомъ сердцѣ. Я заплакала. — „Полно рюмить! не досаждай мнѣ больше! закричала ужъ на меня мать:— и безъ того тошно!“ — „Няня, няня!“ закричала я. — „Я такую дамъ тебѣ няню, что ты у меня своихъ не узнаешь.... вставай одна!“ крикнула опять мать. Но на этотъ разъ няня еще пришла, тоже заплаканная, и начала помогать мнѣ вставать. „Оставь ее, Ивановна, пускай приучается!“ кричала мать. — „Да ужъ дайте маѣ хоть въ послѣдній-то разъ ее одѣть, Пиама Андревна,“ говорила няня. — „На, вотъ, ей платьишко-то, на дорогу и это хорошо.“ И мать швырнула въ мою сторону какую-то линючую транку. Въ другое время я бы, можетъ, и закапризничала, расплакалась бы, но мать такъ была сердита, что я не смѣла пикнуть. Няня увела меня въ дѣвичью и тамъ напоила чаемъ съ булочками. — „Пей, пей, моя горяшечка! Не долго тебѣ ужъ повѣжиться.“... — Ничего не понимая, я однакожь расплакалась. Помню, что няня очень ласкала и утѣшала меня.

Пообѣдали мы въ этотъ день въ первый разъ за однимъ столомъ съ няней; прежде мы обѣдали съ Леонидомъ Петровичемъ; теперь его не было дома. Выйдя изъ за-стола, мать поглядѣла въ окно, и сказала: „Приѣхали!“ начала съ няней и Гаврилой, лакеемъ Леонида Петровича, вытаскивать узлы и чемоданы; когда спальня и моя дѣтская опустѣли, мать вошла въ нихъ въ послѣдній разъ, обвела комнаты своими большими, черными глазами и съ крикомъ упала передъ образомъ. Долго лежала она рыдая; потомъ встала, обняла няню, поцѣловалась съ Гаврилой и, взявъ меня за руку, вышла; мы сѣли въ набитую биткомъ кубитку и покатались. Зачѣмъ? куда? къ кому?

Трое сутокъ были мы въ дорогѣ, наконецъ прѣехали въ какой-то городокъ, остановились у большаго каменнаго дома. Мать вышла одна, оставивъ меня въ кубиткѣ. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, она велѣла извозчику вѣзжать на дворъ и стала выбираться. Маленькая комнатка, которую мы заняли, загромодилась узлами и чемоданами. Въ этой комнаткѣ прожили мы съ недѣлю. Мамаша часто уходила, запирая ее, и оставляла меня у хозяйки, у которой было много дѣтей и больше, и меньше меня. Первый день, когда я вступила въ ихъ общество, они были мнѣ рады, играли со мной, катали въ маленькомъ креслѣ на колесахъ, водили въ свой садикъ; но мнѣ было какъ-то не хорошо съ ними; не привыкла я играть по ихнему. Они играли въ лошадки, говорили что я буду пристяжная и заставляли гнуть голову на сторону; играли также въ коршунны, но мнѣ такъ было больно держаться руками за поясъ одного мальчишка, что я со всего разбѣгу оторвалась и очень больно ушиблась. Съ тѣхъ поръ я не хотѣла больше играть; надо мной начали смѣяться, стали дразнить и даже щипать меня. Я плакала и просила, чтобы мамаша брала меня съ собой; но, слава Богу, она скоро нашла квартиру и я избавилась отъ злыхъ моихъ товарищей.

Новая наша квартира состояла изъ трехъ крошечныхъ комнатокъ; прихожая аршина въ три; чуть-чуть побольше наша съ мамашей спальня, и шести-аршинная чистая комната. Душно и темно показалось мнѣ въ новомъ жилищѣ; окна были маленькія, съ зелеными стеклами, съ черными рамами; стѣны оборванныя и запачканныя; полъ кривой, съ огромными щелями.

Съ удивленіемъ смотрѣла я, какъ мамаша и еще какая-то женщина, въ странномъ костюмѣ: въ одной рубашкѣ и черной клѣтчатою юбкѣ, съ пестрымъ платкомъ на головѣ, начали раскладывать всѣ наши чемоданы и узлы. „Мамаша, развѣ мы тутъ станемъ жить?“ спросила я. — „Тутъ,“ отвѣчала она. — „Тутъ гадко, мамаша! поѣдемъ лучше опять къ дядѣ...“ Мать промолчала, но чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣла, что она плачетъ; и когда женщина въ черной юбкѣ, наша работница, какъ я узнала въ послѣдствіи, вышла, она подошла ко мнѣ, обняла меня, поцѣловала и сказала: „Дорочка, не говори никогда о дядѣ, мы его ужъ больше не

увидимъ; онъ къ намъ больше не прїдетъ, и мы къ нему не поѣдемъ.“ Говоря это, мать плакала навзрыдъ. Мнѣ ее было очень жаль! Жаль было и дядю... Я и сама расплакалась.

Къ вечеру все было прибрано. Мы напѣлись съ мамашей чаю съ хлѣбомъ; чашки были тѣ же, въ какихъ пѣли мы и у дяди, лишь вмѣсто сливокъ въ молочникѣ, работница принесла намъ большой черный горшокъ. Когда пошли мы спать, я запрыгала отъ радости, увидавъ опять мою хорошенькую постельку съ зелеными занавѣсками и розовымъ одѣяльцемъ.

Время, между тѣмъ, шло. Я скоро свыклась съ нашею крошечною квартиркой, съ работницей, которая меня любила. Недоставало мнѣ лишь лакомыхъ блюдъ Леонида Петровича; но скоро привыкла я и къ черному хлѣбу, и къ щамъ, и къ похлебкѣ.

Первый годъ у насъ никого почти не было знакомыхъ; ходили мы съ мамашей, бывало, только къ обѣднѣ, да лѣтомъ въ городской садъ. Утромъ она учила меня немного грамотъ, послѣ обѣда — работамъ. Аксиья, работница, всегда почти, какъ не было дѣла въ кухнѣ, сидѣла съ нами. Осеняе и зимне вечера она вязала со мной въ уроки на щелчки шерстяные чулки и разказывала намъ сказки. Иногда мамаша читала какую-нибудь книжку вслухъ. Я залремлю, мнѣ дадутъ поѣсть хлѣбца съ молочкомъ и уложатъ спать въ мою бѣленькую кроватку, подъ розовое одѣяльце, становившееся уже очень короткимъ. И изъ платицы я выросла; мамаша стала перешивать мнѣ свои. Непримѣтно переходила я изъ шелка въ ситець, изъ прювели и сафьяна въ опойку; игрушки и куклы большею частью переломались, возобновленія и пополненія конечно не было; развѣ мамаша въ праздникъ одѣлаетъ, бывало, изъ тряпочекъ куклу, и нарисуешь чернилами такіе ястребиные глаза, что страшно смотреть.

Но вотъ начали заводиться у насъ и знакомства; между прочими была одна предурная собой женщина, рябая, съ толстымъ носомъ, маленькими карими глазками, расплывшимися губами, повязывавшаяся шелковыми платками самыхъ яркихъ цвѣтовъ, носившая шерстяныя и ситцевыя платья. Я ее немножко побаивалась; но съ ней жила ее ввучка, Оленька, такая хорошенькая, блѣденькая, худенькая, ласковая и

тихая; съ ней мы очень подружались. Когда мы приходили къ нимъ въ гости, то Оленька почти каждый разъ водила меня въ комнату къ своему дѣдушкѣ. Это былъ предобрый старичокъ; мы всегда находили его съ перомъ въ рукахъ; около него были огромныя кипы бумагъ; увидя насъ, онъ улыбаясь, клалъ перо, вставалъ, и, отодвинувъ ящикъ своего письменнаго стола, вынималъ оттуда горсть конфетъ или изюму и тому подобныхъ сластей и давалъ намъ съ Оленькой. „А что бабушка?“ спрашивалъ онъ почти каждый разъ у Оленьки. „Ничего,“ отвѣтитъ она. „Ну, такъ ступайте съ Богомъ играть!“ И поцѣлууетъ насъ; а мы, довольныя, побѣжимъ лѣтомъ въ огородъ, а зимой — въ уголокъ за кровать Оленьки, гдѣ жили ея кукулы. Иногда мы и читали другъ другу въ слухъ, только плохо понимали читаемое, потому что и я, и она разбирали чуть не по складамъ.

Разъ какъ-то святками Оленька прибѣжала къ намъ утромъ звать къ бабушкѣ на вечеринку, говоря, что у нихъ будутъ и наряженные. Я прыгала отъ радости и дожидаться не могла вечера.

Проводивъ Оленьку, мать вытащила изъ сундука всѣ мои прежнія нарядныя платьица и примѣривала мнѣ ихъ одно за другимъ; но два года прошли не даромъ; ни одно не годилось. „Ишь ты, не по днямъ а по часамъ ростешь...“ говорила мать, съ досадою. А я, смотря на мои прекрасныя платьица, вспоминала волшебный сонъ моего ранняго дѣтства, и няню, и Леонида Петровича. — „Вотъ, еслибъ дядя былъ здѣсь, онъ сей-часъ бы купилъ мнѣ новое хорошее платье“... сказала я, и заплакала. — „Ну молчи, перешью какъ-нибудь“. — И мать принялась за дѣло.

Вотъ и вечеръ; на мнѣ розовое кисейное платьице, волосы мои, заплетенные въ четыре косички, подвиты и покрыты четырьмя розовыми бантами изъ ленты съ мамашинаго чепца. Сама она нарядилась очень хорошо: шелковое платье, бархатная мантилья, чепецъ прехорошенькій. Мы пошли.

Въ залѣ Татьяны Ивановны нашли мы уже человѣкъ десять гостей и въ чепцахъ, и въ платкахъ, и въ сюртукахъ, и въ свиткахъ. На одномъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, стоялъ огромный самоваръ, съ ложною чашекъ, большимъ молочникомъ сливокъ, цѣлою грудой хлѣба, булочекъ и

сухарей, и двумя бутылками, на которыхъ я прочла — ромъ ямайскій. Вскорѣ всѣ усѣлись около этого стола. По первой чашкѣ всѣ выпили съ булками и хлѣбомъ; ко вторымъ сливки были приняты и замѣнены ромомъ. Мамаша и еще какая-то молодая женщина, отказавшись отъ рому, попросили было сливочекъ.

— Ни ни ни! закричала хозяйка — ромку, ромку!

— Мы не пьемъ, — сказали въ одинъ голосъ мамаша и другая женщина.

— Въ чужую церковь съ своимъ уставомъ не ходятъ, сударыни мои; вѣтъ. Нѣтъ! ужъ выкушайте! что такое?... погуляемъ! конче праздникъ.... Ну, матушки мои, ну, ну, ну! — и Татьяна Ивановна такъ приставала, что мамаша и другая молодая женщина должны были выпить по двѣ чашкѣ съ ромомъ.

Напили и насъ чаемъ только безъ рому.

— Оленька, шепнула я, отчего же твоя бабушка не даетъ намъ съ ромомъ?

— Дурочка, отвѣчала Оленька, да вѣдь съ него пьянъ будешь.

„Пьянъ?...“ завертѣлось у меня въ головѣ, „такъ и мамаша будетъ пьяна? Господи! неужто также, какъ Аксильинъ мужъ?...“ Работница часто разказывала мамашѣ при мнѣ про своего пьяницу мужа, какъ онъ все пропивалъ, какъ ее колотилъ и всѣхъ въ домѣ, и какъ его за пьянство и буйство отдали потомъ въ солдаты.

— Ольгуша! чего смотришь? напились вѣдь.... ступай же съ Нимфодорущкой, несите намъ полакомиться, а самоваръ то веда убирать.

Это приказаніе разогнало мои туманныя мысли, а полныя тарелки винныхъ ягодъ, финиковъ, разнаго рода орѣховъ и жамокъ окончательно увлекли все мое вниманіе. Мы съ Оленькой блаженствовали около стола, а остальная компанія шумно разговаривала. Хозяйка то и дѣло выходила и возвращалась, держа въ одной рукѣ подносъ съ рюмкой, а въ другой бутылочку.

— Ну, дорогіе гости, теперь хересцу, хересцу! говорила она.

Часовъ въ девять въ прихожей зазвенѣлъ колокольчикъ. Мы съ Олей выбѣжали, и толпа наряженныхъ ввалила. Всѣ

гости и сама хозяйка двинулась имъ на встрѣчу. Тутъ были и Турки, и пастушки, и кучера, и трактирщики, всѣ въ бѣлыхъ и черныхъ маскахъ, пищали такъ, что ушамъ было больно. Ихъ обступили, заглядывали подъ маски, рассматривали со всѣхъ сторонъ и хохотали.

— Да ну же, ну, повеселите насъ, господа наряженные, говорила Татьяна Ивановна.

— На сердцѣ-то у насъ, госпожа хозяйка, не весело. Ты, небось, знаешь что веселить-то его? пропищала какая-то пастушка.

— А мнѣ и не въ домекъ.... тотчасъ, тотчасъ!.... И Татьяна Ивановна выбѣжала.

— Сытый голоднаго не разумѣетъ, проговорилъ вслѣд ей Турокъ.

Рюмка съ подносомъ обошла два раза всѣхъ наряженныхъ, захвативъ и остальныхъ гостей; гармоника загудѣла; полъ затрещалъ. Шумъ, свистъ, топашье, хохотъ все слилось въ такой одуряющій хаосъ, что я, прижавшись въ уголокъ, какъ будто чего испугалась. Вскорѣ къ пляскѣ присоединилась сама хозяйка, кричавшая: „Гуляетъ Татьяна Ивановна, гулай и всѣ!“.... А рюмочка все обходила да обходила компанію. Смотрю.... и мать пустилась въ пляску. Что же это такое?

Когда пляска немного поутихла, и мамаша ушла съ бородачатымъ Туркомъ, смѣясь и разговаривая, я подошла къ ней:

— Мамаша, пора домой, мнѣ спать хочется...

— Да я-то не хочу!... рѣзко отвѣчала она мнѣ, и такъ поглядѣла на меня, точно звѣрь какой, и отвернувшись заговорила опять съ Туркомъ.

Я со слезами на глазахъ притаилась за ея стуломъ, и не знаю чего бы не дала, чтобъ очутиться въ моей постелькѣ, вмѣсто этого душнаго вечера.

Старушка, работница Татьяны Ивановны, поставивъ на столъ закуску, взяла меня и Оленьку за руки и увела въ дѣвичью, гдѣ, накормивъ насъ, раздѣла и уложила.

Много горя принесъ намъ этотъ роковой вечеръ. Мать моя начала пить: прежде въ компаніи съ Татьяной Ивановной и ей подобными, а потомъ и одна. Пансіона, который давалъ намъ Леонидъ Петровичъ, и такъ едва

доставало на наше содержаніе, а вслѣдствіе этой новой слабости матери, онъ сталъ исчезать въ половинѣ срока. Изъ нашего маленькаго достоянія начали убывать то серебряныя ложки, то кольца и серьги матери, то ея нарядныя платья, шуба, сапоги.

Аксинья, переставшая получать акуратно жалованье, стала грозить что сойдетъ. Я бросилась за ней въ кухню и съ рыданіемъ умоляла не покидать меня.

— Ахъ ты, горькая сиротинка, говорила она, — чѣмъ же я-то помогу тебѣ? Я все-таки лишній ротъ, вѣдь вамъ самимъ скоро нечего будетъ ѣсть.

Я все рыдала и все молила остаться. Но вскорѣ мать сама ее прогнала; тутъ ужъ мои просьбы и слезы ничего не могли сдѣлать. И потекла моя жизнь труднѣй и тяжелѣй съ каждымъ днемъ. Я умѣла кое-какъ вязать чулки и вышивать англійскимъ швомъ; мать засадила меня по урокамъ для продажи и била, если я не кончала заданнаго.

Татьяна Ивановна, предаваясь пьянству, не лишала по крайней мѣрѣ Оленьку матеріальныхъ удобствъ жизни. Андрей Федотовичъ заботился о ней истинно какъ о законной внучкѣ, хотя Татьяна Ивановна, бывшая солдатка, и была съ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ какъ мамаша съ Леонидомъ Петровичемъ. Какъ умѣла эта женщина овладѣть до такой степени добрымъ, тихимъ и всегда трезвымъ Андреемъ Федотовичемъ, это не разрѣшимо; но она была у него полная хозяйка; лишь за вино случались ссоры, потому что пяти цѣлковыхъ, даваемыхъ имъ Татьянѣ Ивановнѣ въ мѣсяцъ на это селье, большею частію не доставало, и она приходила требовать отъ него прибавки. Старикъ побранится, побранится и кончитъ тѣмъ, что дастъ денегъ.

Впрочемъ Татьяна Ивановна, въ сущности была вовсе не зла; узнавъ что мать моя ничему меня не учитъ и почти не кормитъ, она стала просить Андрея Федотовича взять меня къ нимъ учиться вмѣстѣ съ Оленькой. Добрый старикъ не задумался.

— Пусть и живетъ у насъ, Оля охотнѣй будетъ съ ней, а ужъ она насъ не обѣзѣтъ, — говорилъ добрый старикъ.

И я переселилась къ моей милой подругѣ.

Оленька обнимала и цѣловала меня, говоря, что съ моимъ приходомъ она точно въ рай попала; но рай этотъ былъ не продолжителемъ; домашній адъ скоро начался. Утромъ миръ и спокойствіе; вставали мы часовъ въ семь; умывшись, причесавшись и одѣвшись, шли пить чай съ дѣвухой, пошла Татьяна Ивановна. Въ девять часовъ Андрей Федотовичъ отправлялся къ должности, а мы въ свою комнату учиться, два раза въ недѣлю съ учителемъ-семинаристомъ, а остальные дни одиѣ. Къ одиннадцати слышался уже рѣзкій голосъ Татьяны Ивановны и хлопотливое ея движеніе по всему дому. Лицо Оленьки подергивалось какимъ-то туманомъ, и она тревожно прислушивалась. Какъ только увидитъ бабушка что учитель ушелъ, она какъ злобщая птица влетаетъ къ намъ.

—Нутка, грамотницы, покажите ваше писанье-то!—и начинаетъ разсматривать тетради, хоть сама вовсе грамотъ не знаетъ. — Это слово-то куда поѣхало, а? А эту строчку-то что не дописала? Бумагу терять!... — И начнетъ насъ щипать:—Учись, учись хорошенько! Деньги-то за васъ даромъ что ли платить.....

По окончаніи этихъ благихъ внушеній, гонитъ насъ мести и прибирать комнаты, мыть посуду, и тутъ ужъ достается намъ безчисленное множество колотушекъ. Только что начнешь стирать пыль, она кричитъ—брось это, пошла паутину сними. Возьмешь щетку, раздается новое приказаніе—окна протирать; схватись за окна, она опять ужъ кричитъ, зачѣмъ пыльную тряпку бросила на столъ. До часу идетъ эта безалаберная возня подъ безумною командой пьяной женщины. Тутъ мы идемъ въ свою комнату мыть руки, она садуетъ пошатываясь за нами и задаетъ уроки шитья въ пальцахъ на остатокъ дня; раздаются команды объ обѣдѣ. Мы накрываемъ на столъ, подаемъ ей ѣсть и слушаемъ непрерывную брань и воркотню. Второго половина она дотаскивается кое-какъ до постели, и черезъ пять минутъ могучій храпъ извѣщаетъ насъ о концѣ испытаній.

Дѣдушка возвращается, мы обѣдаемъ съ нимъ; добрыя, ласковыя его рѣчи, заставляютъ насъ забывать все: мы смѣемся, шутимъ и болтаемъ безъ умолку. Когда и онъ отправляется отдыхать, мы идемъ лѣтомъ на полчаса въ садикъ и потомъ за работу, а зимой прямо за работу.

Въ пять часовъ бабушка встаетъ какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжая, здоровая, добрая и ласковая; поить насъ чаемъ, даетъ лакомства и послѣ идетъ съ нами куда-нибудь гулять, а подлѣ праздники ко всеобщей.

Черезъ два года, которые я прожила у Татьяны Ивановны, на насъ съ мамашей обрушилось еще новое горе. Леонидъ Петровичъ пересталъ высылать намъ пейсію; узналъ ли онъ о слабости матери, или его собственныя обстоятельства измѣнились, но всѣ письма и просьбы матери оставались безъ отвѣта, и средства ея къ существованію исчезли окончательно. Она должна была сдать квартиру и искать гдѣ-нибудь пріюта. Изъ-за куска хлѣба и угла пошла она въ помощницы къ торговкѣ и въ продолженіи лѣта еще кое-какъ исполняла всѣ черныя работы, къ которымъ такъ мало привыкла, но зимою ходить съ бѣльемъ на рѣку, носить воду и дрова, она чувствовала, что будетъ не въ состояніи. Чтѣ жъ будетъ съ ней? Куда она дѣнется?...

Къ довершенію несчастья, идея однажды продавать чужія вещи, мать зашла навѣстить меня, и попала въ минуту неординарнаго состоянія Татьяны Ивановны.

— Покажи-ка, покажи, чтѣ продаешь-то! спросила та.

Мать развязала узелъ, въ которомъ между прочимъ была дюжина прекраснаго столоваго бѣлья. Татьяна Иванова, начинавшая уже повемногу готовить приданое Оленькѣ, съ жадностію бросилась на салфетки, спрашивая о цѣнѣ. Мать сказала.

— Экъ чтѣ выдумала! А ты возьми-ка съ меня по гривенничку... Кому другому, а мнѣ-то, небось, уступить можно....

— Будь это мое, я бы вамъ уступила, а это чужое, нельзя.

— Для меня-то нельзя? Вотъ это спасибо, Піама Андреевна! Мнѣ для тебя и твоего чертенка все можно дѣлать, а тебѣ нельзя?...

И слово за слово онѣ такъ поссорились, Татьяна Иванова такъ обижала мать и меня, что, послѣ всѣхъ горькихъ попрековъ, оставаться мнѣ у нихъ было невозможно. Оленька рвалась и плакала, когда разсвирѣпѣвшая, пьяная ея бабушка вышвырнула всѣ мои бѣдные пожитки и чуть не вытолкала насъ. Добрая дѣвочка выбѣжала за ворота

и, бросаясь ко мнѣ на шею, говорила, что безъ меня съ ума сойдетъ, но Мегера выскочила, схватила ее за прекрасныя свѣтлорусыя волоски и утащила домой.

Горько плакали мы съ матерью: она—отъ боязни, что торговка не приметъ ея со мной, а я объ моей Оленькѣ.

Торговка, однакожь, оказалась добрая старушка.

— Не плачь, ужь не плачь, говорила она матери;—авось Господь мнѣ поможетъ пристроить твою дѣвочку. Есть у меня на примѣтъ предобрѣтая барыня.

На другой же день она отправилась къ этой барынѣ и вернулась съ приказаніемъ, чтобы мать и я пришли къ ней въ тотъ же вечеръ.

Въ семь часовъ дрожащими ногами вошли мы съ задняго крыльца въ домъ Александры Николаевны Бѣляевой; горничныя дѣвушки ея, видно по нашимъ лицамъ узнавъ въ насъ просительницъ, косо посмотрѣли на насъ и очень свысока отвѣчали на нашъ поклонъ. Старшая изъ нихъ, спросивъ что намъ нужно, и узнавъ что мы пришли по приказанію барыни, пошла ей доложить. Черезъ минуту насъ ввели въ небольшую, но чистую и прекрасно обставленную комнату, напоминавшую мнѣ тѣ, гдѣ я провела мое первое дѣтство. Въ большихъ креслахъ сидѣла женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ съ предобрымъ лицомъ. Одѣта она была очень просто: черное, почти истасканное платье, простенькій чепчикъ, въ рукахъ работа. У ногъ ея сидѣла дѣвочка лѣтъ шести и строила карточные домики. Не много поодаль, у окна, была другая, лѣтъ одиннадцати, вышивавшая что-то на клеенкѣ.

Ласково показавъ намъ на два стоявшія въ сторонѣ стула, Бѣляева пригласила насъ сѣсть. Мать моя была изъ мѣщанскаго званія и, ожидая всего отъ милости Александры Николаевны, не смѣла воспользоваться ея приглашеніемъ.

— Сядь, милая, сядь, пожалуста! Я ненавижу всѣ эти чинопочитанія.... Я слышала, что ты затрудняешься въ содержаніи своей дѣвочки? Я готова быть ей полезною.... Я люблю дѣтей. Вотъ у меня ужь есть двѣ сиротки! И она показала рукой на двухъ сидѣвшихъ съ нею дѣвочекъ—многого, конечно, сдѣлать для нихъ не могу—но содержу ихъ, одѣваю, учу грамотѣ и работамъ—потомъ, когда пойдутъ замужъ и приданнымъ помогу имъ—то же самое предлагаю и твоей дочери.

Мать плакала слушая эту добрую, простую рѣчь.

— Да смѣю ли я желать чего-нибудь больше для моей дочери! проговорила она скрестивъ передъ Александрой Николаевной руки какъ передъ образомъ.

— Ну, такъ стало это моя новая дочка.... сказала съ улыбкой Александра Николаевна, — поди же ко мнѣ, Доружка!

Я бросилась и съ рыданьемъ упала передъ ней на колѣни. Она тоже заплакала, обняла меня крѣпко и смотрѣла мнѣ въ глаза съ такою добротой, что я съ этой минуты отдала ей всю мою отроческую душу.

Припѣваючи зажила я у доброй Александры Николаевны. Отдохнула я отъ побоевъ уши начали отвыкать отъ пошлыхъ рѣчей. Вся обязанность, лежавшая на мнѣ, ограничивалась уборкою ея комнаты, и то попеременно съ Лизой, одиннадцатилѣтнею сироткой, которую я встрѣтила въ комнатѣ Бѣляевой за вышиваньемъ, въ первый день моего появленія въ домѣ, и съ которою мы очень подружились.

Первые дни по вступленію моемъ въ домъ, Александра Николаевна дала Лизѣ и мнѣ полную свободу дѣлать что хотимъ, съ тѣмъ чтобъ я познакомилась и осмотрѣлась. Кромѣ добродушныхъ взглядовъ и ласковыхъ рѣчей, я ничего не видала и не слыхала около себя. Самыя дѣвушки, которымъ Бѣляева разказала мою грустную исторію, смотрѣли на меня очень дружелюбно. Въ этомъ пріютѣ спокойствія я какъ будто воскресла. Мнѣ было такъ хорошо, какъ никогда.

Однажды утромъ мамаша пришла къ намъ, съ просфорою отъ Сергія Чудотворца, и разказала, что Господь видя сжался надъ ней и послалъ ей занятіе свойственное ея здоровью; на дорогѣ ей пришлось ночевать въ одномъ селѣ у старика священника, который по старости лѣтъ не могъ исполнять возложенную на него обязанность учить грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ и высказалъ желаніе нанять кого-нибудь хоть бы даже и женщину. Мать предложила себя, и дѣло было улажено въ тотъ же вечеръ; онъ бралъ ее къ себѣ въ домъ на свое содержаніе; она будетъ получать по три рубля въ мѣсяцъ. Я очень была рада за мать. Мнѣ теперь хорошо и ей будетъ хорошо, думала я, и благодарила Бога за насъ обѣихъ. Когда пришла минута разлуки, мы даже не заплакали. Слезы были еще впереди...

Александра Николаевна была обыкновенно со всѣми ласкова и привѣтлива; но бывали однако дни, когда она просила насъ ради Бога не докучать ей; даже свою любимицу шестилѣтнюю Машу, отсылала играть въ дѣвичью. Разказывали, что это она тосковала о своей неудавшейся когда-то любви (она была дѣвушка). Въ эти дни она сидитъ, бывало, грустная, задумчивая, лицо такое темное, морщины такія глубокія... По временамъ ходитъ по комнатѣ, долго, долго снимая и надѣвая какое-то голубое, эмалевое колечко, съ которымъ никогда не расставалась; глаза смотрятъ, но не на окружающіе предметы, а въ какой-то далекій, духовный міръ. Ни слезъ, ни вздоховъ никогда не видно и не слышно было; и никто изъ домашнихъ ничего не терпѣлъ отъ ея мрачнаго настроенія духа; только мы лишены были счастья быть при ней нѣсколько часовъ.

Спали мы всѣ три въ ея комнатѣ, я съ Лизой, а Маша подлѣ нея. Съ вечера она всегда писала; а мы уляжемся, подзовемъ къ себѣ Машу и поднимемъ такую возню, такой хохоть, что ужъ навѣрно мѣшаемъ ей. „Уйметесь ли вы?“ скажетъ она. Мы на минуту и стихнемъ, а тамъ опять... — „Ну смотрите! ужъ я васъ прогоню, не будете вы со мной спать.“ — Знаемъ что вичего не будетъ, а только погрозить. Наконецъ Маша отправится на свою постельку и начинаетъ къ ней приставать: — „Мама (дѣвочка такъ звала ее), что ты пишешь? А? Мама! да скажи!“ — Александра Николаевна все пишетъ. — „Мама изъ чего это дѣлаютъ бумагу?“ — Она молчитъ. — „Мама, да ты что же со мной не говоришь?“ — „Некогда, дитя, спи!“ — „Да я вовсе, вовсе спать не хочу... Мама, дай пить.“ — Александра Николаевна кладетъ перо и удовлетворяетъ желаніе дѣвочки. — „Мама, начинаетъ опять Маша, — сказать тебѣ сказочку?“ — „Спи, спи, пора, Шурка!“ — „Да ты послушай!..“ — „Отстанешь ли ты отъ меня? проговоритъ Александра Николаевна, — поди, возъ, сказывай Дорѣ съ Лизой.“

Въ этомъ раю прожила я около года; возмужала и поправилась; всею душой привязалась къ моей благодѣтельницѣ; любила и Машу, и Лизу. Вдругъ опять забушевала непогода... Какъ теперь помню, это было въ январѣ мѣсяцѣ, въ поведѣльникѣ. Александра Николаевна кушала чай утромъ. Маша прыгала около нея. Мы съ Лизой, въ ожиданіи

чая, разсматривали узоръ для оборочекъ, который должны были начинать въ это утро. Вошла старшая дѣвушка и подала письмо. — „Откуда это?“ — „Съ почты,“ былъ отвѣтъ. Печать сорвана, Александра Николаевна читаетъ и становится все блѣднѣй и блѣднѣй; руки ея дрожатъ; судорожно свертываетъ она письмо и кладетъ въ карманъ. — „Что съ вами, барышня?“ спрашиваетъ горничная, стоявшая все время тутъ у стола. — „Петръ Петровичъ умеръ....“ какъ-то глухо проговорила Александра Николаевна. — „Кто это Петръ Петровичъ?“ спросила я шепотомъ у Лизы. — „Барышнинъ родня,“ отвѣчала она также тихо. — „Мама, кто умеръ,“ спрашивала Маша. — „Кого ты не знаешь,“ отрывисто проговорила барышня. — „И, матушка, Александра Николаевна, что жъ вы такъ испугались-то?“ сказала горничная: — какъ будто Петръ Петровичъ и Богъ знаетъ какая близкая вамъ родня...“ — „Ахъ Варвара! не знаешь ты что я съ нимъ потеряла!... Но авось Богъ милостивъ.... Пошли поскорѣй привести мнѣ извожника; мнѣ нужно повидаться съ Осипомъ Кузмичомъ.“

Съ этого дня Александра Николаевна была озабочена и печальна, когда мы рѣзвились около нея у ней часто навертывались слезы, которыя однакожъ она старалась скрыть. Машу же ласкала чаще и вѣжливѣе обыкновеннаго. Никто изъ насъ, даже и старшія дѣвушки не знали откуда и какая идетъ туча, но всѣ ее чувствовали. Обыденная жизнь, такая мирная и тихая до сихъ поръ, пошла какъ-то порывисто. Барышня часто забывала и часъ обѣда, и часъ молитвы; не читала, не работала, не писала и по вечерамъ; хотя по привычкѣ за все принималась, но все у ней какъ будто изъ рукъ валилось.

Осипъ Кузмичъ, дѣловой человекъ, часто приходилъ и долго разговаривалъ съ Александрой Николаевной, всегда надеясь. Послѣ каждаго его посѣщенія она становилась все грустнѣй и грустнѣй. Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Туча наконецъ разразилась. Проводивъ однажды Осипа Кузмича, Александра Николаевна позвала всѣхъ жившихъ до сихъ поръ подъ ея материнскимъ кровомъ. Съ какимъ-то страшнымъ замираемъ сердца собрались мы всѣ.

— Ну, дѣти мои, проговорила она, едва сдерживая душавшія ее рыданія, — я должна съ вами... разстаться.... Рыданья прорвались.

Мы всѣ стояли какъ ошеложенные.

— Матушка, что же мы такое сдѣлали? вскричала наконецъ Варвара.

— О, ничего, ничего! Богу такъ угодно.... Я раззорена; у меня ничего не осталось.... Одно, что я могла выхлопотать, это всѣмъ вамъ вольныя. Вотъ онъ.— Она начала раздавать бумаги.— Благодарю всѣхъ васъ за вашу вѣрную, преданную службу!...

Всѣ зарыдали и бросились къ ней; кто цѣловалъ ея руки, кто просто обнималъ ее.

— Барышня, да что же это такое?... Что случилось, матушка? спрашивала рыдающая Варвара.

Барышня разказала, что всему причиной, былъ Петръ Петровичъ, котораго, три года тому назадъ, она выручила изъ какой-то бѣды, поручившись за него въ уплатѣ довольно значительной суммы, часть которой онъ уплатилъ въ эти три года, и еслибы не внезапная смерть, конечно, онъ не допустилъ бы ея до раззоренія; а теперь ничего нельзя было отдать, и ея имѣнiе пошло на удовлетворенiе кредитора; кромѣ ничтожной движимости у ней ничего не оставалось, и сама она поступала въ чужой домъ гувернанткой.

Срокъ найма квартиры истекалъ черезъ двѣ недѣли; этимъ временемъ люди должны были приискать себѣ мѣста; человекъ ея хотѣлъ отвезти меня къ матери, и отецъ Лизы прѣхать за ней. На мѣсячное содержанiе всѣхъ насъ Александра Николаевна отдала деньги Варварѣ.

Кончивъ всѣ распоряженiя, она въ послѣднiй разъ сѣла на свое низенькое кресло. Мама, плакавшая тоже все утро смотря на другихъ, вскарабкалась къ ней на козлы. Лиза очутилась у ея ногъ и не спускала глазъ съ своей матушки-барышни; я стояла за кресломъ. Барышня одною рукою придерживала Маму, другою ласкала Лизу, а слезы такъ и катились по ея блѣдному лицу.

— Мама, да будетъ плакать! Не плачь, душка моя! говорила дѣвочка.

— Ты вотъ уговаривай Лизу и Дору, чтобъ онѣ не плакали, проговорила задыхаясь барышня.

Мама бросилась обнимать насъ по очереди, а мы вдвое больше плакать.

Наконецъ на дворъ вѣхала чья-то карета, и изъ нея вышла нарядная, красивая дама. Александра Николаевна

свѣшила отереть слезы и встать, чтобы пойдти ей на встрѣчу.

— Милая Александра Николаевна, сколько вамъ горько сказала гостя, входя.

У барышни вырвалось глухое рыданіе, но она его подавила.

— Чтò дѣлать! отвѣтила она, — всѣ мы рабы обстоятельство... Какъ-нибудь перенесу.

Овѣ сѣли.

— Это все ваши воспитанницы?

— Да; вотъ эти двѣ выросли на моихъ рукахъ, — она показала на Лизу и Машу, и прибавила что-то по-французски; въ голосѣ опять слышались слезы.

Барыня отвѣчала на томъ же языкѣ; послѣ обмѣна нѣсколькихъ фразъ, барышня вдругъ залилась дѣльнымъ потокомъ слезъ; потомъ лицо ея просіяло, она протянула обѣ руки гостѣ и смотрѣла на нее такъ хорошо, какъ бывало въ счастливые дни смотрѣла на насъ.

— Лиза, пооди ко мнѣ, моя милая! сказала нарядная барыня. — Лиза подошла. — Тебѣ очень грустно разстаться съ твоею барышней? — Лиза зарыдала. У барыни выкатились двѣ крупныя слезы; она вынула свой батистовый шитый платокъ, отерла свои слезы и потомъ Лизины. — Не плачь! сказала она, — поѣдемъ съ нами; служи своей барышней.

Лиза, такъ мало ожидавшая такого счастья, вѣроятно не повѣрила ему сразу, и глядѣла то на чужую барыню, то на свою милую барышню.

— Бѣдняжка не вѣрить... проговорила гостя.

— Дурочка! Благодари Наталью Григорьевну!

— Господи! вскричала Лиза, всплеснувъ руками.

И опять слезы, но для Лизы и барышни уже слезы радости, для остальныхъ удивленія, а у меня явилось чувство зависти. „Меня не такъ любятъ, меня не возьмутъ,“ думала я.

Для черезъ три, рано утромъ, Емельянъ, бывшій чело-вѣкъ Бѣлаевой, привелъ подводу, уложилъ на нее мои небольшіе пожитки и узелочекъ съ запасомъ; мнѣ дали позавтракать, одѣли по дорожному и усадили на телѣгу рядомъ съ Емельяномъ. „Съ Богомъ!“ проговорилъ онъ. Телѣга покатилась.

Проѣжая городомъ, я спросила: не поѣдемъ ли мы мимо дома, гдѣ живетъ теперь Александра Николаевна?

— Что, небось, хочешь заѣхать?

— Нѣтъ... я хоть бы въ окно, можетъ, ее увидѣла...

— Она еще теперь почиваетъ гляди...

„И то правда,“ подумала я, и старалась представить себѣ новую комнату барышни, ея постель и около нея спящихъ Машу и Лизу. Счастливицы!... Горько, горько стало мнѣ; я заплакала.

— Будетъ плакать-то! Какова ни есть, а мать все лучше чужихъ.

Проѣхали городъ, проѣхали длинную слободу; замелькали ветлы большой дороги, а за ними такой просторъ, о какомъ, живя въ городѣ, я и понятія не имѣла. Пора была веселая; вездѣ видѣлись мужики, ходившіе съ лошадьми взадъ и впередъ по этимъ необъятнымъ землямъ. Видѣла я и небольшихъ мальчиковъ за сохами, пыльных, грязныхъ, видимо утомленныхъ. „Такъ вотъ она жизнь-то, думалось мнѣ, — трудъ и горе, горе и трудъ въ пересыпку... И мнѣ надо трудиться!.. Но что же я умѣю дѣлать?..“

Версть черезъ десять, широкое пространство полей перерѣзалось рощей; сначала замелькали кустарники, потомъ затопились и большія деревья, зелень которыхъ была такъ ярка и пышна! Сталъ доноситься и запахъ цвѣтущей черемухи, фіалокъ... Мнѣ ужасно захотѣлось пройтись по этой рощѣ. — „Емельянъ Фирсычъ, пойдѣте немножко пѣшкомъ...“ сказала я. — „Что, видно цвѣточковъ захотѣлось?“ — Онъ велѣлъ извожнику остановиться; мы сошли. Я бѣгомъ бросилась въ маяющую глушь. — „Ты смотри, далеко не забѣгай,“ крикнулъ мнѣ Емельянъ. — „Нѣтъ, дядюшка, не бойтесь!“ — Я смотрѣла и не могла насмотрѣться на чудныя деревья, дышала и не могла надышаться свѣжимъ ароматическимъ воздухомъ... „Ау!“ крикнулъ Емельянъ. Роща подхватила громкій звукъ. „Ау!“ крикнула я еще громче. Емельянъ, вызвавъ меня, сказалъ, что пора ѣхать. — „Хоть минуточку еще“, просила я. — „Пора, пора! Еще находишься по лѣсамъ, мать-то вѣдь живетъ чуть что не въ бору.“ — „Въ какомъ бору?“ — „Да въ ужастенномъ, преужастенномъ лѣсу“, пояснилъ Емельянъ. Эта новость меня очень обрадовала.

Проѣхавъ еще верстъ десять, остановились мы кормить лошадей и обѣдать. Скучивъ этого времени во всю дорогу не было; часа четыре пришлось мнѣ высидѣть то въ избѣ, то на крылечкѣ. Извозчикъ и Емельянь спали. Хозяинъ и хозяйка постоялаго двора были безпрестанно заняты встрѣчей, кормленьемъ и проводами цѣлой толпы мужиковъ; одинъ обозъ шелъ съ бочками, другой съ желѣзомъ, третій съ огромными возами шерсти. Хозяйка съ дочерью и работницей едва успѣвали удовлетворять аппетитъ проѣзжающихъ; а хозяинъ все вѣшалъ сѣно, мѣрялъ овесъ и получалъ деньги.

Наконецъ ямщикъ нашъ повелъ поить лошадей; я такъ обрадовалась, что вскочила съ крылечка и подбѣжала къ нему. „Скоро мы поѣдемъ, дядюшка?“ — „А вотъ какъ разъ; только напою лошадей.“ — „Дай мнѣ одну лошаду я поведу... Она не убьеть? Ничего?“ — Пока онъ качалъ воду, я держала обвихъ лошадей и ужасно была довольна.

Выѣхавъ съ постоялаго двора, мы свернули съ большой дороги на проселокъ; встрѣчъ ужъ не было; кое-гдѣ стадакивались мы съ мужичкомъ, возвращавшимся съ своею опрокинутою и сіяющею на солныцѣ сохой домой къ себѣ на отдыхъ. Деревни, которыя пришлось намъ проѣзжать, были гораздо бѣднѣе постройками тѣхъ, которыя были на большой дорогѣ. Ни на одной избѣ не было трубы. Все это меня удивляло, и я требовала поясненій у моихъ спутниковъ; и чѣмъ больше они мнѣ толковали, тѣмъ больше понимала я всю нужду и бѣдность деревенской жизни.

А телѣга все катилась да катилась. Солнце уже отправилось почивать, въ природѣ все стихало. Спутники мои, поговоривъ о томъ, о семъ, тоже смолкли. Емельянь, закуривъ свою коротенькую трубочку, пускалъ маленькіе клубы синяго дыма, и сидя на краю телѣги, побабтывалъ ногами; ямщикъ затыкалъ въ полголоса пѣсню; я задремала.

— Дорушка, ты бы прилегла, сказалъ Емельянь, конѣ рано встала-то, а доѣхать еще не скоро доѣдемъ.

Я послушалась.

Усталыя лошади ужъ не бѣжали, а шли съ ноги на ногу. Я наконецъ заснула и меня разбудили уже часамъ къ четыремъ утра.

Путь оставался не далекій. Къ раннему обѣду, по сло-

вамъ ямщика, мы должны быть на мѣстѣ — „только не прождать бы на перевозѣ“, прибавилъ онъ.

— Дядюшка, какой перевозъ? спросила я.

— А вотъ увидишь какіе бываютъ перевозки... — И я стала ждать невиданнаго, да, пожалуй, и несмысленнаго явленія.

Отъѣхавъ верстѣ пятнадцать, мы спустились съ горы, подъ которой тянулись луга на далекое пространство; тамъ и самъ серебрились на солнцѣ озера; по берегамъ ихъ росли камыши и кустарники. Проѣхали еще верстѣ пять, и вотъ показалась широкая, извилистая полоса воды, за ней песчаный, довольно крутой берегъ, на которомъ раскидывалось большое село, окаймленное дремучимъ лѣсомъ.

— Вотъ гдѣ живетъ твоя мать, сказалъ Емельянь, указывая на деревню. — Приволье-то какое! Ишь что лѣсовъ-то!.. И рѣка....

Въ самомъ дѣлѣ, лучшаго мѣстоположенія трудно найти. Я съ жадностію всматривалась и въ рѣку, и въ красивое село, и въ темный боръ. „Тутъ ли не быть счастливою!...“ думала я, „сгрустнется, пойду въ лѣсъ, онъ меня развлечетъ; приѣдетъ мать, пойду къ рѣкѣ, она меня утѣшитъ....“

За нѣсколько сажень до будущей моей утѣшительницы, начался песокъ; чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ онъ становился глубже; лошади едва вытаскивали ноги. Я соскочила съ тележки и пошла пѣшкомъ. Сколько раковинъ, камешковъ!.. Какіе все хорошенькіе!..

— А вѣдь паромъ-то на той сторонѣ.... сказалъ Емельянь — пожалуй прождетъ еще....

— А вотъ подъѣдемъ поближе, такъ шумнемъ, отозвался ямщикъ.

— Чортъ ихъ додумится! Вишь, даль какая; никакъ съ полверсты будетъ.

— По водѣ-то далеко слышно.

— Эка рѣка-то, рѣка-то! Рыбы, рыбы что небось!..

— Нонче мало ловится. Пароходы-то очень ужь шибко разшугали се.

— Небось рыбакамъ-то большой убытокъ?

— Вѣстимо что убытокъ; на сторону стали больше ходить; а какіе остались все еще пробавляются кое-какъ рыболовствомъ по заливамъ да озеркамъ.

— Ну а хлѣбопашествомъ-то тутъ занимаются?

— Какое тутъ хлѣбопашество? Единственно песокъ.

— Да что жь ѣдятъ-то?

— Хлѣбъ ѣдятъ..... А-ай! Паромщикъ! закричалъ извощикъ такъ громко, что я вздрогнула.

Отъ противоположнаго берега отдѣлился огромный плотъ съ плохими перилами, и тихо, тихо началъ подвигаться къ намъ. Примкнувъ къ маленькому, бревенчатому мостику, онъ остановился. Извощикъ вѣхалъ на него съ телѣгой. Мы вошли. Веревки снова отцѣплены отъ столбиковъ мостика, и не примѣтно, не чувствительно пространство между берегомъ и паромомъ становилось все шире и шире. Мягче, пріятнѣй этого движенія кажется въ свѣтъ нѣтъ. Съ грустью замѣтила я, что мы очутились у другаго берега; паромъ стукнулся о новый бревенчатый мостикъ, стукнулось и мое сердце. Конецъ путешествія. Сейчас увижу я мою мать.... Заранѣе знаю, что она не будетъ рада моему пріѣзду; вѣдь я лишняя, лишняя вездѣ!....

Село было огромное; намъ указали домъ священника, мы направились къ нему. Вся поглощенная внутреннею тревогой, я ничего не видала около себя. Наконецъ мы остановились у дома священника.

Огромная, пестрая собака выскочила откуда-то съ страшнымъ лаемъ. На крылечкѣ, выходящемъ на улицу, показалась мамаша.

— Дорушка, какъ это ты здѣсь явилась? вскрикнула она и бросилась къ моей телѣгѣ.—Господи! или что у васъ случилось? спрашивала она обнимая меня.—Ужь не напроказила-ли она чего у васъ? обратилась она къ Емельяну.

— И, нѣтъ! Въ этомъ Піама Андреевна не сомнѣвайтесь! она вѣкъ бы прожила у насъ, еслибы не постигла насъ всѣхъ горькая судьба.

— Господи, что же такое?

Емельявъ разказалъ все къ короткихъ словахъ.

— Да что жь намъ взѣхать на дворъ-то можно что ль? спросилъ уже въ третій разъ ямщикъ.

— Можно.... конечно, я думаю, можно.. какъ-то нервнѣе проговорила мать. — А я вотъ спрошу.... Пойдемъ же, горемычная ты моя! обратилась она ко мнѣ.

Мы вошли въ маленькую переднюю, и оттуда наѣво въ крошечную коморку.

— Раздѣвайся! сказала мать, а сама раза три то подходила, то снова возвращалась отъ двери ведущей во внутреннюю комнату. — Батюшка-то отдыхаетъ... проговорила она шепотомъ, — тревожить-то боюсь.....

— На кого тамъ барбось-то? послышался старческій голосъ.

— Охъ, Господи! проговорила въ полголоса мать и робко приотворивъ дверь, сказала: — Батюшка.... Это.... это привезли мою дѣвочку...

— Какую дѣвочку?

— Дочь мою.... Батюшка, позвольте подвѣ-то възять на дворъ, покормить лошадь... проговорила мать.

— Это зачѣмъ? Аль у меня постоялый дворъ?

— Эхъ ты, отецъ Еремѣй! Ну что жь сдѣлается, что у тебя на дворѣ-то постоять? послышался другой старческій, но уже женскій голосъ. — Вели, вели възять, Пшам! Отопри ворота-то. Да гдѣ твоя дѣвочка? Покажи-ка мнѣ ее!

— Ты ужь смотри, угождай матушкѣ-попадѣ, одна надежда на нее.... шепнула мнѣ мать.

Въ дверяхъ показалась старая, престарая старушка въ душегрѣйкѣ и подвязанная чернымъ, бумажнымъ платкомъ. Я подошла и хотѣла поцѣловать руку старушки. Она взяла меня за плечи и, повернувъ къ окну, стала разсматривать.

— Да отчего же тебя оттуда-то сослали?

— Барыня, у которой я жила, раззорилась и сама пошла жить въ чужіе люди.

— Вишь ты какая мотовка!

— Нѣтъ, не мотовка, матушка; ее раззорили другіе.

— Ну гдѣ тебѣ знать!...

— Арина, покажи-ка мнѣ ее! послышался голосъ священника.

Мы вошли во вторую комнату, передній уголъ которой былъ наполненъ образами и теплилась лампадка.

Сѣдой старикъ съ живообразною бородкой, съ жиденькими, длинными волосами, съ нависшими бровями, съ рыми слезящими, но пронзательными и не ласково смотрящими глазками, съ крючковатымъ носомъ и такимъ безчисленнымъ множествомъ морщинъ на лицѣ, что пожалуй и въ годъ не пересчитаешь, сидѣлъ въ одной рубашкѣ на постели, побалтывая босыми ногами. Я подошла подѣ благословеніе.

— Во имя Отца и Сына....

Я почтительно поцѣловала невзрачную руку. Она осматривала меня съ ногъ до головы.

— Э, э! ужъ не маховьякая... проговорилъ онъ.

— Вотъ какое несчастіе постигло нашу благодѣтельную, сказала мать, показывая письмо,—прочитайте-ка, батюшка!

— А что мнѣ читать-то!... Не нашъ возъ, не намъ его везть.

Мать спрятала письмо въ карманъ.

— Батюшка, что же вы скажете мнѣ о моей дѣвочкѣ-то? робко начала она опять.

— Да что жъ мнѣ сказать-то тебѣ?

Отецъ Еремѣй всунулъ ноги въ сапожные отрѣзки и зашмыгалъ по горницѣ.

— Позвольте ли вы пожить ей тутъ со мной, пока я найду ей какое-нибудь мѣстечко?...

— А мнѣ какое дѣло! Корми только чѣмъ знаешь; у меня хлѣба на всѣхъ пришлыхъ нѣтъ.

— Я буду вамъ за нее платить что положите....

— Что положите!... передразнилъ священникъ.— А что съ тебя положить-то? Ты, смекая-ка, что стоить прокормить человѣка мѣсяцъ: муки полтора пуда — цѣлковый, крупы мѣру — другой; ща аль похлебка каждый день — третій, а тамъ молоко, да масло, да творогъ, да картофель... Оно и вѣдетъ въ пять цѣлковыхъ.

— Да что ты отецъ! заговорила старушка-попадьа.— Авось ужъ дѣвочка-то насъ не объѣстъ... Она станетъ прирабатывать... Мое дѣло старое, мнѣ иной разъ мочи нѣтъ и водички-то приесть, аль въ погребъ слазить.... Піама все утро въ школъ, работникъ по своимъ дѣламъ, а дѣвочка и будетъ мнѣ подсоблять.

— Ишь, прислугу захотѣла... отозвався старикъ.

— Да вѣдь ты взялъ же себѣ въ перемяну Піаму, ну а я возьму ея дѣвочку.

— Ну, ну, ужъ платите полтора цѣлковыхъ, да и живите; за теплымъ угломъ дѣвка пускай помогаетъ старухѣ.

— И на томъ спасибо вамъ! сказала, кланяясь, мать и повела меня въ свою коморку; а отецъ Еремѣй вышелъ на дворъ.

Не радостно свиданье бѣдняковъ: мнѣ совѣстно было

взглянуть на мою мать, не ловко было приласкаться къ ней, зная, что я лишаю ее половины ея скуднаго дохода. Она не могла радоваться моему прибытію, не имѣя возможности удовлетворить самымъ необходимымъ моимъ потребностямъ въ жизни.

Дверь нашей коморки пріотворилась; въ ней показалась маленькая фигурка попадьи, протагивавшей мнѣ чашку молока съ творогомъ и ломоть ситнаго.

— На, съѣшь, дѣвочка, какъ тебя зовуть-то не знаю еще.... сказала она.

— Дорой, матушка. Покорно васъ благодарю! Я взяла чашку и, помня приказаніе матери, на лету поцѣловала морщинистую руку старухи.

— И, и, что ты это, дитятко!

Старушка опять ушла.

— Кабы отецъ-то Еремѣй хоть въ половину былъ на нее похожъ, то-то бы жизнь-то! проговорила вслѣдъ ей мать.

— Мамаша, видно она добрая?

— Добра, да ничего не смѣетъ сдѣлать: у него каждая крупинка на счету.

И началась моя новая тяжелая жизнь. Мы ввязали чулки и работали неутомимо. Пальцы мои ломили отъ труда и толстыхъ спицъ и все-таки не выручали и полтинника въ мѣсяцъ. По праздникамъ, впрочемъ, отецъ Еремѣй не позволялъ никому приниматься за работу, и я, покончивъ мои утреннія хлопоты и занятія по хозяйству съ матушкой-попадѣй, отправлялась съ сельскими дѣвочками въ лѣсъ, прыгала, бѣгала и заливалась звонкою пѣснью. Отецъ Еремѣй всякій разъ почти ворчалъ на меня, что я мало привосила грибовъ и ягодъ, но до нихъ ли мнѣ было? Мнѣ хотѣлось бѣгать, играть, рѣзвиться!

Подходила осень, пальто мое истрепалось и такъ сдѣлалось узко и коротко, что его нельзя было надѣть. Нужда и горе не останавливаютъ физическаго развитія. Нужно шить новое; на нанку денегъ хватить, а гдѣ взять на вату и подкладку? Рубашонки тоже по колѣно и вошь худехоньки. Спасибо, платья были съ складками. „Какъ бы зарабатывать побольше“ думала я и день, и..... чуть было не сказала ночь... и обманула бы васъ, мои добрые читатели. Нѣтъ, ночью я спала, ни о чемъ не думая; спала такъ же хорошо и крѣпко, какъ въ

старые годы подь моимъ розовымъ одъяльцемъ, за зелеными шелковыми занавѣсками.

Разъ, послѣ обѣда, мы сидѣли съ мамашей въ нашей комнатѣ. Отецъ Еремѣй и попададя отдыхали. Наружная дверь была заперта. Кто то стукнулъ. Я вскочила чтобъ отворить. Это былъ нашъ сельскій дьячокъ.

— Гдѣ отецъ Еремѣй? спросилъ овъ.

— Отдыхаетъ.

— Будите его скорѣй! Отходную зовутъ читать Федулу Панкратьевичу.

Федулъ Панкратьевичъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ нашего села.

— Или совсѣмъ умираетъ? спросила мамаша, выхода къ вамъ.

— Только разъ дыхнуть. Будите же скорѣй!

Мамаша отправилась. Черезъ пять минутъ священникъ ушелъ.

— А я къ тебѣ, Піама Андреевна, сказалъ проводивъ отца Еремѣя, дьячокъ, — товарища моего нѣтъ, уѣхалъ почитай на недѣлю; одному мнѣ всалтырь читать не приходится, не возьмешься ли ты?

— Возьмите меня, Иванъ Карпычъ! вскричала я, обрадованная что есть возможность что-нибудь заработать.

— Тебя? съ удивленіемъ спросилъ дьячокъ.

— Я церковное хорошо читаю.

— Да толкъ-то не въ томъ...

— Въ чемъ же?

— И ночь не спать, и все такое....

— Объ этомъ не беспокойтесь, я не усну.

— А какъ испугаешься?

— Вотъ что вздумали! Чего жь мнѣ пугаться?

— Ну гдѣ тебѣ!.. проговорила мамаша.—А я бы съ радостью, да вѣдь вы знаете, что съ шести часовъ я въ школѣ, а послѣ обѣда линюю тетради, перья чиню...

— Да вамъ некогда, мамаша.. Позвольте мнѣ, Иванъ Карпычъ! Вотъ послушайте какъ я читаю... И я бойко прочла ему нѣсколько строкъ изъ лежавшей тутъ какой-то духовной книги.

— Хорошо-то хорошо... По мнѣ пожалуй: что жь, ее что ль отпустишь, Піама Андреевна?

— Богъ съ ней, коли хочеть. Коли урвусь, такъ приду и я.

— Когда же идти-то, Иванъ Карпычъ, сейчасъ что ль?

— Обожди, отроковице! Вѣдь онъ еще не совсѣмъ померъ, отвѣчалъ смѣясь Иванъ Карпычъ. — Да въ цѣвъ-то еще сойдемся ли?

— Вы насъ не обидите, Иванъ Карпычъ; наши обстоятельства вамъ извѣстны... Зима идетъ, намъ надѣтъ нечего...

— А все-таки уговоръ лучше денегъ; ни я обижаться не буду, ни вы пѣнять на меня не станете. Тридцать копѣекъ въ сутки возьмете что ль?

— И на томъ спасибо!

— За тридцать копѣекъ мы пожалуй и навсегда будемъ брать твою дѣвочку въ этихъ оказіяхъ, я и товарища поговорю.

— Ужъ какъ я вамъ буду благодарна, Иванъ Карпычъ, если вы поможете мнѣ зарабатывать что-нибудь, сказала я.

— Да погоди, погоди! сказала мамаша, — можетъ, еще и цѣлаго въ сутки не возьмешь.... Гдѣ тебѣ ночь не спать!...

— А вотъ увидите, проговорила я, твердо рѣшившись исполнить то, за что бралась.

Иванъ Карпычъ ушелъ, посмѣиваясь надо мной; а я, къ стыду моему, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала отца Еремѣя съ положительнымъ извѣстіемъ о смерти богатаго мужичка. Отецъ Еремѣй какъ нарочно куда-то запропастился, и до восьми часовъ я не знала, удастся ли мнѣ выработать подкладку на пальто или нѣтъ? Несмотря на то, я стала повемножку собираться; надѣла новые чулки, помазала коноплянымъ масломъ мои порыжѣвшіе отъ времени башмаки, пригладила волосы, приготовила черныи большой платокъ и сѣла пока опять вязать мои нескончаемые чулки.

— Ты это заправду хочешь читать псалтырь по покойникѣ? спросила мамаша.

— А то что же, мамаша! Я рада радешенька, что могу заработать что-нибудь.

— Дурочка ты, дурочка! проговорила покачавъ головой мать, — гдѣ тебѣ?

— Какъ будто я маленькая, возразила я, — вѣдь мнѣ скоро пятнадцать лѣтъ.

— Попробуй, попробуй! Все-таки я пойду съ тобой.

— Зачѣмъ это, мамаша? Вы спите себѣ съ Богомъ! завтра вамъ рано вставать, а вы и такъ все что-то не можете.

Отецъ Еремѣй наконецъ вернулся. Вошла и матушка вопадья, возившаяся гдѣ-то въ чуланѣ.

— Гдѣ это ты пропадала, отецъ? Ахъ все отходную читала? спросила старушка.

— Отходную.... Ужь и павихиду отслужила.

— Чтѣ, померъ?

— Отъиде.... Гдѣ Дора-то? Иванъ велѣлъ посылать ее поскорѣй.

— Какой Иванъ? Куда посылать дѣвочку?

— Взялась, вишь, псалтырь читать съ нимъ.

— Какъ псалтырь? Дора псалтырь?... спрашивала изумленная старушка.

— Да, матушка, я, буду читать псалтырь съ Иваномъ Карпычемъ, проговорила я накинувъ платокъ и направляясь къ двери.

— Да въ умѣ ли ты, Господи!.... Мать-то чего смотреть? Піама, чтѣ ты это вздумала, окаянная? Куда ты отпускаешь дѣвочку-то?

— Сама охотится, кто жь ее посылаетъ.

— Чтѣ ты это! Она ребенокъ молодой, ничего не смыслитъ... Ну статочное ли дѣло, такому птенцу стоять ночь подѣ покойника!... Съ одного страху съ ней Богъ знаетъ чтѣ подѣтса....

— Я не боюсь покойниковъ, матушка, сказала я.

— Да гдѣ ты ихъ видала-то?

— Не стражайте ее, матушка, проговорила мать: — надо же намъ какъ-нибудь добывать копѣйку. Зима идетъ, а намъ прикрыться нечѣмъ. Я сама пойду съ ней....

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша, и не дѣлайте этого! Я васъ уверяю что ничего не боюсь и спать не захочу.

— Охъ бѣдность, бѣдность!

И Арина Осиповна тяжело вздохнула, а я отправилась въ домъ покойника.

Большая, довольно опрятная комната была наполнена народомъ; тѣло усопшаго лежало на широкой лавкѣ, покрытое коленкоромъ; въ головахъ у образовъ теплились лампадки и нѣсколько восковыхъ свѣчъ; ладонъ курилася

въ глиняной жаровенкѣ на одномъ изъ оконъ. Иванъ Карпычъ читалъ монотоннымъ голосомъ псалтырь на столѣ у ногъ покойника; подлѣ книги лежала куча желтыхъ и бѣлыхъ восковыхъ свѣчъ. Помолвившись на образа и поклонившись усоншему, я стала въ толпѣ, изъ которой отдѣлилась старушка въ синемъ сарафанѣ, покрытая бѣлымъ платкомъ и, подойдя ко мнѣ, спросила: „Ты псалтырь-то читать пришла?“ На мой утвердительный отвѣтъ, она какъ-то недовѣрчиво покачала головой и повела меня въ смежную комнату, гдѣ на лавкѣ раскинута была постель и лежала подушка въ синей набойчатой наволочкѣ.

— Прилягъ, поколь не читаешь-то, да сосни; ночь-то вѣдь длинна..... Не хочешь ли закусить?“

Я поблагодарила, сказавъ что ни ѣсть, ни спать не хочу.

Мы снова вошли въ комнату гдѣ лежалъ покойникъ. Мамаша была ужъ тутъ. — „И зачѣмъ вы это?“ проговорила я въ полголоса. Услышавъ мой голосъ, Иванъ Карпычъ обернулся и позвалъ меня.

— Читай-ка, я укажу какъ.

Со всѣмъ усердіемъ новичка и охотника принялась я за дѣло, стараясь подражать методѣ моего наставника въ медленномъ растягиваніи словъ, но все еще не достигала мрачнаго напѣва его голоса и произношенія сквозь зубы.

— Читай, читай! только не спиши; а послѣ каждой кафизмы, вотъ по этой записочкѣ. — Постоявъ около меня минуты двѣ, отъ ушелъ въ предназначенную для насъ комнату.

Не поднимая глазъ, читала я съ часъ совершенно спокойно и свободно, слыша около себя шушуканье старухъ, ихъ земные поклоны и возгласы: „О, Господи батюшка, Христось небесный, помилуй насъ грѣшныхъ!“

Часовъ въ одиннадцать Иванъ Карпычъ пришелъ меня переимѣнить. Я воспользовалась этимъ временемъ, чтобъ уговаривать мамашу идти домой и спать покойно. Она однакожь не послушалась. Старушка хозяйка позвала насъ ужинать въ другую избу, послѣ чего мы улеглись и заснули на той же лавкѣ гдѣ храпѣлъ и Иванъ Карпычъ.

Золотые сны юности! Какая разнища между ними и дѣйствительностью!... Я такъ разоспалась, что когда дьячокъ дернулъ меня за платье, я рѣшительно не понимала, кто и

чего отъ меня хочеть? Впрочемъ, придя въ сознаніе, просила его объ одномъ, чтобъ онъ не трогалъ мамашу.

— Какъ же ты одна-то? Старухи всё храпять въ запуски...

— Чтѣжь за бѣда!

— Ну, ну ступай! проговорилъ онъ, укладываясь на лежанкѣ.—Разбуди лучше кого-нибудь.

Я протерла глаза, и вышла на свой постъ, не думая нарушать ничьего сна. Тускло теплилась лампадка у образовъ, и тонкая восковая свѣча горѣла на столикѣ предъ псалтыремъ. Въ груди у меня что-то неприятно шевельнулось; я привалась скорѣй за чтеніе но глаза мои неволью отрывались отъ книги и безпрестанно переносились на уснушаго; чувство страха все расло и расло.... Я кашляла, сморкалась, тщетно надѣясь разбудить кого-нибудь изъ спящихъ; двинуться я уже не смѣла; воображеніе мое разыгрывалось все болѣе и болѣе. Безсознательно произносила я слова псалтыря, а мертвецъ въ ужаснѣйшихъ видахъ носился передо мной. Я начала молиться, класть земные поклоны, мертвецъ раздробился на нѣсколько мертвцовъ, стоялъ и подлѣ меня, и сзади, и спереди, и надъ головой, и подъ ногами... Ужасъ во мнѣ достигъ такой степени, что еще минута, и я бы невынесла..... Но вотъ одна изъ старухъ сильно закашляла, и я ожила, почувствовавъ, что я уже не одна; страхъ какъ рукой сняло; невыразимо неприятное ощущеніе въ углахъ ногъ исчезло; голосъ мой получилъ свою прежнюю полноту; мертвецъ лежалъ безгласный, бездыханный, безвредный.... Кашель старухи началъ стихать, и мысль, что она снова заснетъ, и я останусь одна, вновь наполнила меня ужасомъ.

— Бабушка, родимая моя, не спи, ради Бога! Мнѣ страшно!..... вырвалось у меня неволью.

— И вѣтъ, вѣтъ, дитятко; я вовсе и не спала; гдѣ мнѣ спать!... Такъ прилегла.

— Да ты, бабушка, храпѣла.

— И, храпѣла.... Это кашель въ глоткѣ храпѣлъ; такой-то злющій!... измаялъ вовсе... ни сна, ни покою.... Читай, читай, дитятко!

Я стала читать, читать не такъ, какъ пять минутъ тому назадъ, а съ чувствомъ, искренно, душевно молясь о упокоеніи моего покойника, какъ бы въ благодарность за то,

что оны оставилъ меня въ покоѣ. Оглядываясь по временамъ, я видѣла что старуха не спитъ.

— Афимья, а Афимья! послашалося—аа ты спать пришла сюда? А-ихъ грѣховодница! Не можешь одной ночи-то простоять на молитвѣ.

— Господи Иисусе Христе!.. отозвалась проснувшаяся.

— То, то—Господи Иисусе Христе — вонъ малый ребенокъ, и тотъ не спитъ, псалтырь читаетъ, а ты на старости лѣтъ лишь бы дрыхнуть....

— Вздремнула, Ипатовна, вздремнула, грѣшница. Да вѣдь кажишь, и ты ложиласть?

— Мнѣ не въ могуту пришао, половицу разомило, я и прилегла; нешто я спать что ль?... Я и глазъ-то не смыкала... да и давно ужъ опять стою.

— Помогай Богъ, матушка! А меня такъ вотъ и задавилъ сонъ.... Врагъ вѣдь это все....

— Молишь, такъ и врагъ не подойдетъ.

Вздохи и набожныя восклицанія въ полголоса, сопровождаемые земными поклонами, убѣждали меня, что старухи окончательно пробудились и не оставятъ меня одну на новую пытку.

Вдали гдѣ-то заголосилъ пѣтухъ; вслѣдъ за нимъ другой, третій, и пошао...

— Въ другой что ль это кричатъ пѣтухи-то, аа въ первой? спросила вздремнувшая грѣшница.

— А мнѣ вотъ только и дѣла, что пѣтуховъ-то твоихъ слушать... И бы и теперь-то не разслыхала, какъ бы не ты... ловко выпуталась Ипатовна.

Глаза мои однако начинали тяжелѣть; не одинъ звѣнокъ подавила я; въ голосъ появилась какая-то хрипота. Я откашливалась, протираала глаза и все читала. Пѣтухи загомосили снова; въ окнахъ чернота начала замѣняться сивой. Я изнемогала.

— Вона! Почитай, разсвѣло... Ты что жъ это меня не разбудила, отроковице? Сколько свѣчей-то сожгла? спрашивааъ Иванъ Карпычъ, выходя изъ коморки.

— Вотъ это шестая, отвѣчала я.

— Ишь ты... Извѣстно по три свѣчи, а тамъ мѣняться. Мнѣ и не въ домекъ сказать-то тебѣ... Ступай, усни, я теперь почитаю. Скоро заутрениа...

Я завернула въ свое издерганное пальто, сжалась въ

Кулачокъ, успѣла только подумать, что вата на новое пальто теперь есть, и унеслась въ загадочную страну сновъ.

Проснулась я тогда, какъ въ избѣ раздались крики бабъ; тѣло покойника клали въ гробъ и готовились къ выносу. Изба была полнехомяка народомъ. Не замѣченная пошла я домой досыпать на своемъ убогомъ сундучкѣ; въ сѣняхъ меня встрѣтила старушка попадаья съ заступомъ на плечѣ.

— Куда вы, матушка? спросила я.

— Картофель рыть, Доружка. Ну какъ ты, дитятко, отчиталась?

— Слава Богу, матушка.

— О-ихъ, горюшечка ты моя!!..

При видѣ этого добраго участія, я перестала думать о снѣ; заступъ перешелъ на мое плечо, въ рукахъ старушки остался одинъ мѣшокъ для собиравiя картофеля. Мы отправились съ ней въ огородъ.

Цѣлый день прокопали мы картофель. Мамаша тоже присоединилась къ намъ по окончанiи школьныхъ занятiй. Никогда вечеръ не былъ для меня такимъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ, какъ въ этотъ разъ. Физическое утомленiе и прошлая недоспанная ночь неодолимою силой тянула меня на мой сундучокъ; мнѣ и ѣсть не хотѣлось, лишь бы лечь.

Вернувшись съ огорода, попадаья съ мамашей принялись рвать помидорные блины на маленькiе кусочки, которые сушатъ въ сухари для предохраненiя ихъ отъ порчи. Я было хотѣла тоже помогать имъ, но на этотъ разъ услуги мои были не нужны; Арина Осиповна сунула мнѣ два блина, съ которыми я и отправилась въ мою коморку. Только что начала было раздѣваться, какъ голосъ отца Еремѣя спросилъ—кто тамъ? — Да вотъ пришелъ расплатиться съ товарищемъ, отозвался Иванъ Карпычъ.

Я мигомъ набросила опять платье и очутилась передъ дядькомъ.

— Что, выспалась? спросилъ онъ, кладя мнѣ въ руку чуть не полную горсть мѣдныхъ денегъ.

— Нѣтъ, только еще хочу, отвѣчала я.—Иванъ Карпычъ, да сколько же тутъ? прибавила я, привѣсивая деньги на рукѣ.

— Что считать! Бери что даютъ.

— Да тутъ, кажется, больше тридцати копѣекъ?...

— Тебѣ же лучше, дурочка. Ступай, спи съ Богомъ!

Я ушла, и высыпавъ на подушку деньги, стала считать; вмѣсто тридцати, дьячокъ далъ пятьдесятъ.

Мамаша была очень рада, узнавъ на другой день, что вмѣсто обѣщанныхъ тридцати копѣекъ, я получила пятьдесятъ. Фунтъ ваты на пальто былъ купленъ, остальные пошлн туда, куда уходила половина чудочныхъ заработковъ. Къ несчастію, я должна сказать, что привычка матери къ вину не исчезла; тщательно скрываясь отъ хозяевъ, разъ или два въ недѣлю, она непременно находила возможность удовлетворить своей страсти; въ эти минуты она ужъ не выходила изъ нашей коморки, подъ предлогомъ нездоровья, а я дрожала и волновалась, чтобы какъ-нибудь не открылась истина, забывая уже о томъ, что на мою долю въ эти часы выпадали непрерывныя пощипыванья и колотушки.

Скоро наступила зима, лишившая меня единственнаго, доступнаго для меня счастья, ходить каждый праздникъ въ боръ, и раза по два въ день бѣгать на рѣку, подъ предлогомъ вымыть то или другое, иной разъ просто тряпку.

Настали вечера, эти длинные, убійственные вечера. Если доживу и до сѣдыхъ волосъ, не забуду ихъ! Такимъ тѣжкимъ гнетомъ каждый изъ нихъ ложился на мою молодую душу. Долго думалось у насъ оумерки; старики-хозяева все грѣли старыя кости на лежанкѣ; мамаша тоже лежала, работникъ этимъ временемъ убиралъ лошадей, корову, приготавливалъ дрова къ слѣдующему дню, воду, и окончивъ всѣ эти занятія, заваливался въ свою очередь на коникъ въ прихожей; сонныя и храпныя раздавалось во всѣхъ углахъ домика. Я не знала куда дѣваться этимъ временемъ; чаще всего, накинувъ мое легонькое, хоть и ровенькое пальто на плеча, покрывъ голову, выходила на крылечко глязѣть по сторонамъ; глязѣть было не на что; нѣтъ-нѣтъ, пройдетъ какая-нибудь баба или мужикъ, промчатся съ салазками ребятишки, вотъ и все разнообразіе деревенской картины. Лишь когда мракъ совершенно уже спустился на землю, хорошо было смотрѣть, какъ въ темныхъ окнахъ изъ загорались огоньки. Какія семейныя картины освѣщали они? Хотѣлось мнѣ подчасъ невидимкой пробраться въ каждую изъ избышекъ, взглянуть на домашній

быть крестьянъ и убѣдиться, смогла ли бы я вступить въ ихъ среду, еслибы какой-нибудь деревенскій парень за меня посватался? Свой уголь, свой кусокъ хлѣба были такимъ высокимъ блаженствомъ, что, казалось, всякаго, кто дастъ мнѣ ихъ, я благословила бы.... И видѣлись мнѣ то Ванюша Шатало, то Мартынъ Мѣшокъ, то Игнатъ Костычъ, однимъ словомъ, вся вереница молодыхъ парней нашего села проходила по очереди въ воображеніи, какъ будто на смотру. Пятнадцатилѣтнее сердце мое однако билось не жаждою любви, а жаждою непорочнаго пріюга; Иванны, Мартыны, Игнаты всѣ были одинаковы для моего сердца!..

А морозъ, между тѣмъ, охвативъ все тѣло, начинаетъ пробираться по костямъ; вернешься въ комнату, всѣ еще спятъ. Тихо, темно, скучно!.. Станешь спиной къ печкѣ и опять въ голову лѣзутъ думы: то Леонидъ Петровичъ вспоминалъ обо мнѣ и выписываетъ къ себѣ; то какой-нибудь молодой баринъ, заѣхавъ случайно въ наше село, встрѣчается со мною, думаетъ, что я деревенская дѣвочка безъ всякаго попятія, а я заговариваю съ нимъ его языкомъ; онъ удивленъ, заинтересованъ, спрашиваетъ о всемъ до меня касающемся, и узнавъ мою грустную исторію, сострадаетъ, принимаетъ во мнѣ горячее участіе.... влюбляется.... и жевается....

Этимъ временемъ послышится наконецъ продолжительный звонъ кого-нибудь изъ стариковъ, и начинаютъ будить другъ друга. „Арина! а, Арина! Али прасть-то не надо? Безъ рубахъ мнѣ что ль ходить?“ говоритъ отецъ Еремѣй. Если же очередь проснуться прежде выпадаетъ на долю попадьи, она тоже начинаетъ его поталкивать, спрашивая: „Во что это ты ночь-то станешь спать?“ Мамаша поднимается, зажигаетъ сальную шестериковую свѣчу, ставитъ на столъ и всѣ пять членовъ маленькой общины усаживаются по своимъ мѣстамъ; попадья прядетъ шерсть или ленъ, отецъ Еремѣй третъ табакъ для себя и на продажу; работникъ чинитъ какую-нибудь сбрую или плететъ лапотъ; мы съ мамашей вяжемъ. Разговоры нѣтъ; изрѣдка лишь слышится жалоба старушки на слабость зрѣнія или удушье, возбуждаемое льдяною пылью.

— Удушье... возражаетъ отецъ Еремѣй, — у меня вотъ и вовсе поясницу переломило, да сижу. Натек-ка понюхайте свѣжья-то, въ глазахъ то лучше прояснѣтъ.

Начинается проба табаку; всѣ носы, кромѣ моего, на-
помяются вонючимъ порошокомъ; покрахтыванья, похва-
ванья раздаются со всѣхъ сторонъ. Отецъ Еремѣй дово-
ленъ, что его искусство одѣвается. Я пользуюсь этою
благоприятною минутой, чтобы попросить его позволить
работнику сказать намъ сказку. Отецъ Еремѣй соизво-
ляетъ когда въ духъ, и я обращаюсь съ просьбами къ Ни-
кифору. Репертуаръ его былъ не великъ; сказки повторя-
лись все однѣ и тѣ же, я знала ихъ наизусть, и сама не
понимаю, отъ чего мнѣ хотѣлось ихъ слушать. Въ каж-
домъ изъ этихъ фантастическихъ образовъ, переходящихъ
отъ испытанія къ испытанію, я видѣла себя, и примкнувъ
къ нимъ, по ихъ примѣру, осмѣливалась ждать лучшей бу-
дущности.

Повѣствованіе Никифора кончилось, и снова медленно
тянется вечеръ... На чудокъ не смотрѣла бы, на скамьѣ не
сидѣла бы!... Чего-то хочется... Чего же? Да и опредѣлить
не умѣю, чего именно; хотѣлось бы все перевернуть какъ-
нибудь иначе... Побросаемся, побросаемся мыслью и туда
и сюда, и кончишь тѣмъ, что станешь желать одного до-
ступнаго и возможнаго — сна. На силу дождешься, когда
отецъ Еремѣй скажетъ:—„Ну, старуха, пора за ужинъ да
и на покой.“—Я мигомъ вскакиваю, съ особеннымъ рвені-
емъ и поспѣшностію исполняю желаніе старика; приношу
на столъ ложки, хлѣбъ и соль. Работникъ рѣжетъ ломти,
мамаша вытаскиваетъ изъ печи щи и кашу; попадаья нали-
ваетъ; всѣ, крестясь, садимся. Но вотъ и сонъ, неизмѣнный,
вѣчно добрый другъ всего дышащаго; съ восторгомъ бро-
саюсь я въ его объятія, и онъ тихо, бережно уноситъ меня
въ міры фантастическіе. Мамаша давнымъ давно уйдетъ
въ школу, а я все еще сплю. Попадаья жалѣла будить меня
рано, за это я и сама ей услуживала на сколько хватало
силъ и умѣнья; всѣ комнатки держала въ чистотѣ, помо-
гала въ стираниѣ, мыла посуду и старалась замѣнить ста-
рушку гдѣ только могла.

Подходили Святки; Рождество — престольный праздникъ
въ нашемъ селѣ. Старушка-попадаья ждала его съ нетерпѣ-
ніемъ, потому что къ этому дню всегда прѣзжала ея един-
ственная дочь, выданная тоже за священника верстъ за
сто, у которой въ свою очередь былъ одинъ только сынъ,
кончившій курсъ семинаріи и перешедшій въ универси-

теть, за что отецъ Еремѣй, желавшій сдать ему свое мѣсто, долго на него сердился и даже разсорился было съ зятемъ, давшимъ, по его словамъ, поблажку сыну. — „Все что ни нажилъ, по вѣтру пуцу, а ему не дамъ“, говорилъ отецъ Еремѣй. Но старушка не боялась этихъ угрозъ, она знала своего мужа, знала что по вѣтру онъ гроша не пу- стить.

Кромѣ дочери, къ отцу Еремѣю съѣзжались окрестные священники и дьяконы, да и прихожане считали долгомъ поздравить съ праздникомъ духовнаго отца; почему за недѣлю еще начали готовиться браги, квасы, а потомъ пироги и разныя яства.

Наканунѣ Рождества брага была готова, наливка съ сушеной черники слита, вино разлито въ графинчики, штофики и полштофики; крупеники, кашники изъ русскаго и сорочинскаго пшена, чиненая гречневою кашей свиная кашка, пироги съ мясомъ и кашей, папушники, цѣлыми грудями лежали въ кладовой. Полы, во всѣхъ четырехъ комнаткахъ вымыты съ пескомъ чисто на чисто; все прибрано; столъ въ главной комнаткѣ покрытъ синею ярославскою скатертью, лампадки вымыты, вычищены и зажжены; отецъ Еремѣй, утромъ еще сходявъ въ баню, заставилъ меня расчесать свои вѣчно склокоченные волосы и заплестъ ихъ въ двѣ косички; сверхъ домашняго обыденнаго туалета, то-есть рубашки, надѣто было наиковое полукафтаанье, подпоясанное кушакомъ; кушакъ этотъ видимо его беспокоилъ, онъ безпрестанно старался опустить его все ниже и ниже; и ходя отъ шкафика къ шкафику, онъ пересчитывалъ штофики, графинчики и бутылочки.

Старушка также нарядилась, надѣла синій ситцевый сарафанъ, бѣлую коленкоровую рубашку, синюю наиковую тѣлогрѣйку; нѣмедкаго платья она не носила, не привыкла съ молодю. Покончивъ съ хозяйственными хлопотами, она почти цѣлый день лежала на лежанкѣ, собираясь съ силами къ завтрашнему дню; а неугомонный старикъ то и дѣло ее кликалъ:

— Пспадья!

— Что отецъ?

— Да ты что это разлегалась - то? Пойдемъ пироги - те сочтемъ!

— О-о-охъ! Дай ты мнѣ отдохнуть-то. Вѣдь я ногъ подъ собой не слышу...

— Ну дай мнѣ ключъ, я пойду самъ пересчитаю.

— Возьми, Господь съ тобой...

Но едва попъ вышелъ съ ключомъ; какъ старушка спохватилась.

— О-охъ! вскричала она, привскакнувъ на лежанкѣ, — вѣдь я не прибрала тамъ розыны да пряженцы то, злодѣйка. Увидить, достанется мнѣ...

— Да вѣдь они у васъ на полкѣ покрыты.

— Гм... Все изнаырить... Старуха поплелась вслѣдъ за мужемъ.

Розаны, приготовленные для милой дочки, ускользнули однако отъ вниманія отца Еремѣя. Безъ воркотни впрочемъ все-таки не обошлось. — Тебѣ дай только волю... Вить напекла! Весь свѣтъ что ль хочешь накормить? говорил онъ, возвращаясь изъ кладовой.

— Да нешто мало надо, отецъ? Тому кусокъ, другому... Смотри, еще не достанетъ...

Слова ложилась попадья на свою лежаночку, шепнувъ мнѣ:

— Посмогри-ка, не видать ли?

Я ужъ знала кого нужно было смотрѣть; но кибиточка, запряженная парой пѣгихъ лошадокъ, показалась въ переулкѣ лишь въ сумерки. Увидала ее, конечно, я первая. —

— Матужка, вдутъ... сказала я.

Попадья кубаремъ скатилась съ лежанки и побѣжала встрѣчать дочь. Засуетился и отецъ Еремѣй. Обрадовалась чему-то и я, и вслѣдъ за стариками выбѣжала встрѣтить сама на зная кого. Изъ кибиточки выпрыгнула мужская фигура и тотчасъ обернулась, чтобы помочь выкарабкаться закутанной женщицѣ.

— Мареуш!... Ненаглядная ты моя!... съ полуплачемъ голосила моя старушка, бросаясь обнимать дочь. — Господи, Господи! Никакъ это Федюшка съ тобой? прибавила она отрываясь отъ дочери и смотря на стоявшаго подлѣ молодого человѣка.

— Охъ, матужка, онъ... пріѣхаль просить батюшкинаго а вашего благословенія, чтобы послѣдній годъ то Богъ ему помогъ произойти всѣ науки.

— Поздоровавшись съ отцомъ, она подвела къ нему сына, вышедшаго уже изъ объятій своей доброй бабушки.

— Батюшка, будетъ сердчать! Поцѣлуй внука, онъ малый вышелъ славный....

Отецъ Еремей поцѣловался съ нимъ.

— Озябли, мои голубчики, озябли, мои ненаглядные!.. говорила старушка, вводя гостей въ комнаты. — Доружка, самоварчикъ, самоварчикъ поскорѣй!—Я пошла ставить самоваръ, и когда внесла его, миръ окончательно, кажется, былъ заключенъ между дѣдомъ и внукомъ.

— Ну-ка, старуха, завари даренаго чайку-то... Поглядимъ каковъ?—Отецъ Еремѣй самъ развернулъ лежащій передъ нимъ фунтъ чаю.—А должно хорошъ; вишь ты, почитай весь сѣдой.... Изъ Москвы, что ль?

— Изъ Москвы, дѣдушка.

— А какъ дорогъ?

— Рубля три съ полтиной.

— Эхъ, малой! Мотовать ты, я вижу.

За чаемъ молодой человѣкъ закурилъ папирску, и вдругъ на меня пахнуло прежнею жизнью.... Курила Александра Николаевна, курилъ и Леонидъ Петровичъ. Всѣ они, со всею ихъ обстановкой, нарисовались въ моей памяти такъ отчетливо, такъ живо, что на нѣсколько минутъ я совершенно забылась и унеслась въ прошлое. Внутренняя декорация заслонила внѣшнюю. Въ темномъ углу, куда смотрѣли мои глаза, явились милые образы; по сценѣ пробѣжала и Лиза съ Шурочкой.... Какъ онѣ счастливы около своей доброй мамы... Мнѣ такъ стало жаль всѣхъ!.. Горе схватило мнѣ горло, и слезы градомъ потекли изъ глазъ. Какъ замѣтилъ ихъ молодой человѣкъ, не знаю, потому что я стояла въ темнотѣ, но онъ очутился подлѣ меня.

— О чемъ вы плачете? спросилъ онъ тихо, но такимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ.

Отъ этого неожиданнаго, вопроса, слезы мои еще сильнѣй полились, и я совершенно растерялась. Въмѣсто того чтобъ выйти изъ комнаты, я, какъ дура, стояла молча, не трогаясь съ мѣста; а слезы такъ и капали.... Молодой человѣкъ, пройдясь раза два по комнатѣ, снова шепнулъ мнѣ:

— Не плачьте, пожауста!... Накануѣ такого праздника!...

Праздникъ.... Праздникъ!... Да, въ дѣтствѣ Рождество было для меня прекраснымъ днемъ!... Сколько обновъ, сколько игрушекъ!.... Разъ Леонидъ Петровичъ дѣлалъ для меня

даже елку; чего, чего на ней не было!.... А теперь мнѣ надѣтъ почти нечего.... Люстриновое мое голубое платье, сшитое мнѣ Александрой Николаевной, стало и узко, и коротко; при прощаньи она подарила мнѣ свой прекрасный, темный кашемировый капотъ, но мамаша не даетъ мнѣ его, говоря, что я еще выросту, такъ рано перешивать. А мнѣ бы хотѣлось завтра нарядиться... Отчего?.... Оттого.... оттого что въ нашемъ домикѣ появился такой славный молодой человекъ. Къ чему скрывать! Я бы желала ему понравиться, безъ всякой далекой цѣли, а такъ, чтобъ въ его мнѣнii не быть ни дурною, ни уродомъ; но ни то, ни другое не удастся. Дурой, — ужь онъ и теперь меня считаетъ за неумѣвье скрыты неумѣвными слезы; а уродство — увидить завтра.

Наступило Рождество. Въ четыре часа заблаговѣстили къ заутренѣ; мы ужь давно всѣ были на ногахъ. Мамаша съ прїѣзжей попадѣею, захотѣвшею переѣхать мать, остались стирать. Арина Осиповна, Федоръ Петровичъ (такъ звали молодого человекъ) и я отправились въ церковь. Старушка съ подороги вернулась, позабывъ приказать что-то по хозяйству. Мы хотѣли ее проводить.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступайте, Господь съ вами, я одна приду, сказала она.

— Одяв то вы, бабушка, забредете куда-нибудь въ свѣтъ, темно....

Я повернула за ней, Федоръ Петровичъ тоже, сколько она ни уговаривала насъ оставить ее одну.

Старушка пошла въ кладовую. Въ ожиданii ея я стала на мое обычное мѣстечко къ печкѣ; молодой человекъ ходилъ по комнатѣ.

— Вы давно живете у дѣлушки, Дора... извините, не знаю отечества....

Опять тяжелая мысль: отца у меня нѣтъ, какое же отчество! Я всегда и для всѣхъ должна быть лишь Дорой...

— Зовите меня Дорой, сказала я: — добрая покровительница моя звала меня такъ, и мнѣ прїятнѣй всѣхъ это имя.

— Да, бабушка мнѣ говорила, что вы были очень счастливы... У Бѣляевой, кажется? Чтò же съ ней случилось?

Я только что начала разказывать, какъ старушка наша, покончивъ свои распоряженiя, возвратились къ намъ. Дорой, Федотъ Петровичъ продолжалъ меня разспрашивать, я не уставала отвѣчать про мою добрую Александру

Николаевну. Мнѣ пріятно было слышать, какъ молодой человекъ оцѣнивалъ прекрасную душу моей бывшей благодѣтельницы.

Церковь была биткомъ набита; служба шла медленно; старичокъ нашъ не спѣшилъ. Я молилась усердно, не прося ничего особенно у Создателя. Онъ видѣлъ мою душу, зналъ мою горькую долю и авось-либо пошлетъ хоть необходимое.

Всѣмъ за заутреней началась и обѣдня. Въ восемь часовъ возвратились мы домой. Отецъ Еремѣй забѣжалъ домой на минутку, лишь чайку выпить, и тотчасъ же долженъ былъ идти по селу съ образами. Арина Осиповна осталась полною хозяйкой, баловницей-бабушкой, желавшею во всемъ угождать милому внучку.

— Бабушка, я безъ вашихъ помощницъ не буду пить чай; позовите ихъ, пожаауста.

— Зови, зови, батюшка! Я люблю Доружку... то-то дѣвочка! разумница—то какая! что ей, всего пятнадцать годковъ минуло, а чего, чего она не знаетъ! И какая услужливая...

Я покраснѣла до ушей, слыша изъ-за перегородки эти похвалы.

Во время чаю мамаша разговаривала съ матерью Федора Петровича, а онъ спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ. Идя къ заутренѣ въ темнотѣ, я какъ-то очень смѣло разговаривала съ намъ, а теперь страшно краснѣла и конфузилась; мое замѣшательство, кажется, его забавляло, онъ съ умыбкой выпытывалъ мои познанія, которыя, увы! были весьма ограничены: я читала и плохо писала. Александра Николаевна въ разговорахъ дала мнѣ маленькое понятіе, о географіи, русской исторіи; священную я учила еще съ моею милою Ольенькой. Живописное *Обозрѣніе*, которое преимущественно заставляла насъ читать Бѣляева, познакомило меня съ далекими странами, ихъ обитателями, съ замѣчательными людьми, городами, дивными явленіями природы, но теперь многое ужъ ускользнуло изъ моей памяти; съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, читать мнѣ некогда и нечего.

Нѣсколько священниковъ съ женами, пріѣхавшіе изъ окрестныхъ селъ къ правдику, прервали экзамень. Въ первую минуту я какъ будто обрадовалась возможности ускользнуть отъ него, а когда вниманіе молодого человека перенеслось на гостей, мнѣ стало грустно.

Однимъ молодой священникъ, напившись чаю и закусивъ, вызвался замѣнить отца Еремѣя въ исполненіи обязанности его въ приходѣ.

— Дѣвочка? обратился онъ ко мнѣ, — сбѣгай-ка, узнай на какомъ онъ дворѣ?

— Зачѣмъ же? возразилъ Федоръ Петровичъ, — оставайтесь, Дора, я пошлю нашего работника...

— Ничего, я сбѣгаю... Но Федоръ Петровичъ остановилъ меня. — Помогайте бабушкѣ угощать ея гостей, а я сей часъ пошлю... — И онъ взглянулъ на меня такъ привѣтливо, что мнѣ стало невыразимо пріятно... Значить, свѣ не считаетъ меня служанкой въ домѣ его дѣда....

Свѣдѣнія получены. Молодой священникъ отправился по указанію, и отецъ Еремѣй не замедлилъ возвратиться съ ясными глазами и румянцемъ на морщинистыхъ щекахъ и на кончикѣ тоненькаго носа; хмѣль старика не былъ задорнымъ, неистовымъ хмѣлемъ; напротивъ, онъ какъ бы размягчалъ отца Еремѣя, дѣлалъ его сговорчивымъ, словоохотливымъ; самая скудость на половину уменьшалась.

Марѣя Еремѣевна занималась съ пріѣзжими попадаями. Вниманіе молодого студента снова обратилось ко мнѣ. Видно, мое простое ситцевое платье, которое я предпочла праздничному люстриновому—узкому и короткому, не уронило меня въ мнѣніи Федора Петровича; онъ съ добротой и участіемъ снова спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ, о моемъ препровожденіи времени, и когда его бабушка, вѣтшавшись въ нашъ разговоръ, рассказала ему о моей страшной ночи за псалтыремъ у одра покойника, въ глазахъ его выразилось такое состраданіе, какого я никогда ни въ комъ къ себѣ еще не замѣчала.

Три дня праздника прошли для меня такимъ чуднымъ, отраднымъ сномъ, что я не скоро свыкалась опять съ нашею будничною жизнью. Федоръ Петровичъ, уѣзжая, обѣщалъ прислать мнѣ нѣсколько книгъ, а мать его сунула мнѣ въ руку какую-то бумажку, оказавшуюся потомъ тремя рублями.

По отъѣздѣ дорогихъ гостей, жизнь вошла въ прежнюю колею. Опять пошли нескончаемые шерстяные чулки, сказки работника по вечерамъ, полуголодные обѣды и ужины, и кусочки подсовываемые тайкомъ Ариной Осиповной.

Мѣсяца черезъ два Федоръ Петровичъ прислалъ мнѣ нѣсколько книгъ: всеобщую исторію, русскую, *Прогулку* со-

кругъ свѣта съ дѣтьми, нѣсколько повѣстей и двѣ толстыя книги Живописнаго Обзорня. Можно вообразить мою радость. Я ждала праздниковъ, какъ не вѣсть какого счастья, чтобы читать безъ помѣхи; въ будни меня заставляли работать; въ послѣдствіи я выучилась вязать и читать вмѣстѣ. Иногда по вечерамъ Арина Осиповна заставляла меня читать вслухъ, ахала и дивилась всѣмъ диковинкамъ, описаннымъ въ Живописномъ Обзорнѣ, а отецъ Еремѣй чистымъ скептикомъ восклицалъ: „А ты уши-то развѣсила, да всему и вѣришь, что тутъ написано... Эхъ ты, баба! Подлинно: волосъ дологъ да умъ коротокъ...“ — „И-и, отецъ, какъ же не вѣрить? Неправды не стали бы отпечатывать.“ — „Одно слово, будетъ вамъ молоть-то!“ завершалъ отецъ Еремѣй.

Зима наконецъ прошла: съ теплыми, весенними днями прилетѣли грачи, скворцы, жаворонки, привесли и мнѣ крылья; я то и дѣло летала къ рѣкѣ смотрѣть на ея шумное пробужденіе; на какое далекое пространство раскинулись ея мутныя волны! Противоположный, низменный берегъ исчезъ, онъ слился съ горизонтомъ, и рѣка съ ревомъ несла огромныя льдины. По цѣлымъ часамъ стояла я на крутомъ берегу, вся поглощенная этимъ величественнымъ зрѣищемъ, позабывъ и чулки, и книги, и ожидающую меня брань матери.

Вскорѣ и дорогой другъ мой—боръ сдѣлался снова для меня доступенъ. Въ праздники никакая брань не могла остановить меня отъ безцѣльнаго почти шатанья между вѣковыхъ сосенъ; я собирала мхи, слѣдила за полетомъ бабочекъ, за движеніемъ разныхъ букашекъ, тщательно разсматривала ихъ, дивилась разнообразію природы. Иногда собирала валежникъ, складывая его въ кучи, иногда строила шалашъ, воображая себя Робинзономъ Крузе, иногда просто ложилась на сложенную изъ мховъ постель и смотрѣла вверхъ на клочки голубаго неба, сквозившіе сквозь темную зелень сосенъ, прислушиваясь къ ихъ тихому шепоту, стараясь понять что говорятъ онѣ другъ другу, и не видала какъ шли часы.

Въ позднія сумерки возвращалась я домой; мать ворчала, сердилась, я молча слушала брань, и въ слѣдующій же праздникъ, какъ только отобѣдаютъ всѣ и улягутся на отдыхъ, снова бѣгу къ дорогимъ друзьямъ—рѣкѣ и лѣсу.

Съ наступленіемъ лѣта опредѣлилась цѣль моихъ экскурсій въ боръ; грибы и ягоды, приносимые домой, устранили воркотню; часто старушка попадя и мамаша ходили сама со мной. Грибы вареные, грибы соленые, грибы въ кашницѣ, позволяли отцу Еремью скупиться на все остальное, и онъ самъ посылалъ меня часто и въ будни собирать ихъ.

Проходили дни, проходили недѣли и мѣсяцы все по той же неизмѣнной колеѣ, не сворачивая ни вправо, ни лѣво, точно локомотивъ по рельсамъ. А молодая душа все чего-то ждала!... Когда просыпалась утромъ, мнѣ казалось, что наступающій день принесетъ что-то новое (конечно радостное); день проходилъ, и я попрежнему дожилась на моемъ бѣдномъ сундукѣ, завернувшись въ старенькое пальто, и лишь молодые сны разнообразились до безконечности; они, подъ часъ, были тѣ же волшебныя сказки, только еще болѣе нелѣпыя. Все-таки мнѣ лучше было съ ними чѣмъ съ моею безцвѣтною дѣйствительностью.

Разъ, это ужъ было осенью, мы отправились съ мамашей на рѣку, на которой лежалъ толкій слой льду; пробивъ валькомъ ледяную скорлупу, я полоскала наши бѣдныя тряпки и бѣлье хозяйевъ; мать колотила. Вдругъ я слышу крикъ и паденіе чего-то въ воду. Сердце у меня замерло, и не даромъ!... Я увидѣла мамашу, стоящую по шею въ водѣ. Двѣ женщины, находившіяся тутъ, помогли мнѣ вытащить ее на плотъ; я бросила все, спѣша отвести ее домой переѣмнать вымокшую одежду. До дома священника было добрыхъ полверсты; холодный вѣтеръ пронизывалъ ее до костей, зубы ея стучали. Я сняла съ себя пальто, прикрыла ее имъ; но не спасла отъ холоду: она вся дрожала.

Мы пришли; я отвела мать въ кухню и побѣжала за сухою одеждой. Переѣмнивъ и уложивъ ее на печь, пошла просить у Арины Осиповны кусочекъ сахару и сухой ежевики, чтобы напоить ее горячимъ. Къ вечеру у мамашы сдѣлался сильный жаръ, въ ночь она стала бредить, а къ утру впала въ безпамятство.

И день, и ночь сидѣла я у ея изголовья, прислушиваясь къ ея тяжелому дыханію, къ ея болѣзненнымъ бреду. Леонидъ Петровичъ былъ ея кошмаромъ: она то проклинала его, то умоляла вырвать ее изъ ада, спасти ея дѣвочку, ея бѣдную, несчастную Доружку; что она вѣкъ будетъ его

рабой, его прачкой, поломойкой, лишь бы не прогонялась изъ своего дому.... И смотря по тому какъ рисовалась ей разстроенное воображеніе Сальскаго, — добрымъ или не сговорчивымъ, — она или успокоивалась на нѣсколько времени, какъ будто засыпала, или приходила въ неистовство, сбрасывала съ себя все, металась, кричала что ее толкають въ яму, отнимають у ней Дорушку, гонять изъ дому и тому подобное.

Первое время, въ подобныя минуты, я старалась ее успокоить, ласкала, цѣловала; но мать не узнавала меня, отталкивала, вырывалась. Потомъ я уже молча присутствовала при этихъ кризисахъ, наблюдая только чтобъ она не упала съ постели, бросаясь во всѣ стороны.

Тяжело, горько мнѣ было смотрѣть на страданія матери, но я все еще думала, что она оправится. Однажды матушка попадая, раздѣлявшая мои попеченія о больной, привела къ ея постели отца Еремья. Мы, видѣвшія ее безпрестанно, не замѣчали той страшной переменны, которая поразила священника, не выдавшего ея съ начала со-лѣзни.

— Да вы чего жь смотрите-то? сказалъ онъ: — давно бы надѣть причастить.... Вишь, она вся осунулась, гдѣ ей выздоровѣть!

У меня замерло сердце.

— И, отецъ, ну что пугаешь дѣвочку-то! Въ ней нѣтъ ничего смертнаго; все Богъ! А причастить — причастить, это первое лѣкарство.

Я припала къ ногамъ матери и рыдала.... До сихъ поръ мнѣ и въ голову не приходило, чтобы новое, страшное горе висѣло надо мной. Слова отца Еремья раскрыли мнѣ глаза и показали весь ужасъ моего положенія. Куда я дѣвусь? Что со мной будетъ?...

Во время причащенія и соборованія матери, я молилась всѣмъ существомъ моимъ, чтобы Господь не отнималъ у меня моей бѣдной матери, моей единственной родной. Но все было напрасно: черезъ два дня ея не стало! Ужасъ сиротства и одиночества до того поразилъ меня, что я потеряла всякое сознаніе, и какъ чурбанъ повалилась на лавкѣ у ногъ моей бѣдной покойницы. Очнувшись я тогда, какъ старческій голосъ отца Еремья за-пѣлъ псалтиру. Мать лежала уже совсѣмъ убранныя на

передней лавкѣ подъ образами: выраженіе лица ея напомнило мнѣ мою милую мамашу въ домѣ Леонида Петровича, когда она не знала еще ни нужды, ни трудовъ, когда капризь этого человѣка окружалъ ее всѣми удобствами, даже роскошью, затѣмъ, чтобы потомъ вытолкнуть изъ своего дому, бросить въ грязь, обречь на всевозможныя несчастія. Леонидъ Петровичъ сдѣлался мнѣ ненавистенъ. Предсмертныя проклятія матери глухо повторялись въ моихъ ушахъ, и мнѣ хотѣлось бы отмстить этому человѣку... Я стояла и смотрѣла на уснувшую, какъ бы желая прочесть на ея строго спокойномъ лицѣ сочувствіе моей ненависти.

— Дорущка, помолись, дитятко, за мать, чтобы Господь отпустилъ ей ея прегрѣшенія. Дѣтская молитва отворяетъ райскія двери, сказала Арина Осиповна полушепотомъ, подойдя ко мнѣ.

„Господи, прости и помилуй!“ подумала я, и упала ницъ. Рыданія задушили меня.

Какъ прошла ночь длинная, мрачная, тяжелая—не знаю; я стояла то на ногахъ, то на козлыняхъ у ногъ моей дорогой покойницы; выплакала всѣ мои слезы... Казалось, я вовсе не такъ сильно была къ ней привязана, при жизни я разставалась съ ней безъ особенной горести, а теперь, въ минуту вѣчной разлуки, я готова была бы искупить ея жизнь всѣми моими надеждами въ будущемъ... И вотъ ее унесли!... Вотъ и похоронили...

Я бросилась на опустѣлую кровать матери въ нашей крошечной коморкѣ и долго, долго рыдала... Матюшка падая сидѣла около меня и утѣшала, обѣщая написать къ Марѣ Еремѣевѣ, чтобы та похлопотала о приисканіи мнѣ какого-нибудь мѣстечка. „Въ ихъ приходѣ пропасть помѣщиковъ, говорила добрая старушка: можетъ, кто возьметъ въ услуженіе.“

На другой день письмо написанное Иваномъ Карповичемъ къ Марѣ Еремѣевѣ было отправлено на почту съ оказіей.

Три недѣли прошли съ кончины матюшки; я старалась болѣе чѣмъ когда-либо угождать моимъ хозяевамъ. Старушка удвоила ко мнѣ свою доброту и ласковость; отецъ Еремѣй хоть и смотрѣлъ сурово, но ни разу не обидѣлъ малѣйшимъ словомъ круглую, неприютную сироту.

Едва установилась санная дорога, какъ Марѳа Еремѣевна на тѣхъ же пѣгенькихъ лошадакъ и въ той же кибиточкѣ, только безъ подрѣзовъ, прѣхала къ намъ. Съ погоню слезъ встрѣтила я будущую мою покровительницу. Она въ свою очередь заплакала, обняла меня, проговоря:

— Не кручинься! Богъ милостивъ; я дала тебѣ славное мѣстечко... Что матушка? прибавила она, перебивая изъясненіе моеи благодарности.

А сердце старушки видно почувало прѣздъ дочери; она, по обыкновенію, спала крѣпкимъ сномъ въ сумерки, когда я сидѣла на крылечкѣ и завидѣла пѣгенькихъ лошадокъ. Въ ту минуту какъ дочь спрашивала о матери, та ужъ съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ, съ радостными слезами цѣловала и обнимала ее.

Какъ и въ первый разъ, мнѣ отдало приказаніе становить самоваръ. Отъ имени Федора Петровича старички получили фунтъ чаю и голову сахару. Началось чаеванье какъ и тогда, съ тою разницей, что Марѳа Еремѣевна посадила меня подлѣ себя, говоря, что теперь ихъ дѣло побаловать меня, круглую сироту.

Со стороны стариковъ пошла разспросы о внука. Молодой человекъ кончалъ курсъ, отлично выдержалъ экзаменъ и получилъ мѣсто полковаго лѣкаря. Полкъ его квартируетъ не очень далеко, такъ что онъ обѣщается побывать у нихъ лѣтомъ.

— Что жъ ты придумала для Доружки-то? спросила наконецъ Арина Осиповна.

— Я нашла ужъ ей мѣстечко, матушка, хорошѣе.. у нашихъ Сазиныхъ; только мужъ съ женой; люди они немолодые, добрые, и берутъ Доружку книжки имъ читать; вотъ вся ея должность. Сами - то они становятся ужъ слабы глазами. За это будутъ ее одѣвать, обувать, поить, кормить.

Я благодарила какъ могла.

Пробывъ сутокъ трое у своихъ старичковъ, Марѳа Еремѣевна сама и на свои деньги наняла для матери работницу, молодую расторопную женщину, которая вполнѣ и во всемъ могла замѣнить старушкѣ.

Арина Осиповна свѣту Божьяго не взвидѣла какъ стала прощаться съ нами. Жаль ей было своей Марѳуши, жаль

и меня. — Ты вѣдь мнѣ была утѣха и помога на старости, говорила она, обнимая меня.

— Не плачь, родная, не плачь! говорила дочь. — Къ Рождеству опять приѣду и привезу съ собой Доружку.

Закутанная во всѣ мои пальтишки, укрытая сверху огромнымъ тулупомъ, захваченнымъ нарочно для меня изъ дому Марей Еремьевной, вѣхала я въ новое мѣсто, къ новымъ людямъ.

Кибиточка катилась, катилась и мои слезы; сморщенное, грустное, омоченное слезами лицо Арины Осиповны такъ живо рисовалось въ моемъ воображеніи, такъ мнѣ было жаль моей доброй, одинокой старушки!..

— Что, Доружка, знать и тебѣ не легко расставаться съ моею матушкой? Вѣдь Ангелъ Божій, что и говорить. Увезла бы я ее съ собой!.. Одинока она теперь, моя горшечка... Съ тобой-то ей все было лучше.

— А ужь какъ мнѣ-то ее жаль! проговорила я и залилась пуще прежняго. — Не будь я въ тягость вашему батюшкѣ, я бы готова вѣкъ не расставаться съ ней.

— Въ тягость-то что.. Мы бы стали, пожалуй, ему и платить за твое содержаніе, да отецъ Петръ говоритъ, что твою-то жизнь мы тамъ погубимъ. Вѣдь мы ужь толковали. У Сазимыхъ ты будешь много читать и изъ книжекъ многому научишься, что пригодится тебѣ въ жизни. Мы даже писали обо всемъ этомъ къ Федюшкѣ, и онъ говоритъ, что тебѣ не слѣдуетъ упускать мѣсто у Сазимыхъ.

„Такъ и онъ принимаетъ во мнѣ участіе,“ подумала я, и какая-то невѣдомая радость закралась въ мое сердце.

Когда мы подъѣхали къ домику Мары Еремьевны, насъ встрѣтила женщина, вѣроятно работница, по платью болѣе похожая на горвичную, и въ дверяхъ комнаты отецъ Петръ, высокій, полный, съ окладистой, широкою бородой и чрезвычайно добродушнымъ лицомъ, напоминающимъ какъ нельзя болѣе сына. Ласково поздоровался онъ съ женой и такъ же ласково поклонился мнѣ.

— Вотъ привезла и Доружку, Петръ Андреичъ. Что, видѣлъ Сазимыхъ? не раздумали ли они?

— Отчего же раздумали... Я хоть и не видалъ ихъ, да не думаю; не такіе они люди.

Этотъ вопросъ и отвѣтъ снова заронили мнѣ въ душу боязнь за будущее. „Такъ еще не навѣрно меня примутъ,

думала я, можетъ-быть, опять придется жить изъ милости... быть лишнею....“

— Раздѣвайтесь, раздѣвайтесь же скорѣй! Самоваръ готовъ, надо вамъ отогрѣться... Чай дѣвочка-то съ непри-
вычки и очень перезябла... говорилъ священникъ, развязыва-
вая самъ на женѣ платки.

Освободившись отъ дорожныхъ одеждъ въ какой-то ма-
ленькой комнаткѣ съ лежанкой, мы перешли, повидимому,
въ спальню. Тутъ была большая кровать за ситцевымъ за-
навѣсомъ, у противоположной стѣны стоялъ большой
диванъ; передъ нимъ столъ покрытый бѣлою скатертью
и на немъ блестящій самоваръ выбрасывающій клубы
пару; между оконъ въ простѣвкѣ зеркало и подъ нимъ
еще столикъ; въ углу комодъ съ шкафомъ за стеклами,
къ которому и отправился отецъ Петръ за чашками.
Отецъ Петръ самъ началъ хозяйничать, усадивъ жену за
столъ; я стала было за высокою ручкой дивана, но онъ и
меня заставилъ сѣсть подлѣ нея. Мнѣ было какъ-то и со-
вѣстно и неловко. Я краснѣла безпрестанно, тѣмъ болѣе
что отецъ Петръ внимательно разсматривалъ меня, раз-
спрашивая жену о старикахъ, о дорогѣ, и такъ далѣе.

— Агафья! кликнула наконецъ Марѳа Еремѣевна, накорми-
ка насъ чѣмъ Богъ послалъ, да потомъ принеси изъ кла-
довой перинаку и постели моей гостѣй, тамъ, на большомъ
сундукѣ.

— Зачѣмъ это, матушка? пожалуста не беспокойтесь, я
и безъ перины крѣпко усну... Да и затруднять Агафью...

Но все сдѣлалось какъ приказала хозяйка, и я заснула
какъ царица.

Самъ отецъ Петръ повезъ меня къ Сазинымъ. Не безъ
волненія переступила я порогъ того дома, въ которомъ долж-
на была найдти пристанище. Встрѣтившій насъ человѣкъ
пошелъ доложить господамъ объ отцѣ Петрѣ, котораго сей-
часъ же попросили въ гостиную.

— Погоди здѣсь, сказалъ онъ, оставляя меня въ залѣ.

— А, батюшка, милости просимъ! слышалось въ гости-
ной: — какъ это вы вздумали навѣстить насъ?

— Привезъ вамъ ту сиротку, о которой мы говорили...

— Гдѣ же она?

— А вотъ здѣсь, въ залѣ.

— Ну вотъ и прекрасно!

Въ дверяхъ гостиной показалась кругленькая, миловидная старушка. — Здравствуй, милая! поцѣлуй меня! О, да какъ ты перезабла... Пойдемъ, пойдемъ поскорѣй въ дѣвичью, тамъ тебя отогрѣютъ. И взявъ меня за руку, барыня сама повела меня черезъ корридоръ; отрекомендовала дѣвушкамъ, какъ нозаго товарища, усадила на лежанку, и приказавъ подать кофею отцу Петру и напоить меня, пошла въ гостиную прибавить: „Знакомьтесь пока!“

Съ первой же минуты я замѣтила, что двѣ старшія дѣвушки смотрятъ на меня весьма не дружелюбно; лишь одна молоденькая, лѣтъ четырнадцати, сейчасъ же подошла ко мнѣ и заговорила. „Лишняя, лишняя!“ опять завертѣлось у меня въ головѣ, и я не ошиблась. Послѣдствія доказали мнѣ, какъ неприятно было мое присутствіе въ домѣ Сазимыхъ ихъ людямъ; а половину времени я должна была проводить съ ними.

Утромъ я читала барину газеты, послѣ обѣда барыня по-вѣсти и романы. Старички были со мною ласковы и милостивы; мнѣ дали перину, подушки, въ первый же мѣсяцъ сшили два платья; однимъ словомъ, барыня видимо желала, чтобъ я ни въ чемъ не имѣла нужды. Узнавъ, что я умѣю читать и вязать вмѣстѣ, она подарила мнѣ нѣсколько мотковъ нитокъ и фунтъ бумаги; все это возбуждало зависть въ дѣвушкахъ, хотя всѣ онѣ были на жалованьи, а я, кромѣ одежды, ничего не получала.

Барыня любила дѣтей, особливо дѣтей одной сироты, бывшей замужемъ за ихъ крестьяняномъ; дѣвочки часто прибѣгали въ комнаты, барыня поласкаетъ ихъ, заставляетъ поболтать съ нею и потомъ прикажетъ ихъ накормить. И едва она выдетъ изъ дѣвичьей, какъ начинается брань дѣвушекъ: „Всякаго чорта тутъ корми... Скоро всѣхъ нищихъ соберутъ и заставятъ насъ ухаживать за ними.“

Я хорошо понимала, что въ этой брани была частіца и на мою долю. Чтò дѣлать? Куда дѣваться?

Положеніе мое въ домѣ Сазимыхъ было какое-то странное, я стояла какъ будто на распутии: ни къ тому берегу не пристала, ни къ другому. Я проводила по нѣскольку часовъ въ обществѣ господъ, читая и раздѣляя всѣ ихъ сужденія о прочитанномъ, и въ эти минуты мнѣ казалось, что я членъ ихъ семьи; но обѣдая, ужиная и проводя остальное отъ чтенія время съ горничными, хотя по душѣ и по вѣстямъ я

чувствовала себя очень далекою отъ нихъ, я, вѣротъ съ тѣмъ, видѣла и знала, что обстоятельства приковываютъ меня къ ихъ сословію; чѣмъ больше чтеніе развивало мои понятія, тѣмъ меньше старалась я вдумываться въ мое положеніе, такъ безотрадно и непоправимо казалось оно мнѣ.

Цѣлый годъ прожила я у Сазиныхъ такимъ образомъ; триста шестьдесятъ пять дней прошли до такой степени однообразно, что теперь, послѣ долгаго времени, со всѣмъ желаніемъ вспомнить какой-нибудь день отдѣльно, я не могу; всѣ они слились въ одинъ долгій и подернутый какою-то непроницаемою мглой.

Разнообразіе наконецъ ворвалось и въ нашъ заколдованной мірокъ. Въ людской занемогъ мальчикъ; показалась сначала сыпь и скрылась; жаръ былъ сильный и по временамъ бредъ. Думали, что онъ застудилъ корь; давали маковое масло, поили теплымъ, покрывали краснымъ сукномъ и кутали. Черезъ двѣ недѣли, хотя сыпь и не показалась снова, мальчикъ началъ оправляться; но кухарка и одна изъ горничныхъ занемогли; головная боль, жаръ и бредъ; два черезъ два слегъ кучеръ и дворникъ, вслѣдъ за ними Наташа, та молоденькая дѣвочка, о которой я говорила, и лакей; болѣзнь появилась и въ трехъ крестьянскихъ дворахъ. Господа, увидя, что это горячка, и вѣроятно заразительная, дали знать уѣздному врачу, употребляя между тѣмъ всѣ средства къ облегченію страждущихъ; по вѣскольку разъ ставили горчичники, давали касторовое масло, головы безпрестанно мочили уксуомъ, и съ нетерпѣніемъ ждали доктора. Барыня почти не отходила больныхъ.

Лѣкарь наконецъ пріѣхалъ въ сопровожденіи исправника. Господа ужасно обрадовались—ну вотъ, Богъ дастъ, онъ поможетъ нашимъ бѣднымъ больнымъ.

Послѣ обмѣна первыхъ фразъ, докторъ пошелъ осматривать больныхъ. Вернувшись, онъ прежде всего потребовалъ уксусу для обмыванія собственныхъ рукъ, и объявилъ, что это тифозная горячка — очень заразительная.

— Чтò же дѣлать, докторъ? Какъ помочь нашимъ больнымъ?

— Да ничего, отвѣчалъ онъ, — бóльшая часть изъ нихъ уже въ всякой опасности.

Барыня рассказала ему чѣмъ ихъ лѣчила. Онъ, однакоже, не одобрилъ.

— Такъ научите насъ что дѣлать?

— Да ничего... повторилъ онъ опять.

Барыня посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— По крайней мѣрѣ, скажите: какъ предостеречься отъ заразы?

— Не ходить къ больнымъ, отвѣтилъ онъ. — Вы напрасно рискуете.

— Самое лучшее средство, чтобы не заразиться, нужно пить водку, сказалъ исправникъ.

— Какъ? и маѣ? спросила барыня.

— И вамъ-съ.

— Да я не пью и не могу пить.

— Такъ кушайте рейнъ-вейнъ.

— Рейнъ-вейнъ я не въ состояніи...

Въ послѣдствіи посѣщенія доктора до того волновали барыню, что она желала только одного, чтобы не видать его; ей все казалось, что онъ пріѣдетъ только за тѣмъ, чтобы произнести кому-нибудь изъ больныхъ смертный приговоръ.

Я раздѣляла всѣ хлопоты о больнымъ съ барыней и не боялась ни заболѣть, ни умереть. Жизнь дала мнѣ такъ мало и сулила еще меньше. Тихій уголокъ могилы какъ будто манилъ меня..

И вотъ я въ самомъ дѣлѣ заболѣла и на третій день потеряла всякое сознаніе.

А умереть-то все-таки не суждено было мнѣ: длинная, мрачная ночь болѣзни прошла; истомленная, измученная ею, я однакожь проснулась. Это было вечеромъ; въ сторонѣ около столика, на которомъ горѣла свѣча подѣ абажуромъ, сидѣлъ мужчина.... Но Боже мой! Это опять бредъ... Предо мною былъ Федоръ Петровичъ. Я закрывала глаза, снова открывала ихъ, а онъ все сидѣлъ около меня съ книгой въ рукахъ. Я попробовала приподнять голову, но она такъ закружилась, что я скорѣй опустила ее снова на подушку, не спуская однакоже глазъ съ Федора Петровича. Мое движеніе отъ него не ускользнуло; онъ всталъ, и тихо подойдя ко мнѣ взялъ меня за руку и пощупалъ пульсъ. Я отдернула руку, мнѣ стало такъ совѣстно...

— Вамъ лучше, моя милая Дора, проговорилъ онъ.

— Такъ я не умру? спросила я.

Въ эту минуту вошла моя добрая барыня.

— Что съ ней, Федоръ Петровичъ?

— Гораздо лучше.

— Ну такъ ступайте, велите дать ей чаю, сказала торжественно барыня...

Федоръ Петровичъ вышелъ.

— Какъ онъ здѣсь очутился, Надежда Ивановна? спросила я.

— Пріѣхалъ тебя дѣлать.

Я покраснѣла и конечно не повѣрила.

— Что жь ты теперь чувствуешь?

— Я и сама не знаю... Но у меня теперь ничего не болитъ.

Федоръ Петровичъ явился съ чаемъ. Изъ его рукъ съѣла я кусочекъ хлѣба и выпила нѣсколько глотковъ чаю.

— Теперь засните, Дора, постарайтесь! Надежда Ивановна, пойдите.

Барыня встала, перекрестила меня, поцѣловала и пошла. Федоръ Петровичъ вернулся отъ дверей.

— Дайте-ка однако я попробую пульсъ... Дора, я люблю тебя!.. сказалъ онъ тихо. — Выздоровлявай скорѣй, и если хочешь, мы будемъ счастливы.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и вышелъ вслѣдъ за барыней:

Бредъ это? Сонъ? или дѣйствительность? Но чтобы ни было, а цѣлительное свойство этого чего-то было чудесно.

Проснувшись на утро довольно рано я чувствовала себя совершенно здоровою и счастливою; мнѣ было такъ хорошо. такъ хорошо!.. но отъ чего? Я не могла скоро сообразить; мысли мои все еще путались. Бредъ возвратился. Вотъ я возвращаюсь изъ бору съ страшною вязанкой дровъ, наслу ташу... А отецъ Еремѣй говорить — мало! и толкаетъ меня въ какую-то глубокую, преглубокую яму... Вотъ мертвая мамаша, но вмѣсто ея кладутъ въ гробъ меня и поютъ — лишняя, лишняя... Вотъ и Федоръ Петровичъ подсмѣивается надъ моимъ поливающимъ платьемъ.. Федоръ Петровичъ?... Вѣдь онъ потомъ сказалъ мнѣ: „Дора, я люблю тебя... выздоравливай скорѣй, милая, и мы будемъ счастливы...“ Вотъ онъ, мой послѣдній бредъ... Вотъ отъ чего мнѣ такъ хорошо!.. О, зачѣмъ не умерла я въ ту минуту... И я заплакала.

Черезъ три дня я уже сидѣла въ постели и около меня

онъ, мой Федоръ Петровичъ, Марья Еремѣевна и добрая Надежда Ивановна.

Родители моего милаго не задумались дать свое согласіе на нашъ бракъ, и сами взялись сдѣлать мнѣ приданое. Марья Еремѣевна ужъ шила мнѣ сорочки, сидя у моей постели.

И вотъ я уже не лишняя!

Господь удостоилъ меня, спустя нѣскольکو лѣтъ по кончинѣ отца Еремѣя, окружить любовью и всѣми возможными попеченіями мою дорогую бабушку, которая переселилась къ намъ.

НОВИЦКАЯ.

ФРАНЦЪ ШУБЕРТЬ

(Анастасіи Павловнѣ Христіановичѣ.)

I.

„Мы всегда любопытствуемъ собирать свѣдѣнія о жизни поэтовъ, говоритъ Гейне въ своей статьѣ *Женщины Шекспира*; любопытство это тѣмъ неаппѣе, что въ жизни поэта сущность вѣдшихъ событій нисколько не соотвѣтствуетъ значительности вызванныхъ ими творческихъ произведеній. Событія эти могутъ быть малы и ничтожны, да они обыкновенно и бывають таковы, ибо жизнь поэта большею частію ничтожна и безцвѣтна. Я говорю ничтожна и безцвѣтна, чтобы не употребить болѣе горькихъ словъ. Поэты представляются свѣту, озаренные блескомъ своихъ произведеній; въ особенноти великолѣпно ихъ сіяніе, если смотрѣть на нихъ издали.

„Не будемъ же стараться разсматривать ихъ вблизи. Они, эти лучезарные поэты, похожи на тѣ яркіе огоньки, которые въ лѣтній вечеръ такъ чудно свѣтятся и выглядываютъ изъ травы и кустовъ, что думается, ужь не звѣзды ли они земляныя, ужь не драгоценныя ли камни, смарагды и алмазы, которыми днемъ играли царскія дѣти въ саду,

и которые забыли они на вѣткахъ..... Или ужь не горячили это капли солада, которыя потерялись въ густой трагѣ, и теперь-сладко въ ней вѣжась—радостно блещутъ, пока не придетъ утро, а съ нимъ, и пламенное свѣтило, которое снова вберетъ ихъ въ себя.... Ахъ, не ищите утромъ слѣдовъ этихъ звѣздъ, этихъ самоцвѣтныхъ камней, этихъ капель солада! Вмѣсто ихъ, увидите вы жалкихъ, тихо ползущихъ по дорогѣ червячковъ, на которыхъ и смотрѣть-то противно. А раздавить ихъ не хочется изъ какого-то страннаго чувства состраданія!⁴

Вотъ что говорить поэтъ Гейне. Но правъ ли онъ? Вѣдь жизнь каждаго человѣка, даже ничѣмъ повидимому не отличающагося отъ другихъ ему подобныхъ, полна несомнѣлаго интереса, если только поглубже заглянуть въ нее съ любовью и умѣньемъ; а жизнь художника, этой избранной, исключительной личности?... Нѣтъ, не правъ Гейне и въ отношеніи къ поетамъ, своимъ собратамъ, и въ отношеніи къ исторіи развитія человѣчества. Какъ бы не были ничтожны сами по себѣ обстоятельства вѣшной жизни художника, но, допустивъ — что дѣлаетъ, впрочемъ, и самъ Гейне — что ими вызываются творенія поетовъ, мы тѣмъ самымъ уже признаемъ ихъ историческое значеніе. И не одно только пустое, нечѣрное любопытство влечетъ людей къ знакомству со всѣми подробностями жизни поета, а другое, болѣе глубокое, благоговѣйное чувство. Бытъ его, привязанности, привычки, среда, въ которой онъ вращался, сношенія его съ людьми, его симпатіи и антипатіи, его вѣрованія и убѣжденія: все это составляетъ драгоценныя матеріалы для великой повѣсти, называющейся исторіей человѣчества.

Гете въ запискахъ своихъ, исполненныхъ глубокаго интереса, говоритъ, что для него казалось всегда важнѣе то, что думалъ и говорилъ о себѣ тотъ или другой писатель, чѣмъ то что думали и говорили о немъ другіе. Съ этимъ нельзя не согласиться; но несомнѣнно однако и то, что записки свои (по крайней мѣрѣ тѣ, которыя изданы) доставилъ онъ только де отправления своего въ Веймаръ. О локоть, льстивомъ придворномъ, о величественно-спокойномъ министрѣ маленькаго великаго герцогства, фонъ-Гете, узнаемъ мы уже изъ другихъ источниковъ. Добросовѣстный Іоганнъ Фалькъ въ замѣчательной своей книгѣ о творцѣ

Фауста, посвящаетъ при этомъ многое изъ того, что мелькаетъ между строками въ *Dichtung und Wahrheit* великаго поэта, какъ напримѣръ, истинную причину досады на него Гердера, отношенія его къ нѣкоторымъ преданнымъ ему личностямъ....

Поэтъ-музыкантъ, жизнеописанію котораго посвящаемъ мы настоящій нашъ трудъ, не писалъ своей исторіи; онъ о ней вовсе не думалъ; да и самая исторія искусства мало о немъ говоритъ, за неимѣніемъ готовыхъ матеріаловъ, ибо маленькая книжка, появившаяся года два тому назадъ въ Вѣнѣ (*Franz Schubert. Eine biografische Skizze von Dr. Heinrich v. Kreissle, Wien 1861.*) и не многія статьи о немъ въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ, слишкомъ ничтожныя матеріалы для настоящей, обстоятельной біографіи такой высокой личности. А время идетъ и уводитъ за собою одного по одному всѣхъ современниковъ національнаго нѣмецкаго музыканта. Съ ними вмѣстѣ исчезаетъ постепенно и возможность прослѣдить тщательно годъ за годомъ бѣдную внѣшними событіями, но богатую внутреннимъ содержаніемъ жизнь его. А знакомство съ нею могло бы послужить ключомъ къ открытію тѣхъ потаенныхъ ящичковъ, въ которыхъ скрываются часто драгоцѣнныя объясненія для эстетики и исторіи музыки.

Задумчиво пѣніе Шубертовской музы; оно даже немного сентиментально подчасъ; подчасъ немного растаптанно и туманно, но никогда не приторно, не водянисто и не утомительно. Слушая его, невольно увлекаешься разказами о томъ, что переживала душа поэта въ минуты ея восторга или сосредоточенной грусти; увлекаешься и вѣришь, что это дѣйствительно такъ и было, что иначе не родилось бы этой пѣсни, не вышло бы изъ души поэта звуковъ, на которые со дна вашей собственной души поднимается отвѣтвый имъ голосъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что изъ меня что-нибудь выйдетъ, спросилъ онъ разъ одного изъ своихъ друзей показывая ему пѣсню свою на слова Клопштока.

— Какъ выйдетъ? съ изумленіемъ отвѣчалъ ему тотъ, — да ты ужъ и теперь много сдѣлаешь.

— Мнѣ самому это иногда кажется, но, прибавилъ онъ помолчавъ немного — кто можетъ сказать что-либо новое, послѣ Бетгоvena?

Сколько силы таилось въ этихъ задумчивыхъ словахъ тогда еще юноши Шуберта! и какіе плоды принесло это сознаніе въ себѣ творчества, и въ то же время страхъ, невольная робость при взглядѣ на труды уже совершенные однимъ изъ величайшихъ музыкантовъ когда-либо бывшихъ!

Вѣнскій музыкальный рынокъ въ двадцатыхъ годахъ имѣншаго столѣтія былъ наводненъ страшною массою произведеній самаго пестраго свойства. Моцарта мало играли, а еще меньше пѣли; о Бетховенѣ, жившемъ въ то время въ Вѣнѣ, забыли; Генделя, Гайдна, Херубини слушали только въ положенные дни музыкальныхъ торжествъ.

Мы говоримъ здѣсь про публику, покупающую и дающую издателямъ лѣтѣ, а не про тѣсный кругъ музыкантовъ и дѣйствительныхъ любителей музыки. *Deriana* Вебера упала на сценѣ, итааліанская опера свирѣяствовала, слезливые лидеры и итааліанскія пѣсни раскупались на расхватъ, бессмысленныя произведенія для фортепіано Пабла, Дуссека, Черни и подобныхъ имъ музыкальныхъ дѣлъ мастеровъ, игрались бабушками и внучками; Титанъ Бетговенъ сердито заперся отъ толпы въ своей кельѣ, изрѣдка бросая въ нее оттуда свои громы, а подчасъ и шутки. „Львиная шутка,“ какъ остроумно называетъ ихъ Шуманъ, въ родѣ напимѣръ его „бѣшенства о потерянномъ грошѣ, вылившагося въ формѣ капричіо“ „и 32 вариаций на восьмитактную тему“. Последняя шутка до такой степени характеристична, что мы не можемъ воздержаться отъ желанія передать разказъ о ней, записанный нами со словъ ветерана Мошелеса. Одинъ изъ богатыхъ музыкальныхъ издателей Вѣны, Тобиасъ Гаслингеръ, къ которому чудакъ Бетховенъ заходилъ почти ежедневно во время своихъ прогулокъ для того только, чтобы отворивъ дверь въ его магазинъ, и закричавъ ему: Тобиасъ! показать ему азыкъ, — явился разъ къ творцу девяти симфоній съ покорнѣйшею просьбой написать вариацию на какую-то модную тогда тему, прибавивъ, что другія вариации, на ту же тему, уже обѣщаны ему нѣкоторыми вѣнскими пѣвистами. Бетховенъ отвѣчалъ ему по своему, короткимъ, энергическимъ словомъ, краснорѣчиво объяснявшимъ издателю всю неаппетитность его желанія. поставивъ его, Бетховена, на одну доску съ бездарными писателями.

Тобіасъ раскладался и вышелъ. Два дня не видалъ онъ у дверей своего магазина Бетговепа. На третій, въ урочный часъ, дверь отворилась, въ ней показалась знакомая фигура музыканта, и на кюторку, у которой занимался Тобіасъ, полетѣлъ толстый свертокъ бумаги. „Вотъ тебѣ тридцать двѣ вариации вмѣсто одной“ крикнулъ Бетговепъ, и захлопнувъ дверь, скрылся. Въ сверткѣ была рукопись: тѣ знаменитыя 32 вариации, о которыхъ идетъ теперь рѣчь. Только гениальнымъ людямъ подѣ стать такія шутки какъ это произведеніе.

Бросивъ, какъ бы нехотя, на бумагу полусердитую, полупугливую фразу и за тѣмъ три вариации самой очаровательно-своеправной формы, Бетговепъ словно вдругъ вдохновился своею мимолетною мыслью, и изъ-подъ пера его брызнулъ неожиданно цѣлый потокъ удивительно-разнообразныхъ, чисто-Бетговепскихъ звуковъ: то сладко журчащихъ, тихо ласкающихъ ухо, то бурныхъ, порывистыхъ, оглушительно-шумныхъ!... *

Такъ вотъ въ какую музыкальную эпоху жилъ Шубертъ въ Вѣнѣ. Съ одной стороны Бетговепъ, окруженный маленькимъ числомъ музыкантовъ, преданныхъ искусству и гениальному мастеру; съ другой — толпа цеховыхъ музыкантовъ, любимцевъ публики, съ огромнымъ хвостомъ журналистовъ, критиковъ, диллетантовъ и издателей. Куда присталъ Шубертъ? Конечно къ тѣсному кругу посвѣдователей гениальнаго аскета, работая безъ усталы, ohne Rast und Ruh!

„Меня знаютъ только по моимъ мазуркамъ“, жаловался нѣкогда Шопенъ, улыбаясь своею задумчивою улыбкой. „Меня вовсе не хотять знать издатели“—въ волненіи писалъ онъ въ другой разъ; „а безъ поощренія нѣтъ искусства, и Жанъ-Поль правъ, говоря что одно только можетъ и долженъ всегда глотать человѣкъ: воздухъ и похвалы.“

Но вглядываясь пристально въ жизнь Шуберта, мы видимъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключитель-

* Наши русскіе музыкальные издатели напрасно не отпечатаютъ этихъ вариаций отдѣльно отъ прочихъ произведеній Бетговепа. Тогда публика мала скорѣе бы ознакомилась съ этимъ необыкновенно своеобразнымъ произведеніемъ.

ныхъ натуръ, дѣятельность которыхъ нисколько не обуславливается сочувствіемъ или несочувствіемъ къ намъ окружающей ихъ среды. Такъ работали вѣкогда вѣчные труженники-монахи въ темныхъ монастырскихъ кельяхъ. Въ нихъ жили и умирали они, неизвѣстные міру, оставая въ наследство людямъ цѣлые фоліанты ученыхъ изслѣдованій. Такъ создавалъ Себастьянъ Бахъ свои безсмертные произведенія, не ожидая и не требуя ничего отъ толпы. Такъ и нашъ Ивановъ забывалъ, погруженный въ рѣшеніе своей задачи, о томъ, что „жизнь бьетъ ключомъ вокругъ него“.

— Странное дѣло, какъ это ты прачешь отъ всѣхъ свои очаровательныя произведенія, говорили часто Шуберту друзья его, такіе же какъ и онъ бѣдлаки, затерянные въ толпѣ многолюдной Вѣны.

— Для нихъ нѣтъ мѣста на рынкѣ, отвѣчалъ имъ, добродушно улыбаясь, беззаботный музыкантъ, и не только не огорчался своею безызвѣстностью, но даже не удивлялся и тому невниманію, съ которымъ проходили мимо него сейчасъ только восхищавшіеся его произведеніями, которыхъ онъ такъ неподражаемо игралъ и аккомпанировалъ. На одномъ изъ музыкальныхъ вечеровъ—куда онъ, уже знаменитый въ Вѣнѣ, былъ приглашенъ, чтобъ аккомпанировать пѣсни своего сочиненія, Шубертъ окончивъ играть и никѣмъ не замѣченный, потакался немного въ толпѣ и скрылся. Черезъ нѣсколько времени, хозяйка дома, княгиня К., не вида его болѣе въ гостиной, отправилась отыскивать его въ другихъ комнатахъ. Найдя его наконецъ въ одной изъ нихъ, самой отдаленной, сидящимъ въ углу въ совершенномъ уединеніи, она дала ему понять, какъ ей совѣстно и неприятно, что общество ея не умѣло, повидимому, доказать ему, какъ оно сочувствуетъ его произведеніямъ и какъ дорожить имъ самимъ. „Помилуйте, отвѣчалъ назло сконфуженный артистъ, мнѣ такъ гораздо лучше, вниманіе общества чрезвычайно бы меня затруднило.“

Непритязательность и добродушіе его были такъ велики, что онъ нерѣдко цѣлые вечера проводилъ за фортепiano, и подъ звуки его танцевъ скакало и плясало общество, вѣроятно и не подозрѣвавшее, что этотъ господинъ, неутомимо играющій такіе очаровательныя вальсы, вкосезы, польскіе, одинъ изъ величайшихъ музыкантовъ Германіи.

И какой-нибудь баронъ, танцующій съ какою-нибудь нешудревою фрау легационсретинъ, можетъ-быть, даже очень свисходительно отзывался, говоря съ нею объ игрѣ молодого музыканта, и по окончаніи танца подходилъ къ Шуберту и одобрительно говорилъ ему свое баронское „allerliebste“, а фрейлейбъ Лотте, тутъ же стоявшая у цинструмента, предобродушно спрашивала: знаетъ ли Herr Шубертъ новый экосезъ знаменитаго Биркваста, „gar schönes, reizendes Ding!“ А Herr Шубертъ, пользуясь случаемъ играть на дорогомъ штрейхеровскомъ роялѣ—благо его собственное пятиоктавное фортепиано было ужь очень плохо и жалко—продолжалъ „рисовать съ натуры“, импровизировать свои знаменитые теперь „Нѣмецкіе танцы“, въ которыхъ какъ въ зеркалѣ отразились и голубые глаза Лотты, и новый экосезъ знаменитаго Биркваста, и блонкурая головка легационсретинъ, и вѣрное allerliebste барона, и самъ баронъ, и гофратъ Шликъ, и штатсратъ Швинъ, и цѣлая вереница паръ веселыхъ, сентиментальныхъ, важныхъ, красивыхъ, уродливыхъ, и все это освѣщенное романтическимъ свѣтомъ нѣмецкой поэзіи и возведенное въ перлъ созданія.

Танцы Шуберта: вальсы, польскіе и экосезы, занимаютъ особое мѣсто въ музыкальной нѣмецкой литературѣ, хотя этотъ родъ произведеній, съ танцевальнымъ ритмомъ, не былъ обойденъ ни однимъ изъ германскихъ композиторовъ и прежняго и настоящаго времени*. Отъ танцевъ Шуберта вѣдетъ народную поэзію. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ большую аналогію съ мазурками Шопена.

Дядь Шуберта былъ моравскій крестьянинъ изъ Нейдорфа, отецъ — школьный учитель въ одномъ изъ предмѣстій Вѣны, мать — крестьянка изъ Шлезіи. Франц Шубертъ принадлежалъ народу не только по духу, но и по плоти. Съ первыхъ лѣтъ своей жизни услышалъ онъ какъ толкуютъ о насущномъ хлѣбѣ, узналъ какъ собираются копейки, старая ветошь, куски оставшіеся отъ скуднаго обѣда — для того чтобы согрѣть, одѣть, хоть съ грѣхомъ

* Кромѣ десяти польскихъ написано было имъ нѣсколько маршей для фортепиано, изъ которыхъ два похоронные. Его кавалерійскій маршъ сразжировалъ Листъ для оркестра замѣчательно хорошо.

пополнѣтъ, многочисленное семейство, накормить его. Онъ увидалъ какъ искренно плачетъ бѣдная хозяйка-мать о неудавшемся праздничномъ пирогѣ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждало ея семейство, непривычное къ лакомымъ кушаламъ. И много еще другихъ, болѣе горькихъ слезъ, стѣнованій на судьбу, вздоховъ и семейныхъ грустныхъ сценъ, усмысливъ и увидалъ онъ въ тѣ годы, когда дѣтская душа жадно принимаетъ въ себя впечатлѣнія извнѣ, потому что она нѣжна и воспріимчива.

Маленькій Францъ, родившійся въ Вѣнѣ 31-го января 1797 г., росъ, какъ и всѣ дѣти въ многолюдныхъ семействахъ бѣднаго сословія, безъ особаго приврѣнія, и ничѣмъ, повидимому, не отличаясь отъ своихъ братьевъ и сестеръ, которыхъ было у него тринадцать человекъ. Говоримъ повидимому, потому что когда отецъ его обратилъ вниманіе на его любовь къ музыкѣ, семилѣтній Францъ игралъ уже на фортепіано. Какъ и когда успѣлъ онъ познакомиться съ инструментомъ, вове не существовавшимъ въ домѣ отца, узнали уже отъ ученика столѣтняго мастерства, который полюбилъ мальчика, бралъ его съ собою гулять, а иногда и заходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ тѣ дома, гдѣ ему надобно было чинить мебель. Разъ между мебелью отыскалъ Францъ фортепіано, и первое знакомство съ музыкой было сдѣлано. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, основныя приемы фортепіанной игры были уже поняты мальчикомъ безъ всякой посторонней помощи. Прошло еще три года занятій его на скрипкѣ съ отцомъ и на фортепіано съ старшимъ братомъ его Игнатіемъ, и десятилѣтній Францъ, поступившій между тѣмъ въ ученики къ опытному музыканту, регенту пѣвчихъ — Гольцеру, зналъ уже столько, что бѣдный регентъ, внѣ себя отъ изумленія, долженъ былъ признаться отцу его, что ничего новаго не можетъ передать этому непостижимому ребенку. „Онъ самъ собою научается всему — говорилъ добросовѣстный Нѣмецъ съ слезами восторга на глазахъ — думаешь сказать ему что-нибудь новое, а онъ ужъ это знаетъ.“ Годъ спустя, Шубертъ уже авторъ нѣсколькихъ пѣсень и струнныхъ квартетовъ, и исправляетъ двѣ должности въ лихтенштейнскомъ церковномъ хорѣ: скрипача и солиста-пѣвчаго. Голосъ его, сильный и звучный сопрано, вѣрность импровизаціи, рѣдкій музыкальный смыслъ при исполненіи скрипичныхъ

партій, были потчниками пріобрѣтеніями для церковнаго хора, скоро впрочемъ лишившагося своего маленькаго музыканта. Старшими отца онъ былъ переведенъ въ придворную пѣвческую капеллу, что дало ему право на поступленіе въ число воспитанниковъ Коввикта. Въ октябрѣ 1808 года блистательно выдерживаетъ онъ вступительный экзамень. Экзаминаторами были: придворные капельмейстеры Сальери и Эйблеръ, и учитель пѣнія Корнеръ.

Наступило время разставанія съ семействомъ. Одинадцатилѣтнее дитя покинуло бѣдный родительскій кровъ и мать, къ которой былъ сильно привязанъ. Его нарядили въ придворный мундиръ съ золотымъ шитьемъ. Солистъ и скрипачъ, какъ и въ церковномъ хорѣ, Францъ весь отдался радости новаго знакомства съ оркестровыми произведениями Гайдна и Моцарта. Нѣсколько адажіо изъ Гайденовскихъ симфоній и симфонія Моцарта (Sol mineur), въ которой, по его выраженію, слышалось ему пѣніе ангеловъ, произвели на него сильное впечатлѣніе; но тихое чувство наслажденія смѣнилось невыразимымъ восторгомъ, когда онъ услышалъ въ первый разъ симфонію Бетховена, которыхъ музыканты того времени, за исключеніемъ развѣ первой, рѣшительно не понимали, хотя и сознавали, что онъ, эти пирамиды искусства, что-то небывалое, невиданное.....

Это поразительно: музыканты, воспитанные на Бахѣ, Гейделѣ и Моцартѣ, удивляясь, не понимали ихъ, а самоучка-ребенокъ заплакалъ отъ восторга, лишь только коснулся его младенческой души звуки могучей Бетховенской поэзіи; звукамъ этимъ суждено было заронить чудную искру въ кѣхкое молодое существо и разгорѣться въ немъ яркимъ пламенемъ. Сила творчества, проснувшаяся въ немъ съ семилѣтнаго его возраста, росла и крѣпла въ немъ съ сказочною быстротой. Пѣсни, фантазіи, мессы, даже оперы лнались изъ-подъ пера тринадцатилѣтнаго ученика Коввикта въ такомъ изобиліи, что у него никогда не хватало нотной бумаги для записыванія всѣхъ своихъ произведеній, и онъ смалъ жалобныя записки къ роднымъ, прося ихъ помочь его бѣдѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ гевій его росъ и крѣпнулъ не по днямъ, а по часамъ, юность возраста его сказывалась во всѣхъ его пріемахъ, во всѣхъ желаніяхъ.

„Открывъ поскорѣе что у меня на сердцѣ, скорѣе дойду

до цѣли и не надѣшь тебѣ дѣльнымимъ предисловіемъ,— и-
детъ онъ своему старшему брату Фердинанду.— Вдумав-
шись въ мое настоящее положеніе, я думаю, что хотя оно во-
обще и хорошо, но могло бы быть въ иныхъ отношеніяхъ еще
лучше. Ты знаешь по опыту, что иногда очень пріятно
сѣсть бѣлый хлѣбецъ и пару яблоковъ, особенно когда послѣ
крайне посредственнаго обѣда приходится ждать восемь съ
половиною часовъ — жакаго ужина. Желаніе это давно уже
меня пресѣдуетъ, и я уже долженъ наконецъ по неволѣ
высказаться. Пара грошей, которые даетъ мнѣ отъ вре-
мени до времени отецъ, идутъ, въ первый же день ихъ по-
лученія къ чорту — что же прикажешь мнѣ дѣлать потомъ?
„Надѣющіеся на тя, да не погибнуть“, оказалъ апостолъ
Матей. Я также думаю. Что бы стоило тебѣ выдавать
мнѣ ежемѣсячно пару крейцеровъ?

„Ты бы этого и не замѣтилъ, а я почувствовалъ бы себя
гораздо счастливѣе въ моемъ заключеніи, счастливѣе и до-
вольнѣе. Я уже сказалъ, что опираюсь на слова апостола
Матеея, который въ другомъ мѣстѣ своихъ посланій гово-
ритъ: имѣющій двѣ платья, пусть отдастъ одно изъ нихъ
бѣдному.

„Желаю, чтобы ты усамшалъ голосъ къ тебѣ непрестан-
но зывающій, вспомнилъ бы любящаго, надѣющагося на
тебя бѣдняка, очень бѣднаго брата твоего Франца.“ *

Жизнь въ Конвиктѣ сильно ему не нравилась, да и въ
музыкальномъ отношеніи не могла она принести ему много
пользы, для умственнаго же его образованія уже положи-
тельно никакой. За успѣхами воспитанниковъ-пѣвчихъ
никто не слѣдилъ; мудро ли послѣ этого, что Францъ, от-
дававшій все свое время, свободное отъ рутинныхъ, клас-
сныхъ и пѣвческихъ занятій, сочиненіямъ и игрѣ на фор-
тепiano и на скрипкѣ, равнодушно смотрѣлъ на всевозмож-
ные учебники и руководства, и не чувствовалъ потребно-
сти какого-либо званія, кромѣ прямо относившагося къ ам-
бимому его искусству, но и съ тѣмъ, какъ съ наукой, не
пришлось бы ему вовсе познакомиться въ Конвиктѣ, если бы

* Документальная и хронологическая части нашего труда заимствованы
нами изъ брошюры Фомы Крейслера и изъ газетъ: *Кельнской, Allgemeine
Zeitung, Sammler, Neue Zeitschrift für Musik, Gazette musicale* и разныхъ
другихъ.

не старикъ Сальери, который, увидавъ пѣвою четырнадцатилѣтняго Франца: *Жалоба Агари* и струнный квинтетъ, посвященный брату его Фердинанду, поручилъ придворному органисту Ручеткѣ заняться съ нимъ исключительно контрапунктомъ и теоріей музыки. Но тотъ, послѣ первыхъ же уроковъ, объявилъ, что „Францу уже нечего узнавать, что онъ всему научился отъ самого Господа Бога,“ вслѣдствіе чего Сальери принялся заниматься самъ съ пятнадцатилѣтнимъ композиторомъ, и конечно безвозмездно. Занятія эти, почти ежедневныя, продолжались даже и тогда, когда шестнадцатилѣтній Францъ, уже спавшій съ голоса, принужденъ былъ покинуть придворную капеллу, и возвратился къ отцу.

Освободившись изъ-подъ школьной ферулы Коввикта, живой, впечатлительный юноша не могъ долго оставаться и подъ другою, схоластическою ферулою стараго Итальянца Сальери. Абстрактный, сухой, педагогическій языкъ музыкальной науки былъ неприятенъ ему, жившему въ действительномъ мірѣ звуковъ. Подобный трудъ историческаго и критическаго изсажденія и музыкально-математическихъ выводовъ былъ для него, вообще не пріученнаго къ систематическимъ занятіямъ, невыносимъ.

Древне-итальянская музыка, несмотря на свои вѣчныя красоты, исполненная величія и божественной простоты, комментированная педагогическимъ маэстро, — наводила тоску на его душу.

Кто виноватъ былъ въ этомъ? Сущность-ли художнической организаціи Шуберта или сущность стараго классика, завистливаго соперника инаго классика, страстнаго и кипѣвшаго жизнью Моцарта? Намъ кажется, что послѣднее предположеніе будетъ вѣрнѣе.

Не дано было глубокой учености Сальери раскрыть предъ гениальнымъ его ученикомъ вѣковыхъ сокровищъ древне-итальянской школы. Палестрина, Моралесъ, Аллегри, Бая, Лотти, Дуранте, Лео и другіе знаменитые мастера остались навсегда великими незнакомцами для Шуберта, такъ какъ и представители нѣмецкой школы: Гассе Граувъ, Гендель и Бахъ.

Не задолго до смерти своей, Шубертъ, достигшій полной зрѣлости своего гения, впервые ознакомился съ ораторіями Генделя, и прочитавъ ихъ, съ грустію сказалъ:

„теперь только вижу я чего мнѣ недостаетъ. Мнѣ надобно приняться за работу, чтобы вернуть потерянное время.“ Сальери уже спалъ тогда крѣпкимъ, вѣчнымъ сномъ. Онъ умеръ въ 1825 г., переживъ свою славу композитора безчисленныхъ произведеній, давно уже сдѣлавшихся достоинствомъ антикваріевъ. Но имя этого труженника едва ли будетъ забыто. Оно слишкомъ тѣсно связано съ тремя знаменатыми именами: Моцарта, Бетховена и Шуберта. Учитель послѣдняго, открытый врагъ втораго и завистливый другъ перваго, придворный капельмейстеръ его австрійскаго величества, богатый и великодушный рыцарь всевозможныхъ орденовъ, Сальери — личность крайне интересная и ждетъ правдиваго біографа; она ждетъ и адвоката, прибавили бы мы, еслибы драматическая фантазія Пушкина *Моцартъ и Сальери* имѣла историческое основаніе. Проникнутая поэтической правдой до ужасающей степени, она грѣшитъ противъ исторической правды. Что Сальери могъ желать смерти Моцарта это очень вѣроятно, но что Сальери не былъ убійцею Моцарта — это еще вѣрнѣе. Ниссенъ, біографъ Моцарта, жившійся въ послѣдствіи на вдовѣ его, и коротко знакомый со всеми интимнѣйшими подробностями жизни творца *Донъ-Жуана* говоритъ слѣдующее.

„Исторія его болѣзни исключаетъ всякую мысль объ отравленіи. Еслибы ядъ пресѣкъ жизнь Моцарта, то онъ долженъ былъ или разомъ уничтожить его, или, дѣйствуя медленно, проявиться въ извѣстныхъ симптомахъ отравленія. Но Моцартъ долго хворалъ, и тщательный медицинскій осмотръ, съ вскрытіемъ тѣла его, убѣдилъ докторовъ, что онъ умеръ естественною смертію. Поводомъ же къ распространившемуся слуху объ отравленіи Моцарта послужили его собственныя слова. Томимый грустью и мрачнымъ предчувствіемъ скорой кончины, значительно усилившимся вслѣдствіе похоронной обѣды, заказанной ему какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ одѣтымъ въ глубокій трауръ, онъ нѣсколько разъ повторялъ жемъ своей, что скоро умереть, что ему дали яду, что мысль объ отравѣ не даетъ ему покоя.“

Моцартъ умеръ отъ истощенія силъ. Отъ той же причиной умеръ Шиллеръ, та же причина свела еще такъ недавно въ могилу Шопена и страстнаго поклонника его, Гейне.

Время отъ 35 до 40 лѣтъ, — опасный періодъ въ жизни великихъ художниковъ. Долголѣтіе Гете, Херубини и Бетговена, работавшихъ до конца дней своихъ, — рѣдкое исключеніе. Байронъ не даромъ горько пошутилъ, сказавъ, что порядочному человѣку и не слѣдуетъ жить долѣе тридцати пяти лѣтъ.

II.

Мы уже сказали, что шестнадцатилѣтній Францъ, оставивъ придворную капеллу, вернулся опять въ домъ къ отцу, гдѣ, освободившись сначала отъ школьной зависимости, а потомъ вскорѣ и отъ учительской указки Сальери, онъ отдался совершенно требованіямъ своего творческаго духа.

Нѣмецкая пѣсня и квартетная музыка, такъ-называемая камерная музыка, сдѣлались почти исключительными предметами его постоянныхъ занятій, тѣмъ болѣе что четырехструнные инструменты находились всегда въ распоряженіи прилежно трудившагося юноши-музыканта. Утромъ написанное въ вечеру уже исполнялось домашнимъ квартетомъ. Конечно, квартетъ этотъ, въ которомъ самъ Шубертъ игралъ на альтѣ, два брата его на скрипкахъ, а отецъ на віолончель, былъ далеко не безукоризненъ, но искупалъ недостатки исполненія добросовѣстнымъ и терпѣливымъ изученіемъ разыгрываемыхъ имъ пѣсень. Само собою разумѣется, что самый взыскательный изъ четырехъ музыкантовъ былъ младшій изъ нихъ, не пропускавшій ни одной ошибки безъ поправки. Съ братьями онъ мало церемонился; когда же отецъ ошибался, то останавливая его, онъ прибавлялъ всегда шуточно: „Эй, Herr Vater, дѣло-то выходитъ не совсѣмъ ладно.“ На вечерахъ этихъ Шубертъ коротко ознакомился съ квартетною музыкою Гайдна и Моцарта. Они дали ему возможность освоиться съ этимъ труднѣйшимъ родомъ музыкальныхъ произведеній и вникнуть въ его особенности.

Если самообладаніе вообще необходимо для художника и составляетъ нерѣдко камень преткновенія для инаго одареннаго богатствомъ фантазіи, то для композитора квартетной музыки, подлежащей строгимъ законамъ классицизма, оно составляетъ условіе исключительной важности.

И хотя, конечно, чѣмъ талантливѣе художникъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ и способность владѣть собою въ моментъ наибольшаго творческаго наслажденія, но тѣмъ не менше сила эта, какъ и всякая сила, требуетъ долгаго упражненія, иначе она едва ли будетъ въ состоянни бороться съ деспотическою властью всемогущей фантазш. Какіе слѣды оставилъ по себѣ Шубертъ въ камерной музыкѣ скажемъ мы потомъ, а теперь кинемъ бѣглый взглядъ на начало и дальнѣйшее развитіе ея.

Отцомъ квартета былъ тотъ же незабвенный отецъ симфоніи, имя котораго такъ благоговѣно читается каждымъ музыкантомъ — Іосифъ Гайднъ. Подражателей квартетамъ, а также тріо и сонатамъ его явилась цѣлая толпа. Но замѣштовавъ только форму ихъ, она скоро опомалась ея тѣмъ невыносимымъ переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее, которымъ отзываются всегда произведенія бездарныхъ подражателей высокимъ образцамъ.

Гайднъ допѣвалъ еще свои вдохновенныя пѣсни, а музыкальный міръ пршѣтствовалъ уже гешіальнаго преемника его, Моцарта. Въ царствѣ звуковъ повѣяло молодою горячею жизнью. Всѣ роды музыкальнаго творчества обновались подъ яркими лучами Моцартовскаго гешія, и прежде всего камерная музыка: соната и квартетъ.

Кроткою улыбкой сочувствія встрѣтилъ это обновленіе старецъ Гайднъ. Изумленными глазами слѣдилъ онъ какъ квартетъ, любимое дитя души его, поднимался все выше и выше, несомый на крыльяхъ Моцартовской фантазш. Но ему суждено было испытать вскорѣ новое радостное изумленіе, суждено было пршѣтствовать новаго вдохновеннаго пѣвца, явившагося словно на смѣву Моцарту, для котораго были уже сочтены. Пѣвецъ этотъ былъ — Бетховенъ. Дрожащею рукою благословилъ Гайднъ Бетховена и тихо сошелъ въ могилу. Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ — вотъ три стадія развитія камерной музыки.

Послѣ Бетховена мы должны упомянуть Шумана и Шуберта, въ квартетныхъ произведеніяхъ которыхъ чувствуется присутствіе могучаго духа Бетховенской поэзіи въ какомъ-то удивительномъ сочетаннн съ ихъ собственною музыкой. Говоря о квартетной музыкѣ, трудно, конечно, забыть имена такихъ композиторовъ какъ Херубини, Шпоръ,

Орасовъ, Гейбель и Мендельсовъ, которые дали свѣту много вдохновенной музыки, но никто изъ нихъ не сказалъ послѣ Бетховена такъ много новаго и потрясающаго какъ Шубертъ и Шуманъ. Изъ огромнаго количества квартетовъ, квинтетовъ и трио Шуберта извѣстны публикѣ только немногіе: два квинтета (струнный въ С и фортепьянный, такъ-называемый, Forellen - quintuor), дуэтъ для фортепьяно и скрипки (op. 159), три квартета: А - moll, G и очаровательный D - мажорный, и два трио: въ B (op. 99) и глубоко-драматическое въ Es (op. 100), въ которомъ слышатся шведскіе напѣвы, записанные Шубертомъ въ 1827 на одномъ изъ вѣнскихъ музыкальныхъ вечеровъ, гдѣ пѣлъ ихъ извѣстный теноръ Бергъ *. Всѣ эти произведенія писаны имъ были въ послѣдніе годы его жизни, когда наконецъ уже „нашлось на рынкѣ мѣсто“ для обыва его твореній, и издатели стали уже отыскивать скромнаго вѣнскаго музыканта. А до тѣхъ поръ — Шубертъ писалъ, не разчитывая ни на славу, ни на деньги.

Въ 1814 году мы знаемъ Шуберта школьнымъ учителемъ. Гениальному юношѣ потребовалось принять на себя какую-нибудь гражданскую обязанность, для того чтобы спастись отъ другой болѣе неприятой—сдѣлаться защитникомъ и оберегателемъ цѣлости Австрійской имперіи, такъ какъ онъ стоялъ на рекрутской очереди, а денегъ для найма за себя охотника—не откуда было ему получить.

Три года занимается онъ этою сухою, убійственною работою, переходя отъ азбуки къ музыкальному труду, и отъ него снова къ школьной указкѣ. Къ этой эпохѣ нравственнаго истязанія юноши-музыканта относится созданіе имъ двухъ симфоній, нѣсколькихъ сонатъ, множества пѣсень. и первой его мессы въ F., написанной имъ для лихтенгаузенскаго церковнаго хора.

Боже трехъ лѣтъ такой жизни онъ однако не выдержалъ. Вскорѣ послѣ смерти своей матери, горько имъ оплаканной, покидаетъ онъ школу, а вслѣдъ за тѣмъ и родительскій кровъ, и переѣзжаетъ съ патиоктавнымъ своимъ фортепьяно, подаркомъ отца за мессу, въ жалкую, убогую квартиру, лишенный всѣхъ средствъ къ существованію.

* Есть у него еще октетъ, но онъ, равно какъ и множество струнныхъ его произведеній, остается до сихъ поръ неизданнымъ и неизвѣстно когда будетъ изданъ.

Очутившись съ глазу на глазъ съ ужаснымъ призракомъ, называющимся нищетой, Шубертъ не оробѣлъ и не упалъ духомъ. О томъ что она, неизбежная, ждетъ его въ убогой квартирѣ его, зналъ онъ уже тогда, когда объявлялъ отцу своему, что болѣе не въ состояннн продолжать своихъ школьныхъ занятій, что она противна ему, что путь его иной, и не идти по намъ — не въ его волю

„А въ чьей же?“ спросилъ его грубо и насмѣшливо отецъ, живо задѣтый неуваженіемъ сына къ почтенному и хлѣбному поприщу школьнаго педагога, на которомъ подвизались съ большимъ или мѣньшимъ успѣхомъ и онъ самъ, и всѣ остальные сыновья его. Разрывъ созершился. Францъ былъ свободенъ и могъ идти на всѣ четыре стороны....

1816 и 1817 г.—замѣчательные годы въ жизни Шуберта. Ими ознаменовался переходъ его къ художническому его совершенствлѣнн. Положенная на музыку Гетевская баллада *Льсной царь*, красуется какъ памятникъ на рубежѣ двухъ возрастовъ. Этою балладой открывается цѣлый рядъ инструментальныхъ и вокальныхъ произведеннй, запечатлѣнныхъ постоянно мужающею мыслью. Источникомъ для вдоховення служило Шуберту всякое жизненное явленне, всякое чувство, поэтнческая мысль, все сильно поражавшее чуткую его душу и на лету ею схваченное, и длинная баллада Шиллера, и античный монологъ, и не всегда музыкальный стихъ Клопштока.

„Если плодovitость отличительный признакъ геніальности, то Шубертъ безспорно одинъ изъ величайшихъ геніевъ,“ говоритъ Шуманъ. Онъ, чего добраго, положилъ бы мало-по-малу всю нѣмецкую литературу на музыку, если бы побольше пожилъ, и Телеманъ, требующій отъ настоящаго музыканта, чтобъ онъ умѣлъ написать что-нибудь даже на текстъ городского объявлення, нашелъ бы въ немъ человека, котораго искалъ. Къ чему музыкальность Шуберта ни прикасалась, отсюду струилась музыка, будь это стихотворенне Эсхила или деркая повѣз Вильгельма Мюллера, въ которой сумѣлъ онъ найдти и затронуть самыя глухо звучащія ея струны.“

Въ противоположность съ Моцартомъ,— съ которымъ у него такъ много общаго, относительно быстроты труда,— работавшимъ по ночамъ, Шубертъ употреблялъ на музыкальныя занятія все свое утро, остальное время дня отда-

валъ онъ продолжительному чтенію, а вечера небольшому обществу своихъ друзей, съ которыми просиживалъ онъ за кружкою пива нерѣдко до глубокой ночи.

Какъ Шумавъ, былъ онъ скупъ на слова и на выраженіе своихъ чувствъ. Погруженный въ мечты, проводилъ онъ часто, молчаливый и задумчивый, долгіе часы, цѣлые вечера посреди самой оживленной дружеской бесѣды. Впрочемъ другой, кромѣ дружеской, онъ и не выносилъ. Безцвѣтная, свѣтская болтовня была ему противна въ такой же степени, въ какой казались ему непонятны и смѣшны всѣ законы и условныя приличія такъ-называемаго свѣта. Да и самъ онъ, олимпіецъ, переодѣтый въ нѣмецкій, къ тому же еще дурно сшитый фракъ, казался меловкимъ и смѣшнымъ посреди нарядной и блестящей толпы. Незамѣченный входилъ онъ въ гостиную, и незамѣченный оставлялъ ее, радостно возвращаясь въ свой бѣдный уголокъ, къ своему жалкому клавесину. Тутъ уже ничто не смущало его. Все было подѣ-стать къ его маленькой фигурѣ, не красиво сложенной и не изящно одѣтой: и низкій потолокъ, и немного покатый полъ, и небольшое мѣсто для книгъ около рабочаго стола, и пара незавидныхъ стульевъ. Скучное, поддержанное, потертое, все это вмѣстѣ съ горами писанной и не писанной бумаги, сложенными на полу и на фортепиано, дышало и жило своею особою непритязательною жизнью, отшельническою, прибавили бы мы, еслибъ около 1818 года не переѣхалъ въ это убогое помѣщеніе еще другой жилецъ, другъ Шуберта, поэтъ Майергоферъ, страстно ему преданный.

Такихъ друзей было вообще у Шуберта не мало; но замѣчательно, что между ними не было ни одного музыканта, исключая пѣвца Фогля, игравшаго такую значительную роль въ жизни Шуберта. Шубертъ вообще не любилъ говорить ни о музыкѣ, ни о своихъ собственныхъ произведеніяхъ; и въ такой же степени избѣгалъ всѣхъ случаевъ слышать исполненіе ихъ другими, въ какой большинство сочинителей объ этомъ хлопочуть. Равнодушный къ тому что думали о немъ и о его твореніяхъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на толки о немъ какъ о человѣкѣ, ни на критику, занимавшуюся сцѣлкою его произведеній.

Откровенность его часто ему вредила и приобрѣла много враговъ. Но онъ, простодушный, и не замѣчалъ ихъ козней, а если и замѣчалъ или даже чувствовалъ послѣдствія ихъ преслѣдованій, то мстилъ имъ по-своему: помявшииъ равнодушнѣмъ. Его благородной натурѣ были невозможны никакія другія орудія.

Извѣстный авторъ писемъ о музыкѣ, Лобе, такъ выразился Шубертъ: „Шубертъ обладалъ большими дарованіями, но не успѣвалъ многого сдѣлать, потому что велъ беспорядочную, распутную жизнь, и рано умеръ.“

Подобныя упреки въ безобразной жизни дѣлали и Моцарту, а въ недавнее время и Шуману. Насколько они справедливы, доказали уже фактически ихъ біографіи. Жажда жизни, исключительная впечатлительность, пылкость натуръ — могли увлекать, и иногда увлекали ихъ за предѣлы обыкновенныхъ желаній, свойственныхъ всякому человѣку, могли придавать порывамъ ихъ характеръ особой страстности, но никогда не увлекали ихъ до той степени самозабвенія, которая могла бы набросить тѣнь на ихъ человѣческое достоинство.

„Частная жизнь Шуберта была, какъ и жизнь каждого истиннаго художника, исполнена благородства и достоинства — говорить современникъ его Майергоферъ, но когда я вспоминаю о немъ, о бѣдности и болѣзненности бѣднаго моего друга, то не могу не сознаться, что онъ самъ былъ много виноватъ въ томъ, что былъ лишенъ обезпеченнаго существованія въ своей жизни. Онъ, напримѣръ, никогда не старался приобрести себѣ капельмейстерскаго мѣста, которое бы упрочило его благосостояніе *, и вмѣстѣ съ тѣмъ —необдуманно, по первому требованію издателей отдавалъ имъ за ничтожныя наличныя деньги не только уже написанныя, но даже и будущія свои произведенія. Это происходило воверныхъ отъ полнаго невѣдѣнія имъ жизни,

* Это не совсѣмъ вѣрно. Фоль-Крейслеръ въ своемъ біографическомъ очеркѣ разказываетъ, что Шубертъ два раза хлопоталъ о мѣстѣ капельмейстера, но оба раза неудачно. Въ 1826 году искалъ онъ мѣста помощника придворнаго капельмейстера въ Вѣнѣ, и когда оно досталось Вейгау, то Шубертъ этимъ хотя и огорчился, но при этомъ сказалъ: „по крайней мѣрѣ мнѣ не обидно; Вейгау вполне достоинъ своего назначенія“.

а восторыхъ отъ сашкомъ большой жажды жизненныхъ наслажденій. Не будь у него друзей, помогавшихъ ему словомъ и дѣломъ, онъ совершенно бы погибъ.“

Друзья эти, имена которыхъ неразрывно связаны съ именемъ Шуберта, спасли не только его, но и его произведенія. Они вывели ихъ изъ неизвестности, въ которой ихъ удерживалъ безпечный ихъ отецъ, столь же мало заботившійся объ ихъ участи, сколько и о своей собственной.

Уже прошло четыре года со времени вступленія Шуберта на поприще артиста; громадные кипы нотной бумаги, исписанныя его рукою, высились пирамидами въ удобной его комнатѣ, пѣсни его: *Лѣсной царь*, *Соловей*, *Молитва Гретхенъ*, *Странникъ*, такъ знаменитыя теперь, давно уже были созданы и немедленно послѣ появленія ихъ на свѣтъ небрежно отброшены въ сторону, а о существованіи творца ихъ и не подозрѣвала масса публики, которая даетъ имя и хлѣбъ артисту.

Первый шагъ къ знакомству ея съ нимъ, сдѣлавъ былъ около 1820 г. Поэтъ Шоберъ уговорилъ, извѣстнаго въ то время опернаго пѣвца, Фогля, придти познакомиться съ гениальнымъ чудачкомъ. Фогль пришелъ. Холодно просмотрѣвъ онъ въскольکو пѣсенъ и, пробормотавъ ихъ себѣ подъ носъ, милостиво потрепалъ Шуберта по плечу и сказалъ: „Въ васъ что-то есть, но вы сашкомъ мало комедіантъ, сашкомъ мало шармантъ; вы расточаете богатство вашихъ мыслей, вмѣсто того чтобы развивать ихъ.“ Проговоривъ эту фразу наставительнымъ тономъ, Фогль ушелъ, оставивъ Шуберта въ недоумѣніи.

Могло ли тогда придти Шуберту въ голову, что этотъ поломашійся надъ нимъ господинъ, модный и дѣйствительно необыкновенный пѣвецъ, сдѣлается вскорѣ искреннимъ другомъ его и посредникомъ между нимъ и музыкальнымъ міромъ? Фогль, какъ и надобно было ожидать, вернулся отъ Шуберта въ неописанномъ изумленіи. Сбросивъ съ себя маску ничему болѣе не удивляющагося знаменитаго артиста, онъ съ увлеченіемъ говорилъ о пѣсняхъ Шуберта и многого времени спустя, снова появився въ бѣдной его комнаткѣ, но на этотъ разъ уже безъ всякихъ эффектовъ, а съ искреннимъ желаніемъ поближе ознакомиться съ произведеніями новаго нѣмецкаго музыканта.

Фогль сдѣлался постояннымъ почитателемъ Шуберта: звучный голосъ его (теноръ-басъ), обнимавшій двѣ октавы, умѣнье владѣть имъ и при этомъ замѣчательная способность быстро схватывать мысль автора и проникаться ею, все это въ соединеніи съ замѣчательнымъ для опернаго пѣвца музыкальнымъ развитіемъ, было необыкновеннымъ приобритеніемъ для Шуберта, давно уже нуждавшагося въ пѣвцѣ, который бы сумѣлъ понять и передать глубокій смыслъ его пѣсенъ и балладъ.

Ученикъ извѣстнаго капельмейстера Эюсмейера, знакомый съ широкимъ пѣніемъ древне-италіанской музыки и съ речитативами Глюковскихъ оперъ и Генделевскихъ ораторій, страстно преданный искусству, Фогль сдѣлался для Шуберта тѣмъ же чѣмъ былъ Гарриксъ для Шекспировскихъ драмъ, Щепкинъ и Садовскій для комедій Гоголя.

Шубертъ услышалъ наконецъ свои пѣсни, пѣсни души своей, и кто знаетъ, быть-можетъ впервые повалъ и почувствовалъ онъ тогда всю сокровенную ихъ прелесть. Разказываютъ, что онъ не разъ плакалъ какъ ребенокъ, слушая какъ Фогль пѣлъ ему его любимыя Гётевскія и Мюллеровскія пѣсни.

Въ концертѣ 7 марта 1821, устроенномъ съ благотворительною цѣлю въ залѣ опернаго театра, вѣнская публика услышала въ первый разъ балладу Шуберта *Лѣсной Даръ*. Пѣлъ ее, разумѣется, Фогль, аккомпанировалъ на фортепiano Гюттенбреннеръ. Впечатлѣніе было сильно и глубоко. Подобныхъ пѣсенъ еще не слыживали. Цеховое музыкальное населеніе Вѣны востепенулось. Издатели наострили уши. За мѣсяць до этого вечера, одинъ изъ друзей Шуберта, предлагалъ двумъ издателямъ, Гаслингеру и Диабелли, напечатать эту балладу даже безъ вознагражденія для ея композитора и оба они отказались. И вдругъ баллада, напечатанная вмѣстѣ съ другими пѣснями Шуберта на счетъ его друзей, сдѣлалась новостью дня! Въ самое короткое время изданіе было раскуплено и потребовалось новое.

Радость друзей триумфатора была искренна: надеждъ ихъ начали сбываться. Ихъ Францъ получить наконецъ должное ему: славу, сочувствіе людей; — существованіе его обезпечится....

Такъ мечтали друзья Шуберта, такъ думалъ, можетъ-быть, и самъ герой дня, связывая себя въ то же время по

рукамъ и ногамъ, и отдавая издателю Диабелли всё двѣнадцать тетрадей своихъ пѣсенъ вмѣстѣ съ досками въ гнѣвую, потомственную собственность за ничтожную сумму восьмисотъ флориновъ. Друзья Шуберта сильно огорчились такимъ необдуманнѣмъ поступкомъ его — ихъ даже оскорбилъ этотъ такъ поспѣшно и тайно заключенный имъ торгъ съ Диабелли.

На упреки ихъ Шубертъ отвѣчалъ наивно, что у него никогда не было столько денегъ разомъ, и что онъ не могъ воздержаться отъ искушенія испытать новое для него наслажденіе: тратить золото. За то и заплатился онъ за это искушеніе. Диабелли нажилъ тысячи двѣнадцатью тетрадями первыхъ пѣсенъ Шуберта, а авторъ ихъ получалъ ничтожные гроши отъ того же Диабелли и другихъ издателей за послѣдующія свои произведенія. Минута первой горячки прошла, и публика не переставала слушать и восторгаться уже извѣстными ей пѣснями Шуберта, и не думала спрашивать о новыхъ. Шубертъ остался въ своей прежней квартирѣ, попрежнему бѣдный, послѣ своего минутнаго богатства, попрежнему безпечный.... За то има его, подивившее стоустою молвой, помчалось по шумной Вѣнѣ, возбуждая толки, разсужденія, споры и лживыя критическія статьи, взывающія къ истиннымъ ревнителямъ искусства, стражамъ неприкосновенности „доброй, старой, вѣнецкой пѣсни“. Всѣ вдругъ захотѣли увидать, узнать вчера еще неизвѣстнаго Шуберта, стали припоминать что-то такое о гениальномъ мальчикѣ, бывшемъ въ придворной капеллѣ, однимъ словомъ, появилось вдругъ страшное требованіе „на Шуберта“. На скромнаго музыканта посыпались отовсюду приглашенія: австрійскіе эрцгерцоги, венгерскіе графы, италіянскія маркизы, папскій нунцій, русскія княгини, даже турецкій посланникъ, все блестящее, знатное, избалованное населеніе Вѣны изъявили свое непремѣнное желаніе взглянуть на новую знаменитость столицы, залучить ее къ себѣ, во что бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Друзья Шуберта продолжали торжествовать. „Теперь или никогда,“ твердили они Францу, уговаривая его позволить счастливою минутой, и не отвѣчать никакимъ выходками на учащенные великолѣпныя приглашенія.

Не для свѣтской жизни былъ созданъ Шубертъ! И онъ бѣжалъ отъ нея безъ оглядки, безъ сожалѣнія разсталась съ ея роскошною обстановкой. Въ 1821 г. послѣ громаднаго внезапнаго успѣха, работалъ онъ въ своемъ удивленіи съ такимъ же постояннымъ рвеніемъ, какъ и прежде, во время своей полной неизвѣстности. Годъ спустя, оканчиваетъ онъ свою первую большую оперу: *Альфонсъ и Эстрелла*. Но ей не суждено было появиться на сценѣ ни въ Вѣнѣ, гдѣ италіанская опера совершенно вытѣснила нѣмецкую изъ театра; ни въ Берлинѣ, какъ ему это было обѣщано Веберомъ. Оскорбленный паденіемъ своей *Серіанты* въ Вѣнѣ, и мнѣніями о ней музыкантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Шубертъ, Веберъ не сдержалъ своего прежняго обѣщанія, и опера *Альфонсъ и Эстрелла* не была дама. Но несмотря на этотъ неуспѣхъ, Шубертъ пишетъ новую оперу въ трехъ актахъ: *Фіерабрасъ*, и вслѣдъ за нею множество пѣсенъ, нѣскольکو сонатъ, хоровыхъ произведеній и квартетовъ.

Постоянная работа начинаетъ однако разрушительно дѣйствовать на его, отъ природы впрочемъ крѣпкій организмъ. Знаменитую свою пѣсню *Красавица Мельничиха* кончаетъ онъ уже въ больницѣ, куда долженъ былъ переѣхать вслѣдствіе сильнаго недуга. Лѣтомъ отправляется онъ для укрѣпленія силъ своихъ путешествовать вмѣстѣ съ Фоглемъ. Путь ихъ лежитъ по хорошо извѣстнымъ Фоглю долинамъ верхней Австріи и Зальцбурга. Цвѣтущая природа этихъ красивыхъ мѣстностей благотворно дѣйствуетъ на духъ музыканта-путешественника. Подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, пишетъ онъ новыя пѣсни, отъ которыхъ вѣетъ чѣмъ-то тихимъ, успокоивающимъ, радостно торжественнымъ; словно подслушалъ онъ ихъ своимъ чуткимъ ухомъ у самой природы, въ часы ея таинственныхъ откровеній. Не спѣша подвигались впередъ друзья-музыканты, останавливаясь то въ богатыхъ старинныхъ монастыряхъ, то въ городахъ, лежавшихъ на ихъ пути. И вездѣ находили они радушный пріемъ: и у пустынныхъ жителей древнихъ католическихъ обителей, свято хранившихъ въ памяти творенія великихъ мастеровъ церковной музыки, и по тому самому сочувствовавшихъ истинному искусству, въ лицѣ такихъ представителей его, какъ Шубертъ и Фогль; и въ музыкальныхъ пѣвческихъ обществахъ Линца, Гмундена и

Греки, которымъ хорошо были извѣстны громкія имена музыкантовъ путешественниковъ, въ особенности же имя Шуберта, автора чудныхъ хоровыхъ произведеній, имѣвшихъ въ Германіи такой же успѣхъ, какъ и популярнѣйшія изъ его пѣсень: *Зюлетика*, *Дѣла у моря*, *Карликъ* и исполненныя такой величавой, суровой поэзіи пѣсни Оссіана.

Сочувствія отъ людей Шубертъ вообще не требовалъ, но былъ счастливъ, если находилъ его, въ особенности же когда оно выражалось такъ искренно, такъ отъ души, какъ напримѣръ въ Линцѣ, гдѣ публика по окончаніи одной изъ пѣсень его, спѣтой Фоглемъ, не разразилась ни обычными рукоплесканіями, ни криками восторга и одобренія, а осталась безмолвною, словно заколдованною: только тамъ и сямъ слышались въ замѣ тихія восклицанія. „Въ Линцѣ былъ потопъ, въ которомъ погибъ преждевременно Францъ Шубертъ, подававшій большія надежды. Какъ слышно, онъ самъ былъ причиною его, заставивъ своими пѣснями плакать навзрыдъ чувствительную и добродушную линцскую публику. Съ нимъ вмѣстѣ погибъ и знаменитый Фогль.“ Такъ острога вѣнская музыкальная газета, описывая пребываніе Шуберта въ Линцѣ. Самъ Шубертъ писалъ къ друзьямъ и роднымъ своимъ, что ему „хорошо, очень хорошо живется теперь на свѣтѣ“. Приведемъ еще отрывокъ изъ письма его къ отцу; въ этомъ письмѣ Шубертъ такъ описываетъ свое пребываніе въ Гмунденѣ: „Я теперь снова въ Штиріи послѣ шестинедѣльнаго моего пребыванія въ Гмунденѣ, божественныя окрестности и жители котораго доставили мнѣ много наслажденія. Въ лучшихъ домахъ Гмундена былъ я принятъ какъ свой. Пѣсни мои, въ особенности же Вальтеръ-Скоттовская *Дѣла у моря*, ужасно всѣмъ здѣсь нравятся. Удивляются религіозности, которою проникнуть новый гамъ мой къ Дѣвѣ Маріи, настраивающій всѣхъ къ благоговѣнному чувству. Я думаю, что это происходитъ отъ того, что я никогда не насилаю себя, а пишу только подъ вліяніемъ неотразимой потребности души излиться въ звукахъ. Здѣсь нахожу я вездѣ мои сочиненія и въ особенности въ монастыряхъ Св. Флоріана и въ Кремснунстерскомъ, гдѣ я игралъ также свои фортепіанныя сочиненія. При чемъ многіе мѣла увѣрили, что клавиши поютъ подъ моими пальцами. Это замѣчаніе было мнѣ особенно пріятно слышать, потому что мнѣ ненавистна сухая, рубленая игра даже

лучшихъ нашихъ пѣмистовъ, недооставляющая удовольствія ни уху, ни душѣ.“ Далѣе сѣдуютъ поклоны всему семейству по именимъ съ прибавленіемъ увѣреній въ любви и ласковыхъ словъ къ отцу, мачихѣ, братьямъ, сестрамъ и пасынкамъ. Холодный по внѣшности, Шубертъ способенъ былъ къ искреннимъ привязанностямъ, онъ любилъ сильно свой родной кругъ, въ особенности же брата Фердинанда; но плохо платили ему за любовь, и не въ нихъ, кровныхъ своихъ, а въ друзьяхъ находилъ онъ поддержку въ тѣ дни, когда бороться съ жизнью становилось ему уже не въ мочь. Друзья его понимали его исключительную натуру и любили ее, а члены большой семьи его и не понимали ея, и тяготились ея оригинальностью. Что же касается до отношеній Шуберта къ отцу, то мы о нихъ уже говорили. Слѣдующій фантастическій разказъ, найденный въ бумагахъ Шуберта лучше всего можетъ охарактеризовать эти отношенія.

Мой сонъ.

3 Юля 1822 г.

Я былъ братомъ многихъ сестеръ и братьевъ. Отецъ и мать наши были добрые люди. Я глубоко любилъ ихъ. Разъ повелъ насъ всѣхъ отецъ на какой-то пиръ. Братьямъ моимъ было тамъ очень весело. Я одинъ былъ грустенъ. Отецъ подошелъ ко мнѣ и приказалъ отидать роскошныхъ кумальевъ, стоявшихъ на столѣ; но я не могъ исполнить его воли, и онъ прегналъ меня съ своихъ глазъ. Я ушелъ, и съ сердцемъ полнымъ безконечной любви къ тѣмъ, которые пренебрегли ею, направилъ шаги свои въ далекія страны. Многие годы измывалъ я подъ бременемъ величайшей любви и величайшей скорби. Тогда пришла ко мнѣ вѣсть о смерти моей матери. Я поспѣшилъ, чтобы на нее взглянуть, и отецъ мой, смягченный печалью, не помѣшалъ мнѣ войти въ домъ. Я увидалъ ея трупъ. Изъ глазъ моихъ полились слезы. Она лежала тутъ, какъ доброе, старое прошедшее, въ которомъ и сама она нѣкогда жила, въ которомъ и мы, по мнѣнію покойной, должны бы были продолжать жить. Съ грустью проводилъ мы ея тѣло, и опустили его въ землю. Съ этого времени осталася я опять въ домѣ. Разъ повелъ меня отецъ въ любимый свой садъ, и спросилъ меня, нравится ли онъ мнѣ? Мнѣ былъ противенъ этотъ садъ, но я не рѣшилася ему этого сказать. И спросилъ онъ меня во второй разъ съ горячностью: нравится ли мнѣ садъ? Съ трепетомъ отвѣчалъ я ему, что нѣтъ. Тогда ударилъ меня мой отецъ, и я бѣжалъ. И опять съ сердцемъ полнымъ любви къ тѣмъ, которые пренебрегли ею, направилъ я шаги свои въ далекія страны. И многие, многие годы пѣлъ я пѣсни. Хотѣлъ ли я пѣть про любовь, она обращалась мнѣ въ скорбь; хотѣлъ ли я пѣть только про скорбь, она

обращалась въ любовь. Такъ дѣлала меня на части скорбь и любовь. Раздосада до меня вѣсть объ одной праведной дѣвѣ, давно уже скончавшейся. Около могилы ея образовался кругъ. Въ немъ пребывали, наслаждаясь вѣчными блаженствомъ, множество юношей и старцевъ. Они говорили тако, чтобы не разбудить спящей дѣвы. Божественныя мысли отдѣлялись отъ нея, какъ легкія перы и падали съ вѣющими шелестомъ на юношей. Сильное желаніе охватило меня попасть въ этотъ кругъ. Только чудо, сказали мнѣ люди, можетъ ввести въ него. Тихими шагами, благоговѣйно, съ крѣпкою вѣрой, со взоромъ опущеннымъ на могилу, подвигался я къ нему, и прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, я уже былъ въ немъ. Чудный звукъ отдѣлился отъ него, и я почувствовалъ какъ вдругъ наполнилось все существо мое вѣчными блаженствомъ. Тутъ увидалъ я отца моего, любящаго, прищипывающаго.... Онъ сжалъ меня съ своихъ объятійхъ и заплакалъ. Но еще болѣе плакалъ я.*

Лѣто 1824 года Шубертъ провелъ въ Венгріи, въ Целецѣ, помѣстьѣ графа Эстергази. Слѣдующія строки писалъ онъ отсюда къ брату своему Фердинанду.

18 іюля 1824.

„Квартетные вечера твои тѣмъ болѣе меня удивляютъ, что ты могъ привлечь на нихъ брата Игнатія. Лучше бы сдѣлали вы однако, еслибъ играли другіе квартеты, а не мои, въ которыхъ мало интереснаго. Тебѣ же они нравятся только потому, что все мое тебѣ нравится. Мнѣ дорого это какъ память ваша обо мнѣ. Объясни мнѣ слезы твои; что вызвало ихъ? Мое ли отечество, или воспоминаніе о моей личности, вѣчно томимой непомятыми стремленіями души? Или вспомнилъ ты мои слезы? Такъ или иначе, но я чувствую теперь яснѣе чѣмъ когда-либо, что ты, или кто, мой искренній, со всѣми мятлими моего существованія связанный другъ! Не подумай, однако, прочитавъ эти строки, что настоящее расположеніе моего духа не радостно. Повѣрь, что нѣтъ. Хотя конечно, та счастливая пора молодости, когда каждый предметъ представляется въ какомъ-то чудномъ сіяніи, уже миновалась для меня. Ее смѣнила пора тяжелаго сознанія жалкой дѣйствительности, которую я однако, благодареніе Небу, стремлюсь постоянно скрывать моею фантазіей. Мы думаемъ, что счастье тѣсно связано съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда намъ было хорошо, а оно въ насъ самихъ. Въ самообольщеніи этомъ убѣдилась я на опытѣ, сначала въ Штарии, а потомъ и здѣсь. Но теперь я уже болѣе чѣмъ прежде въ состояніи находить въ себѣ самомъ и счастье и покой. Довѣдательствомъ тому моя большая соната и вариаци въ четыре руки недавно мною здѣсь написанныя“....

Покажись отъ меня всѣмъ роднымъ. Тысяча поцѣлуевъ тебѣ. Пиши скорѣе и живи счастливо.

Вѣчно любящій тебя братъ твой Францъ.

* Произведенія эти, вариаци, посвященныя Бетговему, и соната (ор. 140), капитальныя вещи. Обѣ онѣ написаны для четырехъ рукъ.

Письмо это требуетъ нѣкотораго поясненія. Шесть лѣтъ тому назадъ, Шубертъ прожилъ въ этомъ помѣстьѣ графа Эстергази нѣсколько мѣсяцевъ сряду, давая уроки музыки молодой Каролинѣ Эстергази. Музыка сблизила его съ нею. Глубоко привязался онъ къ своей ученицѣ, единственной его ученицѣ въ жизни, и отдалъ ей всю любовь своего сердца, навсегда и безраздѣльно.

Въ шесть лѣтъ многое измѣнилось, и въ 1824 графиня Эстергази и бывшій учитель ея Шубертъ встрѣтились при иныхъ условіяхъ чѣмъ въ 1818 г. Страстная, влюбленная фантазія * (Fa mineur) была результатомъ первой встрѣчи; сѣбды второй отразились на всѣхъ инструментальныхъ произведеніяхъ Шуберта. Въ нихъ слышатся то грустныя, то воинственные напѣвы Венгріи, этой отчизны сердца музыканта, которой онъ остался вѣренъ въ продолженіе всей своей жизни.

За нѣсколько недѣль до своей смерти, спѣлъ онъ ей послѣднюю пѣснь свою, въ удивительной це-дурной симфоніи.

III.

Пора намъ поговорить о пѣсняхъ Шуберта, съ которыми такъ неразрывно связалось его имя, что говоря о нѣмецкой пѣсни, невольно думаешь о Шубертѣ; а вспоминая о немъ, словно уже слышишь безконечно разнообразныя звуки его пѣсенъ. Нѣмецкая пѣсня (Lied), исключительная собственность Германскаго народа. Съ нею, кромѣ частоповѣстическаго элемента, не имѣютъ ничего общаго пѣсни романсы, баркароллы и канцоны другихъ націй. Ни одна сторона нѣмецкой жизни не осталась ей чужда. Начиная отъ обыденныхъ явленій, и подымаясь до самыхъ высшихъ проявленій глубоко-спекулятивнаго духа Германскаго народа. Она — полнѣйшая представительница мечтающей, поющей, мыслящей Германіи, съ ея идеальными, социальными и кухонными стремленіями. И не было поэта въ Германіи, который бы не испыталъ своихъ силъ въ пѣснѣ. И не было ни одного нѣмецкаго композитора, не вырабавшаго

* Замѣчательно, что какъ фантазія эта, такъ и его *Divertissement sur des thèmes Hongrois*, относящійся къ 1818 г., равно и всѣ фортепіанныя его произведенія, сочиненныя имъ въ Целець, написаны для четырехъ рукъ, а не носятъ на себѣ симфоническій отпечатокъ.

изъ богатаго собранія нѣмецкихъ пѣсень, хотя двухъ или трехъ для того, чтобы положить ихъ на музыку.

Постоянно развиваясь и видоизмѣняясь достигаетъ она своего пышнаго расцвѣта въ поэтѣхъ: Гёте и Гейне, и въ музыкантахъ: Шубертъ и Шуманъ. Бетговеиъ, занятый своими гигантскими симфоническими трудами, только намекнулъ на будущее нѣмецкой пѣсни въ своемъ *Liederkreis*. Въ пѣсняхъ Шуберта отразилась Гёте со всею его классически-изящною простотою. Въ пѣсняхъ Шумана — вся мучительно-страстная, болѣзненно задумчивая, до дерзости ироническая поэзія Гейне. Шуманъ расширилъ предѣлы Шубертовой пѣсни, а Гейне увелъ за собою пѣсю Гёте въ міръ тончайшаго анализа душевныхъ ощущеній. Но какъ поэзія Гёте послужитъ еще многимъ поколѣніямъ неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія, такъ и пѣсни Шуберта едва ли когда-нибудь будутъ забыты, какъ бы далеко ни ушло искусство въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

Число пѣсень Шуберта огромно. До сорока изъ нихъ извѣстны нашей русской публикѣ; но изъ этихъ сорока далеко еще не всѣ популярны. Популярныхъ наберется десять, — пожалуй пятнадцать: *Лѣсной царь*, *Странникъ*, *Ave Maria*, *Прости*, *Колыбельная пѣсня*, *Баркаролла*, *Элежка*, *Гретхенъ*, *Три солнца*, *Монахиня*, *Почта*, *Ожиданіе*, *Форіаль* и еще двѣ-три. * О существованіи же пѣсень Оссиана, пѣсень Вальтеръ-Скотта: *Ричардъ*, *Львиное Сердце* и *Дѣва у моря* (въ числѣ которыхъ извѣстное *Ave Maria*), пѣсень Мюллера: *Красавица-мельничиха* и пѣсень путешественника, знаютъ только лишь нѣкоторые наши музыканты и немногіе любители нѣмецкой музыки.

Въ пѣсняхъ Оссиана Шубертъ набросалъ картины дикаго Сѣвера — мрачныя, суровыя, туманныя. Холодъ и ужасъ сковываютъ душу, когда вслушиваешься въ звуки ихъ, какъ кисть рисующіе то однообразныя, окупныя равнины, то темныя дѣла и дебри, безконечно тянущіеся куда-то въ даль, откуда несутся, по временамъ, то дикіе звуки

* Нельзя не отнестись съ искреннею признательностію къ издателю и редактору вышедшаго съ годъ тому назадъ съ *Москвы* собранія пѣсень Шуберта и Шумана съ русскими и нѣмецкими текстами. Хорошо, еслибы оно было только началомъ для будущихъ изданій и другихъ пѣсень тѣхъ же композиторовъ, съ которыми русская публика такъ обидно мало знакома.

шумной охоты и ревъ пресѣдаемыхъ звѣрей, то провнительный свистъ вѣтра и трескъ, и грохотъ бури. А вотъ и ночь,—холодная сѣверная ночь, съ ея металлическимъ луннымъ блескомъ, величаво распростершаяся надъ мертвлено заснувшею землею. Мириады блуждающихъ огоньковъ по-являются тамъ и сямъ, то тихо кружась въ какихъ-то фантастическихъ хороводахъ, то разсыпаясь на далекое пространство, какъ звѣзды по необъятному небу.... И вдругъ призракъ, другой, третій.... И чей-то воявъ, и чья-то жалоба, — тоскливое пѣніе изстрадавшейся, изывшей души: то плачетъ Коэльма.... И снова день, и опять новая мѣстность, новая печальная картина вѣчныхъ тумановъ и застывающей жизни.

Мюллеровскія пѣсни Шуберта вводятъ въ другой міръ, въ другую жизнь, въ самое сердце Германіи. Вильгельмъ Мюллеръ родился въ 1795, умеръ въ 1827 г., и былъ замѣчательный, хотя и не первоклассный нѣмецкій поэтъ. Пѣсни его пользуются до сихъ поръ большою популярностью въ Германіи. Отличительныя ихъ достоинства — задумчивость и искренность. Могъ ли искреннѣйшій изъ поэтовъ-музыкантовъ, Шубертъ, не вдохновиться ими? Вдохновившись ими, онъ ихъ обезсмертилъ. *Красавица-мельничиха* идиллія по формѣ, и драма — по глубинѣ содержанія. Она состоитъ изъ двадцати отдѣльныхъ пѣсень, составляющихъ всё вмѣстѣ одно полное, законченное цѣлое. Пѣсни эти — исторія любви, отъ перваго намека на нее, отъ перваго ея зародыша до изступленной страсти.

За *Красавицей-мельничихой* слѣдуютъ по эстетической своей значительности пѣсни того же Мюллера, подъ названіемъ пѣсень путешественника. Онѣ писаны Шубертомъ въ разныя эпохи, и это чувствуется даже при поверхностномъ взглядѣ на нихъ. Издаваемыя вмѣстѣ, онѣ заключаютъ въ себѣ три отдѣла: *Большое путешествіе*, *Пѣсни путника* и *Зимняя дорога*.

Въ пѣсняхъ перваго отдѣла, — юношеская полнота жизни, любовь, наслажденіе. Задумчивѣе и мечтательнѣе звучатъ *Пѣсни путника*. Миновала пора безотчетнаго веселья души. Прошла весна, прошло и лѣто; осеннія пѣсни унымы. Сѣрыя тучи заволокли небо, изрѣдка блеснетъ лучъ уходящаго прочь солнца, и ужъ нѣтъ его.... „Устрашныя пѣсни пропою я вамъ скоро“, сказалъ разъ Шубертъ своимъ

друзьямъ въ октябрѣ 1827 г., „вы поймете тогда отчего я такъ ираченъ.“ Страшныя пѣсни эти были: его *Земная дорога*, заключающая въ себѣ 24 пѣссы. Не про нихъ ли говорилъ Шопенъ, выражаясь о музыкѣ Шуберта, что она приводитъ его часто въ содроганіе?

Замѣчательно, что громкая извѣстность имени Шуберта основалась вездѣ, исключая Германію, только на весьма отрывочномъ знакомствѣ съ его произведеніями въ концертныхъ залахъ чрезъ посредство немногихъ знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ: Рубини, Малибранъ, Лаблаша, Віардо, Дженни-Ливъ, Нурри, Вартеля, Ферзинга и другихъ, повторявшихъ большею частію все одѣ и тѣ же пѣсни его и въ Лондонѣ, и въ Мадридѣ, и въ Стокгольмѣ, и въ Неаполѣ. Явилось, правда, нѣсколько изданій и пѣсенъ Шуберта съ французскимъ, италянскимъ и испанскимъ текстами, но и то очень недавно и безъ всякой системы. Болѣе другихъ способствовали къ ихъ распространенію Берлиозъ во Франціи своими статьями о нѣмецкой музыкѣ, Дженни-Ливъ въ Англіи и Швеціи, и Листъ вездѣ гдѣ только давалъ свои концерты. Лучшія изъ переложеній ихъ для фортепіано несомнѣнно принадлежатъ Стефану Геллеру.

Когда же придетъ время настоящаго знакомства музыкальнаго міра съ пѣснями Шуберта? Когда наступитъ оно для его восточныхъ и античныхъ пѣсенъ, и для пѣсенъ Оссіана? Когда узнаетъ публика пѣсни его изъ Вильгельма Мейстера, его Вальтеръ-Скоттовскія пѣсни, пропитанныя духомъ средневѣковаго романтизма, его серенады, хоровыя и двухорныя произведенія, какъ напримѣръ: *Плѣніе дутовъ надъ водами* Гёте, исполнявшееся недавно въ Вѣнѣ обществомъ двухъ сотъ пѣвцовъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, военныя пѣсни, кантаты и гимны съ оркестромъ и безъ оркестра, и цѣлую бездну другихъ большихъ и малыхъ вокальныхъ произведеній различнаго наименованія? Самое полное ихъ собраніе находится у друга Шуберта, Шпауна; а сколько ихъ еще хранится въ манускриптахъ у издателя Гаслингера, у Эстергази и у племянника покойнаго, доктора Шнейдера? По каталогу музыкальнаго магазина Спина значится ихъ 505, не включая въ это число церковныхъ его произведеній, о которыхъ мы еще будемъ говорить. Распространеніе пѣсенъ и другихъ вокальныхъ

твореній Шуберта лежитъ на совѣсти и обязанности музыкальных обществъ, главная задача которыхъ и должна состоять именно въ томъ, чтобъ облегчать публикѣ знакомство съ сокровищами искусства, и не только съ издаваемыми уже, лежащими подъ спудомъ въ музыкальных магазинахъ и архивахъ, но и съ неизданными, если окажется возможность войти въ сношеніе съ тѣми, у кого хранятся подобныя драгоценныя манускрипты, извѣстные только владѣльцамъ ихъ, нѣкоторымъ записнымъ специалистамъ-музыкантамъ, да нерѣдко мышамъ и крысамъ, лакомящимся въ тиши ночной ихъ пожатѣвными отъ времени и пыли листами.

Прошло тридцать пять лѣтъ со времени смерти Шуберта, а настоящее число нѣсемъ его до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность. Только въ послѣднее время общество вѣнскихъ нѣвцовъ дѣятельно занялось этимъ вопросомъ, который особенности важенъ въ отношеніи къ Шуберту, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя рѣшительно никакого каталога, по которому можно было бы сдѣлать выводъ о числѣ издаваемыхъ и неизданныхъ его нѣсемъ. Шубертъ былъ плохой бухгалтеръ и еще худшій практикъ. Онъ могъ прямо набѣло безъ малѣйшихъ поправокъ написать глубоко драматическую и сложную музыку на балладу *Лесной царь*, подъ первымъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ этого удивительнаго Гетевского стихотвореніе; онъ умѣлъ начать и кончить въ полчаса шесть антифоновъ; создать въ два дня *Stabat mater* для хора и большого оркестра, но привести въ извѣстность число своихъ произведеній и подумать объ участи ихъ было для него трудомъ неисполнимымъ. До сихъ поръ еще не увѣнчались полнымъ успѣхомъ усилія друзей его и покойнаго брата его Фердинанда — собрать всѣ разбросанныя имъ тамъ и сямъ музыкальныя произведенія.

IV.

Мы уже говорили о полномъ равнодушіи Шуберта къ критикѣ и къ авторитетамъ. Одна только личность, современная ему, имя которой онъ произносилъ съ благоговѣніемъ, составляла для него предметъ его глубокаго удивленія и безусловнаго вѣрованія. То былъ Бетховенъ. Суровый

отшельникъ, давно уже разорвавшій всѣ связи свои съ обществомъ вслѣдствіе тяжкихъ разочарованій и еще болѣе тяжкаго недуга, къ тому же поглощенный разрѣшеніемъ великихъ задачъ искусства, — онъ избѣгалъ всѣхъ сношеній съ людьми, въ особенности же съ ненавидимыми ему музыкантами. Послѣдніе не имѣли къ нему доступа, за немногими исключеніями, въ числѣ которыхъ стоялъ на первомъ планѣ искренно преданный ему Шиндлеръ, въ послѣдствіи его биографъ.

Слухи о новомъ гениальномъ талантѣ дошли и до него, но не возбудили въ немъ никакого любопытства. Живя въ одномъ городѣ съ Шубертомъ, онъ не изъявилъ желанія познакомиться ни съ нимъ, ни съ пѣснями его, получившими вдругъ такую громадную извѣстность въ Вѣнѣ, послѣ знаменитаго концерта въ 1821 г. Только очень не задало до своей смерти узналъ онъ ихъ. Это было въ февралѣ 1827 г. Физическія страданія его до того усилились, что онъ уже не могъ болѣе работать. Шиндлеръ, желая хотя немного разсѣять его мрачныя мысли и разогнать томившую его скуку принесъ ему разъ утромъ нѣсколько тетрадей Шубертовскихъ пѣсень, какъ издаваемыхъ, такъ и неизданныхъ. Недовѣрчиво, неохотно принялся за нихъ Бетговенъ. Но уже первая пѣсня привела его въ неописанное волненіе. Съ радостнымъ изумленіемъ переходилъ онъ отъ *Монологъ Ифигеніи* къ пѣснямъ Мюллера, и отъ нихъ снова къ *Монологу*, къ пѣснямъ Гёте, къ неподражаемой сценѣ въ монастырѣ (надѣлавшей столько шуму въ Парижѣ, когда ее исполнилъ тамъ Нурри съ акомпаниментомъ оркестра)... „Въ этомъ человѣкѣ живетъ божественный огонь,—значеніе его будетъ велико между людьми“, повторялъ онъ нѣсколько разъ, показывая Шиндлеру поразившія его пѣсни. И снова принимался онъ за нихъ съ новымъ возрастающимъ любопытствомъ, забывая и о времени и о своихъ недугахъ. Шубертовскимъ пѣснямъ суждено было облегчить тоску послѣднихъ дней жизни того, кого онъ боготворилъ, какъ удивительнѣйшее воплощеніе музыкальной мысли. И не одному только Бетговену усладили онѣ послѣднія скорбныя минуты жизни. Слѣпецъ Жанъ Поль въ самый часъ своей смерти просилъ, чтобъ ему спѣли въ послѣдній разъ Шубертовскую балладу *Лѣсной Царь*, и умеръ, прислушиваясь къ ея звукамъ.

Съ удивительными инструментальными произведеніями

Шуберта не довелось Бетховену познакомиться, несмотря на сильное желаніе его узнать ихъ и ихъ автора, неоднократно выраженное имъ Шюндлеру. Вскорѣ онъ умеръ.

А что сказалъ бы онъ, великій критикъ, ознакомившись съ фантазіей (F-moll), посвященною Каролиной Эстергази и съ другими фортепіанными произведеніями Шуберта, съ его *Moments musicaux* и четырьмя *экспромптами*? Какъ бы задумался онъ, творецъ патетической сонаты, прочитавъ фантазію (op. 78) и сонаты Шуберта, * въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться—преlestи ли мелодій, новизнѣ ли гармоническихъ комбинацій, драматизму ли ихъ, или искусному ихъ построению. Изумительно хороши они всѣ. И если ихъ мало или вовсе не играютъ, то это служить только подтвержденіемъ той старой истины, что популярнѣшій изъ произведеній великихъ музыкантовъ еще не всегда ихъ лучшія.

И снова просятся на бумагу, недавно только сказанныя нами по поводу пѣсенъ Шуберта,—*tuâ pia desideria*, которыми, увы! быть-можетъ еще не скоро доведется придти къ осуществленію.

Знакомить общество съ высокими произведеніями, подобными сонатамъ Шуберта, лежитъ на прямой обязанности виртуозовъ и музыкальныхъ учителей. Ихъ дѣло не идти за публикой, а вести ее за собою; не льстить ей, часто не требовательному, вкусу; не портить его всякими музыкальными гошлостями, въ родѣ безцвѣтной болтовни всякихъ Пахеровъ, Ашеровъ, Прюдановъ, Горіевъ, Фоссовъ и иныхъ современныхъ нашихъ музыкальныхъ фабрикантовъ,—а образовывать, развивать его возможно-частымъ и лучшимъ исполненіемъ и объясненіемъ ей такихъ твореній, въ которыхъ вложены и сильная мысль, и истинное чувство, и эстетическій смыслъ. Такихъ твореній существуетъ много. Во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе чѣмъ музыкантовъ по профессіи, искренно преданныхъ своему дѣлу и хорошо знакомыхъ съ подобными образцами творчества.

Тибо, юристъ и эстетикъ, горько сѣтуя на крайнюю музыкальную неразвитость общества, говоритъ въ золотой своей книжкѣ *О чистотѣ искусства* слѣдующее:

* Op. 42, 53, 143, 147, 164 и 120.

„Словами и теоріями также трудно развить вкусъ къ музыкѣ, какъ и къ живописи. Толкующіе о музыкѣ прибѣгаютъ большею частію къ музыкальнымъ описаніямъ, не сознавая, какъ мало приносятъ они ими пользы самому дѣлу. Тѣло человѣка поддается несомнѣнно легче описанію чѣмъ невидимый звукъ; но тотъ, кто самъ принимается за изученіе его на практикѣ, едва ли находилъ его въ дѣйствительности такимъ, какимъ зналъ его изъ описаній. Любителю музыки остается одно только средство для развитія въ себѣ эстетическаго вкуса—знакомство съ высокими образцами творчества.

„Но я знаю людей, продолжаетъ онъ, которые выучивши 20, 30 современныхъ музыкальныхъ произведеній, воображаютъ, что поглотили уже всю музыкальную премудрость, такъ что ни о чемъ другомъ и знать не хотятъ, и громко проповѣдуютъ наилучшія музыкальныя идеи, отзываются чуть ли не съ улыбкою сожалѣнія о твореніяхъ какого-нибудь Палестрина, Дуранте. Въ началѣ знакомства моего съ произведеніями великихъ мастеровъ, дикія выходки подобныхъ господъ выводили меня изъ себя. Въ послѣдствіи же, опытъ научилъ меня выносить ихъ молча и терпѣливо, но всякій разъ напоминаютъ они мнѣ извѣстный анекдотъ того министра Фридриха Великаго, который, сидя однажды у него въ кабинетѣ, напустился съ ожесточеніемъ на Вергилія, Гомера, Платона и подобныя имъ личности, превозносилъ при этомъ до небесъ имя промышленника, придумавшаго лодку сельдей. Выслушавъ терпѣливо это разсужденіе, Фридрихъ законически замѣтилъ своему министру, „что онъ вѣрно любитъ сельдку“. Въ сущности же болѣе чѣмъ странно думать, что музыка можетъ, такъ сказать, создать музыкальность въ человѣкѣ. Она въ состояніи развить только то, что уже готово въ немъ къ развитію, либо пробудить, что въ немъ еще дремлетъ. Холоднымъ, самодовольнымъ, ограниченнымъ людямъ, любящимъ въ свое ничтожество, никогда не понять высокаго музыкальнаго творенія. И если къ этой естественной преградѣ распространенію художественныхъ произведеній присоединимъ равнодушіе, лѣнь, зависть, вражду и зависть, существующую между ними и противное нагое ратистическое чванство—тогда ясно окажется вся трудность попытокъ къ обращенію людей на путь истиннаго музыкальнаго развитія.“

Вмѣстѣ съ Тибо ратовали противъ индифферентизма къ идеальнѣйшему изъ искусствъ лучшіе изъ музыкальныхъ дѣятелей: оба Вебера, Рохлицъ, Цельтеръ, и все напрасно. Историческое зло живуче. Оно крѣпко, и корни его глубоки. Однимъ изъ сильныхъ борцовъ съ нимъ былъ въ послѣднее время и музыкальный писатель Робертъ Шуманъ. Своею газетою: *Новая Музыкальная Лѣтопись*, издающеюся теперь, послѣ смерти его, Бренделемъ, въ Лейпцигѣ, принесъ онъ много пользы обществу. Преслѣдуя самодовольную и хвастливую бездарность, немилосердно бичуя ее, онъ въ одно и то же время неутомимо заботился о ближайшемъ знакомствѣ публики съ замѣчательнѣйшими музыкальными произведеніями. Ему, болѣе чѣмъ кому-нибудь, обязанъ музыкальный міръ

тѣмъ, что узнавалъ и имѣлъ возможность оцѣнить одно изъ величайшихъ чудесъ искусства: це-дурную симфонію Шуберта.

Вотъ отрывки изъ воспоминаній его о Шубертѣ подъ названіемъ: *Die C-dur Simfonie von F. Schubert (Musik und Musiker. III T.)*.

Музыканту, пріѣхавшему въ первый разъ въ Вѣну, есть чему полюбоваться. Но наслушавшись праздничнаго шума столицы, и надивившись до сыта башнѣ Св. Стефана, онъ наконецъ вспомнитъ, что недалеко отъ города есть кладбище, предметъ болѣе интересный для него чѣмъ всѣ другія достопримѣчательности города, гдѣ—недалекѣ другъ отъ друга—покоятся два величайшіе изъ художниковъ: Бетговеъ и Шубертъ. И вѣроятно уже не мало молодыхъ музыкантовъ отправлялось по призвѣдъ въ Вѣну, на Верингово кладбище, чтобы положить на эти двѣ могилы, или по букету цвѣтъ въ, или хоть по вѣткѣ дикихъ розъ, подобной той, которую насаждалъ я на могилѣ Бетговеа. Исполнялось, наконецъ, одно изъ горячихъ моихъ желаній—я увидалъ обѣ святныя для меня могилы и почти позавидовалъ графу О'Доннелю, которому пришлось успокоиться между ними. Драгоценна та минута, когда увидишь въ первый разъ великаго человека и пожмешь ему руку. Не суждено было мнѣ имѣть счастье видѣть прѣ жизни ни одного изъ этихъ знаменитыхъ музыкантовъ нашего времени, а мнѣ сильно захотѣлось теперь взглянуть хоть на кого-нибудь изъ тѣхъ кто былъ съ нами близокъ. Возвращаясь съ кладбища, я вспомнилъ, что въ Вѣнѣ живетъ братъ Франца Шуберта, Фердинандъ*. Я сыскалъ его, и насаждалъ въ немъ много сходнаго съ Францемъ, судя по бюсту, украшающему его могилу. Имя мое, какъ почитателя его брата, было ему извѣстно, и онъ поспѣшилъ разказать мнѣ многое изъ жизни его и показать музыкальными сокровища, оставшіяся послѣ покойнаго, и свято ими хранимыя. Голова моя закружилась при одномъ только взглядѣ на богатство, которое я увидалъ.... Съ чего начать? Чѣмъ кончить? Между прочими партитурами лежало нѣсколько симфоній, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже не разъ въ рукахъ у вѣнскихъ музыкантовъ, но какъ сашкомъ трудныя для исполненія, — возвращались всегда назадъ неиграемыя. Нужно звать Вѣну и исключительность музыкальныхъ ея обстоятельствъ, чтобы простить ей—родинѣ Шуберта—невѣденіе его большихъ инструментальныхъ произведеній. И кто знаетъ, сколько бы прошло времени, прежде чѣмъ свѣтъ узналъ бы и эту симфонію (C-dur), еслибъ я не познакомился съ Фердинандомъ Шубертомъ, и онъ не согласился бы послать ее въ Лейпцигъ къ Мендельсону-Бартольди (тогдашнему капельмейстеру концертовъ Гевандгауза). Симфонія была получена въ Лейпцигѣ, услышана, понята, вновь услышана, и почти всѣми принята съ восторгомъ. Издатель Брейтконфъ купилъ ее, издалъ, и теперь она передъ нами. Скажу сейчасъ же: кто не знаетъ ее, знаетъ еще мало Шуберта. Слова эти могутъ показаться даже невѣроятною похвалою, когда знаешь, что Шубертъ уже подарилъ искусство.

Писать симфонію послѣ Бетговеа трудно. Но, какъ я, а со мною можетъ-быть и другіе ожидали и предчувствовали, такъ и случилось. И въ симфонію, какъ и во всѣхъ родахъ музыкальныхъ произведеній Шуберта,

* Это было въ 1838 г.

сказалось богатство его фантазiи, восторженность и умѣнье его владѣть формами. Симфонiя эта—не просто чудное пѣніе. Въ ней не только отразились радости и скорба земныя, о которыхъ говорено уже столь многими поэтами;—нѣтъ! она ведетъ насъ въ край, въ которомъ мы рѣшительно не помнимъ, чтобы когда-нибудь бывали прежде. Кромѣ необыкновенно мастерекой техники сочиненiя, насъ болѣе всего поражаетъ въ этой симфонiи колоритъ ея малѣйшихъ подробностей, жизнь кипящая въ ней, значительность ея мыслей, строгая выразительность отдѣльных ея частей, и наконецъ—романтизмъ, которымъ вся она проникнута. И эта божественная диллота симфонiи, которая — какъ толстый четырехтомный романъ Жюль-Поля, слово и кончить-то не можеть!... Душа отдыхаетъ при видѣ такого богатства. Но мастерское умѣнье Шуберта обходиться съ оркестромъ показалось бы намъ совершенно негнроятнымъ, еслабы мы не знали, что симфонiя эта была имъ написана уже въ пору полнѣйшаго развитiя его генiя, и что ей предшествовали другiя шесть симфонiй. Хотя впрочемъ все-таки нельзя не дивиться совершенно исключительному его умѣнью владѣть оркестромъ такъ, что инструменты переговариваются въ немъ, какъ человѣческіе голоса. Этой особенноти не замѣчалъ я ни у одного музыканта въ такой степени, какъ у Шуберта и у Бетговена.

По симфонiи этой можно судить о силѣ Шубертовскаго генiя. Полная независимость его отъ Бетговенскихъ симфонiй служитъ лучшимъ признакомъ мужественной его самостоятельности. Проникнутый духомъ поэзи ванкаго своего учителя, Шубертъ тѣмъ не менѣе не подражаетъ ни ему, ни особенностямъ произведеній послѣдняго его стiля.

Эта симфонiя подѣйствовала на насъ всѣхъ, какъ ни одна послѣ Бетговенскихъ. Она привела въ восторгъ и знатоковъ, и друзей искусства. И хотя много пройдетъ еще времени, пока она прiобрѣтетъ всеобщую извѣстность: но за то нечего бояться, чтобы когда-нибудь ее забыли. Въ ней вложены залоги вѣчной жизни.

Итакъ, могла Шуберта, напомнить мнѣ о братѣ его Фердинандѣ, наградивъ меня еще новымъ даромъ. Первый получилъ я на могилѣ Бетговена. Стальное перо, найденное мною на ней, свято хранится мною. Имъ пишу я въ рѣдкіе торжественные случаи. Имъ писалъ я и сегодня.

Статья эта появилась въ *Новой Музыкальной Лѣтописи* въ 1839 г. Съ тѣхъ поръ симфонiя Шуберта была уже много разъ исполнена вездѣ, гдѣ только существуютъ хорошіе симфоническіе оркестры и прiобрѣла громкую извѣстность. Извѣстность квартетныхъ произведеній Шуберта. началась въ 1846 года. Теперь стоять на очереди его фортепианныя произведенiя и его большiя хоровыя произведенiя. Что современная публика въ состоянiи будетъ наслаждаться ими — доказываетъ пробудившееся въ Европѣ сочувствiе къ симфоническимъ произведенiямъ Бетговена, и къ глубокимъ музыкальнымъ драмамъ Рихарда Вагнера. Еще давно ли и у насъ эта вѣчно-бранимая, вѣчно-упрекаемая въ равнодушии къ искусству, публика горячо привѣтствовала оперупостроенную

на новыхъ началахъ, далекую отъ привычной рутины. Мы говоримъ про Юдию, А. Н. Сьрова, радостно и искренно приветствуя ея появленіе изъ нашего тихаго провинціального урлка.

V.

Лѣтнія прогулки Шуберта повторялись, послѣ путешествій его въ 1824 и 1825 гг. еще нѣсколько разъ. Но мало принесали онѣ пользы его здоровью. Зима снова портила то, что поправляло лѣто. Послѣ 1825 года * знакомства его стали увеличиваться все болѣе и болѣе. Музыкальныя общества депотически требовали частыхъ его присутствій, въ особенности же при исполненіи вокальныхъ его произведеній, — отказываться же отъ приглашеній онъ рѣшительно не умѣлъ, когда дѣло шло о музыкѣ.

„Всѣ удивляются, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ, какъ мы съ Фоглемъ составляемъ словно одно цѣло, когда я ему аккомпанирую.“ Знакомымъ хотя немного съ пѣснями Шуберта извѣстна и та самостоятельная роль, которую играетъ въ нихъ фортепіано, и та органическая связь между нимъ и голосомъ, составляющая главное капитальное ихъ достоинство.

Частыя появленія Шуберта въ музыкальныхъ кругахъ въ обществѣ Лабааша (которому онъ посвятилъ свои очаровательныя италіянскія пѣсни), Фогля, Гуммеля, и другихъ музыкальныхъ знаменитостей, жившихъ тогда въ Вѣнѣ, въ соединеніи съ годъ отъ году все усиливавшеюся его работой, подѣйствовали наконецъ разрушительно на его здоровье, тѣмъ болѣе разрушительно, что ему приходилось попрежнему испытывать всякаго рода лишенія. Онъ молчалъ, никогда не жаловался; но миръ души его постоянно былъ нарушенъ.

Между произведеніями послѣднихъ лѣтъ его жизни есть у него одно фортепіанное, для четырехъ рукъ, съ надписью: *Жизненные бури (Lebensstürme)*. Оно очень длинно и едва ли сдѣлаетъ впечатлѣніе на того, кто не умѣетъ терпѣливо и сочувственно выслушивать жалобы страдающей души.

Эго произведеніе было имъ написано за полгода до его смерти. Вслѣдъ за нимъ пишетъ онъ свой знаменитый восьми-

* Годъ смерти Сальери. Незадолго до этого праздновалъ онъ 59-лѣтній юбилей своей капельмейстерск. службы, на которомъ исполнена была кантата, сочиненная и положенная на музыку бывшамъ его ученикомъ, Шубертомъ.

голосный гимнъ Духу Святому. Въ октябрѣ 1828, уже больной и слабый, присоединяетъ онъ къ нему чудный аккомпаниментъ изъ тринадцати духовыхъ инструментовъ. На последнемъ музыкальномъ празднествѣ въ Веймарѣ, гимнъ этотъ былъ исполненъ въ церковномъ концертѣ, и произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Псалмы, гимны и мессы его торжественны, какъ пѣси древнихъ христіанъ, и безыскусственны какъ слова, идущія прямо отъ сердца. Современная ему критика отнеслась къ нимъ не то недоувѣрчиво, не то свысока. Только недавно возбуждился о нихъ снова вопросъ благодаря музыкальнымъ обществамъ Вѣны и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ городовъ.

Въ мессахъ своихъ Шубертъ является тѣмъ же самостоятельнымъ музыкантомъ, какимъ встрѣчаемъ мы его во всѣхъ родахъ музыкальныхъ его произведеній. Но такъ же какъ въ симфоніи и сонатахъ, чувствуется и въ церковныхъ его твореніяхъ вѣяніе Бетговеваго духа, сказывается близкое знакомство творца ихъ съ мессами Бетговева. Какъ и въ Бетговевскихъ, преобладаетъ въ Шубертовскихъ мессахъ элементъ инструментальный, симфоническій надъ вокальнымъ. Но этимъ и ограничивается ихъ сходство.

Пантеистъ Бетговевъ и ревностный католикъ Шубертъ не могли относиться одинаково къ Божеству.

Глубоко проникнутый мистеріями и символизмами своей религіи, Шубертъ ищетъ, и находитъ въ нихъ утѣшеніе своей души и примиреніе съ жизнью. Его мессы—жаркая просьба, вдохновенная молитва. Для пантеиста Бетговева — Божество все то что есть, что существуетъ, оно — душа вселенной. Церковная музыка для него только средство говорить о проявленіи божественной мысли какъ въ громадномъ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частностяхъ. Онъ не надѣется, онъ даже ничего не ждетъ; его молитва — или восторгъ, или крикъ жаждущей и никогда не удовлетворяющейся души. И могучіе аккорды его *doma nobis* звучатъ безнадежно одинъ во свидѣ другому...

Шубертъ, кромѣ упомянутыхъ сейчасъ мессъ и гимна написалъ еще: два *Stabat mater*, шесть антифоновъ, *Tantum ergo*, *Benedictus* (ор. 150), три офферторіи (слабѣйшія изъ его церковныхъ произведеній), нѣсколько псалмовъ, церковныхъ арій и, наконецъ, большее трехголосное *аллилуйя* Клопштока.

VI.

Число произведеній, созданныхъ Шубертомъ въ 1827 и 1828 г., истинно изумительно.

Окоачивъ въ мартѣ 1828 громаднѣйшее изъ своихъ инструментальныхъ произведеній—де-дурную симфонию, Шубертъ принимается за мессу въ Ев. Вольфъ за него пишетъ онъ квинтетъ, три сонаты, дуэтъ (ор. 140), * сонату въ четыре руки, *Tantum ergo*, четырехручную фугу, церковную арію съ хоромъ, гимнъ восьмиголосный, побѣдный гимнъ Израильтянъ (монументальное хоровое произведение), фантазію для фортепіано: *Жизненные бури* и четырнадцать пѣсень, напечатанныхъ издателями подъ именемъ—пѣсень лебеда, въ числѣ которыхъ находятся три особенно замѣчательныя по глубокому драматическому смыслу: *Серенада*, *Двойникъ* и *Городъ*, и наконецъ предсмертная его пѣсня: *Голубиная почта*.

Въ этомъ же 1828 году, по настоятельному требованію вѣнской публики, Шубертъ даетъ, 26-го марта, въ залѣ австрійскаго музикферейна, свой первый концертъ при содѣйствіи лучшихъ столичныхъ пѣвцовъ и виртуозовъ и ученицъ консерваторіи.

Стеченіе народа было огромное. Скромившій изъ людей появился въ первый разъ на эстрадѣ, передъ требовательнѣйшею изъ европейскихъ публикъ и имѣлъ одинъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые не забываются, и не имѣютъ ничего общаго съ успѣхомъ какихъ-нибудь виртуозныхъ салто-мортае.

Незабвенный концертъ 26-го марта состоялъ изъ однихъ только Шубертовскихъ твореній. Онъ начался скрипичнымъ квинтетомъ, потомъ пѣлъ Фогль отрывокъ изъ античной музыки (*Осхиль*), *Крестовой Походъ*, *Звѣзды* и *Пѣснь пунтика къ лунѣ*. Затѣмъ слѣдовали: известная серенада Гримальпарцера для соло съ женскимъ хоромъ, тріо, стихотвореніе Рельштаба *У ручья* съ аккомпаниментомъ вольторны и фортепіано, гимнъ Пиркера *Всемогущество Бога* и наконецъ великолѣпное двухъхорное произведение для мужскихъ голосовъ *Пѣсня на полѣ брани* Клопштока.

* Эти три сонаты, посвященныя авторомъ ихъ Гуминю (какъ зачтено на рукописяхъ) были издамы уже послѣ его смерти, и посвящены издателями Роберту Шуману, а дуэтъ—женѣ его Клэрѣ.

Дирижировалъ концертомъ и аккомпанировалъ на фортепиа-но самъ Шубертъ.

Вѣскоая музыкальная критика отнеслась милостиво къ концерту Шуберта, котораго она упорно продолжала назы-вать „приятнымъ композиторомъ пѣсень“. За то истинные знатоки и любители музыки и большая часть вѣнской публики потребовали настоятельно повторенія чуднаго музыкальнаго праздника. Но Шуберту было не до концертовъ. Онъ скрылся опять въ свою келью и проработалъ всю весну и лѣто надъ произведеніями, перечень которыхъ помѣстили мы на предыдущей страницѣ. Къ осени почувствовалъ онъ себя очень дурно и принужденъ былъ отдаться въ руки док-тора. Не прежде, какъ въ концѣ сентября стало ему лучше, и онъ, убѣжденный друзьями оставить на время работу, от-правляется въ началѣ октября за городъ въ сопровожденіи двухъ изъ нихъ и брата своего Фердинанда.

Каковы были результаты этого путешествія, скажемъ послѣ, а теперь прибавимъ нѣсколько словъ объ операхъ Шуберта. Въ 1820, слѣдовательно еще до появленія въ свѣтъ его пѣсень, на вѣнской сценѣ была дана комическая оперетка Шуберта: *Близнецы*. Она понравилась; автора вызвали, но онъ скрылся. За него вышелъ Фогль, но настоянію котораго и дана эта музыкальная шутка. Вслѣдъ за нею поставлена была на сце-ну *Волшебная Арфа*. Публика приняла ее равнодушно, и она, выдержавъ не болѣе восьми представленій, исчезла изъ опера-наго репертуара.

Въ 1822 г. Шубертъ пишетъ свою первую большую оперу: *Альфонсъ и Эстрелла*, объ участи которой мы уже говорили. Двадцать шесть лѣтъ послѣ смерти Шуберта, появилась она стараніями Листа на сценѣ Веймарскаго придворнаго театра, и несмотря на отличное исполненіе, не имѣла рѣ-шительно никакого успѣха, благодаря совершенной безсмы-слицѣ ея либретто.

За *Альфонсомъ и Эстреллой* слѣдуетъ большая романти-ческая опера въ трехъ актахъ: *Фіерабрассъ*, которая никогда и нигдѣ не была исполнена. Отрывки же изъ нея узнала вѣнская публика уже въ 1858—и прослушала ихъ съ востор-гомъ.

Кромѣ этихъ оперъ найдено въ бумагахъ Шуберта нѣ-сколько неоконченныхъ драматическихъ произведеній. Всѣ они хранятся въ Вѣнѣ у-д-ра Шнейдера, племянника покойнаго.

Приведемъ въ заключеніе нѣкоторые отзывы музыкальных газетъ объ операхъ Шуберта.

„Музыка оперы *Волшебная Арфа* изобличаетъ нѣстакъ талантъ композитора ея,—пишетъ въ 1830 рецензентъ *Всеобщей Музыкальной Газеты*,—но недостатки ея очень велики какъ въ техническомъ, такъ и въ мелодическомъ, и въ гармоническомъ отношеніи. Интереснѣе прочаго: вступительное адажіо въ увертюрѣ и теноровый романсъ. Они крѣплятся своимъ простотой, выразительностью и кѣжностью встрѣчающихся въ нихъ мелодій.“

„Неминуемое послѣдствіе безжизненности либретто: нестакъ оперы. Опера *Альфонсъ и Эстрелла*, несмотря на изумительное богатство ея мелодій—утомительна. Это тѣмъ досаднѣе, говоритъ Готвальдъ въ *Новой Музыкальной Лѣтописи* въ 1856, что вездѣ, гдѣ только композиторъ могъ воспользоваться хотя нѣкоторыми движеніемъ драматическими: и въ первомъ финалѣ, и въ хорѣ заговорщиковъ, и въ сценѣ любви—вездѣ чувствуется какъ могуществомъ могъ бы онъ быть на поприщѣ оперы, еслибы поэтъ писавшіе для него свои либретто, хотя немного соотвѣтствовали его драматическому таланту.“

VII.

Мы оставили Шуберта на дорогѣ въ Нижне-Вальтерсдорфъ. Оттуда прошелъ онъ въ ближайшій къ Вальтерсдорфу городъ Венгріи, Эйзенштадтъ. Тамъ посѣтилъ онъ могилу Іосифа Гайдна и отправился въ обратный путь, взглянувъ въ послѣдній разъ на тотъ край, гдѣ родилась и развилась единственная въ его жизни любовь къ его идеальной Лаурѣ.

Бодрый и ясно-задумчивый, вернулся Шубертъ въ Вѣну и принялся, едва отдохнувъ отъ прежней работы, за новую; но скоро принужденъ былъ ее оставить. Послѣднюю его пѣсню была: *Голубиная почта*.

Къ концу сентября болѣзнь возвратилась и одолѣла его, „31 октября, вечеромъ, рассказываетъ братъ его Фердинандъ на квартиру къ которому переѣхалъ Францъ, вернувшись въ Вѣну, оттолкнулъ онъ съ силою поставленную передъ нимъ тарелку съ кушаньемъ, прибавивъ, что оно ему противно какъ ядъ.“ Съ этого дня онъ уже ничего не ѣлъ и не пилъ кромѣ лѣкарствъ. 3 ноября, рано утромъ, вышелъ онъ на воздухъ, говоря, что движеніе ему будетъ полезно, и дошелъ до Гернальса, въ окрестностяхъ Вѣны, гдѣ слушалъ въ приходской церкви похоронную обѣдню, написанную его братомъ Фердинандомъ. Этотъ реквиемъ былъ послѣдней музыкой, которую онъ слышалъ въ жизни. Трехчасовой путь оттуда пѣшкомъ въ городъ очень утомилъ его. Съ этого

для силы его стали постепенно ослабѣвать. 14 ноября слегъ онъ въ постель; но музыка продолжала его занимать, и онъ принудилъ себя сдѣлать нѣсколько поправокъ во второй части своихъ сумрачныхъ пѣсень: *Земная дорога*, готовившихся тогда къ изданію; вскорѣ однако обезсилѣвъ, легъ опять, и уже болѣе не вставалъ. 18 ноября, въ началѣ вечера, подозвалъ онъ къ себѣ брата и таинственно, едва внятно, прошепталъ ему на ухо: „послушай, что это со мною дѣлается?“—„Будь спокоенъ, все пройдетъ,“ отвѣчалъ тотъ ему, „докторъ Визгриль увѣряетъ, что ты поправишься.“ Больной, повидимому, успокоился и замолкъ. (На консилиумѣ рѣшено было уже наканунѣ, что онъ долженъ умереть.) На другой день съ раннего утра потребовалъ онъ, чтобъ ему дали одѣться и пустила его домой, потому, прибавилъ онъ, что онъ въ чужой комнатѣ. Около 3-хъ часовъ по полудни пріѣхалъ докторъ. И къ нему обратился онъ съ тѣмъ же требованіемъ. Когда же тотъ сталъ его уговаривать, то больной дотронувшись слабою рукою до стѣны, къ которой была придвинута кровать его, взглянулъ ему пристально въ глаза, и проговоривъ медленно и внятно: „здѣсь, здѣсь мой конецъ,“ тихо опустилъ голову на грудь и скончался. На башнѣ Св. Стефана пробило 3 часа.

Извѣстіе о смерти Шуберта застало въ расстройствѣ друзей его. Никто изъ нихъ не ожидалъ, что болѣзнь, припадками которой страдалъ онъ такъ часто въ послѣднее время, приметъ вдругъ такой крутой поворотъ.

Скорбь ихъ была искренняя и глубокая.

21 ноября опять хоронила вѣтренная Вѣна одного изъ величайшихъ музыкантовъ Германіи, провожала его, шумно и пышно, въ послѣднее, бѣдное его жилище, какъ годъ передъ тѣмъ провожала она, на то же Верингово кладбище, другую музыкальную знаменитость, другаго страдальца, Бетговена. На могилѣ поэты-друзья сказали нѣсколько задушевныхъ словъ; хоръ пѣвцовъ спѣлъ прощальную пѣснь, и толпа, провожавшая тѣло умершаго пѣвца, вернулась поспѣшно къ своимъ обыденнымъ занятіямъ.

Годъ предъ этимъ въ числѣ возвращавшихся съ кладбища послѣ похоронъ Бетговена былъ Шубертъ. Въ сопровожденіи Лакера и Рандгартингера зашелъ онъ въ винный погребъ и потребовалъ самаго дорогаго вина; предложилъ первый тостъ въ память великаго усопшаго, а второй за того изъ

нихъ трехъ, кто первый посаждуетъ за нимъ въ могилу. Ему было тогда тридцать лѣтъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ творческія силы, а годъ спустя онъ уже лежалъ безжизненный невдалекѣ отъ завѣтной для него могилы Бетговена. Рядомъ съ нею, какъ онъ того желалъ, положить его не могли. Около нея находятся могилы графовъ О'Доннелей и обширный склепъ вѣнской аристократической фамиліи, фонъ-Шлехта. Черезъ шесть дней послѣ его похоронъ, 6 декабря, пѣли въ память его реквиемъ Моцарта въ церкви Св. Ульриха, а 23 декабря исполненъ былъ съ тою же цѣлью въ придворной церкви двухорный реквиемъ Гюттенбреннера въ присутствіи „высокихъ и высшихъ особъ“ какъ выразилась вѣнская официальная газета. Въ торжествѣ этомъ приняли участіе лучшіе музыканты и пѣвцы столицы.

Затѣмъ возникъ вопросъ о памятникѣ на его могилу. Друзья открыли подписку, но Шуберту видно суждено было только давать людямъ и ничего отъ нихъ не получать. Какъ при жизни своей, страдая отъ всякаго рода лишеній, не требовалъ онъ отъ нихъ помощи такъ и въ памятникъ свой и даже къ стыду вѣнскихъ музыкантовъ—за посажденій реквиемъ заплатилъ онъ самъ, суммою вырученною друзьями его за два концерта (въ январѣ и февралѣ 1829), состояшіе исключительно изъ его твореній.

Надпись на памятникѣ * сочинена Грильпарцеромъ. Она гласитъ слѣдующее: „Искусство потеряло богатую собственность и еще болѣе богатые надежды въ лицѣ лежащаго подъ симъ камнемъ Франца Шуберта родившагося 31 января 1797 года, умершаго 19 ноября 1828 года, тридцати одного года отъ роду.“

Странно говорить о какихъ-то туманныхъ ожиданіяхъ и надеждахъ по поводу смерти гениальнаго, вполне развившагося художника, даващаго міру столько законченныхъ, капитальныхъ твореній, какъ весьма немногіе изъ его предшественниковъ.

Н. ХРИСТИАНОВИЧЪ.

Село Ваулово.
Августъ 1863 года.

* Памятникъ состоитъ изъ бюста его. Лафатеръ быль бы поставленъ въ затруднительное положеніе, взглянувъ на него и на всѣ лучшіе портреты Шуберта: такъ мало, такъ ничего, кромѣ добродушія, не выражаетъ красивое лицо пѣвца вдохновенныхъ, глубокихъ пѣсней!

ДВА БРАТА

ПОВѢСТЬ

(Посвящается М. В. Новосильцовой.)

Въ К***мъ уѣздѣ, я думаю, всѣ знали братьевъ Вальскихъ. Старшему изъ нихъ, Якову Матвѣвичу, было уже лѣтъ тридцать пять; а младшему, Василю Матвѣвичу, — тридцать, когда они наследовали отъ матери село Жорновку. Съ тѣхъ поръ они оставили военную службу, поселились въ деревнѣ и принялись за хозяйство.

Прошло такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать.

Скромный садикъ, разведенный еще покойною старухой, увеличился и сталъ удивлять сосѣдей богатствомъ своихъ цвѣтовъ и оранжерей, и великолѣпиемъ своихъ раскидистыхъ деревьевъ. Деревянные амбары и конюшни замѣнились каменными и около повоеванной церкви появилась чугунная ограда. Словомъ, многое измѣнилось въ Жорновкѣ. Даже сами помѣщики постарѣли и посѣдѣли. Не измѣнилась только ихъ братская дружба и маленькій домикъ, въ которомъ они родились и приняли посажденное материнское благословеніе.

Оба брата старались съ какимъ-то релігіознымъ чувствомъ поддержать въ первобытномъ видѣ эти малелькія комнаты, гдѣ все имъ говорило о быломъ: въ диванной, любимой комнатѣ Прасковьи Васильовны, стоялъ, какъ и прежде, передъ софою ея рѣзной столикъ; вотъ и большія, обтянутыя выцвѣтшимъ сафьяномъ, кресла, въ которыхъ она отдыхала послѣ обѣда; старинный ящикъ съ письмами, полученными отъ сыновей во время турецкаго похода, и съ недозавязаннымъ шерстянымъ шарфомъ, сохранилъ до сихъ поръ свое мѣсто на этажеркѣ. Отворите этотъ шкапчикъ, и вы въ немъ найдете святцы, нѣсколько календарей двадцатыхъ годовъ, изорванную и испещренную дѣтскими рисунками азбуку, составлявшую нѣкогда всю бібліотеку братьевъ, и, наконецъ, сломанная игрушка, а въ столѣ до сихъ поръ лежали сомнительной свѣжести карты, по которымъ покойница гадала обыкновенно въ почтовые дни.

Хорошо и привольно жили братья. Пока они были еще молоды, многіе сосѣди прочли за нихъ дочерей и разказываютъ, что Василій Матвѣевичъ привязался къ одной изъ сосѣднихъ красавицъ и объявился съ ней въ любви, но она призналась ему откровенно, что любитъ другаго, и умоляла его не обращаться къ ея родителямъ, которые могли ее принудить принять предложеніе такого выгоднаго жениха. Онъ удался, но чувство, вкравшееся въ его душу, отняло у него возможность испытать другую привязанность, и долго его томило, пока, наконецъ, годы не взяли верхъ надъ неотвязчивымъ воспоминаніемъ. Что касается до Якова Матвѣевича, его сверстники разказываютъ до сихъ поръ съ уныбкой о кутежахъ его молодости, но серіозной привязанности онъ никогда не испытывалъ.

Вальскіе жили открыто: въ храмовые праздники, въ дни ихъ рожденія или именинъ сосѣди обыкновенно съѣзжались къ нимъ безъ зова. Кромѣ того, братья любили поохотиться и часто приглашали сосѣдей въ отъѣзжее поле, и по возвращеніи съ охоты вся компанія пировала у нихъ.

Покровительство, которое старшій братъ Яковъ Матвѣевичъ привыкъ съ раннихъ лѣтъ оказывать младшему, придавало каждому изъ нихъ особый складъ характера: Яковъ Матвѣевичъ, человѣкъ съ твердою и даже упрямою волею, отличался практическими свойствами. Онъ привыкъ смотрѣть на брата, какъ на ребенка, и быть поведителемъ въ домѣ, и эта

привычка сильно избаловала его. Мягкостію нрава онъ не отличался, и лишь только былъ не въ духѣ, Василій Матвѣевичъ тревожился и ухаживалъ за нимъ, какъ мальчикъ за разсердившимся гувернеромъ.

— А что сахарный заводъ, Яша? спрашивалъ онъ замкнувшаго голосомъ.

Надо замѣтить, что сахарный заводъ былъ предметомъ любимыхъ заботъ и любимаго разговора Якова Матвѣевича.

— На нежѣ стоитъ, отвѣчалъ тотъ угрюмымъ тономъ.

Василій Матвѣевичъ конфузился и ждалъ, чтобы какой-нибудь счастливей случай пришелъ ему на помощь, и дѣйствительно старшій братъ приходилъ мало-по-малу въ свое нормальное состояніе, начиналъ смѣяться и шутить, и какой-то мирный, успокоительный элементъ, на минуту устранимый, возвращался опять въ Жорновскомъ домикѣ.

Ни тотъ, ни другой изъ Вальскихъ не задумывался никогда надъ неравенствомъ этихъ отношеній, въ которыхъ проглядывало съ одной стороны не мало деспотизма, потому что, въ сущности, этотъ деспотизмъ не вредилъ нисколько взаимной привязанности нашихъ героевъ. Василій Матвѣевичъ такъ сжился съ нравомъ своего брата, что врядъ ли пожелалъ бы измѣнить въ немъ что-нибудь, еслибы это было возможно. Самъ онъ имѣлъ натуру любящую и слабую, и былъ instinctивно радъ, что отвѣтственность за его дѣйствія лежала не на немъ, а на братѣ имъ руководившемъ. Въ распоряженія по имѣнію онъ не входилъ: Яковъ Матвѣевичъ управлялъ всѣмъ. Василій-же Матвѣевичъ ухаживалъ за соловьями, занимался садомъ, и завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ.

Когда Прасковья Васильевна еще отпустила старшаго сына своего въ поакъ, то за неимѣніемъ кого-бы отпустить съ нимъ, приставила къ нему двадцатипяти-лѣтняго малюга, котораго любила за усердіе и расторопность, и Павелъ Ѳомиичъ состарѣлся вмѣстѣ съ господами, которые смотрѣли на него, какъ на члена своего семейства. Но привязанность его къ нимъ выражалась часто въ довольно безцеремонной и даже грубой формѣ. Онъ ходилъ за Васильемъ Матвѣевичемъ, но, кромѣ того, имѣлъ строгій надзоръ за всѣми людьми, и въ особенности за молодымъ камердинеромъ Якова Матвѣевича, занимался болѣе или или менѣе всѣми отраслями хозяйства и бранился съ домашними, какъ скоро

ему казалось, что „господское добро идетъ прахомъ“. Когда какая-нибудь мысль, выраженная братьями, приходилась ему не по душѣ, онъ высказывалъ громко свое неудовольствіе и, не стѣсняясь, ворчалъ на господъ. Яковъ Матвѣевичъ совѣтовался съ нимъ насчетъ хозяйственныхъ распоряженій и, несмотря на свое упрямство, часто уступалъ ему.

Въ глубинѣ сердца своего, старшій камердинеръ питалъ больше лѣзости къ младшему изъ братьевъ „Деликатный баринъ“, говорилъ онъ; „ему бы, кажется, во дворцѣ родиться слѣдовало. Какъ есть ли объ чемъ настоящаго попятія не имѣть: кто его обманеть, тотъ и правъ.“ Но Яковъ Матвѣевича онъ очень уважалъ за его практическія способности. „Ума-то у него не прогребешь“, разказывалъ онъ часто сосѣднимъ людямъ. Я такъ полагаю, что теверича сумротивъ нашего хозяйства нѣтъ ни одного по всей губерніи; а все это его разсудкомъ сдѣлано.“

Верстахъ въ трехъ отъ Жорновки лежало маленькое сельцо, Оедоровка. Умерла его помѣщица, престарѣлая дѣвица, и оно перешло во владѣніе ея сестры, Лизаветѣ Петровнѣ Нарской, бѣдной вдовы, которая давно жила у нея, и помогала ей въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. У покойнаго Нарскаго не было ничего: онъ промоталъ огромное имущество своей жены, и умеръ, оставивъ на ея попеченіе четырехлѣтнюю дочь. Лизаветъ Петровна некуда было рѣшительно пріютиться; но къ очастію сестра пригласила ее къ себѣ, между тѣмъ какъ отдаленная родственница Нарскаго, богатая княгиня Н. взялась за воспитаніе маленькой Вѣрочки.

У княгини былъ сынъ и дочь лѣтъ трехъ. Дѣвочки росли вѣствѣ и рано обнаружили самые различные характеры. У маленькой княжны, избалованной матерью и судьбой, былъ нравъ веселый и прямой. Она ни въ чемъ не привыкла стѣнать себя; жизнь ей вѣчно улыбалась и рано воспитала въ ней самыя мягкія и любящія свойства. Она подружилась съ Вѣрочкой не потому чтобы между ними было что-нибудь общее, но благодаря неотразимой потребности въ привязанности. Княгиня была также очень ласкова съ своею воспитанницей, и по наружности обходилась съ ней, какъ съ дочерью. У дѣвочекъ были одни и тѣ же учителя, нарядъ ихъ былъ всегда одинаковый. Но эта вѣтшая обстановка не обманывала Вѣрочку. Мысль, что она живетъ въ чужомъ домѣ и ѣсть чужой хлѣбъ, постоянно раздражала ея самолюбіе и

приучая ее къ скрытности и хитрости. Бывъ еще ребенкомъ, она должна была думать о томъ чтобъ угождать теткѣ и гувернанткѣ, часто слышала, какъ княгиня, представляя ее кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, наклонялась и объясняла ему на ухо, что этой бѣдной сироткѣ пришлось бы бѣзъ нея ходить по міру. Вѣрочка принимала иногда подарки отъ своихъ свѣтскихъ пріятельницъ и поставила себѣ за правило отдавать ихъ вещами гораздо цѣннѣе тѣхъ, которыя сама получала. Съ этой цѣлью она жертвовала часто своими удовольствіями, покупая богатый подарокъ на деньги, назначенныя ей отъ тетки на маленькія ея прихоти. Лѣтомъ семейство переселялось въ подмосковную, куда Лизавета Петровна пріѣзжала на двѣ или на три недѣли для свиданья съ дочерью, и тутъ начинался для Вѣрочки рядъ новыхъ испытанийъ. Она краснѣла постоянно за мать, которая представляла самый полный типъ небогатаго помѣщика. Молодая дѣвушка слышала не разъ грубыя шутки прислуги насчетъ старушки, и часто, когда гости съѣзжались изъ Москвы къ княгинѣ, Вѣрочка прикидывалась невдоровою, чтобъ имѣть право остаться въ своей комнатѣ, гдѣ мать обѣдала съ ней.

Она была очень хороша собой, и за ней ухаживали въ гостиныхъ, но она понимала, что служить не болѣе какъ предметомъ развлеченія свѣтской молодежи, и не разъ слезы досады и оскорбленія выступали на ея глазахъ, когда кто-либо изъ ея покровителей забывалъ ее для некрасивой, но богатой невѣсты. Однако она не теряла еще надежды пристроить себя въ годъ, благодаря своей красотѣ, когда судьба ея внезапно измѣнилась.

Сынъ княгини, служившій въ Петербургѣ, подавъ въ отставку, перѣехалъ въ Москву, и влюбился въ Вѣрочку. Она, разумеется, сейчасъ же замѣтила это чувство, но его угадала и княгиня. Зная дипломатическія способности своей воспитанницы, она не на шутку испугалась и не замедлила объявить, что отправляется за границу, на воды, и пригласила сына ѣхать съ собой, говоря, что при слабости своемъ здоровья она боится предпринять одна съ дочерью такое длинное путешествіе. Что касается до Вѣрочки, она была обязана провести съ матерью, оплакивающею недавнюю смерть своей сестры, нѣсколько мѣсяцевъ, которые семейство пробудетъ за границей. Княгиня жаждала душевно о томъ, что не

можетъ взять ее съ собой, но не даромъ же она приучила ее съ раннихъ лѣтъ уважать и любить мать.

— Возможно ли оставить эту бѣдную женщину въ ея горѣ, говорила она; — я увѣрена, что сама Вѣра на это бы не рѣшилась.

Молодому человѣку сильно не понравилась эти планы; онъ поморщился, но долженъ былъ согласиться, и сталъ готовиться въ путь, утѣшая себя надеждой, что онъ скоро возвратится къ ногамъ Вѣрочки. Что касается до нея, она тотчасъ смекала въ чемъ дѣло, и простилась съ княгиней въ полной увѣренности, что уже никогда не возвратится въ ея домъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи духа доѣхала она до Федоровки въ жаркій майскій вечеръ. Мать встрѣтила ее съ неописанною радостію и съ сіяющимъ лицомъ и, наполнивъ чашемъ, повела въ приготовленную для нея комнату, которую старушка старалась убрать на славу. Молодая дѣвушка окинула грустнымъ взоромъ этотъ уголокъ, отличавшійся безвкусіемъ и претензіями, пожаловалась на усталость и сказала что желаетъ отдохнуть. Но когда Лизавета Петровна вышла, поцѣловавъ и перекрестивъ ее, она слезла на свою кровать, припала головой къ подушкамъ и заплакала навзрыдъ. Въ продолженіи дороги она глотала слезы въ присутствіи своей горничной, но теперь дала имъ полную свободу. Она не мирилась съ средой, въ которую забросила ее судьба: ей было двадцать лѣтъ, и она хотѣла жить, жить среди всѣхъ прихотей роскоши и богатства, и ей казалось, что лучше умереть нежели прозябать въ удрученной провинціальной средѣ. Она вспоминала о Москвѣ, о блестящихъ вечерахъ, гдѣ столько взоровъ любовались ею. Мотивъ задумчиваго нѣмецкаго вальса прозвучалъ въ ея ушахъ, и наконецъ образъ молодого человѣка мелькнулъ передъ ней. То былъ не слабый князь Н., который подчинился грубому обману своей матери, позволялъ отнять у себя любимую женщину, и не постыжся даже объясниться ей въ своей любви, между тѣмъ какъ былъ въ полномъ правѣ распознавать собой. Нѣтъ, это былъ молодой человѣкъ, съ которымъ Вѣрочка познакомилась когда онъ былъ уже женатъ. Онъ полюбилъ ее, и сердце ея билось, когда она вспоминала его нѣжный взоръ. Будь онъ только свободенъ, она знала, что онъ не уступилъ бы ея безъ борьбы. Но Вѣрочка умѣла заглушить разсудкомъ безплодныя стремленія молодости, и

согласилась бы охотно быть княгиней Н. Между тѣмъ какъ слезы ея катились на полуоткрытую, грудь, она подняла машинально глаза и взоръ ея остановился на зеркалѣ. „Неужели,“ думала она съ отчаяніемъ, люблюсь на свое печальное красивое личико, „неужели моя красота должна погибнуть здѣсь? Нѣтъ, это невозможно: я вырвусь отсюда во что бы то ни стало. Но гдѣ же средства?“ Она посмотрѣла опять въ зеркало и улыбнулась: вотъ ея средства, вотъ ея сила. Красота, развѣ это не могущество? Она утерла слезы и старалась призвать на помощь всю твердость своего характера и всю силу своей воли, чтобъ обдумать положеніе, и извлечь изъ него возможную пользу. По разказамъ матери, она знала, что въ сосѣдствѣ есть люди богатые, вѣроятно найдутся между ними и порядочные, и здѣсь легко будетъ привлечь ихъ вниманіе и овладѣть ими нежели гдѣ бы то ни было. Какъ рельефно будутъ выдаваться, среди жеманства узданныхъ львицъ и тривіальности провинціальной обстановки, красота и изящные приемы Вѣрочки! Съ какого пьедестала она будетъ смотрѣть на весь окружающій ее міръ, и какъ будетъ счастливъ тотъ, котораго она возвыситъ до себя! Она дала себѣ слово истощить всѣ средства, чтобъ побѣдить неблагоприятную судьбу и оставить за собой поле сраженія, или по крайней мѣрѣ сдаться не иначе, какъ послѣ отчаянной борьбы. Всѣ эти планы и надежды долго занимали ее, и она только на разсвѣтѣ погасила свою свѣчу и легла.

На другой день Лизавета Петровна, которой не терѣлось похвастаться дочерью передъ сосѣдками, пригласила ее одѣться и ѣхать вмѣстѣ съ визитами.

— Но торопиться не къ чему, маменька, отвѣчала она:—вѣдь сосѣди къ вамъ ѣдутъ, и я лучше здѣсь познакомлюсь съ ними.

— Все бы лучше тебѣ къ нимъ первой прѣзкатъ, поучтивѣй было-бы....

— Нѣтъ, маменька, пожалуйста, отвѣчала Вѣрочка, которая ни за что не согласилась бы предешить себя,—позвольте мнѣ поступить въ этомъ случаѣ, какъ я думаю.

Всѣмъ за тѣмъ Вѣрочка занялась убранствомъ своей комнаты. Княжна, боясь чтобъ ея подруга не соскучилась въ деревнѣ, прислала ей клавикуды, а княгиня вручила ей за все это впередъ деньги, которыя выдавала ей ежемѣсячно на прикоти, что дало молодой дѣвушкѣ возможность небла-

решать пришло въ свой малелькій уголокъ; благодаря счастію герцога, въ которомъ можно было запасться всѣмъ необходимымъ. Давида Петровна, глядя на превращеніе этой комнаты, надъ которой она такъ долго и такъ напрасно хлопотала, не переставала ахать и удивляться искусству своей Вѣрочки.

— Что значитъ деликатное-то воспитаніе, повторила она, — все увидеть сдѣлать!

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ ессей, которымъ было очень любопытно взглянуть на московскую свѣтскую барышню, поторопнѣлись лѣзть къ Давидѣ Петровнѣ. Вѣрочка обещалась съ ними со всею снисходительною любезностію выслушать ихъ извѣстныя, и заставила ихъ, съ первой минуты, признать ея авторитетъ. Недѣлю черезъ двѣ, она познакомилась со всѣмъ околотокомъ, и всѣ стали за нею ухаживать. Провинціальныя лѣвы уважались около нея, а барышни просили позволенія сватать фасоны ея платьевъ и мангиды. Всѣ parties de plaisir устраивались на плаче, какъ съ ея совѣта, и ея слово сдѣлалось закономъ. Зная все это общество, что она прѣхала не погостить къ матери, какъ она это всѣмъ объявила, но на постоянное къ ней житье, положеніе ея совершенно бы измѣнилось. Многія помѣщанцы второй руки, которыя пользовались извѣстными положеніемъ, благодаря своимъ доходамъ, обрадовались бы возможности узнать небогатую дѣвушку, поставленную выше ихъ своимъ образованіемъ. Но всѣ знали, что Вѣрочка живетъ въ ихъ краяхъ прелетною птицей, что она воспитывалась въ аристократическомъ домѣ и скоро въ него возвратится, что княгиня любитъ ее не менѣе родной дочери; дѣсть, вѣроятно, за нею богатое приданое, и такъ ее балуетъ, что, отпуская на лѣто въ деревню, снабдила ее нарядами, клавикордами и деньгами на убранство ея комнаты. Вѣрочка такъ мало подтрунивала надъ неуклюжестью Федоровскаго домика и старыхъ дрожекъ, перемѣнившихъ во владѣніе Давиды Петровны со всѣмъ наслѣдствомъ ея сестры, что всѣ понимали, до какой степени роскоши, среди которой она росла, была для нея вещь обыкновенною, и какъ мудро было бы запутать ее богатствомъ. Къ тому же, Вѣрочка руководствовалась правиломъ, что съ какими бы людьми ни пришлось жить, необходимо было поддерживать себя въ ихъ глазахъ на извѣстной высотѣ, не тѣмъ не менѣе овладѣть ихъ довѣреніемъ и расположеніемъ, и

къ этой цѣли она всегда шла съ большимъ тактомъ и осторожностью, иради постоянно самолюбія каждаго, и не замѣчая никогда промахѣвъ.

— Видъ моя Вэрочка не только что по-французски, но и по-англійски и по-нѣмецки знаетъ, говорила всегда Лизавета Петровна.

— Точно, болтала въ дѣтствѣ, отвѣчала она, — но совершенно забыла.

А между тѣмъ, всё видѣли, что на ея столѣ лежали постоянно англійскія и нѣмецкія книги.

— Вы привыкли къ большому свѣту; неужели вамъ здѣсь не скучно? спрашивали ее иногда молодые дѣвушки.

— И, полноте! отвѣчала она, протягивая имъ руку, — вы, меня всё здѣсь такъ балуете, что мнѣ некогда и думать о балахъ. Еще усвѣю надаяаться.

Однако, не нашлось между сосѣдей такихъ, на которыхъ она могла бы, не задумываясь, *jeter son dévolu*, какъ говорятъ Французы. Пожидикомъ богатыхъ, порядочныхъ и расположенныхъ жениться, словомъ, такихъ, о которыхъ она мечтала, рѣшительно не было. Ей пришлось по необходимости умалить свои требованія, и вниманіе ея остановилось на Васильѣ Матвѣевичѣ, которому она сильно понравилась съ первой минуты. Она разочла тотчасъ всё хорошія стороны подобной партіи, и, подумавъ немного, помирилась съ ея невыгодами и рѣшилась не выпускать изъ рукъ богатаго жениха. Она воспользовалась правомъ своихъ двадцати лѣтъ, чтобъ ухаживать за нимъ, выучила любимыя его пѣсни и наигрывала имъ постоянно, выслушивала всегда съ новымъ любопытствомъ уже знакомыя ей подробности о турецкой войнѣ, словомъ, окружала его всеми знаками вниманія, которые такъ дороги старикамъ.

Что касается до него, онъ не вдругъ признался себѣ въ чувство, которое влекло его къ Вэрочкѣ, но каждая встрѣча съ ней все болѣе и болѣе воскрешала въ его душѣ давно забытыя ощущенія. Голубые глаза ея были такъ кротки и голосъ такъ мягокъ! Василій Матвѣевичъ сѣдалъ за ней не отлагчивающъ взоромъ, и былъ вполнѣ счастливъ, когда она садилась возмѣ него и начинала дружескій разговоръ. Но что же это такое, въ самомъ дѣлѣ? думалъ онъ иногда, — иная съ ума сошелъ на старости? Развѣ она имѣетъ пара? Ей двадцать лѣтъ, а имѣетъ шестьдесятъ, да и воспитаніе-то, кажется, не

ншему чета. Какъ бы она посяглась, еслибы узнала, что я ее полюбилъ! Нечего мнѣ дожидаться оскорбленія моихъ свѣдѣнь волосамъ; довольно я подурчилась—перестану къ ней ѣздить.“ Но черезъ нѣсколько минутъ онъ вспоминалъ, что дѣлать почти слово прійхать сегодня, и неучтиво заставилъ ее ждать напрасно. „Ужь куда ни шло, сегодня-то съѣздить, говорилъ онъ себѣ, да и скажу, что замать и не могу часто у нея бывать, а то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же словно ногу къ ней переломить, ни съ того ни съ сего: это не ловко.“ И онъ приказывалъ закладывать бѣговья дрожки.

Но Вѣрочка выбѣгала къ нему навстрѣчу, и упрекала его за то, что онъ такъ поздно прійхалъ.

— Я васъ все ждала подѣ окномъ, говорила она,—и думала, что вы насъ совсѣмъ ужь забыли.

Она вводила его въ садъ, чтобы показать ему цвѣты, сидѣлась съ нимъ на скамейку, и разказывала о своей жизни въ домѣ тѣтки. Но о Москвѣ и о вечерахъ Вѣрочка не жалѣла; свѣтъ и выѣзды не удовлетворяли ея чувствамъ, и еслибы не ея добрая мать, которая не мирилась съ уединенною ея жизнью въ деревнѣ, она осталась бы на житьѣ въ Фодоровкѣ.

— Я никогда не забуду, продолжала она, — расположенія тетюшки и дружбы моей милой Sophie, и буду очень счастлива видѣть все семейство по ихъ возвращеніи изъ-за границы; но вы не повѣрите, какая пустота среди этого блестящаго свѣта. Онъ не даетъ простора живому чувству: въ немъ все обдуманно, взвѣшено. То ли дѣло говорить по душѣ, безъ задней мысли, вотъ, какъ я говорю теперь съ вами. Вы такъ добры, что если я что-нибудь и не впопадъ скажу, то вы вѣрно не осудите меня слишкомъ строго.

Пока она говорила, онъ не сводилъ съ нея глазъ. Какъ она была хороша, и какъ изящень былъ ея нарядъ! Василій Матвѣевичъ боялся иногда подойти къ ней слишкомъ близко, чтобы не смять пышныхъ складокъ ея кисейнаго платья.

„Нѣтъ, не для того она создана, повторялъ онъ себѣ,— чтобы быть женой сѣдаго, степнаго помѣщика. Она имѣла бы право требовать, чтобы весь свѣтъ преклонялся передъ ней, и я слишкомъ счастливъ, что она позволяетъ мнѣ говорить съ ней, любоваться на нее. Поживу я этихъ счастлихъ до дня ея отъѣзда, а тамъ авось умру съ тоски.“

И онъ утѣшалъ, обѣщая, что скоро возвратится. Когда она

провожала его на крыльцо она цѣловала ручку, которую она ему протягивала, между тѣмъ, какъ вечерная мгла скрывала отъ молодой дѣвушки яркую краску, бросавшуюся ему въ лицо. Свѣжая медленко со двора, онъ ловилъ жадными взглядами, какъ двадцатилѣтній юноша, милый образъ, мелькавшій въ освѣщенныхъ окнахъ, и во все продолженіе пути повторалъ себѣ каждое слово Вѣрочки, вспоминая каждый ея взглядъ.

„Нѣтъ, она не способна снѣяться надъ моиѣ чувствами, думалъ онъ,—напротивъ того, она его, должно-быть, угадала, и такъ добра, что хочетъ потѣшить меня ласковымъ словомъ.“

Такъ прошло мѣсяца два. Вѣрочка получила письмо, въ которомъ княжна уведомляла ее, что доктора совѣтуютъ ей матери остаться на цѣлый годъ за границей. Молодая дѣвушка горько улыбулась, но не удивилась нисколько этому извѣстію: она его ожидала. Она не сообщила его ни сестрамъ, ни матери, и отвѣчала княжнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Я говорю тебѣ, что вы не на одно только лѣто ѣдете за границу, милая Sophie. Ты спросишь, какимъ чутьемъ я угадываю нѣкоторыя вещи? Этого объяснить нельзя, и у тебя, при твоей дѣтской наивности, этого чутья никогда не будетъ. Вотъ все, что я могу тебѣ сказать.“

„Не требуй отъ меня, чтобъ я описывала тебѣ подробности моего житья-бытья. Здѣшная жизнь крайне однообразна. Но мнѣ нравится эта глушь, и не мудро, что я найду здѣсь счастье,—счастье, которое, вѣроятно, пришлось бы тебѣ не по вкусу, но не забывай, что между нами огромная разница. Тебѣ можно, при твоихъ богатствѣхъ и свѣтскомъ положеніи, мечтать о романтической любви, но грезы и поэзія жизни созданы не для меня. Я бѣдная дѣвушка, воспитанная въ чужомъ домѣ: ты не можешь понять значенія этого горькаго слова, Sophie. Несмотря на твою дружбу ко мнѣ и на все то, чѣмъ я обязана твоей матери, мое положеніе осталось крайне незавиднымъ въ глазахъ общества и въ моиѣ собственныя, и ты не убѣдишь меня, что я должна смотреть на него съ твоей точки зрѣнія. Я никогда не забуду твоего ласкаго поговариванія, когда я говорила, что живу печальнѣе твоей матери: ты рѣшительно не хотѣла мириться съ такимъ обиднымъ выраженіемъ, а требовала, чтобъ я мирилась съ самымъ дѣломъ; сознайся, однако, что это мудро.“

„И вотъ я здѣсь встрѣтила человѣка, который выведетъ

нони; кажется, изъ этого грустнаго положенія. Она уже не могла, не искренно меня любить, и я буду очень счастливъ, если она предложитъ мнѣ быть ея женой. Въ первомъ романѣ ты дѣйствительно не гонима, и она имитировала любви внушить не могла; но чувство уваженія, глубокой благодарности, признанія, что я обогатилъ ея счастье, и наконецъ, чувство долга могутъ привлечь меня сильно къ нему. А Черновъ? спросишь ты. Богъ съ нимъ!.. пофантазировала немножко, и будетъ. Между нами лежитъ непроходимая преграда. Это романъ, о которомъ я забыла; думаю теперь о дѣйствительной жизни, и узнала съ совершеннымъ равнодушіемъ, что Черновъ намъ сосѣдъ по казеню и придетъ сюда будущю весной.

„Ты нахмурилась, Sophie, и собираешься упасть на меня за мой прозаическій выборъ; но бышь объ закладъ, что твоя мать за меня вступится, и найдетъ, что очень благоразумно со стороны блудной дѣвушки не слишкомъ зазнаваться.“

„Однако прощай; мы собираемся въ гости; обнимаю тебя, моя мечтательница; не забывай меня, любуйся лебомъ Италіи. Цѣлую ручку у тата.“

„Твоя Вѣра.“

„P. S. Скажи пожалуйста, что твой братъ влюбился ли онъ въ строгую красавицу какой-нибудь Неволицанки, или рѣшился, руководясь, какъ и я, голосомъ разсудка, предложить руку и сердце знатной русской дамѣ; вѣдь это много за границей. И въ томъ и другомъ случаѣ я ему желаю отъ всей души веселаго успеха. Передай это ему.“

Между тѣмъ Девонета Петровна, замѣтивъ расположеніе Василія Матвѣевича къ Вѣрочкѣ, начала хлопотать о томъ чтобъ уладить дѣло. Похвалы, которыми она осыпала дочь за присутствіи старика, грубые намеки и неуклюжее ея укаживаніе за нимъ сильно оскорбляли щекотливое самолюбіе молодой дѣвушки, и она просила наконецъ мать хотя сколько-нибудь пощадить ее. Девонета Петровна по обыкновенію, отапа удерживать ее изъ неблагодарности, но Вѣрочка ужина ее успокоила.

— Какъ вы съ вашимъ умомъ, мамелька, не хотите понять сказала она, — что, если Василій Матвѣевичъ имѣетъ какіе-нибудь серьезные виды на меня (наго я впрочемъ никакъ не думаю), лучше всего не показывать ему, что мы это

забываемъ. Иначе онъ приметъ и ваше, и мое разсужденіе за простой расчетъ.

— Все же ему надо показать, что мы отъ этого не споч.

— Но я его и такъ очень люблю, и онъ это видитъ, а какъ скоро вы ему дѣлаете какой-нибудь намекъ, а конфузусь и неволью отъ него удаляюсь.

Лизавета Петровна принуждена была сознаться, что Вѣрочка права, и что гораздо лучше дѣйствовать осторожнѣе, потому что излишнее вниманіе можетъ дѣйствительно возбудить подозрѣніе Василія Матвѣевича. Съ другой стороны и Яковъ Матвѣевичъ скоро угадалъ и тайныя надежды Вѣрочки, и чувство своего брата. Онъ понималъ до какой степени опаснѣе невозможно между шестидесятилѣтнимъ старикомъ и двадцатилѣтнею дѣвушкой, которая могла выйти за него изъ одного только расчета. Зная характеръ своего брата, онъ легко могъ предвидѣть, что молодая жена овладѣетъ имъ совершенно. Онъ смотрѣлъ на женитьбу Василія Матвѣевича, какъ на самое великое для него, а следовательно и для себя несчастіе. Горачій и неукротимый его нравъ не позволялъ ему обдумать роль, которую онъ могъ бы принять на себя, чтобы противодѣйствовать планамъ Вѣрочки, и онъ съ досады началъ прямо тругать надъ ней въ присутствіи брата, чѣмъ укорилъ значительно успѣхъ ея дѣла. Сначала Василій Матвѣевичъ конфузился, краснѣлъ и заступался робко, чтобы не выдать своего чувства, но чѣмъ болѣе онъ старался скрыть это чувство, тѣмъ болѣе оно высказывалось, а каждое его проявленіе бѣсило еще болѣе Якова Матвѣевича, и вызывало его на новую колкость. Наконецъ Василій Матвѣевичъ сталъ, по возможности, скрывать свои побѣдки въ Федоровку, и выбиралъ, преимущественно, для этихъ посѣщеній дни, когда дѣла по хозяйству вызывали его брата въ городъ, или на Жорновскій хуторъ, находившійся верстахъ въ пяти отъ самаго села; и если Яковъ Матвѣевичъ, по возвращеніи домой, спрашивалъ у него гдѣ онъ былъ въ его отсутствіе, то онъ отвѣчалъ отрывистѣе, что гулялъ. Но тотъ настаивалъ иногда и спрашивалъ опять поумасливающимъ тономъ.

— А въ Федоровкѣ не былъ?

— Да... и въ Федоровку тоже заѣзжалъ, отвѣчалъ онъ, стараясь принять самый равнодушный видъ, — а чѣд?

— Да такъ.

Тутъ началось обыкновенное минутное молчаніе, и прерывалось опять какими-нибудь азвительнымъ замѣчаніемъ насчетъ Вѣрочки. Нападки усиливались съ каждымъ днемъ, и стала мало-по-малу вызывать со стороны Василя Матвѣвича не свойственную ему раздражительность. Онъ дѣлалъ наконецъ примыкъ повиноваться мнѣніямъ старшаго брата, вступалъ съ нимъ въ открытую борьбу, и доказывалъ, что честный человекъ не позволяетъ себѣ заисковать беззащитную дѣвушку. После подобныхъ стычекъ они не говорили другъ съ другомъ по два и по три дня. Эти отношенія были одинаково тяжемы для обоихъ, и Василій Матвѣвичъ старался всегда первымъ положить имъ конецъ.

— Что же это, вы точно дѣти поссорились, Яша, говорилъ онъ, протягивая ему руку,—можно сердиться, помиримся.

— Да я, кажется, тебѣ ужъ не нуженъ, отвѣчалъ Яковъ Матвѣвичъ:—теперь Вѣра Николаевна стала лучше меня.

Василій Матвѣвичъ удался глубоко оскорбленный, и видя какъ его братъ холодно принимаетъ всѣ попытки къ примиренію, отказался наконецъ отъ нихъ. Но у него было другое чувство, которое утѣшало его въ семейномъ раздорѣ: образъ Вѣрочки являлся ему часто въ самыя грустныя минуты, и оварялъ его сердце солнечнымъ лучомъ.

Что касается до Якова Матвѣвича, ему негдѣ было искать утѣшенія: вся его жизнь сосредоточилась на привязанности къ брату, и онъ сильно страдалъ отъ ихъ настоящихъ отишеній, но крутой его нравъ не позволялъ ему высказывать его любящихъ свойствъ. Онъ часто повѣрялъ Павлу, который принималъ всегда непосредственное участіе въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, свои опасенія насчетъ несчастной любви брата, но въ силу какого-то ложнаго стыда, и изъ опасенія высказать саашкомъ нѣжное чувство, не говорилъ ему иначе какъ съ насмѣшкой о своихъ отношеніяхъ къ Василю Матвѣвичу.

Павла точно также пугала мысль, что Вѣрочка можетъ сдѣлаться членомъ семейства Ваальскихъ, и онъ облегчал свое сердце ругая немилосердо ее и Лизавету Петровну.

— Да и насчетъ братца, я вамъ доложу, говорилъ онъ:—точно они въ умѣ помутились. Ужъ коли задумалъ въ свои годы жениться, такъ возьми жену степенную, чтобъ была настоящая барыня, а не какую-нибудь дѣвчонку. Что она фразитъ-то, да по-французски болтаетъ, эка важность кака!

Прямо вѣдь видно, что они изъ интересу его обманли—того-то разсудить не можетъ....

Такимъ образомъ, въ короткое время, въ Жорновѣ все приняло другой видъ, братья стали избѣгать другъ друга или встрѣчались чтобъ обмѣниваться холодными или колючими словами. Василий Матвѣевичъ, всегда задумчивый и разстроенный, ждать не дожидется минуты вѣхать въ Федоровку, куда ѣздилъ уже каждый день и не скрываясь, а напротивъ, чтобы заявить свою независимость, громко приказывалъ, въ присутствіи брата, закладывать бѣговья дрожки и увѣжалъ; Яковъ Матвѣевичъ похудѣлъ и постоянно хмурился.

Одинъ изъ сосѣдей праздновалъ свои именины и пригласилъ на обѣдъ обоихъ Ваальскихъ. Василий Матвѣевичъ поѣхалъ съ надеждой встрѣтиться съ Вѣрочкой, а Яковъ Матвѣевичъ, чтобы видѣть съ ней брата и удостовѣриться собственными глазами въ характеръ ихъ отношеній. Она поклонилась ей молча, когда она вошла, и рѣшилъ съ первой же минуты, что дѣло плохо: Василий Матвѣевичъ не сунулъ глазъ съ молодой дѣвушки, почти не отходилъ отъ нея, и съ особенною безтактностію выдавалъ на каждомъ шагѣ тайну ихъ короткости, хотя Вѣрочка держала себя довольно холодно. Ее давно беспокоила его смущеніе и неловкія отговорки всякій разъ какъ она его спрашивала, почему его братъ не ѣздитъ въ Федоровку, и старалась настоящую минуту вести себя крайне осторожно въ присутствіи этого бирака. Она угадывала его предубѣжденія, понимала, что они могутъ ей сильно повредить, и рада была встрѣчѣ, которая представляла ей возможность искоренить ихъ и облизаться съ нимъ.

Когда доложили, что кушать готово, Василий Матвѣевичъ подошелъ къ ней:

— Поведите лучше къ столу Петровскую, которая сидитъ все время одна, сказала она ему вполголоса, разчитывая, что она сама возьметъ подъ руку дочь хозяина дома, и распорядится такъ, чтобы сѣсть за обѣдомъ рядомъ съ Яковомъ Матвѣевичемъ. Но недогадливый старикъ настаивалъ; она побоялась обратить на себя вниманіе, и несмотря на свою досаду была принуждена уступить его желанію.

Вышедъ изъ-за стола, молодые дѣвушки собрались въ группу и стали подшучивать надъ одной изъ нихъ, за кото-

решъ унаживалъ какой-то заставилъ офицеръ. Она отыкнулась шута, и обратилась вдругъ къ Вѣрочкѣ:

— А вотъ ужъ видѣть, сказала она, — невозможно отказатьсь отъ этого лакадонника; Вальскій въ васъ рѣшительно влюбленъ.

— Илья Матвѣевичъ судякъ въ двухъ шагахъ. Вѣрочка покраснѣла и отыкнула, отыкнула:

— Это круглая порука; а сама въ него влюблена: онъ такой милашъ и добрый; къ тому же у меня положительно пристрастие къ отарикамъ.

Тутъ она быстро встала, замѣтивъ, что Илья Матвѣевичъ вертитъ ослару въ рукахъ, и подала ему зажимательныя самчки.

Она холодно се неблагодаряла и не вспомнилъ себя, когда она была съ нимъ рядомъ. Кровь бросилась ему въ лицо, и она почувствовала, что его досада выкажется въ довольно невзрачной формѣ, но была же въ силахъ сдержаться се.

Вѣрочка велела, что онъ смотритъ на нее съ положительнымъ одобреніемъ, и это сознаніе заставило ее приступить еще рѣшительнѣе къ дѣлу.

— Скажите пожалуйста, Илья Матвѣевичъ, спросила она, — почему мы не имеемъ удовольствія видѣть васъ у себя? Не ссоритесь, если я позволю себѣ замѣтить, что вашъ братъ гораздо любезнѣе васъ.

— Въ момъ дѣла пора отказатьсь отъ любезностей, Вѣра Николаевна, отыкнула она грубо; — что касается до моего брата, это дѣло другое: онъ человекъ молодой. Вы сами знаете, что на него можно еще смотрѣть какъ на жениха.

Вѣрочка встала; дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ и губы ея побѣдѣли.

— Мнѣ кажется, что вы не отдаете должной справедливости Василию Матвѣевичу, сказала она однако твердымъ голосомъ, — его любить не оттого, что смотреть на него какъ на жениха, но великій порядочный человекъ умѣетъ отыкнуть его доброту и деликатность, и совершенную его неспособность оскорбить женщину, потому только, что оскорбленіе останется безнаказаннымъ.

Съ этими словами она отошла, и взявъ подъ руку молодую дѣвушку, стоящую у балкона, пригласила ее пройтись по саду, а черезъ полчаса шепнула матери, что она ушла, и что пора ѣхать домой.

Якову Матвѣвичу было несложно: внутренній гонимъ шепталъ ему, что онъ кругомъ виноватъ, но упрямый старикъ старался замучить его, и вторая сестра, что Вѣрочка, своею дерзостью вызвала его на грубость. „Ничто тебя, говорилъ она, — въ другой разъ: но нескладный же ты! Видишь какую голубицей прикинулась! Оскорбленія останутся безъ наказания! Небось, сама за себя поможешь.“

Однако его сильно мучила мысль, что Вѣрочка попомнюется, какъ долгимъ друженъ, и оскорбленіемъ, чтобы различить совершенно братьевъ и ссладить окончательно своимъ покаяніемъ. Несмотря на всю свою неустрашимость, онъ сильно струсилъ передъ этою мыслию, и всакій разъ когда Василій Матвѣвичъ, послѣ разкаленной ванны щелею, возвращался изъ Федоровки, онъ ожидалъ бури, готовился саранше къ оборонѣ, и придумывалъ самые краснорѣчивые доводы, чтобы убѣдить его отказаться отъ своей несчастной любви и возвратиться къ прежнимъ или къ новымъ. Но влюбленный никакъ герой не приступалъ къ объясненіямъ: онъ былъ грустенъ и унылъ. Вѣрочка всѣмъ имевшаго обладала и никакъ не отходила въ отношеніи къ нему. Она уже не провожала его на крыльцо, не спрашивала, придетъ ли онъ завтра, не пѣла его любимымъ пѣсень, не уводила его въ садъ, была задумчива и молчалива, и избѣгала случая остаться съ нимъ наединѣ. Василій Матвѣвичъ молилъ себя напрасно голову, чтобы отыскать причину такой неожиданный перемены; онъ пытался несколько разъ объяснитьсь съ молодою девушкой, но она прерывала его всегда съ первыхъ словъ. Онъ не спалъ по ночамъ и тосковалъ цѣлые дни.

„Можетъ-быть, думалъ онъ, моя любовь ей непріятна, можетъ-быть, мои посвященія стали ей докучны; такъ пусть же она мнѣ это скажетъ безъ обиняковъ; мнѣ легче будетъ убѣдиться разомъ въ моею несчастія нежели ожидать удара на каждой минутѣ и мучиться невыносимымъ недоразумѣніемъ. Бау!“

— Павелъ, крикнулъ онъ.

Павелъ показался во дверяхъ.

— Подай мнѣ одѣться, да вели закладывать бѣговныя дрожки.

Но Павелъ не двинулся съ мѣста.

— Ну, что жь ты стоишь? Вели закладывать дрожки, повторилъ Василій Матвѣвичъ.

— Что же это, вы, должно-быть, опять позволите въ Федоровку ѣхать?

— Да, въ Фодоровку. А тебѣ что?

— Мнѣ-то, разумеется, ничего, а только что воѣ въ соображеніи тоакуить, что Вѣра Николевна вѣсь въ мешахъ себѣ дожить.

— Но снѣд мнѣ передавать такихъ ослетемъ! вскричалъ замосчиво Василий Матѣевичъ.

— Не прикажете, такъ я говорить не стану, да только что другихъ-то не заставите молчать. А насчетъ еодоровскихъ, всѣмъ извѣстно, каковы онѣ. Лизавета Петровна, даромъ что святойшей прикидывается....

— Я тебѣ, кажется, говорилъ, что я всего этого слышать не хочу!

— Пожалуй не слушайте, а я правду все-таки скажу. Не въ ваши бы, сударь, годы, такіа вещи затѣвать.

Василій Матѣевичъ рѣшительными движеніемъ скрестилъ руки на груди, и грозно посмотрѣлъ на стараго камерди-нера, какъ бы вымывая его на новую дерзость, которая даетъ барину окончательное право на него разразиться. Но Павелъ продолжалъ неуотрапнимо.

— Вы бы лучше, сударь, объ братцѣ-то подумали. Вѣдь на нихъ просто лица нѣтъ: искудаль, въ честь душа есть.... Того и гадать, что они замогутъ отъ огорченія.

При имени брата, Василій Матѣевичъ измѣнился въ лицѣ, и гнѣвъ его затихъ. Какъ онъ ни старался загаушить воспоминаніемъ о Вѣрочкѣ грустными мыслями о своихъ семейныхъ отношеніяхъ, но при малѣйшемъ на нихъ намекѣ, ему становилось невыносимо больно.

— Ты вздора мнѣ больше не говори, сказалъ онъ, нетвердымъ голосомъ, послѣ минутнаго молчанія, — а приготовь мнѣ одѣваться, да распорядись насчетъ дрожекъ, а я пойду пока проститься съ Яшей.

Онъ прошелъ черезъ корридоръ съ твердымъ намѣреніемъ обнять Якова Матѣевича, переломить, наконецъ, его упрямство, обмѣняться съ нимъ нѣсколькими дружескими словами, и вѣхать въ Фодоровку уже съ болѣе спокойнымъ сердцемъ. Но дошедши до комнаты, въ которой раздавались неровные шаги, изобличавшіе тревожное расположеніе духа его брата, онъ остановился у двери, и вся его рѣшимость пропала. Онъ боялся новаго оскорбленія или дивнаго разговора, который его задержитъ, и постоявъ нѣсколько минутъ у двери, возвратился тѣмъ же путемъ, давъ себѣ честное слово, что

переговорить съ братомъ какъ только прїѣдетъ изъ Федоровки. Тогда ему будетъ гораздо легче объясниться съ нимъ: чѣмъ бы ни рѣшилась его судьба, что бы ему ни сказала Вѣрочка, онъ откроется ему во всемъ, и они непременно помирятся.

— Павелъ, сказалъ онъ вхоая въ свою комнату, братъ, кажется, гуляетъ: когда онъ возвратится скажи ему, что я хотѣлъ съ нимъ проститься, да не нашелъ его. Я прїѣду рано: попроси его, чтобы онъ подождалъ меня ужинать. Слышишь?

Василій Матвѣевичъ, грѣхавъ въ Федоровку, застаалъ Вѣрочку одну на балконѣ. Увидѣвъ его, она встала и протянула ему руку.

— Маменька въ гостиной, сказала она,—пойдемте къ ней.

— Нѣтъ, Вѣра Николаевна, будьте такъ добры, пожертвуйте мнѣ нѣсколькими минутами: я прїѣхалъ для того, чтобы объяснитьсь съ вами.

— О чемъ? спросила она, слегка покраснѣвъ.

— Неужели вы не догадываетесь о чемъ? Меня мучитъ ваша перемена въ отношеніи ко мнѣ: я такъ дорожилъ вашимъ дружескимъ расположеніемъ, и не могу понять, за что вы вдругъ отдалились отъ меня. Что я сдѣлалъ? За что вы на меня сердитесь?

Она молчала.

— Да отвѣчайте мнѣ, ради Бога, началъ онъ опять умоляющимъ голосомъ,—или я виноватъ передъ вами, или даже я вамъ сталъ непріятель, такъ, безо всякой причины, ну, просто не понравился,—вотъ и все, скажите мнѣ это прямо; вѣрьте, что мнѣ будетъ легче.

— Василій Матвѣевичъ, отвѣчала Вѣрочка,—я избѣгаала этого объясненія, но почти рада, что вы вызываете меня на него. Мнѣ самой такъ дорога ваша дружба, что наши натянутыя отношенія становились для меня слишкомъ тяжелы. Вотъ видите.... она остановилась.

— Да говорите, ради Бога, промолвилъ онъ, едва дыша.

— Вотъ видите, Василій Матвѣевичъ, начала она опять запинаясь,—мнѣ кажется, что ваше сближеніе съ нами непріятно вашему брату.

— Это неправда, ей Богу неправда, воскликнулъ Василій Матвѣевичъ, который вспыхнулъ и остановился, не понимая самъ, какъ подобная ложь сорвалась у него съ языка.

— Онъ мнѣ самъ далъ это почувствовать и даже — извини-

меня за это слово — не въ очень деликатныхъ выраженiяхъ.

— Онъ съ ума сошелъ... вы ему ради Бога не вѣрьте, Вѣра Николаевна; это онъ такъ сказалъ... совралъ просто... Но еслибы даже мое сближенiе съ вами ему было дѣйствительно неприятно, какъ вы говорите, — что мнѣ за дѣло? Развѣ я ребенокъ! Я ни мало не намѣренъ жертвовать его капризу близкими мнѣ людьми.

— Нѣтъ, Василiй Матвѣевичъ, такъ говорить нельзя: я знаю какъ вы дружны съ вашимъ братомъ, и не согласнусь ни за что быть поводомъ къ раздору между вами. Лучше намъ разстаться, тѣмъ болѣе что придется пожертвовать немногимъ. И скоро должна уѣхать отсюда, продолжала она грустнымъ голосомъ, — и мнѣ было бы отрадно, прощаясь съ вами, видѣть васъ до послѣдней минуты моего пребыванiя здѣсь, но я не позволю себѣ купить эти нѣсколько дней цѣной вашего семейнаго спокойствiя. Я виновата, что не рѣшилась давно попросить васъ прекратить ваши посѣщенiя къ намъ.... собиралась нѣсколько разъ, но духа не доставало.... а теперь вы видите сами, что это необходимо... успокоить вашего брата.... простимся теперь.... и.... не забывайте меня, прибавила она какъ будто съ усиленiемъ.

— Вѣра Николаевна, отвѣчалъ Василiй Матвѣевичъ, блѣднѣя и переводя духъ послѣ каждого слова, — не говорите этого... я не могу проститься съ вами на вѣкъ... я не знаю что со мной будетъ... я не переживу этой мысли... И слезы блеснули на его глазахъ.

— Василiй Матвѣевичъ, ради Бога, успокойтесь... что съ вами? спросила она, протягивая ему руку, которую онъ сжалъ въ своихъ.

— Чего бы я не далъ, сказалъ онъ, — какой бы я не вынесъ пытки, еслибы кто-нибудь могъ снести у меня тридцать лѣтъ съ палецъ, и возвратить мнѣ мои черные волосы!...

Вѣрочка освободила тихо свою руку, наклонила голову, и принялась чертить по песку кончикомъ своего зонтика. Молчанiе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ, молодая дѣвушка промолвила въ полголоса и не поднимая головы:

— А что, если находятъ, что ваши сѣдые волосы вамъ къ лицу?.. Что, если ваша любовь прiятнѣе любви молодыхъ людей?..

Онъ вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ ее руку и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ эту минуту ему казалась

дѣйствительно, что цѣлыхъ тридцать лѣтъ спали съ его плечъ, и что волосы его гочервѣли отъ безпредѣльной радости, напоминавшей его грудь.

Счастливая чета отправилась къ Лизаветѣ Петровнѣ, которая расплакалась, начала суетиться, обляла дочь и будущего зятя, и, успокоившись наконецъ, велѣла принести образъ и благословила ихъ.

Вѣрочка, несмотря на всѣ просьбы своего жениха, отказалась передать ему странную выходку его брата.

— Я требую напротивъ, сказала она,—чтобы вы дали мнѣ слово не упрекать его ни въ чемъ и не намекали бы ему даже на то, что я вамъ говорила: онъ немощко коснется на меня, предлагала она, смѣясь,—но я вамъ обещаю, что мы будемъ скоро друзьями,—ужь это мое дѣло!

Василій Матвѣевичъ отправился наконецъ домой. Онъ не чувствовалъ земли подъ собой. Словно весь Божій міръ переродился и праздновалъ его счастье. Никогда еще не дышалъ онъ такимъ легкимъ и ароматнымъ воздухомъ, никогда свѣжесть сентябрьской ночи не дѣйствовала на него такъ благотворно, и влюбленное сердце его билось такъ скоро, такъ скоро....

Но когда мелькнули передъ нимъ сквозь деревья Жорновскіе огоньки и раздался въ его ухахъ лай дворной собаки, сердце его дрогнуло. Онъ вспоминалъ о братѣ, и это воспоминаніе отрезало его, какъ ушатъ холодной воды въ чаду похмѣлья. Онъ спросилъ себя со страхомъ, какъ Яковъ Матвѣевичъ приметъ извѣстіе о его женитьбѣ. Кромѣ того что братъ смотрѣлъ далеко не доброжелательно на его любовь къ Вѣрочкѣ, онъ былъ въ полномъ правѣ оскорбиться, что Василій Матвѣевичъ рѣшился на такой важный шагъ въ жизни не посоветовавшись даже съ нимъ. Нашъ герой началъ жестоко упрекать себя въ слабости, заставившей его отложить свое объясненіе до возвращенія изъ Федоровки, и не понималъ рѣшительно какъ приступить ему теперь къ этому объясненію. То ли дѣло, еслибы первый шагъ открылъ уже ему путь къ переговорамъ! Онъ укоротилъ возки невольнымъ движеніемъ, и пустилъ лошадь шагомъ, чтобы выиграть по крайней мѣрѣ немного времени, и придумать нѣсколько вступительныхъ фразъ, но не успѣлъ еще остановиться ни на которой, когда подѣхалъ къ крыльцу.

Одинъ изъ сторожей подошелъ, чтобы принять лошадь, но

Василій Матвѣевичъ не рѣшался сойти съ дрожекъ. Караванный посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и чтобы вывести его изъ раздумья, которому не предвидѣлъ конца, крикнулъ лошади стоявшей какъ вкопанная:

— Ну, стой, что ль!

При этомъ возгласѣ Василій Матвѣевичъ поднялъ глаза, передалъ машинально вожжи сторожу, и взомелъ на крыльцо. Въ залѣ, гдѣ столъ былъ накрытъ для ужина, онъ опять остановился въ недоразумѣніи.

„Но что же это такое“, подумалъ онъ наконецъ, „надо же мнѣ какъ нибудь ему объявить.... ну, скажу просто, что жевуюсь, вѣтъ и все....“ И онъ направился къ двери.

Между тѣмъ Яковъ Матвѣевичъ, которому Павелъ передалъ его комиссію, ждалъ нетерпѣливо его возвращенія.

„Онъ хочетъ вѣроятно объясниться со мной, думалъ онъ,— и я ему выскажу все; докажу ему, что эта дѣвчонка домогается только его богатства; буду его умолять всѣмъ священнымъ чтобъ онъ отказался отъ своего безумнаго чувства, и спасу его отъ бѣды.“

Онъ вздрогнулъ, когда раздался въ тишинѣ стукъ бѣговыхъ дрожекъ; наконецъ шаги послышались въ корридорѣ, и дверь отворилась подъ рукой Василіа Матвѣевича.

— Яша!... сказалъ онъ не твердымъ голосомъ и стараясь улыбаться, но потомъ остановился и спросилъ: — А ты подожди меня ужинать?

— Какъ же; Павелъ мнѣ сказалъ, что ты рано пріѣдешь.

— Яша! началъ онъ опять, какъ будто ободрившись немало, но все еще запинаясь,—отгадай, какое я привезъ тебѣ извѣстіе.

Яковъ Матвѣевичъ поблѣднѣлъ: сердце его словно оборвалось. Онъ понялъ что все пропало, и спросилъ самымъ холоднымъ тономъ:

— Ты женишься?

Василій Матвѣевичъ растерялся совершенно, какъ школьникъ пойманный въ шалости:

— Да.... да.... пробормоталъ онъ, одинаково озадаченный и прозорливостію своего брата, и равнодушнымъ его тономъ.

— Поздравляю тебя.

Наступило молчаніе. Женихъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Куда же ты? спросилъ онъ наконецъ, видя, что Яковъ Матвѣевичъ всталъ и направляется къ двери.

— Распорядиться надо: меня вѣрно староста ждетъ.

И онъ вышелъ. Василий Матвѣевичъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ и сердце его сжалось.

„Что же я сдѣлалъ такое? Чѣмъ я передъ нимъ виноватъ?“ подумалъ онъ, и пошелъ медленно въ свою комнату, гдѣ засталъ Павла, приготовлявшаго ему постель.

Василий Матвѣевичъ вспомнилъ ихъ разговоръ передъ его отъѣздомъ въ Федоровку, и ему стало не ловко. Онъ рѣшился объявить о своей женитьбѣ томому, который не допустилъ бы ни малѣйшаго неприятнаго замѣчанія со стороны стараго камердинера.

— Поздравь меня, Павелъ, сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ,—я женюсь.

Старикъ продолжалъ молча свое дѣло.

— Тебѣ моя невѣста, кажется, не изволитъ нравиться, прибавилъ Василий Матвѣевичъ уже мягкимъ голосомъ.

— Намъ что? вамъ-бы было угодно.

— Мнѣ она угодно, и я ей угоденъ. Лицо Павла перекосилось.

— Ей то удобны ваши денежки!

Василий Матвѣевичъ не вспомнилъ себя.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ онъ.

Въ отвѣтъ на это старикъ энергически махнулъ рукой, ушелъ, хлопнувъ за собою дверью, сѣлъ въ передней съ озабоченнымъ видомъ, и сталъ глядѣть въ окно, между тѣмъ какъ остальная прислуга болтала и смѣялась на крыльцѣ. Горько ему было: онъ не придавалъ серьезнаго значенія неудовольствию, возникшему между имъ и Васильемъ Матвѣевичемъ; но другія заботы смущала его. Онъ понималъ, что молодая хозяйка заведетъ свои порядки въ домъ, и что ему придется, въ его лѣта, стоять на вытяжкѣ, между тѣмъ какъ онъ привыкъ съ молодости обращаться съ господами за панибрата; къ тому же его самолюбіе страдало, прѣ мысли, что баринъ женится на дочери *курошунки*, и окончательно холодныя отношенія братьевъ мучили его не на шутку, и въ его гловѣ мелькнула мысль стать посредникомъ между ними.

„Эготъ съ дуру-то женится“, думалъ онъ, „и если они теперь разойдутся, это ужъ, значить, будетъ послѣдній конецъ. Проклятые эти Нарскіе совсѣмъ его осѣтятъ, и тогда пиши: пропамо; и свою-то онъ головушку погубить, да и намъ-то гостинца поднесетъ. Знаемъ мы его соколика!“

И Павелъ, съ надеждою увидить какъ-нибудь дѣло, сошелъ въ садъ, гдѣ тѣнь Якова Матвѣевича мелькала передъ его глазами.

— Купать готово-ся, доложилъ онъ, чтобы вступить какъ-нибудь въ разговоръ.

— Не хочу! отвѣчалъ отрывисто Вальскій, продолжая шагать по аллеѣ. Павелъ пошелъ за нимъ. Вдругъ Яковъ Матвѣевичъ остановился и обернулся къ нему.

— Слышалъ ты, спросилъ онъ,—какое намъ Богъ счастье посылаетъ?

— Чтò дѣлать, батюшка! ужь это, должно-быть, братца грѣхъ попуталъ.

— Попался, дуракъ, какъ куръ въ щи! пробормоталъ сквозь зубы Яковъ Матвѣевичъ.

— Обошли совсѣмъ какъ есть, и если теперь Василій Матвѣевичъ женится, Лизавета Петровна съ дочкой его и въ досталь въ руки возьмутъ, коли отъ васъ заступы не будутъ.

— Какаѧ моя заступѧ; я теперь для брата отрѣзанный ломоть.

— Ну все жь, сударь! Какъ можно! При васъ-то они все-таки остерегутся: знаютъ, что отъ васъ отпоръ будетъ, и что вы имъ братца не выдадите.

— Онъ самъ себя выдаѧ, а ужь я теперь въ сторонѣ.

— Какъ можно, сударь, въ сторонѣ! Вы сами изволите знать: онъ что малый ребенокъ, его всякій проведетъ. Вѣрутъ Миколѧну тоже не больно люди хвалятъ: себѣ, говорятъ, на умѣ. Еслибы, теперича, не вы, она бъ его какъ липку обобрала. Онъ бы за ней все имѣнїе подписалъ.

— Не мудрено, что и подпишетъ. Ужь онъ меня теперь не послушается.

— Нѣтъ, Яковъ Матвѣевичъ, это грѣшно сказать. Вотъ теперича онъ видитъ, что васъ разстроилъ, такъ и самъ не свой; ужь и не знаетъ куда броситься: на меня прогнѣвался съ досады. Вѣдь онъ не противъ васъ какую вину сдѣлалъ, а больше все себѣ во вредъ. Можетъ, и самъ бы радъ развязаться, да съ собой-то не сладить.

Разчетъ Павла оказался совершенно вѣрнымъ. Его слова имѣли сильное влїяніе на Якова Матвѣевича и затронули за живое всѣ любящїя силы его души. Онъ вѣдѧвъ старому камер-дѣнеру идти домой, говоря, что самъ скоро возвратится, сѣлъ на скамью и сталъ глядѣть въ даль. Онъ вспомянулъ общїанїе,

данное имъ умирающей матери, — обѣщаніе, усладившее ея послѣднія минуты, вспомнилъ дѣтскія игры, въ которыхъ Вася привыкъ искать всегда его защиты, и, наконецъ, золотые годы молодости и всю жизнь, проведенную вмѣстѣ. Они состарѣлись другъ возлѣ друга и смотреть уже оба въ молчу, и неужели постороннія лица ихъ разлучать?

„Я же его все отталкивалъ отъ себя“, подумалъ онъ, „а въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не передо мной же онъ виноватъ. Онъ самъ себя надѣвалъ арканъ на шею, идетъ прямо на бѣду, но какъ бы то ни было, я его не уступлю никому безъ борьбы. Павелъ правъ: я ему нужнѣе чѣмъ когда-нибудь, да и самъ я не переживу если придется съ нимъ разстаться. А его безъ меня обернуть кругомъ и воспользуются мягкостію его характера, чтобы поставить его въ оскорбительное положеніе.“ И онъ тутъ же опредѣлилъ свою роль и далъ себѣ слово, что укротитъ свой крутой нравъ и станетъ дѣйствовать хладнокрово, съ цѣлію отстоять, во что бы то ни стало, свое вліяніе надъ братомъ, — вліяніе, которое Вѣра Николаевна будетъ, безъ сомнѣнія, у него оспаривать.

„Переломлю себя, буду все терпѣть, все переносить, чтобы только не раздражить его и не отдалить отъ себя, чтобы онъ только понялъ съ какой стороны привязанность и съ какой расчетъ“, заключилъ онъ мысленно и пошелъ домой.

Между тѣмъ Василій Матвѣевичъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, находился подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ впечатлѣній. То онъ думалъ о Вѣрочкѣ, о ея любви, о ея красотѣ, о счастіи, которое судьба готовитъ ему впереди, и онъ улыбался такою радостною, такою свѣтлою улыбкой. Но въ ту же минуту холодный и строгій образъ брата смущалъ его, и какая-то мрачная тѣнь пробѣгала по его лицу. Наконецъ часъ пробилъ протяжнымъ звукомъ въ залѣ, и только тогда онъ почувствовалъ, что очень утомился, и что пора ему отдохнуть. Онъ сбросилъ съ себя сюртукъ и подошелъ къ кровати, но вдругъ остановился, задумался, потомъ накинулъ на скоро халатъ на плечи, и безъ приготовленія, безъ затверженныхъ заранѣе рѣчей, вышелъ изъ своей комнаты и прошедши быстро корридоромъ отворилъ дверь въ спальню Якова Матвѣевича, который только что возвратился изъ сада.

— Яша, воскликнулъ Василій Матвѣевичъ, умоляющимъ голосомъ и обнимая брата, — за что ты на меня сердисься?

Если я въ чемъ-нибудь передъ тобою виноватъ, то готовъ просить у тебя прощенія на коѣннѣхъ, но не сердись только на меня, ради Бога.

— Что мнѣ сердиться? Ни въ чемъ ты передо мною не виноватъ, сказалъ Яковъ Матвѣевичъ грустнымъ и мягкимъ голосомъ, но не отвѣчая однако на его подѣлу, — а дѣло въ томъ, что ты самъ себя губишь.

— Да не гублю я себя: ты не знаешь Вѣрочки! Вѣрь ты мнѣ, что я себя не гублю, а ты меня только не приводи въ отчаянiе. Я точно виноватъ, что посватался не посоветовавшись съ тобой, да ужъ судьба меня какъ-то на это навела. Я вѣхалъ совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы свѣтаться, ей Богу не съ тѣмъ; дѣло само собой устроилось. А горевать обо мнѣ нечего. Ты увидишь какова Вѣрочка и сознаешься, что былъ не правъ.

— Дай Богъ! отвѣчалъ со вздохомъ Яковъ Матвѣевичъ.

— Яша, началъ опять нашъ влюбленный герой, прерывая робкимъ голосомъ минутное молчанiе, — а ужъ ты мнѣ пожалуста не откажи: поведемъ завтра въ Федоровку.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ! Я посватался, а ты даже не приѣдешь къ моей невѣстѣ! Развѣ это возможно?

— Да къ чему же такой спѣхъ? Мнѣ признаться завтра дѣла много, отвѣчалъ Яковъ Матвѣевичъ, который понималъ до какой степени его положенiе будетъ неловко въ присутствiи Вѣрочки послѣ дикой его выходки, и не хотѣлъ, съ другой стороны показать брату, что онъ такъ скоро и такъ полно одался.

— Да что за дѣла! Нѣтъ ужъ ради Бога, Яша! Олѣ очень обидятся, да и всѣ, чортъ знаетъ что подумаютъ. Развѣ я бобыль какъ-то безсемейный, что никто къ моей невѣстѣ носа не покажетъ. Ты меня этимъ, пожалуста, не огорчай. Вѣдь мы у нихъ не Богъ знаетъ сколько просидимъ: какихъ-нибудь полчаса, не больше. Такъ что жъ, вѣдемъ что ли?

— Ну да что объ этомъ толковать; еще успѣемъ. Вѣдь не сейчасъ же вѣхать. А лучше всего намъ обоимъ теперь отдохнуть.

Василій Матвѣевичъ всталъ и обнялъ его.

— Насчетъ будущаго я покоенъ, сказалъ онъ, и продолжалъ, улыбаясь и глядя прямо въ глаза брата, съ надеждой

заставить его также улыбнуться: — Ты такъ полюбишь Вѣрочку, что я тебя стану къ ней ревновать.

— Ну, тамъ, что Богъ дастъ, а теперь прощай, пора, отъѣхалъ Яковъ Матвѣевичъ,—вѣдь ужъ давно второй часъ.

Однако онъ долго еще сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, опираясь локтемъ на столъ и опустивъ голову на руку.

Что касается до Василя Матвѣевича, самыя радужныя грезы убаюкали его: онъ повторялъ себѣ засыпая, что Яша, узнавъ Вѣрочку, полюбитъ ее, и навѣрное сознается самъ, что былъ передъ ней виноватъ, а она, съ своей стороны, привяжется къ нему изъ любви къ мужу, станетъ ухаживать то за тѣмъ, то за другимъ, и забудутъ они втроемъ такъ, что любо дорого, и тогда Василій Матвѣевичъ скажетъ брату: „Что, Яша! Что я тебѣ говорилъ!“ Потомъ ему показалось, что Вѣрочка, нарядная, веселая и улыбающаяся коснулась къ нему, и онъ заснулъ, цѣлуя ея маленькую ручку.

У Вальскихъ былъ племянникъ, котораго они горячо любили, и которому прочили свое имѣнiе. Слабое его здоровье тревожило дядей, и онъ по настоящему ихъ требованiю только что отправился за границу, на довольно продолжительное время. Василій Матвѣевичъ, проснувшись на другой день послѣ разказанной нами сцены, вспомнилъ о немъ. Ему стало совѣстно при мысли, что онъ обманулъ надежды наследника, и чтобы выйдти на сколько возможно изъ затруднительнаго положенiя, въ которое онъ поставилъ себя относительно молодаго человѣка, рѣшился обратиться къ брату.

Одѣвшись на-скоро, онъ пошелъ въ комнату матери, гдѣ подавали всегда утреннiй чай и приступилъ къ дѣлу немного переминаясь:

— Я хотѣлъ тебя попросить, Яша, сказалъ онъ,—чтобы ты написалъ Сашѣ о моей женитьбѣ. Самому мнѣ какъ-то вельковато..... понимаешь?... Я знаю, что онъ насъ любитъ искренно и безкорыстно, но что ни говори, онъ былъ въ полномъ правѣ разчитывать на наше имѣнiе; и хотя онъ самъ не бѣднякъ, все же это неприятно... Однако, что касается до тебя, не мѣняй, ради Бога, своихъ распоряженiй на его счетъ; я этого положительно требую. Твоя часть принадлежитъ ему, ты ему такъ и напиши. Да скажи ему еще, что мнѣ самому жаль, что онъ черезъ это потеряетъ,—да дѣлать-то мнѣ нечего.. ну, да ужъ ты самъ знаешь, какъ тамъ написать.

— Хорошо, я напишу.

Василию Матвѣвичу очень хотѣлось возобновить свою вчерашнюю просьбу, и онъ размышлялъ о томъ какъ бы поставить вопросъ помолвѣ, чтобы не испортить дѣла, когда старшій братъ, допивъ послѣдній стаканъ чая, спросилъ его, вставая:

— Въ которомъ часу ты думаешь ѣхать въ Федоровку?

— Да мнѣ кажется, что надо бы ѣхать часовъ въ двѣнадцать, а впрочемъ какъ ты хочешь.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ онъ, уходя.

Въ двѣнадцать часовъ они встрѣтились на крыльцѣ, сѣли въ коляску и доѣхали молча. Дорогой, Василий Матвѣвичъ поглядывалъ изрѣдка на брата, стараясь угадать его мысли, но не рѣшаясь ихъ прервать. Когда они вошли въ гостиную, Вѣрочка встала имъ на встрѣчу, и протянула руку Якъ въ Матвѣвичу.

— Я угадала какимъ-то чутьемъ, что вы сильно предубѣждены противъ меня, хотя вы никогда не обнаруживали неприязненнаго ко мнѣ чувства, сказала она, — и дала себѣ слово, что я искореню ваше предубѣжденіе и заставлю васъ полюбить меня, лишь бы вы только дали мнѣ на это разрѣшеніе.

Онъ понялъ изъ ея намека, что она не рассказала своему жениху о ихъ враждебной встрѣчѣ, и хотя ему стало досадно при мысли, что онъ чѣмъ-нибудь обязанъ ея великодушію, онъ отдалъ ему невольную справедливость. Вѣрочка на то и разчитывала. Она была такъ мила и любезна, что помогла ему выйти изъ неловкихъ отношеній, въ которыя онъ поставилъ себя къ ней, и втянула его въ посторонній разговоръ. Однако положеніе было слишкомъ натянуто, чтобы могло долго поддерживаться, и послѣ часоваго визита Яковъ Матвѣвичъ шепнулъ брату, что пора ѣхать. Когда они встали, Лизавета Петровна вздумала было ихъ упрощивать, чтобы они остались обѣдать, но Вѣрочка поглядѣла на нее такъ выразительно, что она замолчала, и гости уѣхали.

Вечеромъ Яковъ Матвѣвичъ написалъ племяннику о жеманствѣ своего брата. Онъ выразилъ въ этомъ письмѣ всѣ свои грустныя предчувствія насчетъ будущаго, но о насильствѣ не упомянулъ ни слова, и на другой день сказалъ Василию Матвѣвичу:

— Я написалъ къ Самѣ.

Сыграть свадьбу рѣшили около половины октября. Въ

ожиданіи этого срока Яковъ Матвѣевичъ былъ постоянно въ грустномъ, но довольно ровномъ расположеніи духа; вѣдиль всегда въ Федоровку и держалъ себя съ Вѣрочкой совершенно прилично. Она же, съ своей стороны, при каждомъ его посѣщеніи, занималась имъ гораздо больше, нежели своимъ женихомъ, который душевно этому радовался, и повторялъ себѣ, что Вѣрочка и его братъ непременно подружатся.

„По неволѣ сдадитесь, Яковъ Матвѣевичъ“, думалъ онъ, улыбаясь, „возможно ли противъ нея устоять?“

Въ великій день свадьбы онъ всталъ раньше обыкновеннаго и вошелъ въ комнату брата, котораго думалъ застать еще въ постелѣ. Но онъ былъ уже одѣтъ. Передъ нимъ лежалъ образъ Спасителя, которымъ отецъ благословилъ Праксовью Васильевну передъ вѣнцомъ. Золотая риза, усердно вычищенная махануѣ Анисьей, блестѣла во всей своей красотѣ.

— А я шелъ къ тебѣ, Вася, сказалъ Яковъ Матвѣевичъ, — мнѣ бы хотѣлось благословить тебя отъ имени матери, теперь, пока мы одни, а не уже, когда всѣ съѣдутся. Вотъ я и образъ приготовилъ.

— Да что жъ ты значешь, Яша? или ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я на свою гибель иду? спросилъ Василій Матвѣевичъ, пожимая ему руку.

Вмѣсто отвѣта онъ обтеръ молча слезы, капавшія на его грудь, взялъ образъ и всталъ. Счастливый женихъ поклонился набожно передъ иконой, приложился къ ней и обѣялъ брата.

— Ну, теперь, сказалъ онъ, утирая въ свою очередь глаза, — прошу быть веселымъ, а не то, я не на шутку разсержусь.

Вечеромъ женихъ съ своею свитой отправился ожидать невесту въ приходскую церковь, освѣщенную и убранную, какъ въ праздничный день. Священникъ уже надѣлъ свою бѣлую ризу, когда звукъ экипажа послышался въ дали.

— Невѣста, невеста ѣдетъ! заговорили во толпѣ. Но вдругъ всѣ вздрогнули: паникадило, висѣвшее передъ царскими дверями, сорвалось съ веревки и шумно упало. Всѣ засуетились.

— Не передъ добромъ! замѣтилъ чей-то голосъ.

Василій Матвѣевичъ измѣнился въ лицѣ.

— Яша, сказалъ онъ, подходя къ брату, съ принужденною улыбкой, — а надѣюсь, что это тебя не смутило. Странно было бы видѣть въ такихъ пустякахъ предвѣщаніе бѣды.

Священникъ утѣряеть, что должно быть веревки подгнали: я съ нимъ сейчасъ говорилъ.

— Вѣроятно, что-нибудь такое, отвѣчалъ Яковъ Матвѣвичъ, стараясь принять равнодушный видъ и переставая съ Павломъ.

Въ первое время послѣ свадьбы все шло, повидимому, очень хорошо. Въ сущности Вѣрочка ненавидѣла Якова Матвѣвича и не могла забыть его дерзкой выходки, доказывавшей, что онъ ее понимаетъ, а такого преступленія люди известнаго характера не прощаютъ никогда. Но молодая женщина надѣялась подчинить своему влiянiю брюзгливаго старика и ухаживала за нимъ всачески, съ цѣлю усыпить его недвѣрчивость. Въ домѣ она приняла роль совершенно пассивную и подчинялась безпрекословно всѣмъ привычкамъ братьевъ. Василiй Матвѣвичъ былъ въ восторгѣ, и его ослѣпленiе росло съ каждымъ днемъ. Голова его шла кругомъ, когда пальцы молодой жены пробѣгали по его сѣдымъ волосамъ, или ея губы касались его облаженнаго лба. Вѣрочка сознавала свое могущество надъ мужемъ, и понимала, что оно прочно; но отношенiя ея къ Якову Матвѣвичу ее беспокоили. Онъ былъ съ ней учтивъ и даже внимателенъ, но она скоро убѣдилась, что онъ знаетъ настоящую цѣну ея любезностямъ и угадываетъ ихъ цѣль. Ей случалось не разъ краснѣть отъ досады подъ упорнымъ взглядомъ, который онъ устремлялъ на нее, или при видѣ улыбки, говорившей ясно: „не проведешь!“ Однако, она не унывала и поддерживала бодро свою роль, пока признавала въ ней положительную пользу. Василiй Матвѣвичъ, совершенно обманутый вѣнскими отношенiями жены и брата, не подозрѣвалъ, что непрiязненное чувство, которое они питали другъ къ другу, постоянно укоренялось, и продолжалъ наслаждаться жизнью. Но дѣла приняли неожиданно совершенно другой оборотъ.

Разъ, говоря съ женой о ихъ племянникѣ, онъ разказалъ, какъ требовалъ самъ, чтобы молодой человекъ былъ единственнымъ наследникомъ Якова Матвѣвича. Это извѣстiе довольно непрiятно подѣйствовало на Вѣрочку.

„Хороша честность!“ подумала она, „жениться съ тѣмъ, чтобы отнять заранѣе у своего семейства его законное наследство! Странно также, что идеалическая привязанность этого неотесаннаго медвѣдя къ своему брату, не помѣшала ему согласиться на такой донкихотскiй подвигъ.“ И съ этой

минуты планы ее изменились. Изъ чего ей быдо падить ненавистнаго ей человѣка, который оскорблялъ безпощадно ея самолюбіе и могъ стать когда-нибудь между ею и мужемъ?

Она стала искать средства удалить Якова Матвѣевича, и съ этою цѣлю сдѣлала еще шагъ, чтобы перейти отъ своей пассивной роли къ роли жертвы. Оказалось, что она страдаетъ отъ всѣхъ частныхъ привычекъ въ домѣ, но страдаетъ молча, чтобы не возбудить гнѣва Якова Матвѣевича, который возненавидѣлъ ее Богъ знаетъ за что, когда она не была еще членомъ семейства. Сидишь ли за столъ, она ничего не ѣла и на вопросъ мужа: „что ты не кушаешь, Вѣрочка?“—отвѣчала, что не голодна, а между тѣмъ дѣлала знакъ, чтобы онъ молчалъ, и, вставъ изъ-за стола, говорила ему, что она не ѣстъ тѣхъ блюдъ, которыя подавали за обѣдомъ.

— Такъ что же ты не скажешь? Я не буду ихъ заказывать.

— Нѣтъ, пожаауста... я этого не хочу! можетъ Яковъ Матвѣевичъ ихъ любить.

— Что за вздоръ! Ему рѣшительно все равно. А лучше всего, заказывай сама кушанье.

— Ни за что въ свѣтъ!

— Это почему?

— Я знаю, что это ему не понравится. Онъ меня и такъ не любитъ, какъ я ни стараюсь ему угождать, и я боюсь подать ему новый поводъ къ неудовольствію.

— Послушай, мой ангелъ, я очень радъ, что ты желаешь сблизиться съ нимъ; но почему ты думаешь, что онъ тебя не любитъ? Сначала онъ былъ дѣйствительно немножко предубѣжденъ противъ моей женитьбы, но съ тѣхъ поръ я тебя увѣряю, что его чувства совершенно изменились. Онъ только смотреть сурово, но въ сущности предобрый.

— Вы думаете, что его чувства изменились, отвѣчала она съ горькою улыбочкой,—но вы не видите, мой другъ, какъ онъ иногда смотреть на меня; я чувствую, въ иныя минуты, что въ лицѣ мѣняюсь. Правда, что при васъ онъ меня щадить: знаетъ, что вы заступитесь за вашу Вѣрочку.

— Вѣрь, что ты это себѣ воображаешь. Вотъ я ему пожелаю на тебя.

— Нѣтъ, ради Бога, отвѣчала она, ласкаясь къ мужу,—не говорите ему... Можетъ, это и такъ устроится, со временемъ. Но не говорите ему ничего, я боюсь.

То Вѣрочка дрожала отъ холода и отправлялась спать

раньше обыкновеннаго, чтобы какъ-нибудь отогрѣться, но лишней печки она не рѣшалась вѣдѣть испопить, потому что это могло не понравиться Якову Матвѣвичу; то она жаловалась на головную боль, потому что слишкомъ жарко топили: она видѣла сама, какъ принесли въ залу три охапки дровъ, но не посмѣла сдѣлать по этому поводу никакого замѣчанія, потому что Яковъ Матвѣвичъ могъ озлѣбнуть, и вездѣ и вѣчно Яковъ Матвѣвичъ былъ ей помѣхой. Что ни говорилъ ей мужъ, какъ ни убѣждалъ ее, она повторяла постоянно одно: „Онъ меня не любитъ и я его боюсь“. Объясненія доходили иногда до слезъ и до истерики. Наконецъ, Василій Матвѣвичъ, видя, что онъ съ ней не сладитъ, рѣшился обратиться къ брату, который подозрѣвалъ давно закулисные тайны ихъ семейнаго быта, ожидалъ объясненія, и далъ себѣ слово говорить хладнокровно и объяснить, по возможности, ослѣпленному мужу роль, которую разыгрываетъ Вѣрочка.

„Жаль мнѣ выводить его изъ счастливаго заблужденія“, думалъ онъ, „но дѣлать нечего: пусть онъ очнется, пока есть еще время. Хуже будетъ, когда она его заберетъ окончательно въ руки.“

— Ты бы, Яша, когда-нибудь приласкалъ Вѣрочку, сказалъ ему разъ Василій Матвѣвичъ,—вѣдь она настоящій ребенокъ, все думаетъ, что ты ее не любишь.

— Въ чемъ же она меня упрекаетъ?

— Она тебя ни въ чемъ не упрекаетъ, и душой къ тебѣ расположена, да все боится, что ты не любишь ее. Станешь ей говорить, что это вздоръ, а она въ слезы. Иной разъ, право, сердце сожметъ, какъ она заплачетъ.

Яковъ Матвѣвичъ взглянулъ на него печально и покачалъ головой.

— Послушай, братъ, сказалъ онъ,—не позволяй женѣ насъ мутить. Если она за это дѣло разъ ужъ принялась, такъ плохо намъ съ тобой придется.

— Богъ съ тобой, Яша, не грѣши. Съ чего ты это взялъ? Она и не думаетъ насъ мутить, да и пользы ей въ этомъ нѣтъ никакой. Она, должно быть, правду говоритъ, что ты ее не любишь.

— Она насъ, точно, не думаетъ мутить, а толкуетъ тебѣ, что я ее запугалъ и плачетъ. Я противъ ея слезъ безсиленъ, да только ты не забывай, ради Бога, что ты до шестидесяти

лѣтъ безъ нея прожить, а мы состарѣлись вмѣстѣ: эта привязанность-то попрочнѣе.

Василій Матвѣевичъ началъ божиться, что Вѣрочка только и думаетъ о томъ, чтобы сохранить спокойствіе въ семействѣ, и что она ангель во плоти, но каждое слово увеличивало раздраженіе его брата противъ молодой женщины, и послѣ подобныхъ объясненій, которыя стали возобновляться все чаще и чаще, онъ чувствовалъ, какъ имъ овладѣвала сильная досада и проглядывала неволью въ его отношеніяхъ къ Вѣрочкѣ, что давало влюбленному мужу полное право на новое замѣчаніе. Яковъ Матвѣевичъ старался щадить по возможности брата и крѣпился, на околько ставало его силъ, но понималъ съ отчаяніемъ, что вліяніе хорошенькой женщины беретъ верхъ и можетъ окончательно его пересилить. Бесѣды стариковъ стали натянуты и обдуманы. Однимъ скоро понялъ, что они все болѣе и болѣе вытягиваются въ безвыходный лабиринтъ запутанныхъ объясненій, что эти объясненія отдаляютъ его постоянно отъ цѣли, которую онъ себѣ предложилъ и старался избѣгать щекотливыхъ разговоровъ, между тѣмъ какъ другой упрямо къ нимъ возвращался, съ надеждою, что на этотъ разъ онъ придетъ къ желанному результату и что его краснорѣчіе не пропадетъ даромъ. Въ короткое время она дошла этимъ путемъ до того пункта, на которомъ отношенія удержаться не могутъ и требуютъ крутой развязки.

Вѣрочка шла медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ своей цѣли. Первымъ годомъ своего замужества она рѣшилась пожертвовать по необходимости, но дала себѣ слово, что слѣдующею зимой будетъ, во что бы то ни стало, жить въ Москвѣ. Главною помѣхой ея планамъ былъ Яковъ Матвѣевичъ, но она предвидѣла скорую минуточку его удаленія, и тогда она заживетъ независимо и свободно жизнію, и будетъ полною хозяйкой въ домѣ. Но не даромъ достанутся ей эти завидныя блага: скука одолевала ее среди однообразной деревенской жизни, и ей приходилось не разъ бороться съ другимъ болѣе тягостнымъ еще чувствомъ. Ея молодость, возбуждала въ ней часто порывы ненависти къ шестидесятилѣтнему мужу. Когда онъ бралъ ее на колѣни и кѣжно цѣловалъ, она дѣлала невозможныя усилія надъ собой, чтобы скрыть отвращеніе, которое овладѣвало ей. Поблѣднѣвшій образъ Чернова, вскорѣ воскресъ съ новою силой въ ея воображеніи:

голова ея горѣла, и кровь прилиwała къ сердцу, когда она думала, что скоро его увидитъ, и вспоминала его звучный гласъ, его задумчивую и молодую красоту.

Яковъ Матвѣвичъ возвратился разъ изъ города въ лоннй мартовскій день.

— Отгадай, сказалъ онъ брату,—кого я сейчасъ видѣлъ?— Чернова.

— Въ самомъ дѣлѣ! Давно ли онъ прїѣхалъ?

— Только вчера. Обѣщался побывать завтра же. Вообрази: онъ оvdовѣлъ.

При имени Чернова, Вѣрочка вспыхнула и наклонивъ голову на свое шитье. Яковъ Матвѣвичъ взглянулъ на нее значительно, между тѣмъ какъ его братъ изъяснялъ свое сожалѣнiе по поводу несчастiя бѣднаго Чернова. Она угадала устремленный на нее взоръ и пожаловалась на жару, говоря, что у нея цѣлый день кровь бросается въ лицо. Эта мелочность ея окончательно выдала.

— Вы знакомы съ Черновымъ, Вѣра Николаевна? спросилъ Яковъ Матвѣвичъ.

— Да, какъ же; мы встрѣчались въ свѣтѣ, отвѣчала она, стараясь говорить какъ можно развязнѣе.— Какъ жаль, что онъ оvdовѣлъ! Его жена была такая малая женщина!

Черновъ любилъ Вѣрочку и очень искренно. Потерявъ свою жену, онъ вздохнулъ, какъ человекъ, освободившiйся отъ оковъ, и самая розовая будущность обрисовалась передъ нимъ. Но вдругъ онъ узналъ, что Вѣрочка замужемъ; это извѣстiе ошеломило его въ первую минуту, но поразмысливъ немного, онъ рѣшилъ, что очень горевать тутъ не о чемъ, и что судьба побалууетъ его, можетъ-быть, на столько, чтобы удовлетворить его любовныя мечты, не приуждая его жертвовать вторично своею свободой. Онъ былъ далеко не дурнымъ человекомъ, однако руководился удобнымъ правиломъ, оставляющимъ всегда исходъ въ самыхъ затруднительныхъ положенiяхъ: надо, во что бы то ни стало, жить, пока живетъ. Прямаго объясненiя съ Вѣрочкой у него никогда не было, но они не сомнѣвались въ своихъ взаимныхъ чувствахъ.

„Ея мужу шестьдесятъ лѣтъ, и она меня любитъ“, думалъ онъ, „я буду счастливъ. Его не остановила ни одной минуты мысль, что онъ можетъ разбить сердце старика, у котораго уже не будетъ другой привязанности, между тѣмъ какъ Черновъ, знавшiй по опыту цѣну самымъ искреннымъ своимъ

чувствамъ, и убѣдившись, что они далеко не прочны, былъ на столько добросовѣстенъ передъ самимъ собой, что никакъ не поручился бы за долговѣчность своей любви, но надѣялся попользоваться, не стѣсняясь ничѣмъ, свѣтлою минутой выпадавшею ему на долю, и не заботился о будущемъ. Надо сказать, однако, что въ немъ высказалось бы несомнѣнно самое живое участіе, еслибъ онъ увидалъ, *après coup*, хоть одну слезу въ глазахъ Васиіа Матвѣевича.

Въ первыя свои посѣщенія въ Жорновку, онъ могъ едва обмѣняться нѣсколькими быстрыми взглядами съ молодой женщиной, за которою слѣдилъ неотвязчивый взоръ ея аргуса. Но въ первый разъ, какъ они остались наединѣ, Черновъ прервалъ вдругъ посторонній разговоръ, который она поддерживала *par contenance*, но чувствовала, что онъ непременно оборвется.

— Какъ я былъ счастливъ при мысли, что увижу васъ въ деревнѣ, Вѣра Николаевна, сказалъ Черновъ, — и вдругъ меня какъ громомъ поразила вѣсть о вашемъ замужствѣ.

— Знаете ли вы, что мнѣ почти некуда было приклонить головы, отвѣчала она. — У матери меня ожидала почти нищета, а въ домъ княгини я уже болѣе возвратиться не могла. Пришлось пошевелѣть растаться со всѣми мечтами молодости и успокоить мою бѣдную мать. Я вышла за старика, потому что выйти за молодаго человѣка было бы съ моей стороны не честно. Онъ былъ бы въ правѣ ожидать отъ меня любви, а любви я дать не могла, продолжала она, понизивъ голосъ.

Глаза Чернова заблестали радостію. Онъ всталъ и сдѣлалъ два шага, чтобы подойти къ Вальской, но чей-то голосъ раздался въ сосѣдней комнатѣ, и Вѣрочка спросила, схвативъ со стола книгу попавшуюся ей подъ руку:

— А это сочиненіе вы читали, Сергѣй Александровичъ?

Прерванный разговоръ долго еще не могъ возобновиться. Наши старики отдыхали послѣ обѣда, но Черновъ былъ не на столько коротокъ въ домѣ, чтобы пріѣхать обѣдать безъ приглашенія, и являлся всегда вечеромъ, когда все семейство собиралось въ гостиной. Молодые люди ждали напрасно минуты обмѣняться наединѣ нѣсколькими словами, и это тревожное ожиданіе, постоянно обманутое, раздражало все болѣе и болѣе ихъ чувства. Наконецъ Черновъ, не предвидя конца этимъ отношеніямъ, приготовилъ заранѣе басню,

которою могъ бы объяснить посѣщеніе въ совершенно не обыч- ный часъ: прѣхалъ разъ тотчасъ послѣ обѣда, пока братья еще отдыхали. Вошедъ въ гостиную, онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, увидавъ, что Вальская дѣйстви- тельно одна. Онъ подошелъ, сѣлъ возлѣ нея на диванѣ, на- клонился къ ней, взялъ молча ея руки и долго не отрывалъ ихъ отъ своихъ губъ. Сердце ея сильно забилося; вся ея молодость заговорила въ эту минуту. Вѣрочка прошептала что-то едва слышно, обняла голову Чернова и кричала се крѣпко къ своей груди.

Наступилъ вѣчно улыбающійся май: природа облакалась въ свою праздничную одежду. Все ожило, все засуетилось на по- ляхъ и среди лѣсовъ. Деревья огласились щебетаніемъ птицъ и пѣснями поселянъ; вездѣ запахло ландышами, и красота и любовь Вѣрочки разцвѣли вмѣстѣ съ ними новымъ блескомъ. Частыя прогулки давали ей возможность встрѣчаться наединѣ съ Черновымъ, и ея романъ шелъ очень успѣшно, при- чемъ она однако не забывала подземной мины, которую не вела противъ Якова Матвѣевича. Она чувствовала, на- противъ, болѣе нежели когда-нибудь необходимость удалить его. Подозрѣнія старика насчетъ ея чувствъ къ Чернову не дремали ни одной минуты, и онъ окружалъ ее безмолв- нымъ и постояннымъ надзоромъ. Вѣрочка, съ своей стороны, была всегда на сторожѣ, но дрожь пробѣгала по ней, при мысли, что первый непредвидѣнный случай можетъ уничто- жить дѣйствіе самыхъ обдуманнѣхъ ея уловокъ и выдать ее ненавистному врагу. Одолѣть вовремя врага — вотъ един- ственное средство пользоваться безмятежною жизнью и сча- стіемъ, и молодая женщина говорила себѣ иногда съ неопи- санною радостію, что приближается къ желанной цѣли. Дѣй- ствительно, отношенія братьевъ все болѣе и болѣе запуты- вались подъ вліяніемъ ежедневной и мелочной борьбы. Раз- вязка семейной драмы давно бы совершилась, еслибъ Яковъ Матвѣевичъ, понимая, что долготѣлая его связь съ братомъ постепенно ослабѣваетъ, не употреблялъ всѣхъ возможныхъ усилій, чтобы поддержать ее. Позволь онъ себѣ хоть разъ одну изъ тѣхъ деспотическихъ выходокъ, которыя, во время оного, сходили ему такъ легко съ рукъ, оскорбленный мужъ, сдерживаемый лишь его непривычною кротостію, высказалъ бы въ свою очередь, и они бы вѣроятно разошлись.

Василій Матвѣевичъ сознавалъ, что не даромъ соверши-

лась эта перемена, и понималъ безотчетно всё страданіе своего брата. Но въ какомъ чувству, которое могло бы созрѣть подъ вліяніемъ этого сознанія, не суждено было развиваться: Вѣрочка подавала его постоянно своими ласками и жалобами, которыя высказывала со слезами на глазахъ и припадъ головой къ плечу мужа.

„Все изъ собственного упрямства страдаетъ“, думалъ Василій Матвѣевичъ, цѣлуя ее, „ну, за что онъ въ самомъ дѣлѣ ее, бѣдняжку, возненавидѣлъ?“ И онъ старался все чаще и чаще, и все напрасно сблизить его съ женой, и эти неудачныя попытки все болѣе и болѣе раздражали его противъ брата.

Наши старики собрались разъ провести часть вечера у сосѣда. Черновъ, одѣвавшійся своимъ человѣкомъ въ Жорновкѣ, пріѣхалъ въ ихъ отсутствіе, и влюбленные пошли въ садъ и усѣлись на холмикѣ, откуда можно было видѣть возвращающійся экипажъ хозяевъ дома. Но на обратномъ пути Вальскіе вздумали взглянуть на жатву и отослали домой коляску, которая поѣхала прямо въ сарай заднимъ дворомъ, между тѣмъ какъ сами братья пришли пѣшкомъ маленькою тропинкой. Василій Матвѣевичъ, уставъ немного, отправился прямо въ свой кабинетъ, между тѣмъ какъ Яковъ Матвѣевичъ сошелъ въ садъ и остановился вдругъ на поворотѣ аллеи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Черновъ сидѣлъ на скамейкѣ рядомъ съ Вѣрочкой. Улыбающіяся лица влюбленныхъ, ихъ пониженные голоса, рука Вѣрочки, сжатая въ рукахъ Сергѣя Александровича, все выдавало тайну молодыхъ людей. Яковъ Матвѣевичъ смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, пока наконецъ Черновъ поднялъ голову, и, увидавъ его, сконфузился и всталъ. Вальскій подошелъ къ нему.

— Кажется, что вашъ экипажъ готовъ, Сергѣй Александровичъ, сказалъ онъ, сдерживая съ трудомъ свой гнѣвъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — я собирался ѣхать и уже прощался съ Вѣрой Николаевной.

И съ этими словами онъ обернулся къ ней, взялъ ее руку и поцѣловалъ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ старикъ, взбѣшенный этою находчивостію, — будете ли вы дома завтра поутру? Мнѣ нужно съ вами переговорить.

— Я васъ буду ожидать, отвѣчалъ Черновъ, кланяясь.

— Вы можете быть покойны, Вѣра Николаевна, сказалъ Яковъ Матвѣевичъ, какъ скоро онъ удалился, — сцена, кото-

рую я застаю здѣсь, останется тайной для брата. Но вы поймете, надѣюсь, что я буду молчать, щадя не васъ, а собственно его.

И онъ отошелъ, не дожидаясь отвѣта.

Она струсила не на шутку. Чѣмъ кончится завтрашнее объясненіе съ Черновымъ, и какова будетъ ея роль передъ этимъ ненавистнымъ старикомъ, овладѣвшимъ ея тайной? Вѣрочка понимала, что ей необходимо дѣйствовать рѣшительно и не теряя времени, и что иначе она пропала. Одинокъ только исходъ былъ возможенъ: она пошла домой быстрымъ шагомъ и отворила, вся въ слезахъ, дверь кабинета мужа. Слезы ея были самыя искреннія: ихъ вызывали страхъ, досада, ненависть и оскорбленная гордость.

— Чтò съ тобой? воскликнулъ Василій Матвѣевичъ, въ сильномъ испугѣ.

— Другъ мой, не оставьте меня, заступитесь за меня, говорила Вѣрочка рыдая:—Яковъ Матвѣевичъ меня преслѣдуетъ и пятнаетъ мою честь. Онъ подозреваетъ, что я въ связи съ Черновымъ.

Василій Матвѣевичъ вспыхнулъ.

— Ты! вскричалъ онъ.—Быть не можетъ! Онъ это самъ тебѣ оказалъ?

— Онъ не собственными словами это оказалъ, но онъ осрамилъ меня передъ Сергѣемъ Александровичемъ, который пріѣхалъ безъ васъ и сидѣлъ со мной въ саду. Къ несчастію, въ ту минуту какъ онъ собирался хватить и цѣловать мою руку, прощаясь со мной, Яковъ Матвѣевичъ явился, наговорилъ ему дерзостей, чуть не выгналъ отсюда, и объявилъ, что поѣдетъ завтра объясняться съ нами.

— Да съ ума онъ чтò ли сошелъ?

— Это еще не все, онъ попробовалъ дать мнѣ обещаніе, что скроетъ отъ васъ эту исторію, да мнѣ нечего скрывать: я должна бы молчать, еслибы была виновата, но я не забыла ни вашей, ни своей чести. Не позволяйте этого постыднаго объясненія съ Черновымъ, мой другъ, не выдавайте меня. Только на васъ одна моя надежда.

И она бросилась на шею мужа.

— Успокойся, мой ангелъ, говорилъ онъ, цѣлуя ее,—я пойду переговорю съ этимъ безумнымъ. Ужь онъ дѣйствительно слишкомъ заблудился.

Руки его дрожали и мысли путались, когда онъ вошелъ къ

Якову Матвѣвичу. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что такъ долго его щадили, и выдавалъ ему руками жену, но общалъ себя, что теперь выскажетъ все что накопило у него на душѣ.

— Братъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—что тамъ еще случилось? что ты наговорилъ женѣ?

Яковъ Матвѣвичъ былъ застигнутъ върасплохъ. Онъ не ожидалъ, что Вѣрочка посмѣетъ разказать мужу о случившемся. Обвинить ее онъ не рѣшался, боясь, что старый солдатъ захочетъ отомстить за свою оскорбленную честь и обманутую любовь, а оправдывать себя, не обвиняя молодой женщины, было мудрено.

— А что твоя жена тебѣ разказала? спросилъ онъ, желая знать, по крайней мѣрѣ, въ какомъ положеніи дѣло.

— Она мнѣ оказала, что ты взбѣлился, потому что Черновъ подѣловалъ ея руку, наговорилъ ему дерзостей и собираешься съ нимъ объясниться завтра. Но въ чемъ же наконецъ? Или ты совсѣмъ съ ума сошелъ, или ты долженъ понять, что это объясненіе оскорбитъ честь моей жены, и что я его допустить не могу.

— Не бойся, я не оскорблю ея чести, но дѣло въ томъ, что Черновъ молодкосось, который не умѣетъ себя держать прилично, и я ему скажу, чтобъ онъ избавилъ насъ впередъ отъ своихъ посвщеній.

— Да опомнись: это скомпрометтируетъ кругомъ Вѣрочку.

— Ни мало. За это я ручаюсь.

— А я тебѣ говорю, что этого не будетъ! Въ твоей ненависти къ ней ты забываешь, что пятная ея честь, ты пятнаешь и мою. Для того только чтобъ ее оскорбить, ты меня оскорбляешь, и тебѣ все равно.

Яковъ Матвѣвичъ почувствовалъ, что сердце его словно оборвалось при этомъ обвиненіи. Онъ побоялся, что кто-нибудь изъ нихъ зайдетъ слишкомъ далеко, если эта сцена не прекратится.

— Братъ, сказалъ онъ,— ты теперь слишкомъ раздраженъ, чтобы говорить хладнокровно. Когда ты придешь въ себя, то поймешь, что я не могъ тебя оскорбить. Что касается до Чернова, то я сказалъ ему, что объяснюсь съ нимъ завтра, и не поѣхать теперь къ нему значило бы остаться въ дуракахъ передъ нимъ. Это невозможно.

— Тѣмъ хуже для тебя, если ты одурачился передъ нимъ,

но я за это не заплачу съ честнымъ именемъ моей жены. Черновъ ѣздитъ ко мнѣ и знай, что будетъ продолжать ѣздить.

Яковъ Матвѣевичъ поблѣдилъ.

— Подумай о томъ что ты говоришь, сказалъ онъ,—я не могу отказаться отъ своихъ словъ передъ этимъ мальчишкой, и ты долженъ выбирать между имъ и мной: если онъ будетъ продолжать сюда ѣздить, то мнѣ придется отсюда выѣхать.

— И тебѣ сказалъ, что объясненіе съ Черновымъ оскорбитъ Вѣрочку, и что я не позволю никому ее оскорблять.

— Итакъ, спросилъ Яковъ Матвѣевичъ, дрожащимъ голосомъ,—я долженъ отсюда выѣхать?

— Какъ тебѣ угодно.

Наступило молчаніе. Они сидѣли оба петуя газа.

— Павелъ! крикнулъ наконецъ Яковъ Матвѣевичъ.—Прикажи Андришкѣ укладывать мои вещи, да вели заложить тарантасъ, продолжалъ онъ, когда тотъ отворилъ дверь.—Я переѣзжаю на хуторъ.

Павелъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Какъ на хуторъ? спросилъ онъ.

— Да также. Тѣсно стало намъ жить вмѣстѣ въ Жорновкѣ.

— Должно-быть тебѣ въ самомъ дѣлѣ тѣсно, коли ты уѣзжаешь изъ одного каприза, замѣтилъ Василій Матвѣевичъ, который смотрѣлъ въ эту минуту на брата не иначе какъ на загого преслѣдователя его бѣдной Вѣрочки.

Эти слова и холодный тонъ, которыми они были произнесены, потрясли до глубины души Якова Матвѣевича. Онъ вспомнилъ всѣ свои страданія въ это послѣднее время, вспомнилъ всю свою жизнь, посвященную брату, который жертвовалъ такъ хладнокровно, повидимому, всею его безграничною любовью капризу хорошенькой женщины. Всѣ его любящія чувства замолкли, между тѣмъ какъ неукротимые порывы негодованія и озлобленія, такъ долго сдержанные, заговорили въ немъ.

— Не забудь, промолвилъ онъ, съ горькою улыбкой,— что ты выгоняешь меня изъ этого дома. Прощай; тебѣ будетъ теперь просторно съ твоею женой и съ ея любовникомъ.

Василій Матвѣевичъ окончилъ съ своего мѣста.

— Это слово никому на свѣтѣ не сошло бы даромъ съ рукъ, Яковъ Матвѣевичъ, вскрикнулъ онъ, мы теперь чужіе другъ другу, и жить вмѣстѣ дѣйствительно не можемъ.

Часть спуста, Яковъ Матвѣвичъ садился въ тарантасъ нагруженный двумя чемоданами. Старикъ былъ бѣденъ и молчаливъ и надвинулъ фуражку на свои влажные глаза. Провожалъ его одинъ только Павелъ.

На хуторѣ жилъ когда-то управляющій, въ маленькомъ флигелѣ, состоявшемъ изъ трехъ комнатъ и совершенно оустѣвшемъ въ настоящую минуту. Два стула и изломанный столъ составляли все его убранство. Андрей разложилъ желѣзную кровать и сталъ хлопотать около самовара, который досталъ у дворовыхъ. Но Яковъ Матвѣвичъ отказался отъ чая, вышелъ и сталъ бродить по двору. Мудрено было бы описать всѣ чувства, которыя волновали наболѣвшую душу старика. Ему словно не вѣрилось, что онъ дѣйствительно оставилъ Жорновку, оставилъ ее на вѣкъ и сдѣлался чужимъ для брата и чужимъ въ томъ домѣ, гдѣ родился, около котораго покоится прахъ его матери. Поднялся сѣверный вѣтеръ и пошелъ мелкій дождь, но Яковъ Матвѣвичъ продолжалъ ходить съ обнаженной головой, и какъ будто не сознавая того, что дѣлалось около него. Ему казалось иногда, что онъ слышитъ звукъ экипажа, и онъ останавливался съ неясною надеждой, что Василій Матвѣвичъ пріѣхалъ вслѣдъ за нимъ съ тѣмъ чтобъ увезти его назадъ. Но звукъ, обманувшій его, пропадалъ въ отдаленіи или сливался съ завываніемъ вѣтра. Богъ знаетъ сколько продлилась бы еще эта печальная прогулка, еслибы жалобное мауканье не привлекло его вниманія. Онъ нагнулся, и разглядѣлъ съ трудомъ въ темнотѣ котенка дрожавшаго отъ холода. Старикъ взялъ его на руки. Видно и тебя выбросили изъ родимаго гнѣздышка, сказалъ онъ со вздохомъ, и повесъ его домой.

Въ его отсутствіи Андрей приготовилъ постель и сдѣлалъ личицу, которая дымилась уже на столѣ.

— Я не буду ужинать, и мнѣ ничего не нужно, сказалъ ему Яковъ Матвѣвичъ. Поди спать, да сперва накорми этого котенка.

Оставшись одинъ, онъ сѣлъ на кровать и оглянулся: пришло мнѣ доживать свой вѣкъ бобылемъ, подумалъ онъ, сталъ медленно раздѣваться.

Онъ заснулъ, когда солнце было уже довольно высоко, и, проснувшись поздно, посмотрѣлъ съ удивленіемъ около себя и не вдругъ собралъ свои мысли. Чемоданъ, стоявшій на полу, выбравшійся изъ него и лежавшій на окнахъ и на столѣ вещи,

и котомокъ робко пытавшійся достать своей габкою ланкой кисти халата висѣвшаго на спинкѣ стула, возвратили его къ полному сознанию его грустнаго положенія. Онъ всталъ и позвать Андрея, но голова Павла показалась въ дверяхъ.

— Пріѣхалъ васъ провѣдать, батюшка, сказалъ онъ, да привезъ вамъ все нужное.

— Спасибо что вспомнилъ обо мнѣ, сиротинкѣ, отвѣчалъ Яковъ Матвѣевичъ, обнимая его и стараясь скрыть свое смущеніе.

Павелъ хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукой, и ограничившись замѣчаніемъ, что говорилъ де не мало, да ума-разума не стало, отправился за самоваромъ, между тѣмъ какъ Андрей разбиралъ на дворѣ мебель и вещи, привезенныя изъ Жорновки. Когда все было приведено въ порядокъ, Павелъ снабдилъ его надлежащими инструкціями насчетъ хозяйства, и простился съ бариномъ, который наказалъ ему навѣщать почаще хуторъ.

— Да ужь хоть бы вы и не приказывали, сударь, отвѣчалъ Павелъ, вѣдь намъ съ вами одно, знать, горе Богъ послалъ. Можетъ у меня черезъ все это сердце коробомъ вестъ.

Долго не могъ Яковъ Матвѣевичъ свыкнуться съ своимъ одиночествомъ. Въ первые дни своего пребыванія на хуторѣ онъ ласкалъ себя мыслию, что братъ пріѣдетъ съ нимъ мряться. Но когда ему наконецъ пришлось отказаться отъ этой надежды, онъ совершенно упалъ духомъ. „Богъ съ нимъ! совсѣмъ онъ меня бросилъ!“ повторялъ онъ себѣ, и становился все грустнѣй и задумчивѣй. День даился бесконечно для него. Боясь наткнуться на нескромное участіе или на праздно любопытство сосѣдей, и услышать докучные разспросы и восклицанія по поводу его отношеній къ брату, онъ оставилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и даже къ обѣднѣ ѣздилъ въ отдаленный приходъ, гдѣ не подвергался неприятымъ встрѣчамъ. Къ тому же занятія у него не было почти никакого: правда, что, по приказанію Василя Матвѣевича, староста являлся къ нему попрежнему съ докладомъ, и онъ самъ объѣзжалъ поля, лежавшія около хутора, но главныя работы шли въ Жорновкѣ, а туда онъ не заглядывалъ. Въ минуты досады ему не разъ приходило на умъ прекратить раздѣломъ имѣнія всѣ сношенія съ братомъ, но къ этой мѣрѣ онъ однако не рѣшался приступить. Не отдавая себѣ полнаго отчета въ своемъ чувствѣ, онъ дорожилъ хотя и слабою связью

между собой и Васильемъ Матвѣвичемъ: ему казалось, что всякая надежда на сближеніе еще не утратилась, пока онъ могъ говорить: *наши имѣнія, наши доходы.*

Павель ѣздилъ къ нему часто. Яковъ Матвѣвичъ не спрашивалъ его никогда прямо о братѣ, но встрѣчалъ его обыкновенно словами:

— Что у васъ подымывается?

И Павель разказывалъ, что Василій Матвѣвичъ очень тоскуетъ и часто о немъ спрашиваетъ, да ужъ видно не его воля, а онъ долженъ теперь жевѣ во всемъ *подражать*, и что Вѣра Николаевна такой *форсъ* забрала, что бѣжалъ бы безъ оглядки.

— Ужъ и мнѣ отъ нея житья нѣтъ, говорилъ онъ.— Вотъ теперь пролюхала, что Василій-то Матвѣвичъ часто со мной про васъ толкуютъ, такъ и меня бы со свѣта Божьяго согнала. То-и-дѣло мнѣ выговоръ: ужъ чего Миколка,—такъ и тотъ ей помѣшалъ. Зачѣмъ онъ ко мнѣ ходитъ въ переднюю, грамотѣ учиться? Намедни, сижу это я, карпетки вяжу, а мальчишка читаетъ, вдругъ влетѣла. Вертится, прости Господи, какъ бѣсъ передъ заутреней, и Павель показалъ, какъ Вѣра Николаевна вертится. „Нельзя ли вамъ, говоритъ, Павель, учить вашего внука у себя во флигелѣ?“ Вѣдь все ты, а не то, что какъ обыкновенно господа съ холопами обращаются; хочеть это показать, что какъ я, молъ, деликатно воспитана! Да, ужъ этимъ не возьмешь! „Нешто, я говорю, онъ въ чемъ мѣшаетъ, Вѣра Николаевна?“— „Онъ, говоритъ, грязн въ переднюю натаскалъ.“— „Не знаю, говорю, сударыня, у насъ, кажется, всегда чисто было, а точно что, можетъ, сапоги теперь сыры, потому, на дворѣ грязно. Да вѣдь грязь не диковина какая; нешто ее подтереть-то нельзя?“

Эти бесѣды составляли самую свѣтлую сторону жизни отшельника. Ему были отрадны увѣренія стараго камердинера что братъ по немъ тоскуетъ, и кромѣ того, лицо Павла напоминало ему Жорновку и всю прежнюю его жизнь, наконецъ, онъ видѣлъ въ немъ самаго неподкупнаго посредника между собой и братомъ.

Но и эти слабыя надежды на примиреніе, основанная на содѣйствіи Павла и на возможномъ сближеніи посредствомъ общихъ интересовъ, блѣднѣли съ каждымъ днемъ, подъ гнетомъ одиночества и тоски. „Нѣтъ, ужъ видно мнѣ суждено умереть здѣсь одному, и никто меня не приголу-

бить, какъ я приголубилъ этого котенка“, думалъ онъ часто, лаская своего питомца. Онъ бродилъ по цѣлымъ часамъ около своего хуторка или выходилъ на большую дорогу и глядѣлъ влажными глазами на Жорновскій лѣсъ и слушалъ иногда съ біеніемъ сердца отдаленный звукъ родимаго колокола и, возвратившись домой, садился утомленный въ свои кресла, и Андрею приходилось часто напоминать ему, что пора обѣдать или уживать.

Но, что же дѣлалось въ это время въ Жорновкѣ? Гнѣвъ Василия Матвѣевича внезапно остылъ послѣ отъѣзда брата и оставилъ въ сердцѣ старика глухую грусть, которую онъ пытался разсвѣять, повторяя себѣ, что не онъ виноватъ въ случившемся, что было бы съ его стороны не честно позволить кому бы то ни было оскорблять его жену, что Яковъ Матвѣевичъ черезчуръ уже уважился своей ненавистію къ бѣдной Вѣрочкѣ, и наконецъ, что, по всей вѣроятности, онъ скоро соскучится на хуторѣ и возвратится въ Жорновку, зная, что Василий Матвѣевичъ всегда радъ съ нимъ помириться, а Вѣрочка такой ангелъ, что готова все забыть, лишь бы ей протянули руку отъ души.

Но время проходило, а онъ не возвращался, и Василию Матвѣевичу пришлось скоро сознаться передъ самимъ собой, что отсутствіе брата, праваго ли, виноватаго ли, оставило въ домѣ страшную пустоту. Онъ сталъ тосковать, и грусть ажилась тѣмъ тяжелѣе ему на сердце, что онъ не могъ подвѣститься ею ни съ Павломъ, понимая въ какую сторону клонятся симпатіи стараго камердинера, ни съ Вѣрочкой, которая могла бы легко оскорбиться изъявленіемъ печали мужа. Чѣмъ тщательнѣе онъ старался разсвѣять мысли одолѣвавшія его, тѣмъ сильнѣе онъ его преслѣдовали, и цѣлый день былъ для него рядомъ тяжелыхъ воспоминаній. Вставалъ онъ рано и отправлялся пить чай въ комнату матери, гдѣ пилъ его обыкновенно съ братомъ, но видъ опустѣлаго мѣста, которое занималъ въ продолженіе тридцати лѣтъ Яковъ Матвѣевичъ, нагонялъ на него такую тоску, что онъ приказалъ подавать себѣ чай въ залу.

„Что, видно, и чашка-то чая въ горло нейдетъ“, подумалъ Павелъ, „ништо тебѣ! Дай только волю жenuшкѣ, и не те еще увидишь: она тебя совсѣмъ изведетъ!“

И за обѣдомъ ли, вечеромъ ли, когда семейство собралось обыкновенно въ гостиную, первое, что бросалось въ глаза

Василію Матвѣвичу, было опять-таки пустое мѣсто, которое придавало вѣснѣ окружающимъ его предметамъ какой-то мрачный колоритъ. Стоялъ ли онъ въ церкви у того окна, гдѣ ставалъ еще ребенкомъ съ Яковомъ Матвѣвичемъ, его начинала томить новая грусть, и онъ забывалъ сѣднть за службой, а возвращаясь домой, чувствовалъ непреодолимый страхъ, когда останавливался на погостѣ, чтобы совершить обычную молитву на могилѣ матери. Въ короткое время, подъ вліяніемъ этихъ болѣзненныхъ впечатлѣній, послѣднія, тяжелыя отношенія къ брату совершенно изгладились изъ его памяти, между тѣмъ какъ то-и-дѣло пробуждаемыя воспоминанія переносили его къ мирнымъ и свѣтымъ днямъ его семейной жизни.

Онъ такъ грустилъ иногда, что Вѣрочкѣ становилось жаль его. Съ цѣлю его разсѣять, она приглашала часто сосѣдей на обѣды или на вечеръ, предупредивъ ихъ заранѣе чтобы они не спрашивали о Яковѣ Матвѣвичѣ, но скоро убѣдилась, что ихъ присутствіе тягостно для ея мужа. Ему было дѣйствительно не ловко видѣть ихъ въ этомъ домѣ, гдѣ онъ и его братъ принимали ихъ въ продолженіе столѣтій лѣтъ, и самъ онъ сталъ выѣзжать очень рѣдко. Вѣрочка, думая ему угодить, сѣла разъ за клавикорды и стала пѣть одну изъ его любимыхъ пѣсень, но онъ остановилъ жену при первыхъ звукахъ.

— Пѣть, не надо, сказалъ онъ, — я сегодня немного разстроенъ, и музыка слишкомъ сильно на меня дѣйствуетъ.

Дѣло въ томъ, что эти пѣсни были ему дороги, какъ отголосокъ молодости, а все что относилось къ его молодости было мерзавѣльно для него съ образомъ брата. Разговоръ о турецкой войнѣ былъ также изгнанъ изъ бесѣды: невозможно было отдѣлать воспоминанія о Варѣ отъ воспоминаній о Яковѣ Матвѣвичѣ. Старики живутъ въ прошедшемъ, а въ прошедшемъ являлось для него постоянно одно и то же лицо, одна и та же привязанность.

Еслибы причиною ссоры была не Вѣрочка, Василій Матвѣвичъ давно бы съѣзжалъ на хуторъ и заключилъ бы мирную, но ему необходимо было щадить чувства молодой женщины, отъ которой онъ однако скрылъ послѣднюю выходку своего брата. Но Вѣрочка считала себя все-таки сильно оскорбленною Яковомъ Матвѣвичемъ и могла еще по душевной своей добротѣ принять его извиненія, но возможно ли было

требовать отъ нея инициативы? Василий Матвѣевичъ понималъ, что необходимо убѣдить брата сдѣлать первый шагъ, и рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ помощи Павла, которому не говорилъ, до тѣхъ поръ, ни слова о своемъ горѣ.

— Ты, кажется, былъ вчера на хуторѣ? спросилъ онъ его разъ.

— Точно такъ-съ.

— Ну, что братъ?

— Известно что: теперь житье ихнее самое горькое.

— А кто жь ему велитъ? Вѣдь онъ, здѣсь, слава Богу не гость: захочетъ, такъ назадъ придетъ. Развѣ онъ не знаетъ, что я ему радъ буду?

— Мало ли что! Вотъ и не гость, да пришлось ему отсюда выѣхать.

— А ты думаешь мнѣ-то легко?

— Да кто же въ этомъ, сударь, виноватъ? Вѣдь на то была ваша воля; вы его сами обидѣли, отвѣчалъ Павелъ, который рѣшительно не признавалъ за оскорбленіе слова, сказаннаго Яковомъ Матвѣевичемъ насчетъ Вѣрочки.

— Ну, да ужь тамъ нечего разбирать, кто кого обидѣлъ; мы съ нимъ не въ первый разъ повздорили: какъ-нибудь сочтемся. Ты бы ему такъ и сказалъ. А ужь коли на правду пошло, такъ онъ точно передъ моею женой не правъ. Ну, сознайся, что даромъ погорячился,—вотъ и дѣло съ концомъ. Право, ты бы это ему сказалъ.

— А они изволятъ говорить: „Я, говорить, завсегда съ братцемъ помириться радъ, да все-таки, такъ какъ я, говорить, имъ старшій, и опять же, по моей къ нимъ любви, они мнѣ могутъ спихожденіе сдѣлать. А насчетъ Вѣры Миколавны, въ мои годы, не приходится мнѣ, говорить, передъ ней уважаться, и я самъ отъ нея бы скорѣе могъ уваженія ждать. И если, говорить, по ихней амбиціи это имъ покажется обиднымъ, такъ мнѣ, говорить, и подавно.“

Подобные разговоры стали часто возобновляться. Василий Матвѣевичъ догадывался, что Павелъ выдавалъ иногда свои собственные соображенія за слова его брата, но понималъ однако, что эти соображенія не лишены основанія. Оставалась одна надежда: обратиться къ невольнымъ чувствамъ Вѣрочки.

— А знаешь, мой другъ, сказалъ онъ ей разъ,—Павелъ говоритъ, что братъ очень скучаетъ одинъ. Онъ, точно, передъ

тобой виновать, но вѣдь все больше изъ любви ко мнѣ погорячился, и ты вѣрно на него злобы не имѣешь. Ужь не съзидить ли мнѣ къ нему? Какъ ты думаешь?

— Это зависитъ единственно отъ васъ, отвѣчала она.—Ради Бога, забудьте обо мнѣ и дѣлайте все что вы желаете.

Черезъ нѣсколько минутъ она ушла въ свою комнату, опустила сторы и легла, жалуясь на головную боль; какъ скоро Василий Матвѣвичъ входилъ къ ней, она начинала сморкаться, чтобы дать ему знать, что плачетъ. Но въ первый разъ слезы жены не тронули, а наоборотъ раздражили его. Онъ не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія, но оказалъ себѣ неволью: „Я пожертвовалъ братомъ изъ любви къ ней; почему же она, изъ любви ко мнѣ, не можетъ ему простить?“

Иныя чувства измѣняются медленно подѣ влияніемъ времени и событій, и никто не можетъ опредѣлить, когда именно былъ данъ первый толчокъ, ослабившій ихъ. Другія, наоборотъ, обрываются круто и оставляютъ мгновенно въ сердцѣ опутительную пустоту. До сцены разказанной нами, Василий Матвѣвичъ видѣлъ въ своей женѣ соединеніе всѣхъ человѣческихъ совершенствъ, и первый упрекъ, который онъ ей невольно сдѣлалъ, отнявъ у его любви славное и безграничное довѣріе, и ему было тѣмъ тяжеле, что поводомъ къ этому упреку служила его привязанность къ брату.

Разъ, пока онъ повѣрялъ Павлу свое горе насчетъ ихъ размовки, старалась однако выгораживать жену отъ всякаго упрека, молодая женщина вошла въ комнату, и уловивъ нѣсколько словъ, которыя заставили ее понять о чемъ идетъ разговоръ, взглянула такъ сухо на Павла, что онъ въ ту же минуту пробормоталъ сквозь зубы:—экій аспидъ какой!

Василій Матвѣвичъ былъ такъ разстроены, что ему показалось невозможнымъ, чтобы жена не приняла, на этотъ разъ, живаго участія въ его горѣ. Онъ притянулъ ее къ себѣ и взглянулъ на нее нѣжнымъ и умоляющимъ взоромъ, между тѣмъ какъ слезы струились по его щекамъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, ангелъ мой, сказалъ онъ,—пора бы помириться съ братомъ.

Вѣрочка освободилась отъ его объятій, и отвѣчала сухо, а съ трудомъ сдерживая свою досаду:

— Я васъ уже просила поступать въ этомъ случаѣ какъ вамъ угодно. Вы въ полномъ правѣ выбирать между мной и Яковомъ Матвѣвичемъ; но если вы ему жертвуете мной,

которая вѣрилась такъ само вашей любви и вашему покровительству, не требуютъ, по крайней мѣрѣ, чтобы я приняла это съ особенною радостію. Что бы вы не сдѣлали, должна повиноваться и буду молчать, но больше этого я ни чего не могу сдѣлать.

На этотъ разъ Вѣрочка не расслабалась, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней обходилась, напротивъ, съ мужемъ холодно и сдержанно, а потомъ принялась ухаживать за нимъ попрежнему, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Новое горе готовилось бѣдному старику: Павелъ не ошибся говоря, что его бесѣды съ Василиемъ Матвѣевичемъ были и по душѣ Вѣрочкѣ. Она положительно боялась его заигнанія и мужа, и съ цѣлю его удалить усиливала свои нападки по поводу появившейся Николаки въ переднюю, плохо смѣтенной пыли и тому подобнымъ бездѣлицъ. Наконецъ Павелъ Омичъ, введенный изъ терпѣнія, вошелъ разъ въ залу, когда Василій Матвѣевичъ пилъ чай по утру.

— Извольте меня, сударь, уволить отъ службы, сказалъ онъ грубымъ голосомъ.

— Какъ отъ службы уволить! что ты, съ ума что ли сошелъ!

— Никакъ нѣтъ-съ. А только что на Вѣру Миколаевну никакъ не угодишь.

— Что за вздоръ! Коли она тебѣ какое замѣчаніе сдѣлала, такъ это еще не бѣда. Не всякое же лько въ строку.

— Нѣтъ, Василій Матвѣевичъ, ужь мнѣ не въ терпѣніе стало: я, кажется, вѣкъ при васъ служилъ, да выговоромъ не самхалъ, а ужь на старости лѣтъ оно мнѣ и обидно, что меня какъ мальчишку какого трактуютъ.

— Ну, ну полно; я окажу Вѣрочкѣ, чтобы она больше не бранила тебя.

— Нѣтъ-съ, что имъ говорить! извольте ужь лучше меня. Я доволюсь, слава Богу, послужилъ вамъ...

— Я тебя насильно удерживать и не стану, а признаться, я бы никакъ не подумалъ, чтобы ты потяготился своею службой.

— Тяготиться я ей не тягочусь, да знать не помимо васъ пословица говорится, что не такъ живи какъ хочешь, а такъ какъ Богъ велитъ. Не наша, видно, съ вами воля: вотъ оно что!

— Ужь я тебѣ сказалъ, отвѣчалъ Василій Матвѣевичъ, который начиналъ болтаться, что Павелъ зайдетъ слишкомъ далеко,—что насильно я тебя удерживать не буду: дѣлай какъ знаешь.

— Да еще, сударь, я хотѣлъ васъ просить насчетъ жены, и она на покой просится: ей тоже мудро въ шестьдесятъ-то лѣтъ Настыкѣ угодать.

— И жена твоя совершенно свободна, если служить больше не хочетъ.

— Такъ я вашъ гардеробъ Ивану сдамъ, а насчетъ хозяйства, какъ Вѣра Миколаевна прикажутъ,—сами ли все примутъ отъ моей жены, дѣвка ли ихняя теперь будетъ распоряжаться, сказалъ Павелъ уходя.

Василій Матвѣевичъ грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ всталъ и пошелъ въ комнату Прасковьи Васильевны. Видъ этой комнаты сильно его волновалъ, и онъ давно въ нее не заглядывалъ, но теперь, за неимѣніемъ дружескаго лица, которому онъ могъ бы сказать задушевное слово, ему показалось, что эти осиротѣвшія стѣны, хранившія такъ живо воспоминанія всей его жизни, съ которыми было связано столько дорогихъ для него преданій, ожалуются надъ нимъ. Онъ сѣлъ на диванъ, взглянулъ какъ на старыхъ друзей, на окружавшіе его предметы, и опустилъ свою сѣдую голову на подушку покоившую не разъ въ дѣтствѣ его кудрявую головку.

— А всего только годъ какъ женатъ, промолвилъ онъ вполголоса, и слезы покатались ручьемъ изъ его глазъ.

Но вдругъ послышался въ корридорѣ голосъ Вѣрочки: Василій Матвѣевичъ посрѣшню всталъ, ушелъ въ свой кабинетъ и заперъ за собой дверь.

Вѣрочка обдумала всѣ свои планы, чтобы провести зиму въ Москвѣ, гдѣ Черновъ уже ожидалъ ее. Она съ самаго начала осени стала покашливать и жаловаться на грудь. Мужъ хотѣлъ послать за докторомъ, но молодая женщина отвѣчала, что не имѣетъ вѣры ни къ одному медику, исключая того, который лѣчилъ ее въ Москвѣ, хорошо знаетъ ея натуру, и уже спасъ ее отъ смертельной болѣзни.

— Еслибъ я могла повидаться съ нимъ хоть разъ, говори она,—то я увѣрена, что онъ далъ бы мнѣ полезный совѣтъ, я очень боюсь разнеможиться совсѣмъ зимой.

Василій Матвѣевичъ предложилъ ей ѣхать на нѣсколько дней въ Москву. Она сначала отвѣкивалась, говоря, что ей совѣстно оставить мужа въ Жорновкѣ, гдѣ онъ соскучится одинъ, но наконецъ согласилась, и было рѣшено, что она уѣдетъ, какъ только установится зимній путь.

Насчетъ остальнаго она была покойна: главное было

добраться до Москвы, а потому очень просто написать, что докторъ, находя въ ней серьезную болѣзнь, не отпускаетъ ее въ деревню. Василий Матвѣевичъ испугается, и нѣтъ сомнѣнiя, что рѣшится мамать домъ въ Москвѣ и самъ туда прiѣдетъ.

Впрочемъ, Вѣрочка замѣчала большую переѣну въ мужѣ въ отношенiи къ ней, но это не пугало ее. „Онъ все о своемъ братцѣ тоскуетъ“, думала она,—„но это пройдетъ: вѣдь не сiамскiе же они близнецы, что не могутъ жить другъ безъ друга. Въ Москвѣ онъ будетъ совсѣмъ другой; тамъ невольно развлечется: увидитъ порядочныхъ людей и станетъ ѣздить по вечерамъ въ Англiйскiй клубъ, а здѣсь, какъ ни бойся, его не развеселишь.“

Извѣстiе о предполагаемой поѣздкѣ Павла съ поспѣшии сообщитъ Якову Матвѣевичу, который грустно покачалъ головой. Онъ догадывался, что Вѣрочка не можетъ помириться съ житьемъ въ Жорновкѣ, и давно боялся, чтобъ она не уговорила мужа ѣхать въ Москву. Хотя онъ и говорилъ, что на свои отношенiя съ братомъ онъ смотрѣлъ какъ на дѣло оконченное, ему все-таки приходило иногда въ голову, что благодаря близкому сосѣдству, какой-нибудь случай можетъ его сблизить опять съ Василиемъ Матвѣевичемъ. Онъ придумывалъ даже какой это именно можетъ быть случай, и представлялъ себѣ такъ живо всѣ подробности ихъ встрѣчи: какъ братъ, увидавъ его, вспомнитъ въ одну минуту все прошлое, не вытерпитъ и бросится къ нему на шею, и какъ онъ самъ обниметъ его,—и онъ строил воздушные замки и какъ ребенокъ потѣшался собственными мечтами, пока, наконецъ, голосъ Андрея или маукавые его котенка не возвращали его къ оснанiю действительности.

— Вотъ ты увидишь, что она и брата въ Москву переманитъ, сказалъ онъ Павлу.

— Наврядъ ли, Яковъ Матвѣевичъ, вѣдь ужъ теперь совсѣмъ не то, что было.

— А что?

— Да совсѣмъ не такую теперь силу Вѣра Миколаевна имѣетъ. Должно-быть, братецъ-то и спохватился, да поздно: близокъ, знать, докоть, да не укусишь. Я-то ихъ рѣдко вижу, потому,—мнѣ тоже не легко къ нимъ ходить, знавши, что я остался теперича не при чемъ, а только по воскресеньямъ, послѣ обѣда къ нимъ захожу, а вотъ Иванъ оказывается, что

они еще пуще тосковать стали, и все больше въ своемъ кабинетѣ одни сидятъ. И какъ Вѣра Николаевна около него не увивается, какъ хвостомъ не виляетъ,—ничего не подѣлаетъ.

— Ну, а какъ ты къ нему приходишь, что жь онъ тебѣ говорить?

— Какъ всякій разъ обрадуется! и все больше объ васъ спрашиваетъ.

— Онъ обо мнѣ спрашиваетъ, а я объ немъ, а придется намъ умирать по разнымъ угламъ. Ужь не видать мнѣ Жорновки, Павелъ, пока не отвезутъ на погостъ, да не положить рядомъ съ Прасковьей Васильевной, заключалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Павелъ Ѳомичъ вчера вечеромъ присматривали, доложилъ разъ утромъ Андрей, ставя на столъ кипящій самоваръ.

— Зачѣмъ?

— Да Василий Матвѣевичъ изволили въ Ивановку ѣздить: ихъ изъ тарантаса вывалило, и очень они больно ушиблись, такъ что безо всякаго даже чувства ихъ домой принесли.

Яковъ Матвѣевичъ поблѣднѣлъ и вскочилъ съ своего мѣста.

— Что жь ты мнѣ вчера не сказалъ? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы ужь поживать леги, а я не посмѣлъ васъ разбудить, отвѣчалъ Андрей, который отличался всегда догадливостью.

— Что ты надѣлалъ, дуракъ! Вели скорѣй закладывать тарантасъ,—скорѣй какъ можно. Да гдѣ мой сю ртукъ?

Черезъ нѣсколько минутъ онъ выбѣжалъ самъ на дворъ, чтобы торопить кучера, и когда все было готово, сѣлъ въ тарантасъ и приказалъ погонять лошадей. Но волбрская грязь, прикрытая полурастаявшимъ снѣгомъ, замедляла ѣзду. Прорѣхавъ почти шагомъ версты двѣ, Яковъ Матвѣевичъ вышелъ изъ терѣна.

— Стой! крикнулъ онъ,—этстагни саврасую; я поѣду верхомъ.

Онъ стегалъ немилосердно лошадь и скоро очутился въ виду жорновскаго проспекта. Вдругъ вдали показалась телега, которою управлялъ Павелъ. У Якова Матвѣевича потемнѣло въ глазахъ: Павелъ ѣдетъ вѣрно къ нему,—но съ какимъ извѣстіемъ? Ужь застанетъ ли онъ брата въ живыхъ? Онъ выпустилъ поводья изъ рукъ и чуть не свалился съ лошади, которая остановилась. Наконецъ Павелъ подѣхалъ.

— Ну что?... ну что, Павелъ? спросилъ едва внятно Яковъ Матвѣевичъ, не смѣя произнести имени брата.

— Слава Богу, отвѣчалъ Павелъ, сдѣвая съ телега.—Василій Матвѣевичъ совсѣмъ оправдался, и ночь хорошо почила. Я отъ нихъ во все время не отходилъ, а похвалялъ, какъ ужь они чаю накушались, и теперь въ замятѣ прохаживаются. Да что жь это вы, сударь, вчера-то не пріѣхали?

— А ушиба сильнаго нѣтъ?

— Да ничего-съ. Ужь это я очень испужался, что съ вами дураота сдѣлалась. Да спасибо докторъ тутъ случился у Петровскаго: тотчасъ за нимъ послали, ну и онъ говорить, что ничегъ.

— А кто жь обо мнѣ-то хватился? спросилъ Яковъ Матвѣевичъ, съ тайною надеждой, что его братъ, чувствуя себя въ опасности, вспомнилъ о немъ.

— Да то-то я ужь очень испужался да и прислалъ, а тутъ какъ они пришли въ себя, такъ и сами говорятъ, что боли не чувствуютъ. А я васъ, признаться, все поджидалъ: думалъ, что вы, хоть поздно, да пріѣдете.

— Дуракъ Андришка меня не разбудилъ: я только сегодня обо всемъ узналъ.

— Вишь, болванъ какой! А я строго-на-строго приказывалъ, чтобы вамъ доложили, потому — ужь зналъ, что хотя между вами и вышла такая неприятность, а все-таки вы въ такомъ случаѣ брата не оставите. Вѣдь хорошо, что Богъ съ рукъ свесъ. А ужь какъ бы онъ вамъ обрадовался кабы вы пріѣхали-то.

„Обрадовался бы мнѣ, однако не онъ за мной прислалъ,“ подумалъ Яковъ Матвѣевичъ.

— Да что, сударь, началъ опять Павелъ, помолчавъ немного,—плюньте вы на Вѣру Миколаевку: поведемте со мной. Василій-то Матвѣевичъ ужь сколько разъ подговаривался, чтобы вы пріѣхали въ Жорновку. Еслибы теперича не эта змѣя подкодная, онъ бы, кажется, давно бы къ вамъ сѣгалъ, да не можетъ онъ этого супротивъ нея сдѣлать. Хотя онъ и много отъ нее отсталъ, а все жь жена: онъ долженъ по неволѣ ея руку держать.

— Такъ что жь? мнѣ теперь вѣхать передъ ней казаться?

— Какъ можно, сударь! Я всегда и Василию Матвѣевичу докладывалъ, что вамъ передъ Вѣрой Миколаевной унижаться не слѣдъ, а только что теперича вы не къ ней, а брата

навѣстить прїѣдете, такъ какъ вы узнали, что онъ вчера ушибся, а въ животѣ и въ смерти Богъ волеяъ, и хотѣли вы, по христіанскому долгу, съ нимъ помириться передъ послѣднимъ концомъ. Вѣдь еслибы вы меня теперича не встрѣтили, такъ ужъ безпремѣнно бы довѣхали до Жорновки. А почему кто знаетъ, что мы съ вами повстрѣчались? Можетъ мы съ вами и развѣхались, и вы совсѣмъ не знаете, что ему полегчало. Право, Яковъ Матвѣевичъ, повѣдите.

Яковъ Матвѣевичъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Онъ былъ почти готовъ соглашаться на предложеніе, и колебался лишь передъ мыслию, что Павелъ будетъ повѣрять его слабости и обмана, которымъ онъ ее прикроетъ. Но борьба продолжалась не долго: пока старый камердинеръ, не спуская съ него пытливаго взора, ожидалъ его перваго слова со страхомъ и надеждой, онъ подвѣлъ машинально глаза и загагалъ на родимый домъ, бывшій сквозь облаченные деревья, и на церковь, въ которой такъ часто и такъ усердно, молился за неблагодарнаго брата, и горькое чувство, усыпленное на время безпокойствомъ, подвѣлось опять со дна его души.

— Нѣтъ, Павелъ, сказалъ онъ, — братъ меня выгналъ изъ этого дома, и я сюда ужъ не ѣздохъ. Будь Василій Матвѣевичъ опасенъ,—дѣло другое: передъ смертію все забывается, но онъ, слава Богу, оправился, и я ему теперь не нуженъ.

И онъ хотѣлъ повернуть лошадь.

— Богъ съ вами, сударь! съ вами должно быть каши не сварить, сказалъ Павелъ, появившій изъ его рѣшительнаго тона, что уговаривать его было бы бесполезно. — А все жъ вамъ верхомъ ѣхать нельзя: на васъ просто лица нѣтъ. Пересядьте ко мнѣ въ телѣгу, а лошадь пойдетъ за нами.

— Нѣтъ, можетъ, ты тамъ понадобишься.

— Да вѣдь я же вамъ докладываю, что тамъ все теперь слава Богу, а воля ваша, я васъ однихъ не отпущу.

Они сѣли въ телѣгу; Павелъ разказалъ подробности вчерашняго событія, и оба замолчали.

— Ты бы ему лучше и не говорилъ, что я прїѣзжалъ, сказалъ наконецъ Яковъ Матвѣевичъ. — Къ чему?

Эти слова онъ произнесъ, чтобы быть чистымъ передъ своею совѣстію, или скорѣе передъ своею гордостію, но втайнѣ, онъ надѣялся, что Павелъ разкажетъ брату о его посѣщеніи, и,—какъ знать,—можетъ-быть новое доказательство

его любви пробудить въ сердцѣ Василя Матвѣевича чувство, которое Вѣра Николаевна умѣла усыпить, но врядъ ли была въ силахъ искоренить. Андрею, Яковъ Матвѣевичъ чувствовалъ, что никогда не проститъ его вчерашней догадливости. То ли дѣло еслибъ онъ пріѣхалъ наканунѣ, безъ заднихъ мыслей, спорахъ! Все было бы забыто, все пошло бы на ладъ; наканунѣ не было возможности отказать на вѣстить Василя Матвѣевича, который былъ въ опасности; наканунѣ самъ случай привелъ бы его въ Жорновку, помимо даже его воли. Желанная цѣль была бы достигнута, и его гордость спасена, потому что самъ случай устроилъ бы мировую между нимъ и братомъ. Но онъ не могъ воспользоваться этимъ случаемъ, и врядъ ли встрѣтится впереди новая возможность къ сближенію.

Василій Матвѣевичъ между тѣмъ долженъ былъ наконецъ сознаться передъ собой, что онъ положительно отдался отъ жем, и это сознание обдавало его холодомъ. Старикъ, надчлвственно оторванный отъ привязанностей, составлявшихъ основу его жизни, чувствовалъ, какъ послѣдняя искра молодости, пробужденная красотой Вѣрочки, постепенно гаснетъ подъ вліаніемъ безотрадной тоски. Страхъ овладѣвалъ имъ, когда онъ заглядывалъ впередъ: онъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовалъ своей любви, и по мѣрѣ того какъ эта любовь остывала, передъ его глазами открывалась вся бездна, лежавшая между нимъ и молодою женщиной, а въ будущемъ ему мерещилась одинокая, сиротская старость, и такое же одиночество, такое же сиротство онъ приготавлилъ своему брату. Онъ находилъ когда-то, что Яковъ Матвѣевичъ оскорбляетъ непростительно Вѣрочку, а теперь обвинялъ Вѣрочку въ томъ, что она не можетъ простить Якову Матвѣевичу и признавалъ, что былъ самъ кругомъ виноватъ передъ нимъ. Но какъ скоро оказывалось невозможнымъ жить втроемъ подъ одною кровлей, онъ мечталъ по крайней мѣрѣ о томъ, чтобъ ѣхать къ брату, покаяться передъ нимъ и просить у него позволенія посѣщать его на хуторѣ. Онъ не разъ обдумывалъ этотъ планъ, и ласкалъ себя надеждой его осуществить, но вдругъ онъ вспоминалъ слова Якова Матвѣевича: „Помни, что ты выгналъ меня изъ этого дома!“ и сердце его замирало. „Нѣтъ, это невозможно, говорилъ онъ себѣ, съ чѣмъ же я къ нему поѣду? Съ тѣмъ, чтобы предложить ему какъ милостыню мои посѣщенія, когда онъ не имѣетъ права взѣхать въ Жорновку. А гостемъ

онъ сюда не прѣдетъ; онъ долженъ возвратиться хозяиномъ. Онъ меня просто прогонитъ отъ себя и будетъ совершенно правъ: онъ мнѣ старшій братъ, и замѣнилъ мнѣ отца, а я оскорбилъ его, оскорбилъ его смертельно, когда онъ говорилъ все-таки изъ привазанности ко мнѣ. Нѣтъ, ужь если ѣхать къ нему, то ѣхать, чтобы просить у него прощенія со слезами, и умолять его возвратиться сюда; и тогда онъ бы все забылъ... Я знаю, какъ онъ меня любитъ. Но я связалъ себя на вѣкъ.... я продалъ и свое собственное, и его участіе... И горькіе упреки Вѣрочки волновали его сердце

Но точно ли онъ зналъ сколько братъ его любилъ? Мы сѣдѣли пристально за одинокою жизнью Якова Матѣевича и знаемъ, что въ иные минуты вся гордость, все упрямство бѣднаго старика были совершенно подавлены грустію наполнявшею его сердце, и въ эти минуты онъ былъ готовъ все забыть, чтобы взглянуть только на Васю, чтобы обнять его передъ смертію. Онъ былъ слишкомъ оскорбленъ, чтобы сдѣлать первый шагъ и признать себя виновнымъ передъ Вѣрой Николаевной; но вѣдь ли онъ оттолкнулъ бы попытку брата къ примиренію, хотя бы даже условія этого примиренія показались обидными для его самолюбія.

Наконецъ путь установился, и Вѣра Николаевна пустилась въ дорогу. Василій Матѣевичъ вздохнулъ свободнѣе, когда ея повозка съѣхала со двора. Онъ былъ радъ, что освободился отъ докучнаго вниманія жены, и можетъ наконецъ горевать, не скрываясь ни отъ кого. Въ ту же минуту онъ послалъ за Павломъ, чтобы потолковать съ нимъ по душѣ; но Павелъ угорѣлъ въ банѣ и лежалъ отъ сильной головной боли. Василій Матѣевичъ отъ нечего дѣлать сталъ бродить по комнатамъ отворилъ, робкою рукой дверь опустѣлаго кабинета брата, и вздохнулъ при мысли, что вотъ уже скоро погода какъ они разошлись; потомъ онъ отправился въ оранжерею, съ тѣмъ чтобъ отдать кое-какія приказанія садовнику, но возвратился домой, не отдавъ никакого приказанія и принялся перечитывать, въ сотый разъ *Камилланскую дочку*, однако и Пушкинъ не разогналъ его тоски, и онъ рѣшился наконецъ отуживать пораньше и лечь спать.

На другой день, только что онъ всталъ, къ нему вошелъ кучеръ, который довелъ Вѣру Николаевну въ городъ и возвратился съ лошадьми.

— Здорово, Артемъ, сказалъ Василій Матвѣевичъ:— а что какъ вы добхали?

— Добхали, слава Богу, хорошо, батюшка. Барыня кланяться приказала и письмецо вамъ прислала, отвѣчалъ Артемъ, подавая ему записку.

Василій Матвѣевичъ развернулъ не торопясь и прочелъ. Вѣрочка просила его очень нѣжно беречь свое здоровье, и обѣщала написать какъ скоро дѣвдетъ до Москвы.

— Да вотъ еще барыня изволила на ночлегъ забыть, сказалъ Артемъ, кладя на столъ маленькій портфель. Спасибо, что хозяйка-то знакомая, а не то, какъ есть бы пропалъ, продолжалъ онъ уходя.

„Чего добраго, пожалуйъ безъ денегъ уѣхала,“ подумалъ Василій Матвѣевичъ, и открылъ портфель. Но вмѣсто денегъ онъ вынулъ изъ него карточку Чернова и два письма, на которыхъ имя Вѣры Николаевны было выставлено красивымъ почеркомъ молодого человѣка.

Старикъ всмыкнулъ: чувство негодованія и оскорбленной гордости пробудило въ его сердцѣ остывшее чувство къ жемъ. Осрамленным, опозоренным его сѣдые волосы, и пришлось ему, на старости лѣтъ краснѣть передъ добрыми людьми. Ему казалось, что прощическій хохотъ уже раздается въ его ушахъ, и незнакомыя лада съ насмѣшливою улыбкой указываютъ на него пальцами и перешептываются, и ему хотѣлось бѣжать, скрыться отъ свѣта Божіаго, похоронить себя куда-нибудь. Онъ припалъ головой къ столу, стоявшему передъ нимъ, и зарыдалъ какъ ребенокъ.

„Но я имъ не позволю надъ собой наругаться: это имъ не сойдетъ даромъ съ рукъ,“ промовилъ онъ накомоецъ вполголоса, всталъ съ своего мѣста и стиснулъ зубы. Онъ утеръ слезы и сталъ ходить по комнатѣ быстрымъ и тревожнымъ шагомъ. Мысли его путались, но онъ повторялъ себѣ, что отплатить за обиду, потребуеть удовлетворенія отъ Чернова, а Вѣрочку уличить въ ея измѣнѣ и нагнѣшитъ ея сущеніемъ и испугомъ. По временамъ онъ старался сдѣлать усиліе надъ собой, чтобъ успокоиться и опредѣлить отчетливо свой образъ дѣйствій. Тогда онъ садился.

„И побѣду за ней въ погоню,“ думалъ онъ, и пытался речень, гдѣ онъ можетъ ее догнать, но вдругъ взоръ его останавливался упорно на какой-нибудь точки и онъ принимался считать изразцы на печи или полоски на коврѣ покры-

завшемъ полъ. Говоръ и шаги присауги въ корридеръ и бой стѣнныхъ часовъ въ сосѣдней комнатѣ долетали до него какъ неясные звуки, которые преслѣдуютъ насъ среди тяжелаго сна. Такъ прошелъ часъ, потомъ другой, и Богъ знаетъ когда бы онъ вырвался изъ этого болѣзненного полу-бреда еслѣбы голосъ Павла не произнесъ вѣругъ его имени. Василій Матвѣевичъ вздрогнулъ и обернулся.

— Чего тебѣ? спросилъ онъ.

— Васъ, было, провѣдать пришелъ, да насчетъ братца тоже доложить вамъ хотѣлъ. Нешто я вамъ чѣмъ помогать? отвѣчалъ Павелъ немного озадаченный этимъ вопросомъ. — Или вы не здоровы? продолжалъ онъ, взглянувъ на него пристально и испуганный его блѣдностію.

Имя брата произвело на Василія Матвѣевича дѣйствию электрическаго тока. Онъ и не вспомнилъ о братѣ съ тѣхъ поръ, какъ сознаніе измѣны жены поразило его и парализировало всѣ другія его чувства; но слова Павла перебросили его мгновенно въ другую сферу, напомнили ему, что не все еще пропало для него, что онъ не одинокъ въ мірѣ, и охватили все его существо благотворнымъ и радостнымъ ощущеніемъ.

— Павелъ, сказалъ онъ, вставая и подходя къ нему, — поѣдемъ къ брату. Вѣдь онъ пріѣдетъ сюда съ нами? какъ ты думаешь? прибавилъ онъ, не смѣя еще довериться этой снѣтлой надеждѣ.

— Да что тутъ думать-то, Василій Матвѣевичъ? отвѣчалъ Павелъ. — Какъ вы въ тѣ поры-то ушибались, такъ онъ при-скакалъ, себя даже не помнилъ, просто лица на немъ не было, а вы еще спрашиваете: пріѣдетъ ли онъ?

— Какъ, онъ здѣсь былъ? Да что жъ онъ ко мнѣ не вошелъ? Что ты мнѣ ничего не сказалъ?

— Они не приказали вамъ оказывать, а какъ узнали, что вамъ полегчало, такъ и уѣхали назадъ.

— Ну такъ вотъ мы же теперь за нимъ поѣдемъ: насильно его сюда привеземъ, коли онъ заупрамится. Поди скорѣй, Павелъ, прикажи закладывать.

Онъ словно преобразился въ нѣсколько минутъ: лицо его приняло другое выраженіе; на одномъ мѣстѣ онъ усидѣть не могъ и сталъ опять ходить по комнатѣ, но уже бодрѣе шагомъ. Съ каждою минутой образъ Вѣрочки блѣднѣлъ въ его воображеніи передъ другимъ, болѣе дорогимъ, болѣе

родственными и грустными образомъ, и радость, наполнявшая его сердце, вытѣсняла изъ него безвозвратно послѣднй остатокъ чувства къ женщинѣ, которая обманула его любовь, оскорбила его честь и оторвала его отъ самыхъ священныхъ его привязанностей.

„Богъ съ ней! Богъ съ ней!“ повторилъ онъ себѣ, „мы другъ безъ друга проживемъ; не стану и оспаривать ее у Чернова; оставайся она съ нимъ, а я съ Яшей останусь.“

— Сейчасъ подають-сь, доложилъ Павелъ, входя въ комнату.—Давно бы такъ-то, Василий Матвѣевичъ, продолжалъ онъ, да ужъ вы послушайте моего глупаго совѣта; не позволяйте больше Вѣрѣ Николаевнѣ ваять съ братцемъ мутить.

Василій Матвѣевичъ сконфузился, обернулся спиной къ Павлу и сталъ перебирать бумаги на столѣ, какъ будто что-нибудь отыскивая.

— Да она, должно-быть, не скоро и возвратится, сказалъ онъ, помолчавъ немного.

Павелъ, озадаченный этими словами и смущеннымъ тономъ, которыми они были произнесены, сообразилъ тотчасъ, что случилось что-то странное, и спросилъ, устремляя попытующій взглядъ на спину барина, обращенную къ нему:

— Да какъ же это? Вѣдь онъ ѣхалъ ненадолго.

— Да такъ же: скучно ей стало жить съ нами, стариками, вотъ и все. Однако, ты прикажи скорѣй Ивану подать мнѣ одѣваться.

Но Павелъ почувалъ, что на его улицѣ готовится праздникъ и готовъ уже былъ вступить въ свои прежнія права. Онъ ушелъ въ другую комнату, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ барскими сапогами и сюртукомъ, и замѣтилъ съ улыбкой, что у него, должно-быть, на роду было написано умереть на господской службѣ. Но онъ понялъ, что насчетъ Вѣры Николаевны Василя Матвѣевича разспрашивать не надо.

Но по мѣрѣ того какъ Василя Матвѣевичъ подѣвжалъ къ хутору, мучительное чувство вкрадывалось въ его душу: какъ онъ покажется на глаза брату? какъ онъ ему скажетъ, что онъ обманутъ и осрамленъ женщиной, за которую онъ его оскорбилъ, выгналъ изъ своего, и изъ его собственнаго дома? Эта мысль такъ его напугала, что ему пришло въ голову возвратиться въ Жорновку и написать сперва Якову Матвѣевичу, и онъ робкимъ голосомъ приказалъ остановиться.

Кучеръ придержалъ лошадей, Павелъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, обернулся и устремилъ на барина вопросительный взглядъ.

Но Василий Матвѣевичъ молчалъ: онъ не рѣшался отдать приказаніе возвратиться домой, не понимая чѣмъ объяснить эту странную фантазію, и что подумаютъ объ ней люди?

— Что прикажете? спросилъ, наконецъ, Павелъ.

— Нѣтъ.... нѣтъ, ничего.... ступай, сказалъ Василий Матвѣевичъ, и лошади побѣжали опять крупною рысью.

Яковъ Матвѣевичъ сидѣлъ у окна, въ ту минуту, какъ повозка остановилась у крыльца. Онъ узналъ Павла, узналъ своего брата, поблѣднѣлъ, хотѣлъ приподняться съ мѣста, но колѣни его задрожали, и онъ опустился опять въ кресло. Между тѣмъ, Василий Матвѣевичъ, обросивъ шубу въ прихожей остановился, чувствуя, что не въ силахъ идти дальше.

— Павелъ, прошепталъ онъ, не твердымъ голосомъ,—ты бы лучше доложилъ обо мнѣ брату.

— Нечего мнѣ докладывать, отвѣчалъ Павелъ,—слава Богу, кажется не въ чужой домъ заѣхали. Извольте-ка, сударь, идти, продолжалъ онъ, отворяя дверь въ сосѣднюю комнату, и Василий Матвѣевичъ въ сапогахъ и мѣховой шапкѣ очутился на порогѣ. Сердце то замирало, то сильно билось въ его груди. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ старики глядѣли молча одинъ на другаго, и наконецъ, бросились обнимать другъ друга.

— Яша, говорилъ Василий Матвѣевичъ, цѣлуя его,—что я сдѣлалъ? На кого я тебя промѣнялъ? Прости меня окаяннаго, не проговори меня отъ себя.

Яковъ Матвѣевичъ улыбался, между тѣмъ какъ слезы дрожали на его рѣсницахъ.

— Что.... что.... опомнися, глупая голова! промолвилъ онъ наконецъ.

— Прости меня, ради Бога, или я умру съ тоски, изведусь совсѣмъ. Поѣдемъ со мной въ Жорновку. Вѣдь, поѣдешь?

— Ну, добро, добро, поѣдемъ.... увези меня отсюда, отвѣчалъ Яковъ Матвѣевичъ, запинаясь.—Такъ, вотъ какъ: и обо мнѣ наконецъ вспомнилъ!

— Брани меня, бей меня, но только прости меня, Яша. Кому я тобой пожертвовалъ? Она и мизинца твоего не стоятъ.

Яковъ Матвѣевичъ взглянулъ на него вопросительно.

— Что случилось? спросилъ онъ,—должно-быть, у васъ не ладно, ну, говори, что случилось?

— Самъ ты знаешь, что случилось.... ты же мнѣ говорилъ, старому дураку; да я не вѣрилъ.... а вотъ, теперь.... какъ мнѣ на честныхъ-то людей взглянуть....

— Гдѣ она? Гдѣ Черновъ? вскричалъ Яковъ Матвѣевичъ,— я ему всѣ бока переломаю.

— Нѣтъ, Яша, Богъ съ ними! Какъ ни больно, какъ ни обидно, а хотъ руки развязаны. Ужь она мнѣ больше не жена: уѣхала въ Москву, пусть тамъ и остается. Я безъ нея проживу, а безъ тебя я бы совсѣмъ пропалъ. Да какъ ты похудѣлъ, голубчикъ!

— А вотъ, авось потолстъю опять на жорновскомъ хлѣбѣ, отвѣчалъ, смѣясь, Яковъ Матвѣевичъ,— благо дурь-то съ тебя сошла. Да разкажи сперва, что у васъ тамъ было?

Они усѣлись и пустились въ долгій разговоръ. Яковъ Матвѣевичъ разспрашивалъ, а Василій Матвѣевичъ разказывалъ все, что накопѣло у него на душѣ съ минуты ихъ разлуки. Наконецъ, Павелъ прервалъ ихъ бесѣду.

— Пожалуйте-съ, все готово, доложилъ онъ, отворяя дверь.— Я теперь одинъ только чемоданъ захватилъ, а все остальное, Андрей завтра привезетъ.

— А кто тебѣ сказалъ, старый хрѣвъ, что я съ вами поѣду? спросилъ Яковъ Матвѣевичъ, весело подходя къ нему и ударяя его по плечу:—уѣзжай назадъ съ своимъ бариножъ, а мнѣ и здѣсь хорошо; я здѣсь останусь.

— Да ужъ и такъ больно долго зажились, Яковъ Матвѣевичъ, коли милость ваша будетъ такъ пора и насъ посѣтить, отвѣчалъ Павелъ, кланяясь, между тѣмъ, какъ торжественная улыбка оствѣтила его лицо,—а не то, вѣдь ужъ и мы по васъ стосковались.

— Ужъ и стосковались! Такъ и вправду мнѣ съ вами не собраться ли? Ну, дѣлать нечего, поѣдемъ, такъ и быть.

И онъ залаялъ громкимъ и радужнымъ смѣхомъ, которымъ ужъ давно не смѣялся.

Когда они усѣлись въ экипажъ, послышалось протяжное мяуканье.

— Стой! крикнулъ Яковъ Матвѣевичъ:— не остаю здѣсь моего котенка, подавай его сюда.

Не доѣзжая до жорновскаго дома, братья остановились у церкви, гдѣ отслужили молебень, и вошли рука объ руку подъ

родимый кровъ. Яковъ Матвѣевичъ обошелъ всѣ комнаты, какъ бы желая убѣдиться, что ничто не измѣнилось въ нихъ. Веселое расположеніе его духа расло съ каждою минутой.

— Вотъ, не думай, не гадай, повторялъ онъ,—что буду сегодня на новосельѣ.

Они не могли наговориться въ продолженіи цѣлаго дня, уже поздно разошлись и уснули тѣмъ сладкимъ и тихимъ сномъ, отъ котораго давно оба отвыкли.

Однако и Василиій Матвѣевичъ, простившись съ братомъ, невольно вздрогнулъ, вошедши въ свою комнату, гдѣ все напоминало ему такъ живо присутствіе жены, и оскорбленіе, которое она ему нанесла. Радость видѣть брата заглушила въ немъ утреннія впечатлѣнія, и не дало ему ни времени опомниться, ни возможности обдумать хорошенько свое положеніе. Но теперь, наединѣ, онъ почувствовалъ, что необходимо принять окончательное рѣшеніе, и послѣ короткаго размышленія сѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее:

„Вѣра Николаевна!

„Прилагаю при семъ портретъ и два письма, забытыя вами на ночлегѣ и доставленныя мнѣ Артемомъ. Всякое объясненіе излишне между нами. Я былъ бы, можетъ-быть, въ правѣ упрекнуть васъ въ томъ, что вы запятнали имя, которое я вѣрилъ вашей чести; но я самъ кругомъ виноватъ и наказанъ за то, что могъ, въ мои дѣта, увлечься до такой степени, и отдалить васъ, можетъ-быть, отъ болѣе приличной партіи. Считаю себя обязаннымъ доставить вамъ средства къ безбѣдному существованію, и прошу васъ принять отъ меня ломбардный билетъ“...

Тутъ онъ остановился, недоразумѣвая, какую сумму онъ выставитъ, потомъ улыбнулся и оставилъ пробѣлъ, думая, съ неопредѣленною радостью, что Яша вотупилъ опять въ права контролера и впишетъ самъ, что заблагоразсудитъ. Онъ прибавилъ еще въ заключеніе:

„Желаю вамъ отъ души всякаго благополучія.“

И вложивъ въ пакетъ свое письмо вмѣстѣ съ письмами и карточкой Чернова, надписавъ адресъ.

— Теперь кончено! произнесъ онъ вполголоса, но рѣшительнымъ тономъ. Въ душѣ его не было уже болѣе ни раздраженія, ни гнѣва, и онъ закрылъ глаза, повторяя себѣ, съ дѣтскою улыбкой на губахъ, что Яша спитъ опять подъ одною съ нимъ кровлей.

На другой день, когда они сошлись попрежнему въ комнату Прасковьи Васильевны, онъ хотѣлъ показать брату свое письмо, но Яковъ Матвѣевичъ его предупредилъ.

— А вѣдь это дѣло не можетъ такъ остаться, Вася, сказалъ онъ, — я рѣшился ѣхать въ Москву и проучить ворадкомъ этого негодая.

— Послушай, отвѣчалъ Василій Матвѣевичъ, твердымъ голосомъ, ты понимаешь, что тутъ ты меня замѣнить не можешь. Ужь если надо его проучить, такъ это мое дѣло, да я отъ него отказался. Мы съ тобой не трусила передъ турецкими пушками, такъ авось и передъ Черновымъ не струсимъ, да дѣло такое, что нечего его разглашать; вѣдь этимъ бѣды не поправишь. А коли на правду пошло, такъ я плачусь за свою собственную глупость, и какъ бы то ни было, а все же я теперь свободенъ, и одна развѣ смерть разлучить меня съ тобой.

— Да вѣдь надо же какъ-нибудь это дѣло покончить.

— Я къ ней написалъ, что мы уже теперь чужіе другъ другу. Да вотъ видишь что, Яша, мнѣ бы хотѣлось ее чѣмъ-нибудь обезпечить. Какъ ты думаешь? Я не потерплю, чтобы моя жена жила чужимъ подаданіемъ. Вѣдь не Чернову же ее, въ самомъ дѣлѣ, содержать, продолжалъ онъ, и щеки его запылали.

— Нѣтъ, коли ужъ такъ, то я къ ней напишу, сказалъ рѣшительнымъ тономъ Яковъ Матвѣевичъ.

— И ты, пожалуй, напиши, а какую сумму ей назначить, ужъ это твое дѣло; вѣдь я у васъ теперь опять подъ опекой, Яковъ Матвѣевичъ, продолжалъ онъ унылая и обнимая брата.

Слѣдующею весной племянникъ Ваальскихъ, кончивъ свое лѣченіе за границей, возвратился на родину, женился, и перѣхалъ въ соседство съ дядей, въ маленькое имѣніе оставленное ему отцомъ. Онъ живетъ душа въ душу съ женой, которая очень привязалась къ своимъ старичкамъ и ухаживаетъ за ними. Они же, въ свою очередь, любятъ ее безъ памяти.

— Не Вѣрѣ Миколаивѣ чета, говоритъ о ней часто Павелъ: — нечего сказать, Александръ Андреевичъ не промахнулся: истинно, что бобра убилъ.

А Вѣрочка? Она сблизилась съ бывшею соседкой княгини Н*** по московскому ея имѣнію, богатою и бездѣтною вдовой лѣтъ семидесяти, которая была принуждена разными обстоятельствами переселиться въ Москву. Она долго скучала на новосельѣ, потому что несмотря на свои преклонные

года и слабое здоровье, привыкла къ обществу, но не умѣла составить себѣ кружка, въ незнакомомъ ей городѣ. Впрочемъ овладѣла совершенно ея довѣренностью, поселилась у нея, принимаетъ гостей, распоряжается всѣмъ, словомъ, сдѣлалась полною хозяйкой въ ея домѣ. Старушка, у которой нѣтъ прямыхъ наследниковъ, не слышитъ въ ней души, говоритъ о ней какъ о благодѣтельницѣ, успокоившей ее на старости лѣтъ, и утираетъ часто сострадательныя слезы, когда молодая женщина повѣраетъ ей свои несчастія, и рассказываетъ какъ мужъ любилъ и баловалъ ее, но братъ его, старый сумасбродъ, взялся на нее, ни съ того ни съ сего, разстроилъ ихъ супружеское соглашеніе, и выжилъ ее изъ дома.

Т. ТОЛЫЧОВА.

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ ВЪ РОССИИ

IV.

Существующія нынѣ условія превращенія кредитныхъ билетовъ изъ ассигнаціонныхъ денежныхъ знаковъ въ банковые.

Эпохою для перерожденія внутреннего характера кредитныхъ билетовъ или для превращенія ихъ изъ ассигнацій въ банковые билеты, было учрежденіе въ 1860 г. государственнаго банка. *Упроченіе денежной кредитной системы* поставлено было въ уставѣ банка (§ 1) главною его задачею. Къ нему перешли всѣ обязанности экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, вся масса билетовъ, выпущенныхъ въ народное обращеніе, введена въ счеты банка, или въ его дебетъ. Вместе съ тѣмъ, въ распоряженіе государственнаго банка поступилъ разныиный фондъ, а вся остальная сумма билетовъ, не обез-

* См. I главу въ № 1 *Русск. Вѣстн.* 1863 г., II—въ №№ 5, 6 и III—въ № 11.

печенныхъ фондомъ, поставлена долгомъ государственнаго казначейства банку или его кредитомъ. Всѣ операціи, относящіяся къ кредитнымъ билетамъ, производятся съ тѣхъ поръ не иначе, какъ чрезъ посредство государственнаго банка, который сдѣлался какъ бы лицомъ, отвѣтственнымъ передъ публикой по всемъ находящимся въ обращеніи кредитнымъ билетамъ, подобно всякому банку, отвѣтственному по своимъ собственнымъ билетамъ, и въ то же время, государственный банкъ сдѣлался кредитомъ государственнаго казначейства, отвѣтственного передъ банкомъ на всю сумму билетовъ не покрытыхъ соотвѣтствующею наличностью въ разнѣнномъ фондѣ. Хотя чрезъ все это еще не измѣнилась сущность нашихъ кредитныхъ билетовъ, т. е. сущность ихъ какъ ассигнацій, какъ узаконенной государственной монеты и какъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, обезпеченныхъ всемъ достояніемъ государства; хотя возникшая въ лицѣ государственнаго банка *посредствующая* (между государственнымъ казначействомъ и публикой) банковая отвѣтственность есть отвѣтственность собственно не банка (т. е., учрежденія частнаго и независимаго отъ правительства), а только отвѣтственность такого же государственнаго учрежденія, какъ само государственное казначейство, и потому въ окончательномъ результатѣ это та же самая отвѣтственность государства по своимъ кредитнымъ обязательствамъ, однако, несмотря на все это, *внѣшній механизмъ* операцій по выпуску и изытію изъ обращенія кредитныхъ билетовъ сдѣлался во многихъ отношеніяхъ банковымъ. Всего же важнѣе для насъ, то обстоятельство, что существующій механизмъ государственнаго банка можетъ послужить первымъ шагомъ къ окончательному превращенію нашихъ государственныхъ ассигнацій въ банковые билеты. Дальнѣйшія въ этомъ отношеніи преобразованія тѣсно связаны съ преобразованіями въ самомъ устройствѣ и уставѣ государственнаго банка, который съ самаго его основанія былъ впрочемъ разсматриваемъ лишь какъ переходная ступень къ превращенію изъ чистоправительственнаго учрежденія (государственнаго коммерческаго банка) въ настоящій (т. е. частный) банкъ. Во всякомъ случаѣ, уже первый сдѣланный шагъ могъ и можетъ послужить важнымъ облегченіемъ для тѣхъ финансовыхъ операцій, кото-

рыя предприняты правительствомъ относительно денежнаго обращенія. Сверхъ всего этого, гласность и періодическая отчетность по всемъ операціямъ государственнаго банка были рѣшительнымъ приобрѣтеніемъ для кредитныхъ билетовъ. Наконецъ какъ ни мало можетъ быть самостоятельно учрежденіе, подобное государственному банку и какъ, потому, ни τίетно было бы требовать отъ него настоящей коммерческой и кредитной отвѣтственности и отчетности передъ публикой въ лицѣ его распорядителей, все-таки для кредитныхъ билетовъ возникла вѣкоторая публичная, нравственная и личная отвѣтственность, о которой прежде не было и помину.

Посвятивъ свой трудъ собственно изслѣдованію существующихъ фактовъ нашего денежнаго обращенія и по возможности отклоняя отъ себя обсужденіе практическихъ мѣръ для будущаго, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ отношеніяхъ государственнаго банка къ государственному казначейству и ограничимся замѣчаніями относительно связи нашего бумажнаго денежнаго обращенія съ операціями государственнаго банка, *чисто съ технической точки зрѣнія*. Наши замѣчанія преимущественно должны выяснить все то, *чего собственно еще недостаетъ кредитнымъ билетамъ, даже въ чисто техническомъ банковомъ отношеніи, чтобы сдѣлаться настоящими банковыми билетами*.

Съ этой точки зрѣнія должно вообще сказать, что принятое раздѣленіе всѣхъ операцій государственнаго банка на двѣ категоріи: 1) за счетъ государственнаго казначейства и 2) коммерческія, — весьма рационально и полезно. Первая категорія, къ которой принадлежатъ и всѣ обороты банка по кредитнымъ билетамъ, представляетъ собою всю совокупность финансовыхъ операцій, принятыхъ на себя банкомъ отъ правительства, какъ бы на отвѣтственную комиссію *. Вторая категорія заключаетъ въ себѣ всѣ собственные кредитныя операціи банка.

* Нельзя не признать весьма правильнымъ отнесеніе къ той же категоріи процентныхъ вкладовъ, не только перешедшихъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій, но даже и вновь поступающихъ. Эти вклады обусловлены въ настоящее время гораздо менѣе собственными коммерческими операціями банка, нежели обстоятельствами денежнаго обращенія, для котораго вклады служатъ однимъ изъ средствъ сокращенія.

Эти послѣднія исключительно сосредоточены около коммерческаго и краткосрочнаго кредита, который признается, какъ мы уже говорили, наиболее способнымъ съ соединеніемъ съ операціями по выпуску безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ.

Мы должны взглянуть на связь кредитныхъ билетовъ съ операціями государственнаго банка: *вопервыхъ* въ отношеніи къ банковому обезпеченію билетовъ и *во вторыхъ* въ отношеніи къ ихъ выпуску и обращенію.

Относительно банковаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ можно сдѣлать одно существенное замѣчаніе. Это обезпеченіе, кромѣ металлическаго разнѣннаго фонда заключается единственно въ записанномъ по счетамъ банка безпроцентномъ долгѣ государственнаго казначейства за кредитные билеты. По смыслу этого долга государственное казначейство приняло на себя разъ навсегда обязательство снабжать банкъ всеми необходимыми способами для исполненія обязательствъ, возникающихъ для банка изъ кредитныхъ билетовъ, въ томъ числѣ по разнѣну ихъ на звонкую монету, по вредъявленію.* Такимъ образомъ, въ силу этихъ отношеній государственнаго казначейства къ государственному банку, былъ заключенъ правительствомъ 7-й пятипроцентный заемъ для усиленія разнѣннаго металлическаго фонда, и суммы этого займа поступали въ банкъ въ счетъ долга государственнаго казначейства за кредитные билеты; также точно вмѣстѣ съ звонкою монетою по этому займу поступали въ разнѣнную кассу, по нѣкоторымъ недѣльнымъ отчетамъ банка, въ 1863 г. государственные фонды, *строятно* также въ счетъ общаго долга государственнаго казначейства по выпускаемымъ въ обращеніе кредитнымъ билетамъ. Итакъ государственное казначейство доставляетъ банку по мѣрѣ надобности способы, обезпечивающіе исполненіе передъ публикой обязательствъ по кредитнымъ билетамъ, перешедшихъ отъ государственнаго казначейства на отвѣтственность банка. Съ банковской точки зрѣнія, приня-

* Какъ относительно обязанностей государственнаго банка по кредитнымъ билетамъ не было постановлено никакихъ формальныхъ правилъ, то и неизвестно, въ какой степени переходятъ на банкъ разныя обязанности государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, напр. повсемѣстный разнѣнъ ихъ на звонкую монету (до 100 р.) въ узкихъ казначействахъ.

тая до сихъ поръ система обезпеченія кредитныхъ билетовъ (т.-е. зачисленіе безпроцентнымъ долгомъ государственнаго казначейства всей массы билетовъ, не покрытой разнѣннымъ фондомъ) очевидно недостаточна; мы уже говорили, что вся масса банковыхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, необходимо требуетъ для себя *банковаго покрытія* полною суммой. За тѣмъ характеръ такой цѣлности, какъ безпроцентный долгъ государственнаго казначейства, лишь записанный по счетамъ въ кредитъ банка, не соответствуетъ характеру массы кредитныхъ билетовъ, обезпеченной этимъ долгомъ; эта сумма не покрытая разнѣннымъ фондомъ (по послѣднимъ отчетамъ * до 570 мил.) далеко не представляетъ собою, какъ всякій знаетъ, того наименьшаго количества бумажныхъ денежныхъ знаковъ, которое при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ было бы неизмѣнно необходимо для нашего денежнаго обращенія и которое потому было бы внѣ всякой опасности предъявленія къ разнѣну. Подобною цифрою денежнаго обращенія конечно не можетъ быть у насъ 570 мил. кредитныхъ билетовъ а развѣ только количество ихъ вдвое этого меньшее.

Въ этой массѣ кредитныхъ билетовъ, обезпеченной долгомъ государственнаго казначейства, заключаются не только тѣ бумажные денежные знаки, которыхъ количество, смотря по надобностямъ рынка, можетъ безпрестанно измѣняться и потому требовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ временнаго сокращенія, или увеличенія, но въ этой же массѣ заключается тотъ положительный избытокъ билетовъ, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ и который будетъ неуклонно стремиться къ выводу изъ народнаго обращенія, какъ это уже и отразилось на ходѣ разнѣнной операціи въ 1862 и 1863 г. Если съ точки зрѣнія банковаго механизма необходимо требуется *банковое покрытіе* (т.-е. обезпеченіе въ полной суммѣ кредитными обязательствами, остающимсяъ въ портфель банка) для всѣхъ безъ изъятія билетовъ банка, находящихся въ народномъ обращеніи, то такое покрѣтіе тѣмъ болѣе требуется

* 11 ноября 1863 г. до 568 мил.

для массы билетовъ, имѣющей свойства подобныя описаннымъ выше *.

Строгое благоразуміе требуетъ, чтобы банковое покрытие даже наименьшей неизмѣнной цифры билетовъ заключало въ себѣ на случай чрезвычайныхъ надобностей известную долю легко реализуемыхъ бумагъ; такъ напримеръ въ Англійскомъ банкѣ лишь известная доля цифры 14 мил. ф. стерл., признанной наименьшею цифрой денежнаго обращенія, покрыта записаннымъ по счетамъ долгомъ государственнаго казначейства (11 мил. ф. с.) *при томъ не безпроцентнымъ*; а остальная сумма заключается въ разныхъ государственныхъ бумагахъ, способныхъ къ быстрой реализаціи, въ томъ числѣ срочныхъ билетахъ государственнаго казначейства. Сверхъ того, всѣ эти 14 мил. билетовъ, составляющихъ максимумъ билетовъ, дозволенныхъ Англійскому банку къ выпуску безъ металлическаго покрытия и переданныхъ разъ навсегда изъ *выпускнаго департамента* банка въ департаментъ банковыхъ операций, выпущены банкомъ (а не государственнымъ казначействомъ) по разнымъ кредитнымъ операціямъ прежде нежели послѣдовало въ 1844 г. законодательное ограниченіе выпусковъ банка. Поэтому весьма значительная и обыкновенно даже большая часть этихъ 14 мил. ф. с. билетовъ покрыта частными долговыми обязательствами въ портфель банка (отало-быть покрыта вдвойнѣ.) **

Такое обезпеченіе известной части кредитныхъ билетовъ, находящихся въ народномъ обращеніи (т.-е. части превосходящей наименьшее всегда необходимое для государства количество ихъ) посредствомъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, выдаваемыхъ банку въ счетъ общаго долга

* Въ банковому покрытію могутъ принадлежать и известныя опредѣленные права банка на нѣкоторыя государственныйя имущества. О банковомъ покрытіи для кредитныхъ билетовъ было уже замѣчено въ нашей литературѣ и между прочимъ однимъ изъ знатоковъ нашихъ по банковской части, составившемъ въ 1861 проектъ регулированія нашей денежной системы и превращенія кредитныхъ билетовъ въ банковые (смотри *Собр. Дѣл. Рус. Вѣст.* 1862 г. № 7). Самая замѣчательная часть этого проекта едва ли не заключалась въ изложеніи необходимости банковаго покрытия для кредитныхъ билетовъ.

** Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, когда разсуждаютъ объ обезпеченіи билетовъ Англійскаго банка единственно будто бы долгомъ государственнаго казначейства *записаннымъ по книгамъ банка*.

государственнаго казначейства по билетамъ, — процентныхъ бумагъ, по мѣрѣ надобности легко реализуемыхъ банкомъ, должно было бы служить самымъ правильнымъ способомъ изытія изъ обращенія излишнихъ кредитныхъ билетовъ и мѣрою необходимою для устойчиваго хода разнѣмой операціи. Эта мѣра очевидно замѣнила бы для нашихъ кредитныхъ билетовъ и то обратное теченіе ихъ въ банкъ, о которомъ мы достаточно говорили, котораго не достаетъ нашимъ билетамъ, какъ бумагамъ выпущеннымъ не банкомъ, и которое во всякой банковской системѣ уравниваетъ излишніе приливы билетовъ къ разнѣву. Въ сущности эта мѣра, клонящаяся къ выпуску государственныхъ процентныхъ бумагъ въ замѣнъ излишнихъ кредитныхъ билетовъ, есть въ своихъ окончательныхъ результатахъ внутренній государственный заемъ, но лишь произведенный банковымъ путемъ.

Если кредитные билеты должны получить характеръ банковыхъ билетовъ, то банковое покрытіе ихъ тѣми или другими способами къ реализаціи цѣлостями или государственными процентными бумагами гораздо болѣе сообразно съ условіями банковыхъ операцій, нежели прямой государственный заемъ (например по подпискѣ). Входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого чисто практическаго вопроса, мы считаемъ впрочемъ противнымъ настоящей цѣли нашихъ изслѣдованій; мы ограничимся здѣсь лишь однимъ общимъ замѣчаніемъ, что выдача въ распоряженіе банка государственныхъ процентныхъ бумагъ для извлеченія изъ обращенія излишнихъ кредитныхъ билетовъ имѣла бы тѣ несомнѣныя выгоды сравнительно съ прямымъ государственнымъ займомъ, что сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія шло бы постепенно, безъ всякихъ искусственныхъ потрясеній, но сообразно потребностямъ и движеніямъ самаго рынка.

Во всякомъ случаѣ, когда мы говоримъ о недостаткѣ банковаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ, то мы нисколько не затрагиваемъ этимъ вопроса о внутренней сущности ихъ обезпеченія, которая заключается въ достояніи государства или въ государственномъ кредитѣ и нисколько не измѣняется отъ тѣхъ или другихъ условій банковаго ихъ обезпеченія. Эти условія, само собою разумѣется, имѣютъ значеніе не столько для внутренней цѣлности кредитныхъ

билетовъ и довѣрія къ нимъ, которое конечно мало теряетъ отъ нынѣшнихъ формъ банксоваго ихъ обращенія,—сколько для превращенія ихъ въ настоящіе банковые билеты и для обезпеченія устойчивости банковыхъ оборотовъ съ ними связанныхъ.

Теперь переходимъ къ способу выпуска кредитныхъ билетовъ изъ государственнаго банка въ народное обращеніе. Государственному банку дозволено было (съ 1 мая 1862 г.) выпускать вновь кредитные билеты лишь въ обмѣнъ на драгоцѣнные металлы (звонкую монету и слитки). Противъ этой операціи нельзя ничего сказать,—она безусловно благонадѣжна, и даже во все продолженіе дѣйствія разнѣна, которымъ она была обусловлена, не составляла собственно выпуска вновь кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, ибо съ тѣхъ поръ, какъ былъ открытъ разнѣнъ и по день его приостановленія, обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету постоянно превышалъ обмѣнъ металловъ на билеты. Разница въ пользу обмѣна билетовъ на звонкую монету достигла, въ теченіи полутора-годоваго дѣйствія разнѣна, даже такой значительной цифры, что она доказываетъ, въ общей сложности денежнаго обращенія, положительное отсутствіе спроса на бумажные денежные знаки, которые требовались публикою въ обмѣнъ на монету въ такихъ ничтожныхъ количествахъ, что подобныя требованія можно принять за совершенно случайныя, спекулятивныя и мгновенныя. Сюда принадлежатъ преимущественно приливы звонкой монеты отъ спекулянтовъ на монету и слитковъ отъ золотопромышленниковъ; тѣ и другія требованія бумажныхъ денежных знаковъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ условій для прочнаго ихъ водворенія въ денежномъ обращеніи и не доказываютъ сами по себѣ никакой потребности рынка въ увеличеніи количества орудій мѣны. Поэтому обмѣнъ металловъ на билеты не можетъ пока служить для государственнаго банка источникомъ усиленія своего разнѣннаго фонда; для этого банкъ долженъ рассчитывать на иныя способы.

Впрочемъ обмѣнъ драгоцѣнныхъ металловъ на бумажные денежные знаки не составляетъ собственно банковской выпускающей операціи: подъ драгоцѣнные металлы можетъ выпускать билеты и само правительство, не хуже чѣмъ всякій

банкъ; эта операція [не имѣетъ никакой непосредственной связи со всеми прочими кредитными операціями банка.

Но если государственнѣй банкъ и не производитъ собственно новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и потому не можетъ прямо увеличивать массу денежныхъ знаковъ въ обращеніи, то во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ посредствомъ своихъ операцій весьма важное *косвенное* вліяніе на эту массу, на ея распредѣленіе въ разныхъ мѣстностяхъ, на ея временныя движенія на разныхъ нашихъ рынкахъ и на отношенія этой массы къ торговлѣ и промышленности.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе въ особенности на *учетную* операцію, занимающую по своимъ размѣрамъ главное мѣсто въ банковыхъ помѣщеніяхъ или осудахъ банка*.

Учетъ коммерческихъ векселей въ государственномъ банкѣ и его конторахъ заслуживаетъ въ вопросахъ нашего денежнаго обращенія особеннаго разсмотрѣнія, какъ потому что учетная операція признается вообще самымъ нормальнымъ банковымъ способомъ выпуска оборотныхъ безпроцентныхъ бумагъ, и учетныя осуды государственнаго банка нынѣ уже указываются у насъ многими, какъ способъ выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе; такъ и потому, что даже безъ всякихъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, всѣ движенія ихъ на денежныхъ рынкахъ, временныя сокращенія и расширенія денежнаго обращенія въ разныхъ коммерческихъ и промышленныхъ средоточіяхъ Россіи находятся въ самой тѣсной связи съ движеніями учетной операціи. Государственнѣй банкъ, насколько не измѣняя общей *нарицательной* цифры кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе, можетъ посредствомъ сокращенія и расширенія учетной операціи и измѣненія размѣровъ учетнаго процента, имѣть быстрое и сильнѣе, нежели посредствомъ другихъ своихъ кредит-

* Въ 1862 г. учтено банкомъ съ конторами векселей на 73 $\frac{1}{2}$ мил., а всѣхъ прочихъ осудъ (подъ залогъ товаровъ и государственныхъ и частныхъ бумагъ) выдано всего на 43 $\frac{1}{2}$ мил. Въ 1863 г., по конторамъ банка учетъ составлялъ (къ 1 мая) 21 мил. 700 тыс., а прочія осуды всего 8 мил. 600 тыс.; въ самомъ банкѣ (къ 13 августа) учетъ равнялся 8 мил. 200 тыс., прочія осуды 11 мил. Если въ самомъ банкѣ эти осуды (подъ залогъ товаровъ и бумагъ) иногда равняются, иногда даже превышаютъ учетныя осуды, то въ совокупности операцій банка съ его конторами учетъ значительно превосходитъ всѣ прочія осуды.

ныхъ операцій, вліяніе на отношенія количества денежныхъ знаковъ къ потребностямъ обращенія, на спросъ и предложеніе наличныхъ денегъ, а следовательно и на движенія разнѣна (т. е. въ его временныхъ колебаніяхъ.)

Признаемся, что вопросъ, по которому мы хотѣли бы сообщить здѣсь нѣсколько личныхъ нашихъ наблюденій (преимущественно относящихся къ нѣкоторымъ провинціальнымъ конторамъ государственнаго банка, съ дѣйствіями которыхъ мы имѣли случай ознакомиться *) самъ по себѣ довольно щекотливъ. Учетная операція составляетъ еколько намъ извѣстно, предметъ постоянныхъ взаимныхъ жалобъ между банкомъ (или по крайней мѣрѣ мѣстными его распорядителями) и коммерческимъ міромъ. Всѣ наши изсѣдованія убѣдили насъ, что жалобы той и другой стороны большею частію одинаково основательны, что сущность ихъ заключается преимущественно въ недоразумѣніяхъ, поражаемыхъ самою силою вещей, и въ которыхъ не виноваты ни распорядители банка, ни коммерческія лица **. Эти недоразумѣнія по необходимости возникаютъ изъ самыхъ условій дѣятельности всякаго казеннаго банка, его полукommerческихъ, и участвующихъ, полуправительственныхъ и полуофіціальнымъ отношеній къ публикѣ.

Въ самой первой строкѣ устава государственнаго банка оказано, что онъ „учреждается для оживленія торговыхъ оборотовъ“ (§ 1). Эти слова сами по себѣ не имѣли бы никакой важности; они могли бы попасть для украшенія слога во всякій банковый уставъ; но эти слова получаютъ особенное практическое значеніе вслѣдствіе существующихъ въ публикѣ возрѣній на государственный банкъ, обусловленныхъ правительственнымъ его характеромъ. Оживленіе торговыхъ оборотовъ есть необходимое, или лучше, неизбежное послѣдствіе дѣятельности всякаго банка, имѣющаго своимъ предметомъ коммерческій кредитъ. Для коммерческаго банка состоятельнаго и не ликвидирующаго

* Хотя мы имѣемъ нѣкоторыя причины полагать, что сущность нашихъ замѣчаній можетъ равно относиться ко всѣмъ вообще дѣйствіямъ государственнаго банка по учетной операціи, однако мы предупреждаемъ, что въ основаніе нашихъ замѣчаній положены свѣдѣнія лишь по нѣкоторымъ конторамъ банка, и что условія учетной операціи въ другихъ мѣстностяхъ могутъ быть нѣсколько иныя.

** Исключая конечно случаи рѣшительныхъ злоупотребленій со стороны тѣхъ и другихъ.

свои дѣла гораздо труднѣе избѣжать оживленія, нежели не-оживленія торговли; всякій кредитъ оказанный торговцѣ необходимо оживляетъ ея дѣла, а безъ кредитныхъ операцій банку нечего дѣлать. Однако же въ этомъ простомъ смыслѣ толкуются приведенныя нами слова устава; такой простой смыслъ считаютъ недостаточнымъ для объясненія причины помѣщенія этихъ словъ въ уставѣ государственнаго банка. Въ томъ особомъ смыслѣ, который придаютъ наши коммерческіе люди первой вступительной строкѣ устава государственнаго банка, „оживленіе торговыхъ оборотовъ“ заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе чѣмъ необходимое, естественное *послѣдствіе* всякой коммерческой кредитной операціи, имѣющей *цѣлю* единственно *открывать кредитъ* кредитующемуся торгующему лицу, сообразно съ представленными имъ кредитными обезпеченіями и съ наличными способами кредитующаго, т. е. банка, и съ обоюдною коммерческою пользою для того и другаго. Въ томъ особомъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, — „оживленіе торговыхъ оборотовъ“ возводится изъ простаго послѣдствія всякой кредитной операціи на степень высшей цѣли банка; кредитныя операціи обращаются только въ средство для этой цѣли. Такимъ образомъ самыя естественныя понятія о кредитѣ и его условіяхъ, совершенно извращаются; къ коммерческимъ операціямъ государственнаго банка не прилагаются общія понятія о коммерческомъ кредитѣ, какъ его сферѣ дѣятельности, а лишь понятія объ учрежденіи, обязанномъ во что бы то ни стало оживлять торговые обороты къ государствѣ. Отсюда возникаютъ такія отношенія коммерческаго міра къ государственному банку, которыя поражаютъ взаимными притязаніями и недоразумѣніями, невозможными и немислимыми, при обыкновенныхъ отношеніяхъ кредитуемыхъ къ кредитующимъ. При этомъ нельзя не замѣтить здѣсь того особаго во всякомъ казенномъ банкѣ обстоятельства, что коммерческій міръ не видитъ за нимъ той коммерческой отвѣтственности, которая связана съ подобными же кредитными операціями каждаго частнаго лица, и которая вынуждаетъ каждое частное лицо, занимающееся кредитными сдѣлками, дѣйствовать въ границахъ лишь этой коммерческой отвѣтственности. Коммерческій міръ видитъ передъ собою въ лицѣ распорядителей банка не лица, дѣйствующія для своей личной пользы и на свой рискъ,

и потому имѣющія право соблюдать свои коммерческіе интересы, а государственныхъ чиновниковъ, обязанныхъ заботиться лишь о всеобщемъ благе государства, благе, которое всякій понимаетъ по своему, и полагать свою дѣятельность главнымъ образомъ въ *искусственномъ* „оживленіи торговыхъ оборотовъ,“ хотя бы посредствомъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Наконецъ, сверхъ всего этого, вида фактическое преобладаніе въ странѣ кредитныхъ операцій государственнаго банка, коммерческій міръ ожидаетъ отъ него нѣчто болѣе чѣмъ кредита въ обыкновенномъ смыслѣ слова, кредита обоюду выгоднаго, коммерчески выгоднаго, и для кредитора и для должника, — коммерческій міръ ожидаетъ отъ банка кредита раздаваемого правительствомъ торгующимъ лицамъ, сообразно съ видами не коммерческими, а государственными и филантропическими. Въ этихъ видахъ купецъ, до-таа промотавшійся и нуждающійся въ кредитѣ, для спасенія отъ гибели своего семейства и своихъ кредиторовъ, считаетъ за собою право на кредитъ не только не въ меньшей, но даже въ большей мѣрѣ нежели вполнѣ состоятельный купецъ, нуждающійся въ кредитѣ не для своего спасенія, а единственно для увеличенія своихъ коммерческихъ прибылей. Таковы возрѣнія на государственный банкъ. Смѣемъ думать, что мы ихъ нисколько не преувеличиваемъ, что они лежатъ въ основаніи распространенныхъ въ коммерческомъ мірѣ сужденій объ кредитныхъ операціяхъ банка. Намъ нѣтъ надобности говорить, что за изложенныя возрѣнія мы никого не думаемъ обвинять; они приводятся нами какъ послѣдствіе силъ вещей, въ которой никто не виноватъ: это достаточно ясно изъ всего нами сказаннаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы нисколько не думаемъ обвинять и распорядителей банка, когда они не могутъ безусловно уступить этимъ возрѣніямъ, когда, не взирая на свою свободу отъ коммерческой отвѣтственности за банкъ, они, по чувству долга, стремятся поставить его операціи въ границы коммерческихъ кредитныхъ операцій, отъ рисковъ которыхъ не можетъ быть свободенъ какой бы то ни было банкъ, хотя бы и казенный; съ другой стороны нельзя обвинять ихъ и въ томъ случаѣ, когда они не успѣваютъ въ своихъ усиліяхъ. Для насъ все дѣло заключается въ недоразумѣніи, къ которому подаетъ поводъ смѣшанный характеръ

такого учрежденія, какъ государственный банкъ, сгбшанный изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ: учрежденія правительственнаго и коммерческаго, — правительственнаго при чисто коммерческихъ, чуждыхъ правительству интересахъ своихъ занятій, и коммерческаго — при государственныхъ, чуждыхъ коммерческому расчету, интересахъ, обуславливающихъ его существованіе.

Покидая однако эти общія разсужденія, перейдемъ къ ихъ практическимъ результатамъ. Эти практическіе результаты понятій коммерческаго міра о государственномъ банкѣ — заключаются вообще въ томъ, что банкъ обязанъ *помогать* торговцѣмъ и торгующимъ людямъ, что послѣдніе имѣютъ право на эту помощь, право истекающее не изъ коммерческихъ условій кредита каждаго лица, не изъ *кредитности* его, а *отвлеченное право* на помощь государства въ награду и поощреніе за необходимыя для государства коммерческія занятія; другими словами банкъ обязанъ раздавать торгующимъ *какъ можно больше денегъ*. Раздача наличныхъ денегъ дѣйствительно всего болѣе способна оживлять торговые обороты. Теперь посмотримъ, какъ производится учетная операція, чрезъ посредство которой преимущественно раздаются ссуды торгующимъ лицамъ.

Прислушиваясь къ жалобамъ коммерческихъ людей на банкъ мы долго не могли понять самой обыкновенной ихъ жалобы: „Банкъ *долженъ* мнѣ 5.000 р., а выдалъ только 3.000 р., мнѣ остается получить 2.000“. *Долженъ* значитъ здѣсь вовсе не то что банкъ дѣйствительно долженъ столько-то такому-то лицу, т. е. что послѣднее *имѣетъ получить* съ банка по такому-то долговому обязательству столько-то, (например по текущему счету или вкладу и т. п.). Долженъ 5.000 р. — значитъ здѣсь, что высшій размѣръ кредита, какой можетъ быть открытъ этому лицу, опредѣленъ по книгамъ банка въ 5.000 р. Все то что не додано банкомъ до этой суммы разсматривается рѣшительно какъ долгъ банка, какъ обязательство принятое на себя банкомъ и имѣющее право на удовлетвореніе. Эта сумма кредита, на которую записанъ каждый торгующій по соображеніямъ банка, получаетъ такимъ образомъ совершенно превратный смыслъ; она въ понятіяхъ коммерческаго міра вовсе не является какъ предѣлъ наибольшаго кредита, до котораго могутъ доходить ссуды данному лицу, (*при удовлетвореніи* въ каждой

отдѣльной осудѣ воѣмъ нужнымъ для осуды условіямъ); но получаетъ значеніе суммы, которая во чтобы то ни стало должна быть выдана банкомъ, какія бы ни были условія кредитности каждой сдѣлки, по которой выдается осуда. Къ сожалѣнію, такое понятіе о правѣ на кредитъ въ банкѣ сдѣлалось преобладающимъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ провинціальныхъ учетныхъ операціяхъ, которыя мы имѣли случай видѣть. Торгующіе привыкають чрезъ это соразмѣрять свои коммерческіе обороты съ наибольшимъ количествомъ кредита, какого могутъ они достигъ въ банкѣ, и не думаютъ о томъ, чтобы добиваться кредита, на сколько онъ нуженъ для коммерческихъ оборотовъ каждаго и на сколько онъ можетъ быть ими оправданъ.

Характеръ самыхъ документовъ, по которымъ получаютъ большею частію учетныя осуды изъ банка, соответствуетъ описанному нами характеру кредита.

Векселя, представляемые къ учету въ государственномъ банкѣ, въ противоположность сущности учетной операціи, бываютъ весьма рѣдко (скорѣе въ видѣ исключенія) *товарные*, или основанные на дѣйствительныхъ торговыхъ сдѣлкахъ; векселя, дисконтируемые въ государственномъ банкѣ, даже пишутся послѣ того, какъ получено отъ должностныхъ лицъ банка частнымъ образомъ удостовѣреніе, что будетъ учтено векселей выданныхъ такимъ-то лицомъ и на такую-то сумму. Подобное удостовѣреніе сдѣлалось дѣйствительно необходимою, чтобы уберечь коммерческихъ людей отъ напрасныхъ расходовъ на гербовую бумагу: одна изъ самыхъ обыкновенныхъ жалобъ на банкѣ, въ случаѣ отказа въ учетѣ, состоитъ въ томъ, что были напрасно израсходованы гербовыя пошлины. Итакъ векселя всегда нарочно пишутся для банка. Можно сказать положительно, что векселя, дисконтируемые въ банкѣ, суть бумаги, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сдѣлки между купцами, обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно учетной операціи банка, а не на оборотъ, какъ сдѣдуетъ предполагать во всякой учетной операціи и какъ требуетъ того даже самый уставъ банка *. Съ каждымъ учетомъ векселей всегда связана извѣстная сдѣлка между лицами, подписывающими векселя (векселедателемъ и век-

* По 27 § устава векселя, не основанные на товарныхъ сдѣлкахъ, не должны быть допускаемы къ учету.

селепредъявителемъ) относительно раздѣла получаемой ссуды. Этого рода сдѣлки, если отчасти и обусловлены существующими между этими лицами торговыми сдѣлками, то развѣ только отчасти и косвенно: упомянутыя сдѣлки основаны прежде всего на разныхъ соображеніяхъ и предварительныхъ соглашеніяхъ съ должностными лицами банка относительно подписей, которыя будутъ приняты или не приняты банкомъ. Эти соображенія главнѣйше и почти исключительно основаны на исчисленіи тѣхъ суммъ, которыя уже выданы или не выданы въ границахъ кредита опредѣляемаго для каждой подписи. Впрочемъ, для учета нарочно составляются дѣла компаниі торговцевъ, осаждающія конторы, добывающія изъ нихъ деньги и раздѣляющія ихъ между своими членами, смотря по дѣлности подписи каждаго, по надобности его въ деньгахъ и проч. Существуютъ даже подписи на векселяхъ, за которыя просто платятъ или которыя взимаютъ, въ родѣ того какъ взимаютъ свидѣтелей для разныхъ бумагъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Все это ли мало не служитъ въ нашихъ глазахъ къ обвиненію людей, имѣющихъ дѣло съ банкомъ, тѣмъ болѣе что все это дѣлается даже не тайно, а открыто. Такое направленіе приняло дѣло и измѣнить его не зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ. При этомъ направленіи нельзя требовать, чтобы купцы несли въ банкъ къ учету настоящіе или товарные свои векселя, хранящіеся въ ихъ портфеляхъ: это было бы для нихъ явно убыточно; подъ такіе векселя они, въ случаѣ надобности, всегда могутъ найти кредитъ (или у частныхъ лицъ, занимающихся учетомъ*, или у самихъ векселедателей, посредствомъ частныхъ уплатъ), такія бумаги они называютъ *чистыми деньгами* и оставляютъ ихъ у себя на крайніе случаи, а изъ банка все-таки ничто не мѣшаетъ имъ получать деньги (при томъ при гораздо высшемъ учетѣ, чѣмъ у частныхъ лицъ) если не для себя, такъ для пріятеля.

* Вездѣ есть много такихъ лицъ, называемыхъ дисконтерами. Она берутъ весьма высокій учетный процентъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 10% до 20%; ниже 8% мы не слышали частнаго учетнаго процента. Должно замѣтить, что многіе предпочитаютъ имѣть дѣла съ частными дисконтерами нежели съ банкомъ; сравнительно низкой учетъ въ банкѣ вознаграждается у частныхъ учетчиковъ: гораздо меньшими формальностями, льготами при взысканіи и платежѣ, отсутствіемъ огласки, сопровождающей всякое дѣло съ банкомъ и проч.

Итакъ, въ противность существующимъ правиламъ и въ противность самой теоріи учета, въ банкѣ дисконтируются преимущественно бумаги не происшедшія изъ *торговыхъ сделокъ*, или не *товарныя*, не *сдѣланныя* бумаги (*papier fait*) какъ ихъ называютъ (т.-е. бумаги существующія до учета), а дисконтируются преимущественно бумаги вымышленныя или какъ ихъ называютъ *дутыя* (по французски болѣе учтиво *papier de complaisance*, по англійски *выданныя на сѣтеръ*). Мы сказали, что при существующихъ и глубоко вкоренившихся воззрѣніяхъ публики на государственный банкъ, воззрѣніяхъ истекающихъ впрочемъ изъ устройства самаго банка, мы не можемъ ставить этого обстоятельства въ упрекъ торгующему міру. Но можно ли обвинять распорядителей банка? Полагаемъ, что также нельзя. Мы не будемъ говорить о намѣренныхъ злоупотребленіяхъ, къ устраниенію которыхъ приняты, въ послѣднее время, со стороны центрального управленія государственнаго банка, нѣкоторыя мѣры, посредствомъ строгаго выбора при назначеніи мѣстныхъ распорядителей; злоупотребленія, всегда и во всемъ возможныя, еще не составляютъ сущности дѣла, хотя въ казенномъ коммерческомъ предпріятіи, при громадныхъ размѣрахъ нашего банка и нашихъ разстояніяхъ, затрудняющихъ контроль, злоупотребленія болѣе удобны чѣмъ въ частныхъ и менѣе крупныхъ банкахъ.

Распознаваніе свойствъ коммерческихъ бумагъ, предъявляемыхъ къ учету и различеніе ихъ для приѣма къ учету или отказа составляютъ одну изъ труднѣйшихъ обязанностей въ банковомъ дѣлѣ; на этотъ предметъ не можетъ существовать никакихъ общихъ правилъ, и почти никакихъ наружныхъ признаковъ, свойственныхъ тѣмъ или другимъ бумагамъ. Здѣсь банкиръ можетъ руководствоваться только продолжительнымъ практическимъ навыкомъ, и своими личными коммерческими связями, посреди которыхъ онъ живетъ, которыя находятся совершенно *въ* сферы дѣятельности государственныхъ должностныхъ лицъ и которыя даже пріобрѣтаются вполнѣ только собственнымъ коммерческимъ опытомъ. Не говоря уже о томъ, что должностныя лица въ государственномъ учрежденіи живутъ и дѣйствуютъ *въ* коммерческаго міра и не могутъ имѣть точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла, ежечасно измѣняющемся; между этими лицами и тѣми, кто нуждается въ учетѣ

не можетъ быть тѣхъ коммерческихъ отношеній и разговоровъ какъ между частнымъ банкиромъ и его публикомъ. Въ первомъ случаѣ могутъ быть только формальные, официальные переговоры, въ которыхъ всякія ближайшія, необходимыя изысканія относительно предъявляемой бумаги принимаютъ (вредный для частнаго кредита и обидный для лицъ) характеръ официального, правительственнаго внимательства въ частныя дѣла. Во второмъ же случаѣ же между частнымъ банкиромъ и его публикомъ происходитъ коммерческая сдѣлка, торгъ, въ которомъ кредитующій имѣетъ полное право принять всѣ предосторожности для обезпеченія своего личнаго интереса. И послѣдствія какъ пріема къ учету, такъ и отказа, въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно различны: довѣріе или недовѣріе частнаго банкира къ нуждающемуся въ немъ лицу есть его личное дѣло, которое никто не имѣетъ право судить и которое остается тайною между нами. Частный банкиръ можетъ отказать или дать денегъ просто потому, что онъ хочетъ дать или отказать. Въ кредитныхъ сдѣлкахъ часто иначе и не можетъ быть, ибо иногда нѣтъ никакой возможности объяснить почему имѣешь и почему не имѣешь довѣрія къ какому-либо лицу или дѣлу. Отказъ государственнаго банка въ учетѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ гораздо болѣе чѣмъ непріятность неволученія нужнаго кредита: этотъ отказъ весьма серьезный публичный фактъ, имѣющій вліяніе на весь кредитъ и ходъ дѣлъ купца, иногда на всю его судьбу. Между тѣмъ подобный отказъ, въ общей сложности случаевъ, бываетъ гораздо менѣе основателенъ чѣмъ отказъ частнаго банкира. Все нами сказанное извлечено изъ нашихъ личныхъ наблюденій, а не изъ какихъ либо предположеній, и приводитъ между прочимъ къ тому общему заключенію, что никакъ не должно быть поставлено въ вину мѣстнымъ распорядителямъ банка (какъ это нѣрѣдко дѣлается коммерческимъ міромъ), когда они покаячительно держатся въ своихъ дѣйствіяхъ по учету формальныхъ, наружныхъ признаковъ и буквы правилъ, составляющихъ для добросовѣстнаго исполненія этой трудной обязанности единственное безукоризненное основаніе; съ другой стороны, не должно также удивляться и обвинять распорядителей банка, что учетааа его операція приняла подобное направленіе.

нисколько не соответствующее строгимъ коммерческимъ понятіямъ объ учетѣ и сдѣлалась скорѣе раздачею денегъ съ государственно-благотворительными цѣлями, нежели настоящею коммерческою кредитною операціей. Распорядителемъ банка можно было бы винить лишь въ томъ единственно случаѣ, когда бы они не хотѣли этого видѣть. Чтобы по возможности исчерпать этотъ важный во многихъ отношеніяхъ вопросъ, особенно важный для установленія настоящихъ возрѣвій на банкъ и для указанія возможныхъ въ немъ преобразованій въ будущемъ — мы должны сообщить еще нѣсколько замѣчаній.

Для разсмотрѣнія достоинства предъявляемыхъ къ учету векселей и вообще для обсужденія кредита заемщиковъ, учреждены при конторахъ государственнаго банка учетные и осудные комитеты, къ числу членовъ которыхъ принадлежатъ лица избранныя изъ среды самого купечества; эти лица должны, по мысли учрежденія, какъ бы внести въ банковую администрацію тотъ коммерческій элементъ и тѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, которыхъ не достаетъ чисто-бюрократической администраціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться посредствующимъ, примиряющимъ звеномъ между государственнымъ учрежденіемъ и коммерческимъ міромъ. Призванные сами, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, въ комитетъ подавать голосъ при разрѣшеніи каждой осуды, коммерческіе люди должны, казалось бы, живѣе чувствовать взаимность своихъ личныхъ интересовъ съ интересами банка и войти въ болѣе тѣсную связь съ правительственнымъ учрежденіемъ; въ то же время, опираясь на мнѣніе самихъ коммерческихъ людей, распорядители банка могутъ дѣйствовать рѣшительнѣе и строже въ выборѣ учитываемыхъ бумагъ и въ отказахъ учета. Такъ можетъ однако представляться дѣло лишь въ отвлеченной теоріи*; на практикѣ, сколько мы могли замѣтить, оказываются совершенно противоположные результаты. Учетные комитеты если они не ограничиваются безусловнымъ молчаніемъ, большею частію (сколько по крайней мѣрѣ мы видѣли) причиняютъ новыя недоразумѣнія, ведущія только къ усложненію и безъ того труднаго хода учетной операціи. Учетные комитеты служатъ поводомъ къ усиленію при-

* То-есть теоріи совершенно фальшиво построенной.

разго-
 тязаніи коммерческаго міра и къ антагонизму его оцѣнок.
 рокиратическимъ элементомъ банка, безъ всякой пользы оф-
 дѣла. Членами комитетовъ отъ купечества по необходимости
 бывають наиболѣе крупныя коммерческіе люди, го-
 есть такіе, которыхъ личный интересъ преимущественно
 замѣшанъ въ учетной операціи банка (такъ напримѣръ при
 учетѣ векселей, выдаваемыхъ или предъявляемыхъ лицами,
 покупающими товаръ у членовъ комитета). Здѣсь члены
 отъ купечества поставлены въ самыя противоестественныя
 отношенія къ банку и къ учетной операціи. Они должны
 для сколько-нибудь безпристрастнаго разсмотрѣнія предъ-
 явленныхъ векселей, не только жертвовать всѣми своими
 вещественными, и даже самыми насущными интересами,
 но должны вовсе забыть о существованіи этихъ инте-
 ресовъ, во время своего засѣданія въ комитетѣ, и притомъ
 забыть свои интересы ради весьма отвлеченнаго для нихъ
 интереса государственнаго банка. Пренебречь десятками,
 сотнями тысячъ убытковъ, изъ-за чести засѣданія въ ко-
 митетѣ, еще пожалуй возможно; но возможно ли, напримѣръ,
 для купца-члена учетнаго комитета сказать, что подпись
 N не заслуживаетъ довѣрія, или заслуживаетъ довѣрія не-
 тѣ M, когда съ N, каковъ бы онъ ни былъ, этотъ членъ
 комитета имѣеть дѣло, когда N забираетъ у него товары,
 а съ M онъ никакихъ дѣлъ не имѣеть и не хочетъ имѣть.

Управленіе банка при приѣмѣ векселей къ учету, весьма
 рѣдко полагается на заключенія учетныхъ комитетовъ и
 не можетъ на нихъ полагаться; а это послѣднее обстоятель-
 ство возбуждаетъ неудовольствія, переходяція иногда въ
 открытую борьбу между чиновниками банка и членами ко-
 митетовъ. Взаимныя жалобы, порождаемыя этими столкно-
 вевіями кажутся намъ, по причинамъ уже достаточно нами
 выясненнымъ, одинаково неосновательными съ обѣихъ
 сторонъ.

Изъ всего нами сказаннаго можно заключить, что учет-
 ная операція государственнаго банка, по крайней мѣрѣ въ
 его провинціальныхъ конторахъ, не находится въ нормаль-
 ныхъ условіяхъ; впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего новаго.
 Объ этомъ уже было не разъ заявляемо и въ правитель-
 ственныхъ и въ коммерческихъ сферахъ; къ сожалѣнію, од-
 нако, и жалобы, и указанія на возможное улучшеніе дѣла все-
 ма разнообразны, начиная отъ мѣстныхъ и необходимости

вѣнокъ, е прекратить эту операцію въ государственномъ банкѣ пожеланій, выказываемыхъ въ нѣкоторыхъ коммерческихъ кругахъ, чтобы банкъ принималъ къ учету векселя съ одною подписью, что будто бы должно значительно облегчить банкъ, требующій нынѣ не менѣе двухъ подписей. Послѣдняго рода желаніе, какъ оно ни странно, весьма любопытно въ томъ отношеніи, что вполнѣ уясняетъ существующія у насъ возрѣнія на учетную операцію государственнаго банка. То или другое количество подписей на коммерческомъ векселѣ не есть только условіе бѣльшаго или мѣльшаго обезпеченія его кредитности, или исправности платежа по векселю; различіе въ количествѣ подписей (и въ особенности отъ одной до трехъ подписей включительно) есть категорическое различіе въ самомъ характерѣ векселя. Такое, по крайней мѣрѣ, значеніе имѣетъ количество подписей на векселяхъ, когда подписи и самый вексель возникли изъ настоящихъ коммерческихъ сдѣлокъ, а не выдуманы для исполненія одной формальности при учетѣ. Вексель за одною подписью есть вещь иное, какъ простая расписка, которая, при учетѣ, можетъ свидѣтельствовать единственно о томъ, что лицу, выдающему ее, нужны наличныя деньги, на которыя онъ только имѣетъ намѣреніе или желаніе закупить товаръ или вступить въ товарную сдѣлку въ будущемъ; но расписка или вексель за одною подписью еще не могутъ свидѣтельствовать о сдѣлкѣ уже оконченной, о товарѣ уже закупленномъ. Судя подъ такую бумагу есть *бланковый* кредитъ, и не можетъ быть называемъ *учетомъ*, который не составляетъ самъ по себѣ новой ссуды, новой кредитной сдѣлки, а есть только переводъ уже существующаго долговаго обязательства на новаго кредитора, на банкъ. Вексель съ двумя подписями свидѣтельствуетъ о совершившейся уже сдѣлкѣ между двумя торговыми лицами, сдѣлкѣ, если даже (въ самомъ худшемъ случаѣ) и не прямо заключенной на товаръ, то все-таки связанной съ существующими товарными оборотами. Такой вексель можетъ быть предметомъ учета, въ настоящемъ смыслѣ этого слова; учетъ или ссуда наличныхъ денегъ подъ такой вексель есть не болѣе какъ платежъ до срока чрезъ посредство третьяго лица, замѣнъ одной сдѣлки другою. Далѣе, третья подпись на векселѣ (или вторая блан-

Ковая надпись) свидѣтельствуеъ не только о доброй третъаго, повтореннаго (банку) коммерческаго лица къ одобренію и кредитности двухъ первыхъ лицъ; но эта третья подпись свидѣтельствуеъ еще объ одномъ особомъ обстоятельстве, въ высшей степени важномъ для операций всякаго оборотнаго банка, именно о томъ, что вексель уже вступилъ въ публичное, денежное и товарное обращеніе, сдѣлался настоящимъ знакомъ, ибо, какъ таковой, онъ принятъ третьими лицами. Такой вексель, называемый естественно потребностію самой торговли въ орудіи явнымъ и оборотомъ, есть прямое доказательство этой потребности, и во всякомъ случаѣ представляетъ собой весьма прочное обезпеченіе противъ искусственнаго возбужденія коммерческихъ оборотовъ банковымъ учетомъ. При этомъ новыя различные деньги, новые оборотные знаки, позволяющіеся на рынкѣ путемъ учета, лишь замѣняютъ кредитныя бумаги, уже вступившія въ обращеніе, начавшія исполнять роль наличныхъ денегъ и уже породившія извѣстное движеніе товарныхъ и денежныхъ одобреній, подлежащихъ служить фундаментомъ для дальнѣйшаго обращенія денежныхъ знаковъ, выдаваемыхъ банкомъ подъ учетъ. Какъ все это (совершенно независимо отъ большой степени доброй, внушительнаго большаго количества подписей) важно собственно для правильнаго денежнаго обращенія, мы уже говорили; это очевидно само по себѣ даже и въ томъ случаѣ, когда банкъ, производящій учетную операцію, не выпускаетъ для нея въ обращеніе новыхъ билетовъ, а довольствуется ихъ количествомъ*. Оказанное замѣчаніе подтверждается опытомъ: большая часть банковъ (и въ томъ числѣ все банки, въ особенности выпускающіе въ обращеніе собственные билеты, какъ прусскій, вѣнскій и французскій) принимаютъ къ учету векселя не менѣе какъ съ тремя подписями.

И у насъ былъ возбужденъ вопросъ о третьей подписи на векселяхъ, учтенныхъ государственными банками. Само собою разумѣется, что еслибы требованіе третьей подписи стало исполняться также какъ до сихъ поръ испол-

* Замѣть необходимо имѣть въ виду, что хотя бы банкъ и не увеличивал посредствомъ учета (какъ и всякъ своего рода) общей массы билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, онъ все-таки чрезъ это увеличиваетъ количество билетовъ, находящихся въ банкѣ, то-есть, уменьшаетъ банкнотный резервъ билетовъ или свою оборотную билетную кассу.

имется требованіе относительно двухъ подписей, т. е., если третья подпись будетъ нарочно заказываема, или наименее для банка а не будетъ знакомъ действительно существующихъ односторонне, то и эта третья подпись вѣроятно не имѣетъ силы для.

Третья подпись на коммерческихъ бумагахъ, учитываемыхъ государственными банкомъ, могла бы получить особенно важное для банка значеніе въ томъ случаѣ, когда бы она была подтвержденіемъ другой учетной операціи, предшествовавшей учету въ банкѣ; въ этомъ смыслѣ банкъ сталъ бы только переучитывать векселя, уже учтенные другими банками или частными лицами. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное правило послужило бы къ самому существенному улучшенію учетной операціи государственнаго банка, даю бы ей прочную опору и въ то же время могло бы содѣйствовать столь желательному во всѣхъ отношеніяхъ развитію у насъ учетныхъ операцій вѣдъ государственнаго банка, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовало бы и развитію частныхъ банковъ, банкирскихъ домовъ и вообще частныхъ банковыхъ и кредитныхъ предпріятій. Въ такомъ случаѣ, коммерческія кредитныя операціи государственнаго банка значительно утратили бы характеръ соперничества, какой они могутъ имѣть вѣдъ относительно частныхъ банковыхъ операцій, и не только не подавали бы ихъ, а напротивъ того, на первое время, могли бы служить къ значительному ихъ оживленію. Въ уставѣ учрежденнаго въ 1862 г. въ С.-Петербургѣ общества взаимнаго кредита, получившаго нѣкоторыя преимущества по учету своихъ векселей въ государственномъ банкѣ, сдѣланъ какъ бы первый шагъ къ указанному нами направленію. Чрезвычайно распространенныя у насъ въ настоящее время городскіе общественныя банки могли бы служить для той же цѣли; тамъ, гдѣ существуютъ такіе банки, государственныи банкъ могъ бы, съ большою для себя и для насъ пользою, ограничиться въ учетной операціи переучетомъ бумагъ, предъявляемыхъ ему и уже учтенныхъ городскими банками. Въ такія же отношенія могъ бы войти государственныи банкъ и къ частнымъ банкирамъ. Въ указанномъ направленіи учетной операціи заключеніемъ дѣла ли не единственное средство для государственнаго банка произвести коренное улучшеніе въ этой, самой

для него трудной отрасли дѣятельности и едва ли не единственным средством имѣть настоящій, не мнимый контроль надъ представляемыми ему коммерческими бумагами. Притомъ только подобный характеръ учетной операціи и свойственъ обширнымъ и центральнымъ банкамъ, дѣйствующимъ, какъ нашъ, на прострѣствѣ цѣлаго государства.

Впрочемъ какіе бы ни были придуманы способы къ улучшенію учетной операціи государственнаго банка, хотя бы она сдѣлалась дѣйствительно только переучетомъ коммерческихъ бумагъ, все-таки не можетъ быть увѣренности, чтобы измѣнилась та характеристическая черта коммерческихъ операцій государственнаго банка, которая выставлена нами выше и которая заключается вообще въ томъ, что банкъ раздаетъ денежные пособія торговцѣ, а не входитъ въ кредитныя сдѣлки, обидно выгодныя для кредитора и должника, вслѣдствіе чего распорядителямъ банка, какъ государственными должностными лицами, не достаетъ условій свойственныхъ частному банковому предпріятію. Прибавимъ, впрочемъ, что нынѣшній характеръ учетныхъ ссудъ банка, столь вредный для коммерческихъ оборотовъ, которыхъ развитіе онъ ставитъ въ зависимость не отъ внутреннихъ условій промышленности, а отъ бюрократическихъ, иной разъ даже своекорыстныхъ соображеній администраціи, — этотъ фальшивый характеръ можетъ сохраниться и при превращеніи учета въ *перечетъ*; послѣдній, еслибы онъ остался такою же казенною, формальною операціей какъ и нынѣшній учетъ, могъ бы сдѣлаться источникомъ еще бѣльшихъ злоупотребленій и даже монополій въ пользу учреждений и лицъ, которыя получаютъ преимущественное право перечета своихъ бумагъ въ банкѣ. Такой фальшивый характеръ учетныхъ, какъ и вообще всѣхъ коммерческихъ операцій государственнаго банка можетъ прочнымъ образомъ измѣниться лишь съ кореннымъ преобразованиемъ въ самомъ устройствѣ банка, т. е. чрезъ введеніе въ него настоящаго коммерческаго элемента, посредствомъ передачи его въ распоряженіе частнымъ лицъ, коммерчески отвѣтственныхъ и коммерчески въ немъ заинтересованныхъ, хотя бы и при нѣкоторомъ участіи и контролѣ со стороны правительства. Здѣсь остается сдѣлать одно замѣчаніе относительно не разъ высказаннаго мнѣнія, что характеръ нынѣшней учетной операціи въ

государственномъ банкѣ обусловленъ не столько казеннымъ характеромъ банка, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ вообще *нѣтъ въ торговлѣ настоящихъ товарныхъ векселей* и коммерческихъ бумагъ, *годныхъ для учета*. Это нѣвѣе только отчасти справедливо. Выше мы уже упоминали, что торгующіе берегутъ въ своихъ портфеляхъ настоящіе векселя, полученные ими въ платежъ за товары. У насъ дѣйствительно существуетъ между купцами, огромное количество кредитныхъ *сдѣлокъ* отчасти вовсе обходящихся безъ всякихъ кредитныхъ бумагъ и ограничивающихся запискою въ счетъ (какъ впрочемъ и вездѣ), отчасти производимыхъ съ помощью бумагъ, не имѣющихъ формальныхъ, наружныхъ условій векселя, или узаконенной коммерческой бумаги. Такими бумагами служатъ вообще *расписки*. Замѣчательно, что расписки, какія намъ случилось видѣть и какихъ чрезвычайно много, имѣютъ всѣ свойства настоящихъ товарныхъ векселей: онѣ даже пишутся на особыхъ нарочно для нихъ отаутиграфированныхъ бланкахъ, и даже по формѣ тождественны съ векселями, исключая соблюденія узаконенныхъ формальностей, въ томъ числѣ исключая и гербовой бумаги. Последнее обстоятельство, лишающее эти расписки достоинства долговыхъ документовъ охраняемыхъ закономъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно доказываетъ до какой степени торгующіе мало дорожатъ закономъ охраной кредита, такъ что они даже не хотятъ сдѣлать сравнительно ничтожной издержки на уплату гербовыхъ пошлинъ. Разницы отъ этого, какъ насъ удостовѣрили, въ обеспеченіи исполненія долговаго обязательства *нѣтъ никакой*. Такія расписки даже обращаются между торгующими посредствомъ передаточныхъ надписей (съ оборотомъ на бланко-надписателя и безъ оборота) и конечно гораздо болѣе похожи на настоящіе векселя нежели векселя, принимаемые къ учету въ государственномъ банкѣ. Говорить о крайне *бѣдственныхъ условіяхъ* нѣмѣ дѣйствующаго у насъ порядка судебной и полицейской охраны кредитныхъ договоровъ и порядка взысканія по нимъ—было бы излишне; это слишкомъ извѣстно. Мы можемъ указать только, что коммерческій міръ полонъ разказовъ о томъ, какъ отъ воли каждаго зависить отказать-ся отъ своей надписи на коммерческомъ документѣ и

заставлять бракованное дѣло и споръ по самому бесспорному обстоятельству.

Улучшеніе дѣйствующаго законодательства во кредитной части, а равно съ тѣмъ и развитіе учетной операціи на частныя банки и у банкировъ, могутъ и должны расширить въ нашей торговлѣ обращеніе коммерческихъ кредитныхъ бумагъ, такъ называемое *скромное* обращеніе, отоль важнее само по себѣ для торговли, но равно чрезвычайно важное, какъ существенное средство и прочная основа для банковаго или банковаго денежнаго обращенія.

Мы касались операцій государственнаго банка лишь на отрывкѣ, на отрывкѣ это было необходимо для нашего предмета. Для насъ было особенно важно указать на условія учетной операціи государственнаго банка, какъ той банковской операціи, которая находится всегда въ самыхъ тѣсныхъ взаимодѣйствіяхъ съ денежнымъ обращеніемъ и является наиболее правильною для соединенія съ операціей по выпуску безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ. После всего того, что мы сказали объ учетной операціи государственнаго банка, уже не представляется, кажется, никакихъ затрудненій отнѣсть на вопросъ весьма часто у насъ возбуждаемый: не можетъ ли быть предоставлено государственному банку или же право выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ учетъ векселей? Оставаясь даже въ отрывкѣ въ другія обстоятельства нашего денежнаго обращенія, не допускающія пока и мысли о новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, (вѣроятно избытокъ билетовъ въ обращеніи преобладающій въ настоящую минуту возки еще недостатки денежной системы; безпрестанно возмущающая поразительность нашихъ денежныхъ знаковъ на спекулятивную, и узаконенный курсъ имъ безусловно присвоенный и признаваемый денежному знаку даже при полной его разнотности и непопулярную привагю въ обращеніи), мы должны убѣдиться, что самыя условія учетной операціи въ государственномъ банкѣ вовсе не таковы, какія признаются необходимыми для сколько-нибудь *благонадежнаго* выпуска билетовъ подъ учетъ векселей. Когда коммерческія бумаги признаются къ учету не представляютъ собою дѣйствительныхъ торговыхъ сделокъ, представляющихъ учету, а дѣйствительно пережаты самою учетною операціей, и когда бумага, принятая къ учету, не представляютъ собою дѣйстви-

толькома капиталомъ, обращающимся въ торговать, тогда учетная операція, несколько не можетъ обезпечить рынка отъ потрясеній, производимыхъ выпусками оборотныхъ знаковъ, несообразными съ его дѣйствительною потребностью. Банковые выпуски билетовъ, соединенные съ учетною операціей подобною описанной нами выше, мало чѣмъ отличались бы отъ ассигнаціонныхъ выпусковъ и пром. вел. бы только спекуляцію и ажіотажа на товарныхъ рынкахъ. Все это въ особенности относится къ кредитнымъ билетамъ, которыхъ обращеніе, даже при размѣнности, искусственно поддерживается законодательными курсомъ и обязательствами приѣмъ во все казенные платежи. Освобожденіе же кредитныхъ билетовъ отъ этихъ послѣднихъ свойствъ едва ли можетъ поддѣлать серьезному обсужденію въ настоящее время, когда предстоитъ еще разрѣшеніе иныхъ, болѣе настоятельныхъ вопросовъ нашей денежной системы и пока мы должны забыть ее отъ иныхъ болѣе опасныхъ недостатковъ. Ненормальными условіями учетной операціи въ государственномъ банкѣ заслуживаютъ однако вниманія, даже и независимо отъ вопроса о выпускѣ подъ учетъ новыхъ кредитныхъ билетовъ; эти ненормальныя условія отзываются на денежномъ обращеніи даже и при вынѣшности его обстоятельствъ, т.-е. и безъ новыхъ банковыхъ выпусковъ. Поэтому мы и сами необходимыми коснуемся учетной операціи, говоря о вынѣшнихъ условіяхъ нашей бумажной денежной системы. Еслибы подъ вліяніемъ коммерческихъ кредитныхъ операцій государственнаго банка и неизмѣнилась общая цифра кредитныхъ билетовъ вынѣшная въ обращеніе, то во всякомъ случаѣ безпрестанно измѣнялась та цифра кредитныхъ билетовъ, которая представляетъ собою такъ называемое *активное* денежное обращеніе или цифру билетовъ дѣйствительно находящуюся въ рукахъ публики въ данный моментъ времени.* На измѣненіе цифръ этого

* Цифра *активного* денежнаго обращенія есть общая цифра билетовъ, вынѣшенныхъ и изъятыхъ изъ обращенія, за исключеніемъ билетовъ, находящихся въ кассѣ (оборотной) самаго банка и его конторы (это послѣднее количество билетовъ можно назвать *пассивною* цифрою денежнаго обращенія). Эта цифра *активнаго* денежнаго обращенія всегда показывается въ перечневыхъ счетахъ, публикуемыхъ государственными банкомъ. Очевидно, что различіе между *активнымъ* и *пассивнымъ* или *кредитнымъ* денежнымъ обращеніемъ возникаетъ тамъ, гдѣ съ одной стороны обращеніе бумажныхъ денежныхъ знаковъ находится въ распоряженіи банкаго

активнаго денежнаго обращенія учетная операція государственнаго банка можетъ имѣть большее вліяніе, въ особенности въ отношеніи различія этой цифры въ разныхъ мѣстоностяхъ Россіи. Последнее обстоятельство усиливается тѣмъ, что общая цифра учетовъ по всемъ конторамъ государственнаго банка значительно превосходитъ учетъ самаго банка въ Петербургѣ.*

Очевидно, что учетъ въ разныхъ мѣстоностяхъ Россіи въ отдѣльности и въ общемъ результатъ во всей Россіи можетъ имѣть могущественное вліяніе на расширеніе и сокращеніе денежныхъ оборотовъ, на торговлю и промышленность въ отношеніи къ ихъ зависимости отъ того или другого количества наличныхъ денегъ, находящагося на рынкѣ. Описанныя нами выше обстоятельства учета, къ сожалѣнію, именно таковы, что расширеніе и сокращеніе денежныхъ оборотовъ, могутъ производиться искусственно, независимо отъ естественныхъ потребностей торговли и промышленности и порождать весьма серіозныя мѣстные коммерческія кризисы. Какъ на примѣръ такого рода явленій, мы можемъ указать на извѣстный намъ ходъ учетной операціи въ Харьковской конторѣ въ 1862 г. Операція Харьковской конторы отзывается на огромныхъ пространствахъ Украинскаго ярмарочнаго торговаго, захватывающаго собою не менѣе $\frac{1}{2}$ Россіи и обуславливающаго собою мануфактурную дѣятельность центральной ея части. Черезъ неосторожныя дѣйствія Харьковской конторы (преимущественно во время Кременской ярмарки) учетъ векселей былъ въ 1862 г. чрезвычайно расширенъ, а именно въ первые девять мѣсяцевъ до 5.767.237 съ 1.714.719 (какъ было въ тѣ же мѣсяцы въ 1861 г.); въ Полтавскомъ отдѣленіи (составляющемъ важнѣйшую отрасль дѣйствій Харьковской конторы и открывающагося на время Ильинской ярмарки) въ ту же эпоху года учетъ возмѣнился съ 1.514.106 (какъ было въ 1861 г.) до 3.827.264. Такое страшное расширеніе учета въ эпоху, требовавшую напротивъ того сокращенія кредита (послѣ неумѣряемаго его развитія въ

учрежденія, а съ другой стороны, ему не дозволены новые выпуски билетовъ и цифра ихъ въ обращеніи опредѣлена. Такое различіе *активнаго* денежнаго обращенія отъ волеваго и пассивнаго существуетъ и относительно билетовъ Англійскаго банка.

* Такъ въ 1862 г. учтено векселей въ банкѣ на 20.037.988 р., а во всѣхъ конторахъ на 53.568.319 р.

эпоху промышленнаго возбужденія) не могло не отозваться плчевыми послѣдствіями: оно произвело искусственное возбужденіе торговли на всемъ Украинскомъ рынкѣ. Приливъ векселей къ учету, породившій такое несоразмѣрное расширеніе учетной операціи нисколько не доказывалъ возрастанія самыхъ коммерческихъ сдѣлокъ на Украинскомъ рынкѣ, а напротивъ того именно усиленіе учета, возникнувшее единственно изъ расположенія банковской конторы къ щедрой раздачѣ денегъ, искусственно увеличало количество товарныхъ сдѣлокъ. Векселя не доказывали собою ни спроса на товаръ, ни предложенія товаровъ, а напротивъ учетъ повелъ къ заказамъ новыхъ товаровъ сверхъ всякаго спроса на нихъ и сверхъ вѣроятностей быта. Въ 1862 г., послѣ Крещенской ярмарки уже признано было необходимымъ сократить кредитъ, и это сокращеніе * началось съ Ильинской Подтавской ярмарки и отозвалось величайшими затрудненіями для торгующихъ, хотя собственно учетъ на Ильинской ярмаркѣ болѣе чѣмъ вдвое превосходилъ учетъ 1861 г. (какъ мы видѣли). Изъ всего, что мы сказали, ясно, что какъ сокращеніе, такъ и расширеніе здѣсь учетовъ, не были и не могли быть основаны на сущности коммерческихъ бумагъ, предъявленныхъ къ учету, а были лишь плодомъ административныхъ соображеній, чуждыхъ естественному ходу и потребностямъ торговли.

Такимъ образомъ значеніе учетной операціи для денежнаго обращенія даже и безъ выпуска новыхъ денежныхъ знаковъ весьма велико. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ особенности потому, что цифры учетовъ представляютъ значительныя колебанія въ разные періоды времени, и слѣдовательно дѣйствіе учета на обстоятельства денежнаго обращенія въ разные эпохи и въ разныхъ мѣстахъ Россіи можетъ быть весьма измѣнчиво**. Посто-

* Нельзя при этомъ не замѣтить, что при этомъ сокращеніи 800.000 р. векселей было пересрочено со взносомъ 10% въ счетъ капитала. Такой порядокъ кажется намъ несогласнымъ съ условіями кратко-срочнаго и коммерческаго кредита и могущимъ породить большія затрудненія для банка.

** Чтобы судить до какой степени можетъ быть различно это дѣйствіе, достаточно привести слѣдующія цифры. Въ 1862 г., было вообще учтено въ банкѣ съ конторами, въ сравненіи съ 1861 г., менѣе на 14 милл. Такая цифра, въ предѣлахъ которой, значитъ, можетъ колебаться масса

ликимъ и неизбѣжнымъ остается одно только обстоятельство: положительный результатъ учетной операціи съ точки зрѣнія торговца и искусственное взаиміе первой на торговлю и на денежное обращеніе.

Въ какой степени важно движеніе учета для денежнаго обращенія уже достаточно явствуетъ изъ того соображенія, что отъ тѣхъ или другихъ условій учета зависятъ цѣна оборотныхъ капиталовъ, заимствуемыхъ торговцемъ отъ кредита, и колебанія цѣнъ на наличныхъ деньгахъ и товарахъ. Такъ, во время облегченія учета удешевляютъ цѣны наличныхъ денегъ и если даже не производить дорогихъ товаровъ, то во всякомъ случаѣ даютъ возможность держаться товарнымъ цѣнамъ. Учетъ есть именно та операція, посредствомъ которой банкъ можетъ имѣть самое могущественное и самое быстрое взаиміе на денежное обращеніе и въ особенности на обращеніе своихъ собственныхъ оборотныхъ знаковъ.

Поэтому имъ въ особенности и занялось учетомъ, не упоминаемъ о другихъ коммерческихъ операціяхъ государственнаго банка—водѣ заемъ товаровъ и бумагахъ государствен-

учетомъ изъ года въ годъ, можетъ показаться ничтожною въ сравненіи съ 700 мил. всей массы кредитныхъ билетовъ; но значеніе ея нельзя признать маловажнымъ уже потому, что вся цифра учетовъ въ 1863 г., составляла всего до 73 м., и потому болѣе 10% всей массы билетовъ и сверхъ того главнѣйше потому, что цифра денежнаго обращенія, находящаяся въ распоряженіи учетной операціи, представляетъ собою качественно самый дѣятельный элементъ денежнаго обращенія, имѣющій непосредственное взаиміе на всѣ обстоятельства народнаго хозяйства и на отношенія денегъ къ товарамъ.

Для разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей колебанія цифръ учетовъ еще значительнѣе:

Учело векселей во конторахъ:

	въ 1861 г.		въ 1863 г.	
	Р.	К.	Р.	К.
Московской	15.509.136	5	12.404.412	30
Архангельской	1.912.130	10	1.778.990	—
Одесской	7.544.992	—	6.189.648	94
Рязанской	1.555.168	53	2.061.593	65
Кіевской	5.916.138	38	3.613.390	41
Рязанской	409.350	—	375.000	—
Нижгородской	5.993.425	46	4.181.367	13
Ерванской	4.087.759	36	2.892.998	59
Полтавской	1.514.166	30	3.377.364	33

вещь в частностях. Отвлеченные виды этих операций замѣтимъ только, что банкъ, вслѣдствіе своего государственнаго характера, можетъ быть вынужденъ оказывать помощь ительностью однихъ бумагахъ передъ другими, что это можетъ также неравномѣрно дѣйствовать на денежное обращеніе и что вообще колебанія въ денежномъ обращеніи, производимыя каналомъ этихъ операций, какъ каналомъ не чисто коммерческими, могутъ также отзываться и искусственными вліяніемъ на торговлю. Пока эти операции не обрѣдены съ выданнымъ номіналь билетомъ, несомнѣннымъ съ подобными операциями, обстоятельство это не такъ важно. Нельзя также не замѣтить здѣсь, что судамъ подъ много товаровъ, какущіяся съ перваго взгляда болѣе благонадежны въ кредитномъ отношеніи чѣмъ учетъ, для оборотнаго и коммерческаго банка гораздо менѣе прочны чѣмъ учетъ: ракардываемый товаръ есть непремѣнно товаръ на складной обмы; уселеніе предположенія наличныхъ денегъ на счетъ такого товара гораздо болѣе опасно, чѣмъ повлекеніе на рынкѣ номыхъ наличныхъ денегъ вслѣдъ за учетомъ товарнаго векселя, который представляетъ собою проданный товаръ, нашедшій для себя обмы и въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи соотвѣтствующій дѣйствительнымъ потребностямъ рынка. Съ другой стороны само собою разумно, что товаръ благонадежно чѣмъ дутый, не товарный вексель.

Какою бы ни были однако недостатки коммерческихъ кредитныхъ операций государственнаго банка, безусловнаго характера этого учрежденія, передача кредитныхъ билетовъ въ его распоряженіе была все-таки улучшеніемъ въ отношеніи бумажнаго денежнаго обращенія. Осервъ вѣкъ хорошихъ послѣдствій этой мѣры выше нами указаныхъ, здѣсь остается сказать въ заключеніе, что она важна какъ шагъ къ превращенію нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ банковыя бумаги и къ умноженію характера ихъ какъ государственныхъ ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Уже теперь, какія бы ни послѣдовали дальнѣйшія мѣры правительства на этомъ пути, наше бумажное денежное обращеніе приобрѣло нѣкоторую *подвижность* банковаго. Такъ, подъ вліяніемъ коммерческихъ операций государственнаго банка и движенія вкладовъ цифра *активнаго* обра-

щенія * отдѣлялась весьма извѣстной. Особриая свои операціи такъ или иначе и въ особенности посредствомъ извѣстнаго уполномоченнаго, банкъ можетъ давать денежному обращенію то или другое направленіе согласно потребностямъ и обстоятельствамъ времени и въ томъ числѣ можетъ имѣть вліяніе на ходъ развѣтливой операціи, важной всегда, а при нашихъ обстоятельствахъ въ особенности важной. До учрежденія государственнаго банка наше бумажное денежное обращеніе не имѣло этихъ качествъ и это есть положительное приобритеніе нашей выжженной финансовой эпохи.

Отъ дальнѣйшихъ намѣреній и дѣйствій правительства будетъ зависеть воспользоваться новыми условіями для денежной нашей системы, обуславливаемыми банковымъ механизмомъ, и придать этому механизму настоящую дѣятельную силу, заключающуюся единственно въ личномъ коммерческомъ интересѣ и коммерческой отвѣтственности, совершенно чуждыхъ казенной организаціи банка.

V.

Общее заключеніе.

Каждая отдѣльная часть нашихъ изслѣдованій, являясь передъ публикой послѣ нѣкотораго промежутка времени, представляла собою отдѣльное замкнутое цѣлое; потому, казалось бы, на насъ и не лежитъ прямой обязанности представить, съ окончаніемъ нашего труда, общее обзорнѣе его результатовъ. Отъ этой обязанности мы тѣмъ легче могли бы освободить себя, что въ изложеніи каждой части были постоянно указываемы соотношенія ея спеціальныхъ вопросовъ съ вопросами всѣхъ прочихъ частей, а потому важнѣйшіе общіе выводы относительно обстоятельствъ нашей бумажной денежной системы легко могутъ быть сдѣ-

* Такъ, активное обращеніе было:

1862 г.		1863 г.	
Іюль . . .	681,1	Январь . . .	682,1
Августъ . .	686,5	Февраль . .	677,1
Сентябрь . .	681,6	Мартъ . . .	688,6
Октябрь . .	682,9	Апрѣль . . .	688,3
Ноябрь . . .	686,3	Май	646,3
Декабрь . .	683,8	Іюль	640,1
		Іюль	637,1

даны самимъ читателямъ. Наконецъ всякое окончательное и общее заключеніе могло бы быть отклонено нами уже и по тому поводу, что намъ трудъ, какъ и явствуетъ изъ его заглавія, имѣлъ своею задачей изслѣдовать преимущественно лишь тѣ *нѣкоторыя* явленія нашего денежнаго обращенія, относительно коихъ было нами лично собрано достаточно фактическихъ матеріаловъ, и мы никакъ не предполагали возможнымъ исчерпать этотъ предметъ во всемъ его историческомъ и теоретическомъ объемѣ, столь *великомъ* и столь *сложномъ*. Ко всемъ этимъ соображеніямъ, избавляющимъ насъ отъ трудной обязанности завлечь публично нашъ общій взглядъ на денежную систему Россіи, мы присовокупимъ еще и то обстоятельство, о которомъ мы не разъ уже упоминали, — что мы никогда не намѣревались ставить цѣлю нашего труда *начертаніе какой-либо программы* для правительственныхъ дѣйствій, сюда относящихся. Интересъ этого труда (по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ автора) чисто-теоретическій; если онъ можетъ заключать въ себѣ какія-либо практическія указанія и отношенія къ будущимъ правительственнымъ мѣрамъ, то во всякомъ случаѣ помимо нашихъ прямыхъ намѣреній. Разъяснить *нѣкоторыя* изслѣдованныя нами явленія нашего народнаго хозяйства и осмыслить ихъ общими началами науки — таково было наше прямое желаніе. Если мы сколько-нибудь успѣли въ этихъ усиліяхъ, то общая связь явленій и общій на нихъ взглядъ должны истекать сами собою; формулировать этотъ взглядъ въ краткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ, есть гораздо менѣе требованіе науки нежели практика. При современномъ своемъ характерѣ экономическая наука, подобно всемъ другимъ наукамъ, старается быть возможно болѣе воздержною и умѣренной въ общихъ выводахъ и возможно болѣе сосредоточивать свое вниманіе на отдѣльныхъ, фактическихъ явленіяхъ и взаимной ихъ связи. Въ то же самое время практика ищетъ общихъ руководящихъ началъ, безъ которыхъ никакъ невозможна никакая государственная дѣятельность. Такимъ образомъ, замѣтимъ кстати, духъ нашего времени заставляетъ теорію и практику трудиться, какъ будто въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ и даже въ такихъ направленіяхъ, которыми и та и другая какъ будто обмѣнялись между собою.

Однако оба указанныя направления — финансовой практика, а также во образованныхъ государствахъ: стремительно оперируютъ на общія, систематическія и несистематическія начала, и теорія обильно развивается преимущественно на тщательной проверкѣ своихъ общихъ понатій въ разрозненныхъ личныя жизни, — оба эти направления не такъ противопоставлены и чужды другъ другу, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. То и другое направление рѣшительно помогаютъ другъ другу.

Практическій финансовый опытъ у всѣхъ европейскихъ народовъ единодушно подтверждаетъ необходимость общей системы для финансовой практики, а система не возможна безъ какихъ-нибудь общихъ практическихъ началъ, которая въ своей сущности непремѣнно отвлекаема, хотя бы и не самозависѣла таковыми въ умѣхъ базисорукыхъ практиковъ. Наука же, на какой бы временной фазѣ своего развитія она ни оставалась, никогда не можетъ отречься отъ признанія какихъ-нибудь общихъ, непреложныхъ началъ, приходящихъ въ забвеніе лишь въ умѣхъ тѣхъ ослѣпителей науки, которые посреди разныхъ временныхъ ея обоготствованій не замѣчаютъ общаго, неуклоннаго ея дѣйствія. Съ другой стороны, наука, трудясь надъ частными вопросами и маленькими жанами, отвлекаясь даже отъ общихъ и основныхъ своихъ задачъ къ частнымъ вопросамъ, задаваемымъ практическими надобностями текущаго дня, подаетъ руку практикѣ, но забыть съ тѣмъ она никакъ не можетъ забыть, что единственными прочными основами этого союза могутъ быть только общія начала, общіе экономическіе законы, равно необходимые и для науки и для практики.

Въ признаніи этихъ непреложныхъ экономическихъ законовъ, въ такъ называемой силѣ вещей, на которую безарестно ссылается, каждый по своему, и люди науки и люди практическаго дѣла, въ этой силѣ вещей заключается сопряженіе и примиреніе обоихъ сферъ человеческой дѣятельности. Увидѣть и открыть эту силу, этотъ законъ природы, въ каждомъ отдѣльномъ, видимомъ явленіи — такова задача современнаго науки; сообразовать съ этою силой свои дѣйствія, огласить съ нею неотложныя надобности текущаго дня, такъ чтобы нарушеніе закона неого-

зависитъ отъ практической задачи картины практики.

Въ этихъ изысканіяхъ, мы не только воздерживаемся отъ изложенія некоторыхъ общихъ выводовъ, каковы могутъ быть сдѣланы изъ всей совокупности нашихъ изысканій. Мы вѣдучи старались представлять общія экономическія начала лишь какъ результаты изысканія частностей и дѣйствительныхъ фактовъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства; мы вѣдучи старались выводить необходимость этихъ общихъ сужденій не изъ необходимости самой жизни, но могущей примириться лишь съ случайными сдѣленіемъ обстоятельствъ, съ интересами, но объясненными наукой. Омѣнъ думать, что мы упали возложить въ этомъ какъ-будто насъ нашихъ экономическая обогатившая послѣдняго времени дѣствіе некоторыхъ общихъ причинъ, дѣствіе экономической силы вещей. Въ этомъ же направленіи были употреблены не одни только наши успѣхи; другіе, и не хотѣть-статья о бѣднѣннхъ успѣхахъ*, также старались дѣлать экономическую законность нѣкихъ многочисленныхъ финансовъ обществъ, которыхъ намъ пришлось быть очевидцами въ послѣднее время. Во всѣхъ изысканіяхъ нашего денежнаго обращенія не только не было ничего исключительнаго и удивительнаго съ точки зрѣнія науки; но въ нихъ замѣчается даже чрезвычайная правильность и послѣдовательность, такъ и вѣдучи были многіе изъ этихъ изысканій и какъ бы предвѣдучи были они для нашего народнаго хозяйства. Многія изъ этихъ изысканій были даже предвѣдучи заданаго впередъ, такъ что здѣсь съ одной стороны подтверждается зрѣлость науки, лучшимъ свидѣтельствомъ которой можетъ служить эта возможность предсказаній; съ другой стороны, здѣсь открывается возможность пользованія предвѣдучи науки для практическихъ государственныхъ цѣлей, на будущее время.

Несомненно отъ всѣхъ этихъ соображеній, одно особое обстоятельство, обличаетъ даже лучше, убеждаетъ насъ

* Мы въ собиности цѣлемъ здѣсь въ виду передельна экономическія статьи *Московскихъ Вѣдомостей* 1863 г.; эти статьи выдѣлили нѣкоторыя стороны нашего денежнаго обращенія съ особенною силой. Одни вопросы были разсматриваемы нами въ томъ же направленіи; другіе — въ нѣсколько иномъ.

высказать въ заключеніе нѣсколько общихъ выводовъ изъ всѣхъ нашихъ изысканій и разсужденій о денежномъ обращеніи. Наши статьи выходили въ свѣтъ чрезъ довольно значительные промежутки времени; такимъ образомъ съ самаго начала нашихъ занятій этимъ предметомъ до сихъ поръ протекало уже болѣе полутора года. Въ этомъ именно періодѣ произошли въ нашемъ денежномъ обращеніи нѣкоторыя весьма явленія, какъ напримеръ, сокращеніе, въ теченіи 1863 г., орковъ пониженія курсовъ для разнѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ, разнѣна по номинальной ихъ цѣнѣ съ 1-го августа, чрезвычайно усилившееся въ 1863 г. предъявленіе билетовъ къ обмѣну, потомъ выдача въ обмѣнъ на билеты одного только серебра и приостановленіе выдачи золота, прекращеніе разнѣной операціи съ 6-го ноября, значительная трассировка заграничныхъ векселей государственными банкомъ, весьма вынужденные политическими обстоятельствами, выпуски государственныхъ процентныхъ бумагъ (серій), имѣющихъ во многихъ отношеніяхъ свойства бумажныхъ денегъ, и т. д. Все это, въ совокупности взятое, нѣсколько измѣнило наружную обстановку дѣла, хотя сущность его вышла отъ этого не измѣнилась. Но важнѣйшія событія и въ особенности ощущенія и настроенія духа, производимыя ими въ публикѣ, обуславливаютъ собою самую понятія массамъ публики о томъ или другомъ вопросѣ и заставляютъ часто, подъ вліяніемъ минутныхъ, сильныхъ впечатлѣній, видѣть въ положеніи вопроса только его наружную обстановку, а не то что подъ нею скрыто — не сущность дѣла. Такъ благоприятные въ 1863 г. результаты разнѣной операціи, начатой 1-го мая 1862 и описанныя нами въ первой главѣ нашего труда, нисколько не потеряли своего значенія даже и теперь, когда можетъ казаться, что потрясенія, происшедшія во второй половинѣ 1863 г. (паденіе заграничныхъ вексельныхъ курсовъ и приостановленіе разнѣна), были какъ будто несомнѣннымъ открытіемъ разнѣной кассы въ 1862 г. Напротивъ того, все оказанное нами въ самомъ началѣ настоящаго труда, взятое изъ подлинныхъ нашихъ наблюденій надъ дѣйствительными фактами, должно именно теперь выиграть своимъ значеніемъ. Благоприятные результаты разнѣной операціи, въ первомъ ея періодѣ, съ одной стороны, давшимъ

лучше всего выяснитъ противоположныя послѣдствія *неразличности* кредитныхъ билетовъ, отчасти уже обнаружившіяся (на вексельныхъ курсахъ) совокупно со всѣми условіями, ограничившими свободное дѣйствіе разнѣна, и готова нынѣ, съ прекращеніемъ разнѣна, вступить въ полную свою силу. Съ другой стороны благоприятные результаты возобновившейся было въ 1863 г. разнѣности нашихъ денежныхъ знаковъ должны нынѣ еще болѣе заставлять сожалѣть о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя воспрепятствовали правильному и естественному ходу этой операціи и должны заставлять желать возможно скорѣйшаго устраненія этихъ обстоятельствъ и упроченія за нашими бумажными денежными знаками *безусловной различности ихъ на звонкую монету*, — этого *основнаго, непреложнаго условія* (справедливо названнаго въ этомъ смыслѣ *первичнымъ* *) *всякой правильной и здоровой бумажной денежной системы*. Положительно извѣстныя намъ теперь и изъ собственнаго опыта и изъ умозрѣній науки, для всѣхъ теперь очевидныя послѣдствія *принудительнаго* или *насиаственнаго* курса бумажныхъ денегъ (неразличности въ соединеніи съ узаконеннымъ курсомъ) должны, казалось бы, придавать этому вопросу характеръ самой вопіющей государственной необходимости и самыхъ недоброжелательныхъ къ наукѣ, такъ-называемыхъ практическихъ людей, привлечь въ лагерь науки, столь рѣшительной и столь безпрекословной, именно въ этомъ вопросѣ **. Однако, подобно тому какъ многое происходитъ у насъ на глазахъ, на перекоръ здравому смыслу, такъ случилось, къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ: по поводу недавнихъ денежныхъ потрясеній, раздались у насъ голоса, не только обвинявшіе науку за непредвидѣніе этихъ потрясеній, но даже чуть-чуть не возлагавшіе на нее самоѣ отвѣтственность за всѣ эти потрясенія. Намъ по неволѣ приходится здѣсь на умъ случай весьма сходный съ настоящимъ: представьте себѣ, что врачи признали первую необ-

* См. редакц. статью *Русс. Вѣстн.* № 7, 1859 г. (*Русскій государственный долгъ*, стр. 204).

** Въ теоріи денежнаго обращенія нѣтъ вопроса болѣе *безспорнаго* и болѣе соединяющаго въ одномъ мнѣніи людей всѣхъ отнѣтковъ школъ и возрѣній, какъ вопросъ о необходимости разнѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету по востребованію.

ходимостью для больного приемы прописаннаго или *лѣкарства* и *дѣты*, и при этомъ разказали чрезвычайно полезныя результаты такого лѣченія и противоположныя результаты неприяма лѣкарства и неумѣренной пищи; представьте себѣ далѣе, что больной сталъ сдѣлать совѣту врачей и благодаря его хорошей натурѣ, оказались весьма скоро хорошіе результаты лѣченія; но вотъ вдругъ, когда лѣченіе далеко еще не окончилось, оно было прервано по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, отчасти, можетъ-быть, предвидѣннымъ, отчасти даже вовсе не предвидѣннымъ; положимъ напр., больной пересталъ акуратно принимать лѣкарство или, на оборотъ, принялъ его въ дозахъ, далеко превзошедшихъ прописанныя врачами, или же онъ принималъ лѣкарство безъ соблюденія дѣты, которая была необходима для дѣйствія лѣкарства и безъ которой дѣло обошлось лишь въ началѣ лѣченія, благодаря доброй натурѣ больного и т. д.; положимъ вообще, что были всякіе перерывы лѣченія по разнымъ обстоятельствамъ, зависѣвшимъ или не зависѣвшимъ отъ воли больного, и тогда спрашивается, въ чемъ виноваты врачи и, тѣмъ болѣе, въ чемъ виновата медицина?... Отъ этого примѣра, хотя и взятаго изъ совершенно иной области явленій, но тѣмъ не менѣе весьма близкаго къ исторіи нашего денежнаго обращенія за послѣднее время, мы уже прямо перейдемъ къ сжатому перечню всего изложеннаго по этому предмету въ нашихъ статьяхъ.

Въ основаніе всего нашего труда мы положили мысль о необходимости различить *три разные стороны* бумажной денежной системы: 1, *внутренняя цѣнность* бумажныхъ денежныхъ знаковъ, то что мы назвали *качественными* отношеніями денежнаго обращенія; 2, *количество* денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи, то что мы назвали *количественными* его отношеніями, и наконецъ 3, *способъ выпуска* знаковъ или то что можно назвать самою *системою* бумажнаго денежнаго обращенія. Мысль различенія и отдѣльнаго разсмотрѣнія группъ, явленій и вопросовъ, относящихся къ каждой изъ этихъ трехъ сторонъ нашей денежной системы послужила намъ не только какъ наиболѣе удобный методъ изслѣдованія и изложенія предмета столь сложнаго и запутаннаго какъ настоящій, но эта мысль обусловила собою и самое разрѣшеніе всѣхъ поставленныхъ нами вопросовъ.

По нашему мнѣнію, постоянное и общепринятое смѣшеніе и въ теоріи и въ практикѣ, трехъ упомянутыхъ выше сторонъ всякой бумажной денежной системы, — качества, количества и способа выпуска оборотныхъ безпроцентныхъ знаковъ, — есть одна изъ главныхъ и многихъ причинъ чрезвычайной запутанности всѣхъ сужденій по нашему предмету и трудности его пониманія въ массѣ публики.

Однако различныя условія и свойства денежной системы, относящіяся къ каждой изъ этихъ трехъ ея сторонъ находятся при всемъ своемъ различіи и при всей самостоятельности своего значенія въ самомъ тѣсномъ между собою *взаимодѣйствіи*, и въ этомъ собственно заключается вся трудность и сложность вопросовъ о бумажномъ денежномъ обращеніи; такъ мѣновая цѣнность безпроцентныхъ оборотныхъ знаковъ прежде всего коренится въ ихъ *внутренней металлической цѣнности*,^г въ отношеніяхъ ихъ къ звонкой монетѣ, въ ихъ *размѣнности*, и потомъ во всѣхъ свойствахъ оборотнаго знака, какъ *узаконеннаго*, платежнаго способа или орудія, но послѣ всего этого мѣновая цѣнность оборотныхъ денежныхъ знаковъ значительно обусловлена и количествомъ ихъ въ народномъ обращеніи; наконецъ какъ размѣнность бумажнаго денежнаго знака на звонкую монету, и присвоенный ему характеръ узаконенной государственной монеты, такъ и количество выпускаемыхъ знаковъ и его отношенія къ потребностямъ обращенія (самое значеніе количества для цѣнности или степень, въ которой первое обуславливаетъ вторую) въ свою очередь зависятъ отъ *способа* выпуска знаковъ въ народное обращеніе; система выпуска въ обращеніе и изытія (или погашенія) изъ обращенія безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ даетъ тотъ или другой категорически различный типъ (*ассигнаціонный* или *банковый*) всему механизму бумажнаго денежнаго обращенія и въ окончательномъ результатѣ подчиняетъ себѣ всѣ относящіяся къ нему теоретическіе и практическіе вопросы. Уже изъ этого бѣлаго указанія видна внутренняя органическая связь всѣхъ сторонъ и вопросовъ денежнаго обращенія, — связь достаточно, мы полагаемъ, развиваемая во всемъ нашемъ трудѣ и проникающая всѣ отдѣльныя его части. Несмотря однако на эту связь и единство всѣхъ раз-

нообразныхъ и разнохарактерныхъ явленій денежнаго обращенія, каждая группа явленій, мы должны это еще разъ напомнить, и каждый видъ недуговъ и сотрясеній, ими порожденныхъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, должны быть разобраны отдѣльно и независимо одни отъ другихъ; только путемъ подобаго отвлеченія однихъ явленій, однихъ условій денежной системы отъ другихъ и можетъ выясниться ихъ взаимная связь и единство.

Повторимъ вкратцѣ самые крупные результаты сдѣланнаго нами анализа явленій нашего бумажнаго денежнаго обращенія, по тремъ взятымъ нами главнымъ категоріямъ вопросовъ, и посмотримъ затѣмъ въ какой степени сдѣланные нами выводы прилагаются къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ этого дѣла, въ настоящую минуту, * послѣ того какъ мы были очевидцами нѣкоторыхъ, какъ будто новыхъ и неожиданныхъ явленій.

Въ первой главѣ мы разсматривали послѣдствія притупительнаго курса кредитныхъ билетовъ,—ихъ узаконеннаго хожденія наравнѣ съ звонкою монетою въ соединеніи съ прекращеніемъ размѣна въ 1856—1862 гг. Мы видали, что эти послѣдствія заключались преимущественно въ возникновеніи и постоянномъ возрастаніи во всѣхъ частныхъ коммерческихъ сдѣлкахъ разницы въ цѣнѣ металлической денежной единицы и кредитной или бумажной, несмотря на тождество ихъ, установленное закономъ и охраняемое всѣми его угрозами противъ частныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ вопреки этому узаконенному и подписанному на билетахъ *единству денежной единицы*. Эти послѣдствія противодѣйствія силы вещей, экономическихъ законовъ природы, произвольному ихъ нарушенію, составили группу болѣзненныхъ явленій, которая всего лучше можно обозначить общимъ названіемъ: *колебаній монетной единицы*; эти явленія обнаружались у насъ главнѣйше слѣдующимъ образомъ: во внутреннемъ денежномъ обращеніи, *лазъ* на звонкую монету при промѣнѣ ея на кредитные билеты или *паденіе цѣнности* кредитныхъ билетовъ (депрециация ихъ), постоянно возраставшее съ 1856 по май 1862 г., безусловное исчезновеніе звонкой монеты изъ народнаго обращенія, посредствомъ сбереженія, накопленія, переплава и вывоза; превращеніе звонкой

* Ноябрь 1863 г.

монеты въ товаръ и страшное повсемѣстное у насъ развитіе спекуляціи и торга на монету; въ международномъ денежномъ обращеніи: постоянно возрастающее съ принудительнымъ курсомъ билетовъ паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, т.-е., то же самое паденіе нашей бумажной денежной единицы въ обмѣнъ на всемірную металлическую; разстройство международного кредита и торговли, избѣгающихъ помѣщенія капиталовъ въ монеты, подверженной колебаніямъ и паденію; бѣгство капиталовъ изъ Россіи за границу, болѣзненное развитіе ввоза иностранныхъ товаровъ на счетъ вывоза русскихъ, поощряемое относительными выгодами обмѣна иностранныхъ товаровъ на русскую звонкую монету, вздорожавшую сравнительно менѣе прочихъ русскихъ товаровъ вслѣдствіе искусственной (правительственной) поддержки иностраннаго вексельнаго курса.—Таковы были указанныя нами, на основаніи собранныхъ нами фактическихъ данныхъ, послѣдствія колебаній нашей узаконенной монетной единицы (бумажной) или *принудительнаго*, такъ называемаго насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, охраняемаго оружіемъ закона, посреди различествующихъ съ нимъ на иностранныхъ и отечественныхъ рынкахъ *вольныхъ курсовъ* билетовъ.

Когда мы описывали всѣ эти болѣзненные явленія, посреди которыхъ принята была важная государственная мѣра—открытіе *размѣна билетовъ на звонкую монету* съ 1 мая 1862 г., мы могли уже наблюдать и отмѣтить благоприятные результаты размѣна, въ первую эпоху его дѣйствія. Мы видѣли, что эти результаты *весьма быстро* заявили себя рядомъ явленій, противоположныхъ явленіямъ періода шестилѣтняго прекращенія размѣна. Настоятельность размѣна для денежныхъ знаковъ, цѣнность которыхъ условно обезпечена искусственными преимуществами узаконеннаго курса, настоятельность этого единственнаго способа отвращенія колебаній этой цѣнности была засвидѣтельствована рѣшительными симптомами, въ которыхъ недугъ, казалось, спѣшилъ уступить приложенному къ нему лѣченію.

Но принудительнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ и его специфическимъ послѣдствіемъ, колебаніями монетной единицы, недугомъ, противъ котораго и было употреблено специфическое его лѣченіе — размѣнная операція — еще не ограничивались всѣ болѣзненные обстоятельства нашего

денежнаго обращенія. Было еще другое зло — *избытокъ* денежных знаковъ противъ потребностей народнаго обращенія. Этотъ избытокъ требовалъ также финансовыхъ мѣръ, спеціально противъ него направленных; онъ обуславливалъ собою, какъ мы говорили *, окончательный успѣхъ разнѣной операціи, и готовъ былъ, съ теченіемъ времени, подвергнутъ ее опасности, обрушиваясь на разнѣный фондъ, въ которомъ излишніе кредитные билеты могли, посредствомъ превращенія въ звонкую монету, искать для себя исхода съ нашихъ денежныхъ рынковъ. Сверхъ того, способъ дѣйствія направленный противъ неразнѣности билетовъ, самъ собою еще усиливалъ зло, заключавшееся уже въ *количество* денежныхъ знаковъ.

Усиленіе этого зла происходило отъ одного обстоятельства, сопровождавшаго открытіе разнѣной операціи. Совокупно съ возстановленіемъ разнѣности кредитныхъ билетовъ, предположено было возстановить и *персональную* или *паритетальную* ихъ цѣнность, относительно звонкой монеты. Задача эта, при значительномъ паденіи кредитнаго рубля (14%—15% средняя цифра обезцѣненія или даже) въ періодъ закрытія разнѣной кассы и при чрезвычайномъ избыткѣ билетовъ, была особенно трудна. Эта задача усложнилась ходъ разнѣной операціи. Черезъ постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ, необходимое для разрѣшенія этой задачи, общая масса денежныхъ знаковъ (по отношенію къ международной денежной, то-есть, металлической единицѣ, и къ всемірному денежному обращенію) стала по необходимости сама собою и безъ всякихъ новыхъ выпусковъ возрастать, соразмѣрно съ возвышеніемъ курсовъ разнѣна въ государственномъ банкѣ. Черезъ это обстоятельство усиливалось дѣйствіе *количества* кредитныхъ билетовъ на разнѣную кассу, дѣйствіе и безъ того уже сильное, вслѣдствіе ихъ избытка во внутреннемъ народномъ обращеніи.

Во второй части нашего труда мы представили полную картину движенія цифръ кредитныхъ билетовъ, съ самаго ихъ учрежденія до настоящаго времени и изобразили отношенія *количества* нашихъ денежныхъ знаковъ къ потребностямъ нашего народнаго обращенія въ разные его пері-

* См. заключеніе первой главы.

оды. Мы видѣли экономическія потрясенія, произведенныя чрезвычайными выпусками періода восточной войны, и отозвавшіяся въ связи съ государственными преобразованіями современной намъ эпохи, преимущественно во внутреннихъ обстоятельствахъ нашего народнаго хозяйства. Мы видѣли послѣдствія чрезмѣрнаго возрастанія бумажныхъ денегъ, лихорадочное оживленіе потребленія, а съ нимъ промышленности, торговли и кредита и вкорѣ потомъ наступившую реакцію — застой въ дѣлахъ, ослабленіе духа предпримчивости и довѣрія, ожатіе кредита. Эти послѣдствія чрезвычайныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, болѣе чѣмъ удвоившихъ цифру денежнаго обращенія, выразились у насъ въ самыхъ рѣшительныхъ, несомнѣваемыхъ, для всѣхъ очевидныхъ фактахъ; и мы, кажется, съ достаточною убѣдительною доказали, что эти факты не только дѣйствительно были послѣдствіемъ чрезмѣрнаго возрастанія массы билетовъ въ обращеніи, но что они и не могли не быть такимъ послѣдствіемъ, въ силу экономическихъ законовъ, которыми подчинено денежное обращеніе, и которые всюду производили то же самое.

Послѣ опустошеній, причисляемыхъ избыткомъ кредитныхъ билетовъ противъ потребностей народнаго обращенія, равновѣсіе начало устанавливаться рядомъ болѣзненныхъ явленій, въ томъ числѣ преимущественно посредствомъ *дороговизны* товаровъ (или дешевизны денегъ), которая обрушилась на всѣхъ потребителей нашихъ товаровъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и затѣмъ парализовала самое производство, страдавшее отъ неравномѣрнаго движенія дороговизны и отъ паденія иностранныхъ обытовъ. Виѣтъ съ дороговизною, равновѣсіе количества денегъ съ потребностію въ нихъ устанавливалось и посредствомъ такъ-называемаго *безденежья*, составляющаго предметъ всеобщихъ жалобъ и выражающаго собою сокращеніе и дороговизну кредита и въ сущности капиталовъ, недостающихъ для соразмѣрности съ знаками, искусственно созданными, чтобъ ихъ представлять и передвигать.

Мы старались доказать, что избытокъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ продолжаетъ у насъ существовать и дѣйствительно, что всѣ обстоятельства, которыми онъ содержится въ наружномъ равновѣсіи съ потребностями народнаго обращенія, суть обстоятельства ненормальныя, подобныя

дороговизнѣ и бездежью, что для успѣховъ нашего народнаго хозяйства необходимо, чтобъ эти обстоятельства изменились, что правильный, здоровый ростъ всего организма народнаго хозяйства невозможенъ при такомъ болѣзненнымъ равновѣсїи количества орудій жѣны съ потребностями жѣны, равновѣсїи, существующемъ благодаря лишь нѣкоторымъ *патологическимъ* элементамъ, якимъ заключающимся въ этомъ организмѣ. Мы говорили, что организмъ народнаго хозяйства будетъ, благодаря своимъ естественнымъ силамъ, стремиться, во что бы то ни стало, къ выздоровленію, что избытокъ денежныхъ знаковъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для своего исхода изъ обращенія, что онъ будетъ съ постоянно возрастающею силой, по мѣрѣ образованія излишковъ наличныхъ денегъ въ частыхъ рукахъ, заявлять себя у дверей открытойся разнѣной кассы. Говоря объ этомъ угрожающемъ характерѣ избытка нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, мы наконецъ замѣтили, что этотъ характеръ значительно усилена въ самое послѣднее время, сверхъ возвышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ (испадавшими курсами разнѣна), значительнымъ размноженіемъ государственныхъ процентныхъ бумагъ (серїи и 4%, металлическихъ), служащихъ у насъ для покрытія текущихъ государственныхъ долговъ. Эти бумаги, вопреки неестественнымъ свойствамъ всякой процентной бумаги, снабжены привилегіями, придающими имъ свойства бумажныхъ денегъ или оборотныхъ, безпроцентныхъ знаковъ.

Въ изслѣдованіи послѣдствій излишества кредитныхъ билетовъ, мы безпрестанно встрѣчались съ вопросомъ: о самыхъ *причинахъ* чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ и объ условіяхъ бумажной денежной системы, способныхъ устраничь самую возможность такихъ выпусковъ и установить равновѣсїе между потребностями народнаго обращенія и количествомъ орудій жѣны. Такимъ образомъ мы перешли къ третьей части нашего труда и подвергнули подробному разсмотрѣнію самый способъ выпуска оборотныхъ знаковъ, дѣйствовавшій у насъ до сихъ поръ, способъ *ассигнаціонный*, рѣзко отличающійся отъ банковаго, преобладающаго якимъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Мы старались доказать, что различіемъ этихъ двухъ способовъ обуславливаются различіе двухъ

совершенно противоположныхъ системъ бумажнаго денежнаго обращенія и всѣ политическія особенности, отличающія *государственныя ассигнаціи отъ банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ*. Мы указали на послѣдствія этихъ особенностей, въ обстоятельствахъ нашего денежнаго обращенія, столь несходныхъ и между тѣмъ часто смѣшиваемыхъ съ денежными и коммерческими потрясеніями современной Западной Европы. Между прочимъ мы видѣли главнѣйшія спеціальныя послѣдствія ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ въ томъ особомъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ *количество* ихъ въ обращеніи и котораго никогда не можетъ имѣть количество банковыхъ билетовъ. Послѣдствіе, въ какомъ бы количествѣ они ни выпускались, изънимаются изъ обращенія или погашаются сами собою, путемъ тѣхъ же самыхъ банковыхъ операцій, которыя послужили поводомъ къ выпуску билетовъ, путемъ платежей по судамъ банка. Мы выставили этотъ послѣдній фактъ, *возвратное* движеніе банковыхъ билетовъ (отъ публики въ банкъ) какъ въ высшей степени важное *регулирующее* начало банковаго денежнаго обращенія, безусловно недостающее ассигнаціонному и чрезвычайно содѣйствующее быстротѣ и относительной безвредности денежныхъ кризисовъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Вслѣдствіе отсутствія этого начала въ ассигнаціонной денежной системѣ, пріобретеніе ассигнаціоннымъ знакамъ *размѣнности*, составляющей неотъемлемую принадлежность банковыхъ билетовъ, дѣлается особенно затруднительнымъ; но для *нормальнаго* погашенія и изытія изъ обращенія банковыхъ билетовъ посредствомъ возвратнаго теченія ихъ въ банкъ по платежамъ, размѣнная операція служитъ для этихъ билетовъ лишь совершенно случайнымъ и исключительнымъ способомъ изытія изъ обращенія; напротивъ того размѣнъ ассигнацій можетъ сдѣлаться, при малѣйшемъ ихъ избыткѣ, нормальнымъ каналомъ выхода ихъ изъ обращенія, и можетъ постоянно подвергаться несостоятельности размѣннымъ металлическій фондъ. Мы уже были свидѣтелями такого направленія нашей размѣнной операціи въ 1863 г., направленія, вынужденнаго совокупно со всѣми обстоятельствами, политическими и финансовыми, усилившими дѣйствіе избытка кредитныхъ билетовъ и напоръ ихъ къ размѣнной кассѣ, — *пріостановленіе размѣна съ 6 ноября*.

Мы не будемъ, по самой цѣли нашего труда, входить въ разсмотрѣнiе всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событiю и усложнившихъ дѣйствiе главной причины — избытка денежныхъ знаковъ и отсутствiя мѣры, специально противъ избытка направленныхъ. Необходимость открытiя, подлѣ разнѣной кассы, иного канала для отаива съ денежныхъ рынковъ кредитныхъ билетовъ, необходимость такого отаива, долженствующаго реализовать мапоръ билетовъ, ищущихъ въ разнѣнѣ собственно не монеты, а своего изытiя изъ обращенiя, — необходимость эта сдѣлалась, кажется, для всѣхъ очевиднымъ фактомъ.

Самое прямое удовлетворенiе этой необходимости, истекающее изъ хода всѣхъ нашихъ финансовыхъ событiй, представляется въ превращенiи избытковъ кредитныхъ билетовъ въ государственныя процентныя бумаги. Передача такихъ бумагъ въ распоряженiе государственнаго банка, въ его портфель, для покрытiя части долга государственнаго казначейства банку и для предложенiя этихъ бумагъ владельцамъ кредитныхъ билетовъ, напирющимъ на разнѣнную кассу, — такая мѣра кажется намъ самою естественною, самою рациональною и самою удобною. Не намъ впервые приходится указывать на эту мѣру, но она по необходимости истекаетъ изъ всѣхъ изслѣдованныхъ нами фактовъ*.

* Мы полагаемъ, что эта мѣра можетъ быть удобна лишь для дополнительнаго покрытiя кредитныхъ билетовъ и что ей долженъ предшествовать заемъ по подпискѣ. Никакъ нельзя желать, чтобы банкъ въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ продавалъ пяти-процентныя билеты по дешевой цѣнѣ. Это было бы подрывъ для всѣхъ тѣхъ, у кого есть эти билеты, — подрывъ совершенно несправедливый. Съ другой стороны эта мѣра, несправедливая относительно публики, была бы опасна и для самого банка. Продавая по низкой цѣнѣ процентныя бумаги, банкъ побуждалъ бы безрочные вклады къ востребованiю. Словомъ, упоминаемая въ текетѣ статьи передача процентныхъ бумагъ въ распоряженiе государственнаго банка для предложенiя этихъ бумагъ въ обиходъ на кредитные билеты вмѣсто золота, можетъ оказаться удобною лишь въ томъ случаѣ когда избытокъ обращающихся кредитныхъ билетовъ не великъ. Если же избытокъ великъ, — а въ дѣйствительности онъ великъ, — и особенно если не предполагается повысить внутреннее достоинство рубля, то безъ займа по подпискѣ обойтись нельзя. Ожиданiе хорошихъ послѣдствiй отъ передачи процентныхъ бумагъ банку основано на томъ же заблужденiи, на которомъ основывалось ожиданiе хорошихъ послѣдствiй отъ разнѣна, — именно на заблужденiи, что избытокъ кредитныхъ билетовъ у насъ не великъ. Было бы очень удивительно еслибы намъ вторично пришлось повѣтоваться за это заблужденiе. *Ред.*

Эта мѣра есть единственная, могущая, безъ всякихъ чрезвычайныхъ усилій и безъ всякихъ невозможныхъ для государства пожертвованій, побороть избытокъ кредитныхъ билетовъ, ввести въ нормальныя границы разнѣнную операцію, возобновленіе которой такъ необходимо, и замѣнять для нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ то возвратное теченіе ихъ въ банкъ и погашеніе, которое недостаетъ имъ, какъ знакамъ, выпущеннымъ по ассигнаціонному способу.

Эта мѣра должна еще болѣе приблизить нашу бумажную систему къ *банковой*, которая единственно можетъ условно обезпечить наше народное хозяйство отъ ассигнаціонныхъ денежныхъ кризисовъ, периодически повторяющихся у насъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Банковая же система денежнаго обращенія необходима для всѣхъ успѣховъ нашего народного хозяйства, поставленнаго чрезъ недостатокъ настоящаго банковаго кредита въ самыя невыгодныя условія конкуренціи съ Западною Европою.

Мы видимъ существующія у насъ условія превращенія кредитныхъ билетовъ въ настоящія банковые; мы замѣтили въ некоторыхъ благоприятныхъ въ этомъ отношеніи свойства, приданныя нашему денежному обращенію, посредствомъ учрежденія государственнаго банка, но въсѣхъ съ тѣмъ мы должны были убѣдиться и въ недостаткахъ его положенія и операцій для окончательнаго упроченія нашей денежной системы на банковыхъ основаніяхъ. Такое упроченіе зависитъ отъ кореннаго преобразованія въ самомъ устройствѣ банка, котораго нынѣшній чисто правительственный характеръ чуждъ главнымъ условіямъ коммерческихъ банковыхъ операцій, въ свою очередь обуславливающихъ самый механизмъ банковской денежной системы. Этотъ правительственный характеръ государственнаго банка, съ самаго его учрежденія, разсматривается самимъ правительствомъ какъ *временный*; онъ гораздо болѣе обременяетъ собою операціи государственнаго казначейства нежели ихъ облегчаетъ, и потому должно надѣяться, что при первыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ этотъ характеръ банка уступить другому, *частному и коммерческому*.

Итакъ *избытокъ* бумажныхъ денежныхъ знаковъ (какъ собственно кредитныхъ билетовъ, такъ и другихъ нашихъ, подобныхъ имъ, бумагъ) выставляется во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, какъ *первенствующій фактъ* посреди всѣхъ

возъ нашего денежнаго обращенія, въ нынѣшнемъ его періодѣ. Этотъ избытокъ сдѣлался главною причиною, парализовавшею развитіе, это первое условіе оборотныхъ денежныхъ знаковъ, и потому главною *практическою* заботою нынѣшняго дѣя. Такимъ образомъ вопросъ о *количествѣ* или избыткѣ кредитныхъ билетовъ есть теперь первенствующій *практическій* вопросъ въ нашей денежной системѣ.

Коренная причина, породившая избытокъ денежныхъ знаковъ, заключается въ самомъ способѣ ихъ выпуска, въ *самой системѣ* и потому дальнѣйшій вопросъ будетъ окончательное превращеніе этой системы *изъ ассигнаціонной въ банковую*.

Поэтому въ *настоящую минуту* всѣ финансовыя мѣры по нашему денежному обращенію должны быть направлены: къ возобновенію развитія, къ предотвращенію дѣявора на него избытка кредитныхъ билетовъ и къ консолидаціи какъ части кредитныхъ билетовъ, такъ и процентныхъ бумагъ, покрывающихъ наши текущіе государственныя долги и увеличивающихъ собою количество оборотныхъ денежныхъ знаковъ.

Совокупно съ этимъ, всѣ дальнѣйшія финансовыя мѣры по этому предмету должны клониться къ окончательному превращенію кредитныхъ билетовъ въ настоящіе банковыя билеты.

Этими словами, выражающими, по нашему мнѣнію, сущность нашего положенія, мы ограничимъ наши практическія указанія и заключаемъ нашъ трудъ.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

Нолбрь 1863 г.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Таково заглавіе небольшой книги, имѣвшей въ послѣднее время огромный успѣхъ во Франціи. Въ теченіи самаго короткаго времени книга эта разошлась въ восемь изданій. Имя автора Рене-Лефевръ—псевдонимъ, скрывающій, какъ говорятъ, талантливое перо извѣстаго ученаго Лабуле. Въ легкой и увлекательной формѣ авторъ представилъ вѣрную сравнительную картину настоящаго состоянія французскаго и американскаго обществъ, различіе учрежденій, понятій и убѣжденій этихъ двухъ народовъ. Вся книга есть не что иное, какъ остроумная сатира на современное состояніе Франціи. Несмотря на легкость оболочки, книга Лефевра отличается самымъ серьезнымъ содержаніемъ и занимаетъ почетное мѣсто въ ряду лучшихъ произведеній французской литературы послѣдняго времени.

Авторъ поставилъ себѣ задачей представить живую картину благодѣяній свободной жизни; не отвлекаясь настоящими, чрезвычайными событіями, волнующими Америку, онъ изобразилъ американскіе нравы, учрежденія и понятія въ мельчайшихъ подробностяхъ, съ знаніемъ и искусствомъ, напоминающими Токвиля. Подобно *Персидскимъ письмамъ* Монтескьё (*Lettres Persannes*) разсматриваемая книга представляетъ собою остроумную критику французскаго обще-

отва и французскихъ учреждений. Въ юмористической формѣ авторъ затрогиваетъ самые важные предметы, касается всѣхъ сторонъ общественной и частной жизни: семейство, община, школа, религія, администрація, юстиція, печать, — ничто не ускользаетъ отъ провидательности остроумнаго наблюдателя. Въ основаніи книги, представляющей счастливое соединеніе остроумія съ глубокимъ знаніемъ дѣла, лежитъ мысль о преобладаніи силы нравовъ и понятій надъ силою учреждений и хартій. Та же мысль постоянно встрѣчается, какъ извѣстно, и въ знаменитомъ произведеніи Бокаю. Подобно Бокаю, авторъ „*Парижа въ Америкѣ*“ порицаетъ тенденцію Французовъ: „вносить свободу въ хартію, а произволъ въ администрацію“. Онъ рисуетъ картину французскаго общества повсюду отъсвѣннаго администраціей, вышнвающимся во все, подъ предлогомъ избавленія гражданъ отъ тягостной заботы „заниматься собственными дѣлами“. Цѣль автора состоитъ въ томъ, чтобы самымъ нагляднымъ образомъ представить весь вредъ централизаціи, усыпляющей націю и побуждающей правительство бросаться, для ея пробужденія, въ отчаянныя военныя предпріятія, окончательно подрывающія страну. Вся книга проникнута убѣжденіемъ въ необходимости вызвать къ дѣятельности всю массу французскихъ гражданъ, предоставить имъ личное и дѣйствительное участіе во всѣхъ дѣлахъ, которыя ихъ касаются. По мысли автора, во Франціи до сихъ поръ свободою интересуются лишь публицисты и журналисты, тогда какъ въ Америкѣ ею интересуются цѣлые милліоны людей. Во Франціи свободою пользуются для напечатанія бойкой журнальной статьи; въ Америкѣ ею пользуются при выборѣ мера, при постройкѣ церкви, при обсужденіи бюджета города, при образованіи ассоціацій, — словомъ тамъ свобода представляется ежедневною пищей, поддерживающею жизнь Американскаго народа. По мысли автора, во Франціи мало интересуются общимъ дѣломъ потому, что тамъ, собственно говоря, нѣтъ общаго дѣла; администрація — вотъ душа французскаго общества. Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ разсматриваемой книги. Въ необыкновенномъ успѣхѣ ея нельзя не видѣть краснорѣчиваго признака той знаменательной перемены, которая произошла въ послѣднее время во взглядахъ и понятіяхъ французскаго общества.

Считаемъ лучшимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми главнѣйшими чертами интересной книги. Въ первой главѣ, озаглавленной „Американскій спиритъ“, авторъ разсказываетъ о знакомствѣ своемъ съ американскимъ медиумомъ, Джонатаномъ Дримомъ, прибывшимъ въ Парижъ съ цѣлю давать психическіе и медианимическіе вечера (*soirées psychique et medianimiques*). Будучи убѣжденъ въ томъ что американскій гость желаетъ лишь воспользоваться доверчивостію парижской публики, авторъ отправился къ нему съ полнымъ желаніемъ облачить шарлатана. Но таинственный магикъ выдержалъ атаку съ похвальною твердостію, и въ доказательство своей силы предложилъ автору, не желаетъ ли онъ быть перенесеннымъ внезапно въ Америку съ женою, дѣтьми, домомъ и даже съ цѣлымъ Парижемъ. Авторъ принялъ предложеніе, смѣясь отъ чистаго сердца. „Возьмите этотъ ящикъ“, сказалъ ему магикъ, „откройте его: вотъ двѣ пилюли, одна для васъ, другая для меня; выбирайте, не спрашивая.“ Пилюля была проглочена и на другой день авторъ просыпается уже въ Нью-Йоркѣ. На этомъ остроумномъ вымыслѣ основана вся книга. Перенесенный внезапно въ Америку, неопытный Французъ поражается на каждомъ шагу особенностями американской жизни. Отсутствіе всякой посторонней опеки надъ личностію ощущается имъ уже въ гостиницѣ. Незнакомый съ американскими обычаями онъ непрерывно звонитъ, требуетъ отъ слуги того или другаго, и всякій разъ получаетъ въ отвѣтъ, что все желаемое имъ у него подъ руками, и что тревожить понапрасну людей не слѣдуетъ. Такъ напримѣръ, желая взять ванну, авторъ звонитъ и проситъ немедленно явившагося по звонку слугу-негра указать ему, въ какой части города находятся бани. „Какъ“, восклицаетъ удивленный негръ, вы желаете взять ванну и для этого тревожите прислугу; развѣ вы не знаете, что у насъ при всякой спальнѣ есть особая комната съ ванной; такъ нельзя смѣяться надъ Американцемъ.“ И толкнувъ маленькую дверь спрятанную за занавѣсью, негръ указалъ удивленному Французу уютную комнатку съ бѣлой мраморною ванной. Автору оставалось только молчать; но онъ внутренно проклиналъ эти ужасные американскіе дома, эти настоящія тюрьмы, изъ которыхъ нельзя выйти, потому что въ нихъ находишь подъ рукою

все то, чего въ Парижѣ ищешь въ своемъ домѣ и приобретаешь хотя и дорого, но за то и очень далеко.

Далѣе авторъ представляетъ картину своей семейной жизни, совершенно преобразившейся послѣ переселенія въ Америку. Въмѣсто заботы о нарядахъ и театрахъ, жена его занимается хозяйствомъ, приготовляетъ пудингъ, предупреждаетъ всѣ желанія своего мужа; дочь помогаетъ своей матери и занимается обученіемъ дѣтей въ школахъ; она сама, безъ указки родителей, выбираетъ себѣ жениха, не богатого, но полнаго силъ и надеждъ молодого человѣка, пробивающаго себѣ дорогу къ благосостоянію не посредствомъ протекцій и службы, но собственнымъ, независимымъ трудомъ. Сынъ учится въ школѣ, готовится быть адвокатомъ, сенаторомъ и, чего добраго, не теряетъ надежды занять со временемъ мѣсто Линкольна. Вскорѣ по переселеніи въ Америку, неожиданный случай вызываетъ новаго Американца къ общественной дѣятельности. Сильный пожаръ поколебалъ спокойствіе Нью-Йорка и на доктора Лефевра (такъ называетъ себя герой разказа) пала очередь быть пожарнымъ. Онъ хотѣлъ было протестовать противъ такого насилія, ссылаясь на свою неопытность въ пожарномъ дѣлѣ, но появившіеся лейтенантъ и сержантъ не дали ему опомниться, надѣли на него каску, накинули на плечи аммуницію и посадивъ въ омнибусъ, помчались вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто событія. „Странная идея“ воскликнулъ озадаченный докторъ, „рисковать своею кожей неизвестно для кого, тогда какъ можно было бы нажимать пожарныхъ.“ — „Вы не понимаете въ такомъ случаѣ значенія свободы“, возразилъ доктору новый его товарищъ по званію пожарнаго, адвокатъ Фоксъ: „если нація хочетъ быть свободною, то она должна сама служить себѣ полиціей; допускать казенныхъ охранителей, значитъ допускать властителей.“ Ободренный этими словами, и не видя другаго исхода, преображенный Французъ горячо принялся за дѣло, бросился въ самый пылъ пожара и успѣлъ спасти отъ неминуемой смерти женщину съ ребенкомъ. Этотъ подвигъ внезапно сдѣлалъ доктора известнымъ; толпа произносила его имя, кричала ура; женщины указывали на него своимъ дѣтямъ, проливая слезы умиленія. Мало того, не болѣе какъ черезъ два часа послѣ совер-

шевія подвига на улицахъ появилось прибавленіе къ газетѣ *Парижскій Телеграфъ*, въ которомъ красовалось имя доктора напечатанное огромными буквами; печать называла его новымъ Цинциннатомъ. Прибавленіе это было прибито въ разныхъ мѣстахъ на многихъ домахъ и между прочимъ противъ самыхъ оконъ дома доктора. Проснувшись на другое утро, докторъ бросился къ окну, чтобы полюбоваться еще разъ своимъ именемъ и вкусить сладость своей славы; но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто прежняго объявленія онъ увидѣлъ другое, гласившее: „*Единственный случай для земледѣльцевъ! четыре превосходные осла изъ Италіи; обратиться къ гг. Гиночіо, 70, Вильямъ Стритъ.*“ „Купеческое отродье!“ воскликнулъ разгнѣванный докторъ, показывая кулакъ прохожимъ, „грубая нація, мѣшающая дѣла съ чувствами, ословъ съ подвигами самоотверженія; я благодарю судьбу за то, что не принадлежу тебѣ; да здравствуетъ страна идеаловъ, да здравствуетъ Франція, увлекающаяся всякимъ звучнымъ словомъ, Франція, которая думаетъ о своихъ интересахъ только по мнѣванію въ томъ надобности, Франція — родина модъ, баловъ, романовъ и вольгителъ, а вы, дикіе варвары, я презираю васъ....“ Измивъ такимъ образомъ свой гнѣвъ и нѣсколько успокоившись, докторъ рѣшился отправиться къ редактору *Парижскаго Телеграфа* съ тѣмъ чтобы благодарить его за честь оказанную ему наканувъ. Редакція помѣщалась въ маленькомъ, скромномъ домѣ; на дверяхъ значилось лишь: „*Парижскій Телеграфъ* Трютъ и С.“ Отворивъ дверь, докторъ увидѣлъ предъ собою маленькаго господина въ черномъ сюртукѣ, — это былъ самъ редакторъ, г. Трютъ. Сидя за конторкой, онъ держалъ въ рукахъ огромныя ножницы и вырѣзывалъ длинныя столбцы изъ англійскихъ газетъ, бросая ихъ въ особый ящикъ, служившій проводникомъ къ типографіи. „Что вамъ угодно?“ спросилъ онъ доктора, не прерывая своего занятія. — „Я такой-то,“ отвѣчалъ нѣсколько озадаченный докторъ, „я тотъ самый пожарный 7-ой компаніи, котораго вы удостоили столь лестной похвалы во вчерашнемъ номерѣ вашей газеты.“ — „Хорошо“ сказалъ редакторъ, продолжая вырѣзывать бумагу, „что же вамъ нужно?“ — „Мнѣ ничего не нужно возразилъ“ обиженный пожарный, „я пришелъ только благодарить васъ за оказанную мнѣ

честь.“ Редакторъ подыалъ наконецъ голову, и устремивъ удивленный взоръ на доктора, отвѣчалъ ему: „вы вовсе не обязаны мнѣ благодарностию; опубликовавъ вашъ славный подвигъ, я сдѣлалъ свое ремесло, и вы привесли мнѣ вчера болѣе 200 долларовъ; отсюда ясно, что вы ничѣмъ мнѣ не обязаны.“ Затѣмъ между докторомъ и редакторомъ завязался интересный разговоръ о значеніи журналистики, о силѣ печатнаго слова, о необходимости обличенія лжи и распространенія правды. По мнѣнію доктора, въ журналистикѣ ложь представляется правиломъ, а правда исключеніемъ; напротивъ того, Трютъ доказывалъ, что правда, лучшій *товаръ* журналистики, товаръ наиболее раскупаемый публикой; по его мнѣнію, въ странѣ, гдѣ каждый можетъ думать что хочетъ и печатать то что думаетъ, ложь могла бы только подорвать кредитъ журналиста и привести его къ постыдному разоренію. Въ этомъ спорѣ доктора съ редакторомъ ярко выступаетъ настоящее значеніе свободной печати и отсутствіе истиннаго чувства свободы въ распространенныхъ во Франціи воззрѣніяхъ на этотъ предметъ. Французъ преклоняется предъ свободой въ теоріи, но не признаетъ ея на практикѣ. „Я другъ свободы, говоритъ онъ, но свободы правильной, патентованной и безвредной; вотъ почему я ограничилъ бы число журналовъ, съ тѣмъ чтобъ учредить небольшое число настоящихъ кафедръ, съ которыхъ будетъ слышаться лишь голосъ приличія и умѣренности. Журналисты будутъ тогда, подобно священникамъ, проповѣдниками правды, получающими отъ правительства свой характеръ и свой символъ. Если же, несмотря на разумное направленіе, сообщаемое правительствомъ, какой-нибудь дерзкій газетчикъ оказалъ бы неуваженіе къ власти, олицетворяющей собою справедливость и правду, въ такомъ случаѣ я не прибѣгалъ бы къ суду присяжныхъ, отличающемуся тяжелою рукой и нерѣдко выпускающему изъ нея сомнительную невинность, но представилъ бы виновнаго въ руки администраціи; этой администраціи, всегда заботящейся и покровительствующей, предоставилъ бы я священный долгъ наказывать ложь и даже предупреждать ея возможность. Только администрація, всегда разсудительная, просвѣщенная, нелицепріятная и знающая лучше всѣхъ, что для нея удобно или неудобно, только она должна карать

дерзость и невѣжество. Благодаря такой гигиенѣ, журналы были бы невинною пищею, лѣкарствомъ, а не ядомъ; пресса была бы факеломъ въ рукахъ власти, и следовательно нечего было бы опасаться пожара. При такой гигиенѣ полезные предразсудки и благодѣтельные заблужденія пользовались бы надлежащею охраной, правда соразмѣрялась бы съ потребностями государства и силами народовъ“.

„Вотъ моя теорія“ заключилъ ораторъ, бросая испытующій взоръ на представителя американской журналистики. Само собою разумѣется, что теорія эта не встрѣтила сочувствія на Американцѣ, который отвѣчалъ, что правда принадлежитъ всемъ подобно воздуху и свѣту и что всякіе патентованные проповѣдники истины приносятъ лишь вредъ, извращаютъ понятія, убиваютъ самостоятельность общества.

Покончивъ съ журналистикой, авторъ, обращается къ общественной жизни. Въ главѣ: „Кандидатура въ Америкѣ“ представлена живая картина выборовъ въ муниципальныя должности. Самъ докторъ играетъ роль на этихъ выборахъ: онъ значится въ числѣ кандидатовъ на должность „инспектора улицъ и дорогъ“. Въ силу американскихъ обычаевъ, кандидатъ долженъ произнести спичъ предъ избирателями; прежде доктора говорили нѣсколько испытанныхъ бойцовъ на поприщѣ ораторскаго искусства; неопытный и взволнованный Французъ съ ужасомъ ожидалъ своей очереди; рѣшительная минута наконецъ наступила. „Hear, hear, — раздавалось со всѣхъ сторонъ. Холодной потъ выступилъ на лицѣ доктора, голосъ его замеръ, онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Разбитый прежде сраженія, онъ проклиналъ свою застенчивость и готовился удалиться со срамомъ; но къ счастью на помощь явился юный его сынъ. Съ необычайною легкостью и развязностью взобрался онъ на эстраду, и торжественными жестомъ выразилъ желаніе свое говорить. Публика повиновалась, и новый Демосеевъ одержалъ полную побѣду; рѣчь его была покрыта аплодисментами, мужчины жали ему руку, женщины его цѣловали. Сильность сына доставила отцу мѣсто инспектора дорогъ и улицъ. „Вотъ плоды американскаго воспитанія,“ невольно воскликнулъ отецъ съ гордостью прижимая сына къ своему сердцу. Но радость доктора была непродолжительна. Въ тотъ же день ему попалась въ

руки газета, въ которой воздавалась ему саѣдующая честь; „Докторъ второйя гаупецъ: онъ гаупецъ по рожденію, саѣлавшійся еще болѣе гаупнымъ всаѣдствие тридцатилѣтняго ученія; онъ не видитъ ничего даѣе своего носа. Тупой поклонникъ старинамъ: его идеалъ — древняя Европа; онъ уподобляется кондукторамъ желѣзныхъ дорогъ, обращающимъ спину къ поѣзду, который ихъ умоситъ; онъ видитъ и восхищается только тѣмъ, что исчезаетъ въ тѣни прошедшаго; онъ не замѣчаетъ, что предъ нимъ восходитъ солнце освѣщающее новый міръ: царство личности, торжество свободы. Итакъ оставимъ мертвымъ хоронитъ мертвыхъ; намъ нужны люди свѣжіе, съ силою ума и даромъ слова, а не муміи, годныя лишь для кабинетовъ рѣдкостей.“ Разбѣшенный докторъ опрометью бросился къ ближайшему мировому судѣ, и предъавивъ газету, потребовалъ немедленнаго удовлетворенія.

— Чѣмъ же вы обижены, спросилъ его удивленный судья;— здѣсь вѣтъ ничего оскорбительнаго для вашей чести; нѣскольکو сильныя, правда, шутки, но при этомъ юморъ, лабаудательность, хороший слогъ; здѣсь нечего дѣлать суду.

— А если такъ, отвѣчалъ докторъ,—то въ такомъ случаѣ вридите посмотреть, какую пощечину получить отъ меня вашъ остроумный авторъ.

— Стыдитесь, возразилъ судья,—развѣ вы дикарь вырвавшийся изъ степей Аркавзаса, развѣ вы не христіанинъ? Въ образованной странѣ много говорятъ, горячо спорятъ, но соперники не увижаются до драки и не убиваютъ одиия другаго. Убить соперника или подотавить ему свой лобъ можетъ ли это служить доказательствомъ справедливости? Дуели прибыльны лишь докторамъ и могильщикамъ.

— Но вы, значитъ, не понимаете чувства чести: что же дѣлаете вы, въ случаѣ печатнаго оскорбленія?

На этотъ вопросъ американскій судья отвѣчалъ турецкою пословицей: „тотъ, кто останавливается чтобы бросать камни въ каждую лающую на него собаку, никогда не достигаеъ цѣли своего путешествія.“

Взволнованный самыми разнообразными впечатлѣніями, докторъ возвратился домой и скоро погрузился въ сладкій сонъ. Онъ былъ вскорѣ разбуженъ какою-то тяжелой рукой. Предъ него постелью стоялъ жандармъ.

Видъ этого жандарма доставилъ доктору удовольствіе. Жандармъ! Это очевидно Франція; докторъ ощущалъ родную почву. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого пріятнаго посланника докторъ узналъ въ немъ своего врага, ужаснаго Джоватана Дрима, и радость его замѣнилась страхомъ.

— Что вамъ угодно, спросилъ его докторъ, — по какому праву врываетесь вы ночью въ домъ честнаго гражданина, развѣ вы не знаете, что мой домъ — моя крѣпость?

— Молчать буржуа, отвѣчалъ жандармъ; — не имѣйте безразсудства разсуждать съ властію, которая никогда не вступаетъ въ разсужденія, будучи всегда права.

Затѣмъ жандармъ предъявилъ доктору позовъ къ суду исправительной полиціи для выслушанія приговора о присутствіи въ силу 291 ст. уголовного кодекса, къ тюремному заключенію или штрафу * за неуваженіе къ муниципальной власти, за участіе въ протавузаконныхъ сходбищахъ, за произношеніе публичныхъ рѣчей и другія заповредныя дѣйствія, клонившіяся къ испроверженію существующаго порядка. Предъявивъ этотъ грозный позовъ, жандармъ немедленно принялся за его исполненіе, не взирая на мольбы и угрозы доктора. „Что дѣлать,“ утѣшалъ его жандармъ, „какъ человекъ, я имѣю мягкое сердце и горжусь этимъ; но въ эту минуту я не что иное, какъ органъ закона.“ Сказавъ это, жандармъ схватилъ руку доктора съ такою силой, что онъ невольно вскрикнулъ отъ боли. Это послѣднее ощущеніе разбудило доктора. „Слава Богу,“ воскликнулъ онъ — „это былъ сонъ“. Не вѣря самому себѣ, докторъ поспѣшилъ зажечь лампу, и убѣдившись въ томъ, что въ комнатѣ нѣтъ никакого жандарма, съ восторгомъ бросился снова въ свою американскую постель. „О жандармъ, воскликнулъ онъ, храбрый и честный воинъ, никто лучше тебя не представляетъ общественнаго порядка въ странѣ, гдѣ не понимаютъ власти безъ мундира и шпаги. Гроза нищихъ, бродягъ, совѣсть трактирщика, религія и нравственность буржуазіи, правая рука мера, органъ префекта; о,

* Въ силу французскаго кодекса лице привлекаемое къ суду обыкновенной полиціи (simple police) или полиціи исправительной (police correctionnel) дѣйствительно предваряется о томъ лишь повѣсткой, со слѣдующею замѣчательною формулою: „Vous êtes invité à vous présenter tel jour, à telle heure devant le tribunal pour vous entendre condamner à etc.“

жандармъ, я уважаю и люблю тебя; но прости смѣлость моей фантазіи; а бы хотѣлъ дождаться того дня, когда бѣдность не будетъ считаться преступленіемъ, когда полиція не будетъ препятствовать проявленію добра въ видахъ предотвращенія зла, составляющаго лишь исключеніе; когда изъ нашего кодекса будутъ исключены мнимые проступки; когда, наконецъ, одинъ только судъ будетъ давать тебѣ, жандармъ, приказанія и когда твоя дѣятельность ограничится преслѣдованіемъ дѣйствительныхъ злодѣевъ и мошенниковъ указанныхъ въ законномъ порядкѣ. Тогда я попрошу, чтобы на площади моего родимаго города былъ воздвигнутъ воображаемый монументъ съ надписью: „Мечтателю, который въ 1862 году требовалъ, чтобы судъ одинъ имѣлъ право арестовывать гражданъ, и не иначе, какъ въ силу закона,“ — благодарная жандармерія 14 іюля 2089 года.“

На новомъ служебномъ поприщѣ доктора не замедлила постигнуть маленькая непріятность. Вслѣдствіе несчастнаго приключенія съ экипажемъ вѣковаго Долига на дурно-высоцеюмъ улицѣ, съ новаго инспектора дорогъ и улицъ взыскали штрафъ въ 200 долларовъ. По этому случаю между докторомъ и мировымъ судьей возникъ интересный споръ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Съ французской точки зрѣнія процессъ начинаемый частнымъ лицомъ противъ должностнаго лица, представителя власти, кажется невыслымымъ; но сила американской логики восторжествовала надъ чиновническими воззрѣніями французскаго администратора, и онъ внутренне сознался въ справедливости начатаго противъ него процесса. Въ главѣ: „Судъ у мирового судьи“ представлена живая картина простаго, гласнаго и словеснаго суда, безъ всякихъ натяжекъ и формальностей. Здѣсь доктора поражаетъ гласность предварительнаго слѣдствія, полное приложеніе системы принятія обвиняемаго на поруки взамятъ тюремнаго заключенія, одиочный составъ суда и полное равенство между полиціекомъ-обвинителемъ и подсудимымъ или его адвокатомъ. Вскорѣ судьба привела самого доктора исправлять должность генераль-атторнея, т.-е. обвинителя. Вооружившись всеми французскими приѣмами, онъ произнесъ спичъ, въ которомъ изобразилъ въ яркихъ чертахъ всю жизнь подсудимаго, пытался доказать, что онъ

съ самаго рожденія носилъ въ своемъ сердцѣ зародышъ преступленія; онъ представилъ подсудимаго трехлѣтнимъ ребенкомъ ни разу не вызвавшимъ убытки на лицѣ матери; потомъ школьникомъ, лѣтяемъ и спорщикомъ; наконецъ пьяницей и отъявленнымъ негодяемъ и заключилъ воззваніемъ къ необходимости осудить обвиняемаго и примѣриво наказать его „для того, чтобъ и другимъ такъ дѣлать было неповадно“. Но къ величайшему удивленію оратора, рѣчь его возбудила негодованіе не только въ средѣ присутствовавшихъ адвокатовъ и публики, но и въ самомъ судѣ, неоднократно останавливавшемъ порывы его краснорѣчія. „Не расточайте словъ“ говорилъ ему судья: „намъ нужны факты и только факты.“ Французскаго криминалиста поражаало также то обстоятельство, что подсудимый не подвергался никакому допросу. Вообще, при видѣ судьи и подсудимаго, погруженныхъ въ невозмутимое молчаніе, казалось, что оба они были чужды тому, что происходило въ засѣданіи, и что жертвами процесса были лишь свидѣтели, подвергавшіеся со всѣхъ сторонъ прямымъ и перекрестнымъ допросамъ. Тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе произведенное на доктора американскимъ процессомъ было такъ сильно, что оставляя судъ онъ спрашивалъ самого себя: „не зашелъ ли я въ самомъ дѣлѣ слишкомъ далеко въ своемъ преслѣдованіи подсудимаго“. Идея публичнаго мщенія уже болѣе не удовлетворяла его; онъ смутно сознавалъ другую, болѣе чистую доктрину, доктрину подчиняющую человѣческую справедливость принципамъ Евангелія. Ему начинало казаться, что для христіанина всякое несчастье должно быть священо, и что въ отношеніи къ ребенку, къ женщицѣ, къ бѣдняку и даже къ преступнику, власть должна осторожно пользоваться своею силой и даже опасаться быть слишкомъ правою.

Въ послѣдующихъ главахъ авторъ представляетъ исполненныя жизни картины американскихъ благотворительныхъ учрежденій, тамошнихъ школъ и церквей; знакомить съ терпимостію Американцевъ въ дѣлѣ религій и воспитанія и наряду съ этими картинами рисуетъ и соответствующія французскія учрежденія и понятія.

Книга оканчивается пробужденіемъ доктора въ Парижѣ, но съ совершенно измѣнившимися понятіями. Жена, дочь

и смыслъ совершенно расходятся съ нимъ въ воззрѣнiяхъ, и съ своей стороны считаютъ доктора лишившимся разсудка.

Докторъ дѣйствительно попадаетъ въ сумашедшій домъ. Его болѣзнь характеризуется слѣдующими заключительными словами послѣдней главы: „помѣшательство отъ любви излѣчимо въ молодости, помѣшательство отъ честолюбiя уступаетъ иногда дѣйствию лѣтъ, и презрѣнiю къ людямъ, но помѣшательство отъ свободы — неизлѣчимо.“

М. З.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО

ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРИИ

II.

Десятого сентября Спалтская набережная оживилась съ ранняго утра. На пароходъ, готовившемся къ отъезду въ Дубровникъ, переносились и перевозились разныя вещи; лодки ѣздили одна за другой то отъ набережной къ пароходу, то отъ парохода къ набережной. На послѣдней, мало-по-малу, собралась большая толпа народа. Тутъ были и духовные въ огромныхъ шляпахъ, были испанскіе Евреи съ сморщенными физиономіями, въ длинныхъ халатахъ и въ красныхъ турецкихъ фесахъ, были военные въ бѣлыхъ австрійскихъ мундирахъ, чиновники и торговцы, крупные и мелочные, были Кузманичъ и Свиловичъ, были моряки и рыболовы, замѣтные особенно по своему крупному росту и рѣзкимъ чертамъ лица, были факимы*, эти непремѣн-

* Въ италіанскомъ языкѣ слово факимы означаетъ вообще человека бездомнаго, кое-какъ перебивающагося со дня на день. Факимы ламаются въ подолщики, перетаскиваютъ съ пристани на пароходъ и обратно разныя тяжести, переносятъ вещи пассажировъ, и т. д.

вые члены всѣхъ подобныхъ собраній. Все здѣсь было перемѣшано, и все шумѣло, все суетилось.

Съ палубы парохода было особенно хорошо смотрѣть на эти пестрые толпы. Но вотъ пароходъ отправился, и по мѣрѣ его удаченія отъ пристани, толпа становилась все болѣе и болѣе незамѣтною, пока наконецъ совершенно не исчезла изъ виду. Лишь горы окружающія Сплитъ да высокая башня соборной сплитской церкви съ діоклетіановымъ дворцомъ долго еще видѣлись въ туманной дали; но наконецъ скрылись и они, когда пароходъ зашелъ за острова Браццу и Сольту *....

Черезъ нѣсколько часовъ пароходъ остановился у острова Лиссы, въ какихъ-нибудь пяти, шести саженьяхъ отъ города того же имени **. И островъ, и городъ ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ острововъ и городовъ Далмаціи: — та же сплошная масса камней, выдававшаяся изъ моря, покрытая, по мѣстамъ, богатою растительностію; тѣ же бѣлокаменные зданія, одно возлѣ другаго расположенныя вдоль берега, тѣ же жители — смѣсь Славянъ и Италіянцевъ.... Самая судьба острова почти одинакова съ судьбою другихъ далматинскихъ острововъ. Островъ Лисса, или Исса, какъ онъ назывался прежде, былъ сначала сиракузскою колоніей, потомъ, въ качествѣ совершенно независимаго острова, состоялъ союзникомъ Римлянъ ***. За тѣмъ, какъ и всѣ сосѣдніе острова, покоренъ былъ Римлянами, подпалъ жего подъ власть Венеціянцевъ, потомъ подъ власть Англичанъ ****, — въ настоящее время наконецъ составляетъ часть владѣній его апостольскаго величества...

* Острова Брацца и Сольта лежатъ противъ Сплита, одинъ возлѣ другаго. Первый принадлежитъ къ самымъ большимъ и къ самымъ населеннымъ островамъ далматинскимъ; на немъ насчитывается до 16.000 жителей. На Сольтѣ же всего около 2.000 жителей.

** Островъ имѣетъ двѣ гавани, — одна находится на юго-восточной сторонѣ его, другая на сѣверо-западной. Городъ Лисса лежитъ на юго-восточной сторонѣ острова.

*** Во время войны съ Филиппомъ Македонскимъ, въ распоряженіи Римлянъ была флоталія изъ 20 кораблей, предложенная имъ въ помощь жителямъ Лиссы.

**** Островъ Лисса составляетъ отдѣльный дистриктъ Сплитскаго департамента. Какъ и во всякомъ главномъ городѣ дистрикта, въ Лиссѣ находятся два главныхъ правительственныхыя лица преторъ и подеста. — Первый стоитъ во главѣ полицейскаго управленія, второй загладуетъ обществеными и экономическими дѣлами. Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ о политическомъ раздѣленіи Далмаціи. Она раздѣляется на четыре

Въ Лиссѣ наше парходное общество увеличилось нѣсколькими новыми лицами, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе обращали на себя католическіе духовные, провожавшіе своего епископа на островъ Лесину, гдѣ находится епископская кафедра, и куда въ дѣлахъ церковныхъ причисляется Лисса. Около пяти часовъ вечера парходъ оставилъ Лисскую гавань. Погода стояла великолѣпная, и пассажиры были большею частію на палубѣ. Епископъ — человекъ еще очень молодыхъ лѣтъ — и каконикъ сидѣли на поданныхъ имъ, по распоряженію капитана, складныхъ стульяхъ, а всѣ остальные духовные оставались на ногахъ, и съ замѣтнымъ смиреніемъ принимали участіе въ общемъ разговорѣ, ограничивавшемся впрочемъ замѣчаніями о погодѣ, о хорошемъ урожаѣ винограда, о знакомыхъ въ Италиі. Разговоръ веденъ былъ исключительно на италіанскомъ языкѣ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я по этому поводу сидѣвшаго возлѣ меня Серба, который вѣхалъ изъ Сплита въ Курцолу по своимъ торговымъ дѣламъ, и съ которымъ я только что познакомился, обмѣнявшись нѣсколькими фразами, — скажите, отчего это ваши духовные, сколько я ни замѣчалъ, говорятъ между собою всегда по-италіански? уже ли они не знаютъ сербскаго языка?

— Такъ ужъ издавна ведется здѣсь, отвѣчалъ мой содѣль.—Италіанскій языкъ въ Далмаціи всѣми употребляется, на немъ говорится въ лучшихъ обществахъ, на немъ ведутся всѣ коммерческія дѣла, онъ введенъ въ судахъ, въ школахъ. И здѣшніе духовные тоже получаютъ италіанское воспитаніе; главныя ихъ сношенія бываютъ, большею частію, съ высшимъ обществомъ; имъ приходится вести на италіанскомъ языкѣ всю свою переписку съ консисторіями и съ гражданскими присутственными мѣстами, Мудрено ли, поэтому, что они отвыкаютъ отъ своего роднаго языка и

департаментъ: Зарекій, Спитскій, Рагузскій (Дубровничскій) и Которскій. Каждый департаментъ дѣлится въ свою очередь на нѣсколько дистриктовъ. Дистрикты состоятъ изъ сельскихъ общинъ, а послѣднія изъ одного или изъ нѣсколькихъ селеній. Во время венеціанскаго господства Далмаціи состояла изъ округовъ Зарскаго и Спитскаго, съ островами Кварнерскими и съ островомъ Корчулою, а округъ Которскій назывался Венеціанскою Абавіей.

гораздо свободнѣе говорить по-италіянски? Въ этомъ видѣть ихъ нельзя. Таково ихъ воспитаніе, таковы установленныя условія общественной жизни и, наконецъ, таковы наши законы. Законъ требуетъ отъ духовныхъ лицъ отчетливаго знанія не сербскаго языка, а италіянскаго.

— Нѣтъ, виноваты, мнѣ кажется, и сами духовные, замѣтилъ я. — Они живутъ между народомъ, входятъ съ послѣднимъ въ частыя сношенія, считаются его руководителями, говорятъ ему проповѣди. На какомъ же языкѣ обращаются они къ народу? Конечно, на томъ, на которомъ говоритъ народъ. А если такъ, то какъ же имъ не научиться сербскому языку, по крайней мѣрѣ, по выходѣ изъ заведеній и поступленія на мѣста?

— Народъ на всемъ приморьѣ и на островахъ говоритъ на испорченномъ сербскомъ языкѣ, продолжалъ сосѣдъ,—и нашъ священникъ въ своемъ приходѣ уже никогда не научится чистому, правильному говору, какой слышится, напримеръ, въ Сербіи или Черногоріи. Конечно священникъ привыкаетъ къ мѣстному нарѣчію, и будетъ на немъ объясняться съ крестьянами, но только съ ними одними. А въ разговорахъ со всеми другими, съ помѣщиками ли то, или съ духовными же лицами, ему во всякомъ случаѣ необходимо обращаться къ другому языку, болѣе для всѣхъ понятному. Если же вы упоминаете о проповѣдяхъ, то въ городѣ и проповѣди говорятся на италіянскомъ языкѣ: а въ селахъ опять на томъ же мѣстномъ нарѣчіи, къ которому привыкли прихожане, и котораго нельзя назвать чистымъ сербскимъ.

— Это, замѣтилъ я, большая ошибка со стороны священниковъ. Зачѣмъ имъ поддѣлываться подъ испорченный народный говоръ? Священники люди грамотные; пусть же они, наравнѣ съ практическимъ изученіемъ языка, изучаютъ его теоретически, изъ книгъ, и пусть потомъ говорятъ съ прихожанами на языкѣ чистомъ, не испорченномъ, безъ италіанизмовъ. Прислушиваясь къ говору священника, крестьяне стали бы и сами, поемплогу, избѣгать италіанизмовъ, и вотъ, духовенствомъ была бы оказана большая услуга народу, который теперь такъ заброшенъ!

— Конечно, конечно, говорилъ сосѣдъ,—нѣкоторые священники и дѣлаютъ это. Но ихъ весьма мало. Вообще наши духовные пока еще не стоятъ открыто на сторонѣ

народной, боясь вооружить противъ себя правительство и италянскую партію. Они боятся просить приверженцами славянства, проповѣдниками равенства всѣхъ народностей. На словахъ, пожалуй, они иногда храбрятся, но на дѣлѣ не то.

— Какъ хотите, продолжалъ я,—а такое невниманіе къ туземному языку, къ тому языку, на которомъ говоритъ большинство народонаселенія, въ высшей степени несправедливо. Иное дѣло, еслибы сербскій языкъ былъ какимъ-нибудь вымирающимъ, отжившимъ свой вѣкъ языкомъ. Но это языкъ обработанный, языкъ въ высшей степени благозвучный, мягкій, языкъ, наконецъ, имѣющій свою литературу, свою исторію. И между тѣмъ такое невниманіе къ нему во всемъ и всюду. О школахъ, канцеляріяхъ, о театрахъ, о дѣлахъ коммерческихъ я ужъ не говорю; но вотъ вамъ простой фактъ, который съ перваго же раза бросается въ глаза каждому, хоть мелькомъ знакомому съ Далмаціей. Возьмемъ хоть самые пароходы, которые ходятъ между Триестомъ и Которомъ; сколько мнѣ извѣстно, на этихъ пароходахъ ѣздятъ большею частію Славяне. И что жь! слушающіе на этихъ пароходахъ или совсѣмъ не знаютъ, или просто не хотятъ говорить по-сербски, такъ что наши Славяне не иначе могутъ купить билетъ, или справиться о чемъ бы то ни было, какъ непременно заучивъ предварительно нѣсколько италянскихъ словъ. Посмотрите и на правила для пассажировъ, которыя красуются за рамками на каждомъ пароходѣ: правила эти напечатаны на италянскомъ языкѣ, на нѣмецкомъ, на французскомъ, на англійскомъ, на греческомъ, даже на мадьярскомъ, но на сербскомъ-то и нѣтъ въ нихъ ни единой строки..... Что значитъ это пренебреженіе? Почему бы, казалось, не прибавить къ таблицѣ текстъ сербскій, когда именно Сербы-то и доставляютъ компаніи едва ли не больше всего выгоды?

— Да, проговорилъ мой сосѣдъ,—невниманіе къ намъ доходитъ до послѣдней степени. И все это дѣлается съ намѣреніемъ, все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Пароходной компаніи, напримѣръ, хорошо извѣстно, что и въ Далмаціи, и въ Истріи, и въ Хорваціи живутъ Славяне, и что отъ нихъ-то главнѣйшія выгоды для нея; но дѣло въ томъ, что вся она проникнута ультраиталянствомъ; ей хочется изъ всего сдѣлать пропаганду, хочется воспользоваться

всѣми средствами, чтобъ упрочить какъ можно болѣе господство италіянскаго элемента на Адриатическомъ морѣ. А правительство одобряетъ и поддерживаетъ ее въ этомъ; у нихъ есть свои сдѣлки.... При послѣднихъ словахъ мой сосѣдъ боязливо осмотрѣлся кругомъ и за тѣмъ, понизивъ немного голосъ, сталъ продолжать: — Да, имъ сильно хочется обитальянить насъ, но не думаю, чтобъ удалось это. Правда, италіянцы сильнѣе въ Далмаціи, народъ по-видимому даже свыкъся съ своимъ положеніемъ, но такъ представляется только на первый взглядъ. На дѣлѣ иначе. Народъ начинаетъ теперь понимать, чего отъ него хотятъ; онъ становится недоувѣрчивъ и, имѣя сомнѣнія, скоро выйдетъ изъ своего бездѣйствія, скоро заговоритъ громче, настоятельнѣе. И Далматинецъ шутить не любитъ — такова ужъ его натура. Не вдругъ онъ рѣшается на что-нибудь, но если разъ рѣшится, такъ непремѣнно сдѣлаетъ свое....

— Жаль только, что вашъ народъ еще мало подготовленъ къ политической самостоятельной дѣятельности, замѣтилъ я сосѣду. — Онъ слишкомъ долго былъ въ зависимости отъ другихъ; едва ли онъ способенъ теперь зажить своею собственною жизнью. Вѣрю, что нѣкоторые и понимаютъ свое положеніе, и за всѣмъ слѣдятъ, всѣмъ интересуются, что касается родины. Но думаю, это все-таки исключенія. Масса остается покуда все-таки не тронутаю, и ваше такъ называемое народное движеніе не можетъ быть названо народнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; оно не охватило всего народа, а коснулось лишь небольшой его части. Оттого-то ваша народная партія и не имѣетъ подъ собою твердой опоры, хоть въ ея рядахъ и стоятъ люди весьма даровитые, люди съ тактомъ и съ политическимъ образованіемъ.....

— Но откуда же вышли эти даровитые люди, какъ не изъ народа? перебилъ меня сосѣдъ. — Кому принадлежатъ они, какъ не народу? Стало-быть, въ народѣ есть еще жизнь, есть силы. Пробудить эту жизнь, вызвать къ дѣятельности эти силы, — вотъ въ чемъ состоитъ задача нашей народной партіи. А первое, что необходимо для этой цѣли, дать народу средства къ развитію, однимъ словомъ дать ему школы и свободу. Слишкомъ многого отъ насъ покуда нельзя и требовать. Надо взять во вниманіе и тѣ препятствія, съ которыми намъ приходится бороться. Мы

должны даже и нашу газету издавать на италіянскомъ языкѣ, потому что наши противники не поймутъ насъ иначе....

Въ разговорѣ съ сосѣдомъ я и не замѣтилъ, какъ мы подъѣхали къ Лесинаѣ. Было уже поздно. Островъ скрывался въ темнотѣ, и только сотни огней изъ городскихъ зданій отражались въ водѣ длиннымъ, блестящимъ рядомъ. * Здѣсь парходъ простоялъ около часа и затѣмъ отправился далѣе ночью; на нѣсколько минутъ остановился онъ у острова Курцолы (Корчула) ** и на слѣдующій день утромъ, пройдя острова Мелиду, Жупанъ, Лопудъ (Mezzo) и Колоцевъ *** вошелъ

* Узкій, длинный островъ Лесина имѣетъ до 13,000 жителей. Здѣсь растутъ оливовыя деревья, отличный виноградъ, смоквы, и даже пальмы. Онъ лежитъ на юго-востоки отъ острова Лиссы. Главный городъ острова, Лесина, расположенъ здѣсь пристани. Надъ городомъ возвышается крѣпость Spagnolo, построенная Карломъ V въ то время, когда Испанцы условились съ Венеціанцами вести войну противъ Турокъ. Вблизи города находится еще другая крѣпость San-Nicolo, построенная Французами. Въ древности главный городъ Лесины назывался Фаросомъ. По словамъ Страбона, онъ былъ основанъ Греками, переселившимися сюда съ острова Фароса, а по словамъ Діодора, основанъ Паріями, по повелѣнію оракула. Старый Фаросъ находится на сѣверной сторонѣ острова, близъ нынѣшняго „старого града“ (Città Vecchia). Островъ, подобно Лиссѣ, сначала долгое время пользовался независимостью, потомъ былъ завоеванъ Агрониомъ, владѣтелемъ одной части старой Иллиріи, а по смерти его подпалъ подъ власть Римлянъ. По паденіи имперіи, онъ то переходилъ изъ рукъ въ руки, то снова приобреталъ независимость, и наконецъ въ 1424 году достался Венеціанской республикѣ. Во время войнъ между Турками и Венеціанцами онъ служилъ сборнымъ пунктомъ для Венеціанскаго флота. Въ началѣ настоящаго столѣтія островъ занималъ были то Французамъ, то Русскимъ, то Австріянамъ. За послѣдними онъ остается доселѣ.

** Островъ Курцолы (Корчула серб.), вслѣдствіе чернаго цвѣта своихъ лѣсовъ, имѣлъ у древнихъ названіе Согуга nigra. О заселеніи Курцолы мало извѣстно. Говорятъ, островъ былъ заселенъ Фивакійцами и долго находился во власти Лубурійцевъ. Въ десятомъ столѣтіи онъ былъ покоренъ Венеціанскимъ дожемъ, Петромъ Урсоло. Въ 1806 году онъ былъ два раза въ рукахъ Русскихъ. По Тильзитскому миру островъ былъ переданъ Французамъ. Въ 1813 году достался Англичанамъ, а въ іюлѣ 1815-го перешелъ къ Австріянамъ. Нѣкоторое время островъ принадлежалъ сербскимъ царямъ, и здѣсь былъ основанъ одинъ православный монастырь. Въ настоящее время на островѣ находится такъ мало православныхъ, что и православная церковь въ городѣ передана католикамъ. Въ городѣ Курцолы до 2,000 жителей.

*** По мнѣнію нѣкоторыхъ около острова Мелиды апостолъ Павелъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. Указываютъ даже то мѣсто, гдѣ будто бы вышелъ на берегъ апостолъ. Главный городъ острова, Бабино-поле, имѣетъ 600 жителей. Въ 1572 году островъ много потерпѣлъ отъ нападенія на него Турокъ. Три остальныхъ острова составляютъ небольшую отдѣльную группу. Ихъ старое названіе — Elaphites Insulae. Всѣ эти острова чрезвычайно красивы и воспѣты во многихъ произведеніяхъ Дубровницкихъ поетовъ.

въ Гравозскую гавань. До Дубровника оставалось отсюда уже не болѣе пяти верстѣ и намъ сѣдовало отправиться туда сухимъ путемъ, (пароходы, прѣвжающіе въ Дубровникъ, всегда останавливаются въ Гравозской гавани). Гравозская гавань не такъ велика, но, защищенная съ трехъ сторонъ горами, представляетъ самое безопасное мѣсто для стоянки кораблей. Мѣстность здѣсь великолѣпная: горы, окружающія гавань, покрыты кипарисами, алоемъ и другими вѣжными растеніями, а вдоль набережной, на пространствѣ, можетъ-быть, трехъ, четырехъ верстѣ, красиво разбросано селеніе „Гравоза“ (Гружа серб.). Въ Гравозѣ находится, неизбѣжная въ каждомъ далматинскомъ городѣ, „догана“, и сюда-то прежде всего надо было отправиться съ парохода.

По выходѣ изъ доганы тотчасъ являются съ предложеньемъ своихъ услугъ носильщики и извозчики, послѣдніе съ такъ-называемыми „каруццами“, — то-есть съ колясками двухмѣстными и четырехмѣстными. Я не былъ расположенъ ѣхать въ „каруцѣ“ и, отдавъ свою дорожную суму первому встрѣчному носильщику, отправился пѣшкомъ. Дорога отъ Гравозы до Дубровника идетъ сначала въ гору, и потомъ почти на самой половинѣ пути начинается обратный спускъ. Хорошъ видъ на окрестности съ того мѣста, гдѣ дорога достигаетъ послѣдней точки своей высоты; вы видите горы, покрытыя кипарисами, видите голубое море у самыхъ ногъ вашихъ, видите нѣкоторые острова, Гравозу и часть Дубровника. Мѣсто это называется „la vista“ и часто посѣщается Дубровчанами во время ихъ загородныхъ прогулокъ.

Съ полверсты отъ „la vista“ начинаются пригородныя строенія, разбросанныя то-тамъ, то-тутъ. Чѣмъ далѣе идете, тѣмъ болѣе группируются строенія, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе жмутся они одно къ другому, и наконецъ начинается длинный, сплошной рядъ домовъ, вплоть до самыхъ стѣнъ Дубровника; это предмѣстіе называется Borgo Pille. Вы идете широкою, хорошею улицей, къ которой примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько кривыхъ переулковъ, видите съ обѣихъ сторонъ солидныя красивыя зданія съ небольшими садами, среди которыхъ возвышаются стройныя олеандры; видѣются алойныя, лимонныя, миндалевыя и померанцевыя деревья. Изъ ряда прочихъ домовъ выдаются дома консульствъ, съ длинными, объемистыми,

разноцвѣтными мачтами для флаговъ и съ разнохарактерными вывѣсками, на которыхъ красуются львы, орлы, полумѣсяцъ и надписи въ родѣ слѣдующихъ: „генеральное руссійское консульство въ Рагузъ,“ или „generale consulate de la sublime Porte“. За улицей, близъ городской стѣны, простирается довольно большая площадь, усаженная тѣнистыми деревьями. Здѣсь вы останавливаетесь въ одной изъ двухъ „локандъ“, останавливаетесь непременно, потому что въ самомъ городѣ нѣтъ „локандъ“, а однѣ „оштеріи“. Но вы не жалѣете, что пришлось остановиться внѣ города, вы даже довольны своимъ выборомъ; ваше помѣщеніе очень удобно, чего нельзя найти въ оштеріяхъ; воздухъ въ предмѣстьѣ чистый, чего нѣтъ въ городѣ; отсюда съ площади, и даже изъ оконъ вашей квартиры прекрасный видъ на море, чего опять лишены городъ. Мало того, предмѣстье Pille представляетъ еще то удобство, что здѣсь помѣщается самая лучшая кофейня, гдѣ можно читать италіянскія и нѣмецкія газеты, гдѣ можно имѣть отличное „sorbetto“ (мороженое), хорошо приготовленные „caffè nero“ и „caffè bianco“ (черный кофе и бѣлый кофе — техническія выраженія Италіянцевъ и приморскихъ Славянъ), вкусные „pastetti“ (печенья) и проч., и гдѣ всегда можно встрѣтить разнообразное общество, состоящее изъ военныхъ аристократовъ, чиновниковъ, профессоровъ, гражданъ и даже дамъ. Въ вашей волѣ войти въ самыя залы кофейни, или расположиться предъ кофейней на площади: здѣсь подъ тѣнистыми деревьями разстановлено заранѣе множество столовъ и стульевъ, и вы можете отсюда любоваться прекраснымъ видомъ на море. Три раза въ недѣлю играетъ по вечерамъ на площади полковая музыка; тогда уже все идетъ сюда изъ города, такъ что Borgo Pille становится въ полномъ смыслѣ мѣстомъ общественнаго гулянья.

Изъ Pille ведутъ въ городъ двойныя ворота; за послѣдними изъ нихъ тотчасъ же начинается Corso, длинная, широкая улица, раздѣляющая городъ на двѣ почти-что равныя части. Отъ Corso, на обѣ стороны тянутся по направленію къ городскимъ стѣнамъ, узкія, неправильныя улицы. Другія улицы, болѣе правильныя, идутъ параллельно съ Corso. На Corso и прилегающей къ нему небольшой площади находятся лучшія городскія зданія: Францисканскій монастырь,

часовая башня устроенная на подобіе венеціанской, таможня, соборъ и дворець бывшихъ ректоровъ республики. Посадскій построенъ въ тосканскомъ стилѣ. Дворецъ много пострадалъ отъ пожаровъ, бывшихъ въ Дубровникѣ въ 1023, въ 1296 и въ 1459 годахъ. За то онъ остался невредимъ при землетрясеніи 1667 года, нанесшемъ всему городу жестокій ударъ. Таможня — большое красивое зданіе, построенная въ венеціанскомъ стилѣ, и служить, подобно дворцу, памятникомъ прошедшей славы республики и громаднаго развитія, какого достигала въ былыя времена ея торговля. Монастырь Францисканцевъ построенъ очень хорошо и снабженъ богатою библіотекой, въ которой находится большое собраніе дубровницкихъ классиковъ и разныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи республики. Къ сожалѣнію богатства этой библіотеки долгое время были въ совершенномъ забросѣ. Только недавно докторъ Казничичъ взялся привести библіотеку въ порядокъ; небольшой каталогъ на италіанскомъ языкѣ уже составленъ имъ и отпечатанъ. Соборная церковь въ Дубровникѣ, въ италіанскомъ стилѣ, построена въ концѣ семнадцатаго столѣтія, послѣ того, какъ землетрясеніемъ 1667 года былъ разрушенъ старый соборъ *. Въ церкви находится нѣсколько картинъ работы лучшихъ художниковъ того времени. О Св. Властіи патронѣ города, памяти котораго она посвящена, преданіе говоритъ слѣдующее. Въ первыя времена республики Дубровчане, желая напугать Венеціанцевъ, вступили въ дружескія сношенія съ Наретинцами **, страшными врагами Венеціанской республики. Венеціанцы, съ своей стороны, всѣми мѣрами старались расторгнуть этотъ союзъ. Разъ они отправили большую флотилію въ Дубровникъ подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, но на самомъ дѣлѣ съ

* Старый соборъ былъ построенъ въ первыя годы тринадцатаго столѣтія, при содѣйствіи англійскаго короля Ричарда Львиное сердце. Ричардъ, возвращаясь изъ Палестины послѣ крестоваго похода, потерпѣвъ близъ Дубровника кораблекрушеніе и былъ выкинутъ на островъ Лакрону. Въ благодарность въ свое чудесное спасеніе король далъ обѣтъ построить на островѣ церковь во имя Богоматери. Дубровчане, узнавъ объ этомъ, убѣдительно просили Ричарда построить церковь въ ихъ городѣ и обѣщались выхлопотать разрѣшеніе на это отъ папы. Ричардъ согласился, далъ большую сумму денегъ; она была значительно увеличена пожертвованіями гражданъ, и вскорѣ соборъ былъ готовъ.

** Наретинцы — Сербы, жившіе между рѣками Цетинною и Наретою.

тою цѣлю, чтобы сдѣлать на городъ неожиданное нападеніе. Непріятельскій флотъ уже приближался къ Дубровнику. Является въ видѣніи одному городскому священнику Св. Власій и открываетъ хитрый замыселъ Венеціянцевъ. На другой же день священникъ объявляетъ свое видѣніе городу, Дубровчане приготовляются къ отпору, и Венеціянцы принуждены возвратиться назадъ. Съ тѣхъ то поръ Дубровчане признаютъ Св. Власія своимъ особеннымъ покровителемъ, и изображеніе этого святаго начало красоваться на городскихъ стѣнахъ, на башняхъ, на корабляхъ и даже въ городскомъ гербѣ.

На юго-восточной сторонѣ города, къ Corso примыкають другія городскія ворота, тоже двойныя, „Porta Plosse“, которыя ведутъ въ предмѣстье „Plosse“. Предмѣстье Plosse гораздо менѣе предмѣстья Pille, и вообще во всемъ далеко уступаетъ послѣднему. Въ немъ заслуживаетъ вниманія только такъ-называемый турецкій базаръ (большая площадь, окруженная стѣнами), и въ этомъ базарѣ, въ базарный день собираются поселяне изъ окрестностей Дубровника въ своемъ красивомъ костюмѣ, съ смуглыми типическими фizioноміями, прѣзжаютъ чалмоносные Славяне изъ Герцоговины; тутъ увидите дубровницкихъ торговцевъ и торговокъ, увидите оживленную торговлю кожами, лошадьми, овцами, коровами, плодами, разными мануфактурными произведеніями Дубровника и пр. Изъ Plosse идетъ вдоль берега дорога въ Рагузу-Веккію и потомъ далѣе черезъ „Canali“ въ Кастель-Ново; можно изъ Plosse возвратиться въ Pille, миновавъ самый городъ * по крутому косогору съ береговой стороны, гдѣ находится нѣсколько загородныхъ здавій и православная Сербская церковь. **

Въ день моего прѣзда въ Дубровникъ, 11-го сентября, предмѣстье Pille было необыкновенно оживлено. На домѣ

* Въ Дубровникѣ, съ его двумя предмѣстьями, насчитывается до семи тысячъ жителей, значительное большинство которыхъ составляютъ Сербы. Италіянцевъ въ Дубровникѣ мало, но всѣ Дубровчане знаютъ италіанскій языкъ. Нѣмецкій говоръ тоже слышится.

** Православная община въ Дубровникѣ очень не велика. Всѣхъ православныхъ насчитывается здѣсь до 353. Церковь построена не такъ давно. За предмѣстьемъ Pille есть еще одна небольшая капелла. Г. Пешковичъ, русскій консулъ въ Дубровникѣ, издалъ очень интересную брошюру о православной Дубровникской общинѣ; она была напечатана въ одномъ изъ русскихъ журналовъ

турецкаго консульства развѣвался флагъ. Около консульства и на площади были толпы народа. Говоръ и шумъ не умолкали. По временамъ провѣзжали черезъ предмѣстье турецкіе солдаты, въ полной формѣ и въ башмакахъ на босую ногу. По всему было замѣтно, что происходило что-то особенное. На мои разспросы я услышалъ покуда одно, что идетъ дѣло о заключеніи мира между Портою и Лукой Вукаловичемъ, вождемъ возставшихъ христіанъ въ Герцеговинѣ. Къ двумъ часамъ конференція кончилась *, и вскорѣ сдѣлались извѣстными условія трактата: они были не совсемъ выгодны для Вукаловича. Послѣдній признавалъ надъ собою верховную власть Порты, оставался подъ титуломъ „бимбаша,“ воеводой надъ всеми возставшими округами въ Герцеговинѣ. Для охраненія Герцеговины отъ Черногорцевъ, ему предоставлялось имѣть подъ начальствомъ нѣсколько сотъ войска; турецкое правительство обѣщало ему опредѣленное жалованье, а онъ въ вознагражденіе за это обязывался повиноваться всемъ распоряженіямъ, какъ военнаго правительства, такъ и мѣстнаго герцеговинскаго начальства. Жители возставшихъ округовъ освобождались на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ налоговъ и податей. Словомъ, возставшіе христіане въ Герцеговинѣ, по условіямъ трактата, обращались снова въ турецкихъ подданныхъ, и самъ вождь ихъ обращался въ турецкаго чиновника. Понятно, какое впечатлѣніе подобный исходъ конференцій произвелъ на Дубровчанъ, принимавшихъ въ положеніи турецкихъ христіанъ самое живое участіе и слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ борьбы въ Герцеговинѣ и въ Черногоріи. Нѣкоторые изъ Дубровчанъ оправдывали Луку Вукаловича, но большая часть обвиняла его. Одни говорили, что иначе Вукаловичъ не могъ поступить, что крайность должна была вынудить его на уступки. Но другіе называли его просто измѣнникомъ, челоувкомъ, который продалъ и себя и свой народъ турецкому правительству. Трудно рѣшить, которое изъ мѣнній Дубровчанъ было болѣе справедливо. Мнѣ кажется во всякомъ случаѣ, что строгіе обвинители Вукаловича были въ своихъ сужденіи-

* На конференцію участвовали: Лука Вукаловичъ съ своимъ секретаремъ, герцеговинскій губернаторъ, Хуршидъ-паша, англійскій и турецкій консулы, австрійскій консулъ изъ Мостара, начальникъ рагузскаго округа и одинъ переводчикъ.

яхъ менѣе основательны чѣмъ ихъ противники. Вукаловичу необходимы были тѣ или другія мирныя условія, а иначе ему приходилось покинуть людей, съ которыми онъ такъ героически сражался за вѣру и свободу; а на измѣну онъ едва ли способенъ. Изъ его лица видно было, что ему самому было очень тяжело; въ этихъ суровыхъ, благородныхъ чертахъ ясно отражались чувства грусти, досады, негодованія на неудачу и на тѣхъ, кто въ самомъ началѣ оставилъ его одного вести борьбу. Лука Вукаловичъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное. Не даромъ онъ пользовался необыкновеннымъ довѣріемъ народа, не даромъ его душевныя качества, его подвиги воспѣты были въ народныхъ пѣсняхъ. Очень жалью я, что мнѣ привелось видѣть Луку Вукаловича не во дни его славы, а въ самый день его униженія...

Во все время пребыванія своего въ Дубровникѣ Лука Вукаловичъ служилъ предметомъ всеобщаго особеннаго вниманія. Всѣ хотѣли его видѣть, всѣ о немъ толковали. Высокій его ростъ, рѣзкія благородныя черты лица, прекрасный національный костюмъ, богатое вооруженіе, — все это возбуждало любопытство, и всюду, гдѣ только появлялся Лука Вукаловичъ, его тотчасъ окружали толпы народа. Другія дѣйствующія лица только-что разыгранной драмы были уже болѣе или менѣе извѣстны Дубровчанамъ, да притомъ и не выдавались ничѣмъ особеннымъ; естественно, что они теперь оставались какъ-бы въ тѣни. Лицомъ новымъ и интереснымъ для Дубровчанъ былъ лишь еще герцеговинскій губернаторъ Хуршидъ-паша.

На другой день по заключеніи мира, Лука Вукаловичъ и Хуршидъ-паша оставили Дубровникъ. Городъ принялъ свой обычный характеръ. Одинъ день походилъ на другой, хотя толки о заключенномъ мирѣ между Турціей и Герцеговинцами и не умолкали. Въ дополненіе не мало было между Дубровчанами толковъ и о черногорскихъ дѣлахъ. По поводу этихъ послѣднихъ дѣлались предположенія, будетъ ли проведена Турками дорога отъ Никшича до Служа, и будутъ ли строиться турецкіе блокаузы вдоль этой дороги, и удалится ли воевода Мирко изъ Черногоріи, чего такъ сильно добивались Турки, и зачѣмъ внезапно выѣхалъ изъ Дубровника въ Цетинье русскій консулъ, и какіе съ нимъ будетъ вести князь переговоры и проч. и проч.

Дубровчане не были, конечно, равнодушны и къ дѣламъ собственно австрійскимъ, къ тѣмъ вопросамъ, которыми въ то время такъ были заняты всѣ австрійскіе народы. Разбирая внутреннюю политику, Дубровчане по необходимости оглядывались на самихъ себя, раздумывались о централизаціи, надъ ними тяготящей, о системѣ разьединенія народностей, которую такъ усердно прилагало къ нимъ правительство, наравнѣ съ прочими подданными. Не обошлось безъ партій и при сужденіи объ этомъ вопросѣ. Нѣкоторымъ изъ Дубровчанъ казалось, что система австрійская ничего себѣ, но другія разсуждали иначе. Правительство, по мнѣнію посаѣднихъ, немного ошиблось въ расчетахъ, и не оказывало надлежащаго вниманія къ статистикѣ. Дубровничій округъ, на примѣръ, наполненъ почти исключительно населеніемъ славянскимъ; вездѣ въ немъ даже въ самомъ Дубровникѣ, говорится большею частію „нашки;“ по-италіянски говорятъ весьма мало, гораздо менѣе, по крайней мѣрѣ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Далмаціи, — къ чему же въ этомъ округѣ, такъ разсуждали иные Дубровчане, къ чему въ этомъ округѣ все судопроизводство ведется на италіянскомъ языкѣ, и тотъ же языкъ принять во всѣхъ школахъ по всѣмъ предметамъ обученія?

Впрочемъ вопросъ о народности Дубровчане во всякомъ случаѣ не считаютъ для себя слѣшкомъ важнымъ, и мнѣ кажется, эта холодность ихъ къ своей народности вполнѣ объясняется ихъ исторіей. Во время своей независимости Дубровчане хлопотали болѣе всего о томъ, чтобы хорошо шла ихъ торговля дѣла *, и отъ остальныхъ Славянъ постоянно жила особнякомъ. Угрожала ли имъ какая опасность: они спѣшили всегда искать для себя опору не у ближайшихъ сосѣдей, а гдѣ-нибудь подале, у Грековъ, у Италіянцевъ, у Испанцевъ, у Мадьяръ. Они готовы были входить въ пріятельскія сношенія со всеми врагами

* Объ основаніи Дубровника (Ragusa, Ragusium) мнѣнія различны. Одни думаютъ, что Дубровникъ былъ основанъ Епидаврянами, послѣ того, какъ Епидавръ былъ разрушенъ. По мнѣнію другихъ, напротивъ, онъ былъ основанъ задолго до того времени. Положительно извѣстно то, что имело со времени разрушенія Епидавра, Дубровникъ пріобрѣлъ значеніе. По разрушеніи Солина, многіе его жители переселились въ Дубровникъ и явились необходимою расширить предѣлы города. Въ послѣдствіи Дубровчане достигли таковаго могущества, что сдѣлались опасными врагами Венеціанской республики.

славянства, лишь бы только не пострадала ихъ торговля, и дѣйствовали такимъ образомъ не вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ комбинацій, а напротивъ, постоянно, послѣдовательно, какъ бы по принципу.

Такое направленіе политики Дубровчанъ особенно замѣтно съ половины четырнадцатаго столѣтія. Тогда весь Балканскій полуостровъ былъ въ волненіи: въ него перебирались изъ Малой Азіи Турки. Лишь только Дубровчане узнали объ этой опасности, тотчасъ они отправили пословъ въ Бруссу къ Орхану, сыну Османа, съ просьбой о мирѣ и покровительствѣ. Миръ былъ обѣщанъ, и Дубровчане охотно обязались платить за это ежегодно 500 цехиновъ. Республика этимъ была спасена, но уже ей никакого не было дѣла до того, какъ потомъ, вслѣдъ за никопольской битвой (1396), падали одна за другою на Балканскомъ полуостровѣ славянскія державы. Республика сумѣла обратить несчастіе Славянъ даже въ свою пользу: ея торговля увеличилась теперь еще болѣе. По паденіи Константинополя, въ 1453 году, маленькая республика снова подверглась опасности. На Дубровникъ неожиданно двинулся Магомедъ II и напуганные Дубровчане снова отправили пословъ съ просьбою о мирѣ. Султанъ потребовалъ, чтобъ ему была уступлена небольшая территория республики: Дубровчане изъявили полное согласіе и выговорили себѣ лишь право вести торговлю съ турецкими землями. Городъ свой между тѣмъ отдали они подъ покровительство венгерскаго короля. Такими-то или подобными мѣрами пробавлялся Дубровникъ во все время своей независимости. Не удивительно, поэтому, что исторія не могла воспитать въ Дубровчаняхъ особенной любви къ своей собственной народности.

Въ 1797 году пала Венеціанская республика, и трактатомъ Кампо-формійскимъ Далмація была уступлена Австріи; Дубровницкая республика оставалась однако еще независимой державой. Но ударилъ потомъ и ея послѣдній часъ: въ 1805 году, по Пресбургскому договору, Австрійцы должны были передать Далмацію Французамъ; послѣдніе разчитывали при этомъ и на самый Дубровникъ. Но въ то самое время, какъ въ Далмацію, вслѣдъ за выходившими Австрійцами, вступали Французы, въ Адриатическомъ морѣ появился русскій флотъ; Русскіе заняли Которскій заливъ, вошли въ переговоры съ Черногорцами, и вмѣстѣ съ послѣдними направились къ

Дубровнику; сюда же спѣшили съ противоположной стороны и Французы. Главнокомандующій русскими войсками потребовалъ отъ Дубровчанъ сдачи города; того же самого потребовали и Французы. Положеніе Дубровника было критическое: защищаться оны не могъ; сдаваться, — надо было предварительно сообразить, кому именно сдать. Союзъ съ Русскими обѣщалъ Дубровчанамъ гораздо болѣе выгоды чѣмъ союзъ съ Французами, но тѣмъ не менѣе, вѣрные своей всегдашней политикѣ искать себѣ опоры скорѣе между чужими нежели между своими, они рѣшились передать городъ Французамъ.

Когда по Тильзитскому договору (1807) Русскіе совершенно оставили Далмачію, Французы стали распоряжаться въ ней по своему. Въ Сплитѣ былъ учрежденъ инквизиціонный трибуналъ, назначеніе котораго было отыскивать всѣхъ недовольныхъ появленіемъ Французовъ въ Далмачію. Трибуналъ дѣйствовалъ неумолимо: каждый день монахи, священники, дворяне, граждане, поселяне попадали въ тюрьмы; особенно жестокой участи за свою симпатію къ Русскимъ подвергались Полицане (близъ Сплита). Вотъ что говоритъ объ этомъ Каталинвичъ: „Слышанное ли дѣло, чтобы въ ваше просвѣщенное время правильно организованная армія цѣлые три дня ходила отъ деревни въ деревню, все разрушала и уничтожала, не щадя ни жизни, ни собственности обывателей, и притомъ тогда какъ послѣдніе не оказывали ей ни малѣйшаго сопротивленія? Великій князь республики, шесть сельскихъ графовъ, воевода и многіе другіе были разстрѣляны, имѣнія ихъ были конфискованы, а дома сравнены съ землей...“**.

Не спаслась и Дубровницкая республика. Въ слѣдующемъ

* Полица была небольшая, славянская республика, образовавшаяся во время междоусобныхъ далматинскихъ войнъ. Она занимала самое незначительное пространство между рѣками Цетиной и Черловицей, состояла изъ 12 селеній и имѣла около 4.000 жителей. Во главѣ республики находился великій князь и шесть членовъ совѣта. Въ каждомъ селеніи былъ свой графъ. Графы завѣдывали общественными дѣлами и въ то же время на всѣхъ собраніяхъ были депутатами отъ своего селенія. Собранія происходили въ главномъ городѣ республики, подъ открытымъ небомъ, и назывались „Великимъ сборомъ“ или „Совѣтомъ“. Гористая мѣстность много способствовала тому, что Полицкая республика такъ долго удерживала свою независимость. Появленіе Французовъ въ Далмачію положило, однако, конецъ и этой республикѣ.

** У Вукчальсова. См. также *Dalmaticu und Montenegro von Lindau*.

же году вышелъ императорскій декретъ, возвѣстившій конецъ ея существованію. Съ тѣхъ поръ она испытывала общую участь со всею Далмаціей.

Въ цвѣтуція свои времена, Дубровницкая республика вела весьма обширную торговлю; еще въ IX столѣтіи она имѣла множество торговыхъ судовъ, число которыхъ потомъ постоянно увеличивалось. Дубровникъ состоялъ въ сношеніяхъ съ Азіей, Америкой, Африкой, съ Франціей, Италией, Англіей, Испаніей; онъ былъ главнымъ посредникомъ между упомянутыми странами и Балканскимъ полуостровомъ. Кроме того, въ Дубровникъ было множество своихъ фабрикъ. Вообще о цвѣтущемъ положеніи Дубровника можно судить уже потому, что, вмѣстѣ съ предместьями, въ немъ до землетрясенія 1667 года, насчитывалось около 40,000 жителей.

Наука и литература имѣли тоже своихъ представителей въ Дубровникъ. Дубровчане: Гетальди, Бошковичъ и Гради, известны какъ знаменитые математики своего времени; Туберони, Черва и Бандури известны своими историческими трудами. Лучшие сербскіе поэты 15, 16 и 17 столѣтій принадлежали къ гражданамъ Дубровника. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: Даржичъ (1463—1507), старшій Минчетичъ, по прозванію Влаховичъ (1475—1524), Ветраничъ, по прозванію Чавчичъ (1482—1580), и Гандуличъ (1620), авторъ большой поэмы *Османъ*. Эта поэма, предметъ которой война между Поляками и Турками, могла бы сдѣлать честь любой европейской литературѣ. Однимъ словомъ, Дубровникъ въ свое время вполне заслуживалъ данное ему названіе южно-славянскихъ Аѳинъ.

Въ настоящее время Дубровникъ не можетъ похвалиться ни своею торговлею, ни литературой. Въ Дубровницкой гавани перебивается въ годъ крайне незначительное число торговыхъ судовъ. Что же касается литературы, то можно указать всего на двоихъ гражданъ Дубровника, которые своимъ талантомъ и трудомъ приобрѣли нѣкоторую извѣстность: это—графъ Почичъ и докторъ Казначичъ. Первый написалъ нѣсколько сербскихъ стихотвореній, издалъ сочиненія дубровницкихъ славянскихъ писателей XV—XVII столѣтій, перевелъ на италіянскій языкъ сочиненія профессора Бодянскаго о народной славянской поэзіи и напечаталъ въ „*Osservatore dalmatino*“ кое-какія статьи поли-

тического содержанія. Докторъ Казначичъ занимается исторіей Дубровника, и издалъ нѣсколько брошюръ по этой части.

Вообще говоря, въ настоящее время Дубровникъ представляется вамъ не болѣе какъ скромнымъ маленькимъ городкомъ, съ прекрасными окрестностями. Изъ него можно совершить замѣчательныя прогулки въ Гравозу, въ долину Омблу, въ Канозу, въ Пераво, въ старый Дубровникъ (Ragusæ Veschia) и на близъ-лежащіе острова. Болѣе другихъ интересны поѣздки моремъ въ долину Омблу и въ Рагузу-Веккію.

Долина Омбла (Val d'Ombla) лежитъ на сѣверо-западъ отъ Дубровника. Долина образуется небольшою рѣкой, которая, выходя изъ-подъ скалъ, принимаетъ потомъ все болѣе и болѣе широкое теченіе и наконецъ въ четырехъ, или пяти верстахъ отъ Гравозы впадаетъ въ море. Видъ этой долины великолѣпенъ. Съ обѣихъ сторонъ тянутся горы и скалы, вдоль береговъ разбросаны селенія, красивыя загородныя дачи и небольшіе сады, съ высокими олеандрами, стройными пальмами и другими южными растеніями. Въ глубинѣ долины бѣлѣтся монастырь Францисканцевъ и за тѣмъ скалы, изъ-подъ которыхъ быстро и шумно катится рѣка Омбла.

Рагуза-Веккія (по серб. Цантатъ) лежитъ на противоположной сторонѣ Дубровника, то-есть на юго-восточной. Въ Рагузу-Веккію идетъ дорога вдоль морскаго берега, но всего лучше ѣхать туда водою, потому что съ моря открывается прекрасный видъ на Дубровникъ, на горы, возвышающіяся надъ моремъ, и на самую Рагузу-Веккію. Послѣдняя расположена на небольшомъ мысу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ прежнія времена городъ Эпидавръ, основанный за 689 лѣтъ до Р. Христова жителями Эпидавра Лаконскаго, и разрушенный въ третьемъ столѣтіи (265). Небольшіе остатки прежняго города видѣются еще и теперь, а не подалеку отъ нихъ указываютъ пещеру, въ которой, по преданію, жила змѣя, посвященная Эскулану. Теперешній городъ Рагуза-Веккія городокъ небольшой, всего съ 3,000 жителей.

Черезъ двѣ недѣли я отправился изъ Дубровника на парходѣ въ Которъ. Парходъ обогнулъ Дубровникъ, прошелъ мимо острова Лакромы, мимо Рагузы-Веккіи и въ

Короткое время достигъ Которскаго залива. Съ обѣихъ сторонъ залива потянулись горы, покрытыя кипарисами и по мѣстамъ небольшими крѣпостными укрѣпленіями. Вдали видѣлись Кастель-Ново и Суторинская долина, отдѣляющая Которскій округъ отъ Рагузскаго. Чѣмъ далѣе отъ Кастель-Ново, тѣмъ картины становились лучше и лучше. Заливъ принималъ самыя разнообразныя формы и направленія; то извивался узкою полосой между отвѣсными скалами, образуя небольшіе, отдѣльные проливы, то снова принималъ широкіе размѣры; казалось, будто пароходъ переходилъ изъ одной гавани въ другую. Между тѣмъ, съ той и съ другой стороны, видѣлись красивыя селенія, какъ бы опоясывавшія заливъ бѣлою лентою на весь его протяженіи. Показался небольшой городокъ Перастъ съ возвышающеюся надъ нимъ крѣпостею Santa Croce, а противъ Пераста красиво выдавались изъ моря два небольшіе острова St. Giorgio и la Madonna. Не много далѣе, показался Рисанъ * а тамъ въ самомъ углу залива обозначалась цѣлая масса горъ, величественныхъ, угрюмыхъ, мрачныхъ. Подъ этою-то массой горъ едва замѣтно бѣлѣлась небольшая точка, это были Черная Гора и Которъ.

По приѣздѣ въ Которъ, я прежде всего позаботился заявить въ полиціи свой паспортъ, чтобы на другой день городская стража пропустила меня въ Черногорію. Отдѣлавшись отъ полиціи, я занялся осмотромъ города, побывалъ въ „славянской читальницѣ“ и въ „славянской кофейнѣ.“ Но въ послѣдней, къ великому моему удивленію, я не нашелъ ни одной славянской газеты, несмотря на то что кофейня называлась славянскою и даже носила на себѣ сербскую надпись; здѣсь, подобно тому какъ и во всѣхъ остальныхъ кофейняхъ были лишь итальянскія и нѣмецкія газеты. Что же касается самаго города, онъ отличается неправильными, узкими улицами, старинными зданіями въ венеціанскомъ вкусѣ и множествомъ крылатыхъ львовъ на своихъ стѣнахъ и башняхъ. Въ Которѣ насчитывается приблизительно до 3,000 жителей и половина ихъ право-

* Рисанъ, какъ думаютъ нѣкоторые, находится на томъ мѣстѣ, гдѣ была римская колонія Rizinium. Въ Рисанѣ и въ его окрестностяхъ живутъ исключительно православные Сербы.

славные *. Въ городской стѣнѣ трое воротъ; передъ восточными воротами, внѣ города бываетъ такъ-называемый черногорскій базаръ. Три раза въ недѣлю Черногорцы доставляютъ сюда для жителей Которокаго залива мясо, шерсть, сыръ, соленую рыбу (большую частію изъ Скутарскаго озера), овецъ, свиней, коровъ, масло, разные овощи, воскъ, медъ, рисъ, кукурузу, табакъ, картофель и пр. **. Въ замѣнъ этого Которяне съ своей стороны доставляютъ Черногорцамъ соль, мѣдь, желѣзо, деревянное масло, восковыя свѣчи, вино, водку, кофе, сахаръ, оружіе, порохъ, свинецъ, стекло, сукно, хостъ и полотна, платки, шерстяныя матеріи, башмаки и т. д.

При столь близкихъ сношеніяхъ Черной Горы съ Которомъ, легко найдти въ послѣднемъ проводниковъ въ Цетинье и притомъ кого угодно, самихъ ли Черногорцевъ, или же Которяне, верховыхъ или пѣшихъ — кому какъ угодно. Кромѣ того, три раза въ недѣлю отправляется изъ Котора почта въ Цетинье. Это не болѣе и не менѣе какъ двое особенно быстрыхъ Черногорцевъ или листоношей (листъ — письмо), которые пѣшкомъ носятъ письмо какъ изъ Цетинье въ Которъ, такъ и обратно изъ Котора въ Цетинье, и которые, разумѣется, никогда не отказываются быть проводниками путешественниковъ. Какъ разъ на слѣдующій день по моему проѣздѣ въ Которъ, отходила эта почта, и я рѣшился воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ.

Рако утромъ, еще до восхода солнца, мы вышли изъ города. Спутники мои, листоноши, были молодые, здоровые люди. Одѣты они были точно такъ, какъ одѣваются всѣ вообще Черногорцы: длинный до коленъ кафтанъ изъ бѣлаго сукна, опоясанный широкимъ кушакомъ, за которыми засунуты пистолеты и ятагамъ (большой ножъ), синіе суконные штаны, зашпуненные въ чулки, опанки — родъ башмаковъ, или кожаныхъ лаптей, небольшая шапочка на головѣ, струка перекинута черезъ плечо (тотъ же самый пледъ, который употребляется теперь и всѣми,

* Въ Которѣ находятся двѣ православныя церкви, изъ которыхъ одна выстроена на подобіе венскаго церкви.

** Нѣкоторыя изъ черногорскихъ произведеній переправляются изъ Котора въ Венецію, въ Анкону, въ Истрію и даже во Францію, напримѣръ, ветчина, соленая рыба изъ Кутарскаго озера и желтое дерево.

только, конечно, изъ другой матеріи) — вотъ и весь костюмъ, очель простой, но красивый и хорошо приспособленный ко всѣмъ условіямъ черногорской жизни. Вооруженный пистолетами и ятаганомъ, Черногорецъ смѣло идетъ воюду, смѣло подходитъ къ туредкимъ границамъ, смѣло взбирается на горы и скалы, не боясь неожиданныхъ встрѣчъ. Струка служить ему защитой отъ дождя, служить постелью и покровомъ, когда онъ долженъ провести ночь подъ открытымъ небомъ, или когда и среди бѣлаго дня, утомленный дорогой, вздумаетъ не много отдохнуть. Его опанки, сдѣланные изъ тонкой кожи, и невидимому столь неудобныя для большой ходьбы по скаламъ, служатъ ему вѣрнѣе самыхъ прочныхъ сапоговъ, давая ему возможность съ легкостію совершать самые большіе переходы *.

Отъ Котора до черногорской границы, которая находится уже на вершинѣ горы, идетъ большими зигзагами довольно хорошая дорога, проложенная Австрійцами. Тѣмъ не менѣе однако, дорога эта не избавляетъ отъ трудностей путешествія; тотчасъ же за Которомъ начинается страшная крутизна, и по этой-то крутизнѣ надо идти два съ половиною часа. По выходѣ изъ города, „листоноши“ начали меня спрашивать, кто я, зачѣмъ иду въ Цетинье, знаю-ли Пешковича, русскаго консула въ Дубровникѣ, живъ ли мой отецъ, жива ли моя мать и т. д.

— А како се зовешь? спросилъ меня, между прочимъ, одинъ изъ нихъ.

— Александръ, отвѣчалъ я.

— Да си здоровъ, Александръ (будь здоровъ, Александръ), проговорили они оба.

Узнавъ мое имя и пожелавъ мнѣ добраго здоровья, „листоноши“ постоянно стали теперь называть меня по имени, когда обращались ко мнѣ съ какими либо вопросами, или же отвѣчали на мои вопросы **.

* Многие Черногорцы берутъ съ собою въ дорогу небольшія пустыя тыквы, которыя наполняются запасною водою; въ Черногоріи это крайне необходимо, потому что на дорогахъ почти нѣтъ ключей, а между тѣмъ ходьба по скаламъ возбуждаетъ сильную жажду. Съ листоношами не было подобныхъ тыквенныхъ кушмичиковъ, потому, вѣроятно, что по дорогѣ между Которомъ и Цетинье ключи встрѣчаются часто.

** Это общее обыкновеніе въ Черногоріи, такъ что каждый Черногорецъ спросивъ васъ о имени, непременно скажетъ вамъ потомъ: „будь здоровъ N.....“

— Я думаю, ты усталъ, Александръ, сказалъ мнѣ одинъ листоноша, когда мы взобрались уже довольно высоко.

— Да, немного усталъ и, пожалуй, непрочь отдохнуть, отвѣчалъ я.

Мы шли на небольшой грудѣ камней, возлѣ самой дороги. Дивная картина открывалась передъ нашими глазами. Внизу видѣлись Которъ, Которскій заливъ съ окружающими его горами и селеніями, тамъ далѣе за горами серебрилось море, а около насъ и надъ нами возвышались уродливыя скалы.

— Хорошо здѣсь, замѣтилъ я моимъ спутникамъ, только дорога слишкомъ трудна.

— Кто не привыкъ, для того, разумѣется, трудно, проговорилъ одинъ изъ нихъ.—А мы такъ привыкли. Намъ все равно. У насъ и женщины легко взбираются на такія горы. Посмотрѣлъ бы ты, Александръ, какъ онѣ идутъ изъ Котора домой съ мѣшками муки на плечахъ, или съ какими другими вещами. Посмотрѣлъ бы ты на нихъ, какъ вотъ теперь была у насъ война съ Турками; тогда онѣ закупали въ Которѣ провизію не только для дома, но и для войска, и все это носили на себѣ до самыхъ лагерей.

— Женщины, стало быть, много помогали вамъ во время войны съ Турками? спросилъ я листоношу.

— Много помогали, Александръ, много, отвѣчалъ листоноша, — безъ провизіи нельзя же обойтись. Да кромѣ того, онѣ помогали иногда и въ самыхъ сраженіяхъ.

— А какъ теперь идутъ у васъ дѣла? спросилъ я опять листоношу.

— Видишь ли, Александръ, Черногорцы отступили отъ границъ во внутренность страны *. Турки заняли Рѣку и вотъ недавно былъ заключенъ съ ними миръ. Однако имъ ничего не добиться отъ насъ, съ чѣмъ они пришли къ намъ, съ тѣмъ и ушли, съ тѣмъ и останутся, проговорилъ листоноша съ жаромъ.

— Но я думаю, что и съ вашей стороны пало много народа въ эту войну, замѣтилъ я листоношѣ.

— Да, пало довольно и нашихъ, но Турокъ въ двадцать

* Миръ между Черногоріей и Турціей былъ заключенъ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Думаю, что условія мира хорошо извѣстны всѣмъ, и потому не излагаю ихъ.

разъ больше. Бились бы мы еще, но не хватило пороху, оружія, — а можно ли драться голыми руками? Прежде, до войны, покупали мы порохъ въ Которъ, а потомъ, какъ началась война, тамъ перестали намъ продавать.

Между тѣмъ мы, встали и пошли далѣе, по временамъ перебрасываясь словами, на сколько позволяла трудность пути. Вскорѣ переступили мы границу. Не было здѣсь ни таможенъ, ни пограничной стражи, ни пограничныхъ столбовъ, выкрашенныхъ разноцвѣтными красками, и трудно было бы узнать границу, еслибы не сказали мнѣ этого листоноши. Можно было, впрочемъ, догадаться объ этомъ потому что здѣсь оканчивалась проложенная Австрійцами Landstrasse (большая дорога), и начинался собственно черногорскій „путь“ (путь), по которому идти нельзя было иначе, какъ переступая съ камня на камень. Отсюда былъ небольшой спускъ подъ гору, потомъ дорога пошла опять въ гору, затѣмъ снова подъ гору. Кругомъ ни одного селенія, все скалы до горы, и лишь немного далѣе, стояла близъ самой дороги одинокая корчма.

— Эво, корчма, проговорилъ одинъ „листоноша“.

— А има ли што тамъ (а есть ли что въ ней)? спросилъ я.

— Има ракію, ништа друго (кромѣ водки нѣтъ ничего), отвѣчалъ другой листоноша.

Какъ только мы сравнялись съ корчмой, изъ дверей посаженной вышла старушка, плохо одѣтая, и поклонилась намъ.

— Добро дошли, проговорила она, — заповѣдите ракію? (Здравствуйте, — прикажете водки?)

— За што да не, отвѣчали листоноши, — донесъ ракію (отчего же нѣтъ, — привеси.)

Небольшая хата, называвшаяся корчмой, была сложена изъ камней, и кое-какъ обмазана глиной. Внутри была замѣтна бѣдность, кромѣ нѣсколькихъ скамей, стола, здѣсь не было ничего. Мы помѣстились передъ корчмой. Черезъ двѣ, три минуты явилась старушка съ отклянкой ракіи и съ небольшимъ стаканомъ въ рукахъ. Она налила стаканъ ракіи и подала его мнѣ.

— Прежде выпей сама, бабушка, а потомъ налей и намъ, сказалъ я ей.

— На здравіе, проговорила она и выпила.

Я тоже выпилъ за ея здоровье. Выпили и „листоноши“ за ея и за мое здоровье.

— Откадъ си ты (откуда ты), спросила меня старушка.

— Изъ Россіи, бабушка, отвѣчалъ я ей.

— О, о, о! далеко, далеко..... А како се зовешь?

— Александръ, бабушка.

— Да си здоровъ, Александръ, проговорила она, — а за што си дошео симо (а зачѣмъ ты пришелъ сюда)?

— Да видимъ вашу Црнугору (посмотрѣть на вашу Черногорію), отвѣчалъ я.

— Э! Наша Црнагора — эво, видишь, сказала старушка, глубоко вздохнувъ и указавъ руками на голыя скалы... А Турци, Турци чинеи намъ зло (а Турки, Турки много дѣлають намъ зло).....

— Развѣ и ты, бабушка, потеряла кого-нибудь въ этой войнѣ? спросилъ я старушку.

— Да, Александръ, потеряла я сына сокола, вотъ и малютка остался послѣ него, сказала она, указавъ при этомъ на мальчику сидѣвшаго на порогѣ корчмы: мать вышла со двора, и мы одни теперь дома, — у насъ въ семьѣ никого нѣтъ больше.

„Мало-ли теперь осиротѣвшихъ въ Черногоріи, думалъ я, смотря на старушку и на малютку - сироту, мало-ли оставшихся безъ крова, безъ всякихъ средствъ къ жизни! Несчастная Черная Гора! Снова ты утратила кровію, снова лишилась своихъ лучшихъ сыновъ, снова разрушены твои селенія, снова разорены твои нивы и поля!.. Уже здѣсь, на самой отдаленной границѣ отъ мѣста недавнихъ битвъ, слышится голодъ несчастныхъ, — что же тамъ внутри Черногоріи и вблизи турецкихъ границъ?....“

— Что ты, Александръ, такъ задумался, сказалъ мнѣ одинъ листоноша, замѣтивъ мою молчаливость, — на, выпей еще ракіи, да и пойдемъ дальше.

Распростившись съ старушкой мы отправились. Черезъ нѣсколько времени мы вышли на довольно большую долину, на которой было разбросано въ безпорядкѣ село Нѣгуши — родина княжеской черногорской фамиліи. Нѣгуши — одно изъ самыхъ лучшихъ селеній въ Черногоріи; дома въ немъ каменные, покрытые большею частію черепицей, но есть нѣсколько зданій и съ соломенными крышами. Растительность въ Нѣгушской долинѣ бѣдная, потому что почва сашкомъ камениста, и потому что долина лежитъ сашкомъ высоко, около четырехъ тысячъ футовъ надъ

поверхностью моря; въ отородахъ растутъ лишь огурцы, капуста, картофель, и по долинамъ разбросано тамъ и тутъ нѣсколько березъ и разнаго кустарника. Мы остановились здѣсь въ ближайшей къ дорогѣ гостиницѣ, хозяинъ которой предложилъ намъ хлѣба, черногорскаго сыру и черногорскаго вина. Все было хорошо, вкусно. Мнѣ особенно понравится сыръ, который мало уступалъ сыру приготовляемому на Альпахъ. Этотъ небольшой обѣдъ раздѣлилъ съ нами и хозяинъ гостиницы, выпивъ съ нами вина за здоровье Черногорцевъ, Русскихъ и за здоровье всѣхъ насъ.

Погода, между тѣмъ, перемѣнилась: стали собираться тучи, и мы поспѣшили отсюда, надѣясь придти въ Цетинье еще до дождя. Расчетъ нашъ былъ, однако, не вѣренъ. Не прошли мы и четырехъ верстъ, какъ начался дождь. Листоноши завернулись въ свои „струки“ а я распустилъ дождевой зонтъ. Но дождь все усиливался и не было отъ него никакого спасенія. Зонтъ оказывалъ плохую услугу, а укрыться было некуда, потому что по дорогѣ не встрѣчалось ни одной лачужки. Я промокъ, ноги скользили по камнямъ, и надо было наблюдать большую осторожность, чтобы не свернуться и не грохнуться вслѣдъ своимъ существомъ въ стремившіеся съ горъ потоки дождевой воды. Спутники же мои, подъ „струками“ и въ легкихъ „опонкахъ“, шли какъ ни въ чемъ не бывало, по временамъ ободряя и меня. И дѣйствительно, дѣлать было нечего, надо было терпѣливо переносить неудобства путешествія. Такъ мы шли довольно долго; тучи понемногу наконецъ разсѣялись, проглянуло солнце, снова сдѣлалось ясно, хорошо, и передъ нами лежала теперь Цетинская долина, покрытая селеніями и едва замѣтными для простаго глаза церквями. Цетинская долина имѣетъ продолговатую, не совсѣмъ правильную форму*, и на самой половинѣ дѣлаетъ крутой поворотъ въ сторону. Столица Черногоріи расположена на поворотѣ долины, у подножія выдавшихся здѣсь горъ; горы эти совсѣмъ закрываютъ ее, такъ что ее нельзя видѣть даже съ того мѣста, откуда видѣлись

* Цетинская долина имѣетъ около тринадцати верстъ длины и около шести, семи ширины.

верь почти что вся долина, и откуда кончался спускъ въ посаѣданю.

Спустившись въ Цетинскую долину, мы то и дѣло проходили мимо небольшихъ хатъ и цѣлыхъ селеній, то и дѣло встрѣчались здѣсь съ Черногорцами, которые при встрѣчѣ съ нами говорили обыкновенное „добаръ данъ“ (добрый день), или „сречалъ“ (то есть счастливый путь), или „Богъ дай“ (дай богъ, то-есть здоровья, или счастливаго пути). Здѣсь впервые увидѣлъ я черногорокаго священника: это былъ высокаго роста мужчина, съ смуглымъ лицомъ, черною окладистою бородой, одѣтый и вооруженный подобно всѣмъ другимъ Черногорцамъ *. Священникъ стоялъ вблизи дороги. Поровнявшись съ нимъ, „дистоноти“ почтительно поклонились ему, и тотчасъ представили ему меня.

— Добро дошео, добро дошео, проговорилъ священникъ, — а како се зовешь?

Узнавъ мое имя и сказавъ обычную фразу: „да си здравъ, Александръ“, онъ предложилъ намъ зайти въ его приходскую церковь, находившуюся всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги. Войдя въ церковь, я удивился ея бѣдности: отдѣлка плохая, иконостасъ старый, полуразвалившійся, самая церковь сажени въ четыре длины и ширины, алтарь сажени въ двѣ, словомъ, все не въ примѣръ хуже чѣмъ въ самой бѣдной церкви въ Россіи. Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли изъ церкви, и разставшись съ добродушнымъ священникомъ, отправились далѣе. До Цетинье оставалось теперь не болѣе четырехъ верстъ. По дорогѣ присоединилось къ намъ нѣсколько Черногорцевъ, которые шли тоже въ Цетинье. Новые знакомые мои разказывали о своихъ подвигахъ въ посаѣданю войну, объ условіяхъ заключеннаго мира и т. д., такъ что я не замѣтилъ, какъ мы подошли къ столицѣ Черногоріи.

Въ Цетиньѣ нѣтъ такихъ гостиницъ для проходящихъ или для пріѣзжающихъ, гдѣ бы можно было отдохнуть послѣ столь утомительной дороги **, и я, по совѣту данному

* Въ Черногоріи можно узнать блага священника лишь по бородѣ, остальные Черногорцы обыкновенно брѣютъ бороду.

** Передъ посаѣданю войной была, говорятъ, въ Цетиньѣ одна, довольно хорошая гостиница. Но съ наступленіемъ войны хозяинъ ея, Котораинъ, долженъ былъ оставить Цетинье.

миѣ еще въ Дубровникѣ, отправился для пріисканія квартиры за нѣскольکو сажень отъ города въ Цетинскій монастырь, съ судьбами котораго связана бѣольшая часть исторіи Черногоріи.

Въ древніа времена нынѣшняя Черногорія составляла часть Иллиріи, и входила въ составъ того округа, главнымъ городомъ котораго была Сходра (Скутари нынѣ). Затѣмъ была присоединена къ Сербскому царству, и сдѣлалась извѣстною подѣ именемъ Зеты. Зета, хотя и входила въ составъ Сербіи и признавала ея верховную власть, имѣла однакоже своего собственнаго князя. При Душанѣ (1333—1356) Сербское царство достигло послѣдней высоты своего величія, и затѣмъ вскорѣ распалось послѣ проигранаго царемъ Лазаремъ сраженія на Косовомъ полѣ (1389). Тогда въ Сербію стали назначать правителей Турки, а черезъ нѣскольکو времени они обратили ее совершенно въ турецкую провинцію. Но тогдашній князь Зеты, Георгій Балчичъ остался независимымъ правителемъ; несмотря на паденіе Сербіи, резиденція его была въ Жаблякѣ*. Георгію наследовалъ сынъ его Страшимиръ, прозванный Черноевичемъ; затѣмъ княземъ Зеты былъ сынъ Страшмира, Стефанъ Черноевичъ. Стефанъ долгое время боролся противъ Турокъ вмѣстѣ съ знаменитымъ героемъ албанскимъ Скендербегомъ или Юріемъ Кастриотомъ. Послѣ смерти Скендербега (1467) Турки одолѣли, захватили Албанію и Герцеговину, и обратили наконецъ свое оружіе прямо противъ независимой Зеты. Сынъ и наследникъ Стефана, Иванъ Черноевичъ сначала удачно отражалъ Турокъ, но потомъ, видя невозможность бороться съ громаднымъ войскомъ, покинулъ свою резиденцію Жаблякъ и удалился въ горы, чтобы по крайней мѣрѣ тамъ удержаться отъ напора непріятелей. Въ 1485 году основалъ онъ въ Цетинской долинѣ монастырь, который долженъ былъ служить въ то же время и крѣпостью. Здѣсь поселился и князь, и епископъ. Ивану Черноевичу наследовалъ Георгій Черноевичъ. Не имѣя дѣтей, онъ вскорѣ передалъ правленіе епископу, и въ 1516 году, вмѣстѣ съ своею женой, родомъ Италиянкой, удалился въ

* Жаблякъ находится близъ юго-восточныхъ границъ нынѣшней Черногоріи. Въ настоящее время Жаблякъ составляетъ турецкую пограничную крѣпость.

Венецію. Съ этого времени княжеская власть долгое время оставалась въ рукахъ духовныхъ правителей или „Владыкъ“, какъ они назывались. Турки между тѣмъ не покидали желанія завладѣть Зетою, или по-нынѣшнему Черногоріей. Въ 1623 году Сулейманъ, паша Скутарскій, съ огромнымъ войскомъ, вторгнулся въ Черногорію, продрался въ Цетинскую долину, опустошилъ окрестности и разрушилъ Цетинскій монастырь. Народъ и страна однако все-таки не были покорены; паша долженъ былъ воротиться въ Албанію. Въ концѣ XVII столѣтія монастырь былъ поправленъ и укрѣпленъ новымъ владыкой Черногоріи, Данииломъ Петровичемъ Нѣгошемъ. Но въ началѣ слѣдующаго столѣтія его постигла снова злая участь. Около этого времени завязались первыя дружескія отношенія между Черногорцами и Русскими. Россія приняла Черногорію подъ свое покровительство, а Черногорцы обязались помогать ей въ войнѣ съ Турціей. Непріязненные дѣйствія между Черногорцами и Турками вслѣдствіе этого поведены были съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ. Нѣсколько разъ Черногорцы въ 1711 году разбивали Турокъ, опустошали турецкія области; а въ слѣдующемъ году нанесли страшное пораженіе цѣлой шестидесяти-тысячной арміи. Черезъ годъ послѣ этого великій визирь собралъ близъ границъ Черногоріи армію во 120.000 человекъ, и рѣшился во что бы то ни стало покорить страну непременно. Онъ вступилъ прежде всего въ переговоры съ Черногорцами; Черногорцы на переговоры пошли, и съ этою цѣлю отправили отъ себя, по желанію пашы уполномоченныхъ. 37 Черногорцевъ изъ лучшихъ фамилій прибыли въ турецкій лагерь: но какъ скоро они здѣсь явились, всѣхъ ихъ измѣннически схватили, и непріятельская армія тотчасъ вступила въ Черногорію. Отчаянно бились Черногорцы, но должны были наконецъ уступить имъ, Турки пробрались въ Цетинскую долину, раззорили здѣсь всѣ селенія и сожгли монастырь. Черногорцы частію скрылись въ горахъ, частію перешли въ Которъ и Далмацію. Владыка то же принужденъ былъ удалиться въ Которъ подъ защиту Венеянцевъ. Послѣдніе ни подъ какимъ предлогомъ не соглашались выдать его Туркамъ, несмотря на сильныя настоянія. Вскорѣ началась между Турціей и Венеціанскою республикой война, и Турки должны были очи-

отить Черногорію. Черногорцы опять тогда возвратились въ свои раззоренныя селенія, и мало-по-малу оправились *. Для монастыря избрано другое, болѣе безопасное мѣсто, ближе къ горамъ, на небольшомъ возвышеніи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь прежде **. Съ тѣхъ поръ монастырь не подвергался уже новымъ несчастіямъ, и пострадалъ лишь отъ времени и отъ невниманія къ нему правительства. По всему замѣтно, что онъ находится давно въ забросѣ; все въ немъ развалилось, вездѣ нечистота, беспорядокъ, запущенность. Очень можетъ быть, впрочемъ, что у Черногорцевъ не хватаетъ и средствъ на поправку своего историческаго монастыря, слѣдовательно, винить ихъ еще нельзя.

Монастырь имѣетъ четверугольную форму и состоитъ изъ нѣсколькихъ, довольно большихъ зданій. Близъ самаго монастыря стоитъ высокая башня, на которой, говорятъ, выставлены были прежде головы убитыхъ Турокъ. При входѣ въ монастырь, на правой рукѣ, помѣщается единственная въ Цетиньѣ церковь. Она очень не велика и внутри отдѣлана бѣдно. Здѣсь находится гробница черногорскаго владыки Петра, память котораго читается народомъ, какъ святаго. Здѣсь же хранятся нѣкоторыя цетинскія драгоцѣнности: митры епископскія, сосуды, облаченія, кресты и т. п. Съ лѣвой стороны отъ входа въ монастырь, противъ церкви, помѣщается больница, которая устроена опять, разумѣется, не слѣшкомъ роскошно. Послѣ недавней войны въ больницѣ было много раненыхъ. А въ другія времена она остается большею частію праздною, потому что Черногорцы наслаждаются вообще отличнымъ здоровьемъ, и если иногда хвораютъ, то легко вылѣчиваются домашними средствами. Надъ больницей, во второмъ этажѣ, помѣщаются (по крайней мѣрѣ помѣщались, во время моего пребыванія въ Черногоріи): два іеромонаха, дьяконъ, архимандритъ ***, адъютантъ князя, государственный секре-

* Черногорцамъ тогда было оказано Россіей большое денежное вспоможеніе.

** Теперь еще видѣются остатки стараго монастыря. Строго говоря, настоящій монастырь не можетъ называться новымъ монастыремъ. Матеріалъ на его постройку пошелъ почти весь изъ прежняго монастыря; это замѣтно при первомъ взглядѣ на монастырскія стѣны, на башню и церковь.

*** Въ прошлую зиму черногорскій о. архимандритъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ рукоположенъ тамъ въ черногорскаго епископа.

тарь и русскій топографъ Быковъ; этотъ послѣдній составлялъ по порученію русскаго правительства, подробную карту Черногоріи *. Архимандритъ занималъ двѣ комнаты; всѣ остальные по одной. Я помѣстился въ комнату г. Быкова, и во все время своего пребыванія въ Цетиньѣ, былъ чрезвычайно доволенъ простотой, которою отличались обычаи монастырскихъ жителей. По утрамъ дѣлались обыкновенно взаимные визиты, исполненіе которыхъ весьма много облегчалось тѣмъ, что всѣ комнаты были расположены подъ рядъ, отдѣляясь только дверями; изъ одной комнаты въ другую, слѣдовательно, можно было переходить совершенно свободно, не прибѣгая притомъ къ изысканнымъ туалетнымъ украшеніямъ. Во время этихъ визитовъ монастырскіе жители обмѣливались вопросами о здоровьѣ, о томъ какъ проведена ночь, не получены ли газеты **, нѣтъ ли вѣстей изъ Турціи, изъ княжескаго дворца и проч. Затѣмъ, день посвящался занятіямъ. По вечерамъ, послѣ загородныхъ, или лучше замонастырскихъ прогулокъ, всѣ собирались въ общую столовую къ ужину (обѣдъ и ужинъ были общіе) и потомъ отправлялись вмѣстѣ въ какую-нибудь изъ комнатъ, и тутъ завязывался общій разговоръ, разумѣется, всегда въ высшей степени интересный. Предметы разговора, прежде всего, были дѣла собственно черногорскія. Затѣмъ почти всегда заходила рѣчь о положеніи и политикѣ другихъ державъ, въ особенности о положеніи и политикѣ Австріи, Турціи, Англіи, Россіи, Франціи, Сербіи; нерѣдко при этомъ высказывались замѣчанія весьма вѣрныя и весьма остроумныя. Особенно важную роль въ разговорахъ игралъ г. Вацликъ, человекъ хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, и сверхъ того образованный и опытный; наговорившись вдоволь, монастырскіе жители расходились по своимъ квартирамъ съ словами „съ Богомъ, мягку ночь“ (съ Богомъ, покойной ночи).

Такъ проходилъ день въ историческомъ Цетинскомъ монастырѣ. Иногда бывали и отступленія отъ заведеннаго

* Въ настоящее время г. Быковъ, навѣрное, уже готовъ съ своею работою, и можно надѣяться, что его превосходная карта скоро будетъ издава.

** Государственный секретарь, г. Вацликъ, родомъ Чехъ и весьма образованный человекъ. Онъ выписывалъ слѣдующія газеты: *Indépendance*, *Wanderer*, *Presse*, *Narodni Listy* и *Hlas*. Г. же Быковъ получалъ *Русскій Инвалидъ* и *Слово*.

порядка. Кто-нибудь изъ монастырскихъ жителей бываеъ иногда въ городѣ, или въ княжескомъ дворцѣ по дѣламъ, или просто по приглашенію князя.

Княжескій дворецъ расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря на совершенно ровномъ мѣстѣ. Онъ состоитъ изъ одного длиннаго двухъ-этажнаго корпуса, и со всѣхъ сторонъ обнесень каменною стѣной, съ круглыми башенками по угламъ. Стѣна довольно высока, такъ что изъ за нея виднѣется одна крыша дворца. Внутри дворецъ отдѣлянъ хорошо, даже съ нѣкоторою роскошью; нѣкоторыя залы украшены картинами и меблированы со вкусомъ; есть бібліотека; есть билліардная комната. Здѣсь же хранятся трофеи, въ разныя времена отбитыя у Турокъ. Въ послѣднюю войну Черногорцамъ досталось особенно много знаменъ, ружей, пистолетовъ, сабель, ножей и пр., но все это еще не было тогда приведено въ порядокъ, и лежало безъ порядка въ сѣняхъ перваго этажа. Собственно самая жизнь при дворѣ представляетъ какую-то странную смѣсь черногорской патріархальности съ французскимъ жеманствомъ. Стародавніе черногорскіе обычаи перемѣшиваются здѣсь съ обычаями французскими; простая черногорская кухня уступаетъ свое мѣсто утонченной парижской кухнѣ, для чего поваръ Французъ выписанъ изъ Парижа; рѣчь черногорская замѣняется часто въ комнатахъ самого князя языкомъ французскимъ.

Возлѣ дворца стоитъ одинокая, вѣтвистая липа, около которой, по стародавнему обычаю, производится судъ и расправа и рѣшаются общественныя дѣла. Князь для этого садится обыкновенно подъ липой, а кругомъ его становятся сенаторы*, сердари и разные нечиновные Черногорцы, обращающіеся къ князю съ просьбами или жалобами. Судебный процессъ ведется устно и рѣшается тутъ же на мѣстѣ; рѣдко дѣло откладывается до слѣдующаго собранія. Прежде всего выслушивается жалоба или просьба. Послѣ того князь спрашиваетъ мнѣнія присутствующихъ и, соотвѣтственно тому, дѣлаетъ свое заключеніе; заключеніе это онъ слова отдаетъ на утверженіе собранія. Предсто-

* Черногорскій сенатъ состоитъ изъ двѣнадцати сенаторовъ. Предсѣдателемъ его самъ князь, который впрочемъ можетъ передавать президентское достоинство одному изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ.

ить для рѣшенія вопросъ, касающійся одинаково всѣхъ, вопросъ объ улучшеніи, напримѣръ, общественнаго благосостоянія, о возможно лучшемъ устройствѣ общинъ, о проведеніи дороги, объ устройствѣ колодезь: князь предлагаетъ такой вопросъ на общее обсужденіе. Когда вопросъ разсмотрѣвъ обстоятельно со всѣхъ сторонъ, дѣлается такое или иное постановленіе. Князь раза два, или три обращается послѣ этого къ собранію съ вопросомъ; всѣ ли согласны съ сдѣланнымъ постановленіемъ? По полученіи утвердительнаго отвѣта дѣло объявляется рѣшеннымъ. Собранія происходятъ иногда въ трехъ, или четырехъ верстахъ отъ города, на небольшой площадкѣ, усаженной тополями и называющейся „Мирымъ Сборомъ.“

Вблизи упомянутой липы разставлено нѣсколько пушекъ (до семи), отнятыхъ Черногорцами у Турокъ и охраняемыхъ городской стражей. Пройдя этотъ рядъ пушекъ, входите въ небольшую улицу, на которой помѣщаются всѣ лучшія городскія зданія, типографія * (всего о двухъ ставкахъ), устроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и народное училище, существующее съ 1841 года **. Улица примыкаетъ своимъ юго-восточнымъ концомъ къ другой, болѣе широкой и болѣе длинной улицѣ. На первой улицѣ насчитывается до десяти, а на второй до двадцати пяти зданій изъ столькихъ улицъ и изъ столькихъ зданій состоитъ все Цетинье, и теперь читатель легко можетъ представить себѣ всю монастырность этой замѣчательной столицы. Дома въ Цетиньѣ большею частію каменные, одноэтажные, двухъэтажныя зданія рѣдки. Въ нихъ живутъ сенаторы, „капиталъ піацы“ (площади), придворный докторъ и нѣкоторые болѣе зажиточные граждане. Всѣ эти зданія устроены довольно хорошо; что же касается остальныхъ домовъ, они не отличаются ни изящностію наружной отдѣлки ни безукоризненною чистотой и хорошимъ убранствомъ внутри. Домъ простаго цетинскаго Черногорца обыкновенно раздѣляется сѣнами на двѣ половины. Въ сѣняхъ на полу устроенъ очагъ для приготовленія кушанья. Въ передней

* Въ Черногоріи, близъ Рѣки, была основана книгопечатня еще въ концѣ XV столѣтія Георгіемъ Черноевичемъ. Изъ этой книгопечатни вышли многія славянскія книги. Въ послѣдствіи она была оставлена.

** Въ 1841 году были открыты въ Черногоріи двѣ школы—одна въ Цетиньѣ, а другая въ Добрскомъ селѣ.

псаловицѣ, состоящей большею частію изъ одной и рѣдко изъ двухъ комнатъ, стоятъ столъ, скамьи или стулья и по-
тели. Въ переднемъ углу образъ, а на стѣнахъ развѣшено
оружіе. Вторая половина или бываетъ убрана подобно
первой, или же служитъ просто складомъ всевозможной до-
машней рухляди и живельныхъ припасовъ. То и другое
иногда хранится на подважкѣ, подъ крышей. Почти при
каждомъ домѣ есть огородъ и хлѣвъ.

Образъ жизни цетинскаго гражданина, какъ и вообще
каждаго Черногорца, чрезвычайно простъ. Обыкновенная
его пища состоитъ изъ поленты*, сыра, молока, картофе-
ля**, изъ разныхъ овощей и хлѣба. Мясо и рыба рѣдко
появляются на столѣ простаго гражданина. Днемъ всѣ за-
няты работой; кто сидитъ за прялкой, или за шитьемъ,
кто приготовляетъ обѣдъ, или убираетъ что-нибудь въ домѣ,
кто занимается столярною работой, кто кузничною, кто
въ помѣ, кто въ огородѣ, кто въ лѣсу рубитъ дрова, соби-
раетъ ягоды, травы***. По вечерамъ, если хороша погода,
всѣ выходятъ на улицу, и столица замѣтно оживляется.
Многіе идутъ и за городъ. За городомъ мужчины упражня-
ются въ гимнастикѣ: бѣгаютъ въ перегонки, бросаютъ боль-
шіе камни, чурбашки, ѣздятъ верхомъ и проч. Иногда
при этомъ бываетъ и клязь. Цетинскія корчмы то же ожив-
ляются вечерами. Корчмы устроены въ Цетинѣ почти
также, какъ далматинскія „остеріи“, но отличаются отъ
последнихъ тѣмъ, что нѣтъ въ нихъ удушливаго, непріят-
наго запаха. Въ корчмахъ сходятся Черногорцы выпить ра-
кію, вина, кофе****, а главное—потолковать. Надо замѣтить.

* Полента готовится изъ кукурузы, и есть нѣчто въ родѣ кру-
той каши; она бываетъ такъ крута, что часто ее разрѣзываютъ ножомъ и
ѣдятъ вмѣсто хлѣба.

** Картофель извѣстенъ въ Черногорію не такъ давно, именно съ конца
прошедшаго столѣтія: его завезъ черногорскій владыка Петръ Петровичъ,
по своемъ возвращеніи изъ Россіи. Въ короткое время впрочемъ карто-
фель вошелъ во всеобщее употребленіе, и теперь составляетъ весьма важ-
ный жизненный продуктъ для Черногорцевъ.

*** Въ Черногоріи на горахъ растутъ многія дѣлельныя травы, изъ ко-
торыхъ приготовляются разные настои, употребляемые въ случаяхъ бо-
лезни. Такими травами Черногорцы часто вылѣчиваютъ самыя опасныя
раки.

**** Въ Черногорію ракія (водка) готовится большею частію изъ сливъ
и отъ того называется иначе „сливовицей“. Сливовица составляетъ вкусный,
красивый и здоровый напитокъ. Вино въ Черногорію продается далматин-

что Черногорецъ говоритъ вообще охотно и дѣливо. Безъ школьнаго образованія, но одаренный отъ природы умомъ быстрымъ, свѣтлымъ, слышавшій многое отъ отцовъ и дѣдовъ, онъ смотритъ на вещи съ надлежащей точки зрѣнія, хорошо знаетъ исторію своей страны, ея отношеніе къ другимъ державамъ, и вѣрно понимаетъ ея политическое значеніе. Въ этомъ отношеніи Черногорецъ стоитъ выше многихъ другихъ Славянъ, и разговоръ съ нимъ доставляетъ большое наслажденіе. Сильной привязанности къ горачительнымъ напѣткамъ въ немъ нѣтъ. Умѣренный во всемъ, онъ умѣренно пьетъ и ракію, и вино, пьетъ не для того, чтобъ отуманить свою голову, но чтобы немного укрѣпить себя, чтобы въ пріятельской бесѣдѣ сколько-нибудь развлечься, успокоиться послѣ дневныхъ трудовъ, послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ. Черногорецъ страстно привязанъ лишь къ табаку: безъ посадынаго онъ не можетъ обойтись и почти никогда не выпускаетъ изъ рукъ своей „чибукъ“ *. Эта страсть доходитъ въ немъ до того, что онъ издерживаетъ на табакъ послѣднюю копѣйку. Мы часто случалось встрѣчать въ Черногоріи людей бѣдныхъ, пропитывающихся кое-какъ. Но никогда я не слышалъ отъ нихъ, чтобъ они просили денежнаго подаванія. Нѣтъ. Они (мушны, разумѣется) обращались обыкновенно съ такими словами: „не мать ли духана да малунимъ чибукъ (нѣтъ ли у тебя табаку, дай мнѣ на трубку)?“ А иногда просили подаванія такъ: „не мать ли ковацахъ да си купимъ духана (нѣтъ ли у тебя денегъ на табакъ)?“

Непосредственно за городомъ, съ восточной его стороны, красуется памятникъ, поставленный настоящимъ княземъ въ честь воиновъ, павшихъ въ сраженіи съ Турками при Гилеву. Памятникъ представляетъ небольшую пирамиду. На одной сторонѣ его находится слѣдующая надпись:
„Слава за храбрость и вѣчна памет Марку.... Князь Ни-

ское и собственное черногорское. Последнее производится въ южной Черногоріи, въ долинахъ, гдѣ растетъ хорошій виноградъ. Что касается кофе, Черногорцы большіе любители его, и пьютъ обыкновенно черный кофе, — такъ называемый ими „прии кафи“.

* Въ Черногоріи продается турецкій табакъ и собственно черногорскій. Но послѣдній хуже турецкаго.

кола I своимъ у Гилеву до Klausure удивительно борившимся юнаками 8 июля 1861 *.”

Я представлялъ здѣсь болѣе или менѣе вѣрную картину столицы Черногоріи, но для полноты надо сказать о томъ характерѣ столицы, какой она имѣла тотчасъ послѣ окончанія войны съ Турками. Городъ переходилъ на военный лагерь; на площади и на улицахъ было разбросано множество шатровъ, въ которыхъ жили Черногорцы, удалившіеся сюда изъ разоренныхъ Турками селеній. Шатры эти были устроены то изъ лубковъ, то изъ досокъ и были прикрыты отъ дождя кожами, либо деревьями. Внутри шатровъ, на голой землѣ, лежали кое-какіе остатки отъ прежняго имущества и провизія. Среди или около шатра былъ устроенъ небольшой очагъ, на которомъ варили кофе и приготовлялись кушанья, если было на что покупать провизію. Въ каждомъ шатрѣ помещалось нѣсколько человекъ; тутъ были мужчины и женщины, старые и малые. Многіе изъ этихъ безпріютныхъ лишены были всякихъ средствъ къ жизни, и принуждены были приобретать дневное пропитаніе мелочною торговлей: они готовили на продажу кофе, жарили и варили рыбу, картофель, поленту, торговали яблоками, орѣхами, саивами, ракіей. Около шатровъ было довольно шумно, оживлено. Народъ толпился здѣсь постоянно. Дѣти бѣгали по улицамъ, играли, кричали, плакали. Женщины то суетились около очаговъ, отъ которыхъ дымъ клубами взвивался къ верху, то приглашали проходящихъ купить что-нибудь, то жаловались одна другой на свои недостатки. Мужчины тоже были заняты чѣмъ-нибудь, или же серьезно толковали между собой. На лицахъ тѣхъ и другихъ выражалась грусть, забота. По временамъ слышались тяжелые вздохи, по временамъ проливались горькія слезы..... Въ самомъ дѣлѣ, для каждого война обоилась саишкомъ дорого: кто лишился всего состоянія, кто потерялъ отца, брата, сына, мужа, кто былъ изувѣченъ. Возможно ли было не жалѣть о такихъ потеряхъ?

Но замѣчательно, всё утѣшали себя при этомъ тою мыслію,

* Не ручаюсь за точность приведенной здѣсь надписи. Привожу ее такъ, какъ она занесена въ мои замѣтки. Близъ упомянутого памятника, находится еще другой съ слѣдующею надписью:

„Hof-Dame Satinka Edle von Reisch. Gest. 13 Oct. 1855.“

Это единственная нѣмецкая надпись въ цѣлой Черногоріи. by Google

что безъ пожертвованій дѣло не можетъ обойтись, что каждый обязанъ сражаться за „домовину“ (отчизну), за вѣру и свободу. „Что же дѣлать? — иначе не можетъ и быть, мы терпимъ за дѣло святое, за вѣру и свободу. Такъ ужь угодно, вѣроюта, Богу, безъ воли Котораго ничего не дѣлается. Мы исполняемъ лишь нашъ долгъ...“ Таковы были разсужденія Черногорцевъ. Не ручалось ли такое самоотверженіе, такая увѣренность въ правотѣ и святости своего дѣла, такая твердость духа и готовность на всевозможныя жертвованія, не ручалось ли все это за то, что ихъ „дорога домовина“ (дорогое отечество) останется навсегда свободною, независимою, что даромъ не достанется Туркамъ ни одной пяди земли, и что при всей малочисленности, Черногорцы * постоянно будутъ страшною грозой для полуострова? Сколько разъ мы бывали я въ цетинскихъ шатрахъ, сколько разъ мы вступали въ разговоръ съ Черногорцами, всегда воспоминалъ я при этомъ слова Судачича:

„Crna goro blago tebi,
Kod takovih tvojih lava!...
Ti si njima sladka majka,
Oni tebi čeda prava:
Ti ćeš svagda kod njih biti
Crna svojim zlotvorima,
Al'i svjetla kao sunce
Svim u nakrst Slavjanima!“

Т.-е. „Счастлива ты, Черногорія, что имѣешь такихъ львовъ! Ты для нихъ родная мать, для тебя они вѣрные сыны; съ ними ты всегда будешь черною горой для твоихъ враговъ, но свѣтлою какъ солнце для всѣхъ Славянъ!“

То же самое мнѣ привелось видѣть и въ Рѣкѣ, куда я отправился черезъ нѣсколько дней, по прибытіи въ Цетинье. Рѣка оставляетъ главный городъ, или, лучше сказать, главное селеніе Рѣдкой нахіи и находится въ юго-восточной Черногоріи, верстахъ въ десяти или двѣнадцати отъ Цетинья. Дорога идетъ сначала подъ гору. Долго опускаетесь съ отвислой высотой и не можете довольно надѣ-

* Всѣхъ жителей, по словамъ Шефарика, было въ 1842 году 100,000 человекъ. Въ послѣднее время цифра эта возрасла еще тысячъ на десять человекъ. Селеній въ Черногоріи насчитывается до 300. Семействъ — до 22,000.

витья этому величію природы, этой дикой красотѣ страшныхъ, неприступныхъ скалъ, которыя, какъ таинственныя, молчаливыя стражи, защищаютъ входъ въ Цетинскую долину съ юго-восточной стороны; не можете вдоволь налюбоваться тѣмъ великолѣпнымъ видомъ, который открывается со скалъ на Рѣцкую долину, на Скутарское озеро, на Алабанскія горы. По мѣрѣ спуска въ долину, природа замѣтно измѣняется: растительность становится болѣе и болѣе богатою, скалы покрываются болѣе и болѣе густою зеленью. Въ самой долинѣ появляются гранатовыя яблоки, сливы, виноградъ, смоквы, груши. Вскорѣ оставляете за собой Добрско-село и за тѣмъ, черезъ часъ, достигаете Рѣки; она расположена въ центрѣ долины, вдоль берега небольшой рѣчки, впадающей въ Скутарское озеро.

Прежде Рѣка была однимъ изъ лучшихъ и многочисленныхъ селеній въ Черногоріи и вела значительную торговлю, особенно рыбой и виномъ. Но въ послѣднюю войну она сильно пострадала*. Теперь здѣсь все носило свѣжіе сады кровавыхъ сценъ, мѣстомъ которыхъ была Рѣка и ея окрестности: воздухъ, и безъ того нездоровый въ Рѣцкой долинѣ, былъ пропитанъ испареніями отъ мертвыхъ тѣлъ; на окружающихъ высотахъ видѣлись земляныя укрѣпленія, устроенныя Турками, городъ представлялъ груды развалинъ; вдоль набережной были разбросаны шатры, въ которыхъ жили рѣцкіе граждане.

Странный контрастъ съ царствовавшимъ кругомъ запустѣніемъ** составляла та дѣятельность, которая, по случаю базарнаго дня, кипѣла на городской набережной. Сюда сошло много народа изъ окрестныхъ селеній. Вдоль набережной, на скамьяхъ и на кускахъ грубаго холста, были

* Въ концѣ августа Турки заняли высоты, окружающія Рѣку, возвели на нихъ укрѣпленія, и стали обстрѣлывать городъ. Видя невозможность держаться долѣе, Черногорцы зажгли Рѣку и отступили къ Цетиньѣ, гдѣ, какъ извѣстно, скорѣе былъ заключенъ миръ.

** Окружающія Рѣку зданія и селенія тоже находились въ развалинахъ. Однѣ изъ этихъ развалинъ замѣчательны въ исторіи славянскихъ литературъ. По паденіи Сербскаго царства (1389) образованность Сербовъ приотлилась въ нѣкоторыхъ вполнѣ, или только въ половину независимыхъ, княжествахъ Сербіи — въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Черногоріи. Лишь только было изобрѣтено книгопечатаніе, въ Черногоріи, близъ Рѣки, была учреждена книгопечатня при князѣ Юрѣ Чернявичѣ. Въ послѣднихъ годахъ пятидесятатаго столѣтія вышло здѣсь нѣсколько славянскихъ книгъ.

разложены разные плоды, рыба, мясо, ованки, струки, сукина, чашки, ложки, платки, ружья, пистолеты, ятаганы, табакъ, чубуки, гвозди, петаи, женокія ожерелья и пр. По мѣстамъ, особенно около шатровъ, готовились кушанья, кофе, продавались вино, ракія. Насмотрѣвшись на суматоху, бѣготню, на пестроту толпы, наслушавшись разныхъ криковъ и возгласовъ, я отправился въ одинъ изъ шатровъ къ обѣду. Это былъ самый большой шатеръ, устроенный на подобіе корчмы. Обѣдъ состоялъ изъ картофельной похлебки съ бараниной, изъ плодовъ, вина и чернаго кофе. Вместе со мной обѣдало нѣсколько Черногорцевъ и Черногорокъ. Говоръ не умолкалъ: предметомъ его были недавнія событія — война и заключеніе мира. „Э, братцы, замѣчалъ кто-либо изъ присутствовавшихъ, что дѣлать, — выпьемъ за здоровье всѣхъ насъ,“ и всѣ отпивали понемногу изъ наполненныхъ стакановъ вина. „За здоровье нашего перваго героя, воеводы Мирко“, присовокуплялъ другой, и всѣ снова отпивали изъ стакановъ. Женщины, бывшія за обѣдомъ, тоже принимали живое участіе и въ говорѣ, и въ „здравцахъ“ (тостахъ), или „напитницахъ.“ Нѣкоторые изъ нихъ разказывали о своихъ подвигахъ во время войны, о томъ, какъ были разворены ихъ селенія, разграблено ихъ имущество. Когда кто-либо входилъ въ шатеръ, всѣ привѣтствовали входившаго и предлагали ему вина.

Мое присутствіе въ шатрѣ, разумѣется, не могло остаться не замѣченнымъ. Меня разспрашивали, кто я, откуда, какъ мое имя.

Слѣдовало обычное привѣтствіе, и всѣ за тѣмъ выпали за здоровье Русскихъ и за мое собственное здоровье. Понятно, нельзя было оставаться въ долгу за такую любезность и я, съ своей стороны, предлагалъ „здравцы“ за всѣхъ Черногорцевъ, стараясь при этомъ восхвалить, на ломаномъ сербскомъ языкѣ, тѣ геройскіе подвиги, которыми ознаменовали себя Черногорцы.

— Пріѣдешь назадъ въ Россію, Александръ, говорили мнѣ нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ, разкажи тамъ о насъ, разкажи о томъ, что ты здѣсь видѣлъ, какъ разворемъ теперь нашъ край.

— Только пусть тамъ не думаютъ, присовокупляли другіе, будто мы не въ состояніи боаѣ бороться съ Турками, будто мы побѣждены. Не разъ мы уже давали звать, что

такое Черная Гора, что такое Черногорецъ. Дадимъ знать это и послѣ, при первомъ же случаѣ..... Намъ нужно лишь небольшое пособіе.

Я далъ слово моимъ собесѣдникамъ исполнить ихъ желаніе, но замѣтилъ, что Россія не Черногорія, что разказъ одного путешественника не будетъ имѣть тамъ большаго значеніе, и что, по всей вѣроятности, Русскимъ извѣстно положеніе Черногоріи изъ другихъ болѣе прямыхъ и болѣе вѣрныхъ источниковъ.

Послѣ обѣда, надѣянный отъ привѣтливыхъ Черногорцевъ и Черногорокъ яблоками, виноградомъ, орѣхами, я отправился навадъ въ Цетинье. Когда я взобраася на вершину горы, окружающихъ Цетинскую долину, солнце уже стало заходить, и его послѣдніе лучи озарили бѣдно-пурпуровымъ свѣтомъ южную Черногорію, Скутарское озеро и Албанскія горы. Долго любовался я этою картиной, и мои мысли невольно увосились за черногорскую границу, увосились въ Албанію, въ Македонію. Все это было такъ близко.... Но, тѣмъ не менѣе, мои мечты были слишкомъ далеки отъ своего осуществленія. Рѣка должна была остаться для меня завѣтною чертой, за которую мнѣ не пришлось переступить.

Поздно вечеромъ я добраася до Цетинья, и оттуда, 3-го октября, возвратился врежамъ путемъ въ Которъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, изъ Котора отправился я въ небольшой баркѣ въ Кастель-Ново. Проѣзжая въ первый разъ Которскимъ заливомъ на пароходѣ, я схватывалъ цѣлыя впечатлѣнія; быстрота вѣды и новостъ предметовъ не позволяли мнѣ всматриваться въ подробности. Теперь было иначе: барка шла тихо, представлялась полная возможность разсмотрѣть каждый пейзажъ въ отдѣльности, и эта поѣздка доставила мнѣ новое, еще не испытанное наслажденіе. Черезъ нѣсколько часовъ барка оставилась у Кастель-Ново.

Кастель-Ново довольно большой и красивый городъ. Въ немъ насчитывается слишкомъ 7,000 жителей, которые всѣ, за исключеніемъ трехъ, или четырехъ сотъ, православнаго исповѣданія. Первоначально Кастель-Ново былъ крѣпостью и имѣлъ назначеніе защищать входъ съ моря въ Которскій заливъ. Эта крѣпость была основана въ 1373 году Стефаномъ Твартко, королемъ Босніи. Въ послѣдствіи Испанцы,

при Карлѣ V заложилъ здѣсь другую крѣпость, доконченную потомъ Венеціанцами. Въ 1806 году Кастель-Ново заняли Русскіе. А въ слѣдующемъ году, по Тильзитскому договору, крѣпость и городъ передавы были Французамъ. Съ 1814 года Кастель-Ново присоединенъ къ австрійскимъ владѣніямъ.

Вечеромъ часовъ около четырехъ отправился я пѣшкомъ черезъ Суторинку и Canali въ Дубровникъ. Суторинская долина принадлежитъ Турціи; узкою полосой, доходящею до самаго моря, отдѣляетъ она Которскій округъ отъ Дубровницкаго, такъ что здѣсь образуется небольшою перерывъ австрійской территоріи. Австрія уже давно старается выманить какъ-нибудь у Турціи этотъ кусочекъ земли. Но Осмапы ни за что не хотятъ отказаться отъ своихъ прибрежныхъ владѣній, несмотря на ихъ ничтожность. А для Австріи такой кусочекъ земли былъ бы большимъ пріобрѣтеніемъ, потому что округалъ бы ея прибрежныя провинціи.

Перешагнувъ черезъ турецкую территорію и предъявивъ овой паспортъ пограничной стражѣ, я вошелъ въ другую долину, которая носитъ названіе Canali и живописна не менѣе Суторинской. Здѣсь привелось мнѣ ночевать въ селѣ Грудѣ, въ самой не мудрящей гостиницѣ, или лучше сказать, „оштеріи“. Утромъ на другой день, съ попутчиками, доѣхалъ я на осленкѣ до Рагузы-Веккии, и оттуда, вдоль морскаго берега, дошелъ вкорѣ до Вогго Плоссе и до южно-славянскихъ Аенъ.

Проживъ въ Дубровникѣ еще нѣсколько дней, я отправился отсюда въ Триестъ....

А. ТРОЯНСКІЙ.

ЧЕРКЕСЫ, БАЗАКИ И АДЕХЕ.

Происхождение слова Черкесъ не легко объяснить. Его производятъ отъ словъ: сер-кюшъ (по-персидски бунтовщикъ); сер-кесъ (по-персидски и турецки головорѣзъ); сер-кесъ (адехское и тюркское: пересѣкающій дорогу, т.-е. разбойникъ); шер-кесъ (турецкое или арабское: нарушитель порядка, закона). Это невинная забава тѣхъ, которые считаютъ этнографическій вопросъ рѣшеннымъ, если имъ удалось поймать похожій звукъ на какомъ-либо языкѣ, даже не имѣющемъ къ дѣлу никакого отношенія.

Нѣкоторые писатели производятъ Черкесовъ отъ Церкетовъ, о которыхъ упоминается у древнихъ географовъ. Такъ, Потоцкій * съ странною увѣренностію говоритъ: „Церкеты суть Черкесы.“

Древніе географы, начиная отъ Же-Орфея (за VI вѣковъ до Р. X.), Геродота и Скилакса Коринаврскаго до Амміана Марцеллина (въ IV вѣкѣ по Р. X.), упоминаютъ о Церкетахъ (которыхъ одни пишутъ Cercetes, а другіе Serketes), обитавшихъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

Страбонъ показываетъ жилище Церкетовъ къ югу отъ Ахейвъ и Геніоховъ, а Птоломей (географъ II вѣка по Р. X.) между семи народами; Арріанъ, Плиній и нѣкоторые другіе писатели помѣщаютъ ихъ къ сѣверо-западу отъ Ахейвъ, говоря, что за Церкетами живутъ Скаты, Киммеріане и Меоты, жители Восфора, гдѣ находятся Милезійскіе города, то есть: Гермоноса, Цени, Стратолика, Фанаторія, Апатуросъ и Киммеріонъ. Изъ этого съ нѣкото-

* *Fragments historiques* etc. de I. Pototzky, T. I, L. XXVII, ch. 3, page 34.

рымъ вѣроятіемъ можно бы заключить, что Церкеты жили къ югу отъ нынѣшняго Геленджика.

Объ Ахенвахъ говорили, что они замесены бурей въ эти мѣста въ эпоху древней Троянской войны, предшествовавшей той, которая воспѣта Гомеромъ.

Въ землѣ Геніоховъ (т.-е. возничихъ) писатели называютъ города Питіонтъ и Діоскурію, гдѣ нынѣ Пицунда и Сухумъ. Знаменитая Діоскурія (называвшаяся въ послѣдствіи „Себастополісъ“), была, по свидѣтельству тѣхъ же писателей, построена двумя возничими Касторомъ и Поллуксомъ, Спартакцами, отъ которыхъ произошелъ народъ Геніохы. Плиній и нѣкоторые другіе писатели называютъ этихъ возничихъ Амфитомъ и Тольхіемъ, а Амміанъ Марцеллинъ втораго возничаго называетъ Церціемъ (Cergius). * Если такимъ образомъ возничіе дали Геніохамъ названіе своего ремесла въ народное имя, то нельзя ли допустить, что одинъ изъ нихъ, Церцій, далъ свое собственное имя другому народу, — Церкетамъ? Въ такомъ предположеніи, далеко не невозможномъ, догадки о дальнѣйшей судьбѣ Церкетовъ, дѣлаются бесполезными, какъ догадка о народѣ, который или существовалъ только въ воображеніи географовъ того времени, или, подобно Геніохамъ, Мелавхленамъ, и Макрокефаламъ самъ называлъ себя совсѣмъ иначе (извѣстно что древніе географы часто или замѣняли подлинныя имена народовъ переводомъ на греческій языкъ, или составляли названія по какимъ-либо отличительнымъ чертамъ народовъ, какъ напримѣръ Макрокефалы и проч.). Проконій, писавшій въ концѣ VI вѣка по Р. Х., уже совсѣмъ не упоминаетъ о Церкетахъ, и описавъ подробно Коаховъ, въ его время называвшихся Лазами, Апсиховъ и Абазговъ, говоритъ, что за сими послѣдними жили на берегу моря Зехи и Сагиды, въ землѣ коихъ были Питіонтъ и Себастополісъ. За Сагидами, говоритъ онъ, живутъ различные народы Гунновъ *.

Для того, чтобъ утвердительно сказать, что Черкесы происходятъ отъ Церкетовъ, нужно было бы имѣть достовѣрное указаніе распространенія этого народа по берегу Чернаго моря и занятія имъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа земель, въ которыхъ нынѣ обитаютъ горцы, извѣстные намъ подъ этимъ именемъ. Этихъ-то указаній и нѣтъ ни въ одномъ

* Хотятъ замѣтить, что Страбонъ называетъ возничихъ, Кастора и Поллука — Ретасъ и Амфистритъ. Надобно полагать, что эта басня различно разказывалась.

** *Géographie de Procope, tr. de Cousin.*

изъ древнихъ писателей. Черкеты исчезаютъ безъ всякихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ выводъ г. Потоцкаго является не болѣе какъ догадкою, основанною на сходствѣ звуковъ. Происхожденіе Черкесовъ отъ Черкетовъ не невозможно, но никакъ нельзя сказать, чтобъ оно было вѣроятно, а еще менѣе достоверно.

Нашъ знаменитый историографъ, Н. М. Карамзинъ говоритъ положительно, что имена: Черкесъ (или Черкасъ), Касогъ и Казаки принадлежатъ одному и тому же народу *. При такомъ взглядѣ на предметъ, дѣло идетъ уже не о невнятной забавѣ корнесловіемъ, а о рѣшеніи вопроса, имѣющаго важное значеніе для исторіи Россіи, особливо южной.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію этого вопроса, скажемъ, что въ настоящее время на всемъ Кавказѣ нѣтъ народа, который бы самъ себя называлъ *Черкесами*. Это имя придаютъ Русскіе на Кавказѣ безразлично Горцамъ сѣверной стороны горъ, вмѣстѣ съ другими названіями столько же не точными: Азіаты, Азія, Орда, Татарва.

Люди болѣе образованные даютъ названіе Черкесовъ всемъ жителямъ сѣвернаго ската горъ включительно отъ Кабарды, Малой и Большой, до Анапы и устья Кубани. Это же нашли удобнымъ почти всѣ наши писатели, за исключеніемъ немногихъ, называющихъ Черкесами преимущественно народъ Адехѣ, т.-е. Натухайцевъ, Шапсуговъ, Абдзеховъ, Убыховъ, нѣкоторые мелкіе народцы того же племени и наконецъ Кабардинцевъ, хотя эти послѣдніе сами себя не называютъ Адехѣ.

Принявъ мысль Карамзина, нужно доказать, что Адехѣ именно суть Касоги или Казаки, и что именно часть ихъ племени сдѣлалась извѣстною нашимъ лѣтописцамъ съ X столѣтія подъ именемъ Черкасовъ.

Чтобы привести въ возможную ясность этотъ темный вопросъ, постараемся соединить немногія свѣдѣнія, которыя находимъ у древнихъ географовъ и у писателей среднихъ вѣковъ объ этихъ трехъ народахъ: Касогахъ, Черкасахъ и Адехѣ.

Въ первые вѣка по Р. Х. географы называютъ Алаанами жителей Кавказскаго перешейка, Херсонеса Таврическаго и странъ заключающихся между Дономъ и Волгою.

* *Исторія Госуд. Россійскаго*, подъ 1444 годомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Амміанъ Марцеллинъ говоритъ, что Аланы покорили великое множество народовъ, которымъ дали свое имя, и разпространились даже до рѣки Гангеса, а Проконій Кесарійскій, видѣвшій Аланъ, утверждаетъ, что они готскаго племени. Вместе съ тѣмъ, Амміанъ Марцеллинъ прибавляетъ, что „имя Аланъ произошло сначала отъ горъ.“ *Аленъ* на мавджурскомъ языкѣ значитъ гора, равно какъ на ассирійскомъ *Тойра*, отъ чего произошло названіе Тавровъ. Имя *Аленъ* принадлежало особенно одной горѣ въ хребтѣ Имаусъ, нынѣ называемомъ Мустафъ. *Нѣсколько вѣковъ послѣ того, мы встрѣчаемъ у восточныхъ писателей подъ именемъ Аланъ народы, о которыхъ наши летописцы упоминаютъ уже подъ ихъ особенными народными именами. Изъ этого можно заключить, что общее имя Аланъ прилагалось ко множеству разноплеменныхъ народовъ, повиновавшихся, повидимому, одной власти. Какое собственно племя называлось Аланами и составляло ядро Аланской державы—этого нельзя сказать съ достовѣрностію, но надобно полагать, что это было племя Татарское или Тюркское, которое пришло изъ Азіи съ восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ обитали древніе Массагеты. Въ составъ державы Аланской входили разныя племена Готовъ, владѣвшихъ Херсонесомъ Таврическимъ, и жившихъ на сѣверозападной оконечности Кавказскаго перешейка. Тамъ могъ ихъ видѣть Проконій и по этой части державы Аланской заключить ошибочно, что всѣ Аланы Готы. Такимъ же точно образомъ могъ ошибиться и Амміанъ Марцеллинъ, положительно утверждая, что Аланы суть древніе Массагеты, т. е. племя Тюркское.

Нынѣшняя Черноморія и часть берега Чернаго моря, примѣрно до Новороссійска, —имѣли въ первые вѣка христіанской эры весьма пестрое народонаселеніе. Въ сочиненіяхъ Страбона, Птоломея и Плинія читаемъ, что этотъ край былъ населенъ множествомъ народовъ, которыхъ одни имена извѣстны этимъ писателямъ, да и то большею частію потому только, что они безъ всякой критики переписали ихъ изъ предшествовавшихъ писателей или внесли въ свои сочиненія по изустнымъ разказамъ. Готы и Киммеріане (народъ Кельтійскій) изъ Крыма перешли на восточный берегъ Азовскаго и Чернаго морей, гдѣ нашли Сивдовъ и отживавшія свой вѣкъ греческія колоніи.

О Сивдахъ упоминаютъ всѣ древніе географы, начиная съ Дже-Орфея (VI в. до Р. X.). Въ ихъ земахъ были порты

* *Hist. du royaume de la Chersonèse taurique* par Stanislas Sestrenczewicz 2-me ed. 1824, T. 1, p. 139.

и укрѣпленный городъ Синдика (civitas Sindica, а въ нѣкоторыхъ варіантахъ civitas Indica), тамъ гдѣ нынѣ Новороссійскъ. Исслѣдованія Мальтебрена * проливаютъ яркій свѣтъ на Синдовъ и заставляютъ съ достовѣрностію считать ихъ колоніей, оставленною въ глубокой древности тѣмъ индѣйскимъ племенемъ, слѣды переселенія котораго исчезли для исторіи и сохранились только въ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и народовъ. Я говорю о Цыганахъ, которые въ разныхъ мѣстахъ носятъ имена: Синды, Цыганы, Цыгонасъ, Зингары, Чыганы, Ачингалъ, Цыгаине, Джипси и Хитаносъ.

Въ огромной номенклатурѣ народовъ, которую встрѣчаемъ у древнихъ географовъ, и особенно у Страбона, Птолемея и Плинія Младшаго, — часто попадетъ имя Зинговъ, Зиговъ и Синдовъ, съ разными измѣненіями. Такъ, Плиній помѣщаетъ, къ сѣверу отъ горъ Киммеріона, между прочими народами, Зинговъ (Zingi). Сколько можно понять, Птоломей, почти современникъ Плинія, помѣщаетъ тотъ же народъ въ горахъ нынѣшней Абхазіи, по крайней мѣрѣ къ сѣверо-западу отъ горъ Коракса (Кодора). Около тѣхъ же мѣстъ Страбонъ упоминаетъ о народѣ Зяги. Плиній между разными народами, живущими на Дону, называетъ Зиговъ (Ziges), и, говоря, что Танаисъ (Донъ) протекаетъ чрезъ земли разныхъ народовъ, упоминаетъ между ними Синтиетовъ.

Проконіи Кесарійскій говоритъ положительно, что за Абхазіей, по берегу моря, жили Зехи, что прежде Римскій императоръ давалъ имъ короля, но что въ его время они уже не зависѣли отъ Рима.

Это извѣстіе представляетъ первое точное указаніе лица Зеховъ именно въ томъ мѣстѣ гдѣ въ настоящее время находимъ народъ, котораго землю Грузины называютъ Джигеты, т. е. землею Джиговъ; и который мы зовемъ Джигетами. Самъ себя этотъ народъ называетъ Саадзень; его земля находится между рѣкою Бзыбомъ, которая служитъ западною границей Абхазіи, и обществомъ Хамышь, которое принадлежитъ къ Убыхамъ, народу Адехè.

Имя Зиховъ извѣстно было Генуэзцамъ и Венеціанцамъ, имѣвшимъ въ XIII и XIV вѣкахъ колонію въ этомъ краѣ. Кажется, оно сдѣлалось у нихъ общимъ для всѣхъ жителей Восточнаго берега Чернаго моря. На картѣ Фредуція Амконскаго (составленной въ 1497 году) страна къ сѣверу отъ Абхазіи названа: Зихія (Zicchia), а два приморскія

* *Précis de Géographie universelle de Malte Brun, T. VI.*

мѣста: Mauga-Zicchia и Alba-Zicchia (т. е. Черная и Бѣлая Зихія). Положеніе этихъ послѣднихъ трудно опредѣлить по неточности очертанія берега на картѣ Фредуція, но можно догадываться, что Черная Зихія находилась на Геленджикской бухтѣ, а Бѣлая около устьевъ рѣки Мдымга или Соче.

Затѣмъ, что Интеріано, путешественникъ половины XVI вѣка, долго жившій въ землѣ Зиховъ, говоритъ *: „но Зихи, такъ-называемые по-италіански, по-гречеки и по-латыни, но которыхъ Турки и Татары зовутъ Чиркасами (Tchirakassi) и которые сами себя даютъ имя Адига (Adiga)—живутъ отъ р. Дона по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей до Savo di Bussi т. е. до Пицундской бухты.“

Отецъ нашей исторіи, Несторъ, помѣщаетъ на восточномъ берегу Чернаго моря за Косогами, — Обезовъ, т. е. Абхазцевъ, (Abasgi, Arsili древнихъ географовъ: сами себя они называютъ и нынѣ Абснѣ.) Онъ не указываетъ въ точности мѣста жительства ихъ, но должно полагать, что оно было не далеко отъ княжества Тмутараканскаго; ибо еслибъ они жили на мѣстѣ нынѣшней Абхазіи, то не могли бы быть извѣстны нашимъ лѣтописцамъ. Вспомнимъ при томъ, что князь Изяславъ 1-й (1054—1077) былъ женатъ на княжнѣ Абазинской, и что въ 1223 году Чингисхановы военачальники, разбивъ въ Дагестанѣ Иссовъ и Половцевъ (по Абульгази, Аланъ) гнались за послѣдними до Азовскаго моря и предѣловъ Россіи: „попавъшиа Яссы, Обезы, Касоги и ихъ языкъ семь,“ какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ. Присоединимъ еще, что въ одной изъ русскихъ лѣтописей, въ числѣ странъ завоеванныхъ Тамерланомъ названы: „Орначь (по догадкѣ Карамзина: Азовъ или Пана) Обеза и Темиръ-Кабы, рекше желѣзные ворота.“

Ни Чингисхановы военачальники, ни Тамерланъ не могли быть въ нынѣшней Абхазіи. Необходимо заключить, что они нашли Обезовъ недалеко на югъ отъ Азовскаго моря.

Въ Троицкой лѣтописи говорится о бывшей въ 1346 году моровой язвѣ, извѣстной подъ именемъ *черной смерти*: „бысть моръ великъ на люди, на Бесермены, и на Татары, и на Обезы, и на Жиды, и на Фразы (т. е. Генуэзцы и Венеціане въ Тавридѣ и Азовѣ) и на Черкасѣ.“... — Опять видно, что лѣтописецъ говоритъ объ Обезахъ какъ о близкихъ сосѣдяхъ.

* Giorgio Interniano *Della vita dei Zychi*, Romano. Т. II, р. 151.

Но были ли Сивды одноплеменны съ Зихами, а эти послѣдніе съ Обезами или Абхазцами? Первое вѣроятно, хотя на то и нѣтъ положительныхъ доказательствъ, а послѣднее сомнительно. Весьма возможно, что Зихи были завоеваны Абхазцами (Обезами), а въ послѣдствіи времени, какъ Зихи, (по крайней мѣрѣ значительная ихъ часть), такъ и Сивды покорены были Адигами: послѣднее должно было произойти не въ глубокой древности, но въ народѣ дикомъ и неграмотномъ память этихъ событій давно изгладилась и различныя народности смѣшались тѣмъ удобнѣе, что какъ завоеватели, такъ и завоеванные были на одинаковой степени дикости.

Наши лѣтописцы, начиная съ Нестора, знаютъ на сѣверной сторонѣ Кавказа только два народа: *Яссовъ* и *Касовъ*. Послѣднимъ даютъ мѣсто на западной, первымъ въ восточной части сѣвернаго ската Кавказа. Яссы распространились по Дагестану, гдѣ близъ Дербента, имѣли городъ Дедаковъ, взятый ханомъ Золотой орды Мамгу Тимуромъ въ 1277 году; а также по берегу Каспійскаго моря до устья Волги.

Восточные писатели не употребляютъ имени Яссовъ. Абульгази (*Histoire des Tartares*) называетъ ихъ Аланами; но Карпинъ и Рубруквицъ, монахи и путешественники XIII вѣка, говоря о Кавказскихъ Алапахъ, упоминаютъ что они назывались также Ассами, или Яссами, были христіане, искусные кузнецы и слесари, дѣлали прекрасное оружіе и хранили свою независимость. Рубруквицъ видѣлъ Яссовъ въ станѣ Батыя, на Ахтубѣ въ 60-ти верстахъ отъ Астрахани и недалеко отъ Сумеркента, древняго города, гдѣ жили Яссы и Сарацины, и который Татары едва могли взять послѣ восьмилѣтней осады.

Карамзинъ положительно считаетъ Яссовъ нынѣшними Осами, землю которыхъ Грузины называютъ Осета, а мы самый народъ зовемъ Осетинами; но въ этомъ весьма можно сомнѣваться, какъ по соображенію пространства земли, назначаемого для ихъ жительства, такъ и потому что не осталось ни малѣйшаго слѣда владѣтельства Осетинъ въ мѣстѣ, которая они нынѣ занимаютъ.

По всему видно, что слово Яссы или Ассы, употреблялось въ тогдашнее время какъ имя собирательное для обозначенія различныхъ народовъ восточной стороны Кавказскаго перешейка, въ роляхъ того, какъ мы нынѣ жителей западной половины называемъ Черкесами, а всѣхъ Кавказскихъ горцевъ — Азіатцами.

Можно даже указать, хотя конечно до нѣкоторой сте-

пени тольکو гадательно, до какого мѣста простиралась на западъ земля Яссовъ и гдѣ примыкали къ ней Касоги.

Константинь Багрянородный (X вѣка по Р. Х.) называетъ страну Касоговъ Казахію. Осетинъ, жителей этой страны, и по нынѣ называютъ Казаками. Но какого племени были Касоги? Гдѣ именно жили? Въ какихъ отношеніяхъ были къ окрестнымъ народамъ?

Въ VII вѣкѣ съ великимъ блескомъ и могуществомъ является въ Византійской исторіи держава Хазарская, и покоряетъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды. Въ составъ этой разноплеменной державы вошли также Яссы и Касоги. Въ 964—966 году Святославъ I, взявъ Бѣлую Вѣжу или Саркель и разбивъ кагана Хазарскаго, побѣдилъ еще Яссовъ и Касоговъ. „Тогда же, говоритъ Карамзинъ, — какъ надобно думать, завоевали Россіане городъ Таматарху или Фанагорію и всѣ владѣнія Казарскія на восточномъ берегу Азовскаго моря.“

Объ этомъ походѣ Святослава знаютъ нѣчто и арабскіе путешественники. Географы, Ибнъ Хаукавъ а Ибнъ-Эль-Варди, изъ которыхъ первый былъ современникомъ событія, говорятъ объ опустошительномъ вторженіи Русскихъ въ 968 году (358 гиджры) во владѣнія волжскихъ Болгаръ и Хазаровъ, откуда они прошли до Семендера, нынѣшняго Тарки, въ сѣверномъ Дагестанѣ *.

Если эти писатели говорятъ дѣйствительно о походѣ Святослава (въ чемъ можно сомнѣваться, потому что они полагаютъ его въ 968, а Несторъ въ 965 году), то изъ ихъ показаній слѣдуетъ, что предприимчивый князь кievскій не былъ въ землѣ Касоговъ, а еще менѣе могъ покорить княжество Тмутараканское въ низовьяхъ Кубани.

Въ 988-мъ году Владиміръ отдалъ въ удѣлъ сыну своему Мстиславу это княжество, о которомъ тогда въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ. Когда и кѣмъ завоевано и изъ чего составлено это княжество, столь удаленное отъ остальной Россіи? О томъ ни слова нѣтъ въ лѣтописяхъ, которыя, какъ справедливо говоритъ Бугаринъ, упоминая о маловажныхъ набѣгахъ на мелкія финскія племена, не умолчали бы о столь важномъ событіи.** Приобрѣтеніе Тмутараканскаго княжества можно объяснить тольکو добровольнымъ присоединеніемъ его къ Россіи. Догадка Бугарина,

* „Письмена древнихъ Руссовъ“, статья академика К. Френа (въ журналѣ *Библ. для чтенія*, 1836 г. Т. XV.)

** *Россія, историч. соч.* Э. Бугарина т. III, глава VI, стр. 322—335.

что готскія племена того края, узнавъ о владѣнιάхъ основанныхъ въ окрестностяхъ Кіева Варяго-Руссами, ихъ единоплеменниками, вошли съ ними въ сношеніе и добровольноподчинились могущественному князю Кіевскому, — догадка эта, кажется намъ весьма правдоподобною. Но вмѣсто того чтобы называть этихъ Готовъ Роксоланами, жившими тамъ за 115 лѣтъ до Р. X. и исчезнувшими на берегахъ Дуная въ концѣ IV столѣтія, во время нашествія Гунновъ; вмѣсто того, чтобы изъ Роксоланъ произвольно дѣлать Россоландовъ и Россовъ, для объясненія извѣстныхъ восточнымъ писателямъ набѣговъ Руссовъ на Ширванскую область и городъ Бердоа (въ 913 и 943 годахъ); — вмѣсто всѣхъ этихъ произвольныхъ и натянутыхъ выводовъ Бугарина можно допустить самую естественную догадку, что еще во время Рюрика или Олега, Черноморскіе Готы вошли въ сношеніе съ Варяго-Руссами. Мы знаемъ, что Аскольдъ и Диръ, плывя по Днѣпру, пѣвпаясь мѣстоположеніемъ, основали Кіевъ и сдѣлались князьями окрестныхъ Славянъ, бывшихъ данниками Хазарскаго Кагана. Легко могло быть, что сношенія Варяго-Руссовъ съ одноплеменными имъ Готами Тмутараканской области произошло также въ концѣ IX или въ первыхъ годахъ X столѣтія. Товарищи же Аскольда и Дира пустившіеся далѣе искать счастья, или другіе смѣльчаки, искатели новыхъ земель, прибыли къ устьямъ Кубани, нашли тамъ одноплеменниковъ и соединились съ ними для дальнѣйшихъ воинскихъ предпріятія. Дѣйствительно, Масуди писавшій въ 957 году, говоритъ, что въ 913 году (301 гіджры), слѣдовательно въ началѣ княженія Игоря, Руссы на 500 лодкахъ проникли изъ Чернаго моря въ Азовское, потомъ въ Довъ и Волгу, спустились въ Каспійское море и между прочимъ ограбили и опустошили область Ширванъ. Въ 943 году (332 гіджры) явились они снова на Каспійскомъ морѣ, вошли въ Куръ и овладѣли знаменитымъ городомъ Бердоа, при рѣкѣ Тертерѣ, въ Карабагѣ. Больше года держались они въ этомъ городѣ и дѣлали изъ него набѣги на окрестныя мѣста. По словамъ Боръ Гебреа (*Chronicon Syriacum*, стр. 189—193) въ этомъ опустошительномъ походѣ участвовали вмѣстѣ съ ними Славяне и Лезгинны. * Участіе Славянъ легко объясняется тѣмъ, что они прибыли на Кубань вмѣстѣ съ Варяго-Руссами.

Здѣсь надобно замѣтить, что Византійскіе Греки въпер-

* „Письмена древнихъ Руссовъ,“ статья авад. Фрола; въ журналѣ *Библ. для чтенія*, 1836 г., т. XV.

вый разъ узнали Руссовъ въ 839 году, т.-е. за 23 года до прибытія Норманскихъ князей къ Славянамъ. Восточные писатели тоже около этого времени упоминаютъ о Черноморскихъ Руссахъ. Это заставляетъ догадываться, что еще въ началѣ IX столѣтія, если не ранѣе, норманскіе искатели приключеній имѣли сношенія съ своими прикубанскими одноплеменниками, Готами, которымъ они вѣроятно сообщили свое родовое имя Руссъ или Россъ, общее тогда всемъ народамъ извѣстнымъ въ Европѣ подъ именемъ Нормановъ.* Всѣ эти соображенія, по крайней мѣрѣ весьма просто могутъ объяснить добровольное присоединеніе княжества Тмутараканскаго къ Кіевской державѣ. Идѣйствительно Мстиславъ спокойно вступилъ во владѣніе этимъ княжествомъ даннымъ ему въ удѣлъ отцомъ его Св. Владиміромъ. Судя по тому, что Греческій императоръ предложилъ Мстиславу общими силами уничтожить державу Хазаровъ въ Тавридѣ, можно полагать, что этотъ князь новаго удѣла былъ довольно могущественъ. Андроникъ, вождь императорскій, въ 1016 году, приставъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, въ первомъ же сраженіи павилъ Кагана по имени Георгія Цула, и тѣмъ положилъ конецъ владычеству Хазаръ въ Европѣ.

Въ 1022 году, говоритъ Карамзинъ,** Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ „или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ соседямъ его области.“ Война кончилась единоборствомъ касожскаго богатыря Редеди съ самимъ княземъ Мстиславомъ, который, поразивъ своего противника, вступилъ въ область Касоговъ и наложилъ на нихъ дань. Въ слѣдующемъ 1023 году Мстиславъ пошелъ съ войскомъ къ берегамъ Дѣпровскимъ, подъ Лиственомъ разбилъ своего старшаго брата Ярослава, великаго князя кіевскаго, и въ 1026 году, великодушно раздѣлилъ съ нимъ государство: себѣ взялъ лѣвую, а брату далъ правую сторону Дѣпра.

Эти факты достаточно показываютъ что: княжество Тмутараканское было въ то время очень сильно; иначе Мстиславъ, при всемъ удалствѣ своемъ, не въ состояніи былъ бы дѣйствовать такъ рѣшительно и побѣдосно противу двухъ могущественныхъ противниковъ: Кагана Хазарскаго и великаго князя кіевскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ

* См. изслѣдованія по этому предмету академика X. Френа въ IV томѣ *Bulletin scientifique de l'Académie Impériale des Sciences* № 9 et 10, и статью Сенковскаго: „О происхожденіи имени Руссовъ“, въ *Библи. для Чл.* 1838 года, августъ.

** *Исторія Государства Россійскаго*, подъ этими годами.

видно, что подданные Мстислава по происхожденію ничего общаго не имѣли съ своими восточными сосѣдями Касогами, которыхъ земля далеко не достигала береговъ Азовскаго и Чернаго морей, по крайней мѣрѣ противъ устьевъ Кубани.

Обратимся за тѣмъ къ объясненію вопроса: почему Карамзинъ положительно называетъ Касоговъ Казаками и Черкесами?

Лѣтописецъ нашъ Несторъ говоритъ, что великій князь Владиміръ, въ 985 году, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на суднѣ внизъ по Волгѣ. Берегомъ шли конные Торки, союзники или наемники Россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается объ этомъ народѣ. Другія показанія болѣе опредѣлительны. Наши лѣтописцы называли Торковъ и Берендѣевъ Черкасами. Въ 1080 году Торки обитали не далеко отъ Переяславля; нѣкоторые изъ нихъ перешли къ Россіянамъ и поселились въ Киевской губерніи, между рѣками Стугною и Росью. Въ то же время, далеко за предѣлами тогдашней Россіи, она имѣла городъ Торческъ, по объясненію Карамзина: „вышъ селеніе Торчица на берегу рѣки Торчи въ Пятигорскомъ уѣздѣ.“ „Въ 1093 году, продолжаетъ Карамзинъ, Половцы (Команы), взявъ Торческъ, опустошили все это пространство до Киева и Вышгорода. Владиміръ Мономахъ выгналъ изъ Россіи въ 1121 году Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ; утѣвляемые Половцами (Команами) и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожь многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или Черкасовъ и служили Россіянамъ. Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловѣжцахъ, охотно приватыхъ великимъ княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Казарской, на берегахъ Дона, взятой Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьяхъ рѣки Оостера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вѣжею, коея извѣстныя развалины (въ 120 веротъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменные стѣны, башни, ворота и другія зданія.*“ *

Въ 1152 году великій князь Изяславъ Мстиславичъ, вмѣстѣ съ королемъ венгерскимъ Гейзою, ходилъ противъ князя

* *Исторія Государства Россійскаго* подъ упомалутыми годами.

Владимира Галицкаго. Въ дружинѣ его были „*сть Черныя Клобуки, еже зовутся Черкасы*“. Они были конные.

Въ послѣдствіи, они часто служили, какъ наемники, въ дружинахъ князей противъ Половцевъ и въ междоусобныхъ войнахъ, но были не всегда вѣрны, а иногда измѣняли даже на полѣ сраженія, какъ напримѣръ въ 1159 году. Въ этомъ же году лѣтописецъ въ числѣ Черныхъ Клобуковъ, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ (Берендичи), называетъ одноплеменныхъ имъ *Каспичей*, а 1161 году—*Кочей*. „Гдѣ въ однихъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ называли только Черныя Клобуки (см. *Росс. Вивл.* 225, и *Воскрес. лѣтоп.* II, 28.) Сіе имя было имъ общимъ и безъ сомнѣнія дано имъ отъ черныхъ шапокъ. То же значитъ имя вывѣстныхъ Каракалпаковъ (то-есть Киргизъ-кайсаковъ), нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію въ Россіи Восточной (Рычкова, *Оренбур. томогр.* I, 173—174)“ *.

Черкасы были племени тюркскаго, равно какъ Половцы или Команы. Сіи послѣдніе сами себя называли *Sarchat*, какъ говоритъ путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ. Абульгази даетъ общее имя Кипчакъ всѣмъ народамъ, обитавшимъ между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ. Анна Комнена пишетъ, что Печенѣги и Команы говорили однимъ языкомъ.

Но Команы и Черкасы отнюдь не изъ одного мѣста пришли въ югозападную Россію. Команы—азіятскіе Татары, а Торки, Берендѣи и проч., то-есть Черкасы—давнѣе жители Кавказа, у подножія котораго мы уже видѣли ихъ городъ Торческъ. Но скоро ихъ древнее отечество яснѣе обозначилось. Подъ 1187 годомъ кievская лѣтопись упоминаетъ о Казакахъ, жившихъ по украинамъ, то-есть южнымъ предѣламъ тогдашней Россіи. Эти Казаки, умножившись по вѣдѣствію Татаръ новыми толпами удалцовъ бездомовныхъ, посвятившихъ себя военному ремеслу, составили ядро Запорожскихъ казаковъ, которые правильное устройство, какъ народъ и какъ войско, получили только въ началѣ XVI вѣка. Не только Запорожскіе казаки всегда назывались Черкасцами, но вся вышняя Малороссія и Украина не имѣли другаго названія какъ Черкасскій народъ. Это имя дается имъ позже во всѣхъ актахъ и грамотахъ монарховъ русскіихъ даже до конца царствованія Екатерины II **.

* *Ист. Государ. Рос.* Т. II, примѣч. 192.

** См. *Полное собраніе законовъ Россійской Импер.*, гдѣ находитая по этому предмету множество документовъ въ высшей степени любопытныхъ.

Столько фактовъ, безъ сомнѣнія, дали Карамзину полное право сказать, что Черкасы, Казаки и Касоги суть разныя имена одного и того же народа.

Чтобъ еще болѣе объяснить этотъ выводъ, вспомнимъ, что Черкасы являются въ нашей исторіи въ первый разъ въ 985 году, то-есть чрезъ двадцать лѣтъ послѣ раззоренія Святославомъ Бѣлой Вежи и разрушенія, между Волгой и Дономъ, Хазарской державы, въ составъ которой входили и Касоги. Замѣтимъ притомъ, что во времена Владиміра Мономаха (около 1121 года) новыя толпы Черкасовъ поселились на Днѣпрѣ, говимые Команами отъ Дона, гдѣ они, вѣроятно, казаковали вмѣстѣ со сбродомъ множества другихъ племенъ, входившихъ въ составъ тогда уже разрушенной Хазарской державы. Такъ, наши лѣтописи подъ 1147 годомъ въ первый разъ упоминаютъ о *Бродникахъ*, говора, что они были христіане, обитали среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и вѣроятно состояли частию изъ бѣглецовъ Русскихъ. Они за деньги служили нашимъ князьямъ въ ихъ междуусобіяхъ. Замѣтимъ и то, что около того же времени пришли Бѣловещцы и близъ мѣста жительства Черкасовъ, своихъ прежнихъ соотечественниковъ по Хазарской державѣ, выстроили новый городъ подъ прежнимъ именемъ Бѣлой Вежи, вмѣстѣ съ тѣмъ обрусѣли, приняли христіанскую вѣру и сдѣлались известными подъ именемъ казаковъ, сначала Украинскихъ, а потомъ Запорожскихъ.

Нашествія Татаръ въ 1225 и 1236 годахъ опустошили пройденный ими край. Множество Бродниковъ, служившихъ Татарамъ въ 1224 году и ознаменовавшихъ себя измѣной послѣ Каахской битвы, были, по словамъ путешественника Карпини, истреблены Татарамъ. Несмотря на то, другой путешественникъ того же времени, Рубруквицъ, въ 1253 году нашелъ въ станѣ Багма и въ окрестностяхъ множество разноплеменныхъ людей, и въ томъ числѣ Ясеовъ, которые, заиствуя нравы своихъ побѣдителей, окитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ.

Эти-то толпы удалцовъ всякаго рода назывались въ нашихъ лѣтописяхъ Ордынскими казаками. Слово казакъ въ юговосточной Россіи перестало быть названіемъ народа, а означало вольницу, наѣздниковъ, людей бездомныхъ, занимавшихся войною, какъ ремесломъ. Такъ, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ казаковъ Рязанскихъ, Азовскихъ, Нагайскихъ, Шибанскихъ и Тюменьскихъ. Всѣ эти казаки не составляли какой-либо отдѣльной народности, ни даже отдѣльнаго постояннаго сословія въ какомъ-

либо народъ, не имѣли ни гражданскаго, ни даже постояннаго военнаго устройства.

Донскіе казаки явились уже послѣ паденія владычества Татаръ, въ XVI вѣкѣ, и составились изъ вольницы разныхъ областей и народовъ, между которыми преобладало однакоже великороссійское племя.

Должно, замѣтить, что изъ всѣхъ этихъ казаковъ Черкасами называли себя Запорожскіе и Уральскіе; и самый городъ Черкасскъ на Дону, построенъ, по мнѣнію Миллера, Запорожцами, которые въ 1570 году, по требованію царя Іоанна IV, въ числѣ пяти тысячъ прибыли туда съ княземъ Михайломъ Вишневецкимъ и большею частію тамъ остались *.

Мы говорили уже выше, что Черкасы, въ X, XI и XII столѣтіяхъ поселившіеся въ южной Россіи, были Касоги, подданные хазарскаго кагана; но должно думать, что самый народъ Касоги остался въ своемъ древнемъ отечествѣ, потому что въ 1223 году военачальники Чингисхановы, преслѣдуя Половцевъ изъ Дагестана до береговъ Азовскаго моря „попынѣша (говорить лѣтописецъ) Ясы, Обезы, Касоги и имѣхъ языкъ семь“.

Весьма вѣроятно, что и теперь живущіе въ горахъ Кавказскихъ, у подножія Эльбруса, — Карачаи, Урусни, Чегемы, Гуламы и Балкары суть остатки этого древняго народа. Они происхожденія тюркскаго, говорятъ нарѣчіемъ татарскаго языка, которое понятно для Нагайцевъ, но очертаніемъ лица совершенно не походятъ на сихъ послѣднихъ, имѣющихъ много чертъ изъ типа камицкаго или монгольскаго.

Карачаи, Урусни, Чегемы, Гуламы и Балкары древніе обитатели Кавказа. О приходѣ ихъ туда не сохранилось никакого ни письменнаго свидѣтельства, ни преданія. Генуезцамъ и Венеціанамъ Карачаи извѣстны были подъ именемъ *Карачіоли* (Carcasioli), а Туркамъ подъ именемъ *Кара-Черкесъ*, то есть черныхъ Черкесъ. Шардемъ, бывшій въ Абхазіи въ 1672 г. пишетъ, что „Карачіоли или какъ Турки называютъ ихъ Карачеркесы, суть сѣверные Черкесы. Несмотря на то что это самый красивый народъ въ свѣтѣ, Турки называютъ ихъ черными Черкесами, потому что туманы и облака безпрестанно покрываютъ ихъ землю. Они были прежде христианами. Это видно по ихъ обычаямъ и некоторымъ обрядамъ, которые они исполняютъ въ своей землѣ; но теперь они не имѣютъ никакой религіи, ходятъ

* Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, V т. стр. 187, статья „Донская земля.“

почти магіе, занимаются разбоемъ и суть самыя смѣлые разбойники въ свѣтѣ.“ *

Замѣтимъ, что Карачаевцы и до сихъ поръ называютъ казаками тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые живутъ въ отдѣльныхъ пещерахъ, находящихся въ верховьяхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ подошвы Эльбруса. Слово, казакъ“ они придаютъ значеніе: одинокаго, безсемейнаго. Съ другой стороны, у одноплеменныхъ Карачаевцамъ Киргизъ-Кайсаковъ, мы и по сіе время находимъ, что одно племя, кочующее между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, называется „Черкесъ“ **. Эти соображенія и свидѣтельство Шардена замѣчательнымъ образомъ подтверждаютъ тождественность Карачаевцевъ, Касоговъ и Черкасовъ нашихъ лѣтописей.

Странная судьба этого племени, которое обошло вокругъ всю Южную Россію и чрезъ восемь вѣковъ возвратилось подъ именемъ казаковъ въ свое древнее отечество, на берега Кубани и Лабы.

Обратимся теперь къ народу, который Русскіе называютъ теперь Черкесами, т.-е. къ Адехѣ.

Конечно, никто не скажетъ, чтобъ этотъ народъ былъ одного племени съ Карачаевцами. Онъ говоритъ особенымъ языкомъ, нисколько не похожимъ на татарскій; его наружность представляетъ строгій типъ кавказской породы. Можно сказать, половина этого народа имѣетъ русые волосы; часто встрѣчаются голубые глаза.

Какого племени этотъ народъ, и откуда онъ пришелъ? Этого нельзя сказать положительно по недостатку историческихъ извѣстій. Въ началѣ X столѣтія мы находимъ его въ составѣ Казарской державы, подъ именемъ Кабаровъ или Кабардовъ (Sabari, Sabardi). Могущество этой державы разномысленной, но въ которой племя восточно-финское было кажется преобладающимъ,—качилось къ упадку отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ завоеваній Олеговыхъ (885 г.) и отъ внутреннихъ междоусобій. Такъ, между прочимъ, около 914 года три племени, изъ которыхъ главное называлось *Кабарами* (Sabages), возмущались противъ власти кагана. Началась междоусобная война, въ которой каганъ остался побѣдителемъ, но не умѣлъ воспрепятствовать недовольнымъ племенамъ оставить его государство. Нѣкоторые изъ нихъ ушли къ Уграмъ въ Паннонію, другіе къ подножію

* *Voyage de ch. Chardin, en Perse 1611. T. I, p. 182.*

** Статья П. Небольсина: „Разказы проѣзжаго“ въ *Отеч. Записк.* 1853 г., декабрь.

Кавказа, гдѣ находимъ ихъ потомковъ подъ именемъ Кабардинцевъ.*

Должно полагать однакоже, что не всѣ Кабарды оставили Казарскую державу, но что по раззореніи Святославомъ Бѣлой Вѣжи, въ 965 году, часть этого племени поселилась за Кагагомъ въ Крымъ, гдѣ оставалась долгое время, какъ можно заключить изъ того, что одна рѣка на этомъ полуостровѣ досихъ поръ сохранила имя *Кабарды*. Вѣроятно, въ татарскій періодъ нашей исторіи Кабарды вышли опять изъ Крыма на сѣверный берегъ Азовскаго моря. На картѣ Фредуція Анковскаго, составленной въ 1497 году и найденной Ив. Потоцкимъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ, показаны Кабарды (*Sabardi*) по берегу моря на правой сторонѣ Дома; но въ 1550—1557 годахъ жившій у нихъ Венеціанецъ Джіорджіо Итеріано нашелъ уже ихъ на восточномъ берегу Азовскаго моря и говоритъ, что они жили отъ рѣки Тама или Дома до *Savo di Bussi*, т.-е. до Пицундской бухты. Изъ этого надобно заключить, что въ теченіи этого полуостровіа они заняли землю Зиховъ или Зиговъ, стала известна въ Европѣ подъ именемъ народа ими покореннаго, хотя сами себя называли уже Адигами. Какъ произошло это занятіе земли Зиговъ и какъ смѣшались завоеватели съ народомъ завоеваннымъ, объ этомъ не осталось никакихъ свѣдѣній у народа дикаго и не имѣющаго письменныхъ памятниковъ. Южную границу ихъ новой земли Итеріано, безъ сомнѣнія, показалъ ошибочно, ибо какимъ образомъ захватили бы они всю землю нынѣшнихъ Джигитовъ и часть Абхазіи, которая никогда не была въ ихъ владѣніи?

Если предположить, что кромѣ Пицундской бухты, названной на картѣ Фредуція *Savo di Bussi*, была какая-нибудь другая бухта того же имени, то во всякомъ случаѣ она не могла быть сѣверѣе устья Мдызмы (мысъ Аридлеръ) въ землѣ Джигитовъ, потому что къ сѣверу отъ этой рѣки не растетъ самшитъ или кавказская пальма (*buis*, *Buchbaum*), давшая названіе этой бухтѣ, гдѣ, вѣроятно, въ то время продавалось много этого дерева, такъ какъ оно и нынѣ составляетъ тамъ значительный предметъ торга.

* *Истор. Госуд. Россійскаго* подъ годами 964—966. *Histoire du Royaume de Chersonèse Taurique*, par St. Sestrenczewicz 1824, p. 286. Понятнѣе толкуеть, что слово Кабарда (*Sabardah*) значитъ гористая земля Кабардокъ, отъ тюрккаго слова *dağ*, — гора. Токованіе, не имѣющее, очевидно, никакого основанія, потому что туземцы называютъ свою страну *Кабарм-ай*, гдѣ *ай* или *ой*, значитъ, *владѣніе*. По этому же примѣру составлены названія участковъ другихъ народовъ племени Адехе, какъ напримѣръ: Га-тук-ай, Егерук-ай, Темурч-ой и проч.

Вообще надобно замѣтить, что свѣдѣнія, передаваемые Итеріано о нравахъ и обычаяхъ Адиговъ весьма вѣрны и добросовѣстны. Наблюденій свои онъ собралъ, впрочемъ, только въ сѣверной части нынѣшней земли Натухайцевъ, или точнѣе въ нынѣшней Черноморіи, гдѣ онъ пробылъ около семи лѣтъ. Онъ говоритъ, что большая часть земли Адиговъ покрыта болотами и камышами, чрезъ которые есть тропинки и тайные проходы. Адиги пользуются ими для набѣговъ на сельскихъ жителей, у которыхъ отгоняютъ стада и увозятъ дѣтей для продажи въ Каиръ. Со стороны твердой земли они граничатъ съ Татарами, съ которыми постоянно дерутся; иногда переходятъ и чрезъ Босфоръ по льду, чтобы грабить Крымскихъ Татаръ. Небольшое число Адиговъ разгоняетъ цѣлое войско Татаръ. Адиги, по словамъ Итеріано, христіане, имѣли греческихъ священниковъ, но были вообще равнодушны къ вѣрѣ*.

Около 1637 г. посѣтилъ этотъ край доминиканскій монахъ, Іоаннъ Луккскій. По извѣстіямъ, которыя онъ сообщилъ о Адигахъ, видно, что въ 80 лѣтъ, протекшихъ со времени посѣщенія Итеріано, этотъ народъ, распространяя на востокъ свои предѣлы, занялъ всю сѣверную покатость Кавказоградицы одноплеменныхъ съ нимъ Кабардинцевъ**. Это видно изъ того; что Іоаннъ Луккскій называетъ въ ихъ землѣ двѣ значительныя рѣки: Пси, впадающую въ Казанское море (Mer Caspene), и Силь, протекающую близъ Кабарды. Пси, или Пшизъ собственно: вода, есть названіе, которое Адехи даютъ особенно Кубаню, а Силь, по картѣ Делиля, есть названіе верхняго Терека.

Но южную границу земли Адехи Іоаннъ Луккскій показываетъ гораздо сѣвернѣе своего предшественника. Описывая землю Абхазовъ (Abbassa), онъ говоритъ, что она находится между Мингреліей, и землею Черкасовъ, какъ онъ вообще называетъ Адехи и что въ ихъ землѣ есть двѣ значительныя рѣки: Соча и Субаша (Southe-su et Suba-su). Въ такомъ случаѣ вся нынѣшняя земля Убыховъ принадлежала бы въ то время Абхазамъ, что и весьма вѣроятно, ибо и въ настоящее время разноплеменность и слѣды

* G. Interiano *Della vita dei Zychi*, p. 141.

** *Relation des Tartares, Periopiles et Nogais, des Circassiens, Mingréliens et Géorgie*, par Jean de Lucq (ou Lucque), religieux de l'ordre de S-t Dominique. Также Trévnot, *Relations de divers voyages curieux qui n'ont point été publiés etc.* Paris 1664, 2 vol.

недавняго завоеванія очень замѣтны въ этомъ участкѣ. Общество Хамышь, ближайшее къ Джигетамъ, состоитъ изъ смѣси Адехе съ Абхазскимъ племенемъ.

Иоаннъ Лукскій упоминаетъ, что Абхазы всѣ христіане, хотя плохіе, и находятся въ безпрестанной враждѣ съ Мингреліей и Черкесами (т.-е. Адехѣ), изъ которыхъ бѣльшая половина въ его время исповѣдывала исламизмъ. Замѣтимъ кстатѣ, что этотъ же путешественникъ сообщаетъ, что для совершенія христіанскихъ требъ между тѣми Черкесами, которые еще остались вѣрными своей прежней религіи, призъажаетъ, хотя рѣдко, священникъ изъ Терки,—любопытное свидѣніе, которое показываетъ, что Адехѣ не только были всѣ христіанами, но даже принадлежали къ православному исповѣданію.

Но какого племени этотъ народъ Адехѣ? Трудно рѣшить этотъ вопросъ. Аристократія этого народа гордится своимъ происхожденіемъ отъ арабскихъ князей. Потоцкій и Рейнеггсъ, а за ними Дюбуа де-Монверѣ очень серьезно излагаютъ генеалогію князей Кабардинскихъ, начиная отъ Абдуль-хана, бывшаго главою Кабардинцевъ въ Крыму, въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка. Такія затѣи могутъ только вызвать улыбку каждаго, кто знаетъ Кавказъ.

Мы уже выше говорили, что Натухайцы, Шансуги, Убыхи и Абадзехи называютъ сами себя *Адехѣ*. Это имя они приняли не ранѣе XVI столѣтія, когда были уже на восточныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Хѣ на ихъ языкѣ значитъ *море*; *Аде* на арабскомъ языкѣ значитъ *островъ* и полуостровъ; это же слово перешло и въ тюркскія нарѣчія; на собственномъ языкѣ, Адехѣ этого выраженія не имѣютъ. Такимъ образомъ Адехѣ значитъ *островитяне* или *жители морскаго полуостроваго*. Довольно вѣроятно, что это имя произошло отъ полуострова Крыма, на которомъ они жили около 300 лѣтъ подъ именемъ Кабардовъ. Жители же нынѣшней Кабарды никогда не называли себя Адехѣ и ихъ языкъ составляетъ нарѣчіе мало понятное Натухайцу. Мелкія племена, живущія между нашею Лабинскою линіей и землею Абадзеховъ и Шансуговъ говорятъ чистымъ языкомъ Адехѣ.

Затѣмъ все-таки остается не рѣшеннымъ вопросъ: къ какому племени принадлежитъ народъ Адехѣ. Можетъ быть они потомки готскихъ племенъ, жившихъ въ Тмутараканской области; можетъ быть они происходятъ отъ какого-либо изъ народовъ восточно-фивскаго племени, входившихъ въ составъ Хазар-

ской державы. Сколько-нибудь достовѣрный выводъ можно сдѣлать только послѣ основательнаго изученія языка, обычаевъ и преданій этого народа. Это изученіе не легко. Его нельзя достигнуть, сидя въ кабинетѣ между фолиантами. Его можно производить только на мѣстѣ, при всѣхъ лишеніяхъ и неудобствахъ жизни между дикарями, жизни безотрадной, какую ведутъ многія тысячи нашихъ храбрыхъ Кавказскихъ служивыхъ.

Ф.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

„ПОСЛѢДНЕЕ АУТО-ДА-ФЕ ВЪ СЕВИЛЬѢ“

Въ 10-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года помѣщена интересная статья г. Кустодіева: *Послѣднее ауто-да-фе въ Севильѣ*. Время послѣдняго ауто-да-фе авторъ относитъ къ 1781-му году; но несчастная Беата была непослѣднею жертвою изуверства испанской инквизиціи. Гораздо позже, а именно въ 1826 году одинакой участи съ Беатой подвергся Катаалонецъ Рипполь, если вѣрить разказу помѣщенному въ № 41-мъ *Gartenlaube* за 1863 годъ. Во всякомъ случаѣ, разказъ этотъ весьма любопытенъ и можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. Кустодіева.

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по требованію патера Сирилло, имѣвшаго огромное вліяніе на короля Фердинанда VII, въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ утверждень былъ проектъ закона о возстановленіи инквизиціи, для того, какъ сказано было въ адресѣ къ королю, — чтобы поставить несокрушимый оплотъ кознямъ либераловъ. Городъ Валенсія назначень былъ главнымъ мѣстопребываніемъ этого страшнаго трибунала, въ которомъ не было ни одного настоящаго судьи, а засѣдали исключительно члены духовенства: президентъ — генеральный викарій, Торрессо, одинъ фискаль, одинъ секретарь и семь совѣтниковъ. Формы судопроизводства установлены были по

образу стариннаго инквизиціоннаго суда времяъ Филиппа II. Несчастный попадавшій въ руки инквизиціи, не зная, кто его обвинитель, не могъ представить свидѣтелей, въ доказательство своей невинности и былъ совершенно отдѣленъ отъ внѣшняго міра. Допросъ производился въ самыхъ запутанныхъ формахъ, съ увѣщаніями и угрозами. По произнесеніи смертнаго приговора, осужденный передавался свѣтскому уголовному суду, который долженъ былъ привести приговоръ этотъ въ исполненіе.

Смертная казнь такого рода совершена была въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-ое, надъ Каталонцемъ Рипполемъ, обвиненнымъ въ томъ, что въ устроенной имъ частной школѣ онъ отвергалъ божество Іисуса Христа. Обвиненный въ злѣйшей ереси богохульства, Рипполь брошенъ былъ въ тюрьму инквизиціи, тѣсную, сырую, гдѣ провелъ цѣлый годъ посреди страшнаго нечистоты, и гдѣ наконецъ обнаружались въ немъ признаки помѣшательства.

Въ такомъ положеніи призвали его передъ судей инквизиціи.

Торресо, президентъ, подвергнувъ его строжайшему допросу, и когда измученный, полупомѣшанный Рипполь высказалъ ему свои убѣжденія, то онъ бросился на него съ неистовствомъ, повалялъ его на землю, топталъ ногами и восклицалъ, подражая первосвященнику Каиафѣ: „Онъ богохульствуетъ, зачѣмъ намъ еще свидѣтелей?“

Надъ Рипполемъ произнесенъ былъ единогласно смертный приговоръ; осужденнаго заковали въ цѣпи и передали въ руки свѣтскаго суда.

Тогда послѣдовало ауто-да-фе. Отъ тюрьмы до мѣста казни всѣ изображенія святыхъ по дорогѣ были завѣшены. Впереди процессіи шли члены братства кающихся, и посреди ихъ ѣхалъ осужденный верхомъ на ослѣ. Подлѣ него несли бочку, на которой были нарисованы дьяволы, обжаты пламенемъ. Монахи всячески старались возбудить фанатизмъ въ толпахъ народа, окружавшихъ процессію.

На мѣстѣ казни былъ воздвигнутъ эшафотъ; на немъ были поставлены два креста, которые были сняты тотчасъ же по приближеніи осужденнаго. Народъ, фанатизмъ котораго дошелъ до крайнихъ предѣловъ, благодаря внушеніямъ членовъ инквизиціоннаго суда, вопилъ съ неистовствомъ: „Сожгите его, сожгите его.“

Несчастнаго Рипполя, полупомѣшаннаго и почти потерявшаго сознание, втащили на эшафотъ; палачъ накинулъ ему на шею роковую петлю и затянулъ ее.

Въ то же время справа и слева отъ эшафота поднялось пламя, чтобы придать казни наружную форму сожженія. Трупъ брошенъ былъ въ бочку и пущенъ по волнамъ Гвадалквивира, потомъ переданъ братіи кающихся, которые и зарыли его въ неосвященную землю.

И это происходило въ Испаніи, въ 1826-мъ году!

Г. Г.

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

IV.

Говоря о современныхъ событіяхъ въ расколѣ, на основаніи отдѣльныхъ, не легко приобретаемыхъ документовъ, мы не имѣли возможности въ изложеніи ихъ достигнуть той строгой исторической посаждовательности и той обстоятельности, которыхъ бы желали: съ полученіемъ новыхъ документовъ приходилось дополнять и даже отчасти исправлять прежде сообщенныя свѣдѣнія. Сдѣлаемъ думать, что читатели извинятъ намъ эти невольныя неточности въ уваженіи нашего искренняго желанія — скорѣе знакомить ихъ съ интересными событіями, происходящими въ столь мало вообще знакомомъ и мало доступномъ раскольничьемъ мірѣ. Руководясь тѣмъ же побужденіемъ, и на сей разъ намѣрены мы сообщить въ некоторыя дополненія къ прежнимъ статьямъ о расколѣ, по двумъ любопытнымъ документамъ, которыхъ прежде не имѣли подъ руками: они именно дополняютъ новыми рѣзкими чертами печальную картину той усобицы, которая такъ сильно волнуетъ теперь старообрядческое общество, и сообщаютъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о главныхъ сообщникахъ Кирилла.

Передъ отъѣздомъ Кирилла изъ Москвы, какъ мы говорили въ свое время, московскій соборъ раскольничьихъ архіереевъ препроводилъ къ нему, 10 марта, грамоту, въ

* См. Рус. Вѣст. №№ 5, 7 и 11.

которой между прочимъ было сказано: „за противозаконныя, никакъ нетерпимыя церковію ваши дѣянія, вы, по силѣ нашего объявленія (отъ 28 февр.) и къ оному дополненія, съ наложениемъ запрещенія отъ священнодѣйствія, подлежите суду большаго освященнаго собора **“. Это — „дополненіе къ объявленію, послѣдовавшему 28 прошлаго февраля мѣсяца,“ состоявшееся 7 марта, и есть одинъ изъ упомянутыхъ нами документовъ. Въ немъ дѣйствительно содержится опредѣленіе, въ силу котораго, на основаніи церковныхъ правилъ, митрополитъ Кириллъ извергается изъ сана съ запрещеніемъ священнодѣйствія. И само по себѣ это опредѣленіе очень любопытно и важно для уясненія современнаго положенія раскола; но еще любопытнѣе и важнѣе въ этомъ отношеніи характеръ его изложенія,—тотъ духъ крайняго негодованія, презрѣнія и вражды къ Кириллу и его сообщникамъ, которымъ все оно проникнуто.

Поводомъ къ составленію этого акта, подписаннаго четырьмя раскольничьими епископами—Антоніемъ, Онуфріемъ, Пафлутіемъ и Вараамомъ, послужило то обстоятельство, что Кириллъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы поставилъ своего спутника Сергія епископомъ въ Тулу *. Это онъ сдѣлалъ; какъ и слѣдовало ожидать, безъ вѣдома и согласія составлявшихъ московскій соборъ епископовъ, съ которыми находился уже въ раздоръ, а единственно, какъ сказано въ дополненіи, „ограждая себя неприступностію своей особы; съ содѣйствіемъ крамольныхъ гражданъ и при участіи одного епископа Софронія.“ Такимъ противозаконнымъ дѣйствіемъ Кирилла „освященный соборъ“ крайне оскорбленъ. Онъ видѣлъ, что всѣ „многokrатно и долговременно представляемыя ему законныя замѣчанія“ Кириллъ оставляетъ въ совершенномъ пренебреженіи,—и вотъ наконецъ, „какъ вовсе забытому оному обязанности и поправшему совѣсть“, предлагаетъ ему въ трехъ пунктахъ свое высшее рѣшеніе.

Въ первомъ раскольничьи архіереи напоминаютъ своему первосвятителю, что епископы, за самовольное распоряженіе въ чужой епархіи, „на основаніи церковныхъ пра-

* См. Рус. Вѣст. № 5, стр. 393.

** См. тамъ же стр. 394.

виль, подлежатъ запрещенію, изверженію и даже (что весьма страшно и ужасно) отлучаются отъ причащенія святыхъ таинъ и при самой смерти.“ „И этому, продолжаютъ они обращаясь къ Кириллу, — ужасному суду вы неминуемо подложите; обо притязаніе ваше и вдирательство въ управленіе русскою іерархіей для всѣхъ очевидно. Но вы, кромѣ *крайняго и вѣсьма почти извѣстнаго, къ стѣду древлеправославной іерархіи, невѣжества, малограмотности и проч. и проч. и проч. недостатковъ*, послѣ изданнаго 4 февр. 1853 года на Владимірскую архіепископію устава, не только управлять сею областію, но и священнодѣйствовать, по святоотеческому опредѣленію (*Корм. л. 599*), безъ дозволенія мѣстнаго епископа или правителя сею областію, отнюдь не имѣете никакого права; ибо сія (Русская) область состояла уже нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи архіепископа Антонія Владимірскаго, а по немъ, по силѣ состоявшейся 15 ноября 1861 года довѣрительной грамоты *, въ вѣдѣніи епископа Онуфрія и сущихъ въ сей области епископовъ. Вы же, не понимая своего значенія и не зная ограниченія своему продержанію, единственно изъ видовъ притязанія, сдѣлавшись безстыднымъ похитителемъ священныхъ правилъ и безстрашнымъ разорителемъ отеческихъ преданій, сверхъ неминуемой для васъ самихъ гибели, влечете еще за собою въ сію же опасную пропасть многія души христіанъ, которые простодушню не могутъ различить тьму отъ истины, и слѣдуя за вами, какъ слѣпцы за слѣпцомъ, впадая въ яму, воспринимаютъ чрезъ ваше самовольное, небогоугодное священнодѣйствіе, вмѣсто благословенія, отлученіе церковнаго единенія.“

Во второмъ пунктѣ указаны правила, воспреещающія епископу въ частности поставять даже причетника въ чужомъ предѣлѣ безъ вѣдома мѣстнаго епископа; въ силу этихъ правилъ Кириллъ подлежитъ изверженію, какъ поставившій Сергія вопервыхъ безъ совѣта епископовъ русской области, во вторыхъ въ чужомъ предѣлѣ.

Наконецъ, въ третьемъ пунктѣ говорится подробно, что за человекъ этотъ Сергій, котораго такъ незаконно

* Итакъ, вотъ съ котораго времени Онуфрій состоялъ въ званіи предсѣдателя московскаго собора, управлявшаго общими церковными дѣлами у раскольниковъ во всей Россіи.

Кирилъ посвятилъ въ епископа, и приводятся правила, воспрещающія возводить на епископскую степень людей съ тѣми качествами, какими несомнѣнно извѣстенъ Сергій. „Кажется, уже всему свѣту извѣстно,“ говорится въ этомъ пунктѣ, „что этотъ Сергій за двукратное похищеніе монастырскихъ денегъ, на которыя онъ купилъ себѣ домъ, еще въ 1860 году руссійскимъ освященнымъ соборомъ, на основаніи святыхъ Апостолъ 25 правила, номокан. пр. 49, подвергнутъ изверженію, о чемъ и рукоприлагательно (?) извѣстно. Этотъ Сергій, въ 1859 году, при проѣздѣ черезъ границу, былъ задержанъ правительствомъ и при допросѣ въ городѣ Хотинѣ отъ своего священнаго сана рѣшительно отказался, о чемъ двѣнадцать человекъ нашихъ христіанъ и двѣнадцать Молдаванъ подъ присягою подтвердили, что онъ дѣйствительно простолюдинъ, а не священникъ, за что по опредѣленію 62 апостольскаго правила подлежитъ неминуемому изверженію. Этотъ Сергій покушался обманомъ, татьски, получить въ Москвѣ 12,000 полуимперіаловъ, по составленному имъ замышленному акту, который подтверждаетъ подписью и печатью митрополита. Не святотатство ли это и хищничество, ни въ какихъ случаяхъ не только священнымъ лицамъ, но и простолюдинамъ отнюдь непозволительныя? Этотъ Сергій, какъ личные свидѣтели доказываютъ, находился, будучи уже священно-инокомъ, въ гнусномъ блудодѣяніи, за каковое, по опредѣленію Св. Апостолъ пр. 25, Неекесарійскаго собора пр. 1, Св. Василия Великаго пр. 3 (Маттея правил. сост. 80, гл. 15; номокан. при большомъ іосифовскомъ требникѣ л. 704 и 724), подлежитъ изверженію до той степени: „аще и мертвыхъ бы воскресилъ, но священнодѣйствовать отнюдь не можетъ“. Этотъ, наконецъ, Сергій, вслѣдствіе поданнаго въ январѣ мѣсяцѣ сего года митрополиту Кириллу прошенія отъ Яскаго, Батаманскаго, Бѣлокрилицкаго и Климоуцкаго обществъ и всего монастырскаго братства, за разные дурные поступки, доказанные братствомъ, обществомъ и разными посторонними письмами, по опредѣленію самого митрополита, изъ монастыря былъ выгнанъ и архимандритства лишень, съ тѣмъ, чтобъ онъ, Сергій, не имѣлъ никакаго права вступать въ монастырь, не давать ему никакихъ довѣренностей и никогда ни въ какой монастырскій совѣтъ не принимать, наипаче же въ высшій чинъ ли подѣ

какимъ видомъ отнюдь не производить. И это опредѣленіе, или грамота, какъ мы достоверно знаемъ, подписана Кирилломъ своеручно.“

„Что же послѣ этого? Касающійся титула верховнаго святителя, *ѡскакій Кириллъ* тою же самою рукою, которою подписалъ грамоту на изгнаніе изъ монастырскаго обществія безчинника Сергія, *пребеззаконно, нагло и буйственно* рукополагаетъ его въ епископа; тѣми же самыми устами которыми произносилъ опредѣленіе — за порочныя качества Сергія никакъ не производить въ высшій чинъ, *безстыдно и безстрашно* возглаголюетъ достойна быти святительскаго сана, призываетъ божественную благодать на него, стократному изверженію подлежащаго, церковнаго блазвителя и святотатца, злокачественнаго Сергія! Оле, крайняго и плача достойнаго осавпаенія! О, ужасъ всѣхъ ужасовъ превосходящій!“

Въ заключеніе, соборъ „боголюбивыхъ епископовъ“ объявляетъ своему митрополиту: „по силѣ приведенныхъ на ваши преступленія апостольскихъ и соборныхъ святоотеческихъ опредѣленій, неминуемо должны вы подвергнуться изверженію; а съ тѣмъ вмѣстѣ гласомъ церкви извѣщаемъ васъ, что съ сего времени вы отнюдь не можете приступать къ отпращиванію священнослуженія впредь до соборнаго суда и рѣшенія; но постарайтесь какъ можно отпавиться во своихъ. Оному же злодѣйственному безчиннику, святотатцу, отнѣтнику священнаго сана и блазвителю церковному Сергію, подлежащему многократному изверженію, заповѣдуемъ — отнюдь никакъ и никогда не касаться священнодѣйствія.“

Теперь ставится еще понятіе, почему Кириллъ съ своей стороны также рѣзко, хотя все-таки не такъ смѣло, возсталъ противъ Онуфрія и его сообщниковъ по возвращеніи своемъ въ Бѣлую-Кривицу, почему призналъ необходимымъ оставить, скрѣпить подписью даже несчастнаго Амвросія и съ нарочными препроводить въ Россію соборное опредѣленіе противъ своихъ московскихъ судей, опредѣленіе, о которомъ мы говорили въ прошедшій разъ. Пусть читатели сопоставятъ теперь оба акта, и для нихъ понятно будетъ, что такое дѣется нынѣ въ старообрядческомъ мірѣ... Вѣданы старообрядцы! Ужели не поймутъ они и теперь, что за люди эти духовные вожди, которымъ они вѣрили

свое спасеніе? Ужели не стыдятся они этихъ мнимыхъ архипастырей своихъ, которые къ общему соблазну понесать другъ друга самыми поносными ругательствами, обличаютъ одинъ другаго въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ? Они могутъ, пожалуй, не довѣрять нашимъ отзывамъ и сужденіямъ объ ихъ духовныхъ властяхъ; но не могутъ же они не вѣрять тому, что говорятъ сами ихъ архіереи. А ихъ архіереи говорятъ наприимѣръ объ одномъ изъ своей среды, что его невѣжество, малограмотность и прочіе, и прочіе, и прочіе недостатки извѣстны всѣмъ и служатъ къ стыду древле-православной (то-есть раскольниковъ) іерархіи. И о комъ же это? О самомъ Бѣлокриницкомъ первосвященникѣ, о томъ пресловутомъ митрополитѣ Кириллѣ, который такъ самодовольно величаетъ себя главою и верховнымъ пастыремъ старообрядцевъ, которому обязаны своимъ мнимо-епископскимъ званіемъ и тѣ самые архіереи, которые дѣлаютъ теперь такой лестный отзывъ объ его умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ*. Они же пишутъ о другомъ епископѣ, что онъ всему свѣту извѣстемъ, какъ святотатецъ, дѣлатель фальшивыхъ документовъ, обличенный и въ другихъ не менѣ позорныхъ дѣлахъ.... А эти проклятія, отлученія, изверженія изъ сана, которыми раскольничьи архіереи взаимно осыпаютъ другъ друга, прикрываясь авторитетомъ соборной власти? Позволяемъ себѣ спросить старообрядцевъ: есть ли у нихъ въ настоящее время хоть одинъ архіерей, который не находился бы подъ запрещеніемъ? И есть ли слѣдовательно самая іерархія? Въ Москвѣ Антоній и Онуфрій съ братіей страшными клятвами предають отлученію Кирилла и его единомышленниковъ; въ Бѣлой Крилицѣ въ свою очередь Кириллъ и его братія произносятъ соборное отлученіе на Онуфрія съ Антоніемъ и всѣми ихъ сообщниками: такимъ образомъ никто не избѣгаетъ

* Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что Антоній рукоположилъ Кирилломъ. Впрочемъ самъ Кириллъ почитаетъ всѣхъ раскольниковъ архіереевъ отъ него получившими свою духовную власть. Онъ пишетъ наприимѣръ въ своемъ *Архипастырскомъ увѣщаніи* объ Онуфріи и другихъ епископахъ: „Она ужаса и отчаянности! како они, негубимъ страхъ Божій, обружаются на своего отца и виновника ихъ существованія, забывше, отъ коего источника почерпнуша воду благодароваго священства! возстають противъ главы, невѣдуще, яко имаху власть отъ Св. Духа однимъ словомъ, связати ихъ и развязати.“ И вотъ такого-то полномочнаго главы и отца они называютъ *убалкимъ Кирилломъ*.

проклятія съ той, или другой стороны. Грустное и возмутительное явленіе, возможное только въ обществѣ, поставленномъ на такихъ шаткихъ и ложныхъ религіозныхъ основахъ, какъ общество нашихъ старообрядцевъ, но вмѣстѣ и явленіе поучительное для этихъ послѣднихъ, которое самымъ существованіемъ своимъ, казалось бы, должно вразумить ихъ, открыть имъ глаза. Не пора ли имъ, въ самомъ дѣлѣ, понять наконецъ, что нечего имъ ждать отъ ихъ жалкой іерархіи, что только въ принятіи законнаго, правильно поставленнаго священства они могутъ найти себѣ спасеніе и миръ совѣсти: ибо истиннымъ пастыремъ только и можетъ быть — *входяй дверми во дворъ овчій; отъхъ же, кто прилазитъ иному*, самъ Господь сказалъ, кто они такіе....

Теперь нѣсколько словъ о другомъ документѣ. Это— „Писемно архидіакона Филарета къ боголюбивому епископу Онуфрію съ прочими боголюбивыми іерархами“.

Архидіаконъ Филаретъ, какъ извѣстно читателямъ, вмѣстѣ съ Сергіемъ сопровождалъ Кирилла въ Москву и вмѣстѣ съ обоими послѣдними изгнанъ былъ оттуда московскимъ соборомъ *. Онъ, какъ видно, состоялъ при Кириллѣ въ качествѣ письмоводителя: всѣ распоряженія Кирилла въ Москвѣ были писаны его рукою, и между прочимъ опредѣленіе противъ окружнаго посланія и отлученіе Онуфрія, съ уничтоженіемъ данныхъ ему, какъ намѣстнику, полномочій **. За это участіе въ дѣйствіяхъ Кирилла, Филаретъ и подвергся осужденію отъ Онуфрія, который жаловался на него и въ письмахъ къ кому-то въ Белокрыжкѣй монастырь. Видно гдѣ Онуфрія и его союзниковъ составляетъ очень чувствительное обстоятельство для тѣхъ, кто имѣлъ неприятность его явленчъ, и напротивъ союзъ съ Кирилломъ и его защитникамъ составляетъ не слишкомъ отрадное приобрѣтеніе. По крайней мѣрѣ, Филаретъ почелъ необходимымъ, вскорѣ по возвращеніи въ Белою Крилицу (письмо писано отъ 17 апр.), оправдаться предъ Онуфріемъ, доказать ему свою невинность относительно „происшедшаго, оружіемъ бытности господина митрополита въ Москвѣ, церковнаго возмущенія и междуусобнаго возстанія“. Онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что былъ неволь-

* См. *Руск. Вѣстн.* № 5, стр. 393.

** О томъ и другомъ актѣ см. тамъ же № 11, стр. 469.

ыми орудіемъ въ рукахъ Кирилла, Сергія и Софронія. Письмо его носитъ слѣды искренности и правдивости и даетъ понятіе о средствахъ, какими дѣйствовали въ Москвѣ Кирилла и всѣ противники *Окружнаго Посланія*.

Филаретъ пишетъ, что послѣ перваго же свиданія съ Онуфріемъ въ Москвѣ, онъ возбуждалъ противъ себя подозрѣніе со стороны Кирилла съ братіей, и что они изъ опасенія, какъ бы онъ не перешелъ къ противникамъ ихъ, все время пребыванія въ Москвѣ содержали его подъ стражей. Что же касается составленія бумагъ, то онъ увѣряетъ, что противъ каждой дѣлалъ возраженія, которыя однако не были приняты во вниманіе. Особенно, пишетъ онъ, возражалъ я на опредѣленіе противъ *Окружнаго Посланія*, „которое (посланіе) всегда считаю правильно полезнѣйшимъ и необходимымъ средствомъ для опроверженія какъ безпоповскихъ, равно и раскольническихъ кривотолковъ“. Возражалъ и противъ запрещенія Онуфрія, поставая на видъ, „какая отъ того противность можетъ послѣдовать, что и дѣйствительно исполнилось“. Уклониться же отъ составленія бумагъ ему было невозможно, потому что при этомъ Кирилла употребилъ противъ него свою архіерейскую власть, а Сергіій, будучи духовнымъ отцомъ его, отеческую. Онъ прибавляетъ впрочемъ, что ему принадлежитъ только изложеніе актовъ; а матеріалы для нихъ—церковныя правила собирали іерей Григорій Добрянскій и епископъ Софроній. Объ этомъ послѣднемъ Филаретъ дѣлаетъ любопытную замѣтку, которая хорошо объясняетъ, почему Софроній такъ тѣсно прикнулъ къ Кириллу и такъ подстрекалъ его дѣйствовать противъ Онуфрія и Антонія: „яко же есмь, жаждущій на источникахъ водьяма, такъ и онъ отренился на воспріятіе восхыщенія московскаго престола“*. „Словомъ сказать, прибавляетъ Филаретъ, еслибъ я вамъ описалъ всѣ

* Въ дополненіе къ тому, что сказали мы о Софроніи въ предыдущей статьѣ (См. *Руск. Вѣст.* № 11, стр. 466—467), сообщаемъ здѣсь изъ недавно изданной, весьма любопытной книги: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*, свидѣнія объ этомъ раскольничьемъ архіерей, собранныя путемъ офиціальнымъ. „Онъ (Софроній) уроженецъ Калужской губерніи, крестьянинъ изъ-подъ Боровска; мірское имя его: Стефанъ Трифоновъ Жировъ. Онъ женатъ и жена его была жива въ то время, какъ онъ посвященъ въ епископы; отъ этого брака имѣлъ дочь. Софроній содержалъ прежде постоялый дворъ въ Москвѣ, а потомъ исправлялъ должность дьячка при какомъ-то бѣгомъ попѣ. Онъ трезваго поведенія, но до не

обстоятельства подробно, вы не стали бы меня обвинять; но въ описаніи всего должна бы составиться *цѣлая книга*....“

Въ доказательство, что всѣ эти объясненія совершенно справедливы, Филаретъ приводитъ разказъ о своемъ личномъ объясненіи съ Кирилломъ, въ присутствіи одного изъ сторонниковъ Онуфрія. Нѣкто, іеромонахъ Никольскаго Мануиловскаго монастыря, Іоасафъ пріѣхалъ въ Бѣлую Крилицу и увидясь съ Филаретомъ, урекалъ его за то, что онъ: дѣйствовалъ въ Москвѣ противъ Онуфрія и противъ *Окружнаго Посланія*, не принимая во вниманіе никакихъ его оправданій. Тогда Филаретъ предложилъ ему отправиться вмѣстѣ къ Кириллу и обѣщалъ повторить тамъ, предъ самимъ Кирилломъ, всѣ свои объясненія. „Что и сдѣлано ту же минутой, пишетъ Филаретъ; я въ присутствіи его, то-есть отца Іоасафа, жадуясь господину митрополиту, что вы напрасно меня обвиняете, сказывалъ все по порядку, не такъ ли то и то дѣло происходило, напримѣръ: не былъ ли я столько-то времени подъ стражею, и не по приказанію ли вашему составлялъ бумаги о неправильности (?); какъ я всегда дѣлалъ возраженія; не говорилъ ли я вамъ, что вамъ

имовѣрности корыстолюбивъ и аччезъ къ деньгамъ; не отличаяся умомъ не считалъ, мало зная церковный уставъ и Коричную книгу. Когда (по возведеніи въ санъ епископа) онъ поднялся въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, то сильная партія раскольниковъ отвергла его; за ними послѣдовали Сусловцы (отрасль безпоповщины (?)). Что случилось въ Москвѣ, то повторилось въ разныхъ мѣстахъ Россіи, куда ѣздилъ Софроній, именно въ Казани, Городцѣ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, у Уральскихъ казаковъ и вообще гдѣ онъ ни являлся, вездѣ возннкали двѣ партіи: одна его признавала, а другая отвергала, какъ незаконно поставленнаго. Разъѣзжалъ онъ подъ именемъ стародубскаго монаха и только самымъ надежнымъ людямъ открывался. Живя на Рогожскомъ кладбищѣ онъ служилъ нѣсколько разъ обѣдню, освящалъ антимины и рукополагалъ священниковъ. Тутъ онъ возбудилъ неудовольствіе даже между своими приверженцами корыстолюбивымъ. Въ Казани онъ также служилъ обѣдню. Изъ Казани онъ возвратился въ Москву, оттуда ѣздилъ по восточной части Европейской Россіи. Въ Вольскѣ, Саратовской губерніи, его чуть не схватили; оттуда онъ бѣжалъ на Донъ, съ Дона возвратился въ Москву и снова началъ разъѣзжать по Владимирской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Оренбургской, Самарской и Саратовской губерніямъ. Корыстолюбіе Софронія, все болѣе и болѣе возрастая, лишило его хорошаго мнѣнія, такъ что даже поставленные имъ попы перестали признавать его правильнымъ архіереемъ, какъ получившаго хиротонію въ землѣ латинской, и большинство поставленныхъ Софроніемъ поповъ (за деньги) оказались людьми несвѣдущими и дурнаго поведенія. Ему дали даже прозвище „Австрійская квашня“ за его тучность.“ (*Исп. Мин. Вн. дѣлъ* кн. VIII, стр. 647—649.)

слѣдуетъ съ братією епископами согласіе имѣть, а не съ мірскими, кто бы они ни были, и не исполнилось ли мое предсказаніе, которое я вамъ постоянно толковалъ, и такъ далѣе. Господинъ митрополитъ (поставивъ *жсакій* господи́нь митрополитъ) *принужденъ* былъ все за истое признать.“

Къ этому письму прибавлять нечего: оно говоритъ само за себя. Изъ него видно, что ближайшіе сторонники Кирилла, сколько-нибудь добросовѣстные, отступаются отъ него, и остается онъ съ одними Софроніями и Сергіями. Вообще, въ этой соблазнительной усобицѣ, какая идетъ теперь у раскольниковъ духовенства, на сторонѣ Онуфрія и всѣхъ вообще поборниковъ *Окружнаго Посланія* все-таки находится болѣе правды, насколько можно находить здѣсь правду. И еслибъ они имѣли твердость поддержать *Окружное Посланіе* противъ невѣжественнаго крика гусацкихъ и другихъ раскольниковъ, особенно еслибъ имѣли добросовѣстность сказать новое, еще болѣе непристрастное слово въ пользу православія, ихъ заслуга была бы велика; теперь же, позорно отказавшись отъ своихъ собственныхъ словъ въ *Посланіи*, пожертвовавъ въ первый разъ высказанною ими, хотя, по всей вѣроятности, и давно сознаваемою истиной — бессмысленнымъ толкамъ грубой, невѣжественной толпы, они наложили на себя темное пятно, которое могутъ смыть только новыми, болѣе искренними и твердыми дѣйствіемъ въ пользу союза съ церковію.

Н. С—НЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

НОЯБРЬ.

Февр. љская революція во Франціи. <i>В. К. Рѣвскаго.</i>	5
Мѣстное самоуправленіе въ Англіи. <i>Д. А. Канниста.</i>	112.
Моя судьба. Повѣсть. (Окончаніе.) <i>М. Камской.</i>	137 ✓
Замѣтки изъ путешествія по Далмаціи и Черногоріи. <i>І. А. С. Троянскаго.</i>	225 ✓
Стихотвореніе. <i>А. А. Фета.</i>	260
Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. <i>ІІІ. М. ІІ. Погодина.</i>	261 ✓
Изъ прошлаго. <i>І. Статистическія свѣдѣнія. ІІ. Лугъ Воронецъ. Д. И. Иловайскаго.</i>	366
О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. <i>ІІІ. Способъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ обращеніе и различіе ассигнаціонной денежной системы отъ банковской. В. ІІ. Безобразова.</i>	376
Жизнь въ Амурской ставлицѣ. <i>Амурскаго хлѣбопашца.</i>	417 ✓
Современныя движенія въ расколѣ. <i>ІІІ. Н. С—на.</i>	455

ДЕКАБРЬ.

Новгородская губернія сто лѣтъ тому навадъ. Изъ біографіи графа Северса. <i>Д. И. Иловайскаго</i>	479
Объ улучшеніи быта духовенства. <i>Н. Волжскаго</i>	503
Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. (Окончаніе.) <i>М. П. Погодина</i>	537
Фотографія Венеціи. Стихотвореніе. <i>Кн. П. А. Вяземскаго</i>	588
Личная Повѣсть. <i>Новинской</i>	591
Францъ Шубертъ. <i>Н. Христіановича</i>	643
Два брата. Повѣсть. <i>Т. Толычовой</i>	685
О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. (Окончаніе.) <i>В. П. Безобразова</i>	748
Парижъ въ Америкѣ. <i>М. З.</i>	795
Замѣтки изъ путешествія по Далмаціи и Черногоріи. <i>П. А. С. Троянскаго</i>	807
Черкесы, Казаки и Ацехѣ. <i>Ф.</i>	
Замѣтка по поводу статьи: „Послѣднее ауто-да-фе въ Севильѣ“. <i>Г. Г.</i>	847
Современныя движенія въ расколѣ. VI. <i>Н. С—на</i>	869

